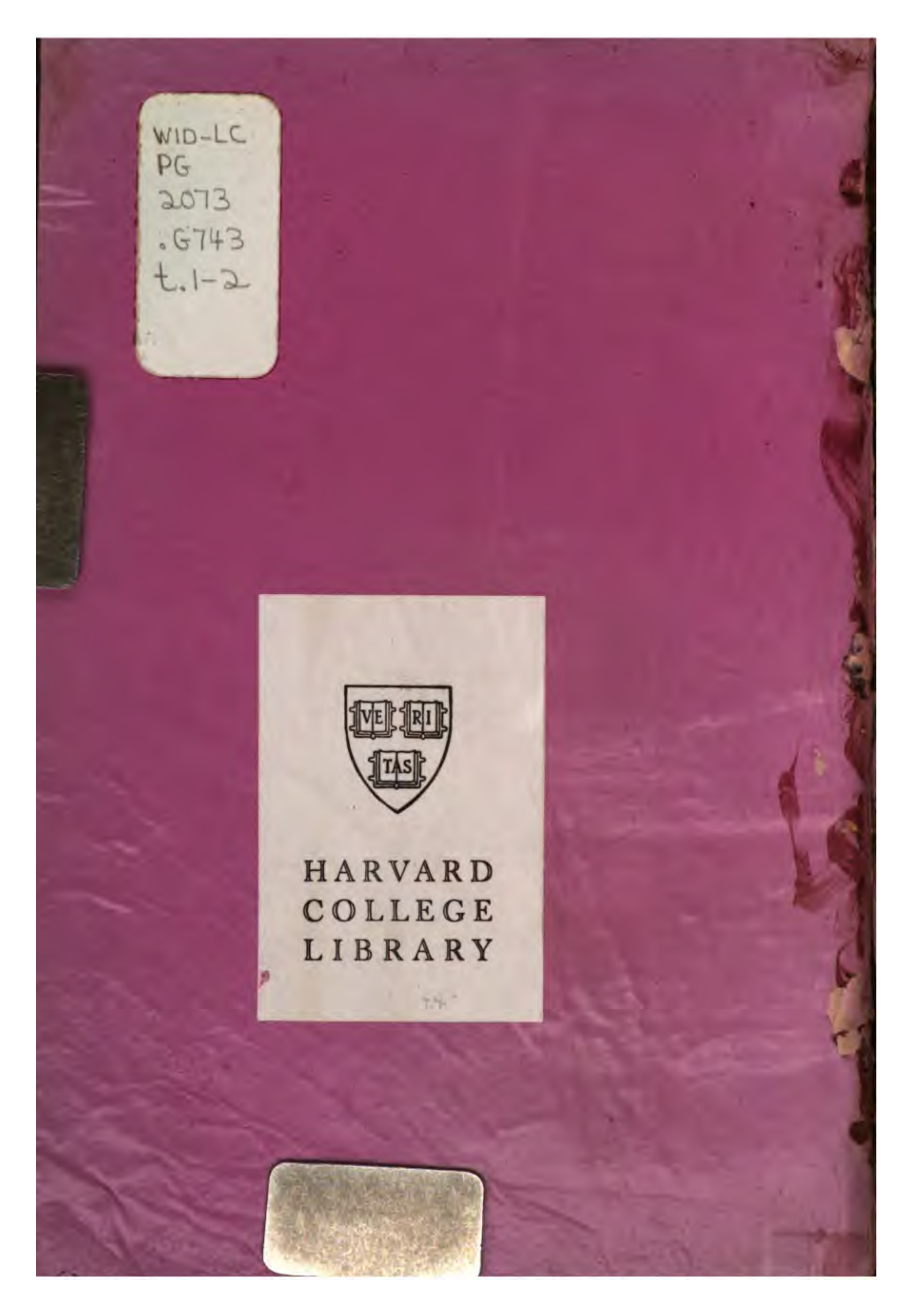

WID-LC
PG
2073
.G743
t.1-2
VE RI TAS
HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ РАЗЫСКАНІЯ

Я. ГРОТА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ, ГРАММАТИКИ И ИСТОРІИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

ТРЕТЬЕ, ЗНАЧИТЕЛЬНО ПОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1885.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, февраль 1885 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Выпуская свои *Филологическія Разысканія* третьимъ изданіемъ, замѣчу только, что въ первый томъ вошло нѣсколько новыхъ статей, написанныхъ мною въ послѣдніе годы; сверхъ того прибавлена одна статья болѣе отдаленнаго времени („Объ элементарномъ преподаваніи русскаго языка“), которая при двухъ первыхъ изданіяхъ была упущена изъ виду.

Относительно перемѣнъ, сдѣланныхъ во второмъ томѣ, отсылаю читателей къ помѣщенному тамъ предисловію.

Я. Гротъ.

Декабрь 1884.

СОДЕРЖАНІЕ

МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ СЛОВАРЯ, ГРАММАТИКИ И ИСТОРІИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Къ соображенію будущихъ составителей русскаго словаря.

Матеріалы для русскаго словаря.

Указатели:

НАРОДНЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫКЪ.

Толковый словарь живаго великорускаго языка, В. И. Даля[1].

Четыре части въ большую четвертку; LIV и 2388 стр. (не считая прибавленій). Москва. 1863—1866.

Чтобы лучше выяснить идею и цѣль Словаря Даля, нужнымъ считаю напередъ взглянуть на ходъ развитія русскаго письменнаго и вообще образованнаго языка.

Русскій языкъ не избѣгъ судьбы большей части языковъ: въ различныхъ соприкосновеніяхъ съ другими націями народъ русскій, особливо же грамотная часть его, заимствовалъ у нихъ множество словъ, которыя болѣе или менѣе тѣсно и прочно сроднились съ его языкомъ. Такія заимствованія происходятъ во всякое время, по мѣрѣ потребности, вслѣдствіе усвоенія извнѣ новыхъ понятій и знакомства съ новыми предметами; но бываютъ эпохи, когда заимствуются цѣлыя сферы новыхъ идей, а оттого и цѣлые разряды словъ. Подобныхъ эпохъ въ жизни русскаго народа было нѣсколько. Оставляю въ сторонѣ заимствованія, сдѣланныя издревле, во время вѣкового сожительства или сосѣдства съ племенами германскими, чудскими и татарскими, которое влекло за собою обмѣнъ предметовъ вседневнаго быта и ихъ названій: разу-

[1] На основаніи этого разбора покойному В. И. Далю присуждена Ломоносовская премія въ 1870 году.

мѣю только такіе событія или перевороты, которые, пробуждая неизвѣстныя прежде духовныя потребности, заставляли брать и готовыя слова для означенія соотвѣтственныхъ понятій. Главными событіями этого рода были для Россіи: введеніе христіанской вѣры, учрежденіе школъ по польскому образцу, сперва въ Кіевѣ, а потомъ въ Москвѣ, и наконецъ преобразованія Петра Великаго со всѣми ихъ, еще и понынѣ продолжающимися, послѣдствіями. Естественно, что при заимствованіи извнѣ понятій, обычаевъ, обрядовъ, изобрѣтеній и учрежденій, языку трудно поспѣвать за развитіемъ идей, и онъ пользуется самымъ легкимъ способомъ обогащенія, т. е. беретъ нужныя слова изъ другихъ языковъ. При этомъ, однакожъ, онъ слѣдуетъ троякому пути: либо усвоиваетъ себѣ чужія слова безъ всякаго измѣненія (кромѣ окончаній, по требованіямъ языка), напр. *библія*, *икона*, *генералъ*, *солдатъ*, *протестъ*, *прогрессъ*; либо передѣлываетъ ихъ по-своему, напр. *церковь*, *налой*, *кадило*, *просвира*, *исполать*, *футляръ*, *тарелка;* либо наконецъ переводитъ слово и употребляетъ словосоставленія по чужеязычному образцу, напр.: *благословлять*, *провидѣніе*, *побѣдоносный*, *землеописаніе*, *любомудріе*, *вліяніе*, *трогательный*, *послѣдовательность*, *цѣлесообразный*.

Удобство подобныхъ заимствованій, особенно перваго изъ показанныхъ трехъ способовъ, допускающаго введеніе любого иностраннаго слова съ придачею ему только своенароднаго окончанія, во всѣ времена легко порождало злоупотребленія, которыя въ свою очередь нерѣдко вызывали противодѣйствіе. Полнѣйшую свободу въ этомъ отношеніи позволялъ себѣ самъ Петръ Великій, безпрестанно употреблявшій (иногда съ обозначеніемъ русскаго перевода) иностранныя слова, какъ-то: *баталія*, *викторія*, *фортеція*, *ассамблея*, *амбиція*, *имперіумъ*, и составлявшій въ томъ же родѣ собственныя имена: *Петербургъ*, *Кронштадтъ*, *Ораніенбаумъ*, *Катерингофъ*. Такъ же точно обращались съ языкомъ современные Петру писатели и переводчики. Во время господства иноплеменниковъ, наставшаго послѣ смерти Петра, дѣло не могло измѣниться къ лучшему. При Елизаветѣ же Петровнѣ произо-

шло патріотическое движеніе, которое въ литературѣ отразилось дѣятельностью Ломоносова. Главный протестъ противъ искаженія языка заявилъ онъ въ своемъ знаменитомъ разсужденіи *О пользѣ книгъ церковныхъ*, указывая на чтеніе ихъ какъ на вѣрнѣйшее средство уберечься отъ излишняго пристрастія къ иноземнымъ языкамъ. «Старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ кореннаго Словенскаго языка съ Россійскимъ», говоритъ онъ, «отвратятся дикія и странныя слóва нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ..... Оныя неприличности нынѣ небреженіемъ чтенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительно, искажаютъ собственную красоту нашего языка, подвергаютъ его всегдашней перемѣнѣ и къ упадку преклоняютъ. Сіе все показаннымъ способомъ пресѣчется»[1]... Но Ломоносовъ, очищая лексическій составъ письменнаго языка, вмѣстѣ съ тѣмъ надолго утвердилъ введенную еще до него духовными писателями совершенно несвойственную русской рѣчи латинскую конструкцію.

Послѣдователи Ломоносова, усвоивъ себѣ его уваженіе къ церковно-славянскимъ книгамъ, но не обладая его сдержанностью въ обращеніи съ языкомъ, обезобразили письменную рѣчь злоупотребленіемъ славянизмовъ. Это вызвало другую крайность: тѣ, которыхъ не удовлетворялъ такой слогъ, обратились къ новѣйшимъ иностраннымъ языкамъ и стали въ нихъ искать себѣ образцовъ, особенно во французскомъ. Такъ въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, рядомъ съ языкомъ славяномановъ образовался, въ противоположность ему, «французскій штиль», и явились двѣ враждебныя школы, которыя не могли долго существовать одна возлѣ другой. Побѣдить должна была та изъ нихъ, на сторонѣ которой окажется болѣе здраваго смысла, вкуса и таланта. Эти преимущества соединилъ въ себѣ Карамзинъ: чуждаясь крайностей того и другого направленія, но склоняясь ко второму, болѣе современному, онъ удержалъ изъ него все то, что

[1] *Соч. Ломоносова*, изд. Смирд. Спб. 1847, т. I, стр. 533.

было согласно съ духомъ родного слова, сталъ писать очищеннымъ разговорнымъ языкомъ, усвоилъ себѣ естественный складъ рѣчи и вмѣстѣ то изящество выраженія, которому научился у лучшихъ европейскихъ писателей.

Понятно, что приверженцы славянщины не хотѣли безъ отчаянной борьбы уступить непріятелю спорное поле, и вотъ изъ рядовъ ихъ вышелъ рьяный борецъ за сохраненіе стараго слога. Шишковъ не хотѣлъ видѣть, что Карамзинъ и лучшіе изъ его послѣдователей, не изгоняя вполнѣ иностранныхъ словъ, вводя даже вновь такія, которыя казались имъ необходимыми, старались однакожъ избѣгать варваризмовъ и по возможности замѣнять русскими тѣ иноязычныя слова, для которыхъ можно было на родномъ языкѣ удачно пріискать соотвѣтствующія. Хотя въ сущности всѣ нововведенія карамзинской школы были равно ненавистны Шишкову, но онъ напалъ на нее особенно съ той стороны, съ которой она казалась ему всего болѣе уязвимою, именно со стороны заимствованій изъ другихъ новѣйшихъ языковъ. Осмѣивая встрѣчавшіяся въ *новомъ слогѣ* французскія слова, Шишковъ преслѣдовалъ и вообще всякіе неологизмы, напр. слова, составленныя по образцу иностранныхъ (*вліяніе, трогательный*), а также употребленіе прежнихъ словъ въ новомъ обширнѣйшемъ значеніи (*развитіе, потребность, переворотъ*) и вмѣсто того предлагалъ древнія слова, непонятныя современному русскому человѣку и дикія для его слуха, а по тому самому противныя даже ломоносовской теоріи письменнаго языка, какъ напр. *непщевать, гобзованіе, углѣбать, приснотекущій, умодѣліе* и т. п. Извѣстно, что нападенія Шишкова на новый слогъ имѣли только отрицательное дѣйствіе: ни одно изъ предложенныхъ имъ старинныхъ или имъ самимъ скованныхъ словъ и реченій не было принято, никто не сталъ выражаться такъ, какъ онъ совѣтовалъ; но его обвиненія заставили Карамзина и другихъ тогдашнихъ писателей обращать болѣе вниманія на свой письменный языкъ, быть осмотрительнѣе въ употребленіи иностранныхъ словъ и оборотовъ. Мало того: Карамзинъ, трудясь надъ своей *Исторіей*, сталъ

глубже всматриваться въ языкъ лѣтописей и изъ него почерпать архаизмы, конечно не похожіе на тѣ, которые предлагалъ Шишковъ, но болѣе сообразные съ духомъ современнаго языка.

Однимъ только источникомъ литературной рѣчи мало воспользовался Карамзинъ — языкомъ народнымъ. Вслѣдствіе своего воспитанія и подъ вліяніемъ господствовавшаго издавна взгляда онъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ смотрѣлъ на эту область языка и считалъ простонародныя слова низкими или, какъ до него говорили, *подлыми*. Впрочемъ, сочиненія Карамзина большею частью относились къ такому роду литературы, который легко можетъ или, по крайней мѣрѣ, по тогдашнимъ понятіямъ могъ обходиться безъ помощи языка народнаго. Притомъ онъ еще не имѣлъ въ рукахъ памятниковъ этого языка, открытыхъ только въ позднѣйшее время. Однакожъ и этотъ элементъ рѣчи *никогда не* былъ вполнѣ исключенъ изъ нашей письменности. Еще въ древности нѣкоторые писатели, напр. Кириллъ Туровскій, Даніилъ Заточникъ, брали оттуда краски для своихъ произведеній. Послѣ Петра Великаго особенно Кантемиръ зналъ цѣну народной рѣчи и умѣлъ ею пользоваться. Ломоносовъ, раздѣливъ слогъ на три разряда, установилъ, что *низкій штиль* употребляетъ только чисто-русскія слова, какихъ нѣтъ въ церковныхъ книгахъ; по его теоріи такъ пишутся: комедіи, эпиграммы, пѣсни; въ прозѣ — дружескія письма и описанія обыкновенныхъ дѣлъ; «простонародныя слова», замѣчаетъ онъ, «могутъ имѣть въ нихъ мѣсто по разсмотрѣнію»[1]. Впрочемъ Ломоносовъ допускаетъ «низкія слова» уже и въ среднемъ слогѣ. Самъ же онъ изрѣдка позволяетъ себѣ даже и въ одѣ употреблять простонародныя выраженія; такъ въ одѣ на взятіе Хотина послѣ вопроса:

«Кто съ нимъ толь грозно зритъ на югъ,
Одѣянъ страшнымъ громомъ вкругъ?»

слѣдуетъ стихъ въ тонѣ народнаго языка:

«*Никакъ* смиритель странъ Казанскихъ!»[2]

[1] *Соч. Лом.*, т. I, стр. 531.
[2] Тамъ же, стр. 38 (строфа 11).

Послѣ Ломоносова народный языкъ разрабатывали, по мысли его, въ комедіи, сатирѣ, шуточной сказкѣ и баснѣ. Въ такихъ сочиненіяхъ къ нему прибѣгали Сумароковъ, В. Майковъ, Богдановичъ, Фонвизинъ, Аблесимовъ, Княжнинъ и др. Изъ лирическихъ поэтовъ Державинъ, выросшій вблизи къ народу, сталъ вводить народный языкъ даже въ такой родъ стихотворства, который до него считалъ «высокій слогъ» своею необходимою принадлежностью; эта новость была въ связи съ тѣмъ, что онъ внесъ въ оду элементъ сатиры и шутки. Позднѣе, еще болѣе простора народному языку въ письменной рѣчи сталъ давать Крыловъ. О его раннемъ знакомствѣ съ этой сферой языка разительно свидѣтельствуетъ юношеское его произведеніе, недавно въ первый разъ изданное нашимъ Отдѣленіемъ, — комическая опера *Кофейница*, богатая выраженіями и поговорками, взятыми изъ народнаго быта[1]. Во всѣхъ дальнѣйшихъ трудахъ своихъ Крыловъ оставался вѣренъ этому направленію, и потому неудивительно, что онъ, издавая журналъ въ одно время съ Карамзинымъ, сдѣлался противникомъ его. Замѣчательно, какъ оба эти писателя впали въ противорѣчіе съ самими собою: Крыловъ, отличаясь безыскуственною простотою языка, былъ усерднымъ защитникомъ ложно-классической французской драмы; а Карамзинъ, считая простонародное низкимъ, былъ смолоду горячимъ почитателемъ Шекспира и Лессинга. Но Крыловъ долго не могъ попасть на вкусъ современниковъ, и, прежде нежели понялъ настоящее свое призваніе, на многіе годы оставилъ литературу.

Между тѣмъ проза Карамзина стала для всѣхъ образцомъ письменнаго языка. На ней построена была грамматика Греча, получившая на цѣлыя десятилѣтія законодательную силу. Авторитетъ этой, во многомъ произвольной и условной грамматики имѣлъ свою вредную сторону, задержавъ развитіе литературной рѣчи, скованной ея стѣснительными правилами. Въ 1820-хъ и 30-хъ годахъ надъ нашимъ языкомъ тяготѣло что-то похожее

---

[1] См. т. VI *Сборника Отдѣл. русск. языка и словесн.*

на пуризмъ Французской академіи. Свободное его творчество было подавлено. Немногіе только писатели отваживались итти своимъ путемъ. Первое между ними мѣсто занималъ возвратившійся на литературное поприще въ началѣ столѣтія Крыловъ; но онъ писалъ только басни, а эта тѣсная область поэзіи считалась состоящею на особыхъ правахъ. Одновременно въ другой сферѣ умственной дѣятельности подготовлялось движеніе, которое не могло остаться безъ вліянія на успѣхи народнаго языка въ художественной литературѣ. То, что во всѣхъ странахъ являлось предвѣстьемъ самостоятельнаго творчества, стало обнаруживаться и у насъ, — уваженіе къ народности, вкусъ къ произведеніямъ народной словесности, охота къ собиранію и записыванію ихъ. Въ 1804 г. изданы были въ первый разъ «Древнія русскія стихотворенія»; Мерзляковъ, а за нимъ Дельвигъ и Цыгановъ сочиняли пѣсни въ духѣ народныхъ; Востоковъ переводилъ пѣсни Сербовъ и разбиралъ составъ русскаго народнаго стиха; собранія пословицъ выходили уже давно; Снегиревъ задумывалъ ученую разработку ихъ и пролагалъ путь Сахарову. Общество любителей Россійской словесности, въ Москвѣ, собирало и печатало областныя слова.

Возникавшая любовь къ народности, которая вызывала всѣ эти начинанія и труды, не могла не отразиться и на изящной литературѣ. Рядомъ съ Крыловымъ, и конечно не совсѣмъ независимо отъ его вліянія, пошелъ Грибоѣдовъ въ своей оригинальной комедіи. Въ то же время Пушкинъ уже заявлялъ, что «разговорный языкъ простого народа достоинъ глубочайшихъ изслѣдованій», и доказывалъ на дѣлѣ, что самъ «прислушивался къ московскимъ просвирнямъ», которыя, по его замѣчанію «говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ[1]». А вскорѣ и своенравный Гоголь сталъ писать прозою, хотя и небрежной, но замѣчательно оригинальной и рѣзко запечатлѣнной особенностями рѣчи народной.

---

[1] *Соч. Пушкина*, томъ V, Спб. 1855 г., стр. 43.

Около того же времени услышали въ первый разъ имя еще довольно молодого человѣка, избравшаго область литературы, которая до тѣхъ поръ не имѣла у насъ особаго представителя, — разсказы изъ быта народнаго и солдатскаго. Это былъ тотъ самый писатель, который нынѣ трудомъ совершенно другого рода подаетъ намъ поводъ говорить о судьбахъ русскаго языка. Стараясь быть вѣрнымъ пересказчикомъ народныхъ вымысловъ, онъ въ то же время хотѣлъ доказать, что вся пишущая братья выражается совсѣмъ не по-русски, что надобно перестроить весь литературный языкъ по образцу народнаго. Въ оцѣнкѣ послѣдняго никто еще не шелъ такъ далеко. И прежде были конечно писатели, считавшіе полезнымъ и нужнымъ знакомство съ народнымъ языкомъ для извѣстныхъ литературныхъ цѣлей: Даль первый сталъ утверждать, что безъ народнаго языка нельзя ступить ни одного правильнаго шагу въ авторскомъ дѣлѣ. Естественно, что онъ, отстаивая эту идею, не избѣгъ нѣкоторыхъ крайностей. Какъ нѣкогда Шишковъ провозглашалъ церковно-славянское нарѣчіе исключительнымъ источникомъ обогащенія русскаго языка, такъ въ 1830-хъ и 40-хъ годахъ Даль выставлялъ такимъ единственнымъ источникомъ языкъ народный. «Если», говорилъ онъ, «въ книгахъ и высшемъ обществѣ не найдемъ чего ищемъ, то остается одна только кладь или кладъ — родникъ или рудникъ — но онъ за то неисчерпаемъ. Это живой языкъ русскій, какъ онъ живетъ понынѣ въ народѣ. *Источникъ одинъ* — языкъ простонародный, а важныя вспомогательныя средства: старинныя рукописи и всѣ живыя и мертвыя славянскія нарѣчія[1]». Подобно Шишкову, Даль составлялъ новыя слова, предлагая ихъ для замѣны или дополненія прежнихъ, и въ этомъ не всегда былъ счастливѣе Шишкова. Но, показавъ точку сближенія между обоими писателями, спѣшу однакожъ оговориться: путь, избранный Далемъ, былъ прямѣе и безукоризненнѣе: Даль не велъ пристрастной полемики, не ставилъ того или другого писателя цѣлью

[1] «Полтора слова о нынѣшнемъ русскомъ языкѣ» въ *Москвит.* 1842, ч. I, стр. 540.

своихъ нападеній, никого не винилъ въ безвѣріи и недостаткѣ патріотизма за употребленіе иностранныхъ словъ и наконецъ старался доказать свою теорію болѣе дѣломъ, нежели разсужденіями: онъ писалъ народнымъ языкомъ повѣсти и разсказы, заимствованные у народа. Эти произведенія, по собственному его свидѣтельству, составляли для него не цѣль, а средство. «Не сказки по себѣ», говоритъ онъ, «были ему важны, а русское слово, которое у насъ въ такомъ загонѣ, что ему нельзя было показаться въ люди безъ особаго предлога и повода — и сказка послужила предлогомъ. Писатель задалъ себѣ задачу познакомить земляковъ своихъ сколько нибудь съ народнымъ языкомъ и говоромъ, которому открывался такой вольный разгулъ и широкій просторъ въ народной сказкѣ»[1]. Предупреждая мысль, будто онъ ставитъ свои сказки въ примѣръ слога и языка, нашъ авторъ далѣе прибавляетъ: «онъ (*сказочникъ*) хотѣлъ только на первый случай показать небольшой образчикъ — и право не съ хазоваго конца[2] — образчикъ *запасовъ*, о которыхъ мы мало или вовсе не заботились, между тѣмъ какъ, рано или поздно, безъ нихъ не обойтись».

Такимъ образомъ мы видимъ, что словарь Даля тѣсно примыкаетъ къ прочимъ трудамъ его и есть плодъ той же идеи, изъ которой проистекло все его авторство; на прежнія произведенія его должно смотрѣть только какъ на приготовительныя работы къ дѣлу, которымъ онъ завершилъ свою дѣятельность на пользу языка. Если мы вспомнимъ, что Даль началъ свои наблюденія надъ нимъ еще до 1820 года, когда ему было не болѣе 18-ти лѣтъ отъ роду, то нельзя будетъ не подивиться, какъ счастливая мысль отмѣчать простонародныя выраженія могла зародиться въ головѣ столь молодого человѣка въ такое время, когда у насъ, вообще говоря, еще мало обращали вниманія на народную сло-

[1] Тамъ же, стр. 549 и 550.

[2] Въ *Словарѣ* Даля принято для этого понятія и слово *казовый*. Непонятно, зачѣмъ тутъ допускать татарское происхожденіе отъ слова *хазъ*, когда этимологія отъ глагола *казать* такъ естественна. Замѣтимъ, что на нѣмецкомъ языкѣ есть совершенно такъ же образованное названіе того же предмета — Schau-Ende.

весность. Желая дать возможность полнѣе и вѣрнѣе судить о разсматриваемомъ трудѣ, предложу нѣсколько собранныхъ мною и до сихъ поръ нигдѣ не напечатанныхъ біографическихъ извѣстій объ авторѣ. Это кажется мнѣ тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что рѣчь идетъ не о начинающемъ литераторѣ, а о писателѣ, давно пользующемся у насъ почетною извѣстностью.

Вл. Ив. Даль родился 10-го ноября 1801 года въ Лугани (Екатериносл. губ.), гдѣ отецъ его, родомъ датчанинъ, занималъ мѣсто врача по горному вѣдомству. Этотъ ученый иностранецъ, принявъ въ 1797 г. русское подданство, горячо полюбилъ новое свое отечество, изучилъ русскій языкъ какъ родной и воспитывалъ дѣтей своихъ въ патріотическомъ духѣ, при всякомъ случаѣ напоминая имъ, что они Русскіе: въ 12-мъ году онъ жалѣлъ, что они еще слишкомъ молоды и негодны для службы. Самъ онъ въ молодости кончилъ курсъ въ германскомъ университетѣ по двумъ или тремъ факультетамъ и зналъ нѣсколько языковъ; онъ былъ вызванъ въ Россію къ концѣ царствованія Екатерины II на службу при Публичной библіотекѣ. Замѣтивъ въ Петербургѣ, что у насъ слишкомъ мало врачей, онъ отправился опять за-границу, изучилъ медицинскія науки и, воротясь въ Россію, женился на дочери г-жи Фрейтахъ, которая переводила на русскій языкъ Гинтера и Ифланда[1]. Въ качествѣ врача онъ сперва состоялъ при войскѣ, расположенномъ въ Гатчинѣ, потомъ перешелъ въ Петрозаводскъ, а оттуда въ названный уже городъ, по имени котораго, какъ своей родины, Владиміръ Ивановичъ принялъ впослѣдствіи столь памятный псевдонимъ *Казака Луганскаго*. Изъ Лугани отецъ его былъ переведенъ главнымъ докторомъ и инспекторомъ Черноморскаго флота въ Николаевъ. Отсюда, въ 1814 г., отправилъ онъ двухъ сыновей своихъ въ Морской корпусъ. Пробывъ тамъ пять лѣтъ, Вл. Ив. поѣхалъ мичманомъ обратно въ Николаевъ. Къ морской службѣ онъ не чувствовалъ никакого призванія, тѣмъ болѣе что не переносилъ качки въ морѣ; но получивъ воспитаніе на

[1] См. Смирдинскую *Роспись*, №№ 7207 и 7268.

казенный счетъ, онъ долженъ былъ поневолѣ оставаться морякомъ: попытки его перейти въ инженеры, въ артиллерію или хоть въ армію были безуспѣшны. По кончинѣ отца, переведенный въ Кронштадтъ (1823), онъ въ отчаяніи не зналъ, что́ дѣлать. Между тѣмъ мать его съ младшимъ сыномъ уѣхала въ Дерптъ для воспитанія его и, по ея вызову, Владиміръ Ивановичъ, выйдя въ отставку, отправился туда же. Тамъ онъ снова принялся за ученіе и въ 1825 г. поступилъ въ казеннокоштные студенты по медицинскому факультету. Но прежде нежели онъ успѣлъ кончить курсъ, вспыхнула война 1829 г., и всѣхъ студентовъ, годныхъ къ военной службѣ, велѣно было выслать въ армію. Даль попалъ въ число троихъ, которымъ позволили тутъ же держать экзаменъ на доктора. До 1832 г. онъ находился въ Турціи и Польшѣ и много занимался операціями; потомъ поѣхалъ въ отпускъ въ Петербургъ и здѣсь былъ назначенъ ординаторомъ военнаго госпиталя. Вступленіе его на литературное поприще въ 1833 г. съ книжкою сказокъ ознаменовалось прискорбнымъ обстоятельствомъ, которое однакожъ много способствовало къ быстрому распространенію извѣстности новаго автора. За одно превратно растолкованное мѣсто этой книги онъ подвергся аресту, и хотя вскорѣ былъ вполнѣ оправданъ, но долго не могъ являться въ литературѣ подъ своимъ именемъ. Черезъ нѣсколько времени Вас. Ал. Перовскій пригласилъ его въ Оренбургъ чиновникомъ для особыхъ порученій; въ 1841 г., отходивъ хивинскій походъ, Даль переѣхалъ въ Петербургъ на службу по министерству удѣловъ, а потомъ и внутреннихъ дѣлъ. Послѣднія десять лѣтъ своего служебнаго поприща, съ 1849 г., онъ провелъ въ Нижнемъ управляющимъ удѣльной конторы. Въ 1859, вышедъ въ отставку и поселившись въ Москвѣ, онъ рѣшился посвятить все свое время составленію и изданію давно-подготовляемаго имъ словаря. Во всю свою жизнь Даль не пропускалъ случаевъ поѣздить по Россіи и знакомиться съ бытомъ народа: смѣсь французскаго съ нижегородскимъ была ему ненавистна почти съ самаго дѣтства. Обстоятельства особенно благопріятствовали удовлетворенію его любо-

знательности: служа во флотѣ, а потомъ завѣдывая больницей, онъ имѣлъ возможность обращаться съ людьми изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей Россіи и распрашивать ихъ объ особенностяхъ языка въ каждой. Этимъ способомъ онъ могъ значительно дополнить и расширить свѣдѣнія, добытыя имъ пребываніемъ въ разныхъ краяхъ отечества. Разнородность службы, которую онъ проходилъ, а сверхъ того любимыя занятія по естественнымъ наукамъ и нѣкоторымъ ремесламъ позволили ему охватить обширный и многообразный кругъ человѣческихъ знаній и нагляднаго знакомства съ бытомъ разныхъ состояній и сословій.

Въ 1819 г., проѣзжая по Новгородской губ. на пути въ Николаевъ, Даль услышалъ въ первый разъ слово *замолаживаетъ* (говорится о небѣ, въ смыслѣ *заволакиваетъ*, по сравненію съ начинающимъ бродить тѣстомъ). Записавъ это слово, онъ положилъ чуть ли не первый камень будущаго словеснаго зданія, и уже не пропускалъ дня, чтобы не вносить въ свои замѣтки новаго слова, оборота, поговорки. Ко времени турецкой кампаніи 1829 г. эти матеріалы достигли уже обширныхъ размѣровъ; находясь при арміи полковымъ врачемъ, Даль, въ ожиданіи обильной жатвы для своихъ записокъ, взялъ всѣ прежнія тетради ихъ съ собою; вдругъ, навьюченный ими верблюдъ, перехода за два до Адріанополя, пропадаетъ. Что долженъ былъ чувствовать страстный собиратель, внезапно лишавшійся плодовъ десятилѣтняго труда? Къ счастію, казаки гдѣ-то перехватили верблюда и черезъ недѣлю привели его въ Адріанополь[1]. Драгоцѣнныя замѣтки были спасены и продолжали нарастать еще цѣлыхъ 30 лѣтъ. «Жадно хватая на лету родныя речи[2], слова и обороты, когда они срывались съ языка въ простой бесѣдѣ, гдѣ никто не чаялъ соглядатая или лазутчика, этотъ записывалъ ихъ... Сколько разъ случалось ему, среди жаркой бесѣды, выхвативъ записную книжку, записать въ ней оборотъ речи или слово, которое у кого-нибудь сорвалось

[1] *Толковый Словарь*, т. I, «Напутное слово», стр. III.

[2] Предупреждаю разъ навсегда, что во всѣхъ выпискахъ изъ напечатанныхъ при Словарѣ статей сохраняю правописаніе автора.

съ языка, — а его никто и не слышалъ! Всѣ спрашивали, никто не могъ припомнить чѣмъ-либо замѣчательное слово — а слова этого не было ни въ одномъ словарѣ, и оно было чисто руское[1]». Вотъ какъ самъ составитель *Толковаго Словаря* описываетъ намъ часть процесса своихъ приготовительныхъ работъ. Тутъ же онъ отдаетъ отчетъ въ главной мысли, руководившей имъ съ тѣхъ поръ какъ онъ себя помнитъ: «его тревожила и смущала несообразность писменаго языка нашего съ устною речью простаго рускаго человѣка, не сбитаго съ толку грамотѣйствомъ, а слѣдовательно и съ самимъ духомъ рускаго слова. Не разсудокъ, а какое то темное чувство строптиво упиралось, отказываясь признать этотъ нестройный лепетъ, съ отголоскомъ чужбины, за рускую речь. Для меня сдѣлалось задачей выводить на справку и повѣрку: какъ говоритъ книжникъ, и какъ выскажетъ въ бесѣдѣ ту же, доступную ему мысль человѣкъ умный, но простой, неученый, — и нечего и говорить о томъ, что перевѣсъ, по всѣмъ прилагаемымъ къ сему дѣлу мѣриламъ, всегда оставался на сторонѣ послѣдняго. Не будучи всилахъ уклониться ни на волосъ отъ духа языка, онъ поневолѣ выражается ясно, прямо, коротко и изящно»[2].

Въ этихъ словахъ лежитъ ключъ ко всей литературной дѣятельности Даля. Чѣмъ болѣе онъ подмѣчалъ и записывалъ, тѣмъ болѣе крѣпло его убѣжденіе въ негодности нашей письменной рѣчи. Стараясь, въ своихъ рассказахъ, употреблять языкъ близкій къ народному, иногда нанизывая въ нихъ цѣлыми страницами пословицы и поговорки, онъ сверхъ того, по временамъ, излагалъ теоретически свои взгляды на русскую народную литературу и языкъ. Любопытно, что первая его статья по этому предмету написана по-нѣмецки и напечатана въ Dorpater Jahrbücher 1835 г. (№ 1). Давъ ей заглавіе «Über die Schriftstellerei des russischen Volks» (объ авторствѣ русскаго народа), онъ начинаетъ осужденіемъ подражательной нашей литературы, возстаетъ

[1] Словарь, ч. I, стр. III.
[2] Тамъ же.

противъ искаженія языка на чужеземный ладъ и, переходя къ народной литературѣ, останавливается особенно на содержаніи нѣкоторыхъ лубочныхъ картинъ. Позднѣе онъ помѣстилъ въ *Москвитянинѣ* 1842 (ч. I, № 2, и ч. V, № 9): «Полтора слова о нынѣшнемъ рускомъ языкѣ» и «Недовѣсокъ къ статьѣ: *Полтора слова*». Далѣе, въ началѣ разсматриваемаго словаря мы находимъ еще три статьи Даля по тѣмъ же вопросамъ: 1) *О нарѣчіяхъ рускаго языка*, написанную въ 1852 году по поводу изданія академическаго областного словаря; 2) *О рускомъ словарѣ*, читанную 1860 г. въ Обществѣ любителей Россійской словесности, и 3) *Напутное слово*, читанное тамъ же въ 1862 г. и составляющее собственно предисловіе къ *Толковому Словарю*. Наконецъ нѣсколько замѣтокъ подобнаго содержанія помѣщено Далемъ въ газетѣ Погодина *Русскій* (1868 г. №№ 25 и 31).

Въ этихъ разновременныхъ статьяхъ вполнѣ высказались понятія автора о языкѣ, и потому онѣ очень важны для сужденія о словарномъ трудѣ его. Всѣ онѣ развиваютъ извѣстное уже намъ убѣжденіе Даля, что нашъ литературный языкъ, ко вреду своему, слишкомъ удалился отъ народнаго и, принявъ чуждый ему складъ вслѣдствіе множества заимствованій, совершенно утратилъ первоначальный характеръ силы, выразительности и сжатости. Впрочемъ Даль допускаетъ исключеніе въ пользу нѣкоторыхъ писателей: уже и въ первой статьѣ своей онъ указываетъ на Крылова и Грибоѣдова; въ *Напутномъ* же *словѣ* говоритъ: «Взгляните на Державина, на Карамзина, Крылова, на Жуковскаго, Пушкина и на нѣкоторыхъ извѣстныхъ даровитыхъ писателей; не ясно ли, что они избѣгали чужеречій, что старались, каждый по своему, писать чистымъ рускимъ языкомъ»[1]? Что касается

[1] Словарь, ч. I, стр. I. Въ другомъ мѣстѣ Даль не вполнѣ освобождаетъ и Пушкина отъ повальнаго упрека, утверждая, что «нѣтъ писателя, который бы не грѣшилъ — и много, тяжко — противъ роднаго языка. Самъ Пушкинъ», прибавляетъ онъ, «говоритъ въ прозѣ иногда такъ: *обѣ онѣ должны были выдти въ садъ, черезъ заднее крыльцо, за садомъ найдти готовыя сани, садиться въ нихъ и ѣхать — онъ помнилъ разстояніе, существующее между нимъ и бѣдной крестьянкой* и проч. «Все это», находитъ Даль «не по-русски». (*Москвит.* 1842, ч. I, № 2, стр. 545 и 546).

до языка, которымъ самъ онъ писалъ, то Даль не только не выдаетъ его за образецъ, но сознаетъ и ошибки, въ которыя онъ впадалъ: онъ въ позднѣйшее время убѣдился, что для народности въ литературѣ недостаточно одного подбора словъ и выраженій изъ языка простонародья. При всемъ томъ, исходная точка Даля въ воззрѣніи на нашъ литературный языкъ осталась прежняя. Онъ до конца находилъ, «что живой народный языкъ, сберегшій въ жизненной свѣжести духъ, который придаетъ языку стойкость, силу, ясность, цѣлость и красоту, долженъ послужить источникомъ и сокровищницей для развитія образованной, разумной руской речи *взамѣнъ* нынѣшняго языка нашего, каженика»[1].

Въ чемъ же, по мнѣнію Даля, заключается несостоятельность нынѣшняго нашего письменнаго языка? Изъ приводимыхъ имъ примѣровъ видно, что онъ сюда относитъ: 1) ошибочное употребленіе одного слова вмѣсто другого по незнанію настоящаго значенія ихъ (*обознаться* вм. *опознаться*, *обыденный* вм. *обиходный*[2]; 2) употребленіе словъ и реченій растянутыхъ, описательныхъ, составленныхъ по иностранному, вм. болѣе краткихъ и мѣткихъ, имѣющихся въ народномъ языкѣ (*путеводитель въ пустынѣ* вм. *степной вожакъ*, *собственный* вм. *свой*, *могущество* вм. *мочь*, *могута*; *усовершенствованіе*, *семейственный* вм. *усовершеніе*, *семейный* и проч.), и 3) заимствованіе множества чужеязычныхъ словъ съ передѣланными только на русскій ладъ окончаніями, употребленіе цѣлыхъ нерусскихъ оборотовъ, сочетаніе словъ и построеніе рѣчи по нерусскимъ формамъ мышленія. Слѣдующій примѣръ можетъ дать болѣе ясное понятіе о томъ, чего желалъ Даль. Когда Жуковскій, въ свитѣ великаго князя Александра Николаевича, въ 1837 г. проѣзжалъ черезъ Уральскъ, то

[1] Словарь, ч. I, стр. II.

[2] *Обознаться* значитъ ошибиться; а *опознаться* — оріентироваться; *обыденный*, какъ ясно показываетъ его происхожденіе, можетъ значитъ только одноднeвный (*обыденка* = эфемера). Прибавлю отъ себя, что такимъ же образомъ въ нашу новѣйшую литературу вкралось неправильное пониманіе слова *витать*, которому обыкновенно придаютъ смыслъ какого-то движенія въ вышинѣ (*носиться*, planer), тогда какъ оно просто значитъ *жить*, *пребывать*: ср. лат. vita и предложн. глаголъ об(в)итать.

Даль, въ то время тамъ находившійся, завелъ съ нашимъ знаменитымъ поэтомъ разговоръ о любимой своей темѣ и между прочимъ представилъ ему такой образчикъ двоякаго способа выраженія: 1) на общепринятомъ языкѣ: «Казакъ осѣдлалъ лошадь какъ можно поспѣшнѣе, взялъ товарища своего, у котораго не было верховой лошади, къ себѣ на крупъ и слѣдовалъ за непріятелемъ; имѣя его всегда въ виду, чтобы при благопріятныхъ обстоятельствахъ на него напасть»; и 2) на языкѣ народномъ: «Казакъ сѣдлалъ у́торопь, посадилъ безконнаго товарища на за́бедры и слѣдилъ непріятеля въ на́зерку, чтобы при споцутности на него ударить»[1]. Жуковскій, мало сочувствуя послѣднему способу выраженія, замѣтилъ, что такъ можно говорить только съ казаками и притомъ о близкихъ имъ предметахъ.

Нельзя отрицать справедливости той мысли, что языкъ народный во многихъ случаяхъ выражается своеобразнѣе и удачнѣе литературнаго; но, замѣтивъ это, Даль упустилъ изъ виду, что несходство между тѣмъ и другимъ есть явленіе общее всѣмъ языкамъ, а не исключительная принадлежность русскаго. Вездѣ языкъ, по мѣрѣ своего развитія въ образованной рѣчи, болѣе и болѣе даетъ перевѣсъ отвлеченному мышленію надъ наглядной изобразительностью[2]; вездѣ общіе всему человѣчеству логическіе законы въ большей или меньшей степени вытѣсняютъ изъ письменнаго языка непосредственную своебразность народныхъ представленій, выражающуюся въ идіотизмахъ, и потому-то вездѣ литературная рѣчь мало по малу усвоиваетъ себѣ множество синтактическихъ оборотовъ, общепринятыхъ въ образованнѣйшихъ языкахъ[3]. Этотъ какъ бы космополитическій языкъ похожъ, по

---

[1] *Москвит.* 1842, № 2, «Полтора слова» и проч., стр. 552, 553.

[2] *Историч. грамматика* Буслаева, М. 1863, ч. II, стр. 21 и 77.

[3] Замѣчательно умно и вѣрно сказалъ князь Вяземскій еще въ 1825 году: «Новые набѣги въ области мысли требуютъ часто и новаго порядка. Отъ нихъ книжный синтаксисъ, условная логика частнаго языка могутъ пострадать, но есть синтаксисъ, есть логика общаго ума, которые, не во гнѣвъ ученымъ будь сказано, также существуютъ». (*Полн. собр. соч. кн. Вяземскаго*, т. I, стр. 197).

остроумному сравненію одного писателя, на бумажныя деньги, повсюду легко замѣняющія золотую и серебряную монету. Такое явленіе въ языкахъ есть необходимое слѣдствіе постояннаго обмѣна идей, происходящаго путемъ литературы, и слишкомъ жалѣть объ этомъ результатѣ нельзя безъ умаленія цѣны самаго факта, изъ котораго онъ проистекаетъ.

Но свобода заимствованій должна имѣть свои разумные предѣлы, особенно должна она ограничиваться уваженіемъ къ духу родного языка. Даль не безъ основанія упрекаетъ нашу книжную рѣчь въ злоупотребленіи этою свободой. Въ послѣднія десятилѣтія, начиная съ 40-хъ годовъ, — по мѣрѣ того какъ русское общество научалось придавать *вещамъ* болѣе цѣны, чѣмъ *именамъ*, — у насъ стали слишкомъ пренебрегать чистотою языка и слишкомъ мало стѣсняться въ употребленіи иностранныхъ словъ и оборотовъ. Такимъ образомъ въ печати появилось множество выраженій, искуственно привитыхъ къ русскому языку, напр. *разсчитывать на кого* или *на что*, *дѣлать кого несчастнымъ*, *имѣть жестокость*, *предшествовать кому*, *предпослать что чему*, *пройти молчаніемъ*, *раздѣлять чьи-либо мысли* или *чувства*, *прежде нежели сказать*, *слишкомъ уменъ чтобы не понять*, *имѣть что возразить*, *имѣть что-нибудь противъ*[1]. Въ разговорѣ и на письмѣ сдѣлались ходячими слова: *фактъ*, *результатъ*, *интересный*, *серьезный*, *компетентный*, *лояльный*, *солидный*, *солидарный*; не избѣгли мы даже *шансовъ*, не говоря уже о цѣломъ легіонѣ глаголовъ подобныхъ слѣдующимъ: *импонировать*, *импровизировать*, *изолировать*, *игнорировать*, *бравировать*, *фор-*

---

[1] Въ ближайшее къ намъ время къ этимъ оборотамъ присоединилось еще много другихъ, напр. *считаться съ чѣмъ* (tenir compte de quelque chose), *человѣкъ такого закала* (un homme de cette trempe), *разъ онъ взялся — непремѣнно сдѣлаетъ* (une fois qu'il s'en est chargé…) и проч., или слова: *вліять*, *вліятельный*, *немыслимый* (undenkbar). Прежде слово *вліять* имѣло только собственное значеніе, напр. у М. Н. Муравьева: «Многія дамы, украшенія пола своего, *вліяли* природныя и неподражаемыя пріятности ихъ разума въ сочиненія, повидимому легкія и нетщательныя». — Французское слово *sâle* въ переносномъ смыслѣ стали переводить *сальный*, изъ котораго въ томъ же значеніи образовалось существительное *сальность* (!).

мулировать, *вотировать*, *конкурировать*, *резюмировать*, *третировать*. Послѣдній разрядъ словъ особенно неудаченъ, такъ какъ тутъ мы видимъ иногда двойное искаженіе: французское слово видоизмѣнено сперва нѣмецкою формою его окончанія (iren). Чтобы уменьшить безобразіе, нѣкоторые стали отбрасывать слогъ *ир* и говорить напр. *формуловать*, *цитовать*, по образцу болѣе старыхъ глаголовъ: *атаковать*, *арестовать*, *командовать*, *пробовать*. Къ сожалѣнію, это лишь въ рѣдкихъ случаяхъ возможно, да и отъ такой передѣлки мало прибыли, когда словов сетаки остается иностраннымъ.

Замѣтимъ однакожъ, что одновременно съ вторженіемъ иностранныхъ словъ и оборотовъ, русскій литературный языкъ не переставалъ развиваться и изъ собственныхъ своихъ источниковъ, чего Даль вовсе не принялъ въ соображеніе, хотя однажды и вырвалось у него замѣчанье: «Сколько введено русскихъ словъ на нашей памяти, начиная съ Карамзина!»[1]. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стóитъ сравнить любую нынѣшнюю книгу или газету съ тѣмъ, что писалось лѣтъ 30—40 тому назадъ, даже и лучшими изъ тогдашнихъ литераторовъ: въ каждомъ современномъ намъ сочиненіи найдется множество русскихъ словъ и оборотовъ, которыхъ не знали ни Карамзинъ, ни слѣдовавшіе за нимъ писатели. Все это пріобрѣтенія, усвоенныя языку путемъ, по большей части правильнымъ и законнымъ. Изъ какихъ же источниковъ, сверхъ иностранныхъ языковъ, наша письменная рѣчь обогащается? Частью изъ старинныхъ памятниковъ, по примѣру пользующихся ими хорошихъ писателей (такъ еще Карамзинъ возстановилъ слово *сторонникъ*, нынѣ часто употребляемое; такъ же введены недавно: *рознь* въ смыслѣ несогласія, *строй*, *людъ* и т. п.), частью изъ самого живого языка, пользуясь существующими уже словами или корнями для новыхъ словообразованій и сочетаній; такъ возникли слова: *научный*, *проявленіе*, *дѣятель*, *даровитый*, *отчетливый*, *настроеніе*, *творчество*, *сопоставленіе*, *сдержан-*

[1] *Москвит*. 1842, № 9, «Недовѣсокъ» и пр., стр. 91.

ность, *голосованіе*, *плоскогорье* и проч. Нѣкоторыя старыя слова стали употребляться въ новомъ значеніи, напр. *разборъ* вм. *рецензія*, *сложиться*, вм. *устроиться* (напр. объ обстоятельствахъ), *печать* вм. *пресса*, *пробѣлъ*, *насущный* (въ переносномъ смыслѣ). Изъ прежнихъ словъ иныя вовсе оставлены, напр. *свѣдать* (которое любилъ Карамзинъ), *содѣлывать*, *прилежность*, *сорадованіе*, *примѣчанія достойный*, *въ разсужденіи чего*; другія урѣзаны, напр. вмѣсто *надобно*, *чувствованіе* стали не только говорить, но и писать *надо*, *чувство*. Даль не одобряетъ появившихся въ 40-хъ годахъ словъ: *возникновеніе*, *исчезновеніе* и т. п. Они однакожъ ничѣмъ не хуже болѣе старыхъ образцовъ своихъ: *отдохновеніе*, *прикосновеніе*, *дуновеніе* и пр.; они вызваны потребностью въ логическомъ отвлеченіи и могутъ быть терпимы, если только образованы правильно, а не такъ, какъ напр. слово *упоминовеніе*, не оправдываемое законами этимологіи[1]. Еще безобразнѣе и неправильнѣе не старое слово *вдохновлять*[2]. Но за исключеніемъ немногихъ случаевъ этого рода, современный литературный языкъ вообще стремится къ упрощенію, къ большему и большему сближенію съ языкомъ разговорнымъ, отбрасывая постепенно слова́ тяжелыя, напыщенныя, слишкомъ искуственныя въ ихъ образованіи, каковы напр. отживающія свой вѣкъ слова́: *преуспѣяніе*, *споспѣшествовать*, *преткновеніе* и имъ подобныя. Нельзя даже сказать, чтобы литературный языкъ и до сихъ поръ вовсе не заимствовался изъ народнаго, откуда, напр., введены слова *починъ* (или *зачинъ*,) *бытъ*, *сутъ* (сущность), *проходимецъ* и др. Нѣкоторыя изъ лучшихъ нашихъ писателей уже показали опыты глубокаго знанія народнаго языка, которое, отражаясь въ ихъ сочиненіяхъ, не остается безъ дѣйствія на всю литературу. Не упоминая о

[1] Отъ *упомянуть* существительное было бы *упомяновеніе*; отъ *упоминать* — *упоминаніе*.

[2] Отъ гл. *вдохнуть* произошло причастіе *вдохновенный* (какъ отъ *обыкнуть* — *обыкновенный*), а отъ причастія, уже совершенно наперекоръ грамматикѣ и логикѣ, образовано *вдохновить*, *вдохновлять*, какъ будто это то же, что *благословить* — *благословенный*! Несмотря на то, и тѣ двѣ формы благополучно принялись.

живыхъ, укажу только на покойнаго С. Т. Аксакова: его проза — образецъ чисто-русскаго языка, богатаго народными, кстати употребленными idiотизмами.

Итакъ положенie нашего литературнаго языка повидимому далеко не такъ отчаянно, какъ оно кажется Далю. Въ подтвержденie того можетъ служить и собственная его проза: въ ней можно бы ожидать усильнаго приближенiя къ тому идеалу слога, который авторъ себѣ составилъ; но на самомъ дѣлѣ она не многимъ отличается отъ того, что́ вообще пишется у насъ людьми, несовсѣмъ равнодушными къ чистотѣ языка. Правда, у него попадаются слова и реченiя, которыхъ мы не встрѣтимъ у другихъ писателей; но это однѣ частности, мало замѣтныя въ цѣломъ, представляющемъ общiй характеръ современной намъ письменной рѣчи. Нѣтъ сомнѣнiя, что она можетъ почерпнуть еще много живыхъ силъ изъ языка народнаго; тѣмъ не менѣе однакожъ требованiя и ожиданiя Даля въ этомъ отношенiи преувеличены. Это становится яснымъ изъ слѣдующихъ словъ его: «Народныя слова *прямо могутъ* переноситься въ письменный языкъ, *никогда* не оскорбляя его грубою противу самого себя ошибкою, а напротивъ *всегда* направляя его въ природную свою колею, изъ которой онъ у насъ соскочилъ» (не вѣрнѣе ли было бы: *выскочилъ?*) «какъ паровозъ съ рельсовъ: онѣ оскорбятъ развѣ только изрусѣвшее ухо чопорнаго слушателя»[1]. Здѣсь авторъ упускаетъ изъ виду, что у каждой сферы языка есть свой характеръ, свой тонъ, который поддерживается не только цѣлымъ составомъ рѣчи, оборотами, но и отдѣльными словами. Поэтому переносить слова изъ одной сферы въ другую не всегда удобно: слово должно быть всегда сообразно съ настроенiемъ духа и ума говорящаго, съ тѣмъ оттѣнкомъ, какой онъ хочетъ придать выражаемому понятiю. Вотъ почему нѣкоторыя всѣмъ извѣстныя и даже общеупотребительныя слова народнаго языка не всегда пригодны въ рѣчи образованнаго класса. Такъ глагола *плясать* мы не можемъ во

---

[1] Словарь, ч. I, стр. xvi.

всѣхъ случаяхъ употреблять вмѣсто иноязычнаго синонима его *танцовать*, и если бъ обычная фраза: «дама, съ которою я танцовалъ», приняла въ разговорѣ форму: «женщина, съ которой я плясалъ», то едва ли кто изъ слушателей могъ бы удержаться отъ невольной улыбки. Другой примѣръ: многіе еще помнятъ, какъ при началѣ построенія московской желѣзной дороги, народъ прозвалъ ее *чугункою* и какъ это слово всѣмъ показалось удачнымъ. Почему же оно, несмотря на то, не вошло въ общее употребленіе? потому что съ нимъ, для образованнаго человѣка, связывается понятіе чего-то наивнаго, несовмѣстнаго съ общимъ характеромъ его рѣчи. Всего поразительнѣе въ этомъ отношеніи прекрасное слово *спасибо*, котораго, къ сожалѣнію, мы удостоиваемъ только простолюдиновъ; вмѣсто него даже городская прислуга, желая щегольнуть своею образованностью, стала употреблять безобразное *мерси*.

Еще труднѣе дать ходъ областному слову, непонятному и новому для насъ по своему звуковому составу: таковы, напр., *уповодъ* и *выть*, на которыя Даль указываетъ какъ на весьма полезныя, объясняя: «*Уповодъ*, это срокъ или продолжительность отъ *выти* до *выти*, т. е. отъ ѣды до ѣды. Во днѣ, смотря по числу *вытей*, коихъ лѣтомъ бываетъ одною болѣе, чѣмъ зимою, три или четыре *уповода*, каждый часа въ четыре»[1]. Какъ ни нужно было бы намъ въ самомъ дѣлѣ слово, соотвѣтствующее французскому repas, мало надежды, чтобы сѣверно-русское *выть* когда-нибудь сдѣлалось общеупотребительнымъ, хотя оно нѣкогда въ другомъ значеніи (доля, участокъ)[2] и было знакомо всему народу, какъ показываетъ образованное отъ него старинное сущ. *повытчикъ*. Такъ же мало будущности можно предсказать и нѣкоторымъ другимъ предлагаемымъ Далемъ словамъ: правда, они

[1] Словарь, ч. I, стр. XXIV.

[2] Слово *выть*, въ финскомъ *vuitti*, употребляется по всей Кареліи въ значеніи: часть, доля. Слову *уповодъ* въ фин. языкѣ соотвѣтствуетъ *rupeama*, также означающее рабочее время между двумя пріемами пищи или роздыхами (профес. Ahlqvist въ п. ко мнѣ отъ 3/15 іюля 1873).

заключають въ себѣ корень уже извѣстный, но образованіе ихъ не отвѣчаетъ условію общепонятности. Вмѣсто горизонтъ рекомендуетъ онъ, напр., *завѣсъ, закрой, озоръ, овидь;* вм. резонансъ — *отбой, голкъ, наголосокъ;* вм. адресовать, адресъ — *насылать, насылъ, насылка;* вм. кокетка — *миловидница, красовитка, жеманница, хорошуха, казотка;* вм. атмосфера — *колоземица, міроколица;* вм. пуристъ — *чистякъ*; вм. эгоизмъ — *самотство, самотность.* Замѣтимъ впрочемъ, что нѣкоторыя изъ этихъ словъ не народныя, а придуманныя самимъ Далемъ. Но чтобы какое-нибудь новое слово, — будетъ ли оно заимствовано у народа, или составлено писателемъ, — пошло въ ходъ, для этого оно должно быть, по своему составу, совершенно просто, естественно, непринужденно: новизна его не должна бросаться въ глаза. Такъ на нашей памяти принялись слова: *даровитый, дѣятель, представитель, научный, паровозъ, обусловливать, сдержанность, заподозрѣть, починъ, вліятельный*[1]. Однакожъ и они до сихъ поръ не всѣ еще пріобрѣли несомнѣнное право гражданства.

Что касается словъ иностранныхъ въ русскомъ языкѣ, то присутствіе ихъ неразрывно связано съ самымъ ходомъ нашего образованія, которое постоянно питалось плодами западной жизни. Слѣдствіемъ быстрыхъ нововведеній было то, что не мало

[1] Ходъ введенія подобныхъ словъ бываетъ обыкновенно такой: вначалѣ слово допускается очень немногими; другіе его дичатся, смотрятъ на него недовѣрчиво, какъ на незнакомца; но чѣмъ оно удачнѣе, тѣмъ чаще начинаетъ являться. Мало по малу къ нему привыкаютъ, и новизна его забывается: слѣдующее поколѣніе уже застаетъ его въ ходу и вполнѣ усвоиваетъ себѣ. Такъ было напр. съ словомъ *дѣятель*; нынѣшнее молодое поколѣніе, можетъ быть, и не подозрѣваетъ, какъ это слово, при появленіи своемъ въ 30-хъ годахъ, было встрѣчено враждебно бо́льшею частью пишущихъ. Теперь оно слышится безпрестанно, входитъ уже и въ правительственные акты; а было время, когда многіе, особенно изъ людей пожилыхъ, предпочитали ему *дѣлатель* (см. напр. сочиненія Плетнева). Иногда случается однакожъ, что и совсѣмъ новое слово тотчасъ полюбится и войдетъ въ моду. Это значитъ, что оно попало на современный вкусъ. Такъ было въ самое недавнее время съ словами: *вліять* (и *повліять*), *вліятельный*, *относиться къ чему-либо* такъ или иначе и др.

пришлыхъ словъ проникло даже въ языкъ народный; такъ по всей Россіи простолюдины употребляютъ слова: *манера*, *фасонъ*, *мастеръ*, *матерія*, *матерьялъ*, *капиталъ*, *музыка*, *оказія*, *коммиссія*, *азартъ*, которыхъ народъ и не думаетъ замѣнять своими и изъ коихъ нѣкоторыя -- и именно три послѣднія — получили на русскомъ языкѣ новое, самостоятельное значеніе. Въ городахъ необразованный и полуграмотный классъ особенно любитъ, безъ всякой надобности, щеголять иностранными словами, и вмѣсто всѣмъ извѣстныхъ русскихъ словъ употребляетъ напр. *фрыштыкъ*, *фартукъ*, *персона*, *кувертъ*, *партикулярный* и т. д. Если отсюда поднимемся въ высшіе слои, то найдемъ, что не только въ свѣтскомъ обществѣ, но и въ литературѣ употребленіе чужеземныхъ словъ было издавна и до сихъ поръ остается отчасти дѣломъ моды, отчасти же происходитъ отъ привычки нашей думать на иностранныхъ языкахъ и искать на своемъ выраженій для чуженародныхъ мыслей. Мѣняются слова, но сущность все та же. Петровскія *фортеціи* и *викторіи* позднѣе уступили мѣсто *еложамъ*, *резонамъ*, *эстимъ*, а еще позднѣе пошли въ ходъ *эксплуатаціи*, *инсинуаціи*, *пертурбаціи*, *шансы* и *принципы*, которыя вѣроятно въ свою очередь исчезнутъ и очистятъ путь новымъ пришельцамъ изъ романскихъ языковъ. Число иноземныхъ словъ, вторгшихся и еще вторгающихся къ намъ вмѣстѣ съ новыми понятіями, изобрѣтеніями и учрежденіями, заимствуемыми съ запада, такъ велико, что изгнать ихъ, даже и въ отдаленномъ будущемъ, едва ли удастся. Между ними есть и такія, которымъ легко найти вполнѣ соотвѣтственныя русскія слова и которыя, несмотря на то, всѣми употребляются предпочтительно, только потому, что мы къ нимъ уже привыкли и что они по своей общеизвѣстности кажутся намъ удобнѣе; такъ вм. дуэль мы не говоримъ *поединокъ*[1],

---

[1] Въ оправданіе этого можно, конечно, сказать, что древній *поединокъ* обставленъ такими особенностями, которыя не подходятъ къ слову *дуэль*; но отчего же мы въ другихъ случаяхъ допускаемъ еще болѣе рѣзкіе анахронизмы, употребляя напр. *стрѣлять*, *выстрѣлъ* (отъ *стрѣла*) въ примѣненіи къ огнестрѣльному оружію?

и оставляемъ въ сторонѣ слова: *врачъ*, *станъ*, *преобразованіе*, употребляя на мѣсто ихъ: медикъ или докторъ, лагерь, реформа. Иными же русскими словами, напр. *купецъ*, *гостиница*, мы рѣдко пользуемся потому, что съ ними соединяются такіе оттѣнки понятій или бытовыхъ особенностей, которые чужды соотвѣтствующимъ иностраннымъ словамъ: *негоціантъ*, *отель* и проч. Употребленіе въ такихъ случаяхъ русскихъ словъ показалось бы неумѣстнымъ пуризмомъ. Изъ приведенныхъ сейчасъ примѣровъ, какъ и изъ многихъ общеизвѣстныхъ, но мало употребительныхъ народныхъ реченій, видно, что слабое вліяніе языка народнаго на образованный происходитъ не столько отъ незнанія туземныхъ словъ или отъ трудности пріискивать ихъ, сколько отъ совершенно другихъ, болѣе глубокихъ причинъ. Вотъ и еще примѣръ тому: всѣмъ извѣстно, какъ нашъ народный языкъ богатъ названіями родства; ознакомиться съ ними всякому было бы не трудно; однакожъ мы видимъ, что напротивъ того ихъ избѣгаютъ, и въ такъ называемомъ хорошемъ обществѣ *бофреры* и *бельсёры* еще не скоро уступятъ первенство *шурьямъ* и *зятьямъ*, *невѣсткамъ* и *золовкамъ*, которыхъ названія переносятъ насъ въ слишкомъ чуждую намъ и темную область русской жизни[1]. Отсюда мы прямо приходимъ къ тому важному выводу, что народному языку болѣе значенія и вліянія можетъ дать только народное образованіе. Пусть бездна, отдѣляющая у насъ одну часть націи отъ другой, будетъ постепенно исчезать передъ успѣхами просвѣщенія въ массахъ: однимъ изъ благотворныхъ послѣдствій этого будетъ конечно и бóльшее единство въ языкѣ цѣлой націи, и высшіе слои ея научатся лучше цѣнить сокровища народной рѣчи.

Нельзя не согласиться съ Далемъ, что нашъ образованный языкъ слишкомъ злоупотребляетъ легкостью заимствованія иностранныхъ словъ: на писателяхъ лежитъ прямой долгъ стараться о замѣнѣ ихъ, по возможности, русскими. Это всегда и сознáвали

[1] Финскій языкъ также богатъ названіями родства, но и тамъ они мало по малу приходятъ въ забвеніе, такъ что теперь уже вм. *kyty*, шуринъ, говорятъ либо: *waimonveli*, женнинъ братъ, либо *lanko*, зять вообще. (Ahlqvist).

лучшіе представители слова. Несправедливо слагать съ себя въ этомъ дѣлѣ отвѣтственность, ссылаясь на исторію. Естественно, что при быстро совершающейся внутри общества работѣ некогда, для каждаго новаго понятія, тотчасъ же придумывать и своенародное слово; но это не значитъ, чтобы мы навсегда уже были освобождены отъ заботы о томъ. Патріотическое стремленіе писателей къ очищенію своего языка отъ пестрой иноземной примѣси можетъ также составить фактъ въ движеніи общественнаго сознанія, и притомъ фактъ, достойный полнаго вниманія исторіи. Былъ же этотъ фактъ въ умственной жизни нѣкоторыхъ другихъ народовъ. У Нѣмцевъ еще въ 17-мъ столѣтіи образовались ученолитературныя общества, главною цѣлію которыхъ было изгнаніе чуждыхъ стихій изъ языка; Чехи, въ слѣдствіе особенныхъ политическихъ обстоятельствъ, замѣнили большую часть вошедшихъ къ нимъ нѣмецкихъ словъ своими, и во многихъ случаяхъ очень удачно; но при этомъ оказалось также, какъ опасно обращаться съ языкомъ самовольно, безъ надлежащаго пониманія дѣла и осторожности: людьми непризванными введено въ чешкій языкъ съ другой стороны множество крайне неловко составленныхъ словъ, не отвѣчающихъ ни духу, ни законамъ языка. Тѣмъ не менѣе примѣръ Чеховъ долженъ быть принимаемъ въ соображеніе; вообще славянскіе языки, какъ сознаетъ и Даль, могутъ служить немаловажнымъ пособіемъ для обогащенія русскаго. Изученіе народнаго языка полезно какъ въ научномъ, такъ и въ практическомъ отношеніи; но заимствованія изъ него въ языкъ образованный должны дѣлаться сами собой, естественно и незамѣтно. Насильственное же введеніе народныхъ словъ и оборотовъ едва ли можетъ быть успѣшно, и писатель, который будетъ употреблять ихъ неосмотрительно, подвергнется опасности остаться непонятнымъ большинству читателей.

Итакъ, не вполнѣ соглашаясь съ нашимъ авторомъ въ его взглядѣ на современную литературную рѣчь и на легкость исправленія ея посредствомъ языка народнаго, нельзя однакожъ не отдать полной справедливости его заботѣ объ очищеніи нашего

письменнаго языка и не признать всей важности какъ обширнаго словаря его, такъ и положенной въ основаніе этого труда идеи.

Приступая къ разсмотрѣнію *Толковаго Словаря* со стороны научныхъ требованій, мы не должны упускать изъ виду взгляда самого автора на свою задачу и на средства свои къ ея выполненію. Онъ прямо говоритъ[1], что, предпринимая работу словаря, считалъ ее для себя непосильной и что, обсудивъ безпристрастно свои познанія, нашелъ ихъ недостаточными для глубокаго ученаго труда: «и именно», поясняетъ онъ, «недоставало общихъ познаній языковѣденія и основательнаго знанія прочихъ славянскихъ языковъ и наречій; недоставало даже и того, что у насъ называютъ основательнымъ знаньемъ своего языка, то есть, научнаго знанія граматики». Послѣ такой добросовѣстной исповѣди автора мы не имѣли бы и права подвергать его словарь строгой ученой критикѣ, еслибъ на насъ не лежала обязанность, для полноты нашего разбора, прежде всего рѣшить, въ какой мѣрѣ трудъ Даля удовлетворяетъ требованіямъ науки. Предпринимаемъ эту оцѣнку тѣмъ охотнѣе, что знаемъ, какъ почтенный авторъ дорожитъ серьезнымъ судомъ и правдой, высказанной безъ лицепріятія, для пользы одного дѣла.

Словарю своему онъ далъ заглавіе: *Толковый Словарь живаго Великорускаго языка*. Словарь одного живого языка въ сущности невозможенъ, ибо многое современное находитъ объясненіе только въ прошломъ, въ древности; языкъ нельзя себѣ представить существующимъ только въ данную эпоху, и потому всѣ ученые лексикографы представляютъ въ своихъ словаряхъ языкъ на извѣстномъ протяженіи времени, присовокупляя еще и изъ болѣе отдаленнаго прошлаго: 1) слова, служащія къ объясненію современнаго, 2) такія древнія слова, которыхъ возстановленіе было бы желательно (такъ поступаетъ напр. и Шв. академія: см. ея словарь на б. А). Такъ отчасти поступилъ и Даль, несмотря на слово *живой* въ заглавіи. Какъ бы ни было, мы не видимъ здѣсь слова *народ-*

---

[1] Словарь, ч. I, стр. IV.

ный, хотя понятіе его и составляетъ господствующее начало всего труда. Причина этого умолчанія заключается въ томъ, что планъ словаря обширнѣе: онъ долженъ былъ обнять весь запасъ великорусскаго языка, какъ онъ является въ устной рѣчи, въ литературныхъ произведеніяхъ и отчасти даже въ памятникахъ древней письменности, но *живой* языкъ вообще составлялъ главную задачу нашего лексикографа. Изъ этой области русскаго языка онъ вносилъ «слова, речи и обороты всѣхъ концевъ Великой Руси», впрочемъ, какъ самъ онъ оговаривается, «не для безусловнаго включенія ихъ въ писменую рѣчь, а для изученья, для знанія и обсужденія ихъ, для обсужденія самаго духа языка и усвоенія его себѣ, для выработки изъ него постепенно своего, образованнаго языка. Читатель, а тѣмъ паче писатель, сами разберутъ, что и въ какомъ случаѣ можно включить и принять въ образованый языкъ»[1]. Прислушиваясь къ говору простонародья изъ самыхъ разнообразныхъ и отдаленныхъ другъ отъ друга краевъ Россіи, Даль убѣдился, что за исключеніемъ не слишкомъ большого числа мѣстныхъ словъ, на всемъ обширномъ пространствѣ, гдѣ обитаетъ великорусское племя, господствуетъ собственно, несмотря на частныя видоизмѣненія, одинъ и тотъ же народный языкъ. Извѣстно, что еще Ломоносовъ замѣтилъ: «Народъ Россійской, по великому пространству обитающій, не смотря на дальное разстояніе говоритъ повсюду вразумительнымъ другъ другу языкомъ въ городахъ и въ селахъ. Напротивъ того, въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, напримѣръ въ Германіи, Баварской крестьянинъ мало разумѣетъ Мекленбургскаго, или Бранденбургской Швабскаго, хотя всѣ тогожъ Нѣмецкаго народа[2]». Единство русскаго народнаго языка даетъ ему еще болѣе права на наше вниманіе. Но кромѣ того неоспоримо, что и мѣстныя слова, удачно выражающія такія понятія, для которыхъ недостаетъ словъ въ языкѣ письменномъ, могутъ быть пригодны для всеобщаго употребленія. Поэтому Даль не пренебрегалъ и мѣст-

[1] Словарь, ч. I, стр. v.

[2] *Соч. Ломоносова*, т. I, «О пользѣ книгъ церковныхъ», стр. 532.

ными словами, когда они казались ему заслуживающими извѣстности: дѣйствуя такъ, онъ былъ тѣмъ болѣе правъ, что вообще не легко опредѣлить границы распространенія слова. Въ этомъ отношеніи, для Даля было чрезвычайно важно изданіе нашимъ Отдѣленіемъ, въ 1852 году, *Опыта областнаго великорусскаго словаря.* Пользу его для своихъ работъ самъ онъ сознаетъ безпристрастно: хотя онъ и не упускаетъ случаевъ, при самомъ текстѣ своего словаря, строго и рѣзко выставлять недостатки какъ областного, такъ и другихъ академическихъ словарей, однакожъ въ своемъ *Напутномъ словѣ*, уступая чувству справедливости, онъ говоритъ: «Первое признательное слово мое по сему дѣлу должно быть обращено къ словарямъ Академіи, общему, на коемъ весь трудъ основанъ, и областнымъ, коими запасы мои пополнены»[1]. *Опытъ областнаго словаря*, представившій Далю первый шагъ къ осуществленію его давнишней и любимой мысли, помогъ, кажется, и окончательному ея развитію. По поводу его изданія Даль написалъ въ 1852 г. обширную статью *О нарѣчіяхъ русскаго языка*; не касаясь здѣсь изложенныхъ въ ней частныхъ воззрѣній автора на этотъ предметъ, которыя потребовали бы особаго разсмотрѣнія, приведу оттуда только одну общую, замѣчательно вѣрную мысль: «Мы вобще большею часть ошибаемся, отмѣчая слово курскимъ, нижегородскимъ, потому только, что въ первый разъ его тамъ слышали... Въ общемъ Академическомъ словарѣ отмѣчены областными такія слова, которыя донынѣ входу почти повсемѣстно.... Также точно въ словарѣ областномъ приписаны одной губерніи слова̀ довольно общія.... Изъ этого слѣдуетъ, что намъ еще едва ли можно отдѣлить словарь нарѣчій отъ словаря народнаго языка, и что именно трудъ нашъ тогда только достигнетъ цѣли своей, когда ознакомитъ насъ сколь можно ближе съ языкомъ народнымъ и со всѣми мѣстными особенностями его»...[2]. Эту-то плодотворную мысль Даль и положилъ въ основу своего словаря.

[1] Словарь, ч. I, стр. XIII.
[2] Словарь, ч. I, стр. LI.

Мы уже знаемъ, какой матеріалъ онъ предпринялъ разработать; посмотримъ теперь, какіе предѣлы онъ себѣ намѣтилъ и какъ соблюлъ ихъ. Полнота словаря живого языка можетъ быть только относительная; слѣдовательно, если смотрѣть съ высшей, не просто практической точки зрѣнія, такая полнота тогда только можетъ имѣть научную цѣну, когда въ стремленіи къ ней видно *какое*-нибудь теоретическое начало. Нѣтъ сомнѣнія, что Даль, переливъ въ свой трудъ все, что для его цѣли было годно изъ напечатанныхъ до него русскихъ словарей, и прибавивъ къ этому массу словъ, имъ самимъ собранныхъ, далъ намъ самый полный русскій словарь изъ всѣхъ, какіе мы до сихъ поръ имѣемъ: по собственному его показанію, число прибавленныхъ имъ словъ (считая, разумѣется, не одни новыя, малоизвѣстныя, но и весьма обыкновенныя второобразныя, только прежде не отмѣченныя) можетъ *простираться* отъ 70 до 80-ти тысячъ. Но если мы спросимъ, *какимъ* собственно правиломъ руководствовался Даль, принимая изъ народныхъ или мѣстныхъ словъ одни и отбрасывая другія, то едва ли получимъ удовлетворительный отвѣтъ. Иногда онъ вноситъ мѣстныя слова не великорусскія, напр. *вовкулака* (очевидно имѣющее малороссійскую форму), или даже и вовсе не-русскія, а инородческія, т. е. финскія, татарскія и т. п., каковы, напр., архангельскія слова: *конда* и *мянда* (особые виды сосны) или кавказское *аба* (толстое и рѣдкое бѣлое сукно). Кажется, что и вообще исключительно мѣстныя, хотя бы и русскія, названія предметовъ, которыя не могутъ имѣть примѣненія въ общеупотребительномъ языкѣ и потому не отвѣчаютъ главной идеѣ Даля, должны бы оставаться достояніемъ областныхъ словарей. Иначе словарь народнаго языка подвергнется опасности вмѣстить въ себѣ случайное извлеченіе изъ областныхъ словарей разныхъ мѣстностей. Впрочемъ такихъ мѣстныхъ названій у Даля, сравнительно, немного; за то какое безчисленное множество собралъ онъ дѣйствительно общенародныхъ словъ, которыхъ образованный языкъ до сихъ поръ не зналъ: между ними особеннаго вниманія заслуживаетъ большое количество словъ, относящихся до естествовѣдѣнія, ме-

дицины, ремеслъ и промысловъ, названій, отчасти только въ народѣ обращающихся, напр. *гусачи́ха*, *гуса́ковая перепонка*, предлагаемое Далемъ вмѣсто употребляемаго нынѣ искуственнаго слова грюдобрюшная преграда. Рядомъ съ словами народнаго языка помѣщены имъ также слова иноязычныя, и притомъ не только пользующіяся правомъ давности, но и вновь вводимыя (разумѣется, не всѣ, а только болѣе употребительныя). За это онъ, какъ намъ кажется, не заслуживаетъ упрека, ибо, каковы бы ни были эти слова, никто не можетъ отрицать, что они находятъ себѣ мѣсто въ современномъ живомъ языкѣ, хотя и нельзя поручиться за долговѣчность многихъ изъ нихъ.

Далѣе авторъ заимствовалъ изъ словаря академическаго также многія церковно-славянскія и старинныя русскія слова, занесенныя туда изъ письменныхъ памятниковъ, и притомъ не только тогда, когда они въ другомъ значеніи донынѣ употребительны, но и тогда, когда они принадлежатъ исключительно древнему языку. При тѣсной и неразрывной связи, существующей у насъ между языкомъ настоящаго и давнопрошедшаго времени, понятно, что лексикографу *живого языка* трудно и даже совершенно невозможно быть послѣдовательнымъ и ограничиваться однимъ современнымъ языкомъ. Какъ напр. поступать ему съ словами: *длань*, *здать*, *ристать*, *осклабляться*, *стогнъ*, *паволока*, *стольникъ*, *кравчій*, съ формами: *младой*, *драгой*, *златой*, *гладъ*, *стражъ?* Даль рѣшился сохранять не только такія слова, но и другія менѣе нужныя, напр. *скирбь*, *скнипа*, *гобзовать*, *угобжать*, *вуй*, *стрый*, *средовѣкъ*, *спона*, отмѣчая ихъ иногда припискою *црк.* или *стар.* и присоединяя къ нимъ тѣ же примѣры, какіе приведены въ академическомъ словарѣ изъ древнихъ памятниковъ. Нельзя не признать этого справедливымъ въ отношеніи къ стариннымъ словамъ, еще употребляемымъ въ новомъ письменномъ языкѣ или имѣющимъ значеніе корней; но что касается такихъ словъ, которыя рѣдко встрѣчаются и въ памятникахъ, какъ напр. *скирбь* (связка), то кажется, не было основанія давать имъ мѣсто въ словарѣ живого языка, ибо большинства подобныхъ словъ мы

у Даля все-таки не найдемъ, напр. *непщевать, склабиться*. Такимъ образомъ, отдавая полную справедливость лексическому богатству словаря Даля, мы должны однакожъ замѣтить, что у него трудно отыскать какое-либо строго опредѣленное, однообразное теоретическое начало, подъ которое подходили бы всѣ принятыя имъ слова. Относительно задачи автора, обозначенной въ самомъ заглавіи словаря названіемъ «живого великорускаго языка», можно упрекнуть его въ излишествѣ, такъ что многія слова попадаются тамъ совершенно неожиданно для пользующагося имъ; конечно, всякая такая случайная находка можетъ быть тому или другому читателю очень пріятна; но надобно, чтобы всякій, обращаясь къ словарю, заранѣе зналъ, чтó онъ можетъ найти въ немъ и чего искать не долженъ.

Даля не разъ упрекали еще въ томъ, что въ словарѣ его встрѣчаются слова сомнительныя и такія, которыя составлены имъ самимъ, однакоже занесены безъ всякихъ оговорокъ. Упрекъ этотъ такъ важенъ, что мы не можемъ оставить его безъ разсмотрѣнія.

Возражая на такое обвиненіе, самъ Даль сознается, что «при *толкованіяхъ*, а иногда и *въ числѣ производныхъ словъ* могли попадаться и такія, кои доселѣ не писались, а можетъ-быть даже и не говорились»: — «въ переводахъ чужихъ словъ», говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, «могутъ попадаться въ словарѣ изрѣдка вновь сочиненныя слова, отдаваемыя на общій судъ; но въ красной строкѣ или въ числѣ объясняемыхъ словъ *сочиненныхъ много словъ нѣтъ:* въ красную строку, въ число реченій, набираемыхъ крупнымъ наборомъ, отъ строки, собиратель ставилъ только слова читаныя или слышаныя имъ». Къ числу словъ, составленныхъ самимъ авторомъ, разумѣется изъ соединенія уже извѣстныхъ словъ, относятся, напр., имена сущ.: *ловкосиліе* (при словѣ гимнастика), *міроколица* (при сл. атмосфера), *глазоемъ* (при сл. горизонтъ), *надпись, насылка* (при сл. адресъ). Даль и прежде уже, въ статьяхъ воихъ, предлагалъ подобныя новосоставленныя слова; теперь чъ считалъ долгомъ *словарника* (употребляю его слово) «пе-

ревести каждое изъ принятыхъ словъ на свой языкъ и выставить тутъ же всѣ равносильныя, отвѣчающія или близкія ему выраженія рускаго языка, чтобы показать, есть ли у насъ слово это, или его нѣтъ... «Если», говоритъ онъ, «предлагаемыя слова не сыщутъ одобренія и пріема у писателей, то, можетъ быть, дадутъ поводъ къ толкамъ и къ отысканію другихъ и лучшихъ словъ, и тогда цѣль наша очевидно будетъ достигнута»[1]. Попытка замѣнять чужія слова своими, стараніе изгонять варваризмы конечно заслуживаетъ всякаго уваженія, какъ и все то, что Даль говоритъ объ этомъ въ своемъ предисловіи (ч. I, стр. xi—xii); однакожъ мы не можемъ не согласиться съ мнѣніемъ, которое уже было выражаемо другими, что всѣ вновь придуманныя самимъ авторомъ слова должны бы быть отмѣчены особенными знаками. Даль совершенно справедливо разсуждаетъ о трудности указывать всякій разъ лицо, отъ котораго то или другое слово было слышано; но что̀ бы онъ ни возражалъ противъ приведеннаго требованія, мы находимъ, что никакое новое слово (какъ напр. *міроколица*) не могло быть составлено имъ безсознательно, и потому не понимаемъ, что̀ мѣшало ему отмѣчать такія слова. Отъ несоблюденія этого пользующійся словаремъ поставленъ въ большое затрудненіе. Чтобы убѣдиться, ходитъ ли въ народѣ такое-то слово, употребленное Далемъ въ толкованіяхъ и кажущееся по чему-либо сомнительнымъ, необходимо каждый разъ справиться, стои́тъ ли это слово въ красной строкѣ. Но въ красной строкѣ помѣщены только слова относительно первообразныя; а затѣмъ между производными отъ нихъ, напечатанными также крупнымъ шрифтомъ, иногда встрѣчаются опять-таки сомнительныя слова (напр. *насылъ*, *насылка* въ смыслѣ «адресъ»), ничѣмъ не отличенныя отъ словъ вполнѣ достовѣрныхъ.

Для большей ясности разсмотримъ слѣдующій примѣръ. Въ толкованіи слова *горизонтъ* помѣщены у Даля между прочимъ слова: *небоземъ*, *глазоемъ*, *зрѣймо*, *завѣсь*, *закрой* касп., *озоръ*,

[1] Словарь, ч. I, стр. x и xii, и ч. IV: «Отвѣтъ на приговоръ», стр. 1—4.

овидь арх. Ищемъ этихъ объяснительныхъ словъ, каждаго въ своемъ мѣстѣ, и находимъ: слово *зрѣймо* съ отмѣткою *стар.* и съ толкованіемъ: «видо́къ, видки, разстояніе, на какое видитъ глазъ»; но это уже не то, что горизонтъ; словъ *небоземъ* и *глазоемъ* не находимъ вовсе; при словѣ *за́вѣсь*, подъ глаг. *завѣшивать*, не встрѣчаемъ значенія «горизонтъ»: слово же *озоръ* показано въ трехъ значеніяхъ: 1) соглядатай; 2) дозоръ; 3) горизонтъ. Итакъ, повидимому, мы вправѣ заключить, что имена *небоземъ* и *глазоемъ* составлены самимъ Далемъ, *завѣсь* предлагается имъ въ новомъ значеніи, *озоръ* же употребляется такъ въ народѣ. Но тутъ новое сомнѣніе: слово *озоръ* отмѣчено рязанскимъ; спрашивается, относится ли эта отмѣтка только къ первому его значенію, или ко всѣмъ тремъ; весьма любопытно было бы знать, въ какихъ мѣстностяхъ *озоръ* употребляется въ смыслѣ горизонта. Далѣе подъ словомъ «горизонтъ» предлагаются для замѣны его еще два мѣстныя слова: *закрой*, *касп.*, и *о́видь*, арх.; но изъ нихъ мы второго вовсе не находимъ въ азбучномъ порядкѣ, а первое приведено подъ глаголомъ *закрывать*, какъ астрах., между прочимъ въ такомъ значеніи: «разстоянье, на которомъ въ морѣ предметъ скрывается изъ виду; 12-15 верстъ»: это опять не совсѣмъ то же, что́ горизонтъ, и едва ли можетъ соотвѣтствовать выражаемому послѣднимъ понятію. Такимъ образомъ читатель лишенъ положительнаго и вполнѣ надежнаго руководства для повѣрки и оцѣнки словъ, предлагаемыхъ авторомъ въ толкованіяхъ. Когда употребленное въ объясненіяхъ слово пропущено въ алфавитной номенклатурѣ, то мы въ недоумѣніи, отъ того ли это, что оно придумано самимъ лексикографомъ, или пропускъ произошелъ случайно. Когда же такое пояснительное слово стоитъ еще и въ настоящемъ своемъ мѣстѣ, но безъ означенія, откуда оно родомъ, то мы опять не можемъ быть вполнѣ увѣрены въ его дѣйствительномъ существованіи. Такъ изъ словъ, предлагаемыхъ Далемъ для перевода имени *атмосфера*, мы правда встрѣчаемъ *колоземицу* подъ словомъ *коло*, но, не видя, изъ какой мѣстности оно заимствовано, сомнѣваемся, точно ли это — народное слово, тѣмъ болѣе что при немъ находимъ только

примѣръ изъ области науки: «Должно», что у луны колоземицы нѣтъ». Другое въ томъ же значеніи предлагаемое слово: *міроколица* не помѣщено въ номенклатурѣ, и мы слѣдовательно въ правѣ думать, что оно принадлежитъ самому Далю; но опять насъ приводитъ въ сомнѣніе то, что оно встрѣчается подъ словомъ *вода* въ слѣдующей фразѣ: «испаренія водныя наполняютъ міроколицу въ видѣ облаковъ» и проч. Казалось бы, что если это слово — придуманное, то не слѣдовало употреблять его иначе, какъ при самомъ словѣ *атмосфера*, къ переводу котораго оно должно служить. Изъ личнаго объясненія съ авторомъ мы знаемъ, что слова́ *колоземица* и *міроколица* имъ самимъ составлены.

Обратимся теперь къ способу расположенія словъ у Даля. Чисто азбучный порядокъ, въ которомъ, по его выраженію, каждое слово объясняется само по себѣ, казался ему «тупымъ и сухимъ»; а корнесловный, «подбирающій слова цѣлыми ватагами подъ одинъ корень», слишкомъ труднымъ и неизбѣжно ведущимъ къ произволу. Поэтому Даль придумалъ средній путь: онъ рѣшился собрать по *семьямъ* или *гнѣздамъ* всѣ очевидно сродственныя слова, устранивъ однакоже предложныя и тѣ производныя, въ коихъ измѣняются начальныя буквы[1].

Возьмемъ для примѣра слово *садъ*. Мы найдемъ его не въ красной строкѣ, а середи сплошныхъ строкъ, составляющихъ гнѣздо, которое идетъ отъ глагола *сажать*, *садить*. Въ томъ же гнѣздѣ помѣщены слова: *сажанье*, *садка*, *садокъ*, *сажалка* и пр. Совсѣмъ другую отрасль того же корня составляетъ глаголъ *сидѣть* съ своими производными: *сидка*, *сидячій*, *сидень*, *сидѣлецъ* и т. д., а потому вся эта отрасль и отдѣлена въ особое гнѣздо. Предложныя слова *посадка*, *присядка*, *всадникъ*, *осада* и проч., какъ начинающіяся другими буквами, стоятъ опять каждое въ своемъ гнѣздѣ; гнѣзда же по большей части начинаются глаголами, каковы для этихъ словъ: *посадить*, *присѣдать*, *всаживать*, *осаживать*. Такъ же точно въ отдѣльныхъ гнѣздахъ стоятъ на-

[1] Слов., ч. I, стр. VIII.

прим. слова *грузъ, грязь, погружать, погрязнуть*, или: *трясти, трусъ, отряхать, растряхивать*.

Нельзя не отдать полной справедливости этой разумной и удобной системѣ. Но правильное примѣненіе ея къ дѣлу не такъ легко, какъ оно кажется, потому что требуетъ глубокаго этимологическаго знанія языка, основательнаго филологическаго образованія. Доказательствомъ трудности этой задачи служитъ то, что и такой рѣдкій практическій знатокъ языка, каковъ Даль, часто ошибается какъ въ распредѣленіи гнѣздъ, такъ и въ размѣщеніи словъ въ томъ или въ другомъ гнѣздѣ. Къ одному и тому же гнѣзду онъ относитъ иногда слова различнаго происхожденія, и наоборотъ, слова близкія одно къ другому по корню и составу, разноситъ, вопреки своему плану, въ разныя гнѣзда; наконецъ слова́, собранныя въ томъ же гнѣздѣ, часто слѣдуютъ одно за другимъ въ порядкѣ ни на чемъ не основанномъ, что́ неминуемо затрудняетъ отысканіе ихъ, тѣмъ болѣе, что и шрифтъ не всегда употребляется согласно съ заявленными авторомъ правилами.

Все это легко доказать примѣрами:

1. Примѣры невѣрнаго распредѣленія гнѣздъ.

Слова *гудить, густи* и *гусли* поставлены каждое въ главѣ особаго гнѣзда, тогда какъ два послѣднія должны бы стоять подъ первымъ въ одномъ гнѣздѣ.

Слово *крица* есть только другая форма слова *кра* и не должно было составить отдѣльнаго гнѣзда.

То же надобно сказать о словахъ: *дикій* и *дичь*, *горнъ* и *горшокъ*, изъ которыхъ каждое ошибочно служитъ у Даля началомъ отдѣльнаго гнѣзда (*горшокъ* относится къ *горну* такъ же, какъ *корешокъ, гребешокъ, плетешокъ, черешокъ* къ словамъ: *корень, гребень, плетень, черенъ*[1]); *ворота* и *воротить; вязать* и

---

[1] Въ одномъ изъ своихъ *Прибавленій* (ч. I) Даль, правда, сближаетъ *горшокъ* съ *горномъ;* но думаетъ, что *горшокъ* есть сокращеніе изъ *горнишекъ*. На

вясло; везти и *весло*[1]; *мазать* и *масло.* Незначительное измѣненіе согласныхъ въ серединѣ этихъ словъ не должно было служить препятствіемъ къ соединенію ихъ въ одно гнѣздо, такъ какъ въ другихъ случаяхъ Даль сближаетъ слова, гораздо болѣе расходящіяся по звуковому составу, а въ совершенно сходномъ случаѣ правильно ставитъ въ одно гнѣздо слова́ *перевязать* и *перевясло.* Соединяетъ же онъ равнымъ образомъ *весна* и *вешній, вешня, вешня́къ; великій* и *величать, величіе, вельможа*; даже *закладывать* и *залогъ* (между тѣмъ *налагать* и *накладывать, прилагать* и *прикладывать, отлагать* и *откладывать* и т. д. помѣщены, какъ и слѣдовало, въ разныхъ гнѣздахъ).

2. Примѣры невѣрнаго размѣщенія словъ въ гнѣздѣ.

Глаголъ *здать* поставленъ въ гнѣздѣ, начинающемся съ имени *зданіе*, тогда какъ послѣднее — отглагольное существительное. Въ связи съ этимъ замѣчу, что остальныя слова, произведенныя отъ того же корня, какъ *зиждитель, зиждительный* и проч., отнесены къ особому гнѣзду подъ глаголомъ *зиждить*, котораго вовсе несуществуетъ. Настоящее время *зижду, зиждешь* и т. д. есть отрасль глагола *здать.* Но если и допустить въ новомъ языкѣ такую неправильно образованную форму какъ *зиждить* (по примѣру *жаждать* вм. *жадать*), то все же она должна бы помѣщена быть, разумѣется съ оговоркою, подъ глаголомъ *здать.* Въ алфавитномъ же порядкѣ, въ красной строкѣ, она могла быть поставлена только со ссылкою: см. *здать.* Такъ же точно слѣдовало поступить съ словомъ *зодчій*, которое равнымъ образомъ происходитъ отъ *здать*, а не ставить его въ новомъ гнѣздѣ подъ словомъ *зодчество.* Изъ этихъ же двухъ существительныхъ послѣднее конечно далѣе отъ корня чѣмъ *зодчій.*

самомъ же дѣлѣ буква *н* тутъ просто превращается въ *ш*, какъ въ словахъ: *головня, головешка, дровни, дровешки, полно, полѣшко*, или, у простонародья, не *трошь* (вм. не тронь).

[1] Производство слова *весло* (вм. *везтло*) отъ *везти* не ново: оно указано еще Добровскимъ въ его Etymologikon (стр. 7 и 59), и принято Рейфомъ.

Такая же мнимая глагольная форма какъ *зиждить* есть форма *зыбить*, поставленная Далемъ возлѣ истинной: *зыбáть*[1]. По мнѣнію его, настоящее: *зыблю*, *зыблешь* относится къ первой формѣ, а *зыбаю*, *зыбаешь* ко второй. Но Даль не принялъ въ соображеніе, что есть цѣлый разрядъ глаголовъ, въ которомъ формы настоящаго вр. и неопред. наклоненія находятся между собою въ такомъ точно отношеніи, какъ *зыблю* и *зыбать*; именно глаголы: *колебать*, *дремать*, *сыпать*, *капать*, *вязать*, *мазать*, *плакать*, *чесать*, *пахать* и проч. Во всѣхъ ихъ согласная, стоящая въ неопред. накл. передъ окончаніемъ *ать*, умягчается въ настоящемъ времени (б′ = бл, м′ = мл, п′ = пл, з′ = ж, к′ = ч, с′ = ш, х′ = ш).

Когда гнѣздо начинается предложнымъ глаголомъ, то этотъ глаголъ у Даля всегда ставится въ несовершенномъ видѣ, напр. *скашивать*, *скрещивать*, *умаливать* (при *умалять* и *умолять*), *устаивать*, *устраивать*. Это неудобно, потому что затрудняетъ пріискиваніе словъ, выставляя на первый планъ форму болѣе видоизмѣненную чѣмъ ближайшій къ корню совершенный видъ: *скосить*, *скрестить*, *устоять*, *устроить*. Лучше было бы предпочесть противоположный порядокъ, такъ какъ гораздо рѣже случается, чтобы наоборотъ корень цѣлѣе оставался въ несовершенномъ видѣ; это бываетъ только въ глаголахъ на *сть* и *чь*: *падать*, *пасть*; *сберегать*, *сберечь*; *протекать*, *протечь*. Въ несоверш. же видѣ нѣкоторые предложные глаголы и вовсе не употребительны (напр. отъ *хлынуть*, *поблѣднѣть*, *побѣжать*, *поздоровилось*). Впрочемъ понятно, что какой бы единообразный порядокъ ни выбрать, — а это необходимо, — каждый имѣлъ бы, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, свою невыгодную сторону; замѣченное же нами неудобство метода Даля въ отношеніи къ предложнымъ глаголамъ уменьшается тѣмъ, что и совершенный видъ всегда стоитъ у него отдѣльно со ссылкою на несовершенный.

---

[1] Любопытно, что и нѣкоторые изъ лучшихъ писателей нашего времени, по такому же недоразумѣнію, неправильно употребляютъ въ неопр. накл. формы *зиждиться* и *зыблиться*: см. въ стихотвореніяхъ гр. А. К. Толстого. Въ словарѣ же Даля мы находимъ еще *объемлить* рядомъ съ *обнимать*!

3. Примѣры словъ, попавшихъ не въ свои гнѣзда.

Дышло, помѣщенное подъ словомъ *дыхать*, должно стоять отдѣльно, какъ слово германское (Deichsel, древненѣм. dihsila, англос. disl, голл. dyssel), перешедшее къ намъ, безъ сомнѣнія, черезъ Польшу (dyszel).

Колѣть произведено отъ слова *колъ* и опредѣлено такъ: «цѣпенѣть, коченѣть, замерзать коломъ». Но оно совершенно другого происхожденія, какъ видно изъ финскаго кореннаго слова kuoli = смерть, и англ. to kill — убивать. Слово же *колъ*, означающее «завостреный шестъ», находится въ очевидной связи съ первообразнымъ глаголомъ *колоть*, подъ которымъ оно и должно было найти мѣсто, такъ же какъ *ломъ* правильно поставлено подъ *ломать*. Между *колѣть* и *колъ*, въ этимологическомъ смыслѣ, нѣтъ никакого соотношенія.

Цѣпъ пріурочено къ слову *цѣпь*, но имѣетъ совершенно самостоятельный корень (сканд. käpp, палка), какъ и самостоятельное значеніе: Шимкевичъ справедливо раздѣлилъ эти два имени въ своемъ *Корнесловѣ*.

Потолокъ попалъ въ гнѣздо глагола *поталкивать*, *потолкать*, тогда какъ ближе относится къ семейству глагола *толочить* (топтать), такъ же какъ *притолока*, отнесенное Далемъ къ глаголу *приталкивать*. Нѣтъ сомнѣнія, что *толо́къ* есть русская, полногласная форма славянскаго слова *тлакъ*, которое у Хорутанъ значитъ *полъ* (Boden, Estrich; ср. русское *тло* = основаніе). Отвергать это потому, что *потолокъ* по значенію противоположенъ *полу* было бы несправедливо: *потолокъ* въ отношеніи къ пространству, находящемуся надъ нимъ подъ крышей, составляетъ именно *полъ*. Такъ точно у Нѣмцевъ Boden, означающее исподъ, основаніе, полъ, перешло въ значеніе чердака или чердачнаго пола (см. словарь Гримма, т. II, стр. 214). Помѣстивъ *потолокъ* въ гнѣздѣ глагола *поталкивать*, Даль въ другихъ мѣстахъ выражаетъ догадку, что это существительное, быть можетъ — искаженное говоромъ *подволокъ*, слово, имѣю-

щее въ Арх. губ. то же значеніе. Но по какому же фонетическому закону было бы возможно такое превращеніе? Для этого нѣтъ ни данныхъ, ни аналогій въ цѣлой области славянскихъ языковъ.

Маститый отнесено къ гнѣзду *мастика*, тогда какъ должно бы стоять подъ словомъ *масть*, которое значитъ жиръ, тукъ (см. *Павскаго*, *Разсужд*. II, стр. 113, § 94).

Названное нами мимоходомъ слово *тло* неправильно отнесено къ глаголу *тлѣть*. Въ эту ошибку впалъ и академическій словарь, по которому *тло* то же, что *тлѣнъ*. *Тло*, какъ выше замѣчено, заключаетъ въ себѣ корень глагола *толочить* и значитъ просто: основаніе, дно. Это видно между прочимъ изъ его народнаго употребленія въ смыслѣ *дно улья* (чтó означено и Далемъ по акад. областному словарю). Еще болѣе убѣждаетъ въ томъ сравненіе съ другими славянскими языками: у Хорутанъ tla, множ. ч., съ предлогомъ do (do tal) значитъ: до основанія (bis auf den Boden, *Murko*); польское tło значитъ полъ, грунтъ, der Fussboden, der Boden (*Linde*); наконецъ, и въ церк.-слав. *тьла* или *тьлѧ* (множ.) = pavimentum, помостъ (*Востоковъ*). Въ выраженіи «сгорѣть до тла» нѣтъ никакого соотношенія съ понятіемъ *тлѣнія*: оно равносильно выраженію: «сгорѣть до основанія».

Въ упомянутыхъ выше двухъ родственныхъ гнѣздахъ: *садить* и *сидѣть*, опять не все на своемъ мѣстѣ. Такъ глаголъ *сѣсть* отнесенъ къ первому изъ этихъ гнѣздъ, а не къ послѣднему, чтó было бы конечно правильнѣе. Сдѣлано это по сходству значенія глаголовъ *садиться* и *сѣсть*, которые потому и поставлены рядомъ, и примѣры на тотъ и другой смѣшаны; но основаніемъ распредѣленія гнѣздъ должно служить сродство не логическое, а корнесловное.

Слово *просторъ* отнесено къ гнѣзду *простой*, а въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ къ одному корню съ гл. *простирать*, который образуетъ у Даля гнѣздо, вмѣщающее только существительныя *простираніе*, *простертіе*, *простирало*, *простиратель*. Туда не включено даже и слово *пространный*, которое съ сущ.

пространство опять отдѣлено въ особое гнѣздо. Очевидно, что всѣ эти предложныя слова въ близкомъ родствѣ съ простымъ существительнымъ *страна*, *сторона*.

Впрочемъ, при указаніи подобныхъ промаховъ въ словарѣ Даля надобно быть осторожнымъ, потому что многіе изъ нихъ, очевидно, произошли не отъ недостатка познаній у составителя, а просто по недосмотру, иногда и независимо отъ самого автора, по винѣ типографіи, помѣстившей напримѣръ слово *утопія* въ гнѣздѣ глагола *утопить*, нелѣпость, которой конечно не допустилъ бы Даль, если бъ во-время ее замѣтилъ. Зная, что онъ отъ начала до конца работалъ одинъ и тѣмъ болѣе спѣшилъ, что силы, потрясенныя болѣзнью, начинали ему измѣнять, мы не можемъ не смотрѣть съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ на подобные недосмотры.

Но вообще словопроизводство, или корнесловіе (этимологія въ обширномъ смыслѣ), составляетъ самую слабую сторону разбираемаго словаря. Въ предисловіи своемъ Даль справедливо говоритъ, что «знаніе корней образуетъ уже по себѣ цѣлую науку и требуетъ изученія всѣхъ сродныхъ языковъ, не исключая и отжившихъ, и при всемъ томъ корнесловный порядокъ основанъ на началахъ шаткихъ и темныхъ, гдѣ безъ натяжекъ и произволу не обойдешься... Ошибочная натяжка словъ къ чужому корню, по одному созвучію, много вредитъ изученію языка, лишая слова природной связи и жизни». При такомъ вѣрномъ пониманіи дѣла Даль, не довѣряя своимъ силамъ и знаніямъ (о которыхъ онъ самъ отзывается съ такою скромностью), отказался отъ этимологическаго порядка и заявляетъ, что «онъ старательно избѣгалъ ошибочнаго производства (чему множество примѣровъ у Рейфа) и боялся приговоровъ въ такомъ темномъ дѣлѣ»[1]. Нельзя не пожалѣть, что авторъ *Толковаго Словаря*, разсуждая такъ здраво о трудностяхъ этимологіи, часто безъ всякой надобности выражаетъ по этому предмету догадки, которыхъ не можетъ одобрить наука. Къ чему напр. при словѣ *казакъ*, начинающемъ гнѣз-

---

[1] Сл., ч. I, стр. IV, VI, VIII—IX.

до, онъ ставитъ въ скобкахъ: «изъ всѣхъ производствъ самое толковое отъ гл. *казать*, — *ся*, гарцевать; но вѣроятно, это сл. азіятское». Если послѣднее вѣроятно, какая же надобность въ приведенномъ напередъ предположеніи? Такъ же непонятно, зачѣмъ противъ глаг. *обруснить* сдѣлана выноска: «не отъ этого ли *брусника?*» или зачѣмъ при словѣ *телега* поставлено въ скобкахъ: «отъ *тал*, доля, и *иго: пол-ига*, одноконный, оглобельный возъ». Не болѣе основательно при словѣ *вьюнецъ*[1] подъ *вьять* или *віять* примѣчаніе: «не переиначено ли изъ вѣнецъ?» или при словѣ *истинъ* (подъ истекать): «здѣсь сходится производство отъ течь, тыкать и тнуть». Даль вообще любитъ видѣть въ одномъ словѣ нѣсколько корней, и при существ. *перетонъ* опять замѣчаетъ: «здѣсь три корня: тнуть, тѣнь и тонкій». При словѣ *гуртъ* указано въ скобкахъ для поясненія: *горнуть*; этотъ же глаголъ, ошибочно помѣщенный подъ *горнъ*, зн. загребать, воротить. Но *гуртъ* есть герм. слово (шв. hjord, нѣм. Heerde) и значитъ первоначально стадо рогатаго скота. Можно бы привести еще множество примѣровъ такого невѣрнаго пониманія производства словъ, но для нашей цѣли и этихъ указаній достаточно.

Подобно корнесловію, и грамматика не всегда можетъ быть довольна обращеніемъ съ нею Даля. Свой взглядъ на нее онъ самъ объясняетъ въ предисловіи: по его словамъ, «онъ съ нею искони былъ въ какомъ-то разладѣ, не умѣя примѣнить ее къ нашему языку и чуждаясь ее (*ея*) не столько по разсудку, сколько по какому-то темному чувству опасенія, чтобы она не сбила его съ толку, не ошколярила, не стѣснила свободы пониманья, не обузила бы взгляда. Недовѣрчивость эта», прибавляетъ онъ, «основана была на томъ, что онъ всюду встрѣчалъ въ русской граматикѣ латынскую и нѣмецкую, а русской не находилъ»[2]. Изъ этихъ

---

[1] Слово *вьюнецъ* (зн. новобрачный) есть не что иное какъ юнецъ съ прибавленіемъ *в* въ началѣ: оно должно было стоять отдѣльно со ссылкою на прилаг. *юный*, подъ которымъ мы у Даля дѣйствительно находимъ между прочимъ: *юнецъ*, *юница* (новобрачные).

[2] Сл., ч. I, стр. IV.

словъ становится яснымъ, что подъ грамматикой Даль разумѣетъ не вообще науку о законахъ языка, а какой-нибудь или какіе-нибудь отдѣльные труды по этой наукѣ. Но что же мѣшало ему понимать законы языка по-своему и основать на нихъ свою особую грамматику? Самъ же онъ называетъ себя *ученикомъ живого русскаго языка*; а съ помощію такого разумнаго учителя внимательный и способный ученикъ могъ бы разъяснить многія тайны, для другихъ непроницаемыя. Насколько грамматика входитъ въ словарное дѣло, Даль въ нѣкоторыхъ случаяхъ и оказалъ ей по крайней мѣрѣ отрицательную услугу, отвергнувъ наприм. обозначеніе при каждомъ глаголѣ залога его, чтó всѣ прежніе словари наши считали одною изъ своихъ непремѣнныхъ обязанностей. Но еще Востоковъ въ своей грамматикѣ (Спб. 1839, § 57) мимоходомъ замѣтилъ, что залоги «различаются не по окончаніямъ, а *по значенію*, какое глаголъ получаетъ *въ употребленіи* съ другими словами». Отсюда уже ясно, что невозможно при каждомъ глаголѣ a priori означать свойственный ему залогъ. Тѣмъ не менѣе никто до автора *Толковаго Словаря* не воспользовался на дѣлѣ скромною, но многозначительною замѣткою Востокова. Несообразности, вкравшіяся оттого въ академическій словарь, навели Даля на мысль совершенно исключить изъ своего словаря, при глаголахъ, всякое наименованіе залога. Стараясь вообще замѣнять теорію практикой, онъ относительно этого предмета въ *Напутномъ словѣ* оговаривается слѣдующимъ образомъ: «Граматическія указанія въ словарѣ вобще скудны, потому что оказываются то ничтожными и бесполезными, то сбивчивыми и даже ложными; языкъ нашъ нынѣшній граматикѣ своей не поддается. Приложеніе слова къ дѣлу, отношенія его въ строеніи речи, управленіе или зависимость всюду объяснены примѣрами, и въ нихъ должно искать объясненія всѣхъ подобныхъ вопросовъ»... Такъ, между прочимъ, «при каждомъ коренномъ глаголѣ показаны примѣры сочетанія его со всѣми подходящими къ нему предлогами»[1].

---

[1] Сл., ч. I, стр. VIII.

Напр. подъ глаголомъ *строить* находимъ фразы: «Выстроить домъ, войска выстроились. Я достраиваюсь. Нельзя застраивать улицы. Настроить клѣтушекъ. Надстроить вышку. Онъ хорошо обстроился» и т. д. Хотя все это по-настоящему разные глаголы, однакожъ такое указаніе предложныхъ словъ при простомъ, изъ котораго они составлены, должно быть признано дѣйствительно полезнымъ.

Между грамматическими недоразумѣніями Даля нельзя умолчать о слѣдующемъ: слово *пѣши* принимается имъ за нарѣчіе того же значенія, какъ *пѣшкомъ*. Это ясно выражено имъ между прочимъ подъ прилаг. *пѣшій:* «кто не ѣдетъ, идетъ на своихъ ногахъ, идетъ *пѣши*, *пѣшкомъ*». Такое пониманіе формы *пѣши* видно и изъ другихъ мѣстъ словаря. Отъ вниманія Даля ускользнуло, что *пѣши* не что иное, какъ прилаг. множ. числа, въ единственномъ же ставится точно такъ же *пѣшъ*, *пѣшій*. Такъ Ломоносовъ говоритъ: «Не хотимъ ни *пѣши*, ни на коняхъ итти съ вами» (Соч. его, ч. III, стр. 165). Въ Ипат. спискѣ: «*пѣшъ* ходя» (155)[1]. У Державина (*Къ Калліопѣ*, 2 ак. изд., т. III, стр. 75):

. . . . . «пловцомъ пущусь охотно
Въ āрящійся Босфоръ, въ пески ливійски *пѣшъ*»,

или у него же (*Жилище богини Фригги*, тамъ же, стр. 81):

«*Пѣши* въ бубны рыцари стучатъ».

Нигдѣ и никогда форма *пѣши* не служила нарѣчіемъ.

Отдѣльно поставлено слово *нейстечко*, котораго совсѣмъ не существуетъ. Въ другомъ мѣстѣ оно приведено правильно: *нѣщечко*.

Вниманія заслуживаетъ, что между словами, пропущенными въ словарѣ Даля, значительное число составляютъ граммати-

---

[1] Въ *Историч. грамматикѣ* г. Буслаева (изд. 1863, § 228) указаны и нѣкоторыя другія прил., употребляемыя такимъ образомъ какъ бы вм. нарѣчій: *правъ*, *прямъ*, *радъ*, *добръ* и проч.

Даль пишетъ: «За нужду *пѣши* пойдешь», вм. *пѣшій*, см. подъ словомъ *нужда*, Сл., ч. II, стр. 1142. — Подъ словомъ *идти* также приведенъ примѣръ «*я шелъ пѣши*» (стр. 632).

скіе термины: такъ напр. вы здѣсь не найдете грамматическаго объясненія словъ: *приставка*, *подъемъ*, *перебой* (звуковъ), *наращеніе*, *общій* (въ смыслѣ залога), и вовсе не найдете словъ: *суффиксъ*, *аглутинація*, *лексическій*, *флексія*, *фонетическій* и проч. Самые же общеизвѣстные грамматическіе термины, не пропущенные Далемъ, обставляетъ онъ иногда слишкомъ произвольными замѣчаніями; напр. подъ словомъ *наклоненіе* онъ говоритъ, что у насъ принято три наклоненія и прибавляетъ: «*одно личное*, *другое безличное*, *третье приказываетъ*». Почему же здѣсь первыя два названы по внѣшнему признаку, а послѣднее по значенію (впрочемъ, также оспариваемому иными)? Притомъ же Даль здѣсь забылъ истину, очень хорошо имъ самимъ сознанную и выраженную такъ: «словарникъ не законникъ, не уставщикъ, а сборщикъ»[1].

Отношеніе Даля къ грамматикѣ обнаруживается особенно изъ замѣчаній, которыми онъ объясняетъ принятую имъ своеобразную орѳографію. Этого предмета мы также не можемъ оставить безъ вниманія. По приведенному сейчасъ правилу лексикографъ не долженъ бы и въ отношеніи къ правописанію позволять себѣ слишкомъ рѣзкихъ нововведеній; въ противномъ случаѣ, при употребленіи словаря будутъ возникать неизбѣжныя затрудненія и недоумѣнія.

Справедливо предположивъ себѣ «охранять такое правописаніе, которое бы всегда напоминало о родѣ и племени слова»[2], Даль относительно иноязычныхъ словъ считаетъ это начало совершенно ненужнымъ и пишетъ ихъ только по слуху, вовсе не заботясь о ихъ первоначальной орѳографіи. Согласимся однакожъ, что и иностранное слово будетъ во многихъ случаяхъ понятнѣе, если не потеряетъ на письмѣ всѣхъ признаковъ своего происхожденія. Разумѣется, что мы обязаны сохранять правописаніе чужого слова лишь настолько, насколько это позволяютъ средства нашей азбуки. Но читатель конечно никогда не будетъ въ проигры-

---

[1] Сл., ч. I, стр. XI.

[2] Тамъ же, стр. XII и далѣе.

шѣ, если онъ по нашему правописанію будетъ въ состояніи хотя отчасти возстановить первоначальную ороографію заимствованнаго слова или имени. Мы напр. пишемъ то *штатъ* (какъ въ прил. *заштатный*), то *штадтъ* (какъ въ названіи *Кронштадтъ*); ужели же было бы лучше писать во всѣхъ случаяхъ, по примѣру Даля, единообразно *штатъ?*

Далѣе, онъ принялъ за общее правило не сдваивать буквъ, т. е. не писать рядомъ двухъ *с*, двухъ *н*, двухъ *о*: ему показалось, что наше одно *с* не мягче иностраннаго двойнаго *ss*, и что сдваивать *с* противно русскому языку (а какъ же произошли словá: *ссора*, *ссадить*, *ссылка*, *изсохнуть*, *разспять?*). Поэтому онъ пишетъ: *класъ* (вм. *классъ*), *каса*, *маса*, *шосе*, и даже *Росія; руській*, *французскій*, *бесвязно*, *бестыдно*, *раставлять*. Онъ не сдваиваетъ обыкновенно и буквы *н* въ причастіяхъ страдательныхъ, исключая случаи, «гдѣ этого неуступчиво требуетъ произношеніе»[1]; такъ онъ пишетъ: *опредѣленый*, *дѣланый*, *своевременый*, и — *данный*, *бездыханный*, *деревянный*, *совершенный*, *сокращенный*; очевидно, что тутъ между обоими случаями невозможно провести ясной границы. Вмѣсто *выжжешь*, *выжженый*, онъ по тому же соображенію пишетъ *вызжешь* (забывая, что корень слова *жг* и что *г* неминуемо переходитъ въ *ж*); далѣе на томъ же основаніи мы находимъ у него: *вобще*, *вображеніе*, *воружать*, *сотвѣтствовать*, но — не рѣшаясь слѣдовать этому во всѣхъ случаяхъ, онъ въ то же время пишетъ: *сообщать*, *соображеніе*, *соотечественникъ*. Иногда Даль предлагаетъ въ пользу выговора ужъ слишкомъ большія уступки: такъ онъ не разъ замѣчаетъ, что для отличія глаголовъ *стоя́ть* и *сто́ить* можно бы, не стѣсняясь грамматикой, писать какъ говорится: *сто́ютъ* и *сто́ющій*, и даже: онъ *сто́етъ*[2].

---

[1] Сл., ч. I, стр. 2.

[2] Сл., ч. I, стр. 372, 373, 427.

— Подобныя грамматическія замѣтки Даля обыкновенно помѣщаются имъ въ выноскахъ. Въ одной изъ нихъ предлагается вопросъ, на который отвѣчу въ выноскѣ же. Принявъ за правило писать въ предложномъ падежѣ: *На*

Вообще, въ словарѣ всего менѣе удобно вводить новую орѳографію.

Прежде нежели будемъ говорить о толкованіи словъ у Даля, обратимся къ весьма существенной и обширной составной части его словаря, къ примѣрамъ. Примѣрами служатъ въ немъ частью

безлюдьи, на безмірьи, а не на безлюдьѣ, на безмірьѣ, и утверждая, что русское ухо требуетъ здѣсь звука *и*, Даль замѣчаетъ: «Говоримъ же мы и «пишемъ: *при окончаніи*, если произвольно оканчиваемъ слово въ им. пад. на «*іе;* а если то же слово кончаемъ на *ье*, то требуемъ въ пред. пад. *ѣ*; для чего «это?» (Сл., ч. I, стр. 57).

Чтобы основательнѣе рѣшить этотъ вопросъ, надобно вспомнить, что имена на *е* бываютъ двоякія: одни передъ этимъ окончаніемъ имѣютъ согласную (*поле, море*), другія гласную *і*, то полную (*іе*), то сокращенную въ *ь* (*ье*).

Имена какъ *поле, море* склоняются подобно именамъ на *о* и потому въ предл. падежѣ принимаютъ *ѣ*: въ *полѣ*, въ *морѣ*.

Имена на *ье* склоняются точно такъ же, что́ всего виднѣе тогда, когда на послѣдній слогъ падаетъ удареніе: *копьё, ружьё, пѣньё, питьё, житьё, бытьё;* въ предл. падежѣ мы говоримъ и пишемъ: *на копьѣ́, въ ружьѣ́, при пѣньѣ́, въ питьѣ́, о житьѣ́-бытьѣ́*. Поэтому слѣдуетъ писать: *въ платьѣ, въ зельѣ*.

Окончаніе *іе* — собственно црк. славянское, и потому въ предл. падежѣ такихъ именъ сохраняется также форма первоначальная (*іи*), которая впрочемъ по закону уподобленія звуковъ не противна и русскому слуху (*при окончаніи, о равновѣсіи, въ сочувствіи*). Какъ скоро предпослѣдняя буква *і* сокращается въ *ь*, то собственно исчезаетъ и причина измѣненія *ѣ* въ *и*, а потому и можно позволять себѣ писать, какъ напр. Крыловъ въ этомъ стихѣ:

«Миръ курамъ давъ лиса, постится *въ подземельѣ*». (*Моръ звѣрей*).

Но такъ какъ наше ухо уже привыкло къ окончанію *іи* и сокращеніе *і* въ *ь* въ другихъ падежахъ остается безъ вліянія на прочія буквы, то мы и въ этомъ случаѣ склонны сохранять въ предл. пад. окончаніе *ьи*. Это окончаніе, какъ менѣе отступающее отъ полнаго первоначальнаго, многимъ кажется даже правильнѣе и потому вообще предпочи́тается (напр. пишутъ: *о здоровьи, о самовластьи, на новосельи, на жалованьи*). Форма же *ьѣ* (безъ ударенія) въ предлож. пад. остается принадлежностью только немногихъ чисто-русскихъ именъ существит. (въ *платьѣ, на раздольѣ*), или употребляется въ стихахъ подъ рифму, именительному падежу (такъ у Крылова *въ подземельѣ* поставлено въ созвучіе слову *веселье*). Что языкъ дѣйствительно допускаетъ и ту и другую форму, видно опять изъ такихъ словъ, гдѣ удареніе на послѣднемъ слогѣ: говорятъ одинаково и *въ забытьѣ́* и *въ забытьи́*.

Указанное выше правило измѣненія *и* въ *ѣ* послѣ *ь* подтверждается и именами, кончающимися въ имен. пад. на *ія*. При полномъ окончаніи они принимаютъ въ дат. и предл. пад. *іи*, напр., *въ молніи, къ Софіи, при Наталіи*; а при сокращеніи *і* въ *ь*, говорятъ и пишутъ: *къ Софьѣ, при Натальѣ*. Для повѣрки этого сто́итъ равнымъ образомъ только взять слово съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, напр. *судья, скуфья, семья;* мы говоримъ; *къ судьѣ́, въ куфьѣ́, о семьѣ́*, а не *къ судьи́* и т. д.

фразы, составленныя самимъ лексикографомъ; частью, впрочемъ въ весьма рѣдкихъ только случаяхъ, выписки изъ писателей съ указаніемъ ихъ именъ, или извлеченія изъ старинныхъ памятниковъ; примѣры послѣднихъ двухъ разрядовъ всегда заимствуются Далемъ уже готовые изъ академич. словарей. До какой степени онъ не считалъ необходимымъ пользоваться для своей цѣли непосредственно книжною литературой, видно изъ того, что онъ не извлекъ всѣхъ словъ даже изъ такихъ писателей, которые, прибѣгая часто къ народному языку, должны бы имѣть особенное право на его вниманіе. Въ сочиненіяхъ С. Т. Аксакова и даже Крылова есть слова, которыхъ нельзя найти въ словарѣ Даля. Не воспользовался онъ также областными словами, собранными въ разныхъ отдѣльныхъ сборникахъ и другихъ изданіяхъ, напр. въ изданіяхъ Географическаго общества, въ *Морскомъ Сборникѣ*, въ *Изслѣдованіяхъ* Н. Я. Данилевскаго о рыболовствѣ въ Россіи. Нѣкоторые примѣры берутся Далемъ изъ слышанныхъ имъ разговоровъ, разсказовъ или анекдотовъ, причемъ передаются и самые анекдоты, напр. подъ словами: *апропо*, *присланивать*, *пила*, *пристрѣливать*, *стричь*, *книга*.

Безъ всякаго сравненія значительнѣйшую часть примѣровъ въ словарѣ Даля составляютъ пословицы и поговорки. Въ этомъ отношеніи трудъ его представляетъ, собственно говоря, двойной словарь: словарь языка и вмѣстѣ словарь пословицъ; слѣдовательно, одною половиной своей онъ повторяетъ сборникъ, уже прежде изданный Далемъ отдѣльно[1]. Нѣтъ сомнѣнія, что въ пословицахъ выражаются не только умъ и міровоззрѣніе народа, но и языкъ его со всѣми своими особенностями; онѣ служатъ важнымъ средствомъ для точнаго опредѣленія значенія словъ и для историческихъ надъ ними наблюденій, и потому въ словарѣ, гдѣ на первый планъ поставленъ языкъ народный, пословицы и поговорки весьма умѣстны. Но для объясненія слова нѣтъ надоб-

---

[1] *Пословицы русскаго народа* М. 1862 (б. 4-ка; xl, 1095 и 6 стр.). Но здѣсь порядокъ размѣщенія пословицъ — систематическій, т. е. по предметамъ, къ которымъ онѣ относятся.

ности собирать всѣ пословицы, гдѣ оно встрѣчается; нужно было бы только имѣть при каждомъ словѣ выборъ тѣхъ пословицъ, гдѣ оно употреблено съ различнымъ оттѣнкомъ значенія. Впрочемъ, конечно, нельзя отвергать интереса и пользы обзора всѣхъ случаевъ, въ которыхъ обнаружилась игра народнаго ума надъ тѣмъ или другимъ представленіемъ; но это къ изученію языка прямо не относится. Такая полнота собранія пословицъ въ словарѣ имѣетъ только то неудобство, что слишкомъ увеличиваетъ объемъ его, а слѣдовательно уменьшаетъ его доступность, вредитъ его распространенію. Мы не будетъ слишкомъ строго судить Даля за то, что нѣкоторыя пословицы у него повторяются въ двухъ разныхъ мѣстахъ словаря, напр. извѣстная пословица: «Не всякое лыко въ строку», помѣщена подъ обоими употребленными въ ней именами. Пословица: «Борода съ возъ, а ума съ накопыльника нѣтъ» попадается и подъ словомъ *борода*, и подъ словомъ *накопыльникъ*. Дважды помѣщены также пословицы: «Кукушка безъ гнѣзда за то, что завила его на Благовѣщенье» и «Пей-ка, на днѣ копейка: еще попьешь, грошъ найдешь»; при послѣдней каждый разъ повторено и объясненіе: «отъ свадебнаго обычая класть въ вино за окупъ невѣсты деньги». Къ сожалѣнію, объясненія при пословицахъ слишкомъ рѣдки у Даля: ихъ часто не находишь даже и при такихъ пословицахъ, которыя не всѣмъ понятны, напр. не пояснены слѣдующія: «Нужда велитъ калачи ѣсть», или: «На людяхъ и смерть красна». Нѣкоторыя всѣмъ извѣстныя поговорки пропущены Далемъ, напр. эта: «пьянъ какъ стелька»; а между тѣмъ при словѣ *стелька* мы находимъ толкованіе «мертвецки пьяный человѣкъ». Тутъ недоразумѣніе: въ этой поговоркѣ *стелька* сохраняетъ именно то значеніе, какое на первомъ мѣстѣ указываетъ Даль: «постилка на подошву внутри обуви»; съ нею-то и сравнивается пьяный, потому что онъ пропитанъ влагой такъ, какъ эта настилка, когда промокнетъ обувь[1]. Такія же

[1] При словѣ *стелька* мы не находимъ еще одного значенія, указаннаго Далемъ въ другомъ мѣстѣ, именно подъ словомъ *карьеръ* сказано: «скачка во весь опоръ, стелька».

недомолвки и повторенія представляетъ словарь и въ другихъ случаяхъ: одна и та же поговорка или реченіе повторяются иногда подъ однимъ и тѣмъ же словомъ; по два раза помѣщены, напр. подъ *гнѣздо:* «гнѣздо цѣло, а птицы у(вы)летѣли»; подъ словомъ *охота:* «охота пуще неволи», или подъ *чай:* «чай съ позолотой» (съ ромомъ). Слова же *позолота* мы не находимъ въ азбучномъ порядкѣ.

Всего страннѣе, что иногда подъ словомъ поставлены такіе примѣры, гдѣ этого слова вовсе нѣтъ, и они относятся къ нему только по смыслу или по переводу слова. Напр. подъ словомъ *трауръ* читаемъ примѣры: «Онъ въ жалевомъ ходитъ. Семья эта въ печали, въ жали, въ жаляхъ» и т. д. Всѣ примѣры приведены тутъ на сущ. *жаль*, которое находится только къ толкованіи слова *трауръ*. Между тѣмъ такое значеніе слова *жаль* объяснено только однимъ примѣромъ на настоящемъ мѣстѣ, въ гнѣздѣ глагола *жалѣть*. Такимъ же образомъ подъ словомъ *май* мы находимъ между прочимъ собраніе примѣровъ на имя *Никола*, потому только, что Николинъ день бываетъ въ маѣ. Такіе примѣры встрѣчаются еще подъ словами: *быза* и *постъ*. Названіе *бызы* означаетъ въ народѣ 13-е іюня, Акулининъ день, а потому подъ словомъ *быза* и помѣщены примѣры на имя *Акулина*, и тутъ же находимъ напечатанныя шрифтомъ примѣровъ поясненія: «Мірская каша для нищей братіи. Праздникъ кашъ». Подъ словомъ *постъ* помѣщенъ примѣръ на имя *Предтечи* на томъ основаніи, что *Предтечу* иногда называютъ *Иваномъ постнымъ*. И затѣмъ, шрифтомъ же примѣровъ, прибавлено: «Послѣднее стлище на льны. Коли журавли на Кіевъ пошли, — ранняя зима». При этомъ случаѣ насъ еще поражаетъ то, что въ главѣ гнѣзда поставлено не имя *постъ*, какъ бы слѣдовало, а глаголъ *поститъ*, *постовать*, *поститься, постничать*: слово *постъ* мы тутъ даже не безъ труда отыскиваемъ, потому что оно стоитъ послѣднимъ въ ряду слѣдующихъ за глаголами и примѣрами существительныхъ: «пощенье, постованье, постничанье, постъ». Впрочемъ на подобныхъ отступленіяхъ отъ правильнаго порядка въ размѣ-

щеніи словъ мы не будемъ останавливаться, потому что они встрѣчаются безпрестанно.

Тотъ же недостатокъ системы замѣчается у Даля нерѣдко и въ толкованіи словъ. Переходя къ этой важной статьѣ словаря, вспомнимъ, что̀ составитель его говоритъ въ своемъ *Напутномъ словѣ*: «При объясненіи и толкованіи слова вобще избѣгались сухія, безплодныя опредѣленія, порожденія школярства, потѣха зазнавшейся учености, не придающая дѣлу никакого смысла, а напротивъ, отрѣшающая отъ него высокопарною отвлеченностію. Передача и объясненіе одного слова другимъ, а тѣмъ паче десяткомъ другихъ, конечно вразумительнѣе всякаго опредѣленія, а примѣры еще болѣе поясняютъ дѣло. Само собою, что переводъ одного слова другимъ очень рѣдко можетъ быть вполнѣ точенъ и вѣренъ; всегда есть оттѣнокъ значенія, и объяснительное слово содержитъ либо болѣе общее, либо болѣе частное и тѣсное понятіе; но это неизбѣжно, и отчасти исправляется большимъ числомъ тождеслововъ, на выборъ читателя»[1]. Изъ этихъ строкъ видно, что Даль при объясненіи словъ особенно заботился 1) о простотѣ и наглядной ясности толкованій, и 2) о подборѣ возможно бо̀льшаго числа синонимовъ. Такъ, къ прилагательному *бодрый* приставлены слѣдующія слова: «свѣжій собою на видъ, бойкій, живой, не сонный, не вялый, бдительный, смѣлый, мужественный, дюжій, здоровый, сильный, осанистый, видный, молодцоватый». Здѣсь насъ поражаютъ двѣ вещи: во 1-хъ, присутствіе нѣкоторыхъ словъ, по значенію слишкомъ мало подходящихъ къ объясняемому, каковы: дюжій, осанистый, видный; во 2-хъ, ненадлежащій порядокъ словъ: на первомъ мѣстѣ поставлено: *свѣжій на видъ*, слѣд. прежде всего выставлено наружное, второстепенное значеніе, а не внутреннее и первичное, лежащее въ самомъ понятіи прилаг. *бодрый* (отъ бдѣть); между тѣмъ это второстепенное значеніе повторяется въ концѣ словомъ, имѣющимъ гораздо обширнѣйшій смыслъ: *видный*; ясно, что слова̀ «свѣжій на видъ»

[1] Сл.. ч. I, стр. IX.

и «видный» должны бы стоять рядомъ въ объясненіи прилаг. *бодрый*. Посмотримъ, какъ это же слово объяснено въ академическомъ словарѣ. Тамъ мы читаемъ: «1) Бдительный. *Бодрая стража*. 2) Неустрашимый, храбрый, смѣлый. *Бодрый воинъ*. 3) Имѣющій горделивую поступь. *Бодрый конь*. 4) Имѣющій достаточныя силы. *Ему минуло 70 лѣтъ, однако онъ еще бодръ*». Сравнивая съ этимъ толкованія Даля, находимъ, что онъ пріискалъ, правда, нѣсколько новыхъ соотвѣтствующихъ слову *бодрый* синонимовъ, но поставилъ ихъ не въ надлежащей постепенности, которая удовлетворительно соблюдена въ академ. словарѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы открываемъ, что примѣры у Даля собраны уже не въ томъ порядкѣ, въ какомъ расположены оттѣнки значенія, а размѣщены совершенно случайно, именно: *Бодрый всадникъ на бодромъ конѣ. Сиди бодро, всю ночь не дремли. Иди бодрѣе, не робѣй. Онъ еще бодрый старикъ*, не хилой. *Духъ бодръ, да плоть немощна. Бодрый самъ натечетъ, на смирнаго Богъ нанесетъ. Садился, бодрился, а сѣлъ свалился*. Здѣсь неумѣстенъ только послѣдній примѣръ, въ которомъ вмѣсто прилаг. *бодрый* мы неожиданно встрѣчаемся съ глаголомъ *бодриться*. Не будемъ винить Даля за то, что въ примѣрахъ на прилагательное поставлены здѣсь нарѣчія: *сиди бодро, иди бодрѣе*; положимъ, что это все равно, такъ какъ въ основномъ значеніи обѣихъ частей рѣчи въ настоящемъ случаѣ нѣтъ различія.

Часто Даль, при подборѣ синонимовъ, ставитъ и областныя выраженія, полагая, что они «большею частью могутъ войти въ общій расхожій запасъ». Такъ при словѣ *говорить* онъ въ числѣ другихъ «однослововъ» помѣщаетъ: «баять, гуторить, бакулить, голдить, гблчить *вм*. говчить». Такое собраніе провинціализмовъ можетъ, пожалуй, представлять для любителя свою занимательную сторону; но общепрактической пользы оно не имѣетъ.

Возьмемъ теперь случай совсѣмъ другого рода. Какъ объясняетъ Даль, напр., глаголъ *ткать?* Развернемъ прежде акад. словарь. Вотъ какъ тамъ объяснено это дѣйствіе: «Дѣлать на ткальномъ стану нераспускаемую связь изъ нитей; производить

тканье». Это объясненіе новый *Толковый Словарь* поправляетъ слѣдующимъ образомъ: «Работать на ткацкомъ стану, пропускать утóкъ по основѣ, дѣлать изъ нитокъ полотно». Сравнивая толкованія въ обоихъ словаряхъ, мы замѣчаемъ въ нихъ одинъ и тотъ же недостатокъ: они объясняютъ понятіе такими признаками, въ которыхъ встрѣчаются либо то же объясняемое слово въ другомъ видѣ, либо такія частности понятія, которыя не могутъ быть извѣстны тому, кто не знакомъ и съ общимъ его содержаніемъ. Оба лексикона забываютъ существенное правило, что неизвѣстное можетъ быть объясняемо только извѣстнымъ, и что въ противномъ случаѣ происходитъ такъ называемый на схоластическомъ языкѣ circulus in definiendo или idem per idem. Что скажетъ *ткальный* или *ткацкій станъ*, *утокъ* и *основа* тому, кто ищетъ значенія слова *ткать*? Такъ какъ слово это имѣетъ на всѣхъ языкахъ совершенно тожественное, вполнѣ опредѣленное значеніе, то посмотримъ, какъ оно объяснено однимъ изъ европейскихъ лексикографовъ. При словѣ Weben Гейзе говоритъ: «Посредствомъ накрестъ переплетенныхъ, протянутыхъ туда и сюда нитей изготовлять матерію, при чемъ въ натянутый строй пропускаются нити въ противоположномъ направленіи (ткать полотно, сукно, кружева)»[1]. Всякій согласится, что такое объясненіе правильнѣе, хотя конечно безъ нагляднаго знакомства съ производствомъ толкуемое слово все-таки не будетъ вполнѣ понятно; но такова вообще участь всѣхъ описаній сложныхъ техническихъ производствъ. По крайней мѣрѣ, тутъ нѣтъ той несообразности, которая неизбѣжна, когда послѣ предложенныхъ объясненій слова *ткать*, говорится: «*ткань* — все, что ткано; *ткальный*, *ткацкій* — ко тканію относящійся» и т. п. Непонятно, почему Даль произведеніемъ тканья назвалъ только полотно.

---

[1] Durch in einander gefügte, hin und her gezogene Fäden Zeug verfertigen, indem in einen ausgespannten Aufzug Fäden in entgegengesetzter Richtung eingeschossen werden (Leinwand, Tuch, Spitzen). Heyse, «Handwörterbuch der deutschen Sprache», Magdeburg, 1833—1849.

Приведенные примѣры показываютъ, что объясненія Даля не всегда достигаютъ той степени точности и опредѣленности, къ которой онъ стремился. Сюда относится и превратный иногда порядокъ толкованія разныхъ значеній слова. Такъ слово *цвѣтъ* начинается объясненіемъ: «краска, родъ или видъ, масть, колеръ», а уже потомъ слѣдуетъ значеніе: «часть растенія». Очевидно, что послѣднее есть первоначальное понятіе слова, выражающееся и въ коренномъ глаголѣ *цвѣсти*; значеніе *краски* — позднѣйшее, развившееся изъ понятія о наружныхъ признакахъ цвѣтка. Въ акад. словарѣ эти разныя значенія расположены какъ слѣдуетъ.

Но въ словарѣ Даля есть родъ объясненій, который сообщаетъ этому труду особенную важность и вполнѣ оправдываетъ данное ему въ заглавіи названіе *толковаго*. Это реальныя, или вещественныя толкованія при такихъ словахъ, которыя относятся къ быту, къ нравамъ, обычаямъ, повѣрьямъ русскаго народа, къ промысламъ, торговлѣ, мореплаванію, наконецъ къ естественнымъ наукамъ. Въ этомъ-то, рядомъ съ богатствомъ запаса собранныхъ Далемъ словъ и примѣровъ, заключается главное, неотъемлемое достоинство его словаря. Доказательства этой заслуги почтеннаго автора такъ многочисленны, что затрудняешься выборомъ словъ, которыя могли бы самымъ убѣдительнымъ образомъ подтвердить такой отзывъ. Приведемъ однакожъ два-три примѣра.

Противъ слова *лапоть* въ академическомъ словарѣ мы находимъ самое коротенькое объясненіе: «Обувь, сплетенная изъ лыкъ, бересты или пеньки» и примѣръ: *плести лапти*. Эти полторы строки развиты у Даля такимъ образомъ: «Ла́поть, лапото́къ, лапти́шка, лапти́ща. Плетеная, короткая обувь, въ родѣ грубаго башмака, изъ лыкъ, иногда изъ бересты, шелюги, таловой, ивовой, вязовой коры: это *берестяники, шелюжники, бахоры, сту́пни, босовики*; изъ драни молодого распареннаго дуба (*чрнг.*); есть и соломеные, *курск.*, и пеньковые *курпы*[1], *крутцы*, изъ оческовъ или изъ ветхихъ развитыхъ веревокъ, *шептуны*, и *волосяникѝ*, изъ конскихъ гривъ и хвостовъ. *Лапоть* плетется въ 5 — 12 лыкъ,

[1] Не *курцы* ли? См. ниже.

на колодкѣ, кочедыкомъ, и состоитъ изъ плетня (подошвы), головы (переда), *обушника* (боковъ), и *запятника*; обушникъ или кайма сводится концами на запятникѣ, и связываясь, образуетъ *оборникъ*, родъ петли, въ которую продѣваются *оборы*. Поперечныя лыка, загибаемыя на обушникѣ, называются *курцами*; въ плетнѣ обычно десять *курцевъ*. Иногда лапоть еще *подковыриваютъ*, проводятъ по плетню лыкомъ же или паклею; а *писаные* лапти украшаются узорною подковыркой».

Подъ словомъ *рукобитье* собраны слѣдующія подробности свадебныхъ обычаевъ: «Битье по рукамъ отцевъ жениха и невѣсты, обычно покрывъ руки полами кафтановъ, въ знакъ конечнаго согласія; конецъ сватовства и начало свадебныхъ обрядовъ: помолвка, сговоръ, благословенье, обрученье, зарученье, большой пропой; мѣстами (*ярс.*) рукобитье бываетъ у отца жениха, гдѣ они ломаютъ пирогъ; но болѣе въ домѣ отца невѣсты, и тогда затѣмъ бываетъ еще другой сговоръ; въ такомъ случаѣ на *рукобитіи* опредѣляютъ *кладку* или *столовыя деньги*, отъ отца жениха, и приданое невѣсты, а на сговорѣ благословляютъ со священникомъ и вѣнчальными свѣчами; сама невѣста потчуетъ, раздаетъ дары, дѣвки величаютъ гостей и плачу нѣтъ. Черезъ день пиръ у жениха: *смотрятъ домъ или дворъ*; черезъ день пирушка у невѣсты, гости идутъ съ гостинцами; затѣмъ *дѣвичникъ*, гдѣ женихъ остается не долго, а уходитъ домой пировать съ товарищами. На *рукобитье* или на сговоръ ѣдутъ поѣздомъ: дьяконъ съ дружкой, священникъ съ женихомъ, тамъ поѣзжане, а послѣднею сваха съ большимъ пряникомъ». Находя столько подробностей свадебныхъ обрядовъ подъ словомъ *рукобитье*, можно только пожалѣть, что онѣ не помѣщены предпочтительно подъ словомъ *сватьба*, гдѣ читатель ничего подобнаго не находитъ. Въ такомъ случаѣ при словѣ *рукобитье* достаточно было бы одной ссылки на слово *сватьбу*, къ которому конечно скорѣе обратится всякій, кто пожелаетъ ознакомиться съ этимъ отдѣломъ народныхъ обычаевъ.

Слово *домовой* объяснено у Даля слѣдующимъ образомъ: «Домовой, домовикъ, дѣдушка, постѣнъ, пóстень, ищунъ, до-

можилъ, хозяинъ, жаровикъ; нéжить, другая половина (*олон.*), сусѣдко, батанушка; духъ хранитель и обидчикъ дома; стучитъ и водится по ночамъ, проказитъ, душитъ, ради шутки, соннаго; гладитъ мохнатою рукою къ добру и пр. Онъ особенно хозяйничаетъ на конюшнѣ, заплетаетъ любимой лошади гриву въ колтунъ, а нелюбую вгоняетъ въ мыло и иногда *осаживаетъ* ее, разбиваетъ параличемъ, даже протаскиваетъ въ подворотню. Есть домовой *сараешникъ, конюшникъ, бáенникъ,* и женск. банный *волосатка*; все это *нежить* ни человѣкъ, ни духъ, жильцы стихійные, куда причисляютъ и полеваго лѣшаго, кикимору, русалокъ (шутовокъ, лопастъ) и водянаго; но послѣдній всѣхъ злѣе и его нерѣдко зовутъ нечистымъ, сатаной. Домоваго можно увидать въ ночи на Свѣтлое Воскресенье въ хлѣву; онъ косматъ, но болѣе этой примѣты нельзя упомнить ничего; онъ отшибаетъ память». Затѣмъ слѣдуютъ поговорки.

Подобныя вещественныя толкованія въ словарѣ Даля относятся къ столь разнороднымъ предметамъ, что мы никакъ не можемъ взять на себя критической ихъ повѣрки: это потребовало бы особенныхъ разысканій, къ нашей задачѣ не относящихся; указываемъ только на тотъ обширный кругъ свѣдѣній о русскомъ народѣ, который охватилъ Даль въ своемъ словарѣ, а вмѣстѣ и на разнородность замѣтокъ, которыя онъ собралъ, изучая народный языкъ. Найдутся конечно и между ними многія, требующія поправокъ и дополненій; тѣмъ не менѣе однакоже самая масса ихъ, почерпнутая не изъ книгъ, а изъ непосредственнаго общенія съ народомъ и изъ нагляднаго знакомства съ предметами, составляетъ уже дѣло чрезвычайно важное какъ въ лингвистическомъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніяхъ. Собраніе такихъ указаній должно быть высоко цѣнимо какъ основаніе для дальнѣйшихъ разысканій и болѣе полныхъ, приведенныхъ въ систему свѣдѣній.

Мы бы могли сдѣлать еще множество выписокъ въ свидѣтельство того, какъ богатъ словарь Даля объясненіями разныхъ сторонъ жизни русскаго народа и русской природы; но предѣлы

разбора заставляютъ насъ удовольствоваться предложенными примѣрами. Назовемъ лишь нѣсколько словъ, подъ которыми читатель можетъ самъ найти болѣе или менѣе подробныя и интересныя толкованія этого рода: баба (бабка), багренье, береза, бирка [1], бичева, бурлакъ, гвоздь, гряда, десятина, жало, замокъ, запѣвала, завѣщаніе, закромить, запой, изба, сайка, телега; дерево, бобръ, гора, горло, жало, лягушка, легкія, сыртъ, сусло, увалъ, учугъ; кладъ, кукушка, навье, нежить. Подъ словомъ *вѣтеръ* изчислены всѣ употребительныя въ Россіи названія вѣтровъ. Иногда къ толкованію слова, для большей ясности, присоединены чертежи. Такъ при словѣ *говядина* нарисованъ быкъ, съ означеніемъ названія каждой части его мяса. Такимъ же образомъ представлены въ своемъ мѣстѣ рисунки разныхъ сортовъ *шляпъ* и каждая форма отмѣчена свойственнымъ ей именемъ [2]. Слово *грибъ* сопровождается обширною номенклатурой всѣхъ видовъ этого растенія; при объясненіи *дерева* показаны всѣ разнообразныя части его и употребительныя въ народѣ названія ихъ.

Относительно словъ, принадлежащихъ къ области ботаники и зоологіи, Отдѣленіе сочло нужнымъ просить гг. академиковъ Рупрехта и Шренка высказать свое мнѣніе о достоинствѣ словаря Даля по этимъ частямъ. Ф. И. Рупрехтъ отозвался, что, приготовляя самъ къ изданію собранныя имъ русскія народныя названія растеній, онъ часто съ пользою обращался къ разбираемому нами словарю и въ этомъ отношеніи долженъ отдать ему предпочтеніе передъ словаремъ Академіи, который, не имѣя въ виду какой-либо спеціальной цѣли, построенъ главнымъ образомъ на языкѣ литературномъ. Л. И. Шренкъ въ подробной запискѣ о зоологическихъ названіяхъ словаря, заявилъ, что несмотря на отысканные въ немъ пропуски и промахи, авторъ однакоже и съ

[1] Правильнѣе: *бечева*, не имѣющая ничего общаго ни съ *бичемъ*, ни вообще съ гл. *бить*.

[2] Образцомъ подобныхъ иллюстрацій, очевидно, послужилъ Далю англійскій словарь американца Вебстера, о чемъ слѣдовало бы упомянуть въ *Напутномъ словѣ*. Впрочемъ такіе рисунки прилагаются у Даля только изрѣдка, въ видѣ исключенія.

этой стороны вообще заслуживаетъ одобреніе и благодарность[1].

Разсмотрѣвъ словарь съ разныхъ сторонъ, перейдемъ теперь къ общему о немъ заключенію. Хотя онъ и не отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ строго-ученой критики, однакожъ его богатое содержаніе, лексическое и вещественное, въ значительной мѣрѣ искупаетъ указанные недостатки. Собранныя Далемъ сокровища языка и ума народнаго даютъ цѣлую массу новаго матеріала не только для науки русскаго слова, но и для этнографіи. Въ послѣднемъ отношеніи заслуга автора уже публично засвидѣтельствована Географическимъ обществомъ, присудившимъ ему за словарь Константиновскую медаль. Къ труду этому будутъ обращаться всѣ, кому нужно изучать съ какой бы ни было стороны народную жизнь; онъ долженъ также сдѣлаться настольною книгою всякаго, кто вдумывается въ родной языкъ, кто хочетъ короче узнать его богатства, а тѣмъ болѣе, кто трудится надъ изслѣдованіемъ его законовъ. Но словарь Даля — книга не только полезная и нужная, это — книга занимательная: всякій любитель отечественнаго слова можетъ читать ее или хоть перелистывать съ удовольствіемъ. Сколько онъ найдетъ въ ней знакомаго, родного, любезнаго, и сколько новаго, любопытнаго, назидательнаго! Сколько вынесетъ изъ каждаго чтенія свѣдѣній драгоцѣнныхъ и для житейскаго обихода, и для литературнаго дѣла! Въ современной русской лексикографіи это безъ всякаго сравненія самый полный и многообъемлющій словарь; притомъ это трудъ, задуманный смѣло и оригинально, выполненный самостоятельно. Совершеніе подобнаго труда, при всѣхъ его недостаткахъ, есть подвигъ важный, рѣдкій въ нашей литературѣ: давно уже у насъ не было такого обширнаго и вѣскаго по русскому языку сочиненія, которое могло бы итти въ сравненіе съ этимъ. Едва ли скоро можно ожидать подобнаго. Составленіе словаря есть во-

---

[1] Отзывы гр. Рупрехта и Шренка см. въ VII томѣ *Сборника Отдѣленія русскаго яз. и слов.*

обще дѣло особенно трудное, менѣе другихъ видное и благодарное, требующее значительнаго самоотверженія, на которое по тому самому не многіе рѣшаются. Тѣмъ замѣчательнѣе такой трудъ, когда онъ ведется отъ начала до конца однимъ лицомъ, безъ сотрудниковъ и помощниковъ. Книга, которая въ настоящемъ случаѣ подлежитъ нашему суду, не есть, конечно, трудъ ученаго, стоящаго въ уровень съ современнымъ состояніемъ своей науки; но это трудъ мыслящаго писателя, который всего себя посвятилъ практическому изученію русскаго языка съ одной опредѣленной точки зрѣнія, въ виду одной ясно сознанной имъ цѣли; это — плодъ добросовѣстныхъ занятій цѣлой жизни. Автору не удалось обнять своего предмета со всѣхъ сторонъ; онъ не записной филологъ, не проникъ во всѣ тайны законовъ языка; но и то, что̀ онъ сдѣлалъ для родного слова, останется почетнымъ памятникомъ его дѣятельности, навсегда сохранитъ значеніе въ исторіи русскаго языка и русской лексикографіи. Его словарь есть первый въ обширныхъ размѣрахъ опытъ построить разработку и употребленіе языка на новыхъ основаніяхъ. Множество поднятыхъ имъ вопросовъ должно быть поставлено Далю въ существенную заслугу; конечно, не всѣ они имъ самимъ удовлетворительно рѣшены; но и то уже важно, что онъ ихъ возбудилъ: подвергая ихъ общему обсужденію, онъ вызываетъ къ пересмотру того, что обратилось въ безсознательную привычку.

Въ трудѣ Даля насъ поражаетъ два личныя достоинства автора, безъ которыхъ онъ не могъ бы и выполнить своей задачи: это прежде всего энергическая настойчивость и упорное постоянство въ преслѣдованіи цѣли, не только при окончательномъ осуществленіи плана, но и при подготовительномъ, многолѣтнемъ собираніи матеріаловъ. Другимъ важнымъ условіемъ для совершенія такого обширнаго труда было скромное сознаніе авторомъ мѣры своихъ силъ и той доли пользы, какую онъ могъ принести русскому слову. «Всего одному не дано», говоритъ онъ въ *Напутномъ словѣ*, «да и не обнять, а дана всякому своя часть, свой талантъ, который онъ и обязанъ пускать въ оборотъ, а не зары-

вать, вмѣстѣ съ собою, въ землю... Найдутся болѣе даровитые и ученые труженики, коимъ уже легче будетъ дополнить то, чего недостаетъ, найдя одну часть дѣла готовою. Можетъ быть, именно тотъ, кто успѣшно введетъ въ рускій словарь сравненія со всѣми славянскими нарѣчіями, кто вставитъ и нашъ древній языкъ и указанія на начальные корни, можетъ быть онъ-то именно и затруднился бы составленьемъ той части, которая образуетъ основу и сущность моего словаря; во всякомъ же случаѣ дополнять и исправлять полегче, чѣмъ составлять вновь»[1]. Такимъ образомъ самъ Даль прямо высказалъ свое убѣжденіе, что главное достоинство его словаря заключается въ богатствѣ представляемаго имъ матеріала. Замѣчая, что собранные имъ издавна запасы давали ему право или, вѣрнѣе, налагали на него обязанность, и безъ достаточной учености, предпринять такой трудъ, авторъ прибавляетъ, что рядомъ съ тѣмъ нашлось у него «сильное сочувствіе къ живому рускому языку, какъ ходитъ онъ устно изъ конца въ конецъ по всей нашей родинѣ и нѣкоторое пониманіе его, близкое съ нимъ знакомство, могущее, хотя въ одномъ этомъ направленіи, замѣнить ученость; нашлась наконецъ и любовь къ нему, ручавшаяся за одолѣніе труда, за стойкую, усидчивую работу надъ этимъ дѣломъ, по конецъ жизни[2]». Эту горячую любовь къ русскому языку Даль убѣдительно доказалъ своимъ послѣднимъ трудомъ. И самая идея, положенная въ основу его, хотя въ проведеніи ея авторъ не уберегся отъ нѣкоторыхъ увлеченій, заслуживаетъ полнаго нашего сочувствія; къ тому же она и вполнѣ современна: въ такую пору, когда русскій народъ, освобожденный по великодушному слову своего Государя, начинаетъ жить новою жизнью и сознавать свои духовныя потребности, — какъ кстати воздвигается хранилище его словесныхъ богатствъ, какъ во-время собиратель ихъ напоминаетъ намъ, что мы слишкомъ удалились отъ естественныхъ источникоъ рѣчи, и, предостерегая

---

[1] Сл., ч. I, стр. IV—V.
[2] Сл., ч. I, стр. IV.

насъ отъ дальнѣйшихъ въ этомъ смыслѣ уклоненій, указываетъ намъ на чистый и здравый родникъ языка народнаго, который, по его словамъ, «силенъ, свѣжъ, богатъ, кратокъ и ясенъ». Такой взглядъ совершенно согласенъ съ желаніемъ Ломоносова возбудить «ревность тѣхъ, которые къ прославленію отечества природнымъ языкомъ усердствуютъ, вѣдая, что съ паденіемъ онаго безъ искусныхъ въ немъ писателей затмится слава всего народа»[1]. Не случайно произносится здѣсь имя перваго законодателя нашей письменности. Мы знаемъ, какъ пламенно онъ любилъ русскій языкъ, съ какимъ восторгомъ говорилъ о немъ: «Повелитель многихъ языковъ, языкъ Россійскій не только обширностью мѣстъ, гдѣ онъ господствуетъ, но купно и собственнымъ своимъ пространствомъ и довольствіемъ великъ предъ всѣми въ Европѣ... Ежели чего точно изобразить не можемъ, — не языку нашему, но недовольному своему въ немъ искусству приписывать долженствуемъ. Кто отчасу далѣе въ немъ углубляется, употребляя предводителемъ общее философское понятіе о человѣческомъ словѣ, тотъ увидитъ безмѣрно широе поле или, лучше сказать, едва предѣлы имѣющее море[2]».

Въ разсмотрѣнномъ словарѣ мы видимъ смѣлую попытку охватить это безбрежное море русскаго слова. Можно съ увѣренностью сказать, что никакой другой трудъ не былъ бы привѣтствованъ самимъ Ломоносовымъ съ такою задушевною радостью, какъ именно словарь, поставившій себѣ задачей обнять все неисчерпаемое богатство родного языка и содѣйствовать чистотѣ его. И потому награда, учрежденная въ честь великаго русскаго ученаго для увѣнчанія трудовъ, обогащающимъ науку, по всей справедливости должна выпасть на долю словаря, направленнаго къ обозначенной цѣли. Отдѣленіе русскаго языка и словесности тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ присуждаетъ ее нынѣ, что думаетъ принести этимъ новую дань уваженія памяти

---

[1] *Соч. Лом.*, т. I, стр. 533, 534.
[2] Тамъ же, т. III, стр. 250.

Ломоносова. Академія наукъ ничѣмъ инымъ не могла бы лучше выразить своего одобренія заслуженному ветерану нашей литературы, неутомимому подвижнику и собирателю живого русскаго слова.

КАРАМЗИНЪ ВЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ЛИТЕРАТУРНАГО ЯЗЫКА.

Пересмотръ вопроса о началѣ «новаго слога».

Современники Карамзина признали его преобразователемъ литературнаго языка. Въ разборѣ *Разсужденія* Шишкова *о старомъ и новомъ слогѣ* Макаровъ въ 1803 году сказалъ: «Г. Карамзинъ сдѣлалъ эпоху въ Исторіи Русскаго языка. Такъ мы думаемъ, и, сколько намъ извѣстно, такъ думаетъ Публика»[1]. Самъ Шишковъ не отвергалъ этого безусловно, и возражая Макарову, замѣтилъ: «Я не знаю сдѣлалъ ли г. Карамзинъ эпоху въ исторіи русскаго языка, но ежели сдѣлалъ, такъ это очень худо; ибо естьли *сдѣлать эпоху* значитъ *произвесть нѣкоторую перемѣну въ слогѣ*, то въ книгѣ моей пространно и ясно показано, какая перемѣна воспослѣдовала съ языкомъ нашимъ»[2].

Позднѣе (1823) А. Бестужевъ (Марлинскій) такъ отозвался о Карамзинѣ: «Онъ преобразовалъ книжный языкъ Русскій, звучный, богатый, сильный въ сущности, но уже отягчалый въ рукахъ безталантныхъ Писателей и невѣждъ-переводчиковъ. Онъ двинулъ счастливою новизною ржавыя колеса его механизма,

---

[1] *Москов. Меркурій*, дек. 1803, стр. 190. Такъ какъ въ настоящей статьѣ дѣло идетъ о языкѣ, то приводимыя въ ней мѣста изъ прежнихъ писателей сообщаются съ соблюденіемъ ихъ первоначальной ѳеографіи и пунктуаціи.— О Петрѣ Ивановичѣ Макаровѣ и его журналѣ см. статью г. Геннади въ *Современникѣ* 1854 г., т. XLVII, отд. III, стр. 66—94.

[2] *Прибавленіе къ Разсужд. о стар. и нов. слогѣ*, 1804, стр. 147.

отбросилъ чуждую пестроту въ словахъ, въ словосочиненіи, и далъ ему народное лице»[1]. Этотъ взглядъ до сихъ поръ никѣмъ не былъ оспариваемъ, и еще недавно его снова высказали многіе при празднованіи юбилея Карамзина. «Поколѣнія младшія», говоритъ, напримѣръ, Ф. И. Буслаевъ[2], «учились и теперь еще учатся мыслить и выражать свои мысли по его сочиненіямъ, на которыхъ и доселѣ основываются и русскій синтаксисъ, и русская стилистика». Но въ то же время явился другой взглядъ, сильно ограничивающій значеніе Карамзина въ исторіи литературнаго языка. «Если посмотрѣть», сказалъ въ Харьковѣ профессоръ Н. А. Лавровскій[3], «на языкъ Карамзина съ внѣшней стороны, то-есть, на исключеніе изъ него церковно-славянской примѣси, на краткость и отрывочность предложеній, вообще на то сближеніе его съ языкомъ образованнаго общества, которое прежде всего ставятъ ему въ заслугу; то нельзя не замѣтить, что все это сдѣлано еще задолго до него... Если посмотрѣть на языкъ лучшихъ статей нашихъ сатирическихъ журналовъ 70-хъ и 80-хъ годовъ, на языкъ Фонъ-Визина, или хоть на языкъ Вступленія къ Почтѣ Духовъ Крылова, писаннаго въ 1789 году, то едва ли въ этомъ отношеніи можно замѣтить большое различіе сравнительно съ языкомъ Писемъ Русскаго Путешественника; въ этомъ смыслѣ едва ли будетъ справедливо повторять старую фразу о преобразованіи Карамзинымъ литературнаго языка... Языкъ Карамзина, вовсе не новый по внѣшнему построенію фразы, былъ дѣйствительно новымъ по мыслямъ, чувствованіямъ и образамъ, выраженіемъ которыхъ онъ явился и которые были плодомъ всего новаго образовательнаго содержанія, усвоеннаго имъ; онъ былъ дѣйствительно новымъ по симпатичности, нѣжности, сердечности, исходившимъ изъ природы Карамзина. Въ этомъ смыслѣ, если

---

[1] *Полярная Звѣзда* 1823 г. — «Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи», стр. 15.

[2] *Рѣчь о Письмахъ Русскаго Путешественника*, въ *Москов. Университет. Извѣстіяхъ* 1866, № 3, стр. 185.

[3] *Карамзинъ и его литературная дѣятельность*, стр. 40.

хотите, онъ былъ преобразователемъ литературнаго языка, но преобразователемъ безъ собственнаго вѣдома».

Такимъ образомъ авторъ этихъ строкъ находитъ, что Карамзинъ, несмотря на новость содержанія своихъ сочиненій, на новость пущенныхъ имъ въ ходъ идей, чувствованій и образовъ, обошелся безъ новыхъ способовъ выраженія, безъ сообщенія словамъ болѣе опредѣлённаго или разнообразнаго смысла, безъ новаго строя рѣчи. Но выражать по-старому новыя мысли не значитъ преобразовывать языкъ, и, признавъ въ сочиненіяхъ Карамзина только внутреннюю сторону новою, слѣдовало бы выразиться рѣшительнѣе и уже вовсе не оставлять за нимъ права на названіе преобразователя языка. Допустивъ, что Карамзинъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, все-таки заслужилъ это названіе, хотя и безъ собственнаго вѣдома, г. Лавровскій говоритъ однакоже: «Карамзинъ, воспитанный на произведеніяхъ первоклассныхъ писателей, произведенія которыхъ выражаютъ мысли, чувствованія и образы фантазіи со всею непосредственностію языка, не могъ допустить и въ своемъ языкѣ ни малѣйшей искусственности, стремился къ той же непосредственности выраженія, работалъ долго надъ собою, устраняя всѣ препятствія, затрудняющія эту непосредственность выраженія, всякую фальшь, затемняющую его искренность». Но развѣ такой трудъ, такая упорная борьба мысли съ словомъ въ языкѣ, еще не установившемся, можетъ успѣшно совершиться безъ замѣтной и притомъ сознательной обработки самаго языка?

Чтобы во всей подробности разъяснить вопросъ о значеніи Карамзина въ этомъ отношеніи, намъ недостаетъ еще обширныхъ приготовительныхъ работъ по исторіи языка вообще, недостаетъ, между прочимъ, словарей отдѣльныхъ писателей, хотя бы одного ломоносовскаго періода. Тѣмъ не менѣе мы и теперь уже можемъ достигнуть довольно положительныхъ выводовъ, если сравнимъ съ разныхъ сторонъ языкъ Карамзина съ языкомъ ближайшихъ его предшественниковъ, современниковъ и писавшихъ непосредственно за нимъ, если рядомъ съ первымъ его журна-

юмъ поставимъ другія періодическія изданія за то же время, если далѣе внимательно разсмотримъ обвиненія противниковъ и возраженія приверженцевъ его. Это и должно составить главный предметъ настоящей статьи.

Никакое развитіе не происходитъ внезапно, безъ послѣдовательной работы; въ исторіи, какъ и въ природѣ, скачковъ не бываетъ. Тѣ улучшенія въ русской письменной рѣчи, на которыя указываетъ г. Лавровскій какъ на явленія, совершившіяся еще до Карамзина, дѣйствительно *начались* прежде него; но достигли ли они уже тогда достаточнаго развитія, были ли они кѣмъ-нибудь проведены въ общее сознаніе и даже сознавались ли они самими писателями, у которыхъ встрѣчаются? Не Карамзинъ ли первый возвелъ ихъ въ систему? Не онъ ли болѣе всѣхъ содѣйствовалъ ихъ распространенію и торжеству въ литературѣ? Несомнѣнно, что потребность всякихъ улучшеній прежде всего, хотя еще и смутно, ощущается въ массѣ общества; новыя идеи зарождаются у многихъ вдругъ, носятся въ воздухѣ; но онѣ до тѣхъ поръ не осуществляются вполнѣ, не входятъ окончательно въ жизнь, пока человѣкъ, сильнѣе другихъ ими проникнутый, не выяснитъ ихъ и не пуститъ съ особенной энергіей въ оборотъ. Бываютъ передовые люди во всѣхъ отрасляхъ умственной дѣятельности: они бываютъ и въ развитіи не установившагося еще литературнаго языка. Они-то становятся надолго образцами, увлекаютъ другихъ за собою. Употребленіе письменной рѣчи подчинено особымъ законамъ, которыхъ сознаніе выработывается постепенно. До ея установленія, или вѣрнѣе, до возведенія ея на извѣстную степень опредѣленности, происходила у насъ борьба между ею и языкомъ народнымъ. Долго господствовалъ особый книжный языкъ, который только мало-по-малу уступалъ вліянію разговорнаго, и примиреніе между ними совершилось не прежде, какъ когда примѣръ тому увидѣли въ произведеніяхъ замѣчательнаго таланта. Правда, къ такому примиренію стремилась уже и прежде нѣкоторая часть писателей; но оно въ первый разъ было достигнуто однимъ, который и провелъ это явленіе въ сознаніе

общества: въ трудахъ Карамзина совершилось рѣшительное вступленіе языка въ новый періодъ его литературнаго развитія.

Въ чемъ же именно состояла заслуга Карамзина въ этомъ отношеніи?

Уже Ломоносовымъ собственно русскому, народному языку была отведена въ литературѣ нѣкоторая область: ее составлялъ такъ называемый низкій или простой слогъ, назначенный въ удѣлъ пѣснямъ, эпиграммамъ, комедіямъ, дружескимъ письмамъ и «описаніямъ обыкновенныхъ дѣлъ»[1]. Изъ этихъ-то тѣсныхъ границъ должны были постепенно итти завоеванія народной рѣчи въ литературѣ. Естественно было, что тѣ писатели, которые предпочтительно разрабатывали одинъ изъ названныхъ видовъ сочиненій, находились относительно языка въ выгоднѣйшемъ положеніи, нежели другіе. Сюда принадлежали издатели сатирическихъ журналовъ, въ томъ числѣ и Крыловъ; въ такомъ же положеніи былъ Фонъ-Визинъ, какъ комикъ и авторъ писемъ. Въ исчисленныхъ видахъ сочиненій мы дѣйствительно замѣчаемъ послѣ Ломоносова, какъ уже и подъ собственнымъ его перомъ, успѣшное употребленіе просторѣчія. Но тутъ насъ поражаютъ два явленія: во-первыхъ, невыдержанность этого языка и часто возвращающаяся примѣсь книжныхъ церковно-славянскихъ словъ, особливо частицъ, и во-вторыхъ, чуждый синтактическій складъ, который беретъ верхъ всякій разъ, какъ только авторъ выйдетъ изъ тѣсной рамки чисто-повѣствовательной рѣчи.

Въ сатирическихъ журналахь 1770-хъ и 80-хъ годовъ очень гладкія фразы смѣняются нерѣдко такими, которыя страдаютъ дикостью формъ и оборотовъ. Такъ, напримѣръ, въ *Живописцѣ* Новикова мы читаемъ: «Желалъ бы я, чтобъ Россія, любезное мое отечество, меньше имѣло нужды въ типографическихъ товарахъ, выписываемыхъ по милости иностранцевъ»! Но тотчасъ за этою безукоризненною фразой слѣдуетъ такая: «Естьли какое находитъ она препятство къ тому, чтобъ нарещися ей за превос-

---

[1] Ломоносовъ — *О пользѣ книгъ церковныхъ*. Ср. выше, стр. 5.

ходныя свои совершенства несравненною подъ солнцемъ страною, то другаго нѣтъ, какъ сей токмо недостатокъ»[1]. Не значитъ ли это, что тогда писали по большей части безсознательно, то лучше, то хуже? Подобную неровность и смѣсь выраженій, даже въ сатирическихъ и шуточныхъ статьяхъ, представляетъ еще и *Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова* (1783—1784), хотя онъ начался только за 8 лѣтъ до *Московскаго Журнала* Карамзина.

Въ сатирическихъ письмахъ *Почты Духовъ* (1789) языкъ Крылова замѣчательно простъ, и если не смотрѣть на грамматику и орѳографію, въ которыхъ небрежность доведена тутъ до послѣдней крайности, то можно даже сказать, что онъ отличается чистотой; но, отдавъ въ этомъ полную справедливость Крылову, мы вмѣстѣ съ его біографомъ прибавимъ: «Въ его стихотвореніяхъ, относящихся къ этому періоду жизни его, вы чувствуете, какъ рабски подчиняется онъ образцамъ, заимствуя изъ нихъ выраженія, изысканность украшеній, обороты и неестественный тонъ»[2]. Мало того: и въ прозаическихъ статьяхъ смѣшаннаго содержанія Крыловъ выражается совсѣмъ не такъ, какъ въ сатирическихъ. Въ разборѣ комедіи Клушина *Смѣхъ и горе*, писанномъ уже въ 1793 году, онъ, напримѣръ, говоритъ: «Самая развязка не иное есть, какъ свободная и хорошая игра авторскаго воображенія, она прекрасна, естьли судитъ и смотрѣть ее одное; но излишна, естьли взять ее въ связь поэмы. Никогда хитрость достигнуть къ цѣли, не должна быть труднѣе препятствъ къ тому противу положенныхъ. А еще болѣе никогда не должно употреблять тамъ большей хитрости, гдѣ нѣтъ большихъ препятствъ, которые бы ее оправдывали!»[3]. Любопытно, что въ поэтическомъ языкѣ

---

[1] *Живописецъ*, изд. VII, стр. 83.

[2] Плетневъ — *Полное собр. соч. И. Крылова*, Спб. 1847, т. I, стр. XXIII.

[3] *С.-Петербургскій Меркурій*, ч. I, стр. 121. Здѣсь выписано это мѣсто во всей точности, съ удержаніемъ всѣхъ особенностей подлиннаго текста. Замѣтимъ кстати, что въ юнгмейстеровомъ изданіи Крылова не только исправлены грамматическіе промахи, но и языкъ подновленъ, такъ что желающій читать Крылова съ цѣлью изученія его долженъ обратиться къ первоначальнымъ изданіямъ его журнала. Такъ и въ приведенныхъ мною строкахъ сдѣлано въ

Крыловъ никогда не могъ вполнѣ освободиться отъ нѣкоторой шероховатости выраженія, и до конца не усвоилъ себѣ легкости и гладкости, выработанныхъ писателями карамзинскаго періода.

Въ письмахъ и комедіяхъ Фонъ-Визина языкъ, вообще говоря, также простъ и чистъ; но какъ скоро авторъ *Недоросля* обращается къ предметамъ болѣе важнымъ, выходящимъ изъ предѣловъ вседневнаго быта, рѣчь его начинаетъ то пестрѣться славянизмами, то отзываться латино-нѣмецкимъ словосочиненіемъ. Такъ Стародумъ въ одномъ изъ писемъ своихъ говоритъ: «Мы не имѣемъ тѣхъ народныхъ собраній, кои витіи большую дверь въ славѣ отворяютъ, и гдѣ побѣда краснорѣчія не пустою хвалою, но Претурою, Архонціями и Консульствами вознаграждается. Демосѳенъ и Цицеронъ въ той землѣ, гдѣ даръ краснорѣчія въ однихъ похвальныхъ словахъ ограниченъ, были бы риторы не лучше Максима Тирянина; а Прокоповичъ, Ломоносовъ, Елагинъ и Поповскій въ Аѳинахъ и Римѣ были бы Демосѳены и Цицероны; по крайней мѣрѣ церковное наше краснорѣчіе доказываетъ, что Россіяне при равныхъ случаяхъ никакой націи не уступаютъ»[1]. Въ «Словѣ на выздоровленіе великаго князя», въ «Описаніи житія графа Н. И. Панина», даже въ «Чистосердечномъ признаніи» встрѣчается много славянскихъ словъ, частицъ и оборотовъ. Въ самыхъ письмахъ Фонъ-Визина не мало устарѣлыхъ реченій, постепенно отброшенныхъ Карамзинымъ, по крайней мѣрѣ

названномъ изданіи нѣсколько измѣненій: вмѣсто *не иное что есть* напечатано: *есть не что иное*, вмѣсто *одное—одну*, вмѣсто *противу положенныхъ—противоположныхъ* (Полн. собр. соч. Крылова, ч. I, стр. 332). Въ другихъ статьяхъ есть еще гораздо значительнѣйшія поправки; мѣстами передѣланы цѣлыя фразы. Напримѣръ, въ *Похвальной рѣчи Ермалафиду*, вмѣсто: *едва минуло отъ роду пятнадцать лѣтъ нашему герою, какъ отданъ онъ*, напечатано: «герой нашъ лѣтъ 15-ти отданъ былъ»; вмѣсто: *когда я буду читать, то когда жъ писать останется мнѣ время*,—«если я безпрестанно буду читать, то когда жъ я буду писать»; вмѣсто: *только то глубокое спокойствіе* — «такое глубокое спокойствіе», и проч., и проч. Забота о подновленіи текста Крылова доходила до того, что въ названномъ изданіи мѣстоименіе *сей* въ большей части случаевъ замѣнено словомъ *этотъ*.

[1] Соч. Фонъ-Визина, Спб. 1866, стр. 248.

въ извѣстномъ смыслѣ, какъ напримѣръ *упражняться* въ значеніи *заниматься*. Такъ въ письмѣ къ Стародуму сказано: «...Какъ болѣзнь не позволяетъ мнѣ *упражняться* въ родѣ сочиненій, кои требуютъ такого непрерывнаго вниманія и размышленія, *каковыя* потребны въ театральныхъ сочиненіяхъ; съ другой же стороны привычка *упражняться* въ *писаніи* сдѣлала сіе *упражненіе* для меня нуждою: то и рѣшился я издавать періодическое *твореніе*, гдѣ разность матерій не требуетъ непрерывнаго вниманія, а *паче* можетъ служить мнѣ забавою»[1]. Поэтому нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ Бѣлинскаго, что хотя «языкъ Фонъ-Визина рѣзко отдѣляется отъ языка ломоносовскаго и близко подходитъ къ карамзинскому, но тѣмъ не менѣе Фонъ-Визинъ относится къ писателямъ ломоносовскаго періода русской литературы»[2]. Можно прибавить, что до Карамзина было въ ней нѣсколько человѣкъ, которые писали лучше другихъ, но они никому не передавали началъ, принятыхъ ими въ руководство, и такъ какъ въ сочиненіяхъ ихъ господствуетъ языкъ неровный, разнохарактерный, то мы въ правѣ заключить, что они въ сущности держались еще ломоносовскаго ученія о трехъ родахъ слога, отличающихся между собою разною мѣрою славянской примѣси. Замѣчательно, что почти до самаго появленія Карамзина большинство писателей, въ высшихъ родахъ сочиненій, выражались гораздо хуже Ломоносова, и, не имѣя ни его теоретическихъ познаній въ языкѣ, ни его яснаго ума и такта, запутывались въ лабиринтѣ латинскаго словорасположенія; къ тому же имъ недоставало и его строгой разборчивости въ употребленіи славянскихъ формъ и реченій. Отъ этихъ недостатковъ не уберeглись даже многіе изъ профессоровъ

---

[1] Соч. Фонъ-Визина, стр. 228. Сначала и Карамзинъ употреблялъ слово *упражняться* въ такомъ смыслѣ; но потомъ оно получило у него болѣе тѣсное значеніе.

[2] Соч. Бѣлинскаго, ч. VIII, стр. 136. — Позволяю себѣ сослаться здѣсь и на свою статью о *Фонъ-Визинѣ* князя Вяземскаго (*Спб. Вѣдом.* 1848 г., № 281—283), въ которой показано, что языкъ Фонъ-Визина представляетъ три разные оттѣнка, и обращено уже вниманіе на успѣхъ русской письменной рѣчи у нашихъ сатирическихъ писателей.

Московскаго университета, не только въ концѣ прошлаго вѣка, но еще и въ началѣ нынѣшняго. Въ ихъ рѣчахъ попадаются, правда, очень гладкія, чистымъ языкомъ написанныя мѣста, но чуть только ораторъ, по важности предмета, хочетъ подняться выше уровня вседневной рѣчи, у него является обычная примѣсь славяно-латинской схоластики; вообще запутанные и длинные періоды господствуютъ въ этихъ рѣчахъ надъ простотою русскаго синтаксиса [1].

Такимъ-то образомъ, въ исходѣ 18-го столѣтія нашъ письменный языкъ дѣлился какъ бы на двѣ струи, изъ которыхъ одна, дѣйствительно, болѣе и болѣе освобождалась отъ чуждыхъ церковно-славянскихъ элементовъ, сближаясь съ языкомъ народнымъ, а другая представляла испорченный ломоносовскій языкъ *высокаго штиля*, то-есть, языкъ, наружно построенный по началамъ геніальнаго образца, но лишенный его зиждительнаго духа. Первая, очищенная струя проходила почти исключительно чрезъ извѣстные только виды сочиненій, и тѣ самые писатели, у которыхъ она пробивалась, готовы были, при измѣненіи предмета и тона рѣчи, тотчасъ же обратиться къ другой, мутной и ложной струѣ, такъ что обѣ онѣ безпрестанно сливались, даже у одного и того же автора, иногда въ одномъ и томъ же сочиненіи.

Незадолго передъ тѣмъ, какъ Карамзинъ основалъ *Московскій Журналъ*, въ Петербургѣ стало появляться (1788) еженедѣльное изданіе *Утренніе Часы*. По языку этотъ журналъ, состоявшій преимущественно изъ небольшихъ нравоучительныхъ статей, не выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ произведеній тогдашней литературы. Но онъ потому особенно заслуживаетъ вниманія, что главный издатель его, Иванъ Рахманиновъ [2], въ слѣдующемъ году вмѣстѣ съ Крыловымъ предпринялъ изданіе *Почты Духовъ*. Оба журнала печатались, одинъ за другимъ, въ той же

---

[1] См. ниже образчики въ Приложеніи I.

[2] Не *Рахмановъ*, какъ названъ въ біографіи Крылова (стр. xxi Юнгмейстерова изданія) товарищъ его по изданію *Почты Духовъ*. Эта погрѣшность перешла уже и во множество другихъ статей о Крыловѣ.

типографіи, какъ показываетъ выставленный на нихъ штемпель И. Р. Отсюда рождается вопросъ, не произошло ли соединеніе этихъ двухъ литераторовъ для издавательской дѣятельности еще до 1789 года и не участвовалъ ли Крыловъ уже и въ изданіи *Утреннихъ Часовъ*, въ первомъ выпускѣ которыхъ говорится объ *издателяхъ*. Но рѣшеніе этого вопроса сюда не относится, и я перехожу къ другому журналу, который здѣсь нужнѣе принять въ соображеніе. Это — *Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій*, возникшее въ одно время съ *Московскимъ Журналомъ*. Въ изданіи *Чтенія* главное участіе принимали Сохацкій и Подшиваловъ[1]. Ихъ называютъ то предшественниками, то сподвижниками Карамзина въ дѣлѣ улучшенія литературнаго языка[2]. Но вполнѣ ли это вѣрно? Сохацкій и Подшиваловъ были почти ровесниками Карамзина[3]. Первый, уроженецъ Полтавской губерніи, учился сперва въ Кіевской духовной академіи, а потомъ уже въ Московскомъ университетѣ; во всю жизнь занимался онъ преимущественно древней литературой и никогда не могъ усвоить себѣ легкаго слога. «Казалось», замѣтилъ его біографъ еще въ 1821 году[4], «что изустное объясненіе его имѣло болѣе занимательности и пріятности, нежели самый слогъ, въ коемъ видна нѣкоторая принужденность, происходившая отъ старанія быть точнымъ и выразительнымъ». Словомъ, языкъ Сохацкаго навсегда сохранилъ отпечатокъ происхожденія и семинарскаго воспитанія

---

[1] Имя Сохацкаго упомянуто при этомъ журналѣ въ смирдинской Росписи. Въ біографіяхъ какъ его, такъ и Подшивалова говорится объ участіи перваго только въ позднѣйшихъ изданіяхъ послѣдняго. Впрочемъ, такъ ли было, или иначе, здѣсь это не важно; дѣло въ томъ, что Сохацкій и Подшиваловъ дѣйствительно трудились вмѣстѣ въ нѣкоторыхъ изданіяхъ.

[2] Еще и въ одной рѣчи, произнесенной 1-го декабря 1866 г., Подшиваловъ названъ предшественникомъ Карамзина. Это можно сказать развѣ въ томъ только отношеніи, что Подшиваловъ участвовалъ въ изданіи нѣкоторыхъ сборниковъ прежде чѣмъ появился *Московскій Журналъ*; но вѣдь и Карамзинъ не этимъ изданіемъ началъ свое литературное поприще.

[3] Сохацкій умеръ на 44-мъ году 18-го марта 1809; слѣдовательно, онъ родился въ 1766. Подшиваловъ род. 2-го марта 1765 г.

[4] *Рѣчи въ торжественныхъ собраніяхъ Москов. универс.*, ч. III, стр. 64.

этого ученаго. Ни изъ чего не видно, чтобы Сохацкій сочувствовалъ Карамзину: извѣстно напротивъ, что онъ въ своемъ журналѣ *Иппокрена или Утѣхи любословія* (характеристическое заглавіе!) помѣстилъ, 1799 г., направленные противъ Карамзина стихи: *Ода въ честь моему другу*. Совершенно въ другомъ положеніи былъ Подшиваловъ. Подмосковный уроженецъ, солдатскій сынъ, съ 1782 г. студентъ Московскаго университета и вскорѣ «учитель россійскаго стиля», потомъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ членовъ литературнаго собранія при университетѣ, онъ соединялъ въ себѣ гораздо болѣе условій къ тому, чтобы содѣйствовать успѣхамъ языка, и въ самомъ дѣлѣ усердно пошелъ по стопамъ Карамзина. При его главномъ участіи университетское общество издавало, одинъ за другимъ, періодическіе сборники: *Вечерняя Заря* (1782), *Покоящійся Трудолюбецъ* (1785), *Чтеніе для вкуса* (1791). Послѣдній изъ нихъ, какъ уже замѣчено, возникъ одновременно съ *Московскимъ Журналомъ*, въ которомъ Подшиваловъ также принималъ нѣкоторое участіе. О дружескихъ отношеніяхъ между нимъ и Карамзинымъ есть нѣсколько свидѣтельствъ. Карамзинъ самъ не разъ говоритъ о немъ въ своей перепискѣ съ Дмитріевымъ, называя его *нашъ пріятель* и упоминая о получаемыхъ отъ него письмахъ. Подшиваловъ читалъ корректуру сочиненій Дмитріева, когда печатались *И мои бездѣлки*, а потомъ имѣлъ попеченіе о продажѣ этой книжки. Въ біографической статьѣ о немъ[1] Владиміръ Измайловъ говоритъ: «.....Лучшимъ утѣшеніемъ были для него новая связь и новое знакомство съ человѣкомъ, который начиналъ украшать россійскую словесность и выдавалъ тогда *Московскій Журналъ*. Сей отличный авторъ полюбилъ въ немъ хорошій характеръ и талантъ, и естьли на пути литературной славы они стояли въ нѣкоторомъ отдаленіи одинъ отъ другаго, то согласіе добрыхъ сердецъ сближало ихъ въ сношеніяхъ общественной жизни и уничтожало разстояніе авторское. Къ чести Подшивалова, его талантъ, безъ досады и за-

---

[1] *Вѣстникъ Европы* 1814, № 13, стр. 33.

висти, отдавалъ всегда справедливость таланту гораздо превосходнѣйшему: нравственная черта рѣдкая, особливо между авторами!» При такомъ отношеніи одного писателя къ другому, особенно любопытно сравнить между собою ихъ одновременныя изданія. Не говоря уже о безжизненности содержанія подшиваловскаго *Чтенія*, объ отсутствіи въ немъ всякаго современнаго интереса, всякой оригинальности, и преобладаніи отвлеченно-нравоучительнаго характера, при обиліи бывшихъ тогда въ модѣ восточныхъ повѣстей, замѣтимъ, что языкъ въ статьяхъ *Чтенія* представляетъ ту же неровность и пестроту, которая господствуетъ почти во всѣхъ изданіяхъ того времени. Поучительно сличить самыя объявленія объ изданіи *Московскаго Журнала* и *Чтенія для вкуса*, напечатанныя одно за другимъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*[1]. Объявленіе Карамзина извѣстно[2]; о *Чтеніи* было возвѣщено въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Дабы доставить публикѣ періодическое полезное чтеніе, могущее занимать удовольственнымъ образомъ духъ и сердце читающаго, и чрезъ то самое подавать ему доброе времяпровожденіе, издаваемо будетъ съ начала будущаго года, при каждомъ номерѣ *Вѣдомостей* по одному листу, сочиненіе подъ титуломъ *Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій*, которое заключать въ себѣ будетъ статьи различнаго содержанія въ стихахъ и прозѣ, не менѣе полезныя, любопытныя, какъ пріятныя и забавныя. Издатели стараться будутъ, сообразуясь названію сего изданія, довольствовать онымъ вкусъ читателей своихъ, занимать разумъ ихъ и возбуждать благородныя и пріятныя чувствованія, наблюдая для сего величайшую разборчивость, дабы не токмо помѣщаемы были приличныя матеріи, но и предлагаемы были онѣ чистымъ и пріятнымъ слогомъ: кратко сказать, ничего не опустятъ, чтобы листы сіи приносили удоволь-

---

[1] Объявленіе объ изданіи *Чтенія* см. въ *Моск. Вѣд.* 1790 г. № 88 (2-го ноября). Объявленіе о *Московскомъ Журналѣ* приложено особо при № 89 (6-го ноября).

[2] Оно перепечатано въ книгѣ М. П. Погодина: *Карамзинъ* и проч., ч. I, стр. 170.

ствіе и пользу читателямъ всякаго рода и званія, дабы каждый изъ нихъ могъ находить въ изданіи семъ что нибудь такое, что бы удовлетворять могло вкусу и склонностямъ его»[1]. Какой способъ изложенія, между прочимъ, издатели относили къ *чистому* и *пріятному* слогу, можно видѣть изъ статьи «День», которою открывается 1-й листъ *Чтенія* и которая начинается такъ: «Пробудитесь смертные! воспряните изъ безмолвнаго усыпленія, васъ одержащаго, да узрите блистающій въ свѣтлой ясности прекрасный день. Пробуждаются они; и се я зрю чувствительныя сердца, исполняющіяся радости при воззрѣніи на чудеса природы и проливающія тихую мольбу къ Существу существъ: — Творецъ нашъ! свѣтъ, утѣшеніе и надежда наша! колико ты изливаешь благостей, да не скорбитъ духъ нашъ, совершенствуясь въ сей мрачной юдоли». Сравнимъ съ этимъ 1-ую страницу прозы *Московскаго Журнала*: это — знаменитое письмо «Русскаго Путешественника» изъ Твери, начало цѣлаго ряда писемъ и статей, писанныхъ тѣмъ же языкомъ. Но вотъ и въ *Чтеніяхъ* «Отрывокъ чувствительнаго путешествія» (ч. I, стр. 26). Посмотримъ, какъ онъ начинается: «Писателю не можетъ то служить попрекомъ, когда онъ то тѣ, то другія большія и малыя вещи выводитъ на зрѣлище публики. Когда кажется ему вещь довольно важною и онъ думаетъ, что сему или тому читателю можетъ его сочиненіе служить полезнымъ и хотя пріятнымъ препровожденіемъ времени, то, что тогда должно его удерживать зажечь свѣчу и вывесть дѣла свои изъ мрака?» Здѣсь, конечно, не все дурно; встрѣчаются, далѣе, и цѣлыя страницы, довольно чистою прозою написанныя, ни нигдѣ нѣтъ языка, выдержаннаго въ цѣлой статьѣ; вездѣ хорошее является только какъ случайность или исключеніе. У одного Карамзина, въ это время, мы ви-

---

[1] Въ № 103 *Моск. Вѣд.* 25-го декабря перепечатано это объявленіе съ нѣкоторыми измѣненіями: тутъ два-три выраженія исправлены, напр. вмѣсто: *могущее занимать удовольственнымъ образомъ* сказано — *которое могло бы съ удовольствіемъ занимать*, вмѣсто: *доброе времяпровожденіе* — *пріятное препровожденіе времени*.

димъ рѣчь вездѣ ровную, свидѣтельствующую о ясномъ пониманіи условій чистоты и изящества языка, о разумной строгости въ выборѣ словъ и ихъ расположеніи. Требованія Карамзина въ этомъ дѣлѣ выразились, между прочимъ, въ критическихъ статьяхъ *Московскаго Журнала*, которыя сами по себѣ составили явленіе до тѣхъ поръ небывалое въ русской литературѣ. Вошедшая въ нихъ стилистическая критика, которая теперь въ совершенномъ пренебреженіи, тогда имѣла особенную важность. Въ *Систематическомъ обозрѣніи литературы въ Россіи*, Шторха и Аделунга (Спб. 1810, стр. xv), замѣчено: «Изъ Россіянъ Карамзинъ, въ изданномъ имъ въ 1791 году *Московскомъ Журналѣ*, подалъ первый примѣръ критики литературы. Съ того времени нашелъ онъ себѣ многихъ преемниковъ». Замѣтимъ однакожь, что начатки литературной критики встрѣчаются уже въ *С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ* (1778—1781), но они еще не выдерживаютъ сравненія съ разборами Карамзина, которые притомъ въ первый разъ обращаютъ особенное вниманіе на языкъ. Изъ нихъ видно, какъ Карамзинъ уважалъ духъ языка, какъ онъ, преслѣдуя славянизмы, вмѣстѣ съ тѣмъ вооружался и противъ галлицизмовъ, въ которыхъ послѣ слишкомъ упрекали его; онъ дорожилъ и замѣною иностранныхъ терминовъ русскими всякій разъ, когда она была возможна съ соблюденіемъ точности идеи и безъ натяжекъ. Въ особенности требовалъ онъ чистоты, ясности, гладкости, простоты, пріятности выраженія, и потому нападалъ между прочимъ на дикія для разговорнаго языка частицы: *какъ бы*, *колико*, *дабы*. Тутъ же встрѣчаются у него насмѣшливыя выходки противъ писателей, позволявшихъ себѣ неумѣстныя заимствованія изъ церковно-славянскаго. Такъ, онъ говоритъ въ разборѣ перевода Клариссы Ричардсона: «Г. Переводчикъ хотѣлъ здѣсь послѣдовать модѣ, введенной въ Русскій слогъ *голѣмыми претолковниками NN*, *иже отрѣваютъ все*, *еже есть Руское*, *и блещаются блаженнѣ сіяніемъ славяномудрія*[1]. Кого разумѣлъ Ка-

[1] *Московскій Журналъ* 1791, ч. IV, стр. 112. — Замѣчанія Карамзина о языкѣ, встрѣчающіяся въ этомъ журналѣ, см. ниже въ Прилож. II.

рамзинъ подъ *голѣмыми* (то-есть, великими) *претолковниками?* Записки Дмитріева облегчаютъ намъ рѣшеніе этого вопроса. Говоря о писателяхъ, которые послѣ Елагина и Фонъ-Визина начали еще болѣе ихъ употреблять славянскіе реченія и обороты, Дмитріевъ называетъ *усерднѣйшими славянофилами*, между прочими, извѣстнаго переводчика И. С. Захарова, Якимова, Пахомова и Сидоровскаго[1]. Якимовъ перевелъ Иліаду, коллежскій же ассесоръ Матвѣй Пахомовъ, служившій при Смольномъ монастырѣ, и священникъ Иванъ Сидоровскій, свояки, трудились совокупно и переводили общими силами «Павсанія, или Павсаніево описаніе Еллады»; послѣднимъ переведены сверхъ того «Разговоры Лукіана Самосатскаго» и «Творенія велемудраго Платона». Въ ихъ трудахъ, по словамъ Дмитріева, можно найти: *тако мнѣ глаголющу*, *воставшу солнцу* и т. п. На этихъ же переводчиковъ 1780-хъ годовъ намекалъ можетъ-быть другъ Карамзина Петровъ, когда совѣтовалъ ему: «...лучше пиши все свое сочиненіе на русско-славянскомъ языкѣ, долгосложно-протяжно-парящими словами»[2]. Итакъ мы знаемъ, кого разумѣлъ Карамзинъ подъ именемъ *голѣмыхъ претолковниковъ*. Изъ нихъ Захаровъ и Сидоровскій были членами Россійской Академіи, первый съ 1786 года, второй еще съ 1783. Понятно, кто былъ задѣтъ выходкою *Московскаго Журнала*. Здѣсь начало гнѣва, впослѣдствіи породившаго *Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ*.

Новый духъ, новое пониманіе журнальнаго дѣла, проникавшіе *Московскій Журналъ*, не могли не отразиться и на самомъ языкѣ его. Впрочемъ, здѣсь замѣтна еще большая разница между языкомъ Карамзина и немногихъ сотрудниковъ его, даже и Подшивалова, хотя послѣдній во взглядѣ на этотъ предметъ совершенно примкнулъ къ талантливому издателю. Разница между ними, какъ стилистами, по крайней мѣрѣ за то время, наглядно выдается въ двухъ критическихъ статьяхъ Подшивалова о *Палефатѣ* Туман-

---

[1] *Взглядъ на мою жизнь*, стр. 85; ср. тамъ же, стр. 45.
[2] *Русскій Архивъ* 1863 г., стр. 480.

скаго. На варварскій языкъ этого перевода (съ греческаго) Подшиваловъ взглянулъ снисходительнѣе, нежели какъ могъ смотрѣть самъ Карамзинъ, судя по другимъ разборамъ его. «Сей переводъ въ сравненіи со многими другими», говоритъ рецензентъ, «конечно, хорошъ; однакожь онъ и не совсѣмъ чистъ. Сверхъ многихъ славянскихъ словъ, не кстати употребленныхъ, напримѣръ *дондеже*, *весь* (село), *якобы*, онъ *моглъ видѣть*, и проч.; сверхъ неприличной смѣси Славянскаго съ Русскимъ, напр. стр. 5: *уста и щотка возсѣли на обѣзжженныхъ лошадей*, и стр. 9: *не могъ рѣшиться на убіеніе отрочати*; наконецъ сверьхъ грамматическихъ мѣлочей, напр. *Греческого*, *никакого*, *бѣлого*, *укушенна будучи*, *все соединенно—къ баснѣ*, *въ роскошѣ*,—замѣтили мы еще большія странности»[1].

Понятно, что и самъ Карамзинъ, въ *Московскомъ Журналѣ*, еще далекъ отъ тѣхъ успѣховъ языка и слога, которыхъ онъ достигъ въ своихъ послѣдующихъ трудахъ. Какъ вообще въ области литературы, такъ и въ дѣятельности каждаго замѣчательнаго писателя, языкъ постепенно совершенствуется, и условія такого развитія у отдѣльнаго автора заключаются, съ одной стороны, въ собственномъ его духѣ, безпрестанно идущемъ впередъ, съ другой—въ совокупномъ движеніи всего общества, которое, подчиняясь вліянію передовыхъ мыслителей, въ свою очередь взаимно дѣйствуетъ на нихъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно поучительно было бы прослѣдить всѣ труды Карамзина, начиная отъ самыхъ раннихъ его переводовъ и сочиненій; но къ предмету настоящаго изслѣдованія все предшествовавшее *Московскому Журналу* не относится, такъ какъ насъ занимаетъ вопросъ не столько о ходѣ развитія литературной рѣчи Карамзина, сколько о свойствѣ ея и вліяніи на общій письменный языкъ русскій. Вліяніе же Карамзина, естественно, могло начаться только со времени из-

---

[1] *Моск. Журн.*, ч. V, январь и мартъ, стр. 137 и 379. Въ февральской книжкѣ, стр. 277, помѣщено возраженіе Туманскаго подъ заглавіемъ: *О сужденіи книгъ*, съ любопытными примѣчаніями Карамзина.

данія *Московскаго Журнала*, доставившаго ему значительный кругъ читателей и громкую извѣстность.

Само собою разумѣется, что дѣйствіе этого журнала было двоякое: однихъ онъ привлекъ къ Карамзину; другихъ, хотя далеко не столь многихъ, оттолкнулъ отъ него. Тогда-то стали явственно обозначаться двѣ школы писателей, и разногласіе ихъ должно было вскорѣ обратиться въ борьбу. Уже въ 1792 году, слѣдовательно когда *Московскій Журналъ* еще продолжалъ выходить, явились два изданія, враждебно къ нему относившіяся, именно *Зритель* Крылова и *Россійскій Магазинъ* Туманскаго. Первый, подражаніе аддисонову «Спектетеру», имѣлъ шуточно-сатирическое направленіе; естественно поэтому, что въ большей части статей такого содержанія языкъ простъ, хотя часто совсѣмъ не изященъ и вообще крайне небреженъ. Какъ замѣтилъ уже Пекарскій, журналы Крылова и Клушина «отличались особенною неряшливостію и промахами противъ грамматики»[1]. Разномысліе *Зрителя* съ Карамзинымъ во взглядѣ на языкъ обнаруживается не въ одномъ способѣ выражаться. Вотъ, напримѣръ, сужденіе этого журнала о Ломоносовѣ: «Сей безсмертный отецъ нашего стихотворства доказалъ, что понятіе его изобрѣло такія красоты, которыхъ никто еще не имѣлъ; онъ первый доказалъ свѣту, что можно Россіянину только превзойти въ картинахъ стихотворческихъ и самого Виргилія, гдѣ онъ не встрѣчался съ нимъ вездѣ его превозходилъ: описаніе бури у Ломоносова несравненно живѣе... Языкъ Россійскій отъ его пера явился сильнѣйшимъ всѣхъ Европейскихъ: Ломоносовъ имъ изображалъ все, до чего только можетъ достигнуть пламенное воображеніе витіи»[2] и т. д. Карамзинъ, хотя также признавалъ превосходство Ломоносова въ лирической поэзіи, однакожъ вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ, что онъ и Сумароковъ «еще не образовали Россійскаго слога» и

---

[1] *Письма* Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, стр. 025.

[2] *Зритель*, ч. I, «О враждебномъ свойствѣ Россіянъ» (Плавильщикова), стр. 172.

замѣчалъ: Проза Ломоносова не можетъ служить для насъ образцемъ; *длинные періоды* его утомительны, *расположеніе* словъ не всегда сообразно съ теченіемъ мыслей, не всегда пріятно для слуха»[1]. Извѣстно, что товарищемъ Крылова по изданію *Зрителя* былъ Клушинъ; къ числу сотрудниковъ ихъ принадлежали Дмитревскій, Плавильщиковъ, Эминъ и Туманскій[2]. Въ журналѣ ихъ Карамзинъ задѣтъ, между прочимъ, за свои критическіе разборы. Въ такомъ смыслѣ написана цѣлая статья *Критикъ*, въ которой представленъ сердитый человѣкъ съ книгою въ рукахъ. Онъ готовится писать рецензію на эту книгу и говоритъ: «Переводъ сей гадокъ; не имѣетъ въ себѣ ни правилъ языка, ни правилъ грамматики; *достоинства чувствованій автора изкажены*; и сверхъ того есть слова, которыхъ я не понимаю». Далѣе приведено въ такомъ же тонѣ нѣсколько отдѣльныхъ примѣчаній критика; между прочимъ, осмѣяна прихотливость легко-оскорбляющагося слуха («вы не можете представить, какъ это деретъ уши»), и въ заключеніе сказано: «Можно быть увѣрену, что съ его неусыпнымъ попеченіемъ о Русскомъ языкѣ, и въ самыхъ типографіяхъ опечатокъ будетъ гораздо менѣе. Правда, онъ не касается до разсматриванія Авторскихъ мыслей, плана сочиненія, характера дѣйствующихъ лицъ, ума и способностей — да и хорошо, что не за свое не берется — какъ заниматься такою мелочью?»[3]. При совершенномъ невниманіи издателей *Зрителя* къ требованіямъ грамматики, понятно, какъ долженъ былъ имъ не нравиться пуризмъ Карамзина съ особеннымъ характеромъ его прозы. Что его слогъ не ускользнулъ отъ ихъ вниманія, видно изъ выходки противъ «рѣдкихъ и избранныхъ изображеній» *Московскаго Журнала*, на

---

[1] Сочиненія Карамзина, изд. Смирд., т. I, «Похвальное слово Екатеринѣ II», стр. 363, и «Пантеонъ Россійскихъ авторовъ», стр. 591.

[2] *Письма* къ Дм., стр. 17, 28, 33.

[3] *Зритель*, ч. I, стр. 161. Эти и подобныя выходки *Зрителя* были хорошо извѣстны Карамзину, который упоминаетъ о враждѣ его издателей въ своихъ *Письмахъ* къ Дмитріеву. Въ маѣ мѣсяцѣ (1792 г.) оба друга подписались на этотъ журналъ (*Зр.* ч. II, стр. 86).

которыя они въ своихъ *рецептахъ* указывали какъ на средство отъ безсонницы[1].

Другой журналъ, обнаружившій непріязненное отношеніе къ Карамзину, былъ *Россійскій Магазинъ*, хотя онъ и имѣлъ преимущественно характеръ историческаго сборника. Издатель его, Ѳедоръ Туманскій, котораго языкъ отличался особеннымъ безобразіемъ, былъ конечно плохимъ цѣнителемъ искуства писать; притомъ *Московскій Журналъ* не совсѣмъ благосклонно принялъ его *Палефата*, и наконецъ, Карамзинъ не печаталъ «піэсъ», которыми Туманскій «задавилъ» его, по выраженію самого Карамзина въ Письмахъ къ Дмитріеву (стр. 17 и 19). Вотъ почему *Россійскій Магазинъ*, при появленіи Оссіана въ переводѣ Кострова, воспользовался случаемъ «зацѣпить» (опять выраженіе изъ писемъ къ Дмитріеву) Карамзина, который также переводилъ Оссіана въ *Московскомъ Журналѣ*. «Къ щастію», говоритъ Туманскій, «Г. Кострова, въ переводѣ нѣкоторыхъ Оссіановыхъ сочиненій предшественникъ» (въ выноскѣ сказано: *Г. К. писатель Московскаго Журнала*) «нѣкоторою частію читателей одобряемый, самъ и съ братіею своею Судія многихъ чуждыхъ трудовъ и часто подписывающій опредѣленія безъ позволенія переноса, или силящійся сужденіе другихъ поддержать своими примѣчаніями, предоставилъ случай сличить сей переводъ, сдѣлать обоимъ сравненіе и поставя цѣну тому и другому заключить и о прочемъ. Сравненіе съ таковымъ переводчикомъ у мѣста, и чья побѣда, того знаменитѣе торжество»[2]. Затѣмъ напечатаны рядомъ тѣ же мѣста Оссіана изъ обоихъ переводовъ, сравненіе, прямо подходящее къ предмету настоящей статьи. Предоставляя любопытнымъ обратиться къ самому *Магазину*, считаю здѣсь достаточнымъ сослаться на тотъ краснорѣчивый фактъ, что Туманскій отдаетъ рѣшительное предпочтеніе переводу Кострова.

[1] *Зритель*, ч. II. «Прогулки», стр. 158, и *Письма* Карамзина къ Дмитріеву стр. 019.

[2] *Россійскій Магазинъ*, ч. I, стр. 198—205.

Нападенія на Карамзина продолжались и по прекращеніи его журнала; въ 1793 году главнымъ поприщемъ ихъ служило новое ежемѣсячное изданіе Крылова и Клушина *С.-Петербургскій Меркурій*[1], въ языкѣ котораго, впрочемъ, ничего новаго замѣтить нельзя.

Нѣкоторыя изъ обвиненій, которымъ Карамзинъ подвергался, показываютъ, что онъ возстановилъ противъ себя журналы не только своею критикой, своеобразіемъ своихъ взглядовъ, но отчасти и новостью своего языка, въ которомъ, какъ и вообще въ его дѣятельности, видѣли отступленіе отъ правилъ и отъ принятыхъ образцовъ. Посмотримъ теперь, какое дѣйствіе онъ производилъ на примкнувшихъ къ нему писателей. Поразительнымъ въ этомъ отношеніи явленіемъ служитъ журналъ *Пріятное и полезное препровожденіе времени*, которое Подшиваловъ началъ издавать въ Москвѣ въ 1794 году, то-есть, черезъ годъ послѣ удаленія Карамзина съ журнальнаго поприща. Въ статейкѣ Подшивалова *Къ сердцу*, которою открывается новое изданіе, мы находимъ доведенное до крайности восхваленіе *чувствительности* и между прочимъ такое восклицаніе: «*Простосердечіе, чистосердечіе!* надъ вами смѣются въ нынѣшнія времена: но ты, любезный К** (*Карамзинъ*), иныхъ со мною о томъ мыслей. Сколько разъ желалъ ты ихъ возвращенія на землю, и чтобъ единодушная любовь одушевляла всѣхъ смертныхъ!» Не только въ содержаніи, но и во всемъ складѣ рѣчи подобныхъ статеекъ, повторяющихся въ началѣ каждаго изданія, какъ и вообще въ цѣломъ составѣ этого журнала, отразилось сильное вліяніе Карамзина. Самъ Подшиваловъ въ *Чтеніи для вкуса* писалъ совсѣмъ не такъ. Новою рѣчью заговорили и сотрудники его. Такъ въ письмѣ, при которомъ кто-то предлагаетъ издателямъ стихи для помѣщенія въ журналѣ, сказано: «Естьли они вамъ понравятся, естьли угодно вамъ будетъ оные напечатать въ вашемъ пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени, и естьли чувствительной, нѣжной, любез-

[1] См. Приложеніе III.

ной и привлекательной нашъ Стернъ, читая ихъ, произнесетъ: *изрядные*; то я постараюсь и впредь доставлять» и проч., а въ выноскѣ объяснено: «Я подъ симъ разумѣю почтеннаго нашего Издателя Московскаго Журнала и Сочинителя Аглаи. Весьма прискорбно нѣжной душѣ взирать на благодѣтельную Натуру, начинающую раздавать намъ дары свои, и не имѣть второй книжки Аглаи, которая чувствительнымъ слогомъ поблагодарила бы за оные»[1]. Не отзывается ли здѣсь каждая строчка подражаніемъ слогу и языку Карамзина?

Такимъ образомъ Подшиваловъ является ближайшимъ послѣдователемъ и подражателемъ Карамзина, хотя ему и не удалось вполнѣ усвоить себѣ чистоту, правильность и легкость рѣчи послѣдняго. Но мы имѣемъ возможность еще точнѣе узнать понятія Подшивалова о слогѣ, окончательно развившіяся, очевидно, уже въ школѣ карамзинскаго языка. Изъ автобіографической записки его извѣстно, что *имъ* продиктованъ «Сокращенный курсъ Россійскаго слога»[2], изданный въ 1796 году (въ Москвѣ) ученикомъ его Скворцовымъ. Разсмотримъ же, какъ понималъ искуство писать подражатель Карамзина въ такое время, когда тотъ уже проложилъ новый путь въ этомъ дѣлѣ. Правда, что Подшиваловъ, указывая на книги, «къ основательному познанію Россійскаго языка много способствующія», не называетъ сочиненій Карамзина; но послѣ того, какъ онъ на словахъ и на дѣлѣ уже высказалъ свое уваженіе къ этому писателю, такое молчаніе можно объяснить только тѣмъ, что недавній примѣръ Карамзина, какъ видно изъ намека въ другомъ мѣстѣ книжки (на который ниже будетъ указано), и безъ того уже вызвалъ много неискусныхъ ему подражателей, употреблявшихъ во зло нѣкоторыя особенности

---

[1] *Пріятн. и Полезн. препр. времени* 1794, ч. II, стр. 230.

[2] «Намѣревался я также», говоритъ Подшиваловъ, «выдать *Начальныя основанія Россійскаго слога* въ трехъ томахъ.... Матеріалы готовы; лѣнь и недостатокъ времени помѣшали трудъ сей окончить. Между тѣмъ, чтобъ пощупать пульсъ у публики, какъ она его приметъ, я заставилъ ученика своего Скворцова издать по временамъ мною диктованный ему *Курсъ Россійскаго слога*» (*Москвитянинъ*, 1842 г., № 1, стр. 179).

его слога. Причиной, почему здѣсь не названъ Карамзинъ, могло быть еще и то, что онъ, вслѣдствіе связей съ Новиковымъ, подвергся подозрѣніямъ со стороны властей, и еще въ концѣ 1795 г. ходили о немъ *разные слухи, разсѣянные злобой и глупостью*, напримѣръ будто онъ сосланъ[1]. Выдавать за образецъ такого человѣка въ учебникѣ могло казаться не совсѣмъ благовиднымъ и безопаснымъ. Это тѣмъ правдоподобнѣе, что Дмитріевъ уже поименованъ между извѣстнѣйшими писателями[2], и что въ главѣ: *Нѣчто о поэзіи* выписаны, въ числѣ другихъ стиховъ, и отрывки изъ стихотвореній Карамзина, но безъ имени его и только со ссылками на *Московскій Журналъ*, откуда они взяты. Не касаясь недостатковъ принятой въ основаніе *курса* системы и несоразмѣрности разныхъ частей ея, ограничусь выборомъ нѣкоторыхъ существенныхъ понятій изъ разныхъ мѣстъ этой книги.

Слогъ раздѣляется въ ней попрежнему на *высокій*, *посредственный* и *простой*; но въ основу такого дѣленія положены уже не ломоносовскіе, а другіе признаки: «*Простой* (слогъ) вообще не имѣетъ почти никакихъ украшеній, хотя и наблюдаетъ во всемъ нѣкоторую пристойность; *посредственный* напротивъ того имѣетъ свои украшенія, а *высокой* слова отборныя, мысли важныя и острыя, страсти великія и благородныя, фигуры для возбужденія оныхъ пристойныя». Въ этомъ дѣленіи смѣшаны внѣшніе признаки съ внутренними, и ничего опредѣлительнаго не сказано; но за то оно и поставлено какъ бы на второмъ планѣ. Въ основаніе же ученія о слогѣ положено вѣрное начало: «Всякой почти различно мыслитъ, слѣдовательно всякой имѣетъ и свой стиль»; къ чему прибавлено замѣчаніе, явно согласное съ ученіемъ Карамзина: «но мы того только называемъ хорошимъ стилистомъ, кто пишетъ *правильно* и *пріятно*». По отношенію къ своимъ внутрен-

---

[1] *Письма* къ Дм.., стр. 62.

[2] Образцами признаны, для прозы: сочиненія Ломоносова, Феофана, Гедеона, Платона и св. Дмитрія, особливо Четьи Минеи; для стиховъ: сочиненія Ломоносова же, Хераскова, Майкова, Сумарокова, Державина, Княжнина, *Дмитріева*, Богдановича и проч

нимъ качествамъ, слогъ раздѣленъ вообще на *худой* и *хорошій*. Худое выраженіе мыслей приписано незнанію языка и не довольно очищенному вкусу (опять та же карамзинская идея). Затѣмъ объяснено, что худо пишетъ тотъ, кто пишетъ: 1) *темно*; 2) *педантически*: «когда кто слишкомъ привязанъ къ *школярщинѣ*, къ древностямъ и чужестраннымъ вещамъ, не всякому извѣстнымъ»; 3) *принужденно*: «когда подражаетъ кто великимъ писателямъ, но не искусною рукою, или выказываетъ свою ученость, которой очень мало»; 4) *высокопарно* или *надуто*: «когда кто, говоря о маловажныхъ вещахъ, употребляетъ пышныя выраженія, или ложными прикрасами убираетъ матерію важную»; 5) *слишкомъ низко:* «когда кто употребляетъ простонародныя слова, охотникъ до пословицъ и побасенокъ и кажется, хочетъ увеселить только шутливаго ротозея; 6) *слишкомъ растянуто*, и 7) *слишкомъ коротко*[1]. О нѣкоторыхъ изъ этихъ свойствъ разсѣяны въ другихъ мѣстахъ книги еще подробнѣйшія замѣчанія. Такъ объ устарѣвшихъ словахъ сказано, что ихъ «не долженъ употреблять хорошій писатель, хотя бы и разумѣлъ ихъ, выключая нѣкоторыхъ славенскихъ, въ высокомъ слогѣ употребительныхъ»[2]. Высокопарныя реченія, упомянуто далѣе, «часто затмѣваютъ стиль и болѣе изобличаютъ педанта или школьника, безпрестанно проповѣдующаго о миріадахъ, лабиринтахъ, сферахъ, серафимахъ и пр. Въ семъ случаѣ не надобно подражать и великимъ людямъ, иногда въ томъ погрѣшающимъ, дабы не уподобиться придворнымъ Александра Великаго, которые для того держали голову на одну сторону, что государь ихъ былъ кривошея[3]. Здѣсь довольно ясно высказано предостереженіе тѣмъ молодымъ писателямъ, которые, встрѣчая у Карамзина иностранныя слова, стали слиш-

---

[1] *Сокращенный курсъ Росс. слога*, стр. 87—97.

[2] Тамъ же, стр. 43.

[3] Тамъ же, стр. 52. Слова́ *миріады* и *сфера* встрѣчаются въ слѣдующей фразѣ Карамзина: «Кто чрезъ *миріады* блестящихъ *сферъ*, кружащихся въ голубомъ небесномъ пространствѣ» и т. д. (*Аглая* I, *Нѣчто о наукахъ* и пр., стр. 69). Извѣстно другое его выраженіе: «святое, никакими *сферами* неограниченное желаніе всеобщаго блага». (Тамъ же, *Что нужно автору?* стр. 29).

комъ неумѣренно употреблять ихъ. Въ подкрѣпленіе совѣта избѣгать простонародныхъ словъ приведены примѣры: *моркотно*, *обизорно*, *трелюдить*, *разчетверивать*, *чичаговать*. (Сюда же отнесены и слова *провинціальныя*, которыя въ другихъ мѣстахъ Россіи понятны)[1]. Припомнимъ, что и Карамзинъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ своего поприща, смотрѣлъ такимъ же образомъ на простонародныя слова, когда они сообщаютъ низкую идею. Такъ онъ (въ 1793 г.) совѣтовалъ Дмитріеву исключить изъ одного стихотворенія «отвратительное» слово *парень*, и находилъ, что при этомъ словѣ «является мыслямъ дебелый мужикъ, который чешется неблагопристойнымъ образомъ и утираетъ рукавомъ мокрые усы свои, говоря: *ай парень! что за квасъ!* Надобно признаться, что тутъ нѣтъ ничего интереснаго для души нашей!»[2].

Изъ свойствъ дурного слога выведены принадлежности хорошаго, который долженъ быть: 1) ясенъ; 2) негрубъ; 3) безъ всякаго принужденія; 4) натураленъ; 5) благороденъ; 6) обиленъ и 7) хорошо связанъ. Ясность признана первымъ свойствомъ «стиля», требующимъ употребленія такихъ словъ, которыя были бы «понятны и несомнительны». Условіемъ для того, чтобы писать негрубо, постановлено «обхожденіе съ просвѣщенными людьми» и тутъ же оговорено: «мы не разумѣемъ однакожъ тѣхъ полуфранцузовъ, которые портятъ и наконецъ забываютъ свой языкъ»[3]. Наконецъ, существеннымъ признакомъ хорошаго языка заявлена «совершенная одинаковость или единообразіе въ словахъ и теченіи оныхъ, безъ всякихъ скачковъ и неравностей»[4], то-есть именно то свойство, которымъ проза Карамзина отличается отъ всего, что̀ до тѣхъ поръ писалось.

Ученіе о періодахъ и предложеніяхъ представляетъ сбивчивость, происходящую отъ неточнаго разграниченія самыхъ понятій, выражаемыхъ этими словами. Между прочимъ, однакожъ,

---

[1] Тамъ же, стр. 43 и 44.
[2] *Письма* къ Дмитріеву, стр. 39.
[3] *Сокращ. курсъ*, стр. 92.
[4] Тамъ же, стр. 44.

очень опредѣлительно сказано, что промежутки отъ одной точки до другой «въ старину бывали очень велики, такъ что періода однимъ духомъ весьма часто выговаривать было не можно; но нынѣ употребляются по большей части пункты коротенкіе, по причинѣ труднаго пониманія длинныхъ. Словъ 8, 10 и 15 въ періодѣ, такъ и довольно»[1]. Прежде, при долгихъ періодахъ, «союзы были необходимы; но нынѣ опущеніе ихъ, то-есть союзовъ соединительныхъ, особливую составляетъ пріятность; а особливо *стиль Французской, отъ всѣхъ нынѣ принимаемой*, не мало заимствуетъ отъ сего красы своей»[2]. Здѣсь подчеркнутыя мною слова заслуживаютъ особеннаго вниманія: они показываютъ, какъ современники Карамзина смотрѣли на способъ изложенія, начинавшій распространяться въ русской литературѣ вслѣдствіе успѣха его сочиненій. И не удивительно, что такъ разумѣли карамзинскій слогъ, понявъ несообразность *латино-германскаго* строя рѣчи, который введенъ былъ Ломоносовымъ и такъ долго послѣ него держался.

Сообразно съ предыдущимъ, въ главѣ о переводахъ замѣчено, что требованіе вѣрности «не препятствуетъ иногда, для большей ясности и вразумительности, раздроблять большіе періоды, которые на Россійскомъ языкѣ могутъ быть и скучны и темны. Да и сверхъ того есть такіе случаи, въ которыхъ по необходимости можно нарушить дальнѣйшую точность въ переводѣ, и во 1-хъ несходство языковъ въ выраженіи можетъ побудить насъ къ такому поступку, а потому требуемая въ переводѣ ясность и удержаніе важности подлинника весьма часто помянутой точности бываютъ противны». Въ такомъ же смыслѣ Подшиваловъ совѣтуетъ переводчикамъ «выражать все такими словами и съ такими притомъ оборотами, которые на нашемъ языкѣ не странны, не противны, но оному свойственны. Каждый языкъ имѣетъ свои собственныя выраженія, которыхъ на другой въ точности никакъ

---

[1] Тамъ же, стр. 20.
[2] Тамъ же, стр. 29.

перевесть не можно, и тогда переводчикъ долженъ ставить на мѣсто ихъ другія, но близкія и красоту и силу подлинника точно выражающія»[1]. Вообще писатели должны остерегаться «не передѣлывать своего языка на образецъ чужестранныхъ»[2] и, безъ особенной надобности, не заимствовать реченій изъ другихъ языковъ: «если провинціальныя слова хулы достойны, то тѣмъ болѣе чужестранныя, а особливо развратителями языка безъ нужды употребляемыя»[3]. Такому осужденію подвергнуты «тѣ вновь произведенныя слова, которыя скованы или выпечены молодыми, богатства нашего языка не знающими людьми, безъ всякой нужды и изъ одной безвременной щекотливости, чтобъ чрезъ то выказать себя или представить что либо особливое. Довольно примѣровъ тому въ новыхъ книгахъ, и жалко, естьли послѣдуетъ онымъ молодой съ дарованіями писатель, ибо таковыя слова отчасти непонятны, отчасти невыразительны, а отчасти совершенно смѣшны»[4].

Всѣ эти наставленія въ книгѣ, изданной въ послѣдній годъ царствованія Екатерины II, очень замѣчательны, доказывая, какъ нелѣпыя подражанія Карамзину осуждались самими разумными его послѣдователями гораздо прежде Шишкова, и какъ несправедливо послѣдній распространилъ свои обвиненія на всю новую школу и на самого ея основателя. Мнѣ казалось нелишнимъ остановиться нѣсколько долѣе на этой теперь уже рѣдкой книжкѣ, такъ какъ она, сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не обращала на себя ничьего еще вниманія, а между тѣмъ необходимо имѣть ее въ виду и для ближайжаго опредѣленія началъ *новаго слога*, и для полной оцѣнки *Разсужденія* Шишкова. Сознавались ли эти начала до появленія Карамзина? По крайней мѣрѣ, мы не видимъ, чтобъ они были кѣмъ-нибудь выражены или приложены къ дѣлу: видимъ только частное осуществленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ

---

[1] *Сокращ. курсъ Росс. слога*, стр. 38.
[2] Тамъ же, стр. 52.
[3] Тамъ же, стр. 45.
[4] Тамъ же, стр. 46.

извѣстныхъ, прежде поименованныхъ мною родахъ сочиненій, которые писались *низкимъ* слогомъ. Не слышалось прежде и упрека въ излишнемъ употребленіи иностранныхъ словъ и галлицизмовъ. Усвоить себѣ тѣ новыя качества, которыя поражали въ рѣчи Карамзина, было не легко безъ особенныхъ свойствъ его духа, безъ его многосторонняго образованія и глубокаго знанія русскаго языка. Удивительно ли, что писатели, имѣвшіе всю добрую волю итти вслѣдъ за нимъ, но лишенные этихъ внутреннихъ условій, могли овладѣть только нѣкоторыми внѣшними признаками его рѣчи и, желая щеголять ими, довели ихъ до крайности? Фактъ одновременнаго появленія, въ 1790-хъ годахъ, множества неискусныхъ подражателей языку Карамзина убѣдительнѣе всего доказываетъ образованіе въ его сочиненіяхъ *новаго слога*, — новаго не только своимъ содержаніемъ, но и формою.

Не всегда ли счастливо̀ проложенный путь въ литературѣ привлекаетъ къ себѣ множество охотниковъ итти по свѣжимъ слѣдамъ смѣлаго пролагателя, и часто ли подражаніе удается?

Встрѣчая у Карамзина не употрбелявшіяся до тѣхъ поръ слова и выраженія, авторы-новички хотѣли отличиться такими же нововведеніями, но не имѣли той же удачи въ своихъ попыткахъ. Мы знаемъ, что самъ Карамзинъ еще долго не былъ доволенъ господствовавшимъ въ литературѣ языкомъ: ему не нравился способъ изложенія не только противниковъ его, но и подражателей. Въ разговорѣ съ Каменевымъ (1800) онъ отозвался не очень благопріятно объ Измайловѣ[1]. Къ Дмитріеву же онъ писалъ (1798), когда готовилъ сборникъ своихъ переводовъ, — *Пантеонъ иностранной словесности:* «Пока не выдаю собственныхъ своихъ бездѣлокъ, хочу служить публикѣ собраніемъ чужихъ піэсъ, не противныхъ вкусу и писанныхъ не совсѣмъ

[1] «Въ письмахъ Измайлова замѣтилъ я нѣсколько періодовъ, съ меня копированныхъ; но ему простительно, — онъ по-русски не читалъ ничего кромѣ *Моихъ бездѣлокъ*» (*Вчера и сегодня*, 1845. Письмо Каменева).

обыкновеннымъ Русскимъ—то-есть, не совсѣмъ *пакостнымъ слогомъ*»[1].

Само собою разумѣется, что тѣ, которые хотѣли остаться неподвижными въ старыхъ привычкахъ и пріемахъ письменнаго языка, не могли простить Карамзину его нововведній и лучшее противъ него оружіе находили въ томъ, чтó писали неловкіе его подражатели. Болѣе всѣхъ должна была оскорбляться новымъ слогомъ Россійская академія, считавшая себя *законодательницей языка и вкуса*. Выше было уже показано, что Карамзинъ еще въ *Московскомъ Журналѣ* бросилъ перчатку академическимъ славяноманамъ, и вотъ одинъ изъ новобранцевъ академіи (избранный въ члены ея 16-го дек. 1796 г.) выступаетъ впередъ рьянымъ борцомъ стараго слога. Книга Шишкова, за которую онъ, по собственному его сознанію, сидѣлъ три года[2], до сихъ поръ еще не оцѣнена по всей справедливости. Правда, что уже Макаровъ, Мартыновъ, Дашковъ и Каченовскій отмѣтили въ ней много нелѣпостей; но ограниченность, безвкусіе, недостатокъ основательной учености и добросовѣстной критики, обнаруженные ея авторомъ, еще ждутъ себѣ заслуженнаго приговора.

Говорятъ, что книга Шишкова все-таки принесла свою пользу, и это несомнѣнно: всякая крайность имѣетъ ту хорошую сторону, что она предостерегаетъ отъ крайности противоположной; но парадоксъ тѣмъ не менѣе остается парадоксомъ. Говорятъ также, что Шишковъ въ сущности ратовалъ не за языкъ, а за чистоту вѣры и нравственности. Съ этимъ нельзя согласиться: сначала не было и рѣчи о чемъ-либо иномъ, кромѣ *слога*, котораго порча приписывалась только пристрастному предпочтенію французскаго языка и французскому воспитанію[3]; потомъ, уже

---

[1] *Письма* къ Дмитріеву, стр. 99.

[2] «Меркуріи станутъ долговременные плоды упражненія моего въ языкѣ и трехъ-лѣтній трудъ мой, употребленный на сочиненіе сей книги, опровергать двухъ-дневною работою своею!» (*Прибавленіе къ разсужд. о ст. и нов. сл.* Спб. 1804, стр. 96).

[3] Шишковъ не замѣтилъ, что Карамзинъ въ *Вѣстникѣ Европы* самъ съ

въ концѣ своего *Разсужденія*, Шишковъ; чувствуя недостаточность прямыхъ доводовъ, прибѣгнулъ къ другимъ и задѣлъ своихъ противниковъ опасеніемъ за ихъ религіозныя и патріотическія чувства[1]. Чѣмъ далѣе шла полемика, тѣмъ болѣе пользовался онъ этою уловкой; но спорившіе съ нимъ очень хорошо понимали настоящій смыслъ ея, и Дашковъ умно замѣтилъ: «Онъ считаетъ всякое *оружіе* противъ соперниковъ своихъ законнымъ»[2], а въ другомъ мѣстѣ: «Зачѣмъ къ обыкновеннымъ сужденіямъ о словесности примѣшивать постороннія укоризны въ неисполненіи обрядовъ, предписанныхъ церковію?»[3] Тѣ, которые защищались въ этой полемикѣ, вели себя гораздо благороднѣе Шишкова и отзывались о немъ, въ нѣкоторыхъ сужденіяхъ своихъ, очень снисходительно.

Въ «Предувѣдомленіи» къ первому изданію *Разсужденія* (1803) прямо говорится: «Сочиненіе сіе не иное что есть, какъ родъ веденной мною записки всему тому, что мнѣ при чтеніи разныхъ старинныхъ и новыхъ книгъ, *касательно до языка и слога*, замѣтить случилось».

Въ заглавіи *Разсужденія* противопоставлены между собою *старый* и *новый слогъ*. Слѣдовательно, былъ *новый*, то-есть недавно образовавшійся слогъ. Откуда же онъ явился? съ чего или съ кого начался? Намъ говорятъ, что онъ былъ уже и прежде, въ сатирическихъ журналахъ 70-хъ и 80-хъ годовъ, въ сочиненіяхъ Фонъ-Визина и Крылова; но если такъ, то отчего же въ 1803 году онъ названъ *новымъ?* Или онъ названъ такъ потому только, что къ нему примѣшались нѣкоторыя иностранныя слова?

жаромъ возставалъ противъ такого пристрастія и во всемъ направленіи этого журнала обнаруживалъ патріотизмъ, который стоялъ никакъ не ниже *его* собственнаго (шишковскаго).

[1] *Разсужд.*, стр. 303: «Сія ненависть къ языку своему (а съ нимъ понемногу, постепенно и къ сродству и къ обычаямъ и къ вѣрѣ и къ отечеству) такъ сильно вкоренилась въ насъ» и проч.

[2] *Легчайшій способъ возражать на критики*, стр. 30.

[3] *Цвѣтникъ*, изд. В. Измайловымъ и П. Никольскимъ (декабрь 1810 года). Ч. VIII, стр. 431.

Попытаюсь расположить въ нѣкоторомъ порядкѣ безсвязныя, безпрестанно повторяющія одно и то же обвиненія Шишкова; можетъ-быть, изъ нихъ уже видно будетъ отчасти, что́ именно сдѣлалъ Карамзинъ въ отношеніи къ языку.

Первымъ и важнѣйшимъ недостаткомъ *новаго слога* въ глазахъ Шишкова было исключеніе изъ него церковно-славянскихъ словъ и оборотовъ. Въ самомъ началѣ своего *Разсужденія* онъ жалуется, что *въ большей части нынѣшнихъ нашихъ книгъ* господствуетъ странный слогъ, и главную причину того видитъ въ пренебреженіи къ церковно-славянскому языку, *корню и началу русскаго*. Ошибочное понятіе объ отношеніи между обоими языками и было источникомъ всего неудовольствія Шишкова. Онъ не догадывался, что долговременное преобладаніе перваго надъ послѣднимъ въ литературѣ было явленіемъ, хотя и неизбѣжнымъ, но незаконнымъ, игомъ, которое могучій народный языкъ долженъ былъ рано или поздно сбросить съ себя. Произнеся свою жалобу, Шишковъ направляетъ первый ударъ не на Фонъ-Визина, не на Крылова или прежнихъ сатириковъ, а прямо на Карамзина. Онъ выписываетъ нѣсколько строкъ изъ *Пантеона Россійскихъ Авторовъ*[1], только что изданнаго. Итакъ вотъ чтеніе, послужившее ему непосредственнымъ поводомъ къ начатію войны противъ новаго слога. Какое же мѣсто болѣе всего обратило на себя его вниманіе? Это слѣдующія слова изъ замѣтки о Кантемирѣ: «Раздѣляя слогъ нашъ на эпохи, первую должно начать съ Кантеми́ра, вторую съ Ломоносова, третью съ переводовъ Славяно-русскихъ г. Елагина, а четвертую съ нашего времени, въ которое образуется пріятность слога, *называемая Французами*

---

[1] *Пантеонъ Россійскихъ Авторовъ*, ч. I, Москва, 1801. Изданіе Пл. Бекетова (въ листъ; печат. у Селивановскаго). Любопытно, что Карамзинъ, сообщая выдержки изъ своего текста къ этому изданію въ № 20 *Вѣстника Европы* 1802 года, пишетъ: «Пантеонъ *Русскихъ*» (а не Россійскихъ) *«авторовъ»*. Въ *Письмахъ къ Дмитріеву* (стр. 115) онъ называетъ *нотицами* эти свои замѣтки о русскихъ писателяхъ. Изъ рѣдкаго экземпляра *Пантеона* въ здѣшней Публичной библіотекѣ бо́льшая часть портретовъ, къ сожалѣнію, вырѣзана какимъ-то безсовѣстнымъ читателемъ.

élégance» (послѣднія три слова исключены Карамзинымъ изъ позднѣйшихъ изданій *Пантеона* въ собраніи его сочиненій). Въ этомъ небольшомъ отрывкѣ Шишкову представилась многообразная ересь: 1) неуваженіе къ славяно-русскому языку; 2) мысль, что слогъ нашъ сталъ пріобрѣтать пріятность независимо отъ церковно-славянскаго; 3) означеніе этого новаго свойства французскимъ словомъ; 4) отнесеніе Ломоносова къ законченному уже періоду развитія литературнаго языка. Шишковъ не могъ простить Карамзину, что не видѣлъ у него «краснорѣчиваго смѣшенія Славенскаго величаваго слога съ простымъ Россійскимъ» и умѣнія «высокій Славенскій слогъ съ просторѣчивымъ Россійскимъ такъ искусно смѣшивать, чтобъ высокопарность одного изъ нихъ пріятно обнималась съ простотою другаго»[1]. Такое смѣшеніе, какъ выше показано, встрѣчалось у всѣхъ прежнихъ писателей, не исключая Фонъ-Визина и Крылова, когда они сходили съ почвы *низкаго штиля:* оно составляло принадлежность стараго слога, переходившаго иногда въ то *славяномудріе*, противъ котораго Карамзинъ, первый, открыто возсталъ еще въ *Московскомъ Журналѣ*. Шишковъ не забылъ одной сказанной тамъ фразы и теперь повторяетъ ее: «Слогъ нашего переводчика (то-есть переводчика *Неистоваго Роланда*) можно назвать изряднымъ: онъ не надутъ славянщизною и довольно чистъ»[2].—«Что иное значитъ слово сіе» (*славянщизна*), спрашиваетъ Шишковъ съ негодованіемъ, «какъ не презрѣніе ко всему Славенскому языку?»

Вторымъ обвинительнымъ пунктомъ его было излишнее употребленіе французскихъ словъ и оборотовъ, какъ-то: *моральный*, *эстетическій*, *эпоха*, *гармонія*, *энтузіазмъ*, *катастрофа*, *серіозно*, *меланхолія*, *миѳологія*, *религія*, *рецензія*, *героизмъ*, *быть на сценѣ*, *выходить на сцену* и т. п. Не находя у самого Карамзина довольно словъ и реченій этого рода, онъ отыскиваетъ ихъ у са-

[1] *Разсужд.*, стр. 14.
[2] *Моск. Журн.* 1791, ч. II, стр. 324.

мыхъ плохихъ писакъ и призываетъ своего противника къ отвѣту за всѣ ихъ нелѣпыя заимствованія. Онъ не замѣчаетъ, что самъ часто грѣшитъ галлицизмами, что способенъ, какъ указалъ Дашковъ, «соблюсти даже цѣлыми страницами французское словосочиненіе», и не перестаетъ «вопіять противъ галлицизмовъ»[1].

Въ связи съ этимъ онъ упрекаетъ Карамзина за его начитанность, за его знакомство съ Боннетомъ, Вольтеромъ, Юнгомъ, *Томсономъ*, Оссіаномъ, Стерномъ, Лафатеромъ, Кантомъ и другими писателями, которыхъ тотъ будто бы «твердитъ на каждой страницѣ», выучившись у нихъ русскому, *на бредъ похожему* языку. Вмѣсто ихъ, критикъ ставитъ въ образецъ, между прочимъ, труды Ломоносова, Сумарокова, Мотониса, Крашенинникова[2], Полѣтики, Павла Кутузова и Ивана Захарова. При чтеніи *Пантеона Россійскихъ авторовъ*, отъ вниманія Шишкова страннымъ образомъ ускользнуло, что составитель этихъ замѣтокъ также былъ знакомъ съ древнею русскою литературой, что кромѣ Боннета, Вольтера, Юнга и проч. онъ читалъ Нестора, пѣснь о Полку Игоревѣ, Ѳеофана, Димитрія Ростовскаго, и словомъ, если не все, то по крайней мѣрѣ многое изъ того, чтó читалъ самъ защитникъ стараго слога, поражающій насъ слабыми познаніями своими въ иностранныхъ языкахъ и литературахъ.

Далѣе новые писатели обвиняются въ составленіи русскихъ словъ и реченій по иностранному образцу (въ *юродивомъ переводѣ* и *выдумкѣ словъ и рѣчей*), какъ-то: *трогательный*, *занимательный*, *сосредоточить*, *представитель*, *начитанность*, *обдуманность*, *оттѣнокъ*, *страдательная* роль, *гармоническое* цѣлое и

[1] *Легчайшій способъ*, стр. 10.

[2] Въ *Пантеонѣ Росс. авторовъ* есть замѣтка и о Крашенинниковѣ (1713—1755). Въ его описаніи Камчатки Карамзинъ видитъ недостатокъ «пріятности»; въ переводѣ же Квинта-Курція, который въ свое время считался классическимъ, признаетъ нѣкоторое достоинство въ сравненіи съ другими переводами древнихъ писателей (см. выше стр. 76). Но въ статьѣ *о русской грамматикѣ француза Модрю* (1803) онъ говоритъ: «Классическій авторъ Русскаго языка есть для г. Модрю Крашенинниковъ; изъ его Квинта-Курція приведены сіи щастливыя фразы». (Слѣдуетъ выписка дурныхъ выраженій).

мн. др. При этомъ Шишкова особенно сердитъ, что многимъ словамъ, уже прежде существовавшимъ, придается новое, болѣе духовное значенiе,—напримѣръ, что слова́ *развить*, *развитiе*, *утонченный*, *утонченность*, *переворотъ* стали употребляться въ смыслѣ не собственномъ (подобно французскимъ développer, raffiné, révolution). Болѣе всего не нравится ему слово *развитiе*, напримѣръ въ выраженiи *развитiе характера*, и онъ считаетъ совершенно равносильнымъ *прозябенiе*, которое и употребляетъ такимъ образомъ въ своемъ *Разсужденiи* (напримѣръ, пишетъ: «прозябенiе талантовъ»)[1]. «Какъ же», спрашиваетъ онъ, «вводимъ мы съ Французскаго языка въ Русской такое выраженiе, которое сами Французы на своемъ языкѣ употреблять сочли бы за безобразiе? По истинѣ разумъ и слухъ мой страдаютъ, когда мнѣ говорятъ: *Ночныя бесѣды, въ которыхъ развивались первыя мои метафизическiя понятiя*». Фраза эта взята изъ статьи Карамзина: *Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона*[2]. «Для чего», замѣчаетъ критикъ далѣе, «въ вышесказанной рѣчи не сказать: въ которыхъ первыя мои понятiя *прозябали?*»[3] Такъ же строго осуждаетъ онъ выраженiе Карамзина: «когда путешествiе сдѣлалось потребностiю души моей»[4] и спрашиваетъ: «Свойственно ли по-русски говорить: *потребность души моей*, и можно ли путешествiе назвать *потребностiю*, *надобностiю*, или *нуждою* души? Естьли сочинителю мало показалось сказать: *когда я любилъ путешествовать*, то могъ бы онъ премногими другими сродными языку нашему оборотами рѣчь сiю выразить, какъ напримѣръ: *когда душа моя питалась, услаждалась путешествiями;* или *когда путешествiе было единымъ изъ вождѣлѣннѣйшихъ желанiй моихъ*». Въ наше время подобныя сужденiя такъ много говорятъ сами за себя, что нѣтъ уже надобности, вмѣстѣ съ Макаровымъ[5], разбирать это мѣсто.

---

[1] *Разсужд.*, стр. 164, 422.

[2] и [4] Соч. Карамз., изд. Смирд., т. III, стр. 361 и 363.

[3] *Разсужд.*, стр. 290, 291.

[5] *Моск. Меркурiй*, декабрь 1803, стр. 191, 192.

Не менѣе усердно Шишковъ, въ своей книгѣ, преслѣдуетъ неправильное, то-есть, несогласное съ законами русскаго языка образованіе нѣкоторыхъ словъ и реченій, наприм., *вліяніе на*—, *будущность;* сюда же относитъ онъ сравнительныя: *картиннѣе*, *напряженнѣе*, *человѣчнѣе*, а равно несообразное, по его понятіямъ, словосочетаніе, напримѣръ: *излишнее* самолюбіе (въ чемъ, какъ онъ увѣряетъ, нѣтъ смысла) или *лошадь, покрытая пѣтомъ* («ибо простыя и низкія понятія важнымъ и возвышеннымъ слогомъ описывать неприлично»). Что касается слова *вліяніе*, то оно употреблялось еще до Карамзина, между прочимъ въ рѣчахъ московскихъ профессоровъ, но прежде дополнялось различными предлогами: то *въ*, то *надъ*, то *на*. Въ примѣръ неудачныхъ нововведеній Шишковъ приводитъ такую, по его мнѣнію, *вздорную рѣчь*: «авторскою дѣятельностью имѣть вліяніе на современниковъ», или выставляетъ на позоръ изъ *Писемъ Русскаго путешественника* слѣдующій переводъ замѣтки Лафатера: «Мудрый отличается отъ слабоумнаго только средствами самочувствованія. Чѣмъ простѣе, вездѣсущнѣе, всенаслаждительнѣе, постояннѣе и благодѣтельнѣе есть средство или предметъ, въ которомъ или черезъ который мы сильнѣе существуемъ, тѣмъ существеннѣе мы сами, тѣмъ вѣрнѣе и радостнѣе бытіе наше,—тѣмъ мы мудрѣе, свободнѣе, любящѣе, любимѣе, живущѣе, оживляющѣе, блаженнѣе, человѣчнѣе, божественнѣе, съ цѣлію бытія нашего сообразнѣе»[1]. Но Карамзинъ и самъ не выдавалъ этого перевода за образцовый: онъ хотѣлъ только въ точности передать мысли швейцарскаго мудреца (какимъ считалъ Лафатера) и для того переводилъ слово въ слово, ставя въ скобкахъ нѣкоторыя слова подлинника. Это не что иное, какъ смѣлая попытка. Тѣмъ не менѣе Шишковъ говоритъ: «Я не знаю, Лафатеръ ли взлетѣлъ выше предѣловъ моего ума, или переводчикъ его туда поднялъ, но дѣло въ томъ, что я изъ нихъ ни того, ни другаго не понимаю. Положимъ, что я по тупости моего ума (хотя уже лѣтъ десятка три и

---

[1] Соч. Карамз., т. II, стр. 243, 244.

побольше упражняюсь въ наукахъ) не могу понимать высокихъ мыслей; но я не разумѣю словъ, то какъ же требовать отъ меня, чтобъ я разумѣлъ мысль, которая безъ словъ существовать не можетъ?»[1] Замѣтимъ однакожъ, что о приведенномъ мѣстѣ можно судить только въ связи съ другими мыслями, которыми Лафатеръ отвѣчалъ на вопросъ русскаго путешественника: «Какая есть всеобщая цѣль бытія нашего, равно достижимая для мудрыхъ и слабоумныхъ?»

Для объясненія, какъ Карамзинъ поступалъ при употребленіи еще необработаннаго литературнаго языка, чрезвычайно важна статья его въ *Вѣстникѣ Европы:* «Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ?»[2] Шишковъ не могъ ею не воспользоваться для своей цѣли, и дѣйствительно въ его *Разсужденіи* мы находимъ длинный разборъ нѣкоторыхъ мѣстъ ея, между прочимъ слѣдующаго: «Истинныхъ Писателей было у насъ еще такъ мало, что они не успѣли дать намъ образцевъ во многихъ родахъ; не успѣли обогатить словъ тонкими идеями; не показали, какъ надобно выражать пріятно нѣкоторыя, даже обыкновенныя мысли. Русской Кандидатъ Авторства, недовольный книгами, долженъ закрыть ихъ и слушать вокругъ себя разговоры, чтобы совершеннѣе узнать языкъ. Тутъ новая бѣда: въ лучшихъ домахъ говорятъ у насъ болѣе по-Французски!... Чтожъ остается дѣлать Автору? выдумывать, сочинять выраженія; угадывать лучшій выборъ словъ; давать старымъ нѣкоторый новый смыслъ, предлагать ихъ въ новой связи, но столь искусно, чтобы обмануть читателей и скрыть отъ нихъ необыкновенность выраженія! Мудрено ли, что сочинители нѣкоторыхъ Русскихъ комедій и романовъ не побѣдили сей великой трудности, и что свѣтскія Дамы не имѣютъ терпѣнія слушать или читать ихъ, находя, что такъ не говорятъ люди со вкусомъ?... Французскій языкъ весь въ книгахъ (со всѣми красками и тѣнями, какъ въ живописныхъ кар-

---

[1] *Разсужд.*, стр. 348, 349.

[2] *Вѣстникъ Европы* 1802, № 14, стр. 124.

тинкахъ), а Русской только отчасти; Французы пишутъ, какъ говорятъ, а Русскіе обо многихъ предметахъ должны еще говорить такъ, какъ напишетъ человѣкъ съ талантомъ». Далѣе, замѣчая, что у насъ такъ много обстоятельствъ, отвлекающихъ молодого человѣка отъ ученья, Карамзинъ спрашиваетъ: «Кому у насъ десять, двадцать лѣтъ рыться въ книгахъ, быть наблюдателемъ, всегдашнимъ ученикомъ, писать и бросать въ огонь написанное, чтобы изъ пепла родилось что нибудь лучшее?» Въ цѣломъ этомъ отрывкѣ каждое слово заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что Карамзинъ очевидно выражаетъ здѣсь пріобрѣтенное опытомъ сознаніе тѣхъ трудностей, съ которыми самъ онъ въ началѣ своего поприща долженъ былъ бороться, а вмѣстѣ съ тѣмъ обозначаетъ, въ указаніяхъ своихъ, и собственные свои пріемы въ авторскомъ дѣлѣ. Не о себѣ ли онъ говорилъ не разъ, что взялъ свой языкъ *изъ камина?*[1] — Если такимъ образомъ послѣдняя фраза приведеннаго отрывка имѣетъ отношеніе къ нему самому, то тѣмъ вѣрнѣе и все предыдущее, какъ болѣе существенное, должно быть примѣнено къ собственной его дѣятельности.

Это подтверждается какъ другимъ его же свидѣтельствомъ, такъ и отзывомъ Макарова. Прежде нежели была написана статья *Вѣстника Европы*, Карамзинъ говорилъ Каменеву: «Вознамѣрясь выйти на сцену, я не могъ сыскать ни одного изъ Русскихъ сочинителей, который бы былъ достоинъ подражанія, и отдавая всю справедливость краснорѣчію Ломоносова, не упустилъ я замѣтить штиль его *дикій*, *варварскій*, вовсе не свойственный нынѣшнему вѣку, и старался писать чище и живѣе. Я имѣлъ въ головѣ нѣкоторыхъ иностранныхъ Авторовъ: сначала подражалъ имъ, но послѣ писалъ уже *своимъ*, ни отъ кого *не заимствованнымъ* слогомъ. И это совѣтую всѣмъ подражающимъ мнѣ сочи-

[1] Изъ рукописныхъ воспоминаній Ѳ. Н. Глинки: «Я спросилъ еще его: откуда взяли вы, Николай Михайловичъ, такой чудный слогъ? — Онъ отвѣчалъ: Изъ камина. — Какъ, изъ камина? — А такъ: я переводилъ одно и то же разъ, два и три раза, и прочитавъ и обдумавъ, бросалъ *въ каминъ*, пока наконецъ доходилъ до того, что могъ издать въ свѣтъ».

нителямъ, чтобы не всегда и не вездѣ держаться *оборотовъ моихъ*, но выражать свои мысли такъ, какъ имъ кажется живѣе»[1]. Макаровъ, упомянувъ объ успѣхахъ просвѣщенія Россіи въ царствованіе Екатерины II, доказываетъ необходимость новыхъ словъ для новыхъ понятій, которыхъ, по его замѣчанію, тысячи порождены въ умѣ нашемъ чужестранными обычаями: «вкусъ очистился; читатели не хотятъ, не терпятъ выраженій противныхъ слуху; болѣе двухъ третей Рускаго Словаря остается безъ употребленія: что дѣлать? искать *новыхъ средствъ изъясняться*». Эти разсужденія прямо приводятъ Макарова къ указанію на Карамзина, который, какъ онъ выражается, «очистилъ, украсилъ нашъ языкъ»[2].

Но Шишковъ этого не призналъ, и, разбирая приведенныя выше строки изъ статьи *Вѣстника Европы*, онъ останавливается почти надъ каждымъ словомъ то съ софизмомъ, то съ ироніей. Между тѣмъ однакожъ самъ онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ[3], что «изобрѣтать и распространять знаменованіе словъ есть дѣло искусныхъ писателей»; только къ этому онъ прибавляетъ: (писателей) «знающихъ корни языка своего и умѣющихъ производить отъ нихъ сродныя имъ отрасли, которыя, хотя при первомъ появленіи своемъ и кажутся для отвыкшихъ отъ нихъ ушей нѣсколько странны, но вскорѣ, по отысканіи источника ихъ, становятся понятны разуму и пріятны слуху»[4]. Въ первой части этой оговорки выражено очень вѣрное начало, которое, какъ увидимъ ниже, признавалъ и самъ Карамзинъ. Но какія опасности оно представляетъ въ исполненіи, убѣдительно доказалъ самъ Шишковъ. Совѣтуя, для передачи новыхъ мыслей, держаться исключительно церковныхъ книгъ и старинныхъ писателей, онъ предлагаетъ, между прочимъ, *наитіе* или *наитствованіе* вмѣсто «вліяніе», отвергаетъ *развитіе* только потому, что его нѣтъ въ старыхъ

---

[1] *Вчера и сегодня*, изд. гр. Соллогубомъ, кн. I, Спб. 1845.
[2] *Моск. Merк.*, дек., стр. 162—164. Ср. тамъ же апр., стр. 73.
[3] *Разсужд.*, стр. 290.
[4] *Разсужд.*, стр. 291.

книгахъ, и предпочитаетъ ему *прозябеніе;* далѣе требуетъ удержанія такихъ словъ, какъ *непщевать*, *гобзованіе*, *одебелѣть*, *приснотекущій*, *любомудріе*, *умодѣліе*, *ядца* (плоти) и *піийца* (крови). Даже нѣкоторые техническіе термины, по его мнѣнію, прекрасно переведены, какъ напримѣръ, параллельныя линіи названы *минующими чертами*, хорда—*подтягающею*, діаметръ—*размѣромъ*, центръ — *остію* и проч. «Таковыя и симъ подобныя слова», полагаетъ онъ, «нужны намъ, онѣ обогащаютъ языкъ нашъ и наполняютъ его новыми понятіями.... Бросимъ», заключаетъ Шишковъ въ одномъ примѣчаніи въ *Разсужденію*[1], «чужеземный составъ рѣчей, придержимся собственнаго своего слога и станемъ *новыя мысли свои* выражать *стариннымъ предковъ нашихъ складомъ*». Во взглядѣ на этотъ предметъ, Шишкова значительно опередилъ даже Ломоносовъ, который допускалъ только, и то въ высокомъ слогѣ, слова, понятныя всякому Русскому и *не слишкомъ* обветшалыя. Въ концѣ *Разсужденія* помѣщена элегія, представляющая въ каждомъ стихѣ пародію на языкъ Карамзина. Вотъ первыя стихи ея:

«*Потребностей* моихъ единственный *предметъ!*
Красотъ твоей души *моральный*, *милый* свѣтъ
Всю *физику* мою *приводитъ въ содраганье:*
Какое на меня ты дѣлаешь *вліянье!*»

Такимъ образомъ книга о старомъ и новомъ слогѣ начинается и кончается выходками противъ Карамзина: хотя онъ въ ней нигдѣ и не названъ, хотя бóльшая часть ея выписокъ сдѣлана изъ разныхъ плохихъ и посредственныхъ писателей, подражавшихъ Карамзину безъ всякаго умѣнья, однакожъ очевидно, что она направлена собственно противъ него, какъ родоначальника новаго слога. Когда Макаровъ, издававшій *Московскій Меркурій* въ самый годъ выхода въ свѣтъ *Разсужденія*, въ послѣднемъ нумерѣ своего журнала напечаталъ разборъ этой книги, то Шишковъ,

---

[1] Тамъ же, стр. 420.

возражая ему, объявилъ, «что онъ въ то время, когда писалъ ее, не только журнала, называемаго Московскимъ Меркуріемъ, не читалъ, но ниже слышалъ, что оный есть на свѣтѣ»[1]. Итакъ Шишковъ не замѣтилъ самаго разумнаго и ловкаго изъ послѣдователей Карамзина, и обратилъ вниманіе на бездарныхъ его подражателей, которые не могли имѣть никакого значенія для судьбы литературнаго языка. Изъ сочиненій же самого Карамзина не приведено имъ, кромѣ нѣсколькихъ иностранныхъ словъ, ничего такого, что́ бы дѣйствительно доказывало недостатки новаго слога.

Переходя затѣмъ къ заключеніямъ, которыя могутъ быть выведены изъ всего изложеннаго, отдѣлимъ сперва чисто-внутреннюю сторону сочиненій Карамзина, *матерію* или содержаніе, новость котораго въ нихъ можетъ быть такъ же мало оспариваема, какъ и значеніе этого элемента для другой ихъ стороны, или *формы*. Въ послѣдней отличимъ опять *слогъ* и *языкъ*. Согласимся, что *слогъ*, въ тѣсномъ смыслѣ, — это характеръ изложенія, это въ отношеніи къ рѣчи то же, что́ походка въ движеніи тѣла, почеркъ въ письмѣ, физіономія въ чертахъ и выраженіи лица; *языкъ* писателя—это общее орудіе мысли въ распоряженіи отдѣльнаго лица, орудіе, употребляемое каждымъ съ бо́льшимъ или меньшимъ знаніемъ или умѣньемъ.

Во время Карамзина у насъ еще не отличали слога отъ языка писателя: этихъ двухъ понятій не раздѣляли ни самъ онъ, ни его противники; какъ онъ, въ приведенныхъ отрывкахъ, такъ и Шишковъ, во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ, говорятъ о слогѣ вообще, то-есть въ обширномъ смыслѣ, разумѣя и слогъ собственно и языкъ. Но для точнаго опредѣленія особенностей писателя въ изложеніи, необходимо строго держаться обозначеннаго нами различія.

Слогъ Карамзина — это собственно то, что́ г. Лавровскій называетъ «совершенно органическимъ продуктомъ врожденныхъ

---

[1] *Прибавленіе* къ Разсужденію, стр. 170.

способностей его, духовной организаціи и всего его образованія, всей совокупности образовательныхъ элементовъ, вошедшихъ въ его душу и участвовавшихъ въ окончательной выработкѣ его общаго душевнаго настроенія»[1]; къ слогу Карамзина относится сказанное далѣе тѣмъ же авторомъ: «онъ былъ дѣйствительно новымъ по симпатичности, нѣжности, сердечности, исходившимъ изъ природы Карамзина»[2]. Можно прибавить, что въ его слогѣ выразилась также его потребность въ гармоніи, въ музыкальности языка, потребность придать своей рѣчи тѣ мягкіе и нѣжные тоны, которые бы соотвѣтствовали самому настроенію его души. Это былъ опять новый элементъ рѣчи, котораго, по крайней мѣрѣ *въ прозѣ*, не было еще ни у кого изъ русскихъ писателей, и который пришелся такъ по вкусу тогдашняго русскаго общества. Ломоносовъ и его преемники обращались преимущественно къ уму и воображенію; Карамзинъ заговорилъ языкомъ сердца, и ему понадобилось новаго рода сладкозвучіе.

Слогъ не подлежитъ ни точному опредѣленію правилами, ни заимствованію; ему можно болѣе или менѣе удачно подражать, можно подъ него поддѣлываться; но онъ все-таки остается индивидуальною принадлежностью каждаго писателя[3]. Поэтому, оставляя въ сторонѣ *слогъ* Карамзина, обратимся теперь къ его *языку*, и здѣсь опять, прежде всего, припомнимъ, что языкъ вообще представляетъ двѣ стороны — *синтактическую* (строй рѣчи) и *лексическую* (составъ и формы языка).

«Было бы странно», замѣчаетъ справедливо г. Лавровскій, «говорить въ настоящее время о какомъ-то намѣренномъ сближеніи Карамзинымъ нашего языка съ французскимъ или англій-

---

[1] и [2] *Карамзинъ и его литературная дѣятельность*, стр. 41.

[3] Иногда слогъ, еще и теперь, принимается въ болѣе обширномъ смыслѣ, — какъ особенный складъ рѣчи, свойственный каждому языку (*О преподаваніи отечественнаго языка*, г. Буслаева, изд. 1844, ч. II, стр. 375). Но при анализѣ формы изложенія мыслей у отдѣльнаго писателя необходимо давать слогу болѣе тѣсное значеніе. Въ этомъ только смыслѣ вѣрно извѣстное замѣчаніе Бюффона, что *въ слогѣ весь человѣкъ* (Le style est tout l'homme).

скимъ»[1]. Дѣйствительно, нельзя принять, чтобъ онъ, какъ утверждали у насъ прежде и какъ нѣкоторые до сихъ поръ повторяютъ (со словъ Шевырева), «*сблизилъ* русскій языкъ *съ тѣми европейскими*, которые въ своей конструкціи слѣдуютъ простому и естественному порядку»[2]. Какъ же понимать признаніе Карамзина Каменеву, что онъ сначала *подражалъ иностраннымъ авторамъ*? Мы знаемъ, что Карамзинъ въ молодости восхищался первостепенными французскими, нѣмецкими и англійскими писателями. Читая въ то же время и русскія книги, онъ не могъ не чувствовать разности впечатлѣнія, какое тѣ и другія на него производили языкомъ своимъ. У однихъ онъ находилъ легкость, простоту, непринужденность изложенія, соединенныя съ изяществомъ, съ красотою; въ другихъ его непріятно поражали неровность языка, шероховатыя, часто грубыя выраженія, тяжелый строй рѣчи, неестественное словорасположеніе. Понятно, что онъ сталъ думать о томъ, какъ бы и русской рѣчи придать свойства, которыя производили бы такое же благопріятное впечатлѣніе. Вотъ въ какомъ смыслѣ онъ сталъ подражать иностраннымъ писателямъ. Это вовсе не значитъ, чтобъ онъ въ строеніи русской рѣчи придерживался къ французскому или англійскому синтаксису. Замѣчая, что въ богатѣйшихъ литературахъ нѣтъ разницы между языкомъ книжнымъ и разговорнымъ образованнаго общества, онъ понялъ [illegible] сблизить русскій письменный языкъ съ русскимъ разговорнымъ, не [illegible] удалявшимся отъ народнаго, какъ первый. Когда же разговорный языкъ не представлялъ достаточныхъ средствъ для выраженія новыхъ идей, Карамзинъ естественно [illegible] прибѣгать или къ [illegible] иностранныхъ словъ, или къ образованію [illegible] русскихъ. Въ случаяхъ, когда русскій разговорный [illegible] оказывалась не [illegible] [illegible]

[1] [illegible] стр. [illegible]

[2] [illegible] Карамзинъ, какъ преобразователь русскаго языка, [illegible] стр. [illegible]

вѣкъ съ талантомъ[1], то-есть, онъ старался въ подобныхъ случаяхъ такъ выражаться на письмѣ, чтобъ его языкъ годился и для разговора въ образованномъ обществѣ. Въ такомъ смыслѣ и Макаровъ, вполнѣ усвоившій себѣ понятія Карамзина въ этомъ дѣлѣ, говорилъ, что современные писатели стараются образовать *одинъ* языкъ «для книгъ и для общества, чтобы писать какъ говорятъ и говорить какъ пишутъ»[2]. На исходную точку Карамзина въ стилистикѣ очень опредѣлительно указываютъ слѣдующія слова того же Макарова: «Фоксъ и Мирабо говорили отъ лица и передъ лицемъ народа, или передъ его повѣренными, такимъ языкомъ, которымъ всякой, естьли умѣетъ, можетъ говорить въ обществѣ; а языкомъ Ломоносова мы не можемъ и *не должны* говорить, хотя бы умѣли.... Есть *правила общія* для сочиненія на всѣхъ языкахъ.... есть *вкусъ*, который пріобрѣтается единственно посредствомъ сравненія.... Хотимъ сочинять фразы и производить слова по *своимъ* понятіямъ, *нынѣшнымъ*, умствуя какъ Французы, какъ Нѣмцы, какъ всѣ нынѣшніе просвѣщенные народы»[3]. Какъ вѣрно здѣсь переданы мысли самого Карамзина, видно изъ словъ его въ академической рѣчи 1818 года: «Мы не хотимъ подражать иноземцамъ, но пишемъ, какъ они пишутъ: ибо живемъ, какъ они живутъ; читаемъ, что они читаютъ; имѣемъ тѣ же образцы ума и вкуса»[4].

Ясно, что прежде всего Карамзинъ озабоченъ былъ тѣмъ, чтобъ языкомъ своихъ сочиненій удовлетворять образованному эстетическому чувству: онъ захотѣлъ придать слогу *пріятность*, или изящество (élégance), писать *со вкусомъ*. Мы уже видѣли изъ собственныхъ его выраженій, что онъ находилъ «длинные» ломоносовскіе періоды «утомительными», расположеніе ихъ не «всегда сообразнымъ съ теченіемъ мыслей, не всегда пріятнымъ для

[1] См. выше, стр. 96, отрывокъ изъ статьи: «Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ?»

[2] *Московскій Меркурій*, декабрь 1803 г., стр. 180.

[3] Тамъ же, стр. 180, 183, 168, 170.

[4] Соч. Карамзина, т. III, стр. 649.

слуха». Было также показано, что до Карамзина господство ломоносовскаго синтаксиса въ русской прозѣ, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ родовъ сочиненій, не прекращалось; иначе и быть не могло: Ломоносовъ еще всѣми былъ признаваемъ за образецъ языка и слога. Карамзинъ отнесся къ нему критически и высказалъ неодобреніе его стилистическихъ началъ. Въ противоположность имъ онъ считалъ нужнымъ:

1) Писать *недлинными, неутомительными* предложеніями.

2) Располагать слова *сообразно съ теченіемъ мыслей* и съ особыми *законами* языка. «Лучшій, то-есть истинный порядокъ», по замѣчанію Карамзина, «всегда *одинъ* для расположенія словъ; Русская грамматика не опредѣляетъ его: тѣмъ хуже для дурныхъ писателей!»[1].

Эти два правила относятся къ синтаксису, котораго упрощеніе, такимъ образомъ, совершилось въ сочиненіяхъ Карамзина вовсе не въ силу подражанія французскому или англійскому языку, а въ силу потребности русскаго ума и вкуса.

Были ли у Карамзина новые обороты? Нынѣшній читатель почти не замѣтитъ ихъ въ его сочиненіяхъ; между тѣмъ мыслящіе люди изъ его современниковъ, Макаровъ, Дашко́въ и др., находили у него новизну и въ этомъ отношеніи. Самъ онъ также высказалъ убѣжденіе, что писателю его времени нужно было нѣкоторое творчество въ выраженіяхъ, и сверхъ того прямо свидѣтельствовалъ (въ приведенномъ отвѣтѣ Каменеву) о самобытности своихъ оборотовъ. Ключемъ къ уразумѣнію этихъ показаній можетъ служить его же поясненіе, что надобно «предлагать слова въ новой связи, но такъ искусно, чтобъ скрыть отъ читателя необыкновенность выраженія». Величайшее искуство Карамзина, какъ стилиста, въ томъ и обнаружилось, что онъ безъ всякихъ повидимому усилій, безъ рѣзкихъ и разительныхъ нововведеній, рѣшилъ задачу мыслящаго писателя, имѣющаго дѣло съ неустановившимся и мало разработаннымъ литературнымъ языкомъ. Еще

[1] *Вѣстникъ Европы* 1808, № 15, и Соч. Карамзина, т. III, стр. 600.

и въ наше время всякій русскій писатель по опыту знаетъ, легка ли борьба мысли съ выраженіемъ на языкѣ, менѣе другихъ развитомъ; а между тѣмъ русскій языкъ послѣ Карамзина конечно ушелъ впередъ. Чтобъ оцѣнить заслугу Карамзина съ этой стороны, всего поучительнѣе опять сравнить его изложеніе съ тѣмъ, что́ писалось другими до него и еще долго при немъ. Уже Макаровъ предлагалъ, вмѣсто длинныхъ толкованій о фразахъ, «сравнить два хорошихъ сочиненія *одного рода*, старое и новое, двухъ писателей одной степени», и для примѣра совѣтовалъ «взглянуть на три разные перѐвода одного мѣста Бюффона»[1]. Читая Карамзина со вниманіемъ даже въ первоначальныхъ изданіяхъ его сочиненій[2], мы по большей части бываемъ поражены только непринужденною простотою его оборотовъ, почти всегда согласныхъ съ нынѣшнимъ языкомъ. У него вовсе нѣтъ тѣхъ неловкихъ и странныхъ въ наше время выраженій, о которыя мы безпрестанно спотыкаемся у другихъ тогдашнихъ прозаиковъ. Вотъ почему современники Карамзина и находили его слогъ новымъ. Обыкновенно думаютъ, что въ болѣе раннихъ его сочиненіяхъ много галлицизмовъ. Между тѣмъ у него и въ первое время его журнальной дѣятельности очень рѣдко встрѣтится выраженіе, напоминающее иностранный оборотъ, да и тогда скорѣе замѣтно сходство съ нѣмецкимъ языкомъ, нежели съ французскимъ. Такъ въ Похвальномъ словѣ Екатеринѣ II есть фраза: «Народы.... благодарны *противъ* (gegen) царей добродѣтельныхъ!»[3]. Къ числу не часто поподающихся у него галлицизмовъ можно отнести выраженія въ родѣ слѣдующихъ, которыя, впрочемъ, въ наше

---

[1] Макаровъ (*Моск. Мерк.*, дек., стр. 178) указываетъ для этого извѣстный монологъ, влагаемый Бюффономъ въ уста перваго человѣка, сознающаго свое бытіе, — въ переводахъ Малиновскаго, Лепехина и Карамзина. Читатели найдутъ начало всѣхъ трехъ переводовъ означеннаго мѣста въ Приложеніи IV-мъ къ этой статьѣ. Вслѣдъ за ними, въ Прил. V, помѣщены небольшіе отрывки изъ трехъ журналовъ 1790-хъ годовъ.

[2] Необходимое условіе для исторической оцѣнки его языка, потому что въ послѣдующихъ изданіяхъ онъ исправлялъ нѣкоторыя выраженія.

[3] Соч. Кар., т. І, стр. 378.

время сдѣлались почти общими: «дѣлать свободнымъ», «имѣть алчность къ богатству», «имѣть довѣренность», «*надобно* имѣть очень здоровую голову, *чтобы* отъ ихъ краснорѣчія не почувствовать въ ней боли»[1]. Стараніе Карамзина избѣгать несвойственныхъ русскому языку оборотовъ было такъ велико, что даже въ пріятельскихъ письмахъ онъ себѣ не позволялъ, безъ оговорки, употреблять выраженій, отзывающихся чужимъ происхожденіемъ. Такъ, еще въ 1793 г. онъ писалъ къ Дмитріеву: «Изъ политическихъ стиховъ можно и должно сдѣлать другое употребленіе (*прости мнѣ сей галлицизмъ*)»[2]. Такъ и въ Письмахъ Русскаго Путешественника: «Въ теченіе всѣхъ пяти актовъ громкая хвала не умолкала. Ла-Ривъ старался всѣми силами заслуживать ее, и, *какъ Французы говорятъ*, превосходилъ въ искуствѣ самого себя, не жалѣя бѣдной своей груди»[3]. Выраженіе: *превосходить самого себя*, безъ оговорки, казалось Карамзину въ то время слишкомъ еще новымъ и смѣлымъ. Постепенное совершенствованіе языка въ отношеніи къ силѣ, выразительности и чисто-русскому характеру очень замѣтно въ сочиненіяхъ Карамзина. Онъ самъ заботился о томъ, и въ «эпилогѣ» къ *Московскому Журналу* обѣщалъ между прочимъ, что *Аглая*, которая заступитъ его мѣсто, «будетъ отличаться отъ него... вообще чистѣйшимъ, то-есть, болѣе выработаннымъ слогомъ; ибо», прибавлено къ этому, «я не принужденъ буду издавать ее въ срокъ».

Въ *Вѣстникѣ Европы* успѣхъ языка поразителенъ. Наблюдая характеръ карамзинской прозы съ синтактической стороны, мы придемъ къ заключенію, что новость ея для современниковъ состояла не столько въ томъ, что̀ мы собственно разумѣемъ подъ *оборотами*, сколько въ цѣломъ строѣ его рѣчи, въ гладкости и чистотѣ ея, въ смѣлыхъ сочетаніяхъ и сопоставленіяхъ словъ,

---

[1] *Аглая* (2-е изд.), I, стр. 62, 69; II, стр. 108, 157. — Ср. нынѣшнее выраженіе: «Совѣщаніе слишкомъ много надѣлало шума, чтобъ остаться безъ послѣдствій» (*Спб. Вѣдом.* 1874, № 357).

[2] *Письма къ Дмитріеву*, стр. 38.

[3] *Аглая*, II, стр. 134.

въ живыхъ и яркихъ выраженіяхъ. Все это можно видѣть болѣе изъ совокупности его первыхъ сочиненій, нежели изъ отдѣльныхъ выраженій.

Приведу однакоже нѣсколько примѣровъ:

«Пришла весна, и благодѣтельныя *вліянія* сего прекраснаго времени года *возвратили* мнѣ друга; бальзамическія *испаренія* зеленѣющихъ травъ *освѣжили его сердце;* вмѣстѣ съ цвѣтами *расцвѣтала душа его*, и вмѣстѣ съ нѣжными птенцами слабый *духъ* его *оперялся;* — «*знанія разливаются* какъ волны морскія»; — «помнишь, другъ мой, какъ мы нѣкогда.... *ловили* въ исторіи всѣ благородныя *черты* души человѣческой», — «доказательство, что сердца ихъ *отверзались впечатлѣніямъ* изящнаго»[1]; — «такія великодушныя, безкорыстныя чувства трогательны для всякаго, еще *не мертваго душею* человѣка. Разныя *обстоятельства* измѣняли нашъ простой, добрый характеръ и *запятнали его* на время; видимъ людей, *углубленныхъ въ свою личность* и *холодныхъ для* всего народнаго»[2].

Въ отношеніи къ лексическому составу литературнаго языка, у Карамзина замѣчаются слѣдующіе элементы рѣчи:

1) Большее и большее ограниченіе нелюбимыхъ имъ славянизмовъ, рѣдкое заимствованіе изъ *церковно-славянскаго* языка словъ и формъ. Карамзинъ понималъ его отдѣльность отъ другого славянскаго языка, издревле употреблявшагося въ Россіи и получившаго (по его мнѣнію, отъ Норманновъ) названіе *русскаго*. Въ доказательство того онъ, еще въ 1803 году, противополагалъ переводъ Библіи языку Слова о Полку Игоревѣ. Но Карамзинъ ошибочно думалъ, что такое раздѣленіе древнеславянскаго языка произошло только вслѣдствіе перевода Св. Писанія. «Авторы и переводчики нашихъ духовныхъ книгъ», говоритъ онъ, «образовали языкъ ихъ совершенно по Греческому, наставили

[1] *Аглая*. I, 16, 55, 62; II, 64.

[2] *Вѣст. Евр*. 1803, № 8: «О вѣрномъ способѣ имѣть учителей», стр. 326.— Въ дополненіе къ этому см. въ Приложеніи VI еще образчики карамзинскаго языка.

вездѣ *предлоговъ*, растянули, соединили многія слова, и сею *химическою операціею* измѣнили первобытную чистоту древняго Славянскаго». До сихъ поръ не видно еще ложнаго пониманія, но къ этому прибавлено: «Слово о Полку Игоревѣ, драгоцѣнный остатокъ *его*» (то-есть того же древняго славянскаго), «доказываетъ, что *онъ* былъ весьма отличенъ отъ языка нашихъ церковныхъ книгъ»[1]. Какъ бы ни было, Карамзинъ, а за нимъ и его послѣдователи очень хорошо понимали, что церковно-славянскій и русскій разные, хотя и имѣвшіе общее происхожденіе, языки. Смѣшеніе ихъ Дашковъ назвалъ *мнимымъ славянороссійскимъ языкомъ*[2]; Карамзинъ находилъ этотъ языкъ въ переводахъ Елагина и велъ отъ нихъ до своего времени особый періодъ русской прозы. Макаровъ прямо отвергалъ надобность церковно-славянской стихіи даже въ высокомъ слогѣ: «Высокій слогъ», говоритъ онъ, «долженъ отличаться не словами или фразами, но содержаніемъ, мыслями, чувствованіями, картинами, цвѣтами поэзіи»[3]. Само собою разумѣется, что это мнѣніе не могло быть осуществлено во всей своей крайности, по тѣсному племенному родству и историческому сочетанію обоихъ языковъ. Въ прозѣ высшаго настроенія, у самого Карамзина, славянская стихія никогда не исчезаетъ вполнѣ, и какъ ни мало онъ ею пользуется уже въ началѣ своего поприща, но въ болѣе раннихъ трудахъ его есть еще такія черты ея, которыя лишь впослѣдствіи пропадаютъ (напр. «осьмой на десять» вѣкъ, окончаніе *ыя* въ родительномъ падежѣ прилагательныхъ женскаго рода). Задача состояла только въ вѣрномъ проведеніи границы, до которой эта стихія можетъ быть допущена. Удаляя изъ своихъ сочиненій устарѣлыя слова, Карамзинъ еще въ *Московскомъ Журналѣ* порицалъ ихъ, когда они встрѣчались ему у другихъ писателей (доказательство, что исключеніе изъ языка церковно-славянской примѣси не совершилось

---

[1] *Вѣст. Евр.* 1803, № 13: «О русской грамматикѣ Француза Модрю».
[2] *Легчайшій способъ*, стр. 3.
[3] *Моск. Меркурій*, дек. 1803, стр. 181.

задолго до Карамзина). Такъ онъ охуждалъ слова: *учинить*, *изрядство*, *обращенія* (во множественномъ числѣ) и мн. др. Такъ онъ съ самаго начала пересталъ употреблять въ прежнемъ смыслѣ слова: *изрядный* (вм. превосходный), *подлый*[1] (вм. низкій по происхожденію), а впослѣдствіи и *довольный* (вм. *достаточный*), *упражняться*, *упражненіе* (вм. заниматься, занятіе). Это было конечно дѣломъ отрицательнымъ, но оно имѣло свою великую важность для слога, а притомъ сопровождалось и положительною замѣной такихъ словъ другими, болѣе точными или болѣе соотвѣтствовавшими духу новаго времени. Уже тогда Карамзинъ охуждалъ также (хотя еще только въ комедіяхъ) употребленіе мѣстоименій *сей* и *оный*[2].

2) Введеніе иностранныхъ словъ для новыхъ понятій. «Нѣкоторыя чужестранныя слова», объяснялъ Макаровъ, «совершенно необходимы; ими только не должно пестрить языка безъ крайней осторожности. Взять слово приличное (Французское, Арабское, Нѣмецкое, какое угодно) весьма хорошо; а неприличное весьма дурно.... Потерять счатливую мысль, или выразить ее слабо, для нѣкоторой чистоты языка, будетъ непростительное педанство[3]. Впрочемъ, Карамзинъ никогда не позволялъ себѣ необдуманнаго излишества въ употребленіи иностранныхъ словъ. Правда, что въ первыхъ его сочиненіяхъ они попадаются чаще нежели въ позднѣйшихъ, и даже въ первоначальныхъ ихъ изданіяхъ чаще нежели въ послѣдующихъ, однакожъ уже въ *Московскомъ Журналѣ* Карамзинъ одобрялъ счастливый *переводъ* научныхъ терминовъ; слѣдовательно, онъ не былъ противъ развитія языка путемъ образованія новыхъ словъ отъ собственныхъ его корней. Такъ, разбирая переводъ Естественной Исторіи Бюффона, сдѣланный Румовскимъ и Лепехинымъ, онъ замѣтилъ: «Самыя труднѣйшія

---

[1] Слово *подлый* въ этомъ значеніи встрѣчается еще во время *Моск. Журнала*. Такъ, въ изданіи *Дѣло отъ бездѣлья* 1792 г. (ч. I, стр. 95) говорится: «... пѣвцовъ, которые знакомы ученому свѣту, а болѣе *подлому* народу».

[2] *Моск. Журн.*, ч. I, стр. 357.

[3] *Моск. Меркурій*, дек., стр. 166.

физическія слова перевели они въ сей части весьма удачно»[1]. Но при этомъ онъ, разумѣется, требовалъ точности, и потому, похваливъ вообще счастливую попытку переводчиковъ, онъ указалъ нѣкоторыя слова, которыя, по его мнѣнію, «могли быть иначе переведены»; именно ему не понравилось, что они перевели: jurisconsultes *правовѣдцы*, classes *статьи*, ordres *семейства*, minéraux *ископаемыя*, subdivision *подраздѣленіе*. Разсматривая подробно каждое изъ этихъ словъ, онъ между прочимъ говоритъ: «Я не знаю, для чего бы minéraux не назвать минералами; сіе слово извѣстно всѣмъ тѣмъ, которые и никакихъ иностранныхъ языковъ не знаютъ. Названіе *ископаемыя* скорѣе могло бы означать fossiles, *фоссиліи*, слово не столь уже извѣстное въ Русскомъ языкѣ, какъ минералы. Какъ же мы будемъ переводить eaux minérales? Къ тому же минералы лежатъ и на поверхности земли: слѣдственно ископаемость не есть общій отличительный характеръ ихъ. Что принадлежитъ до *подраздѣленія*, то Русскому трудно понять, какъ можно что нибудь *подраздѣлять:* не лучше ли было бы сказать, вмѣсто *подраздѣленіе*, *передѣленіе*»[2]? Послѣдній вопросъ время рѣшило противъ Карамзина. Тѣмъ не менѣе эти строки замѣчательны, показывая, какъ онъ вообще вдумывался въ значеніе словъ и какъ смотрѣлъ на замѣну иностранныхъ названій русскими, которую въ принципѣ одобрялъ: мы видимъ отсюда, что и чужеязычныя слова допускалъ онъ не безъ разбора, требуя, между прочимъ, чтобъ они не слишкомъ поражали слухъ своею новизною. Иногда онъ предпочиталъ иностранное слово потому, что оно опредѣленнѣе русскаго; такъ, въ одной рецензіи онъ спрашиваетъ, зачѣмъ не сказано *публичный* вмѣсто *всенародный*[3]. Нѣкоторыя французскія слова, встрѣчающіяся у прежнихъ писателей, отвергнуты имъ, напримѣръ: *резонъ, эстима*, *консидерація*, *универсальная апробація*, употреблявшіяся Фонъ-Визинымъ. Въ Письмахъ Русскаго Путешественника онъ посто-

[1] *Москов. Журн.*, ч. I, стр. 242.
[2] Тамъ же, стр. 246.
[3] Тамъ же, ч. IV, стр. 111.

янно пишетъ *приборы* вмѣсто *мебель*, слово, только въ позднѣйшіе годы принятое имъ во французской формѣ (*мёбли*, множ. ч.); тамъ же вмѣсто *меблированный* онъ пишетъ *прибранный*. Многихъ иностранныхъ словъ, впослѣдствіи вторгнувшихся въ языкъ, Карамзинъ вовсе не допускалъ. Такъ вмѣсто полюбившагося въ наше время *факта* онъ иногда употреблялъ *случай;* напримѣръ, въ статьѣ *О тайной канцеляріи:* «.... могъ ли г. Шлецеръ не усомниться въ истинѣ такого случая (fait)?» [1]. Словá: *моральный*, *интересный*, *натура* (которое онъ употреблялъ попеременно съ словомъ «природа», но кажется, отличалъ въ каждомъ особые оттѣнки) и многія другія впослѣдствіи замѣнялись у него русскими: *нравственный*, *любопытный*, *занимательный для любопытства* и т. п. Однакожъ, изъ всѣхъ обвиненій Шишкова упрекъ въ употребленіи французскихъ словъ наиболѣе подходитъ къ истинѣ: Карамзинъ принялъ его къ свѣдѣнію, и насколько было возможно, исправился отъ этого недостатка. Галлицизмы, въ которыхъ его укоряли, состояли почти исключительно въ отдѣльныхъ словахъ.

3) Сообщеніе прежнимъ словамъ новаго значенія. Эту сторону обращенія Карамзина съ языкомъ лучше всего объяснилъ самъ Шишковъ, указавъ въ его сочиненіяхъ новое употребленіе словъ *потребность* и *развитіе*. Вмѣстѣ съ первымъ изъ нихъ онъ осудилъ и цѣлое выраженіе, которое показалось ему не русскимъ: «путешествіе сдѣлалось потребностію души моей». Что касается до слова *развитіе*, то въ тогдашнемъ академическомъ словарѣ его нѣтъ вовсе, а есть только глаголъ *развиваю* и причастіе *развитый* въ собственномъ, чисто вещественномъ смыслѣ [2]. Примѣровъ употребленія извѣстныхъ словъ въ новомъ, распространенномъ или болѣе опредѣленномъ значеніи можно найти у него не мало. Такъ онъ вводитъ слово *образъ* въ примѣ-

---

[1] *Вѣстн. Евр.* 1803, № 6, стр. 123. Ср. тамъ же, стр. 229: «они сохранили нить случаевъ».

[2] «Свернутое что въ клубъ развертываю, раскатываю; свитое, заплетенное, закрученное, вертя въ противную сторону, разнимаю, раскручиваю, раз-

неніи къ поэзіи; называетъ situations въ драмѣ *положеніями*, Flickwort (cheville) *подставнымъ словомъ;* говоритъ о *выработанномъ* слогѣ и языкѣ; находитъ, что лучше сказать: «всѣ части учености *обработываются*, нежели *воздѣлываются*»[1]. Онъ же первый употребляетъ во множественномъ числѣ слово *вкусъ*[2], которое Шишковъ такъ преслѣдовалъ «въ смыслѣ разборчивости, потому что наши предки, вмѣсто *имѣть вкусъ*, говорили *толкъ вѣдать*, *силу знать*.

4) Составленіе новыхъ словъ. Насильственное составленіе новыхъ словъ было несогласно съ характеромъ всего существа Карамзина и могло бы только мѣшать тому дѣйствію, какое онъ стремился сообщить своей рѣчи. Поэтому естественно, что новыя, имъ составленныя слова встрѣчаются у него рѣдко, и наиболѣе смѣлыя изъ нихъ сопровождаются оговоркой. Таковы употребленныя имъ въ Письмахъ Русскаго Путешественника *промышленность*[3] и *достижимая*[4] цѣль; кромѣ того онъ тамъ же замѣтилъ, что *тротуары* можно по-русски назвать *намостами*[5].

Какъ смотрѣлъ онъ на творчество въ языкѣ, на «непосредственное обогащеніе» его, видно изъ собственнаго размышленія его объ изобрѣтеніи словъ. «Они», говоритъ онъ въ своей академической рѣчи, «раждаются вмѣстѣ съ мыслями или въ употребленіи языка, или въ произведеніяхъ таланта, какъ счастливое вдохновеніе. Сіи новыя, мыслію одушевленныя слова входятъ въ языкъ самовластно»[6]. Чѣмъ безыскуственнѣе новосоставлен-

---

сучиваю, расплетаю»; — «раскрученный, расплетенный, разсученный, распустившійся». (*Слов. Ак. Рос.*, ч. I. Спб. 1789).

[1] *Москов. Журн.*, ч. VI, стр. 232, 41; II, 209; VIII, 336; VI, 177; III, 222.

[2] *Аглая*. I, стр. 11: «одинакіе вкусы».

[3] *Москов. Журн.*, ч. III, стр. 298, съ выноскою: «Не можетъ ли сіе слово означать латинскаго industria, или французскаго industrie?» (Соч. Кар. т. II, стр. 168). Вспомнимъ, что уже существовали и были употребительны слова: *промыселъ*, *промышлять*, *промышлёный*, *промышленикъ* (послѣднее соотвѣтствовало старинному *промысленникъ*). См. *Словарь Росс. Ак.*

[4] «То-есть, до которой достигнуть можно; я осмѣлился по аналогіи употребить это слово». (Соч. Кар. т. II, стр. 244).

[5] Тамъ же, стр. 680.

[6] Соч. Кар., т. III, стр. 644.

ное слово, чѣмъ оно сообразнѣе съ прежними, чѣмъ менѣе бросается въ глаза, тѣмъ легче оно входитъ въ языкъ и тѣмъ прочнѣе въ немъ утверждается. У Карамзина разсѣяно много новыхъ или, по крайней мѣрѣ, до него не установившихся словъ этого рода, изъ которыхъ одни по простотѣ своей остались незамѣченными и не попали въ словари, какъ напр., *общественность*, *младенчественный*, *всемѣстный* (см. повсемѣстный), *всетворящій*, *отъемлемый*, *живодѣтельный*[1] (вм. животворный); другія сдѣлались общимъ достояніемъ, напримѣръ *усовершенствовать*[2], *человѣчный*[3], *общеполезный*[4]. Для выраженія множества понятій Карамзинъ рано почувствовалъ недостаточность существующаго запаса словъ русскаго языка, и еще во время своего путешествія, намѣреваясь переводить книгу Боннета, говорилъ въ письмѣ къ автору ея о необходимости составлять при томъ, по примѣру Нѣмцевъ, новыя слова[5]. Мы уже видѣли опытъ исполненія такой мысли надъ замѣткой Лафатера. И въ послѣдующихъ переводахъ Карамзина встрѣчаются слова частью новыя, подобныя выписаннымъ, частью прежнія, но съ новыми оттѣнками значенія или въ новомъ примѣненіи, при чемъ онъ иногда ставитъ въ скобкахъ подлинное слово. Примѣры послѣдняго случая были уже приведены выше; можно прибавить къ нимъ еще нѣсколько: *общія положенія* (въ законодательствѣ, dispositions générales), *отношенія* (rapports[6]), *тонкости*, *отвлеченія* и др.

Таковы были неологизмы Карамзина до «Исторія Государства Россійскаго», въ которой онъ, какъ извѣстно, сталъ болѣе и болѣе оживлять свое изложеніе словами, заимствованными изъ лѣтописей. При всей осмотрительности въ первыхъ своихъ сочиненіяхъ, онъ однакоже далъ значительный толчекъ лексическому развитію и обогащенію языка, и Шишковъ въ своемъ *Разсужденіи* съ до-

---

[1] *Аглая*. I, стр. 38, 34; II, 65, 86, 90.
[2] Тамъ же, стр. 88.
[3] См. выше, стр. 95, переводъ изъ Лафатера.
[4] *Вѣстн. Евр.* 1803, № 8, «О вѣрномъ способѣ имѣть учителей».
[5] Соч. Кар., т. II, стр. 345 (*Моск. Журн.*, ч. VI, стр. 350).
[6] *Вѣстн. Евр.* 1802, № 2, стр. 83. № 3, стр. 71.

садою замѣтилъ: «Академическій Словарь нашъ хотя и недавно сочиненъ, однако послѣ того уже такое множество новыхъ словъ надѣлано, что онъ становится обветшалою книгою, не содержащею въ себѣ новаго языка»[1]. Положимъ, что между вновь появившимися словами было большое число неудачно скованныхъ подражателями Карамзина и потому непрочныхъ; однако жалоба Шишкова, какъ и прежде уже произнесенная Подшиваловымъ (см. выше, стр. 84 и 85), показываетъ, какъ сильно было движеніе, возбужденное въ литературѣ примѣромъ Русскаго Путешественника.

Въ началѣ настоящей статьи были приведены отзывы: трехъ свидѣтелей этого движенія о значеніи Карамзина въ исторіи нашей письменной рѣчи. Для дополненія данныхъ къ сужденію по этому предмету припомнимъ показанія двухъ близкихъ къ Карамзину лицъ. Дашковъ, не называя его, говорятъ однакоже съ явною о немъ мыслію: «Языкъ можетъ образоваться не словами, но твореніями хорошихъ писателей, которые даютъ словамъ *новый вѣсъ* и *значеніе, опредѣляютъ просодію* языка» (то-есть, теченіе рѣчи) «и обогащаютъ оный множествомъ *выраженій* и *оборотовъ*, служащихъ къ изображенію новыхъ понятій, извѣстныхъ однимъ просвѣщеннымъ народамъ»[2]. Еще гораздо важнѣе однородное свидѣтельство Дмитріева. Раздѣливъ исторію нашего книжнаго языка на два періода, онъ считаетъ началомъ второго изъ нихъ послѣднее десятилѣтіе царствованія Екатерины II. Къ ученикамъ Ломоносова относитъ онъ между прочими Елагина и Фонъ-Визина, которые, по словамъ Дмитріева, «захотѣли сами быть начальниками школы. Первый обратился къ *славянчизнѣ*... другой, хотя и съ бо́льшимъ вкусомъ, полагалъ, будто въ высокомъ слогѣ надлежитъ мѣшать русскія слова съ славянскими и для благозвучія наблюдать нѣкоторый размѣръ, называемый у Французовъ *кадансированною прозою*.... Послѣдователи ихъ захотѣли

[1] *Разсужд.*, стр. 69. — Всѣ ссылки на эту книгу здѣсь по изданію 1818 г., согласному впрочемъ, за исключеніемъ предисловія, съ изд. 1808.

[2] *Леч. способъ*, стр. 60.

перещеголять своихъ учителей и уже начали еще болѣе употреблять славянскія реченія и обороты[1].... «Въ такомъ состояніи», продолжаетъ Дмитріевъ, «находилась наша словесность, когда Карамзинъ...., возвратясь изъ Парижа и Лондона, выступилъ на авторское поприще. *Обдуманная система уже предшествовала его началу:* вникая въ свойство языка и въ тогдашній механизмъ нашего слога, онъ находилъ въ послѣднемъ какую-то пестроту, неопредѣленность и вялость или запутанность, происхождящія отъ раболѣпнаго подражанія синтаксису не только славянскаго, но и другихъ, древнихъ и новыхъ, европейскихъ языковъ, и по *зрѣломъ размышленіи пошелъ своей дорогой* и началъ писать языкомъ, подходящимъ къ *разговорному образованнаго общества* семидесятыхъ годовъ, когда еще родители съ дѣтьми, Русскій съ Русскимъ не стыдились говорить на природномъ своемъ языкѣ[2]; въ составленіи частей періода употреблять возможную сжатость и притомъ воздерживаться отъ частыхъ союзовъ и мѣстоименій: *который* и *которыхъ*[3], а въ добавокъ еще и *коихъ*, наконецъ наблюдать естественный порядокъ въ словорасположеніи... Съ того времени такъ-называемый высокій, полуславянскій слогъ и растянутый, вялый средняго рода, стали мало по малу выходить изъ употребленія»[4]. Присоединимъ къ этому еще признанія молодыхъ писателей начала нынѣшняго вѣка (особенно Макарова и Дашкова), которые, разумно слѣдуя тѣмъ же указаніямъ и содѣйствуя къ утвержденію *новаго слога*, открыто провозглашали Карамзина своимъ учителемъ.

---

[1] Здѣсь Дмитріевъ называетъ нѣсколькихъ переводчиковъ (см. выше, стр. 76).

[2] На этомъ же самомъ основаніи и Подшиваловъ въ своемъ *Курсѣ росс. слога* говоритъ, что свойства русскаго языка «можно болѣе примѣтить изъ *обращенія съ людьми не знающими кромѣ Русскаго никакого другаго языка.* (*Сокращ. курсъ русск. слов.*, стр. 28).

[3] Точно такъ же Подшиваловъ совѣтуетъ «не избѣгать употребленія причастій, которыя болѣе Россійскому языку свойственны, нежели безпрестанное: который, который» (тамъ же, стр. 52, 53).

[4] *Взглядъ на мою жизнь*, стр. 86.

Изслѣдованіе привело насъ къ заключеніямъ, сходнымъ съ показаніями современниковъ Карамзина. Сущность этихъ заключеній можетъ быть представлена въ слѣдующихъ общихъ и краткихъ выводахъ:

Карамзинъ былъ недоволенъ языкомъ, который онъ засталъ въ литературѣ, приступая къ самостоятельной дѣятельности.

Онъ захотѣлъ писать иначе.

Онъ захотѣлъ писать такъ же «пріятно», то-есть сообразно съ здравымъ вкусомъ, изящно, какъ пишутъ лучшіе иностранные авторы.

Для этого онъ принялъ въ руководство не французскій или англійскій синтаксисъ[1], а русскій разговорный языкъ, развивая и обогащая его по возможности изъ собственныхъ его началъ, но въ случаѣ надобности заимствуя изъ другихъ языковъ отдѣльныя слова, иногда же и обороты, не противные духу русскаго языка.

Устранивъ господствовавшее прежде словосочиненіе съ частыми славянизмами, онъ отбросилъ также все шероховатое, грубое, устарѣлое.

Новый, такимъ образомъ, по своему строю, а отчасти и по составу языкъ его былъ новъ также по своей строгой правильности логической и грамматической, по точности и опредѣленности словъ и выраженій, по установленію твердыхъ началъ въ словоуправленіи[2].

Сверхъ того и слогъ Карамзина былъ новъ по своей пластичности, по богатству образовъ и живописи выраженій, въ кото-

---

[1] Уже одинъ изъ критиковъ Шишкова опровергалъ его мнѣніе, будто новые писатели начали *вновь созидать* русскій языкъ на *скудномъ основаніи французскаго*: «Я всегда думалъ», говоритъ этотъ критикъ, «что лучшіе наши писатели и переводчики заимствуютъ изъ французскаго и другихъ языковъ только нѣкоторыя слова и выраженія» и проч. (*Сѣв. Вѣстникъ*, 1804, ч. I, стр. 19).

[2] Въ послѣднемъ отношеніи замѣчательна, напримѣръ, по внимательности къ требованіямъ языка, фраза Карамзина: «слѣдовалъ ихъ *волѣ* и *за* ихъ *знаменами*» (*Вѣстн. Евр.* 1803, № 5: «О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи»).

рыхъ слова являлись въ новой связи, въ новыхъ счастливыхъ сочетаніяхъ.

Такъ возникла въ первый разъ на русскомъ языкѣ проза ровная, чистая, блестящая и музыкальная, въ выразительности и изяществѣ не уступавшая прозѣ самыхъ богатыхъ литературъ Европы.

Эта проза имѣла еще свои недостатки; иногда ей вредила нѣкоторая искуственность, имѣвшая цѣлію удовлетворить особеннымъ, своенравнымъ требованіямъ слуха. И замѣчательно, что такой недостатокъ развился наиболѣе въ послѣдній и самый важный періодъ дѣятельности Карамзина. Высшей степени простоты и естественности проза его достигла въ *Вѣстникѣ Европы* (если исключить «Маѳу Посадницу»).

Карамзинъ далъ русскому литературному языку рѣшительное направленіе, въ которомъ онъ еще и нынѣ продолжаетъ развиваться.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ СТАТЬѢ:

КАРАМЗИНЪ ВЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ЛИТЕРАТУРНАГО ЯЗЫКА.

I. (Къ стр. 70.)

ОТРЫВКИ ИЗЪ РѢЧЕЙ, ПРОИЗНЕСЕННЫХЪ ПРОФЕССОРАМИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА СЪ 1787 ПО 1805 ГОДЪ.

1. Изъ «Слова похвальнаго Екатеринѣ Второй», Зыбелина, произнесеннаго при окончаніи 25-ти-лѣтія ея царствованія, 30-го іюня 1787 года:

«Хочу упомянуть о томъ, что легко бы, хотя и не простительно, упустить было можно. Какъ пріобыкшіе къ истекающимъ всегда отъ солнца благодѣяніямъ, едва или рѣдко оныя воспоминаютъ, хотя и главное вся природа отъ него получаетъ оживленіе: равнымъ образомъ милосердіе Всемилостивѣйшей нашей Монархинѣ толь есть свойственно и толь всѣмъ намъ оное извѣстно и обыкновенно, что во множествѣ щедротъ, безпрестанно изливаемыхъ, какъ въ обыкновеніе вшедшее, древнее и самопервѣйшее двадцатипятилѣтняго благополучнаго Ея царствованія благодѣяніе, могло бы изъ памяти вытти; но благодарность многихъ тысящей обязанныхъ, наполняющая безпрестанно всѣхъ слухъ, заставляетъ чувствительное сердце провозвѣстить, или по крайней мѣрѣ повторить, какъ первой знакъ чадолюбивой Матери сіе Ея милосердіе, разумѣю, вѣрно служившимъ благодѣтельное по жизнь содержаніе и награжденіе» (*Рѣчи профессоровъ Москов. унив.*, ч. I, стр. 145).

2. Изъ Слова Страхова «О вліяніи наукъ въ общее и каждаго человѣка благоденствіе», произнесеннаго 30-го іюня 1788 года:

«Торжественное воспоминаніе знаменитыхъ происшествій тѣмъ живѣйшею радостію и усердіемъ наполняетъ сердца празднующихъ, чѣмъ

большихъ благъ оныя учинились причиною. Съ какимъ же чувствіемъ радости, усердія и благодарности ко Всевышнему долженствуютъ всѣ сыны отечества торжествовать благословенный день восшествія на Всероссійскій Престолъ Всеавгустѣйшія нашея Монархини! ибо колик ихъ благъ источникомъ для Россіи учинилось сіе важное и во вѣки незабвенное происшествіе! Коль великія и неизреченныя милости всещедрая Десница Творца изліяла на насъ, оправдавъ царствовати надъ нами Великую Екатерину»! (Тамъ же, ч. II, стр. 228).

3. Изъ Слова Брянцева «О связи вещей во вселенной», произнесеннаго 30-го іюня 1790 года:

«Естьли, по мнѣнію общему, Государи, получившіе отъ Бога величество, власть и силу, суть на земли изображеніемъ Божества, благодѣянія свои человѣческому роду священными ихъ дланьми подающаго: то въ такомъ случаѣ всѣ ихъ дѣйствія нераздѣльнымъ соединены союзомъ съ пользою ввѣренныхъ имъ народовъ; и естьли отъ нападенія внѣшнихъ враговъ преоруженіе мужествомъ и силою, для безопасности отъ согражданъ огражденіе законами и правосудіемъ, для изгнанія невѣжества распространеніе знаній клонятся къ единой цѣли, т. е. къ благосостоянію общества: то въ дѣлахъ Государей, къ единому концу стремящихся, не ясно ли усматриваемъ взаимную связь? Чего для всеподданнѣйше свидѣтельствуя нашу благодарность Августѣйшей Монархинѣ и мыслями нашими благопримѣняясь къ связи, въ дѣйствіяхъ Ея находящейся, торжествующему нынѣ съ нами собранію намѣренъ я въ посильномъ разсужденіи предложить о *«связи вещей во вселенной»* (Тамъ же, ч. III, стр. 17).

4. Изъ Слова Чеботарева, произнесеннаго въ 1800 году по случаю кончины И. И. Шувалова:

«... И потому, не возносясь дерзновенно выше сферы нашей и не касаясь тѣхъ отличныхъ добротъ, тѣхъ высокихъ министерскихъ, да тако скажу, и государственныхъ свойствъ патріотическаго духа, — которыя даровали Меценату нашему то, чего и самая превратность щастія похитить у него была не въ силахъ; — которыя въ теченіи цѣлаго полувѣка сохранили къ нему благоволеніе четырехъ великихъ нашихъ Государей; — которыя и проч.» ...«но оставляя все сіе, яко нѣчто великое и кругу нашихъ свѣдѣній несоразмѣрное, — ограничу себя, Слушатели, тѣмъ, что мѣсту сему приличнѣе, что намъ и всякому благомыслящему любезнѣе; — ограничу себя, при открытіи печальной сей бесѣды, простымъ и *краткимъ показаніемъ* тѣхъ только *отличительныхъ добротъ нашего Мецената* и тѣхъ услугъ его къ отечеству, — которыя въ лѣтописяхъ Рускихъ, предавъ

имя *Шувалова* безсмертію, за любовь его къ Наукамъ, за одобреніе и распространеніе ихъ въ отечествѣ нашемъ, память его содѣлаютъ любезною во всѣ грядущіе роды, доколѣ слава Россіи, слава Мудрыхъ, Человѣколюбивыхъ ея Монарховъ, — и слава самихъ Наукъ пребудутъ въ подсолнечной» (Тамъ же, ч. I, стр. 332).

5. Изъ Слова Сохацкаго «На полувѣковой юбилей Московскаго университета», произнесеннаго 30-го іюня 1805 года:

«Но и гдѣ жь — скажите! гдѣ есть толико великодушныя, несравненныя, истинно царственныя способствованія народному просвѣщенію, какъ въ высокомъ примѣрѣ зиждущихъ благоденствіе Россіи мудрыхъ ея и благопромыслительныхъ Государей? Благословенны будутъ сердцами Россовъ священныя имена Ихъ навѣки!...

«Радостотворныя мыслы и чувствованія!...

«Здѣсь, погрузясь въ глубокомъ безмолвіи, надлежало бы совсѣмъ остановиться, и исчисляя мысленно спасительныя отъ того послѣдствія, предаться всею душею пріятнымъ и неизъяснимымъ чувствіямъ сердечной благодарности, заключить предъ вами, Почтеннѣйшіе Слушатели, краткое сіе, по приличію торжества нашего изображеніе.

«Но се! — Геній-Покровитель Наукъ, коего именемъ вся Европа и цѣлый свѣтъ гордится, предъ коимъ осчастливленная Россія съ восхищеніемъ благоговѣетъ; — се! Великій въ чистой, небесной добротѣ своей Александръ I, о семъ торжествующемъ университетѣ, въ сей самый вѣчно достопамятный годъ, въ Высочайше дарованной Грамотѣ являетъ отъ Престола свѣту и потомству несказанное Монаршее благоволеніе», и проч. (Тамъ же, ч. III, стр. 92).

II. (Къ стр. 75.)

ЗАМѢЧАНІЯ КАРАМЗИНА О ЯЗЫКѢ, ИЗЪ РАЗБОРОВЪ ЕГО, ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ЖУРНАЛѢ (1791 И 1792 ГОДОВЪ).

1. Изъ разбора комедіи *Оптимистъ:*

«Что принадлежитъ до перевода піесы, то онъ чистъ и гладокъ. Только немногія выраженія покритиковать можно. Напримѣръ: *Естьли бы я захотѣлъ къ слову прицѣпиться, я бы больно его этимъ убилъ.* Прицѣпкою людей не убиваютъ; а это еще говоритъ оптимистъ, который вообще такъ краснорѣчивъ. — *Кажется, чувствую какъ бы новую сладость жизни,* говоритъ Извѣда; но говорятъ ли такъ молодыя женщины? *Какъ бы* здѣсь очень противно.

«*Я имѣлъ съ собою Руссо.* Это слишкомъ по-французски. *Какъ безстрашно онъ вдавался въ огонь!* Въ огонь можно броситься, а *вдаваться* въ него такъ же нельзя, какъ и въ воду. — *Человѣкъ при самомъ уже рожденіи плачетъ и производитъ вопли.* Производить вопли! — *Оно* (воспоминаніе) *ничего произвесть не можетъ, развѣ учинитъ навсегда меня несчастною.* Здѣсь и галлицизмъ и славянизмъ вмѣстѣ. Любезная Премила, которая это говоритъ, перевела съ Французскаго: il ne fera que; а *развѣ* — въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово здѣсь употреблено — и *учинить*, вмѣсто сдѣлать, нельзя сказать въ разговорѣ, а особливо молодой дѣвицѣ.—*Я буду жить*, говоритъ Зланѣтъ, *посреди милой жены и моей дочери.* Лучше бы было сказать: «я буду жить съ милою моею женою и дочерью», — а то здѣсь сообщается какая-то нехорошая идея. — Я сказалъ все то, что замѣтилъ. Естьли бы переводъ вообще не такъ хорошъ былъ, кто бы захотѣлъ имъ заниматься»?

Тамъ же о содержаніи: «Тутъ также видно что-то не Русское»; далѣе о неестественности названій Зланѣтъ, Буремыслъ, Милоумъ и проч. и о необходимости ввести въ комедію имена и отчества (*Московскій Журналъ*, ч. I, стр. 232—235).

2. Изъ разбора перевода *Краткой исторіи королевской шведской фамиліи:*

«Что касается до перевода, то для иностранца былъ бы онъ довольно хорошъ; а Рускому, казалось бы, нельзя было написать: «У Петерсберга *раззорены* были Баннеромъ 12 полковъ», или: «Крѣпость, которая стоила Императору *столько тысячи* людей» или: На Нѣмецкой колокольнѣ *учреждены были куранты*» (Тамъ же, ч. II, стр. 84).

3. Изъ разбора перевода *Генріады:*

«Здѣсь надобно не только выразить мысли Поэтовы, но и выразить ихъ съ такою же тóчностію, съ такою же чистотою и пріятностію, какъ въ подлинникѣ; иначе поэма потеряетъ почти всю свою цѣну. Но какія препятствія надобно переодолѣть переводчику! Кромѣ нѣкоторой *негибкости* нашего языка, мѣра и риѳма составляютъ такую трудность, которую едва ли бы и самъ Вольтеръ, переродясь въ Рускаго, преодолѣть могъ... 2-й переводъ сей поэмы (такъ же какъ и 1-й, *вышедшій* за нѣсколько лѣтъ передъ симъ въ Петербургѣ) ни мало не опровергаетъ моего мнѣнія. Читатель позволитъ мнѣ привести нѣкоторыя мѣста изъ онаго и сравнить ихъ съ подлинникомъ».

Выписавъ начало подлинника, Карамзинъ приводитъ и первые шесть стиховъ перевода:

Пою Героя, кто, разрушивши коварство,
Оружіемъ досталъ Францускo государство;
Кто долго странствуя межъ сопротивныхъ силъ,
Наслѣдіе свое чрезъ храбрость получилъ,
Злыхъ возмутителей Испанцевъ былъ гонитель,
Сталъ подданныхъ своихъ отецъ и покровитель.

Затѣмъ онъ продолжаетъ:

«Число стиховъ то же; но есть ли въ переводѣ гладкость, опредѣленность, пріятность, сила оригинала?—Въ первомъ полустишіи, вмѣсто *кто*, надлежало бы, по Грамматикѣ, употребить возносительное мѣстоименіе *которой*. — Откуда зашло въ первый стихъ *коварство?* Въ оригиналѣ его нѣтъ. Да и можно ли *разрушить коварство?* — Второй стихъ таковъ, что иной не захочетъ уже и читать далѣе. *Достать Францускo государство!* Къ тому же здѣсь не выражено того, что Французская корона принадлежала Генрику и по праву наслѣдственности. Подъ *сопротивными силами* не льзя разумѣть ничего инаго, кромѣ непріятельскихъ войскъ; и такъ Генрихъ долго странствовалъ между непріятельскими войсками? Но Вольтеръ и не думалъ сказать сего. *Нещастія*, говоритъ онъ, научили его *царствовать...* Confondit значитъ *постыдилъ*, а не *гналъ:* съ чего же въ пятомъ стихѣ перевода названъ Генрихъ гонителемъ, и притомъ Гишпанцевъ? Сего не узнаешь и тогда, когда всю поэму прочитаешь. Въ шестомъ стихѣ не выражено того, что король *побѣдилъ* своихъ подданныхъ, и *потомъ* сталъ ихъ отцемъ. *Покровитель* есть здѣсь ничто иное, какъ *подставное* слово (или, какъ Нѣмцы говорятъ, Flickwort), не сообщающее никакой новой идеи послѣ *отца*».

Сравнивъ еще нѣсколько мѣстъ въ подлинникѣ и въ переводѣ, Карамзинъ такъ заключаетъ:

«Конечно, во всякой пѣсни сей Руской Генріады можно найти нѣсколько хорошихъ стиховъ; но отъ переводчика такой поэмы, какъ Генріада, требуется, чтобы онъ *все* перевелъ хорошо, или по крайней мѣрѣ *почти* все». (Тамъ же, ч. II, стр. 207—214).

4. Изъ разбора перевода *Неистоваго Роланда.*

.... «Рецензентъ съ своей стороны *желаетъ* того, чтобы слогъ былъ въ нихъ (въ слѣдующихъ частяхъ) еще правильнѣе и чище, нежели въ первой, гдѣ по мѣстамъ встрѣчаются такія выраженія: «Онъ клялся, что *не иной какой* шишакъ будетъ прикрывать его голову, *какъ не тотъ*, которой Роландъ нѣкогда отнялъ» и проч. «Графъ былъ *не меньше* учтивъ и человѣколюбивъ, *сколько* былъ храбръ» и проч. «Въ слѣдствіе чего, дабы» и проч. (Это слишкомъ по-приказному, и очень противно въ устахъ та-

кой женщины, которая, по описанію Аріостову, была прекраснѣе Венеры).—«Она (т. е. Аріостова Комедія) изъ числа самыхъ вольныхъ Аристофановыхъ Комедій...» (Естьли піеса Аріостова, то она не можетъ быть изъ числа Аристофановыхъ піесъ. Надлежало бы сказать: «Она принадлежитъ къ роду *такихъ-то* Комедій» и проч.). Г. переводчикъ, конечно, не осердится на Рецензента за сіе *желаніе*». (Тамъ же, ч. II, стр. 324, 325).

5. Изъ разбора перевода *Опытъ о Швейцаріи:*

«Надлежало бы сказать не *обнаружить*, а *узнать* или *угадать* (склонности)». Похваливъ вообще отрывокъ, къ которому относится это замѣчаніе, Карамзинъ говоритъ: «Но, къ сожалѣнію, не все такъ чисто и ясно. Нельзя на примѣръ похвалить слѣдующихъ мѣстъ: «Сіе увѣреніе *сильно было* другими *отвергнуто. Я много силился* узнать, правда ли сіе. — Всѣ части учености *воздѣлываются* тамъ съ успѣхомъ. (Лучше бы было въ семъ смыслѣ сказать по-Руски *обработываются*). — Прогулки и забавы народа смѣшаны съ полезными *обращеніями; изрядство и чистота составляютъ предметъ самыхъ ученыхъ разсужденій* (Рѣчь идетъ о Женевѣ. Я жилъ въ семъ городѣ около шести мѣсяцевъ, а не понимаю, что хочетъ здѣсь сказать Г. Переводчикъ)», и проч. (Тамъ же, ч. III, стр. 221, 222).

6. Изъ разбора перевода *Клариссы* Ричардсона:

«Всего труднѣе переводить романы, въ которыхъ слогъ составляетъ обыкновенно одно изъ главныхъ достоинствъ»...

Выписавъ начало перевода, Карамзинъ приводитъ нѣсколько отдѣльныхъ выраженій. «*Ни мало не сомнѣваешься въ томъ, какое участіе*, и проч., сказано не правильно; *какое* не можетъ отвѣчать *тому*. Надлежало бы сказать: «ты конечно не сомнѣваешься *въ томъ, что* я беру великое участіе. —... *Безпокойства возставшія въ твоемъ семействѣ*. Безпокойства ни *ложиться*, ни *возставать* не могутъ. — *Колико для тебя чувствительно* и проч. Дѣвушка, имѣющая вкусъ, не можетъ ни сказать, ни написать въ письмѣ *колико*[1]. Впрочемъ Г. Переводчикъ хотѣлъ здѣсь послѣдовать модѣ, введенной въ Руской слогъ «толѣмыми претолковниками» и проч. (см. выше, стр. 76). — *Отличившій себя отмѣнными дарованіями* и проч. *Отличить* и *отмѣнить* все одно. Если Кларисса *отличила* себя дарованіями, то онѣ конечно были уже *отмѣнны*. Къ тому же во Французскомъ

---

[1] Ср. въ *Вѣстникѣ Европы* 1802 г., № 3, стр. 22:

«Понеже, въ силу, поелику,
Творятъ довольно въ свѣтѣ зла».

подлинникѣ (подлинникѣ въ разсужденіи Рускаго перевода) говорится здѣсь не о *дарованіяхъ*, а о *свойствахъ* или *качествахъ* (qualités). — *Учинившейся предметомъ общаго почтенія* и проч. L'objet du soin public есть болѣе предметъ общаго *вниманія*, нежели *почтенія*. Въ простомъ слогѣ лучше сказать *сдѣлаться предметомъ* чего-нибудь, нежели *учиниться*. — *Узнать всѣ о томъ подробности* и проч. Подробности *чего-нибудь*, а не о *чемъ-нибудь*» и т. д. (Тамъ же, ч. IV, стр. 113).

III. (Къ стр. 81.)

КРЫЛОВЪ ПРОТИВЪ КАРАМЗИНА.

С.-Петербургскій Меркурій, по своему расположенію, пріемамъ и претензіямъ, представлялъ какъ будто сколокъ съ *Московскаго Журнала*, который только-что прекратился, когда Крыловъ и Клушинъ въ 1793 году предприняли свое новое изданіе.

Уже въ *предисловіи*, подписанномъ ими обоими и очень напоминающемъ *предувѣдомленіе* Карамзина, видна замашка поперечить ему, особенно въ слѣдущемъ заявленіи: «Сочиненія въ стихахъ и прозѣ, подражанія и переводы издателей будутъ печататься съ ихъ именами. Какая цѣль скромничать именемъ, ежели цѣль сочиненія не противна благонравію и не нарушаетъ ни чьего спокойствія?» Притомъ издатели, конечно также не безъ намека, предупреждаютъ: «Наши замѣчанія, наши сужденія по сей части» (то-есть, по обѣщанной ими критикѣ *книгъ* и *театра*) «не есть сужденія *деспотическія*»; читатели уже видѣли, что и *Зритель* и *Росс. Магазинъ* обвиняли Карамзина въ безусловности его приговоровъ. Но прежде всего Крыловъ и Клушинъ выражаютъ притязаніе издавать журналъ, *подобный журналамъ иностраннымъ* и не похожій на большую часть русскихъ періодическихъ изданій, въ которыхъ «или мало, или совсѣмъ ничего нѣтъ свойственнаго журналамъ». Идея этой потребности и первый примѣръ удовлетворенія ея были поданы Карамзинымъ, и вотъ ими пользуются сами противники его. Въ числѣ неблаговолящихъ къ нему самъ Карамзинъ, въ Письмахъ къ Дмитріеву (стр. 33), назвалъ Крылова, говоря о *Зритель*; но въ *Меркуріи* будущій баснописецъ и членъ шишковской *Бесѣды* еще гораздо прямѣе и рѣшительнѣе высказался противъ будущаго же исторіографа и идеала Арзамасцевъ. Подписанная именемъ Крылова «Похвальная Рѣчь Ермалафиду, говоренная въ собраніи молодыхъ писателей», явно содержитъ въ себѣ многія черты, которыя могутъ относиться только къ Карамзину. Главное достоинство Ермала-

фида[1], выставляемое здѣсь на посмѣяніе, состоитъ въ томъ, что онъ не слѣдуетъ никакимъ правиламъ и не подражаетъ красотамъ прежнихъ писателей. Онъ начинаетъ свое поприще трагедіей, въ которой герои «превыше всѣхъ страстей». Естественно, что противники Карамзина должны были въ сочиненіяхъ его находить прежде всего отступленіе отъ правилъ (то есть отъ рутины) и отъ старыхъ образцовъ. Что касается до трагедіи, написанной Ермалафидомъ, то подъ нею разумѣется переведенная Карамзинымъ Лессингова Эмилія Галотти. О драмѣ у Англичанъ и Нѣмцевъ и о драмѣ у Французовъ издатели *Меркурія* имѣли понятія совершенно противоположныя взгляду Карамзина. Въ 1-й же книжкѣ этого журнала напечатано «Разсужденіе объ Англинской трагедіи, изъ сочиненій г. Вольтера» (стр. 66), причемъ Клушинъ въ особомъ примѣчаніи называетъ нѣмецкія драматическія произведенія *безобразными выродками литтературы, въ которыхъ нѣтъ никакихъ правилъ...., которые суть ни трагедіи, ни комедіи; гдѣ смѣшенъ плачь съ смѣхомъ безъ всякой нужды;* въ числѣ упоминаемыхъ имъ пьесъ этого рода не забыта и *Эмилія Галотти.* Кончаетъ онъ словами: «И есть люди, которые предпочитаютъ Нѣмецкія драмы Французскимъ.... Что думать о сихъ знатокахъ? Или, что они не знаютъ правилъ театральныхъ, какъ и того, что значитъ самая драма; или слѣпое имѣютъ пристрастіе къ Нѣмчизнѣ». О дѣйствіи трагедіи Ермалафида Крыловъ замѣчаетъ между прочимъ: «Зрители не были возмущены ни страхомъ, ни жалостью, ни ненавистью.... и естьли бы глухому показать столь прекрасное зрѣлище, то бы конечно онъ подумалъ, что Греческіе мудрецы съ театра преподаютъ партеру курсъ Математики». Не надобно забывать, что Карамзинъ въ *Московскомъ Журналѣ* (ч. I, стр. 61) помѣстилъ разборъ *Эмиліи Галотти* и что онъ перевелъ также Шекспирова *Юлія Кесаря.*—Разберемъ еще нѣкоторыя черты Ермалафида. «Великій духъ его не чувствовалъ себя отличнѣе привязаннымъ ни къ какому роду писанія. Онъ хотѣлъ писать все, и сдержалъ свое слово. Удивительная способность, Мм. Гг.! часто, дописавъ до половины свое сочиненіе, онъ еще не зналъ, ода или сатира это будетъ; но всего удивительнѣе, что и то и другое названіе было прилично; а можетъ быть и всѣ его сочиненія со временемъ воздвигнутъ между Академіями войну

[1] Это имя произведено отъ семинарскаго слова *ермолафія* (котораго нѣтъ еще въ нашихъ словаряхъ, — вѣроятно, искаженнаго греческаго *ирмологій*); оно означаетъ дребедень, многословную чепуху. См. въ IV томѣ академическаго изданія *Сочиненій* Державина, стр. 558, и объясненіе этого слова въ дополнительныхъ примѣчаніяхъ. Рѣчь Ермалафиду напечатана во II-й части *С.-Петербургскаго Меркурія* (апрѣль 1793 г.), стр. 26—55.

за споры, къ какому роду ихъ причислить». Здѣсь Карамзинъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими стихотворцами *Московскаго Журнала*, осуждается за несоблюденіе наружныхъ формъ различныхъ родовъ поэзіи, что̀ въ то время было еще ново. Но этого мало: положивъ не слѣдовать никакимъ правиламъ, Ермалафидъ «вздумалъ свободные часы свои посвятить удовольствію Публики.... и для того то рѣшился онъ во всякое *новолуніе* разгружать на печатномъ станкѣ грузное судно своего воображенія— короче сказать: началъ журналъ.... Озабоченный намѣреніемъ просвѣтить Вселенную.... съ какою удивительною способностію пишетъ онъ прямо на бѣло сужденія, рѣшенія и опредѣленія о самыхъ важныхъ предметахъ!... Критика также получила себѣ новую пищу: одни говорили, что онъ, проповѣдуя добродѣтель, однимъ своимъ слогомъ въ состояніи умножить число отступниковъ отъ добродѣтели; другіе кричали, что ежемѣсячныя его сочиненія, суть ежемѣсячныя вылазки противу безсонницы; но его это не устрашило» и проч. Далѣе: «Пріятно было смотрѣть, Мм. Гг., съ какою непринужденною смѣлостію бранилъ онъ Мольера, Расина и Боало, никогда ихъ не читавъ; и съ какимъ равнодушіемъ смотрѣлъ трагедіи Корнелія». Всѣ эти выходки, несомнѣнно, направлены на *Московскій Журналъ* съ его критикою; послѣднее замѣчаніе относится къ сужденіямъ, высказаннымъ въ разборѣ русскаго подражанія *Сиду* Корнеля[1]. Здѣсь Карамзинъ, показавъ, что подлинная пьеса «имѣетъ пороки, и великіе пороки», выписываетъ отзывъ д'Аламбера о французскихъ трагедіяхъ вообще, кончающійся словами: «Потому-то нынѣ почти никто не бываетъ въ театрѣ, когда играютъ Корнелевы трагедіи и очень не много, когда Расиновы представляютъ», и затѣмъ произноситъ свой собственный приговоръ французскимъ трагикамъ въ сравненіи съ Шекспиромъ. «Письма Русскаго Путешественника», въ которыхъ высказано подобное же мнѣніе объ этомъ предметѣ[2], также задѣты въ похвальной рѣчи Крылова. Именно онъ говоритъ о Ермалафидѣ: «Онъ одинъ только въ состояніи съ такою легкостію кстатѣ о Гомерѣ, напомнить, что дрова дороги;—и, хваля Юнговы нощи, замѣтить, что Нѣмцы обуваются щеголеватѣе Французовъ». Вѣроятно, это намекъ на одно мѣсто «Писемъ» изъ южной Франціи, напечатанныхъ въ послѣдней книжкѣ *Московскаго Журнала* (декабрь 1792): послѣ разныхъ литературныхъ воспоминаній, въ которыхъ приведены имена Петрарки, Оссіана, Гомера и др., въ одномъ письмѣ встрѣчается такая замѣтка: «Но весьма не по-

---

[1] *Моск. Журн.*, ч. III; стр. 84 и сл.
[2] Тамъ же, ч. VIII, стр. 86.

любились мнѣ деревянные башмаки французскихъ поселянъ, и я не понимаю, какъ они не натираютъ ими ногъ своихъ»[1]. Противъ Карамзина же направлена слѣдующая выходка похвальной рѣчи: «Я знаю—говоритъ Ермалафидъ—склады на многихъ языкахъ, но Россійскіе склады краснорѣчивѣе всѣхъ складовъ на свѣтѣ». Это относится къ одному мѣсту письма русскаго путешественника къ Боннету. Сбираясь переводить его Contemplation de la Nature, Карамзинъ говоритъ: «Надобно будетъ составлять или выдумывать новыя слова, подобно какъ составляли и выдумывали ихъ Нѣмцы, начавъ писать на собственномъ языкѣ своемъ; но отдавая справедливость сему послѣднему, котораго богатство и сила мнѣ извѣстны, скажу, что нашъ языкъ самъ по себѣ гораздо пріятнѣе[2].

Конечно, далеко не все въ Ермалафидѣ можетъ быть примѣнено къ Карамзину: иное относится къ другимъ; такъ, напримѣръ, подъ комедіей, написанной Ермалафидомъ послѣ трагедіи, разумѣется, вѣроятно, какое-нибудь современное подражаніе *Мельнику* Аблесимова, или *Сбитенщику* Княжнина: «На сценѣ появляется цѣлый народъ въ лаптяхъ, въ зипунахъ и въ шапкахъ съ заломомъ — въ парадизѣ раздались радостныя восклицанія» и т. д.[3]. Тѣмъ не менѣе, изъ всего вышеприведеннаго, кажется, ясно, что похвальное слово Ермалафиду есть въ особенности замаскированная аттака на Карамзина и на многочисленныхъ приверженцевъ, которыхъ уже доставилъ ему *Московскій Журналъ:* онъ иронически выставляется какъ образецъ «для подражанія молодымъ нашимъ собратіямъ, которые, имѣя великія способности, ожидаютъ только случая кому послѣдовать, и за недостаткомъ рѣзкихъ подлинниковъ принуждены съ великимъ трудомъ отыскивать погрѣшности у Ломоносова и ихъ выкрадывать; или занимать ихъ у Сумарокова».

IV. (Къ стр. 105.)

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ БЮФФОНА ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ А. Ѳ. МАЛИНОВСКАГО, ЛЕПЕХИНА И КАРАМЗИНА.

1. Алексѣя Малиновскаго, въ книгѣ *Духъ Бюффона* (1783, стр. 1).

«Я вспоминаю о той исполненной веселія и смущенія минутѣ, въ

[1] *Моск. Журн.* ч. VIII, стр. 318.
[2] Тамъ же, ч. VI, стр. 350.
[3] Крыловъ уже прежде, въ разборѣ комедіи *Смѣхъ и Горе* своего товари-

которую въ первой разъ возчувствовалъ отмѣнное мое бытіе: тогда я не могъ себѣ представить, что я, гдѣ былъ и откуда взялся. Я открылъ глаза; коль превосходное чувствованіе! свѣтъ, небесная твердь, зеленѣющая земля, прозрачныя воды, все меня занимало, одушевляло и несказаннымъ образомъ чувства мои увеселяло. Изъ чего я заключилъ, что всѣ сіи предметы находились во мнѣ и составляли часть самаго меня».

2. Ив. Лепехина, въ 1-й части *Естественной Исторіи* Бюффона (1792, стр. 61).

«Исполненъ веселія и смущенія привожу я на память ту минуту, въ которую я первый разъ ощутилъ чудное бытіе мое; я не зналъ, что я такое былъ, гдѣ находился и откуда пришелъ. Открывъ глаза какое приращеніе ощутилъ въ чувствованіяхъ! Свѣтъ, сводъ небесный, зеленѣющая земли поверхность, кристалловидныя воды, всего меня занимали, оживляли, и возбуждали во мнѣ неизреченное чувствованіе удовольствія; въ началѣ мнилъ я, что всѣ сіи предметы во мнѣ находяся составляли существенную моего сложенія часть».

3. Карамзинъ, въ *Пантеонѣ Иностранной Словесности* (1798, кн. II, стр. 58).

«И теперь еще живо помню ту минуту радости и смятенія, какъ въ первый разъ ощутилъ я чудное бытіе свое. Не зная, что я, гдѣ, откуда взялся, открываю глаза: какое неописанное чувство! Свѣтъ, небесный сводъ, зелень травы, кристаллъ воды, все занимаетъ, трогаетъ, веселитъ меня несказанно. Мнѣ кажется, что всѣ предметы во мнѣ и составляютъ часть моего существа»

V. (Къ стр. 105.)

ОБРАЗЧИКИ ЯЗЫКА ИЗЪ ЖУРНАЛОВЪ НАЧАЛА 1790-ХЪ ГОДОВЪ.

1. Изъ московскаго изданія *Сатирическій Вѣстникъ*, «удобоспособствующій разглаживать наморщенное чело старичковъ, забавлять и купно научать молодыхъ барынь, дѣвушекъ, щеголей, вертопраховъ, волокитъ, игроковъ и прочаго состоянія людей, писанный небывалаго года, неизвѣстнаго мѣсяца, несвѣ-

---

ща, Клушина, высказался противъ подобныхъ комическихъ оперъ: «Какъ сіи же рукоплесканія не рѣдко расточаются и въ шутовскихъ операхъ, то я мало къ нимъ легковѣренъ». *Спб. Меркурій*, ч. I, стр. 104.

домаго числа, незнаемымъ сочинителемъ». (Издавался въ 1790 и 1791 годахъ Н. И. Страховымъ; въ 1795 онъ напечатанъ вторично въ 9 частяхъ, составившихъ три томика. Объявленіе о 5-й части его см. въ *Моск. Вѣдом.* 1790, № 91). Вотъ отрывокъ изъ 1-й части, стр. 63—65.

....«Желательно, чтобъ тѣ молодые люди, которые имѣли прежде въ г. Псолюбовѣ одобрителя своего, послѣдовали его примѣру, оставя таковыя праздныя упражненія; а тѣ, кои равноподобно ему содержатъ великія стаи собакъ, число оныхъ содѣлали бы соотвѣтствующимъ цѣли, для которой принято упражненіе сіе, или бы лучше совсѣмъ истребили такую склонность, которая вмѣсто того, что должна была служить пріятною заманкою къ движенію, поспѣшествующему здравію, бодрости и веселію нрава, по злоупотребленію своему сдѣлалась напротивъ того такою страстію, которая занимаетъ цѣлую жизнь, расточаетъ цѣлыя имѣнія, разоряетъ бѣдныхъ крестьянъ, и доставляетъ въ насъ цѣлымъ уѣздамъ и обществамъ юношъ худой и растлительной примѣръ добрыхъ нравовъ. При томъ колико удивительно и жалко видѣть такихъ людей, которые для доставленія себѣ минутныхъ зрѣлищъ на зайца и бѣгущихъ за нимъ собакъ, въ сихъ упражненіяхъ провели всю жизнь, прожили все имѣніе, разорили всѣхъ крестьянъ, и не иное что оставили въ наслѣдіе бѣднымъ и безпомощнымъ своимъ дѣтямъ, какъ одинъ только хорошо устроенный собачій дворъ, но опущенное жилище; хорошихъ псарей, но разоренныхъ крестьянъ; многія своры собакъ, но и многія тысячи долгу!»

2. Изъ журнала *Дѣло отъ бездѣлья*, «или пріятная забава, рождающая улыбку на челѣ угрюмыхъ, умѣряющая излишнюю радость вертопраховъ и каждому по его вкусу, философическими, критическими, пастушьими и аллегорическими повѣстьми, въ стихахъ и прозѣ состоящими, угождающая». (Выходилъ въ Москвѣ въ 1792 году, слѣдовательно, въ одно время съ *Московскимъ Журналомъ*. Издателемъ *Дѣла отъ бездѣлья* былъ Андрей Рѣшетниковъ, составитель первоначальныхъ учебниковъ русскаго языка и географическаго руководства). Отрывокъ изъ статьи *Человѣкъ* (ч. IV, стр. 59—61):

«Много было нравоучителей, да и нынѣ находятся между человѣками пресмыкающіеся духи, которые человѣческую природу столь страшно унижаютъ, что естьли бы возможно было имъ повѣрить, надлежало бы стыдиться быть человѣкомъ. Иные думаютъ, что божественное смирен-

номудріе требуетъ, дабы о человѣчествѣ имѣть толь низкія понятія; и потому почитаютъ за должность свою презрительнѣйшими и груснѣйшими образованіями учинить человѣческую природу ненавистною. Но человѣкъ себя за ничто почитающій не можетъ и къ другимъ имѣть никакого почтенія, и въ обоихъ сихъ случаяхъ являетъ низость мыслей... Внѣ человѣка находится Виновникъ природы и весь міръ. И такъ естьли мы возхотимъ разсматривать человѣка въ отношеніи его ко всѣмъ веществамъ, внѣ еще существующимъ; тогда долженствуемъ обозрѣть не токмо то, въ какомъ отношеніи находится онъ къ Богу, но и сіе, сколь тѣсно связанъ онъ со всемірнымъ зданіемъ».

3. Изъ изданія Академіи наукъ: *Новыя ежемѣсячныя сочиненія* (Выходило съ 1786 по 1796 годъ подъ главнымъ наблюденіемъ тогдашняго директора Академіи, княгини Дашковой). «При изданіи этого журнала не была выпущена изъ виду одна изъ главныхъ цѣлей періодическихъ изданій Академіи 18-го вѣка— вводить въ область науки и тѣхъ читателей, которые не имѣли случая пріобрѣсть прочное учебное образованіе»[1].

Вотъ какъ выражался въ 1790 году, описывая *аккулу*, знаменитый академикъ Лепехинъ, непремѣнный секретарь Россійской академіи (*Нов. ежемѣс. соч.*, ч. XLVI, май, стр. 43):

«Сколь ни ужасна сія рыба человѣку и морскимъ животнымъ, однако не можетъ защищаться отъ небольшой рыбки *задержкою* называемыя, которая къ ней прилепляется, и преплываетъ съ нею морскія пространства; ибо въ Индійскомъ морѣ рѣдко ловятъ Аккулъ, на коихъ бы не были прицѣпившись сіи рыбки. Другое обстоятельство, заслуживающее вниманіе при Аккулахъ, болѣе удивительно: ибо, а наипаче въ жаркихъ климатахъ, видны всегда впереди въ нѣкоемъ отстояніи плывущіе передъ Аккулою провозвѣстники называемые *костера путеводитель*. Если бы сіе было примѣчено токмо изрѣдка, то можно бы приписать оное случайности: но какъ сіе не токмо простые мореходцы, но и странствовавшіе Природы испытатели согласно утверждаютъ, то не можно не принять сего за истину; хотя въ прочемъ заподлинно утверждать не можно, какая причина побуждаетъ сихъ малыхъ рыбокъ сопутствовать, или предшествовать сему человѣкоядцу: ибо обыкновенное о семъ случаѣ мнѣніе, будто сіи малыя рыбки предшествуютъ Аккулѣ въ томъ намѣреніи, чтобы

[1] *Учен. Записки Академіи Наукъ по I и III Отдѣленіямъ*, ч. I, стр. LXXXIX.

предувѣдомлять ее о приближеніи ея гонителя Кашалота, и будто она изъ благодарности къ нимъ не токмо не дѣлаетъ вреда, но и удѣляетъ имъ отъ своей добычи, тѣмъ болѣе походитъ на вымышленную басню, что зубы у нее устроены не для раздробленія добычи, но для придержанія оныя и поглощенія цѣликомъ; слѣдовательно она и не можетъ ничего удѣлять малымъ своимъ сопутникамъ».

(VI. Къ стр. 106).

ОБРАЗЧИКИ ЯЗЫКА КАРАМЗИНА ВЪ ПЕРВОЕ ВРЕМЯ ЕГО АВТОРСТВА.

1. Изъ «Цвѣтка на гробъ моего Агатона» (*Аглая*, ч. I, стр. 14):

«Наконецъ я возвратился — (тотъ же, каковъ поѣхалъ; только съ нѣкоторыми новыми опытами, съ нѣкоторыми новыми знаніями, съ живѣйшею способностію чувствовать красоты физическаго и моральнаго міра)—спѣшилъ обнять повѣреннаго души моей; воображалъ его пріятное удивленіе, его радость.... но сердце мое замерло, когда я увидѣлъ Агатона. Долговременная болѣзнь напечатлѣла знаки изнеможенія на блѣдномъ лицѣ его; въ тусклыхъ взорахъ изображалось тѣлесное и душевное разслабленіе; огонь жизни простылъ въ его сердцѣ, томномъ и мрачномъ. Едва могъ онъ обрадоваться моему пріѣзду, едва могъ пожать руку мою; едва слабая, невольная улыбка блеснула на лицѣ его, подобно осеннему солнцу, которое въ лучезарномъ сіяніи на минуту является и въ облакахъ исчезаетъ».

«Жаловаться ли намъ на участь бѣднаго, слабаго человѣчества?— Увы! что есть мудрость мудраго, когда паденіе соломенки можетъ разрушить ее; когда болѣзнь тѣлесная затемняетъ свѣтъ его разума, и покрываетъ густымъ мракомъ нечувствительности такую душу, въ которой вся Природа какъ въ чистомъ ручейкѣ созерцалась!—Горестная мысль! горестный опытъ!»

2. Изъ статьи «Нѣчто о наукахъ, искусствахъ и просвѣщеніи» (*Аглая*, ч. I, стр. 63—65)[1]:

«Заблужденія въ наукахъ суть, такъ сказать, чуждые наросты, и рано или поздно исчезнутъ. Они подобны тѣмъ волнистымъ облакамъ, которыя въ часъ утра показываются на востокѣ, и бываютъ предтечами златаго солнца. Изъ темной сѣни невѣжества должно идти къ свѣтозар-

[1] Здѣсь, какъ и во всей этой статьѣ, ссылки на *Аглаю* по 2-му ея изданію, 1796 года.

ной истинѣ сумрачнымъ путемъ сомнѣнія, чаянія и заблужденія; но мы придемъ къ прелестной богинѣ, придемъ, не смотря на всѣ препоны, и въ ея эфирныхъ объятіяхъ вкусимъ небесное блаженство.... Правда, что земледѣліе и скотоводство всего нужнѣе для нашего существованія; но можемъ ли занять оными всѣ часы свои? Что станемъ мы дѣлать въ тѣ мрачные дни, когда вся Природа сѣтуетъ и облекается въ трауръ; когда сѣверные вѣтры обнажаютъ рощи, пушистые снѣга усыпаютъ желѣзную землю, и дыханіе хлада замыкаетъ двери жилищъ нашихъ; когда земледѣлецъ и пастухъ со вздохомъ оставляютъ поля, и заключаются въ своихъ жилищахъ?»

3. Изъ перевода рѣчи Порталиса въ *Вѣстникѣ Европы* (1802, февраль, стр. 70):

«Правда, что для государствъ бываютъ нѣкоторыя рѣшительныя эпохи, въ которыя отъ чрезвычайныхъ случаевъ перемѣняется ихъ свойство, подобно какъ темпераментъ въ человѣкѣ. Тогда нужно и необходимо вводить новое; тогда народъ, подъ вліяніемъ щастливаго Генія, можетъ уничтожить разныя злоупотребленія и воспріять нѣкоторымъ образомъ новую жизнь. Но и тогда сей народъ, естьли онъ уже давно существуетъ и давно занимаетъ мѣсто между первыми націями, долженъ поступать осторожно, и возвышаясь съ пылкостью новаго народа, сохранять всю зрѣлость древняго. Въ дикой землѣ можно всячески дѣйствовать остріемъ косы; но земля обработанная требуетъ вниманія: надобно скосить однѣ вредныя травы».

ОБЛАСТНЫЕ СЛОВАРИ.

Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ издало въ 1852 году «Опытъ Областнаго Великорусскаго Словаря»; получивъ потомъ новые матеріалы того же рода, оно признало полезнымъ сдѣлать и ихъ доступными публикѣ. Трудами покойнаго А. Х. Востокова напечатанъ въ 1858 г. дополнительный томъ Областного Словаря. «Опытъ» встрѣченъ былъ съ полнымъ сочувствіемъ филологами и вообще людьми, понимающими важность подобныхъ предпріятій не только для разработки языка, но и въ этнографическомъ отношеніи. Такъ какъ однакожъ это было у насъ дѣломъ еще совершенно новымъ, то не удивительно, что польза его не тотчасъ была всѣми оцѣнена. Желая содѣйствовать къ правильному обсужденію предмета, я намѣренъ указать на то, что́ сдѣлано въ этомъ отношеніи у Нѣмцевъ, и примѣнить эти указанія къ оцѣнкѣ важности русскаго Областного Словаря.

Германская литература представляетъ изумительное богатство пособій для изученія областныхъ нарѣчій нѣмецкаго языка. Въ 1854 г. напечатана въ Галле книжечка: «Die Litteratur der Deutschen Mundarten» (Литература нѣмецкихъ нарѣчій)[1]. Это систематическій каталогъ всѣхъ сочиненій, относящихся къ означенному въ заглавіи предмету. Число ихъ простирается тутъ до

[1] Ein bibliographischer Versuch von Paul Trömel. Aus Petzoldt's Anzeiger für Bibliographie und Bibliothekwissenschaft, besonders abgedruckt Halle, 1854. Само собою разумѣется, что съ тѣхъ поръ литература этого предмета еще значительно обогатилась; въ Германіи ежегодно появляются новые словари мѣстныхъ нарѣчій. Изъ числа вышедшихъ послѣ изданія названнаго указателя замѣтимъ: 1) Ostfriesisches Wörterbuch, von C. H. Stürenburg (Aurich, 1857); 2) Wb. der niedersächsischen Mundart der Fürstenth. Göttingen u. Gruben-

446. Сюда входятъ конечно не только словари, грамматики и другіе филологическіе труды, но также сборники народныхъ пѣсенъ и всякія вообще сочиненія на провинціальныхъ діалектахъ. Послѣ исчисленія трудовъ, гдѣ разсматриваются вообще нарѣчія, германскія, обзоръ раздѣленъ на 3 большіе отдѣла по тремъ главнымъ отраслямъ нѣмецкаго языка: южной, средней и сѣверной. Потомъ въ каждой отрасли идутъ одно за другимъ мѣстныя нарѣчія, напримѣръ: аллеманское, швабское, нижне-лотарингское, вестфальское и т. д., всего 44 нарѣчія; изъ нихъ нѣкоторыя опять подраздѣляются на болѣе спеціальныя отличія. Наконецъ, въ заключеніи, помѣщены еще нарѣчія нѣмецкаго языка, употребляемыя въ Венгріи, Трансильваніи и въ нашихъ Остзейскихъ губерніяхъ. Самые первые опыты, въ которыхъ обнаруживается пробудившееся вниманіе къ различію германскихъ нарѣчій, отмѣчены первыми годами 16-го столѣтія и относятся къ нижне-саксонскому діалекту (plattdeutsch), какъ составляющему противоположность такъ называемаго верхне-нѣмецкаго языка (hochdeutsch). Но только около средины прошлаго вѣка труды подобнаго рода начинаютъ являться чаще, а еще многочисленнѣе становятся они съ 1770-хъ годовъ. Съ наступленіемъ нынѣшняго столѣтія эта отрасль филологической литературы болѣе и болѣе развивается.

---

hagen, von G. Schambach (Hannover, 1858); 3) Wb. der Altmärkisch-plattdeutschen Mundart, von J. F. Danneil (Salzwedel, 1859); 4) Kärntisches Wb., von V. M. Lexer (Leipzig, 1862); 5) Beiträge zu einem Wb. der Siebenbürgisch-sächsischen Mundart, von I. K. Schuller (Prag, 1865); 6) Idiotikon von Kurhessen, von A. F. C. Vilmar (Marb. u. Leipzig, 1868); 7) Wb. der Coblenzer Mundart. (Cobl., 1869); 8) Karl Weinholds Beiträge zu einem schlesischen Wb., и 9) W. v. Gutzeits Wörterschatz der deutschen Sprache Livlands. Появившіеся въ 1866 г. труды этого рода исчислены въ Bibliographisehe Uebersicht etc. von K. Bartsch (изъ Pfeiffer's Germania, XII, Wien 1867), гдѣ въ отдѣлѣ VI (Deutsche Mundarten) одни словари занимаютъ №№ 69—84. Указаніемъ этихъ пособій обязанъ я А. А. Шифнеру. Между исчисленными выше словарями особеннаго вниманія заслуживаютъ №№ 2 и 6. Послѣдній составленъ по образцу упоминаемаго ниже въ настоящей статьѣ шмеллерова баварскаго словаря. Въ 1881 году явилась въ Лейпцигѣ книга: Die Leipziger Mundart. Grammatik u. Wbuch der Leipziger Volkssprache, von K. Albert. Mit einem Vorwort von Rud. Hildebrand.

Чтобы ознакомить интересующихся вопросомъ о собираніи областныхъ словъ со взглядомъ германскихъ ученыхъ на этотъ предметъ, я отдѣляю изъ ряда подобныхъ книгъ тѣ, которыхъ составители высказали наиболѣе опредѣлительно свои воззрѣнія, и предлагаю здѣсь въ переводѣ нѣкоторыя изъ ихъ замѣчаній. Начнемъ съ нижне-нѣмецкаго (plattdeutsch) словаря, напечатаннаго 1781 г.[1]. Вотъ что между прочимъ сказано въ предисловіи: «Я не хотѣлъ оставлять безъ вниманія выраженій, формъ и пословицъ, употребляемыхъ простонародьемъ и даже самою грубою черныо. Приличіе не должно изгонять ихъ изъ книги такого рода, если мы желаемъ придать ей нѣкоторую полноту. Чей нѣжный слухъ не въ состояніи выносить ихъ въ общежитіи, тотъ воленъ миновать ихъ съ зажмуренными глазами». Слѣдующее за тѣмъ замѣчаніе показываетъ, какъ умно авторъ смотритъ на географическіе предѣлы языка, который долженъ входить въ составъ словарей этого рода. «Я не ограничивался», говоритъ онъ, «особенностями нижне-нѣмецкаго языка, встрѣчающимися исключительно въ избранныхъ мною мѣстностяхъ (Помераніи и Рюгенѣ). Это, кажется, имѣли въ виду всякій разъ, когда областнымъ словарямъ давали заглавіе: idiotica. Но я еще не знаю ни одного труда, который по справедливости могъ бы такъ называться: немногое, что въ нихъ есть вполнѣ особеннаго, бываетъ всегда перемѣшано съ словами, употребляемыми и въ другихъ мѣстностяхъ. Я старался включить въ свой словарь весь нижне-нѣмецкій языкъ, но только въ томъ видѣ, въ какомъ онъ употребляетя у насъ въ Помераніи и на о. Рюгенѣ, не разбирая, чтó въ немъ есть согласнаго или несогласнаго съ языкомъ нашихъ сосѣдей. Наши идіотизмы легко замѣтитъ всякій, кто въ нихъ имѣетъ надобность; а чтó употребительно въ другихъ мѣстахъ, намъ же чуждо, того и искать здѣсь не слѣдуетъ».

Въ 1800 году Шютце сталъ издавать въ Гамбургѣ голштин-

---

[1] J. K. Dähnert. Platt-Deutsches Wb. nach der alten u. neuen Pommerschen u. Rügischen Mundart. Stralsund.

скій «Idiotikon»[1] или, какъ онъ прибавляетъ въ заглавіи, матеріалы для исторіи народныхъ нравовъ. Заглавіе это въ самомъ дѣлѣ оправдывается множествомъ помѣщенныхъ въ словарѣ поговорокъ, пословицъ, народныхъ стиховъ и объясненій обычаевъ, нравовъ, игръ и праздниковъ голштинскихъ. Такой важный трудъ долженъ былъ получить довольно обширный объемъ и составилъ постепенно четыре тома. Авторъ въ своемъ вступленіи самъ говоритъ, что «въ этомъ дѣлѣ никто прежде него не поставлялъ себѣ цѣли такъ серьезно», хотя и увѣренъ, что «послѣ него многіе конечно будутъ ставить ее столь же серьезно и еще лучше».

«Виландъ говоритъ: ‹Духъ націи всего живѣе отражается въ ея языкѣ: эта лучшая ея характеристика. Французскому можно позавидовать въ томъ, что онъ такъ богатъ подслащающими и прикрывающими оборотами, которые приходятъ на помощь страждущему тщеславію и набрасываютъ легкую тѣнь на предметы, для которыхъ полный свѣтъ былъ бы неблагопріятенъ›. Нижненѣмецкій языкъ поступаетъ совершенно наоборотъ. Онъ не прикрываетъ, но подслащаетъ, а обыкновенно называетъ всякую вещь настоящимъ ея именемъ. Должно ли это уменьшать для насъ цѣну его? Чтобы глубже проникнуть въ оригинальный характеръ этого языка (говорю это для тѣхъ, которые меня спрашивали: зачѣмъ я мараю себя обращеніемъ съ такимъ грязнымъ языкомъ), я старался различать и разработывать двоякій голштинскій языкъ. Одинъ называется простонароднымъ, потому что на немъ говоритъ низшее сословіе, стараясь по-своему украшать и обогащать его. Другой употребляется образованнымъ городскимъ обществомъ въ дружескихъ сношеніяхъ, конечно съ приличіемъ, но къ сожалѣнію не съ надлежащею правильностію и чистотою. Чтобы яснѣе показать духъ народа въ языкѣ его, я не хотѣлъ стѣснять правъ ни той, ни другой рѣчи и не могъ уступить убѣжденіямъ тѣхъ, которые умильно просили меня обращаться съ ребенкомъ опрятно и особенно соблюдать строгую

---

[1] J. F. Schütze. Holsteinsches Idiotikon (1800—1806).

разборчивость при сообщеніи народныхъ поговорокъ, присловій и пѣсенъ, потому-де, что нѣкоторыя изъ нихъ какъ ни остроумны, но могутъ оскорбить чувство читателя. Однакожъ, такъ какъ, къ сожалѣнію, богатство и грязь въ физическомъ и въ нравственномъ быту человѣка бываютъ въ тѣсной связи между собой, и большая часть простонародныхъ реченій и оборотовъ именно и составляетъ богатство голштинскаго нарѣчія, то я долженъ былъ послѣдовать мнѣнію, которое со мной раздѣляютъ многіе достойные и свѣдущіе сотрудники мои, признавшіе такую осторожность и чопорность неумѣстными. Sit venia linguae! naturalia non sunt turpia! Для чистыхъ все чисто! Этого, надѣюсь, достаточно въ оправданіе богатства и непринужденности языка, который въ этомъ отношеніи конечно совершенно противоположенъ французскому».

Составитель геннебергскаго идіотикона[1] въ предисловіи ко 2-й части этого сборника такъ выражаетъ нѣкоторыя изъ правилъ, принятыхъ имъ въ руководство:

«Я уже въ 1-й части замѣтилъ, что слишкомъ мѣстные идіотизмы подозрительны, хотя бы они были придуманы фамиліями, имѣющими большой вѣсъ, и распространялись ихъ приверженцами. Напротивъ, такіе, которые слышатся во многихъ областяхъ — если притомъ они германскаго происхожденія — носятъ на себѣ отпечатокъ истинной національности и прививаются къ языку. Но если они — мѣстные въ томъ смыслѣ, что указываютъ на какую-нибудь географическую или историческую черту края, то они драгоцѣнны для науки, какъ памятники и свидѣтельства. — Еще я долженъ оправдаться въ томъ, что привелъ нѣкоторыя дѣтскія слова, особенно же такія, которыми кличутъ животныхъ. Пусть они до времени остаются на своемъ мѣстѣ: можетъ-быть, между ними есть первобытныя названія, восходящія далеко за начало нашего лѣтосчисленія, какъ напримѣръ Äte (у Ульфилы Atta)

---

[1] W. F. Hm. Reinwald. Hennebergisches Idiotikon, mit etymol. Anmerkgen. 2 Thle. Berl. u. Stettin. 1793. 1801.

отецъ, husj и wiberle, употребляемыя для скликанія гусей и изъ которыхъ первое—славянское, а другое—нѣмецкое слово. Напротивъ того, я исключилъ съ намѣреніемъ множество ругательныхъ словъ и синонимы выраженій, означающихъ побои».

Въ «Опытѣ швейцарскаго идіотикона[1], перемѣшаннаго этимологическими замѣчаніями» (1812, ч. I, предисловіе), находимъ слѣдующія интересныя для насъ поясненія:

«Пусть швейцарскій идіотиконъ выставляетъ наружу разные грамматическіе грѣхи, разныя варварскія отступленія отъ чистоты языка: тѣмъ не менѣе нѣмецкіе филологи найдутъ здѣсь богатую сокровищницу годныхъ словъ для означенія понятій, не имѣющихъ въ общеупотребительномъ языкѣ соотвѣтственныхъ выраженій; они найдутъ здѣсь чисто-нѣмецкія реченія въ почтенной прадѣдовской одеждѣ, затерянные корни, кроющіеся въ вѣковыхъ родникахъ языка, и особенно обиліе звукоподражательныхъ словъ.

«Подъ швейцарскимъ идіотизмомъ я разумѣю: а) всякое въ народномъ языкѣ еще теперь живущее слово, которое въ языкѣ письменномъ или вовсе не находится, или и есть, но не въ полной силѣ, и б) всякое даже въ общемъ нѣмецкомъ языкѣ принятое слово, какъ скоро оно имѣетъ значеніе, которое въ письменномъ языкѣ либо не было извѣстно, либо затерялось.

«Поэтому мною выпущены: а) всѣ въ мѣстномъ нарѣчіи только искаженныя или испорченныя слова письменной рѣчи, а равно незначительныя отъ нѣмецкаго языка отступленія, напр. Ambeis, Ambeiski вм. Ameise, Birre вм. Birne и т. п.; б) простыя междуметія или и членораздѣльные звуки, выражающіе чувство, такъ какъ они почти одинаковы, и в) сокращенія крестныхъ именъ, употребительныя въ просторѣчіи, напримѣръ Elsi вм. Elisabeth.

«То, что я кое-гдѣ отмѣчалъ о происхожденіи словъ, считалъ

---

[1] Fr. Jos. Stalder. Versuch eines Schweizerischen Idiotikons mit etymol. Bemerkungen untermischt. 2 Bde. Aarau.

я дѣломъ второстепеннымъ, и желаю, чтобы критики такъ же смотрѣли на эти отрывочныя замѣчанія. Никогда бы я не рѣшился предпринять опытъ обще-швейцарскаго идіотикона, если бъ долженъ былъ присоединить къ нему этимологическій глоссарій, или, какъ безсмертный Лейбницъ удачно переводитъ это иностранное выраженіе,—ключъ языка (eine Sprachquelle)».

Употребляемыя въ Баваріи нарѣчія (Mundarten) разсмотрѣны грамматически незабвеннымъ Шмеллеромъ[1], умершимъ въ 1852 году. Вотъ какъ онъ между прочимъ разсуждаетъ:

«Излишне было бы распространяться о важности подобныхъ изслѣдованій и о значеніи народныхъ нарѣчій. Мыслящимъ любителямъ языкознанія я бы ничего новаго не могъ сказать. Тѣхъ же, которые привыкли считать слово и духовную жизнь девяти десятыхъ народа за ничто въ сравненіи съ тѣми же проявленіями въ остальной десятой части его, трудно было бы убѣдить, что свойственный массѣ народа языкъ, переходящій изъ рода въ родъ съ своими измѣненіями, есть фактъ, въ которомъ болѣе нежели въ чемъ-либо другомъ выражается какъ духовная, такъ и физическая жизнь и дѣятельность народа во времени, и что поэтому такіе факты столько же заслуживаютъ быть передаваемы грядущимъ поколѣніямъ для сравненія и поученія, сколько многіе другіе, составляющіе обычный предметъ такъ называемой политической исторіи.

«Для меня народныя нарѣчія передъ письменнымъ языкомъ то же, что богатый рудникъ передъ запасомъ добытаго уже и очищеннаго металла или нетронутый тысячелѣтній лѣсъ передъ такою частью его, которая обращена въ рощу. Если на явленія мѣстныхъ нарѣчій обыкновенно смотрятъ такъ, какъ простолюдинъ Италіи или Греціи смотритъ на окружающіе его повсюду обломки и развалины зданій, т. е. съ жалкою мыслью, какъ бы убрать ихъ или пожалуй употребить съ пользою: то они могутъ

---

[1] J. And. Schmeller. Die Mundarten Bayerns grammatisch dargestellt etc. München 1821.

разсматриваться и иначе, именно съ тѣмъ чувствомъ благоговѣнія, какое пробуждаютъ остатки сѣдой старины, — разумѣется въ томъ, кто понимаетъ ихъ значеніе. Признаюсь, что нѣчто подобное внушило мнѣ любовь къ этому роду изслѣдованій и терпѣніе, безъ котораго они невозможны».

Тотъ же Шмеллеръ позднѣе (1827 — 1837) издалъ Баварскій словарь[1]. Изъ предисловія къ этой превосходной книгѣ выпишу лишь нѣсколько строкъ, многозначительныхъ для сужденія объ однородномъ трудѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности.

«Сборниковъ такого рода никогда нельзя считать конченными; для нихъ много уже сдѣлано, когда имъ положено начало, и дѣлается все возможное, когда работа хоть сколько-нибудь продолжается». Передъ этимъ авторъ говоритъ о несовершенствѣ своего труда и въ подкрѣпленіе такого сознанія предлагаетъ всякому, кто пріобрѣтетъ его книгу, прибавить къ ней нѣсколько бѣлыхъ листовъ и записывать на нихъ всѣ слова, которыя окажутся недостающими или неудовлетворительно занесенными въ словарь, для пополненія и исправленія его при новомъ изданіи. Желаніе это выражаетъ онъ особенно относительно тѣхъ экземпляровъ, которые будутъ находиться для общаго употребленія въ публичныхъ библіотекахъ, присутственныхъ мѣстахъ и канцеляріяхъ.

Швабскій словарь Шмида (1831)[2] снабженъ этимологическими и историческими примѣчаніями. Авторъ, какъ самъ онъ высказываетъ, старался стать въ уровень съ современнымъ состояніемъ филологіи и прибавляетъ, что онъ счелъ бы потеряннымъ время, употребленное на этотъ трудъ, если бъ тутъ не было ни-

---

[1] Шмеллеръ, котораго высоко цѣнилъ Яковъ Гриммъ, и послѣ того усердно продолжалъ собирать мѣстныя слова, дополнялъ и исправлялъ свой трудъ. Накопившіеся такимъ образомъ рукописные матеріалы доставили г. Фромману, по смерти Шмеллера, возможность предпринять новое, значительно распространенное изданіе его словаря, которое уже и начало появляться въ 1869 году (Bayrisches Wörterbuch).

[2] J. Cp. Schmid. Schwäb. Wb. mit etymol. u. histor. Anmerkg. (2-е изд. Stuttg. 1849).

чего кромѣ собранія словъ въ алфавитномъ порядкѣ, хотя и тогда, конечно — замѣчаетъ онъ — словарь не былъ бы безполезенъ. Здѣсь же кстати привести нѣсколько строкъ изъ книжки, хотя и совсѣмъ другого рода, но по содержанію близкой къ занимающему насъ вопросу: «Der Oldenburger in Sprache und Sprüchwort»[1]. Такова особенно первая глава ея: «Языкъ есть народъ», въ которой находимъ слѣдующее замѣчаніе: «Каждая особенность языка—состоитъ ли она въ необыкновенномъ выговорѣ или удареніи, открываемъ ли ее у цѣлаго народа или у нѣкоторой части его,—не должна казаться намъ одной случайной, смѣшной привычкой или чѣмъ-либо подобнымъ; не надобно никогда забывать, что всякая такая особенность языка находится въ связи съ своеобразною духовною жизнью цѣлаго народа или части его. Случайная особенность, не соотвѣтствуя потребностямъ духа, не могла бы распространиться, или, еслибъ по какой-нибудь модѣ и сдѣлалась до нѣкоторой степени общею, — все-таки была бы вскорѣ оставлена, какъ неловкая и стѣснительная».

Авторъ нижненѣмецкаго словаря, изданнаго 1858 г. въ Ганноверѣ (см. выше на стр. 133), выставляетъ еще новую научную сторону важности подобныхъ трудовъ. «Въ нихъ», говоритъ онъ, «удовлетворяется не одинъ литературный интересъ.... Какъ ни высоко должно цѣнить мѣстныя нарѣчія для болѣе глубокаго изученія всего языка,—они имѣютъ еще высшее значеніе для разнообразнѣйшихъ областей исторіи, особенно же для возникающей только въ наше время культурной исторіи. Для разысканія древнихъ племенныхъ отношеній кроется въ народныхъ нарѣчіяхъ богатѣйшій источникъ, и будущій бытописатель при помощи ихъ можетъ проникнуть въ такую эпоху, которая восходитъ далеко за предѣлы письменныхъ памятниковъ».

Сравнивая всѣ эти выписки, мы находимъ, что нѣмецкіе мыслители, которыхъ труды передъ нами, совершенно согласны между собою въ главномъ, т. е. въ общемъ воззрѣніи на языкъ

[1] Von Dr. J. Goldschmidt. Oldenburg 1847.

народный, на мѣстныя нарѣчія, какъ на драгоцѣнное и существенное, даже необходимое дополненіе къ языку литературному. Только въ подробностяхъ выполненія задачи мнѣнія лексикографовъ нѣсколько расходятся, и именно тутъ можно отличить два главныя направленія: одни вносятъ въ словарь всѣ безъ изъятія слова мѣстнаго нарѣчія, находя, что только въ массѣ всѣхъ разнообразныхъ явленій языка можно видѣть отраженіе народнаго духа; другіе исключаютъ извѣстные разряды словъ, напримѣръ слова ругательныя, или вообще служащія для выраженія слишкомъ низкихъ понятій, междуметія, сокращенныя имена собственныя, звуки, употребляемые для скликанія животныхъ, слова слишкомъ мѣстныя или повидимому недолговѣчныя, также тѣ, которыя въ звукахъ представляютъ только видоизмѣненіе другихъ извѣстныхъ словъ. Сверхъ того одни ограничиваются простымъ объясненіемъ значенія, другіе присоединяютъ къ тому замѣтки о происхожденіи словъ, о мѣстныхъ обычаяхъ, играхъ и пр. Понятно, что такія дополненія могутъ придать словарю много интереса и достоинства; но отсутствіе ихъ не отнимаетъ цѣны у такого труда, въ основаніе котораго положенъ менѣе сложный планъ. А что касается до опущенія разнаго рода словъ, то также ясно, что оно требуетъ большой осторожности, потому что, отбрасывая повидимому только лишнее, легко наложить руку и на такія слова, которыя имѣли бы свою относительную, а иногда и безусловную важность для полноты соображеній изслѣдователя. По этому предмету приведу мнѣніе современнаго скандинавскаго филолога Осена (Aasen), выраженное имъ въ замѣчательномъ словарѣ народнаго норвежскаго языка[1]. Разсуждая объ исключеніи словъ, отличающихся только видоизмѣненіемъ звуковъ, онъ такъ оговаривается:

«Однакожъ часто случается, что слово, которое такимъ образомъ кажется неважнымъ по значенію, бываетъ важно по формѣ.

---

[1] Ordbog over det Norske Folkesprog, af Ivar Aasen. Kristiania 1850. — Въ 1873 году напечатано 2-е, значительно распространенное изданіе этого словаря.

когда имъ поясняется какой-нибудь переходъ звуковъ въ языкѣ или цѣлое семейство словъ. Поэтому надо быть осмотрительнымъ въ такихъ опущеніяхъ: въ отвергнутомъ словѣ можетъ впослѣдствіи оказаться польза, какой въ немъ сперва не подозрѣвали. Въ началѣ моего труда я былъ очень склоненъ къ исключенію подобныхъ словъ, опасаясь, что ихъ наберется слишкомъ большое множество и что они повредятъ достоинству языка. Но по мѣрѣ того, какъ мнѣ становилось яснымъ, что многія слова этого рода имѣютъ глубокое основаніе въ законахъ языка и находятся въ связи съ истинно-древними формами, я все менѣе и менѣе брезгалъ излишними на первый взглядъ словами; итакъ они у меня включены, но съ возможною краткостью въ объясненіяхъ, отчасти съ одною ссылкою на другое болѣе извѣстное слово того же значенія».

Представленныя мною сужденія иностранныхъ лингвистовъ достаточно показываютъ, какъ должно смотрѣть съ точки зрѣнія европейской науки на предпріятіе 2-го Отдѣленія Академіи наукъ собрать всѣ областныя слова великорусскаго языка; слѣдовательно вопросъ только въ томъ, какъ это предпріятіе выполнено? Опытъ Областного Словаря былъ изданъ до моего поступленія въ Академію; я не принадлежалъ къ ней и тогда, когда уже приготовлялись Дополненія къ Опыту: итакъ могу говорить объ этомъ дѣлѣ совершенно безпристрастно. При обширности съ одной стороны плана, обнимающаго всѣ великорусскія нарѣчія, а съ другой — непомѣрнаго пространства, въ предѣлахъ котораго они живутъ въ устахъ народа, Отдѣленію предлежалъ трудъ огромный, возможный только при тѣхъ способахъ, какіе предоставлены были Академіи содѣйствіемъ Министерства народнаго просвѣщенія. Изъ напечатаннаго при Словарѣ указанія источниковъ видно, какое множество лицъ, по большей части училищнаго вѣдомства, занималось на мѣстахъ собираніемъ словъ и слѣдовательно приготовленіемъ матеріаловъ для задуманнаго изданія. При всемъ томъ эти матеріалы не могли быть полны, и Отдѣленіе, какъ показываетъ помѣщенное передъ Словаремъ предисловіе, само ясно

сознавало ихъ недостаточность. Но какимъ правиламъ Отдѣленіе слѣдовало въ подробностяхъ труда своего, объ этомъ, къ сожалѣнію, оно не сочло нужнымъ распростаняться. Изъ его предисловія мы узнаемъ только слѣдующее относительно состава Словаря: «Между областными словами языковъ обыкновенно различаютъ три рода реченій: первый родъ составляютъ слова, уклонившіяся отъ нормальнаго употребленія языка, нерѣдко искаженныя до крайности, или иноземныя слова, заимствованныя отъ сосѣднихъ инородцевъ, частію вѣрно сохранившіяся, частію измѣненныя; ко второму роду относятся слова, нѣкогда принадлежавшія къ общему языку народа и вытѣсненныя изъ него другими, а уцѣлѣвшія въ народѣ вмѣстѣ съ завѣтною прародительскою пѣснью, сказкой, пословицею; третьяго рода слова родились вслѣдствіе понятій, образовавшихся отъ предметовъ окружающей человѣка природы и отъ особенныхъ занятій народа. Издаваемый Словарь содержитъ въ себѣ реченія всѣхъ трехъ родовъ. Такое собраніе безъ сомнѣнія драгоцѣнно; въ немъ даже удержаны слова, обезображенныя мѣстнымъ выговоромъ, тѣмъ не менѣе подтверждающія опредѣленные законы звукосочетанія». — Но употреблены ли въ дѣло всѣ безъ изъятія слова, доставленныя въ Отдѣленіе, или оно пользовалось ими съ нѣкоторыми ограниченіями, и вообще, какими соображеніями оно руководствовалось, поступая такъ, а не иначе, все это вопросы, которые въ предисловіи не разрѣшаются. Впрочемъ многое объясняетъ намъ самый текстъ Словаря. Каждое слово обозначается въ немъ троякимъ образомъ, т. е. мы узнаемъ: 1) его удареніе, 2) его значеніе, нерѣдко подкрѣпляемое фразами, 3) губерніи и иногда уѣзды, гдѣ слово подслушано собирателями. Изъ этихъ трехъ указаній наименѣе удовлетворяетъ насъ послѣднее: намъ важно знать не то, гдѣ слово случайно, такъ сказать, уловлено, а далеко ли употребленіе его распространяется. Конечно, на первый случай необходимо и то неполное указаніе мѣстностей, какое намъ даетъ Словарь, но на это указаніе надобно смотрѣть только какъ на матеріалъ для болѣе точныхъ и полныхъ по этому предмету свѣдѣній

впослѣдствіи. Покуда мы можемъ только, по характеру, образованію или происхожденію слова, догадываться о степени обширности его географическихъ предѣловъ. Въ этомъ отношеніи слова, входящія въ составъ Словаря, раздѣляются повидимому на 3 категоріи: 1) слова, принадлежащія дѣйствительно одной только или нѣсколькимъ мѣстностямъ—слова областныя; 2) слова, употребляемыя великорусскими простолюдинами по всему или почти по всему пространству Россіи — слова народныя, и 3) слова, не чуждыя даже и языку образованныхъ сословій Великороссіянъ — слова общеупотребительныя. Словъ этого послѣдняго разряда въ лексиконѣ конечно не много и Отдѣленіе вносило ихъ, въ видѣ исключенія, только въ такомъ случаѣ, когда они опущены въ академическомъ Словарѣ общеупотребительнаго языка, или хотя и находятся въ немъ, но не во всѣхъ своихъ значеніяхъ объяснены. Поступая такъ, Отдѣленіе безъ сомнѣнія побуждалось тѣмъ соображеніемъ, что всѣ его лексическіе труды составляютъ какъ бы одно цѣлое и должны пополнять другъ друга. Этотъ взглядъ оправдывается практическою его пользою при употребленіи лексикографическихъ изданій Академіи. Сказанное мною до сихъ поръ о разсматриваемомъ Словарѣ приводитъ къ заключенію, что заглавіе его не вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію, и именно въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, это въ собственномъ смыслѣ не областной словарь, а словарь народнаго языка или, еще вѣрнѣе,—въ совокупности, народнаго великорусскаго языка и областныхъ его различій. У насъ на всемъ огромномъ пространствѣ, занимаемомъ Великороссіянами, слышится одинъ и тотъ же народный языкъ[1], и отличія его въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ ограничиваются, вообще говоря, либо оттѣнками выговора, либо частностями въ грамматическомъ и лексическомъ отношеніяхъ. Во-вторыхъ, въ настоящемъ своемъ видѣ это изданіе представляетъ не болѣе какъ *матеріалы* для полнаго словаря такого рода.

[1] Та же мысль высказана Далемъ въ статьѣ, еще неизвѣстной мнѣ въ то время, когда я писалъ эти строки. См. выше, стр. 27 и 28.

Но эти матеріалы такъ драгоцѣнны, что изданіе ихъ всегда будетъ составлять эпоху въ исторіи разработки русскаго языка и одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ дѣятельности 2-го Отдѣленія Академіи наукъ. Такое значеніе Опыта Областного Словаря, какъ перваго начинанія въ дѣлѣ, которое должно имѣть обширное развитіе въ будущемъ, — кажется, налагало на Отдѣленіе обязанность сообщить собранные имъ матеріалы во всей ихъ полнотѣ и цѣлости. Въ виду разнообразнаго примѣненія, какое подобный словарь можетъ имѣть при всякихъ разысканіяхъ надъ языкомъ, еще весьма недостаточно изслѣдованнымъ, не должно было пренебрегать никакимъ словомъ, никакимъ измѣненіемъ звуковъ или ударенія въ словахъ уже извѣстныхъ, ничѣмъ, что̀ можетъ послужить сколько-нибудь полезнымъ указаніемъ наблюдателю, желающему изучить современный намъ языкъ во всѣхъ его явленіяхъ. Повидимому Отдѣленіе такъ и поступило. Если при этомъ въ словарь вошли кое-какія невѣрности или излишества, то съ ними легче примириться, нежели съ невознаградимыми пропусками и недомолвками, которые были бы неизбѣжны при большей заботливости объ очищеніи словаря отъ словъ сомнительныхъ. Слова, которыя впослѣдствіи окажутся невѣрно записанными или излишними, легко могутъ быть исправлены или отброшены: для пріобрѣтенія болѣе дѣятельной помощи въ этомъ отношеніи, а также для постояннаго пополненія словаря, надлежало, кажется, разослать экземпляры его ко всѣмъ мѣстамъ и лицамъ, отъ которыхъ получаемы были матеріалы, — съ просьбою заняться просмотромъ словъ, относящихся къ мѣстности, гдѣ живетъ каждый изъ этихъ сотрудниковъ.

Такимъ образомъ Опытъ Областного Великорусскаго Словаря уже и въ настоящемъ своемъ видѣ представляетъ трудъ чрезвычайно полезный для изученія русскаго языка и народа. Въ краткомъ предисловіи, напечатанномъ при Словарѣ[1], объ этой пользѣ говорится съ замѣчательною сдержанностью и даже какъ

[1] Оно было составлено покойнымъ И. И. Давыдовымъ.

будто безъ полнаго сознанія всей важности труда. Если бъ нужно было точнѣе опредѣлить услуги, обѣщаемыя подобнымъ словаремъ, то можно бы обозначить ихъ слѣдующимъ образомъ:

1) Областныя слова дополняютъ и поясняютъ общеупотребительныя, указывая часто ихъ корень, составъ или первоначальное значеніе. Вотъ нѣсколько тому примѣровъ:

Въ общеупотребительномъ языкѣ часто слышится прилагательное *безалаберный*, но нѣтъ слова, отъ котораго можно бы произвести его; въ нашемъ Областномъ Словарѣ находимъ существительное *алаборъ*, порядокъ, записанное въ Тверской губерніи.

Въ общеупотребительномъ языкѣ не видимъ, откуда взялось имя *оскомина*; въ народномъ же открываемъ глаголы *скомить*— имѣть боль въ какой-либо части тѣла — и *скомлѣ́ть* — страдать объ болѣзни: лошадь скоми́тъ на заднюю ногу, онъ что-то скоми́тъ лѣвой рукой.

Извѣстный глаголъ *угомонить* объясняется областнымъ словомъ *гомонъ* — громкій говоръ, шумъ въ толпѣ людей, крикъ. Въ томъ же смыслѣ слышится мѣстами *гомь*, или *гомъ*, а это — то же самое, что болѣе употребительное слово *гамъ*, отъ котораго въ народномъ языкѣ произведены еще глаголы: *гамить*, *гамѣть* и *гамять*. Переходъ отъ значенія имени *гомонъ* къ значенію общеупотребительнаго глагола *угомонить* объясняется намъ областнымъ безпредложнымъ *гомонить* въ смыслѣ говорить потихоньку, дружески: что вамъ за дѣло? мы гомонимъ про себя, а не про другихъ.

Первоначальное значеніе глагола *страдать* — работать — является еще очевиднѣе въ областномъ языкѣ, нежели въ извѣстныхъ словахъ: *страда* и *страдная* работа. Въ Арх. губ. говорятъ: сей годъ мы рано *пострадали*, вмѣсто: рано кончили работы. Тамъ же имя *страда́ль* означаетъ работника въ полѣ, и такимъ образомъ вполнѣ выясняетъ намъ старинное употребленіе слова *страдалецъ* въ смыслѣ подвижника.

Мы знаемъ слово *опоекъ* только въ значеніи выдѣланной телячьей кожи, но Областной Словарь знакомитъ насъ съ настоя-

щимъ, кореннымъ значеніемъ этого имени — теленокъ (опиваю-щійся молокомъ). Въ Вятской губерніи, гдѣ оно замѣчено, говорятъ *опойчина* вмѣсто телятина.

Въ сѣверной же Россіи сохранилось древнее значеніе имени *стогъ*, т. е. куча вообще, тогда какъ до сихъ поръ это слово было извѣстно намъ только въ своемъ частномъ примѣненіи къ означенію кучи сѣна. Подтвержденіе того, что имя *стогъ* первоначально означало вообще кучу, представляютъ намъ языки германскіе въ своихъ подобозвучныхъ именахъ stock (нѣм.), stack (шв.) и пр.

Происхожденіе имени *рычагъ* ясно видно изъ областной болѣе чистой его формы *ручагъ* (отъ руки). Есть языки, въ которыхъ понятіе рычага выражается, между прочимъ, сложнымъ существительнымъ, первою частію котораго служитъ именно слово *рука* (ср. англ. handspike).

Въ акад. Словарѣ Церковно-Славянскаго и Русскаго языка слово *тло* объяснено такъ: «то же, что *тлѣнъ*; употребляется только въ выраженіи: до тла. Пожаръ истребилъ мой домъ до тла». Это же слово встрѣчаемъ въ Опытѣ Областнаго Словаря съ такимъ объясненіемъ: «Дно въ ульѣ». Дальнѣйшія изслѣдованія, къ которымъ это указаніе приводитъ насъ, при помощи другихъ славянскихъ нарѣчій, убѣждаютъ, что *тло* не имѣетъ ничего общаго съ *тлѣномъ*, а значитъ и въ приведенномъ выраженіи: *дно*, *земля:* домъ сгорѣлъ до тла, значитъ — до самаго основанія, до поверхности земли[1].

Приведенныхъ примѣровъ уже достаточно, чтобы доказать, какое обильное средство для полнѣйшаго пониманія общеупотребительнаго языка представляютъ слова областныя.

2) Посредствомъ областныхъ словъ объясняются также многія имена собственныя, которыя вслѣдствіе того иногда оказываются нарицательными или по крайней мѣрѣ имѣющими корень

[1] Ср. выше стр. 39.

въ языкѣ. Такъ въ именахъ *Ильмень*, *Ряса*, *Соловки* открывается опредѣленное значеніе: *ильмень* есть озеро, поросшее камышомъ; *ряса*, названіе многихъ рѣчекъ въ Рязанской губерніи, означаетъ вообще топкое или просто мокрое мѣсто (то же, что Нева, по-фински newo). Слова *соловки* собственно нѣтъ въ Областномъ Словарѣ, но мы находимъ тамъ почти тожественное съ нимъ по своей формѣ и вѣроятно подобозначающее *соловцы*—бѣлые валы на рѣкѣ во время вѣтра. Не называются ли волны на Бѣломъ морѣ въ бурную погоду *соловками* у прибрежныхъ жителей? Любопытно также объясненіе именъ *Кострома*, *Калуга*.

3) Областныя русскія слова дополняютъ и поясняютъ другія славянскія нарѣчія и вообще доставляютъ важный матеріалъ для сравнительной филологіи. Въ общеупотребительномъ языкѣ нѣтъ многихъ корней, которые отыскиваются въ его нарѣчіяхъ. Такъ для выраженія понятія *кусокъ* употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи слово, котораго корень встрѣчается во всѣхъ сѣверныхъ языкахъ, но которое у насъ въ литературномъ нарѣчіи неизвѣстно. Это слово—*ковáлокъ*, находящееся и въ польскомъ языкѣ (kawał, kawałek); — въ исландск. kafli, въ финск. kappale. Подобныя наблюденія иногда могутъ вести къ интереснымъ результатамъ.

4) Областныя нарѣчія служатъ къ поясненію старинныхъ памятниковъ языка, представляя слова, хранящіяся въ этихъ письменныхъ памятникахъ, но исчезнувшія изъ образованной рѣчи: такимъ образомъ живой народный языкъ подтверждаетъ и какъ бы воскрешаетъ ихъ настоящее значеніе. Въ этомъ отношеніи любопытно, напримѣръ, что слово *навье*, которое недавно еще извѣстно было только изъ остатковъ древняго языка, живетъ и нынѣ въ устахъ народа въ нашихъ центральныхъ губерніяхъ: «навье — мертвецъ (Орл.); навій — относящійся къ мертвецу (Кур., Тул.)». Сравненіе же съ чеш. nawiti (утомлять) приводитъ насъ къ заключенію, что эти слова въ этимологическомъ сродствѣ съ нашими *ныть*, *унывать* (слава, слыть). Словá *туга* (то-

ска) и *буесть* (отвага), вслѣдствіе появленія Областного Словаря, должны быть также исключены изъ числа обветшалыхъ, и даже прозваніе перваго великаго князя Московскаго — *калита* употребляется до сихъ поръ, какъ нарицательное имя, въ разныхъ губерніяхъ.

5) Въ областныхъ нарѣчіяхъ можно найти иногда указаніе, что то или другое общеизвѣстное слово искажено употребленіемъ и первоначально имѣло другую болѣе правильную форму. Такъ по значенію, въ которомъ мѣстами употребляется слово *сланецъ* (мелкій кустарникъ, стелющійся по землѣ), становится очевиднымъ, что собственно это слово, извѣстное у насъ въ другомъ смыслѣ, должно писаться *стланецъ* (вмѣсто *постлать* такимъ же образомъ слышится *послать*). А по аналогіи можемъ предположить, что слова *слой* и *слюда* того же происхожденія и по-настоящему также должны бы имѣть форму: *стлой*, *стлюда* (слюда состоитъ изъ тончайшихъ пластинокъ или слоевъ).

6) Находимыя въ Областномъ Словарѣ ударенія, то сходныя съ удареніями общеупотребительныхъ словъ, то отличающіяся отъ нихъ, составляютъ весьма существенное пособіе при изслѣдованіи законовъ просодіи русскаго языка.

7) Областныя нарѣчія могутъ служить къ обогащенію общеупотребительнаго языка, представляя часто матеріалы для удачнаго выраженія такихъ понятій, для которыхъ въ немъ недостаетъ соотвѣтствующихъ словъ. Въ примѣръ подобныхъ случаевъ приведу два слова, означающія довольно обыкновенныя естественныя явленія: *подина* — ледъ, находящійся въ землѣ и тающій позднѣе прочаго, — и *временить* или *времениться* — измѣнять видъ свой вдали, отъ преломленія лучей въ воздухѣ: острова временятъ. Такихъ, не только не излишнихъ, но и необходимыхъ новыхъ реченій для понятій всякаго рода можно отыскать въ Областномъ Словарѣ очень много.

8) Областныя слова, выражая часто черты мѣстной физіономіи края или населенія, представляютъ драгоцѣнныя указанія для изученія нравовъ и обычаевъ народа.

Наконецъ, чтобъ однимъ словомъ опредѣлить всю важность Опыта Областного Словаря, несмотря на его относительное несовершенство, скажемъ, что безъ помощи его не можетъ уже обойтись ни одно изслѣдованіе въ области русскаго языка, сколько-нибудь полное и основательное.

ПО ПОВОДУ НѢМЕЦКОЙ БРОШЮРЫ ПРОФ. КЛАУСА ГРОТА

О МѢСТНЫХЪ НАРѢЧІЯХЪ.

Über Mundarten und mundartige Dichtung. Von Claus Groth. Berlin 1873.

Авторъ, пріобрѣтшій своими стихотвореніями на нижненѣмецкомъ нарѣчіи громкую извѣстность въ цѣлой Германіи (его «Quickborn» имѣлъ нѣсколько изданій), собралъ всѣ свои прежнія статьи по этому вопросу и является въ нихъ горячимъ защитникомъ областныхъ нарѣчій противъ тѣхъ, которые признаютъ за ними слишкомъ мало значенія въ общемъ движеніи литературы. По мнѣнію автора, общеупотребительный письменный языкъ есть не болѣе какъ равнымъ образомъ нарѣчіе, но только искуственное, въ которомъ многія особенныя и истинныя формы языка искажены неумѣстнымъ усердіемъ и произволомъ преобразователей книжной рѣчи. Къ числу ихъ онъ относитъ особенно Опица и Готшеда, и упрекаетъ самого Якова Гримма въ несовершенно правильномъ пониманіи настоящаго отношенія образованнаго письменнаго языка къ мѣстнымъ нарѣчіямъ. Эти нарѣчія, говоритъ авторъ брошюры, вовсе не суть отрасли, постепенно образовавшіяся искаженіемъ изъ одного цѣлаго, а составляютъ скорѣе корни, если смотрѣть на письменный языкъ какъ на стволъ; это естественные притоки, постоянно долженствующіе приносить жизнь и обиліе общеупотребительному языку. Онъ изсякнетъ, если отъ него отрѣзать нарѣчія, доставляющія ему жизненные соки.

Очень любопытны въ разсматриваемой брошюрѣ свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ о развитіи въ послѣднее десятилѣтіе литературы германскихъ нарѣчій, не только сѣверныхъ, давно уже разработываемыхъ, но и южныхъ, пробудившихся къ литературной жизни особенно вслѣдствіе появленія, въ началѣ нынѣшняго вѣка, знаменитаго Гебеля. Его стихотворенія на аллеманскомъ нарѣчіи, извѣстныя отчасти и у насъ по переводамъ Жуковскаго, доказали, что мѣстныя формы языка не могутъ мѣшать распространенію въ образованномъ свѣтѣ произведеній замѣчательнаго таланта. Гебель причисленъ къ общегерманскимъ писателямъ, и стихамъ его даютъ мѣсто въ поэтическихъ сборникахъ на ряду со стихами Гэте и Шиллера.

Такимъ образомъ въ Германіи областныя нарѣчія не только подвергаются изслѣдованію въ ученыхъ трудахъ, которыхъ обиліе было показано мною въ предыдущей статьѣ, но разработываются и въ художественной литературѣ. Если отъ Германіи обратимся къ Россіи, то найдемъ, что у насъ дѣло областныхъ нарѣчій находится совершенно въ другомъ положеніи. На обширной русской равнинѣ такое раздробленіе нарѣчій вовсе невозможно, и литературы на нихъ, за исключеніемъ малороссійскаго языка, мы не знаемъ. Но что касается научнаго изученія нашихъ мѣстныхъ говоровъ, то въ этомъ отношеніи желательно было бы видѣть болѣе дѣятельности. Во-первыхъ, и въ самомъ собираніи словъ и въ повѣркѣ собранныхъ остается еще весьма много сдѣлать; во-вторыхъ, столько же важно было бы изучать наши нарѣчія въ фонетическомъ и грамматическомъ отношеніяхъ. То, что у насъ до сихъ поръ сдѣлано по этому предмету, слишкомъ маловажно. Весьма полезно было бы, если бъ между разсѣянными по нашимъ губерніямъ преподавателями русскаго языка пробудилась охота подмѣчать особенности мѣстныхъ говоровъ, собирать, сличать ихъ и доставлять свои наблюденія Отдѣленію.

СЛОВАРЬ ОБЛАСТНОГО АРХАНГЕЛЬСКАГО НАРѢЧІЯ

въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи. Собралъ на мѣстѣ и составилъ Александръ Подвысоцкій. Рукопись листоваго формата, 559 стр. кромѣ предисловія [1].

Извѣстно, какой важный элементъ въ изученіи родного языка составляютъ мѣстныя нарѣчія. Отдѣленіе русскаго языка и словесности давно сознавало это, какъ доказываетъ изданный имъ въ 1852 году «Опытъ Областного Великорусскаго Словаря». Впрочемъ значеніе мѣстныхъ нарѣчій понимали у насъ еще гораздо ранѣе: свидѣтельство тому мы видимъ въ Трудахъ московскаго Общества любителей Россійской Словесности, гдѣ еще въ началѣ 1820-хъ годовъ печатались списки словъ, собранныхъ въ разныхъ частяхъ Россіи. Къ сожалѣнію, въ 30 лѣтъ, протекшихъ со времени изданія помянутаго словаря, сдѣлано въ этомъ отношеніи очень мало. Единственнымъ трудомъ, существенно обогатившимъ съ тѣхъ поръ нашу лексикографію, является безспорно словарь Даля, хотя и ему однимъ изъ главныхъ источниковъ послужили академическіе словари, и между прочимъ нашъ Областной Словарь. Нападая, иногда очень рѣзко, въ своихъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, на лексикографическіе труды Академіи, Даль черпалъ однакожъ изъ нихъ полною рукою; такъ изъ Областного

---

[1] На основаніи этого разбора г. Подвысоцкому въ 1881 году присуждена Ломоносовская премія. Впослѣдствіи словарь этотъ доставленъ въ академію въ переработанномъ видѣ вдовою составителя, умершаго 22-го февраля 1883 г.

нашего Словаря заимствовано имъ не только большинство находящихся у него провинціальныхъ словъ, но и самые примѣры къ нимъ, равно какъ имъ извлечены изъ большого академическаго словаря всѣ выраженія, служащія подтвержденіемъ старинныхъ словъ. Если кромѣ словаря Даля, мы назовемъ еще Бѣлорусскій словарь Носовича и нѣсколько краткихъ, далеко не полныхъ малорусскихъ глоссаріевъ, то этимъ исчерпается почти вся наша лексикографическая литература за послѣднія три десятилѣтія. Касательно *архангельскаго нарѣчія* напечатано у насъ до сихъ поръ лишь нѣсколько небольшихъ списковъ принадлежащихъ ему словъ. Нѣкоторые изъ этихъ списковъ относятся къ годамъ, предшествовавшимъ изданію нашего Областного Словаря. Такъ въ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1847 годъ (часть неофиціальная) съ № 4-го по 41-й помѣщено составленное Павломъ Кузмищевымъ довольно значительное «Собраніе особенныхъ словъ, употребляемыхъ жителями Архангельской губерніи и мореходами на Бѣломъ морѣ и Сѣверномъ океанѣ». Въ Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества (книга IV, 1850 г. стр. 121—167) мы находимъ весьма дѣльную статью покойнаго А. И. Шренка[1] со спискомъ 374-хъ словъ, подъ заглавіемъ: «Областныя выраженія русскаго языка въ Архангельской губерніи». Въ новѣйшее же время въ «Трудахъ Арханг. Статистическаго Комитета» (кн. I, 1866, стр. 45—49) напечатано небольшое собраніе провинціализмовъ этой губ. и въ особенности Кемскаго уѣзда, доставленное Р. Колповскимъ. Къ списку словъ приложено нѣкоторое число пословицъ и поговорокъ, загадокъ, прибаутокъ и баекъ или колыбельныхъ пѣсенъ (стр. 50—59), сообщенныхъ А. К. Шешенинымъ. Наконецъ, въ Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности (томъ VII) въ 1869 г. напечатаны извѣстнымъ нашимъ ученымъ Н. Я. Данилевскимъ дополненія къ академическому областному словарю, въ которыхъ всего многочисленнѣе слова́, записанныя имъ, по

[1] Брата нашего академика Леопольда Ивановича.

просьбѣ Отдѣленія, во время путешествія по Архангельской губерніи[1].

Нынче представленъ въ Отдѣленіе рукописный «Словарь областного архангельскаго нарѣчія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи», составленный управляющимъ Архангельскою конторою Государственнаго банка Александромъ Осиповичемъ Подвысоцкимъ. Здѣсь количество словъ, занимающихъ 450 страницъ въ листъ, простирается до нѣсколькихъ тысячъ; въ концѣ на 8 страницахъ помѣщено собраніе употребительныхъ въ губерніи загадокъ. Составитель этого труда, уроженецъ Малороссіи, проживш1й 10 лѣтъ безвыѣздно въ Архангельской губерніи и такимъ образомъ обладающій преимуществомъ полнаго практическаго знакомства съ двумя главными нарѣчіями русскаго языка, изучилъ этотъ край въ разныхъ направленіяхъ, бывалъ на Мурманскомъ берегу и даже прошелъ Сѣверный океанъ, отъ Норвежской границы до Новой Земли включительно. Во время своихъ переѣздовъ онъ постоянно записывалъ поражавшія его своими особенностями слова́, обороты, поговорки и т. п., и такимъ-то образомъ составился находящійся нынѣ въ рукахъ нашихъ словарь.—Собранныя г. Подвысоцкимъ народныя изреченія, пословицы, загадки и пр. послужили ему примѣрами для подкрѣпленія расположенныхъ въ азбу́чномъ порядкѣ свовъ. Кромѣ того онъ пользовался въ этомъ случаѣ академическимъ Областнымъ Словаремъ и Толковымъ Словаремъ Даля, насколько они представляли подходящихъ къ спеціальной цѣли его матеріаловъ, и вдобавокъ отмѣтилъ соотвѣтственными объясненіями тѣ изъ словъ архангельскаго нарѣчія, которыя въ томъ же видѣ и значеніи встрѣчаются также въ польскомъ языкѣ и малорусскомъ нарѣчіи. Но особенный интересъ его труду придаютъ помѣщенныя при множествѣ словъ бытовыя подробности по разнымъ отраслямъ

[1] Не упоминаю о спискѣ словъ, собранныхъ въ Вологодской губерніи Суровцовымъ и Фортунатовымъ и помѣщенныхъ въ Трудахъ моск. Общества люб. р. слов., такъ какъ между говорами употребительными въ двухъ сосѣднихъ губерніяхъ, при многихъ сходныхъ провинціализмахъ, могутъ быть и значительныя различія

народной жизни.—Намѣреваясь представить нѣсколько образчиковъ содержанія словаря въ этомъ отношеніи, займемся напередъ вопросомъ о степени полноты его.

Уже и самое поверхностное сличеніе этого труда съ тѣми списками словъ архангельскаго нарѣчія, которые выше мною исчислены, показываетъ, что они по количеству содержащихся въ нихъ словъ не могутъ даже и итти въ сравненіе съ словаремъ г. *Подвысоцкаго*. Но затѣмъ можетъ оставаться сомнѣніе, не заключаютъ ли они въ себѣ такихъ словъ или поясненій къ нимъ, которыхъ нѣтъ въ настоящей рукописи. Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, я, при разсмотрѣніи словаря г. Подвысоцкаго, безпрестанно обращался то къ тому, то къ другому изъ помянутыхъ списковъ и, наоборотъ, отыскивалъ въ немъ слова, разсѣянныя въ спискахъ, и убѣдился, что за весьма рѣдкими исключеніями онъ соединяетъ въ себѣ не только все, что разбросано въ этихъ спискахъ, но по большей части при тѣхъ же словахъ, которыя помѣщены и въ нихъ, содержитъ поясненія, болѣе обстоятельныя и болѣе полныя. Приведу тому нѣсколько примѣровъ, при чемъ однакоже я долженъ заранѣе сдѣлать оговорку, что разультатъ сравненія никакъ не можетъ служить въ укоръ предшественникамъ г. Подвысоцкаго, такъ какъ они, при собираніи словъ, и не имѣли въ виду того сравнительно обширнаго плана, какимъ онъ задался, записывая слова большею частію только случайно и, такъ сказать, мимоходомъ.

О словѣ *пахать*, имѣющемъ въ Архангельской губерніи свое особенное значеніе, на которое уже было обращено вниманіе въ нашемъ Областномъ Словарѣ, у одного изъ прежнихъ собирателей (Ш.) сказано только: «*мести*; такъ *подпахать*, *выпахать* вм. *подмести*, *вымести*, напр. *выпаши дворъ*»; у другого (К.): «кромѣ извѣстной земледѣльческой работы, значитъ еще: мести полы, подметать соръ въ комнатѣ. И съ предлогомъ: *вы*, *под*. *Подпахнуть* полъ въ избѣ. Трубу *пахать*— очищать отъ сора дымовую трубу у печки». Г. Подвысоцкій, не довольствуясь этими поясненіями и примѣрами, приводитъ подъ словомъ *пахать* цѣлый рядъ

фразъ, въ которыхъ выражаются любопытныя народныя примѣты и повѣрья: *соръ при паханьи вынести на улицу—вынести богатство изъ дому* (слѣдуетъ сожигать въ печи); *избу паши, сору на улицу не мечи; послѣ отъѣзда кого-либо изъ домашнихъ не пашутъ три дня полу, а выпашешь—уѣхавшій не воротится; пахать полъ, когда обѣдаютъ — къ убытку; кто не сойдетъ съ мѣста когда пашутъ полъ, и его обметутъ вокругъ, — того будутъ обходить люди; не чисто пашетъ дѣвушка полъ, — мужъ будетъ бѣдный и въ долгахъ; отойдетъ дѣвушка, не окончивъ паханье пола, къ другому дѣлу—мужъ будетъ буйный и натерпится она отъ побоевъ».*

Затѣмъ приведено еще употребленіе того же слова въ выраженіи: «пахать смолу» (производить смолокуренный промыселъ). Это послѣднее употребленіе указано впрочемъ уже и нашимъ Областнымъ Словаремъ, а затѣмъ отмѣчено и Далемъ.

Слово: *дворъ* въ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ объяснено только слѣдующимъ образомъ: «Мѣсто на морѣ, огороженное сѣтями, когда промышляютъ бѣлугъ». У г. Данилевскаго сказано: «то же, что *разъѣздъ:* широкое отверстіе, образуемое большимъ обручемъ или, лучше сказать, передняя часть мережи»... Г. Подвысоцкій соединяетъ оба эти значенія слова въ слѣдующемъ подробномъ толкованіи: «Дворъ: 1) Огороженное сѣтями пространство въ морѣ для ловли бѣлухъ обмётными неводами (составной изъ многихъ сѣтей ставной неводъ). Освѣдомившись о мѣстѣ, гдѣ появились бѣлухи, промышленники отправляются туда съ порядочнымъ числомъ карбасовъ съ неводами, и окружая осторожно, чтобы не спугнуть звѣря, данную мѣстность, обставляютъ ее со всѣхъ сторонъ неводами какъ бы стѣною. Обходить такимъ образомъ мѣстность карбасами и обставлять ее неводами называется: *сдвáривать*, а обходъ—*сдвáриваніе*. Когда начинается сдвариваніе, два среднихъ карбаса,—такъ называемые *корневы́е кáрбасы*, — сблизившись между собою, остаются нѣсколько назади, между тѣмъ какъ остальные карбасы продолжаютъ обходное движеніе, подаваясь справа и слѣва впередъ;

изъ числа ихъ два крайнихъ карбаса, т. е. по одному съ той и съ другой стороны, называются: *клячевые* или *заѣздные карбасы*, и, какъ руководящіе всѣмъ дѣломъ сдвариванія, управляются самыми опытными промышленниками (Кем. Онеж.). 2) Мотня у невода, сажня въ четыре длины, ширины и вышины, для ловли сельдей (Онеж. Кем. Кол.)».

Возьмемъ еще слово *маниха*, которому уже прежними собирателями дано довольно полное опредѣленіе, и посмотримъ, что въ этомъ случаѣ говоритъ отъ себя г. Подвысоцкій. *Маниха*, по объясненію Кузмищева, — «ложный, кратковременный отливъ моря, замѣчаемый на прибрежьяхъ Бѣлаго моря. Около середины прилива вода пріостановится въ своемъ возвышеніи или, какъ говорится, *дрогнетъ* на убыль ненадолго и потомъ опять продолжаетъ приливать до максима».

Г. Данилевскій говоритъ: «явленіе замѣчаемое въ части Бѣлаго моря, прилежащей къ устью Двины: въ половинѣ времени прилива вода останавливается и даже упадаетъ, а потомъ снова продолжаетъ возвышаться». Почти то же самое находимъ въ словарѣ Даля. А. И. Шренкъ для объясненія разсматриваемаго термина пользуется путешествіемъ къ Новой Землѣ нашего маститаго президента, адмирала Литке, и выписываетъ изъ его описанія слѣдующее: «Въ устьяхъ Двины и далѣе отъ оныхъ къ морю... періодическое теченіе показываетъ весьма замѣчательныя явленія. Три часа послѣ начала прилива вода останавливается на одномъ горизонтѣ и потомъ падаетъ на $\frac{1}{2}$ или на 2 дюйма, при чемъ иногда замѣчается въ глубь направленное теченіе. Такое замедленіе прилива продолжается отъ 30 до 45 минутъ и называется *манихою*. Послѣ того приливъ возобновляется, и говорятъ: идетъ *большица*, которая въ 2 или въ $2\frac{1}{2}$ часа, или ровно черезъ 6 часовъ по начатіи прилива, приводитъ полный приливъ». Г. Подвысоцкій съ своей стороны такъ опредѣляетъ *маниху*: «случающаяся на побрежьяхъ Бѣлаго моря неправильность прилива, состоящая въ томъ, что вмѣсто постояннаго въ продолженіе шести часовъ возвышенія воды отъ малой до полной, — воз-

вышеніе это продолжается только около $2^1/_2$ часовъ, послѣ чего, въ продолженіе около часа, вода возвышается чуть замѣтно, или же вовсе не возвышается, а иногда даже понижается вершка на три (это называется: *маниха палая*, — говорятъ въ такомъ случаѣ: *вода дрогнула на убыль*) и затѣмъ снова правильно возвышается до окончанія прилива (это называется: *маниха прибылая*). Въ устьяхъ Сѣверной Двины образуется прибылою манихою на мелкихъ мѣстахъ опасный для судовъ ложный фарватеръ или такъ называемая *заманиха*». Мы видимъ, что наблюдательность нашего лексикографа дала ему возможность сообщить относительно этого явленія нѣсколько любопытныхъ дополнительныхъ подробностей. Но кромѣ того ему извѣстно еще другое значеніе слова *маниха*, ускользнувшее отъ вниманія остальныхъ собирателей: «Глубокое замкнутое съ трехъ сторонъ отмелями мѣсто въ морѣ, откуда зашедшія по невѣдѣнію суда вынуждены направляться обратно». Что касается упоминаемой графомъ Литке *большицы*, то и это слово не пропущено г. Подвысоцкимъ и записано имъ въ своемъ мѣстѣ съ такимъ поясненіемъ: «дѣйствительная, правильная послѣ *манихи* прибылая вода».

Кромѣ сличенія подлежащаго суду нашему словаря съ имѣющимися списками словъ Архангельской губ., я, для повѣрки полноты и точности его, прибѣгалъ къ появившимся въ разное время описаніямъ этого края и упоминаемыя въ нихъ провинціализмы разыскивалъ въ доставленномъ намъ трудѣ. Такъ, много такихъ словъ найдено мною въ IV части «Путешествій» Лепехина, который напр. *маниху* называетъ «малымъ приливомъ и отливомъ» (стр. 35). У него же встрѣтились мнѣ между прочимъ слѣдующія слова, которыя всѣ нашлись и у г. Подвысоцкаго: 1) *алапера*. По объясненію Лепехина это кожица на тѣлѣ бѣлухъ (25). Г. Подвысоцкій опредѣляетъ это слово съ большею точностью. 2) *Бѣлуха* или *бѣлуга*. Лепехинъ подробно описываетъ ловлю этого морского звѣря (22—25). Г. Подвысоцкій правильно приводитъ научный терминъ его (Delphinopterus leucos), но напрасно отожествляетъ его съ морской коровой, видомъ, который, какъ из-

вѣстно давно уже вымеръ, развѣ можетъ-быть названіе его сохранилось въ неточномъ значеніи у промышленниковъ Сѣвернаго Океана. 3) *Весновальный ка́рбасъ*—гребное, парусное судно для весенняго промысла трески и морского звѣря, къ чему г. Подвысоцкій прибавляетъ: «ко дну его придѣлываются, для удобнѣйшаго вытаскиванія на берегъ или на ледъ, два въ видѣ полозьевъ, въ равномъ разстояніи отъ килевой части, бруса, называемые *крень, креня*». 4) *Желѣзныя ворота* — морской заливъ, мѣсто котораго опредѣлительно указано г. Подвысоцкимъ. 5) *Залёжка*—стадо моржей и тюленей, отдыхающихъ на прибрежныхъ льдахъ. Къ этому значенію, сходному съ тѣмъ, какое находимъ у Лепехина, г. Подвысоцкій присоединяетъ еще два: а) мѣсто, гдѣ залегаютъ моржи и тюлени; б) засада, гдѣ охотники подстерегаютъ дикихъ оленей или другую дичь. 6) *Клетчина*. Лепехинъ говоритъ (стр. 5): «Поморки довольно искусны въ тканіи узорныхъ скатертей и салфетокъ, что́ все они подъ именемъ *клетчины* продаютъ въ городѣ Архангельскомъ и весною съ своимъ издѣльемъ ходятъ по городу стадами». У г. Подвысоцкаго находимъ такое же объясненіе этого слова. Такимъ же образомъ, согласно съ ученымъ путешественникомъ, хотя совершенно самостоятельно и иногда подробнѣе, объяснены у г. Подвысоцкаго слова: *котляна* (артель промышленниковъ), *корешки* (корюхи), *кутило* (острога для битья морскаго звѣря), *покрученикъ* (работникъ, нанятый изъ условленнаго пая на промысловое судно), *рявца* (порода рыбы) и мн. др. Нѣсколько разъ употреблено Лепехинымъ слово *юрка*, но для читателя остается не совсѣмъ яснымъ его значеніе: «случается» говоритъ онъ (12), «что на одномъ торосѣ (льдинѣ) столько звѣрей побиваютъ, что одинъ карбасъ всего юрка́ къ берегу притащить не можетъ» или далѣе: «всѣ промышленныя суда съ своими *юрками* выгребаютъ къ берегамъ». У г. Подвысоцкаго читаемъ: «*юрокъ, вьюрокъ, юрка* — связка сырыхъ шкуръ морскихъ звѣрей, нанизанныхъ на веревку или ремень изъ моржовой кожи; въ такомъ видѣ шкуры эти тянутъ по льду до берега или же буксируютъ по водѣ, привязавъ къ прикрѣпляемой у кормовой части

судна *стягъ*». Шренкъ даетъ слову *юрокъ* болѣе обширное значеніе: по его толкованію, это — «извѣстное количество вмѣстѣ собранныхъ однородныхъ предметовъ, напр. юрокъ оленей, юрокъ звѣриныхъ кожъ, юрокъ вицей (прутьевъ)». Замѣтимъ при этомъ случаѣ, что изъ прежнихъ собирателей словъ Архангельской губерніи покойный Шренкъ даетъ наиболѣе полныя и обстоятельныя объясненія.

Недостаетъ у г. Подвысоцкаго слѣдующихъ трехъ словъ, приводимыхъ Лепехинымъ: *щапъ*, *смольё* и *пѣкъ* (*Путеш. IV*, стр. 435, 440 и 450). *Щапъ* — это, по словамъ ученаго путешественника, топорная засѣчка, наискось въ дерево углубляемая; *смолье* — расколотыя и расщепленныя при смолокуреніи полѣнья, наконецъ *пѣкъ* есть очевидно нѣсколько измѣненное нѣмецкое Pech и означаетъ такую смолу, которая кипяченіемъ совершенно освобождена отъ всякой влажности.

Рядомъ съ *Путешествіемъ* Лепехина, я, для повѣрки словаря г. Подвысоцкаго, пользовался: 1) Появившимся въ 1828 г. *Четырехкратнымъ путешествіемъ* флота капитанъ-лейтенанта Ѳ. Литке въ Сѣверный Ледовитый океанъ, 2) *Очерками Архангельской губерніи*, сочиненіемъ молодого, весьма даровитаго, но къ сожалѣнію рано умершаго литератора Верещагина, изданнымъ въ 1849 году, и 3) книгою г. Максимова: *Годъ на Сѣверѣ*. И результатъ моихъ сличеній былъ тотъ же. Примѣръ изъ Путешествія графа Литке былъ уже приведенъ выше. Укажу здѣсь на 2-3 слова, встрѣчающіяся въ остальныхъ двухъ сочиненіяхъ. Верещагинъ, исчисляя разныя роды судовъ, употребительныхъ на Поморьѣ, упоминаетъ, послѣ извѣстныхъ шнякъ, *раньшины*, легкія палубныя суда съ двумя мачтами. «Имя свое, прибавляетъ онъ, получили онѣ отъ того, что на нихъ раньше всѣхъ прочихъ судовъ промышленники привозятъ рыбу для продажи». Г. Подвысоцкій даетъ этому слову формы: *раньшина* и *раньщина* съ такимъ болѣе обстоятельнымъ объясненіемъ: «Небольшое въ родѣ шняки мореходное судно съ возвышенными бортами, иногда съ навѣсомъ посрединѣ и съ двумя мачтами. Называется такъ

оттого, что ходитъ на промыслъ раннею весною и ранѣе другихъ судовъ возвращается съ промысла. На нихъ же привозятъ въ Архангельскъ первую весенняго укола свѣжепросольную треску. Рабочій на раньшинѣ называется *раньшикъ, раньщикъ*».

Г. Максимовъ (стр. 405 и 406) въ разсказѣ о дружелюбныхъ сношеніяхъ Лопарей съ Русскими, говоритъ между прочимъ: «патріархально гостепріимный въ своей вѣрѣ Лопарь любитъ заводить (съ Русскими) тѣсную дружбу, родъ братства, однимъ словомъ, любитъ блюсти вѣковой обычай *«крестованья»* и предлагаетъ знакомцу-помору *«покрестоваться»*, то есть обмѣняться крестами, сдѣлаться крестовыми братьями». Этотъ обычай упомянутъ и г. Подвысоцкимъ при словѣ *крестованье*. Отъ него мы узнаемъ сверхъ того, что *крестовымъ братомъ* или *крестовушкой* называется также мужчина, имѣющій однихъ и тѣхъ же съ кѣмъ-либо воспріемниковъ. Часть этихъ поясненій находимъ уже и въ нашемъ Областномъ Словарѣ. Даль прибавляетъ: «Если у заболѣвшаго на ходу бурлака есть на судѣ крестовый братъ, то этотъ покидаетъ судно, лишаясь заработковъ покол ѣ не пристроитъ брата», при чемъ однакожъ не объяснено, къ какой мѣстности относится это замѣчаніе: можетъ-быть тотъ же обычай встрѣчается не въ одной Архангельской губерніи.

Изъ сдѣланныхъ сличеній мы убѣждаемся, что словарь г. Подвысоцкаго относительно полонъ и въ такъ называемой номенклатурѣ, и въ сообщаемыхъ имъ объясненіяхъ словъ. Употребляю выраженіе *относительно*, потому, во 1-хъ, что совершенной полноты трудно и едва ли возможно достигнуть въ такомъ дѣлѣ даже соединенными силами многихъ, а тѣмъ болѣе трудомъ одного лица, а во 2-хъ, что дѣйствительно, уже и въ находящихся передъ нами спискахъ словъ Архангельской губерніи есть нѣсколько такихъ реченій, которыя не вошли въ разбираемый словарь, напр. въ немъ пропущено слово *теленокъ*, означающее оленя на 1-мъ году. Это оказывается изъ слѣдующаго замѣчанія Верещагина (65): «олени отъ своего рожденія до 5-ти лѣтъ имѣютъ особенныя названія; именно: на 1-мъ году олень

называется *теленкомъ*, на 2-мъ самецъ — *уракомъ*, самка — *вонделкою;* на 3-мъ самецъ — *убарсомъ*, самка — *вонделваженкою;* на 4-мъ самецъ — *кундусомъ*, самка — *важенкою*, и это имя остается ей на всегда; самецъ же съ 5-го года носитъ названіе *быка*». Всѣ эти термины, кромѣ перваго и пятаго, показаны въ томъ же значеніи и г. Подвысоцкимъ. Мы узнаемъ у него вдобавокъ, что *важенкою* собственно называется телившаяся уже самка, и что для означенія трехлѣтней вполнѣ развившейся самки употребляется еще слово *ярица*. Названія же *вонделваженка* въ словарѣ нѣтъ. За то г. Подвысоцкій прибавляетъ слова: *лбпанка* (такъ называется олень моложе годового возраста) и *хора* — трехлѣтній взрослый самецъ[1].

Пропускъ нѣкотораго количества словъ въ трудѣ г. Подвысоцкаго произошелъ, очевидно, отъ того, что онъ работалъ совершенно одинъ и не имѣлъ въ рукахъ трудовъ своихъ предшественниковъ по собиранію провиніализмовъ Архангельской губерніи. Но этого недостатка нельзя считать особенно важнымъ, такъ какъ при печатаніи словарь легко можетъ быть дополненъ составителемъ по тѣмъ пособіямъ, которыя указаны въ нашемъ разборѣ. За то, съ другой стороны, въ совершенной самостоятельности труда г. Подвысоцкаго нельзя не признать своего рода достоинства: почти весь содержащійся здѣсь богатый матеріалъ собранъ изъ перваго источника, изъ устъ живыхъ людей, и такимъ образомъ можетъ служить незамѣнимымъ матеріаломъ для повѣрки собранныхъ другими, ранѣе г. Подвысоцкаго, словъ и выраженій изъ народнаго быта въ той же губерніи.

Перейдемъ теперь къ той сторонѣ словаря г. Подвысоцкаго, которая заключается въ приведенныхъ имъ подъ множествомъ словъ примѣрахъ и придаетъ его словарю особенную цѣну, дѣлая

---

[1] Обиліемъ названій оленя въ разныхъ возрастахъ особенно отличается списокъ Шренка (стр. 148 и 149). У него также приведено слово *теленокъ;* вм. *убарсъ* пишетъ онъ *уварсъ;* вм. *кундусъ* — *контусъ*. Изъ названій этого разряда, отмѣченныхъ Шренкомъ, у г. Подвысоцкаго недостаетъ только *шаламатъ* — олень на 4-мъ году возраста.

его важнымъ пособіемъ для ближайшаго изученія природы, обычаевъ, нравовъ и повѣрій населенія сѣверной части Европейской Россіи. Въ этомъ отношеніи свѣдѣнія, почерпаемыя изъ словаря г. Подвысоцкаго, могутъ быть распредѣлены по слѣдующимъ группамъ: 1) Естествовѣдѣніе, 2) Бытъ: обычаи, игры, въ особенности свадебные обряды; 3) примѣты, заклинанія, повѣрья; 4) мореплаваніе; 5) охота и рыболовство; 6) земледѣліе. По части быта особенно много свѣдѣній представляютъ слова, касающіяся женитьбы, такъ что по нимъ легко составить довольно полное описаніе относящихся сюда обычаевъ. Остановимся нѣсколько на этомъ предметѣ и выпишемъ для примѣра цѣлый рядъ словъ съ помѣщенными подъ ними объясненіями, чтобы показать, какой богатый матеріалъ для мѣстной этнологіи можно извлечь изъ разсматриваемаго словаря. Подъ выраженіемъ *барина женить* мы узнаемъ, что такъ называется употребительная на вечеринахъ игра съ хоровыми пѣснями, въ которой одинъ изъ парней, при содѣйствіи другихъ участвующихъ, продѣлываетъ всѣ отъ начала сватовства свадебные пріемы. Подъ словомъ *заручение* находимъ слѣдующія подробности: «обрядъ благословенія жениха и невѣсты родителями этой послѣдней при формальномъ изъявленіи согласія на ея замужество; также устраиваемое по этому поводу домашнее празднество. Обыкновенно, когда сватъ является сватать невѣсту и проситъ дать ему приказъ или отказъ, родители невѣсты не даютъ рѣшительнаго отвѣта, а просятъ отсрочки, чтобы поспѣшнымъ отвѣтомъ *не подвести себя подъ сомнѣніе* или не оскорбить жениха, если имѣется въ виду отказъ. Если по собраннымъ свѣдѣніямъ женихъ оказывается подходящимъ, то родители невѣсты извѣщаютъ его о днѣ, въ который онъ можетъ *узнать приказъ*, приглашая въ то же время къ себѣ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, и когда приходитъ женихъ, то, вмѣстѣ съ объявленіемъ согласія, предъявляютъ ему невѣсту (*позволяютъ смотрѣть ее*), при чемъ конечно происходитъ и посильное угощеніе. Этотъ-то домашній обрядъ, празднество, и называется: *заручёнье*, также: *рукобитье*, *пропой* (говорятъ:

пропиваютъ невѣсту), *смотрины*, *маленькое смотрѣніе*, *смотрѣньице*; просватать же невѣсту называется: *пропи́ть*, *просанда́лить дѣвку*. Обыкновенно женихъ является на смотрины въ сопровожденіи своихъ родственниковъ, предварительно собирающихся въ его домѣ (у Кореловъ въ Кем. у. ихъ сзываютъ ружейными выстрѣлами). Смотрѣніе же невѣсты начинается съ того, что невѣсту, прячущуюся обыкновенно въ такъ называемомъ *бабьемъ углѣ*, выводятъ какъ бы насильно къ жениху, причемъ дѣлаютъ они другъ другу подарки».

«*Заплачка:*—старинный предсвадебный обрядъ, состоящій въ томъ, что невѣста, въ промежутокъ времени между сговоромъ и свадьбой, оплакиваетъ свою судьбу и прощается съ родителями, родственниками и дѣвушками-подругами. Это необходимый обрядъ приличія, и каждая порядочная дѣвушка, хотя бы выходила замужъ вполнѣ добровольно и по горячей любви, непремѣнно должна плакать и даже *биться по модѣ*, такъ чтобы руки и ноги опухли и посинѣли (говорится также: *убиваться*). Это-то дѣйствіе и называется: *заплачка*, также: *плакище*, *голоше́ніе* (говорятъ: *сегодня у невѣсты плакище*, *голошеніе*), такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ невѣста, обращаясь къ отцу, *припла́киваетъ*, *бѣднится*: *отдалъ ты меня*, *батюшка*, *да приневолилъ*,—а отецъ отвѣчаетъ на это: *некуда тебя пасти*, *дитятко*, *съ Богомъ*, *живи хорошенько*».

«*Па́ра:* стариннаго покроя крытая штофомъ шубейка (называемая полушубокъ) съ юбкою къ нему. Одежда эта, вмѣстѣ съ повязкою, надѣвается невѣстою во время *заплачки* и передается выходящею замужъ слѣдующей за нею по лѣтамъ сестрѣ; послѣдняя же выходящая замужъ сестра оставляетъ себѣ ее въ собственность, въ видѣ приданаго. Какъ обычная одежда, *пара* уже вышла изъ употребленія, и дѣвушки надѣваютъ ее иногда только на гуляньяхъ. *Такъ-то ужъ баско, очень басисто какъ наша краля материнску пару надѣла*». Обрядъ, соблюдаемый передъ свадьбой, описанъ подъ словомъ *Гомылька:*—«большой платокъ, даримый женихомъ невѣстѣ передъ отъѣздомъ къ вѣнку.

Когда передъ отъѣздомъ къ вѣнцу, родители благословляютъ невѣсту, женихъ набрасываетъ на нее *гомыльку*, такъ, чтобы лицо было закрыто и въ это время свадебницы поютъ: *пала гомылька на буйную голову, ее вѣтромъ не сдуетъ и частымъ дождемъ не смочитъ.* При входѣ въ церковь сватья снимаетъ гомыльку, а послѣ *окрутки* снова накрываетъ ею невѣсту, которая не открывается и по пріѣздѣ молодыхъ въ домъ жениха,—даже и на свадебномъ обѣдѣ, пока не поставятъ на столъ сладкій пирогъ. Тогда свекровь благословляетъ молодыхъ хлѣбомъ, обращается къ гостямъ съ словами: *свадебники и свадебницы, сусѣди и сусѣдушки, смотрите на мою невѣстушку, какова*, и затѣмъ снимаетъ съ молодой гомыльку. Что слѣдуетъ далѣе, объяснено подъ словомъ *Приводно*: «обрядъ вступленія новобрачной въ домъ мужа послѣ вѣнчанія. Новобрачныхъ встрѣчаютъ родители молодого съ иконою и благословляютъ; потомъ молодой садится, а молодая, у которой лицо закрыто платкомъ, стоитъ передъ нимъ нѣкоторое время, кланяется ему и наконецъ садится рядомъ съ нимъ. Послѣ этого начинается обѣденный столъ (называется приводной столъ), въ продолженіе котораго голова молодой прикрыта платкомъ, а по окончаніи обѣда *вѣжливый*, помахавъ надъ головами новобрачныхъ хлыстомъ, снимаетъ имъ платокъ съ молодой и спрашиваетъ у присутствующихъ: *какова молодая?* на что всѣ отвѣчаютъ одобрительно».

«*Сторожъ* — одно изъ важныхъ должностныхъ лицъ при свадьбѣ, то же что въ другихъ мѣстностяхъ *вѣжливый.* Состоя главнымъ образомъ при женихѣ, онъ распоряжается брачнымъ обиходомъ и поѣздомъ въ видахъ предохраненія жениха и невѣсты отъ порчи: устраиваетъ столъ для брачнаго пира, и при этомъ непремѣнно самъ разстилаетъ скатерть; разсаживаетъ участниковъ пира на надлежащихъ мѣстахъ; рѣжетъ хлѣбъ, благословясь предварительно у хозяина и хозяйки; читаетъ молитву передъ столомъ; распоряжается подачей кушаньевъ, наконецъ отводитъ новобрачныхъ на подклѣтъ къ брачному ложу, при чемъ даетъ имъ напиться вина, пошептавъ предварительно

извѣстныя слова, долженствующія внушить молодымъ страстную на всю жизнь взаимную любовь».

«*Подклѣтъ*—одинъ изъ свадебныхъ обрядовъ, именно встрѣча возвращающихся отъ вѣнца новобрачныхъ родителями жениха съ хлѣбомъ и солью, подъ которыми должны они пройти въ домъ молодого, — а затѣмъ, когда молодые станутъ на своихъ мѣстахъ у свадебнаго стола, отецъ молодого беретъ два калача, обводитъ ими вокругъ головъ новобрачныхъ и открываетъ закрытую до того времени гомылькою новобрачную».

«*Почёстный столъ, почёстье:* 1) обѣденный столъ у жениха послѣ зарученья, 2) обѣденный столъ у новобрачныхъ на другой день послѣ свадьбы, въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ у родителей молодой для родственниковъ молодого».

«*Хлѣбины, Красный столъ*—обѣденный, дня черезъ два или три послѣ свадьбы, столъ у отца невѣсты для новобрачныхъ; послѣ этого стола, молодая получаетъ окончательно приданое отъ своихъ родителей».

Теперь приведемъ нѣсколько примѣровъ объясненій, относящихся къ другимъ сторонамъ народнаго быта.

«*Бородá завить*— окончить полевыя работы по уборкѣ сѣна или хлѣба. *Сѣнная борода завить*—сгрести и поставить въ стоги сѣно. *Хлѣбная борода завить* — сжать и убрать съ поля хлѣбъ. Обыкновенно, во второй половинѣ или въ концѣ августа, для уборки остающагося еще на поляхъ хлѣба, зажиточнѣйшіе крестьяне заколачиваютъ дѣвушекъ, жонокъ и парней на *бороду*, т. е. просятъ дожать общими силами въ одинъ день остающійся на полѣ хлѣбъ или убрать на пóжнѣ сѣно. Такая уборка называется: *борода*, а звать на помочь для уборки—*звать на бороду*. Говорятъ напримѣръ: *у дѣдушки Пантелѣя сегодня борода*, или *бороду завили*, т. е. окончили жатву или уборку сѣна. При окончательномъ дожинѣ хлѣба, оставляютъ на нивѣ кучку стеблей съ колосьями, горсти въ три объемомъ, связываютъ всѣ стебли лентой и срѣзываютъ колосья, а оставшуюся солому разгибаютъ сверху въ стороны и кладутъ туда горсть земли, послѣ чего дѣ-

лается собственно завитіе бороды: дѣвушки, распѣвая веселыя пѣсни, собираютъ на межѣ около поля цвѣты, убираютъ ими оставленную кучку соломы и землю вокругъ нея, и затѣмъ, вмѣстѣ со всѣми участвовавшими въ помочи, идутъ въ домъ хозяина и поздравляютъ его съ окончаніемъ работы, а тотъ предлагаетъ имъ угощеніе, въ заключеніе котораго водятъ хороводы, поютъ пѣсни и играютъ въ разныя игры».

Подъ словомъ *Бѣжня* узнаемъ, что на Сѣверѣ до сихъ поръ употребительна въ народѣ игра, похожая на метаніе дисковъ у древнихъ: «каждый участвующій бросаетъ покатомъ по землѣ деревянный кружокъ, называемый *бѣжня*, и догоняетъ его: кто дальше закатитъ и прежде всѣхъ догонитъ, тотъ выигрываетъ». *Молить вѣтеръ*—суевѣрный обрядъ, соблюдаемый женщинами прибрежныхъ селеній Кемскаго уѣзда по случаю ожидаемаго осенью возвращенія ихъ мужей и родственниковъ съ мурманскихъ промысловъ: вечеромъ выходятъ онѣ всѣмъ селеніемъ *молить вѣтеръ, чтобы* не *серчалъ и давалъ льготу дорогимъ лѣтникамъ;* на слѣдующую же ночь отправляются къ берегу рѣчки или ручья, моютъ котлы, бьютъ полѣномъ флюгеръ (чтобы тянулъ повѣтерье), и при этомъ стараются насчитать трижды девять плѣшивыхъ односельчанъ или иныхъ знакомыхъ, отмѣчая числа ихъ углемъ на лучинахъ съ крестообразною вверху поперечкою; затѣмъ всѣ отправляются съ этими лучинами на задворки, выкрикиваютъ тамъ во все горло: *встокъ да обѣдникъ пора потянуть, западъ да шалоникъ пора покидать, тридевять плѣшей, всѣ сосчитанныя, пересчитанныя, встокова плѣшь напередъ пошла*,—бросаютъ лучинки назадъ себя черезъ голову, обратясь лицомъ къ востоку, и припѣваютъ: *встоку да обѣднику каши наварю и блиновъ напеку, а западу шалонику спину оголю, у встока да обѣдника жена хороша, а у запада шалоника жена померла*. По окончаніи этого припѣва осматриваютъ брошенныя лучины, такъ какъ въ которую сторону легли онѣ крестомъ, съ той стороны будетъ вѣтеръ; если же по которой-нибудь лучинѣ окажется вѣтеръ неблагопріятный, то, посадивъ на щепку тара-

кана, пускаютъ ее на воду, приговаривая: ***поди тараканъ въ воду, подними тараканъ сѣверá***, т. е. сѣверные вѣтры, самые благопріятные для возвращающихся съ Мурманскаго берега».

«*Уличный уставъ.* Въ Архангельской губерніи почти каждый крестьянинъ, независимо отъ фамиліи, подъ которой записанъ въ ревизскихъ сказкахъ, имѣетъ еще такъ называемый уличный уставъ, т. е. прозвище по-уличному, даваемое нерѣдко еще въ ребячествѣ своими собратами, иногда въ насмѣшку, а иногда по какой-нибудь внѣшней особенности. Такія же вторыя, только между крестьянами употребительныя названія имѣютъ, помимо офиціальныхъ, и весьма многія населенныя мѣстности».

Наконецъ остановимся на замѣчательномъ словѣ *выть*, которое обратило на себя вниманіе уже со времени изданія академическаго Областного Словаря, потомъ полнѣе объяснено Далемъ, а теперь въ трудѣ г. Подвысоцкаго является еще въ болѣе точномъ толкованіи и обширнѣйшемъ примѣненіи.

«*Выть.* 1) Старинная земельная мѣра (Обжа).—2) Ѣда, количество употребляемой за разъ ѣды (франц. repas). *Давать одну выть въ день* — кормить по разу въ день. *Заѣлъ три выти* — съѣлъ втрое. *Ѣшь, не ѣшь, а за выть сочтутъ*, т. е. будутъ считать, что ѣлъ. *По три выти за разъ охлестывать. Позолотить выть* — полакомиться чѣмъ-либо послѣ ѣды. *Маловытное содержаніе*, — харчи, недостаточная скудная пища.— 3) Пора ѣды и, въ связи съ этимъ, такъ какъ потребленіе пищи происходитъ въ различные часы дня, извѣстное пространство времени; говорятъ напримѣръ: въ *три выти дрова свозилъ*, т. е. въ періодъ времени, въ продолженіе котораго обыкновенно три раза ѣдятъ; *по зимамъ выти коротки*, т. е. короткіе дни. Крестьяне, смотря по большей или меньшей продолжительности рабочаго дня, ѣдятъ 3—4 раза въ день, или, по туземному выраженію, у нихъ 3—4 выти въ день: 1-я выть — завтракъ, между 4 и 6 часами утра, смотря по досугу и работѣ; 2-я выть — обѣдъ; 3-я выть — между обѣдомъ и ужиномъ; 4-я выть — ужинъ. У промышленниковъ въ морѣ двѣ главныя выти: 1-я, когда придетъ къ обѣднику, т. е.

въ 9 часовъ утра, и 2-я, когда солнце на шалоникѣ, т. е. въ три часа пополудни. *Во втору выть былъ я у ево, а онъ, сказывали въ дому, ужъ со три выти спитъ* (т. е. три четверти дня). Поговорки: *хоть звать не зови, только вытью корми; каковъ у выти, таковъ и у дѣла; съ выти на выть, и не знаемъ какъ быть; для одной выти да руки мыти; за кажду выть да руки мыть.* Въ приглашеніяхъ на угощеніе поморы зовутъ *на выть* (на такую-то), напр., въ случаѣ спуска новопостроеннаго судна, является къ приглашаемому мальчишка-подростокъ и говоритъ: *дядя* (положимъ Пантелей) *на первую выть звалъ тебя на лодейку спущаться, пожалуй-ко.* — 4) Всякіе вообще съѣстные припасы. — 5) Позывъ на ѣду, аппетитъ. *У ево за все больша выть. Коли нѣтъ выти, пущай и не ѣстъ. Заморить выть* — утолить аппетитъ. *Маловытной*, не имѣющій аппетита. *Съ измала онъ у насъ такой маловытной*».

Въ числѣ примѣровъ, приводимыхъ для подтвержденія словъ, въ трудѣ г. Подвысоцкаго разсѣяно множество мѣстныхъ поговорокъ, въ концѣ же помѣщенъ, расположенный въ азбучномъ порядкѣ по первому слову, списокъ загадокъ, употребительныхъ въ Архангельской губерніи.

Къ достоинствамъ словаря г. Подвысоцкаго слѣдуетъ отнести и то, что надъ каждымъ словомъ означено его удареніе, весьма важное руководство для правильнаго воспроизведенія его, и что кромѣ того при каждомъ словѣ показано, въ какихъ именно уѣздахъ губерніи оно слышано. Конечно, словарь еще значительно выигралъ бы въ научномъ отношеніи, если бы составитель при словахъ, заимствованныхъ у инородцевъ (которыхъ, особенно Финновъ, много въ Архангельской губерніи), означалъ какому именно племени они принадлежатъ, но съ другой стороны надо согласиться, что такое дѣло во многихъ случаяхъ представляетъ большія трудности и требуетъ обширныхъ лингвистическихъ познаній, не легко соединимыхъ съ другими условіями, которыя нужны были для доставленія возможности къ появленію такого словаря. Задача, какую предположилъ себѣ составитель, сама по

себѣ удовлетворяетъ весьма важной потребности: именно она состояла въ томъ, чтобы «изъ живого источника собрать матеріалъ областного народнаго языка въ томъ видѣ, какъ онъ живетъ на мѣстѣ и въ связи съ дѣйствующими на говоръ этнографическими условіями». Эта задача выполнена составителемъ вполнѣ успѣшно: мы обязаны ему первымъ въ русской филологической литературѣ цѣлымъ словаремъ значительнаго объема по одному областному нарѣчію. Если бы примѣръ этотъ нашелъ послѣдователей и мало по малу явились такіе же словари и по другимъ мѣстнымъ говорамъ нашего народа, то какимъ богатымъ матеріаломъ могла бы располагать русская филологія! — Дальнѣйшая научная разработка ихъ была бы уже дѣломъ сравнительно легкимъ и не замедлила бы послѣдовать. Поэтому нельзя не цѣнить высоко настоящаго труда, какъ перваго въ своемъ родѣ опыта, могущаго сдѣлаться началомъ весьма желательнаго развитія у насъ діалектологіи, столь богатой у нѣкоторыхъ другихъ народовъ, особенно у Нѣмцевъ и Итальянцевъ. Трудъ г. Подвысоцкаго представляетъ тѣмъ болѣе интереса, что въ немъ разработано нарѣчіе края, бывшаго родиной отца нашей новой художественной литературы, — нарѣчіе, котораго слѣды легко отыскать и въ собственныхъ сочиненіяхъ Ломоносова.

По всѣмъ выставленнымъ здѣсь качествамъ словаря г. Подвысоцкаго, Отдѣленіе русскаго языка и словесности не обинуясь признало его достойнымъ Ломоносовской преміи, которую и присуждаетъ ему тѣмъ съ бóльшимъ удовольствіемъ, что этотъ трудъ конечно заслужилъ бы полное сочувствіе и одобреніе со стороны геніальнаго виновника находящейся въ распоряженіи нашемъ преміи.

КЪ СООБРАЖЕНІЮ

БУДУЩИХЪ СОСТАВИТЕЛЕЙ РУССКАГО СЛОВАРЯ.

I. ШВЕДСКІЙ АКАДЕМИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Въ Швеціи есть нѣсколько академій и ученыхъ обществъ, какъ-то: Академія наукъ, Академія словесности, исторіи и древностей, Академія свободныхъ искуствъ, Академія военныхъ наукъ, Земледѣльческая, Музыкальная, Общество для изданія рукописей относительно скандинавской исторіи — все это въ Стокгольмѣ; кромѣ того Ученое общество въ Упсалѣ, Физіографическое общество въ Лундѣ, Общество наукъ и словесности въ Готенбургѣ, Общество военнаго морскаго искуства въ Карлскронѣ, и множество другихъ частныхъ обществъ для разныхъ спеціально-ученыхъ, педагогическихъ, религіозныхъ, художественныхъ и промышленныхъ цѣлей.

Изъ всѣхъ этихъ академій и ученыхъ обществъ для насъ особенный интересъ представляетъ такъ называемая *Шведская академія*, о дѣятельности которой и считаю нужнымъ сообщить нѣсколько свѣдѣній. Эта академія основана въ 1786 году Густавомъ III. Уже самое названіе ея показываетъ, что по цѣли учрежденія она сходствуетъ съ академіями Французскою и нашею Россійскою, т. е. ей была дана двоякая цѣль или, вѣрнѣе, даны двѣ цѣли, трудно соединимыя въ дѣятельности одного и того же общества: академія обязана заниматься краснорѣчіемъ и поэзіею, воз-

величивая память славныхъ соотечественниковъ, и въ то же время не только заботиться о чистотѣ, силѣ и благородствѣ родного языка, но и составить его словарь и грамматику. Число членовъ должно всегда простираться до 18. Трудность соединить обѣ разнородныя цѣли — причиною, что Шведская академія вынуждена главнымъ образомъ посвящать себя одной изъ нихъ: именно она, и по составу своему съ самаго своего учрежденія, и по духу того времени, и по общественнымъ требованіямъ, поставила себѣ на первомъ планѣ литературную задачу. Она задаетъ художественныя темы, разбираетъ представленныя на судъ ея сочиненія, награждаетъ ихъ преміями, пишетъ похвальныя слова своимъ умершимъ членамъ. Впрочемъ и другая цѣль Шведской академіи, т. е. филологическая, никогда не была вполнѣ выпускаема ею изъ виду: еще въ концѣ прошлаго столѣтія она трудами своихъ членовъ Леопольда и Чельгрена (Kellgren), хотя и поэтовъ по преимуществу, способствовала къ уясненію и упрощенію правилъ правописанія, а въ 1830-хъ годахъ издала грамматику отечественнаго языка. Что касается до словаря, то эта задача находилась въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, и до сихъ поръ остается еще далеко не разрѣшенною; сдѣлано только начало и идутъ подготовительныя работы, хотя стокгольмская академія, учрежденная только тремя годами позже Россійской, существуетъ уже 97 лѣтъ. Своею медлительностью въ этомъ дѣлѣ она вновь доказала, что напрасно, для достиженія окончательнаго совершенства, отлагать выполненіе труда, который и въ менѣе безукоризненномъ видѣ могъ бы удовлетворить первымъ потребностямъ и послужить побужденіемъ къ дѣятельному продолженію дѣла. Въ 1850-хъ годахъ покойный непремѣнный секретарь Шведской академіи баронъ Бесковъ (Beskow) представилъ отчетъ о ходѣ ея словарнаго труда, и здѣсь сообщается въ переводѣ извлеченіе изъ этой любопытной записки.

Баронъ Бесковъ умеръ въ 1868 году, 72-хъ лѣтъ отъ роду. Имя его незабвенно въ исторіи шведской литературы, и особенно академіи. Онъ принадлежалъ этому учрежденію сорокъ лѣтъ, и

изъ этого числа около тридцати пяти былъ непремѣннымъ секретаремъ академіи. По своему независимому положенію, онъ смолоду могъ посвятить себя почти исключительно литературѣ; будучи близокъ къ королевской фамиліи, онъ занималъ придворную должность, а въ 1830-хъ годахъ принялъ-было и мѣсто директора театра, но трудности этого управленія не согласовались ни съ характеромъ, ни съ главными занятіями его, и онъ съ небольшимъ черезъ годъ попросилъ увольненія отъ театра. Авторская дѣятельность Бескова была очень разнообразна; въ молодости онъ не безъ успѣха испытывалъ себя въ разныхъ родахъ поэзіи, но особеннымъ уваженіемъ пользуются его историческія драмы и читанныя имъ въ академіи и внѣ ея, при разныхъ случаяхъ, біографіи знаменитыхъ соотечественниковъ. Позднѣйшая половина его поприща была преимущественно посвящена послѣднему роду сочиненій: онъ написалъ около сорока біографій, отчасти государственныхъ людей, но болѣе писателей и ученыхъ; всѣ онѣ отличаются истиннымъ ораторскимъ талантомъ, большимъ обиліемъ положительныхъ свѣдѣній, вѣрностью оцѣнки всякаго дѣятеля и прекраснымъ языкомъ. По этой отрасли литературы за Бесковомъ признано одно изъ первыхъ мѣстъ между шведскими писателями. Какъ членъ академіи, онъ во все продолжительное время своего секретарства былъ душою этого учрежденія, но и внѣ академіи онъ пріобрѣлъ большое значеніе, какъ человѣкъ, который, и по своему общественному положенію, и по своимъ средствамъ, могъ дѣлать много добра. Горячо любя литературу и искуство, онъ поддерживалъ начинающіе таланты то дружескимъ пріемомъ и ободреніемъ, то матеріальными, часто очень значительными пожертвованіями. Такимъ образомъ смерть барона Бескова была для Шведской академіи очень чувствительною потерей.

Множество начатыхъ, но неконченныхъ словарей, говоритъ одинъ стокгольмскій журналъ по поводу его записки, уже доказываетъ, какія усилія дѣлаемы были въ Швеціи для составленія сколько-нибудь полнаго лексикона; это еще болѣе подтверждаютъ

старанія ученыхъ обществъ съ давнихъ временъ: особенно эпоха Густава III отличалась усердіемъ въ разработкѣ родного языка. Тѣмъ не менѣе ея стремленія не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ, такъ какъ всѣ извѣстные доселѣ шведскіе словари сравнительно не полны. Еще не успѣли собрать той богатой жатвы словъ, какую могутъ доставить разнообразныя областныя нарѣчія. Объ этомъ давно уже помышляли, и Ире въ свое время много сдѣлалъ по этому предмету, но вѣроятно еще болѣе остается сдѣлать. Еще въ 1720-хъ годахъ Линдестольпе говорилъ: «Очень желательно было бы, чтобъ заботливое правительство избрало ученыхъ и толковыхъ людей, въ провинціяхъ, изъ судей, пасторовъ, бургомистровъ и др., — которые бы записывали всѣ добрыя старинныя слова, еще понынѣ употребительныя въ простомъ народѣ, и идіотизмы, господствующіе въ каждой мѣстности, а также, чтобы изъ древнихъ сагъ, хроникъ и уложеній собирали годныя къ употребленію слова: послѣ чего можно бы учредить académie suédoise (по примѣру парижской) для разсмотрѣнія отысканныхъ словъ». Однакожъ это патріотическое и благоразумное предположеніе, въ которомъ выразилась первая мысль о Шведской академіи, долго оставалось безъ исполненія. Словарей послѣ того издано не мало, но между ними нѣтъ ни одного вполнѣ удовлетворительнаго.

Большія — чтобъ не сказать непреодолимыя трудности — (такъ начинаетъ Бесковъ) сопряжены съ работой, которая, болѣе всякой другой требуя единства, поручается обществу, не только состоящему изъ членовъ съ различными и часто даже противоположными взглядами, но періодически измѣняющемуся въ своемъ составѣ. Эти трудности не могли укрыться отъ вниманія членовъ, съ которыми учредитель академіи король Густавъ III совѣщался о задачѣ составленія словаря. Въ соображенія ихъ входило между прочимъ то обстоятельство, что члены Шведской академіи не живутъ, подобно французскимъ академикамъ, почти всѣ въ столицѣ, а разсѣяны по всему краю, такъ что вопросы по составленію словаря, даже различныя мнѣнія о правописаніи или

значеніи словъ, должны бы разсматриваться не иначе какъ перепискою. Далѣе было приводимо, что число членовъ Шведской академіи, 18, не равняется и половинѣ состава французскаго учрежденія, которое, несмотря на то, употребило 60 лѣтъ на приготовленіе перваго изданія своего словаря; почему и можно бы ожидать, что на шведскій потребуется вдвое болѣе времени (!);— что при Французской академіи находился для этой работы получавшій особое жалованье словарный комитетъ, члены котораго исключительно занимались своимъ порученіемъ, тогда какъ члены Шведской академіи почти всѣ либо несутъ разныя должности по службѣ гражданской, духовной или учебной, либо живутъ частнымъ литературнымъ трудомъ и потому могутъ посвящать академической дѣятельности немногіе только часы; — что Французская академія въ дѣлѣ лексикографіи имѣла нѣсколько счастливыхъ предшественниковъ, между тѣмъ какъ Шведская на предстоящемъ ей поприщѣ не можетъ воспользоваться чужими приготовительными работами[1]; — что въ Швеціи тогда не было какого-нибудь лексикографическаго генія, который подобно Джонсону или Аделунгу[2] могъ бы взять на себя главное наблюденіе за такимъ трудомъ, и что къ сожалѣнію превосходные лексикографы вообще рѣдки во всякой литературѣ; — что поэты и ораторы, составляющіе двѣ трети всего числа членовъ Шведской академіи, менѣе всѣхъ годны для работы, въ которой много механическаго, и болѣе способны создавать и обогащать языкъ нежели собирать и распредѣлять входящія въ составъ его реченія. На остальную же треть членовъ, какъ любителей словесности, равнымъ образомъ нельзя разчитывать для такой задачи; — что въ

[1] Это однакожъ не совсѣмъ точно: есть очень хорошій шведско-латинскій словарь Линдфорса, есть шведско-русскій словарь, изданный въ Финляндіи при пособіи правительства; наконецъ послѣ составленія настоящей записки напечатанъ въ Стокгольмѣ довольно полный словарь Далина (на одномъ шведскомъ языкѣ), изъ котораго самимъ составителемъ впослѣдствіи извлеченъ словарь меньшихъ размѣровъ (т. е. безъ фразеологіи), но за то съ корнесловными поясненіями. Далинъ ум. въ 1873 году.

[2] Или Литтрэ, имени котораго въ настоящее время нельзя здѣсь не прибавить.

члены поступаютъ люди по большей части уже пожилые, дѣятельность которыхъ или уже вполнѣ опредѣлилась, или закончена совершенно (изъ числа первыхъ академиковъ четверымъ было болѣе 70 лѣтъ, другимъ около 50 и 60), когда уже невозможно ожидать новыхъ, незнакомыхъ имъ прежде утомительныхъ трудовъ; — что наконецъ языкъ, которымъ учредитель справедливо восхищался, языкъ, пріобрѣтавшій тогда новый блескъ подъ перомъ писателей Густавова вѣка, еще продолжалъ развиваться,— замѣчаніе тѣмъ болѣе основательное, что многіе изъ лучшихъ произведеній этихъ талантовъ тогда или еще не были написаны, или по крайней мѣрѣ оставались неизвѣстными публикѣ. Можно сказать, что языкъ, на который король смотрѣлъ какъ на основу предположеннаго словаря, еще не вполнѣ выработался, когда надо было приступить къ этому труду.

Между тѣмъ, для исполненія воли своего покровителя, окружавшіе его писатели тотчасъ занялись существенными вопросами по составленію лексикона. Вскорѣ совѣщанія коснулись спорнаго пункта, предмета, о которомъ и теперь, по прошествіи столькихъ лѣтъ, мнѣнія еще не вполнѣ согласились и по которому между лексикографами конечно всегда будетъ разномысліе, — именно вопроса о томъ, какъ поступать съ вошедшими въ языкъ иностранными словами. Встрѣтилось разногласіе и по другимъ предметамъ. Черезъ нѣсколько времени Густавъ III скончался; избраніе одного новаго члена, не понравившагося правительству, послужило поводомъ къ тому, что Академіи приказано было пріостановить свои занятія.

По возобновленіи ихъ чрезъ два года, Шведская академія признала нужнымъ прежде всего опредѣлить начала правописанія. Она издала по этому предмету сочиненіе, стоившее ей многолѣтнихъ соображеній; трудность рѣшенія этой задачи оцѣнитъ всякій, кто знаетъ, что для образованнаго языка правила не могутъ быть составляемы произвольно, но должны быть результатомъ вѣрныхъ наблюденій и совершеннаго пониманія духа языка. Вѣроятно, безъ этого изданія установленіе точныхъ орѳографи-

ческихъ законовъ замедлилось бы еще надолго; важность труда академіи легко понять, сравнивъ разнообразіе и произволъ, господствовавшіе въ правописаніи до появленія его, съ тѣмъ по крайней мѣрѣ относительнымъ единообразіемъ, какое замѣчается у хорошихъ шведскихъ писателей нашего времени. Можетъ-быть, вліяніе этого труда было бы еще рѣшительнѣе, если бъ черезъ нѣсколько лѣтъ не было повелѣно академіи и другимъ общественнымъ учрежденіямъ снова измѣнить правописаніе и писать иностранныя слова такъ, какъ издавна было принято, вслѣдствіе чего правительственныя мѣста удержали старинное правописаніе, а въ общій обычай вошло предложенное академіею[1]. Однакожъ въ новѣйшее время вездѣ стали брать верхъ принятыя академіей основанія.

Другой важный трудъ, долженствовавшій предшествовать словарю, составляла грамматика, которая поэтому и была издана академіею вслѣдъ за сочиненіемъ о правописаніи. Французская академія по истеченіи 200 лѣтъ еще не издала грамматики, — что доказываетъ какъ трудно обществу изъ разномыслящихъ дѣятелей согласиться въ основаніяхъ труда, требующаго въ малѣйшихъ частяхъ своихъ единства и послѣдовательности. Въ примѣръ затрудненій, всегда встрѣчающихся при совокупной работѣ многихъ, можно бы еще привести датское Ученое общество, которое въ цѣлое столѣтіе не окончило своего словаря, хотя могло пользоваться множествомъ приготовительныхъ работъ и имѣло въ своемъ распоряженіи, между прочимъ, извѣстнаго лексикографа[2].

Если бъ Шведская академія была основана — такъ какъ La Crusca и академія Испанская — главнымъ образомъ для разработки языка, то она могла бы исключительно посвятить себя филологическому труду. Но мы видимъ совершенно противное. Пред-

[1] По старинному способу греческія, французскія и другія иностранныя слова пишутся у Шведовъ съ точнымъ соблюденіемъ первоначальной ихъ ороографіи, напр. philosophie, lieutenant, capitaine; академія же установила писать: filosofi, löjtnant, kaptén — по произношенію.

[2] См. объ этомъ ниже особую замѣтку.

назначенная съ самаго начала служить литературнымъ судилищемъ, она должна была и въ дѣятельности своей, и въ избраніи своихъ членовъ руководствоваться прежде всего этимъ назначеніемъ. Съ наступленія октября мѣсяца до годовщины своей (5-го апрѣля) академія бываетъ непрерывно занята чтеніемъ и разсмотрѣніемъ сочиненій, представленныхъ къ соисканію наградъ: число ихъ простирается иногда до 30, 40 и даже 50-ти. Послѣ годичнаго торжества многіе изъ получившихъ преміи, а часто и изъ неудостоенныхъ ими писателей просятъ о сообщеніи имъ замѣчаній академіи; совѣщанія по этому предмету наполняютъ большую часть засѣданій въ послѣдующіе мѣсяцы; къ чему надобно прибавить, что и другіе авторы литературныхъ сочиненій или словарей, грамматикъ, разсужденій о правописаніи и т. п. просятъ отзывовъ академіи о своихъ трудахъ: слѣдовательно и ихъ необходимо подвергать разбору и составлять о нихъ письменныя мнѣнія. Затѣмъ на болѣе постоянныя занятія по словарю только и можетъ быть употреблено остальное время до 1-го іюня, когда начинаются академическія вакаціи[1]. Но само собою разумѣется, какъ медленно такой обширный трудъ долженъ подвигаться при столь ограниченномъ времени и какъ вредятъ успѣху его продолжительныя остановки. Не говорю уже о томъ, что встрѣчающіяся недоумѣнія разсматриваются въ общемъ собраніи и что, такъ какъ въ случаѣ разногласія вопросы рѣшаются большинствомъ голосовъ, то окончательный приговоръ зависитъ отъ случайнаго обстоятельства, сколько на лицо членовъ, раздѣляющихъ такое-то мнѣніе. Гораздо благопріятнѣе для строгой послѣдовательности въ частностяхъ было бы, если бъ работа, какъ во Французской академіи, исполнялась комитетомъ изъ одномыслящихъ по главнымъ вопросамъ членовъ: только въ такомъ случаѣ и можно бы достигнуть (сколько вообще подобный трудъ допускаетъ это) двойственной цѣли — единства и скорости въ работѣ.

---

[1] Вакаціи Шведской академіи продолжаются отъ 1-го іюня до 1-го октября.

Между тѣмъ въ послѣднія десятилѣтія шведскій языкъ обогатился многими реченіями и оборотами, извлеченными изъ библіи и изъ сагъ, или заимствованными изъ нѣмецкаго языка, какъ прежде слова почерпались изъ французскаго. Составъ академіи не могъ не подвергнуться измѣненію сообразно съ новымъ литературнымъ направленіемъ. Изъ членовъ, участвовавшихъ въ первыхъ совѣщаніяхъ о словарѣ, почти никого уже не было въ живыхъ. Ихъ замѣнили новыя лица, явились иные образцы краснорѣчія и поэзіи, предѣлы отечественнаго языка раздвинулись, филологическія изслѣдованія проложили себѣ невѣдомыя прежде стези, и потребность въ болѣе обширномъ лексиконѣ сдѣлалась настоятельною.

Извѣстно, что при составленіи такого пособія для живого языка есть два исходные пункта: можно либо, по примѣру Французской академіи, довольствоваться объясненіемъ употребленія словъ посредствомъ придуманныхъ самими составителями примѣровъ, либо, поступая какъ La Crusca, какъ Испанская академія, какъ Джонсонъ, Ричардсонъ и др., можно, такъ сказать, извлекать словарь изъ классическихъ писателей приведеніемъ примѣровъ изъ ихъ сочиненій. Находя, что послѣдній способъ ближе къ настоящей цѣли словаря, Шведская академія рѣшилась измѣнить свой первоначальный планъ. Вслѣдствіе этого необходимо было просмотрѣть всѣхъ хорошихъ писателей какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ, за тотъ періодъ, въ который сложился шведскій языкъ, т. е. отъ короля Густава I и введенной имъ реформаціи до настоящаго времени; при чемъ надлежало выписывать — во 1-хъ, старинныя, теперь забытыя слова, которыя заслуживаютъ быть возстановленными; во 2-хъ, годные и по возможности полные образцы правильнаго употребленія современныхъ словъ, и въ 3-хъ, указанія на исторію языка, которыя можно было получить этимъ путемъ. Ясно, что приготовительныя работы для словаря такого рода требуютъ несравненно болѣе труда и времени, нежели означеніе словъ съ особо составленными для нихъ примѣрами изъ современнаго языка. Сколько извѣстно ака-

деміи, ни для какого шведскаго словаря еще не было изготовляемо такихъ сборниковъ словъ, которые должны заключать въ себѣ какъ бы пересмотръ всего языка за 300 лѣтъ слишкомъ. Такое измѣненіе плана принято окончательно послѣ академическаго торжества 1836 года, и легко понять, что академія не иначе какъ вслѣдствіе продолжительныхъ разсужденій могла рѣшиться на заключеніе, послѣ котораго она не только должна была пожертвовать большею частью прежнихъ приготовительныхъ работъ, но и отказаться отъ болѣе или менѣе близкаго окончанія своего предпріятія. Итакъ приступлено было къ составленію выписокъ изъ произведеній старинной и новой литературы; до сихъ поръ просмотрѣно 400 томовъ и изъ нихъ извлечено до 128,000 образцовъ языка, въ которыхъ множество словъ, не вошедшихъ въ изданные доселѣ словари. Такъ какъ пріисканіе примѣровъ для употребленія одного лишь слова въ разныхъ его значеніяхъ иногда требуетъ просмотра нѣсколькихъ писателей, то легко судить, сколько времени и труда потребно на эти выписки. Безусловной полноты невозможно ожидать въ первомъ опытѣ подобной работы, особенно въ живомъ языкѣ, котораго составныя части безпрестанно обновляются; это всего убѣдительнѣе доказывается образцовымъ словаремъ La Crusca, 5-е изданіе котораго, вышедшее черезъ 200 лѣтъ послѣ учрежденія этой академіи, потребовало весьма значительныхъ дополненій и поправокъ.

Между тѣмъ собранныхъ образцовъ оказалось достаточнымъ для приведенія матеріаловъ въ порядокъ, послѣ чего надлежало продолжать отдѣльные сборники для каждой буквы, чтобы по возможности пополнять пропуски. Всякій, кто знакомъ съ подобною работою, можетъ засвидѣтельствовать, что всѣ болѣе замѣчательныя сочиненія надобно перечитывать по нѣскольку разъ (иначе многія частности ускользаютъ отъ вниманія) и что очень часто чтеніе остается безплоднымъ, потому что фразы, заключающія въ себѣ искомое слово, либо оказываются слишкомъ длинными и не могутъ служить примѣрами въ словарѣ, либо, отдѣленныя отъ цѣлаго, не довольно ясны. Случается также, что вы-

писанные образцы излишни оттого, что уже прiисканы другiе примѣры для того же слова, такъ какъ и самая счастливая память при чтенiи разныхъ писателей въ разное время, иногда спустя цѣлый годъ, не можетъ удержать всего записаннаго. Такимъ образомъ, по расположенiи выписокъ въ алфавитномъ порядкѣ, многiе превосходные примѣры приходится отбрасывать, тогда какъ ради словъ, для которыхъ еще не найдено образцовъ, необходимо снова перечитывать тѣ же сочиненiя, а для этого требуется напряженiе, на которое не всякiй способенъ. Съ другой стороны, посредствомъ приведенiя примѣровъ словарь пускаетъ въ оборотъ множество прекрасныхъ мыслей и важныхъ истинъ, выраженныхъ на родномъ языкѣ; образцы же, почерпнутые изъ старинныхъ памятниковъ, объясняютъ производство и образованiе словъ, а указанiе ударенiя при каждомъ реченiи составляетъ также важное дополненiе къ изученiю его.

Всякiй, кто сколько-нибудь ознакомился съ литературою словарей и понимаетъ трудность или, вѣрнѣе, невозможность составить совершенно удовлетворительный лексиконъ живого языка, конечно не можетъ ласкаться надеждою произвести трудъ, который былъ бы исключенiемъ изъ общихъ правилъ, тѣмъ болѣе, что лексиконъ не имѣетъ, какъ всякiй другой ученый или литературный трудъ, своего особаго круга читателей, а находитъ судей на всѣхъ возможныхъ ступеняхъ образованiя; тó, что одному кажется излишнимъ, другой считаетъ не досказаннымъ, не говоря уже о безчисленномъ множествѣ другихъ разногласiй въ сужденiяхъ. Если бы задача была такъ проста, какъ многiе воображаютъ, то безъ сомнѣнiя она уже давно была бы рѣшена какимъ-нибудь однимъ литераторомъ, который могъ бы посвятить ей все свое время и всѣ свои силы, и которому при единствѣ и постоянномъ ходѣ работы легче было бы достигнуть цѣли. Если бы Швецiя произвела Джонсона или Аделунга, или если бъ Ире принадлежалъ нашему времени и академiя не воспользовалась такимъ талантомъ для выполненiя порученнаго ей дѣла, то конечно она заслужила бы обвиненiя, иногда на нее возводимыя за неизданiе

словаря. Въ настоящихъ же обстоятельствахъ она сдѣлала все, что отъ нея зависѣло. Чрезвычайно рѣдко случается, чтобы литературный талантъ могъ съ успѣхомъ быть употребленъ на составленіе словаря, и неизбѣжное противорѣчіе между составомъ академіи, какъ литературнаго общества, и лексикографическою ея задачею въ высшей степени затрудняетъ замѣщеніе открывающихся въ ней вакансій. Конечно, естественно желать, чтобъ достойнѣйшіе члены ея дѣятельно участвовали въ составленіи лексисона; но этого никакъ нельзя обратить имъ въ непремѣнную обязанность. Она не исполнила бы возложеннаго на нее перваго долга пещись о поэзіи и краснорѣчіи, если бъ стала требовать, чтобы такіе писатели, какъ напримѣръ: Чельгренъ, Оксенштерна, Франце́нъ, Валли́нъ, Тегне́ръ, Гейеръ, оставили лиру или каѳедру, или отказались отъ трудовъ, украшающихъ отечественную словесность, и наперекоръ своему призванію подвергли бы себя тяжелому труду изъ старыхъ и новыхъ сочиненій откапывать и выписывать слова, разставлять ихъ въ азбучномъ порядкѣ, отмѣчать ихъ грамматическія свойства и т. д.; что́ все конечно достойно уваженія, но для мыслителя и поэта такъ же мало сообразно съ его назначеніемъ, какъ если бъ зодчаго, создавшаго идею прекраснаго зданія, заставили самого складывать матеріалы для строенія. Всѣ изложенныя трудности достаточно объясняютъ замедленіе, происшедшее въ изготовленіи шведскаго словаря.

Но теперь, когда академія, несмотря на ограниченныя средства свои, уже приготовила значительную часть своего труда, для него начинается новый періодъ. Приведеніе въ систему образцовъ и списковъ реченій (тѣ и другіе составляютъ уже около трехъ тысячъ листовъ), а также переписываніе ихъ въ алфавитномъ порядкѣ требуютъ особыхъ сотрудниковъ, которые могли бы употребить на это всю свою дѣятельность. Сто́итъ только взглянуть на списокъ академиковъ, чтобы убѣдиться, что нынѣ, какъ и прежде, согласно съ основаніями учрежденія академіи, оказывается чрезвычайно мало такихъ членовъ, которымъ посторонніе обязанности или другіе литературные труды не мѣшали

бы заняться этимъ дѣломъ, и что сверхъ того эти немногіе по лѣтамъ своимъ уже выслужили право на пенсію, а слѣдовательно и на отдыхъ. Притомъ, такая почти совершенно механическая работа справедливо покажется многимъ недостойною академика, если бъ даже время и здоровье не служили къ тому препятствіемъ. Итакъ необходимо прибѣгнуть къ помощи стороннихъ лицъ. Однакожъ здѣсь нельзя употребить обыкновенныхъ писцовъ: при редакціи каждаго слова надобно наблюдать много мелочей; нужно много внимательности къ каждой части труда, въ которомъ встрѣчаются безпрестанныя ссылки, и малѣйшая неисправность можетъ произвести неясность и замѣшательство; поэтому для окончательной редакціи цѣлой работы нуженъ человѣкъ, который съ лексикографическимъ тактомъ соединялъ бы общее образованіе, особливо если предположить, что для бо́льшаго удобства ему же впослѣдствіи поручено будетъ чтеніе первой корректуры при печатаніи словаря, такъ какъ соблюденіе множества объяснительныхъ знаковъ, сокращеній, особенныхъ шрифтовъ для разныхъ случаевъ подъ каждымъ словомъ и проч. требуетъ нѣкотораго навыка въ лексикографическомъ дѣлѣ. Изъ опытовъ извѣстно, что такому сотруднику по редакціи нельзя назначить въ вознагражденіе менѣе 600 руб. въ годъ. Помощника ему для переписки словъ и примѣровъ въ алфавитномъ порядкѣ можно найти за 300 руб. Если прибавить 100 руб. на наемъ, по мѣрѣ надобности, переписчиковъ для техническихъ и научныхъ словъ, то составится годовая сумма въ 1,000 руб. для приведенія матеріаловъ въ порядокъ передъ окончательною редакціею словаря. Ясно, что если бъ можно было имѣть болѣе сотрудниковъ, то дѣло пошло бы еще скорѣе. Помянутому комитету Французской академіи ассигнована была немаловажная сумма. Мы въ основаніе своей смѣты положили самый умѣренный разчетъ (NB. переведенный здѣсь на русскія деньги), чтобы хоть сколько-нибудь ускорить работу.

Однакожъ эти сторонніе сотрудники должны будутъ работать подъ надзоромъ особо избранныхъ академиковъ, которымъ предстоитъ не только продолжать отдѣлку неконченныхъ частей сло-

варя, но и просматривать весь трудъ и заниматься окончательной его редакціей. Уже давно предполагалось составить, по примѣру Французской академіи, словарный комитетъ; но отъ этой мысли надобно было отказаться, потому что не предвидѣлось возможности доставить членамъ его ни необходимаго при этомъ увольненія отъ другихъ важныхъ обязанностей, ни справедливаго вознагражденія за прекращеніе частной литературной дѣятельности. По настоящему положенію приготовительныхъ работъ конечно желательно было бы, чтобъ образованіе такого комитета состоялось; но издержки, которыхъ оно бы потребовало, не позволяютъ, по крайней мѣрѣ впредь до времени, думать объ осуществленіи этого плана. Между тѣмъ, здѣсь не излишне упомянуть, что Французская академія, какъ видно изъ собранныхъ свѣдѣній, получаетъ 3,000 руб. сер. для своего словарнаго комитета, да сверхъ того почти столько же на уплату стороннимъ сотрудникамъ, на покупку книгъ и проч., всего около 6,000 руб. ежегодно, на расходы по этой статьѣ. Такая сумма не покажется слишкомъ значительною, если сообразить, какъ трудно между литераторами, уже избравшими опредѣленный кругъ дѣйствія, найти готовыхъ принять на себя однообразный трудъ составленія словаря. Многолѣтняя опытность достаточно показываетъ, что изъ всѣхъ родовъ авторства, участіе въ этомъ трудѣ, даже и при сравнительно выгодныхъ условіяхъ, привлекаетъ наименѣе дѣятелей. При всемъ томъ теперь представляется уже неизбѣжнымъ назначить опредѣленное жалованье одному члену или и нѣсколькимъ совокупно, съ тѣмъ чтобы они болѣе дѣятельно участвовали въ трудѣ и наблюдали за работою стороннихъ помощниковъ. Кажется, на этотъ предметъ надлежало бы назначить по меньшей мѣрѣ 500 руб. въ годъ. Такимъ образомъ итогъ расходовъ на изготовленіе словаря составлялъ бы по 1,500 руб. ежегодно.

Желательно было бы, чтобъ академія могла изъ собственныхъ средствъ покрыть этотъ расходъ. Но это къ сожалѣнію невозможно, потому что доходы ея, особливо въ послѣднія 20 лѣтъ, безпрестанно были уменьшаемы, тогда какъ издержки увеличи-

вались, и то и другое по причинамъ, отъ нея не зависѣвшимъ. Въ доказательство представимъ краткій обзоръ ея экономическаго положенія.

Первоначально на содержаніе Шведской академіи ассигновано было изъ государственной казны около 2,000 рублей сер.; но мало по малу, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, сумма эта уменьшилась почти на цѣлыя двѣ трети. Ежегодныя издержки академіи на награды и медали за лучшія сочиненія, на изданіе ея записокъ, на публичныя собранія, на наемъ квартиры для библіотеки, на жалованье секретарю и другимъ лицамъ, уже равнялись означенной суммѣ, и потому академія давно была бы вынуждена объявить себя несостоятельной къ исполненію возложенныхъ на нее обязанностей, если бъ учредитель ея не даровалъ ей другого источника доходовъ, который, хотя и назначался имъ на частное вспомоществованіе академикамъ, но, составляя ея собственность, могъ быть добровольно употребляемъ ею и на покрытіе издержекъ, необходимыхъ для достиженія предлежавшей ей цѣли. Такимъ источникомъ доходовъ было право располагать газетою, которая вначалѣ пользовалась исключительной привилегіей сообщать политическія извѣстія, распоряженія правительства, и освобождена была отъ взноса на почтѣ вѣсовыхъ денегъ, вслѣдствіе чего число подписчиковъ въ самое благопріятное время возросло до 7,000. Но когда, послѣ извѣстнаго переворота 1809 года, право изданія политическихъ газетъ сдѣлалось общимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ распространены на нихъ тѣ же льготы, кругъ читателей оффиціальной газеты уменьшился въ четыре раза, и изъ выручаемой съ нея суммы уже ничего нельзя было откладывать въ академическую кассу. Въ такихъ обстоятельствахъ тогдашній попечитель академіи разрѣшилъ отдать эту газету на откупъ за 2,500 руб. въ годъ.

Съ помощью этой добавочной суммы и съ пожертвованіемъ тѣхъ денежныхъ пособій, которыми до сихъ поръ пользовались достойнѣйшіе члены академіи, она могла пополнять недостатокъ въ ассигнованныхъ ей доходахъ. Но для значительныхъ издер-

жекъ, требующихся, какъ выше показано, по изданію словаря, она не имѣетъ средствъ, будучи прежде всего, на основаніи своего устава, литературнымъ обществомъ, учрежденнымъ для поощренія лучшихъ писателей и поэтовъ, для увѣнчанія преміями превосходнѣйшихъ сочиненій и для сохраненія въ біографіяхъ памяти знаменитыхъ заслугами соотечественниковъ. Она не должна вмѣстѣ съ тѣмъ забывать, что одною изъ цѣлей Густава III при учрежденіи ея было: въ странѣ, гдѣ литературная дѣятельность рѣдко обезпечиваетъ безбѣдное состояніе и гдѣ молодые таланты часто изнемогаютъ подъ бременемъ нищеты или отъ недостатка поощреній, — доставлять вспоможеніе лицамъ, оказавшимъ услуги шведской литературѣ, или пещись о дальнѣйшемъ воспитаніи талантливыхъ юношей. Такимъ образомъ академія способствовала къ тому, что такіе люди, какъ Гюлленборгъ, Чельгренъ, Леопольдъ, Розенстейнъ и другіе, могли въ лучшую пору жизни почти исключительно посвящать себя литературѣ. Послѣ нихъ подобныя пособія производились Валлину, Францéну, Тегнéру и др., въ такія эпохи ихъ дѣятельности, когда это хотя и незначительное вспомоществованіе было имъ очень важно. Нѣтъ надобности прибавлять, что такія пособія въ настоящее время столько же или еще болѣе нужны и желательны: всякому любителю литературы извѣстно, что академія при Густавѣ III и въ послѣдующее время состояла на половину изъ членовъ, которые по своему общественному и экономическому положенію находились въ столь благопріятныхъ обстоятельствахъ, что могли изъ собственныхъ средствъ производить пенсіи; теперь же большая часть сочленовъ не могутъ обойтись, если не постоянно, то по крайней мѣрѣ временно, безъ выдаваемыхъ ею пособій. Такъ академія главнымъ образомъ изъ доходовъ съ офиціальныхъ объявленій въ вѣдомостяхъ доставляла нѣкоторымъ изъ извѣстнѣйшихъ писателей Швеціи пособія, на которыя въ другихъ странахъ ассигнуются значительныя суммы изъ государственной казны. Но академія, при назначеніи такихъ вспоможеній, не ограничивалась своимъ собственнымъ составомъ: она поддерживала и

такіе таланты, которые къ ней не принадлежали, каковы напримѣръ г-жа Ленгренъ, Галленбергъ, Никандеръ, не говоря о другихъ, еще живыхъ писателяхъ. Кромѣ того академія выдавала пособія оставшимся въ бѣдности вдовамъ и семействамъ заслуженныхъ литераторовъ. Наконецъ, академія имѣла возможность воздвигать памятники нѣкоторымъ изъ поэтовъ Швеціи, напр. Бельману, или по крайней мѣрѣ участвовать въ сооруженіи монументовъ другимъ, какъ-то: Тегнéру, Берцеліусу и Гейеру, или же сохранять черты геніальныхъ писателей въ мраморныхъ изваяніяхъ, выполненныхъ отличнѣйшими художниками Швеціи. Всѣ такіе знаки уваженія къ литературнымъ заслугамъ отражають на себѣ духъ учредителя; все это долги, уплаченные именемъ отечества, согласно съ волею Густава, чтобы академія дѣйствовала для «славы и безсмертія», почему и суммы, которыми располагала она, конечно были употребляемы сообразно съ своимъ назначеніемъ.

Таково, съ нѣкоторыми сокращеніями, содержаніе записки Бескова. Изъ донесенія, впослѣдствіи представленнаго академіею королю, видно, что во вниманіи къ затрудненіямъ, которыя она встрѣчала въ своемъ предпріятіи, государственные чины, въ 1854 году, ассигновали ей на четыре года дополнительную сумму по 1,200 руб. ежегодно. Получивъ такимъ образомъ средства назначить особое вознагражденіе одному изъ членовъ своихъ, который будетъ имѣть возможность постоянно заниматься редакціею словаря, Шведская академія предложила эту работу профессору Лундскаго университета Гагбергу (Hagberg) и для того испросила ему на первый случай двухлѣтнее увольненіе отъ должности. Отдавая королю отчетъ въ дальнѣйшемъ ходѣ трудовъ по словарю, она указываетъ на число листовъ (2,500), наполненныхъ выписками, и статей (30,000), обработанныхъ въ теченіе трехъ лѣтъ.

Но какъ шло составленіе и изданіе словаря со времени порученія названному профессору? Нынѣ уже покойный Гагбергъ, извѣстный очень удачными переводами изъ Шекспира, не былъ

въ собственномъ смыслѣ филологомъ. По мѣрѣ изготовленія словарныхъ работъ, онъ долженъ былъ посылать ихъ въ Стокгольмъ на разсмотрѣніе учрежденнаго между тѣмъ особаго академическаго комитета. Главнымъ членомъ этого комитета былъ покойный Рюдквистъ (Rydqvist), пріобрѣтшій съ 1850 года почетное имя своимъ обширнымъ филологическимъ сочиненіемъ «Законы шведскаго языка» (Svenska språkets lagar). Непривычка Гагберга къ лексикографическимъ трудамъ, отсутствіе системы въ его работѣ и произвольность нѣкоторыхъ его взглядовъ, которыхъ не могъ раздѣлять стокгольмскій комитетъ, естественно замедляли ходъ дѣла. Наконецъ однакожъ профессоръ представилъ отдѣланное имъ собраніе словъ на букву А, которое, по пересмотрѣ комитетомъ, и было издано въ 1870 году въ видѣ перваго выпуска Шведскаго академическаго Словаря, подъ заглавіемъ: «Ordbok öfver Svenska Språket utgifven af Svenska Akademien». Между тѣмъ Гагбергъ умеръ, и главное веденіе труда перешло въ руки Рюдквиста; онъ же первымъ условіемъ поставилъ чтобы прежде всего удовольствовались составленіемъ полнаго алфавитнаго списка словъ, которыя должны войти въ лексиконъ, съ главными грамматическими обозначеніями, но безъ всякихъ дальнѣйшихъ поясненій и подробностей[1].

Изданный въ 1870 г. первый выпускъ Шведскаго академическаго словаря, содержащій, какъ сказано, слова на букву А, заключаетъ въ себѣ 358 стр. in 4⁰ средняго формата. Изъ иностранныхъ словъ приняты только вполнѣ усвоенныя языкомъ, пе-

[1] Начало этого труда и появилось въ Стокгольмѣ подъ заглавіемъ: Ordlista öfver Svenska Språket, utgifven af Svenska Akademien. Въ 1874 году оно вышло уже 2-мъ изданіемъ. Рюдквистъ умеръ въ Стокгольмѣ въ концѣ 1877 года. За нѣсколько недѣль до его кончины я видѣлъ тамъ престарѣлаго филолога, но уже на одрѣ неизлѣчимой болѣзни. Это было вскорѣ послѣ четырехсотнаго юбилея Упсальскаго университета, на которомъ я присутствовалъ въ качествѣ делегата отъ нашей Академіи наукъ. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть также объ этимологическомъ словарѣ шведскаго языка, составляемомъ доцентомъ Упсальскаго университета г. Таммомъ. Сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ вышло его два выпуска (1874 и 1875 г.), содержащіе двѣ первыя буквы алфавита.

редѣланныя, издавна въ немъ обращающіяся или вошедшія въ составъ собственно шведскихъ словъ. Остальныя чужеязычныя слова, заимствованныя въ новѣйшее время, устранены до окончанія словаря и будутъ помѣщены въ особомъ къ нему прибавленіи. Что касается плана и состава вышедшаго выпуска, то объясненіе каждаго слова вмѣщаетъ въ себѣ слѣдующія части: 1) краткія грамматическія замѣчанія; 2) производство слова и формы его въ родственныхъ языкахъ; 3) опредѣленіе значеній слова съ примѣрами изъ современнаго языка и изъ писателей, начиная съ прошлаго вѣка; 4) указаніе употребленія слова въ разныхъ сочетаніяхъ его или примѣненіяхъ, опять съ фразеологіею, иногда съ приведеніемъ пословицы или поговорки; 5) въ случаѣ надобности замѣтки по исторіи слова. Изъ древняго и стариннаго языка въ алфавитномъ порядкѣ помѣщены только такія слова, которыя могутъ служить къ объясненію словъ современнаго языка или которыя бы заслуживали быть возстановленными въ употребленіи. Итакъ начало словаря, по положенному въ основаніе его плану, близко подходитъ къ требованіямъ настоящей лексикографіи, и самое выполненіе вообще удовлетворительно; но, къ сожалѣнію, мало ручательствъ за приведеніе предпріятія къ окончанію, какъ можно заключить изъ слѣдующихъ словъ предисловія къ первому выпуску: «Исполненіе возложенной на академію задачи остается, какъ оно и до сихъ поръ было, въ зависимости отъ обстоятельствъ, надъ которыми она невластна, особенно же отъ недостатка не только матеріальныхъ средствъ, но и значительной руководящей силы, которая могла бы направлять все дѣло въ области, все болѣе расширяющейся въ наше время при безпрестанно возрастающихъ требованіяхъ какъ въ самой наукѣ, такъ и внѣ ея, требованіяхъ, нисколько не уменьшаемыхъ въ приложеніи къ литературному обществу, которое нынѣ всего менѣе имѣетъ возможности совершить подобное предпріятіе. Добросовѣстно взвѣсивъ все это и лежащія въ основѣ того обстоятельства, академія, при изданіи настоящаго 1-го выпуска словаря, не можетъ принять на себя передъ публикою положи-

тельнаго обязательства относительно продолженія или окончанія его, и обѣщаетъ только со всею заботливостью, по улучшенному плану, вести далѣе приготовительные труды для окончательной обработки; однакожъ и это только по мѣрѣ денежныхъ средствъ и рабочихъ силъ. Первыя, въ довольно кругломъ размѣрѣ, составляютъ необходимое условіе для надлежащаго выполненія дѣла, но не всегда могутъ доставить послѣднія, для вызова которыхъ нужны часто особенно счастливыя обстоятельства или другія неизчислимыя напередъ случайности».

Чтобы вполнѣ понять смыслъ этихъ словъ, надобно знать, что Шведская академія давно была предметомъ нареканій и упрековъ за медленность въ составленіи словаря, и что вслѣдствіе того она, на одномъ изъ послѣднихъ сеймовъ, отказалась отъ суммы, которая ежегодно отпускалась ей отъ правительства (5,000 риксд. = 2,000 руб. сер.). Тѣмъ не менѣе дѣло въ то время не вполнѣ остановилось, какъ видно изъ упомянутаго выше, изданнаго, согласно съ обѣщаніемъ академіи, томика.

Изъ всего здѣсь сообщеннаго можно заключить, что причины, почему Шведская академія до сихъ поръ еще не кончила давно начатаго ею словаря, главнымъ образомъ состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Изготовленіе словаря соединенными силами многихъ вообще представляетъ большія затрудненія по недостатку при такомъ условіи единства, необходимаго во всякомъ сложномъ предпріятіи, а особливо въ предпріятіи этого рода.

2) Такая совокупная работа тѣмъ болѣе трудна для стокгольмской академіи, что это общество основано преимущественно для поощренія въ Швеціи изящной литературы; — что всѣ члены его обременены другими, болѣе обязательными занятіями либо по государственной службѣ, либо по литературѣ, которыя доставляютъ имъ средства къ существованію или болѣе удовлетворяютъ ихъ духовнымъ потребностямъ; — что многіе изъ нихъ уже въ такихъ лѣтахъ, когда человѣкъ не чувствуетъ въ себѣ ни силъ, ни охоты къ напряженной дѣятельности, и что

наконецъ, между ними нѣтъ человѣка, который, подобно Джонсону, Аделунгу или Литтрэ, соединялъ бы въ себѣ всѣ качества для обширнаго лексикографическаго труда.

3) При такихъ обстоятельствахъ и такомъ взглядѣ на дѣло Шведская академія прибѣгла къ единственному средству, которое еще могло почетнымъ образомъ вывести ее изъ затрудненія: она передала весь трудъ одному изъ живущихъ внѣ Стокгольма членовъ своихъ, назначивъ особыя денежныя вознагражденія какъ ему, такъ и другимъ стороннимъ сотрудникамъ, которые будутъ въ его распоряженіи для окончательныхъ работъ по редакціи словаря.

Примѣръ Шведской академіи въ этомъ дѣлѣ чрезвычайно поучителенъ для всѣхъ ученыхъ обществъ, которымъ предлежитъ рѣшеніе однородной задачи. Вникнувъ во всѣ затрудненія, столь откровенно ею самою сознанныя, нельзя не согласиться, что они въ большей или меньшей степени неизбѣжны для всякой коллегіи, и что если, несмотря на то, задача составленія словаря иногда успѣшно выполнялась академіями, то такое явленіе принадлежитъ къ числу исключеній и было всегда результатомъ особенно благопріятныхъ обстоятельствъ. Составленіе словаря, какъ и всякій другой обширный и многосложный трудъ, требуетъ со стороны занявшагося имъ воодушевленія, изъ котораго рождается другое столь же рѣдкое и для такого предпріятія необходимое свойство — неистощимое самоотверженіе и терпѣніе. Такое плодотворное воодушевленіе къ дѣлу, для большей части людей вовсе не привлекательному, дается только тому, кто къ этому дѣлу *призванъ*, т. е. соединяетъ въ себѣ всѣ необходимыя для успѣшнаго выполненія его свойства и надлежащую подготовку. Если и предположить, что эти условія въ равной степени соединяются въ нѣсколькихъ членахъ даннаго общества, то все-таки различіе ихъ взглядовъ, началъ и другихъ особенностей составитъ почти непреодолимое препятстіе къ единству и равномѣрности совокупнаго труда. Съ другой стороны, самый способъ раздѣленія работы между сотрудниками представляетъ задачу не легкую. Есть два главные

рода такого раздѣленія. Можно либо раздать всю работу, на цѣломъ ея протяженіи, по разнороднымъ предметамъ, какъ-то: 1) по собиранію и размѣщенію словъ; 2) по грамматическому ихъ опредѣленію; 3) по объясненію ихъ значеній; 4) по пріисканію къ нимъ примѣровъ и т. д., смотря по принятому плану. Либо можно раздать работу по частямъ внѣшняго ея состава, по буквамъ, съ тѣмъ, чтобы каждый сотрудникъ обработалъ порученныя ему буквы по всѣмъ внутреннимъ отдѣламъ. Сравнивая оба способа, нельзя не убѣдиться, что если первый въ сущности раціональнѣе въ отношеніи къ цѣли единства, то онъ на практикѣ менѣе удобенъ нежели второй, который доставляетъ возможность болѣе скораго и живаго труда, но за то подвергаетъ словарь той опасности, что онъ можетъ состоять изъ частей, не совсѣмъ равномѣрныхъ между собой по внутреннему содержанію и достоинству. Собственно говоря, если дѣйствительно дорожить условіемъ строгаго единства, то коллективный трудъ надъ словаремъ можетъ быть допущенъ только развѣ въ приготовительныхъ къ нему работахъ, именно въ чтеніи различныхъ писателей или памятниковъ, съ выборкою изъ нихъ словъ и примѣровъ. Окончательная же редакція словаря должна быть предоставлена одному лицу, разумѣется, при помощи нѣсколькихъ отданныхъ въ его распоряженіе помощниковъ. Если бъ Шведская академія въ самомъ началѣ своего предпріятія поступила такъ, какъ она рѣшилась сдѣлать послѣ долговременнаго опыта, то по всей вѣроятности задуманный ею словарь давно былъ бы уже изданъ.

Кончая здѣсь первый отдѣлъ предлагаемыхъ мною соображеній, не могу не упомянуть о трехъ статьяхъ И. И. Срезневскаго, относящихся къ этому же предмету и помѣщенныхъ имъ въ *Извѣстіяхъ* 1854 года подъ общимъ заглавіемъ: «Обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ изъ современныхъ словарей». Эти статьи никакъ не должны быть выпущены изъ виду при настоящемъ вопросѣ. Въ нихъ авторъ сперва разсматриваетъ общія требованія, которымъ въ наше время долженъ удовлетворять словарь отечественнаго языка, а потомъ разбираетъ важнѣйшіе труды этого

рода у Французовъ, у Англичанъ и отчасти у Нѣмцевъ, сравнивая главныя начала, которымъ слѣдовали составители. Я съ своей стороны преимущественно обращаю вниманіе на практическую часть составленія словарей, представляю матеріалы къ рѣшенію вопроса, какъ вести дѣло, и разсматриваю ходъ лексикографіи у народовъ, не затронутыхъ или только слегка затронутыхъ И. И. Срезневскимъ. Такимъ образомъ наши труды по этому предмету, сходясь въ общемъ своемъ направленіи, различаются въ точкѣ зрѣнія, съ которой каждый изъ насъ смотритъ на предметъ, и необходимо дополняютъ другъ друга въ дѣлѣ, занимающемъ Отдѣленіе.

II. ПРОГРАММА СЛОВАРЯ БРАТЬЕВЪ ГРИММОВЪ,

составленная

Яковомъ Гриммомъ [1].

Все, что мнѣ надо сказать, изложу я отъ своего собственнаго имени; когда Вильгельмъ впослѣдствіи возьметъ свое болѣе мягкое перо, ему легко будетъ подтвердить и дополнить мое первое объясненіе. Преданный безпрерывному труду, который привлекаетъ меня тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе я съ нимъ знакомлюсь, чувствую въ преклонные годы, что надъ нимъ обрываются нити другихъ начатыхъ мною работъ, другихъ книгъ, съ которыми я долго носился и которыя теперь еще держу въ своихъ рукахъ. Какъ снѣгъ, иногда по цѣлымъ днямъ падающій съ неба мелкими, частыми хлопьями, наконецъ непомѣрнымъ слоемъ покрываетъ всю окрестность, такъ меня засыпаетъ масса словъ, которыя тѣснятся ко мнѣ изъ всѣхъ угловъ и щелей. Иногда

---

[1] Предлагается здѣсь въ извлеченіи изъ Deutsches Wörterbuch. Erster Band. Leipzig, 1854. Въ выводахъ предыдущей статьи утвердился я еще болѣе, найдя имъ подкрѣпленіе въ мысляхъ Як. Гримма, развитыхъ имъ во вступленіи къ нѣмецкому его словарю. Вопросъ чрезвычайно важенъ для нашей молодой литературы, и мы при разрѣшеніи его не можемъ не принимать въ соображеніе взгляда одного изъ знаменитѣйшихъ филологовъ нашего времени. Это не значитъ, чтобъ мысли его по этому предмету во всемъ могли служить для насъ непреложнымъ руководствомъ; напротивъ, есть между ними такія, съ которыми трудно согласиться, другія у насъ непримѣнимы; но за всѣмъ тѣмъ въ идеяхъ Як. Гримма остается еще довольно такого, чѣмъ мы можемъ и должны воспользоваться. Къ нѣкоторымъ мѣстамъ его программы прилагаю особыя примѣчанія.

мнѣ хотѣлось бы подняться и разомъ все стряхнуть съ себя, но чрезъ минуту не могу не опомниться. Безразсудно было бы стремиться упорно къ менѣе важнымъ цѣлямъ и упустить высшую.

И если я достигну этой цѣли, значеніе которое кроется болѣе въ самомъ предпринятомъ дѣлѣ нежели въ моихъ способахъ, какая бѣда, что я не пойду по потаеннымъ стезямъ, по которымъ хотѣлъ итти, что будетъ недоставать подтвержденій, которыя привели бы къ тому же результату? Они могли бы присоединиться, но въ нихъ нѣтъ крайней надобности. Я убѣдился, что основа органовъ человѣческаго слова, прирожденныя намъ условія языка подчинены таинственнымъ законамъ, которые естествознаніе вездѣ являетъ намъ неизмѣнными; но въ то же время я понялъ, что въ языкѣ есть еще другой, болѣе теплый и подвижной элементъ развитія его, усвоенія, перехода изъ рода въ родъ и усовершенствованія, — элементъ, который вводитъ его въ область исторіи и даетъ начало всему великому разнообразію литературы. Отношеніе языка къ естественнымъ звукамъ на безчисленныхъ ступеняхъ должна показать преимущественно грамматика, а изобразить приливъ и отливъ ихъ явленій во времени есть дѣло словаря, для котораго богатѣйшіе сборники запасовъ языка такъ же необходимы, какъ акты для исторіи.

Подобный трудъ тогда только можетъ итти успѣшно, если начало его озарено свыше благодатнымъ созвѣздіемъ. Такое свѣтило стало мнѣ ясно въ двухъ знакахъ, которые обыкновенно далеки другъ отъ друга, но на этотъ разъ сблизились, движимые однимъ и тѣмъ же внутреннимъ побужденіемъ, — въ быстромъ развитіи нѣмецкой филологіи и въ живомъ сочувствіи народа къ родному слову, возбужденныхъ укрѣпившеюся любовью къ отечеству и неугасимымъ желаніемъ ему болѣе твердаго единенія. Что же у насъ общаго, если не языкъ и литература?

Великіе поэты доказали предъ цѣлымъ народомъ, какая сила въ нашемъ языкѣ, а иноземное иго въ началѣ нынѣшняго столѣтія убѣдило всѣхъ, съ какою гордостью мы должны держаться сокровища родного языка. Съ той поры сознаніе искони кроющ-

щихся и въ немъ основныхъ законовъ было такъ облегчено, что оно вдругъ могло сдѣлаться нагляднымъ при самыхъ простыхъ средствахъ. Это радушно принятое сознаніе, къ счастію, встрѣтилось съ появленіемъ вызванной санскритомъ сравнительной филологіи; не гнушаясь никакою принадлежностью языка, она тѣмъ болѣе не могла не отдать справедливости отечественному слову, которое многими струнами еще откликалось на болѣе полные звуки достопочтеннаго прародителя. Такъ при разныхъ благопріятныхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствахъ постепенно образовалась, въ большемъ объемѣ чѣмъ когда-либо прежде, нѣмецкая филологія. Бывало, все что съ трудомъ было издано изъ памятниковъ нашей старины могло совмѣститься въ какихъ-нибудь двухъ фоліантахъ или квартантахъ; теперь же въ библіотекахъ цѣлыя полки уставлены древне-нѣмецкими книгами, и уже книгопродавцы издатели не боятся этой литературы. Сколько бы ни оставалось еще сдѣлать, видно похвальное усердіе пополнить всѣ пробѣлы и вытѣснить плохія изданія болѣе удовлетворительными. Уже источники нашего языка не остаются закрытыми; ихъ ручьи и рѣки можно иногда прослѣдить до самаго того мѣста, гдѣ они впервые пробились; но за то впредь нѣмецкая грамматика, нѣмецкій словарь, чуждые этихъ изысканій и всѣхъ вызванныхъ ими требованій, не могутъ ни имѣть значенія, ни служить къ дѣйствительной пользѣ.

Въ настоящее время уже и серьезное настроеніе народа начинаетъ отвращаться отъ всякаго поверхностнаго труда. При расположеніи къ разработкѣ естественныхъ наукъ, которыя занимаютъ умъ и самыми простыми средствами производятъ полезнѣйшія дѣйствія, народъ нашъ вообще гнушается всѣмъ безполезнымъ и дурнымъ. На что ему вѣчные ручные словари и извлеченія изъ сокровищницы нашего могучаго языка, нашего древняго наслѣдія? Эти пособія только отталкиваютъ отъ него и предлагаютъ безвкусный отваръ его силы и полноты, неспособный ни питать, ни насыщать, какъ будто нельзя подойти къ языку прямо и наблюдать его лицомъ къ лицу. Изслѣдованіе силъ без-

конечной природы успокоиваетъ и возвышаетъ, но не есть ли самъ человѣкъ благороднѣйшее ея произведеніе, не составляютъ ли плоды его духа высшую цѣль? Теперь народъ болѣе прежняго желаетъ наслаждаться своими поэтами и писателями, не только нынѣшними, но и отжившими; надобно открыть шлюзы, чтобъ волны старины доходили до настоящаго. Немногіе чувствуютъ призваніе къ изслѣдованію свойствъ древняго языка, но въ массѣ есть потребность, влеченіе, любопытство узнать весь объемъ живой рѣчи, не раздробленной и не разложенной. Грамматика для ученыхъ, словарь для всѣхъ; рядомъ съ ученою и вмѣстѣ живою основой, онъ имѣетъ цѣль и назначеніе, которыя въ благороднѣйшемъ смыслѣ заслуживаютъ названія практическихъ.

Теплое участіе народа было необходимымъ условіемъ появленія этого нѣмецкаго словаря, который такимъ образомъ составляетъ рѣзкую противуположность съ словарями другихъ языковъ, возникшими въ ученыхъ обществахъ и изданными на счетъ правительствъ, какъ было во Франціи, въ Испаніи и въ Даніи; нынче академія словесности въ Стокгольмѣ готовитъ шведскій словарь. На такое сотрудничество надобно смотрѣть различно, смотря по неодинаковому положенію народовъ. Гдѣ, какъ во Франціи, языкъ вполнѣ опредѣлился утонченностью общественнаго быта, тамъ онъ едва ли и можетъ инымъ путемъ найти и выяснить свой свѣтскій тонъ; по крайней мѣрѣ Dictionnaire de l'académie утвердилъ его на нѣсколько поколѣній; когда-нибудь, конечно, сбросятъ его невыносимыя оковы; отъ истиннаго же понятія словаря dictionnaire съ самаго начала былъ далекъ. Но въ другихъ странахъ выгоды совокупнаго труда исчезаютъ передъ сопряженными съ нимъ препятствіями и недостатками: посреди дѣятельности и согласія могутъ возникать предлоги къ лѣни и раздору. Поэтому вся дѣйствительная тягость труда должна бы быть предоставлена въ руки одного или нѣсколькихъ лицъ, сознающихъ въ себѣ настоящее призваніе къ дѣлу. Но тогда такой трудъ могъ бы развиваться и независимо, внѣ круга общества, которое бы взяло на себя только покрытіе вполнѣ или отчасти издержекъ по пред-

пріятію и такимъ образомъ стало бы въ главѣ всего дѣла. Съ этой стороны нельзя конечно отрицать благотворнаго участія ученаго общества въ составленіи словаря. Но въ Германіи, при маломъ уваженіи, которымъ пользовался отечественный языкъ, академія, охранявшая преимущественно классическую и восточную филологію, естественныя науки и исторію, никогда не оказывали содѣйствія ни къ начертанію новаго, ни къ поддержанію начатаго уже нѣмецкаго словаря. Отъ первыхъ нашихъ лексикографовъ до Аделунга и Кампе, вообще всѣ наши словари печатались безъ всякаго общественнаго поощренія или пособія, и къ стыду нашему, памятники отечественнаго языка, по большей части, издавались при самыхъ скудныхъ средствахъ, чуть не противъ воли [illegible] на себя издержки, почти безъ всякаго вознагражденія [illegible].

[illegible] къ частнымъ замѣчаніямъ:

1. Словарь есть [illegible] словъ какого-нибудь языка. [illegible] обнаруживаетъ [illegible] разность древнихъ и новыхъ временъ. Выраженія Wörterbuch не знало еще 17-е столѣтіе; [illegible] первый употребилъ его Крамеръ [illegible] по образцу [illegible] woordenboek; отъ насъ оно [illegible] къ Шведамъ и Датчанамъ. Но прекраснѣе несложное [illegible] *словарь*, *словникъ*, [illegible] отъ *слово*, [illegible]. Греческ[illegible] бы нынѣшнему значенію, но древніе [illegible].

[illegible] впослѣдствіи [illegible] glossarium, dictionarium.

[illegible] благотворнаго значенія академіи [illegible] словаря. Кажется, Д. Гриммъ [illegible] именно степень литературнаго [illegible] вторая въ [illegible] лѣтъ [illegible] еще и до сихъ поръ не [illegible] теперь, послѣ всѣхъ [illegible] русскаго словаря [illegible] лишь бы нашлись [illegible] возможность посвятить ему [illegible].

vocabularium, заключаютъ въ себѣ другой смыслъ: λεξικόν (βιβλίον) отъ λέξις, dictionarium отъ dictio, есть сборникъ оборотовъ, выраженій; glossarium объясняетъ старинныя, непонятныя реченія, содержитъ въ себѣ глоссы; vocabularium предлагаетъ немногія только слова, собранныя для учащихся или вообще съ какою-нибудь особенной цѣлью. Такъ Дюканжъ и Орбелинъ справедливо называютъ свои труды глоссаріями, французскіе академики свою превосходную выборку—dictionnaire; но отдѣльные, къ изданію какого-нибудь писателя приложенные реестры не должны бы называться словарями. Если Французы когда-нибудь дождутся полнаго словаря своего языка, то они конечно дадутъ ему болѣе вѣрное названіе нежели dictionnaire или lexique. Понятіе словаря, во всей его обширности, часто выражали еще заглавіемъ: thesaurus, tesoro, trésor, sprachschatz, или присоединеніемъ прилагательнаго (totius latinitatis lexicon).

Самимъ древнимъ никогда не приходило на мысль собирать *всѣ* слова своего языка, а тѣмъ болѣе языковъ сосѣднихъ варваровъ; они любили только объяснять отдѣльные слои или ряды словъ, преслѣдовать въ нихъ извѣстные грамматическіе законы образованія или выяснять темныя, забытыя выраженія. Ихъ этимологія, иногда замысловатая и мудреная, по большей части не знала правилъ науки. Самая твердая память не могла бы удержать всѣхъ выраженій, которыя у Грековъ и безъ того способны были къ безконечному развитію; а если бъ до этого и можно было постепенно дойти совокупными усиліями многихъ, то оно ни къ чему не повело бы. Какая была бы польза отъ собранія массы словъ, которое никого не интерссовало и могло быть распространено не иначе какъ посредствомъ списковъ, стоившихъ и много труда и большихъ издержекъ? Греки и Римляне еще и не думали о сравненіи языковъ; они не чувствовали къ тому ни малѣйшей охоты; не то, конечно сдѣлали бы въ этой области изумительныя открытія.

Рѣшительную перемѣну произвело только книгопечатаніе, преобразовавшее всѣ науки; послѣдствія этого великаго изобрѣ-

тенія, какъ и паровой силы, до сихъ поръ неисчислимы. Какъ въ глубокой древности письмо впервые доставило людямъ возможность употреблять руку самымъ духовнымъ образомъ, дало имъ средства пересылать свои мысли и передавать ихъ потомству, такъ распространеніе письма въ печати удесятерило эти средства. Безъ этого изобрѣтенія, послѣдовавшее за нимъ возрожденіе классической литературы и реформація были бы невозможны или по крайней мѣрѣ не вполнѣ успѣшны. Съ тѣхъ поръ какъ писанное печатается и повсюду читается, возникли словари, и для языкознанія проложены совершенно новые пути; это произошло конечно не вдругъ, а дѣлалось мало по малу, сперва случайно, потомъ все сознательнѣе: наконецъ поняли, какъ важны полныя хранилища языковъ. Въ филологическомъ направленіи нынѣшнихъ миссіонеровъ языкоученіе можетъ со временемъ пріобрѣсти такую опору, что оно часто будетъ въ состояніи замѣнять отсутствіе или утрату историческихъ памятниковъ богатствомъ и остроуміемъ своихъ соображеній: это мы уже и теперь предвкушаемъ въ нѣкоторой степени. Но на участіе въ этой новой филологіи всѣ языки земного шара имѣютъ равное право, и ни одинъ не долженъ быть презираемъ, точно такъ, какъ всѣ слова равно принадлежатъ словарю и въ немъ пользуются одинаковыми правами. Итакъ стремленіе къ полнотѣ въ собираніи и разработкѣ составляетъ для словаря первую потребность и этимъ обусловливается всесторонность его употребленія. Ибо все что́ выходитъ изъ печати назначено для всѣхъ безъ исключенія; что́ всѣмъ должно и можетъ служить, не имѣетъ права исключать или отвергать что-либо.

Столько же необходимъ для словаря азбучный порядокъ, отъ котораго зависитъ съ одной стороны возможность полнаго занесенія и разработки словъ, а съ другой — вѣрность и скорость употребленія. Кто располагаетъ богатыми матеріалами, долженъ въ точности знать, куда ихъ помѣстить, и не быть принужденнымъ искать, чтобъ удостовѣриться, включено ли уже такое-то слово, или нѣтъ: пчела напередъ знаетъ, въ какую ячейку ей

положить медъ. Кому была бы охота рыться въ словахъ, когда неизвѣстно, гдѣ ихъ найти? Уже древніе въ своихъ ограниченныхъ сборникахъ соблюдали алфавитный способъ размѣщенія, а кто теперь отъ него отступаетъ, тотъ грѣшитъ противъ филологіи.

Но никакой порядокъ такъ не противенъ цѣлямъ словаря, какъ расположеніе словъ по корнямъ, за которыми слѣдуютъ производныя и сложныя реченія; многіе даже при составленіи глоссаріевъ и списковъ не могутъ воздержаться отъ страсти систематизировать, и отнимаютъ у грамматики то, что ей принадлежитъ. Заботиться и въ словарѣ объ этимологіи естественно и неизбѣжно; но такъ какъ она, безостановочно развиваясь, во всѣхъ направленіяхъ расширяетъ познаніе корней, то порядокъ словъ не долженъ быть ею сбиваемъ; иначе всякая этимологическая находка влекла бы за собой измѣненія, и въ словарѣ ни одно слово не стояло бы прочно на своемъ мѣстѣ. Когда уже есть другіе словари, можно съ пользою располагать по алфавиту и изслѣдованіе надъ корнями, какъ напр. Миклошичъ издалъ разные труды этого рода, или Розенъ собралъ особо санскритскіе корни[1]. Но одинъ азбучный порядокъ упрочиваетъ за отдѣльными словами до времени ихъ независимость и нейтральность, которыхъ не должно нарушать прежде завершенія разысканій, не относящихся къ словарю.

2. Что составляетъ цѣль словаря? По обширности своего назначенія онъ долженъ имѣть цѣль великую и далекую.

Онъ долженъ быть святилищемъ языка, хранить все богатство его и содержать открытый къ нему доступъ. Собраніе словъ растетъ какъ соты и становится драгоцѣннымъ памятникомъ народа, котораго прошедшее и настоящее въ немъ сливаются.

Языкъ есть общее достояніе и вмѣстѣ тайна. Сильно привлекая ученаго, онъ возбуждаетъ и въ толпѣ естественное

---

[1] Здѣсь нельзя не вспомнить и нашего Шимкевича.

къ себѣ сочувствіе и охоту: «Какъ бишь такое-то слово, котораго я не припомню?».... «Этотъ человѣкъ странно выражается: что бы онъ хотѣлъ сказать?».... «На это слово можно найти лучшіе примѣры: поищемъ въ словарѣ».

Такая охота много облегчаетъ пониманіе. Словарю вовсе не нужно стремиться къ пошлой ясности; онъ можетъ спокойно прибѣгать къ обычной обстановкѣ, безъ которой наукѣ такъ же трудно обойтись, какъ и ремеслу, и читатель либо уже приноситъ съ собой нужное умѣнье обращаться съ нимъ, либо пріобрѣтаетъ къ тому навыкъ безъ особенныхъ усилій. Спросите о чемъ-нибудь сапожника или булочника, и онъ отвѣтитъ вамъ своими словами, которыя рѣдко потребуютъ толкованія.

Да и нѣтъ никакой надобности, чтобы все было всѣмъ понятно, чтобы каждое слово было объяснено каждому; пусть онъ пройдетъ мимо непонятого: можетъ-быть, оно въ слѣдующій разъ сдѣлается ему доступнѣе. Назовите хоть одну хорошую книгу, которой пониманіе было бы всякому легко и не оставляло за собой неизмѣримой бездны смысла. Содержаніе словаря обыкновенно бываетъ такъ полновѣсно, что многое и ученѣйшихъ ставитъ въ тупикъ, или по крайней мѣрѣ затрудняетъ. Въ безчисленныхъ случаяхъ и другіе читатели могутъ оставлять въ сторонѣ то, чтó имъ не подъ силу, чтó не входитъ въ ихъ кругозоръ или даже отталкиваетъ ихъ. Читатели всякаго званія и возраста, на необозримыхъ пространствахъ языка, должны поступать по обычаю пчелъ, спускаться только на тѣ травы и цвѣты, которые ихъ привлекаютъ и нравятся имъ.

Есть множество книгъ съ неудачно-придуманными заглавіями, которыя ходятъ по бѣлу свѣту и предлагаютъ самую пеструю и неудобоваримую смѣсь разнородныхъ знаній. Если бъ распространился вкусъ къ простой пищѣ родного языка, то словарь могъ бы сдѣлаться предметомъ домашняго обихода, и его стали бы читать съ охотой, иногда даже съ благоговѣніемъ. Только не надо сравнивать привлекательную силу рога изобилія, какъ обыкновенно называютъ словарь, и оказываемую имъ пользу съ жал-

кими услугами скуднаго ручного словаря, который раза два въ годъ снимаютъ съ запыленной полки, чтобы рѣшить споръ, какое изъ двухъ плохихъ правописаній заслуживаетъ предпочтенія, или отыскать натянутый переводъ всѣмъ извѣстнаго иностраннаго выраженія.

Какъ велико благотворное вліяніе словаря въ томъ смыслѣ, что онъ противодѣйствуетъ людямъ, которые щеголяютъ чужеземными языками, и заставляетъ живѣе чувствовать достоинство, часто даже превосходство своего; а запасъ наглядныхъ примѣровъ, независимо отъ прямой ихъ цѣли, усиливаетъ любовь къ отечественной литературѣ. Блескъ древнихъ языковъ возвышали и поддерживали поэзія и произведенія духа; кажется, словарямъ предназначено способствовать къ упроченію новѣйшихъ языковъ: вотъ еще причина, почему надо стараться о распространеніи хорошихъ словарей. Если они не въ силахъ охранять всѣхъ словъ, то по крайней мѣрѣ оберегаютъ большую часть ихъ; не многіе изъ читателей какого-нибудь словаря станутъ отрицать, какъ много они ему обязаны въ частностяхъ. Конечно, всего живѣе слова передаются изъ устъ въ уста; и смотря по различію странъ, одно племя бываетъ развязнѣе другого и ловчѣе справляется съ языкомъ, нежели другое. Но брошенное сѣмя можетъ оплодотворять и запустѣвшія поляны.

Успѣхамъ языковѣдѣнія благопріятно все, чтó дѣлается для памятниковъ, и поприще его неизмѣримо. Но безъ всякаго сравненія важнѣйшую помощь оказываетъ ему словарь, который всѣ реченія представляетъ на опредѣленномъ мѣстѣ въ такомъ удобномъ для обзора порядкѣ, какого и самый неутомимый трудъ ничѣмъ не можетъ замѣнить. Словарь похожъ на вооруженное, готовое къ битвѣ войско, съ которымъ можно совершать чудеса и противъ котораго безсильны отдѣльные, хотя и самые отборные отряды. Я это испыталъ на себѣ, когда хотѣлъ построить древнюю грамматику еще безъ помощи словаря, а теперь при полной азбучной разработкѣ языка замѣчаю, что только такимъ твердымъ и равномѣрнымъ шагомъ можно дойти до самыхъ отдален-

ныхъ мѣстъ, которыя иначе остались бы въ сторонѣ. Подобно часамъ, словарь и для простолюдина долженъ быть устроенъ съ тою же точностью, къ какой стремится астрономъ, и вообще онъ можетъ быть вполнѣ полезнымъ только тогда, когда удовлетворяетъ строгимъ требованіямъ науки.

3. До сихъ поръ понятіе и значеніе словаря разсматривались столь общимъ образомъ, что выводы отсюда могутъ быть примѣняемы ко всѣмъ языкамъ; теперь поговоримъ о нѣмецкомъ словарѣ въ особенности.

(Здѣсь считаю нужнымъ передать только вкратцѣ слишкомъ частныя для насъ замѣчанія Якова Гримма).

Объемъ словаря, говоритъ онъ, опредѣляется границами самого языка. Подъ нѣмецкимъ языкомъ въ собственномъ смыслѣ надобно разумѣть употребляемый тѣми Нѣмцами, которые остались въ политическомъ союзѣ. Этотъ языкъ раздѣляется на верхне- и нижненѣмецкое нарѣчіе, между которыми передвижка звуковъ полагаетъ такое рѣзкое различіе, что послѣднее изъ обоихъ болѣе сходно съ другими германскими языками, нежели съ верхненѣмецкимъ нарѣчіемъ. Поэтому нижненѣмецкія реченія не могутъ найти мѣста въ нѣмецкомъ словарѣ. Но за то для него чрезвычайно важно познаніе всѣхъ верхненѣмецкихъ народныхъ говоровъ, и здѣсь Яковъ Гриммъ съ особенной похвалой отзывается объ областныхъ словаряхъ: баварскомъ Шмеллера и швейцарскомъ Стальдера; изъ которыхъ первый онъ ставитъ еще гораздо выше послѣдняго. Упомянувъ потомъ объ эльзасскомъ и аллеманскомъ отличіяхъ, онъ прибавляетъ: «однакожъ изъ всѣхъ этихъ нарѣчій нельзя заимствовать непосредственно, т. е. безъ устраненія звукового различія, съ которымъ отчасти теряется и прелесть ихъ».

4. Мы видѣли, какому ограниченію подлежитъ понятіе нѣмецкаго словаря по пространству; спрашивается, какіе предѣлы должны быть положены ему во времени?

Верхненѣмецкій языкъ распадается на три періода. Древнѣйшіе памятники его, отъ 7-го до 11-го столѣтія, образуютъ древне-верхненѣмецкій періодъ; отъ 12-го же до середины

15-го идетъ средне-верхненѣмецкій; необходимо отличать оба эти періода какъ между собой, такъ и отъ ново-верхненѣмецкаго, потому что формы стараго языка полнѣе и благороднѣе формъ средняго, а эти чистотою далеко превосходятъ нынѣшніе. Въ словарѣ часто нужно было прибѣгать къ древне-верхненѣмецкому и даже къ готскому, чтобы добраться до самой древней и правильнѣйшей формы какого-нибудь реченія. Еще чаще, и особенно ради живости выраженій, вносимы были средне-верхненѣмецкіе примѣры, такъ что иному читателю можетъ даже показаться, что ихъ слишкомъ много. Необходимость ихъ понималъ иногда уже Аделунгъ, но древне-верхненѣмецкіе приводитъ онъ рѣдко, готскихъ у него вовсе нѣтъ.

Главное дѣло въ томъ, чтобы по возможности исчерпать объемъ всего ново-верхненѣмецкаго періода и тамъ не только достигнуть пониманія отдѣльныхъ выраженій, но и возбудить снова любовь къ забытымъ писателямъ. Всего ошибочнѣе было бы отвернуться отъ старины и самодовольно отмежевать нѣмецкому словарю тѣсное пространство настоящаго, какъ будто какое-нибудь время можетъ быть понято только изъ самого себя и обойтись безъ того, чтó устарѣло, вышло изъ употребленія. Уже и у Гэте надо часто отличать прежній способъ выраженія отъ позднѣйшаго, потому что онъ въ теченіе своей долгой, богатой жизни постепенно обращался къ другимъ формамъ и словамъ. Еще чаще попадаются у Виланда слова, которыхъ новѣйшіе писатели почти никогда или даже вовсе не употребляютъ[1].

Каждый языкъ находится подъ вліяніемъ не только ближайшаго къ нему круга, но отчасти и болѣе отдаленныхъ, обширнѣйшихъ круговъ, которыхъ сознаніе еще не вполнѣ имъ утрачено,

---

[1] Вопросъ о періодѣ времени, какой долженъ войти въ предѣлы словаря, особенно важенъ у насъ. Мѣра включенія въ него церковно-славянскихъ словъ всегда будетъ самымъ затруднительнымъ пунктомъ задачи. Кажется, всего справедливѣе и проще было бы отдѣлить на первый случай всю ту часть литературы, которая отмѣчена церковнымъ шрифтомъ, и ограничиться тою, которая живетъ въ гражданской грамотѣ. Русскій словарь обнялъ бы слѣдовательно, собственно говоря, только 18-й и 19-й вѣкъ. Но къ нему надо бы еще

какъ иногда передъ памятью внезапно возстаютъ самые отдаленные предметы. Невыносимымъ стѣсненіемъ для языка было бы лишеніе его права брать назадъ свою собственность и пользоваться знаменательными словами, отъ древности получившими торжественность. Языкъ, который, сверхъ своего наличнаго ходячаго запаса, не имѣлъ бы прибереженной денежки и кое-какихъ рѣдкихъ монетъ, былъ бы бѣдный языкъ; выставить эти сокровища есть дѣло словаря.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы познакомились съ забытыми поэтическими произведеніями среднихъ вѣковъ, а за ними еще открываемъ угасающую древне верхненѣмецкую поэзію, намъ вдругъ представились въ благопріятнѣйшемъ свѣтѣ и всѣ послѣдующія столѣтія, потому что точное познаніе старины не допускаетъ пробѣловъ и въ позднѣйшемъ времени. Геллерта и Гагедорна мы не понимаемъ безъ Каница и Гюнтера, а этихъ безъ Опица и Флеминга: какъ же намъ отказаться отъ бóльшаго могущества 16-го столѣтія? Языкъ Лютера, доселѣ живущій въ библіи, не могъ бы быть вполнѣ изученъ, если бъ былъ вырванъ изъ цѣпи явленій своего времени. Никакой нѣмецкій словарь не можетъ обойтись безъ Лютера и Гансъ-Сакса; слѣдовательно ему принадлежатъ и современники этихъ мужей, а еслибъ онъ не выполнилъ такого требованія, то не имѣлъ бы существеннаго достоинства и значенія.

5. Какіе у насъ предшественники и что ими сдѣлано?

(Пропуская здѣсь мало поучительныя для насъ замѣчанія Якова Гримма о первыхъ начаткахъ и опытахъ нѣмецкихъ словарей, обратимся къ тому, чтó онъ говоритъ о трудахъ Аделунга, Кампе и ихъ послѣдователей).

присоединить: 1, русскія слова изъ древнихъ памятниковъ исторіи и народной литературы, грамотъ, пѣсенъ, сказокъ, пословицъ и т. п. 2, корни церковно-славянскіе, встрѣчающіеся въ производныхъ или составныхъ русскихъ словахъ. Само собою разумѣется, что въ этотъ словарь должны бы войти и тѣ церковно-славянскія слова, которыя употреблялись нашими свѣтскими писателями послѣ введенія гражданской печати. Что касается до писателей духовныхъ, то изъ ихъ трудовъ слѣдовало бы извлекать слова съ осмотрительностью.

По смерти Готшеда (1766), который незадолго передъ тѣмъ издалъ неудовлетворительные образцы пространнаго нѣмецкаго словаря, Аделунгъ взялся за это дѣло и въ послѣдующее время трудился надъ нимъ неутомимо. Можно принять, что оно исключительно занимало его во все продолженіе 70-хъ годовъ; второе изданіе, появившееся постепенно въ 90-хъ годахъ, стоило уже меньшихъ усилій. Оно, по многимъ пропускамъ, которые не вознаграждаются кое-какими дополненіями, стоитъ ниже перваго, а въ языкоизслѣдованіи не подвигаться впередъ, но стоять на мѣстѣ — почти то же, что итти назадъ.

Несмотря на употребленный имъ непомѣрный трудъ, скромный ученый назвалъ первое изданіе опытомъ. Надо согласиться, что никогда еще не было столь тщательно и настойчиво выполненнаго труда по нѣмецкому языку, и этотъ словарь долженъ былъ произвести самое благопріятное впечатлѣніе. Его главное достоинство заключалось, во-первыхъ, въ богатомъ запасѣ словъ, который составленъ былъ хотя съ нѣкоторою сдержанностью, но за то въ строжайшемъ порядкѣ, и превосходилъ по обилію всѣ прежніе сборники, а во вторыхъ — въ спокойномъ и осмотрительномъ развитіи значеній, правда ужъ слишкомъ широкомъ, но подкрѣпленномъ хорошо прибранными примѣрами. Все здѣсь носитъ отпечатокъ невозмутимаго, равномѣрнаго труда, который скоро достигъ высшей точки, какой только могъ достигнуть, и остался свободнымъ отъ всякаго вліянія фантазіи.

Здѣсь, послѣ долгаго времени, снова соблюденъ былъ строгій азбучный порядокъ, и всѣ увидѣли его преимущества; но первый законъ для словаря — безпристрастное принятіе и охраненіе всѣхъ выраженій — принесенъ былъ въ жертву ошибочному взгляду Аделунга на свойства нашей письменной рѣчи. По его мнѣнію, только употребительный въ верхней Саксоніи утонченный нѣмецкій языкъ, какъ бы придворный языкъ учености, можетъ служить нормою, хотя ни одинъ классическій писатель не употреблялъ его. Изъ высокаго тона, такъ думалъ онъ, языкъ спускается въ благородный, изъ благороднаго въ фамильярный,

а потомъ въ низкій и простонародный; простонародный же недостоинъ вниманія языкоизслѣдователя, который низкое принимаетъ въ соображеніе только изъ уваженья къ комическому: словъ этого рода, говоритъ онъ, въ первомъ пылу допущено въ словарь слишкомъ много. Сверхъ того словарь не глоссарій и не долженъ быть слишкомъ щедръ на устарѣлыя слова. Такъ разсуждалъ Аделунгъ.

Между тѣмъ нѣмецкая поэзія достигла блестящаго развитія, а онъ не показалъ ни малѣйшей воспріимчивости къ ней, и второе изданіе его словаря нисколько не обогатилось тѣмъ, что̀ всѣхъ воодушевляло. Его равнодушіе должно было непріятно поражать всѣхъ людей съ поэтическимъ настроеніемъ; наконецъ Фоссъ высказалъ долго сдержанную хулу, — высказалъ ее умно и рѣзко, но несправедливо, потому что не умѣлъ оцѣнить той обильной общеполезной жатвы, какую собралъ Аделунгъ въ тѣсныхъ, добровольно назначенныхъ себѣ предѣлахъ. Фоссъ лучше его былъ знакомъ съ литературой 16-го и 17-го столѣтій, но въ древнемъ языкѣ познанія обоихъ были слишкомъ недостаточны, и нельзя назвать удачною такую хулу, изъ которой для хулящаго проистекаетъ еще большее осужденіе. Несмотря на частые промахи Аделунга, доказывающіе незнакомство съ старинными формами языка, словарь его выдержитъ еще не одинъ порывъ вѣтра, еще долго будетъ сохранять свое значеніе, и долго изыскатели будутъ съ нимъ совѣтоваться.

Вскорѣ по окончаніи второго изданія Аделунга и послѣ долгихъ приготовительныхъ работъ, явился въ 1807—1811 годахъ нѣмецкій словарь Кампе,—тяжелый, далеко уступающій предыдущему трудъ, вызванный желаніемъ съ одной стороны пополнить сборникъ недостающими у Аделунга словами (которыя, при алфавитномъ порядкѣ, легко было отыскать), а съ другой стороны, изъ угожденія неосновательному пуризму, изгнать изъ нѣмецкаго языка всѣ иностранныя реченія. У Аделунга все какъ будто вылилось съ разу и зрѣло обдумано; здѣсь же, вмѣстѣ съ Кампе, работали двое сотрудниковъ разныхъ свойствъ и спо-

собностей; они старались наскоро сработать словарь, который могъ обойтись безъ учености, такъ какъ отбросилъ всѣ этимологическія производства, и «рѣчь ежеминутно мучащаяся въ родахъ» служила пищею торопливо схватывающей, а не спокойно-прилежной дѣятельности собирателя.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не сказать, что многія изъ пропущенныхъ Аделунгомъ словъ помѣщены у Кампе и что въ наброcанномъ со всѣхъ сторонъ сорѣ могутъ скрываться годныя зерна, которыхъ расположеніе въ азбучномъ порядкѣ заслуживаетъ благодарности; но не видно ни плана, ни точности въ занесеніи какъ старинной, такъ и новой литературы; выписки же обезображены множествомъ опечатокъ. Масса дополненій состоитъ преимущественно изъ сложныхъ словъ, какихъ, по свойству нашего языка, можно образовать цѣлыя сотни. Исчисленіе ихъ въ словарѣ доказываетъ не богатство языка, а только насиліе синтаксису его. Что касается до частицъ, то конечно допустить присоединеніе каждой изъ нихъ къ простымъ словамъ во всѣхъ возможныхъ случаяхъ значило бы открыть широкій путь произволу: тогда языкъ сталъ бы походить на неестественное дерево, у котораго сучья, вѣтки и листья разрослись во всѣ стороны. Въ аналогіи данъ языку могущественный законъ; но въ исключеніяхъ и отступленіяхъ отъ нея опять-таки скрываются правила, которыя должны быть соблюдаемы. Я не утверждаю, чтобы трудившіеся надъ словаремъ Кампе хотѣли собрать всѣ возможныя словосоставленія съ частицами, но для многихъ словъ этого рода они довольствуются тѣмъ, что слѣдуютъ одной аналогіи или приводятъ такіе примѣры, которые не въ состояніи доказать живого происхожденія сложнаго слова. Не всѣ подобныя слова рѣшительно негодны, но они непріятны, когда не могутъ быть достаточно подкрѣплены, и большая часть ихъ возбуждаетъ сомнѣніе. Если прибавимъ, что сверхъ этой страсти употреблять во зло способность нѣмецкаго языка къ произведенію и составленію словъ, Кампе придерживается несноснаго пуризма, о которомъ скоро будетъ говорено подробнѣе, что онъ съ другой стороны не вос-

пользовался болѣе близкими и существенными дополненіями къ Аделунгову труду, которыя представляетъ наша литература, то трудно будетъ признать разсматриваемый словарь дѣйствительно годнымъ къ употребленію и полезнымъ для успѣховъ нѣмецкаго языка. Поставленные передъ словами знаки конечно не заслуживаютъ одобренія и только увеличиваютъ безжизненность, которою эта книга безъ того страдаетъ.

Нѣтъ надобности распространяться о прочихъ, со времени Аделунга явившихся, нѣмецкихъ словаряхъ, ручныхъ, полныхъ словаряхъ Морица, Гейнзіуса, Гейзе, Кальтшмидта и другихъ. Они различнаго вида и устройства, предприняты съ благимъ намѣреніемъ и составлены отчасти съ умѣніемъ; но я сомнѣваюсь, чтобы хоть одинъ изъ нихъ оказалъ истинныя и прочныя услуги самому языку. Они считаютъ потребностью описывать, извлекать и сокращать добытые доселѣ результаты, вмѣсто того, чтобы возвышать и увеличивать ихъ. Зачѣмъ, въ отсутствіи земледѣльцевъ, столькимъ ногамъ утаптывать обширную ниву слова? лучше бы ей было пролежать нѣсколько времени въ пару.

6. Иноземныя слова.

Всѣ языки, пока они въ здоровомъ состояніи, имѣютъ естественное побужденіе отстранять отъ себя чужое, а если оно разъ уже вторглось, — вытѣснять его снова или, по крайней мѣрѣ, сглаживать туземными элементами. Нѣтъ народа способнаго къ развитію всѣхъ возможныхъ звуковъ, и всякій языкъ избѣгаетъ тѣхъ, которые ему несвойственны и противны. Чтó справедливо о звукахъ, то еще болѣе относится къ словамъ.

Когда чуждое слово случайно западетъ въ воды какого-нибудь языка, то оно носится по нимъ, пока не приметъ его цвѣта и, наперекоръ своей натурѣ, не станетъ похоже на туземное. Это видно въ особенности на множествѣ мѣстныхъ названій, но также и на другихъ словахъ: Abenteuer, Armbrust, Eichhorn представляютъ совершенно нѣмецкіе звуки, хотя не имѣютъ ничего общаго съ понятіями: Abend, theuer, Arm, Brust, Eiche, Horn. Все равно, чтó они повидимому значатъ; всякій знаетъ,

чтó они дѣйствительно выражаютъ, и слухъ нашъ не возмущается ими. Иногда и чисто нѣмецкія, но затемнившіяся выраженія этимъ же способомъ становятся яснѣе, хотя и безъ смысла: такъ Moltwurf, съ тѣхъ поръ какъ перестали понимать его, превратилось въ Maulwurf[1].

Путемъ христіанства, латинской учености и сношеній съ сосѣдями, иноплеменныя слова врывались къ намъ во множествѣ. Нѣкоторыя были удачно и смѣло передаваемы по-нѣмецки, какъ-то: Taufe, Sünde, Hölle, Ostern и др. Гораздо большее число удержалось съ передѣлкою, напр. Engel, Teufel, Priester, Altar и проч.; изъ peregrinus сдѣлалось pilgrim, изъ pyrethrum Bertram[2]. Ассимиляція была всего сильнѣе, когда словамъ придавалась и наша своеобразная флексія, напр. глаголы schreiben и preisen спрягаются въ прошедшемъ schrieb, pries.

Къ принятію иноземныхъ реченій наша старина побуждалась не только ихъ связью съ преданіями церкви и школы, вмѣстѣ съ разительнымъ сходствомъ искони родственныхъ словъ, но также ихъ благообразіемъ и удобствомъ, или лѣнью пріискивать на своемъ языкѣ соотвѣтствующія имъ выраженія.

Мало по малу отвращеніе къ чуждымъ звукамъ стало ослабѣвать и уступать мѣсто педантической заботѣ о сохраненіи полнаго ихъ выговора; съ этимъ чутье къ родному языку еще болѣе притупилось, и иноземнымъ словамъ безъ нужды облегченъ до-

---

[1] Есть и у насъ примѣры словъ, осмысленныхъ народнымъ употребленіемъ или просто измѣненныхъ по недоразумѣнію. Таковы взятыя первоначально изъ другихъ языковъ: *высокосный*, *шировары*, *крылосъ*. Подобное нѣмецкому Maulwurf представляетъ наше прилаг. *близорукій*, передѣланное изъ *близорокій* или правильнѣе *близзорокій* (зоркій), которое до сихъ поръ сохранило свою настоящую форму въ Псковской губ. (см. Опытъ областного словаря). Такое измѣненіе словъ, по требованію народной этимологіи, замѣтно у насъ особенно въ собственныхъ именахъ; такъ изъ *Сарскаго села* народъ, еще прежде оффиціальнаго переименованія этого города, сдѣлалъ *Царское село*; такъ въ нашихъ историческихъ актахъ, вмѣсто *Стокгольмъ*, изстари писалось до самаго Петра Великаго *Стеколна*.

[2] У насъ: налой, просвира, паникадило, исполать, вмѣсто: аналогій, просфора, поликандило, исполлетí.

ступъ: считали какой-то заслугой оставлять свое и замѣнять его чужимъ.

Языкоизслѣдованіе и въ особенности словарь обязаны противодѣйствовать безмѣрному и незаконному наплыву чуждыхъ элементовъ и полагать строгое различіе между двумя весьма несходными видами иноземныхъ словъ, хотя граница между ними иногда довольно неопредѣленна.

Невозможно исключить всѣхъ тѣхъ, которыя давно укоренились на почвѣ нашего языка и пустили изъ нея новые отпрыски; посредствомъ многообразныхъ производствъ и составленій, они такъ срослись съ нѣмецкою рѣчью, что мы безъ нихъ уже не можемъ обойтись. Сюда относятся напр. имена всѣхъ завезенныхъ къ намъ изъ другихъ странъ животныхъ и растеній, для которыхъ нѣтъ нѣмецкихъ названій: кто бы хотѣлъ наприм. отказаться отъ словъ Rose, Röschen, Viole, Veilchen? Сюда принадлежатъ также онѣмечившіяся уже лѣтъ тысячу тому назадъ реченія, какъ-то: Fenster, Kammer, Tempel, Pforte, Schule, Kaiser, Meister, Arzt, которыхъ туземныя имена либо забыты, либо замѣнены болѣе опредѣлительными чужими названіями.

Напротивъ того, нѣмецкій словарь отвергаетъ множество изъ греческаго, латинскаго, французскаго и другихъ языковъ заимствованныхъ словъ, которыхъ употребленіе у насъ сильно распространилось, или по крайней мѣрѣ допускается, хотя они и не могутъ считаться окончательно усвоенными нашему языку. Правда, они пытались утвердиться и занять мѣсто, которое оставалось свободнымъ или изъ котораго они уже вытѣснили было туземное слово; но имъ не удалось въ собственномъ смыслѣ водвориться. Они у насъ во многихъ случаяхъ, кажется, только гости и никто не замѣтитъ ихъ удаленія, какъ скоро настоящее слово займетъ принадлежащее ему мѣсто. Хотя такія иноземныя выраженія и слышатся каждый день, но нѣмецкому языку до нихъ дѣла нѣтъ, потому что у него есть свои, столь же хорошія слова, или что онъ не старается обозначать заключающихся въ нихъ понятій: для чего напр. сталъ бы онъ пускать въ ходъ боль-

шое число иностранныхъ цвѣточныхъ названій, употребительныхъ въ садахъ или теплицахъ? Пусть остаются въ оборотѣ латинскія техническія названія. Другія конечно болѣе касаются насъ; въ наукѣ и училищѣ, на войнѣ и посреди мира, во вседневномъ обиходѣ, завелось такъ много иностранныхъ словъ, что только съ помощію ихъ можно заставить понять себя. Когда сдѣлается яснѣе сознаніе въ достоинствѣ нашего языка и усилится знакомство со всѣми средствами, которыя онъ предлагаетъ намъ для пріисканія болѣе опредѣлительныхъ и соотвѣтственныхъ выраженій, тогда уменьшится и употребленіе иностранныхъ словъ. Вообще не надо забывать, что чужеземныя стихіи занесены въ нашъ языкъ не изъ среды народа, а введены къ намъ княжескими дворами, приверженными къ иностраннымъ обычаямъ, принужденнымъ слогомъ присутственныхъ мѣстъ и канцелярій, а также стремленіемъ всѣхъ наукъ приноравливать свои термины къ иноземнымъ и предоставлять послѣднимъ преимущество передъ каждымъ своимъ словомъ.

Этой привязанности къ иноземному, этого смѣшенія языковъ словарь не долженъ поддерживать; онъ долженъ, напротивъ, честно противодѣйствовать имъ, стараясь однакожъ вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгать тѣхъ ошибокъ, въ которыя вводятъ непризнанные очистители слова. Не умѣя вполнѣ оцѣнить красоту и богатство нашего языка, этотъ докучный пуризмъ преслѣдуетъ и истребляетъ чужое, гдѣ бы оно ему ни попалось; неуклюжимъ молотомъ куетъ онъ свое негодное оружіе. Чтó языкъ давно уже имѣлъ, или въ чемъ вовсе еще не нуждается, то этотъ пуризмъ старается навязать ему, надѣвая на него силою платье, вывороченное на изнанку[1].

---

[1] Братья Гриммы, какъ и нѣкоторые другіе изъ нѣмецкихъ лексикографовъ, совершенно изгнали изъ словаря иностранныя слова, кромѣ тѣхъ, которыя искони слились съ языкомъ: такъ вы у нихъ напр. не найдете именъ: Uniform, Universität. Другому правилу слѣдовала наша Академія въ своемъ словарѣ: въ немъ помѣщены всѣ вошедшія у насъ въ общее употребленіе иностранныя слова. Такая метода русской лексикографіи вполнѣ оправды-

7. Собственныя имена.

Нашъ словарь строго осуждали за то, что онъ опускаетъ собственныя имена нѣмецкія. Никакое другое обвиненіе не могло обнаружить такого незнанія дѣла; но, говоря объ этомъ предметѣ, я долженъ отличить имена мѣстъ отъ именъ лицъ.

Имена странъ, городовъ, мѣстечекъ, деревень, рѣкъ, рѣчекъ, горъ, долинъ, низменностей, холмовъ, полей и лѣсовъ очень многочисленны, и такъ какъ нашъ словарь долженъ бы заняться ими съ большею основательностію, нежели съ какою разсматриваютъ ихъ имѣющіеся географическіе словари, то отъ этого слишкомъ увеличился бы объемъ изданія. Конечно, познаніе и объясненіе этихъ именъ чрезвычайно важно для языка вообще; но при изслѣдованіи ихъ встрѣчается великое затрудненіе. Эти наименованія мѣстъ произошли въ разныя времена, и нѣкоторыя изъ нихъ восходятъ за эпоху переселенія нѣмецкаго племени въ наши страны. Когда дѣло идетъ о кельтскихъ и римскихъ остаткахъ въ предѣлахъ Германіи, то прежде всего слѣдуетъ искать ихъ въ именахъ мѣстъ. Сверхъ того, въ большей части нѣмецкихъ земель племена въ разное время смѣнялись, и удаляющіяся или вытѣсняемыя налагали на отдѣльныя мѣста печать своего особеннаго нарѣчія. Отсюда слѣдуетъ, что исчисленіе именъ съ бóльшимъ основаніемъ должно бы войти въ средне- или древне-верхненѣмецкій словарь, нежели въ ново-верхненѣмецкій, отъ словъ котораго они бы слишкомъ рѣзко отличались, несмотря на ихъ многократное подновленіе. Но если впослѣдствіи кому-нибудь удастся, всего лучше въ особомъ сочиненіи, изслѣдовать ихъ точнѣе, то ново-верхненѣмецкій словарь извлечетъ изъ нихъ болѣе пользы, чѣмъ могъ бы извлечь теперь въ отдѣльныхъ случаяхъ.

вается потребностью нашей публики въ словарѣ, который бы заключалъ въ себѣ весь запасъ языка. У насъ еще нѣтъ удовлетворительныхъ сборниковъ иностранныхъ словъ, которые у Нѣмцевъ издаются подъ именемъ Fremdwörterbuch и такимъ образомъ дополняютъ словари, исключительно посвященные ихъ собственному языку. Русскій словарь, въ которомъ не было бы употребительныхъ иностранныхъ словъ, представлялъ бы весьма существенный пробѣлъ.

Личными именами, даваемыми при крещеніи, ново-верхненѣмецкій языкъ чрезвычайно бѣденъ. Къ чему послужило бы помѣстить здѣсь пятьдесятъ или сто нѣмецкихъ именъ, жалкій остатотъ безпредѣльнаго богатства нашей старины? Нельзя же было бы допустить иноземныхъ, по большей части библейскихъ, которыхъ число почти такъ же велико. Относительно собственно-нѣмецкихъ надо повторить то, что замѣчено было о мѣстныхъ названіяхъ: наши личныя имена также возникли у разныхъ племенъ и потомъ уже распространились далѣе, напр. Сигфридъ произошло въ другой мѣстности нежели Густавъ, Конрадъ не тамъ, гдѣ Фердинандъ; ихъ разсмотрѣніе не входитъ въ тѣсный кругъ ново-верхненѣмецкаго словаря. Хотя они моложе приросшихъ къ самой землѣ именъ мѣстностей, однакожъ также принадлежатъ отдаленной старинѣ. Нѣкогда ихъ насчитывались не сотни, а тысячи, такъ что одно собраніе ихъ, если бъ оно обнимало всѣ формы и видоизмѣненія, составило бы болѣе тома и только полнотою могло бы дѣйствительно оживиться. Такой сборникъ прольетъ когда-нибудь неожиданный свѣтъ на всѣ части и времена нашего языка. Въ словарь должны войти только нѣкоторыя ласкательныя формы именъ, какъ-то: Benz, Kunz, Götz и друг., которыя болѣе въ связи съ особенностями нынѣшняго языка. Все прочее надо было исключить.

Наконецъ, позднѣйшія прозванія или родовыя имена (фамиліи), какъ образованныя изъ употребительныхъ словъ, существительныхъ или прилагательныхъ, мало поучительны, но весьма многія состоятъ изъ названій мѣстъ, передъ которыми выпущено означеніе лица, напр. Vogelweide, Keisersberg означаютъ человѣка изъ Фогельвейде, изъ Кейзерсберга.

8. Языкъ пастуховъ, охотниковъ, птичниковъ, рыболововъ и т. д.

Я тщательно отыскивалъ всѣ слова древнѣйшихъ состояній народа, находя, что они доставляютъ самые обильные матеріалы для исторіи языка и нравовъ. Главные слѣды пастушескаго быта нашей старины найдутся конечно въ Альпахъ Швейцаріи, Тироля

и Штиріи; у Штальдера и у Шмеллера есть драгоцѣнныя, но еще недостаточныя извѣстія: кто сообщитъ мнѣ новыя свѣдѣнія, заслужитъ живѣйшую мою признательность. Всѣ выраженія егерей, сокольниковъ и птичниковъ привлекательны по своей свѣжести и простотѣ; они также восходятъ до глубокой древности и требуютъ внимательнаго разсмотрѣнія; бѣднѣе повидимому языкъ рыболововъ, которые какъ будто такъ же нѣмы, какъ животныя, ими преслѣдуемыя. Тѣмъ оживленнѣе по всей вѣроятности бытъ моряковъ, но ново-верхненѣмецкое нарѣчіе представляетъ весьма скудный запасъ словъ этого разряда: изъ нижней Германіи и Нидерландовъ заимствованы мало по малу почти всѣ слова, относящіяся къ мореплаванію, вмѣсто которыхъ наша старина конечно имѣла многія собственныя, несходныя съ нынѣшними названія. Но, наравнѣ съ другими нижнегерманскими словами, и большая часть морскихъ реченій не могли найти мѣста въ словарѣ. Бывшія у меня въ рукахъ пособія для языка виноградарей, который мнѣ бы хотѣлось изслѣдовать, не облегчили употребленнаго на эту часть труда. Жаль, что и изданные по горнозаводскому языку сборники не исчерпываютъ его и составлены безъ ученыхъ объясненій. Болѣе сдѣлано для словъ, относящихся къ пчеловодству, садоводству и вообще къ земледѣлію, словъ, которыя не такъ рѣзко отдѣляются отъ остальнаго состава языка и болѣе извѣстны въ народѣ. То же можно сказать и о ремесленныхъ выраженіяхъ, на которыя еще Аделунгъ обращалъ вниманіе. Поваренныхъ и врачебныхъ книгъ издавна очень много, и между ними есть полезныя для языкоизслѣдованія. Смѣшанный языкъ нищихъ, воровъ и мошенниковъ, который отчасти состоитъ изъ нѣмецкихъ стихій, былъ собираемъ въ новѣйшее время часто и всего удовлетворительнѣе; желательно, чтобы языкъ стариннаго ратнаго дѣла подвергнутъ былъ особенному изслѣдованію; нѣкоторыми сторонами онъ сближается съ языкомъ стариннаго рыцарскаго сословія, другими — съ охотничьимъ.

Въ нашемъ ученомъ сословіи нѣтъ уже болѣе своеобразнаго навыка въ употребленіи и развитіи нѣмецкаго слова. Духовное

краснорѣчіе совершенно подчинено закону общаго хода языка и само себя лишило, въ изреченіяхъ и пѣсняхъ, большей части своего древняго могущества. Однакожъ между духовными какъ протестантской, такъ и католической церкви, продолжаетъ обнаруживаться похвальное вниманіе къ народному языку и заботливость о собираніи его. Между законовѣдами почти совершенно изгладились всѣ слѣды стариннаго богатаго судебнаго языка, который сохранялся еще до 16-го или 17-го столѣтія; нынѣшній юридическій языкъ, болѣзненный и сухой, сильно обремененъ римской терминологіей.

Долгое время врачи, болѣе всякаго другого сословія, заботились о разработкѣ нѣмецкаго языка, можетъ-быть оттого, что ихъ подстрекали къ тому туземныя названія болѣзней или лѣкарствъ, въ особенности же травъ и животныхъ; пріятно видѣть, что со времени изобрѣтенія книгопечатанія преимущественно врачи переводили иностранныя книги на нѣмецкій языкъ; составители нашихъ древнѣйшихъ словарей были врачи же или естествоиспытатели. И въ нынѣшнее время врачи, при частыхъ сношеніяхъ съ людьми всякаго рода, съ которыми они разговариваютъ о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ, могли бы въ точности узнать весь объемъ языка и взять простое изложеніе Гиппократа за образецъ, какъ сдѣлать разсказъ о болѣзняхъ поучительнымъ и для искуства и для жизни; но, сколько мнѣ извѣстно, въ послѣднія сто лѣтъ между ними не было ни одного языкоизслѣдователя. Вошедшіе во всеобщее употребленіе латино-греческіе термины еще затрудняютъ ихъ движенія на родной почвѣ и отбиваютъ у нихъ охоту воздѣлывать ее. — Химія выражается на ломаномъ латинскомъ и нѣмецкомъ языкѣ; только въ устахъ Либиха она мастерски владѣетъ словомъ. — Философамъ, которые понимаютъ точную связь между представленіями и словами, должно бы быть сродно углубляться въ тайны языка, но ихъ превосходство развивается болѣе изнутри и такъ много зависитъ отъ особенности собственной натуры каждаго, что они мало обращаютъ вниманія на общеупотребительный языкъ и часто безъ

причины отъ него отступаютъ. — Всѣхъ болѣе соображается съ нимъ Кантъ, и потому словарь не могъ не пользоваться его живою рѣчью, насколько она относится къ области нѣмецкаго языка.

9. Непристойныя слова.

Раздѣлять языкъ вообще на возвышенный, благородный, дружескій, низкій и простонародный — ни къ чему не ведетъ, и Аделунгъ этимъ путемъ придалъ многимъ словамъ ложное значеніе. Какъ часто онъ измѣняетъ призванію языкоизслѣдователя, говоря: «эти слова такъ низки, что ихъ почти не стоило бы приводить», и какъ смѣшиваетъ онъ всѣ эти разряды!

Прилагая непосредственно къ языку сословныя отношенія, въ томъ видѣ, какъ они являются въ древненѣмецкомъ правѣ, я замѣтилъ слѣдующую простую трилогію. Свободный человѣкъ занимаетъ середину, изъ которой съ одной стороны отдѣляется благородный, а съ другой несвободный.—Такъ точно изъ свободнаго языка, изображающаго полную мѣру естественной способности слова, выходитъ съ одной стороны благородная, а съ другой — несвободная рѣчь. — Благородное называемъ мы также возвышеннымъ, высокимъ, утонченнымъ; несвободное —низкимъ (bas langage), плоскимъ, пошлымъ, мужиковатымъ, грубымъ, жесткимъ. — Естественный языкъ заключаетъ въ себѣ расположеніе къ обоимъ видоизмѣненіямъ — къ утонченной и къ грубой рѣчи: изъ благороднаго языка устранена грубая стихія, изъ грубаго — благородная: грубое, жесткое легко становится нечистымъ, грязнымъ (sordidum, turpe), утонченное — украшеннымъ и чопорнымъ (ornatum, molle) или даже соблазнительнымъ (lubricum).

Природа научила человѣка скрывать отъ другихъ актъ произрожденія и испражненія, а также прятать служащія къ тому части; все, что оскорбляетъ это чувство цѣломудрія и стыдливости, называется непристойнымъ (obscoenum). А что не выставляется на глаза толпы, того не захотимъ мы передать и слуху, того не станемъ произносить. Но такое запрещеніе не безу-

словно: такъ какъ эти отправленія естественны, даже необходимы (naturalia non sunt turpia), то они не всегда могутъ быть называемы, только тайно: въ извѣстныхъ обстоятельствахъ позволительно означать ихъ и публично.

И здѣсь-то является различіе между украшенной и грубой рѣчью. Грубая бываетъ часто расположена называть неприличныя вещи, не прикладывая листа ко рту; утонченная же старается избѣгать какъ этого, такъ и всего, что имѣетъ не только близкое, но и отдаленное къ тому отношеніе, или стремится по крайней мѣрѣ прикрывать все нечистое. Конечно, при этомъ надо имѣть въ виду различныя степени и настроенія въ нравахъ народовъ. Свобода языка и поэзіи Грековъ смѣло пользовалась грубою стихіей; римскому языку указаны были болѣе тѣсные предѣлы, и въ этомъ отношеніи замѣчательно одно письмо Цицерона (Fam. 9, 32). Неоспоримая, можно сказать, цѣломудренная жесткость нѣмецкой литературы всего 16-го столѣтія далека отъ французскаго распутства, отъ чопорности нашего нынѣшняго утонченнаго общества (моднаго свѣта), которое, напримѣръ, боится произнести такое слово какъ Durchfall (поносъ) и вмѣсто того употребляетъ чужеземное Diarrhöe, подъ которымъ Грекъ разумѣлъ совершенно то же самое, чтó выражаетъ приведенное нѣмецкое слово! Давность употребленія могла же, въ иномъ французскомъ реченіи, привести въ забвеніе самую грубую основу, напр. reculer, culbuter, culotte. Находить неприличнымъ честное древнее слово hose (франц. chausse), въ высшей степени нелѣпо.

Помѣщать ли въ словарѣ зазорныя слова, или исключать ихъ? Въ пособіяхъ, которыя даютъ одни лохмотья языка, можно и должно, не колеблясь, опускать подобныя слова; это доставитъ такимъ словарямъ хоть кажущееся достоинство. Иначе они подверглись бы упреку, что съ намѣреніемъ принимаютъ въ себя то, что подобно многому иному легко могло бы остаться въ сторонѣ.

Словарь не заслуживалъ бы своего названія, если бы онъ умалчивалъ слова, вмѣсто того, чтобъ выставлять ихъ наружу

Онъ не скрадываетъ ни одного жесткаго словечка, ни одной дѣйствительно живущей въ языкѣ формы, а тѣмъ болѣе — цѣлыхъ рядовъ названій, которыя существуютъ съ незапамятныхъ временъ и по необходимости придаются тому, что есть въ природѣ.— Такихъ реченій мы не имѣемъ права устранять точно такъ же, какъ не можемъ уничтожить естественныхъ предметовъ, которые насъ безпокоятъ.

Никому не пришло бы въ голову исключить ихъ изъ греческаго или латинскаго словаря, обнимающаго весь составъ языка; и у Гейнриха Стефануса, у Форчеллини не пропущено ни одного непристойнаго слова, которое можно было отыскать въ источникахъ. Какъ и въ другихъ областяхъ языковъ, такъ и здѣсь обнаруживается несомнѣнное древнее родство, и здѣсь находимъ общее достояніе почти всѣхъ одноплеменныхъ народовъ. Языкосравненію вообще и полному знанію связи нѣмецкихъ нарѣчій между собою вредило бы несправедливое ограниченіе собранія этихъ словъ, ученая разработка которыхъ и безъ того уже уменьшаетъ впечатлѣніе ихъ непристойности.—Негодующій читатель легче примиряется съ неприличнымъ словомъ, когда онъ рядомъ съ нимъ встрѣчаетъ соотвѣтствующее латинское или греческое. Нерѣдко также дурной смыслъ пропадаетъ, когда мы приблизимъ слово къ его происхожденію, и первоначальное значеніе оказывается благороднымъ.

Въ нѣмецкомъ словарѣ тѣмъ необходимѣе помѣстить и всѣ эти реченія, что они почерпнуты изъ источниковъ нашего древняго языка и употреблялись людьми, которые, бывъ одарены болѣе крѣпкими нервами, нежели говорящіе нынѣ, не отступали передъ рѣзкимъ, грубымъ словцомъ, когда надо было придать силу тому, что они хотѣли сказать. Правда, самое ихъ время привыкло къ языку болѣе непринужденному, суровому и безыскуственному, который, по нынѣшнимъ понятіямъ, слишкомъ любилъ грязное; но кáкъ умѣли уже Кейзерсбергъ, Лютеръ и особенно Фишартъ умѣрять излишество, а гдѣ нужно было, они смѣло давали волю языку. Еще и Гэте очень хорошо понималъ, что

крѣпкое словцо иногда бываетъ чрезвычайно кстати. Въ языкѣ нѣтъ ни одного слова, которое бы гдѣ-нибудь не было самымъ лучшимъ и не стояло на своемъ мѣстѣ. Сами по себѣ всѣ слова чисты и невинны; они только оттого стали двусмысленными, что употребленіе смотритъ на нихъ съ боку и извращаетъ ихъ. Притомъ, часто было бы невозможно выразить гнѣвъ или презрѣнье, сказать насмѣшку, остроту, брань или проклятіе безъ задорнаго слова, которое насильно срывается съ языка, и комизмъ потерялъ бы много силы и разнообразія красокъ, если бъ онъ не могъ свободно со всѣхъ сторонъ запасаться выраженіями. Такъ поступалъ Аристофанъ, и слова его вошли въ глоссаріи.

Словарь пишется не для нравоученія; это—научное предпріятіе, которое должно удовлетворять самымъ многобразнымъ потребностямъ. Даже въ библіи нѣтъ недостатка въ словахъ, которыя изгнаны изъ утонченнаго общества. Кого смущаютъ нагія статуи или восковые анатомическіе препараты, ничего не опускающіе, тотъ пусть и въ этой залѣ не останавливается передъ неприличными словами и разсматриваетъ несравненно большее число другихъ.

10. Источники.

Сказано было, что словарь долженъ обнять весь верхненѣмецкій письменный языкъ, отъ 15-го столѣтія донынѣ, за исключеніемъ собственныхъ именъ и, какъ само собою разумѣется, большей части обращающихся между нами чужеземныхъ словъ. Количество книгъ, написанныхъ и напечатанныхъ въ четыре столѣтія, неисчислимо, и конечно принятое правило должно понимать въ такомъ смыслѣ, что никакая книга не устраняется преднамѣренно какъ источникъ, ибо очевидно, что нѣтъ возможности, уже въ началѣ этого труда, дѣйствительно обозначить всѣ книги или хотя большую часть тѣхъ, которыя будутъ употреблены въ продолженіе его.

Нигдѣ нѣтъ полныхъ росписей этимъ книгамъ; между самыми опытными знатоками нѣтъ такого, которому всѣ онѣ были бы извѣстны, а тѣмъ болѣе нѣтъ мѣста, гдѣ бы всѣ онѣ были со-

браны. Многихъ сочиненій, не только изъ первыхъ двухъ столѣтій, но и изъ послѣднихъ, нельзя найти даже и въ богатыхъ библіотекахъ. Наше собственное собраніе книгъ, при всей своей ограниченности, имѣло по необходимости то значеніе, что давно знакомыя намъ изданія, бывшія у насъ подъ руками, предпочитались тѣмъ, хотя и лучшимъ, которыя можно было бы достать въ другихъ мѣстахъ. Итакъ въ распоряженіи нашемъ была только малая часть обширной нѣмецкой литературы, и иногда въ несовершенныхъ изданіяхъ.

Изъ нѣкоторыхъ книгъ заимствованы нами только немногія мѣста, изъ иныхъ даже только отдѣльныя выраженія, попадавшіяся намъ случайно или съ намѣреніемъ отысканныя. Какая была бы возможность прочесть отъ доски до доски всѣ указанныя нами книги, сдѣлать изъ нихъ извлеченія и занести эти выписки въ словарь? Назначенный ему объемъ въ такомъ случаѣ распространился бы неимовѣрно.

Къ предположенной полнотѣ надо было стремиться совершенно въ другомъ смыслѣ. Она должна состоять не въ утомительномъ накопленіи отрывковъ, а въ точномъ отысканіи всѣхъ отдѣльныхъ словъ, при которыхъ слѣдуетъ приводить достаточныя, хорошо прибранныя подтвержденія — когда ихъ много, и не опускать даже самыхъ скудныхъ — когда нельзя найти лучшихъ. Богатыя и господствующія слова должны быть выясняемы; бѣдными и забытыми не надо пренебрегать.

Надлежало въ каждомъ столѣтіи призвать на помощь самыхъ могучихъ и знаменательныхъ свидѣтелей языка и внести въ словарь по крайней мѣрѣ важнѣйшія ихъ сочиненія. Изъ Кейзерсберга, Лютера, Ганса-Сакса, Фишарта, Гэте не было еще ни въ одномъ словарѣ представлено хоть сколько-нибудь удовлетворительныхъ, а тѣмъ менѣе обильныхъ извлеченій. Они и теперь не исчерпаны, но путь указанъ и проложенъ. Къ полному употребленію сочиненій Гэте были, по счастью, приняты самыя тщательныя мѣры; пусть изъ другихъ писателей будетъ недоставать многаго: изъ Гэте должно быть опущено какъ можно менѣе.

Намъ предлежала между прочимъ задача представить все богатство поэзіи, которая во всякомъ языкѣ дѣйствуетъ всего могущественнѣе, — и гдѣ ни развернете нашъ словарь, вы найдете явственно отдѣляющіеся стихи. Это обстоятельство—не маловажное, а существенное, и должно доставить ему болѣе читателей. Уже присоединеніе къ прозѣ стиховъ, которые все выясняютъ, и какъ мѣсяцъ появляются изъ-за облаковъ, составляетъ неоцѣненную выгоду. При этомъ становится также несравненно легче находить снова то, что разъ было пріискано. Уже Аделунгъ и Кампе понимали, какъ необходимо поступать такимъ образомъ, но они не довольно выписывали изъ стихотвореній. Линде и Юнгманъ въ своихъ превосходныхъ словаряхъ, польскомъ и чешскомъ, составленныхъ съ примѣрнымъ прилежаніемъ, затрудняютъ доступъ поэзіи и печатаютъ ее какъ прозу. Но трата мѣста съ лихвой вознаграждается наглядностью.

Естественно было, при самомъ началѣ работы, искать помощи для просмотра источниковъ и изготовленія выписокъ: къ доставленію ея ничего не было упущено со стороны издателей, съ готовностью принявшихъ на себя и значительныя, сопряженныя съ тѣмъ издержки. Такимъ образомъ произошли весьма полезные и дѣйствительно необходимые сборники; но, несмотря на то, что для составленія ихъ былъ начертанъ и принятъ въ основаніе точный планъ, эти сборники, по разнымъ свойствамъ писателей и по различію умѣнія и вкуса дѣлавшихъ выписки, вышли очень разнообразнаго достоинства. Нѣкоторыя извлеченія были вполнѣ удовлетворительны, другія требовали бо́льшихъ или меньшихъ исправленій. Иныя очень запоздали или и вовсе не были доставлены.

11. Подтвержденіе словъ примѣрами.

Слова требуютъ примѣровъ, примѣры нуждаются въ надежномъ ручательствѣ, безъ котораго значеніе ихъ было бы не полно. Не довольно и самаго имени автора; надобно дать возможность отыскать всякое мѣсто въ книгѣ, откуда оно взято. Такая легкость отысканія очень пріятна читателю, потому что какъ ни искусно извлечены примѣры, онъ нерѣдко чувствуетъ потреб-

ность видѣть ихъ въ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ: вникая глубже, онъ рядомъ съ приведенными выраженіями находитъ еще что-нибудь такое, что сообщено не было, и такимъ образомъ все становится ему понятно. И въ классической филологіи принято за правило указывать на источники всякаго заимствованія. Ссылки безъ надлежащихъ подкрѣпленій то же, что случайно набранные, недостовѣрные, не присяжные свидѣтели. Самымъ удобнымъ способомъ указаній представляются ссылки на томъ и страницу. Само собою разумѣется, что съ старинными, особенно книгами 16-го столѣтія, это не всегда возможно и что въ такомъ случаѣ надобно придумать другой способъ указаній.

Могутъ замѣтить, что иногда помѣщено слишкомъ много выписокъ, особенно изъ Лютера и изъ Гэте. Но надобно было вполнѣ и наглядно показать вліяніе перваго на языкъ, и силу, съ какою второй владѣетъ имъ; всякій согласится, что даже въ повторяющихся выраженіяхъ каждый оборотъ заключаетъ въ себѣ особенный интересъ. При множествѣ словъ примѣры помѣщены въ такомъ изобиліи съ намѣреніемъ, чтобы нельзя было сомнѣваться въ обширности употребленія этихъ словъ; и наоборотъ, малое число примѣровъ даетъ знать, что слово употребляется неохотно. Выписки должны не только сами по себѣ нравиться своимъ содержаніемъ, но и раскрывать полную исторію слова, давая проникнуть во всѣ изгибы его значенія.

12. Терминологія.

Между филологами давно утвердились латинскіе термины, которые даже въ употребительныхъ сокращеніяхъ всѣмъ понятны и которыхъ безъ неудобства нельзя измѣнять. Къ чему въ нѣмецкихъ или славянскихъ словаряхъ замѣнять ихъ туземными выраженіями? Такіе новые термины не только были бы неясны для Нѣмцевъ и Славянъ, но и мѣшали бы распространенію сочиненій въ другихъ странахъ. Датчанинъ Раскъ испестрилъ свои труды неловкими грамматическими наименованіями этого рода, а за нимъ многіе Исландцы стали придумывать и другіе. Объ этихъ

нововведеніяхъ можно то же сказать, что выше замѣчено было о неалфавитной системѣ звуковъ: никакая память не удержитъ ихъ; они стоятъ пугалами только въ книгахъ, которыя себѣ же во вредъ приняли эти безплодныя изобрѣтенія. Хотя пуризмъ всегда спѣшилъ передавать эти выраженія на нѣмецкій языкъ, однакожъ его неуклюжія составныя слова оставались безъ пользы, и давнишнія названія всякій разъ возвращались на прежнее мѣсто.

Буквами m. f. n. всего проще означаются роды: вмѣстѣ съ тѣмъ эти три буквы однѣ уже показываютъ, что слово есть имя существительное; прилагательное, не способное принимать всѣ три рода, остается безъ этого означенія. — Указывать въ словарѣ различіе склоненій, кажется, излишне; всякое замѣчательное отступленіе отъ правилъ обозначается особо, или слѣдуетъ изъ примѣровъ.

Глаголъ въ нѣмецкомъ языкѣ узнается по самому *окончанію.* — Отдѣлять залоги дѣйствительный, страдательный и medium нѣтъ надобности, или вѣрнѣе—возможности, такъ какъ въ нашемъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ двухъ послѣднихъ формъ. Но кажется, вмѣсто того чтобы принимать дѣйствительные и средніе глаголы, точнѣе было бы противополагать между собою переходящіе и непереходящіе (transitiva и intransitiva), потому что наши глаголы по большей части способны принимать и то и другое значеніе: называть переходящій глаголъ имѣющимъ цѣль (zielend), а непереходящій—безцѣльнымъ (ziellos) неудобно. Нидерландцы зовутъ первый побудительнымъ (bedrijend), а второй безсторонннимъ (onzijdig), чтó соотвѣтствуетъ названію neutrum въ именахъ, однакожъ вовсе не указываетъ на непереходящее значеніе глагола: ходящій можетъ двигаться вправо или влѣво и слѣдовательно непремѣнно направляется въ какую-нибудь сторону. — По примѣру Нидерландцевъ нѣкоторые пробовали такъ называемый правильный глаголъ означать ровнотекущимъ (gelijkvloeijend), а неправильный неровнотекущимъ (ongelijkvloeijend); но такъ какъ отступленія именно показываютъ древнѣйшій законъ флек-

сіи, то кажется, нельзя было выбрать менѣе удачнаго наименованія. — По важности признаковъ такъ называемой неправильности, я всегда давалъ такимъ формамъ мѣсто въ алфавитномъ порядкѣ, что̀ всего явственнѣе выставляетъ ихъ; все же прочее видно изъ примѣровъ.

13. Опредѣленія.

Труднѣе будетъ оправдать присоединеніе къ слову латинскихъ выраженій, объясняющихъ значеніе его, хотя необходимость латинской терминологіи уже пролагаетъ имъ путь. — Въ обоихъ случаяхъ одинаковая польза.—Можно бы видѣть въ томъ ошибочное возвращеніе къ старинному обычаю, оставленному Аделунгомъ и всѣми позднѣйшими лексикографами нашими.—Почти всѣ словари другихъ языковъ, нынѣ появляющіеся, отвергаютъ помощь латыни, однакожь Boiste, напр., часто еще прилагаетъ латинское слово къ французскому. Считаютъ всякій языкъ освобожденнымъ отъ школьнаго ига латыни и видятъ какую-то честь въ томъ, чтобы объяснять его одними собственными средствами.— Составители словаря La Crusca конечно любили свой родной языкъ, но они нисколько не затруднялись придавать итальянскому слову латинское въ проводники и помощники.—Толкуемъ же мы готское или древне-верхненѣмецкое слово посредствомъ нововерхненѣмецкаго; такъ точно почти нѣтъ надобности доказывать, что всякое слово всего лучше объясняется не само собой, а другими словами.

Чего достигаютъ отклоненіемъ помощи, какую намъ доставляетъ извѣстнѣйшій и точнѣшій изъ всѣхъ языковъ? Обременяютъ себя самыми подробными и безполезными толкованіями.

Когда я къ слову Tisch (столъ) приставляю лат. mensa, то на первый случай сказано довольно, а что̀ нужно еще прибавить, видно изъ послѣдующаго. Вмѣсто того *столъ* опредѣляютъ такъ: возвышенная доска, передъ которою стоятъ или сидятъ для отправленія на ней разныхъ работъ, или еще: возвышенная или покоящаяся на ножкахъ плоскость, передъ которою или у которой исполняютъ разныя занятія.—Впрочемъ и то правда, что въ

слов҃ τράπεζα вм. τετράπεζα, не заключается ничего кромѣ представленія четвероногости,—свойства, принадлежащаго одинаково и стулу и всякой другой утвари, устроенной на этомъ числѣ ножекъ.

Опредѣленіе *носа* гласитъ: выдающаяся или возвышенная часть человѣческаго или животнаго лица непосредственно надъ ртомъ, сѣдалище и орудіе органа обонянія. Опредѣленіе кисти руки: членъ у человѣка для хватанія и держанія.—Это было бы коротко и ясно; итакъ надо подробнѣе: крайняя часть руки у человѣческаго тѣла отъ конца локотной кости до оконечностей пальцевъ со включеніемъ ихъ. Подобныя опредѣленія относятся къ физіологіи, такъ точно какъ слѣдующее было бы прямо взято изъ ботаники: лилія есть растеніе съ цвѣткомъ, имѣющимъ видъ колокольчика, принадлежащее къ разряду растеній съ шестью тычинками и однимъ пестикомъ.—О такомъ многорѣчіи скучныхъ *опредѣленій*, которое со времени Аделунга наполняетъ нѣмецкіе словари, Фришъ и Штилеръ еще не имѣли ни малѣйшаго понятія и спасались отъ этого хлама употребленіемъ латинскихъ словъ.

Это вовсе не значитъ, чтобы языкоизслѣдователь вездѣ могъ обойтись безъ частностей, которыя заключаются въ объясненіи; наравнѣ съ другими признаками, отличающими предметъ, онъ ихъ выставитъ на видъ, какъ скоро въ томъ почувствуется надобность и когда нужно будетъ связать съ ними развитіе какого-нибудь значенія; но въ большей части случаевъ оказывается излишнимъ за каждымъ словомъ, котораго понятіе разомъ передано латинскимъ выраженіемъ, исчислять еще всѣ его свойства.

Отъ прилагаемыхъ латинскихъ словъ никакъ нельзя требовать, чтобы они во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствовали нѣмецкимъ, чтó при различіи языковъ было бы невозможно. — Они должны какъ бы только указывать путь къ центру слова, къ той точкѣ его главнаго значенія, откуда уже можно свободно и непринужденно осматриваться во всѣ стороны. — Какъ опредѣленіе не имѣетъ возможности исчислить всѣ существенные и слу-

чайные признаки предмета, такъ латинскій языкъ еще менѣе стремится исчерпать толкованіе слова; это всего лучше можетъ быть достигнуто прибавленіемъ нѣмецкаго поясненія.

Нельзя также требовать, чтобы всѣ употребленныя въ словарѣ латинскія выраженія были понятны для всѣхъ его читателей; не понимающіе по-латыни, перескакиваютъ ихъ и все-таки пользуются словаремъ; точно такъ же какъ не останавливаются на словахъ, которыя по своему содержанію вовсе не привлекаютъ ихъ. — Для образованныхъ женщинъ латинскія выраженія столько же мало будутъ помѣхою при чтеніи словаря, какъ ихъ не отталкиваютъ отъ чтенія газетъ встрѣчающіеся здѣсь юридическіе, военные и дипломатическіе термины. — Каждый читатель приноситъ съ собой множество разнообразныхъ условій пониманія, которыя облегчаютъ ему доступъ къ словарю: желаніе руководить его на всякомъ шагу — не можетъ входить въ планъ научнаго труда, который преслѣдуетъ высшія цѣли. — Способность пользоваться словаремъ будетъ увеличиваться отъ самаго употребленія его. Когда одной говорливой француженкѣ хотѣли навязать грамматическія правила, то она съ живостью отвѣчала: mais je suis la grammaire en personne; такъ тотъ, кто самъ въ себѣ носитъ и предполагаетъ способность къ языкамъ, можетъ совѣтоваться съ этою книгой, не смущаясь латинскими реченіями[1].

[1] Съ мнѣніемъ Я. Гримма о безусловномъ превосходствѣ способа объясненія словъ латинскимъ ихъ переводомъ нельзя согласиться. Для кого назначается словарь? безъ сомнѣнія, для массы общества, для людей всѣхъ званій, между прочимъ и для женскаго пола. Что такова именно мысль самого Я. Гримма о назначеніи словаря, видно изъ многихъ мѣстъ его вступленія. Но латинскія объясненія даютъ словарю характеръ ученый и дѣлаютъ цѣлую, весьма существенную часть состава его недоступною большинству націи. Это конечно и было однимъ изъ основаній того упрека, который германская критика уже сдѣлала словарю братьевъ Гриммовъ: она обвинила его въ слишкомъ ученомъ характерѣ, въ непрактичности, и замѣтила, что съ этой стороны онъ много уступаетъ Аделунгову лексикону, который, несмотря на свою старину, остается покуда незамѣнимымъ. Такой взглядъ германскихъ критиковъ можетъ служить намъ весьма важнымъ указаніемъ относительно правилъ составленія русскаго словаря: то, что слишкомъ учено для германской публики, конечно еще менѣе было бы пригодно для русской. Вотъ почему мы въ сво-

14. Средства къ образованію словъ.

Никакой языкъ не можетъ развить въ себѣ всѣхъ звуковъ, или сохранить безъ измѣненія тѣ, какіе въ немъ есть; такъ же точно ему принадлежатъ далеко не всѣ формы, и многія, которыми онъ прежде владѣлъ, съ теченіемъ времени утратились.— Уклоненіемъ различныхъ нарѣчій изъ великаго круга исконнаго родства ихъ, отдѣльные языки вступаютъ въ особые вновь образовавшіеся круги, которымъ можетъ быть чужда своебытность остальныхъ. Такъ объясняется разнообразіе происшедшихъ изъ одного источника языковъ. Въ каждомъ языкѣ нарушенное равновѣсіе опять возстановляется.

Таково исторически пріобрѣтенное достояніе языка, какъ оно ни богато или ни бѣдно; совсѣмъ другое — считающееся только возможнымъ, вымышленное, но не дѣйствительное расширеніе его по всѣмъ способамъ образованія. Тамъ, т. е. въ историческомъ

ихъ лексикографическихъ трудахъ должны, кажется, еще болѣе брать въ примѣръ Французовъ, нежели Нѣмцевъ: словари первыхъ отличаются особенно своею примѣнимостью къ потребностямъ общества. Отсюда не слѣдуетъ, чтобъ намъ не нужно было принимать въ соображеніе и началъ, которыми руководствуются Нѣмцы; но при этомъ мы должны остерегаться ихъ умозрительныхъ увлеченій. На употребленный братьями Гриммами способъ объясненія словъ одинаково со мной смотритъ и И. И. Срезневскій. Въ своей статьѣ: «Обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ изъ современныхъ словарей» *) онъ между прочимъ говоритъ: «Едва ли, впрочемъ, убѣжденіе братьевъ Гриммовъ, по которому значеніе большей части словъ совершенно ясно можетъ быть только тому нѣмцу, который очень силенъ въ латинскомъ языкѣ, можно считать дѣйствительнымъ убѣжденіемъ, а не простымъ рѣшеніемъ, и то вынужденнымъ случайно отчасти неудачами Аделунга въ опредѣленіяхъ словъ и непобѣдимостью трудностей этого дѣла, отчасти нежеланіемъ входить въ подробности, принадлежащія не филологіи, а другимъ наукамъ». Далѣе акад. Срезневскій справедливо указываетъ еще на затрудненіе, происходящее отъ того, что латинскій языкъ есть «языкъ мертвый, книжный, недостаточный для выраженія всѣхъ понятій и условій быта народовъ новой Европы». Потомъ онъ разсуждаетъ о необходимости опредѣлять на родномъ языкѣ значеніе каждаго слова безъ исключенія. Соглашаясь и съ этимъ, я съ своей стороны считаю однакожъ нужнымъ сдѣлать здѣсь оговорку, что степень подробности и точности въ опредѣленіяхъ можетъ быть очень различна и должна зависѣть отъ степени надобности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Къ чему наприм. педан-

*) Извѣстія II Отд. Акад. Наукъ, т. III, л. 10 (1854 г.).

развитіи, всѣ движенія языка естественны и непринужденны; здѣсь онъ являлся бы искаженнымъ и изувѣченнымъ.

Кто бы могъ придать нашему языку хоть одну двугласную, которая никогда не была ему свойственна? Легче, повидимому, размножать употребительныя производства или соединять слова, которыя никогда не бывали между собой связаны, но и этому противится обычай языка, когда слово не оправдывается необходимостью или ловкостью его составленія. Одна возможность слова не есть еще доказательство его дѣйствительности или годности.

Способность нашего языка къ словосоставленіямъ такъ велика, что никакъ нельзя привести всѣхъ употребительныхъ, а тѣмъ менѣе всѣхъ возможныхъ составныхъ словъ. По первой или второй части каждаго такого составленія можно представить

тическая точность въ опредѣленіи общеизвѣстнаго слова *столъ?* Она становится только смѣшною и все-таки не достигаетъ цѣли, потому что чѣмъ болѣе вы соберете частныхъ признаковъ, тѣмъ труднѣе будетъ обнять ими всѣ возможные виды столовъ. Поэтому въ опредѣленіи такихъ понятій всего лучше держаться самыхъ общихъ признаковъ, и наприм., при словѣ *столъ* сказать только: «мебель (утварь) объ одной или нѣсколькихъ ножкахъ, служащая для помѣщенія на ней предметовъ». Не вѣрнѣе ли это было бы, чѣмъ то, что сообщаетъ Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка: «широкая доска, утвержденная на ножкахъ, на которую что-нибудь кладется или ставится?» Изъ этого опредѣленія выходитъ: 1) что столомъ собственно называется не весь столъ съ ножками, а только доска, на нихъ утвержденная, т. е. то, что народъ мѣстами называетъ *столешница*; 2) что если эта доска будетъ узкая или круглая, то она перестанетъ быть столомъ, и 3) что широкая скамейка, на которую положенъ напр. платокъ или поставлена бутылка, тоже будетъ столъ. Выписанное опредѣленіе между прочимъ доказываетъ, что не всякая поправка ведетъ къ лучшему, потому что въ словарѣ Соколова, изданномъ за 13 лѣтъ до академическаго, слово *столъ* опредѣлено такъ: «Домашняя утварь, состоящая изъ деревянной, мраморной или другой какой-либо доски, на ножкахъ утвержденная и служащая для разныхъ употребленій». Хотя и противъ этого опредѣленія можно сдѣлать кое-какія замѣчанія, однакожъ кто не отдастъ ему преимущества передъ приведеннымъ выше? Что касается въ особенности до техническихъ терминовъ, то словарь конечно не обязанъ во всей подробности объяснять или описывать выражаемые ими предметы, что́ составляетъ дѣло науки. При именахъ растеній достаточно, кажется, какъ и сдѣлано въ нашемъ академическомъ словарѣ, объяснять ихъ латинскимъ названіемъ, прибавляя по-русски только слово: *растеніе*.

себѣ цѣлые ряды аналогій, но излишне было бы всякій разъ выставлять ихъ въ словарѣ.

Правильнѣе всего будетъ помѣщать въ немъ всѣ употребительныя и не противныя слуху образованія этого рода, не заботясь о странной и дикой аналогіи другихъ; все то, въ чемъ еще не оказалось надобности при употребленіи языка, должно оставаться въ сторонѣ. Вообще же словарь долженъ заботиться болѣе о производствахъ, нежели о составленіяхъ, болѣе о простыхъ, нежели о производныхъ словахъ: несоблюденіе этого основного правила было причиною того, что наши нѣмецкіе словари, при всемъ ихъ мнимомъ богатствѣ, до сихъ поръ остаются такъ бѣдны.

15. Частицы.

Особеннàго вниманія требуетъ присоединеніе частицъ къ другимъ словамъ. Если вообще всѣ слова вначалѣ имѣли внутреннее значеніе, которое впослѣдствіи было, такъ сказать, растянуто и разведено, то кажется, надо согласиться, что оно въ частицахъ всего болѣе затемнилось, что частицы между всѣми простыми словами языка самыя отвлеченныя, и слѣдовательно составлены позже другихъ. Если мы примемъ глаголъ за корень и допустимъ, что непосредственно изъ него произошло причастіе, изъ причастія прилагательное, а изъ прилагательнаго существительное: то за частицами должно будетъ признать преимущественно номинальное значеніе; оно же всего рѣшительнѣе выразилось въ нарѣчіи и въ предлогѣ. Когда и предлогъ застываетъ, когда онъ утрачиваетъ силу управленія, то остается одна адвербіальная частица, какъ самая безжизненная стихія языка. Таковъ самый правильный ходъ, но конечно онъ не единственный: мы часто видимъ, что глаголъ переходитъ въ существительное или въ нарѣчіе, а эта частица становится управляющею, т. е. опять возводится на степень предлога.

Какъ греческій языкъ, такъ и нѣмецкій пользуется неимовѣрною свободой составлять слова съ помощію частицъ, и едва ли можно найти болѣе обширное поприще для аналогіи. Если го-

ворятъ anregnen, anschneien, то почему же нельзя также сказать anblitzen, anleuchten и т. д.? Потому и принято нами за правило: для такихъ образованій всегда ожидать достаточнаго подтвержденія.

16. Объясненіе словъ.

Въ основѣ всѣхъ отвлеченныхъ значеній слова лежитъ чувственное и наглядное, которое при происхожденіи его было первымъ. Это его тѣло, иногда закрываемое духовно, распространенное или улетученное; но его необходимо всякій разъ отыскать и развить; иначе словообъясненіе будетъ недостаточно. Это значеніе кроется обыкновенно въ простыхъ глаголахъ.

Ясно, что изъ чувственнаго содержанія слова возникаютъ, при его употребленіи, нравственныя и духовныя представленія, изъ которыхъ оно мало по малу заимствуетъ богатство своихъ отвлеченныхъ значеній. Нельзя принять обратнаго случая, чтобы напр. изъ разнообразныхъ понятій tractare, adhibere, explanare проистекло названіе чувственнаго дѣйствія.

Указывать и прежде всего выставлять эти чувственныя значенія — было въ цѣломъ словарѣ однимъ изъ стараній нашихъ; но невозможно было вездѣ итти этимъ путемъ, потому что есть много простыхъ глаголовъ, которыхъ чувственное значеніе уже непонятно и приняло уже постороннюю примѣсь, и кромѣ того есть большое число такихъ словъ, у которыхъ въ основаніи производства нѣтъ глагола, или къ которымъ онъ, по крайней мѣрѣ, не можетъ быть пріисканъ безъ глубокихъ изслѣдованій. Такъ въ глаголѣ sein (быть) не видно чувственной основы, на которой онъ утверждается, и трудно съ достовѣрностью указать ее при глаголахъ geben (давать) и finden (находить). Означало ли geben — класть въ руку или, можетъ быть, лить въ сосудъ? Заключалось ли въ finden понятіе: замѣтить, узнать или только подойти? Или какого глагола, и слѣдовательно какого смысла можно искать въ существительныхъ: дитя, сынъ, дочь? Ихъ значеніе всѣмъ извѣстно, но не какъ отвлеченное, приложенное къ понятіямъ, которыя они выражаютъ. Еще труднѣе рѣшить, какое предста-

вленіе первоначально скрывалось въ словахъ: вѣра и грѣхъ, свободный или глупый, и въ безчисленномъ множествѣ другихъ; всего же темнѣе остается смыслъ частицъ. Здѣсь словообъясненіе всегда можетъ подвигаться только медленными шагами и должно оставаться на поверхности.

Но каково бы ни было словотолкованіе, никакой словарь не можетъ обойтись безъ него; уже прежде было сказано, что мы въ самыхъ рѣдкихъ только случаяхъ прибѣгали къ опредѣленіямъ, обыкновенно же старались разомъ давать объясненіе посредствомъ латинскаго слова. Это только первая жатва въ области слова, гдѣ солома срѣзается надъ землею; изслѣдованіе словъ должно проникать глубже и вырывать самый корень.

17. Словоизслѣдованіе.

Этимологія составляетъ соль или пряность словаря; безъ этой приправы предлагаемая имъ пища была бы не вкусна, хотя иное и пріятнѣе было бы сырое или не пересоленое.

Словопроизводство нажило себѣ дурную славу, потому что въ прежнее время, естественно, его искали въ одной игрѣ словъ и употребляли во зло. Долго оно только предугадывало свои правила и не сознавало ихъ; и теперь еще безпрестанно отыскиваются новыя.

Можно понимать слово изъ него самого и изъ ближайшаго къ нему круга, но можно также брать на помощь родственныя семейства и ряды словъ, а оттуда уже переходить къ смежнымъ нарѣчіямъ и языкамъ. Какъ скоро замѣтили и наконецъ обозрѣли связь нѣсколькихъ языковъ, то явилось, съ неизвѣстными прежде законами и выводами, сравненіе языковъ, которое, какъ выше было сказано, утвердилось научнымъ образомъ только съ помощію книгопечатанія и словарей.

Латинскій и греческій языки представляютъ намъ драгоцѣнное собраніе классическихъ памятниковъ, изъ которыхъ можно почерпнуть множество грамматическихъ правилъ, отчасти примѣнимыхъ къ нашему собственному языку. Только прежде привыкли навязывать эти правила насильно и подчинять имъ всѣ домашнія

требованія, вмѣсто того чтобъ и этимъ предоставлять ихъ законную силу. Филологія, возникшая изъ знакомства съ санскритомъ, болѣе справедлива, и признаетъ за всѣми остальными языками равныя права. Однакожъ чистота и глубокая древность его источниковъ доставляетъ ему естественное и заслуженное уваженіе, такъ что этотъ языкъ, кажется, призванъ разрѣшать сомнѣнія относительно звуковъ и корней; но судилище, прежде разъясненія спорнаго дѣла, должно принять въ соображеніе и силу доводовъ, которые оно представляетъ. Какъ ни велики надежды, возбуждаемыя санскритомъ въ изумленномъ изслѣдователѣ, какъ ни вѣрны многія производства, которыя изъ него извлечены или еще могутъ быть заимствованы, — все-таки каждый изъ исконно-родственныхъ языковъ сохраняетъ свою собственную прозрачность, которая должна имѣть силу въ надлежащихъ случаяхъ. Мнѣ кажется, что внутренніе, съ значеніемъ словъ тѣсно связанные результаты, часто заслуживаютъ предпочтенія передъ самыми остроумными догадками, основывающимися на однихъ звуковыхъ отношеніяхъ и на перемѣнѣ или опущеніи отдѣльныхъ согласныхъ. Съ нашими нѣмецкими словами надобно прежде всего пробовать, нельзя ли ихъ объяснить дома, на родной почвѣ, что́ конечно заставляетъ подвигаться не столь быстрыми, но за то часто болѣе вѣрными шагами.

Если корень многихъ словъ донынѣ еще ясно виденъ, то почему бы нельзя было собственными средствами доискаться и помутившагося или затемненнаго? По моему мнѣнію, этимологія, подвигаясь впередъ, должна быть все болѣе склонна и способна не увеличивать, а уменьшать число корней; она будетъ находить средства къ облегченію перехода отъ одного корня къ другому и къ поддержанію между ними сообщенія по проведенному мосту. При этомъ въ каждомъ языкѣ отдѣльные корни должны чрезвычайно распространиться по объему и богатству производствъ.

На волнистомъ морѣ языковъ слова́ всплываютъ и снова погружаются, въ этимологіи растутъ и расплываются. Часто одна форма въ правильномъ разнообразіи проходитъ чрезъ цѣлые ряды

словъ, и потомъ опять встрѣчаются рѣзкія различія, пробѣлы и пропасти, такъ что сходство, которое, казалось, уже въ рукахъ у насъ, вдругъ ускользаетъ. Въ нѣмецкомъ словарѣ мы считали обязанностію отыскивать всѣ средства и пріемы, предлагаемые собственнымъ нашимъ языкомъ, и такого взгляда будутъ требовать отъ насъ даже тѣ, которые не ждутъ отъ этого словаря много добра и далеко не все здѣсь одобрятъ. Съ успѣхами изслѣдованія получатся новые результаты, къ которымъ будутъ служить побужденіемъ самые недостатки честно веденнаго труда.

18. Нравы и обычаи.

Для объясненія многихъ словъ необходимо было обращать вниманіе на бытъ и воззрѣнія старины и древности, которыхъ точнѣйшее изученіе много зависитъ отъ знанія языка. Потому-то словари областныхъ нарѣчій, если они составлены съ трудолюбіемъ и тонкимъ умомъ Шмеллера, служатъ столь важнымъ матеріаломъ для исторіи и нравовъ какъ настоящаго времени, такъ и прошлыхъ столѣтій.

Если трудъ нашъ когда-либо будетъ приведенъ къ концу, то очень будетъ полезно, по примѣру Дюканжа, приложить къ нему разнаго рода списки и росписи, по которымъ можно бы было обозрѣть всѣ отдѣльные обычаи, а также замѣчательныя слова и выраженія отдѣльныхъ званій, расположенныя въ строгомъ порядкѣ.

19. Форма буквъ и печать.

(Хотя эта статья повидимому относится только къ внѣшней сторонѣ нѣмецкаго словаря, однакожъ я рѣшился и ее сохранить въ извлеченіи, какъ любопытный историческій очеркъ употребительнаго въ Германіи письма, имѣющій притомъ косвенное примѣненіе и къ нѣкоторымъ сторонамъ нашей ореографіи.

Чтобы предлагаемыя здѣсь замѣчанія были понятнѣе для русскихъ читателей, считаю нелишнимъ напомнить, что у Нѣмцевъ до сихъ поръ употребляется двоякій шрифтъ: одинъ готическій, т. е. угловатый или ломаный, а другой подобный латинскому—круглый. Я. Гриммъ рѣшительный противникъ перваго и доказываетъ исторически всю его несостоятельность; ученые Германіи въ этомъ от-

ношенiи мало по малу переходятъ на сторону славнаго филолога; при всемъ томъ осуждаемый имъ шрифтъ все еще остается тамъ господствующимъ).

Естественно было устранить изъ нашего словаря тотъ безобразный шрифтъ, который большей части нашихъ книгъ придаетъ столь варварскiй наружный видъ въ сравненiи съ книгами всѣхъ другихъ образованныхъ народовъ и останавливаетъ ихъ распространенiе.

Къ сожалѣнiю, этотъ испорченный и некрасивый шрифтъ называютъ даже нѣмецкимъ, какъ будто всѣ злоупотребленiя, какiя у насъ въ ходу, можно извинить, наложивъ на нихъ штемпель нѣмецкаго происхожденiя. Но такое мнѣнiе ни на чемъ не основано, и всякому образованному человѣку извѣстно, что въ среднiе вѣка во всей Европѣ и для всѣхъ языковъ употреблялось одно только письмо, именно латинское. Съ 15-го и 16-го столѣтiй писцы начали заострять круглыя очертанiя на поворотахъ, и придѣлывать крючки къ большой буквѣ, которая встрѣчалась почти только въ заглавiяхъ и въ началѣ отдѣловъ.

Изобрѣтатели книгопечатанiя выливали свои буквы совершенно такъ, какъ находили ихъ въ рукописяхъ, и такимъ образомъ первыя печатныя книги 15-го вѣка сохранили тѣ же угловатыя острыя буквы, все равно были ли онѣ на латинскомъ, французскомъ, или нѣмецкомъ языкѣ. Этими же буквами печатались потомъ и всѣ датскiя, шведскiя, чешскiя, польскiя книги. Но въ Италiи, гдѣ писцы болѣе придерживались круглаго письма, имѣя передъ глазами прекрасныя древнiя рукописи классиковъ, въ Италiи еще въ 15-мъ столѣтiи болѣе чистый вкусъ возвратилъ во многихъ книгопечатняхъ неискаженныя буквы для латинскаго или народнаго языка, и отъ другихъ народовъ зависѣло послѣдовать этому примѣру. Латинскаго письма нельзя было не измѣнить, и въ 16-мъ столѣтiи благородный почеркъ проникъ и въ тѣ классическiя сочиненiя, которыя выходили изъ французскихъ и нѣмецкихъ типографiй; ученые дорожили этимъ. Напротивъ, дурной шрифтъ удержался для народа, который уже при-

выкъ къ нему, во Франціи только на нѣкоторое время, но въ Германіи рѣшительно и упорно; этимъ самымъ утвердилось вредное различіе между латинскими и общеупотребительными буквами, Vulgarbuchstaben, которое стало господствовать не только въ типографіяхъ, но и въ школахъ. Но этого общеупотребительнаго письма никакъ нельзя называть нѣмецкимъ, потому что оно, кромѣ Германіи, было въ ходу также въ Англіи, Нидерландахъ, Скандинавіи и у Славянъ латинской церкви. Англичане и Нидерландцы мало по малу отказались отъ него совершенно. Поляки также оставили его, нынѣшніе Чехи и Шведы по большей части; въ настоящее время оно, внѣ Германіи, держится еще въ чешскихъ и шведскихъ газетахъ, въ Даніи, Лифляндіи и Финляндіи, гдѣ однакоже всѣ писатели расположены перейти, а по большей части уже и перешли къ чистому латинскому шрифту.

Сначала всѣ буквы имѣли видъ прописныхъ; такъ высѣкали ихъ на камнѣ; для скорописи на папирусѣ и пергаменѣ связывали и уменьшали буквы, отчего очертанія ихъ болѣе или менѣе измѣнялись. Изъ начальныхъ буквъ, которыя на рукописяхъ расписывались кистью, проистекла вычурная и искаженная форма большой буквы, которая еще и въ древнѣйшихъ печатныхъ книгахъ не набиралась, а вносилась красками. Въ латинскихъ книгахъ, кромѣ иниціаловъ, только собственныя имена означались большою буквою, какъ дѣлается и теперь для облегченія читателя. Въ теченіе 16-го столѣтія ввелось, сперва шатко и неопредѣленно, а потомъ уже рѣшительно — злоупотребленіе распространять это отличіе на всякое существительное, вслѣдствіе чего оно уже не достигало своей цѣли: собственныя имена сдѣлались незамѣтны во множествѣ существительныхъ и вообще письмо получило пестрый, неуклюжій видъ, такъ какъ большая буква занимаетъ вдвое или втрое болѣе мѣста, нежели маленькая. Я увѣренъ, что обезображенное письмо было въ тѣсной связи съ безполезнымъ размноженіемъ большихъ буквъ; въ этомъ искали мнимой красоты и тѣшились какъ самыми крючками, такъ и размноженіемъ ихъ.

Едва ли кто изъ читателей этого словаря будетъ недоволенъ его латинскими и маленькими буквами[1], или по крайней мѣрѣ не примирится съ ними легко; всякій же безпристрастный конечно согласится, что онѣ пріятнѣе для глазъ и сберегаютъ много мѣста. Если хоть одно поколѣніе пріучится къ новому способу письма, то въ послѣдующемъ никто и не подумаетъ возвращаться къ старому. Кто находитъ, что все равно какъ поступать въ подобныхъ вопросахъ, и всякій дурной обычай считаетъ неизмѣнною особенностью націи, тотъ не можетъ ни къ чему прикасаться и въ каждой порчѣ языка долженъ видѣть дѣйствительное улучшеніе. Но въ языкѣ нѣтъ ничего малаго, что бы не имѣло вліянія на великое, ничего неблагороднаго, что бы не наносило чувствительнаго вреда доброй его натурѣ. Вѣдь мы выводимъ же изъ обыкновенія на домахъ щипцы и выдающіяся балки, а на волосахъ пудру: зачѣмъ же намъ на письмѣ удерживать всякую дрянь?

20. Правописаніе.

Латинское письмо издавна перешло въ нашъ языкъ со стороны, и не безъ опасности оно было примѣнено къ нѣмецкимъ звукамъ; очень было дурно, что небрежный и превратный способъ писанія, вмѣсто того чтобъ примирить оба начала, ввелъ постепенно несообразности, которыхъ сперва нигдѣ не было. Въ послѣднія три столѣтія нѣмецкое письмо представляетъ такую шаткую и позорную непослѣдовательность, какой не видано ни въ какомъ языкѣ, и поправить дѣло чрезвычайно трудно. Къ этимъ несообразностямъ всѣ привыкли съ дѣтства, и никого не встрѣчаютъ такъ дурно, какъ того, кто противъ нихъ возстаетъ. Отступленія въ мелочахъ только слегка осмѣиваютъ и еще терпятъ кое-какъ, но кто предлагаетъ коренныя преобразованія, тотъ можетъ быть увѣренъ, что встрѣтитъ величайшее равнодушіе и

[1] Я. Гриммъ давно употребляетъ большія буквы только въ началѣ строки и въ собственныхъ именахъ. Даже послѣ точки по серединѣ строки онъ пишетъ маленькую букву.

невѣжество. Какая нужда до измѣненій писателю, который заботится только о безпрепятственномъ и непринужденномъ выраженіи своихъ мыслей, которому тяжело было бы задерживать и себя самого и своихъ читателей недоумѣніями въ формѣ, которую, какъ ему кажется, онъ давно побѣдилъ. Только втайнѣ безпокоитъ его мозоль на ногѣ, когда онъ иногда вдругъ замѣтитъ у себя неточное или невѣрное выраженіе. Совершенный переворотъ можетъ, повидимому, произойти только тогда, когда, при подготовленной грамматической основѣ, въ воспріимчивую эпоху, ему окончательно будетъ проложенъ путь словаремъ. Настоящій словарь можетъ только имѣть въ виду изрѣдка пробивать дорогу и подготовлять преобразованіе. Языкъ не можетъ терпѣть въ себѣ ничего нечистаго, что́ противится естественному его теченію. Въ области его нѣтъ приказаній и, какъ есть république des lettres, такъ и о словахъ и способѣ писанія ихъ окончательно рѣшаетъ обычай и народный судъ; начальство и правительство могутъ только подавать добрый примѣръ, такъ же точно, какъ они иногда подавали дурной. Справедливо было прежде всего обратить вниманіе на основательное опасеніе издателей, что публика, готовая принимать частныя улучшенія правописанія, испугалась бы слишкомъ сильнаго потрясенія того, что издавна принято и утверждено обычаемъ. При всей предоставленной намъ свободѣ, мы охотно подчинились благоразумнымъ ограниченіямъ: почти всегда умѣренныя и постепенныя реформы принимались, а слишкомъ крутыя встрѣчали сопротивленіе. Во всѣхъ ли случаяхъ мы держались надлежащей мѣры, покажетъ время.

21. Удареніе.

Аделунгъ въ своемъ второмъ изданіи означилъ произношеніе многихъ отдѣльныхъ словъ посредствомъ удареній, но сомнительно, доставилъ ли онъ тѣмъ этому изданію преимущество передъ первымъ. Такое обозначеніе не совсѣмъ сходно съ употребительнымъ въ латинскомъ языкѣ и въ сущности мало приноситъ пользы. Ново-верхненѣмецкое удареніе падаетъ такъ однообразно, что оно почти всегда и безъ того извѣстно: въ простыхъ сло-

вахъ оно бываетъ на коренномъ слогѣ, въ составныхъ слѣдуетъ также опредѣленнымъ правиламъ.

(Здѣсь въ подлинникѣ слѣдуетъ краткое развитіе этихъ правилъ, подкрѣпленное примѣрами. Такъ какъ въ русскомъ языкѣ, напротивъ, удареніе чрезвычайно разнообразно и законы его до сихъ поръ еще вполнѣ не изслѣдованы, да если и будутъ опредѣлены, должны оказаться довольно сложными, то ясно, что русскій словарь наоборотъ не можетъ обойтись безъ удареній).

22. Раздѣленіе труда.

Когда два каменщика вмѣстѣ всходятъ на лѣса и одинъ работаетъ справа, а другой слѣва, то стѣны, колонны, окна и карнизы дома подымаются съ обѣихъ сторонъ совершенно единообразно, потому что все напередъ указано въ чертежѣ и размѣривается по снурку. Случается также, что по натянутому холсту пишутъ два живописца, одинъ ландшафтъ, а другой фигуры, и первый оставляетъ послѣднему сколько нужно простора для разстановки и развитія ихъ. Можно бы подумать, что такимъ же образомъ и передъ словаремъ стоятъ два человѣка, которые, начертавъ себѣ опредѣленный планъ, кладутъ слоями и вправляютъ слова, поперемѣнно подаютъ другъ другу камни и передаютъ изъ рукъ въ руки инструменты, и что одинъ занимается этимологіей и формой, а другой значеніемъ словъ.

Но изслѣдованіе словъ требуетъ сосредоточенной умственной работы и уединеннаго размышленія; кто нашелъ происхожденіе слова, тотъ видитъ и проистекающія отсюда значенія, а кто съ одушевленіемъ углубился въ значенія, тотъ долженъ составить себѣ понятіе и о происхожденіи и корнѣ слова. Одно условливаетъ другое, и нити рвутся, какъ скоро выпустишь ихъ изъ рукъ. Иногда грунтъ, приготовленный однимъ изъ трудящихся, не былъ бы занятъ фигурами, придуманными другимъ, иногда такого грунта было бы недостаточно для этихъ фигуръ. На этомъ поприщѣ самыя сродныя мнѣнія легко расходятся, и уступчивое согласіе столь же вредно, какъ упорная настойчивость. Требовать, чтобы каждый изъ трудящихся подвергалъ свое оконченное изслѣдованіе суду сотрудника, было бы противно чувству

самостоятельности, да притомъ такой судъ былъ бы неисполнимъ, потому что тутъ исправленіе стóитъ столько же труда, какъ и самая работа: вмѣсто того, чтобъ мнѣ шагъ за шагомъ итти по слѣдамъ другого и снисходительно взвѣшивать всѣ его пріемы, лучше я не буду беречь самого себя и одинъ пойду тѣми же путями. При томъ, когда оба работника стоятъ слишкомъ близко другъ къ другу, то они не свободны въ употребленіи инструментовъ.

Ясно, что участіе съ равными правами въ трудѣ словаря возможно только тогда, когда каждый изъ сотрудниковъ возьметъ на себя опредѣленныя части цѣлаго и на всемъ пространствѣ этихъ частей будетъ обращаться съ полною свободой. Чтó онъ отдѣлаетъ, должно безъ предварительнаго просмотра сотрудника входить въ составъ всей работы. Выборъ такихъ частей или отдѣловъ можетъ быть предоставленъ почти случаю, такъ какъ все въ области языка равно трудно и равно привлекательно. Но непримѣтно сообщество обращается къ взаимной пользѣ тѣмъ, что каждый изъ обоихъ сотрудниковъ съ своей точки зрѣнія, но при тѣхъ же средствахъ, въ то же время и, можно сказать, въ той же атмосферѣ, смотритъ, какъ товарищъ его выполняетъ общій планъ, и такимъ образомъ достигается необходимое единство цѣлаго труда. Они подобны двумъ поварамъ, которые, смѣняясь понедѣльно, подходятъ къ тому же очагу и готовятъ одинакую пищу въ той же самой посудѣ; пусть публика сама замѣчаетъ, гдѣ иногда одинъ положитъ слишкомъ мало соли, а другой пересолитъ; надѣюсь, что ни тотъ, ни другой не дастъ кушанью пригорѣть.

Въ первую недѣлю была моя очередь. Когда надо было приступить къ труду, я сказалъ Вильгельму: «Я возьму А, а ты возьми В.» — Это для меня слишкомъ скоро, отвѣчалъ онъ: дай мнѣ начать съ D. — Это казалось очень удобнымъ, потому что буквы А, В, С должны были составить первый томъ, и справедливо было предоставить каждому сотруднику особые томы. Но въ продолженіе работы оказалось, что букву В лучше раз-

16*

бить, чтобы не дать первому тому слишкомъ большого объема. Вотъ почему мнѣ приходилось отдѣлать еще и порядочную долю второго тома.

23. Сторонняя помощь.

Когда наконецъ дѣло должно было завязаться, то выступавшее, все еще не вполнѣ вооруженное словесное войско, въ рядахъ котораго открывались порожнія мѣста, не получало подкрѣпленій съ разныхъ сторонъ, откуда оно наиболѣе ожидало ихъ. Ящики съ карточками, устроенные друзьями, которые ежедневно обращаются съ источниками языка, оставались пусты или нетронуты: такъ было трудно поддержать, въ виду обширности предпріятія, первоначальный жаръ и не дать ему превратиться въ лѣнивую дремоту. Тѣмъ пріятнѣе была неожиданная помощь.

(Упомянувъ здѣсь о двухъ принесенныхъ ему въ даръ богатыхъ собраніяхъ словъ, которыя составлялись не съ этою цѣлью, Я. Гриммъ называетъ потомъ 83 человѣкъ, дѣлавшихъ, по его порученію, разныя выписки собственно для словаря. Между этими лицами, прибавляетъ онъ, было человѣкъ 12 профессоровъ, 2—3 пастора; всѣ остальные были филологи, и ни одного юриста или врача, чѣмъ опять подтверждается сказанное выше на стран. 219-й. Не всѣ изыскатели равно ясно сознавали цѣль задачи, не всѣ работали съ тою же постоянною настойчивостью, такъ что многіе важные писатели едва только половиною своихъ трудовъ вошли въ словарь).

III. СЛОВАРНЫЕ ТРУДЫ ДАТЧАНЪ.

Есть хорошій словарь датскаго языка, составленный покойнымъ Мольбекомъ. Сверхъ того, болѣе ста лѣтъ тому назадъ Королевское Общество наукъ въ Копенгагенѣ предприняло словарь; но онъ и до сихъ поръ не конченъ. Еще въ 1745 г., вскорѣ послѣ основанія Общества, въ немъ возникъ вопросъ о составленіи словаря; — но не прежде какъ черезъ 30 лѣтъ, именно въ 1776 году, окончательно согласились въ основаніяхъ этого труда: положено было составлять словарь по идеѣ англичанина Джонсона. Въ самомъ началѣ уже дѣло шло вяло, редакторы мѣнялись, и къ концу 1780 г. отпечатана была только буква А. Первый же томъ (до конца буквы Е) явился не прежде 1793 г., при чемъ тогдашній редакторъ подавалъ надежду, что весь трудъ будетъ конченъ чрезъ 15 лѣтъ. Но какимъ образомъ это могло осуществиться, когда на одинъ первый томъ употреблено было болѣе времени? Дѣйствительно, словарь и послѣ подвигался тихо; назначенная для изданія его комиссія дѣйствовала безъ всякаго одушевленія и усердія, пересматривала изготовленныя буквы медленно, часто мѣнялась въ своемъ составѣ и избирала редакторовъ не всегда удачно, такъ что выходившія части словаря справедливо подвергались строгой критикѣ и не удовлетворяли требованіямъ науки. Такъ продолжается дѣло до сихъ поръ: отпечатана только 7-я часть словаря, доведеннаго до буквы U; наконецъ уже виденъ берегъ, но это будетъ мозаика, весьма неудовлетворительная въ цѣломъ, какъ и въ частяхъ. Въ числѣ ны-

нѣшнихъ членовъ словарной комиссіи есть люди съ высокимъ ученымъ достоинствомъ и съ громкими именами, но они не могутъ смотрѣть съ любовью на дѣло, начатое безъ нихъ и успѣхъ котораго отъ нихъ уже не зависитъ. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія шла рѣчь о томъ, чтобъ оставить это дѣло; однакожъ ученое общество не сочло себя въ правѣ отказаться отъ предпріятія, на которое было положено столько трудовъ и издержекъ и которое сверхъ того было начато и ведено по волѣ правительства.

Словарь датскаго Общества наукъ служитъ новымъ доказательствомъ истины, въ которой мы и прежде уже убѣдились: что такое сложное и трудное дѣло, болѣе всякаго другого требующее постоянныхъ, напряженныхъ усилій и единства въ исполненіи, не можетъ быть съ успѣхомъ ведено многими; не можетъ быть также поручаемо тому или другому лицу, которое не чувствуетъ особаго къ тому влеченія и принимается за это дѣло не по призванію, а по какимъ-нибудь внѣшнимъ соображеніямъ. Вообще въ умственныхъ трудахъ, требующихъ присутствія одной мысли и таланта, коллективная работа невозможна. Идея, будто цѣлое ученое общество можетъ общими силами трудиться за однимъ какимъ-нибудь предпріятіемъ, ошибочна. Фенелонъ желалъ, чтобы Французская Академія составила піитику; но, замѣтилъ г. Вильмень, разсуждая со мною объ этомъ[1], есть ли возможность, чтобы люди, имѣющіе каждый свой самостоятельный образъ мыслей, сошлись по такому предмету, который допускаетъ наиболѣе разнообразія мнѣній и вкуса? На вопросъ мой Якову Гримму, кѣмъ онъ замѣнитъ покойнаго брата своего въ изданіи словаря, онъ отвѣчалъ мнѣ, что будетъ стараться обойтись безъ сотрудника, потому что только братъ его и былъ способенъ трудиться съ нимъ вмѣстѣ, не мѣшая ему.

Въ Копенгагенѣ нашелъ я человѣка, который въ тишинѣ и неизвѣстности съ изумительнымъ терпѣніемъ трудился надъ сло-

[1] Во время моего заграничнаго путешествія въ 1860 году.

варемъ своего народа. Это г. *Левинъ*, уже лѣтъ тридцать собиравшій матеріалы для такого труда. При мнѣ онъ былъ занятъ выписываніемъ словъ и выраженій изъ писателей, изъ историческихъ и юридическихъ актовъ. Составившіяся такимъ образомъ карточки—каждая носитъ одно только слово съ одною выпискою—распредѣляются по шкапикамъ, изъ которыхъ въ каждомъ по 96-ти ящичковъ. Въ выпискахъ г. Левину помогаютъ два студента, и, по его увѣренію, такіе два молодые сотрудника могутъ очень легко быть пріучены въ совершенствѣ къ подобному труду. Если г. Левинъ съ своимъ рѣдкимъ трудолюбіемъ и любовію къ избранному дѣлу соединяетъ такую же свѣтлость мысли и пониманіе дѣла, то можно надѣяться, что трудъ, который онъ совершаетъ въ одиночествѣ, далеко превзойдетъ словарь Общества наукъ[1].

---

[1] Недавно я прочелъ въ одной шведской газетѣ о смерти Левина въ маѣ 1883 года. Ему было лѣтъ 75. Къ этому извѣстію прибавлено, что онъ оставилъ богатое собраніе матеріаловъ для словаря.

IV. РУССКО-ФРАНЦУЗСКІЙ СЛОВАРЬ

Н. П. Макарова (Спб. 1867 г.).

Потребность въ подробномъ русско-французскомъ словарѣ ощущалась у насъ очень давно[1], и недостатокъ такого пособія, при значительной распространенности у насъ французскаго языка, служилъ однимъ изъ прискорбныхъ доказательствъ того, какъ бѣдна наша учебная и ученая литература и какъ мало у насъ охотниковъ предпринимать серіозные многолѣтніе труды.

Наконецъ нашелся человѣкъ, задумавшій составить такой словарь обоихъ языковъ, который въ неслишкомъ большомъ объемѣ представлялъ бы возможно-полное и надлежащимъ образомъ разработанное содержаніе. И эта нелегкая задача выполнена г. Макаровымъ въ замѣчательной степени успѣшно. Употребивъ на то не болѣе трехъ лѣтъ, г. Макаровъ подалъ отрадный примѣръ настойчивой дѣятельности. Словарь его удовлетворяетъ бóльшей части требованій, существующихъ для пособій этого рода, и можно, кажется, съ увѣренностью предсказать, что онъ сдѣлается надолго необходимою книгою для всякаго, кто захочетъ изучать одинъ изъ двухъ языковъ съ помощію другого; особенно будетъ

---

[1] Т. е. съ тѣхъ поръ, какъ исчезъ изъ продажи весьма хорошо составленный словарь И. И. Татищева, изданный въ 1824 году Глазуновымъ.

онъ нуженъ при переводахъ съ русскаго на французскій, и всего болѣе для учащагося юношества.

Одно изъ главныхъ достоинствъ въ подобномъ трудѣ есть полнота, — полнота, во 1-хъ, въ собраніи словъ объясняемаго языка, во 2-хъ — въ объясненіи этихъ словъ и въ указаніи всѣхъ случаевъ разнообразной передачи ихъ на другомъ языкѣ. Въ обоихъ отношеніяхъ новый словарь довольно близко подходитъ къ цѣли своей, и притомъ въ объясненіи словъ г. Макаровъ постоянно держится разумной системы: сначала идутъ соотвѣтствующія русскому слову, въ разныхъ значеніяхъ его, французскія слова, а потомъ, въ такомъ же порядкѣ, относящіяся къ каждому значенію фразы. Со стороны фразеологіи этотъ словарь отличается рѣдкимъ богатствомъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ въ немъ пословицы, въ бо́льшей части случаевъ передаваемыя пословицами же; только тогда, когда недостаетъ подобозначащихъ, ихъ замѣняетъ объясненіе; то и другое всякій разъ обозначается особымъ указаніемъ. Такимъ образомъ трудъ г. Макарова, выполненный съ добросовѣстностью и знаніемъ дѣла, долженъ быть признанъ заслуживающимъ одобренія. Само собою разумѣется однакожъ, что въ изданіи такого объема неизбѣжны недосмотры и неисправности. Отдавая полную справедливость достоинствамъ словаря, считаю себя не вправѣ умолчать о нѣкоторыхъ пропускахъ и промахахъ, которые въ немъ замѣчены мною. Остановиться на нихъ обязанъ я тѣмъ болѣе, что самъ авторъ выразилъ желаніе узнать недостатки своего словаря для исправленія ихъ въ будущемъ.

Хотя г. Макаровъ и внесъ въ свой трудъ многія общеупотребительныя русскія слова, которыхъ, по крайней мѣрѣ до толковаго словаря Даля, не было въ нашихъ лексиконахъ (напримѣръ: обусловливать, объединять, научный, клумба и др.), однакожъ и въ разсматриваемомъ словарѣ мы не находимъ еще многихъ словъ; нѣкоторыя изъ нихъ, правда, еще новы, но и тѣ уже пріобрѣли или по крайней мѣрѣ болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ право гражданства. Г. Макаровымъ, между прочимъ, пропущены слѣ-

дующія слова[1]: бытовой, водораздѣлъ, главенство *, голосованіе *, дословный, завзятый, законоположеніе, замкнутость, издѣльный (— ая повинность), корениться, крѣпостникъ *, мѣропріятіе, набросокъ *, накидокъ * (esquisse), настроеніе, непререкаемый, обрядовый, общеніе, орудовать, отступное, передвиженіе, плоскогорье, полноправный *, правомѣрный, представительство, пререканіе, принудительный, противовѣсъ (—вѣсіе) *, проходимецъ *, равноправный, самовосхваленіе *, самодуръ, самодѣятельность, самообольщеніе*, самосознаніе*, самоуправленіе*, сдержанность* (и сдержка), собственникъ *, сопоставлять, сторонникъ, стушеваться, суть (имя сущ.), творчество, хлыщъ *, цѣлесообразный*, человѣчный, численность.

Кромѣ того забыты еще нѣкоторыя слова другого рода, хотя не столь употребительныя, болѣе спеціальныя, но также несомнѣнно принадлежащія къ составу языка: они частью встрѣчаются у писателей не слишкомъ давняго періода (напр. занмословіе, нѣщечко), частью слышатся въ общежитіи (взбуровить, ерунда, калика, живейный, неумѣлый, обознаться, посовѣть, раздробь), частью же извѣстны какъ научные или ремесленные термины (хрусталикъ, засидки[2]).

Наконецъ, между вошедшими въ русскій языкъ иностранными словами недостаетъ у г. Макарова нѣкоторыхъ весьма замѣтныхъ. Конечно, не всѣ употребляемыя современными писателями иноязычныя слова заслуживаютъ сохраненія, но многія не хуже прежде-утвердившихся; въ этомъ отношеніи важно имѣть въ виду степень потребности въ словѣ, и кажется, современный лексикографъ не можетъ отвергать такихъ словъ, какъ напр., солидарность, организовать, централизація, соціальный, принципъ, или: кепи, керосинъ и проч., которымъ однакожъ въ словарѣ г.

---

[1] Обозначаю звѣздочкой такія слова, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ изъ вышедшихъ до сихъ поръ русскихъ словарей.

[2] Описаніе засидокъ (Lichtbraten) на одной петербургской фабрикѣ см. въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1866, № 232.

Макарова менѣе посчастливилось чѣмъ другимъ, въ родѣ амплуа, ангажировать, сидръ, папироска и т. п.

Объясненія и переводы въ новомъ словарѣ вообще вѣрны и удачны. Есть въ немъ однакожъ слова, которыя объяснены не во всѣхъ своихъ значеніяхъ или вообще не совсѣмъ полно и не довольно точно. Вотъ тому примѣры.

«Говоръ, le bruit de gens qui parlent». Здѣсь упущено изъ виду значеніе, усвоенное этому слову въ послѣднія десятилѣтія, именно: patois, jargon (мѣстное нарѣчіе).

«Грамотность, l'écriture et la lecture». Но *грамотность* означаетъ преимущественно *умѣнье* читать и писать.

«Дѣятель, acteur, agent». Очевидно, что ни то, ни другое изъ этихъ французскихъ словъ не годится для передачи столь общеупотребительныхъ выраженій: *дѣятель общественный*, *дѣятель такой-то эпохи*. Надобно было перифрастически объяснить употребленіе этого слова.

«Задатокъ, les arrhes». Русское слово употребляется въ смыслѣ гораздо обширнѣйшемъ, напр. въ выраженіи: задатки будущаго развитія.

«Наплясаться, danser tout son soûl, jusqu'à satiété». Это только собственное значеніе слова; но есть еще и другое: натерпѣться, намаяться.

«Направленіе, direction». Надо было прибавить: tendance.

«Насущный,—хлѣбъ, le pain quotidien». Но русское прилагательное соединяется не съ однимъ словомъ *хлѣбъ*; въ предисловіи къ своему словарю самъ г. Макаровъ употребилъ выраженіе: «одна изъ насущнѣйшихъ потребностей». Quotidien не выражаетъ коренного значенія слова *насущный*, которое прямо переведено съ греческаго ἐπιούσιος (*на существованіе* нужный). Слѣдовало прибавить: vital, и потомъ приведенное выраженіе съ объясненіемъ его: besoin impérieux или т. п.

«Оброчный, de redevance, payant une redevance». Забыто реченіе: *оброчныя статьи*.

«Печать, le cachet, sceau; le scellé; impression; les caractè-

res». Здѣсь недостаетъ еще presse, въ значеніи котораго слово *печать* въ недавнее время стало удачно употребляться.

«Починъ, le commencement, étrenne; frontière». И тутъ недостаетъ недавно приданнаго слову значенія: initiative.

«Присяжный, de serment, assermenté; le juré, membre du jury». Не объясненъ терминъ *присяжный повѣренный*, котораго не находимъ и подъ словомъ *повѣренный*.

«Протестъ, protêt». Слово взято только въ самомъ спеціальномъ своемъ значеніи, какъ коммерческій терминъ, тогда какъ общій смыслъ его остался не означеннымъ.

«Путевой, de voyage». Не занесено реченіе *путевой дворъ*, которое начали употреблять въ значеніи французскаго gare du chemin de fer (нѣмецкаго Bahnhof).

«Разбирать». Между многими приведенными при этомъ глаголѣ значеніями забыто одно, соотвѣтствующее выраженію: быть разборчивымъ (напр. въ пищѣ), être difficile dans le choix de...

«Разборчивый». Здѣсь напротивъ указано значеніе, ускользнувшее при глаголѣ *разбирать*, но не приведено то, которое встрѣчается напр. въ выраженіи: довольно разборчивый почеркъ.

«Разводить». Забытъ случай употребленія этого глагола съ творительнымъ: *руками*.

«Рознь, la différence, diversité». А divergence въ смыслѣ разномыслія, несогласія, désunion, division?

«Сводиться, être mené (du haut en bas)». Не показано значеніе слова въ выраженіяхъ, подобныхъ слѣдующему: всѣ эти толки сводятся къ одной главной мысли.

«Черный». Не выставлено названіе *черная рыба*, которымъ означаются всѣ виды мелкой рыбы въ отличіе отъ крупной, называемой *красною*, какъ и показано подъ этимъ послѣднимъ словомъ.

Фразы, которыхъ переводъ вообще свидѣтельствуетъ объ основательномъ знаніи французскаго языка, помѣщены не всегда въ надлежащемъ мѣстѣ; напр. выраженія: «Онъ очень занятъ собою, онъ занятъ чтеніемъ» должны бы находиться не подъ не-

опредѣленнымъ наклоненіемъ *занимать*, а подъ причастіемъ *занятой*, такъ-какъ оно поставлено, по общему правилу автора, особо.

Особо поставлены также косвенные падежи личныхъ мѣстоименій, и г. Макаровъ справедливо указываетъ въ предисловіи на это преимущество своего словаря. Но на томъ же основаніи слѣдовало бы помѣщать особо и тѣ глагольныя формы, которыя своими начальными буквами отличаются отъ неопредѣленнаго наклоненія. Такъ нужно бы, кромѣ *здать*, *итти*, *молоть*, *стлать*, *брать*, *жать*, *мять* и т. п. выставить на своемъ мѣстѣ, по азбучному порядку, и формы: *зижду*, *шелъ*, *мелю*, *стелю*, *беру*, *жму*, *жну*, *мну* и проч.

Выше сказано было, что нѣкоторыя фразы встрѣчаются не тамъ, гдѣ ихъ должно искать. Въ примѣръ того приведу еще одинъ случай. Пословица: «не всякое лыко въ строку» помѣщена подъ словомъ *всякій*, тогда какъ настоящее мѣсто ей было бы подъ словами *лыко* или *строка*. Притомъ и объясненіе этой пословицы: «Il ne faut pas regarder de trop près, или: il faut être indulgent quelquefois» не совсѣмъ удовлетворительно. Подъ словами *лыко* и *строка* читатель не найдетъ разгадки, почему въ народномъ изреченіи соединены эти два понятія. Имя сущ. *строка* переведено только словомъ *ligne*, но въ сущности смыслъ его гораздо обширнѣе: оно значитъ вообще *рядъ* (напр. въ шитьѣ), и на этомъ основаніи употребляется также, когда рѣчь идетъ о плетеніи лаптей. Мастеръ этого дѣла отбрасываетъ тѣ лыки, которыя кажутся ему недовольно чисты и гладки для употребленія въ строку или полосу. Вотъ начало пословицы. Уже позднѣе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ стали говорить: «Не всякое слово въ строку». Снегиревъ объясняетъ пословицу о лыкѣ такъ: «не всякія мелочи, пустяки вводить въ дѣло». Даль даетъ ей слѣдующее толкованіе, принятое и въ разбираемомъ словарѣ: «не будь чрезмѣру строгъ и взыскателенъ». Кажется, точнѣе былъ бы такой переводъ: «не всякое слово, необдуманно сказанное, стóитъ вниманія и должно вмѣняться».

Указавъ на нѣкоторые частные недостатки въ словарѣ г. Макарова, охотно сознаю однакоже, что они не могутъ и не должны заслонять собою огромной массы всего хорошаго, что̀ въ немъ заключается. Безъ критическихъ указаній со стороны, такой обширный трудъ никогда не можетъ приблизиться къ желаемому совершенству. Въ настоящемъ же случаѣ они казались мнѣ тѣмъ нужнѣе, что неутомимый авторъ уже перешелъ къ другому однородному предпріятію: онъ готовитъ въ тѣхъ же или, можетъ быть, еще въ бо̀льшихъ размѣрахъ французско-русскій словарь. Пожелаемъ ему въ этомъ новомъ предпріятіи такого же успѣха, какого заслуживаетъ недавно изданный трудъ его.

V. ПЛАНЪ СЛОВАРЯ ВЪ НОВОМЪ РОДѢ.

Die Silbenanalyse als sprachliches Lehr- und Lern-Mittel. Ein Beitrag zur Reform der Lexicographie, von A. Castle Cleary. In ihrer Anwendung auf das Deutsche mit Belegen aus andern europäischen Sprachen dargestellt von I. Th. Dann, Ph. D. London, 1877 (8°, 48 стр.).

Автору изданной подъ этимъ громкимъ заглавіемъ брошюры и нѣмецкому ея переводчику показалось, что словари, составленные въ азбучномъ порядкѣ, не годятся, потому что неудобны для чтенія, такъ какъ при такомъ расположеніи между словами нѣтъ связи: поэтому гг. Клири и Даннъ предлагаютъ другой порядокъ, основаніемъ котораго должно служить прежде всего словопроизводство, а потомъ извѣстныя созвучія внутри и въ концѣ словъ, такъ что словарь, по этой методѣ составленный, былъ бы чѣмъ-то въ родѣ словаря рифмъ. «Устроенный такимъ образомъ словарь», говоритъ на стр. 32-й г. Даннъ, «имѣлъ бы ту неоцѣненную выгоду, что фактически представлялъ бы словарь рифмъ въ первоначальномъ значеніи (?) этого слова, а не просто алфавитный, убійственный для духа рутинный словарь». Не совсѣмъ понятно однакожъ, какъ соединить принятый сперва принципъ корнесловія съ расположеніемъ по созвучіямъ. Для большей ясности спишемъ съ той же 32-й стр. нѣсколько примѣровъ изъ представляемаго переводчикомъ, для образца, списка словъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ предполагаетъ размѣщать ихъ:

Arg,	Arche
ragen	Rache,
fragen	Rachen,
kragen	brach, (adj.)
prügeln	Fracht
tragen,	Krach и т. д.

Изъ этого видно, что мысль автора нельзя назвать особенно счастливою. Читатель, ожидающій, по заглавію брошюры, разрѣшенія важнаго вопроса, испытываетъ полное разочарованіе. Въ ней очень много словъ и разглагольствія, но мало дѣла. Самая основная идея совершенно ошибочна; словари издаются не для чтенія, а для справокъ, и главное условіе ихъ цѣлесообразности заключается въ легкости отысканія каждаго слова, а этого-то именно удобства и недоставало бы прежде всего словарю, составленному по мысли г. Клири. Было много опытовъ этимологическихъ словарей: они имѣютъ свое неоспоримое значеніе, но для практическаго употребленія самый годный словарь есть конечно чисто алфавитный, что было сознано и убѣдительно высказано еще Яковомъ Гриммомъ. Брошюра г. Данна, вдобавокъ, не щеголяетъ и основательностью свѣдѣній; для примѣра достаточно указать на его замѣчанія о русскомъ и славянскихъ языкахъ. Такъ на стр. 20-й, выписавъ фразу: «огонь, воздухъ, земля и вода суть четыре стихіи», онъ увѣряетъ, что «только въ словѣ *вóздухъ* удареніе падаетъ на *коренной* слогъ»; а на стр. 28-й, замѣтивъ, между прочимъ, что наша буква ѣ произносится 5-ю различными способами, онъ говоритъ: «Древнеславянскій языкъ имѣетъ сорокъ два начертанія, и хотя намъ совершенно неясно ихъ истинное произношеніе въ устахъ Рюрика, не нынѣшнихъ поповъ (nicht in der heutigen Popen Munde), однакожъ мы можемъ по пріемамъ сына судить о нравѣ отца и принять за вѣроятное, что въ вѣкъ Чингисхана и Тамерлана было въ этомъ отношеніи (?) столько же мало единства языка, какъ и въ наше время. Польскій и чешскій находятся въ нѣсколько лучшемъ, сербскій и кроатскій въ немного худшемъ положеніи, и одно несомнѣнно, что во второстепенныхъ языкахъ славянской семьи фонетицизмъ (вѣроятно въ правописаніи) имѣетъ такъ же мало простора, какъ и въ московитскомъ»!

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ СТАТЬѢ:

КЪ СООБРАЖЕНІЮ БУДУЩИХЪ СОСТАВИТЕЛЕЙ РУССКАГО СЛОВАРЯ.

МНѢНІЕ СПЕРАНСКАГО О НОВОМЪ ИЗДАНІИ СЛАВЯНО-РОССІЙСКАГО СЛОВАРЯ [1].

I. О правилахъ.

Комитетъ принялъ къ сочиненію словаря нѣкоторыя правила: но принялъ ихъ *на первый случай*, слѣдовательно впослѣдствіи они могутъ *измѣниться*. Когда же измѣнятся? Когда словарь будетъ сочиненъ, и слѣдовательно надобно будетъ его передѣлывать.

Мнѣ кажется, главное состоитъ въ правилахъ, не на первый разъ, но навсегда твердо установленныхъ. Безъ сего все сочиненіе непрестанно будетъ колебаться. Безъ сего нельзя членамъ и разсматривать пробныхъ листовъ: ибо важнѣйшая часть сего разсмотрѣнія именно должна состоять въ соображеніи исполненія съ правилами.

Для установленія сихъ правилъ надлежало бы, кажется, прежде всего собрать и разсмотрѣть правила, кои наблюдаемы были въ другихъ государствахъ; не мы первые сочиняемъ словарь: нужно посмотрѣть, на какихъ основаніяхъ составляли его въ Академіи Делла Круска, въ Парижской и Джонсонъ въ Англіи. То, что тамъ придумано основательно, принять; другое смѣнить своимъ. Первое и важнѣйшее изъ сихъ правилъ есть установить съ точностію предѣлы словаря по двумъ главнымъ вопросамъ: для кого и для чего онъ сочиняется? Мнѣ кажется, онъ сочиняется для людей знающихъ языкъ русскій (всѣ изъясненія и опредѣленія его составляются по-русски), и слѣдовательно не для того, чтобъ

---

[1] Въ протоколахъ Россійской Академіи за 1831 годъ найдено мною мнѣніе М. М. Сперанскаго, незадолго передъ тѣмъ избраннаго въ дѣйствительные члены ея. Нелишнимъ считаю помѣстить здѣсь въ видѣ приложенія эти замѣчанія знаменитаго своимъ умомъ человѣка.

учить русскому языку иностранцевъ или дѣтей, но для того: 1) чтобъ мнѣніемъ цѣлаго ученаго сословія утвердить истинное значеніе русскихъ словъ, и разрѣшить сомнѣнія въ разнообразномъ или спорномъ ихъ употребленіи; 2) чтобъ изъяснить нѣкоторыя слова русскія обветшалыя или мало употребительныя; 3) чтобъ изъяснить такъ называемыя слова славянскія, т. е. церковныя. Посему въ Славяно-Россійскій словарь не должно допускать никакихъ словъ иностранныхъ, исключая только греческихъ словъ церковныхъ и малаго числа словъ, принятыхъ не обычаемъ, но закономъ, какъ-то: сенатъ, и тому подобныхъ; для иностранныхъ же словъ приложить къ словарю алфавитную роспись, съ краткимъ изъясненіемъ реченій, болѣе или менѣе употребительныхъ, но къ составу языка не принадлежащихъ. Это не есть гоненіе на слова иностранныя: обычай ихъ ввелъ, обычай и выведетъ; но Академія не должна, мнѣ кажется, укоренять ихъ, давая имъ право гражданства и вводя ихъ въ составъ нашего языка. Изъ снисхожденія къ обычаю она можетъ удѣлить имъ мѣсто при своемъ языкѣ, но мѣсто отдѣльное, означивъ ихъ въ особой росписи.

Издательный комитетъ въ защиту ихъ приводитъ то, что они обрусѣли, и что безъ нихъ обойтись не возможно. Пусть они и остаются въ употребленіи; но сіе не даетъ имъ права на помѣщеніе въ словарь Славяно-Россійскій — иначе назовите его *словаремъ реченій, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ, въ россійскомъ словѣ употребляемыхъ.* И какіе же будутъ словарю сему предѣлы! Кусокъ толстаго бѣлаго сукна на турецкой границѣ называется аба; но онъ вѣрно иначе называется въ Оренбургѣ, въ Сибири и проч. Почему аба будетъ стоять въ словарѣ, а другихъ названій, столько же или можетъ быть и болѣе въ другихъ мѣстахъ употребительныхъ, не будетъ?—Сколько словъ иностранныхъ, при Петрѣ Великомъ и при императрицѣ Елисаветѣ бывшихъ въ употребленіи, и нынѣ совершенно падшихъ въ забвеніе! Гдѣ нынѣ циркумстанціи, конциліумы, консидераціи, пропозиціи и множество имъ подобныхъ? Не та же ли судьба ожидаетъ и наши: абонированія, абонименты, адресованія, адресовать и проч. и проч. Они покружатся нѣсколько времени, какъ кружились наприм. выраженія: *строить куры* и тому подобныя, и исчезнутъ. Всѣхъ нелѣпостей и измѣненій обычая и небрежнаго или затѣйливаго пустословія никакимъ словаремъ обнять не возможно. Нѣкоторые изъ нихъ необходимы и можетъ быть навсегда останутся на языкѣ, и пусть остаются: отъ того, что они будутъ или не будутъ помѣщены въ словарѣ, необходимость ихъ не возрастетъ, ни уменшится. Но помѣщеніе ихъ, *во первыхъ*, обезобразитъ словарь Славяно-Россійскій; *во вторыхъ*, вмѣсто полнаго словаря представитъ сборникъ словъ весьма неполный;

ибо всѣхъ иностранныхъ словъ въ областяхъ нашихъ, русскими людьми употребляемыхъ, собрать почти не возможно; то, что въ одномъ краю считается словомъ необходимымъ, въ другомъ совсѣмъ не извѣстно, и замѣняется инымъ; *въ третьихъ*, сія смѣсь даетъ словарю видъ временнаго періодическаго сборника; ибо, какъ выше было примѣчено, сколько есть иностранныхъ словъ, кои въ свое время считались необходимыми, а теперь употребленіе ихъ показалось бы страннымъ и не совмѣстнымъ.

Во всѣхъ почти основательныхъ словаряхъ означаются корни словъ. Я не разумѣю здѣсь того высшаго изысканія корней, которое составляетъ особую и весьма важную часть филологіи; но разумѣю простое словопроизводство изъ ближайшихъ корней. На прим. *Подразумѣваю* очевидно слагается изъ предлога *подъ* и *разумѣваю*, а *разумѣваю* изъ предлога *разъ* и *умѣю*; слѣдовательно корень: *умѣю* или *умъ*. Въ ожиданіи лучшаго и глубокаго изысканія и сіе словопроизводство было бы, кажется, для утвержденія первообразнаго значенія словъ, во многихъ случаяхъ весьма полезно.

Еще одно примѣчаніе. Словарь именуется: по азбучному порядку расположеннымъ. Я не знаю, можетъ ли быть какой-либо словарь даже и словопроизводный, расположенъ иначе, какъ по азбучному порядку. Если симъ желали выразить: ordine analogico илй analytico, то сіе не есть азбучный порядокъ. Должно постараться пріискать другое слово.

II. Пробные листы.

1) Послѣ двухъ первыхъ *А*, послѣдующія пять суть простые звуки, коихъ значеніе опредѣляется: 1) образомъ ихъ произношенія, и 2) послѣдующими выраженіями мыслей. Они могутъ быть безчисленны и находятся во всѣхъ языкахъ; но нигдѣ не даютъ имъ мѣста въ словаряхъ: ибо какъ описать значеніе звука, зависящее отъ голоса, и разнообразныя его сопряженія съ мыслями? *А.* союзъ противоположный, часто токмо раздѣлительный; даже первый примѣръ есть только раздѣленіе, а не противоположность: ибо нельзя тутъ поставить *но* тьму, а можно поставить: тьму *же*, — что означаетъ раздѣленіе. *А! а!* то же примѣчаніе, какъ и въ пяти предыдущихъ. Смыслы сего восклицанія безчисленны. Всѣ гласныя буквы имѣютъ свое свойство, напр. И! какой вздоръ! О! О! ты уже началъ сердиться.

2) О всѣхъ иностранныхъ словахъ, коими буква сія испещрена, выше сдѣлано одно общее примѣчаніе.

3) *Августѣйшій* не есть высочайшій: ибо *augeo* не значитъ: возвышаю, но умножаю, увеличиваю—слѣдовательно: великій, или величайшій.

4) *Авторовъ. Авторскій.* Сомнѣваюсь, чтобы сей родъ прилагательныхъ особаго устроенія могъ имѣть мѣсто въ словарѣ. Они принадлежатъ къ грамматикѣ; тамъ должно показать, какимъ образомъ и въ какихъ предѣлахъ нѣкоторые существительныя въ родительномъ надежѣ пріемлютъ видъ прилагательныхъ. Въ старину у насъ писали даже *еювъ*, такъ какъ нынѣ въ грубомъ просторѣчіи употребляютъ: ихные, ихныхъ; грамматика должна показать, чтó тутъ правильно, и чтó неправильно.

5) *Агнецъ* — не вижу, почему съ латинскаго: Agnus. Это просто *ягнецъ*. У насъ есть вся его фамилія и даже глаголъ *ягнюся*, коего нѣтъ въ латинскомъ. Въ концѣ сей статьи о просфорѣ нужно справиться: на одной ли той просфорѣ, изъ коей вынимается Агнецъ, находятся слова: IC. XC. NIKA. Если на всѣхъ, то изъясненіе лишнее и было бы неправильно.

6) *Адажіо.* Слово сіе, какъ и другія иностранныя, принадлежитъ къ словоистолкователю г-на Яновскаго, или къ расписанію иностранныхъ реченій. Но и тамъ не худо изъяснить, чтó собственно значитъ adagio— *на досугѣ, не спѣша, à son aise.*

7) *Адъ*, ἀΐδης, ᾅδης, собственно значитъ: 1) мѣсто или состояніе умершихъ, мрачное и незримое обиталище погребенныхъ. См. Lexicon Damm et Duncan. Въ семъ-то смыслѣ, а не въ смыслѣ гроба и могилы, должно понимать слова Іосифа; 2) преисподній міръ, когда пріемлется въ смыслѣ страны; 3) мѣсто мученій; 4) крайнее несчастіе и проч. Но къ чему тутъ поговорка: *этотъ домъ сущій* адъ? Мало ли что говорится! Четвертое значеніе есть излишнее потому, что оно есть именно собственное значеніе Ада. Примѣры же тутъ не нужны, ибо и безъ нихъ ясно.

8) Не *азарничать*, а *озорничать* и принадлежитъ къ буквѣ О. Иначе всѣ слова, по московскому произношенію превращаемыя изъ О въ А, должно бы было помѣщать вдвойнѣ. Въ Москвѣ говорятъ: *атлажилъ, аткинулъ.* Дѣло словаря есть именно истреблять, а не утверждать сіи отступленія.

9) *Академиковъ* — то же примѣчаніе, что и къ слову *авторовъ.* Оно принадлежитъ вообще ко всѣмъ словамъ сего рода.

10) *Академія.* Къ чему тутъ примѣры? Вообще примѣры должно приводить токмо для утвержденія значеній сомнительныхъ, рѣдкихъ или особенныхъ.

М. Сперанскій.

23 Февраля
1831 г.

ЗАМѢТКА О НАЗВАНІЯХЪ МѢСТЪ.

Въ октябрьской книжкѣ *Журнала Министерствá народнаго просвѣщенія* за 1867 годъ помѣщена замѣтка гг. Эрбена и Ламанскаго «о славянскихъ топографическихъ названіяхъ». Любопытное содержаніе ея подаетъ мнѣ поводъ поговорить о географическихъ именахъ вообще. Нѣтъ сомнѣнія, что ученіе географіи пріобрѣло бы несравненно болѣе смысла и интереса, если бы встрѣчающіяся въ ней названія мѣстъ и урочищъ были, болѣе нежели до сихъ поръ дѣлалось, освѣщаемы филологіей, то-есть, по мѣрѣ возможности объясняемы и переводимы. Топографическое имя рѣдко бываетъ случайнымъ и лишеннымъ всякаго значенія. Въ немъ по большей части выражается или какой-нибудь признакъ самаго урочища, или характеристическая черта мѣстности, или намекъ на происхожденіе предмета, или наконецъ какое-нибудь обстоятельство, болѣе или менѣе любопытное для ума или воображенія, Такъ, напримѣръ, извѣстно, что высочайшія горы на самыхъ разнообразныхъ языкахъ называются по имени покрывающаго ихъ *снѣга* или его *бѣлизны:* Mont-Blanc значитъ бѣлая гора; Sierra Nevada (въ Испаніи)—снѣжная цѣпь; Snowdon (въ Валлисѣ) — снѣжный холмъ; Snöhätta (на Сканд. полуостр.) — снѣжная шляпа; Schneekoppe или Sněžka (въ Чехіи)—снѣжная вершина; Бѣлуха въ Сибири; Гималаай—жилище снѣга или зимы; Давалагири — бѣлая гора[1], и проч. Для насъ наглядны стано-

---

[1] Можетъ-быть, и слово *Альпы* сродни латинскому albus; по мнѣнію другихъ, оно на кельтскомъ языкѣ значитъ *гора*.

вается многія урочища, когда намъ объяснится ихъ названіе: такъ, имя длиннѣйшаго въ мірѣ горнаго хребта, Cordilleras de los Andes, перестаетъ быть мертвымъ звукомъ, когда мы узнаемъ, что Anta у туземцевъ значитъ мѣдь или вообще металлъ, а Cordillera на испанскомъ языкѣ — цѣпь, и такимъ образомъ это названіе сближается съ германскимъ Erzgebirge, Рудный хребетъ[1]. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ немногія географическія имена такъ ясны, какъ приведенныя названія горъ.

Конечно, большое число именъ, по древности своего происхожденія или по неизвѣстности языковъ, на которыхъ они возникли, уже не могутъ быть теперь объяснены; но сколько еще остается такихъ, которыхъ значеніе понятно или можетъ сдѣлаться понятнымъ при помощи лингвистики, этнографіи или исторіи, и — прибавлю — которыхъ объясненіе можетъ, наоборотъ, оказать большую услугу этимъ наукамъ. Потому очень желательно было бы, чтобъ языкознаніе болѣе и болѣе вносило въ область свою и этотъ предметъ изслѣдованія. Самою удобною формой для изложенія результатовъ изысканій надъ географическими названіями была бы форма лексикона или глоссарія въ алфавитномъ порядкѣ. Попытка этого рода сдѣлана уже въ Англіи небольшою книжкой подъ заглавіемъ: «The Geographical Word-Expositor or Names and Terms occurring in the Science of Geography, etymologically and otherwise explained by *Edwin Adams*»[2]. Но попытка эта, къ сожалѣнію, очень несовершенна: 1) «Словотолкователь» г. Адамса далеко не полонъ и не содержитъ въ себѣ даже множества такихъ именъ, которыя объяснить было бы очень легко при болѣе обширномъ знаніи языковъ, нежели какимъ рас-

---

[1] По другому толкованію, Anti на языкѣ Перуанцевъ значитъ *востокъ*.

[2] То-есть, Географическій Словотолкователь или имена и термины, встрѣчающіеся въ наукѣ землеописанія, съ этимологическими и другими объясненіями, соч. Эдвина Адамса. Книжка эта вышла въ Лондонѣ, 2-мъ изданіемъ, въ 1856 году. Впослѣдствіи появилось въ Германіи болѣе обширное и болѣе ученое по этому предмету сочиненіе д-ра Эгли: «Nomina geographica. Versuch einer allgemeinen geographischen Onomatologie. Leipzig. 1872», о которомъ читатель найдетъ нѣсколько свѣдѣній въ дополненіяхъ къ настоящей статьѣ.

полагалъ авторъ; 2) многія толкованія у него совершенно не вѣрны. Такимъ образомъ, за книжкою его остается почти только одно достоинство идеи и начала выполненія ея. Въ особенности неудовлетворительно у него все относящееся къ сѣверному и восточному міру. Такъ, напримѣръ, при имени *Muscovy* замѣчено, что оно означаетъ преимущественно тѣ части Россіи, которыя лежатъ около Чернаго и Каспійскаго морей, и что онѣ такъ названы по первобытному своему населенію, потомству шестого Іафетова сына «Meschech». Такимъ же образомъ и міръ западно-славянскій остался для автора совершенною *terra incognita*. Кромѣ названій мѣстъ собственно, онъ счелъ нужнымъ вносить въ свой словарь и *термины* географическіе, напримѣръ, reefs, straits и т. п., чтó по-настоящему уже не относится къ предмету его сочиненія, тѣмъ болѣе что эти термины объясняетъ онъ только по ихъ вещественному значенію, оставляя въ сторонѣ словопроизводство, которое при именахъ собственныхъ составляетъ главную его задачу.

Что касается до славянскихъ именъ мѣстъ, то въ нашей литературѣ уже давно была заявлена мысль о необходимости умѣть приводить ихъ въ подлинникѣ (см. *Сѣв. Пчелу* 1849, №№ 6—15[1]); но эта мысль, теперь возобновленная въ научной обстановкѣ г-мъ Эрбеномъ, можетъ быть вполнѣ осуществлена только тогда, когда

---

[1] Въ № 6 авторъ статьи, *Іоаннъ Рыльскій*, подписавшійся С., такъ жалуется на господствующее у насъ незнаніе первобытныхъ именъ мѣстъ въ странахъ, искони населенныхъ славянскими племенами: «Географическіе учебники, по большой части передѣлываемые съ нѣмецкихъ, наполнены искаженіями именъ городовъ и мѣстечекъ славянскихъ; еслибы хоть въ скобкахъ ставили настоящее имя, какъ оно произносится тамъ славянскими туземцами, напримѣръ: Лембергъ (Львовъ), Аграмъ (Загребъ), Эссекъ (Осѣкъ) и т. д., но и того нѣтъ! Славянскій міръ, начинающій занимать любопытство всей Европы, остается совершенно неизвѣстнымъ нашему юношеству, поучающемуся изъ учебныхъ книжекъ всякаго рода ошибкамъ историческимъ и географическимъ». Въ № 15 самъ издатель *Сѣв. Пчелы*, покойный Н. И. Гречъ, хотя и глумится надъ мыслію замѣнять нѣмецкія географическія названія славянскими, однакожъ не отвергаетъ необходимости знать ихъ и приводитъ азбучный списокъ такихъ именъ (около 300), извлеченный изъ брошюры, напечатанной въ 1847 г. въ Вѣнѣ на *иллирійскомъ* языкѣ.

будетъ составленъ соотвѣтствующій практической потребности словарь такихъ именъ: надобно, чтобы возлѣ каждаго установившагося давнимъ употребленіемъ нѣмецкаго имени можно было отыскивать первоначальное славянское, и наоборотъ. Примѣромъ для подобнаго труда можетъ служить словарь латинскихъ географическихъ названій, изданный въ 1861 году въ Дрезденѣ подъ заглавіемъ: «Orbis latinus oder Verzeichniss der lateinischen Benennungen der bekanntesten Städte etc., Meere, Seen, Berge und Flüsse in allen Theilen der Erde, nebst einem deutsch-lateinischen Register derselben, von Dr. J. G. Th. *Graesse*»[1]. Въ славяно-нѣмецкомъ и нѣмецко-славянскомъ географическомъ словарѣ представилось бы много случаевъ для любопытныхъ лингвистическихъ сближеній и соображеній. Мимоходомъ позволю себѣ указать на одинъ подобный случай: мѣста, обильныя производствомъ соли, называются у Славянъ и у Нѣмцевъ подобозвучнымъ именемъ, находящимъ себѣ объясненіе въ греческомъ названіи соли, ἅλς: Галиція, Галичъ (Сольгаличъ), Halle, Hallein, Hallstadt, Reichen-Hall, и проч.

Независимо отъ общаго географическаго словотолкователя или корнеслова, о какомъ выше упомянуто, для насъ особенный интересъ имѣлъ бы этимологическій словарь многоязычныхъ географическихъ именъ въ предѣлахъ Россіи. Богатый матеріалъ для подобнаго словаря заключается уже въ лѣтописяхъ и въ Книгѣ Большому Чертежу. Въ древней Руси обнаруживается замѣчательное стремленіе переводить инородческія названія мѣстъ. Правда, нѣкоторыя изъ нихъ вошли въ лѣтопись въ своемъ первоначальномъ и не всегда легко-объяснимомъ видѣ, какъ-то: Колывань (Ревель), Ругодивъ (Нарва), Раковоръ (Везенбергъ), Кесь (Венденъ), Людеревъ (Або)[2]; но многія другія, финскія,

---

[1] То-есть, Списокъ всѣхъ латинскихъ названій извѣстнѣйшихъ городовъ и проч., морей, озеръ, горъ и рѣкъ во всѣхъ частяхъ земного шара, съ приложеніемъ нѣмецко-латинскаго реестра ихъ, доктора Грессе.

[2] См. объ этихъ именахъ особое примѣчаніе въ концѣ настоящей статьи.

шведскія и нѣмецкія названія являются либо переведенными по-русски, либо передѣланными на русскій ладъ.

Приведу нѣсколько примѣровъ того и другого случая.

1) *Примѣры перевода.*

Подъ 1054 г. Кединивъ, по другимъ спискамъ Кепедивъ, Декипивъ, переведено: *Солнца рука.* Это переводъ слова kädepäiwä; состоящаго изъ käsi (родит. пад. käden)—рука, и päiwä—солнце. Вѣроятно, финское слово было искажено лѣтописцемъ или переписчикомъ его. (См. Соф. Лѣт. I, 156; Никон. I, 144, и Карамз. II, пр. 144).

Подъ 1116 г. Оденпе—*Медвѣжья голова*; по-настоящему должно бы быть: Ohdonpää—городъ недалеко отъ Дерпта. (Объ этомъ во многихъ спискахъ; ср. Кар. II, прим. 217, 218).

Подъ 1300 г., при описаніи похода Торкеля Кнутсона и построенія имъ города на Невѣ, сказано: «похвалившеся окаяньніи, нарекоша его Вѣнецъ земли» (Нов. I, 67). Такъ переведено имя Landskrona; на нынѣшнемъ языкѣ точнѣе было бы: вѣнецъ края или страны.

Подъ 1311 г., въ описаніи похода на Емь, упомянуты разныя урочища, которыхъ мѣстоположеніе до сихъ поръ сомнительно, между прочимъ рѣки: Купецкая и Черная; подлинныя финскія имена нигдѣ не означены. (Новг. лѣт. I, 69; Соф. I, 295. Ср. Карамз. IV, 107 и прим. 214).

Подъ 1318 г. Aurajoki переведено: *Полная рѣка.* Настоящее финское названіе Awara joki (awara—обильный, обширный): Аурою и теперь называется рѣка, на которой стоитъ городъ Або. (Нов. I, 72. Ср. Кар. IV, 112, пр. 228, и еще Арх. Лѣт. подъ 1496 г.).

Подъ 1342, 1370, 1406 и 1444 г. Neuhausen переведено *Новый городокъ*, *Новгородокъ* (Новгор., Соф. и др. лѣтоп. Ср. Кар. IV, пр. 336, 338).

Подъ 1407 г. Вейсенштейнъ названъ *Бѣлый камень* (Псков.

лѣт.). Въ другихъ мѣстахъ онъ иногда означается еще и чудскимъ именемъ Пайда.

Подъ 1496 г., въ описаніи похода въ Каянскую землю, *на десять рѣкъ*, упомянуты между прочимъ рѣки: *Сиговая* и *Снѣжная*—названія, до сихъ поръ сохранившіяся въ финскихъ именахъ двухъ рѣкъ Siikajoki и Lumijoki, текущихъ по Остроботніи: обѣ впадаютъ въ Ботническій заливъ къ югу отъ Улеоборга. Имя Сикаіоки является вторично въ исторіи финляндскаго похода 1808 г. (См. Описаніе Михайловскаго-Данилевскаго, стр. 84; ср. Соф., Никон., Арх. лѣт. и Кар. VI, пр. 432).

Подъ 1582 г. городъ Вольмаръ названъ *Володимерцемъ* въ спискѣ договора Запольскаго (Кар. IX, пр. 600). Это названіе встрѣчается и въ лѣтописи.

Потребность уяснять себѣ значеніе иноязычныхъ названій мѣстъ замѣчается рѣже у Шведовъ: даже названіе рѣки *Сестры*, по которой Орѣховскимъ миромъ утверждена граница между обоими смежными государствами, не переведено въ шведской редакціи договора 1323 года[1]. Тамъ рѣка эта называется *Sester*;

[1] Шведскій текстъ этого договора см. въ журналѣ *Suomi*, Helsingfors 1841, стр. 64, и статью о нотеборгскомъ мирѣ въ *Kongl. Vitterhets* &c. *Academiens, Handlingar*, XX d., Sth. 1852, стр. 179 и 180. Въ этой статьѣ г. Гильдебрандтъ, авторъ ея, упоминаетъ, что въ стокгольмскомъ Государственномъ архивѣ есть русскій текстъ орѣховскаго договора. Вслѣдствіе того я въ 1856 году письменно отнесся къ умершему недавно (1874) государственному архиваріусу Нордстрэму, бывшему сослуживцу моему по Гельсингфорсскому университету, съ просьбою доставить мнѣ свѣдѣніе объ этомъ любопытномъ документѣ, такъ какъ въ Россіи текстъ древнѣйшаго договора съ Швеціею не сохранился ни въ подлинникѣ, ни въ переводѣ. Г. Нордстрэмъ тогда же обязательно доставилъ мнѣ списокъ шведскаго текста; относительно же русскаго отвѣчалъ, что онъ куда-то заложенъ и его на этотъ разъ не удалось отыскать. Въ 1875 году шведскій посланникъ въ Петербургѣ г. Дуэ передалъ мнѣ на просмотръ фотографическіе снимки съ двухъ, дѣйствительно найденныхъ въ томъ архивѣ, г. Рюдбергомъ, русскихъ текстовъ означеннаго договора, изъ которыхъ одинъноситъ всѣ признаки подлинника, а другой—переводъ съ шведскаго или латинскаго. Вскорѣ послѣ того г. Рюдбергъ издалъ оба эти текста въ книгѣ: Sverges traktater med främmande magter (Договоры Швеціи съ иностранными державами. Стокгольмъ, 1877). Снимокъ съ русскаго текста тогда же былъ приложенъ мною къ статьѣ: «Библіографическія и историческія замѣтки» въ XVIII томѣ *Сборника Отдѣленія р. яз. и сл.*

да еще и гораздо позднѣе, въ 16-мъ вѣкѣ, встрѣчается она подъ этимъ именемъ въ шведскихъ актахъ. Нынѣшнее ея переводное названіе, отчасти употребляемое и у насъ — Systerbäck — утвердилось въ шведской дипломаціи не прежде какъ во второй половинѣ 16-го столѣтія[1]. Настоящее финское имя этой рѣки — Rajajoki — явно возникло тогда, когда она сдѣлалась пограничною рѣкой (raja — граница, край[2], а joki — рѣка); впрочемъ, это значеніе имѣла она съ незапамятныхъ временъ, ибо договоръ Орѣховскій заключенъ былъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, «по старой пошлинѣ», то-есть, по старинѣ.

Въ этомъ договорѣ, какъ и въ другихъ шведскихъ памятникахъ, Новгородъ постоянно называется *Nogard* или *Nougardt*; такъ и въ названіи *Нижняго* Новгорода ни Шведы, ни другіе иностранцы никогда не давали себѣ труда объяснить и перевести приданный собственному имени эпитетъ.

Касательно названія *Орѣховъ*, *Орѣховецъ* или *Орѣшекъ*, замѣтимъ, что Русскіе, построивъ эту крѣпость въ 1323 году, наименовали ее такъ потому, что Финны самый островъ звали Päähkinä-saari (Орѣховый островъ). Впослѣдствіи и Шведы, овладѣвъ этою крѣпостію, перевели на свой языкъ русское ея названіе словомъ Nöteborg.

2) *Примѣры передѣлокъ.*

Рядомъ съ переводными названіями попадаются въ древней русской географіи и такія, которыя составлены безъ всякой мысли о значеніи ихъ на другомъ языкѣ; тутъ проявляется часто та же потребность въ другомъ видѣ: чуждымъ звукамъ придается та-

---

[1] Древнѣйшее названіе этой рѣки, финское — Siestarjoki, отчасти еще и теперь употребляется рядомъ съ болѣе извѣстнымъ Rajajoki, а уже отъ финскаго произошли русское и шведское, сходныя по звукамъ названія; по-фински же *siestain* зн. черная смородина. (Альквистъ.)

[2] Любопытно это слово raja въ финскомъ языкѣ: по санскр. râjis, по русски *край* значатъ то же самое. Вѣроятно, Финны заимствовали это слово у Русскихъ, откинувъ начальную согласную, какъ часто бываетъ при переходѣ иноязычныхъ словъ въ финскій языкъ.

кая форма, въ которой бы они представляли уму какой-нибудь смыслъ, хотя бы и ни на чемъ не основанный. Это бываетъ особенно тогда, когда подлинное названіе трудно объяснить, или когда происхожденіе его сомнительно. Сюда надо отнести названіе *Сердоболя* (ф. Sortawala), города впрочемъ новаго, возникшаго уже послѣ Столбовского мира. Была высказываема догадка, что оно происходитъ отъ фин. причастія sortawa, *разсѣкающій*, потому что селеніе построено у залива, далеко вдавшагося въ берегъ Ладожскаго озера[1], слогъ же *la* служитъ часто окончаніемъ въ именахъ мѣстъ. Городъ *Стокгольмъ* называли у насъ постоянно и очень долго, даже въ началѣ 18-го столѣтія (см. «Первыя Русскія Вѣдомости»)—*Стекольна*[2]. Подлинное названіе значитъ *островъ бревна* и основано, по преданію, на томъ, что когда Новгородцы и Чудь разорили городъ Сигтуну, то жители этого города спрятали много золота и серебра въ бревно, которое и пустили по озеру Мелару, съ тѣмъ чтобы заложить новое селеніе на мѣстѣ, куда бревно будетъ прибито волнами: оно остановилось у острова, гдѣ и основался Стокгольмъ (при Биргерѣ Ярлѣ, въ 13-мъ столѣтіи). *Царское Село* первоначально называлось *Сарскимъ* отъ финскаго слова *saari*, означающаго островъ или возвышенность посреди большого ровнаго мѣста, на какой построено это селеніе; названіе: *Царское*, вѣроятно, утвердилось въ народѣ еще прежде нежели оно перешло въ офиціальный языкъ[3]. Ливонскій городъ *Виндау* въ нашихъ лѣтописяхъ попадается подъ именемъ *Вдовъ* (Кар. IV, прим. 304).

---

[1] См. мои «Переѣзды по Финляндіи», стр. 14. Профессоръ Гельсингфорскаго университета г. Альквистъ, который обязательно сообщилъ мнѣ нѣсколько замѣтокъ къ моимъ *Разысканіямъ*, отвергаетъ это производство и полагаетъ, что корень названія города *Сердоболя* покуда долженъ считаться неизвѣстнымъ. Любопытно, что русское имя, данное ему по созвучію съ финскимъ, въ црк.-сл. яз. значитъ родственникъ, а въ сербскомъ сходное съ нимъ «срдȣбоља»—dysenteria.

[2] Мнѣ случилось еще недавно слышать это названіе изъ устъ простолюдина.

[3] Въ офиціальныхъ актахъ это селеніе называлось *Царскимъ* уже съ 1725 года, но въ письменномъ языкѣ употреблялось еще долго и прежнее названіе; напримѣръ, оно встрѣчается у Ломоносова и Державина.

Касательно имени *Холмогоры* были въ нашей литературѣ разныя объясненія (см. между прочимъ Карамз. II, прим. 62, и статью Верещагина въ *Иллюстраціи* 1847, № 25). Замѣтимъ, что оно въ лѣтописяхъ чаще пишется *Колмогоры*, а у Никона находимъ даже *Калмогары* (ч. IV, стр. 303). Основываясь на этомъ, покойный финляндскій профессоръ Акіандеръ (Utdrag ur Ryska Annaler, стр. 129) предлагалъ новую догадку: такъ какъ есть поводъ думать, что чудское кладбище находилось близъ Колмогаръ на Куръ-островѣ[1], то первую половину имени можно производить отъ финскаго слова *kalma*—трупъ, покойникъ. Что касается второй половины, то у Зырянъ, Пермяковъ и Вотяковъ *kar* значитъ городъ, и около рѣки Оби есть много названій, въ составъ которыхъ входитъ *kar*—Войкаръ, Уркаръ, Шеркаръ, Искаръ (см. *Книга Большому Чертежу*, изд. г. Спасскимъ, стр. 204—207); все это были имена городовъ. Въ историческомъ атласѣ Павлищева, а также на Шубертовой подробной картѣ названіе *Гари* означено во многихъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда жили финскія племена, напримѣръ, близъ впаденія Унжи въ Волгу, и проч.

Нѣкоторыя имена мѣстъ являются просто передѣланными по требованіямъ народнаго слуха или выговора. Такъ, подъ 1310 г. встрѣчается названіе рѣки *Узьерва* (Новг. лѣт.; Урзево и Узерва по *Кн. Больш. Черт.*): оно взято съ финскаго uusi-järwi, что́ значитъ: новое озеро, то-есть, такое озеро (не рѣка), которое образовалось на глазахъ народа,—вѣроятно, нынѣшнее *Су́ванто* близъ зап. берега Ладожскаго озера. Это Су́ванто произошло, какъ думаютъ, такимъ образомъ, что рукавъ Вокши, который здѣсь также вливался въ Ладожское озеро, запрудился въ своемъ устьѣ—отъ того ли, что вода въ озерѣ убыла, или отъ устроенія искуственной плотины; притомъ же и слово *Су́ванто* по фински значитъ: тихая вода въ *рѣкѣ, плесо*. Неудивительно, что лѣтописецъ по преданію назвалъ это озеро рѣкою. Въ 1850-хъ го-

---

[1] См. статью Базилевскаго въ *Сынѣ Отечествѣ* 1847 г.

дахъ перешеекъ, отдѣлявшій Су́ванто отъ Ладожскаго озера, прорытъ, и обѣ массы воды опять слились.

Карамзинъ (ч. IV, пр. 214) говоритъ: «Нынѣ обѣ сіи рѣки, Узерва и Вокса, называются Вокшею». Остановимся нѣсколько и на этомъ послѣднемъ названіи. *Wuoksi*, финское названіе рѣки, славящейся водопадомъ Иматрою, есть нарицательное имя и значитъ: теченіе, потокъ; Русскіе называютъ ее Окса, Вокша (Кар. VII, прим. 154). Вѣроятно, того же происхожденія имя *Векса*, принадлежащее нѣсколькимъ рѣчкамъ въ губерніяхъ Ярославской, Костромской и Владимірской.

Названіе *Устюгъ* въ первой половинѣ своей русское, а во второй—финское: *югъ* образовалось изъ juga или правильнѣе joki (у Зырянъ ju), чтó значитъ *рѣка;* потому Устюжане въ финскихъ памятникахъ иногда зовутся joensuiset, то-есть, живущіе при *устьѣ рѣки*. Вторая половина приведеннаго имени (Устюгъ) встрѣчается и въ названіи *Пинега*, которое въ переводѣ значитъ: *малая рѣка* (pieni=маленькій, ioga=рѣка). Покойный П. Г. Бутковъ высказалъ предположеніе, что имя *Ока* есть также измѣненное финское слово *joki*. Это съ перваго взгляда можетъ показаться невѣроятнымъ потому, что Русскіе, заимствуя иностранныя слова, иногда не только не отбрасываютъ въ началѣ ихъ звукъ йота, но, напротивъ, приставляютъ его, когда слово начинается чистою гласною. Такъ имя *якорь* соотвѣтствуетъ греческому ἄγκυρα, др. шведскому ankari и проч. Но съ другой стороны, въ русскомъ языкѣ еще болѣе случаевъ противоположнаго измѣненія; то-есть, при заимствованіи собств. имени, имѣющаго въ началѣ своемъ йотъ, эта послѣдняя откидывается, и звуки *йе*, *йо* превращаются въ *о* или *а*. Такъ, изъ именъ Евстафій, Іосифъ, Евдокія, Елена образованы Остафій, Осипъ, Овдотья, Олена. Первообразомъ такого явленія служатъ нѣкоторыя нариц. имена, начинающіяся съ буквы *о*, какъ напр. озеро, олень, осень, коимъ въ церковно-славянскомъ соотвѣтствуютъ начинающіяся съ *е*: езеро, елень, есень. То же требованіе языка могло обнаружиться при передѣлкѣ слова *joki*, которое, впрочемъ, въ другихъ

частяхъ Россіи, какъ показано, перешло къ намъ въ иномъ видѣ.

Въ древнѣйшей изъ новгородскихъ подлинныхъ грамотъ (Кар. IV, прим. 114) между волостями новгородскими упоминается и *Перемь:* вотъ, слѣдовательно, первоначальная у насъ форма названія страны, которую Скандинавы переименовали въ Біармію. Объясненія имени *Пермь* должно, повидимому, искать въ сложномъ финскомъ словѣ: *Perämaa*, которое значитъ задняя, дальняя страна (perä = позади, maa = земля). Въ Географическомъ Словарѣ Щекатова, подъ словомъ Пермяки, приведено сообщенное Лепехинымъ преданіе, будто на Камѣ, верстахъ въ 50-ти отъ Гойны, жилъ необыкновенный силачъ, племени чудского, который назывался *Перя*, отъ чего, по мнѣнію составителя словаря, сначала семейство этого Геркулеса получило прозваніе *Перяковъ*, а потомъ и весь народъ стали, «для удобнѣйшаго выговора», звать *Пермяками*. Коренные жители Перми сами себя называютъ *Коми* (Komi, Komilaiset, Komy)[1], по имени р. Камы или, по ихъ произношенію, *Кумы*, почему Akіандеръ и думаетъ, что Куманы, иначе Команы или Каманы, народъ, извѣстный въ нашихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Половцевъ, были одного происхожденія съ Пермяками, то-есть, Зыряне.

Здѣсь стóитъ нѣсколько остановиться на названіяхъ финскихъ народовъ вообще. По замѣчанію Кастрéна[2], они или получили имена свои отъ какой-нибудь опредѣленной водной мѣстности, или слово *вода* просто входитъ въ составъ ихъ именъ. Такъ, *Мордва* въ переводѣ значитъ: народъ у воды; *Зыряне*, *Мокшане*, *Печора*—также названія, заимствованныя отъ водъ. Отъ финскихъ словъ, означающихъ *воду*, удобно производятся также названія Води, Вотяковъ и Веси[3]. Это понятіе на финскихъ языкахъ выра-

---

[1] Кастренъ въ Suomi 1845, стр. 9, и Акіандеръ въ Utdrag, стр. 123.

[2] Suomi 1845, стр. 7.

[3] Люди народа *Водь* сами себя называютъ Watja, Watjalaiset, а *Весь*—Watjäläiset: слѣдовательно мнѣніе Кастрена, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и правдоподобное, въ отношеніи къ этимъ двумъ названіямъ не оправдывается. (Альквистъ).

жается звуками: wa (зыр.), wu (вот.), wit (черем.), wesi или собств. wete (финск.), wäd (морд.); тотъ же корень встрѣчается во многихъ индо-европейскихъ языкахъ: вода, Wasser, vatten. Нѣкоторые финскіе народы сами себя называютъ просто людьми— mort (Зыряне) или mara (Черемисы). Отъ послѣдняго изъ этихъ словъ произошло, по мнѣнію Кастрена, встрѣчающееся у Нестора названіе финскаго народа Мери, жившаго къ западу отъ Черемисы около древняго Ростова. Такъ какъ этотъ теперь исчезнувшій народъ носилъ одно имя съ своими сосѣдями, Черемисою, то можно съ вѣроятіемъ принять, что Меря находилась въ близкомъ съ ними родствѣ. Другой, также не существующій болѣе народъ жилъ къ югу отъ Мери или къ западу отъ нынѣшней Мордвы, въ странѣ, гдѣ находится городъ Муромъ. Слово *Мурома* составлено изъ *mur* (а это то же, что mort или murt — человѣкъ) и *ma*, земля, край. Итакъ, въ буквальномъ переводѣ, Мурома значитъ народъ на землѣ, какъ Мордва—народъ у воды. Такимъ образомъ, судя по этимъ названіямъ, оба народа принадлежали къ одному и тому же племени, которое раздѣлялось на двѣ отрасли: жилища одной (Мордвы) были при рѣкѣ или озерѣ, а другая (Мурома) жила въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ воды. Чтобы совершенно выяснить генеалогію Мери и Муромы, надобно бы внимательно разсмотрѣть всѣ географическія имена не русскаго происхожденія, какія можно отыскать въ предѣлахъ древнихъ жилищъ обоихъ этихъ народовъ[1].

Эти замѣчанія естественно приводятъ насъ къ одному названію, употребляемому петербургскими жителями для означенія Финновъ, населяющихъ окрестныя мѣста: разумѣю названіе *Маймистъ*. Оно образовалось изъ финскаго сложнаго слова *maa mies*, или *maan-mies* (maa—земля, mies—мужъ), которое значитъ: сельскій житель, туземецъ, землякъ. Отсюда видно, какъ нелѣпо мнѣніе тѣхъ, которые объясняли приведенное названіе финскимъ словомъ *en muista*—«не понимаю».

---

[1] Кастренъ въ упомянутой статьѣ.

Страна, въ которой возникъ Петербургъ, издревле называлась Ижерскою землею по имени обитавшаго въ ней финскаго народа, который самъ себя называлъ Ingrikot[1], а въ нашей лѣтописи и другихъ старинныхъ памятникахъ именуется Ижерянами, Ижерцами или Ижерою. Это русское названіе очевидно передѣлано изъ иноземнаго съ опущеніемъ несвойственнаго намъ носового звука послѣ начальной гласной и съ обращеніемъ буквы *г*, по общему закону, въ *ж* передъ гласною *е* (Ingermanland). Обратимъ вниманіе на нѣкоторыя географическія имена въ здѣшнемъ краю. Ладожское озеро, какъ было извѣстно и Карамзину (И. Г. Р. I, пр. 485, и III, пр. 244), нѣкогда называлось *Альдога*, отъ чего получилъ названіе и городъ *Альдейгаборгъ* (вѣроятно, старая Ладога), упоминаемый въ скандинавскихъ сагахъ. Имя Альдога легко могло обратиться у насъ въ Ладога, потому что такое перемѣщеніе звуковъ—въ духѣ славянскихъ языковъ, которые вообще не начинаютъ словъ съ буквы *а*. Но что за слово *Альдога?* Финск. Aalto зн. волна: озеро, грозное своими бурями, легко могло отъ этого признака получить свое названіе на языкѣ прибрежныхъ обитателей; въ такомъ случаѣ первоначальною формой имени его было бы Aaltoka. Впрочемъ надобно прибавить, что нынѣшніе Финны зовутъ это озеро, по примѣру Русскихъ — Laatoka и что съ другой стороны волна по др.-сканд. alda, откуда Финны могли заимствовать свое aalto[2].

Въ Лѣтописи и въ *Кн. Большому Чертежу* это озеро носитъ еще названіе *Нево*, которое на финскомъ языкѣ (newa) значитъ болото или топь[3]. Замѣчательно, что подобно нашей Невѣ многія рѣчки Рязанской губерніи означаются именемъ, которое на мѣстномъ нарѣчіи имѣетъ то же значеніе; это имя: *Ряса*[4]; оно такъ

---

[1] Отъ слова inger — рѣчка (Акіандеръ въ Utdrag, стр. 54).

[2] Ср. Приложенія А. А. Куника къ статьѣ Б. А. Дорна *Каспій* въ *Зап. Ак. Наукъ*, т. XVI, стр. 393 и др. мѣста.

[3] Слово newa, по всей вѣроятности, сродни нашему *нива*, первоначальное значеніе котораго есть также — низменное, топкое мѣсто.

[4] Конечно, отсюда и названіе города Ряска, который давно забылъ свое

объяснено въ Опытѣ Областного Словаря: «топкое или просто мокрое мѣсто». Шведы передѣлали финское названіе нашей Невы въ Nyen (произн. Нюэнъ), такъ что когда въ 17-мъ столѣтіи они построили на ней новое укрѣпленіе, то наименовали его *Nyenskans*, то-есть, Невскій шанецъ. Такое сложное слово для Русскихъ было слишкомъ мудрено, и при взятіи Нюэнсканса Петромъ Великимъ, они сократили это имя и стали произносить его просто: *Канцы*[1] (см. «Первыя Русскія Вѣдомости»); государь переименовалъ новозавоеванное укрѣпленіе въ *Шлотбургъ* (шв. slott = нѣм. Schloss, зáмокъ).

Названіе озера *Ильмень*, или *Ильмерь*, по мнѣнію нѣкоторыхъ, передѣлано изъ финскаго *yli-meri*, верхнее море. Можно бы также думать, что оно въ родствѣ съ финскимъ прилагательнымъ *ilmeinen* — открытый, обширный; но отъ этого сближенія заставляетъ отказаться свѣдѣніе, доставляемое Областнымъ Словаремъ. Тамъ мы находимъ слово *ильмень*, какъ нарицательное имя съ двоякимъ значеніемъ: 1) широкій разливъ рѣки, похожій на озеро; 2) озеро, обросшее камышемъ. Въ первомъ значеніи слово подслушано въ Астраханской губерніи, во второмъ оно отнесено къ Землѣ Донскихъ казаковъ. Первое напоминаетъ слово *Лиманъ;* мы и его находимъ въ Областномъ Словарѣ съ такимъ объясненіемъ: «Чистое озеро, безъ камыша и тростника. Дон.». Итакъ, и Ильмень и Лиманъ означаютъ: во 1-хъ, широкій разливъ рѣки; во 2-хъ, озеро. Отсюда рождается вопросъ: не одно ли это слово въ двухъ разныхъ формахъ, изъ которыхъ послѣдняя представляетъ только перемѣщеніе звуковъ въ началѣ слова и другую гласную въ срединѣ его? Такое предположеніе совершенно подкрѣпляется Книгою Большому Чертежу, гдѣ о рѣкѣ

происхожденіе и въ книжномъ языкѣ принялъ форму *Ряжска*. Народное чутье до сихъ поръ отвергаетъ эту форму, и окрестные жители называютъ этотъ городъ всегда прилагательнымъ именемъ *Рясское* (село); они говорятъ: *изъ Рясскаго*, *въ Рясскомъ*.

[1] Эта форма имени заимствована, вѣроятно, съ финскаго: Финны не могутъ произнести шведскаго skans иначе какъ kansi.

Днѣпрѣ нѣсколько разъ упоминается, что она впадаетъ въ «проливу морскую въ *Ильмень*» (см. изд. Спасскаго, стр. 77, 99 и 102). Тожество обоихъ словъ было уже замѣчено г. Спасскимъ, который поставилъ ихъ рядомъ въ своемъ Указателѣ, а въ примѣчаніяхъ говоритъ: «Лиманъ, а по старинному Ильмень». Только напрасно, кажется, онъ производитъ эти названія отъ греческаго слова λίμνη — озеро, прудъ, «отъ котораго», прибавляетъ г. Спасскій, «вѣроятно получило свое имя и озеро Ильмень близь Новгорода». Сходство звуковъ здѣсь объясняется скорѣе родствомъ языковъ одного корня: слово *Ильмень*, конечно, славянское. Вѣроятно, въ родствѣ съ нимъ находится и названіе германской рѣки Ilmenau, впадающей въ Эльбу (Лабу), по берегамъ которой нѣкогда жили Славяне (въ Ilmenau окончаніе есть нарицательное имя *au*, *aue*, которое сродни латинскому aqua, готскому ahwa и значитъ: 1) рѣка, 2) страна, лежащая при водахъ и плодородная. Есть и городъ Ilmenau.

Въ тѣхъ частяхъ Россіи, гдѣ первобытное населеніе состоитъ, или прежде состояло, изъ инородцевъ, которыхъ языки не исчезли, большое число названій объясняется очень легко. Это относится, между прочимъ, къ Сѣверной Россіи: въ Олонецкой и въ Архангельской губерніяхъ многія, повидимому, русскія мѣстныя имена образованы изъ финскихъ словъ. Нѣсколько примѣровъ тому уже приведено выше; такъ и названіе извѣстнаго водопада *Кивачъ* происходитъ отъ слова kivi (камень, порогъ); названіе *Кандалажской* губы состоитъ изъ словъ: kanta (край, уголъ, рогъ, отъ нѣм. Kante) и lahti (заливъ): это угóльная, рогообразная губа Бѣлаго моря. Легко было бы привести цѣлый рядъ такихъ именъ. Извѣстно, что иногда и коренныя русскія названія мѣстъ и урочищъ объясняются областными или и общеупотребительными нарицательными именами: напримѣръ, Кострома, Калуга, Тула, Великія Луки, Свирь, Мотыра, Лукавка (см. Словари Областной и Даля). Особенно интересную сторону дѣла представило бы сравненіе русскихъ названій мѣстъ съ западно- и южно-славянскими.

Вотъ нѣсколько, хотя и скудныхъ, матеріаловъ и намековъ для русскаго географическаго словотолкователя. Но покуда осуществится идея подобнаго труда, требующаго большой учености и даже участія нѣсколькихъ лицъ, на первый случай было бы весьма полезно издать, по мысли покойнаго академика Кеппена, простой алфавитный списокъ всѣхъ географическихъ именъ въ предѣлахъ Россійской Имперіи съ означеніемъ на каждомъ имени ударенія. Это было бы тѣмъ нужнѣе, что въ издаваемомъ П. П. Семеновымъ «Географическомъ и Статистическомъ Словарѣ» произношеніе именъ не отмѣчено, тогда какъ оно во многихъ случаяхъ сомнительно; напримѣръ, не всѣ знаютъ, какъ выговаривать: Сухона, Кубенское (оз.), Мезень, и къ сожалѣнію, въ общемъ употребленіи этихъ и другихъ названій преобладаетъ произношеніе ошибочное. При такихъ именахъ какъ *Мезень*, надобно бы означать и родъ ихъ (муж. или женск.).

ДОПОЛНЕНІЯ.

I (къ стр. 264).

Относительно именъ: *Колывань*, *Ругодивъ*, *Раковоръ*, *Людеревъ* и другихъ имъ подобныхъ мы находимъ объясненія и догадки въ брошюрѣ покойнаго Нейса (H. Neus), изданной въ Ревелѣ 1849 года подъ заглавіемъ: «Revals sämmtliche Namen, nebst vielen andern, wissenschaftlich erklärt».

Раковоръ образовано изъ эстонскаго Rakwer, Rakkowerre, въ которомъ, по мнѣнію Нейса, окончаніе werre соотвѣтствуетъ слогу fer въ нѣмецкихъ названіяхъ эстляндскихъ имѣній, а этотъ слогъ можно сопоставить съ гот. fera, др. верх. нѣм. fiara, страна, край, и съ финскимъ wieri, кайма, сторона. Нейсъ полагаетъ, что придуманная къ объясненію приведеннаго имени финская форма Rahkawuori (болотистая гора) произвольна.

Названіе *Ругодивъ*, какъ онъ думаетъ, можетъ происходить отъ имени Röge, которымъ въ книгѣ Liber census Daniæ озна-

чается страна по берегу Пейпуса, къ сѣверу отъ Дерпта, и которое можетъ быть объяснено эстонскимъ roog, тростникъ, камышъ.

Городъ *Людеревъ* (Або), по изслѣдованіямъ Лерберга (Untersuchungen, стр. 191, 196 и д.) получилъ это имя отъ своего строителя Людера.

Что касается до названія *Колывань* (Ревель), то производство его отъ имени Св. *Олава*, которому посвящена знаменитая церковь въ этомъ городѣ, кажется мнѣ въ высшей степени натянутымъ, и такъ какъ авторъ брошюры самъ напослѣдокъ отказывается отъ этого производства, то не совсѣмъ понятно, къ чему можетъ служить длинный рядъ сближеній для покрѣпленія его. То же можно сказать и о стараніи пріурочить *Колывань* къ мифическому Kallevi. Всего важнѣе для объясненія этого имени приводимое въ книжкѣ указаніе покойнаго Святнаго на существующее въ народномъ языкѣ слово *голывань*, что́ значитъ скала или, въ бранномъ смыслѣ, бѣдняга, хотя впрочемъ и это сходство звуковъ еще не разрѣшаетъ вопроса: отчего бы *г* превратилось въ *к*? Но существованіе двухъ городовъ этого имени въ двухъ отдаленныхъ концахъ Россіи заслуживаетъ вниманія. Имя это можетъ быть сродни литовскому kalwas, холмъ, латыш. kalws, мысъ, эст. kaljo, скала, гора (Нейсъ, стр. 66). Съ другой стороны однакожъ надо имѣть въ виду, что въ одной изъ скандинавскихъ сагъ рѣчь идетъ о горѣ Kallava, въ которой жили два карла, самые искусные въ кузнечномъ дѣлѣ. Такъ какъ Финны славились этимъ мастерствомъ, то позволительно считать названную гору финскою[1].

Къ числу топографическихъ именъ, переведенныхъ въ русской лѣтописи, относится еще названіе *Клинъ*, встрѣчающееся подъ 1132 годомъ (I *Новг.* стр. 383. II *Новг.* стр. 15). Оно

[1] Изъ доставленной мнѣ А. А. Куникомъ рукописной замѣтки его съ выпискою изъ Saga Didriks konungs af Bern. Christiania 1853 (Гл. 58, стр. 66). Ак. Куникъ прибавляетъ, что такъ какъ въ имени Kallava первое a, судя по двойной согласной, было короткое, то оно должно было въ русской передѣлкѣ слова перейти въ o (Колывань). Впрочемъ онъ сознается, что вопросъ этимъ еще не разъясненъ.

объяснено покойнымъ академикомъ Шегреномъ, который узналъ въ немъ переводъ подобозначащаго эстонскаго имени Wagia или Waiga, служившаго названіемъ части нынѣшняго Дерптскаго округа. При этомъ Шегренъ приводитъ также имена: *Медвѣжья Голова* (см. выше стр. 265) и *Городъ Воробіинъ*, эст. Warbale (I *Новг.* стр. 451). См. Mém de l'Ac. Imp. d. Sc., VI Série, Sc. pol. &c., t. I, pag. 325.

II (къ стр. 262).

Упомянутое выше сочиненіе профессора Цюрихскаго университета д-ра Эгли, «Nomina geographica», по самой новости своего содержанія, не могло избѣгнуть многихъ пробѣловъ и даже невѣрностей въ объясненіи географическихъ именъ. Но важно то, что авторъ со времени изданія этой книги (1872 г.) остается вѣренъ своей задачѣ и не перестаетъ стремиться къ возможно удовлетворительному ея рѣшенію. Какъ скоро я узналъ о существованіи его труда вскорѣ по выходѣ перваго изданія «Филологическихъ Разысканій» (1873), я послалъ г-ну Эгли въ Цюрихъ оттиски моихъ статей: «О названіяхъ мѣстъ» и «Откуда слово Кремль». Ознакомившись съ ними черезъ переводчика, швейцарскій ученый вступилъ со мною въ переписку и недавно прислалъ мнѣ оттискъ своей статьи: «Über den gegenwärtigen Standpunkt der geographischen Onomatologie» (О настоящемъ состояніи географической ономатологіи) изъ IX тома «Geographisches Jahrbuch». Этотъ трудъ распадается на два отдѣла: общій и частный. Въ началѣ перваго авторъ съ особеннымъ сочувствіемъ останавливается на моей статьѣ о названіяхъ мѣстъ, и изложивъ ея содержаніе съ дословнымъ извлеченіемъ основныхъ мыслей, замѣчаетъ: «Gewiss hat der Verfasser das Verdienst in geschickter Weise das onomatologische Studium angeregt zu haben, und es bedarf besonderer Anerkennung, dass er in demselben keineswegs eine blosse philologische Arbeit, sondern eine allseitig zu beleuchtende Untersuchung erblickt. Es darf wohl als mehr denn ein zufälliges Zusammentreffen betrachtet werden,

dass, während der russische Sprachforscher diese Anregung schrieb, die von ihm gewünschte Arbeit schon seit Jahren in Angriff genommen war (ja bald zum Drucke gehen sollte), und zwar nicht bloss in dem Sinne eines Lexikons, sondern zugleich einer Verwerthung des Sammelmaterials zu dem Zwecke, eine förmliche Disziplin daraus hervorgehen zu lassen»[1]. Подъ этимъ трудомъ г. Эгли разумѣетъ именно свою книгу «Nomina geographica» (Лейпцигъ, 1870—1872, VIII и 928 стр.). Она состоитъ изъ двухъ частей: 1) словаря, и 2) разсужденія. Словарь содержитъ болѣе 17,000 географическихъ именъ, и при каждой статьѣ, сверхъ толкованія именъ, означено положеніе мѣста или урочища, а также сдѣлана попытка тщательно мотивировать номенклатуру. Во второй части авторъ между прочимъ приходитъ къ заключенію, что географическія названія бываютъ двоякія: естественныя и культурныя, смотря по тому, истекли ли они изъ самыхъ особенностей мѣстности, или даны извнѣ вслѣдствіе разныхъ культурныхъ соображеній. Каждая изъ этихъ точекъ зрѣнія распадается опять на множество частныхъ видовъ, смотря по особеннымъ наклонностямъ и направленіямъ, свойственнымъ той или другой ономатологической средѣ. Общій выводъ автора тотъ, что географическая ономатологія есть результатъ духовныхъ особенностей народа или эпохи и отражаетъ какъ степень просвѣщенія, такъ и культурное направленіе различныхъ центровъ (Herde, очаговъ). Здѣсь авторъ видитъ одинъ изъ пробныхъ камней будущей психологіи народовъ; здѣсь, говоритъ онъ, географія и культурная исторія братски подаютъ другъ другу руку.

---

[1] Т. е. «Автору безспорно принадлежитъ та заслуга, что онъ умѣлъ возбудить интересъ къ изученію ономатологіи, и надо съ особенною признательностью отмѣтить, что она для него составляетъ предметъ не одной только филологіи, но область изслѣдованія, требующую всесторонняго освѣщенія. Можно видѣть не одно случайное совпаденіе въ томъ, что въ то самое время когда русскій филологъ писалъ это, трудъ, какого онъ желалъ, уже много лѣтъ подготовлялся (и даже долженъ былъ вскорѣ поступить въ печать), притомъ не въ видѣ словаря только, а съ разработкою всего матеріала, дабы послужить основаніемъ особой отрасли науки».

Далѣе г. Эгли указываетъ на другую статью свою: «Der Dienst der geographischen Namen im Unterrichte» (Услуга географическихъ именъ въ преподаваніи), напечатанную въ «Zeitschrift für Schulgeographie» (1880). Въ ней онъ весьма убѣдительно развиваетъ мысль, что объясненіе именъ можетъ придать совершенно новый интересъ изученію географіи и служить важною опорой для памяти. «Эти іероглифы, эти странныя фигуры для зрѣнія и слуха, которыя лишь по принужденію поддаются памяти, могутъ обратиться въ привѣтливыя свѣтила, въ пріятные звуки и сдѣлаться намъ родными на всю жизнь..... Вслѣдствіе многолѣтняго опыта могу завѣрить, что тутъ кроется богатый источникъ плодотворнаго интереса, которымъ до сихъ поръ вовсе не пользовались, о которомъ даже и не помышляли въ учебной практикѣ». Мысль эта отчасти уже осуществлена въ изданной тѣмъ же г. Эгли «Praktische Erdkunde» (во 2-мъ изданіи: Neue Erdkunde). Недавно (1881) нѣмецкій педагогъ Волькенгауэръ въ томъ же журналѣ сочувственно отозвался объ этой попыткѣ и замѣтилъ, что послѣ поданнаго г-мъ Эгли примѣра многіе географическіе учебники уже обратили вниманіе на эту сторону преподаванія.

Въ частномъ отдѣлѣ своей брошюры (Über den gegenwärtigen Standpunkt и пр.) г. Эгли сообщаетъ библіографическій обзоръ всѣхъ относящихся къ его предмету статей и книгъ, какія за послѣднее время (большею частью не далѣе 1870 г.) появились въ разныхъ странахъ Европы. Многія изъ нихъ заслуживали бы особеннаго вниманія и въ нашемъ ученомъ и педагогическомъ мірѣ, гдѣ до сихъ поръ вопросъ о важности объясненія географическихъ именъ оставался почти не тронутымъ.

Въ концѣ брошюры, г. Эгли обращается ко всѣмъ авторамъ и издателямъ какихъ бы ни было сочиненій, статей или матеріаловъ по географической ономатологіи, на какомъ бы ни было языкѣ, съ просьбою присылать ихъ къ нему или хоть сообщать ему точныя ихъ заглавія, адресуя: Professor J. J. Egli in Zürich.

ОТКУДА СЛОВО КРЕМЛЬ?

Укрѣпленная, стѣнами огражденная часть Москвы и многихъ другихъ старинныхъ городовъ русскихъ называется *кремлемъ*, а одно изъ укрѣпленій древняго Пскова извѣстно было подъ именемъ *крома:* не одного ли происхожденія эти два названія, столь близкія одно къ другому и по формѣ и по значенію?

Нарицательное имя *кромъ* до сихъ поръ не исчезло изъ языка, по крайней мѣрѣ въ соединеніи съ предлогомъ *за: закромъ* означаетъ «забранное досками мѣсто въ видѣ неподвижнаго ларя» (*Толковый Словарь* Даля). То же самое, но въ болѣе обширномъ смыслѣ, значило старинное слово *кромъ*, часто встрѣчающееся въ Псковской лѣтописи какъ названіе укрѣпленія. Въ первый разъ оно употреблено тамъ подъ 1393 (6901) годомъ въ слѣдующемъ извѣстіи: «Заложиша Псковичи перси[1] у крома, стѣну камену». Слѣдовательно, псковской *кромъ* былъ прежде деревянный. Кажется, онъ, согласно съ нынѣшнимъ значеніемъ *закрома*, служилъ сверхъ того запаснымъ хлѣбнымъ магазиномъ. Это заключеніе можно вывести изъ словъ лѣтописца при описаніи голода подъ 1422 годомъ: «А въ Псковѣ тогда быша старыхъ лѣтъ клѣтки всякаго обилія изнасыпани на *крому*» (*Пск. вторая лѣт.*). Авторъ *Историческаго описанія города Пскова* (Спб. 1790), Ильинскій, постоянно и принимаетъ это слово въ исключительномъ значеніи запаснаго хлѣбнаго магазина и пишетъ *кромъ* съ маленькой буквы (см. въ его книгѣ стр. 38 и 43). Онъ старается опредѣлить и мѣсто *крома:* по его мнѣнію, оно было «близь соборной Троицкой церкви за Домантовой стѣной, на Псковѣ рѣкѣ». Съ конца 14-го столѣтія лѣтописецъ нерѣдко

---

[1] Брустверъ (Примѣч. издателя лѣтописи).

упоминаетъ, что на *крому* то ставили *костеръ* (башню), то закладывали *перси.* Такимъ образомъ *кромъ* получилъ значеніе укрѣпленія, но первоначально это слово означало только огороженное мѣсто, охранное строеніе.

Изъ положенія *псковского крома* наши лексикологи заключили, что *кромъ* значитъ вообще *«внѣшнее* городовое укрѣпленіе». Но это трудно доказать даже съ помощію нарѣчія *кромѣ:* въ основаніи его лежитъ конечно понятіе исключенія, — пожалуй, сторонности, внѣшности, но только въ такомъ смыслѣ, что все, заключающееся въ *крому*, будетъ находиться внѣ прочаго. Что имя *кромъ* встарину дѣйствительно употреблялось въ значеніи крѣпости *вообще*, доказывается однимъ мѣстомъ синодальной библіи 1499 года, гдѣ сказано: «Обиташе же Давидъ въ *крому»* (1 *Паралип.* 11, 7). Тутъ слово *въ крому* соотвѣтствуетъ выраженію Вульгаты «in arce» и въ Острожской библіи замѣнено словомъ: *во обдержаніи* (въ Лютеровомъ переводѣ: «auf der Burg», во французскомъ «dans la citadelle»). Противъ приведеннаго мѣста въ синодальной библіи на полѣ приписано: инъ арце или въ вышегородцѣ[1].

При словѣ *кромъ* должно упомянуть и объ особенномъ мѣстномъ употребленіи множественнаго числа его. *Кромы* во Владимірской губерніи означаетъ «ткацкій станъ со всѣмъ приборомъ и съ основою». Даль въ своемъ Толковомъ Словарѣ выводитъ изъ этого и названіе извѣстнаго города Орловской губерніи, но тутъ нашъ почтенный лексикографъ едва ли прявъ: городъ *Кромы* названъ такъ по имени рѣчки *Кроми*, которая протекаетъ подъ нимъ и впадаетъ въ Оку[2].

---

[1] Указаніемъ этого мѣста изъ синодальной библіи обязанъ я И. И. Срезневскому.

[2] Въ Воскресенской лѣтописи упомянутъ городъ *Кромъ* одновременно съ Москвою, т. е. около середины 12-го столѣтія *(И. Г. Р.*, т. II, пр. 302). Вновь построенъ онъ при Ѳедорѣ Ивановичѣ, какъ пограничное укрѣпленіе противъ Татаръ, и тогда уже названъ *Кромы.* Заключается ли въ названіи рѣки *Кромъ* какое-нибудь понятіе, объ этомъ трудно судить безъ точнаго знакомства съ мѣстностью.

Рядомъ съ именемъ муж. р. *кромъ* есть еще имя женское, *крома* — ломоть хлѣба во всю ковригу (по Далю), или и вообще толстый ломоть чего-нибудь (по акад. словарю), и уменьшительное его *кромка* — тотъ завершенный край матеріи, гдѣ нитка не высыпается; иногда же и просто край, кайма и т. д.

Особенно любопытно записанное Востоковымъ (см. *Церк.-Слав. словарь* его) старинное слово *кромьство* — внутренность.

Изъ предложныхъ именъ этого корня замѣтимъ *укроміе* — воздержаніе.

Между другими частями рѣчи того же происхожденія первое мѣсто принадлежитъ нарѣчію *кромѣ*, которое собственно не что иное какъ мѣстный падежъ имени *кромъ*[1]. Встарину это нарѣчіе встрѣчалось еще въ формѣ *кромъ* (Словарь Востокова). Его значеніе было: *опричь*, *внѣ*, *въ сторонѣ*.

Присоединимъ къ этому глаголъ *кромить* — отдѣлять, отгораживать (закромить, напр. гряду — «поставить кромки, обнести досками, чтобы не осыпалась» — Даль) и старинныя прилагательныя *кромный* и *кромѣшній* — внѣшній, также *укромный* (уютный, въ церк.-слав. воздержный) и *скромный* (воздержный, въ самомъ себѣ замкнутый). Ср. чеш. kromni, частный.

Изъ противоположности въ значеніи словъ *кромьство* и *кромѣ*, *кромный* слѣдуетъ, что понятіе внѣшности не есть существенное въ корнѣ слова и что *кромъ* означаетъ только нѣчто отдѣльное, само въ себѣ замкнутое, особо стоящее, а не именно наружное. Понятіе внѣшности придано его производнымъ по отношенію содержанія его къ постороннимъ предметамъ.

Переходя теперь къ слову *кремль*, замѣтимъ, что поводъ къ сближенію обоихъ названій заключается уже въ томъ, что самое

---

[1] Будучи мѣстнымъ падежомъ и соотвѣтствуя нынѣшнему *кромѣ*, это нарѣчіе первоначально должно было выражать идею изъятія посредствомъ огражденія отъ всего окружающаго: предполагаемый именительный падежъ долженъ быть *кромъ*, а не *крома*. Впослѣдствіи исконное значеніе слова забылось, и *кромѣ* дѣйствительно сдѣлалось равносильнымъ областному *сторонѣ*, приводимому г. Буслаевымъ.

слово *кромъ* въ эрмитажномъ спискѣ *Псковской лѣтописи* написано однажды *кремъ*, что и означено между варіантами текста, изданнаго Археографическою коммисіею (*Первая лѣт.* стр. 194). Эта форма *кремъ* псков. лѣтописи указана уже Шимкевичемъ подъ словомъ *кремень* и едва ли можетъ считаться простою опиской, если принять въ соображеніе, что самое нарѣчіе *кромѣ* встрѣчается въ видѣ *кремѣ* (*Изборн.* 1073 г., 253: «еже *кремѣ* сихъ то не въ роцѣ»[1]. Изъ другихъ славянскихъ языковъ, въ которыхъ оно равнымъ образомъ довольно распространено, словацкій имѣетъ также форму krem, kreme (см. Линде и Юнгмана).

Весьма важно для нашего сближенія извѣстіе, прочитанное Карамзинымъ въ Троицкой (впослѣдствіи утраченной) лѣтописи: «погорѣ (1331 мая 3) городъ *Кремникъ* на Москвѣ». Здѣсь *Кремникъ* есть, кажется, не что иное какъ видоизмѣненіе знакомаго намъ слова *кромъ* чрезъ посредство прилагательнаго *кромный*, или *кремный* (замкнутый въ себѣ, огороженный). П. М. Строевъ, справедливо отвергая догадку Карамзина, будто *кремль* происходитъ отъ *кремня*, замѣчаетъ: «Въ лѣтописи могло быть *кромникъ:* цитадель псковская называлась *кромъ*»[2]. Здѣсь Строевъ уже весьма близко подходитъ къ истинѣ; но ему неизвѣстна была другая форма слова *кромъ* съ гласною *е*, и онъ не имѣлъ въ виду той легкости, съ какою звуки *о* и *е* смѣняются въ словахъ одного корня. Поэтому вѣроятно, что уже въ первые вѣки послѣ построенія Москвы укрѣпленная ея часть, вышгородъ, называлась *кремникомъ*, и такъ какъ тогда городъ еще не могъ имѣть каменныхъ стѣнъ, то ясно, что *кремникъ*, такъ же какъ и *кромъ*, вначалѣ означалъ обнесенное деревянными стѣнами укрѣпленіе. *Кремникъ* и *кремль* — конечно слова одного происхожденія. Послѣднее названіе, по замѣчанію Строева, въ нашихъ историческихъ актахъ встрѣчается не прежде временъ Θедора Ивано-

---

[1] По указанію И. И. Срезневскаго.

[2] См. *Указатель* при *Выходахъ царей и великихъ князей.* М. 1844.

вича[1]; но слѣдуетъ ли изъ этого, что и въ народѣ оно не употреблялось ранѣе? Доказательство, что оно было извѣстно и до указанной г. Строевымъ эпохи, представляетъ опять синодальная библія 1499 г., гдѣ въ 1 *Ездр.* 6, 2, имя *кремль* придано Экватанѣ[2]. Что оно имѣло значеніе не мѣстное, не собственнаго имени, а общее, какъ имя нарицательное, въ этомъ удостовѣряетъ насъ, сверхъ появленія *кремлей* во многихъ городахъ, еще и образъ письменнаго употребленія слова: кромѣ приведеннаго случая изъ синодальной библіи, важно въ этомъ отношеніи также мѣсто, выписанное Востоковымъ изъ хронографа 16-го вѣка, гдѣ слово *кремль* означаетъ дворецъ болгарскихъ государей: «црь Никифоръ на болгары поиде.... и побѣди ихъ крѣпко, яко и г лемаго двора князя ихъ иже есть *кремль* пожещи его». Правда, Востоковъ прибавляетъ: «Не ошибка ли вмѣсто *Крумъ*, имени князя болгарскаго[3]? И дѣйствительно», продолжаетъ онъ «въ Амартолѣ 1456 г.: яко и г лемаго двора князя их иже апто крумля пожещи». Но для насъ знаменательна именно ошибка, доказывающая близкое знакомство переводчика или переписчика съ словомъ *кремль*[4].

Впрочемъ, это или подобозвучное имя, въ значеніи крѣпости, было извѣстно не однимъ Русскимъ, а и другимъ Славянамъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ, какъ видно изъ слѣдующаго стиха народной хорутанской пѣсни:

Oj ti preljuba kremliza, ki si nasabraniza[5].

---

[1] Тамъ же.

[2] *Историч. Грамм.* Буслаева, ч. II, стр. 9.

[3] Крумъ, или Кремъ, сильный болгарскій государь въ началѣ 9-го столѣтія (*Сл. др.* Шафарика, т. II, кн. I, стр. 281).

[4] Нужнымъ считаю однакожъ оговориться: здѣсь *кремль* могло быть и не ошибкою, а правильнымъ притяжательнымъ отъ личнаго имени *Кремъ*, какъ *Ярославль* отъ *Ярославъ*. Итакъ наше *кремль* ужъ не названіе ли болгарскаго Кремова замка, перенесенное на всѣ подобныя постройки? Допустить этого нельзя, тѣмъ болѣе, что, какъ увидимъ сейчасъ, и въ другихъ славянскихъ земляхъ встрѣчаются сходныя названія. Да и чѣмъ бы объяснялся тогда *кремникъ* 1331 года?

[5] Urban Jarnik, Versuch eines Etymologikons der slowenichen Mundart, Klagenfurt 1832, стр. 237.

Сюда же относится, вѣроятно, и названіе древней венгерской крѣпости Kremnitz (кремница = кремникъ). Если бъ имѣть въ рукахъ точные указатели названій мѣстъ въ разныхъ славянскихъ странахъ, то можетъ-быть, нашлись бы и другія мѣста, отмѣченныя подобными именами. По Россіи разбросано много древнихъ городовъ и селеній, въ названіяхъ которыхъ слышатся звуки, принадлежащіе, кажется, тому же корню. Не легче ли объясняются такимъ образомъ имена: *Кременецъ*, *Кременчугъ* (первоначально Кременчикъ?), *Кременчуки*, *Кременичи*, *Кременки*, *Кременскъ*, *Кременная* слобода, *Кременская* станица и *Кремлево*[1], нежели съ помощью *кремня?* Непонятно было бы, отчего въ Россіи такъ много селеній названо по имени этого твердаго камня, тогда какъ далеко не всѣ исчисленныя названія означаютъ сильныя крѣпости, да и тѣ изъ нихъ, которыя издревле составляли укрѣпленныя мѣста, въ началѣ конечно не имѣли каменныхъ укрѣпленій. Гораздо естественнѣе принять, что въ этихъ име-

---

[1] 1) *Кременецъ*, уѣзд. гор. Волынской губ. Полагаютъ, что онъ былъ основанъ въ 8-мъ или 9-мъ в. Дулебами. Во всякомъ случаѣ замокъ уже упоминается въ Польской исторіи подъ 1068 г., когда владѣтель его, какой-то Моносей, изъ рода Денисковъ, сдалъ его Болеславу Смѣлому.

2) *Кременчугъ*, уѣзд. гор. Полтавской губ. Время основанія достовѣрно не извѣстно, и только Маркевичъ въ своей Исторіи Малороссіи упоминаетъ о томъ, что Кременчугъ былъ заложенъ въ 1571 г. Въ книгѣ Большому Черт. Крем. не упоминается, но Бопланъ, посѣтившій этотъ городъ въ 1655 г., нашелъ уже Крем. довольно красивымъ городомъ.

3) *Кременчуки*, небольшое село Волынской губ. Заславскаго уѣзда.

4) *Кременичи*, или *Кременецкій* погостъ Новгородской губ. Тихвинскаго уѣзда. Упоминается въ писцов. книгахъ 1582 г. (въ Обонежской пятинѣ); существуетъ и нынѣ.

5) *Кременки*, значительное село Нижегородской губ. Ардатовскаго уѣзда.

6) Тоже, значит. село Самарской губ. Ставропольскаго уѣзда.

7) Тоже, значит. село Симбирской губ. и уѣзда.

8) *Кременскъ*, небольш. село Калужской губ. Медынскаго уѣзда съ остатками стараго городища. Городъ Крем. упоминается въ Кн. Больш. Чертежу.

9) *Кременная* слобода Харьковской губ. близь города Славянска.

10) *Кременская* станица и при ней Кременецкій мон. въ области В. Донскаго Усть-Медвѣдицкаго окр.

11) *Кремлево*, значит. село Рязанской губ. Скопинскаго уѣзда въ 15 верстахъ отъ уѣздн. города. (Изъ матеріаловъ П. П. Семенова).

нахъ основное понятіе есть именно то, которое заключается въ словѣ *кромъ*, т. е. понятіе мѣста огороженнаго, обнесеннаго стѣнами, какъ бы закромленнаго. То же самое значилъ первоначально *городъ*, и мы также находимъ селенія подъ названіями *Городецъ*, *Городня*, *Городище*, и т. п. Московская крѣпость въ письменномъ языкѣ долго называлась *Городъ*, *Каменный городъ*, послѣ построенія Китая — *Старый Каменный городъ*, а по заложеніи Бѣлаго города (Царева) — *Кремль*[1]. Отсюда видно, что послѣднее названіе окончательно утвердилось только тогда, когда слово *городъ* утратило свое первобытное тѣсное понятіе и для выраженія этого послѣдняго потребовалось другое слово. Замѣчательно, что у западныхъ Славянъ, напротивъ, *градъ* сохранилъ свое первобытное значеніе и мѣстами соотвѣтствуетъ нашему *кремлю (Градчаны* въ Прагѣ).

Чтобы убѣдиться въ этимологическомъ родствѣ *кремля* съ *кромомъ*, надобно разсмотрѣть первое изъ этихъ словъ: а) со стороны его значенія, и б) со стороны его формы.

Въ разсужденіи значенія имени *кремль*, мы находимъ близкія къ нему слова, которыя безъ всякаго отношенія къ укрѣпленной постройкѣ заключаютъ въ себѣ, такъ же какъ и производныя отъ *крома*, понятіе отдѣльности, особности въ пространствѣ. Первообразное жен. р. *кремь* значитъ, по академическому словарю, «ту часть засѣки, гдѣ растетъ лучшій строевой лѣсъ», слѣдовательно нѣчто выдѣляющееся изъ цѣлаго; оттуда *кремлевое* дерево — которое растетъ на краю лѣса, одиноко и на просторѣ, крѣпкое, здоровое (по Далю), и *кремлевникъ* — хвойный лѣсъ на болотистомъ мѣстѣ (Обл. Словарь). Мы не знаемъ, съ достаточною ли точностью опредѣлены здѣсь эти слова, и догадываемся, что въ опредѣленіи первыхъ двухъ нѣсколько участвовало предвзятое понятіе, что они происходятъ отъ имени *кремль* въ значеніи крѣпости, тогда какъ они только параллельныя съ нимъ отрасли того же корня. Замѣчательно, что и по-польски слово

---

[1] Строевъ.

«krem» означаетъ дерево, отобранное для улья, но еще не выдолбленное (см. Словарь Линде)[1].

Что касается до формы слова *кремль*, то для удостовѣренія въ возможности его родства съ именемъ *кромъ* стоитъ только припомнить, какъ часто въ славянскихъ нарѣчіяхъ одни и тѣ же слова, или слова одного корня, принимаютъ въ помощь, при своемъ образованіи, то *о*, то *е*, напр. *моръ* — *смерть*, *воля* — *велѣть*, *доля* — *дѣлить*, *звонить* — *звенѣть*, и т. п. Правда, что все это слова глагольнаго корня; однакожъ есть подобные случаи и другого рода, напр. *Волосъ* и *Велесъ*, и въ ц.-слав. языкѣ слова: *столя* и *стеля* (потолокъ), *громъ* и *гремъ* (въ значеніи куста, см. Сл. Востокова)[2]. Не говорю уже о томъ, что есть слова, которыя въ одномъ славянскомъ нарѣчіи являются съ *о*, а въ другомъ съ *е*, напр. осень, озеро, — есень, езеро. Букву *л* въ концѣ слова *кремль* надобно признать слѣдствіемъ умягченія согласной, какъ въ словахъ *земля* (земь, оземь), *журавль* (журавъ) и др. *Кремль* относится къ *крому* точно такъ же, какъ *граждь* (церк.-слав. = огражденіе) къ *граду*.

Начиная отъ словаря Россійской академіи, всѣ наши лексиконы при опредѣленіи слова *кремль* ограничиваютъ его понятіе признакомъ *внутренней* крѣпости. Даль, пріурочивая названіе *кремль* по-прежнему къ *кремню* (впрочемъ съ вопросительнымъ знакомъ), даже противополагаетъ *кремль крому*, какъ означаю-

---

[1] Любопытно, что какъ у насъ слова *кремь*, *кремлевый* (у Поляковъ также krem), употребляются въ отношеніи къ лѣсу, такъ у нѣкоторыхъ другихъ Славянъ къ тому же служатъ *гремъ* (серб. дубъ), germ (хорут. кустъ): въ церк.-слав. *громъ* и *гремъ* знач. кустъ. Вниманія заслуживаетъ также слѣдующее обстоятельство: по сербски гра̂д зн. крѣпость, а гра̂ђа—строевой лѣсъ; гра̀ђевина — строеніе, постройка изъ строевого лѣса (какъ по-русски слово *деревня* первоначально значило: постройка изъ дерева). Поэтому могутъ еще спросить: не значило ли первоначально и названіе *кремль*—строеніе изъ *кремя*, т. е. лучшаго строевого лѣса?

[2] Явленіе это замѣчается особенно при согласныхъ *р* и *л*. Ср. Johannes Schmidt. Zur Geschichte des indo-germanischen Vocalismus. II, 54. 55. Къ этой же категоріи словъ можно отнести нѣсколько именъ съ другими гласными буквами, напр. кудесникъ и чудо (кюдо), кукла и чучела (кюкьла).

щему *наружное укрѣпленіе*. Отвергнувъ такое ограниченіе при словѣ *кромъ*, я долженъ отвергнуть его и при словѣ *кремль*, которое, по моему мнѣнію, значитъ вообще крѣпость: въ этомъ нельзя не согласиться съ г. Буслаевымъ (*Истор. Грам.* ч. II, § 109). Если обратимъ вниманіе на кремли разныхъ городовъ, то увидимъ, что и въ дѣйствительности они далеко не вездѣ находятся внутри города, напр. въ Нижнемъ.

Но что же мы сдѣлаемъ съ словомъ *кремень?* Неужели точно столь явное для многихъ сродство его съ словомъ *кремль* есть только видимое? Кажется, этотъ результатъ самъ собой вытекаетъ изъ предыдущихъ замѣчаній. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе слова *кремень*, которое повело бы меня слишкомъ далеко, позволю себѣ только заявить сильное сомнѣніе, чтобы имя *кремень* можно было этимологически сближать съ глаголомъ *кресать*, какъ обыкновенно дѣлаютъ. Во-1-хъ, невѣроятно, чтобы первоначальное названіе этой породы камня дано было ей отъ самаго случайнаго ея свойства; правда, кремень и по-гречески называется πυρίτης и по-нѣмецки Feuerstein, но это уже позднѣйшія его названія, какъ по-русски *кресиво* или *огниво*, исконное же названіе кремня и у Грековъ и у Нѣмцевъ совсѣмъ другое (χόχλαξ, Kiesel). Во-2-хъ, какъ могло *кресать* перейти въ *кремень:* гдѣ же осталось коренное *с*, и откуда окончаніе *мень?* Нельзя согласиться съ тѣми, которые въ этомъ слогѣ видятъ другую форму окончанія *мя* именъ *сѣмя*, *племя*, *пламя* или *пламень*. Нѣтъ примѣра, чтобы такое окончаніе носило удареніе, и въ родит. падежѣ принимало признакъ мужескаго рода съ исключеніемъ гласной *е (мня)*[1]. По виду, въ какомъ попадается *кремень* внутри известковыхъ холмовъ (кругляками) и по легкости его отдѣленія отъ нихъ можно бы прямо признать это слово происходящимъ отъ того же корня, какъ имена *кромъ* и *кремль*,

---

[1] Напротивъ, слово *кремень* по образованію подходитъ къ именамъ *камень*, *ремень*, *кистень*, *плетень*, гдѣ окончаніе составляютъ буквы *ень;* предыдущая же буква принадлежитъ къ корню.

если бъ не останавливало то соображеніе, что въ чешскомъ и польскомъ языкахъ въ словѣ *кремень р* является умягченнымъ, чего не предполагаютъ слова *кромъ* и *кремль*.

По поводу моего изслѣдованія о словѣ *кремль*, въ *Чтеніяхъ Общества Ист. и Древн.* 1873 года (кн. IV) появилась длинная статья г. Кубарева. Въ ней онъ старается доказать, что это слово передѣлано изъ греческаго κρημνός, но забываетъ, что изъ другихъ языковъ заимствуются только слова́, означающія именно то понятіе, для котораго на родномъ языкѣ не достаетъ выраженія. Какимъ же образомъ для понятія отдѣльно стоящей крѣпости Русскіе могли заимствовать слово, значащее *скатъ*, *крутизну*, *пропасть?* Г. Кубаревъ, желая придать правдоподобіе своему увѣренію, весьма упорно имъ защищаемому, считаетъ достаточнымъ слѣдующее объясненіе: «Въ мечтахъ моихъ, говоритъ онъ, я воображаю, что нѣкоторый именитый греческій гость изъ Царяграда пріѣхалъ посѣтить юную столицу единовѣрнаго князя. Князь приглашаетъ гостя къ себѣ, роскошно угощаетъ его и потомъ ведетъ его съ собой прогуляться по окраинѣ горы, возвышающейся надъ рѣкою, гдѣ спрашиваетъ: какъ такое мѣсто называется по-гречески? Гость отвѣчаетъ: κρημνός»... Вообще изъ статьи г. Кубарева видно, что ему вовсе не знакомы ни главныя основанія, ни пріемы сравнительной филологіи, а при такомъ условіи научныя пренія въ этой области безполезны. Доказательствомъ, какъ мало авторъ вникъ въ прочитанныя имъ соображенія, служитъ между прочимъ то, что онъ приписываетъ мнѣ такія мнѣнія, которыхъ я вовсе не выражалъ. Такъ ему кажется, что я утверждаю будто имя московскаго *кремля* заимствовано отъ названія псковскаго *крома*, и онъ серьезно ратуетъ противъ этой мысли, которая конечно и не приходила мнѣ въ голову. Нѣтъ, для заключенія, что такое-то слово заимствовано изъ другого языка, мало одного звукового сходства его съ иноземнымъ словомъ. Тѣмъ способомъ, какой описываетъ г. Кубаревъ, слова́ не пе-

реходятъ изъ одного языка въ другой. Для перехода къ намъ греч. слова нужно было бы, чтобъ оно значило именно то, чтó выражаетъ наше *кремль*, и чтобы оно въ этомъ значеніи было у насъ извѣстно; такъ перешли къ намъ напр. названія *цитадель* и нѣкогда употреблявшееся *фортеція*. Существенное значеніе слова *кремль*, какъ вытекаетъ изъ моего изслѣдованія, не имѣетъ никакого отношенія къ понятіямъ *ската*, *крутизны* и проч., для которыхъ Славяне всегда обладали своими вполнѣ равносильными словами. Вдобавокъ замѣтимъ, что въ 11-мъ или 12-мъ столѣтіи, когда могло бы произойти предполагаемое заимствованіе, буква η въ κρημνός произносилась какъ *и*, а этимъ однимъ разрушается вся гипотеза г. Кубарева.

ЗАМѢТКА О НѢКОТОРЫХЪ СТАРИННЫХЪ ТЕХНИЧЕСКИХЪ ТЕРМИНАХЪ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Гравированье началось въ Россіи съ 1647 года. При оружейной серебряной палатѣ въ Москвѣ состояли фряжскихъ рѣзныхъ дѣлъ мастера. Гравёры въ то время подписывали: *рѣзалъ;* гравюры назывались *рѣзными* листами, упоминались также *рѣзныя* доски. Петръ Великій, во время своего перваго путешествія за границу, пригласилъ въ Россію находившихся тогда въ Амстердамѣ гравёровъ Шонебека и Пикара. Въ челобитной, поданной первымъ въ 1697 году боярину Головину, еще встрѣчается выраженіе: «могу служить въ *рѣзаніи* мѣдныхъ досокъ»; и въ письмѣ Головина 1698 года, говорится о Шонебекѣ, какъ о *рѣзномъ* мастерѣ, упоминается о *рѣзаніи* на мѣди и о мастерствѣ *рѣзьбы*[1].

Но въ 1701 году подана челобитная Алексѣемъ Зубовымъ, который въ ней уже называетъ себя ученикомъ *градировальнаго* дѣла, учителя же своего Шонебека пріѣзжимъ иноземцемъ, *грыдоровальнаго* дѣла мастеромъ. Въ подкрѣпленіе просьбы своей о прибавкѣ жалованья Зубовъ приложилъ гравюру своей работы. У Шонебека потребовали свидѣтельства о справедливости этого показанія, и онъ удостовѣрилъ, что представленный Зубовымъ листъ печатанъ *грыдоровальною* доскою, которую ученикъ его *грыдоровалъ* самъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ томъ же году,

---

[1] См. Д. Ровинскаго *Русскіе граверы,* стр. 29, 70, 73. Автору этой книги обязанъ я и нѣкоторыми рукописными указаніями, которыхъ въ ней нѣтъ.

другой ученикъ Шонебека, Петръ Бунинъ, представилъ свою работу, названную въ тогдашнихъ актахъ листомъ *грыдорованья*[1]. Съ тѣхъ поръ граверы, въ подписяхъ подъ трудами своими, стали употреблять это слово въ разныхъ видоизмѣненіяхъ, какъ-то: *градировалъ*, *грыдировалъ*, *грыдоровалъ*, *гридоровалъ*.

Въ указѣ Петра Великаго 1724 года объ учрежденіи Академіи сказано между прочимъ: «Безъ живописца и *градировальнаго* мастера обойтися невозможно будетъ, понеже изданія, которыя въ наукахъ чиниться будутъ (ежели оныя сохранять и публиковать), имѣютъ рисованы и *градированы* быть[2]. Въ 1754 году, въ спискахъ лицамъ и учрежденіямъ при Академіи наукъ показаны между прочимъ типографіи *гридорованныхъ* фигуръ, *грыдоровальный* департаментъ или *грыдоровальная* палата, и объ ученикахъ говорится, что они *грыдорують* или *грыдерують* ландкарты, литеры, проспекты «и прочія всякія дѣла и портреты»[3].

При письмѣ своемъ въ академическую канцелярію отъ 28-го ноября 1750 года Тредьяковскій приложилъ, «Прожектъ *грыдорованнаго* листочка, имѣющаго быть при моей трагедіи»[4] и т. д.

Въ 1757 году Ломоносовъ писалъ къ И. И. Шувалову о своемъ *нагрыдорованномъ* портретѣ, и, прилагая нѣсколько экземпляровъ его, говорилъ: «стыжусь, что я *нагрыдорованъ*»[5].

Слово это давно уже вышло изъ употребленія и не занесено ни въ одинъ изъ нашихъ словарей; но оно остается въ исторіи русскаго языка и требуетъ объясненія. Начала его надобно искать въ нѣмецкихъ глаголахъ *gradieren* и *radieren*. Первый означаетъ рѣзанье при помощи крѣпкой водки, способъ, которымъ преимущественно работалъ Шонебекъ съ своими учениками, а значеніе втораго видно, напр., изъ скульптурнаго термина

---

[1] Тамъ же, стр. 75.

[2] П. С. З. VII, 4443, стр. 223.

[3] *Русскіе граверы*, стр. 84 — 98.

[4] Пекарскаго *Исторія Академіи Наукъ*, II, стр. 157.

[5] Письма Ломоносова и Сумарокова къ Шувалову. *Зап. Ак. Н.*, т. X.

Gradier-Eisen, подъ которымъ разумѣется особенный родъ рѣзца[1]. Глаголъ *gradieren* происходитъ отъ нѣмецкаго существит. *Grath* или *Grad*, означающаго между прочимъ полоски мѣди, которыя выковыриваются изъ доски рѣзцомъ[2]. Такимъ образомъ два термина, которые, кажется, и у самихъ Нѣмцевъ по сходству звуковъ смѣшивались въ употребленіи, могли оба участвовать въ образованіи искаженныхъ русскихъ формъ этого слова[3].

Во второй половинѣ прошлаго столѣтія терминъ *грыдоровать* начинаетъ уступать мѣсто взятому съ французскаго слову *гравировать*, которое первоначально обязано этимъ чуть ли не знаменитому граверу Шмидту, выписанному къ намъ при Елисаветѣ Петровнѣ и до того долго жившему въ Парижѣ. На портретѣ графа М. Л. Воронцова въ 1758 году подписано: gravé par G. F. Schmidt. Изъ учениковъ его Герасимовъ, первый, подписалъ въ 1771 году по-русски: *гравировалъ*. Съ этого времени послѣдняя подпись дѣлается уже почти исключительною и замѣняетъ другія, какъ-то: *сдѣлалъ*, *вырѣзалъ* (Чемесовъ), *гридоровалъ* (Васильевъ 1759).

Въ отношеніи къ стариннымъ типографскимъ терминамъ весьма важно и любопытно замѣчаніе г. Румянцова, сдѣланное въ 1869 году на московскомъ археологическомъ съѣздѣ, объ итальянскомъ происхожденіи нѣкоторыхъ изъ этихъ терминовъ. Г. Гат-

---

[1] Gradier-Eisen od. Meissel der Bildhauer (franz. gradine) ein stählener Meissel mit drei breiten Zähnen, welcher den Bildhauern... nöthig ist (Krünitz, Oekonomisch-technologische Encyklopädie. Th. LXXXVIII, *Meissel*).

[2] Рукописное показаніе г. Ровинскаго. Въ приведенномъ словарѣ Крюница (Ч. XIX) слово Grad или Grath объяснено между прочимъ такъ: «die Späne kleiner Aeste u. s. f., welche beim Fällen und Bearbeiten des Holzes abgehn». Относительно корня слова Grad или Grath Крюницъ, а за нимъ и нѣкоторые другіе лексикографы (Аделунгъ, Гейзе) полагаютъ, что оно одного происхожденія съ лат. radius, и только случайно приняло въ началѣ звукъ g, какъ это нерѣдко встрѣчается и въ другихъ словахъ. Послѣднее замѣчаніе можетъ относиться и къ сходству словъ *radieren* и *gradieren*.

[3] Есть еще третій нѣмецкій глаголъ, относящійся къ гравированію, именно grundieren (наводить лакъ для приготовленія грунта къ вытравленію водкой), который могъ бы также содѣйствовать къ образованію слова *грыдоровать*, но для этого предположенія нѣтъ однакоже достаточнаго основанія.

цукъ, въ статьѣ «Очеркъ исторіи книгопечатнаго дѣла въ Россіи»[1], хотя и не допускаетъ, чтобы эти названія были заимствованы непосредственно изъ Италіи, и именно изъ Венеціи, однакожъ приводитъ ихъ съ указаніемъ тѣхъ итальянскихъ словъ, изъ которыхъ они передѣланы: *тередорщикъ* отъ tiratore (нѣм. drucker, печатникъ); *батырщикъ*, накладчикъ краски на литеры, набойщикъ—отъ battitore; *маца*—отъ mazza (ново-нѣм. ballen); *марзанъ*—margina (нѣм. stege); *тимпанъ*—отъ timpano (нѣм. deckel); *фрашкетъ*—отъ frascato; *пунсонъ*, рѣзанная на стали буква для выбиванія изъ мѣди матрицъ,—отъ punzone (нѣм. stempel); *штанба*, книгопечатный станокъ и всѣ вообще принадлежности—отъ stampa (нѣм. druckerei).

Авторъ названной статьи не хочетъ вмѣстѣ съ г. Румянцовымъ видѣть въ этихъ терминахъ доказательство мнѣнія, что книгопечатаніе перенесено въ Москву изъ Италіи и что вообще строителями, учителями, и руководителями здѣсь книгопечатанія были итальянскіе мастера. Хотя рѣшеніе этого вопроса и не относится къ предмету настоящей замѣтки, позволю себѣ однакожъ упомянуть, что если и въ самомъ дѣлѣ приведенные термины изъ Италіи перешли ранѣе въ другія страны, то они въ этихъ послѣднихъ передѣлывались по мѣстному выговору, и оттуда были бы перенесены къ намъ въ другомъ видѣ: слово *пунсонъ*, напр., Нѣмцы передѣлали въ *Bunze*[2], и конечно оттуда не явилось бы оно у насъ въ своей первоначальной, чистой формѣ. Да и почему же невѣроятно, чтобы эти термины были заимствованы Русскими прямо изъ источника, когда сношенія съ Италіею и знакомство Москвы съ итальянскимъ искуствомъ начались уже за цѣлое столѣтіе до введенія книгопечатанія въ Россіи?

---

[1] *Русскій Вѣстникъ* 1872, май, стр. 333.

[2] По словарю братьевъ Гриммовъ—«Signum, forma, stempel, franz. matrice» (Wb. II, 531).

О ПРОИЗНОШЕНІИ БУКВЪ Э, Е, Ѣ.

Употребленіе трехъ буквъ, означенныхъ мною въ заглавіи этой статьи, представляетъ не мало затрудненій. Есть случаи, въ которыхъ особенно нелегко опредѣлить, правильнѣе ли написать *е* или *ѣ*. Но здѣсь я намѣренъ разсматривать ихъ не со стороны этого вопроса, а въ отношеніи собственно къ звуку ихъ. Прежде всего постараюсь рѣшить, есть ли въ произношеніи разница между *ѣ* и *е* (когда е не превращается въ ё, о чемъ здѣсь и не будетъ рѣчи). Многіе отвѣтятъ на это утвердительно; но если бъ было такъ, то природное русское ухо должно бы во всѣхъ случаяхъ указывать, гдѣ слѣдуетъ писать *е* и гдѣ *ѣ*; между тѣмъ мы видимъ, что люди, въ одинаковой степени знающіе языкъ и въ произношеніи которыхъ не замѣтно особенной разности, не всегда согласны между собой касательно употребленія *е* и *ѣ* (напр. въ словахъ: хмель, затменіе, лѣкарь). Случается, что одинъ и тотъ же человѣкъ перемѣняетъ въ этомъ отношеніи прежнее свое правописаніе на новое, хотя въ выговорѣ его не произошло никакой перемѣны. Отсюда надобно вывести заключеніе, что буквы *е* и *ѣ* произносятся совершенно одинаково. Въ этомъ всякому легко убѣдиться, произнося одно за другимъ, напр., слѣдующія слова: *лѣнь* и *олень*, *въ морѣ* и *въ море*, *членъ* и *плѣнъ*, *ѣли* и *ели*.

Итакъ надобно согласиться, что какъ въ началѣ, такъ и въ серединѣ и въ концѣ слога, *е* и *ѣ* суть, по произношенію, буквы тожественныя; въ началѣ слога каждая изъ нихъ служитъ двугласною (съ помощію *й* передъ звукомъ), въ серединѣ же и въ концѣ гласною. Буквой *э* изображается тотъ же звукъ, когда онъ

въ началѣ слога долженъ быть произносимъ чисто, безъ помощи *й: это*, *поэтъ*.

Въ произношеніи каждой изъ этихъ трехъ буквъ есть одинъ общій законъ, о которомъ кажется еще не было упоминаемо въ русской грамматикѣ. Чтобы яснѣе представить его, напомню, что въ русскомъ языкѣ какъ гласныя, такъ и согласныя раздѣляются на твердыя и мягкія. Гласныя *а*, *о*, *у*, *ы* справедливо называть твердыми въ противоположность мягкимъ: *э*, *е*, *ѣ*, *і*, *и*[1]; тóчно такъ же и согласныя, въ свою очередь, бываютъ либо: *бъ*, *въ*, *дъ*, либо: *бь*, *вь*, *дь* и проч. Далѣе надобно замѣтить, что согласныя бываютъ то твердыми, то мягкими или сами по себѣ (напр. въ концѣ словъ), или отъ присоединенія къ нимъ мягкихъ гласныхъ, напр. въ сочетаніяхъ: *бѣ*, *ве*, *ти*.

Если станемъ внимательно сравнивать слова, въ которыхъ встрѣчаются буквы *э*, *е*, *ѣ*, то найдемъ, что каждая изъ нихъ имѣетъ *двоякій* звукъ, смотря по тому, стоитъ ли она передъ твердою, или передъ мягкою буквою, гласною или согласною. Сличите напр. слова:

э-то	и	*э-ти*
чле-ны	и	*въ чле-нѣ*
вѣ-ру	и	*вѣ-рю*
мѣ-ръ	и	*мѣ-рь*.

Чтобы увѣриться, какъ несходны по выговору буквы *ѣ*, *е*, *э* первой колонны съ тѣми же буквами во второй, стóитъ только попробовать, начавъ произносить первый слогъ одной изъ колоннъ, приставлять къ нему второй слогъ изъ другой; произнеся

---

[1] Употребленные здѣсь термины не совсѣмъ согласны съ теоріей звуковъ, выработанной мною въ послѣднее время на физіологическомъ основаніи и изложенной въ новомъ моемъ изслѣдованіи о звукахъ и письмѣ; но такъ какъ вся статья «о произношеніи буквъ *э*, *е*, *ѣ*» принадлежитъ другому времени, то я оставляю и эту частность безъ измѣненія. Впрочемъ, при первомъ изданіи *Филологическихъ Разысканій*, въ этой статьѣ сдѣланы были мною легкія измѣненія вслѣдствіе одного замѣчанія академика Бётлинга (см. *Уч. Зап. по I и III Отд. Ак. Н.*, т. I, стр. 90).

вѣ (первой колонны) — прибавьте *рю*, и наоборотъ, произнеся *вѣ* (второй колонны) — прибавьте *ру*: не ясно ли, что звукъ *ѣ* въ первомъ случаѣ совсѣмъ не тотъ, какой слышится во второмъ?

Вотъ еще нѣсколько подобныхъ примѣровъ (чтобы показать разницу ощутительнѣе, буду раздѣлять слова не всегда по слогамъ, а какъ удобнѣе для моей цѣли):

поэ-тъ	*поэ*-зія
Эл-лада	*Эл*(*ль*)-лины
бре-нъ	*бре*-ніе
пе-ры	*пе*-ри
сѣ-ла	*сѣ*-ли
свѣ-тъ	*свѣ*-тикъ

Отсюда должно вывести общее правило, что передъ твердыми звуками буквы *э*, *е*, *ѣ*, произносятся широко, близко къ тому какъ во французскомъ языкѣ выговариваютъ букву *е*, когда надъ нею accent grave, а передъ звуками мягкими сжато, какъ бы французское é — accent aigu.

Несправедливо было бы думать, будто въ такихъ словахъ, какъ напр. *звѣрь* и *звѣрскій*, вся разница произношенія ограничивается несходствомъ звуковъ *рь* и *рз*: внимательное наблюденіе покажетъ, что отъ различія этихъ звуковъ зависитъ и неодинаковое произношеніе буквы *ѣ*. При этомъ случаѣ надобно нѣсколько распространиться вообще о мягкихъ согласныхъ, встрѣчаемыхъ въ серединѣ слова и произносимыхъ такъ, какъ бы за ними слѣдовалъ *ь*, хотя этотъ знакъ часто и опускается. Мы пишемъ *задній*, *горница*, *мысли*, *поздній*, *гвозди*, а выговариваемъ: *задьній*, *горьница*, *мысьли*, *позьдній*, *гвозьди*. На чемъ же это основывается? На томъ, что послѣ согласной, оканчивающей одинъ слогъ, слѣдуетъ другой съ мягкою гласной. По общему закону, изложенному мною касательно буквъ *э*, *е*, *ѣ* происходитъ, что когда одна изъ нихъ случится въ первомъ слогѣ, то и самое ея произношеніе сообразуется съ натурою слѣдующаго слога. Оттого въ

словахъ *привѣтствіе*, *бѣдствіе*, *наслѣдникъ* не только *т* и *д*, но и *ѣ* произносится не такъ, какъ въ словахъ: *привѣтъ*, *бѣдствовать*, *наслѣдство*. Обратимъ также вниманіе на слова: *черви*, *вѣтви*, *терпитъ*, *наперсникъ*, *вѣстникъ*, *если*, произносимыя такъ, какъ будто бы написано было *черьви*, *вѣтьви* и т. д.

Впрочемъ не всѣ согласныя передъ мягкою гласной имѣютъ всегда такое вліяніе на предыдущій слогъ; буквы: *к*, *х*, *г*, *ж*, *ш*, *ч*, *ц*, лишены часто этого дѣйствія, чтó видно въ словахъ: *крѣпки*, *дѣвки*, *ветхи*, *биржи*, *вершина*, *старческій*, *въ сердцѣ*. Найдутся можетъ-быть и другіе случаи, въ которыхъ согласная передъ мягкимъ слогомъ остается твердой, а оттого и предшествующее *е* или *ѣ*, ежели оно въ словѣ есть, выговаривается широко. Общее положеніе только то, что произношеніе буквъ *э*, *е*, *ѣ* зависитъ отъ мягкаго или твердаго звука, непосредственно за нимъ слѣдующаго. Въ нѣкоторыхъ словахъ не видно, почему согласная произносится такъ или иначе, но законъ выговора *е* и *ѣ* остается неизмѣннымъ. Такъ *е* произносится сжато въ словахъ: *верхъ*, *церковь*, *первый*, *четвергъ*, оттого что тутъ *р* мягкое, хотя это въ правописаніи и не означается[1]. Въ словахъ: *рѣжь*, *ѣшь*, *тѣшь* буква *ѣ* произносится широко, потому что *ж* и *ш* нельзя выговорить мягко, хотя послѣ нихъ и стоитъ *ь*. Напротивъ, въ словахъ: *мечь*, *свѣчь*, *вещь*, *лещь* слышится сжатое *е*, потому что тутъ знакъ *ь* соотвѣтствуетъ дѣйствительному смягченію согласныхъ *ч* и *щ* въ выговорѣ[2].

Замѣчательно, что и послѣ такъ называемыхъ шипящихъ буквъ, *е* можетъ быть произносимо двояко; сравнимъ *шестъ* и *шесть*, *тщетный* и *дщери*, *чествовать* и *честь*, *жертва* и *жерди*.

---

[1] Объ этомъ случаѣ см. слѣдующую за симъ статью.

[2] Очень было бы хорошо, если бъ слова на *ж*, *ш*, *ч*, *щ*, писались какъ въ старину со знакомъ *ь*, а не *ъ* въ концѣ. Тогда и въ правилахъ склоненія именъ существительныхъ на *ъ* было бы однимъ исключеніемъ меньше: всѣ слова, кончащіяся на эти шипящія буквы, имѣютъ въ родител. падежѣ множ. числа окончаніе *ей*, какъ всѣ имена на *ь*, у которыхъ этотъ падежъ составляетъ собственно единственное отличіе склоненія противъ именъ на *ъ*.

Въ концѣ слова *е* и *ѣ* всегда произносятся широко; напротивъ, слѣдующія за ними буквы *и*, *й*, *е*, *ѣ*, *ю*, *я* придаютъ имъ произношеніе сжатое, напр. *вообще—кащей*, *въ добрѣ—добрѣй*, *на столѣ—веселѣй*, *въ шалашѣ—шея*.

Указанный здѣсь законъ произношенія буквъ *э*, *е*, *ѣ* тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что мы не находимъ его въ другихъ языкахъ, гдѣ открытое *е* можетъ, такъ же какъ и сжатое, предшествовать слогу съ мягкою гласной и наоборотъ. Нѣмцы говорятъ: verschmähen, Ähren, Французы—arrêter, mêler, pêcheur. Оттого произношеніе подобныхъ словъ въ иностранныхъ языкахъ особенно затрудняетъ Русскаго, если онъ не преодолѣлъ этой трудности съ дѣтства.

Конечно этотъ законъ въ подробностяхъ требуетъ еще дальнѣйшаго изслѣдованія и развитія, мое намѣреніе было только указать на него въ общихъ чертахъ.

ПО ПОВОДУ ПРЕДЫДУЩЕЙ СТАТЬИ.

Etymologische Beiträge und die Aussprache des betonten russischen e, von Dr. Friedrich Haag. Zürich 1880, 8-o. 83 S.

Не останавливаясь на этимологическихъ сближеніяхъ, которыя занимаютъ первую половину этой интересной брошюры и могли бы подать поводъ къ кое-какимъ возраженіямъ, я позволю себѣ нѣсколько замѣчаній только на изслѣдованіе о произношеніи ударяемаго *е*. Прежде всего надо отдать полную справедливость наблюдательности автора и признать, что онъ пополнилъ ученіе объ этомъ предметѣ многими новыми указаніями въ частностяхъ. Но что касается самой сущности явленія, то въ наблюденіяхъ г. Хаага оказывается пробѣлъ, который ему трудно будетъ устранить, если онъ не усвоитъ себѣ болѣе глубокаго практическаго знакомства съ звуковыми особенностями русскаго языка. Только недостаткомъ такого знакомства и происшедшимъ отъ того недоразумѣніемъ можно объяснить то обстоятельство, что авторъ отвергаетъ сдѣланное мною и вскорѣ послѣ того ак. Бэтлингомъ[1] наблюденіе, что чистый звукъ *е* (передается ли онъ на письмѣ начертаніемъ *е*, *ѣ*, или *э*) произносится двояко, смотря по тому, слѣдуетъ ли за нимъ твердый, или мягкій звукъ. Для боль-

---

[1] Моя замѣтка: «О произношеніи буквъ э, е, ѣ» появилась въ первый разъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1847 г. (№ 173), а статья академика Бэтлинга, въ которой онъ изложилъ свое наблюденіе, не зная о моей статьѣ, напечатана въ Bulletin Академіи Наукъ 1851 г. (т. IX), и позднѣе въ «Уч. Запискахъ I и III Отд.» (т. I).

шей ясности приведу изъ брошюры г. Хаага слѣдующее мѣсто (стр. 43):

«Въ русскомъ языкѣ *е*, замѣнившее прежнее *ѣ*, да и въ другихъ случаяхъ, какъ мы увидимъ, часто не подвергается подъему въ *о*, хотя бы за послѣдующею согласною стоялъ твердый гласный; въ такомъ случаѣ *е* звучитъ какъ латышское *е* передъ твердыми гласными послѣ чистаго согласнаго, въ немногихъ словахъ, какъ напр. въ нѣтъ, но по большей части какъ перерванное (ein gebrochenes) *i*, — какъ *i*, при произношеніи переходящее въ *е*: въ словѣ хлѣбъ я произношу гласную совершенно такъ, какъ произносится гласная въ lieb у швейцарскихъ Нѣмцевъ. Или возьмемъ словечко это, которое мы безпрестанно слышимъ въ разговорѣ Русскихъ; кто когда-нибудь слышалъ, чтобъ они произносили äto? Когда я пробовалъ такъ выговаривать, то надо мной смѣялись, потому что *э* въ словѣ это произносится указаннымъ мною образомъ. Поэтому я никакъ не могу согласиться съ тѣмъ, что Гротъ говоритъ въ своихъ «Филологическихъ Разысканіяхъ» (2-е изд. т. I, стр. 267): «Отсюда должно вывести общее правило, что передъ твердыми звуками буквы *э*, *е*, *ѣ* произносятся широко, близко къ тому какъ во французскомъ языкѣ выговариваютъ букву *е*, когда надъ нею accent grave, а передъ звуками мягкими сжато, какъ бы французское é — accent aigu».

Не считая себя достаточно знакомымъ съ швейцарско-нѣмецкимъ нарѣчіемъ чтобы рѣшить, вполнѣ ли правильно предложенное здѣсь сравненіе, я оставляю его въ сторонѣ. Но я настаиваю на томъ, что̀ сказано мною о двоякомъ произношеніи *е* въ русскомъ языкѣ и ссылаюсь въ этомъ на всякаго, кто родился въ Россіи, съ дѣтства говоритъ на этомъ языкѣ и обладаетъ мало-мальски тонкимъ слухомъ. Сравненіе съ французскими è и é я, разумѣется, позволилъ себѣ только для болѣе нагляднаго уясненія разности обоихъ русскихъ звуковъ, и это замѣчаніе, mutatis mutandis, остается въ своей силѣ[1].

---

[1] Оно подтверждено уже многими филологами, изъ числа которыхъ назову гг. Миклошича и Ягича.

Во второмъ томѣ «Филологическихъ Разысканій» (стр. 31—32) я возвратился къ этому предмету и старался подкрѣпить свое наблюденіе новыми примѣрами. Всякій непредубѣжденный Русскій согласится, что въ словахъ грѣтъ и грѣть звукъ є слышится неодинаково. Укажу еще на нѣсколько поразительныхъ случаевъ. Оспариваемое различіе не можетъ не быть замѣчено въ слѣдующихъ попарно приводимыхъ словахъ:

вѣтръ	вѣ́теръ.	плѣ̀нъ	плѣ́нникъ.
свѣ̀тъ	свѣ́тикъ.	колѣ̀на	колѣ́ни.

Особенно ясно обнаруживается разность звука є въ словахъ вѣ̀съ и вéсь, въ которыхъ она зависитъ конечно не отъ различнаго произношенія буквъ *ѣ* и *е*, выговариваемыхъ, какъ всѣми признано, совершенно одинаково, а единственно отъ несходнаго качества послѣдующихъ согласныхъ. Замѣчательно, что твердо звучащее є въ словѣ нѣтъ становится мягкимъ, когда за этимъ отрицаніемъ слѣдуетъ вопросительная частица *ли:* нѣтъ ли коренными Русскими произносится: нѣ́тьли.

Относительно перехода *е* въ *о*, какъ явленія послѣдственнаго (secundär), надо принять во вниманіе два обусловливающіе его первичные момента: во-первыхъ, твердое или мягкое произношеніе послѣдующаго согласнаго; во-вторыхъ, зависящее отъ того произношеніе самаго звука є. При этомъ оказывается, что обыкновенно только широкое є (è) и лишь весьма рѣдко тонкое (é) способно обращаться въ о: изъ èлка происходитъ ёлка, éль же не можетъ превратиться въ ёль, и непосредственная тому причина заключается не столько въ произношеніи послѣдующей согласной, сколько въ проистекающемъ отъ того свойствѣ самаго звука є. Это ускользнуло и отъ моего вниманія во 2-мъ томѣ «Филологическихъ Разысканій», гдѣ я разсматриваю произношеніе звука *е* какъ о.

Упомяну еще о нѣкоторыхъ частностяхъ въ изслѣдованіи г. Хаага. На стр. 37 говорится о мульированіи (Mouillirung) русскихъ согласныхъ. Прежде уже было замѣчено мною, что я

никакъ не могу признать отвѣчающимъ сущности дѣла выраженіе «mouillirter Laut» въ примѣненіи къ русскимъ мягкимъ согласнымъ. Ссылаюсь въ томъ на «Фил. Раз.» II, 23—24 (2-е изд.).

Стр. 38: Правило, что произношеніе *е* какъ *о* явилось только вслѣдствіе ударенія, справедливо лишь въ отношеніи къ московскому нарѣчію и образованному языку. Извѣстно, что во многихъ мѣстностяхъ Россіи народъ зачастую произноситъ и неударяемое *е* какъ ё. Примѣры тому приводитъ Колосовъ [1], замѣчая: «Начальное *іе* въ *йо* переходитъ въ нѣкоторыхъ словахъ независимо отъ ударенія, какъ и *е* въ *о*. Даже начальное *ѣ*, слившееся по звуку съ *е*, иногда переходитъ въ *йо*: ѣдя́, ѣзжа́ти» и проч.

Еще нѣсколько мелкихъ поправокъ. Произношеніе умёръ (стр. 38) невѣрно: это слово слышится всегда у́меръ. Вмѣсто того можно было привести здѣсь упёръ. Народъ мѣстами говоритъ: моёй, твоёй (стр. 41). Начертанія: пчёльный, пчёльникъ (47), кавёрзникъ (50), пёристый, пёра (51), вылёживать (52), бёмскій (55), рѣшётечка (60), подзёмный (74), вéтошь (83) ошибочны. Ихъ слѣдуетъ такъ исправить: пчéльный, пчéльникъ, ка́верзникъ, пери́стый, перá, вылéживать, бèмскій, рѣшёточка, подзèмный, вётошь. Разчёмистый, разчёмъ — опечатки: вмѣсто *ч* слѣдуетъ читать *з*. Менѣе значительныя погрѣшности опускаю.

---

[1] Какъ-то ёлóха, ёлóзить, дёржи́, мóрё, пóлё, воскресéньё, бѣлыё. (Обзор звуковых и формальных особенностей народнаго русскаго языка. Варшава. 1878. Стр. 71—84).

О НѢКОТОРЫХЪ ОСОБЕННОСТЯХЪ ВЪ СИСТЕМѢ ЗВУКОВЪ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Въ двухъ предыдущихъ статьяхъ: «О произношеніи буквъ *э*, *е*, *ѣ*» было показано, что въ русскомъ языкѣ звукъ ε (на письмѣ э, е, ѣ) выговаривается двояко, смотря по тому, слѣдуетъ ли за нимъ твердый или мягкій звукъ.

Академикъ Бэтлингъ въ своей статьѣ: «Beiträge zur Russischen Grammatik», напечатанной въ академическомъ «Бюллетенѣ»[1], остановился между прочимъ на томъ же явленіи, подмѣченномъ имъ изъ собственнаго наблюденія. О моей замѣткѣ г. Бэтлингъ узналъ не прежде, какъ когда его разсужденіе почти все уже было набрано; разсказывая о томъ въ припискѣ къ своей статьѣ, авторъ добросовѣстно признаетъ, что я уже за нѣсколько лѣтъ до того указалъ на особенность русскаго языка, о которой, какъ думалъ онъ прежде, у насъ никто еще не упоминалъ[2].

Но у г. Бэтлинга есть другое замѣчаніе, въ которомъ я не могу вполнѣ согласиться съ нимъ. Онъ находитъ, что умягченію передъ мягкой буквой подвергается не только звукъ ε, но и другія гласныя: *а*, *о*, *у*, *і*, *ы*. Объ этомъ говорится и въ самой его статьѣ, и въ припискѣ къ ней. «Звукъ *а* въ словѣ *бани*» — сказано въ статьѣ

[1] Bulletin de la Classe des sciences historiques, philologiques et politiques de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg, № 195, 196. T. IX, № 3, 4. Впослѣдствіи та же статья, въ русскомъ переводѣ, напечатана въ *Ученыхъ Записк. I и III Отд. Ак. Н.*, т. I, стр. 58.

[2] См. тамъ же, стр. 90.

г. Бётлинга — «гораздо мягче, нежели *а* въ словѣ *бабы*, среднее *о* въ *мололи* мягче, нежели въ *молола*; такое же различіе замѣчается въ произношеніи буквы *ы* въ словахъ *была* и *были*, звука *и* въ *била* и *били*, наконецъ звука *у* въ *дула* и *дули*. Кому ухо въ этомъ случаѣ измѣняетъ, тотъ пусть наблюдаетъ положеніе рта, которое при произношеніи одного и того же слова (ба, ло, бы, би, ду) бываетъ очень различно, смотря по тому, слѣдуетъ ли за гласною мягкая, или твердая согласная. Тотъ же звукъ, какой имѣютъ *а*, *о*, *у* передъ умягченными согласными, слышится также въ двугласныхъ: ай (напр. въ *дай*), ой (напр. въ *мой*) и уй (напр. въ пожалуй). А, о, у съ предшествующими имъ умягченными согласными или по русскому правописанію: я, ё, ю, при означенныхъ условіяхъ, также измѣняются въ произношеніи: *я* въ словѣ *мяло*, если примемъ въ разчетъ умягченіе предыдущей согласной, звучитъ совершенно такъ же, какъ *а* въ *бабы*, *я* въ *мяли* — какъ *а* въ *бани*; *ё* въ *зелёный* — какъ среднее *о* въ *молола*, *ё* въ *идёте* — какъ *о* въ *мололи*; *ю* въ *люто* — какъ *у* въ *дула*, *ю* въ *люди* — какъ *у* въ *дули*»[1]. При всемъ моемъ уваженіи къ мнѣнію ученаго филолога, я не могу не замѣтить, что здѣсь слухъ его былъ обманутъ предположеніемъ между *е* и другими гласными аналогіи, которой я при моемъ изслѣдованіи тоже искалъ, но не могъ найти, потому что дѣйствительно она въ этомъ случаѣ не существуетъ[2]. Въ приведенныхъ г. Бэтлингомъ примѣрахъ вся разница произношенія заключается въ согласной буквѣ, а не въ предшествующей ей гласной, на которую слухъ ошибочно переноситъ такое различіе. Конечно, г. Бэтлингъ и самъ сознавалъ, что предполагаемое имъ несходство произношенія помянутыхъ гласныхъ очень неявственно и сомнительно: потому-то онъ сначала разсмо-

---

[1] Русскій переводъ выписываемыхъ въ моей статьѣ мѣстъ изъ изслѣдованія г. Бётлинга сдѣланъ мною еще до напечатанія полнаго перевода въ *Уч. Запискахъ* и потому въ выраженіяхъ обоихъ переводовъ неизбѣжна нѣкоторая разница, хотя, разумѣется, смыслъ обоихъ тотъ же самый.

[2] Или если и существуетъ, то развѣ только едва замѣтно и почти неуловимо.

трѣлъ подробно только двоякій выговоръ звука *е*, о прочихъ же гласныхъ упомянулъ отдѣльно уже послѣ, и притомъ счелъ нужнымъ опереться на тонкость слуха, потребную для открытія указываемой имъ разницы въ произношеніи буквъ *а*, *о*, *у*, *і*, *ы*. Ниже надѣюсь представить ясное доказательство, что буква *е* въ приведенномъ законѣ произношенія не подходитъ подъ одну категорію съ прочими гласными.

Для этого необходимо изслѣдовать то вліяніе, какое мягкія согласныя имѣютъ на умягченіе предыдущихъ согласныхъ же; но прежде, нежели займемся такимъ изслѣдованіемъ, взглянемъ на общее содержаніе статьи г. Бэтлинга и остановимся въ ней на нѣкоторыхъ пунктахъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія. Она содержитъ въ себѣ два отдѣла: I. *Какіе звуки знаетъ нынѣшній русскій языкъ?* и II. *О вліяніи умягченныхъ согласныхъ на предыдущую гласную*. Въ обоихъ отдѣлахъ авторъ часто оспариваетъ мнѣнія русскихъ филологовъ, и особливо Павскаго; но касательно несогласія съ послѣднимъ самъ онъ оговаривается въ выноскѣ (стр. 44), отдавая полную справедливость трудамъ нашего ученаго. «Я бы вообще совсѣмъ не сталъ выставлять слабыхъ сторонъ *Филологическихъ наблюденій* (сказано тамъ же), если бъ это сочиненіе по своимъ достоинствамъ не занимало такого высокаго мѣста въ грамматической литературѣ Русскихъ. Чѣмъ сильнѣе авторитетъ г. Павскаго, тѣмъ рѣшительнѣе должно оспаривать цѣлыя теоремы и частныя объясненія, которыя не могутъ выдержать строгой критики». Здѣсь Павскій не въ первый уже разъ встрѣчаетъ возраженіе на нѣкоторыя изъ своихъ мыслей. Особенно рѣзкую критику на многія мѣста «Филологическихъ наблюденій» находимъ мы въ книгѣ кіевскаго ученаго, Костыря: «Предметъ, методъ и цѣль филологическаго изученія русскаго языка». Хотя это сочиненіе не вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ науки, однакожъ въ немъ есть очень вѣрныя, остроумныя замѣчанія. Г. Бэтлингъ, которому, какъ надобно думать, неизвѣстна была книга Костыря, сходится съ нимъ иногда въ своихъ сужденіяхъ. Приводя объясненіе Павскаго, будто въ глаголахъ

мыть, *крыть* и т. п. буква *о* въ настоящемъ времени явилась для замѣны *ъ*, который, ставъ на мѣсто *ы*, не могъ устоять въ серединѣ слова, г. Бэтлингъ говоритъ: «На общепонятномъ языкѣ это значитъ: гласная *ы* сокращается въ ничто (ъ), а чтобы соединиться съ личнымъ окончаніемъ, это ничто получаетъ въ помощь гласную *о*». Это замѣчаніе напомнило намъ «нигилизмъ еровъ» у Костыря, который въ § 9 первой части своего труда подробно разсматриваетъ придуманный Павскимъ законъ и приходитъ почти къ тому же заключенію.

Разсматривая вопросъ, въ какой мѣрѣ русское письмо дѣйствительно соотвѣтствуетъ живой рѣчи, г. Бэтлингъ основательно замѣчаетъ, что въ нашей азбукѣ для гласныхъ по-настоящему слишкомъ много знаковъ, а для согласныхъ слишкомъ мало. Къ этой мысли приводитъ его наблюденіе, что такъ называемыя мягкія гласныя: и, я, ю, ѣ, е (ё) въ сущности не составляютъ самостоятельныхъ звуковъ, и что когда онѣ слѣдуютъ непосредственно за согласною, то собственно смягчается она, а вмѣсто этихъ гласныхъ должны бы стоять твердыя: такимъ образомъ, если разложить слова: *пуля*, *морю* на дѣйствительно находящіеся въ нихъ звуки, то выйдетъ, что надобно бы писать ихъ: *пульа*, *морьу* или *пул'а*, *мор'у*, какъ пишетъ г. Бэтлингъ, принявъ польскій способъ означенія мягкихъ согласныхъ. Та же самая мысль была уже прежде выражена русскимъ филологомъ. Въ Отечественныхъ Запискахъ 1844 года (Т. XXXV) остроумный критикъ «Филологическихъ Наблюденій», Н. Н. (Надеждинъ), упоминая о системѣ азбуки, предложенной Сербамъ извѣстнымъ Вукомъ Стефановичемъ, въ которой буквы *я* и *ю* вовсе отброшены, а вмѣсто нихъ пишутся твердыя гласныя *а* и *у* съ предыдущимъ *ь*, примѣняетъ этотъ способъ правописанія и къ русскому языку. «При употребленіи буквъ *я* и *ю*» — говоритъ онъ между прочимъ — «мы принуждены принимать особыя правила склоненія для именъ, кончащихся на *ъ* и на *ь*, и какъ въ склоненіяхъ, такъ и въ спряженіяхъ, допускать исключенія изъ общихъ законовъ вездѣ, гдѣ встрѣчается придыханіе *й* явно или скрытно въ буквахъ *я*, *ю* и *е*.

При системѣ правописанія Вукова, тутъ не требовалось бы никакихъ оговорокъ и различеній: ибо и *конь* склонялся бы совершенно какъ *законъ*: конья, коньу, коньомъ, коньи, коньами т. д.». Совершенно къ тому же заключенію приходитъ и г. Бэтлингъ въ концѣ перваго отдѣла своей статьи. Исключивъ такимъ образомъ мягкія гласныя и введя, на мѣсто ихъ, мягкія согласныя, г. Бэтлингъ представляетъ слѣдующую таблицу звуковъ:

I. Гласныя.

а) *Одногласныя.*

1. а, о, у.
2. і, є, ä (є выражаетъ у него сжатый звукъ первой гласной въ словахъ: шея, сѣли, эти, а ä — широкій звукъ въ словахъ: шестъ, ѣхать, этотъ).
3. ы.

б) *Двоегласныя.*

аі, оі, уі, єі (передъ й наши буквы е, ѣ, э никогда не могутъ имѣть широкаго звука ä, вотъ почему мы и не находимъ здѣсь сочетанія äі).

II. Согласныя.

а) *Простыя:*

Нѣмыя (Mutae) { твердыя: к, т, п. мягкія: г, д, б.

Носовыя (Nasales): н, м.

Придувныя (Spirantes) { полугласная: j. твердыя: х, с, ш, ф. мягкія: ҕ, з, ж, в (ҕ означаетъ мягкое г въ словахъ: Господь, благо).

Звуки л, р.

б) *Сложныя:*

α) т + с : ц.

β) т + ш : ч (щ выпущено, какъ буква составная).

γ) умягченныя посредствомъ j согласныя:

к' т' п'
г' д' б'
н' м'
х' с' ш' ф'
ѕ' з' ж' в'
л' р'.
ц' ч'.

Ошибочно было бы однакожъ думать, будто г. Бэтлингъ отдаетъ этой азбукѣ, во всѣхъ отношеніяхъ, преимущество предъ общеупотребительною: онъ свою схему считаетъ только удобнѣйшею для теоретическихъ изслѣдованій языка; что же касается азбуки кирилловской, то онъ сознается, что нельзя безъ удивленія смотрѣть на алфавитъ, который такими малыми средствами можетъ вполнѣ достигать своей цѣли, не оставляя никогда ни малѣйшаго сомнѣнія, какъ согласная въ показанномъ отношеніи должна быть произносима. Помощію такъ называемыхъ мягкихъ гласныхъ *я* и *ю* и знака умягченія (ь) можно было обойтись безъ j (йотъ) и 20 особыхъ знаковъ для согласныхъ, которыя совершенно слились съ этимъ j». Предложивъ свою систему русской азбуки, г. Бэтлингъ разсматриваетъ отдѣльно каждую букву; остановимся на нѣкоторыхъ изъ частныхъ его замѣчаній.

О гласныхъ *і*, *ϵ*, *ӓ* (см. азбуку г. Бэтлинга) онъ говоритъ: «Онѣ соединяются почти исключительно съ умягченными согласными и съ j. Поэтому можно бы ихъ назвать ***умягчительными*** гласными. Г. Павскій полагаетъ, что *и*, *е*, *ѣ* въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ съ *к*, *г*, *х*, и съ губными буквами должны быть произносимы не мягко, а твердо. Въ переводѣ на нашъ способъ воззрѣнія это значило бы, что *к*, *г*, *х* и губныя не умягчаются передъ *і*, *ϵ*, *ӓ*. По моему уху слышится умягченіе *к* въ *вѣки*, *сѣки*

и *кѣмъ*, *г*—въ *бѣги*, *х*—въ *грѣхи* и *грѣхъ*. Стóитъ только сравнить приведенное *кѣмъ* (т. е. к'äм) съ нѣмецкимъ повелительнымъ *kämm*, вмѣсто *kämme*, чтобы убѣдиться, что фонетическое различіе обоихъ этихъ словъ заключается единственно въ томъ, что въ *кѣмъ к* выговаривается умягченно, а въ *kämm'* — неумягченно. Что въ словахъ *вѣки*, *бѣги* и *грѣхи* звуки *к*, *г*, *х* умягченные, подтверждается и произношеніемъ буквы *ѣ*, зависящимъ отъ этого умягченія».—Все это совершенно справедливо. Въ подкрѣпленіе выраженной здѣсь мысли приведемъ нѣсколько своихъ замѣчаній. Съ произношеніемъ слова *далёкія* сравните выговоръ небольшого предложенія: *далёкъ и я*. Разница большая, а въ чемъ она заключается? только въ томъ, что въ первомъ случаѣ *к* мягкое (к'), а во второмъ—твердое, или, примѣняясь ко взгляду Павскаго,— что въ первомъ послѣ *к* стоитъ *и*, а во второмъ — *ы*. Сравнимъ еще въ томъ же смыслѣ слѣдующіе примѣры: *смѣхъ и слёзы— смѣхи, слезы*; *нѣгъ Италіи—нѣги Таліи;* здѣсь различіе произношенія обнаруживается не только на буквѣ *и*, но и на *ѣ*, согласно съ закономъ, о которомъ говорено было въ началѣ нашей статьи; если бъ буквы *х* и *г* въ этихъ примѣрахъ стояли безъ умягченія, то не было бы причины выговаривать предыдущую гласную въ словахъ *смѣхи*, *нѣги* другимъ образомъ, нежели въ словахъ *смѣхъ*, *нѣгъ*. Такъ-то законъ произношенія звука є можетъ имѣть во многихъ случаяхъ примѣненіе, служа къ рѣшенію другихъ фонетическихъ вопросовъ. Г. Бётлингъ продолжаетъ: «Когда г. Павскій, въ опору своего мнѣнія, что буква *к* не смягчается въ словахъ *легкій*, *далекій* и *емкій*, ссылается на выговоръ предшествующаго ей *е* за *ё*, то противъ этого довода можно бы привести, что въ прилагательныхъ на *кій*—какъ г. Павскій самъ во многихъ мѣстахъ положительно замѣчаетъ — дифтонгъ произносится какъ *ой*, и въ этомъ случаѣ *к* естественно остается неумягченнымъ». Здѣсь г. Бётлингъ хотя и справедливо опровергаетъ доводъ Павскаго[1], но самъ упустилъ изъ виду, что во

[1] Фил. Набл. I, § 121, прим. 2.

множ. числѣ (*далекіе*, — *кихъ* и т. д.) буква *и* удерживаетъ свое собственное произношеніе: слѣдовательно основаніе возраженія должно быть другое. Въ словахъ *легкія* и *емкія* (беремъ нарочно множ. число) не можетъ быть рѣчи о вліяніи мягкаго звука на произношеніе *е*: потому что слоги *лег* и *ем* оканчиваются рѣшительно твердымъ звукомъ (лёхъ, ёмъ), — отъ чего бы это ни происходило: отъ того ли, что слѣдующее за этими слогами *к* дѣйствительно никогда не умягчается, или отъ того, что умягченное *к* не оказываетъ вліянія на предшествующую ему согласную. То же самое находимъ мы въ словахъ: *плётки*, *пелёнки*, *сёмги*, *метёлки*, *ёлки* и многихъ другихъ. Перейдемъ къ слову: *далёкія*. Павскій думаетъ, что тутъ *ё* слышится потому, что за нимъ въ сущности слѣдуетъ не *ки*, а *кы* (кы). Отъ вниманія Павскаго укрылось, что звуковъ *ё* не такъ-то рѣдко кончается слогъ, за которымъ слѣдуетъ мягкій звукъ; для примѣра приведемъ слова: *тё-тя*[1], *тё-тенька*, *Лё-ля*, *рублё-викъ*, *конё-вій*, *Слё-нинъ*, въ *клё-нѣ*, *чернозё-мѣ*, *ведё-те*, о которыхъ никакъ нельзя сказать, чтобы въ нихъ буквы *т*, *л*, *в*, *н*, *м* оставались безъ умягченія передъ гласными *я*, *и*, *і*, *ѣ*, *е*. Итакъ приведенное Павскимъ обстоятельство въ подтвержденіе мысли его, будто *и* послѣ *г*, *к*, *х*, нельзя считать за мягкую букву, не есть доказательство. Впрочемъ, и одинъ слухъ уже достаточно убѣждаетъ, что *ги*, *ки*, *хи* произносятся совсѣмъ не такъ, какъ еслибъ было написано *гы*, *кы*, *хы*, — звуки, которые можно слышать только при сліяніи *ера* въ концѣ слова съ буквою *и* въ началѣ слѣдующаго; примѣры тому мы уже представили. По нашему мнѣнію, *и* произносится какъ *ы* (или почти какъ *ы*) только послѣ буквъ *ж*, *ш*, *ц*, да и то не всегда, или другими словами, только они могутъ оставаться неумягченными передъ звуками *и*, ѣ. Это видно въ словахъ *невѣ-жи*, *лѣ-шій*, *цифра*. Въ послѣднемъ словѣ ясно слышится *ы*, въ двухъ первыхъ присутствіе его послѣ *ж* и *ш* доказывается широкимъ выговоромъ гласной *ѣ*, которая передъ *і* должна бы

[1] Въ словарахъ находимъ: *тетя*, но этому противорѣчитъ живой языкъ.

быть произносима сжато; надобно впрочемъ замѣтить, что иногда ее въ самомъ дѣлѣ такъ произносятъ въ этихъ словахъ; вотъ почему мы и говоримъ, что *ж* и *ш* только *могутъ* оставаться безъ умягченія передъ гласными *и*, *е*. При этомъ нельзя оставить безъ вниманія противорѣчіе, которое находимъ у Павскаго въ разсужденіи буквы *ц*. Въ одномъ мѣстѣ (I, стр. 65) сказано: «хотя нынѣшнее правописаніе въ угодность уху допустило при *ж*, *ч*, *ш*, *щ* и *ц* твердыя гласныя, смыслъ долженъ видѣть въ сихъ гласныхъ мягкія. Хотя пишемъ, *отецъ*, *стражъ*, *мечъ*, *юноша*, *рощу*, но долженъ воображать *отець*» и т. д. Въ другомъ мѣстѣ (I, стр. 91) напротивъ читаемъ: «Сказанное о небныхъ буквахъ *гкх* во всей силѣ относится и къ зубной буквѣ *ц*. И она не терпитъ послѣ себя ъ-я и передъ нимъ измѣняется на *ч*. Буква *ц* есть то же, что *тъ* (ср. § 52). И слѣд. по приложеніи къ ней другаго ъ-я вышло бы стеченіе двухъ ъ-ей». Если такъ, то зачѣмъ же намъ вмѣсто *отецъ* воображать *отець*, которое, по 2-му изъ приведенныхъ мѣстъ, то же что *отечь*? Ссылка на § 52-й не разрѣшаетъ этого противорѣчія, хотя здѣсь авторъ «Филолог. Набл.» и признаетъ какое-то колебаніе буквы *ц*, находя, что она иногда допускаетъ послѣ себя мягкія гласныя, а иногда нѣтъ: «слоги *ци*, *це*», замѣчено тамъ, «часто видимъ на бумагѣ, а *ця*, *цю* никогда не слышны въ разговорѣ, и не показываются на письмѣ». Послѣ разсмотримъ мы подробнѣе натуру буквы *ц*, а теперь удовольствуемся предложенными замѣчаніями, такъ какъ предмета этого не возможно исчерпать до тѣхъ поръ, пока не обратимся къ взаимному соотношенію мягкихъ согласныхъ, предыдущихъ съ послѣдующими. Тогда займемся также звукомъ *ч* и увидимъ, справедливо ли Павскій утверждаетъ, будто послѣ *ч*, равно какъ и послѣ *ж*, *ш*, всегда слышится *ы* вмѣсто *и*, означаемаго на письмѣ.

Мы совершенно согласны съ г. Бётлингомъ, что у звукосочетаній *ай*, *ой* и т. п. никакъ нельзя отнять названія *дифтонговъ*. Справедливо замѣтилъ онъ также, что русскому языку не свойственны двоегласные *ый*, *ій*, которыхъ мы всячески избѣгаемъ, и что вообще языкъ не любитъ двоегласныхъ въ замкнутомъ слогѣ

(in geschlossener Silbe). Сверхъ приведенныхъ имъ примѣровъ этихъ особенностей, надобно упомянуть о прилагательныхъ съ удареніемъ на окончаніи: *кривой*, *глухой* (вм. — ый, ій), также о словахъ: *змѣй*, *соловей*, *воробей*, *Сергѣй*, *лей*, *бей* и др., которыя образовались у насъ изъ первоначальныхъ *змій* и т. д. Дифтонгъ *ій* сохраняется только въ словахъ *витійство*, *убійство* (— ца), *кровопійца*, да въ род. пад. мн. числа такихъ именъ сред. рода, какъ *имѣніе*, *усиліе* и пр., и женскихъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ: *стихія*, *претензія* и т. д.

Переходя къ согласнымъ буквамъ, авторъ статьи въ «Бюллетенѣ» начинаетъ свои замѣтки съ *г*. Нельзя не одобрить, что онъ отличилъ особымъ знакомъ тотъ звукъ этой буквы, который у насъ соотвѣтствуетъ греческому густому дыханію въ именахъ *Гомеръ*, *Гекторъ*, а также слышится въ нѣкоторыхъ русскихъ словахъ, какъ-то *Господь*, *благо* и проч. Надобность въ отличеніи этого звука призналъ и упомянутый нами прежде критикъ «Филологич. Набл.» въ Отеч. Запискахъ, помѣстивъ въ своей схемѣ, сверхъ Г (= g), еще особое Г (= h). Г. Бэтлингъ пошелъ далѣе и отмѣтилъ этотъ звукъ знакомъ ҕ [1], тѣмъ самымъ, который акад. Шегренъ ввелъ для осетинскаго языка, а самъ авторъ употребилъ впослѣдствіи для якутскаго. У насъ, за неимѣніемъ въ языкѣ латинскаго и нѣмецкаго *h*, звукъ ҕ по необходимости заступаетъ мѣсто этого *h*; но конечно г. Бэтлингъ правъ, говоря, что ҕ по выговору гораздо ближе соотвѣтствуетъ нѣмецкому *g* въ *wagen*, *wogen*, *Jugend*. Въ соотвѣтствіе буквѣ ҕ авторъ справедливо поставилъ х. Въ доказательство этого приведу съ своей стороны, что когда слово въ именит. падежѣ кончается на *г*, имѣющее звукъ *х*, то въ косвенныхъ падежахъ онъ превращается въ ҕ, напр. *Богъ*, *Бога*; *Петербургъ*, — *га*, *гу*; *Лейпцигъ*, — *га*, точно такъ же, какъ заключительное *г*, имѣющее въ имен. падежѣ

---

[1] Срезневскій употреблялъ для этого звука также особый знакъ ґ'. См. его статью: «О сродствѣ звуковъ въ Славянскихъ нарѣчіяхъ». Журн. М. Н. Пр., т. XLVIII. Тотъ же звукъ г. Катковъ пишетъ ѓ («Объ элем. и фор. славяно-рус. языка»).

звукъ *к*, въ косвенныхъ падежахъ слышится какъ чистое *г*: *врагъ*, *врага*, *лугъ*, *луга*[1]. Замѣчу еще, что передъ *д* буква *г* звучитъ всегда какъ ҕ, напротивъ передъ *т*—какъ *х*: сравнимъ нарѣчія *когда*, *тогда*, *гдѣ* и проч. съ именами *ногти*, *когти*. Есть два слова, въ которыхъ коренная буква *к* по требованію выговора превратилась въ *г*, но приняла такое же различное произношеніе, смотря по слѣдующей согласной; эти два слова *гдѣ* (вм. кдѣ) и *мягкій* (вм. мягкій). Изъ взаимнаго соотвѣтствія буквъ ҕ и х г. Бэтлингъ вывелъ интересное заключеніе касательно истиннаго выговора *г* въ старо-славянскомъ языкѣ: такъ какъ *х* посредствомъ умягченія превращалось въ *с* и *ш*, а *г* — въ *з* и *ж*, то весьма естественно принять, «что въ этомъ языкѣ *г* было соотвѣтственнымъ мягкимъ звукомъ не *к*, а *х*, и что у Русскихъ звукъ *г* образовался уже въ позднѣйшее время изъ ҕ. Потому насъ не должно поражать, что Малороссіяне до сихъ поръ произносятъ *г* какъ ҕ». Такимъ образомъ буквѣ *к* въ старо-сл. языкѣ не соотвѣтствовало *г*, и этимъ объясняется, почему послѣднее не умягчилось въ *дз* и *дж* подобно тому, какъ *к* получило свое двоякое умягченіе *ц* (тс) и *ч* (тш). «Въ польскомъ языкѣ» (говоритъ г. Бэтлингъ), «гдѣ звукъ *г* болѣе укоренился, нежели въ русскомъ, умягченіемъ *ц* дѣйствительно является соотвѣтствующее ему *дз*: такъ слово *нога* въ дат. и мѣстномъ падежѣ имѣетъ *nodze*».

Въ одномъ примѣчаніи мимоходомъ упоминается о произношеніи гласной *о*, когда на ней нѣтъ ударенія. «Г. Срезневскій»— сказано тутъ — «считаетъ это *о* за звукъ, стоящій посрединѣ между *а* и *о*, и отличаетъ его знакомъ â. Я — продолжаетъ г. Бэтлингъ—при всемъ моемъ стараніи, не могъ подмѣтить никакого различія между *о* безъ ударенія и такимъ же *а*». Въ этомъ случаѣ онъ опять расходится и съ авторомъ «Филолог. Набл.», который также говоритъ (I, § 113), что въ произношеніи *о* безъ ударенія слышится что-то среднее между *о* и *а*: «*олень*, *говорю* и

[1] Сюда же относятся прилагательныя: благъ (х), блага, го (ҕа ҕо), нагъ (к), нага, го и др., и происшедшія отъ нихъ существительныя блаҕость, нагота.

пр. Не произносимъ прямо *алень*, *гаворю*, но вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгаемъ яснаго выговора *о*». При этомъ спрашивается: тѣ, которые не признаютъ тожества выговора *о* безъ ударенія и *а*, не отъ того ли принимаютъ средній звукъ, что при повѣркѣ *о* буквою *а* они повышаютъ голосъ на послѣдней, такъ что она слишкомъ рѣзко слышится? Не имѣетъ ли *а* безъ ударенія также какого-то средняго звука, и не отъ того ли происходитъ, что природные Русскіе, у которыхъ, слѣдовательно, надобно предполагать самый утонченный въ своемъ языкѣ слухъ, нерѣдко пишутъ различно одни и тѣ же слова, напр. *рости* и *расти*, *рождать* и *раждать*, *догорать* и *догарать*, *козакъ* и *казакъ*, *олтарь* и *алтарь*. Предоставляю еще на судъ читателей рѣшить, различается ли чѣмъ-нибудь выговоръ *о* и *а* въ словахъ: *умоляю* и *умаляю*, *притворю* и *предварю*, *разорю* и *озарю*, *наколю*, и *накалю* (только надобно выговаривать, какъ всегда, т. е. умăлӯю, а не умā̆лӯю). Г. Бэтлингъ не останавливается, впрочемъ, на сродствѣ звуковъ *а* и *о*, о которомъ и Павскій упомянулъ только вскользь, но это сродство заслуживало бы болѣе вниманія. Замѣчательно, что *а* съ удареніемъ у насъ иногда произносится какъ *о*, и это не въ одномъ только родит. падежѣ прилагательныхъ (*молодаго*, *большаго*). Павскій, замѣтивъ только этотъ послѣдній случай, объясняетъ его «предположеніемъ, что гласная *а* для сокращенія выпала, и мѣсто ея, какъ слѣдуетъ, заняли ея мѣстоблюстители, послѣ твердыхъ согласныхъ—*ъ*, а послѣ ж ч ш щ—*ь*, которыя по всѣмъ правамъ превратились потомъ въ бѣглое *о*». Этимъ предположеніемъ не объяснятся другіе случаи превращенія *á* въ *ó*. Въ глаголѣ *платить* буква *а* принадлежитъ къ корню; но какъ скоро на нее перейдетъ удареніе, мы говоримъ: *плóтишь*, *плóтитъ*, *заплóчено*, хотя по упрямству грамоты и пишемъ все-же *а*. Правда, такое превращеніе въ этомъ словѣ слышится не всегда, но къ нему слухъ народный обнаруживаетъ рѣшительную наклонность: такъ точно мы въ простонародномъ быту нерѣдко слышимъ: *кóтишь* вмѣсто *кáтишь*, *посóдитъ* вм. *посáдитъ*, а иногда еще *подóришь*, вм. *подарúшь*, *вóлишь*, *вóришь*, *тóщишь*, вм. *вáлишь*, *вá-*

ришь, *тащишь;* слово *заря́*, при переходѣ ударенія на первый слогъ, измѣняется въ *зо́рю*; *кайма* въ род. множ. числа имѣетъ *ко́имъ*. Бываетъ и наоборотъ, что когда *о* при видоизмѣненіи слова получитъ удареніе, то эта гласная уступаетъ мѣсто буквѣ *а́*. Такъ изъ *смотрѣть*, *удобрять*, *колоть* образовались: *разсма́тривать*, *уда́бривать*, *раска́лывать*. Случается иногда и просто, что *о́* переходитъ въ *а́:* такъ *настра́ивать* получилось изъ *стро́ить*. Всѣ эти явленія не могутъ быть объяснены ничѣмъ инымъ, какъ тѣснымъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ родствомъ гласныхъ *а* и *о*. Замѣна ихъ одна другою встрѣчается иногда и при умягченныхъ согласныхъ, или, другими словами, *я* превращается въ *ё:* вмѣсто *трѐтьяго дня* говорятъ *третёва дня*, вм. *запря́гъ*—*запрёгъ*, вм. *затря́сся* — *затрёсся*. Въ дополненіе къ сказанному замѣтимъ еще, что иногда предлогъ *раз*, когда на *а* упадаетъ удареніе, превращается въ *ро́з*, а предлогъ *по́* въ *па́:* вм. *ра́зняли* говорятъ *ро́зняли*, вмѣсто *ра́зобрало*—*ро́зобрало*, вм. *ра́зсказни*—*ро́зсказни*, вм. *по́губа* — *па́губа;* въ Тамбовской губерніи землянику называютъ *па́земкой* (не *поземкой*)[1].

До сихъ поръ мы въ статьѣ г. Бэтлинга касались только такихъ пунктовъ, которые болѣе или менѣе въ связи съ предметомъ нашего собственнаго изслѣдованія. Теперь мы могли бы уже перейти къ главной цѣли нашей; но, встрѣтивъ у г. Бэтлинга одну весьма смѣлую этимологическую догадку, требующую ближайшаго разсмотрѣнія, мы сперва займемся ею. Говоря объ умягченіи губныхъ согласныхъ (п, б, м, в) посредствомъ звука *л*, авторъ разбираемой статьи увлекается мыслію, что *л* явилось этимъ путемъ не только въ глаголѣ *плевать*, но и въ словахъ *слюна*, въ которомъ будто бы передъ *л* выпала буква *п*, и такимъ образомъ онъ доходитъ до заключенія, что эти два слова принадлежатъ къ одному корню. Вотъ его доводы: «Латинскому глагольному корню *spu*-o соотвѣтствуетъ въ готскомъ языкѣ *pseiv*-an, въ новомъ верхне-нѣмецкомъ *spei*-en, въ литовскомъ *spjau*-ju,

---

[1] Слышано мною въ селѣ Мохоновѣ. По-польски земляника — poziomka, poziemka.

въ латышскомъ *spłau*-ju[1]. Сличая всѣ эти формы, невольно приходишь къ мысли, что *плевашь* и *слюна* принадлежатъ къ тому же латинско-нѣмецко-литовскому корню, что *сплевать* потеряло *с* въ началѣ, а *слюна* — *п* между двумя согласными (ср. *усну* вмѣсто *успну*). *Сплюна* могло составиться изъ *сплевана*, стрд. причастіе жен. р. отъ *сплевать*»[2].

Что въ словѣ *плевать* буквы *пл*, каждая сама по себѣ, принадлежатъ къ корню, въ этомъ убѣждаетъ общее въ языкѣ явленіе, что губныя буквы умягчаются съ помощію *л* только въ окончаніяхъ, люблю, грабли, земля, конопля, журавль. Въ подтвержденіе своей мысли г. Бэтлингъ ниже приводитъ слово *плечо* «которое» — говоритъ онъ — «едва ли можно отдѣлить отъ литовскаго pećis, péczio»; но онъ упустилъ изъ виду, что во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, даже и въ тѣхъ, которыя не приняли умягченія губныхъ буквъ посредствомъ *л*, слова *плечо* и *плевать* начинаются одними и тѣми же коренными звуками *пл*; для примѣра приведемъ изъ польскаго языка *plecy* (плечи), *pluć*, *plwać* (плевать), хотя слова: *люблю*, *грабли*, *земля*, *конопля* и *журавль* встрѣчаемъ такъ же въ формѣ: *libię*, *grabie*, *ziemia*, *konop* (мн. ч. *konopie*) и *żóraw*. Не касаясь еще вовсе слова *слюна*, посмотримъ теперь, дѣйствительно ли глаголъ *плевать* можетъ быть отнесенъ къ одному корню съ латинскимъ *spuo* и нѣмецкимъ *speien*. Правда, и Дифенбахъ, въ своемъ сравнительномъ готскомъ Словарѣ[3], сближаетъ съ этими словами славянскія pljuą, plyvati и проч., но онъ вообще слишкомъ щедръ на сближенія часто вовсе неосновательныя, и въ этомъ случаѣ также ошибается. Spuo, speien соотвѣтствуетъ греческому πτύω, которое ходило также въ видѣ ψύω; перестановкою ps (=ψ) объясняется близкое родство этого слова съ приведенными. Славянское *плевать*, напро-

[1] Въ латышскомъ языкѣ перечеркнутое ł означаетъ не твердое л, какъ въ польскомъ, а напротивъ умягченное. Прим. г. Бэтлинга.

[2] Bulletin, стр. 55.

[3] L. *Diefenbach*. Vergleichendes Wörterbuch der gothischen Sprache, 1852. 2-ter Band, s. 295.

тивъ, есть одинъ изъ многочисленныхъ отпрысковъ корня, который пустилъ вѣтви по всѣмъ языкамъ индо-европейскаго происхожденія. Санскритскій корень प्लु (plu, ходить, плавать, течь) является въ греческомъ языкѣ въ двухъ видахъ: какъ πλέω и какъ φλέω, которые въ славянскихъ нарѣчіяхъ, какъ не знающихъ буквы ф, должны были опять возвратиться къ первоначальному единству. Такъ и въ русскомъ языкѣ мы находимъ обѣ эти вѣтви съ одними согласными *пл*, но въ значеніи словъ этого корня замѣтно у насъ то же раздвоеніе. Такимъ образомъ мы съ одной стороны имѣемъ *плыть* (πλέω) съ его производными, а съ другой, между прочимъ, *плакать* (flere) и *плевать*. Во взаимномъ родствѣ послѣднихъ двухъ словъ мы легко убѣдимся, если вникнемъ въ разнообразныя значенія греческаго глагола φλέω и словъ, отъ него происшедшихъ. Онъ не только значитъ *течь*, *изливаться*, *бить ключемъ*, *изобиловать* (какъ вообще, такъ и въ особенности, говоря о тѣлѣ человѣческомъ, изобиловать соками и слизями); но, какъ глаголъ дѣйствительный, выражаетъ еще слѣдующее: *лить*, *изливать*, вообще *извергать*, съ *усиліемъ изъ себя выбрасывать*, когда рѣчь идетъ объ изверженіи *кипящихъ жидкостей*, *о рвотѣ* и т. п. Изъ основного понятія: течь, изливаться, проистекли латинскіе глаголы: fluo, pluo, fleo[1]. Сюда же должно отнести и наши слова *плевать* и *блевать*, которыхъ значеніе находится въ самой тѣсной связи съ заключающимися въ глаголѣ φλέω понятіями. Родство съ нимъ обоихъ русскихъ словъ тѣмъ очевиднѣе, что и въ греческомъ языкѣ производный глаголъ φλύω (почти однозначащій съ φλέω) принимаетъ иногда форму βλύω (въ доказательство происхожденія гл. плакать можно бы еще привести старо-слав. гл. плакати, lavare, и соотвѣтствующій ему по значенію греч. πλύνειν).

Рейфъ подошелъ довольно близко къ истинѣ, поставивъ въ параллель съ нашими двумя словами греческое φλύζειν, но онъ напрасно выбралъ эту малоупотребительную форму глагола φλύω,

[1] *Passow*. Handwörterbuch der griechischen Sprache. Leipzig, 1831. 2-ter Band. См. φλέω.

тогда какъ надобно было непремѣнно выставить коренное φλέω. Другую ошибку, которую указываетъ и г. Бэтлингъ, сдѣлалъ Рейфъ, помѣстивъ сперва *блевать*, а уже подъ нимъ *плевать*, между тѣмъ какъ слѣдовало поступить наоборотъ: потому что *бл* есть явное усиленіе первоначальнаго звука *пл*. *Плевать* и *блевать* находятся между собой въ такомъ же соотношеніи, какъ звукоподражательныя слова: *пискъ* и *визгъ*, *прыскъ* и *брызгъ*, *свистъ* и *звиздъ*. Послѣднія два соотвѣтствія приняты и Рейфомъ, только опять не въ надлежащемъ порядкѣ; слова́ же *пискъ* и *визгъ* представлены какъ имъ, такъ и Шимкевичемъ, каждое въ видѣ особаго корня. Что касается взаимнаго родства глаголовъ *плевать* и *блевать*, то оно видно уже изъ самаго значенія ихъ, которое въ германскихъ языкахъ соединяется въ одномъ словѣ. Наконецъ, касательно φλέω, какъ ключа для обоихъ нашихъ глаголовъ, нельзя умолчать объ аналогіи его съ ϐρέω, обнаруживающейся тѣмъ, что въ переносномъ смыслѣ какъ тотъ, такъ и другой означаютъ: *болтать*. *врать*, *говорить вздоръ*.

Сказаннаго, кажется, достаточно для удостовѣренія, что герман. глаголъ *speien* и славянскій *плевать*, по происхожденію, чужды одинъ другому; признать между ними этимологическое соотношеніе было бы то же, что признать родство между греческими словами πτύω и φλέω, а это было бы противно всѣмъ основнымъ законамъ словопроизводства. Въ разсужденіи латышскаго spłauju замѣтимъ, что его надобно сблизить съ славянскимъ, а не съ германскимъ корнемъ, и что оно въ началѣ передъ *p* приняло прибавочное *s* — явленіе, нерѣдкое и въ другихъ языкахъ, а въ латышскомъ весьма обыкновенное[1].

---

[1] Боппъ производитъ слово sprechen отъ санскр. brav, объясняя это такъ: «durch Erhärtung des *v* und *den Vorsatz eines dem p befreundeten s*». (Vergl. Gramm., стр. 125). Вотъ примѣры латышскихъ словъ, принявшихъ въ началѣ s передъ *p*: spigga (фига; буквы ф нѣтъ въ латышскомъ языкѣ), spohdrs (чистый; санскр. pûtas; латин. putus, фин. puhdas), spizzeht (печатать), spreddikis (проповѣдь, Predigt). Что касается литовскихъ словъ: spjauju и péczio, то мы на этотъ разъ удержимся отъ разсмотрѣнія ихъ, которое повело бы насъ слишкомъ далеко.

Перейдемъ теперь къ слову *слюна́*. Г. Бэтлингъ полагаетъ, что первоначальная его форма—*сплевана* и что между *с* и *л* выпало *п*. Не забудемъ, что онъ признаетъ здѣсь *л* только знакомъ умягченія *п*. Это былъ бы безпримѣрный въ русскомъ языкѣ процессъ словообразованія. Да и зачѣмъ бы здѣсь выпасть буквѣ *п*? сочетаніе *спл* совсѣмъ не трудно для выговора, доказательствомъ чего можетъ служить глаголъ *сплю*, гдѣ *л* именно составляетъ необходимое умягченіе *п*. Въ примѣръ опущенія этой послѣдней буквы г. Бэтлингъ приводитъ слово *ус*(п)*нуть*; но тутъ она выпала, какъ выпадаютъ на ея мѣстѣ и другія согласныя передъ глагольнымъ окончаніемъ *нуть*, наприм. въ *ки*(*д*)*нуть*, *дви*(*г*)*нуть*, *оку*(*п*)*нуть*, *г*(*б*)*нуть* и проч. Далѣе, какъ могло бы страдательное причастіе женскаго рода съ *усѣченнымъ* окончаніемъ явиться въ видѣ существительнаго? Это былъ бы опять единственный случай въ языкѣ. Къ попыткѣ объяснить такимъ образомъ слово *слюна* привело г. Бэтлинга то, что до сихъ поръ оно *бюло* объясняемо слишкомъ неудовлетворительно. Рейфъ въ Словарѣ своемъ поставилъ при этомъ словѣ въ скобкахъ: *de соль*, *sel?* а Павскій полагаетъ, что въ разсматриваемомъ словѣ *н* заступаетъ мѣсто придыханія *в* и прибавляетъ: *слюна* = *Лат. saliva* (Фил. Набл. II, стр. 147). Надобно помнить, что, кромѣ приведенной здѣсь формы и другой очень употребительной въ просторѣчіи: *слю́ни*, слово это имѣетъ еще третью: *слина*, и вотъ настоящая первоначальная его форма, что́ видно изъ сравненія всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Я думаю, что оно должно быть поставлено въ параллель совсѣмъ не съ латинскимъ *saliva*, а съ весьма сходнымъ по звукамъ и по значенію словомъ, существующимъ во всѣхъ германскихъ языкахъ. Въ самомъ дѣлѣ сличимъ—

У Славянъ:	*У Германскихъ народовъ:*
слина (старо-сл.), *slina* (хорут., польск. и чеш.), *szlina* (нижне-луж.), *ssljene* (верхнелуж.), *сли́не* (серб.), *слюна* (лит.-русск.) и проч.	*slîm*, *slîhmo* (старо-нѣм.), *slim* (исл., англо-сакс. и дат.), *slem* (швед.), *schleim* (нов.-верхне-герм.), *sliem* (нижне-герм.), *slime* (анг.) *sloom* (аллем.) и проч.

По значенію, германское *slim* весьма близко къ нашему *слина*, означая въ особенности мокрóту, но сверхъ того и вообще влажность, отдѣляющуюся какъ изъ растеній, такъ и изъ слизистыхъ оболочекъ тѣла животныхъ. Какъ родственны между собою значенія того и другого слова, видно между прочимъ изъ того, что мы находимъ ихъ соединенными въ одномъ польскомъ словѣ, именно въ существительномъ *flegma*, заимствованномъ изъ греческаго языка, но которое, сверхъ первоначальнаго своего значенія (мокрóта), приняло у Поляковъ еще смыслъ: «влага, слизь, вязкая матерія, слюна»[1]. То, что мы въ германскомъ словѣ слышимъ букву *м*, а въ славянскомъ *н*, не можетъ препятствовать намъ признать ихъ родство: мы знаемъ, что буквы *м* и *н* часто замѣняютъ одна другую; давно уже наше *цѣна* отнесено къ одному корню съ греческимъ τιμή, и въ собственномъ нашемъ языкѣ довольно примѣровъ тѣсной связи буквъ *м* и *н*; стóитъ только обратить вниманіе на: *мы* и *насъ*: *мимо* и *миновать*, *простолюдимъ* и *простолюдинъ* и проч. Сближеніе имени *слюна* съ приведенными германскими ясно доказываетъ, что оно вовсе не одного корня съ глаголомъ *плевать*, въ подтвержденіе чего можно привести еще и то, что оно не у всѣхъ Славянъ имѣетъ даже и значеніе, близкое къ понятію этого глагола: такъ у Сербовъ *слине* соотвѣтствуетъ латинскому *mucus*[2].

Мнѣ остается, наконецъ, поговорить о вліяніи умягченныхъ согласныхъ на предшествующія имъ согласныя же. Объ этомъ г. Бэтлингъ замѣчаетъ: «Трудно опредѣлить, въ какихъ случаяхъ такое вліяніе имѣетъ мѣсто и въ какихъ не имѣетъ. Письмо только тогда означаетъ подобное измѣненіе предыдущей согласной, когда оно въ состояніи употребить для измѣненнаго звука особый знакъ, какъ наприм. въ словахъ: *шлю*, *умерщвленъ* и т. д. Когда же измѣненіе ограничивается однимъ умягченіемъ, которое мы выше отмѣтили знакомъ тонкаго дыханія, то на письмѣ оно обыкно-

---

[1] Словарь польско-россійскій Д. Бартошевича. Варшава, 1841.
[2] Сербскій Словарь Вука Стефановича Караджича. Вѣна, 1818.

твено остается неозначеннымъ. Такъ пишутъ наприм. *есть*, *пѣсня*, *мысль*, хотя произносятъ *есьть*, *пѣсьня*, *мысьль*. У Поляковъ въ этомъ отношеніи болѣе точности: они пишутъ: pieśń и myśl; въ jest они обѣ согласныя выговариваютъ твердо. При *л* и *н* умягченіе означается потому, что тутъ оно слышится всего яснѣе»[1]. Въ концѣ статьи авторъ возвращается къ этому предмету и разсуждаетъ о необходимости означать на письмѣ умягченіе одной согласной передъ другою, находя между прочимъ, что въ противномъ случаѣ «написанное слово слишкомъ неполно изображаетъ произносимое и можетъ легко подать поводъ къ невѣрному выговору, такъ какъ въ сомнительныхъ случаяхъ всякій готовъ тотчасъ сослаться на письмо, какъ на сильный авторитетъ. Случается даже, что въ иномъ словѣ, какъ *первый*, передъ неумягченною согласной стоитъ умягченная, но которая на письмѣ не означена какъ таковая». Предвидя однакожъ, что означеніе умягченныхъ согласныхъ на письмѣ будетъ сочтено затруднительнымъ, г. Бётлингъ предлагаетъ, «чтобы по крайней мѣрѣ въ толковомъ словарѣ (thesaurus) и въ подробной грамматикѣ русскаго языка рядомъ съ обыкновеннымъ правописаніемъ, когда оно не вполнѣ соотвѣтствуетъ произношенію, въ скобкахъ присовокупляемо было другое болѣе точное, которое разрѣшало бы всякое сомнѣніе».

Справедливость этихъ замѣчаній никто не станетъ оспаривать; но намъ кажется, что упоминаемое г. Бётлингомъ затрудненіе всего лучше будетъ устранено, если теорія языка опредѣлитъ, въ какихъ именно случаяхъ однѣ согласныя умягчаются передъ другими умягченными. Вмѣстѣ съ авторомъ разсматриваемой статьи мы сознаемъ трудность этой задачи; но трудность не есть еще невозможность, и мы попытаемся показать здѣсь, что такое умягченіе постоянно происходитъ въ извѣстныхъ только случаяхъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ и постараемся исчислить.

Сравнивая одни слова съ другими, мы находимъ, что не всѣ

[1] Bulletin, стр. 56.

согласныя въ одинаковой степени подвергаются умягченію отъ вліянія стоящихъ за ними умягченныхъ. Наприм. въ словѣ *томленіе м* остается твердымъ, несмотря на то, что *л* умягчилось; напротивъ въ словѣ *если с* не можетъ быть произнесено иначе, какъ мягко (сь). Всего легче подвергается такому вліянію *р*, потомъ *н*, *з*, *с*, далѣе *д* и *т*, наконецъ губные звуки.

Въ слѣдующихъ за симъ замѣчаніяхъ знакъ ' будетъ служить отличіемъ умягченныхъ согласныхъ.

1. Общій для всѣхъ согласныхъ законъ есть тотъ, что въ случаѣ удвоенія одной изъ нихъ предыдущая принимаетъ характеръ послѣдующей, т. е. если умягчена вторая, то умягчается и первая. Такъ слова́: *плѣнникъ*, *аллея*, *Россія*, *итти* произносятся какъ будто бъ было написано: *плѣньникъ*, *альлея*, *Росьсія*, *итьти*. Законъ этотъ остается въ своей силѣ и тогда, когда удвоеніе согласной оказывается только въ выговорѣ, а не на письмѣ, т. е. *д* умягчается передъ *т'*, и *з* передъ *с'*: *подтянуть*, *разсѣянъ*.

2. *Умягченіе буквы* р. Прежде всего мы должны замѣтить, что произношеніе нѣкоторыхъ буквъ зависитъ не только отъ слѣдующей за ними умягченной *согласной*, но въ то же время и отъ стоящей впереди *гласной*: если передъ ними звукъ є, то онѣ иногда умягчаются и въ такомъ случаѣ, когда послѣдующая согласная сама по себѣ не могла бы имѣть на нихъ такого вліянія. Къ числу этихъ буквъ принадлежитъ и *р*, а потому надобно разсмотрѣть:

а) умягченіе *р* независимо отъ предыдущей гласной,
б) умягченіе *р* послѣ звука є.

а) Независимо отъ гласной, эта буква можетъ умягчаться предъ всѣми согласными, за исключеніемъ *к'*, *ж'*, *ш'*, но только ея умягченіе въ этомъ случаѣ рѣдко бываетъ полное, и потому не всегда даже соблюдается. Смягченіе *р* очень замѣтно въ словѣ *скорбь*, но оно шатко въ словахъ: *сгорбиться*, *армія*, *кормить*, *сварливый*, *портить*, *корзина*, *соловарня*, *спорщикъ* и пр. Напротивъ *р* вовсе не умягчается въ словахъ: горки, Турки, торжище, старшій.

б) За то предыдущіе *е* или *ѣ*, особливо когда на нихъ удареніе, оказываютъ на *р* самое рѣшительное вліяніе. При ихъ участіи *р* произносится мягко:

1) передъ губными: *б'*, *п'*, *в'*, *ф'*, *м'*: Сербія, свербѣть, терпитъ, черви, верфь, Пермь, терминъ;

2) передъ *л'*, *н'*: стерлядь, сверлить, чернь, терніе;

3) передъ *д'*, *т'*: твердь, жерди, чéрти, чертить, смерть;

4) передъ *з'*, *с'*: верзило, перси;

5) передъ *ж'*, *ч'*, *ц'*: стержень, смерчь, довѣрчивъ; терцина.

Примѣчаніе. Удареніе на *е*, *ѣ* усиливаетъ вообще умягченіе согласныхъ, подверженныхъ вліянію слѣдующихъ за ними мягкихъ звуковъ. Двоякое произношеніе нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ здѣсь словъ будетъ объяснено ниже.

6) передъ *г*, *к*, *х*. Звукъ *ер* часто умягчается передъ этими тремя буквами даже и тогда, когда онѣ сами не принимаютъ умягченія. Мы выговариваемъ *р* мягко въ словахъ: *Четвергъ*, *церковь*, *коверкать*, *верхъ*, *верхомъ*, точно такъ же какъ въ именахъ *Сергій*, *Аверкій*. Такому же умягченію *ер* подвергается иногда и передъ губными буквами: *в*, *б*, *п*: этотъ звукъ обыкновенно произносятъ мягко въ словѣ *первый*, и еще, хотя не такъ часто, въ *верба* и *Серпуховъ*[1].

Особенная измѣняемость буквы *р* въ произношеніи показываетъ, какимъ вѣрнымъ тактомъ руководствовался изобрѣтатель славянской азбуки, когда онъ для наименованія знаковъ *ъ* и *ь* избралъ именно эту, а не другую какую-либо согласную. Соединивъ, въ этомъ названіи, съ буквою *р* гласную *е*, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ въ своей азбукѣ различное произношеніе послѣдней, смотря по тому, слѣдуетъ ли за нею твердый или мягкій звукъ: ибо это различіе нигдѣ не можетъ слышаться яснѣе, какъ въ слогахъ *ѐръ* и *éрь*.

[1] Въ Москвѣ многіе, какъ мы сами слышали, говорятъ *Серьпуховскія ворота*.

3. *Умягченіе буквы н.*

а) Независимо отъ предыдущей гласной, *н* умягчается:

1) передъ *д'*, *т'*: индѣ, Исландія, крендель; франтить, пентюхъ, зонтикъ;

2) передъ *ч'*, *щ'*: кончикъ, вѣнчикъ, нынче; обманщикъ, женщина, деревенщина;

3) передъ *ц'*: Франція, провинція, индульгенція.

б) Послѣ гласной *е* буква *н* умягчается, когда слѣдуетъ *з'* или *с'*: вензель, претензія, пенсія.

4. *Умягченіе буквы з, с:*

1) передъ *д'*, *т'*: ѣздить, гвозди, грузди; расти, есть, гости;

2) передъ *л'*: возлѣ, лѣзли, вязли; отрасль, гусли, послѣ;

3) передъ *н'*: жизнь, изчезнетъ, козни; мясникъ, проснись, пѣсня.

4) передъ *б'*, *в'*: въ избѣ, развѣ, рѣзвиться; косвенный, пресвитеръ. Сверхъ того *с* умягчается передъ *м'*: осмина, присмирѣть.

5. *Умягченіе буквъ д, т:*

а) Независимо отъ предыдущей гласной, эти буквы умягчаются:

1) передъ *л'*: подлѣ, медлить, стыдливый; податливъ, петля, свѣтленькій;

2) передъ *н'*: задній, бредни, рудникъ; братній, сотня, лѣтній;

3) передъ *ч'*: переводчикъ, складчина; отчина, вядчина, клѣтчатый.

б) Послѣ звука ɛ:

1) передъ *в'*: медвѣдь, четвергъ, вѣтви;

2) передъ *с'*: бѣдствіе, привѣтствіе;

6. *Умягченіе губныхъ буквъ*, а также *г* и *к* встрѣчается только при помощи звука ɛ, и то не всегда:

1) *б'*, *п* передъ *л'*, *р'*, *н'*, *с*: колеблю, дебри, гребни, хлѣбникъ; вепрь, великолѣпнѣе; молебствіе.

2) *в* передъ *н'*: древній, деревни.

3) *м* передъ *л' ч':* зе́мли, дремлетъ; нѣмчикъ.

4) *г* и *к* передъ *л'*, *р':* кегли, избѣгли, сѣкли; негритянка[1].

Почти во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ мы видимъ только двѣ умягченныя согласныя сряду, изъ которыхъ одна находится подъ вліяніемъ другой, но часто встрѣчаются въ такомъ же соотношеніи три и даже четыре согласныя, на прим. въ словахъ: *отверстіе*, *слѣдствіе*. При этомъ открывается постоянный законъ, что каждая умягченная дѣйствуетъ только на непосредственно-предшествующую ей, которая въ свою очередь можетъ дѣйствовать на стоящую передъ нею и т. д., но случаи такого вліянія остаются тѣ же, какіе были выше указаны. Такъ въ словѣ: *бѣдствіе т* умягчается передъ *в'*, *с*—передъ *т'*, а *ѣд*—передъ *с'*; то же находимъ въ словахъ *присутствіе*, *шерсть*, *естественный*, *поздній*.

Разсмотрѣніе это даетъ возможность сдѣлать нѣсколько довольно любопытныхъ выводовъ. Прежде всего мы замѣчаемъ, что вліянію умягченныхъ согласныхъ подвергаются, стоя передъ ними, только буквы: *р*, *н*,—*з*, *с*,—*д*, *т*,—*б*, *п*, *в*, *м*,—послѣднія четыре, впрочемъ, только послѣ звука ɛ; далѣе находимъ, что на *р* могутъ имѣть вліяніе, частью сами по себѣ, но болѣе при помощи ɛ, всѣ слѣдующія за нимъ умягченныя согласныя; самое большое вліяніе вообще на умягченіе предыдущихъ согласныхъ имѣетъ *н'*, за нимъ *д'*, *т'*; прочія буквы оказываютъ только частное вліяніе.

Иногда выговоръ бываетъ двоякій, наприм. одни говорятъ: *крѣпнетъ*, *дере́вня*, *отве́рзнетъ*, *тве́рже*, а другіе: *крѣпьнетъ*, *дере́вьня*, *отве́рьзнетъ*, *тве́рьже;* это происходитъ частью отъ того, что умягченіе нѣкоторыхъ буквъ въ извѣстныхъ случаяхъ колеблется, частью отъ того, что иныя согласныя могутъ, передъ такъ-называемыми мягкими гласными, то умягчаться, то оставаться неумягченными. Къ этому разряду согласныхъ принадле-

[1] Для повѣрки замѣчанія о смягченіи буквъ *г* и *к* можетъ служить выговоръ звука ɛ, который въ приведенныхъ примѣрахъ произносится сжато; говорятъ обыкновенно не *сѣкли*, а *се́кли* и т. д.

жать особенно буквы *ж*, *ш*, *ц*. Отчего звукъ *е* произносятъ то открыто, то сжато въ словахъ: невѣжи, прежде, бѣшеный, тверже? Оттого, что въ первомъ случаѣ надобно читать: невѣжы, прежзде и т. д., а во второмъ: невѣж'и, прежьде и пр. Въ этомъ отношеніи *ч* составляетъ совершенную противоположность буквѣ *ш*; *ч*, по существу своему, не можетъ оставаться безъ нѣкотораго умягченія, и вотъ почему передъ нею звукъ *е* всегда бываетъ сжатый: сравнимъ произношеніе словъ *конечно*, *сердечный*, когда *ч* въ нихъ сохраняетъ свой настоящій звукъ и когда онъ превращается въ *ш*; въ первомъ случаѣ, мы говоримъ *конéчно*, *сердéчный*, а въ послѣднемъ—*конѐшно*, *сердѐшный*. Сравнимъ еще: *бѣшенъ* и *вѣченъ*, *пѣшка* и *рѣчка* (слово *пѣшка* опять можно произнести двояко), *мечь* и *тѣшь*, *рѣчь* и *рѣжь*. Отъ мягкости *ч* происходитъ, что буквы *н*, *д*, *т* умягчаются передъ нимъ даже и тогда, когда оно соединяется съ такъ-называемыми твердыми гласными; въ словахъ *кончать*, *вѣнчанный*, *клѣтчатый*, передъ *ч* слышится *ь*. Причина та, что если разложить *ч* на составные звуки его *т* и *ш*, то въ немъ *т* окажется не твердое, а мягкое; *ч*=не *тш*, а *тьш*; передъ мягкимъ же *т* буквы *н*, *д*, *т* не могутъ оставаться безъ умягченія (см. выше 1 и 5). Павскій (I, § 110) находитъ, что буква *ч*, такъ же какъ *ж* и *ш*, не терпитъ послѣ себя *ь*. Касательно *ж* и *ш* онъ отчасти правъ, въ отношеніи же къ *ч* приведенныя выше сравненія достаточно удостовѣряютъ въ противномъ. *Щ*, имѣя въ составѣ своемъ *ч*, находится въ одной съ нимъ категоріи: въ словахъ *лещь*, *вещи* гласная *е* произносится сжато и тѣмъ доказываетъ умягченіе слѣдующей согласной[1]. Слухъ нашъ также никакъ не можетъ убѣдить насъ,

[1] Съ помощію этихъ законовъ произношенія легко рѣшить ороографическій вопросъ: чтó на письмѣ правильнѣе: *мечь*, *куличь*, *лещь*, *хрящь* или *мечъ* *куличъ*, *лещъ*, *хрящъ?* Отвѣтъ находимъ мы въ сжатомъ звукѣ буквы *е* передъ *ч* и *щ*: словъ *мѐчъ* и *лѐщъ* невозможно выговорить. Напротивъ, передъ *ж* и *ш*, оканчивающими слово, нельзя произнести сжатаго *е*, и потому послѣ этихъ согласныхъ слѣдуетъ писать *ъ*, напр. *манѐжъ*, *рубѐжъ*. Только въ именахъ женскаго рода и въ глаголахъ, послѣ этихъ буквъ должно ставить *ь*, какъ знакъ характеристическій, напр. *мышь*, *плѣшь*, *рѣжь*, *скажешь*. При всемъ томъ обычай утвердилъ *ъ* во всѣхъ мужескихъ именахъ, кончащихся на шипящіе звуки.

чтобы слово *чинъ* выговаривалось, какъ *чынъ* (§ 111). Гораздо слышнѣе *ы* въ *жила* и *шило*, но и тамъ это не настоящій звукъ *ы*, а средній между *ы* и *и*.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ сложный звукъ *ц*. Павскій, распространяя и на него несочетаемость съ ь-емъ, находитъ, что послѣ *ц* гласная *і* всегда произносится, какъ *ы*; въ примѣръ приводитъ онъ, рядомъ съ *цыфра* и *цыганъ*, слова́: *порцыя*, *лекцыя*. Передъ согласными слогъ *ци* дѣйствительно выговаривается по большей части, какъ *цы* (медицина), но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а особливо передъ мягкою гласною *я*, немногіе позволяютъ себѣ такое произношеніе; по крайней мѣрѣ въ образованномъ кругу говорятъ ясно: лек-*ці*-я, провин-*ці*-я, стан-*ці*-я, Гре-*ці*-я. Это доказываетъ, что *ц* можетъ также умягчаться. Передъ такимъ *ц* буква *н* всегда подвергается умягченію: *Франція*, *индульгенція* произносятся какъ *Франьція*, *индульгеньція*. Въ этомъ случаѣ *ц*, бывъ разложено, равняётся *тьсь*; во всѣхъ другихъ случаяхъ *ц*=*тс*, какъ видно изъ произношенія буквы *н* въ словахъ: *чужестранцъ*, *полотенце* и проч. Слоги *ця*, *цю* не появляются въ живой рѣчи потому, что они трудны для выговора: въ глагольныхъ окончаніяхъ (говори*тся*, дѣлае*тся* и т. п.) долженъ бы слышаться слогъ *ця*, но мы его обращаемъ въ *са*. Точно такъ же и въ нарѣчіи *отсюда*, для избѣжанія звука близкаго къ *цю*, буква *ю* произносится почти какъ *у*.

Такимъ образомъ законъ умягченія предыдущихъ звуковъ подъ вліяніемъ послѣдующихъ можетъ вести къ рѣшенію, въ русскомъ языкѣ, разныхъ фонетическихъ вопросовъ. Онъ служитъ и къ уразумѣнію другихъ явленій, которыхъ иначе нельзя объяснить удовлетворительно. Авторъ «Филологическихъ Наблюденій», замѣтивъ, что передъ окончаніемъ *це* буква *л* всегда смягчается, говоритъ (II, § 70): «Передъ *це* всегда подразумѣвать надобно мягкое придыханіе *ь* (це=ьце=ице). Оттого-то *гкх* и *ц*, если бы допустили послѣ себя окончаніе *це*, должны бы были измѣниться предъ нимъ на придыхательныя *ж*, *ч*, *ш*. Въ доказательство того, что передъ *це* скрывается *ь* (=и), буква *л* передъ *ц* всегда хо-

дитъ съ ь-емъ, и отъ него получаетъ мягкій выговоръ. Дѣло, шило, мыло измѣняются на *дѣльце*, *шильце*, *мыльце*. Когда надобно будетъ приложить *ьце* къ такому имени, въ окончаніи котораго находится буква ь, происшедшая тоже изъ *и*, тогда одинъ изъ двухъ ь-ей, и именно второй, перейдетъ въ свою гласную *и*, если только удареніе стоитъ передъ ними, а не далѣе ихъ. Тутъ *це* явится въ полномъ своемъ видѣ *ице*. Изъ *имѣнье*, *чтѣнье*, дѣлаются уменьшительныя: *имѣньице*, *чтѣньице*. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ придыханіе (?) ь, принадлежащее окончаніе *це*, выпадаетъ не оставляя по себѣ слѣда, и согласныя буквы, стоящія предъ *це*, произносятся твердо. Отъ именъ *полотно*, *волокно*, *окно*, *письмо*, произошли: *полотенце*, *волоконце*, *оконце*, *писемцо* и *письмецо* безъ ь-я. Имена, кончающіяся на *ьё*, принимаютъ *це* по этому же закону. Ихъ удареніе перейдетъ на *це* и превратитъ *це* въ *цо*. Наприм. *копьё* — *копьецо*». Появленіе ь послѣ *л* въ уменьшительныхъ *дѣльце*, *шильце* ввело Павскаго въ ошибочную теорію касательно всего окончанія *це*. Объ измѣненіи *кх* и *ц* въ *жчш* передъ *це* не можетъ быть рѣчи потому, что языкъ не представляетъ тому примѣровъ; но если и допустить такое превращеніе по образцу старо-славянскаго языка, то для объясненія того нѣтъ надобности подразумѣвать мягкое придыханіе или мягкую гласную передъ *ц*[1]. Что касается уменьшительныхъ *имѣньице*, *чтеньице*, то правописаніе колеблется между — *ице* и *еце*[2]: *е* безъ ударенія въ произношеніи часто сближается съ *и* (наприм. въ поѣдемъ; различать формы: *ице* (въ чтень*ице*) и *еце* (въ копь*ецо*)

[1] Павскій самъ говоритъ (I, § 123): «Есть случаи, гдѣ *е* безъ ударенія выговоромъ сближается съ *и*», и приводитъ разные тому примѣры.

[2] Г. Миклошичъ, на основаніи церковно-славянскаго языка, также считаетъ нормальнымъ суффиксъ *ьце* (Vergl. Gr. II, 314), но въ другихъ славянскихъ языкахъ, какъ и въ русскомъ, слѣдъ ь-я передъ *ц* въ этомъ суффиксѣ пропалъ. Въ числѣ приводимыхъ Миклошичемъ примѣровъ изъ русскаго яз. только *дыхальцо* и *кольцо* являются съ еремъ, но мною достаточно ясно показано, что *л*, въ силу общаго фонетическаго закона, умягчается и передъ другими суффиксами. Изъ всѣхъ же остальныхъ русскихъ примѣровъ, приводимыхъ Павскимъ и Миклошичемъ, только *веслецо* и *письмецо* могутъ указывать на умягчающій элементъ въ началѣ суффикса (таково же уменьш. *сере-*

на основаніи ударенія — произвольно; шаткость этого правила видимъ между прочимъ изъ того, что въ академическомъ Словарѣ помѣщено: *платьеце*, а не *платьице*, хотя тамъ же читаемъ: *имѣньице*, *вареньице*. Перейдемъ къ умягченію *л* передъ *це*. Буква *л* почти передъ всѣми окончаніями находится у насъ въ исключительномъ положеніи. Это видно и въ склоненіи: въ именахъ на *ецъ* косвенные падежи принимаютъ *ь* вмѣсто *е* только тогда, когда этому окончанію предшествуетъ *л*: *конецъ*, *конца; старецъ*, *старца; отецъ*, *отца*, но—*стрѣлецъ*, *стрѣльца; палецъ*, *пальца*. То же замѣчаемъ и въ уменьшительныхъ на *чикъ:* отъ *конецъ*, *ларецъ* образуются: *кончикъ*, *ларчикъ*, а отъ *палецъ*, *малецъ* — *пальчикъ*, *мальчикъ*. Наконецъ это умягченіе *л* повторяется и передъ окончаніями *скій*, *ство*, *ный*, тогда какъ другія буквы не только не принимаютъ здѣсь *ь*-ря, но иногда даже теряютъ его: *звѣрь—звѣрскій*, *звѣрство; конь—конскій; вздоръ—вздорный;* напротивъ: *нахалъ—нахальный*, *нахальство; столъ—застольный; генералъ — генеральскій; сало — сальный*. Отчего же во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ *л* умягчается? Ужели оттого, что передъ всѣми встрѣчающимися здѣсь окончаніями скрывается *ь* или гласная *и?* Такъ дѣйствительно думаетъ Павскій, основываясь на смягченіи *л* и не находя другого средства объяснить это явленіе (см. Фил. Набл. II, стр. 53, 115, также II, Отд. 2-е, стр. 61, 94). Но тщательное сравненіе множества словъ показываетъ, что изъ всѣхъ окончаній только начинающіяся небною буквою *к* не имѣютъ вліянія на умягченіе *л*, которое такимъ образомъ остается твердымъ въ словахъ: *мел-кій*, *кол-кость*, *вил-ка*, *ссыл-ка* и проч. Кромѣ этого случая, твердое *л* передъ согласною въ серединѣ слова встрѣчается у насъ только

брецо); но и это умягченіе можетъ зависѣть отъ фонетическаго требованія. Относительно женскихъ именъ на *ца* авторъ *Сравн. Грам. сл. яз.* замѣчаетъ также: «Das ь von ьca scheint zum suffix zu gehören». Но не противорѣчитъ ли этому тотъ фактъ, что даже женскія имена, оканчивающіяся на *ь*, теряютъ звукъ, имъ означаемый, передъ суффиксомъ *ца*, напр. *дверца*, *памятца*, *лѣнца*, *дрянца* (или *дрянцо*).

тогда, когда слѣдующая за нимъ буква принадлежитъ къ корню слова: *волна*, *полный*, *желтый*, *желчь*, *лба*, *молчать*, *толчетъ*, *толстый*, *молвить*, *холмъ*, *холстъ*, *долго*, *колдунъ*, *ползать*, *должать*, *толпа*. Сравните съ этими, кромѣ приведенныхъ уже словъ, слѣдующія: *гульбище*, *рисовальщикъ*, *корабельщикъ*, *земледѣльческій*, *стрѣльчатый*, *небывальщина*, *генеральша*; здѣсь опять ь явился передъ окончаніями, не какъ ихъ принадлежность, а какъ необходимый спутникъ буквы *л*, что̀ доказывается сравненіемъ примѣровъ: *кладбище* (не кладьбище), *ямщикъ*, *терщикъ*, *старческій*, *створчатый*, *барщина*, *аптекарша*. Если бъ передъ такими окончаніями въ самомъ дѣлѣ находилось ь или и, то не было бы ему причины скрываться послѣ всѣхъ буквъ, кромѣ *л*. Мы это видимъ въ окончаніи *ба*, которому всегда предшествуетъ ь: слова̀ *гоньба*, *ходьба*, *свадьба*, *борьба*, *гурьба*, *рѣзьба*, *просьба*, *женитьба*, принимаютъ передъ послѣднимъ слогомъ умягченіе точно такъ же, какъ *гульба*, *похвальба*, *мольба*[1]. Отсюда нельзя не вывести заключенія, что *л* передъ всѣми окончаніями, кромѣ *кій*, *ка*, *кость*, умягчается по закону чисто-фонетическому. Правда, этотъ законъ существенно отличается отъ того, по которому происходитъ умягченіе другихъ согласныхъ, но онъ такъ же постояненъ и очевиденъ. Только правописатели наши рѣшительно вывели букву *л* изъ ряду остальныхъ, означая всегда ея умягченіе на письмѣ. Отъ этого допущено одно только отступленіе: въ словахъ иностранныхъ, гдѣ встрѣчаются два *л* сряду и первое умягчается по вліянію послѣдняго, ь между ними не пишется (Галлія, Валлисъ[2]). Такому отличію разсматриваемая буква обязана тѣмъ, что между твердымъ и мягкимъ *л* болѣе замѣтное и рѣзкое различіе, нежели между обоими видоизмѣненіями другихъ соглас-

---

[1] Этому окончанію соотвѣтствуетъ латышское *iba*: ween-iba, единство, walst-iba, царство; baggat-iba, богатство; laul-iba, женитьба; leel-iba, похвальба. Только у насъ окончаніе *иба* нѣсколько сократилось и получило болѣе ограниченный смыслъ.

[2] Есть два русскія слова, въ которыхъ также находятся два мягкія *л* сряду: *гульливый* и *шаловливый*. Эти слова пишутся различно. Сложныя слова: *пол-листа*, *пол-лота* и т. п., равно какъ и *пол-день*, сюда не относятся.

ныхъ. Между послѣдними при буквѣ *н* чаще нежели при прочихъ умягченіе означается на письмѣ; такъ почти всѣ уже пишутъ: *раньше*, *тоньше*, *меньше*, *уменьшать;* однакожъ и при *н* знакъ *ь* нерѣдко подразумѣвается, наприм. въ словѣ *благоденствіе*, гдѣ *ь* ясно слышится передъ окончаніемъ *ствіе* по требованію послѣдующихъ согласныхъ. Этотъ послѣдній законъ по большей части такъ опредѣлителенъ, что иногда другой, въ случаѣ противорѣчія съ нимъ, ему уступаетъ. Извѣстно, что обыкновенно гласная *е* въ замкнутомъ слогѣ передъ мягкимъ звукомъ не произносится какъ ё (наприм. *ель*, а не *ёль*); но если ей придется стоять передъ звукомъ, умягченнымъ по означенному закону, то такое произношеніе допускается, наприм. въ словахъ: *сплетни*, *переплетчикъ*, *клеенчатый*, которыя обыкновенно произносятся: *сплётьни*, *переплётьчикъ*, *клеёньчатый*. Первыя два слова слышатся иногда, впрочемъ гораздо рѣже, и въ такомъ видѣ: *сплéтьни*, *переплéтьчикъ*, но умягченіе *т* передъ *н* и *ч* все же остается въ своей силѣ.

Наконецъ возвратимся къ тому значенію, какое звукъ ε имѣетъ, какъ нами показано прежде, при умягченіи слѣдующихъ за нимъ согласныхъ. Мы видѣли, что буквы *р*, *н*, *д*, *т*, а также и губныя принимаютъ въ извѣстныхъ случаяхъ такое умягченіе только тогда, когда имъ предшествуетъ гласная *е* или *ѣ*. Наприм. *ь* слышится въ серединѣ словъ *стебль* (бьль), *вѣтви* (тьви), *гребля* (бьля), но не слышится послѣ тѣхъ же согласныхъ въ *корабль*, *жатва*, *грабли*. Эта особенность буквъ *е*, *ѣ* находится въ тѣсной связи съ ихъ свойствомъ сообразоваться въ произношеніи съ слѣдующимъ за ними звукомъ. Такимъ образомъ мягкій выговоръ промежуточной согласной часто опредѣляется совокупнымъ дѣйствіемъ предшествующаго ε и послѣдующей согласной. Этимъ окончательно опровергается упомянутое выше положеніе г. Бэтлинга, будто двоякое произношеніе, приписанное мною буквамъ *е*, *ѣ*, *э*, наравнѣ съ ними свойственно и всѣмъ прочимъ гласнымъ. Если бъ такъ было дѣйствительно, то другія гласныя раздѣляли бы также вліяніе звука ε на умягченіе одной согласной передъ

другою. Если бы *а* могло получить болѣе мягкій звукъ передъ *ль*, нежели передъ *лъ*, то въ словѣ *корабль б* произносилось бы съ такимъ же умягченіемъ, какъ въ словѣ *стебль*, между тѣмъ мы видимъ, что въ первомъ изъ этихъ двухъ именъ *б* вовсе не подчиняется вліянію послѣдующаго *ль*, которому по тому самому такъ трудно удержаться, что оно въ произношеніи охотно скрывается, и тогда *б*, какъ послѣдняя буква, принимаетъ звукъ *п*. Слóва *стебль* напротивъ никто не произнесетъ *степъ*.

Удерживаясь отъ дальнѣйшихъ подробностей по предмету нашего разсмотрѣнія, будемъ довольствоваться и тѣмъ, если намъ удалось указать въ системѣ русскихъ звуковъ нѣкоторые общіе законы, которые до сихъ поръ еще не были изслѣдованы.

ЗАМѢТКИ О СУЩНОСТИ НѢКОТОРЫХЪ ЗВУКОВЪ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Фонетика, опирающаяся на физіологію звуковъ, есть вообще отрасль науки, еще мало разработанная; тѣмъ болѣе нова она въ области славянскихъ языковъ. Въ своихъ *Спорныхъ вопросахъ русскаго правописанія* я старался поставить русскую фонетику на это единственно надежное основаніе и показать, ка́къ не вполнѣ правильное пониманіе сущности звуковъ языка приводило даже нѣкоторыхъ изъ лучшихъ филологовъ къ разнымъ недоразумѣніямъ. Германскіе ученые хотя ранѣе насъ сознали необходимость обозначенной мною точки зрѣнія и примѣняли физіологическій методъ отчасти и къ славянскимъ языкамъ, но по недостатку практическаго съ ними знакомства, изучая ихъ звуки главнымъ образомъ по книгамъ, впадали въ ошибки другого рода. Мы, Русскіе, обладая однимъ изъ богатѣйшихъ по звукамъ языковъ и пріобрѣтая съ дѣтства навыкъ въ иностранной рѣчи, или по крайней мѣрѣ слыша ее вокругъ себя, имѣемъ въ этомъ отношеніи значительное передъ другими Европейцами преимущество; но авторитетъ, какимъ пользуется у насъ западная наука, былъ причиною, что иногда наши ученые, принявъ безъ надлежащей критики положенія Нѣмцевъ по нашей фонетикѣ, повторяли и до сихъ поръ повторяютъ въ своихъ сочиненіяхъ нѣкоторые ихъ ошибочные взгляды. Такова между прочимъ ихъ теорія о согласной натурѣ звука *й*, теорія, на основаніи которой они принимаютъ начертанія: *бойъ*, *гнойъ* и т. п.

Изъ словъ Шлейхера Kirchensl. Formenlehre, стр. 85, видно, что главнымъ основаніемъ этихъ искуственныхъ формулъ служатъ косвенные падежи (*бой-а, бой-у* и т. д.) и что слѣдовательно

ъ въ именительномъ придуманъ для симметріи. Еслибъ послѣдователи этой орѳографіи пристальнѣе обратили вниманіе на сущность звуковъ, на физіологическую сторону дѣла, то можетъ-быть убѣдились бы въ невозможности предполагать послѣ *й* въ древнемъ произношеніи гласный пазвукъ, т. е. нѣчто похожее на *о* или *у*. Иначе почему же тогдашніе писцы не стали бы означать на письмѣ этого добавочнаго звука, который они ставили во всѣхъ другихъ случаяхъ? Нѣтъ сомнѣнія, что первоначальное правописаніе было чисто-фонетическое. Итакъ причина того, что послѣ *й* не ставили *ера*, была конечно попросту та, что его и не слышали. Въ доказательство того, что формула *бой-ъ* не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго древне-славянской фонетикѣ, приводятъ только одно: «*й* есть согласный звукъ», но спрашивается: изъ чего же это видно? Займемся этимъ вопросомъ.

Физіологическое различіе между гласными и согласными заключается существенно въ томъ, что при произнесеніи первыхъ устный проходъ остается болѣе или менѣе открытымъ, для артикуляціи же послѣднихъ двѣ части рта образуютъ между собой затворъ или по крайней мѣрѣ тѣсненіе. Замѣчается ли такая разница при произношеніи *и* и *й*? Если станемъ произносить *и* не переводя дыханія, такъ чтобы онъ звучалъ нѣсколько времени непрерывно, а потомъ вдругъ перейдемъ къ другой гласной, напр. къ *а* или *о*, то непосредственно передъ нею *и* (*і*) непремѣнно обратится въ *й*, въ положеніи же органовъ рѣчи при этомъ не произойдетъ никакой перемѣны. Только въ томъ случаѣ, если непосредственно послѣ *й* (j) надо будетъ опять произнести *и* (*і*), какъ напр. въ англ. словѣ year или въ русскомъ *ихъ*, *имъ*, *ручьи*, то нельзя отрицать, что при переходѣ *и* въ *й* (которое у насъ тутъ не пишется) языкъ нѣсколько приближается къ нёбу, ибо иначе этотъ переходъ былъ бы невозможенъ[1]; во всѣхъ же другихъ случаяхъ всю разницу въ произношеніи обоихъ звуковъ состa-

[1] Въ этомъ случаѣ можно согласиться, что звукъ *й* становится дѣйствительно *йотомъ* (j) и принимаетъ натуру согласнаго.

вляетъ только бóльшая или меньшая продолжительность того и другого, такъ что *й* несомнѣнно оказывается полугласнымъ.

Еще явственнѣе обнаруживается это, если взять слово, оканчивающееся на *й* (напр. *край*) и продолжать произносить послѣдній звукъ, который при этомъ сейчасъ обращается въ чистое *и*: звуковое различіе между *край* и *краи* заключается единственно въ томъ, что первое слово односложно, а второе состоитъ изъ двухъ слоговъ. Въ слогѣ *ай*, какъ и во всякомъ другомъ дифтонгѣ, обѣ составныя части сохраняютъ свою первоначальную натуру. Чтобы доказать противное, къ *и* приравниваютъ звукъ *в*; но это невѣрно, ибо въ составѣ дифтонга звуку *й* соотвѣтствуетъ не *в*, а *у*: если вмѣсто *й* поставимъ *у* рядомъ съ другимъ гласнымъ и соединимъ оба звука въ одинъ слогъ, то при этомъ *у* не сдѣлается согласнымъ, а сохранитъ свою гласную натуру и по краткости своей будетъ признанъ за полугласный, напр. въ англ. we, were, word[1], или how, now; въ нѣм. bau, lau. Въ собственно-русскихъ словахъ *у* никогда не является полугласнымъ членомъ дифтонга, и при сложеніи двухъ словъ въ одно (*за-утра*), гдѣ бы онъ могъ играть эту роль, отверждается въ *в*; то же бываетъ въ нѣкоторыхъ чужеязычныхъ словахъ, каковы напр. *авторъ*, *аврора*, *евангеліе*; но въ другихъ, заимствованныхъ изъ нѣмецкаго, напр. *гауптвахта*, *цейхгаузъ*, *шлагбаумъ*, *у* и у насъ остается полугласнымъ, и Русскіе прекрасно справляются съ произношеніемъ дифтонга *ау*. Въ русскихъ же по происхожденію словахъ, изъ всѣхъ гласныхъ только *и* можетъ сокращаться въ полугласный для образованія дифтонга, при чемъ вторымъ членомъ можетъ служить каждый изъ прочихъ гласныхъ нашихъ, т. е. мы имѣемъ дифтонги: *йа* (*я*), *йэ* (*е*, *ѣ*), *йо* (*ё*), *йу* (*ю*) и *ай*, *эй*, *ой*, *уй*[2].

---

[1] Въ нѣкоторыхъ англійскихъ словахъ начальное w звучитъ не какъ чистое *у*: передъ этимъ звукомъ слышится еще какъ будто нѣчто среднее между *у* и *в*, но всетаки еще не *в*, т. е. не согласный звукъ, хотя суженіе губного отверстія и нѣсколько болѣе нежели при образованіи *у*.

[2] Излишне было бы останавливаться здѣсь на томъ, что звуки *яй*, *ей*, *юй*, собственно говоря, *трифтонги*, почему о нихъ здѣсь и не упоминается.

Къ недоразумѣнію относительне натуры *й* способствовали два обстоятельства:

1) Не всегда точная и послѣдовательная орѳографія, какъ напр. въ нѣмецкомъ языкѣ, гдѣ разсматриваемый звукъ изображается то чрезъ j, то чрезъ i, а прежде означаемъ былъ и чрезъ y, напр. jahr, jung, bei, ein, zwey, seyn. Во всѣхъ этихъ и подобныхъ словахъ слабѣйшій звукъ диѳтонга — одинъ и тотъ же, соотвѣтствующій русскому *й*, а едва ли кто захочетъ утверждать, что буква *i* въ ein, dein и проч. есть согласная. Такъ же непослѣдовательны и Русскіе, когда они перваго звука своихъ диѳтоговъ *йа*, *йэ*, *йо*, *йу* совсѣмъ не пишутъ, превращая древнія ꙗ, ѥ въ *я*, *е*, и вмѣсто *йо*, *йу* начертывая *е*, *ю*, отчего многіе и не сознаютъ присутствія полугласнаго *й* въ этихъ начертаніяхъ. Только въ иностранныхъ словахъ начали въ новѣйшее время употреблять *й* въ началѣ и въ срединѣ словъ (*йоркъ*, *майоръ*); но во множествѣ случаевъ пишутъ еще по старому *i* вмѣсто *й*, напр. *Іорданъ*, или даже ставятъ лишнее *i* передъ буквою, которая уже сама по себѣ образуетъ диѳтонгъ: *Іерусалимъ*, *іюнь*, *іюль*. Одни Англичане и Шведы остаются вѣрны себѣ въ означеніи краткаго i: первые всегда употребляютъ на то y (whye), а послѣдніе j; Англичане пишутъ: yes, yacht, your; boy, eye; Шведы: ja, jul, hjerta, nej, koja, olja, familj.

2) Для образованія слога слабѣйшій членъ диѳтонга дѣйствительно получаетъ значеніе (*функцію*) согласнаго, играетъ *роль* его, почему древніе грамматики и дали йотѣ названіе i consonans (или i consona), но по натурѣ своей этотъ звукъ, какъ было показано, остается гласнымъ.

У Нѣмцевъ jot все еще составляетъ камень преткновенія фонетики. Большая часть филологовъ ихъ считаетъ его, вслѣдствіе сейчасъ объясненнаго обстоятельства, согласнымъ звукомъ; но въ словаряхъ Гримма и Вейганда онъ принимается за полугласный; Лепсіусъ разсматриваетъ его въ разрядѣ согласныхъ, но называетъ его полугласнымъ [1]). Брюкке, пріобрѣтшій сильный авто-

[1] Das allgemeine linguistische Alphabet, стр. 29.

ритетъ въ физіологіи звуковъ, въ отношеніи къ jot впалъ въ странное недоразумѣніе и, утративъ свою обычную проницательность, утверждаетъ (Grundzüge, 2-е изд., 91) что при произнесеніи jot не пропадаетъ гласный i, но слышатся одновременно и онъ и *согласный* jot. На несообразность этого мнѣнія я обратилъ уже вниманіе въ *Филологическихъ Разысканіяхъ* (т. II², стр. 30). Недавно въ такомъ же смыслѣ отозвался объ этомъ взглядѣ г. Крейтеръ (Kräuter) въ приложеніи къ своему изслѣдованію Zur Lautverschiebung (см. стр. 115). Какъ г. Крейтеръ, такъ и выступившій ранѣе его г. Сиверсъ (послѣдній въ сочиненіи Die Grundzüge der Lautphysiologie) значительно содѣйствовали къ разъясненію спорнаго вопроса о натурѣ звука jot, и я считаю полезнымъ представить здѣсь нѣсколько выписокъ изъ ихъ замѣчаній по этому предмету. Г. Сиверсъ различаетъ два звука jot, изъ которыхъ одинъ, по его мнѣнію, согласный, а другой полугласный. О первомъ онъ говоритъ (стр. 33): «Если во время образованія i усилить выдыхательное давленіе, не измѣняя гортанной артикуляціи, то постепенно производится проточный звукъ j, какъ его произносятъ въ сѣверной Германіи». Далѣе (стр. 73) авторъ распространяетъ качество спиранта j и на среднюю Германію и прибавляетъ: «необходимо отличать его отъ полугласнаго i, который часто встрѣчается напр. въ южной Германіи». Такъ какъ полугласный большею частью является въ дифтонгахъ, то посмотримъ напередъ, какъ г. Сиверсъ понимаетъ подобную звуковую группу. «Подъ дифтонгомъ, говоритъ онъ (стр. 86), разумѣютъ сочетаніе двухъ, однимъ и тѣмъ же выдыхательнымъ толчкомъ производимыхъ, т. е. образующихъ одинъ лишь слогъ, простыхъ, обыкновенно краткихъ гласныхъ, изъ коихъ первый носитъ болѣе сильный акцентъ.» Гласный, который по отсутствію на немъ акцента ослабѣлъ до функціи согласнаго, признается г. Сиверсомъ за *полугласный*, но вмѣстѣ съ тѣмъ при этомъ замѣчено, что такая смѣна функцій случается только передъ гласнымъ, имѣющимъ болѣе сильное удареніе. «Поэтому, прибавляетъ г. Сиверсъ (стр. 88), можно, согласно съ нашимъ опредѣленіемъ дифтонговъ, сказать также,

что полугласный происходитъ при соединеніи двухъ гласныхъ, изъ которыхъ *второй* носитъ удареніе.» Сознаюсь однакожъ, что мнѣ непонятно, почему послѣдующій гласный не можетъ. наравнѣ съ предшествующимъ, исполнять роль согласнаго: мнѣ напротивъ кажется, что въ обоихъ случаяхъ, т. е. что какъ въ je (йэ), такъ и въ ej (эй) звукъ jot (й) по своей природѣ остается гласнымъ, но имѣетъ функцію согласнаго. Весьма спаведливо замѣчаетъ въ этомъ отношеніи г. Крейтеръ (стр. 117): Прежде всего предосудителенъ произволъ, съ которымъ сочетанія a͡i, o͡i, a͡u и т. д. разсматриваются совершенно иначе, нежели i͡a, i͡o, u͡a и т. д.; это то же самое, что напр. смотрѣть на l въ al не такъ, какъ въ la». Для краткости не продолжаю этой выписки, но всякому, интересующемуся занимающими насъ вопросами, совѣтую прочесть и слѣдующія за симъ страницы небольшой книги г. Крейтера. Вниманія заслуживаетъ и то, чтó гораздо ранѣе его сказалъ г. Таузингъ въ дѣльномъ своемъ сочиненіи: «Das natürliche Lautsystem» (стр. 90 и сл.): онъ очень основательно принимаетъ два вида дифтонговъ, смотря по тому, имѣютъ ли они *нисходящій* характеръ (какъ въ нѣмец. Haus, heiss), или *восходящій* (какъ во франц. roi, lui). Но замѣчательно, что несмотря на это вѣрное пониманіе дѣла, и г. Таузингъ не замѣчаетъ двугласности слоговъ ja, je и т. п., и вслѣдствіе того равнымъ образомъ видитъ въ jot согласный по его натурѣ. Между тѣмъ отъ этого изслѣдователя можно было бы ожидать болѣе проницательнаго взгляда, такъ какъ онъ нѣсколько далѣе вполнѣ правильно разсуждаетъ: «Если возлѣ гласнаго, образующаго слогъ, дать мѣсто еще другому гласному, то этотъ послѣдній въ силѣ и продолжительности тона долженъ ослабѣть до степени согласнаго, будетъ ли онъ принадлежать къ тому или другому разряду звуковъ» (т. е. хотя бы онъ по своей природѣ оставался гласнымъ).

Къ выпискамъ, дающимъ понятіе о выводахъ г. Сиверса, прибавлю еще слѣдующее его замѣчаніе: «Со спирантами j и w, которые часто отъ болѣе сильныхъ суженій (въ устномъ каналѣ) развиваются изъ i и y, не должно смѣшивать этихъ послѣднихъ»

(Grundzüge, стр. 89). Но г. Крейтеръ съ своей стороны говоритъ (Lautverschiebung, 149, 150): «Нигдѣ въ Германіи я не слышалъ, чтобы j произносили не какъ полугласное i; люди, утверждающіе что j другой звукъ чѣмъ i, приводятъ въ подкрѣпленіе этого только такіе доводы, которые показываютъ, что j Mitlauter (созвучникъ), а не Selbstlauter (самогласъ)». Чтобы понять эти слова въ настоящемъ ихъ смыслѣ, надобно знать различіе, устанавляемое г. Крейтеромъ между названіями Mitlauter и Consonant (созвучащій и согласный) и явствующее уже изъ заглавія статьи, приложенной къ книгѣ его, именно: «Vokalische Mitlauter und Konsonantische Selbstlauter» (гласные созвучники и согласные самогласы). Съ его точки зрѣнія (стр. 113) терминъ «Konsonant» (σύμφωνον) обозначаетъ не натуру звуковъ, а способъ ихъ употребленія въ языкѣ, слѣдовательно основывается на совершенно другомъ началѣ дѣленія, нежели «Vokal». «Названіе Konsonant, продолжаетъ онъ, придали подлежащимъ звукамъ, потому что они у Грековъ одни, сами по себѣ, не служатъ къ образованію слога, но всегда являются въ немъ только спутниками другихъ звуковъ. Та же наклонность обращать вниманіе болѣе на роль, какую звукъ играетъ въ языкѣ, нежели на существо его, обнаруживается позднѣе и у Римлянъ». Для бóльшаго еще разъясненія дѣла, г. Крейтеръ замѣчаетъ: «Когда симитскіе грамматики разсматриваютъ *двугласные* (Doppellaute), какъ сочетаніе *гласныхъ* и *согласныхъ*, то это по формѣ выраженія конечно неправильно, потому что *і* и *у* нисколько не измѣняетъ своего звука, своей физіологической натуры, слѣдовательно считаются гласными; но по смыслу это совершенно вѣрно, ибо подъ согласнымъ тутъ разумѣется не что иное, какъ то же самое, чтó я называю Mitlauter (созвучникомъ)». Наконецъ, г. Крейтеръ справедливо вызываетъ (стр. 119) одного рецензента разъяснить, въ чемъ же заключается разница между такъ называемымъ двугласнымъ ai и слогомъ ăj, въ которомъ j будто бы выговаривается какимъ-то особеннымъ, нѣмецкимъ способомъ. Обычное выраженіе: «j вокализируется», когда оно должно означать различіе между aj и одно-

сложнымъ ai, изобличаетъ жалкую зависимость отъ правописанія». Сказанное г. Крейтеромъ на той же страницѣ, что «Славяне въ своихъ ои, аи, еи, уи и т. д. видятъ совершенно то же, что въ ой, ай, ей, уй и т. д.» сохраняетъ свою вѣрность и въ обратномъ смыслѣ, т. е.: ой, ай, ей, уй значатъ то же что ои, аи, еи, уи, съ тою только разницею, что первый способъ начертанія указываетъ на возможно-краткую продолжительность звука *и*, который точно такъ же произносится въ нѣмецкихъ словахъ ei, sei, hai, ein, sein, hain, не будучи на письмѣ отличаемъ отъ полнаго *и*. Но что въ такихъ случаяхъ славянское *й* совершенно тожественно съ нѣмецкимъ *i*, что слѣдовательно нѣтъ никакого основанія предполагать за нимъ въ концѣ слова (даже и въ древнемъ языкѣ) еще какой-то пазвукъ и означать этотъ послѣдній на письмѣ еромъ, этого конечно не станетъ отрицать ни одинъ безпристрастный читатель.

Правильный взглядъ на *й* находится въ тѣсной связи съ истиннымъ пониманіемъ тѣхъ двухъ звуковыхъ оттѣнковъ, которые означаются *еромъ* и *еремъ* и противоположность которыхъ проходитъ черезъ всю систему русскихъ звуковъ, составляя исконную особенность славянскихъ языковъ. Такъ какъ отмѣчаемый этими полугласными выговоръ почти безслѣдно исчезъ въ большей части названныхъ языковъ, то естественно, что западному европейцу чрезвычайно трудно составить себѣ ясное понятіе о сущности этихъ двухъ звуковъ. Мы лишь приблизительно можемъ уразумѣть древнее значеніе обѣихъ полугласныхъ въ серединѣ словъ, имѣя въ виду неопредѣленный звукъ Англичанъ (напр. въ but), французское e muet или произношеніе у Чеховъ и Сербовъ нѣкоторыхъ слоговъ, которые пишутся безъ гласныхъ. Но значеніе *ера* и *еря*, какъ двоякаго пазвука при согласныхъ, сохранилось въ русскомъ языкѣ: въ каждомъ изъ этихъ двухъ полугласныхъ слышится какъ бы приступъ къ произношенію либо широкаго гласнаго (а, о, у), либо тонкаго (э, и)[1]. Отличаемая зна-

[1] У насъ по большей части представляютъ себѣ букву э какъ представительницу широкаго звука, что выражается особенно въ томъ, что въ заим-

ками ъ и ь артикуляція согласныхъ зависитъ отъ особеннаго выговора русскихъ гласныхъ, значительно отступающаго отъ произношенія тѣхъ же звуковъ у западныхъ Европейцевъ. Такъ напр. наши слоги ра, ро, ру, ре, ри звучатъ совсѣмъ не такъ, какъ французскіе или нѣмецкіе ra, ro, ru, re, ri; та же разница замѣчается и при измѣненномъ порядкѣ звуковъ (ар, ор, ур и т. д.). Если возьмемъ въ этихъ трехъ языкахъ нѣсколько словъ, повидимому составленныхъ изъ тѣхъ же звуковъ, напр. нѣмецкія koth, pott, rad, rath, nie; французскія: côte, cotte, rate, nid и русскія: котъ, потъ, радъ, ни, то найдемъ, что два первые ряда словъ почти однозвучны, послѣдній же звучитъ совершенно иначе. Всего поразительнѣе эта разница при *л*, но она ощутительна и при всякой другой согласной, и происходитъ отъ того, что мы отличаемся отъ прочихъ европейскихъ народовъ какъ самымъ растворомъ рта и движеніемъ органовъ рѣчи, которые точнѣе опредѣлить могутъ лишь физіологи, такъ и большею силой выдыханія. Обстоятельство что ъ и ь никогда не являлись въ началѣ слога, указываетъ на то, что они всегда служили только вспомогательными звуками при согласныхъ, опорою ихъ, хотя можетъ-быть нѣкогда и подходили ближе къ полнымъ гласнымъ.

Нѣкоторые изслѣдователи, считающіе и *й* и *ъ* за сокращенное і (Шлейхеръ, Ksl. Form. стр. 9 и 157), не обращаютъ внима-

ствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ именахъ ее употребляютъ послѣ согласной не иначе какъ для замѣщенія франц. è, ê или ai, нѣмецк. ä и т. п., напр. *тэма, мэръ, Раблэ, Бэръ*, но при этомъ теряютъ изъ виду, что въ русскомъ языкѣ буква *э*, такъ же какъ и *е*, *ѣ*, означаетъ двоякій звукъ, какъ легко замѣтитъ всякій одаренный не слишкомъ грубымъ слухомъ, при сравненіи напр. словъ *э*-ти и *э*-та, *э*-рикъ и *э*-ра. Такъ какъ всякая согласная можетъ имѣть у насъ только двоякій звукъ, т. е. одинъ, означаемый *еромъ*, и другой *еремъ*, то очень не трудно убѣдиться, какова́ гласная, т. е. широкая ли она, или тонкая; для этого стóитъ только приставить ее къ согласной и посмотрѣть, какъ произнесется эта послѣдняя — съ *еромъ* или съ *еремъ*; напр. въ словахъ *Раблэ, атлэтъ л*, несмотря на видимую широкость гласной *э*, будетъ произнесенъ какъ *ль*, а не какъ *лъ*; слѣдов. *э* есть гласная тонкая или, если вы предпочитаете болѣе употребительный терминъ,—мягкая гласная. Не говорю уже о томъ случаѣ, когда *э* и безъ того представляетъ француз. *é* или нѣмецкій сжатый звукъ *е*, напр. въ именахъ *Эмилія, поэзія*.

нія на различную продолжительность и разное значеніе этихъ двухъ краткостей и употребляютъ одинакую транскрипцію, напр. для словъ: крајъ и коњјъ. Они не замѣчаютъ, что ь есть низшая степень сокращенія ы, что й есть такъ-сказать удлиненіе *еря* или наоборотъ ь есть укороченный й[1]. Оттуда превратное мнѣніе, будто отонченныя согласныя (бь, вь и проч.) составляютъ «mouillirte Laute» или «согласные дифтонги». Первое выраженіе примѣнилъ къ этимъ славянскимъ звукамъ Брюкке (Grundzüge[1], стр. 98), второе находимъ у Шлейхера (Ksl. Fl., стр. 34). На невѣрность теоріи Брюкке я указалъ уже прежде[2], такъ какъ у Французовъ l и n mouillés слышатся каждый какъ два звука (lj, nj), тогда какъ въ нашихъ ль, мь, нь и т. д. тонкій пазвукъ совершенно сливается съ согласною въ одинъ звукъ, изъ котораго никакъ нельзя выдѣлить jot. Впрочемъ, говоря объ этомъ предметѣ, я тѣмъ болѣе могу быть краткимъ, что уже г. Сиверсъ (Grundzüge, стр. 105) выяснилъ его и справедливо назвалъ русскій ь редуцированнымъ йотомъ. Смѣшеніе jot съ *еремъ* повторяется и у г. Лескина: по его мнѣнію, ль, рь, нь, пишется вмѣсто лјь, рјь, нјь и по-настоящему й должно быть всегда читаемо какъ jĭ (т. е. jь)[3]. Но дѣло въ томъ, что такія слова, какъ напр. голубь, червь, лебедь, князь, гость вовсе не имѣютъ j въ концѣ, ибо иначе предшествующіе *ерю* согласные б, в, д, з, т непремѣнно умягчились бы въ бл, вл, ж или жд, ч или щ, какъ это дѣйствительно произошло въ другомъ разрядѣ словъ, именно въ такихъ словахъ, какъ корабль, журавль, ложь, вождь, ключь, плащь, которыхъ первоначальную форму можно представить себѣ такъ: корабьй, журавьй, логьй, водьй и т. д., т. е. въ послѣднемъ рядѣ словъ смягченіе было двойное и оттого произошло измѣненіе согласныхъ въ ихъ окончаніяхъ; ясно что здѣсь

---

[1] Даже Востоковъ впалъ, въ одномъ мѣстѣ своихъ изслѣдованій, въ этотъ промахъ, сказавъ, что ь и й одно и то же (См. его Филолог. наблюденія, стр. 18).

[2] Филол. Разыск. т. II[2], стр. 24.

[3] Handbuch der altbulg. Sprache стр. 15; также Die Declination im Slavisch-Litauischen und Germanischen (Leipzig 1876), стр. 9, 10, 84 и проч.

j (й) дѣйствительно имѣлъ физіологическое значеніе[1]. Въ первомъ ряду, напротивъ, не видно ничего подобнаго, и нельзя не признать мнѣніе о присутствіи въ этихъ словахъ йота лишеннымъ основанія. Только при переходѣ звука въ другой можно сказать, что ему предшествовало то, что Нѣмцы называютъ Mouillirung. Что касается начертанія jь (ji), то оно представляетъ еще и тотъ абсурдъ, что если въ самомъ дѣлѣ ь значитъ jь, то произойдутъ слѣдующія, до безконечности простирающіяся формулы: конь=конjь=конjjь=конjjjь и т. д.

Ничѣмъ инымъ, какъ такимъ же смѣшеніемъ еря съ йотомъ, можно объяснить, какъ могъ такой геніальный филологъ какъ Шлейхеръ не оцѣнить вѣрности различія, указаннаго Миклошичемъ между произношеніемъ е, ё, я, ю въ началѣ слога (praejotirte Laute) и произношеніемъ этихъ же буквъ послѣ согласныхъ (praejerirte Laute): увлеченный своею теоріею цетацизма, онъ въ своей грамматикѣ цсл. языка (стр. 84) рѣшительно высказался противъ этого взгляда.

Но и г. Миклошичъ, кажется, не совсѣмъ правъ, находя, что *мои*, *твои*, *краи*, въ древнихъ памятникахъ должны быть всегда произносимы какъ моjи, твоjи, краjи. Въ общеупотребительномъ русскомъ языкѣ не слышно въ такихъ словахъ йота, и нѣтъ основанія предполагать этотъ звукъ и въ древней ихъ формѣ, такъ какъ правописаніе не подаетъ къ тому повода. Русскіе (оставляю въ сторонѣ возможныя различія въ діалектическихъ говорахъ) выговариваютъ *и* за *йи* только въ личномъ мѣстоименіи: *ихъ*, *имъ*, *ими* и въ такихъ случаяхъ, какъ чьи, соловьи, Натальи. Востоковъ замѣчаетъ: «Надъ *и* древніе писцы не ставили знака краткости, а писали равно именит. ед. и именит. множ. *мои*, *твои*, *свои*; однакожъ вѣроятно произносили въ первомъ случаѣ мой, твой,

---

[1] Присутствіе *й* при двойномъ, или полномъ умягченіи звуковъ очевидно особенно въ звукахъ губного органа: *л* послѣ *б*, *п*, *в*, *ф*, *м* есть не что иное, какъ замѣна йота, который и въ другихъ языкахъ легко подвергается такимъ превращеніямъ или становится на мѣсто другихъ звуковъ. Ср. итал. pianto, piegare, bianco, fiamma съ франц. plante, plier, blanc, flamme.

свой, а въ второмъ мои, твои и пр., какъ и въ нынѣшнемъ языкѣ». (Фил. Набл., стр. 21).

Показавъ отношеніе между *й* и *ь*, перейду теперь къ *еру*. Прежде всего надобно замѣтить, что произношеніе согласныхъ, сопровождаемыхъ этимъ звуковымъ элементомъ (отмѣчается ли оно, или нѣтъ на письмѣ), напрасно оставляется изслѣдователями безъ вниманія и они занимаются только *еремъ*. Выше уже, при общемъ разсмотрѣніи обѣихъ полугласныхъ, я замѣтилъ, что по причинѣ элемента ъ у насъ звуки, какъ согласные, такъ и гласные, слышатся совсѣмъ иначе, нежели въ западно-европейскихъ языкахъ. Г. Миклошичъ полагаетъ (Lautl. стр. 379), что «ъ въ произношеніи безслѣдно исчезаетъ, такъ какъ предшествующій ему согласный сохраняетъ свой звукъ». Это выраженіе не только не точно, такъ какъ здѣсь ъ трактуется лишь какъ знакъ, а не какъ звуковой элементъ, но и не совсѣмъ отвѣчаетъ истинѣ: ибо каждый отмѣченный *еромъ* согласный имѣетъ именно тотъ звукъ, который онъ можетъ имѣть передъ широкими гласными или передъ приступомъ къ ихъ произношенію. Что значатъ слова: согласная *сохраняетъ* свой звукъ? Ей свойственны два звука, смотря по тому, который изъ двухъ элементовъ въ данномъ случаѣ дѣйствуетъ. Что *ъ* въ произношеніи безслѣдно не исчезаетъ, видно изъ того, что если непосредственно за словомъ, кончающимся на ъ, произнести другое, начинающееся съ *и*, то этотъ послѣдній звукъ превращается въ *ы*, напр. *идетъ изъ* звучитъ какъ *идетызъ*, *зналъ имя* какъ *зналымя*. Всего яснѣе это обнаруживается при предлогахъ въ, съ, объ, подъ и др., ибо *подъ именемъ*, напр., слышится *подыменемъ*, что́ особенно наглядно является въ сложныхъ словахъ, гдѣ *ы* даже и пишется, напр. въ *обыскъ*, *предыдущій*, *сызнова*. Широкое произношеніе *и* послѣ *ъ* есть физіологическая необходимость. Поэтому-то для западнаго европейца такъ же трудно усвоить себѣ настоящее произношеніе *ы*, какъ и звуковой элементъ *ъ*: еслибъ было справедливо (какъ часто утверждаютъ), что русскія согласныя, отмѣченныя *еромъ*, звучатъ точно такъ же, какъ согласныя другихъ европейскихъ языковъ, то

нѣмцу было бы столь же естественно звукъ *и* послѣдующаго слова произносить какъ *ы*, и «er ist» слышалось бы какъ: эрыстъ.

Подобно еру, и *еры* составляетъ для большей части германскихъ филологовъ звукъ неразгаданный. Г. Миклошичъ полагаетъ, что *ы* въ древне-славянскомъ всегда было двугласнымъ (Lautl. стр. 112) и что въ односложныхъ русскихъ словахъ онъ звучитъ какъ *ый* (тамъ же, стр. 382). Послѣднее мнѣніе лишено всякаго основанія, а что касается перваго, едва ли можно сомнѣваться, что ы было у славянскихъ народовъ однимъ изъ исконныхъ звуковъ, такъ какъ оно въ тѣсной связи съ *еромъ:* если этотъ послѣдній никогда не былъ яснымъ, полнымъ гласнымъ (что́ признано почти всѣми), то *ъи* должно было естественно звучать простою гласной. Поэтому Шлейхеръ совершенно пра̀въ, ограничивая двугласность ера двумя случаями (Ksl. Formenl., стр. 60). Но о произношеніи *еры* и онъ повидимому не имѣлъ яснаго понятія, приравнивая его не разъ къ нѣмецкому ü. Такъ въ «Транскрипціи кириллицы» (Beiträge I, стр. 31) онъ говоритъ объ этомъ: «можетъ быть, надо произносить его какъ ŭj, какъ оно и пишется въ кириллицѣ (ъі), а можетъ быть и какъ нѣмецкое ü». Но что сказалъ бы нѣмецъ, еслибъ онъ изъ устъ русскаго услышалъ свое слово müh выговореннымъ какъ *мы?»* Сто́итъ только обратить вниманіе на различное положеніе рта при произношеніи этихъ двухъ звуковыхъ комплексовъ, чтобы убѣдиться, какъ неудачно такое сравненіе.

Г-ну Брюкке (Grundzüge[2], стр. 30) въ *еры* также слышится не вполнѣ образованный звукъ u[i]. Правильное пониманіе звука ы находимъ мы только у г. Лепсіуса: онъ признаетъ, что *ы* дѣйствительно какъ ü представляетъ сліяніе у съ i, но вмѣстѣ съ тѣмъ остроумно разъясняетъ разницу между ü и ы. Вся теорія его объ этомъ послѣднемъ звукѣ такъ интересна, что я считаю полезнымъ привести ее цѣликомъ: «Гласная *e*, говоритъ онъ, не столько занимаетъ середину между *a* и *i*, сколько *ü* между *y* и *i;* ибо движеніе отъ *a* къ *i* есть простое, равно устремленное къ одному пункту; движеніе же отъ *y* къ *i*, или обратно, есть двойное, обоюд-

но перебивающееся. Если сравнимъ, какъ образуются *i* и *у*, то увидимъ, что при образованіи *у* губы кругло протягиваются впередъ, языкъ же отдергивается на самого себя, такъ что въ передней части рта образуется пустое пространство, котораго діаметръ больше нежели входъ и выходъ его, и отъ резонанса котораго происходитъ глухой тонъ этого звука. Для произнесенія *ӥ* дѣлятся функціи обоихъ органовъ: языкъ сохраняетъ то же положеніе, какъ при *i*, губы же принимаютъ положеніе, нужное для *у*. Если слѣдовательно оба эти положенія органовъ рѣчи признаются равно существенными, то *ӥ* дѣйствительно занимаетъ середину между обоими. Но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что между *i* и *у* должна быть еще *другая середина*, столь же законная. Ибо мы можемъ образовать и такой звукъ, при которомъ губы имѣютъ широкое положеніе для *i*, языкъ же—укороченное положеніе для *у*. Этотъ звукъ не только возможенъ, но и на самомъ дѣлѣ развитъ во многихъ языкахъ, какъ звукъ важный и характеристическій для ихъ фонетики. Это тотъ самый звукъ, который всего болѣе извѣстенъ изъ славянскихъ языковъ, русское *еры*, называемое дебелымъ i (das harte i) и означаемое въ польскомъ чрезъ лат. y. Но этотъ звукъ, по моему мнѣнію, всего первобытнѣе въ татарскихъ языкахъ, какъ то въ турецкомъ, татарскомъ, якутскомъ, гдѣ онъ составляетъ существенную принадлежность соотвѣтствія гласныхъ (Vokalharmonie) и повидимому вызванъ главнымъ образомъ послѣдовательностію этого закона. Слѣды *еры* можно указать и въ родственныхъ съ названными дравидскихъ языкахъ Индіи. Не входя здѣсь въ дальнѣйшія подробности, замѣтимъ только, что различеніе заднихъ, низкихъ и глухихъ гласныхъ *а о у* отъ переднихъ, высокихъ и звонкихъ е, ǫ, ü, і существуетъ во всѣхъ языкахъ и обнаруживается въ разнообразныхъ явленіяхъ и вліяніяхъ. Его значеніе особенно важно въ тѣхъ языкахъ, гдѣ, какъ въ манджурскомъ, монгольскомъ, калмыцкомъ, турецкомъ, якутскомъ, мадьярскомъ, финскомъ, оно служитъ основаніемъ свойственнаго имъ соотвѣтствія гласныхъ. Такъ называемымъ дебелымъ (harten) гласнымъ *а о у*, произносимымъ съ *отдерну-*

тымъ назадъ языкомъ, соотвѣтствуютъ въ томъ же порядкѣ произносимыя съ *протянутымъ впередъ* языкомъ такъ называемыя мягкія (weichen) гласныя e, ǫ, ṳ. Четвертому мягкому гласному *i* не было бы соотвѣтствующаго дебелаго, если бъ въ правильную систему звуковъ не было принято выше описанное *ы*, т. е. такое *i*, которое выговаривается съ *отдернутымъ* до нёбнаго пункта языкомъ. Теперь другъ другу отвѣчаютъ *a o y ы* и e, ǫ, ṳ, i»[1]).

Сверхъ твердаго *ы* (ы, поль. y) есть въ польскомъ еще твердое *e*, которое особенно ясно слышится послѣ дебелаго *л* (лъ), какъ напр. въ łeb, łecht, łeb, łezka (что по-русски слѣдовало бы писать; лъэбъ, лъэхтъ, и пр.),—звукъ, на который германскіе филологи до сихъ поръ еще не обращали вниманія. Правда, и Русскіе произносятъ его при встрѣчѣ двухъ словъ, изъ которыхъ первое кончается *еромъ*, а второе начинается съ широкаго *э*, какъ напр. въ словахъ: зналъ это; но въ серединѣ словъ это *э* у насъ невозможно: исключая развѣ сложныхъ, напр. *двухъэтажный*. Въ началѣ слова это *э* можетъ образоваться въ русскомъ языкѣ вообще послѣ твердыхъ согласныхъ (отмѣченныхъ *еромъ*), напр. *объ этомъ*, *съ этого*, въ коихъ слоги *бъэ*, *съэ*, *хъэ* звучатъ совсѣмъ не такъ, какъ въ такихъ сочетаніяхъ: объ *этихъ*, съ *этимъ*, гдѣ *э*, несмотря на предшествующій *ъ*, произносится узко, сообразно съ послѣдующимъ мягкимъ звукомъ (ти).

Это различіе основывается на законѣ, давно уже и не разъ указанномъ мною, но до сихъ поръ еще не всѣми признаваемомъ (см. выше, стр. 296 и 305). Впрочемъ г. Миклошичъ (Lautl., стр. 374) уже упомянулъ объ этомъ двоякомъ произношеніи звука э (e, ѣ) по наблюденію нашего академика Бэтлинга, который независимо отъ меня также замѣтилъ эту разницу. Люди, еще сомнѣвающіеся въ справедливости нашего наблюденія, которое подтвердитъ всякій не лишенный сколько-нибудь тонкаго слуха, могутъ для повѣрки вслушаться особенно въ произноше-

---

[1] Abhandlungen der Königl. Akademie der Wissensch. zu Berlin 1861: «Über die arabischen Sprachlaute und deren Umschrift», стр. 150.

ніе азбучныхъ названій *ѐръ* и *е́ръ*. Едва ли кто, произнеся ихъ, можетъ не замѣтить поразительной разницы въ выговорѣ не только *р*, но и *е* въ то́мъ и въ другомъ слогѣ: для этого сто́итъ только, произнеся *е* для *ръ*, вдругъ попробовать приложить къ гласной звукъ *рь* и на оборотъ, т. е. какъ *рь* не придется къ *ѐ*, такъ и *ръ* не придется къ *е́*.

Ограничусь на этотъ разъ изложенными замѣчаніями. Само собою разумѣется, что мое несогласіе съ германскими филологами по нѣкоторымъ вопросамъ нашей фонетики нисколько не мѣшаетъ мнѣ высоко цѣнить услуги, оказанныя ими изученію славянскихъ языковъ, къ оживленію и успѣхамъ котораго они много содѣйствовали не только въ западной Европѣ, но и въ самой Россіи. Не менѣе благодарности заслуживаютъ и тѣ изслѣдователи, которые оказываютъ этому изученію косвенную пользу трудами по физіологіи звуковъ. Изъ новыхъ дѣятелей по этой части я не разъ ссылался на гг. Сиверса и Крейтера. Книга перваго Grundzüge der Lautphysiologie явилась въ 1876 г.[1] какъ введеніе въ библіотеку индо-европейскихъ грамматикъ, изданіе, предпринятое въ Лейпцигѣ обществомъ ученыхъ. О сущности взглядовъ г. Крейтера, выступившаго съ своею Lautverschiebung годомъ позже Сиверса, читатели могли уже судить по сдѣланнымъ мною выпискамъ изъ приложенія къ этому труду.

На ряду съ германскими изслѣдователями, способствовавшими въ недавнее время успѣхамъ физіологіи звуковъ, надо поставить молодого шведскаго ученаго, доцента Упсальскаго университета Леффлера (L. F. Leffler), который въ своемъ трудѣ: Några ljudfysiologiska undersökningar rörande konsonantljuden[2] занялся разсмотрѣніемъ двухъ вопросовъ: 1) дѣйствительно ли артикулуется дважды согласная, удвояемая на письмѣ, напримѣръ въ словѣ *труппа*; и 2) въ чемъ собственно заключается физіо-

---

[1] Вторымъ же изданіемъ въ 1881 г. подъ заглавіемъ: Grundzüge der Phonetik.

[2] Т. е. «Нѣсколько звуко-физіологическихъ изслѣдованій относительно согласныхъ» въ Upsala-Universitets Årsskrift на 1874 годъ.

логическое различіе между такъ называемыми твердыми (mutae tenues: п, т, к) и мягкими мгновенными звуками (mutae mediae: б, д, г).

Не касаясь второго вопроса, разрѣшеніе котораго представляетъ большія трудности, я здѣсь укажу только на выводы, къ которымъ г. Леффлеръ приходитъ по первому, и на употребленные имъ остроумные пріемы для разрѣшенія его. Но прежде надо упомянуть о господствующемъ въ наукѣ, согласно съ заключеніемъ Брюкке, взглядѣ на этотъ предметъ, принятомъ и мною (*Филолог. Разыск.*, т. II², стр. 249). «Въ физіологическомъ смыслѣ удвоенія одного и того же согласнаго звука въ словѣ не бываетъ, а есть только способъ произношенія его, который на письмѣ такъ означается. Когда мы пишемъ: *труппа*, *матта*, *Мекка*, то это не значитъ, что звукъ повторенной буквы долженъ дѣйствительно быть дважды вполнѣ образованъ и произнесенъ: это далеко не то, чтó должно бы слышаться, если бъ мы написали: трупъ-па, матъ-та, Мекъ-ка». Цѣль двойного начертанія согласной — только показать, что при артикулованіи звука дожно произойти его удлиненіе, или, точнѣе, что раздѣленіе слога должно пасть не между гласною и согласною (тру-па), не передъ согласною, а на самую эту букву. При этомъ артикуляція звука, если онъ мгновенный (п, б; т, д; к, г), раздѣляется на двѣ части: сперва органамъ дается положеніе, нужное для образованія преграды, а потомъ, послѣ небольшой паузы, преграда эта разрѣшается (труп-па); длительный же звукъ (в ф, з с, ж ш, м н р л) просто протягивается. Г. Леффлеръ утверждаетъ, что мнѣніе Брюкке относительно мгновенныхъ согласныхъ въ этомъ случаѣ несправедливо, что звукъ дѣйствительно удвояется, съ тою только разницею, что сперва мы образуемъ его *затворомъ*, а потомъ, во второй разъ, *растворомъ*, т. е. что когда мы произносимъ напр. *труп-*, *мат-*, *мек-*, то хотя преграда еще не разрѣшена, однакожъ звукъ уже вполнѣ образованъ. Чтобы доказать это, г. Леффлеръ предварительно пересматриваетъ всю теорію смычныхъ звуковъ (Verschlusslaute),

иначе мгновенныхъ, которые онъ называетъ kluse…
опредѣленію, это такіе звуки, которые для св…
требуютъ преграждения (afspärring) воздушн…
нымъ затворомъ какъ носового канала (по…
навѣски), такъ и полости рта (посред…
Эти смычные звуки онъ раздѣляетъ…

1) Звуки, которые происход…
т. е. когда выдыхаемый возду… …о НЕМЪ УДАРЕНІЯ.
тіемъ носового канала и пол…
смычные звуки; въ типиче…
звуковъ должны бы и… …у грамматиковъ нашихъ
тальную черточку ст… …ъ глаголовъ, мы находимъ у

2) Звуки, пр… …пріемъ. Признавъ неопредѣленное
задержанный п… …ю форму, они либо производятъ отъ него,
гражденнаго … вслѣдъ за нимъ приводятъ 1-ое лицо един.
для отличі… (или будущаго) времени изъявит. накл., а отъ
черточк… …образуютъ 2-е и всѣ остальныя того же времени[1].

Хотя эти остальныя лица часто отличаются отъ 1-го мѣстомъ ударенія, однакожъ мы въ грамматикахъ не находимъ указанія, чѣмъ надобно руководствоваться въ перемѣнѣ ударенія. Да и самое опредѣленіе того, когда 2-е лицо един. числа должно оканчиваться на *ешь* и когда на *ишь*, очень сложно и сбивчиво.

Ломоносовъ, по образцу латинской грамматики, приводя прежде всего 1-е лицо ед. числа, объясняетъ, какъ отъ него образуются сперва 2-е лицо, а потомъ другія формы глагола, между прочимъ и неопредѣленное наклоненіе. Гречъ показываетъ, наоборотъ, какимъ образомъ 1-е лицо наст. врем. производится отъ неопр. наклоненія. Такъ какъ послѣднее не представляетъ примѣты, которая всегда давала бы знать окончаніе 1-го лица, то разумѣется, это вовлекло Греча въ необходимость высчитывать, съ одной стороны, въ видѣ правилъ, а съ другой, въ видѣ исключеній, всѣ слу-

---

[1] Подъ остальными лицами я здѣсь, для краткости, разумѣю какъ 3-е лицо единственнаго, такъ и всѣ три лица множ. числа.

труп-па, аб-батъ, мат-та, Ад-да, Мек-ка, Баг-ге, чѣмъ отличается произношеніе этихъ звукосочетаній отъ выговора слѣдующихъ: тру-па, а-батъ, ма-та, А-да, Ме-ка, Ба-ге? Въ обоихъ случаяхъ полный звукъ образуется одинакимъ образомъ, но разница въ томъ только, что во второмъ случаѣ мы не отдѣляемъ затвора отъ раствора; въ первомъ же относимъ затворъ къ предъидущему слогу, а растворъ отдѣляемъ отъ него и относимъ къ послѣдующему.

Г. Леффлеръ въ своемъ разсужденіи не касается славянскихъ языковъ, и только однажды, мимоходомъ, замѣчаетъ о ихъ письмѣ, что оно не точно передаетъ произношеніе, не означая начертаніями удвоенія звуковъ. На это слѣдуетъ возразить, что таковъ дѣйствительно обычай въ письменности нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ, напр. Чеховъ и Сербовъ, но у насъ преобладаетъ однакожъ правило означать и на письмѣ слышимое въ выговорѣ удвоеніе звуковъ.

О СПРЯЖЕНІИ РУССКАГО ГЛАГОЛА И ВАЖНОСТИ ВЪ НЕМЪ УДАРЕНІЯ.

При всемъ различіи, встрѣчаемомъ у грамматиковъ нашихъ въ системѣ разсмотрѣнія русскихъ глаголовъ, мы находимъ у нихъ однакожъ одинъ общій пріемъ. Признавъ неопредѣленное наклоненіе за основную форму, они либо производятъ отъ него, либо по крайней мѣрѣ вслѣдъ за нимъ приводятъ 1-ое лицо един. числа настоящаго (или будущаго) времени изъявит. накл., а отъ этого лица образуютъ 2-е и всѣ остальныя того же времени[1].

Хотя эти остальныя лица часто отличаются отъ 1-го мѣстомъ ударенія, однакожъ мы въ грамматикахъ не находимъ указанія, чѣмъ надобно руководствоваться въ перемѣнѣ ударенія. Да и самое опредѣленіе того, когда 2-е лицо един. числа должно оканчиваться на *ешь* и когда на *ишь*, очень сложно и сбивчиво.

Ломоносовъ, по образцу латинской грамматики, приводя прежде всего 1-е лицо ед. числа, объясняетъ, какъ отъ него образуются сперва 2-е лицо, а потомъ другія формы глагола, между прочимъ и неопредѣленное наклоненіе. Гречъ показываетъ, наоборотъ, какимъ образомъ 1-е лицо наст. врем. производится отъ неопр. наклоненія. Такъ какъ послѣднее не представляетъ примѣты, которая всегда давала бы знать окончаніе 1-го лица, то разумѣется, это вовлекло Греча въ необходимость высчитывать, съ одной стороны, въ видѣ правилъ, а съ другой, въ видѣ исключеній, всѣ слу-

[1] Подъ остальными лицами я здѣсь, для краткости, разумѣю какъ 3-е лицо единственнаго, такъ и всѣ три лица множ. числа.

чаи, когда при извѣстныхъ окончаніяхъ неопредѣленнаго наклоненія глаголъ образуетъ 1-е лицо един. числа наст. или буд. времени такъ или иначе.

Востоковъ умѣлъ избѣгнуть этого неудобства, но и онъ въ своихъ 10-ти *различіяхъ* глаголовъ показываетъ отношеніе между неопредѣленнымъ наклоненіемъ и 1-мъ лицомъ наст. времени. Указаніе перемѣны ударенія во 2-мъ и слѣдующихъ лицахъ не вошло у него въ составъ самой статьи о глаголахъ, а отнесено къ общей главѣ о слогоудареніи, составляющей послѣднюю часть его книги.

Павскій отвергъ надобность внѣшнихъ признаковъ для производства главныхъ глагольныхъ формъ, и основалъ свои правила спряженія на внутреннемъ составѣ глагола, на различномъ сочетаніи первоначальнаго, часто скрытаго корня его съ извѣстными окончаніями. Примѣненіе этой методы возможно только для филолога, но какъ могутъ воспользоваться ею учащіеся?

Г. Буслаевъ, показывая отношеніе между неопредѣленнымъ накл. и настоящимъ временемъ изъявительнаго, принимаетъ *различія* Востокова и затѣмъ приводитъ 1-е и 2-е лица един. числа, но не касается вопроса объ удареніи (см. его *Учебникъ русск. Грамматики*, изд. 1874, стр. 34—36).

Существованіе двухъ различныхъ удареній во многихъ русскихъ глаголахъ есть обстоятельство чрезвычайно важное и заслуживающее точно такого же вниманія, какъ и различіе самыхъ окончаній. Ошибка въ удареніи можетъ иногда болѣе поразить слухъ, нежели неправильное окончаніе, какое мы нерѣдко встрѣчаемъ даже и на письмѣ, наприм. въ формахъ: *стелятъ*, *надѣятся*, *строютъ*, вмѣсто *стелютъ*, *надѣются*, *строятъ*. Правда, въ удареніи природный Русскій не ошибается; но здѣсь дѣло идетъ объ указаніи общихъ явленій языка, и познаніе ихъ важно не потому только, что оно облегчаетъ иностранцамъ его изученіе.

Другое важное обстоятельство—тó, что присутствіе въ глаголѣ двухъ разныхъ удареній—если они есть—по большей части

обнаруживается въ настоящемъ (или будущемъ) времени изъяв. накл., и именно такимъ образомъ, что въ 1-мъ лицѣ един. числа бываетъ одно удареніе, а въ прочихъ лицахъ обоихъ чиселъ — другое (смотрю́, смо́тришь,—итъ,—имъ,—ите,—ятъ).

Далѣе мы замѣчаемъ, что часто однѣ изъ формъ, принимаемыхъ глаголомъ въ спряженіи, бываютъ по ударенію сходны съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, а другія отъ него отличаются, и что это различіе въ бо́льшей части случаевъ обнаруживается постоянно одинаковымъ образомъ.

Эти наблюденія убѣждаютъ насъ, что для вѣрнаго спряженія извѣстнаго глагола нужно, при самомъ такъ-сказать наименованіи его, уже имѣть указаніе: одно, или два въ немъ ударенія?

Изъ этого ясно видна необходимость, по меньшей мѣрѣ, *двухъ основныхъ формъ* для спряженія глагола. Всѣмъ извѣстно, что въ латинскомъ языкѣ для спряженія большей части глаголовъ надобно знать цѣлыя четыре формы; да и въ новѣйшихъ языкахъ нельзя спрягать глагола, зная одно только неопред. наклоненіе. У насъ всѣ согласны въ томъ, что спряженіе русскаго глагола имѣетъ въ основаніи своемъ *двѣ темы;* но затѣмъ остается рѣшить, какія изъ формъ, подходящихъ подъ эти двѣ темы, должны быть поставлены въ главѣ прочихъ, какъ руководство для спряженія[1]. Вообще считаютъ или подразумѣваютъ нужнымъ знать предварительно три формы: неопред. наклоненіе, 1 и 2 лица един. числа наст. времени; оттого и въ нѣкоторыхъ словаряхъ выставлены именно эти три формы. Разсмотримъ каждую изъ нихъ.

Можетъ ли, во-первыхъ, неопред. наклоненіе служить основною формою?

---

[1] Основныхъ формъ не должно принимать въ смыслѣ *коренныхъ*. Корень глагола часто не бываетъ виденъ въ цѣломъ спряженіи, наприм. въ глаголахъ: *тонуть* (кор. топ) и *гнуть* (кор. гб). Нельзя также сказать, чтобъ которая-нибудь изъ формъ глагола была въ отношеніи къ другимъ коренною, чтобы однѣ отъ другихъ дѣйствительно происходили. Дѣло только въ томъ, что глаголъ въ различныхъ своихъ измѣненіяхъ принимаетъ разныя окончанія, и что между его измѣненіями есть такія, которыя представляютъ вѣрные признаки для образованія всѣхъ остальныхъ.

Общую идею глагола почти на всѣхъ языкахъ принято выражать неопредѣленнымъ наклоненіемъ, и въ самомъ дѣлѣ оно къ тому всего удобнѣе. У многихъ народовъ оно представляетъ еще и ту выгоду, что во всѣхъ глаголахъ оканчивается одинаково. У нашихъ глаголовъ нѣкогда было также общее окончаніе на *ти*, но впослѣдствіи оно подверглось двоякому измѣненію: 1) въ большей части глаголовъ оно сократилось въ *ть;* 2) стоя послѣ буквъ *г* и *к*, оно вмѣстѣ съ ними (гти, кти) превратилось сперва въ *щи*, а потомъ въ *чь*. Уцѣлѣлъ слогъ *ти* только послѣ буквъ *с* и *з*, и притомъ единственно въ томъ случаѣ, когда на *и* удареніе, да и тутъ онъ почти всегда можетъ сокращаться въ *ть*. Говорятъ, наприм., *нести* и *несть*, *везти* и *везть*. Только въ *расти*, *пасти*, *итти* окончаніе *ти* никогда не измѣняется; въ *трясти* и *ползти* оно сокращается рѣдко. Несмотря на то, что неопредѣленное наклоненіе во многихъ глаголахъ потеряло свой первоначальный видъ, согласимся, что оно, какъ по самому значенію своему, такъ и по удобству образовать съ помощію его разныя другія глагольныя измѣненія, должно быть удержано въ качествѣ первой основной формы глагола. И въ преподаваніи языка, и въ словаряхъ неопредѣленное наклоненіе такъ уже укоренилось на первомъ мѣстѣ, что не легко было бы, да и нѣтъ надобности, замѣнить его въ этомъ смыслѣ какою-либо другою формой.

Можетъ ли 1-е лицо един. числа наст. времени служить второю основною формой?

Разсмотримъ это лицо въ двухъ отношеніяхъ: 1) относительно ударенія, 2) относительно окончанія.

1) Относительно *ударенія* мы находимъ, что это лицо вообще носитъ его на томъ же слогѣ, какъ неопред. наклоненіе, наприм. *по́мнить, по́мню; держа́ть, держу́; пла́кать, пла́чу; трепета́ть, трепещу́*.

Подъ это правило не подходятъ только извѣстные односложные глаголы: *пѣть, пою́; пасть, пасу́; класть, кладу́; клясть, кляну́;* также *бере́чь, берегу́* и нѣк. др.

Сверхъ того пять глаголовъ, у которыхъ настоящее время

образуется двояко, представляютъ въ одномъ изъ его окончаній отступленіе отъ означеннаго общаго закона:

алка́ть — *алка́ю* и *а́лчу*,
колыха́ть — *колыха́ю* и *колы́шу*,
страда́ть — *страда́ю* и *стра́жду*,
хрома́ть — *хрома́ю* и *хра́млю*,
колеба́ть — *колеба́ю* (устар.) и *коле́блю*[1].

Особому, но также постоянному закону въ этомъ отношеніи слѣдуютъ глаголы на *чь* и на *ова́ть* и *ева́ть* съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ; о чемъ будетъ говорено ниже.

2) Относительно *окончанія* 1-го лица мы замѣчаемъ, что оно не носитъ въ себѣ довольно характеристическаго признака для спряженія; вотъ наприм. 4 глагола въ этой формѣ: *вяжу*, *вожу*, *сижу*, *держу*, но у каждаго изъ нихъ въ неопредѣленномъ наклоненіи свое особое окончаніе: *вязать*, *водить* (и *возить*) *сидѣть*, *держать*. То же видимъ мы и въ глаголахъ *любить*, *скоблить*, *колебать*, у которыхъ 1-е лицо оканчивается одинаковымъ образомъ: *люблю*, *скоблю*, *колеблю*.

Мы находимъ далѣе, что 1-е лицо, по окончанію, всегда легко образовать отъ одного изъ слѣдующихъ, а для опредѣленія ударенія его, въ сомнительныхъ случаяхъ, указаніемъ служитъ неопредѣленное наклоненіе. Въ подробности это будетъ разсмотрѣно ниже, а здѣсь я удовольствуюсь заключеніемъ, что такъ какъ 1-е лицо всегда можетъ быть отыскано по другимъ формамъ, то нѣтъ причины ставить его въ число формъ основныхъ.

Не болѣе ли права на это имѣетъ которое-либо изъ прочихъ лицъ настоящаго или будущаго времени?

Разсматривая эти лица въ обоихъ числахъ вмѣстѣ, мы открываемъ во всѣхъ ихъ одно общее свойство — одинаковое *уда-*

[1] Къ этимъ глаголамъ можно бы причислить еще два: *жада́ть* — *жада́ю* и *жа́жду*; *има́ть* — *има́ю* и *е́млю*; но въ первомъ неопредѣленное наклоненіе устарѣло и вмѣсто его установилась неправильная форма *жаждать*, а послѣдній въ русскомъ языкѣ неупотребителенъ безъ соединенія съ предлогомъ.

реніе, часто отличное отъ того, какое находится въ 1-мъ лицѣ един. числа. При этомъ всегда повторяется одно явленіе, именно тó, что въ 1-мъ лицѣ удареніе на послѣднемъ слогѣ, а въ другихъ оно переходитъ на предпослѣдній, наприм. *рублю́*, *ру́бишь*, *итъ*, *имъ* и т. д.; *держу́*, *де́ржишь; терплю́*, *те́рпишь; могу́, мо́жешь*.

Обратной перемѣны, т. е., чтобы удареніе съ предпослѣдняго слога въ 1-мъ лицѣ переходило въ слѣдующихъ на послѣдній — никогда не бываетъ.

Указать средство, какъ по 1-му лицу узнавать *удареніе* слѣдующихъ, нѣтъ возможности; но и образовать *окончанія* остальныхъ лицъ съ помощію 1-го чрезвычайно затруднительно, потому что при этомъ необходимо помнить, какимъ окончаніямъ неопредѣленнаго наклоненія соотвѣтствуютъ извѣстныя окончанія 1-го лица, а на это нѣтъ постоянныхъ правилъ.

Конечно всякій согласится: 1) что если 1-е лицо легче образовать по одному изъ слѣдующихъ, нежели наоборотъ, то лучше рядомъ съ неопред. наклоненіемъ приводить не 1-е, а одно изъ прочихъ, и 2) что если нѣтъ правилъ для объясненія перемѣны ударенія во 2-мъ и слѣдующихъ лицахъ, то нельзя обойтись безъ прямого указанія одного изъ нихъ, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ это нужно.

Которое же изъ сходныхъ по ударенію лицъ настоящ. (или будущ.) времени предпочтительно должно быть принято за основную форму?

2-е и 3-е лица един. числа, 1-е и 2-е множественнаго не отличаются одно отъ другого начальною гласною своихъ окончаній, которая всегда бываетъ *е* или *и;* напротивъ, въ 3-мъ лицѣ множ. числа обнаруживается бóльшее разнообразіе: бер-*утъ*, пор-*ютъ*, вид-*ятъ*, держ-*атъ*, и предшествующія лица (кромѣ 1-го един. числа) не всегда сами по себѣ могутъ рѣшить сомнѣніе, какъ именно (на *утъ* или *ютъ*) должно оканчиваться 3-е лицо множ. числа. Конечно, это сомнѣніе можетъ быть рѣшено 1-мъ лицомъ един. числа, но теперь мы предполагаемъ его еще неизвѣстнымъ;

извѣстность же его прежде другихъ лицъ, какъ мы видѣли, мало доставляетъ выгодъ.

Напротивъ, 3-е лицо множ. числа прямо и несомнѣнно указываетъ окончанія другихъ лицъ обоихъ чиселъ того же времени; притомъ оно въ нѣкоторыхъ случаяхъ сохраняетъ корень глагола во всей чистотѣ, тогда какъ онъ въ остальныхъ однородныхъ по ударенію лицахъ подвергается измѣненію, наприм. въ глаголахъ *течь*, *тек-утъ* (*теч-ешь* и пр.), *лгать*, *лг-утъ* (*лж-ешь*). Наконецъ прибавимъ, что съ помощію 3-го лица множ. числа давно уже во всѣхъ грамматикахъ образуются нѣкоторыя формы, именно дѣйствит. причастіе и дѣепричастіе настоящаго времени. По всѣмъ этимъ причинамъ, для 2-й основной формы всего удобнѣе оказывается 3-е лицо множ. числа[1].

Отъ этихъ двухъ основныхъ формъ легко образовать всѣ прочія измѣненія глагола по наклоненіямъ, временамъ, лицамъ и числамъ (о *видахъ* здѣсь еще нѣтъ рѣчи). Остановимся только на немногихъ производствахъ, которыя, по новости своей, требуютъ объясненія. Прежде всего надобно доказать, что 1-е лицо единственнаго числа настоящаго (или будущаго) времени дѣйствительно образуется всегда съ помощію 3-го множ. числа, при чемъ для опредѣленія мѣста ударенія служитъ, въ сомнительныхъ случаяхъ, неопред. наклоненіе.

I. Когда 3-е лицо множ. числа оканчивается на *утъ* или *ютъ*, то для полученія 1-го лица единствен. числа стóитъ только отбросить *тъ*[2].

Что касается до ударенія, то здѣсь могутъ быть два случая:

1) Если оно на *утъ* или *ютъ*, или передъ *ю* гласная буква, то мѣсто ударенія въ 1-мъ лицѣ един. числа никогда не измѣняется

[1] Въ этомъ утверждаетъ насъ и аналогія нѣкоторыхъ другихъ языковъ: такъ въ арабскомъ, въ еврейскомъ и въ финскомъ 3-е лицо един. числа наст. времени считается коренною формой.

[2] Конечно, буква *у* въ 1-мъ лицѣ един. числа по происхожденію существенно отличается отъ *у* въ окончаніи 3-го лица множ. числа, но при указаніи съ практическою цѣлью глагольныхъ окончаній такое различіе не можетъ быть принимаемо въ расчетъ.

и нѣтъ надобности имѣть въ виду неопреод. наклоненіе, напр. *даю-тъ, даю; плыву-тъ, плыву; сѣку-тъ, сѣку; пою-тъ, пою; мѣняю-тъ, мѣняю; дѣйствую-тъ, дѣствую; образую-тъ; образую.*

2) Если передъ *утъ* или *ютъ* стоитъ *согласная* буква и ударенiе на *предпослѣднемъ слогѣ*, то 1-е лицо един. числа принимаетъ ударенiе неопредѣленнаго наклоненiя, наприм.

Отъ *рѣзать, рѣжу-тъ — рѣжу*; отъ *плáкать, плáчу-тъ — плáчу;* отъ *красть, крáду-тъ — крáду.*

Напротивъ, отъ *колóть, кóлютъ — колю;* отъ *вязáть, вяжу-тъ — вяжу*; отъ *дремáть, дрéмлю-тъ — дремлю;* отъ *трепетáть, трепéщу-тъ — трепещу.*

Примѣчанiе. Пять вышеприведенныхъ глаголовъ: *алкать, колыхать, страдать, хромать, колебать,* съ двоякимъ настоящимъ временемъ, отступаютъ въ одномъ изъ его окончанiй отъ указаннаго общаго правила и имѣютъ въ 1-мъ лицѣ: *áлчу, колышу, стрáжду, хрáмлю, колéблю.*

Исключенiе составляетъ еще глаголъ: *мочь, мóгутъ — могу*; но это—только видимое исключенiе: форма *могу* по ударенiю согласна съ первоначальнымъ неопредѣленнымъ наклоненiемъ *мощи́* (малор. *мочи́*).

II. Когда 3-е лицо множ. числа оканчивается на *ятъ* или *атъ*, то въ 1-мъ лицѣ един. числа *ятъ* перемѣняется на *ю*, *атъ* на *у*; касательно же ударенiя соблюдаются тѣ же два правила, какiя изложены при окончанiяхъ *утъ, ютъ*, именно:

1) Когда ударенiе на *ятъ, атъ* или когда передъ *я* гласная буква, то 1-е лицо един. числа всегда удерживаетъ то же ударенiе: *вел-ятъ, вел-ю; говор-ятъ, говор-ю, трещá-тъ, трещ-у; дребезж-áтъ, дребезж-у; сто-ятъ, сто-ю; стó-ятъ, стó-ю; тáя-тъ, тá-ю.*

2) Когда передъ *ятъ, атъ* согласная буква и ударенiе на предпослѣднемъ слогѣ, то 1-му лицу един. числа сообщается ударенiе неопредѣленнаго наклоненiя:

Отъ *пóмнить, пóмн-ятъ — пóмню*; отъ *тѣшить, тѣш-атъ — тѣш-у.*

Напротивъ, отъ *валить*, *вáл-ятъ* — *валю*; отъ *служить*, *слýж-атъ*—*служý;* отъ *курить*, *кýр-ятъ*—*ку-рю;* отъ *держáть*, *дéрж-атъ* — *держý;* отъ *волочить*, *волóч-атъ* — *волоч-ý*.

Примѣчаніе. Глаголъ *гнать*, *гóн-ятъ*, — *гон-ю* есть только видимое исключеніе, потому что неопредѣл. наклоненіе, соотвѣтствующее настоящему времени изъяв., есть *гонить*, но оно уступило мѣсто другому глаголу: *гнать*.

Случается, что передъ буквою *ю* въ 1-мъ лицѣ един. числа не могутъ устоять нѣкоторыя согласныя, какъ-то: *б*, *п*, *в*, *ф*, *м*; *д*, *т*; *з*, *с*; тогда эти согласныя подвергаются извѣстному измѣненію, отъ котораго зависитъ и необходимый иногда переходъ буквы *ю* въ *у*, но самый законъ образованія 1-го лица въ сущности остается тотъ же; вся разница въ томъ, что вмѣсто *бю* произносятъ *блю*, вм. *пю*—*плю*, вм. *дю*—*жу* или *жду*, вм. *зю*—*жу* и проч.

Отъ 3-го лица множ. числа получаются еще проще какъ 2-е и 3-е единств., такъ и всѣ три лица множ., именно перемѣною:

— *ютъ*, *утъ* на *ешь*, *етъ*; *емъ*, *ете*.
— *ятъ*, *атъ* на *ишь*, *итъ*; *имъ*, *ите*.

Удареніе во всѣхъ этихъ лицахъ постоянно то же, что въ 3-мъ лицѣ множ. числа.

Если окончанію *утъ* предшествуетъ *г* или *к*, то передъ гласною *е* въ другихъ лицахъ *г* смягчается въ *ж*, а *к* въ *ч*; *берег-утъ*, *береж-ешь* и т. д., *тек-утъ*, *теч-ешь* и проч.

Не считаю нужнымъ останавливаться на удобствахъ образованія нѣкоторыхъ другихъ глагольныхъ формъ отъ 3-го лица множ. числа. Упомяну только объ одномъ: страдат. причастіе настоящаго времени на *óмый* является только тамъ, гдѣ это лицо оканчивается на *утъ* съ удареніемъ: *несýтъ*, *несóмый; влекýтъ*, *влекóмый*; *зовýтъ*, *зовóмый* (не подходитъ подъ это замѣчаніе только *искóмый* при 3-мъ лицѣ множ. ч. *ищутъ*).

Производство прошедшаго времени изъяв. накл., въ отношеніи къ окончанію, отъ наклоненія неопредѣленнаго давно принято

многими. Но почему слоги *ла*, *ло* въ един. числѣ этого времени и *ли* во множ. иногда носятъ удареніе, а иногда нѣтъ? Отчего въ одномъ случаѣ говорятъ: тек-*ла́*, — *ло́*, — *ли́*, а въ другомъ сѣ́к-*ла*, —*ло*, —*ли*, хотя неопредѣленное накл. въ обоихъ оканчивается одинаково; также: вез-*ла́*, — *ло́*, — *ли́* и — гры́з-*ла*, — *ло*, — *ли*?

Такое различіе зависитъ отъ первоначальной формы неопредѣленнаго наклоненія. Въ глаголахъ, которые, сверхъ окончанія *зть*, *сть*, могутъ имѣть *зти́*, *сти́* или и всегда сохраняютъ одно только послѣднее, полное окончаніе,—удареніе въ прошед. времени постоянно падаетъ на слоги *ла*, *ло*, *ли*, наприм. весть или вез*ти́*: *везла́*, *ло́*, *ли́*; гресть или гре*сти́*: *гребла́*, *ло́*, *ли́*; па*сти́*: *пасла́*, *ло́*, *ли́*. Напротивъ, когда неопред. наклоненіе оканчивается только на *зть*, *сть*, когда слѣдовательно неупотребительное окончаніе его на *ти* не носитъ ударенія, тогда и въ прош. времени удареніе не можетъ падать на слоги *ла*, *ло*, *ли*: гры*зть*, *гры́зла* и проч.; лѣ*зть*, *лѣ́зла*, кла*сть*, *кла́ла*; сѣ*сть*, сѣ́*ла*, *ло*, *ли*.

Такъ и въ двухъ глаголахъ на *чь*: *стричь*, *сѣчь* окончаніе *ла*, *ло*, *ли*, въ прош. времени остается безъ ударенія (*стри́гла*, *сѣ́кла*, *о*, *и*) по той причинѣ, что первоначальное окончаніе ихъ на *гти*, *кти* не носило ударенія, какъ видно донынѣ въ малороссійскомъ нарѣчіи, гдѣ эти глаголы сохраняютъ форму: *стри́гти*, *сѣ́кти*. Во всѣхъ прочихъ глаголахъ на *чь* окончанія прошедшаго времени *ла*, *ло*, *ли* принимаютъ удареніе, сообразуясь съ первоначальнымъ неопредѣленнымъ наклоненіемъ на *гти́*, *кти́*.

Соотношеніе, открывающееся такимъ образомъ между неопредѣленнымъ наклоненіемъ и прошедшимъ врем. изъявительнаго по ударенію, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Отсюда вытекаетъ и законъ ударенія въ страд. причастіи прошед. времени у глаголовъ, оканчивающихся на *чь* и на *зть* или *сть*. Когда у нихъ въ прошед. врем. изъяв. накл. послѣдній слогъ *ло*, *ла*, *ли* остается безъ ударенія, тогда и въ страдат. причастіи оно не падаетъ на окончаніе *енъ*, наприм. *грызть*, *гры́зла*, *ло*, *ли* —*гры́зенъ*; *класть*, *кла́ла* — *кла́денъ*; *стричь*, *стри́гла* — *стри́женъ*; *сѣчь*,

сѣкла—сѣченъ. Напротивъ, слогъ *енъ* носитъ удареніе въ глаголахъ *вести́*, *вела́*, *ло́*, *ли́* — *ведёнъ; везти́*, *везла́*, *везёнъ; влечь*, *влекла́*, *влечёнъ*; *беречь (берегти́)*, *берегла́*, *бережёнъ* и проч.

Въ прошедшемъ врем. многихъ односложныхъ глаголовъ на *ть* съ предыдущею гласною буквою, окончаніе одного женскаго рода *(ла)* принимаетъ удареніе, наприм. *была́*, *жила́*, *рвала́*, *мала́;* но это — далеко не общее явленіе, какъ видно изъ примѣровъ: *би́ла*, *жа́ла*, *кры́ла*, *зна́ла*. Есть одно постоянное правило касательно ударенія въ глаголахъ возвратныхъ. Когда въ прош. времени глагола на *ть* окончаніе женскаго рода *ла* ходитъ съ удареніемъ, то, по присоединеніи къ глаголу мѣстоименія *ся*, это послѣднее въ мужескомъ родѣ означеннаго времени также принимаетъ удареніе, которое сообщается и слогамъ *ло́*, *ли́* передъ возвратнымъ мѣстоименіемъ *ся* или *сь*, наприм. рва-*л-а́:* рва-*л-ся́*, рва-*л-о́сь;* рва-*л-и́сь;* гна*ла́:* гна*лся́*, гна*ло́сь*, гна*ли́сь; жила́:* (раз) жил*ся́*,—жил*о́сь*,—жил*и́сь;* (от) пер*ла́*,—пер*ся́*, пер*ло́сь*, пер*ли́сь;* роди*ла́:* роди*лся́*, роди*ло́сь*, роди*ли́сь*, — хотя при отсутствіи возвратнаго мѣстоименія говорятъ: *рва́ло, рва́ли*, *гна́ло*, *гна́ли* и проч. О женскомъ родѣ прошед. времени возвратнаго залога говорить нечего: слогъ *ла́* удерживаетъ свое удареніе и передъ *ся* или *сь*.

По изложеннымъ началамъ спряженія неправильными оказываются только тѣ глаголы, у которыхъ какія-нибудь окончанія не образуются по общимъ правиламъ отъ одной изъ основныхъ формъ. Такихъ глаголовъ не болѣе 10—12-ти. У однихъ неправильность обнаруживается въ настоящемъ или будущемъ, у другихъ въ прошедшемъ времени, у третьихъ въ повелительномъ наклоненіи.

Въ *настоящемъ* или *будущемъ* времени неправильны глаголы: *бѣжать*, *бѣгутъ; чтить*, *чтятъ; хотѣть*, *хотятъ; ѣсть*, *ѣдятъ; дать*, *дадутъ*. Здѣсь неправильность состоитъ въ томъ, что отъ 3-го лица множ. числа нельзя образовать правильно всѣхъ остальныхъ лицъ въ обоихъ числахъ. Отъ *бѣгутъ* нельзя образовать *бѣжишь*, — *итъ;* — *имъ*, — *ите;* отъ *чтятъ* — *чту*, отъ *хо-*

тятъ — *хочешь* и *хочетъ;* отъ *ѣдятъ* — *ѣмъ*, *ѣшь*, *ѣстъ;* отъ *дадутъ* — *дамъ*, *дашь* и все прочее[1].

Въ *прошедшемъ* времени неправильны: *итти*, *идутъ; шибить*, *шибутъ*, потому что отъ *итти* нельзя на общемъ основаніи образовать *шелъ*[2], а отъ *шибить* — *шибъ*.

Въ *повелительномъ* наклоненіи неправильны: *лечь*, *лягутъ* — *лягъ; ѣсть*, *ѣдятъ* — *ѣшь; сыпать*, *сыплютъ* — *сыпь*.

Есть еще нѣсколько глаголовъ, у которыхъ то или другое изъ прочихъ окончаній образуется неправильно.

Хотя обѣ основныя формы никакъ не могутъ быть выводимы одна изъ другой, все-таки необходимо, въ теоріи спряженія русскаго глагола, показать, въ какомъ отношеніи эти двѣ формы находятся между собою у разныхъ глаголовъ. Наприм. глаголъ *дѣлать*, *дѣлаютъ* не похожъ на *пороть*, *порютъ*, и *терпѣть*, *терпятъ* — на *искать*, *ищутъ*. Несходство ихъ заключается въ различномъ отношеніи между 1-ю основною формой и 2-ю. Для систематическаго обзора глаголовъ по этому отношенію я нахожу удобнѣйшимъ сохранить тѣ самые разряды, какіе Востоковъ принялъ подъ именемъ *различій*, но съ тою перемѣною, что вслѣдъ за неопредѣл. наклоненіемъ слѣдовало бы приводить, вмѣсто 1-го лица един. числа, 3-е лицо множественнаго.

Немногіе глаголы, которые, по взаимному отношенію обѣихъ основныхъ формъ, не подходятъ подъ означенные разряды, должны бы составить, согласно съ теоріей Востокова, особый классъ неправильныхъ глаголовъ, при чемъ нѣкоторые изъ помѣщенныхъ имъ въ 1-мъ отдѣлѣ перешли бы во 2-й, къ которому, такимъ образомъ, принадлежали бы слѣдующіе глаголы: *ревѣть*,

---

[1] Въ послѣднихъ изъ этихъ глаголовъ своеобразность основывается на сохраненіи болѣе древнихъ формъ; у другихъ же она заключается въ томъ, что въ спряженіи сливаются два глагола, т. е. *бѣжать* и *бѣчь*, *чтить* и *честь*, *хотѣть* и *хотать* (неупотр.).

[2] Тутъ нѣтъ собственно неправильности, а дѣло въ томъ, что при гл. *итти* прошедшее взято отъ другого, неупотребительнаго въ неопр. наклоненіи глагола *шести*, отвѣчающаго глаголу *ходить*, какъ *брести*, напр., глаголу *бродить*.

ревутъ; стенáть, стóнутъ; гнáть, гóнятъ; ѣхать, ѣдутъ; итти, идутъ; быть, бýдутъ; ѣсть, ѣдятъ; дать, дадýтъ[1]. Къ нимъ надобно еще причислить: *клясть, клянýтъ; сѣсть, сядутъ* и *лечь, лягутъ*. Но почти всѣ эти глаголы неправильны единственно по такой несоотвѣтственности въ ихъ составѣ; спряженіе же ихъ, т. е. образованіе прочихъ окончаній отъ основныхъ формъ, происходитъ по большей части правильно.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Всякій, кто безпристрастно взглянетъ на предлагаемыя мною двѣ основныя формы, какъ на самыя явственныя представительницы *двухъ темъ* русскаго глагола, долженъ согласиться, что онѣ существенно служатъ къ облегченію правильнаго спряженія и къ уясненію его законовъ. Нѣкоторые составители грамматикъ дѣйствительно воспользовались моимъ наблюденіемъ. Особенно слѣдуетъ назвать между ними г. Стоюнина, который въ своемъ «Высшемъ курсѣ русской грамматики» (Спб. 1855, стр. 66—71) принялъ мои замѣчанія въ основу изложенныхъ имъ правилъ спряженія. Такимъ же образомъ поступилъ еще прежде покойный профессоръ Гельсингфорсскаго университета Акіандеръ во 2-мъ изданіи своей «Rysk Språklära» (Helsingfors, 1853).

Многіе преподаватели финляндскихъ училищъ сознавались, что предложенный мною методъ спряженія оказалъ на практикѣ замѣтную услугу при изученіи русскаго языка. То же свидѣтельствовали мнѣ нѣкоторые Чехи, ознакомившіеся съ моею теоріею. У насъ, напротивъ, иные оспаривали надобность принимать, для спряженія глагола, двѣ основныя формы. Они полагали, что для

[1] Что касается до гл. *спать*, отнесеннаго Востоковымъ къ числу неправильныхъ, то я раздѣляю мнѣніе Павскаго, который ставитъ его въ одинъ разрядъ съ глаголами *смотрѣть*, *лежать*, *стоять* и проч. (соотвѣтствующими 9-му различію Востокова).

природнаго Русскаго такое указаніе совершенно излишне. Но если такъ, то не лучше ли признать, что для Русскаго и вообще русская грамматика безполезна? Къ числу такихъ лицъ принадлежалъ отчасти и покойный мой сочленъ по Академіи, П. С. Билярскій. Говорю *отчасти* потому, что онъ въ отношеніи къ преподаванію сознавалъ вѣрность замѣченныхъ мною фактовъ и пользу предложенныхъ вслѣдствіе того правилъ; но находилъ, что наука ничего отъ нихъ не выигрываетъ. Въ этомъ смыслѣ Билярскій написалъ ко мнѣ письмо, напечатанное въ «Извѣстіяхъ» (1861, вып. 4) вмѣстѣ съ моимъ отвѣтомъ, изъ котораго считаю нелишнимъ помѣстить здѣсь извлеченіе:

По моему мнѣнію, знаніе основной формы и правильное съ помощію ея составленіе другихъ формъ глагола можетъ служить къ облегченію обзора и уразумѣнія разнообразнаго состава и образованія русскихъ глаголовъ. Обращая вниманіе на основныя формы ихъ, я вовсе не имѣлъ намѣренія устранить изученіе разрядовъ нашихъ глаголовъ по ихъ образованію, но я не касался этого предмета потому, что имѣлъ свою опредѣленную цѣль. Эта цѣль состояла главнымъ образомъ въ томъ, чтобы доказать, что принимаемыя въ наиболѣе распространенныхъ грамматикахъ нашихъ двѣ основныя формы: неопредѣленное наклоненіе и 1-е лицо единств. числа наст. времени не ведутъ къ желаемому результату, такъ какъ вторая изъ нихъ не заключаетъ въ себѣ постояннаго указанія относительно *окончанія* и особенно *ударенія* остальныхъ лицъ того же времени. Если бъ въ нашихъ грамматикахъ не было этого недостатка, если бъ онѣ вовсе не занимались производствомъ остальныхъ лицъ обоихъ чиселъ отъ 1-го лица единств., то можетъ-быть, мнѣ бы и не вздумалось обратить вниманіе на потребность въ болѣе пригодныхъ основныхъ формахъ глагола. Вы считаете достаточнымъ труднѣйшій путь изученія внутренняго состава русскихъ глаголовъ; но въ этомъ случаѣ вы слишкомъ много надѣетесь на силу анализа школы: это доказывается безпрерывными ошибками спряженія въ нашемъ книжномъ мірѣ, гдѣ вы то и дѣло встрѣчаете: они *строютъ*, *стоютъ*, *клеютъ*,

надѣятся, *сыплятъ*, *колеблятъ*, *трепещатъ*, *морочутъ* и т. п. Я согласенъ съ вами, что въ сущности и другія лица того же времени (кромѣ однакожъ 1-го един. числа) имѣли бы право называться основною формой; но такъ какъ для руководства надо избрать одно лицо, то я отдаю рѣшительное предпочтеніе 3-му лицу множ. числа, въ которомъ всего виднѣе то, чтó вы справедливо называете темой глагола; напр. у глаголовъ подобныхъ *беречь* коренная буква *г*, въ этомъ разрядѣ лицъ, сохраняется только въ 3-мъ лицѣ множ., въ остальныхъ же умягчается въ *ж* (*бережешь* и т. д.). Я думаю, что если бъ вообще на взаимное соотношеніе этихъ лицъ, при изученіи языка, было обращаемо болѣе вниманія, то наша орѳографія освободилась бы отъ многихъ ошибокъ.

Что при образованіи глагольныхъ формъ предполагается знаніе закона умягченія буквъ въ спряженіи, вовсе не показываетъ пренебреженія къ этому закону; напротивъ, это значитъ только, что съ нимъ должно ознакомиться уже предварительно. Въ моей статьѣ не упоминается о немъ подробно, потому что онъ здѣсь не относится прямо къ дѣлу, меня занимавшему. Вы указываете на встрѣчающееся иногда затрудненіе знать, какъ должны быть смягчены буквы *д* и *т*: должны ли онѣ обратиться въ *ж* и *ч*, или въ *жд* и *щ*. Однакожъ, если ближе разсмотрѣть дѣло, то это совершенно частное затрудненіе разрѣшается довольно легко: смягченіе *жд* и *щ* является почти исключительно въ предложныхъ глаголахъ церковно-славянскаго или по крайней мѣрѣ книжнаго происхожденія, наприм.: *преградить (прегражду)*; *убѣдить*, *упредить*, *учредить*; *возмутить (возмущу)*, *обогатить*, *посѣтить*, *сократить*, *укротить*. Тѣ изъ этихъ глаголовъ, которые употребляются безъ предлога или принимаютъ народно-русскую форму, вмѣстѣ съ тѣмъ теряютъ славянское умягченіе, наприм.: *городить*, *опередить*, *укоротить* (*горожу* и т. д.). Изъ безпредложныхъ глаголовъ только очень не многіе (опять таки книжнаго происхожденія) способны принимать славянское умягченіе, и для примѣра мнѣ не приходитъ на память другихъ, кромѣ *претить* и *святить*.

Впрочемъ, какъ эта особенность, такъ и случай, къ которому относится приводимый вами примѣръ: *прослезюсь* вмѣсто *прослежусь*, вовсе не находятся въ связи съ той или другой основной формой, а просто составляютъ довольно рѣдкое отступленіе отъ формъ спряженія, объясняющееся частью историческими, частью логическими причинами.

Признавая, что указанные мною простые факты могутъ быть полезны въ преподаваніи, вы отстаиваете право науки и даже доказываете обязанность ея не заботиться какъ бы облегчить изученіе того, чтó само по себѣ сложно, хитро, запутано. Такой взглядъ показываетъ, что вы полагаете цѣлую бездну между цѣлями ученаго и задачами педагога, между знаніемъ научнымъ и знаніемъ практическимъ. Кажется однакожъ, что вы, думая такъ, уничтожаете одинъ изъ лучшихъ результатовъ новѣйшаго образованія, который заключается въ убѣжденіи, что наука мало приноситъ пользы, когда она не снисходитъ къ потребностямъ общества, и что для ея распространенія необходимо стараніе самихъ ученыхъ упростить ея выводы и сдѣлать ихъ доступными для большинства.

Хотя вы, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего письма, и отдаете предложенной мною формѣ (т. е. 3-му лицу множ. числа) преимущество передъ общеупотребительною (т. е. 1-мъ лицомъ един. числа), однакожъ думаете, что въ словаряхъ первая не замѣнитъ послѣдней, которую трудно выводить изъ неопредѣленнаго наклоненія.

На это я бы могъ возразить, что ее легко выводить изъ предлагаемыхъ мною *двухъ* формъ; но еще важнѣе другое замѣчаніе. Вы упустили изъ виду, что въ словаряхъ уже принято выставлять 3 формы: неопредѣленное наклоненіе 1-е и 2-е лицо един. числа настоящаго времени, напр. *хвали́ть, хвалю́, хва́лишь.* Я полагаю, что указаніе сдѣлалось бы еще опредѣленнѣе и практичнѣе, если бъ вмѣсто 2-го лица един. числа въ словари наши введено было 3-е лицо множеств., потому что въ остальныхъ окончаніяхъ этого времени рѣдко кто ошибется, но — повто-

ряю — мы *безпрестанно* читаемъ въ печати: *объемлятъ, дремлятъ, колышатъ, безпокоютъ, строютъ* (вм. объемлютъ, дремлютъ, колышутъ, безпокоятъ, строятъ) и т. п.

До сихъ поръ выписка изъ отвѣта моего Билярскому.

Для примѣра предлагаемой мною въ словаряхъ перемѣны беру глаголъ *ора́ть*, который, какъ извѣстно, имѣетъ два значенія: 1) пахать, и 2) кричать, и, согласно съ тѣмъ, два разныя спряженія. Въ 1-мъ случаѣ онъ спрягается такъ: *ору́*. *о́решь* — *о́рютъ*; во 2-мъ же: *ору́*, *орёшь*.—*ору́тъ*. Раскрываю академическій словарь и нахожу въ немъ:

ора́ть, *орю́*, *о́решь*, а въ другомъ значеніи:
ора́ть, *ору́*, *орёшь*.

Понятно, что указаніе выиграло бы въ ясности и опредѣлительности, если бъ вмѣсто того было поставлено:

ора́ть, *орю́*, *о́рютъ*, а во 2-мъ случаѣ:
ора́ть, *ору́*, *ору́тъ*;

потому что относительно остальныхъ лицъ того же времени уже не можетъ быть сомнѣнія: буквы *ю* и *у* 3-го лица множ. числа одинаково измѣняются въ остальныхъ лицахъ на *е*.

Въ словарѣ Даля изрѣдка указываются при глаголахъ тѣ же формы, что и въ акад.; при гл. *ора́ть* онъ присоединяетъ, и въ первомъ его значеніи, къ формѣ *орю́* еще форму *ору́*. Дѣло было бы яснѣе, если бъ при этомъ, вмѣсто *о́решь*, было выставлено: *о́рютъ* и *о́рутъ*. Въ существованіи послѣдней формы, вытекающей изъ показанія Даля, позволю себѣ однакожъ усомниться.

Впрочемъ, надобно прибавить, что наши словари очень непослѣдовательны въ такихъ обозначеніяхъ. У Даля они совершенно случайны, и при бо́льшей части глаголовъ онъ ихъ вовсе не ставитъ; слѣдовательно не даетъ никакого руководства относительно ударенія. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ его указанія въ этомъ отношеніи невѣрны. Такъ при глаголѣ *ры́скать*, онъ показываетъ 1-е лицо *рыщу́* и *ры́скаю*. Первая изъ этихъ формъ

по ударенію невозможна, и акад. словарь правильно ставитъ *рыщу*.

Академическій словарь вообще въ этомъ дѣлѣ исправнѣе; но и онъ тутъ иногда ошибается, единственно потому, что не сознаетъ правильнаго основанія. Такъ при глаголѣ *дышáть* онъ показываетъ 2-е лицо един. числа наст. времени: *дышешь*, тогда какъ слѣдовало поставить: *дышишь*, какъ въ глаголѣ *слышать*, *слышишь* (см. у Востокова 9-е различіе). *Дышешь* есть форма другого менѣе употребительнаго глагола *дыхáть* (какъ *пáшешь*, *мáшешь* отъ *пахáть*, *махáть;* ср. сказанное ниже на стр. 375); глаголъ же *дыхáть*, такъ же какъ и *махáть*, имѣетъ въ наст. времени еще и другую форму: *дыхáю* и т. д.; въ акад. словарѣ только эта форма и приведена при неопр. накл. *дыхáть*. Такія недоразумѣнія и неисправности были бы немыслимы въ словарѣ академіи, если бъ было обращено вниманіе на основныя формы глагола, которыя непосредственно служатъ къ отличенію его разряда. Такъ обозначеніе глаголовъ *дышáть* и *дыхáть* въ словарѣ должно быть слѣдующее:

Дышáть, *дышý*, *дышатъ*.
Дыхáть, *дыхáю*, *дыхáютъ*, или: *дышý*, *дышутъ*.

Въ первомъ глаголѣ остальныя лица будутъ: *дышишь*, *дышитъ* и т. д.; въ послѣднемъ, при 2-ой формѣ, они будутъ: *дышешь*, *дышетъ* и проч.

Таково значеніе правильно пвставленныхъ основныхъ формъ для пониманія тонкостей спряженія русскаго глагола, которыми при изученіи языка конечно нельзя пренебрегать.

О ГЛАГОЛАХЪ СЪ ПОДВИЖНЫМЪ УДАРЕНІЕМЪ (1).

Извѣстно, что одну изъ наименѣе обработанныхъ частей теоріи русскаго языка составляютъ правила ударенія. До сихъ поръ они опредѣлены только въ весьма немногихъ случаяхъ: въ другихъ удареніе наше такъ прихотливо, непостоянно, такъ ускользаетъ отъ всякаго изслѣдованія, что можно даже усомниться, дѣйствительно ли оно подлежитъ неизмѣннымъ законамъ и не зависитъ ли оно скорѣе отъ безотчетныхъ и неуловимыхъ требованій слуха.

Такое положеніе дѣла не освобождаетъ однакоже изслѣдователя языка отъ обязанности наблюдать разнообразіе просодіи его и отъ старанія указать, если не законы, то по крайней мѣрѣ замѣчательнѣйшія явленія сходства или различія удареній въ словахъ одинаковаго образованія. Только тогда, когда всѣ такія явленія будутъ тщательно собраны и обсуждены, можно будетъ вывести окончательное заключеніе относительно законовъ ударенія въ русскомъ языкѣ.

Къ числу подобныхъ явленій принадлежитъ довольно многочисленный разрядъ глаголовъ, у которыхъ удареніе, въ разныхъ формахъ ихъ, бываетъ двоякое: въ неопредѣленномъ наклоненіи и въ 1-мъ лицѣ един. числа наст. времени оно упадаетъ на послѣдній слогъ, а въ остальныхъ лицахъ того же времени переходитъ на предпослѣдній; наприм. *смотрѣть*, *смотрю́*, и—*смо́тришь*,—*итъ*, — *имъ*, — *ите*, — *ятъ*. Изъ прочихъ формъ глагола однѣ

(1) Примѣчанія, означенныя здѣсь цифрами въ скобкахъ, см. въ концѣ статьи.

по ударенію соображаются съ неопред. наклоненіемъ, а другія съ отступающими отъ него лицами настоящаго времени. Къ первымъ относятся постоянно прошедшее время изъяв. накл. и повелительное наклоненіе: *смотрѣлъ*, *смотри́*. Къ послѣднимъ относятся *иногда причастія* и *дѣепричастія;* но удареніе этихъ двухъ формъ въ глаголахъ, о которыхъ рѣчь идетъ, не всегда опредѣляется одинакимъ образомъ, т. е. оно бываетъ согласно то съ 1-мъ лицомъ наст. врем., то съ другими, и потому мы здѣсь еще не будемъ касаться ихъ, тѣмъ болѣе что причастія и дѣепричастія свойственны далеко не всѣмъ нашимъ глаголамъ: особенно причастіе наст. страдат. и дѣепричастіе настоящ. неупотребительны во многихъ глаголахъ, даже тогда, когда видъ или залогъ тому не препятствуютъ, наприм. дѣеприч. наст. въ глаголахъ: *рвать*, *пить*, *расти*, *тереть*, *сохнуть* или прич. страд. наст. въ глаголахъ: *колоть*, *рѣзать*, *брать*.

Еще одно предварительное замѣчаніе. Глаголы, оканчивающіеся на *овать* и *евать*, по ударенію бываютъ двоякаго рода. Одни держатъ его на коренномъ слогѣ, наприм. *стра́нствовать*, *сѣ́товать*, *бѣ́шенствовать:* въ такомъ случаѣ удареніе во всѣхъ формахъ глагола остается на томъ же мѣстѣ. Въ другихъ глаголахъ этого окончанія—и они гораздо многочисленнѣе —удареніе падаетъ на послѣдній слогъ *ва́ть:* тогда въ настоящ. времени удареніе постоянно измѣняется одинакимъ образомъ, переходя на предпослѣдній слогъ; наприм. *ворова́ть*, *вору́ю*,—*ешь; воева́ть*, *вою́ю*, —*ешь* и проч. Замѣчательно, что въ неопред. наклон. предпослѣдній слогъ съ гласною *о* или *е* никогда не принимаетъ ударенія. Указанныя два правила относятся однакожъ только къ такимъ глаголамъ на *овать* и *евать*, въ которыхъ не менѣе трехъ слоговъ. Но есть еще нѣсколько глаголовъ двусложныхъ: *кова́ть*, *жева́ть*, *блева́ть*, *клева́ть*, *днева́ть*, *сова́ть* и *плева́ть;* въ пяти первыхъ настоящее время удерживаетъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, а въ послѣднихъ двухъ оно непостоянно: говорятъ *су́ю* и *сую́*, *плю́ю* и *плюю́*.

Такимъ образомъ глаголы съ этимъ окончаніемъ составляютъ,

въ отношеніи къ ударенію, отдѣльный разрядъ глаголовъ и не войдутъ въ наше разсмотрѣніе.

Посмотримъ на остальные глаголы съ занимающею насъ особенностью перемѣннаго ударенія. Само собою разумѣется, что мы имѣемъ въ виду одни простые (несложные) глаголы, за исключеніемъ развѣ тѣхъ только немногихъ, которые безъ приставки къ нимъ предлога вовсе не употребительны, напр.: (при) *мѣнить*, (раз) *лучи́ть*. Подобныхъ глаголовъ съ подвижнымъ ударені́емъ оказывается въ русскомъ языкѣ около *двухъ сотъ* — количество незначительное по сравненію съ общимъ итогомъ русскихъ глаголовъ простыхъ (которыхъ болѣе 2,000, не считая особо глаголовъ однократной формы на *нуть*). Двѣ трети всего числа глаголовъ съ подвижнымъ удареніемъ составляютъ глаголы съ окончаніемъ *ить*, и между ними *девять десятыхъ*—двусложные глаголы, каковы наприм.: *хвали́ть, хвалю́, хва́лишь*; *води́ть, вожу́, во́дишь.*

Прежде нежели будемъ говорить объ этомъ самомъ многочисленномъ классѣ глаголовъ съ подвижнымъ удареніемъ, обратимъ вниманіе на другіе глаголы, отличающіеся тою же особенностію.

Къ числу ихъ принадлежать, во 1-хъ, *всѣ* глаголы на *ать* съ бѣглымъ *а́*, которому предшествуетъ одна изъ согласныхъ, способныхъ умягчаться въ 1-мъ лицѣ един. числа передъ *ю*. Итакъ всякій разъ, когда встрѣтится глаголъ такого рода: *вяз-а́ть, вяж-у́, пис-а́ть, пиш-у́*, не можетъ быть сомнѣнія, что въ слѣдующихъ лицахъ наст. врем. удареніе у него перейдетъ на предыдущій слогъ. Такихъ глаголовъ у насъ 40 съ небольшимъ. Они частью двусложные, частью трехсложные. Первыхъ 30 съ небольшимъ; исчислимъ ихъ:

1) съ буквою *д* передъ окончаніемъ *а́ть:* гло-д-а́ть, гло-ж-у́, гло́-ж-ешь.

2) съ буквою *з:* вязать, казать, лизать, низать.

3) съ буквою *к:* скакать, икать, локать[1].

[1] Впрочемъ формы: *икаю, локаю* употребительнѣе чѣмъ *ичу́, лочу́*.

4) съ буквою *м:* дремать.

5) съ буквою *п:* клепать, трепать, хрепать, щепать, щипать.

6) съ буквою *с:* писать, плясать, тесать, чесать.

7) съ буквою *т:* клегтать, клохтать, метать, роптать, топтать, шептать.

8) съ буквою *х:* дыхать[1], махать, пахать, пыхать.

9) съ буквами *ск*, *ст:* искать, плескать, блистать, свистать, хлестать (2).

У шести глаголовъ уже въ первомъ лицѣ удареніе переходитъ на первый слогъ: *зоба́ть*, *зо́блю*; *зыба́ть*, *зы́блю*; *алка́ть*, *а́лчу*; *страда́ть*, *стра́жду*; *бреха́ть*, *бре́шу*; *хрома́ть*, *хра́млю*. Этимъ глаголамъ подобенъ и односложный въ неопр. накл. *здать*, *зи́жду*.

Два глагола: *стонать* и *орать* (въ смыслѣ пахать), у которыхъ согласная передъ *ать* неспособна измѣняться, принадлежатъ также къ разсмотрѣнному выше разряду.

Трехсложныхъ глаголовъ только 12; почти всѣ они звукоподражательные съ буквою *т* передъ окончаніемъ *а́ть*, съ повторяющимися гласными *о* или *е* и вставкою между ними губной или гортанной буквы: *бормотать*, *грохотать*, *клеветать*, *клокотать*, *лепетать*, *рокотать*, *скрежетать*, *трепетать*, *хлопотать*, *хохотать*, *щебетать*, *щекотать*.

Сверхъ того мы въ этомъ разрядѣ находимъ еще глаголы: *полоскать*, *колыхать* и *колебать*; послѣдніе два уже въ 1-мъ лицѣ мѣняютъ удареніе: ко*лы́*шу, ко*ле́*блю.

Замѣтимъ, что перемѣна ударенія уже въ 1-мъ лицѣ бываетъ по большей части у такихъ глаголовъ, которые имѣютъ двоякое настоящее, т. е. могутъ, или прежде могли, удерживать въ немъ передъ окончаніемъ гласную *а: хра́млю* и *хрома́ю*, *а́лчу* и *алка́ю*. Изъ грамматикъ Ломоносова и Россійской академіи видно, что нѣкогда говорили также: *колеба́ю* (вм. *коле́блю*). Форма эта встрѣ-

[1] Настоящ, *дышу́*, *ды́шешь*. Отъ глагола же *дыша́ть* наст. будетъ: *дышу́*, *ды́шишь*. Слѣд. большинство у насъ неправильно пишетъ: *дышешь*. (Ср. выше, стр. 371).

чается еще и у писателей 1-й половины нынѣшняго столѣтія, напрюм. у Ѳ. Н. Глинки въ «Письмахъ русскаго офицера» (Ч. IV).

Далѣе встрѣчаемъ немногочисленный разрядъ глаголовъ на *оть*, въ которомъ удареніе въ настоящемъ времени всегда переходитъ по указанному закону: *боро́ть*, *коло́ть*, *поло́ть*, *поро́ть*, *моло́ть: колю́*, *ко́лешь* и проч., *моло́ть*, *ме́лешь*.

Изъ глаголовъ на *нуть* четыре несложные *гляну́ть*, *мину́ть*, *тону́ть* и *тяну́ть* перемѣняютъ удареніе во 2-мъ и слѣд. лицахъ настоящаго врем.; но есть еще 2 такіе глагола, неупотребительные безъ предлога, именно: (об) *ману́ть* и (по) *мяну́ть: обману́*, *обма́нешь; помяну́*, *помя́нешь*.

Всѣхъ многочисленнѣе между глаголами съ подвижнымъ удареніемъ тѣ, которые оканчиваются на *ить*. Поэтому и заслуживаютъ они подробнаго разсмотрѣнія, тѣмъ болѣе, что глаголы съ этимъ окончаніемъ въ изслѣдуемомъ отношеніи являются особенно прихотливыми.

Прежде всего надобно отдѣлить изъ числа ихъ тѣ глаголы, которые употребляются двояко, т. е. *могутъ* въ означенныхъ формахъ переносить удареніе на предпослѣдній слогъ, но иногда удерживаютъ его и на послѣднемъ. Исчислимъ ихъ по алфавитному порядку гласныхъ въ коренномъ слогѣ:

а:	сади́ть	— сади́шь	и са́дишь	(посо́дишь) (3)
	вали́ть	— вали́шь	и ва́лишь	(во́лишь [1])
	кати́ть	— кати́шь	и ка́тишь	(поко́тишь)
	дари́ть	— дари́шь	и да́ришь	(подо́ришь)
	вари́ть	— вари́шь	и ва́ришь	(во́ришь [1])
	гаси́ть	— гаси́шь	и га́сишь	
	трави́ть	— трави́шь	и тра́вишь	
	мани́ть	— мани́шь	и ма́нишь	
	тащи́ть	— тащи́шь	и та́щишь	(то́щишь [1])
е:	крести́ть	— крести́шь	и кре́стишь	
	черти́ть	— черти́шь	и че́ртишь	

[1] Слышано въ Данковскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи.

	клеи́ть	— клеи́шь	и	кле́ишь
	щени́ться	— щени́шься	и	ще́нишься
и:	чини́ть	— чини́шь	и	чи́нишь
о:	божи́ться	— божи́шься	и	бо́жишься
	(за)нози́ть	— занози́шь	и	зано́зишь
	(по)ложи́ть	— ложи́шься	и	(по)ло́жишь
	вопи́ть	— вопи́шь	и	во́пишь
	кроши́ть	— кроши́шь	и	кро́шишь
	коси́ть	— коси́шь	и	ко́сишь
	твори́ть	— твори́шь[1]	и	(за)тво́ришь
у:	кури́ть	— кури́шь	и	ку́ришь
	тури́ть	— тури́шь	и	ту́ришь
	студи́ть	— студи́шь	и	(про)сту́дишься
	труби́ть	— труби́шь	и	тру́бишь
	блуди́ть	— блуди́шь	и	блу́дишь
	труди́ться	— труди́шься	и	тру́дишься
	пруди́ть	— пруди́шь	и	пру́дишь
	уди́ть	— уди́шь	и	у́дишь
	тупи́ть	— тупи́шь	и	ту́пишь
	кружи́ть	— кружи́шь	и	кру́жишь
	(за)глуши́ть	— глуши́шь	и	глу́шишь
	души́ть	— души́шь	и	ду́шишь
	суши́ть	— суши́шь	и	су́шишь
	туши́ть	— туши́шь	и	ту́шишь
	(раз)лучи́ть	— (раз)лучи́шь	и	(раз)лу́чишь
	(по)ручи́ть	— (по)ручи́шь	и	(по)ру́чишь
	сучи́ть	— сучи́шь	и	су́чишь
ѣ:	бѣли́ть	— бѣли́шь	и	бѣ́лишь
	цѣди́ть	— цѣди́шь	и	цѣ́дишь
	гнѣзди́ться	— гнѣзди́шься	и	гнѣ́здишься
	рѣзви́ться	— рѣзвишься	и	рѣ́звишься

[1] По грамматикѣ Смотрицкаго *тво́рити*, *тво́ришь*. См. у него парадигму 2-го спряженія. Сложные глаголы *затворить*, *притворить* и т. д. очевидно образованы изъ того же глагола. Сравни нѣмецк. zumachen — затворить.

	свѣти́ть	— свѣти́шь	и свѣ́тишь
	мѣси́ть	— мѣси́шь	и мѣ́сишь
	дѣли́ть	— дѣли́шь	и дѣ́лишь
	лѣни́ться	— лѣни́шься	и лѣ́нишься
	(за)мѣни́ть	— (за)мѣни́шь	и (за)мѣ́нишь
	цѣни́ть	— цѣни́шь	и цѣ́нишь
я:	ряди́ть	— ряди́шь	и ря́дишь
	яви́ть	— яви́шь	и я́вишь.

Итого 50 глаголовъ съ *двоякимъ удареніемъ* во 2-мъ и слѣд. лицахъ настоящ. врем. Затѣмъ остается всего около 50-ти же глаголовъ, у которыхъ *постоянно-подвижное удареніе* въ лицахъ этого времени. Число незначительное, если приемъ въ соображеніе, что глаголовъ на *ить* съ неизмѣннымъ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ можно насчитать у насъ около 200. Приведемъ же теперь тѣ глаголы, у которыхъ во 2-мъ лицѣ наст. врем. удареніе всегда переходитъ на предпослѣдній слогъ, и разсмотримъ ихъ также по порядку гласныхъ начальнаго слога:

а:	дави́ть	—	да́вишь	
	хвали́ть	—	хва́лишь	
	плати́ть	—	пла́тишь	(пло́тишь)
	хвати́ть	—	хва́тишь	
	дразни́ть	—	дра́знишь	
е:	серди́ть	—	се́рдишь	
	жени́ть	—	же́нишь	
о:	(по)соби́ть	—	(по)со́бишь	
	копи́ть	—	ко́пишь	
	топи́ть	—	то́пишь	
	лови́ть	—	ло́вишь	
	броди́ть	—	бро́дишь	
	води́ть	—	во́дишь	
	ходи́ть	—	хо́дишь	
	(про)глоти́ть	—	(про)гло́тишь	
	корми́ть	—	ко́рмишь	

	ломи́ть	—	ло́мишь
	гони́ть (неупотр.)	—	го́нишь
	клони́ть	—	кло́нишь
	(у)рони́ть	—	(у)ро́нишь
	(при)слони́ть	—	(при)сло́нишь
	вози́ть	—	во́зишь
	проси́ть	—	про́сишь
	дрочи́ть	—	дро́чишь
	мочи́ть	—	мо́чишь
	(на)скочи́ть	—	(на)ско́чишь
	точи́ть	—	то́чишь
	моли́ть	—	мо́лишь
	скобли́ть	—	ско́блишь
у:	губи́ть	—	гу́бишь
	руби́ть	—	ру́бишь
	купи́ть	—	ку́пишь
	лупи́ть	—	лу́пишь
	ступи́ть	—	сту́пишь
	буди́ть	—	бу́дишь
	суди́ть	—	су́дишь
	пусти́ть	—	пу́стишь
	шути́ть	—	шу́тишь
	служи́ть	—	служишь
	тужи́ть	—	ту́жишь
	(у)куси́ть	—	(у)ку́сишь
	учи́ть	—	у́чишь
ю:	люби́ть	—	лю́бишь
ѣ:	лѣпи́ть	—	лѣ́пишь
	лѣчи́ть	—	лѣ́чишь
	цѣпить	—	цѣ́пишь
	бѣси́ть	—	бѣ́сишь
	(за)стрѣли́ть	—	(за)стрѣ́лишь.

Съ перваго взгляда на этотъ списокъ бросается въ глаза сравнительно-большое число глаголовъ съ буквами *о* и *у* въ слогѣ

предшествующемъ окончанію *ить*, особенно съ буквою *о:* такихъ глаголовъ болѣе 20, слѣдовательно около половины всего количества разсматриваемыхъ глаголовъ на *ить* съ непремѣнно-подвижнымъ удареніемъ. И наоборотъ, замѣчательно, какъ относительно-мало глаголовъ такого образованія между глаголами съ *двоякимъ* удареніемъ во 2-мъ и слѣд. лицахъ наст. времени.

Посмотримъ, нельзя ли въ исчисленныхъ глаголахъ отыскать какой-нибудь отличительной примѣты, сравнивая ихъ съ такими глаголами того же образованія, которые всегда сохраняютъ удареніе въ концѣ. Вотъ нѣкоторые изъ послѣднихъ: *бодри́ть, водни́ть, вощи́ть, гнои́ть, годи́ть, гости́ть, греми́ть, двои́ть, долби́ть, дроби́ть*. Мы видимъ, что почти всѣ подобные этимъ глаголы—имѣющіе одно постоянное удареніе на послѣднемъ слогѣ—суть *производные*, т. е. составлены изъ именъ существительныхъ, прилагательныхъ или числительныхъ (бодрый, вода, воскъ, гной, годъ, двое), тогда какъ глаголы съ подвижнымъ удареніемъ — *по большей части первообразные*, т. е. образованы хотя и не прямо отъ корня, но и не отъ слова другой части рѣчи. Къ сожалѣнію, обоихъ послѣднихъ выводовъ не можемъ мы сдѣлать безъ ограниченія ихъ словами *почти* и *по большей части*. Есть исключенія и въ томъ и въ другомъ случаѣ, наприм. въ 1-мъ случаѣ *долбить, доить*, а во 2-мъ *женить, сердить, застрѣлить*. Впрочемъ между глаголами съ безусловно-подвижнымъ удареніемъ очень рѣдки глаголы производные; едва ли можно найти тому другіе примѣры, кромѣ сейчасъ приведенныхъ. Итакъ *глаголы съ подвижнымъ удареніемъ почти всѣ первообразные*. Напротивъ, между глаголами съ постояннымъ удареніемъ въ концѣ—первообразныхъ очень мало: *родить, рѣшить, вратить, коптить, сулить:* вотъ чуть ли и не всѣ они.

Къ разсмотрѣнному разряду двусложныхъ глаголовъ надобно еще отнести тѣ немногіе, которые передъ окончаніемъ *ть* приняли вмѣсто *и* гласную *ѣ* или, послѣ шипящихъ буквъ, гласную *а: вертѣть, смотрѣть, терпѣть, держать, дышать*, — у которыхъ 1-е лицо по ударенію также отличается отъ слѣдующихъ.

Изъ нихъ одинъ только — *вертѣть* — допускаетъ въ этихъ лицахъ двоякое удареніе: *вёртишь* и *вертúшь*.

Глаголъ *хотѣть* спрягается въ един. числѣ наст. врем. такъ, какъ если бъ неопр. наклоненіе оканчивалось на *ать* подобно глаголамъ *метать*, *топтать*, *шептать* и проч.; *хочý*, *хóчешь*[1]. Здѣсь же наконецъ должны найти мѣсто односложные въ неопр. наклоненіи глаголы: *стлать*; (—) *ять* и *мочь*.

1) *стелю́*, *стéлешь*; почему не *стелёшь*, какъ въ глаголѣ *брать*, *берý*, *берёшь?* Когда 3-е лицо множ. числа оканчивается на *лютъ* или *рютъ*, то этотъ слогъ никогда не принимаетъ ударенія; сравнимъ: *óрютъ*, *бóрютъ*, *пóрютъ*, *кóлютъ*, *пóлютъ*, *мéлютъ*. Въ глаголѣ *стлать* это тѣмъ замѣчательнѣе, что въ предыдущемъ слогѣ буква *е*, принимающая удареніе, есть бѣглая.

2) *имý*, *úмешь* (напр. примý, прúмешь). Но когда *и* выпадаетъ послѣ предлога *воз*, то удареніе переходитъ на послѣдній слогъ: *возьмý*, *возьмёшь*. То же бываетъ, когда *и* превращается въ *й* послѣ отрицанія *не* и послѣ нѣкоторыхъ предлоговъ, напр. *неймёшь*, *займёшь*, *уймёшь*.

3) *могý*, *мóжешь*. Изъ всѣхъ глаголовъ на *чь*, это единственный съ подвижнымъ удареніемъ въ настоящемъ времени, чтó приписать должно, какъ кажется, вліянію гласной *о* въ первомъ слогѣ, которая, какъ мы видѣли, легко принимаетъ на себя удареніе въ двусложныхъ глаголахъ.

Между глаголами на *ить* нѣкоторые перемѣняютъ или не перемѣняютъ удареніе, смотря по смыслу своему, если имѣютъ двоякій, и еще по тому, соединены ли они съ предлогомъ и съ какимъ именно, употреблены ли съ мѣстоименіемъ *ся* или безъ него. Приведемъ примѣры:

1) Вліяніе *значенья*. *Крéстишь*, *крéстишься*, говорятъ, когда дѣло идетъ о знаменіи креста; *крестúшь*, — *ся*, когда разумѣютъ обрядъ крещенія. *Кóсишь*, когда означается срѣзываніе травы, и *косúшь*, когда рѣчь идетъ о направленіи глазъ (4).

---

[1] См. выше, стр. 365.

2) Вліяніе *предлоговъ*. *Творить* безъ предлога въ наст. время никогда не измѣняется въ удареніи; съ предлогами *за*, *при*, *от*, *раз* говорятъ *твóришь*, при чемъ измѣняется и смыслъ[1]. *Чинить*, безъ предлога, употребляется съ двоякимъ удареніемъ въ наст. времени; глаголъ *учинить* всегда сохраняетъ удареніе на послѣднемъ слогѣ. Говорятъ (*по*)*лýчишь*, а когда съ этимъ глаголомъ соединенъ предлогъ *раз*, то удареніе допускается двоякое: *разлýчишь* и *разлучи́шь*. (Точно такъ же въ будущемъ времени глагола *прислáть* говорятъ иногда *при́шлешь*). Вліяніе предлоговъ на удареніе такъ велико, что оно иногда обнаруживается даже и на неопредѣленномъ наклоненіи. Глаголъ *висѣть*, при предлогѣ *за*, переноситъ свое удареніе на предпослѣдный слогъ: *зави́сѣть*.

3) Вліяніе *мѣстоименія ся*. Говорятъ: *сади́шь* и *сáдишь*, но въ возвратной формѣ только *сади́шься*; *лóжишь* съ предлогами *по*, *при*, *раз* и др. всегда произносятъ съ удареніемъ на первомъ слогѣ; а когда глаголъ этотъ употребляется въ возвратной формѣ безъ предлога, то говорятъ: *ложи́шься*. Другой случай представляетъ глаголъ *студи́ть*, который при мѣстоименіи *ся* и предлогѣ *про* въ будущемъ времени всегда переноситъ удареніе на слогъ *стý*, тогда какъ *студишь* безъ этихъ приращеній выговаривается двоякимъ образомъ.

Перейдемъ теперь къ трехсложнымъ глаголамъ на *и́ть*. Ихъ вообще въ языкѣ немного — 20 съ небольшимъ, а подвижное удареніе замѣчается только въ 12-ти изъ нихъ: *волочить*, *воротить*, *колотить*, *молотить*, *торопить*, *хоронить*, *городить*, *золотить*, *коротить*, *становить*, *теребить*, *шевелить*, (об)*локотиться*. Между ними большая половина, именно послѣдніе семь, допускаютъ въ наст. вр. двоякое удареніе: *городи́шь* и *горóдишь*, *золоти́шь* и *золóтишь* (особенно съ предлогомъ) и т. д. Здѣсь опять въ большей части случаевъ удареніе падаетъ на букву *о*.

Въ этихъ глаголахъ еще одно обстоятельство заслуживаетъ вниманія. Почти всѣ они представляютъ то, что́ у насъ принято

[1] См. выше выноску, относящуюся къ списку глаголовъ, противъ слова *творить* (стр. 377).

называть *полногласіемъ*, т. е. двойныя гласныя при буквахъ *р* и *л*, — составъ довольно сходный съ тѣмъ, какой мы видѣли въ трехсложныхъ глаголахъ съ окончаніемъ *тать* (бормотать, лепетать и т. д.), которые также перемѣняютъ удареніе во 2-мъ лицѣ наст. вр. Почти всѣмъ приведеннымъ трехсложнымъ глаголамъ на *ить* соотвѣтствуютъ церковно-славянскіе съ одною гласною вмѣсто двухъ: *влачить*, *вратить*, *млатить*, *хранить*, *градить*, *златить*, *кратить*, и въ этихъ двусложныхъ глаголахъ удареніе остается уже постоянно на послѣднемъ слогѣ. Отсюда возникаетъ вопросъ: переносъ ударенія во 2-мъ и послѣдующихъ лиц. наст. вр. не есть ли исключительно народное свойство русскаго языка, чуждое древне-славянскому нарѣчію?

Къ сожалѣнію, въ древнѣйшихъ церковно-славянскихъ спискахъ евангелія ударенія вовсе не означены; они начинаютъ появляться не прежде какъ въ 15 и 16-мъ столѣтіяхъ. Но и въ рукописяхъ, относящихся къ этому времени, оказывается касательно ударенія большое разнообразіе; къ тому же надъ многими словами вовсе нѣтъ ударенія, въ другихъ оно поставлено надъ двумя слогами. Въ этомъ отношеніи наши тексты священнаго писанія могутъ быть раздѣлены на два разряда.

Въ однихъ ударенія довольно сходны съ находимыми до сихъ поръ въ нашей славянской библіи и съ удареніями языка народнаго. Таковы они, наприм. въ уставномъ спискѣ евангелія 16-го вѣка, хранящемся въ Императорской Публичной библіотекѣ (№ 25 по ея каталогу[1]); здѣсь читается между прочимъ: *свѣ́тится*, *и́мутъ*, *ви́дѣхомъ*, *вопро́сятъ*, *вопроси́ша*, *испра́вите*, *у́зриши*, *пи́саное*. Однако тутъ же встрѣчаются случаи несходства ударенія съ нынѣшнимъ, и въ размѣщеніи его часто видна нѣкоторая шаткость: напр. слово *видѣхомъ* въ другомъ мѣстѣ носитъ удареніе на 2-мъ слогѣ; далѣе читаемъ *созда́на* и проч. Къ этому

[1] Здѣсь приводятся замѣтки, сдѣланныя мною при просмотрѣ разныхъ списковъ евангелія въ Публ. библ. Для удобства сличенія избралъ я однѣ и тѣ же первыя главы евангелія отъ Іоанна, которыя и прослѣдилъ во всѣхъ бывшихъ передо мною рукописяхъ, отмѣчая впрочемъ почти одни только глаголы, относящіеся къ предмету моего изслѣдованія.

же разряду текстовъ относительно ударенія принадлежитъ и острожское изданіе 1581 года, а также виленское евангеліе 1575 года, напечатанное Петромъ Мстиславцемъ. Въ этихъ текстахъ, какъ и въ нынѣшнемъ, удареніе только мѣстами отступаетъ отъ употребительнаго въ наше время, какъ-то: *возложи́тъ*, *погуби́тъ*, *преклони́тъ*, *научи́тъ*, изъ чего надобно заключить, что въ Москвѣ ударенія церковно-славянскаго нарѣчія вообще выработались подъ вліяніемъ народнаго языка.

Другой разрядъ составляютъ такіе тексты, въ которыхъ ударенія по большей части вовсе не сходны съ нынѣ-употребительными. Такъ въ спискѣ конца 15-го вѣка (Кат. Публ. библ. № 16) находимъ: *вопро́сиша*, *по́славшій*, *схо́дящь*, *тво́рите*, *на́плъните*, *о́брѣте*, *при́ходитъ*, *о́сужденъ*, *о́сужденье*, *у́читель*, *до́стоинъ*. Въ полууставномъ 1537 года (К. Б. № 23): *вселися*, *въ̀ просятъ*, *вопро́сиша*, *гря́детъ*, *схо́дящь*, *жи́веши*, *въку́си*, *тво́рите*, *ро́дится*, *возлю́би*, *ре́коша*, *осу́жденъ* (но также *осужде́нъ*); *ре́мень*, *се́бѣ*, *уче́никъ*, *церко́вь*, *дѣ́ла* (множ. ч.), *лу́кава*. Подобныя ударенія встрѣчаются во множествѣ и въ полууставномъ спискѣ 16-го вѣка (К. Б. № 24), и въ уставномъ 15-го (№ 13); въ послѣднемъ, кромѣ удареній, много другихъ надстрочныхъ знаковъ, удареній же вообще мало. Еще болѣе разнообразія въ отношеніи къ просодіи представляетъ полууставный списокъ 16-го вѣка (№ 31), гдѣ читаемъ: *похо́ти*, *ви́дѣхомъ*, *досто́инъ*, *отрѣ́шу*, *слыша́вшою*, *ви́дѣвъ же*, *се́бѣ*, *вѣрова́ша*, *име́те*, *не има́тъ*, *встане́те*, *буде́те*.

Во всѣхъ этихъ спискахъ, въ большей части случаевъ, обнаруживаются слѣды сербской просодіи; это тѣмъ очевиднѣе, что надъ нѣкоторыми словами поставлено по два ударенія (*пу́сты́ни*, *по́сла́* — № 16), что́ также составляетъ принадлежность сербскаго правописанія[1]. Итакъ мы не сдѣлаемъ слишкомъ смѣлаго заключенія, если предположимъ, что такіе тексты, отличающіеся особенностью своихъ удареній, списаны съ сербскихъ редакцій

---

[1] Ср. Словарь Караджича и Грамм. Добровскаго, Гл. III, §§ III — VIII.

священнаго писанія. Въ этой догадкѣ утверждаютъ насъ два находящіяся также въ Публичной библіотекѣ сербскія евангелія, напечатанныя въ 16-мъ столѣтіи черногорскимъ монахомъ Мардаріемъ, родомъ съ рѣки Дрина — одно въ Бѣлградѣ, а другое въ монастырѣ «*Мркшина црква въ подъкриліе Чрьніе горы*». Въ первомъ изъ нихъ встрѣчаются между прочимъ такія ударенія: *твóрити*, *твóришi*, *не рóдится* (но на той же страницѣ не *родúтся*, и *рóдитися*, *рóждéнное*), *хощéть*, *слышúши*, *могýтъ*, *рéче*.

Соображая все это, мы не можемъ не признать, что глаголы съ подвижнымъ удареніемъ составляютъ принадлежность собственно русскаго, народнаго, а не старо-славянскаго языка (5). Нѣтъ сомнѣнія, что просодія послѣдняго у насъ постепенно видоизмѣнялась подъ вліяніемъ перваго, но, къ сожалѣнію, мы не можемъ прослѣдить всѣхъ ея измѣненій, по недостатку памятниковъ, гдѣ бы ударенія означены были со времени введенія на Руси письменности. Здѣсь мы только слегка коснулись этого предмета съ исторической точки зрѣнія; однакожъ и этого, кажется, достаточно, чтобы показать, къ какимъ любопытнымъ выводамъ можетъ привести разсмотрѣніе нашихъ рукописей въ отношеніи къ удареніямъ—сторона, до сихъ поръ еще не тронутая въ изслѣдованіи исторіи славяно-русскаго языка. Впрочемъ не надобно упускать изъ виду возможности и того факта, что знаки ударенія *часто* ставились писцами произвольно.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Терминъ *подвижное удареніе* употребленъ въ первый разъ А. Х. Востоковымъ: см. его Русскую Грамматику (4-е изд.) § 182. Онъ принятъ и въ Опытѣ общесравнительной грамматики русскаго языка, § 76.

2) Относительно глагола *блистáть* можетъ возникнуть сомнѣніе, дѣйствительно ли это неопредѣленное наклоненіе принадлежитъ тому же глаголу, въ которомъ настоящее время: *блещý*,

блéщешь, и точно ли эта послѣдняя форма тожественна съ другою: *блистáю*, *блистáешь*. Нельзя ли скорѣе принять ее за видоизмѣненіе формы: *блещý*, *блестúшь* отъ глагола *блестѣть?* Форма *блéщешь*, *блéщетъ* и т. д. не можетъ отвѣчать неопр. наклоненію, у котораго передъ окончаніемъ *ть* бѣглое *ѣ*; эта послѣдняя буква въ настоящемъ времени всегда замѣняется гласною *и* (исключеніе составляютъ только два глагола: *хотѣть* и *ревѣть*; въ послѣднемъ видимъ новую форму, заступившую мѣсто древней *рюти*[1]). Съ другой стороны окончаніе *ешь... утъ* (безъ удар.) съ предшествующею шипящей *ж ч ш щ* въ наст. врем. всегда указываетъ на неопредѣленное наклоненіе съ окончаніемъ *гать*, *кать*, *тать*, *хать*, *сать*, *скать* или *стать: брызжутъ—брызгать*, *плáчутъ—плáкать*, *мéчутъ — метáть*, *мáшутъ — махáть*, *пúшутъ—писáть*, *úщутъ—искáть*; *хлéщутъ—хлестáть*. Многіе изъ этихъ глаголовъ имѣютъ въ наст. вр. двоякую форму: *брызжу* и *брызгаю*, *мечý* и *метáю*, *машý* и *махáю*, *хлещý* и *хлестáю*. Такъ точно и глаголъ *блéщутъ* въ неопредѣленномъ наклоненіи долженъ бы имѣть форму *блестáть*; но вмѣсто ея утвердилась другая—*блистáть*; для довершенія аналогіи, и этотъ глаголъ (какъ *хлестать* и *плескать*) имѣетъ въ настоящемъ времени двоякую форму: *блещу* и *блистаю*[2]. Такъ смотритъ на него и А. Х. Востоковъ (ср. его Грамматику, § 75, Различ. П, е).

3) О частомъ превращеніи звука *а* въ *о*, когда на *а* падаетъ удареніе было уже говорено въ другой статьѣ: «О нѣкоторыхъ особенностяхъ въ системѣ звуковъ русскаго языка» (см. выше стр. 316). Нѣтъ, кажется, надобности объяснять, что въ словахъ *садúшь* и *посóдишь* буквы *а* и *о* въ коренномъ слогѣ тожественны.

4) Можно бы подумать, что формы *кóсишь* и *косúшь* принадлежатъ двумъ разнымъ глаголамъ, которые только случайно со-

---

[1] См. Остромирово Евангеліе, Грамматическія правила, § 39.

[2] И въ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ словá этого корня встрѣчаются въ двухъ разныхъ формахъ, изъ которыхъ одна является съ гласною *и*, а другая съ *е* или *а*, напр. польск. błyszczeć и bleszczeć (стар.), błysk и blask; словацк. blysstim se, bleskati se. Въ лужиц. нарѣчіи послѣ *l* буква *o* blosk, bloskani. (См. Словарь Линде).

звучны въ неопред. наклоненіи. Но что это одинъ и тотъ же глаголъ, въ томъ убѣждаетъ насъ совершенно сходный случай въ германскихъ языкахъ: въ исландскомъ глаголъ *sneida*, — отъ корня *sneid*, косой — значитъ: 1) дѣлать косымъ, кривымъ, наклонять вкось, и 2) рѣзать. Такъ и въ шведскомъ прилаг. *sned* значитъ косой, а глаголъ *sneda* — косить, кривить и — наискось срѣзáть. То же представляетъ и областной норвежскій глаголъ *snide*. Въ нѣмецкомъ языкѣ глаголъ того же корня *schneiden* значитъ рѣзать, а въ датскомъ сущ. *snedker* — столяръ, тогда какъ прилаг. *snedig* — лукавый, криводушный.

5) По убѣжденію Добровскаго, «въ множайшихъ словахъ сербскія древнія книги сохранили удареніе прежнее, 9-го вѣка (хотя достовѣрно и не безъ нѣкоторыхъ перемѣнъ)» — (Грамм. языка Слав. Ч. I, гл. III, § 1); но мы не можемъ опереться на это мнѣніе знаменитаго филолога, потому что оно не подкрѣпляется никакими положительными данными. Въ подтвержденіе нашей мысли о принадлежности народному языку подвижного ударенія въ глаголахъ, скорѣе надобно привести то обстоятельство, что въ священномъ писаніи до сихъ поръ носятъ постоянное удареніе многіе изъ такихъ глаголовъ, которые у насъ употребляются не иначе какъ съ удареніемъ подвижнымъ, наприм. учи́тъ вм. у́читъ, клони́тъ вм. кло́нитъ, погуби́тъ вм. погу́битъ, и друг.

О РУССКОМЪ УДАРЕНІИ ВООБЩЕ И ОБЪ УДАРЕНІИ ИМЕНЪ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХЪ.

I.

Общія замѣчанія о сущности русскаго ударенія. Неопредѣленность его во многихъ случаяхъ. Взглядъ Востокова. Два предмета изслѣдованія. Удареніе въ первообразныхъ словахъ. Двоякая цѣль нашего ударенія. Два весьма опредѣленные закона его въ именахъ предложныхъ. Имена съ производственными окончаніями мужескаго, женскаго и средняго рода: а) всегда имѣющими удареніе; б) являющимися то съ удареніемъ, то безъ ударенія, и в) никогда не принимающими его. Результаты изслѣдованія: указаніе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, отъ которыхъ зависитъ удареніе въ производныхъ словахъ.

Приступая къ разсмотрѣнію законовъ просодіи въ русскомъ языкѣ, мы прежде всего встрѣчаемъ вопросъ: что такое удареніе? Точно ли оно состоитъ, какъ всѣ мы повторяемъ послѣ Ломоносова, въ повышеніи голоса надъ слогами? Кажется, такое опредѣленіе сущности ударенія не совсѣмъ вѣрно. Если бъ мы на каждомъ словѣ дѣйствительно повышали и понижали голосъ, то мы говорили бы на распѣвъ; сущность ударенія заключается въ усиленіи выговора нѣкоторыхъ слоговъ, т. е. въ увеличеніи силы, съ какою выталкивается воздухъ при произнесеніи звуковъ[1]. Поэтому не безъ основанія у насъ въ старину называли ударенія *силами*. Вслѣдствіе того слоги съ удареніемъ и въ русскомъ

[1] Спустя много времени послѣ того какъ эти строки были написаны, я нашелъ ту же мысль выраженною въ соч. Heyse, System der Sprachwissenschaft: § 152. Accent (стр. 328 и 329). Часть его была переведена на русскій языкъ г. Желтовымъ и печаталась въ *Филологическихъ Запискахъ* г. Хованскаго.

языкѣ могутъ становиться нѣсколько длиннѣе другихъ. Правда, у насъ нѣтъ напряженнаго протяженія гласныхъ, какое замѣчается въ иныхъ языкахъ, напр. въ нѣмецкомъ и во французскомъ, однакожъ и съ нашимъ удареніемъ въ нѣкоторой степени связано удлинненіе слоговъ. Что касается до способа означать у насъ удареніе на письмѣ, то нѣтъ причины употреблять то *острый* знакъ (´), то *тяжкій* (`): такъ какъ мы не имѣемъ фонетическаго основанія для разныхъ степеней удлинненія слоговъ, то и знакъ ударенія можетъ быть у насъ только одинъ, и именно острый (´), годный на всякомъ мѣстѣ слова: никакого нѣтъ основанія на окончательной гласной ставить, по примѣру греческаго письма, тяжкій (`) знакъ.

Затѣмъ является другой вопросъ: есть ли въ русскомъ языкѣ твердо установленное удареніе? Мы не будемъ распространяться о различіи его въ разныхъ мѣстныхъ говорахъ нашего языка, ни о послѣдовательныхъ измѣненіяхъ его въ разныя времена; но и въ общеупотребительной современной рѣчи удареніе часто слышится то на одномъ, то на другомъ слогѣ. Всякій, кто захотѣлъ бы въ точности опредѣлить удареніе каждаго русскаго слова, въ весьма многихъ случаяхъ встрѣтилъ бы сомнѣніе; если бъ, для разрѣшенія его, онъ сталъ обращаться къ знатокамъ языка, то и отъ нихъ услышалъ бы столько же разныхъ мнѣній, напр. одинъ говоритъ: *христіáнинъ*, *грáжданинъ*, *клáдбище*, *вёсну*, *врéменный*, *озёра*, *изобрѣтеніе*, *сéрдиться*; а другой произноситъ: *христіанúнъ*, *гражданúнъ кладбúще*, *веснý*, *временнóй*, *озерá*, *изобрѣтéніе*, *сердúться*...

Въ статьѣ моей: «О глаголахъ съ подвижнымъ удареніемъ» было показано, что въ числѣ сотни двусложныхъ глаголовъ съ окончаніемъ *ить*, измѣняющихъ удареніе въ настоящемъ времени, оказывается около 50 такихъ, у которыхъ удареніе въ этомъ времени (кромѣ 1-го лица единст. числа) можетъ падать и на 1-й, и на 2-й слогъ, напр. *вáлишь*, *валúшь*.

Отсюда слѣдуетъ, что по крайней мѣрѣ во многихъ случаяхъ нѣтъ постояннаго основанія для ударенія словъ. Но словá съ

опредѣленнымъ удареніемъ несравненно многочисленнѣе: не подчинено ли оно хоть въ нихъ положительнымъ законамъ и нельзя ли выяснить эти законы? Самый этотъ вопросъ до сихъ поръ остается у насъ нерѣшеннымъ, потому что никто еще не подвергалъ обстоятельному разсмотрѣнію всѣхъ случаевъ разнообразія нашихъ удареній. Указаніе словъ съ *подвижнымъ* удареніемъ мы находимъ въ грамматикѣ Востокова (§ 182 и слѣд.); но онъ не принялъ на себя окончательнаго рѣшенія задачи, оговорившись такимъ образомъ: «Который именно слогъ должно произносить съ удареніемъ, сему научаемся изъ употребленія и изъ словаря, потому что *не пріискано еще на то опредѣленныхъ правилъ*». Послѣднія слова показываютъ однакожъ, что нашъ заслуженный филологъ не отвергалъ возможности открытія такихъ правилъ. При всемъ томъ эта отрасль разработки нашего языка до сихъ поръ почти не обращала на себя вниманія. Павскій въ своихъ «Филологическихъ наблюденіяхъ надъ составомъ русскаго языка» иногда указываетъ на тѣ случаи, когда удареніе явно присвоено извѣстнымъ слогамъ или окончаніямъ, но онъ вообще касается этого предмета только мимоходомъ и случайно, не входя въ подробное систематическое изслѣдованіе его. Конечно, трудность задачи и малое вѣроятіе успѣха въ рѣшеніи ея можетъ устрашить всякаго при самомъ приступѣ къ предпріятію, которое представляется неблагодарнымъ. Но кажется, оно не будетъ таково, если цѣлію поставить себѣ не именно опредѣленіе законовъ ударенія, а по крайней мѣрѣ рѣшеніе вопроса: есть ли въ русскомъ языкѣ возможность опредѣлить эти законы, или они до такой степени неощутительны и неуловимы, что установить ихъ невозможно? Настоящій трудъ и ограничивается этою цѣлью. Въ основаніе нашихъ наблюденій мы беремъ общеупотребительный языкъ, т. е. московское нарѣчіе съ тѣми видоизмѣненіями, которыя оно приняло по обширности предѣдовъ своего распространенія. Впрочемъ мы обращали вниманіе отчасти и на областныя нарѣчія. Что касается другихъ славянскихъ языковъ, то въ настоящемъ случаѣ мы оставляемъ ихъ въ сторонѣ. Сознавая, что сравнительное

изученіе хода развитія ихъ относительно ударенія можетъ имѣть свой интересъ и свою пользу, не думаемъ однакожъ, чтобъ собственно здѣсь, для цѣли нашей, такое сравненіе могло оказать намъ существенную услугу[1].

Прежде всего мы должны отличить два вопроса, которыхъ никакъ не слѣдуетъ смѣшивать:

1) Гдѣ находится удареніе въ прямой или такъ-сказать заглавной формѣ слова, т. е. у склоняемыхъ словъ въ именительномъ падежѣ единственнаго числа, а у спрягаемыхъ въ неопредѣленномъ наклоненіи? и 2) когда удареніе во флексіи остается на томъ же мѣстѣ и когда оно переходитъ на другое мѣсто въ извѣстныхъ ея формахъ?

Поэтому и изслѣдованіе наше раздѣлится на двѣ соотвѣтствующія этимъ вопросамъ части. На первый случай займемся разсмотрѣніемъ именъ существительныхъ.

Объ удареніи существительныхъ въ именительномъ падежѣ единственнаго числа.

Здѣсь надобно отдѣлить имена *первообразныя* отъ *производныхъ* и опять между первыми *односложныя* отъ *двух-* и *трехсложныхъ*. Объ односложныхъ не можетъ быть рѣчи; что касается остальныхъ, то если кто захочетъ опредѣлить, почему въ од-

---

[1] Совершенно согласно съ этимъ и Шлейхеръ замѣчаетъ, что для изслѣдованія ударенія древнеславянскаго языка «мало могутъ пособить другія славянскія нарѣчія, такъ какъ, при всемъ родствѣ между ними, акцентуація въ нихъ представляетъ большія различія; такъ въ польскомъ удареніе постоянно падаетъ на предпослѣдній слогъ, въ чешскомъ на первый, въ русскомъ оно свободно и ни съ какимъ опредѣленнымъ мѣстомъ слова не связано и т. д.» (*Die Formenlehre der Kirchensl. Sprache.* Bonn 1852. Стр. 36). Въ 1880 году профессоръ Нѣжинскаго института Р. Ѳ. Брандтъ, въ своей магистерской диссертаціи «Начертаніе славянской акцентологіи», разсмотрѣлъ удареніе во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и тѣмъ конечно принесъ несомнѣнную пользу этой отрасли филологіи, но насчетъ собственно отношенія русской акцентуаціи къ просодіи другихъ родственныхъ нарѣчій его изслѣдованіе вполнѣ подтвердило мое убѣжденіе.

номъ первообразномъ словѣ удареніе на такомъ-то мѣстѣ, а въ другомъ, сходномъ съ нимъ и по образованію и по роду выражаемаго понятія, удареніе не на томъ же слогѣ, такое стараніе будетъ почти всегда безплоднымъ. Это происходитъ отъ того, что въ русскомъ языкѣ удареніе составляетъ одну изъ индивидуальныхъ особенностей внѣшней формы слова: оно образовалось вмѣстѣ съ словомъ, — почему такъ, а не иначе, это, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, тайна созданія слова, непроницаемая для наблюдателя точно такъ же, какъ тайна всякаго творчества;—это черта физіономіи слова, которой не разгадаетъ никакой Лафатеръ филологіи.

Но нельзя ли отсюда вывести заключенія, что удареніе въ русскомъ языкѣ не имѣетъ никакого значенія и есть дѣло одной случайности? Значеніе нашего ударенія можно, кажется, объяснить себѣ такимъ образомъ. У насъ всѣ слоги, по первоначальному свойству своему, одинаковы, состоятъ такъ-сказать на равныхъ правахъ; если бъ мы и произносили ихъ совершенно одиково, то слово не образовало бы отдѣльнаго цѣлаго; для приданія слогамъ его связи, для совокупленія ихъ въ фонетическое тѣло, мы должны одному слогу дать первенство, господство надъ другими. Такое предпочтеніе народный слухъ оказываетъ всякій разъ тому изъ слоговъ, на который въ произношеніи удобнѣе опереться; итакъ мѣсто ударенія въ первообразныхъ словахъ опредѣляется неуловимыми требованіями слуха. Такимъ образомъ, нѣтъ никакой возможности рѣшить, почему такъ, а не иначе произносятся слова: *во́рохъ* и *горо́хъ*; *рука́* и *щу́ка*, *коза́* и *ко́жа*, *мѣсто* и *гнѣздо́*.

Сверхъ того въ языкѣ нашемъ видно однако и постоянное стремленіе пользоваться удареніемъ для достиженія двоякой цѣли: 1) возможной ясности выговора и 2) опредѣлительнаго отличенія понятій и отношеній, что́ доказывается многими явленіями, на которыя впослѣдствіи будетъ указано.

Что касается словъ производныхъ, то здѣсь съ перваго взгляда насъ поражаетъ чрезвычайное разнообразіе ударенія

какъ въ отношеніи къ порядку слоговъ, на которые оно падаетъ, такъ и въ разсужденіи свойства ихъ; т. е. съ одной стороны, удареніе бываетъ то на первомъ слогѣ, то на послѣднемъ, то на одномъ изъ среднихъ; съ другой стороны, оно падаетъ то на коренной слогъ, то на бѣглую гласную, то на начальную приставку, то на окончаніе.

Здѣсь мы остановимся нѣсколько на томъ случаѣ, когда начальная приставка, т. е. предлогъ, связанный съ существительнымъ именемъ въ одно слово, принимаетъ удареніе. Изъ ряду такихъ приставокъ мы должны напередъ выдвинуть предлогъ *вы*, какъ слѣдующій въ этомъ отношеніи особымъ законамъ. Извѣстно, что будучи соединенъ съ глаголомъ, онъ носитъ удареніе всякій разъ, когда образуетъ *совершенный* видъ: *вы́разить*, *вы́ступить*, *вы́здоровѣть*. Но отглагольныя существительныя съ окончаніемъ *ніе*, хотя и произведенныя отъ этого вида, не всегда слѣдуютъ тому же правилу; такъ всѣ говорятъ: *выраже́ніе*, *выступле́ніе*, *выздоровле́ніе* (1), несмотря на то, что самое окончаніе *еніе* не необходимо является съ удареніемъ, какъ видно напр. въ словѣ *изобрѣтеніе*. За то *предлогъ* вы *непремѣнно носитъ удареніе, когда соединенное съ нимъ отглагольное существительное есть либо первообразное, либо производное съ окончаніями: окъ, екъ, ышъ, ецъ, икъ, щикъ, ка, ица, ина, ость*; напр. *вы́боръ*, *вы́вихъ*, *вы́носъ*, *вы́стрѣлъ*, *вы́мыселъ*, *вы́слуга*, *вы́родокъ*, *вы́селокъ*, *вы́кидышъ*, *вы́веденышъ*, *вы́ходецъ*, *вы́водчикъ*, *вы́дѣлыщикъ*, *вы́ставка*, *вы́писка*, *вы́работка*, *вы́водчица*, *вы́боина*, *вы́пуклость*. Только слово *выдумщикъ* произносятъ и иначе, т. е. съ удареніемъ на коренномъ слогѣ (выду́мщикъ), но это неправильно. Когда имя съ окончаніемъ *ость* произведено отъ сущ., оканчивающагося на *тель* или, вѣрнѣе, отъ прилагательнаго, кончащагося на *тельный*, то предлогъ *вы* не принимаетъ ударенія, потому что не носитъ его и при этомъ послѣднемъ окончаніи, напр. *вырази́тельность*.

Прочіе предлоги, соединяясь съ именами, то оставляютъ за ними удареніе, то сами принимаютъ его, напр. *дозо́ръ* и *до́водъ*,

заво́дъ и *за́кромъ*, *зазы́въ* и *за́мыслъ*, *обо́зъ* и *о́бодъ*, *посо́лъ* и *по́варъ* и т. д. Иногда въ такихъ предложныхъ словахъ удареніе различное, напр. говорятъ и *насмо́ркъ* и *на́сморкъ*, *позы́въ* и *по́зывъ*; иногда оно бываетъ двоякое, смотря по двоякому смыслу слова, напр. *замо́къ* и *за́мокъ*, *приче́тъ* и *при́четъ*[1]. Однакожъ въ именахъ, кончащихся на *ь*, открывается одинъ законъ, общій для всѣхъ предлоговъ; онъ состоитъ въ слѣдующемъ: *всякій предлогъ принимаетъ удареніе, если присоединенъ къ отглагольному или и другому имени съ окончаніемъ* ь, *лишь бы тутъ не было наставокъ тель* и *ность*, напр. въ именахъ мужескаго рода: *за́рубень*, *о́бручь* (2), *о́главль*, *о́боротень*; *о́хабень*, *пе́речень*, *по́рученъ*, *при́хвостень*, *про́леженъ*, *у́валень*, *у́ровень*; — въ именахъ женскаго рода: *бе́зтолочь*, *за́висть*, *и́зморозь*, *и́сповѣдь*, *на́сыпь*, *о́бувь*, *о́пухоль*, *о́ттепель*, *о́чередь*, *пе́ревязь*, *по́честь*, *по́хоть*, *пре́лесть*, *при́голодь*, *при́мѣсь*, *про́пись*, *про́рубь*, *ро́спись*, *со́вѣсть*, *у́быль*, *у́даль*, *у́пряжь*, *у́тварь* и проч. и проч.

Если, вмѣсто предлога, въ такихъ именахъ находится отрицаніе *не*, то и оно принимаетъ удареніе, напр. *не́доросль*, *не́христь*, *не́учь*, *не́тель*, *не́видаль*, *не́погодь*, *не́нависть*.

На этомъ основаніи и нарѣчія, составленныя изъ одного или двухъ предлоговъ и подобнаго существительнаго, имѣютъ удареніе на первомъ слогѣ: *по́рознь*, *и́здали*, *и́зстари*, *на́стежь*, *на́искось*, *на́отмашь*, *о́щупью*, *и́сподоволь*, *на́взничь*, *о́земь* и проч.

Слѣдовало бы также говорить *и́скони*, а не *искони́*, какъ б. ч. говорятъ.

Это правило оправдывается многими десятками словъ, а исключеній изъ него мало. Вотъ едва ли не всѣ они: мужеск. рода — *недоу́чь*, женск. рода — *напа́сть*, *поги́бель*, *посте́ль*. Что касается имени *перéкопь*, которое въ этомъ видѣ также составляетъ по выговору исключеніе въ ряду именъ женск. рода, то замѣтимъ, что оно еще и въ древнихъ актахъ иногда писалось съ мужескимъ окончаніемъ (на ъ), а въ позднѣйшее время все чаще при-

[1] Подробнѣйшее изслѣдованіе этого предмета относится къ статьѣ объ удареніи предлоговъ.

нимало эту форму: см. Словарь Щекатова, Ч. IV, стр. 1043 и 1044; Кн. Больш. Чертежу, изд. Спасскимъ, стр. 221—225, И. Г. Р. I, стр. 437, и Акты Ист. Арх. Комм. т. II, стр. 201 («пушки побрали въ *перекóпѣ»*) Относительно слова *пріязнь* надобно помнить, что здѣсь *прі* не есть предлогъ (Санскр. *npia*, любезный).

Производственныя окончанія.

Изъ производственныхъ окончаній нѣкоторыя слѣдуютъ постояннымъ законамъ въ отношеніи къ ударенію. Для удобнѣйшаго разсмотрѣнія этихъ окончаній мы раздѣлимъ ихъ на 3 разряда, смотря по тому, принадлежатъ ли они именамъ мужескаго, женскаго или средняго рода. Въ двухъ первыхъ разрядахъ мы примемъ еще по 3 отдѣла: 1) окончанія, всегда или почти всегда сохраняющія на себѣ удареніе; 2) являющіяся то съ удареніемъ, то безъ ударенія, или носящія его то на одномъ слогѣ, то на другомъ, и 3) никогда не принимающія ударенія. Вслѣдъ за производственными окончаніями будемъ указывать и нѣкоторыя другія, не имѣющія опредѣленнаго значенія.

I. Окончанія мужескаго рода.

1) Съ постояннымъ удареніемъ.

а) Односложныя окончанія:

áкъ, я́къ. Въ какомъ бы значеніи ни являлись эти окончанія, они всегда бываютъ отмѣчены удареніемъ: *дуракъ, морякъ, чудакъ, острякъ, лошакъ, червякъ, тесакъ, пятакъ, пустякъ, соснякъ, Сибирякъ, холостякъ, обинякъ* и проч. То же бываетъ, когда это окончаніе отъ присоединенія къ нему другихъ звуковъ обращается въ *чакъ, щакъ, някъ,* наприм. *смѣльчакъ, лонщакъ, дубнякъ, плитнякъ.* Одно только слово *завтракъ* составляетъ здѣсь повидимому исключеніе, но въ этомъ имени окончаніемъ служитъ собственно только *къ*, приложенное къ слову *завтра* (вм. заутра). Въ старину писалось *завтрокъ;* если признать эту форму за правильную, то и въ такомъ случаѣ понятно будетъ отступленіе въ выговорѣ окончанія *акъ*, котораго тутъ не было первоначально.

у́нъ всегда носитъ удареніе, означается ли этой наставкой[1] лицо съ привычкою извѣстнаго дѣйствія, или вообще съ помощью ея образуется имя, наприм. *воркунъ*, *драчунъ*, *хвастунъ*, *хлопотунъ*, *горбунъ*, *валунъ*, *бурунъ*, и проч. Даже и въ именахъ, у которыхъ *унъ* не есть производственная наставка, или которыя заимствованы изъ другихъ языковъ, удареніе все-таки падаетъ на это окончаніе: напр. *перунъ* (κεραυνός), *табунъ*, *драгунъ*. Подъ это явленія не подходятъ только два слова: *пѣ́стунъ* и *ко́ршунъ*.

а́чъ, еще окончаніе личныхъ именъ, всегда отмѣченное удареніемъ: *богачъ*, *силачъ*, *толкачъ*, *скрипачъ*, *трубачъ*, *палачъ* и проч.: также *колачъ*.

а́й, *я́й*: *напрягай*, *поддергай*, *негодяй*, *лѣнтяй*, *нагоняй*, *глупендяй*, *скупердяй*, *урожай* и пр. Сюда относятся и слова́, въ которыхъ окончанія *ай* нельзя считать производственнымъ: *шугай*, *сарай*, *горностай*, *коровай*. Только въ именахъ *слу́чай* и *обы́чай* удареніе нынѣ слышится почти всегда на первомъ слогѣ. *Слу-ча́й*, въ значеніи успѣха при дворѣ, иногда переноситъ удареніе на *ай*:

«Да не вошелъ ли онъ въ случа́й клыками?»
Крыловъ «Слонъ въ случаѣ».

а́нъ я́нъ: *брюха́нъ*, *велика́нъ*, *бу́янъ*, *бурья́нъ*. Но *ро́занъ*.

е́жъ: *мятежъ*, *грабежъ*, *дѣлёжъ*, *кутёжъ*, *платежъ*, *падежъ* (и *падёжъ*) *рубежъ*, *чертежъ*, *терпёжъ* и др. Впрочемъ народъ говоритъ и *ру́бежъ*.

Вотъ наиболѣе употребительныя окончанія; еще есть нѣсколько такихъ, которыя или встрѣчаются въ немногихъ словахъ, или не составляютъ производственныхъ приставокъ.

---

[1] Подъ именемъ *наставки* я разумѣю суффиксъ, какъ подъ *приставкою*—префиксъ. Собственно говоря, слово *приставка* должно бы отвѣчать латинскому аффиксъ, а префиксъ пришлось бы перевести: *представка* или *предложка*. Пора и намъ точнѣе передавать на своемъ языкѣ научные термины, и не для чего слишкомъ бояться оскорблять нашъ слухъ новизнами, которыя только вначалѣ кажутся дикими. Употребленный мною терминъ *наставка* въ значеніи суффикса принятъ уже г. Брандтомъ, которому нельзя и вообще не быть благодарнымъ за его попытку, въ названномъ выше сочиненіи, придумывать русскія слова для передачи иностранныхъ терминовъ.

Таковы:

а́въ: рукавъ, буравъ.

у́гъ, ю́гъ: терпугъ, вертлюгъ, бѣльчугъ, смольчугъ, сычугъ.

у́й, ю́й: халуй, фатюй; почечуй, поцѣлуй.

а́гъ, о́гъ: рычагъ, очагъ, оврагъ, батогъ, пирогъ, творогъ, чертогъ.

у́къ, ю́къ: каблукъ, клобукъ, сундукъ, паукъ, индюкъ, мишукъ. *Барсукъ* произносится съ двоякимъ удареніемъ.

а́тъ: халатъ, ушатъ, супоста́тъ. Но *ба́рхатъ.*

а́шъ: торгашъ, мурашъ.

у́чъ: сивучъ, сургучъ.

б) Двух- и трехсложныя окончанія:

а́тай: ходатай, оратай, глашатай, соглядатай и др. Такъ же произносятъ по аналогіи старинное слово *ратай*, хотя въ немъ наставку составляетъ только слогъ *ай*, на которомъ должно бы быть удареніе.

ёнокъ } Объ этихъ двухъ приставкахъ ниже при разсмотрѣ-
ёночекъ } ніи слога *окъ.*

ёнышъ: дѣтёнышъ, гусёнышъ, утёнышъ.

2) Окончанія мужескаго рода съ перемѣннымъ удареніемъ:

окъ. Эта наставка служитъ очень часто для образованія уменьшительныхъ именъ, но она не вноситъ съ собою понятія уменьшенія, когда безъ нея имя неупотребительно, или и употребляется, но въ другомъ значеніи; напр. *сило́къ, високъ, вѣно́къ, лото́къ, возо́къ, судо́къ, росто́къ, зрачо́къ.*

Буква *о* передъ *къ* по большей части бываетъ бѣглою, но иногда она и удерживается въ косвенныхъ падежахъ.

Ни значеніе окончанія *окъ*, ни качество гласной *о* не имѣютъ вліянія на удареніе, которое зависитъ здѣсь отъ другихъ обстоятельствъ. Мы говоримъ: *знато́къ* (*о* постоянное), *свисто́къ* (*о* бѣглое), и *сви́токъ, поря́докъ* (*о* бѣглое). Различіе произношенія зависитъ здѣсь частью отъ числа слоговъ въ имени, частью отъ того, простое ли это имя или предложное.

При разсмотрѣніи этого окончанія мы должны имѣть въ виду и другую форму его, т. е. слогъ *екъ*, который рѣдко образуетъ не уменьшительныя имена и гдѣ буква *е* всегда бываетъ бѣглою.

А. *окъ* и *екъ* принимаютъ удареніе:

1) Когда съ присоединеніемъ ихъ образуется двусложное простое имя, напр: *глазо́къ*, *кусо́къ*, *суро́къ*, *цвѣто́къ*, *вершо́къ*, *домо́къ*, *куро́къ*, *поло́къ*, *носо́къ*, *клубо́къ*, *сучо́къ*, *горшо́къ*, *сово́къ*, *лубо́къ*, *ныро́къ*, *жидо́къ*, *кружо́къ*, *пято́къ*, *бѣло́къ*, *лото́къ*, *стрѣло́къ*, *игро́къ*, *знато́къ*, *ѣздо́къ*, *сверчо́къ*; *денёкъ*, *валёкъ*, *кулёкъ*, *шпинёкъ*, *конёкъ*, *линёкъ*.

Исключенія рѣдки; ихъ легко перечесть: *пре́докъ*, *хло́покъ*, *ку́бокъ*, *и́нокъ*, *щёлокъ*, *ры́нокъ*, *во́йлокъ*, *лу́чекъ* и *ли́шекъ*. Почти во всѣхъ этихъ словахъ причина ихъ особеннаго произношенія очевидна.

Предокъ произносится своеобразно какъ единственное имя, образованное приложеніемъ слога *окъ* непосредственно къ предлогу.

Хлопокъ должно бы произноситься съ удареніемъ на *окъ*, если бъ происходило отъ глагола *хлопать*, какъ *щелчокъ*, *толчокъ*, *звѣвокъ*, *швырокъ*, *свистокъ*, *пинокъ* и проч. происходятъ отъ соотвѣтственныхъ глаголовъ. Вѣроятно, слово *хлопокъ* выговаривается иначе для отличія отъ такихъ отглагольныхъ именъ.

Кубокъ не русскаго происхожденія: можетъ быть, оно перешло къ намъ изъ Польши и оттого произносится какъ польское kubek.

Имя *инокъ* образовано сходно съ греческимъ μοναχός и германскимъ einog: тутъ окончанія *окъ* нельзя считать существительною наставкою, потому что въ такомъ случаѣ этотъ слогъ не могъ бы сохраниться и въ женскомъ имени *и́нок*-иня. Скорѣе можно видѣть въ словѣ *инокъ* усѣченное прилагательное (позволяю себѣ этотъ старый терминъ ради его удобопонятности), что̀ оправдывается другимъ нашимъ прилагательнымъ: *одинокій* [1].

---

[1] Пав. Разс. II, Б., стр. 302: «инокій, одинокій можно поставить въ параллель съ прил. именами высокій, глубокій» и проч.

Имя *щелокъ* — славянскаго происхоженія. И его окончаніе не есть производственная наставка, судя по тому, что этотъ же слогъ удержанъ, только съ умягченіемъ согласной, въ женскомъ имени *щелочь*. Притомъ, еслибъ въ словахъ *инокъ* и *щелокъ* окончаніе *окъ* было обыкновенною наставкой, то гласная *о*, не имѣя ударенія, была бы бѣглою, какъ во всѣхъ именахъ такого образованія, а она остается и въ косвенныхъ падеждахъ: *инока*, *щелокомъ* (3).

Рынокъ есть измѣненное германское слово *ring*, которое нѣкогда означало между прочимъ круглую и особенно торговую площадь; у Чеховъ и Поляковъ *рынокъ* (rynek) и значитъ *площадь*.

Войлокъ — конечно также не русское слово. Въ лексиконѣ Линде оно показано татарскимъ, но это не подтверждается другими разысканіями (4). И это слово мы опять находимъ въ польскомъ языкѣ: wojłok.

Лу́чекъ, растеніе, выговаривается такъ для отличія отъ *лучёкъ*, орудіе. Въ обоихъ случаяхъ это уменьшит. отъ *лукъ*.

Явное исключеніе составляетъ только слово *ми́шекъ*.

Клинокъ въ значеніи главной части холоднаго оружія (нѣм. Klinge) произносится двояко.

Слова *за́мокъ*, *волокъ*, *отрокъ*, *турокъ* и, можетъ быть, еще нѣкоторыя другія сюда не относятся, потому что въ нихъ буква *к* очевидно принадлежитъ къ корню.

2) *окъ* и *екъ* принимаютъ удареніе, когда для образованія уменьшительныхъ прилагаются: а) къ двусложному имени съ удареніемъ на первомъ слогѣ; б) къ такому двусложному имени съ удареніемъ на второмъ слогѣ, которое въ косвенныхъ падежахъ держитъ это удареніе на окончаніи флексіи.

Примѣры случая *а): у́зелъ*, *узело́къ*; *во́лосъ*, *волосо́къ*; *вѣ́теръ*, *вѣтеро́къ*; *по́сохъ*, *посошо́къ*; *о́стровъ*, *острово́къ*; *ве́черъ*, *вечеро́къ*; *го́лосъ*, *голосо́къ*; *го́лубь*, *голубо́къ*; *ко́рень*, *корешо́къ*; *ло́скутъ*, *лоскуто́къ*; *мо́лотъ*, *молото́къ*; *по́рохъ*, *порошо́къ*; *сте́бель*, *стебелёкъ*; *сби́тень*, *сбитенёкъ*; *фли́гель*, *флигелёкъ*.

Повидимому имя *кáмень* въ уменьшительной формѣ представляетъ исключеніе, но въ сущности тутъ едва ли не другое окончаніе, именно: *ушекъ* (*кáмушекъ*, какъ въ словахъ *ворóбушекъ*, *солóвушекъ*), а не *екъ*, передъ которымъ *н* будто бы превратилось въ *ш* (*кáмешекъ*, какъ въ словѣ *гребешёкъ*), потому что никто такъ не произноситъ этого имени и правописаніе *камешекъ*, кажется, придумано искуственной грамматикой.

Примѣры случая *б)*: *пирóгъ* (á), *пирожóкъ*; *огóнь* (я́), *огонёкъ*; *очáгъ*, *очажóкъ*; *ремéнь*, *ремешóкъ*; *котёлъ*, *котелóкъ*; *дурáкъ*, *дурачóкъ*; *пузы́рь*, *пузырёкъ*; *ручéй*, *ручеёкъ*; *хохолъ*, *хохолóкъ*; *старúкъ*, *старичóкъ*; *пѣтýхъ*, *пѣтушóкъ*; *кошéль*, *кошелёкъ*.

3) *окъ* и *екъ* принимаютъ удареніе въ отглагольныхъ безпредложныхъ именахъ, хотя и заключающихъ въ себѣ болѣе двухъ слоговъ, напр. *кипятóкъ*, *кувырóкъ*, *колотóкъ*.

4) Такимъ же образомъ, наконецъ, произносятся имена: *четвертóкъ*, *василёкъ*, *комелёкъ*, и еще два уменьшительныя, въ которыхъ передъ тою же наставкой является посредствующій слогъ съ буквою *н*: *муженёкъ*, *куманёкъ* (собств. кумонекъ).

Б. *окъ* и *екъ* остаются безъ ударенія и оно падаетъ на предыдущій слогъ:

1) Когда эта приставка прилагается къ такому имени съ удареніемъ на второмъ или на третьемъ слогѣ, которое во флексіи не переноситъ этого ударенiе на падежное окончаніе: *горóхъ* (а), *горóшекъ*; *барáнъ* (а), *бáрашекъ*; *человѣ́къ*, *человѣ́чекъ*; *орѣ́хъ*, *орѣ́шекъ*; *оврáгъ*, *оврáжекъ*; *лосóсъ*, *лосóсокъ*[1]; примѣровъ этого случая мало, потому что такія существительныя, для образованія уменьшительной степени, чаще принимаютъ окончанія *ецъ* и *икъ*: *ухáбецъ*, *ушáтецъ*, *забóрикъ*, *нарóдецъ*, *урóдецъ* (по большей части предложныя).

2) Когда существительное съ окончаніемъ *окъ* образуется отъ предложнаго глагола или вообще съ помощью какого-нибудь предлога (кромѣ *вы*): *достатокъ*, *убытокъ*, *поступокъ*, *осадокъ*, *раз-*

[1] Послѣднее имя произносится еще и другимъ образомъ: *лóсось*, *лососóкъ*. Это также правильно, но согласно съ первымъ закономъ.

судокъ, *отростокъ*, *обрубокъ*, *опоекъ*, *осколокъ*, *сколокъ*, *снимокъ*, *слѣпокъ*, *списокъ*, *недоносокъ*, *загривокъ*, *наперстокъ*, *отголосокъ*, *перешеекъ*, *прилавокъ*, *проселокъ*, *простѣнокъ*, *недоуздокъ*. Сюда же слѣдуетъ отнести составныя имена: *полушубокъ*, *однолѣтокъ*, *межеумокъ* и др.

Здѣсь замѣчательны два обстоятельства: 1) что даже и двусложныя слова, какъ скоро въ составѣ ихъ есть предлогъ, не носятъ ударенія на окончаніи *окъ*, напр.: *списокъ*, *снимокъ*, *сколокъ*, *слитокъ*, *свитокъ*, *свёртокъ*, *взлобокъ*, тогда какъ въ двусложныхъ именахъ безпредложныхъ эта наставка, какъ мы видѣли, почти никогда не остается безъ ударенія, и 2) что отъ присоединенія предлога къ двусложному имени, оканчивающемуся на *окъ*, удареніе непремѣнно переходитъ съ этого окончанія на предпослѣдній слогъ, напр.: *ростóкъ*, *отрóстокъ*; *лѣсóкъ*, *перелѣсокъ*.

Предлогъ *вы*, какъ уже было показано, всегда принимаетъ удареніе передъ такими именами *вырѣзокъ*, *выродокъ*. Такое же свойство имѣютъ рѣже встрѣчающіеся при нихъ предлоги: *па* и *су*: *пáсынокъ*, *пáерокъ*, *пáколокъ*, *пáробокъ* (стар.), *сýпесокъ* (однакожъ *суглúнокъ* произносится съ удареніемъ на среднемъ слогѣ). Еще говорятъ иногда *прúгорокъ* вмѣсто болѣе правильнаго *пригóрокъ*.

Замѣтимъ, что когда предложное имя съ наставкою *окъ* есть уменьшительное, происходящее отъ другого имени безъ этого окончанія, то удареніе слѣдуетъ общимъ правиламъ безпредложныхъ именъ, напр.: *óблукъ*, *облучёкъ*; *óбодъ*, *ободóкъ*; *пóводъ*, *поводóкъ*; *óбразъ* — *óкъ*; *пóгребъ* — *óкъ* (какъ *пóрохъ*, *порошóкъ*; *вóлосъ*, *волосóкъ*).

Есть однакожъ и нѣсколько, хотя очень немного, исключеній изъ правила произношенія предложныхъ именъ на *окъ*, именно: *зáвитокъ*, *поплавóкъ*, *позвонóкъ*, *позовóкъ*, *смычóкъ*. Вѣроятно особенность выговора тутъ происходитъ отъ того, что это первоначально-уменьшительныя; по крайней мѣрѣ мы дѣйствительно находимъ въ языкѣ слова: *пóплавъ* (обл.) и *пóзовъ* (стар.). Въ словѣ *смычóкъ* совершенно потерялась идея его состава и, можетъ

быть, оно такъ произносится для болѣе рѣзкаго отличія отъ женскаго имени *смычка*. Таково же *сморчо́къ*.

Опрѣсно́къ произносится чаще съ удареніемъ на окончаніи— что́ несвойственно русскому языку и ввелось конечно оттого, что это — церковно-славянское слово. Въ книжный языкъ легко вкрадывается ударенія искуственныя, отвергаемыя народнымъ слухомъ.

Слова *потоло́къ*, *о́корокъ*, *о́бморокъ* сюда не относятся, потому что у нихъ окончаніе не есть наставка, а принадлежитъ къ корню. Чтобы убѣдиться въ томъ, сто́итъ сравнить ихъ съ формами *тлакъ*, *кракъ* и *о́мракъ* другихъ славянскихъ нарѣчій.

Въ заключеніе мы не можемъ не указать двухъ словъ, которыя не подходятъ ни подъ одинъ изъ приведенныхъ разрядовъ: *жа́воронокъ* и *щи́колотокъ*. Образованіе послѣдняго сомнительно; по Рейфу, это — измѣненіе сложнаго слова *щеколокоть*. *Желу́докъ* отличается удареніемъ отъ уменьшительнаго *желудо́къ*. *Осё́локъ* есть безпредложное имя, котораго корень находится можетъ-быть въ соотношеніи съ прилаг. *о́стрый*. Такъ же, по ударенію, произносится *деся́токъ*.

Здѣсь мѣсто разсмотрѣть слово *рису́нокъ* и опредѣлить законъ его ударенія. По мнѣнію Павскаго (Разсуж. II, А. § 87), это слово должно быть отнесено къ именамъ съ наставкою *унъ*, къ которой слѣдовательно здѣсь прибавлено окончаніе *окъ*. Но имя *рисунокъ* образовано не такъ: оно взято изъ польскаго языка (rysunek), гдѣ удареніе непремѣнно должно падать на предпослѣдній слогъ и гдѣ окончаніе *unek*, образованное изъ нѣмецкаго ung, довольно обыкновенно (szacunek, wizerunek). Съ нѣмецкимъ окончаніемъ ung Павскій сравниваетъ здѣсь наше *унъ*, приводя тутъ же, сверхъ слова *рисунокъ*, имена: *падунъ*, *болтунъ*, *корочунъ* и *лизунецъ*. Такое сближеніе едва ли основательно: въ имени *рисунокъ* наставка *унокъ* составляетъ одно нераздѣльное окончаніе (со вставкою гласной о), которое вкралось къ намъ чуть ли не исключительно въ этомъ словѣ (5).

Изъ разсмотрѣнія наставки *окъ*, *екъ*, видно, что почти всѣ

уменьшительныя, съ помощію ея образуемыя, носятъ удареніе на этомъ окончаніи. Отступаютъ только немногія слова: а) подобныя именамъ: *кармáшекъ*, *человѣ́чекъ* (см. выше Б. 1), которыхъ примѣты состоятъ въ томъ, что ихъ основныя формы: *кармáнъ*, *человѣкъ* въ косвенныхъ падежахъ сохраняютъ удареніе именительнаго падежа на 2-мъ или на 3-мъ слогѣ и передъ приростомъ *екъ* измѣняютъ свою окончательную согласную; б) уменьшительныя отъ словъ съ окончаніемъ *икъ*, не имѣющимъ ударенія: *ры́жичекъ*, *чáйничекъ*, и отъ предложныхъ на *окъ: спи́сочекъ*, *напёрсточекъ;* также *вóйлочекъ*, *желýдочекъ*, *деся́точекъ*.

Когда, для усиленія степени уменьшенія, наставка *óкъ*, *ёкъ* удвоятся, такъ что образуется двучленное окончаніе *очекъ* или *ечекъ*, то удареніе остается на первомъ его членѣ: *цвѣтóчекъ*, *голубóчекъ*, *горшéчекъ*, *кулéчекъ*, *денёчекъ* и проч. Исключеніе: *мозжечóкъ*.

Когда окончанію *окъ* предшествуетъ слогъ *ен* въ уменьшительныхъ именахъ, то удареніе падаетъ всегда на этотъ предпослѣдній слогъ: *робёнокъ*, *барчёнокъ*, *поварёнокъ*, *жидёнокъ*, *попёнокъ*, *чертёнокъ*, *бѣсёнокъ*, *орлёнокъ*, *ослёнокъ*, *львёнокъ*, *мышёнокъ*, *бочёнокъ*. Въ словѣ *щенóкъ* буквы *ен* принадлежатъ не къ окончанію, а къ корню. При удвоеніи слога *окъ* въ этой наставкѣ происходитъ окончаніе *ёночекъ*, *бочёночекъ*, *телёночекъ*.

ецъ. Законы ударенія именъ съ этимъ окончаніемъ менѣе опредѣлительны; однакожъ и тутъ можно замѣтить нѣсколько общихъ явленій:

1) Въ двусложныхъ словахъ:

Двусложныя имена, оканчивающіяся на *ецъ*, по большей части носятъ на этомъ слогѣ удареніе: *отéцъ*, *конéцъ*, *вѣнéцъ*, *свинéцъ*, *зубéцъ*, *вдовéцъ*, *волчéцъ*, *дворéцъ*, *чепéцъ*, *багрéцъ*, *самéцъ*, *кострéцъ*, *боéцъ*. Особенно принадлежатъ сюда имена, образованныя: а) отъ глаголовъ: *ловéцъ*, *рубéцъ*, *рѣзéцъ*, *творéцъ*, *дѣлéцъ*, *купéцъ*, *борéцъ*, *истéцъ*, *жилéцъ*, *гонéцъ*, *гребéцъ*, *скопéцъ* и др.; б) отъ прилагательныхъ именъ: *мудрéцъ*, *глупéцъ*, *наглéцъ*, *гордéцъ*, *храбрéцъ*;

хитрéцъ, подлéцъ, скупéцъ, слѣпéцъ, хромéцъ, сырéцъ, мертвéцъ, бѣлéцъ (отъ *бѣлый*), *пришлéцъ* (отъ *пришлый*).

Но есть двусложныя имена на *ецъ* съ удареніемъ надъ первымъ слогомъ, напр. *стáрецъ, пáлецъ, дýмецъ*. Особливо замѣтны между ними: а) уменьшительныя, когда они сохраняютъ значеніе тѣхъ именъ, отъ которыхъ произведены: *хлѣбецъ, дáрецъ, шкáпецъ, брáтецъ*; б) названія лицъ и предметовъ, означающія ихъ происхожденіе: *нѣмецъ, гóрецъ, лúпецъ*, и в) слова, взятыя изъ другихъ языковъ: *пéрецъ, сúтецъ, тáнецъ, рáнецъ, шáнецъ, глянецъ*; въ послѣднихъ пяти гласная *е* вставлена только для облегченія выговора (ср. напр. Tanz, Glanz). Двусложныя уменьшительныя на *ецъ*, которыя съ этою наставкою приняли и новый оттѣнокъ значенія, имѣютъ удареніе на концѣ: *ларéцъ, сучéцъ, столбéцъ, Донéцъ*. Послѣднее слово означаетъ также донского казака и въ такомъ случаѣ составляетъ опять исключеніе изъ правила о произношеніи именъ, показывающихъ происхожденіе лицъ и предметовъ. Слово *сланецъ*, названіе горной породы (вѣрнѣе *стланецъ*, отъ глаг. *стлаться*), произносится различно, но на мѣстахъ, гдѣ есть самый предметъ, имъ означаемый (по крайней мѣрѣ, въ Сибири), говорятъ *слáнецъ*, и это лучше для отличія отъ *солонéцъ* (то же, что *солончакъ*).

2) Въ многосложныхъ словахъ:

Въ многосложныхъ словахъ, наоборотъ, окончаніе *ецъ* почти всегда остается безъ ударенія, которое у нихъ падаетъ обыкновенно на предшествующій слогъ. Особенно относятся сюда:

1) Уменьшительныя, произведенныя по большей части отъ существительныхъ предложныхъ или иностранныхъ именъ, которыя, имѣя удареніе на послѣднемъ слогѣ, не переносятъ его во флексіи на окончаніе, напр. *футля́рецъ, журнáлецъ, узóрецъ, дохóдецъ, урóдецъ, поставецъ* (но нѣкоторые произносятъ и *поставéцъ*); также *хомýтецъ*.

2) Отглагольныя, образованныя отъ причастія на *л*: *владѣлецъ, кормúлецъ, постоялецъ, сидѣлецъ, пришéлецъ*.

3) Имена, произведенныя отъ прилагательныхъ и причастій, которыя сами имѣютъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ: *люби́мецъ*, *упря́мецъ*, *гости́нецъ*, *знако́мецъ*, *мизи́нецъ*, *торго́вецъ*, *лука́вецъ*, *учти́вецъ*, *льни́вецъ*, *краса́вецъ* (отъ неупотр. прил. *краса́вый*), *поселе́нецъ*, *уроже́нецъ*. Сюда же слѣдуетъ отнести слово *младе́нецъ*, которое иные несправедливо считаютъ сокращеніемъ составного *младоде́нецъ*. Доказательствомъ невѣрности этого мнѣнія служитъ: 1) значеніе слово *младенецъ* въ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ языкахъ, гдѣ оно соотвѣтствуетъ слову *юноша*; 2) древне-славянская форма младѧ (въ значеніи *младенецъ*).

4) Личныя имена, означающія принадлежность къ націи или странѣ: *помо́рецъ*, *испа́нецъ*, *грузи́нецъ*, *америка́нецъ*, *новгоро́децъ*, *новото́ржецъ*, *инді́ецъ*, *кита́ецъ*.

и 5) Слова составныя, хотя бы въ простомъ имени удареніе и было на слогѣ *ецъ*: *инозе́мецъ*, *единовѣ́рецъ*, *стихотво́рецъ*, *миротво́рецъ* (хотя *творе́цъ*), *книгопрода́вецъ* (хотя *продаве́цъ*), *земледѣ́лецъ*, *живопи́сецъ*, *мореходецъ*, *душегу́бецъ*, *однодво́рецъ*, *трезу́бецъ* и проч. Такъ же выговаривается имя *видецъ*, нынѣ употребительно только въ соединеніи съ другими словами, напр. *прови́децъ*, *самови́децъ*, *ясно́видецъ*.

У трехсложныхъ словъ на *ецъ* удареніе бываетъ только въ рѣдкихъ случаяхъ надъ этимъ окончаніемъ, и именно: 1) когда уменьшительное, произведенное отъ двухсложнаго существительнаго съ удареніемъ на первомъ слогѣ, получаетъ новый оттѣнокъ значенія; *погребе́цъ* (отъ по́гребъ), *образе́цъ* (отъ о́бразъ), *городе́цъ* (отъ городъ), *холоде́цъ* (отъ холодъ); 2) когда имя образовано отъ прилагательнаго съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ: *молоде́цъ* (отъ молодой), *удале́цъ* (отъ удалой), *ледене́цъ* (отъ ледяной); 3) у нѣкоторыхъ именъ первообразныхъ и производныхъ, безъ явной причины: *голубе́цъ* (иначе *голбе́цъ*), *жеребе́цъ*, *изразе́цъ*, *огуре́цъ*, *ва́рене́цъ*, *пряжене́цъ*, *сорване́цъ*, *продаве́цъ*.

Есть и такія имена съ наставкой *ецъ*, у которыхъ удареніе падаетъ на 3-й слогъ съ конца, напр. *пе́рвенецъ*, *мы́канецъ*, *взы́сканецъ*, *перема́занецъ*, *приве́рженецъ*, *до́сканецъ*, *ба́рхатецъ*, что́

объясняется почти всегда произношеніемъ первообразныхъ словъ. Имя *посланецъ* произносится различно. Однакожъ выговоръ *посланéцъ* — самый употребительный.

икъ. Когда слогъ *икъ* придаетъ имени значеніе уменьшительнаго, то онъ никогда не принимаетъ ударенія и оно падаетъ на предыдущій слогъ: *рóтикъ*, *дóмикъ*, *прýтикъ*, *стóликъ*, *нóжикъ*, *мóстикъ*, *крéстикъ кýстикъ*, *топóрикъ*, *карандáшикъ*, *кузнéчикъ*, *обрýчикъ*, *гвóздикъ*, *солдáтикъ* и проч.

Такъ же произносятся тѣ имена съ этимъ окончаніемъ, которыя безъ него не употребительны или даже не имѣютъ значенія: *я́щикъ*, *крóликъ*, *вѣ́никъ*, *кóртикъ*, *ры́жикъ*.

Особый разрядъ именъ на *икъ* составляютъ отглагольныя, образованныя отъ страдательныхъ причастій на *нъ:* они сохраняютъ обыкновенно ударенія причастія, употребительнаго или только возможнаго: *воспитанникъ*, *данникъ*, *труженикъ*, *мученикъ*. Исключеніе: *ученúкъ*. Ошибочно было бы думать, что въ тѣхъ изъ этихъ именъ, у которыхъ звукъ *н* удвоенъ, суффиксомъ служитъ слогъ *никъ*. Здѣсь удвоеніе *н* чисто фонетическое; это уступка выговору, не имѣющая основанія въ составѣ слова.

Рыжикъ, по мнѣнію Павскаго (Разс. II, А. § 37), происходитъ отъ прилаг. *рыжій;* но отчего же и по-шведски этотъ грибъ называется *riska?* Тотъ же ученый производитъ имя *пыжикъ* отъ глагола *пыжиться*. Намъ кажется, что *пыжикъ* есть уменьшительная форма слова *пыжъ*, отъ котораго происходитъ и глаголъ *пыжиться*.

Въ имени *кулúкъ*, окончаніе *икъ* не есть производственное, судя по санскр. kalika, франц. courlis. Удареніе слова *мужúкъ* основывается на томъ, что при другомъ произношеніи это имя приняло бы видъ уменьшительнаго.

Наставка *икъ* носитъ удареніе, когда имя произведено: 1) отъ первообразнаго прилагательнаго (т. е. такого, которое состоитъ только изъ корня и окончанія *ый*, *ій*): *старúкъ*, *новúкъ*, *молодúкъ*, *семúкъ*, (вм. седмикъ), *голúкъ*, *прямúкъ*, *тупúкъ*, *цѣлúкъ* (цѣликомъ), *босúкъ* (босикомъ), *матерúкъ*, *крутúкъ*, *слабúкъ* (обл.) и

2) отъ числительныхъ: *четверикъ*, *пятерикъ*, *шестерикъ* и проч.

Къ разряду подобныхъ именъ принадлежатъ также слова́: *красикъ* и *плавикъ*. Они, по мнѣнію Павскаго, происходятъ отъ глаголовъ: *красить* и *плавить*. По аналогіи *красикъ* лучше объясняется неупотребительнымъ прилагательнымъ *красый*, слѣдъ котораго остается въ сравнительной степени *краше*. *Плавикъ* есть слово новое, искуственное и можетъ дѣйствительно быть произведено ненормально отъ глагола, если не вѣрнѣе принять за начало его прилагат. *плавкій*. Впрочемъ названія минераловъ, кончающіяся на *икъ*, вообще носятъ удареніе на этомъ слогѣ: напр. *крававикъ* выговаривается такъ, несмотря на окончаніе прилагательнаго (*авый*), отъ котораго оно происходитъ.

Имена на *никъ*, происходящія по большей части отъ прилагательныхъ (хотя и не всегда употребительныхъ) съ окончаніемъ *ный* или *ній*, обыкновенно не носятъ ударенія надъ наставкой и сохраняютъ его на томъ же мѣстѣ, гдѣ оно въ прилагат. или причастіи, дѣйствительно ли существующемъ или возможномъ, напр. *ча́йникъ*, *моло́чникъ*, *пра́здникъ*, *пере́дникъ*, *взя́точникъ*, *картёжникъ*, *хлѣ́бникъ*, *дво́рникъ*, *е́льникъ*, *куста́рникъ*, *варе́никъ*, *му́ченикъ*, *тру́женикъ*, *ба́рочникъ*, *ма́сляникъ*, *любо́вникъ*, *церко́вникъ*, *проти́вникъ*, *наста́вникъ*, *сопе́рникъ*, *садо́вникъ*, *чино́вникъ*, *вто́рникъ*, *деся́тникъ*. Противное бываетъ: 1) когда самое прилагательное оканчивается на *ной* съ удареніемъ: *водяни́къ*, *волосяни́къ*, *двойни́къ*, *дощани́къ*, *печни́къ*, *мясни́къ*, *ночни́къ*, *ручни́къ*, *цвѣтни́къ*, *сѣнни́къ*, *дневни́къ*, *сквозни́къ*, *парни́къ*, *потни́къ*, *межни́къ*; 2) въ нѣкоторыхъ изъ именъ на *никъ*, означающихъ мѣсто, вмѣстилище или лицо, хотя въ прилагательномъ удареніе и не на послѣднемъ слогѣ: *родни́къ*, *рудни́къ*, *тайни́къ*, *дойни́къ*, *холодни́къ*, *бечевни́къ*, *должни́къ*, *шутни́къ*, *блудни́къ*, *истопни́къ*, *озорни́къ*, *прихотни́къ*, *баловни́къ*, *клеветни́къ*, *проводни́къ*. Замѣтимъ, что это почти все такія личныя имена, которыя происходятъ отъ прилагательныхъ неупотребительныхъ (напр. *шутни́къ*, *истопни́къ*).

Имена на *щикъ* (*чикъ*) всѣ означаютъ лица извѣстнаго званія, ремесла или по крайней мѣрѣ занятія, и происходятъ либо прямо отъ прилагательныхъ съ примѣтою *скій*, либо отъ существительныхъ и глаголовъ при посредствѣ такого прилагательнаго, хотя и неупотребляющагося. Одна половина ихъ носитъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ, а другая на окончаніи. Слогъ *щикъ* можетъ принимать удареніе: 1) когда присоединяется къ существительному односложному или такому двусложному, у котораго удареніе на первомъ слогѣ, а въ корнѣ звукъ *е* или *и*: *ямщи́къ*, *деньщи́къ*, *зеленщи́къ*, *сбитеньщи́къ*, *гребенщи́къ*, *погребщи́къ*, *временщи́къ*; 2) когда этому окончанію въ трехсложныхъ именахъ предшествуетъ слогъ *ов* или *ев*: *гробовщи́къ*, *кормовщи́къ*, *браковщи́къ*, *вѣсовщи́къ*, *ростовщи́къ*, *вѣстовщи́къ*, *медовщи́къ*, *мѣновщи́къ*, *часовщи́къ*, *цѣновщи́къ*, *вербовщи́къ*, *бунтовщи́къ*, *бечевщи́къ*; 3) въ нѣкоторыхъ отглагольныхъ именахъ, образованныхъ безъ посредствующаго слога *ов*: *покупщи́къ*, *поставщи́къ*, *лѣпщи́къ*, *рѣзчи́къ*. *Лицевщи́къ* — пишущій лица на иконахъ — отличается произношеніемъ отъ слова *лицо́вщикъ* — умѣющій придавать красивую наружность (Акад. Слов.).

щикъ, *чикъ* не принимаетъ ударенія и передаетъ его предыдущему слогу: 1) въ словахъ, имѣющихъ болѣе трехъ слоговъ: *лакиро́вщикъ*, *потако́вщикъ*, *молоти́льщикъ*, *бараба́нщикъ*; 2) въ большей части отглагольныхъ и другихъ именъ, содержащихъ и менѣе слоговъ: *плате́льщикъ*, *цѣ́нщикъ*, *спо́рщикъ*, *набо́рщикъ*, *ходе́бщикъ*, *бахро́мщикъ*, *конто́рщикъ*, *ко́рмщикъ*, *во́зчикъ*, *изво́зчикъ*, *доно́счикъ*, *приказчикъ*, *переписчикъ*, *сы́щикъ*, *помѣ́щикъ*. Кромѣ того въ словахъ: *рисо́вщикъ* и *танцо́вщикъ*, отступающихъ отъ приведенныхъ выше во 2-мъ пунктѣ, образованныхъ отъ глаголовъ на *овать* (браковщи́къ, бунтовщи́къ, вербовщи́къ).

Иногда удареніе, вслѣдствіе производства, можетъ быть и на 3-мъ слогѣ съ конца: *жа́лобщикъ*, *да́кальщикъ*, *кро́вельщикъ*, *жа́рильщикъ*, *ма́зальщикъ*, *ка́менщикъ*, *зна́менщикъ*, *у́гольщикъ*.

Имена съ наставкою *чикъ* послѣ корня, кончающагося на согласную *д* или *т*, всегда имѣютъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ:

газетчикъ, переплётчикъ, монетчикъ, отвѣтчикъ, челобитчикъ, мазутчикъ, переводчикъ, подрядчикъ,—не говоря уже о томъ случаѣ, когда *чикъ* означаетъ степень уменьшенія въ словахъ, произведенныхъ отъ именъ на *ецъ*, и по общему правилу уменьшительныхъ на *и́къ* (см. выше стр. 406) не можетъ принимать ударенія: *ла́рчикъ, вѣ́нчикъ, ку́пчикъ, ря́бчикъ, че́пчикъ, сту́льчикъ, образчикъ, кузне́чикъ.*

Наконецъ, наставкѣ *икъ* предшествуютъ иногда слоги *ов, ев, ив, ат, аст*, въ именахъ, произведенныхъ отъ прилагательныхъ съ окончаніями *овый, евый, ивый, атый, астый.* Такія существительныя удерживаютъ произношеніе прилагательныхъ, напр. *берёзовикъ, рублёвикъ, кресто́викъ, парши́викъ, волоса́тикъ, голова́стикъ; — пудови́къ; полови́къ, годови́къ, дождеви́къ, борови́къ, огневи́къ*; прил. *пухо́вый* могло бы произноситься и иначе, т. е. *пухово́й*; сущ. *пухови́къ* приняло удареніе отъ послѣдней малоупотребительной формы.

Представимъ теперь менѣе употребительныя окончанія муж. рода, выговаривающіяся различно безъ видимой причины.

ичъ: рядови́чъ;—ро́дичъ, со́отчичъ, ба́ричъ. Впрочемъ въ словѣ *рядови́чъ* удареніе на послѣднемъ слогѣ потому, что такъ произносится прилагательное *рядово́й.*

ышъ: коро́тышъ, глупы́шъ, каты́шъ, крѣпы́шъ, малы́шъ; — гла́дышъ, ду́тышъ, ла́ндышъ, мя́кишъ. Всѣ предложныя имена съ этимъ окончаніемъ (кромѣ *вы́игрышъ, про́игрышъ*), а также съ двухсложнымъ *еньшъ* имѣютъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ: *око́лышъ, найдёнышъ, обо́рышъ, подки́дышъ, заро́дышъ, дѣтёнышъ.*

отъ, етъ: хребе́тъ; — ко́четъ, кре́четъ, хо́ботъ, ши́вортъ. Въ именахъ отглагольныхъ, означающихъ звукъ или движеніе, окончаніе это никогда не носитъ ударенія: *ро́потъ, то́потъ, хо́хотъ, гро́хотъ, ле́петъ, скре́жетъ, тре́петъ.*

инъ: господи́нъ, дворяни́нъ, грузи́нъ, мѣщани́нъ, славяни́нъ, семьяни́нъ, простолюди́нъ, павли́нъ;—крестья́нинъ, англича́нинъ, однополча́нинъ, шу́ринъ, хозя́инъ, ба́ринъ.

Иногда въ одномъ и томъ же словѣ это окончаніе произносится различно, напр. говорятъ: *христіанúнъ*, и *христіáнинъ*, *гражданúнъ* и *грáжданинъ*, *мірянúнъ* и *мíрянинъ*.

ень: кремéнь, курéнь, олéнь, кистéнь, ревéнь; — *пáрень, бáловень, сúдень, кáмень.* — Почти всѣ отглагольныя имена съ этимъ окончаніемъ не носятъ на немъ ударенія, наприм. *лúвень, стáвень, бýдень, сгúбень.*

арь: *государь, букварь, ключарь;*—*лѣкарь, пúсарь, пéкарь.*

олъ, елъ: *хохóлъ, орёлъ, козёлъ;* — *ýголъ, ýзелъ, вéртелъ.*

Найдутся еще и другія окончанія муж. рода съ неопредѣленнымъ удареніемъ; но какъ они или рѣдки въ языкѣ, или не составляютъ собственно наставокъ, то мы и не считаемъ нужнымъ приводить ихъ здѣсь всѣ безъ изъятія.

3) Окончанія мужескаго рода, никогда не принимающія ударенія:

Между этими окончаніями самое употребительное *тель;* оно рѣшительно отвергаетъ удареніе, когда означаетъ дѣйствующее лицо (или свойство въ словѣ *добродѣтель*). Безъ такого значенія оно встрѣчается только въ именахъ двухъ породъ птицъ: *свиристéль* и *коростéль;* впрочемъ, здѣсь наставку составляетъ только слогъ *ель*, буква же *т* принадлежитъ къ корню или, по крайней мѣрѣ, къ первичному образованію (отъ глаг. *свиристѣть* и *хрустѣть;* ср. польск. chróściel или chruściel [1]).

По неразлучному съ нимъ понятію это окончаніе въ сущности можетъ принадлежать только названіямъ одушевленныхъ предметовъ; однакожъ оно усвоено также ариѳметическимъ терминамъ: *числúтель, знаменáтель, мнóжитель, дѣлúтель*, и замѣчательно, что, не означая собственно лицъ, эти имена все-таки склоняются подобно именамъ личнымъ; говорятъ напр. раздѣлить *числителя* па *знаменателя:* такъ значеніе дѣятеля существенно связано съ окончаніемъ *тель.*

---

[1] Въ словѣ *обитель* звукъ *т* несомнѣнно принадлежитъ къ корню (витать).

Имена съ этой наставкой, въ отношеніи къ ударенію, слѣдуютъ по большей части неопредѣленному наклоненію тѣхъ глаголовъ, отъ которыхъ они образованы: *дѣлатель*, *завоеватель*, *плáватель*. Только когда окончанію *тель* предшествуетъ гласная *и* или *ѣ*, то на нее, независимо отъ неопредѣленнаго наклоненія, котораго часто и нѣтъ въ основаніи производства, — т. е. на гласную *и*, *ѣ* падаетъ удареніе: *строи́тель*, *граби́тель*, *прави́тель*, *состави́тель*, *наруши́тель*, *ревни́тель*, *покрови́тель*, *вои́тель*, *утѣши́тель*[1], *свидѣтель*, *владѣтель*, *благодѣтель*. Словá *вѣритель*, *мыслитель* произносятся двояко. Отступленіе представляютъ имена: *мнóжитель*, *дви́житель*. Замѣчательно, какъ единственный въ языкѣ случай, слово *вóлостель* или *влáстель*: здѣсь окончаніе *тель* приставлено прямо къ корню *влад*, въ которомъ буква *д*, какъ при глагольномъ окончаніи, обратилась въ *с*. Любопытно также областное *свíстель*, гдѣ однакожъ наставкою служитъ, кажется, только слогъ *ель* (ср. другую форму этого слова: *свíстень*).

Менѣе употребительное окончаніе, не терпящее ударенія: *овъ*, *евъ*: *кýзовъ*, *óстровъ*, *бóровъ*, *тéтеревъ*.

II. Окончанія женскаго рода[2]:

1) Съ постояннымъ удареніемъ такихъ окончаній не много, да и тѣ мало употребительны, и притомъ не всѣ они производственныя. Вотъ главныя изъ нихъ:

áга, *я́га*: *ватага*, *кулага*, *сѣрмяга*, *бодяга*.

ýга, *ю́га*: *бѣлуга*, *кольчуга*, *дерюга*, *вьюга* (впрочемъ говорятъ и *вьюгá*).

ы́га, *и́га*: *лодыга*, *мотыга*, *коврига*, *вязига*, *забулдыга*.

---

[1] Такой выговоръ окончанія *итель* съ удареніемъ на *и* такъ сроденъ языку, что даже и женское имя *обитель* (съ наставкой *ель*) произносится такимъ же образомъ, хотя оно, какъ предложное при мягкомъ окончаніи, должно бы имѣть удареніе на первомъ слогѣ (см. стр. 394).

[2] Подъ этимъ названіемъ разумѣются здѣсь и такія наставки, которыя могутъ служить къ образованію именъ общаго или только мужескаго рода, но имѣютъ женскую форму.

а́ка, я́ка: писака, рубака, гуляка, забіяка.

а́ха, я́ха: замараха, рубаха, черепаха, неряха.

о́ха, ёха: обироха, завироха, суматоха, пройдоха, лепёха, тетёха.

у́нья: колдунья, хохотунья, прыгунья. Пѣстунья выговаривается иногда и съ удареніемъ на первомъ слогѣ.

у́ля: ходуля, козуля, сосуля, красоуля. Слово *кара́куля*, вѣроятно, не русское по происхожденію.

у́ша: горбуша, кликуша, говоруша.

и́ка: въ названіяхъ ягодъ и растеній: *земляника, клубника, черника, ежевика, голубика, брусника, княженика, поленика, гвоздика, грудника, живика, зеленика.*

ла́: метла, игла, тесла, пчела, ветла. Кукла и *чучела* не русскаго происхожденія.

2) Окончанія женскаго рода съ перемѣннымъ удареніемъ:

ица. Число женскихъ именъ на *ица* очень велико и они раздѣляются на двѣ почти равныя половины, изъ которыхъ въ одной это окончаніе является съ удареніемъ на *и*, а въ другой вовсе безъ ударенія.

Въ обѣихъ половинахъ надобно напередъ отдѣлить одинъ разрядъ словъ, которыхъ удареніе опредѣляется весьма постояннымъ образомъ. Это тѣ женскія имена лицъ и животныхъ, которыя произведены отъ именъ мужескаго рода перемѣною окончаній *ецъ* и *икъ* на *ица*. Здѣсь женское всегда слѣдуетъ ударенію мужескаго, напримѣръ:

жиле́цъ—и́ца, пѣве́цъ—и́ца, бѣле́цъ—и́ца, продаве́цъ—и́ца.

ста́рецъ — ица, краса́вецъ — ица, упря́мецъ—ица, страда́лецъ — ица.

учени́къ — и́ца, блудни́къ — и́ца, баловни́къ — и́ца, вѣстовщи́къ — и́ца.

го́рликъ — ица, у́мникъ — ица, помѣщикъ — ица.

Этому правилу слѣдуютъ и тѣ женскія имена, которыхъ мужескіе первообразы или вовсе не употребительны, или употребляются въ другомъ значеніи: *ме́льникъ—ица, моло́чникъ—ица,*

кóнникъ — ица, мáсленикъ — ица, синéцъ—ýца, молодéцъ—ýца, пятерúкъ — ýца, пáлецъ — ица.

Исключеніе: *кузнéцъ, кýзница.*

За этимъ надобно разсмотрѣть тѣ женскія имена лицъ и животныхъ съ окончаніемъ *ица*, которыя происходятъ отъ мужескихъ именъ первообразныхъ или по крайней мѣрѣ не имѣющихъ наставокъ *екъ, икъ*, каковы: *оселъ, орелъ* и др.

Сомнѣнія не можетъ быть насчетъ тѣхъ именъ этого разряда, которыхъ мужескія формы имѣютъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, сохраняя его и во флексіи на окончаніи: *орёлъ* (— *á*), *орлúца; осёлъ*, (— *á*), *ослúца;* но и другія подобныя имена охотно принимаютъ удареніе на букву *и* въ окончаніи, какъ то: *импе-рáторъ—трúца; мáстеръ—рúца; óтрокъ—отроковúца; волкъ—чúца; гóлубь — ýца.* Только когда въ двухсложномъ муж. имени удареніе на послѣднемъ слогѣ и въ склоненіи не переходитъ на падежный приростъ, то и окончаніе *ица* не принимаетъ его: *медвѣ́дь* (— я), *медвѣ́дица; прорóкъ* (— а), *прорóчица.*

Окончаніе *ица* остается безъ ударенія еще въ именахъ *кýрица* (отъ стар. *куръ*, пѣтухъ), *дьякoница, кáрлица.*

Вообще же окончаніе *ица* въ женскихъ именахъ лицъ, животныхъ и растеній по большей части является съ удареніемъ даже и тогда, когда они не происходятъ отъ соотвѣтственныхъ муж. именъ: *дѣвúца* (отъ *дѣва*), *кобылúца, роженúца, свекловúца, горчúца, шелковúца, мокрúца, чечевúца, сочевúца, кунúца, веверúца, площúца.*

Однакожъ сюда не могутъ относиться такія имена, которыя или образованы отъ прилагательныхъ на *ный* (безъ ударенія на этомъ окончаніи), или отъ мужескихъ существит. съ наставкою *тель*, напр. *родúльница* (отъ *родильный*), *лúственица, просúтельнúца, владѣ́тельница.* Имена, кончащіяся на *тельница*, всѣ удерживаютъ удареніе мужескихъ именъ съ наставкою *тель.*

Произношеніе слова *пáдчерица* основывается на томъ, что предлогъ *па*, которымъ оно начинается, всегда носитъ удареніе, какъ видно напр. и изъ слова *пáсынокъ.* Подобнымъ же образомъ

опредѣляется удареніе въ словѣ *сýкровища:* предлогъ *су* въ женскихъ именахъ часто принимаетъ удареніе (ср. *сýдорога*, *сýтолока*).

Имя *своя́чиница* образовано отъ неупотребительнаго нынѣ *своячина*. Въ словахъ *лýковица* и *корокáтица* окончаніе не принимаетъ ударенія[1].

Разсмотрѣвъ имена, въ которыхъ *ица* служитъ примѣтою пола или означаетъ растеніе или животное, обратимся теперь къ прочимъ именамъ этого окончанія.

Наставка *ица* является въ нихъ съ удареніемъ: 1) когда она приложена къ односложному слову или корню: *грани́ца*, *тряпи́ца*, *скрыпи́ца*, *части́ца*, *столи́ца*, *ключи́ца*, *зѣни́ца*, *стани́ца*; 2) когда *ица* въ существ. или прилаг. имени становится на мѣсто слога, имѣющаго удареніе: *пшенó*,—*и́ца*, *странá*—*и́ца*, *водá*—*води́ца*, *земля́*—*и́ца*, *корá*—*и́ца*, *крупá*—*и́ца*, *рукáвъ*,—род. п. *á* — *рукави́ца*.

свѣтлá (комната) — *и́ца; темнá* — *и́ца*, *теплá* — *и́ца*, *больные* — *больни́ца*; *власянáя* (одежда) — *и́ца*, *груднáя* (болѣзнь)— *грудни́ца*, *деннáя* (звѣзда) — *денни́ца*.

Съ удареніемъ на *ица* произносятся еще:

1) Слѣдующія образованныя изъ числительныхъ существительныя: *едини́ца*, *седьми́ца*, *стори́ца* (славянскія; см. ниже).

2) Слѣдующія имена предметовъ, относящихся къ одеждѣ: *исподни́ца*, *багряни́ца*, *срачи́ца*, *плащани́ца*, *петли́ца*.

Перебирая всѣ слова, съ окончаніемъ *ица*, нельзя не замѣтить, что оно нѣкоторымъ именамъ не придаетъ никакого новаго значенія, напр. *вдова*, то же что *вдови́ца*, *скрыпка* и *скрыпи́ца*, *кобыла* и *кобыли́ца*, *тряпка* и *тряпи́ца*, *дрань* и *драни́ца*, *склянка* и *скля́ница*. Такая двоякость окончанія не можетъ однакожъ не имѣть какого-нибудь смысла: дѣйствительно, мы находимъ, что въ наставкѣ *ица* часто скрывается облагороживающее значеніе, какъ видно напр. изъ сравненія именъ *дѣвá* и *дѣви́ца: дѣва* означаетъ женское лицо только въ естественномъ отношеніи, а

---

[1] Вѣроятно отъ *корокáтый*. См. Указатель ко 2-й части.

въ имени *дѣвица* выражается уже оттѣнокъ общественнаго отличія. Такъ и слово *кобылица* благороднѣе нежели *кобыла*, и т. п. Прилагаемое съ такою цѣлію окончаніе *ица* обыкновенно носитъ удареніе, если только тому не противится самое производство слова. Изъ приведенныхъ примѣровъ только имя *скляница* безъ ударенія на окончаніи, потому что произведено отъ прилагательнаго на *ный* (стклянный = стеклянный), и сообразуется съ открывающимся при этомъ общимъ закономъ: если прилаг. оканчивается на *ный* или *ній* безъ ударенія, то и наставка *ица* въ производномъ существ. не принимаетъ его: *пьяница* отъ пьяный, *вольница* отъ вольный, *разница* отъ разный, *ризница* отъ ризный, *горница* отъ горній (исключая приведенныя выше: *единица*, *исподница*, *багряница*[1]).

По указанному нами оттѣнку значенія, вносимому въ слово наставкою *ица*, неудивительно, что имена, заимствованныя изъ церковно-славянскаго, держатъ удареніе на этомъ окончаніи всякій разъ, когда производство не указываетъ прямо-противоположнаго закона произношенія. Чѣмъ болѣе слово, кончащееся на *ица*, носитъ характеръ искуственности, книжности, тѣмъ легче оно передаетъ удареніе этой наставкѣ. Отсюда не слѣдуетъ, чтобы она въ народныхъ словахъ никогда не принимала ударенія: выше указаны уже случаи такого выговора; прибавимъ здѣсь еще для примѣра областныя слова *плѣницы* (силки) и *сведеница* (отъ сведеникъ), сведеная сестра. Не значитъ также, чтобы во всѣхъ славянскихъ словахъ съ окончаніемъ *ица* удареніе падало на него (*троица*). Мы только замѣчаемъ, что въ сомнительныхъ случаяхъ или въ видимыхъ уклоненіяхъ отъ правилъ, означенное обстоятельство служитъ къ объясненію выговора (Ср. *дѣвица* съ простонароднымъ *дѣвица*).

Обратимъ при этомъ вниманіе на произношеніе обиходныхъ словъ: *улица*, *ножницы*, *лѣстница*, *піявица*, и съ другой сто-

[1] Впрочемъ *исподница* въ народной рѣчи произносится съ удареніемъ на *о*. Съ удареніемъ на окончаніи оно принадлежитъ ц. сл. языку, равно какъ и слова: *единица*, *багряница*.

роны на слова: *голубица*, *зѣница*, *срачица*, которымъ народъ предпочитаетъ болѣе сподручныя ему: *голубка*, *зѣнка*, *сорочка*.

Когда наставка *ица* присоединена къ имени, оканчивающемуся на *а* безъ ударенія, то и она по большей части не принимаетъ его. Такъ изъ словъ *каша*, *просьба*, *владыка*, *пугва* образованы: *кашица*, *просьбица*, *владычица*, *пуговица*. *Ступица* произносится двояко. Замѣтимъ мѣсто ударенія въ словѣ *висѣлица* (отъ *висѣлъ*).

Есть еще особый, довольно обширный классъ именъ съ этимъ окончаніемъ, въ которыхъ оно также никогда не носитъ ударенія. Это имена, означающія какое-нибудь дурное состояніе или недостатокъ, и потому большею частью отрицательныя или предложныя; они происходятъ то отъ существительныхъ, то отъ прилагательныхъ или причастій.

Таковы: *распутица*, *разладица*, *безсмыслица*, *нелѣпица*, *околесица*, *безхлѣбица*, *бездорожица*, *безсонница*, *нескладица*, *разноголосица*, *неурядица*, *усобица*, *путаница*, *сумятица* и др. Одинакимъ образомъ составлены слова: *бездѣлица*, *переносица*, *подполица*. Тому же закону произношенія подлежитъ слово *Богородица*, какъ составное.

Съ окончаніемъ *ица* однородна наставка *ница*, при которой надобно принимать посредствующее прилагательное на *ный* для образованія существительнаго, напримѣръ: *зарница*, *кошница*, *гробница*, *пороховница*, *возница*, *пятница*, *лѣстница*, *гостиница* (отъ прилагател. *гостиный*).

ина. Окончаніе *ина* также весьма обыкновенно въ языкѣ. Оно является съ троякимъ удареніемъ: *ина́*, *и́на* и *ина* (оба слога безъ ударенія). Такое различіе зависитъ частью отъ производства и состава именъ, частью отъ значенія ихъ.

Напередъ отдѣлимъ случаи, въ которыхъ удареніе этой приставки опредѣляется значеніемъ именъ.

1) *ина́*. Такое удареніе встрѣчается довольно рѣдко и свойственно именамъ, означающимъ: а) пространство и время: *величина́*, *ширина́*, *длина́*, *вышина́*, *глубина́*, *толщина*, *тонина́*, *ни-*

зиná, *старинá*; б) вообще внѣшнее качество, напр. *пряминá*, *быстринá*, *тишинá*, *цѣлинá*, *круглинá*, *косинá*, *краснинá*; в) предметы или даже лица, напр. *новинá*, *свѣжинá*, *слабинá*, *ветчинá*, *старшинá*, *большинá*. Почти всѣ такія имена произведены отъ прилаг., имѣющихъ опять отношеніе ко времени или пространству. *Купина* и *сѣдина* произн. двояко.

2) *úна*. Такъ произносится это окончаніе: а) въ именахъ (первообразныхъ) нѣкоторыхъ деревьевъ и плодовъ ихъ: *рябúна*, *калúна*, *малúна*, *осúна*. *Маслина* выговаривается одними такъ же, а другими съ удареніемъ на первомъ слогѣ.

б) въ именахъ, означающихъ какой-нибудь важный случай или празднество въ быту семейномъ или общественномъ: *годúны*, *родúны*, *именúны*, *крестúны*, *сорочúны* (исключ. *зарýчины*, какъ имя предложное).

и в) въ мужескихъ именахъ увеличительныхъ: *дѣтúна*, *купчúна*, *дурачúна*, *старичúна*, *мужичúна*, *молодчúна*, *домúна*.

3) *ина*. Въ именахъ отглагольныхъ (кромѣ нѣкоторыхъ, приведенныхъ подъ б) и въ предложныхъ наставка *ина* остается всегда безъ ударенія: *рóдина*, *трéщина*, *рытвина*, *царáпина*, *зýбрина*, *впáдина*, *пробóина*, *промóина*, *окáлина*, *оскóмина*, *развáлина*, *протáлина*, *уклю́чина*, *напрáслина*, *пóшлина*, *отдýшина*, *урóдина*, *разсѣлина*, *испáрина*, *пощёчина*, *оплеýшина*, *затрéщина*.

Во всѣхъ другихъ случаяхъ наставка *ица* произносится съ удареніемъ на *и* или вовсе безъ ударенія, смотря по производству словъ и по фонетическимъ требованіямъ.

Вотъ примѣры:

1) Въ именахъ, означающихъ мясо и кожу животныхъ:

а) *úна*: *конúна*, *овчúна*, *осетрúна*, *мертвечúна*, *свинúна*, (оттого что говорятъ: *коня́*, *овцá*, *осетрá*, *мертвецá*, *свинья́*). Такъ же произносятъ: *дичúна*, *лососúна*, *солонúна*, *буженúна*.

б) *ина* (безъ ударенія): *зáйчина*, *барáнина*, *медвѣжина*, *бѣлýжина*, *говя́дина*, *теля́тина*, *порося́тина*, *куря́тина*, *ослятина*, *гуся́тина*, *козля́тина*, (отъ *зáяцъ* — *зáйца*, *медвѣдь* — я;

бѣлуга, *говядо*, *теля* — *яти* и проч.). Таково же окончаніе въ имени *падалина* (отъ *падаль*).

2) Въ словахъ, означающихъ единицу такихъ предметовъ, которые изображаются собирательными именами:

а) *ина: дробина*, *песчина*, *крупина*, *росина*, *шелковина*, *шерстина*, *снѣжина*, *градина*, *порошина*, *былина* (отъ *быліе*).

б) *ина: изюмина*, *горошина*, *жемчужина*, *миндалина*, *соломина* (слѣдов. *соломинка*, *а не соломенка*), *посудина*.

3) Въ именахъ веществъ, урочищъ, мѣръ, предметовъ, и въ собирательныхъ именахъ:

а) *ина*: *древесина*, *сердцевина*, *пучина*, *парусина*, *холстина*, *долина*, *равнина*, *лощина*, *котловина*, *чужбина*, *пружина*, *дубина*, *личина*, *образина*, *картина*, *горловина*, *половина*, *паутина*, *стремнина*, *плотина*, *полтина*, *четвертина*, *осмина*, *десятина*, *вершина*, *дружина*, *скотина*, *мучина*. *Былина* (отъ *быль*) и *пятина* (въ древнемъ Новгородѣ) произносятся многими и съ удар. надъ *на*.

б) *ина*: *блевотина*, *харкотина*, *рогатина*, *гадина*, *раковина*, *мѣсячина*, *хижина*, *отчина*, *община* (но также *община*). *Туречина*, *Нѣмечина*, *храмина*, *лысина*, *диковина*, *дюжина*, *смородина*.

4) Въ именахъ отвлеченныхъ предметовъ: а) *ина: кручина*, *причина*, *судьбина*; б) *ина* — *истина*.

5) Въ именахъ, кончающихся на *щина* и *чина*, по большей части образованныхъ отъ прилагательныхъ на *скій* и собирательныхъ:

а) *щина: чертовщина*, *бѣсовщина*, *даровщина*, *годовщина*, *мужчина*.

б) *щина: женщина*, *деревенщина*, *барщина*, *славянщина*, *братовщина*, *дьявольщина*, *бывальщина*, *подёнщина*, *земщина*, *солдатчина* (гдѣ щ послѣ т замѣнилось звукомъ ч), *нѣмечина*, *туречина* (отъ нѣмецъ и Турція).

Оканчивая разсмотрѣніе выговора наставки *ина*, припомнимъ, что она въ нѣкоторыхъ случаяхъ произносится двояко; говорятъ напр. *складчина* и *складчина*, или (при присоединеніи слога *ка*)

крупинка и *крупи́нка*. Такое явленіе указываетъ на шаткость ударенія въ разсмотрѣнной наставкѣ.

ота, *ета*. Это окончаніе произносится съ удареніемъ на послѣдней гласной въ отвлеченныхъ именахъ качествъ, произведенныхъ или прямо отъ корня, или отъ именъ прилагательныхъ: *высота́*, *долгота́*, *широта́*, *красота́*, *духота́*, *тягота́*, *могота́*, *босота́*, *простота́*, *краснота́*, *чернота́*, *доброта́*, *тошнота́*, *чистота́*, *слѣпота́*, *хромота́*, *тѣснота́*, *правота́*, *суета́*, *синета́*, *нищета́*. Такъ же произносятся *пахота́* и *сирота́*.

Окончаніе *ота́*, какъ по значенію, которое оно даетъ именамъ, такъ и по ударенію, однородно съ наставкою *ина́*, такъ что нѣкоторыя имена, смотря по надобности, являются то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ этихъ окончаній, изъ которыхъ каждое сообщаетъ имъ особенный оттѣнокъ значенія, напр. *высота́* и *вышина́*, *широта́* и *ширина́*, *толстота́* и *толщина́*, *краснота́* и *краснина́*.

ота произносится съ удареніемъ на первой гласной въ именахъ, не означающихъ отвлеченныхъ качествъ: *дремо́та*, *лѣго́та*, *пѣхо́та*. Сюда относятся между прочимъ многія имена, происходящія отъ глагольныхъ корней и означающія болѣзненное состояніе или припадокъ, напр. *рво́та*, *блево́та*, *ико́та*, *хрипо́та*, *зѣво́та*, *ломо́та*, *дерго́та*, *перхо́та*, *харко́та*, *чихо́та*, *потяго́та*. Такъ произносятся еще слова: *добро́та*,—когда оно выражаетъ качество матеріальное, а не духовное, *мокро́та*, — когда означается вещество, а не качество, и *щедро́та*, въ смыслѣ милостиваго дара. *Сипота* произносится двояко (—*о́та* и —*ота́*).

Отъ именъ съ наставкою *ота*, *ета* надобно отличать тѣ, въ которыхъ появляется то же окончаніе при другомъ образованіи слова: *рабо́та* (оконч. то же, что и въ герм. arbeit), *клевета́*, *хло́поты* (ср. гл. *рабо́тать*, *клевета́ть*, *хлопота́ть*).

ня принимаетъ удареніе, когда приложено къ глагольному корню для означенія дѣйствія сильнаго, шумнаго или частаго: *возня́*, *рѣзня́*, *хохотня́*, *хлопотня́*, *стряпня́*; иногда передъ этимъ окончаніемъ вставляется еще слогъ *от* или *ов*: *бѣготня́*, *стукотня́*, *воркотня́*, *скрыпотня́*, *трескотня́*, *болтовня́*.

ня въ другихъ случаяхъ произносится различно; напримѣръ— съ удареніемъ: *западня́*, *зубня́*, *клешня́*, *квашня́*, *размазня́*, *четверня́*, *родня́*, и безъ ударенія: *ро́вня*, *дво́рня*, *схо́дня*, *со́тня*, *дере́вня*, *ба́рышня*, *у́треня*, *вече́рня*, *подворо́тня*. Имена съ этою наставкой, означающія помѣщенія или мѣста съ особымъ назначеніемъ, никогда не носятъ на ней ударенія: *купа́льня*, *солова́рня*, *голубя́тня*, *коню́шня*, *спа́льня*, *бѣли́льня*, *бо́йня*, *па́шня*, *до́йня*, *колоко́льня*.

Исчисливъ тѣ окончанія женскаго рода, въ различномъ произношеніи которыхъ болѣе или менѣе выражается разумное основаніе, приведемъ теперь тѣ наставки женскихъ именъ, которыя выговариваются различно, иногда безъ видимой причины:

ба, съ удареніемъ: *гоньба́*, *молотьба́*, *гульба́*, *ходьба́*, *пальба́*, *борьба́*, *стрѣльба́*, *мольба́*, *рѣзьба́* (говорится впрочемъ и *рѣ́зьба*), *судьба́*, *гурьба́*, *ворожба́*. Слѣдуетъ однакожъ замѣтить, что имена этого образованія съ удареніемъ въ концѣ большею частію означаютъ усиленное дѣйствіе.

ба, безъ ударенія: *про́сьба*, *сва́дьба*, *жени́тьба*, *слу́жба*, *дру́жба*, *тя́жба*.

оба: *худоба́*; — *зло́ба*, *утро́ба*; — *жа́лоба*.

изна: *новизна́*, *крутизна́*, *желтизна́*, *кривизна́*, *бѣлизна́*, *прямизна́*; — *дорогови́зна*, *дешеви́зна*, *укори́зна*, *отчи́зна*. Почти всѣ имена послѣдняго разряда имѣютъ болѣе трехъ слоговъ. Вообще же имена на *изна*, произведенныя отъ прилагательныхъ, произносятся съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ.

иха: *купчи́ха*, *шути́ха*, *щеголи́ха*, *зайчи́ха*, *слони́ха*, *волчи́ха*, *осли́ха*; — *ста́ростиха*, *ме́льничиха*, *дво́рничиха*.

ыня, *иня*: *госуда́рыня*, *ба́рыня*, *мона́хиня*, *и́нокиня*, *ми́лостыня*; — *рабы́ня*, *боги́ня*, *княги́ня*, *горды́ня*, *благосты́ня*.

овь: *любо́вь*, *свекро́вь*, *морко́вь*, — *до́роговь* (произн. и *дорого́вь*), *це́рковь*.

ея: *швея́*, *ворожея́*, *ячея́*, *шлея́*, *сулея́*, *верея́*, *вечея́*, *долже́я*, *берея́* (собирательница ягодъ и грибовъ); — *тавле́я* (въ народѣ и *тавлея́*), *лине́я*; — *ля́двея*.

Здѣсь съ сознательнымъ удареніемъ являются только отглагольныя, личныя имена, какъ: *швея́, ворожея́, вязея́, плетея́ ищея́, лазея́.* Взятыя изъ другихъ языковъ почти всегда имѣютъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ: *траншéя, фузéя, тавлéя, аллéя, линéя* (отступаютъ *шлея́, кисея́*).

уха, юха: 1) *требуха́, шелуха́, чепуха́;* 2) *ря́пуха, ко́рюха, черёмуха;* 3) *стару́ха, стряпу́ха, сиву́ха, востру́ха* (имена отдѣльныхъ лицъ и предметовъ, а не собирательныя, какъ въ двухъ предыдущихъ разрядахъ).

ша: *львиша́, лапша́;* — *генера́льша, профе́ссорша* (въ личныхъ именахъ *ша* никогда не принимаетъ ударенія), *ве́кша.*

3) Женскія окончанія, всегда остающіяся безъ ударенія.

ость, есть: тя́гость, кро́тость, ша́лость; — *тя́жесть, го́ресть.*

ка: *ру́чка, тру́бка, тётка* (кромѣ *битка́, пенька́*). *Башка́* — не русское слово. Въ словѣ *доска к* принадлежитъ къ корню (ср. англ. desk).

Въ соединеніи *ка* съ другими слогами надо особенно обратить вниманіе на слѣдующіе случаи:

у́шка, ю́шка въ именахъ уменьшительныхъ: *Марфу́шка, верту́шка, ръзву́шка, игру́шка, верху́шка, маку́шка.*

ушка, юшка, безъ ударенія, въ уменьшительныхъ ласкательныхъ, которыми почти всегда означаются одушевленные предметы: *ма́тушка, голу́бушка, коро́вушка, ба́тюшка; голо́вушка.*

ёнка (*онка*), въ уменьшительныхъ унизительныхъ: *ручонка, душонка, старушонка.*

енька, въ уменьшительныхъ ласкательныхъ: *ру́ченька, ду́шенька, стару́шенька, ма́менька, Оленька.*

енка, въ названіяхъ націй: *Францу́женка, Черке́шенка* и изрѣдка въ другихъ именахъ: *ни́щенка.*

Замѣтимъ еще слѣдующія женскія наставки безъ ударенія:

тва: *же́ртва, моли́тва, би́тва, бри́тва, лови́тва.* Въ словѣ *ботва́*, наставку составляетъ только слогъ *ва.*

ля, во множественномъ числѣ *ли*: *пе́тля, гра́бли, гу́сли, я́сли.*

ква: *брю́ква*, *ты́ква*, *смо́ква*.
едь, *ядь*, (*адь*): *пе́стредь*, *мо́кредь*, *че́лядь*, *сте́рлядь*, *пло́щадь*[1].

III. Окончанія средняго рода.

Въ именахъ средняго рода мы не сохранимъ тройного подраздѣленія, потому что каждое ихъ окончаніе произносится то съ удареніемъ, то безъ ударенія.

іе или сокращенное *ье* есть наиболѣе распространенное въ языкѣ окончаніе именъ средняго рода. При образованіи именъ отъ глаголовъ ему предшествуетъ то *н*, то *т*, смотря по тому, оканчивается ли причастіе глагола на *ный* или на *тый*; впрочемъ и во второмъ случаѣ иногда все-таки отглагольное имя образуется съ помощію буквы *н*, напримѣръ: *пѣніе*, *треніе*, *преніе*. Гласною передъ этимъ окончаніемъ бываетъ то *а* или *я*, то *е* или *ѣ*. Имена на *аніе* и *яніе* принимаютъ удареніе глагола, отъ котораго произведены: *страда́ніе*, *дѣ́ланіе*, *завоева́ніе*, *ку́шанье*, *сѣ́тованіе*, *сі́яніе*, *ча́яніе*, *раска́яніе* (кромѣ книжныхъ словъ: *пока́яніе*, *дѣ́яніе*, *одѣ́яніе*[2]). Имена на *еніе* и *ѣніе* почти всегда носятъ удареніе надъ *е* или *ѣ*, несмотря на произношеніе глагола: примѣры этому мы уже видѣли при разсмотрѣніи именъ, начинающихся предлогомъ *вы* (*вычисле́ніе* отъ *вы́числить*). Теперь укажемъ еще на слова, сложенныя съ другими предлогами, или простыя: *представле́ніе* отъ *предста́вить*, *видѣ́ніе* отъ *ви́дѣть*, *паде́ніе* отъ *па́сть*, *умноже́ніе* отъ *умно́жить* и проч. Такъ же произносятся имена: *значе́ніе*, *ударе́ніе*, *одобре́ніе*, *усвое́ніе*, *увѣре́ніе*, *повинове́ніе*; *кипѣ́ніе*, *велѣ́ніе*, *впечатлѣ́ніе* и мн. др. Однакожъ *е* передъ окончаніемъ *ніе* остается иногда безъ ударенія, и именно: 1) когда глаголъ, отъ котораго происходитъ имя, оканчиваясь на *ить*, самъ образованъ отъ существительнаго или прила-

---

[1] Мой списокъ суффиксовъ именъ женскаго рода дополнилъ г. А. Александровъ суффиксами *ынь*, *ива* и *ева*: см. въ Русскомъ *Филолог. Вѣстникѣ* 1882 г., № 3, статью его объ удареніи именъ съ этими окончаніями.

[2] Книжное же слово *преуспѣяніе* произносится двояко, съ удареніемъ то а третьемъ, то на четвертомъ слогѣ.

гательнаго, наприм. *чи́щеніе*, *кра́шеніе*, *ня́ньченіе*, *моро́ченіе*, *оза-бо́ченіе*, *сосредото́ченіе*, *упро́ченіе*, *намѣ́реніе;* 2) когда имя мало употребительно, и глаголъ, отъ котораго оно произведено, не можетъ принимать окончанія *а́ть* или *я́ть* съ удареніемъ, наприм. *хму́ренье*, *тара́щенье*, *тра́ченье*. Наоборотъ, мы замѣчаемъ, что окончаніе *еніе* съ удареніемъ встрѣчается почти всегда въ такихъ именахъ, которыя происходятъ отъ глаголовъ, могущихъ принимать окончаніе *а́ть* или *я́ть*, напр. *прославле́ніе* отъ *просла́вить*—*прославля́ть;* 3) въ нѣкот. именахъ, означающихъ самое дѣйствіе, а не произведеніе его: въ этомъ смыслѣ *му́ченіе* отличается отъ *муче́ніе*. Имена *увеличеніе*, *из-прі-обрѣтеніе*, *ограниченіе* произносятся двояко. Окончаніе *ѣніе* остается безъ ударенья въ именахъ: *свѣ́дѣніе*, *за́говѣнье*, *ро́зговѣнье*, въ первомъ отличительно отъ слова *сведе́ніе*, а въ послѣднихъ двухъ можетъ-быть потому, что для болѣе яснаго означенія противоположности понятій предлогъ принялъ удареніе. *Видѣ́ніе* съ префиксомъ *пред* переноситъ удареніе на слогъ *ві́*. Сокращеніе буквы *і* въ *ь* обыкновенно не влечетъ за собою перемѣны въ удареніи словъ этого окончанія. Только въ именахъ, произведенныхъ отъ односложныхъ глаголовъ, слогъ *нье* иногда принимаетъ удареніе, напр. въ простонародныхъ словахъ: *пѣньё*, *враньё*, *жданьё*, *тканьё*, *спаньё*.

Окончаніе *тіе*, когда принадлежитъ простымъ именамъ, произведеннымъ отъ односложныхъ глаголовъ на *ить* и *ыть*, требуетъ ударенія на послѣднемъ слогѣ, и буква *і* сокращается въ *ь:* *бритьё*, *литьё*, *шитьё*, *витьё*, *питьё*, *мытьё*, *вытьё*, *житьё*, *бытьё*. Иначе произносятся только *кры́тіе* и *ры́тіе* (иногда и *рытьё*). Отъ глаголовъ на *оть* и *уть* рѣдко образуются имена существительныя; въ нихъ окончаніе *тье* остается безъ ударенія: *колотье* (произносится двояко: ко́лотье и коло́тье), *гну́тіе*. Слово *чу́тьё*, происходящее конечно не отъ *чуять*, а отъ неупотребительнаго глагола *чуть*, держитъ удареніе на послѣдней гласной подобно другимъ двусложнымъ именамъ этого образованія.

Замѣчательно, что удареніе въ такихъ случаяхъ обыкновенно измѣняется отъ сложенія имени съ другимъ словомъ, хотя бы и

съ предлогомъ. Ср. напр. *литьё* и *слитіе*, *разлитіе*, *кровопролитіе*, *бытіе* и *отбытіе*, *бритьё* и *брадобритіе*, *житьё* и *общежитіе*. Сюда же относятся слова, *взятіе*, *понятіе*, *начатіе* и другія неупотребительныя безъ предлога. *Забытьё* по значенію отличается отъ *забытіе*.

Въ именахъ, произведенныхъ не отъ глаголовъ, окончаніе *ье* носитъ почти всегда удареніе, когда принадлежитъ двусложнымъ словамъ: *копьё*, *ружьё*, *тряпьё*, *старьё*, *бѣльё*, *жильё*, *бабьё*. Такъ же произносятся собирательныя имена: *дурачьё*, *мужичьё*. Но въ словахъ: *устье*, *зелье*, *платье* и въ многосложныхъ именахъ удареніе падаетъ на слогъ, предшествующій окончанію: *здоровье*, *захолустье*, *помѣстье*, *безлюдье*, *отребье*, *подворье*.

Въ словахъ съ окончаніемъ *овье*, *евье*, удареніе бываетъ различно: *кочевьё*, *кочевье*, *зимовье*, *становье*, *верховье*, *низовье*.

При полномъ окончаніи *іе* (не всегда отглагольномъ) удареніе лежитъ на предыдущемъ слогѣ, на которомъ остается и въ случаѣ сокращенія *і въ ь*: *былie*, *терніе*, *вервіе*, *отличіе*, *участіе*, *насиліе*, *величіе*, *честолюбіе*, *благочестіе*, *распутіе*, *условіе*, *суевѣріе*. Только въ нѣкоторыхъ словахъ, образованныхъ отъ именъ на *мя* (*мень*), этотъ слогъ, ставъ передъ окончаніемъ *іе*, остается безъ ударенія, которое падаетъ на коренной слогъ: *знаменіе*, *безвременье*. Но уродливое слово *мѣстоименье* и выговаривается неправильно.

Слогъ *ство* по большей части не носитъ ударенія: *воинство*, *первенство*, *отечество*, *общество*, *коварство*, *сходство*, *царство*, *качество*, *количество*, *потомство*, *убожество*, *многолюдство*, *человѣчество*, *господство*, *владычество*, *величество*, *могущество*, *замужество*, *тожество*, *юношество*, *рыцарство*. Удареніе почти во всѣхъ этихъ случаяхъ остается на томъ слогѣ, который носитъ его въ первообразномъ словѣ. Только имя *лѣкарство* выговаривается не такъ какъ *лѣкарь*, можетъ-быть потому, что въ немъ совершенно исчезаетъ понятіе дѣйствующаго лица, придаваемое первообразному имени окончаніемъ *арь*. Имена *первенство*, *единство* и *общество* нѣкоторые произносятъ съ удареніемъ на по-

слѣднемъ слогѣ, но этотъ выговоръ въ литературномъ языкѣ встрѣчается рѣдко. Слово *свойство* произносится различно, смотря по двоякому значенію своему; двояко выговаривается еще *волшебство* (ѐ — ство́).

На общемъ основаніи произносятся и отглагольныя имена: *чу́вство*, *убі́йство*, *произво́дство*, *бѣ́гство*, *убра́нство*, *хода́тайство*, *устро́йство*. Въ трехъ только случаяхъ окончаніе *ство* принимаетъ удареніе: 1) въ отглагольныхъ и другихъ трехсложныхъ именахъ, когда наставкѣ *ство* предшествуетъ слогъ *ов* или *ев*, часто ею принимаемый даже и тогда, когда въ глаголѣ его нѣтъ, напр. *воровство́*, *мотовство́*, *колдовство́*, *сватовство́*, *плутовство́*, *врачевство́*, *хвастовство́*, *шутовство́*, *кумовство́*. *Шельмовство* произносится съ удареніемъ или на послѣднемъ слогѣ, или на среднемъ; 2) въ именахъ, произведенныхъ отъ другихъ именъ существительныхъ или прилагательныхъ, когда окончаніе *ство* становится на мѣсто отброшеннаго слога съ удареніемъ: *родство́* (а отъ этого и *сродство́*), *удальство́*, *щегольство́*, *вдовство́*, *ханжество́*, *сиротство́*, отъ *родно́й*, *удало́й*, *щегольско́й*, *вдова́*, *ханжа́*, *сирота́*; *скотство́* произносится такъ по косвеннымъ падежамъ слова *скотъ*; на этомъ же правилѣ основывается выговоръ именъ *большинство́*, *меньшинство́*, *старшинство́*, какъ произведенныхъ отъ *большина́*, *меньшина́*, *старшина́*; 3) въ нѣкоторыхъ трехсложныхъ именахъ, первоначально принадлежавшихъ только книжному языку: *божество́*, *рождество́*, *вещество́*, *существо́*, *естество́*, *торжество́*, *празднество́*, *пиршество́* (послѣднія два, особенно второе, произносятся и съ удареніемъ на первомъ слогѣ).

Церковно-славянское окончаніе *ствіе*, употребляемое въ нынѣшнемъ языкѣ довольно рѣдко и по большей части свойственное только сложнымъ именамъ, никогда не принимаетъ ударенія, которое всегда падаетъ на предшествующій слогъ: *дѣ́йствіе*, *ше́ствіе*, *слѣ́дствіе*, *бѣ́дствіе*, *моле́бствіе*, *споко́йствіе*, *благоде́нствіе*, *удово́льствіе*, *напу́тствіе*, *привѣ́тствіе*.

Наставка *ище* является то съ удареніемъ на *и*, то безъ вся-

каго ударенія. Можно бы подумать, что такое разнообразіе въ произношеніи словъ, съ помощію ея составленныхъ, имѣетъ свое основаніе въ намѣреніи отличать ихъ отъ именъ особой категоріи, у которыхъ то же окончаніе служитъ выраженіемъ необыкновенной величины предметовъ. Но это справедливо только отчасти.

Увеличительныя имена мужескаго и средняго рода на *ище* сами выговариваются различно, и потому мы должны напередъ коснуться ихъ. Мужескія имена односложныя и такія, которыя въ родительномъ падежѣ носятъ удареніе на окончаніи, обыкновенно принимаютъ эту наставку съ удареніемъ на *и: столи́ще, доми́ще, двори́ще, ключи́ще, вози́ще, носи́ще, дружи́ще, куси́ще, снопи́ще, утюжи́ще, сапожи́ще, мужичи́ще*. Среднія трехсложныя имена принимаютъ такое же удареніе: *окни́ще, ведри́ще, пузи́ще*. Среднія имена на *ище*, имѣющія болѣе слоговъ, сохраняютъ удареніе положительной степени, напр. *зе́ркалище*. Имена мужескаго рода хотя и односложныя, но не русскія, или многосложныя, не имѣющія ударенія на послѣднемъ слогѣ родительнаго падежа, принимаютъ *ище* безъ ударенія: *сту́лище, шка́пище, забо́рище, стака́нище, огоро́дище, комо́дище*.

Поэтому имена на *ище*, если образованы отъ другихъ существительныхъ и не должны означать увеличенія, принимаютъ по большей части такое удареніе, которое бы отличало ихъ отъ увеличительныхъ. Говорятъ: *пожари́ще*, потому, что *пожа́рище* означало бы большой пожаръ. На томъ же основаніи произносятъ: *пепели́ще, голени́ще, поло́тнище* и — *чу́дище, по́лчище, со́нмище, то́ржище, ко́злище, дѣ́тище*. Слово *кнутови́ще* составлено для отличія отъ *кнути́ще*. Таково же и слово *станови́ще*. Иначе произносится *чудо́вище* (отъ *чудо́вый*), *горо́ховище* (отъ *горо́ховый*) и *ту́ловище*.

Отглагольныя имена на *ище* по большей части не держатъ ударенія на этомъ окончаніи: *и́грище, убѣ́жище, по́прище, приста́нище, ра́товище, позо́рище, про́звище, сокро́вище, за́ймище*. Такъ же произносятся старинныя имена: *вре́тище, ру́бище, ка́пище, тре́бище, чинга́лище. Гульбище, кладбище* и *стрѣльбище*

произносятся различно, съ удареніемъ то на *и*, то на первомъ слогѣ.

Имя женскаго рода *рѣпа* не могло перемѣнить ударенія отъ наставки *ище;* слово *рѣпище* самымъ окончаніемъ своимъ отличается отъ увеличительнаго женскаго рода *рѣпища.*

Логовище произносится двояко: съ удареніемъ на первомъ слогѣ по первообразному слову *лóгово*, или на наставкѣ.

Городище носитъ всегда удареніе на *и*, означаетъ ли оно большой городъ, или мѣсто, гдѣ нѣкогда было селеніе.

Есть еще особенный разрядъ именъ на *ище:* это такія имена, которыя произведены отъ причастій съ гласными *а*, *и*, *ѣ* передъ *лъ*, и у нихъ удареніе тамъ же, гдѣ оно въ неопредѣленномъ наклоненіи глагола: *влагáлище*, *обитáлище*, *ристáлище*, *сѣдáлище*, *игрáлище*, *судúлище*, *святúлище*, *страшúлище*, *вмѣстúлище*, *учúлище*, *хранúлище*, *пáдалище*. По этому же образцу составлены имена *чистúлище*, *узúлище*, *гнѣздúлище*, *зрѣлище;* въ первомъ изъ нихъ удареніе отступаетъ отъ глагольнаго; въ словѣ *жилúще* оно бываетъ обыкновенно на наставкѣ.

Имена съ окончаніемъ *ло*, произведенныя большею частью отъ глаголовъ, бываютъ по ударенію трояки. Оно падаетъ либо на эту наставку, либо на слогъ ей предшествующій, либо на третій съ конца. Надъ *ло* удареніе бываетъ почти всегда въ томъ случаѣ, когда въ предыдущемъ слогѣ буква *е* или *ѣ*, отдѣляющаяся отъ окончанія какою-нибудь согласною, явною или выпавшею: *скреблó*, *греблó*, *щемлó*, *сверлó*, *жерлó*, *теслó*, *веслó*, *стеклó*, *ремеслó*, *сѣдлó*, *помелó* (-метлó); такъ же произносятся слова: *крылó*, *тяглó*, *дуплó*, *числó*. На предыдущій слогъ падаетъ удареніе вообще тогда, когда окончаніе *ло* приложено къ глаголамъ, образованнымъ съ помощію буквъ *а*, *я*, *и*, *ы*, такъ что оно принимаетъ видъ *ало*, *яло*, *ило*, *ыло*, или когда въ предыдущемъ слогѣ нѣтъ буквы *е: опахáло*, *покрывáло*, *черпáло*, *мочáло*, *одѣяло*, *творúло*, *сушúло*, *свѣтúло*, *жúло*, *бúло*, *мя́ло*, *мы́ло*, *ры́ло*, *стóйло*, *пóйло*, *пáдло*, *гóрло*, *начáло*, *пря́сло*, *сýсло*, *прýгло*, *коромы́сло*, *мáсло*, *вя́сло;* наконецъ въ видѣ исключенія *крéсло.*

Такъ же выговаривается слово *мотовило*. — Наибольшее число именъ съ окончаніемъ *ло* носитъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ.

На третій слогъ съ конца удареніе падаетъ въ немногихъ только словахъ этой формы: *пу́гало*, *зе́ркало* (множ. *зеркала́*), *бу́ркало*, *вѣ́яло*, *у́дило* (множ. *удила́*), *мѣ́рило*, *пра́вило*. *Мѣрило* слышится часто и съ удареніемъ на *и*. Отъ *пра́вило* отличается *прави́ло* по значенію.

Съ окончаніемъ *ло* очень сходно другое, почти однозвучное *во*, являющееся всегда съ предшествующей ему буквою *и*, *е* или *о*. Слогъ *во* никогда не носитъ ударенія, которое падаетъ — въ двусложныхъ словахъ на предыдущій слогъ, а въ трехсложныхъ (или если и болѣе слоговъ) — на третій съ конца: *пи́во*, *жни́во*, *по́йво*; *кро́шиво*, *ва́рево*, *ме́ливо*, *мѣ́сиво*, *то́пливо*, *то́чиво*; *ку́рево*, *ло́гово*, *кру́жево*, *за́рево*, *де́рево*. Отъ такого ударенія происходитъ, что въ нѣкоторыхъ словахъ передъ окончаніемъ *во* допускается то *е*, то *и*, напр. *кро́шево* и *кро́шиво*, *ва́рево* и *ва́риво*. *Огни́во* удерживаетъ удареніе на томъ же слогѣ, на которомъ оно въ первообразномъ имени *ого́нь*, въ косвенныхъ его падежахъ (*огня́* и т. д.). Нѣкоторые произносятъ *топли́во*.

Наставка *мо* вообще является у насъ съ удареніемъ: *письмо́*, *бѣльмо́*, *пряжмо́*, *ярмо́*, *дермо́*. Слово *клеймо́* заимствовано изъ др. скандинавскаго языка, а *па́смо* сомнительнаго происхожденія, и потому окончанія этихъ двухъ именъ нельзя считать производственнымъ. Различіе произношенія ихъ зависитъ вѣроятно отъ различія предшествующей окончанію гласной (см. выше замѣчанія о слогѣ *ло*).

Окончаніе *но* по большей части носитъ удареніе, особенно послѣ гласныхъ *е*, *о*: *стегно́*, *веретено́*, *пшено́*, *бревно́*, *зерно́*, *звено́*, *окно́*, *полотно́*, *волокно́*, *толокно́*, *порохно́*, *лукно́*, *гумно́*, *сукно́*, *садно́*; но бываетъ и безъ ударенія: *бра́шно*, *су́дно* *ко́рзно*, *колѣ́но*, *полѣ́но*.

То же можно бы сказать и объ окончаніи *ро*: *ведро́*, *ребро́*, *перо́*, *ядро́*, *добро́*, *серебро́*, *нутро́*; — *вёдро*, *нѣ́дро*, *у́тро*. Но

это окончаніе собственно сюда не идетъ, потому что въ немъ буква *р* почти всегда принадлежитъ къ корню.

Слогъ *то* принимаетъ удареніе послѣ гласной *е*: *решетó*, *тенетó*, а послѣ *и* или *ы* отбрасываетъ его на предыдущій слогъ: *сúто*, *копы́то*, *коры́то*.

Перейдемъ теперь къ наставкамъ, служащимъ для образованія уменьшительныхъ именъ.

Слогъ *ко* рѣдко является въ чистомъ видѣ безъ прибавленія къ нему еще какого-нибудь другого слога; присоединяясь къ согласной, онъ обыкновенно получаетъ удареніе, а особливо въ двусложныхъ именахъ: *ушкó*, *очкó* (множ. *очкú*), *сѣркó*, *гнѣдкó*, *воронкó*, *озеркó*. *Древко* произносится двояко. Если вставляется бѣглая гласная, то удареніе переходитъ на нее: *ведёрко*, *окóшко*, *бревéшко*, *лукóшко*, *дровéшки* (отъ *дрóвни*), *судёнко*. Когда *ко* присоединяется къ имени, оканчивающемуся на *я*, въ которомъ скрывается согласная *т* или *н*, то удареніе падаетъ на первый слогъ: *дúтятко*, *врéмячко*, *сѣ́мячко*.

Когда наставка *ко* присоединяется къ трех- или четырехсложному слову, которое и безъ того уже оканчивается на этотъ слогъ, то удареніе остается на прежнемъ мѣстѣ: *я́блочко*, *óблачко*, *молочкó*, *окóшечко*, *ведёрочко*. Когда же *ко* прилагается къ имени, кончащемуся на *це* или *цó*, то удареніе переходитъ на являющуюся передъ новою наставкою гласную, будетъ ли это бѣглое *е*, или другая гласная: *колéчко*, *крылéчко*, *сердéчко*, *мѣстéчко*, *яúчко*, но *блю́дце* — *блю́дечко*.

Окончаніе *ико*, встрѣчающееся очень рѣдко, не носитъ ударенія: *лúчико*, *плéчико*.

Передъ слогомъ *ко* ставится иногда еще прибавочный слогъ *ыш* или *иш*. Окончаніе *ышко*, служащее только къ образованію ласкательныхъ уменьшительныхъ, никогда не принимаетъ ударенія: *гóрлышко*, *пя́тнышко*, *рёбрышко*, *зёрнышко*. Отсутствіе ударенія надъ этой наставкой такъ постоянно, что когда она присоединяется къ односложному имени *дно*, то въ немъ появляется

вставочная гласная *о* съ удареніемъ: *до́нышко* (Пав. Ф. Набл. II. § 53, примѣч. 1).

Окончаніе *и́шко*, напротивъ, въ трехсложныхъ словахъ всегда носитъ удареніе на *и* и придаетъ слову значеніе унизительное: *дѣли́шко*, *сели́шко*, *сѣдли́шко*, *мѣсти́шко*.

Это же окончаніе придается иногда, въ томъ же смыслѣ, именамъ мужескаго рода, наприм. *крести́шко*, *доми́шко*, *городи́шко*, *голоси́шко*, но тогда оно можетъ быть и безъ ударенія; именно это бываетъ въ томъ случаѣ, когда первообразное двух- или трехсложное имя съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ не перемѣняетъ своего ударенія въ косвенныхъ падежахъ: *забо́ришко*, *огоро́дишко*, *хала́тишко*, *дива́нишко* (отъ *забо́ръ — а*, *огоро́дъ — а* и т. д.).

> Да правду говорить, я и тому дивился,
> Что *огоро́дишко* твой кое-какъ идетъ.
> *Крыловъ*, Огор. и Фил.

Къ имени мужескаго рода, означающему одушевленный предметъ, прилагаютъ охотнѣе окончаніе *и́шка* (а не *и́шко*): *мальчи́шка*, *вори́шка*, *плути́шка*, *хвастуни́шка*. Повѣрить это можно винительнымъ падежомъ: поймать *плути́шку*.

> Что сходитъ съ рукъ ворамъ, за то *вори́шекъ* бьютъ.
> *Крыловъ*, Вороненокъ.

Иногда такое уменьшительное имя можетъ быть общаго рода: *дурны́шка*.

Окончаніе *це*, *цо́* прилагается къ именамъ средняго рода для уменьшенія ихъ, или и безъ этой цѣли, когда имя само по себѣ неупотребительно. По бо́льшей части слово сохраняетъ удареніе первообразнаго имени, напр. *коры́тце*, *са́льце*, *ры́льце*, *зе́ркальце*, *блю́дце*, *винцо́*, *колесцо́*, *крыльцо́*, *полѣ́нце*; но *кольцо́*, отъ неупотр. *коло*. Въ именахъ, кончащихся на *но* съ предыдущею согласною, удареніе переходитъ на вновь появившуюся гласную *о* или *е*: *полоте́нце*, *волоко́нце*, *око́нце*, *до́нце*. Въ соединеніи съ словомъ *письмо́* окончаніе *цо* принимаетъ удареніе — *письмецо́*; то же бываетъ еще въ соединеніи съ именами: *мясо*, *село* и *дерево*,

чему причиною, кажется, звуки *я* и *е* въ предшествующемъ слогѣ; *снѣцо́* произносится также еще и для отличія отъ женскаго *снѣцы*.

Присоединяясь къ нѣкоторымъ именамъ, кончащимся на *ье*, эта наставка принимаетъ форму *еце* безъ ударенія: *пла́тьеце*, *имѣ́ньеце*, *чте́ньеце*, или съ удар., какъ въ словѣ *копьецо́*.

Въ предыдущемъ представленъ первый опытъ разсмотрѣнія, насколько русское удареніе зависитъ отъ производства и состава словъ.

Теперь спрашивается: можно ли изъ этого разсмотрѣнія извлечь какіе-нибудь положительные результаты?

Мы видѣли, что есть много производственныхъ окончаній, имѣющихъ постоянное удареніе, — слѣдовательно много словъ, которыхъ произношеніе опредѣляется самымъ ихъ окончаніемъ. Вотъ главныя изъ такихъ наставокъ: муж. р. *акъ*, *якъ*, *укъ*, *юкъ*, *агъ*, *огъ*, *югъ*, *анъ*, *янъ*, *унъ*, *ачъ*, *ай*, *яй*, *уй*, *ежъ*, *а́тай*, *ёнокъ*, *ёнышъ*; — жен. р. *а́га*, *я́га*, *у́га*, *ю́га*, *ы́га*, *и́га*, *а́ка*, *я́ка*, *а́ха*, *я́ха*, *о́ха*, *у́нья*, *у́ша*, *и́ка*.

Есть другія имена, у которыхъ удареніе никогда не бываетъ на окончаніи, а остается либо на томъ же мѣстѣ, гдѣ оно въ первообразномъ словѣ, либо падаетъ на слогъ предшествующій окончанію. Здѣсь особенно замѣчательны въ муж. р. окончаніе *тель*, въ жен. *ость* или *есть*, а въ ср. *іе* (у многосложныхъ именъ).

Что́ касается до наставокъ, имѣющихъ непостоянное удареніе, то часто произношеніе словъ съ такими окончаніями зависитъ отъ разныхъ обстоятельствъ; какъ-то: 1) отъ производства слова; 2) отъ числа слоговъ въ имени, 3) отъ присоединенія къ наставкѣ дополнительнаго слога; 4) отъ гласной буквы предшествующаго слога; 5) отъ того, простое ли имя, предложное, или составное, и 6) отъ самаго значенія слова.

Когда то или другое изъ этихъ обстоятельствъ должно имѣть вліяніе на удареніе, на это нѣтъ одного общаго закона, но каждое изъ нихъ имѣетъ въ разныхъ случаяхъ свое несомнѣнное зна-

ченіе. Между ними самое обыкновенное основаніе выговора составляетъ производство именъ; однакоже оно нерѣдко уступаетъ одному изъ прочихъ основаній. Припомнимъ здѣсь въ заключеніе главные изъ отдѣльныхъ случаевъ, когда каждое изъ этихъ обстоятельствъ опредѣляетъ удареніе именъ съ производственными окончаніями.

I. Производство слова.

1) Всѣ простыя имена на *окъ*, *произведенныя отъ глаголовъ*, носятъ удареніе на этомъ окончаніи, напр. *толчокъ*, *плевокъ*, *совокъ*, *кипятокъ*, *кувырокъ*.

2) Уменьшительныя на *окъ* и *екъ*, въ указанныхъ случаяхъ производства, выговариваются такимъ же образомъ: *комокъ*, *порошокъ*, *кошелёкъ* и пр.

3) Имена на *ецъ*, произведенныя отъ двусложныхъ глаголовъ и прилагательныхъ, также произносятся почти всегда съ удареніемъ на окончаніи: *твórецъ*, *купецъ*, *рубецъ*, *хитрецъ*, *слѣпецъ*, *храбрецъ*.

4) Имена на *икъ*, *никъ*, *овикъ*, *евикъ*, *ивикъ*, *атикъ*, *астикъ*, вообще сохраняютъ удареніе прилагательныхъ, отъ которыхъ они образованы.

5) Женскія имена на *ица*, ежели есть соотвѣтствующія муж. на *ецъ* или *икъ*, удерживаютъ удареніе этихъ послѣднихъ.

6) Произведенныя отъ прилагательныхъ именъ съ окончаніемъ *ина* держатъ вообще удареніе на послѣднемъ слогѣ, наприм. *старина*, *новина*, *быстрина*.

7) Отглагольныя имена съ тою же наставкой носятъ удареніе на коренномъ слогѣ: *рытвина*, *зубрина*, *царапина*.

8) Отглагольныя имена, кончащіяся на *ея*, произносятся съ удареніемъ на послѣдней гласной: *швея*, *ворожея*.

II. Число слоговъ въ имени.

1) Двусложныя имена съ наставкою *окъ* или *ёкъ* передаютъ ей удареніе: *курокъ*, *конекъ* и т. д.

2) Такимъ же образомъ и окончаніе *ецъ* принимаетъ удареніе въ бо́льшей части двусложныхъ именъ: *свинецъ*, *отецъ*, *вѣнецъ*.

3) То же окончаніе въ бо́льшей части многосложныхъ именъ остается безъ ударенія: *черво́нецъ*, *упря́мецъ*.

4) Двусложныя имена на *ье* почти всегда имѣютъ удареніе на этомъ окончаніи: *питье*, *чутье*, *жилье*.

5) Такъ произносятся наконецъ двух- и трехсложныя имена съ приставкою *ко*: *ушко*, *гнѣдко*, *сѣрко*, *соловко́*, *воронко́*.

III. Присоединеніе къ наставкѣ дополнительнаго слога.

Имена мужескаго рода на *щикъ* и средняго на *ство* произносятся съ удареніемъ надъ этими наставками, когда передъ ними вставляется слогъ *ов* или *ев*, напр. *вѣстовщикъ*, *цѣновщикъ*, *колдовство*, *врачевство*.

IV. Гласная въ предшествующемъ слогѣ.

1) Звукъ *и* передъ наставкою *тель*, и гласная *е* передъ окончаніемъ *ніе* почти во всѣхъ случаяхъ присвоиваютъ себѣ удареніе: *правитель*, *строитель*, *правленіе*, *строеніе*.

2) Наставки: *ло*, *но* и *то* принимаютъ удареніе, когда въ предшествующемъ слогѣ находится гласная *е*: *весло*, *стекло*, *пшено*, *веретено*, *рѣшето*.

V. Соединеніе имени съ предлогомъ или съ другимъ именемъ въ одно слово.

1) Предлогъ *вы* передъ всякимъ первообразнымъ именемъ и передъ многими производными принимаетъ удареніе: *выводъ*, *выстрѣлъ*, *вылазка*, *выставка*.

2) Съ удареніемъ же произносится всякій другой предлогъ въ началѣ имени, кончащагося на *ь*, какъ мужескаго такъ и женскаго рода: *изгородь*, *навязень*, *пристань*, *утварь*.

3) Предложныя имена съ окончаніями *окъ*, *ышъ*, *ица*, *ина* носятъ удареніе на коренномъ слогѣ: *списокъ*, *просёлокъ*, *заморышъ*, *разладица*, *безхлѣбица*, *окраина*, *пробоина*.

4) Наставка *ецъ* въ составныхъ именахъ передаетъ удареніе предыдущему коренному слогу: *миротворецъ*, *живописецъ*.

5) То же замѣчается какъ въ составныхъ, такъ и въ предложныхъ именахъ средняго рода, кончащихся на *тіе*, напр. *кровопролитіе*, *прибытіе*, *прожитіе*[1].

Здѣсь прибавимъ замѣчаніе, что вообще въ составныхъ именахъ у насъ удареніе принадлежитъ второму слову, напр. *честолю́біе*, *коново́дъ*, *самова́ръ*, *духобо́рецъ*, *сукнова́льня*. Исключеній очень мало: *бла́говѣстъ*, *по́лдень*, *по́лночь*, *по́лпиво*, *лѣ́топись*, *ко́новязь*, *во́доросль* и другія т. п. имена женскаго рода на ь, которыя, какъ и предложныя имена съ такимъ окончаніемъ, отбрасываютъ удареніе на первую изъ своихъ составныхъ частей.

VI. Значеніе именъ.

1) Уменьшительныя имена никогда не носятъ ударенія на окончаніи *икъ*: *до́микъ*, *соко́ликъ*.

2) Имена, кончащіяся на *ота*, произносятся съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, когда означаютъ отвлеченныя качества: *чистота́*, *красота́*.

3) Такъ же выговариваются имена съ наставкою *ина*, означающія качество, пространство и время: *кругли́на*, *глубина́*, *старина́*.

4) Наставка *ота* имѣетъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ въ именахъ, означающихъ болѣзненное состояніе или припадокъ; *ломота*, *перхота*.

5) Окончаніе *ина* (или множ. *ины*) произносится также съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ въ названіяхъ растеній или торжественныхъ случаевъ: *малина*, *калина*; *родины*, *крестины*.

---

[1] Вообще сложеніе словъ дѣйствуетъ на измѣненіе акцента: ср. напр. *морско́й* и *примо́рскій*, *давно́* и *неда́вно*, *Россія* и *Малоро́ссія*, а также сказанное выше, стр. 382.

6) Окончанія *ня* принимаетъ удареніе въ отглагольныхъ именахъ, означающихъ сильное или частое дѣйствіе: *возня, толкотня*.

7) Слогъ *ня* остается безъ ударенія въ именахъ помѣщеній, зданій и т. п.: *салотопня*, *сушильня*, *швальня*.

8) Имена ягодъ на *ика* имѣютъ постоянное удареніе: *черни́ка*, *брусни́ка*.

Легко было бы еще увеличить число случаевъ, въ которыхъ обнаруживается вліяніе указанныхъ обстоятельствъ на произношеніе словъ; но я удовольствуюсь изложенными наблюденіями. Они достаточно доказываютъ, что какъ ни прихотливо повидимому русское удареніе, однакожъ языкъ, въ самомъ разнообразіи своей просодіи, чуждаясь безотчетнаго произвола или случайности, слѣдуетъ извѣстнымъ началамъ, которыя во множествѣ фактовъ доступны наблюденію и обличаютъ потребность ума человѣческаго подчиняться общимъ законамъ во всѣхъ безконечно-многообразныхъ явленіяхъ слова.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Впрочемъ *выздоровле́ніе*, какъ ясно видно изъ умягченія буквы *в*, происходитъ не отъ глагола *вы́здоровѣть*, а отъ неупотребительнаго *вы́здоровить*, какъ *явленіе* отъ *явить*. Форма *здоро́вить* есть въ языкѣ, но она обнаружилась только въ предложномъ глаголѣ *поздоро́виться* («отъ этого ему не поздоровится»), да еще въ славянскомъ *поздравить*. Производное имя отъ *выздоровѣть* было бы *выздоровѣніе*. Несовершенный видъ *выздара́вливать* могъ быть образованъ и отъ послѣдней формы глагола, какъ *разгавливаться* отъ *разговѣться*. Кстати замѣтимъ, что идея залога часто пропадаетъ въ отглагольныхъ именахъ дѣйствія или состоянія. Такъ напр. *ослабле́ніе* происходитъ отъ дѣйствит. *осла́-*

бить, но можетъ означать и состояніе; такъ же точно нѣкоторыя имена этого образованія означаютъ не состояніе и не дѣйствіе, а конкретный предметъ, напр. *имѣніе*, *растеніе*, *варенье*.

2) Правописаніе *обручъ* (съ *ъ* на концѣ) было бы здѣсь не у мѣста, ибо рѣчь идетъ именно о словахъ съ окончаніемъ на *ь*. Вотъ еще одно изъ многихъ доказательствъ что старинная орѳографія, по которой послѣ ж, ч, ш, щ въ концѣ именъ мужескаго рода писалось *ь*, была правильнѣе той, которая нынѣ взяла перевѣсъ и требуетъ въ такомъ случаѣ ера.

3) Продолжая свои изслѣдованія надъ именемъ *щёлокъ*, я убѣдился, что оно происходитъ отъ корня, въ которомъ, сходно съ свойствомъ означаемаго этимъ словомъ предмета, скрывается понятіе разложенія, раздѣленія. Дѣйствительно, тотъ же корень является у насъ въ словахъ *щель* (отверстіе, образовавшееся отъ раздвоенія) и *щелка́ть* (раздроблять со звукомъ). Въ послѣднемъ словѣ буква *к* есть уже придаточная къ корню: такова же она и въ имени *щелокъ*. Этотъ самый корень встрѣчается и въ германскихъ языкахъ, и замѣчательно, что тамъ (какъ и у насъ глаголъ *щелкать*) происшедшія отъ него слова выражаютъ, сверхъ показаннаго понятія, еще и звукъ: древне-нѣм. schellen значитъ: *щеляться,* раздробляться, раздроблять, и также — звучать, издавать звонъ; швед. skilja — раздѣлять, разлучать, skall — звукъ. Но у насъ глаголъ *щелкать*, означая звукъ, произносится съ удареніемъ на первомъ слогѣ (*щёлкать*).

4) Для уясненія вопроса объ имени *войлокъ* я обращался къ академику Б. А. Дорну, и онъ указалъ мнѣ на татарское слово *ojlik*, какъ единственное, которое и по значенію и по звуку *могло бы* дать начало нашему *войлокъ*. *Ойликъ* означаетъ: что́ служитъ къ покрытію чего-либо; для покрытія же кибитокъ изстари употреблялся у Татаръ войлокъ. Вотъ возможное соотношеніе обоихъ словъ, которое однакожъ не выдается за несомнѣнное.

5) Польское слово rysować перешло къ намъ конечно вмѣстѣ съ схоластическимъ ученіемъ изъ кіевскихъ школъ. Оно происходитъ отъ нѣмец. гл. reiszen, нѣкогда употреблявшагося въ

томъ же значеніи, или прямѣе отъ сущ. Riss—чертежъ, которое принято Поляками только съ измѣненіемъ *i* на *y* (ы). У насъ оно извѣстно въ предложной формѣ — *абрисъ*. Независимо отъ этого Поляки образовали еще имя rysunek, взявъ для него окончаніе изъ нѣмец. языка (ung), въ которомъ однакожъ подобнаго слова нѣтъ.

II.

О переходѣ ударенія существительныхъ именъ въ косвенныхъ падежахъ.

Переходъ ударенія во флексіяхъ существительныхъ именъ есть явленіе не общее въ нашемъ языкѣ. Съ этой стороны имена могутъ быть раздѣлены на имена съ подвижны́мъ удареніемъ— назовемъ ихъ *гибкими*, и на имена съ удареніемъ неподви́жнымъ— назовемъ ихъ *негибкими*. Само собою разумѣется, что здѣсь понятіе *гибкій* принимается совершенно въ условномъ, одностороннемъ значеніи, только въ отношеніи къ просодическому свойству слова.

Въ разсужденіи гибкости или негибкости своего ударенія наши существительныя имена подчиняются слѣдующимъ *общимъ* условіямъ:

а) *Гибкими* именами могутъ быть только тѣ, у которыхъ не болѣе 3-хъ слоговъ въ именительномъ падежѣ. Если же въ этой формѣ болѣе слоговъ, переходъ ударенія почти никогда не встрѣчается (*сковородá*, *скóвороду* — рѣдкое исключеніе).

б) Переходомъ удареній *большею частью* отличаются имена первообразныя и простыя.

в) Составныя имена всегда бываютъ *негибкими*, наприм. *водовóзъ*, *лѣтопись*.

г) Предложныя имена допускаютъ переходъ ударенія только при томъ условіи, чтобъ удареніе въ именительномъ падежѣ единственнаго числа было на предлогѣ, наприм. *пóваръ*, *поварá*; *пóвѣсть*, *повѣстéй*; *прóповѣдь*, *проповѣдéй*. Когда въ именитель-

номъ падежѣ единственнаго числа предлогъ не принимаетъ ударенія, то предложное имя не можетъ быть гибкимъ, напр. *заво́дъ*, *заво́ды*; *пригово́ръ*, *пригово́ры*; *посте́ль*, *посте́лей*.

д) Въ именахъ съ производственными окончаніями переходъ ударенія возможенъ почти исключительно только тогда, когда оно въ единственномъ числѣ на послѣднемъ слогѣ, наприм. *столя́ръ*, *столяра́*; *болту́нъ*, *болтуна́*; *пчела́*, *пчёлы*; *весло́*, *вёсла*; *письмо́*, *пи́сьма*. Впрочемъ изъ такихъ производственныхъ именъ съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ довольно гибки только имена мужескаго рода; въ именахъ женскаго и средняго съ производственными окончаніями подвижность ударенія составляетъ явленіе болѣе рѣдкое.

По отношенію къ *частнымъ* условіямъ перехода ударенія имена должны быть разсмотрѣны по тремъ родамъ ихъ—мужескому, женскому и среднему.

А) Имена мужескаго рода.

1) Если мѣстный падежъ послѣ предлоговъ *въ* и *на* оканчивается не на *ѣ*, а на *у*, *ю*, то съ этимъ послѣднимъ окончаніемъ неразлучно удареніе, совершенно независимо отъ произношенія прочихъ падежей, наприм. *въ саду́*, *въ гробу́*, *на духу́*, *на берегу́*, *ввечеру́*, *въ раю́*, *въ строю́*, *въ корню́*. Замѣтимъ, что это окончаніе встрѣчается почти исключительно въ словахъ первообразныхъ, простыхъ и притомъ такихъ, у которыхъ въ именительномъ падежѣ не болѣе двухъ слоговъ, наприм. говорятъ *на ходу́*, но нельзя сказать *на проходу́* (т. е. когда *ходъ* соединилось съ предлогомъ); нельзя также сказать *въ колоколу́* (при трехъ слогахъ въ именительномъ падежѣ). Изъ предложныхъ именъ этому случаю могутъ подлежать только такія, которыя безъ предлога не употребительны, наприм. *о́ткупъ*, *по́гребъ*,—*на откупу́*, *въ погребу́*.

2) Оставляя въ сторонѣ этотъ особенный мѣстный падежъ, мы находимъ, что во всѣхъ другихъ косвенныхъ падежахъ единственнаго числа удареніе бываетъ однообразное, т. е. если одинъ

изъ нихъ принимаетъ удареніе, то принимаютъ его и прочіе, напр. *полкъ* — *á*, — *ý*, *óмъ*, *ѣ́*. Въ такомъ случаѣ и всѣ окончанія множественнаго числа являются съ удареніемъ: *полкú*,—*óвъ* и т. д.

3) Напротивъ, по ударенію множественнаго числа нельзя судить объ акцентѣ косвенныхъ падежей единственнаго, наприм. во множественномъ *сады́*, — *óвъ*, а въ единственномъ *сáда*, — *у*, и т. д.

4) Въ переходѣ ударенія во множественномъ числѣ встрѣчаются два случая:

Или оно падаетъ на окончанія всѣхъ падежей, наприм. *сады́* — *óвъ*, — *áмъ*, — *áми*, — *áхъ*; *мужикú*, — *óвъ*, — *áмъ*, — *áми*, — *áхъ*.

Или оно, переходя на окончанія косвенныхъ падежей, остается неподвижнымъ въ именительномъ падежѣ, наприм. *зýбы*,—*óвъ*,—*áмъ*, — *áми*, — *áхъ*; *вóры*, — *óвъ*; *вóлки*, — *óвъ*.

Чѣмъ обусловливается каждое изъ всѣхъ приведенныхъ здѣсь явленій перехода ударенія въ именахъ мужескаго рода, опредѣлить очень трудно. Если бъ и удалось показать тутъ постоянные законы, то они были бы слишкомъ сложны и утонченны, а потому я удовольствуюсь замѣчаніемъ, что это относится наиболѣе къ именамъ односложнымъ, и постараюсь указать въ отношеніи къ нимъ только на тѣ случаи, когда удареніе остается неподвижнымъ, т. е. не переходитъ на окончанія. Это бываетъ:

а) Въ односложныхъ именахъ явно *отглагольныхъ*, особенно предложныхъ (съ предлогами *в-*, *вз-*, *с-*); *крикъ*; — *а*, — *у*; *и*, — *овъ*; *кликъ*, *искъ*, *вкладъ*, *входъ*, *вздохъ*, *вздоръ*, *сборъ*, *сводъ* и проч. Только слова *ходъ*, *садъ* и можетъ-быть нѣкоторыя другія, означающія не дѣйствіе или состояніе, а предметъ, отступаютъ отъ этого закона; говорятъ: *ходы́*, — *óвъ*, *сады́*, — *óвъ* и проч. То же явленіе отсутствія ударенія на падежныхъ окончаніяхъ отглагольныхъ односложныхъ именъ обнаруживается еще болѣе въ единственномъ числѣ: *бредъ*, — *а*; *мигъ*, — *а*; *моръ*, — *а*; *пылъ* — *а*; *ревъ*, — *а*; *ходъ*, — *а*; *садъ*, — *а*.

б) Въ односложныхъ словахъ иностраннаго происхожденія, мало употребительныхъ, и вообще въ словахъ, не сдѣлавшихся народными, или не встрѣчающихся во множественномъ числѣ: *докъ*, *мулъ*, *нервъ*, *флагъ*, *франтъ*, *хоръ*; *мракъ*, *адъ*, *воскъ*, *югъ*.

Если первоначально иностранное слово, употребительное и во множественномъ числѣ, гибко въ произношеніи, то значитъ, что народъ совершенно свыкся съ нимъ, вовсе забылъ его происхожденіе, напр. *врачъ*, — *á*, *пажъ*, — *á*, *дьякъ*, — *á*, *крестъ*, — *á*, *этáжъ*, — *á*.

Послѣднее замѣчаніе приводитъ насъ къ вопросу: не зависитъ ли степень гибкости слова отъ степени его употребительности и народности? Хотя положительный отвѣтъ на это и заключалъ бы въ себѣ выводъ слишкомъ общій, однакожъ въ немъ есть нѣкоторая доля истины. Наблюденія надъ словами всѣхъ разрядовъ показываютъ намъ, что чѣмъ болѣе въ нихъ жизненности, чѣмъ болѣе они усвоены народомъ, тѣмъ легче они подвергаются переходу ударенія, если только такому переходу не противятся другіе, болѣе сильные и постоянные законы языка.

Въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ одинъ случай перехода ударенія, о которомъ я еще не говорилъ. Разумѣю принятіе именами мужескаго рода въ прямомъ падежѣ множественнаго числа окончанія *а* или *я*. Съ этимъ окончаніемъ у нихъ удареніе связано такъ же необходимо, какъ съ гласною *у*, *ю* въ мѣстномъ падежѣ единственнаго числа, и всѣ прочіе падежи множественнаго числа при именительномъ на *á*, *я́* всегда удерживаютъ удареніе на томъ же мѣстѣ, напр. *поварá*, — *óвъ*, — *áмъ* и проч. Окончаніе *á*, *я́* во множественномъ числѣ именъ мужескаго рода чрезвычайно распространено въ языкѣ — и, можно сказать, безпрерывно дѣлаетъ въ немъ новыя завоеванія. Поэтому вовсе не справедливо смотрѣть на него, какъ на окончаніе неправильное, и на имена, принимающія его, какъ на исключенія. Напротивъ, оно именамъ мужескаго рода столько же свойственно, какъ и среднимъ: между послѣдними найдется даже гораздо менѣе словъ съ ударяемымъ *а* во множественномъ числѣ, нежели между

именамя мужескаго рода. И въ этомъ яснѣе всего является потребность народной фонетики посредствомъ ударенія рѣзко отмѣчать такіе слоги, которые должны служить какою-нибудь примѣтою и которые безъ этого отличія не довольно явственны въ произношеніи. Сравнимъ напр. слова: *пóвары*, *лѣ́кари*, и *повара́*, *лѣкаря́*: не гораздо ли яснѣе и рѣзче выразилась примѣта множественнаго числа въ послѣдней формѣ?

Для изслѣдованія случаевъ появленія окончаніе *а́*, *я́* въ именахъ мужескаго рода, мы должны раздѣлить слова по числу слоговъ ихъ и разсмотрѣть:

Во-первыхъ, односложныя имена.

Окончаніе *а́*, *я́*, невозможно въ тѣхъ односложныхъ словахъ, которыя и во множественномъ числѣ остаются односложными, наприм. въ словахъ: *ледъ*, *левъ*, *лобъ*, *ротъ*, *ровъ* (множ. *льды*, *львы*, *лбы* и т. д.).

Далѣе, оно невозможно и вообще тогда, когда въ единственномъ числѣ удареніе уже падаетъ на окончаніе флексіи; формы: *быка́*, *двора́*, *моста́* невозможны во множественномъ числѣ, потому что онѣ есть уже въ единственномъ. Итакъ первое условіе разсматриваемаго окончанія есть то, чтобъ оно дѣйствительно отличало множественное число отъ единственнаго. Таково въ самомъ дѣлѣ его свойство въ именахъ: *глаза́*, *бока́*, *рога́*, *дома́*, *мѣха́*, *года́*, *вѣка́*, *хлѣва́*, *вѣтра́*[1], *края́*, у которыхъ въ родительномъ падежѣ единственнаго числа удареніе стоитъ на первомъ слогѣ. Другими словами, окончаніе *а́*, *я́* можетъ становиться на мѣсто *ы*, *и* неударяемыхъ, но почти никогда не становится на мѣсто *ы*, *и*, имѣющихъ удареніе.

Въ именахъ *хлѣба́*, *цвѣта́*, *мѣха́* окончаніе *а* явилось только для отличія, по значенію, отъ формъ: *хлѣ́бы*, *цвѣты́*, *мѣхи́*; послѣднія два слова представляютъ рѣдкій случай встрѣчи въ

---

[1] Эта форма множ. ч. слова *вѣтеръ* употребительна въ нашемъ флотѣ. — Нынче говорятъ уже и *счета́*, хотя въ предложныхъ именахъ такое окончаніе рѣдко.

одномъ и томъ же имени окончаній *á* и *ы́*, *и́* съ удареніемъ: *цвѣтá* и *цвѣты́*, *мѣхá* и *мѣхи́*.

Во-вторыхъ, двусложныя имена (т. е. состоящія изъ двухъ слоговъ).

Двусложныя имена, которыя въ прямомъ падежѣ единственнаго числа имѣютъ удареніе *на послѣднемъ слогѣ*, всегда принимаютъ во множественномъ числѣ окончаніе *ы* или *и*. Исключеніе составляютъ только два слова: *рукáвъ — вá* и иностранное *обшлáгъ—гá*, которыя приняли такую форму, кажется, по аналогіи съ именами: *глазá*, *рогá* и *бокá*, означающими также пару предметовъ (двойственное число). Но наприм. слова: *глагóлъ, ковчéгъ, корóль, морóзъ, оврáгъ, орёлъ, пирóгъ, буквáрь, кулáкъ, бочáръ, крикýнъ* оканчиваются во множеств. числѣ только на *ы* или *и*.

Окончаніе *á*, *я́* свойственно только такимъ двусложнымъ именамъ мужескаго рода на *ъ*, которыя въ единственномъ числѣ носятъ удареніе *на первомъ слогѣ* и притомъ не имѣютъ какихъ-нибудь явныхъ въ концѣ наставокъ. Такъ имена *стóликъ*, *хлóпокъ*, *мѣсяцъ*, *зáяцъ* и т. п., по причинѣ своего окончанія, не могутъ принимать такой формы множественнаго числа. Притомъ давность, употребительность слова въ этомъ числѣ составляетъ и здѣсь важное условіе для возможности окончанія *á*, *я́*: такія имена какъ *и́долъ*, *грáдусъ* не могутъ оканчиваться такимъ образомъ, потому что они сравнительно мало распространены въ вседневномъ быту. Употребительность же увлекла въ кругъ господства этого окончанія не только нѣсколько предложныхъ именъ, но и многія иностранныя.

Приведу прежде собственно-русскія простыя: *бéрегъ, вéртелъ, вéчеръ, вóлосъ, вéредъ, вѣеръ, гóлосъ, гóродъ, жóлобъ, жёрновъ, кóнюхъ, кóробъ, кýзовъ, нéводъ, óстровъ, пóясъ, тóрмазъ, тéремъ, стóрожъ, хóлодъ, шéлепъ, чéрепъ, я́стребъ* и др.

Предложныя: *зáкромъ, óбразъ, óткупъ, пóгребъ, пóваръ, пóлогъ, пóтрохъ, при́ставъ, прóмыслъ* и нѣкоторыя др.

Иностранныя: *вы́мпелъ, вáхтеръ, вѣеръ, гéтманъ, дóкторъ, кáтеръ, ки́веръ, кóрпусъ, кýполъ, кýчеръ, лéкторъ, лóцманъ, мá-*

клеръ, мáстеръ, мúчманъ, нóмеръ, óрденъ, пáрусъ, рóтмистръ, рýпоръ, тéноръ, фéршелъ, флю́геръ, фáкторъ, флáгманъ, фýрманъ, цéнзоръ, шáферъ, шкúперъ, штýрманъ, шóмполъ, ю́нкеръ и др.

Дополнимъ этотъ списокъ именами на *ь*, замѣтивъ напередъ, что между ними лишь немногія чисто-русскія: *пéкарь, пúсарь, лѣ́карь;* всѣ прочія иностраннаго происхожденія: *вéксель, вéнзель, грúфель, éгерь, крéндель, флúгель, штéмпель, цúркуль, я́корь* и др., которыя по большей части могутъ принимать во множ. числѣ окончаніе на *я́*.

Такимъ образомъ въ разрядѣ двусложныхъ именъ, принимающихъ во множественномъ числѣ окончаніе *á, я́*, оказывается даже болѣе иностранныхъ словъ, чѣмъ русскихъ. Разсматривая далѣе составъ именъ этого разряда, мы находимъ въ нихъ двѣ довольно общія черты:

1) Русскія слова, какъ коренныя, такъ и первообразныя съ производственными окончаніями, въ обоихъ слогахъ своихъ представляютъ по большей части либо одну и ту же гласную (*е, о*), либо двѣ однородныя (*о—а, о—е, е—я*); въ срединѣ же ихъ букву *р* или *л*: *бé-регъ, вéр-телъ, чé-репъ, гó-родъ, хó-лодъ, óст-ровъ, кó-робъ, жёр-новъ* и т. д. (*берегá, вертелá* и проч.).

2) Почти всѣ иностранныя оканчиваются на *р, л*, твердое или мягкое съ предшествующими гласными *о* и *е;* есть между ними также нѣсколько именъ съ окончаніемъ *н* (*лоцманъ, орденъ* и др.).

Въ-третьихъ, трехсложныя имена.

Трехсложныхъ мужескихъ именъ, принимающихъ во множественномъ числѣ *á, я́*, вообще очень мало.

Тутъ мы встрѣчаемъ: 1) нѣсколько русскихъ словъ, отличающихся опять удареніемъ *на первомъ слогѣ* и образованіемъ своимъ, т. е. одинаковостью гласной во всѣхъ трехъ слогахъ; таковы: *кóлоколъ, óкорокъ, пéрепелъ, тéтеревъ;* 2) нѣсколько иностранныхъ съ окончаніемъ *оръ* или *ель* и удареніемъ *на предпослѣднемъ слогѣ: ефрéйторъ, дирéкторъ, инспéкторъ, профéссоръ, фельдфéбель*, и наконецъ 3) небольшое число русскихъ именъ, означающихъ должности, съ производственнымъ окончаніемъ *тель: учú-*

тель, — *я́*. Въ послѣднее время начали также говорить: *служителя́*, *смотрителя́;* но это еще не освящено общимъ употребленіемъ.

Во всѣхъ трехъ случаяхъ условіемъ для окончанія *á*, *я́* оказывается то, чтобы удареніе въ единственномъ числѣ не было на послѣднемъ слогѣ. Оно должно быть на первомъ или на среднемъ.

Четырехсложныя имена не употребляются съ этимъ окончаніемъ, напр. *репети́торъ*, *экзамина́торъ*, *визита́торъ.*

Это изслѣдованіе показываетъ намъ, что въ именахъ двух- и трехсложныхъ значеніе имѣетъ рѣдко вліяніе на принятіе ими разсматриваемаго окончанія. Прежде говорилось въ грамматикахъ, что изъ иностранныхъ именъ такъ склоняются преимущественно тѣ, которыя означаютъ какое-нибудь званіе; но мы, находя между ними много словъ совсѣмъ другого значенія (напр. *вѣеръ*, *куполъ*, *киверъ*, *орденъ*), должны признать, что большое число личныхъ именъ, означающихъ званіе, составляетъ тутъ случайность, происходящую отъ ихъ окончанія *р*, *л*, охотно допускающаго за собою *á* и *я́* во множественномъ числѣ. Тѣмъ менѣе можно согласиться съ мнѣніемъ, будто формы *ле́кторы*, *профе́ссоры*, *дире́кторы*, *учи́тели* благороднѣе, нежели *лектора́*, *профессора́*, *директора́*, *учителя́*. Принимая предпочтительно слова *профессоры*, *учители*, мы должны быть послѣдовательны и говорить въ косвенныхъ падежахъ также: *профе́ссоровъ*, *учи́телей;* ибо формы *профессоро́въ*, *учителе́й* возможны только при именительномъ падежѣ *профессора́*, *учителя́*. Между тѣмъ въ косвенныхъ падежахъ никто уже не скажетъ напр. *профе́ссорами*, *учи́телями*, потому что тутъ окончанія далеко не такъ ясны, какъ если на нихъ ставится удареніе. Чѣмъ же и въ именительномъ падежѣ неударяемое *ы*, *и* лучше опредѣлительныхъ *á* и *я́*, предпочитаемыхъ чуткимъ народнымъ слухомъ?

Въ заключеніе замѣтимъ, что нѣкоторыя имена во множественномъ числѣ исключительно оканчиваются на *á*, *я́*; другія принимаютъ иногда и окончаніе *ы*, *и*. Здѣсь очень важно, что къ пер-

вому разряду принадлежатъ названія самыхъ простыхъ предметовъ, наиболѣе извѣстныхъ и понятныхъ народу, напр. *бока́*, *глаза́*, *рога́*, *лѣса́*, *луга́*, *берега́*, *вечера́*, *города́*, *острова́*, *кучера́*, тогда какъ имена высшаго, болѣе духовнаго значенія терпятъ еще и книжное окончаніе, напр. *годы*, *вѣки*, *краи* (чужіе краи), *промыслы*, *авторы*, *цензоры*, *ректоры*, и еще обыкновеннѣе трехсложныя *директоры*, *профессоры*. Отмѣтимъ еще между двусложными именами слово *о́бразъ*, которое, смотря по *значенію*, принимаетъ во множественномъ числѣ двоякое окончаніе и этимъ становится въ одинъ разрядъ съ приведенными выше односложными словами: *хлѣбъ*, *цвѣтъ*, *мѣхъ*, оканчивающимися во множественномъ числѣ на *а́* только иногда, по требованію смысла.

Съ формою множественнаго числа *а*, *я* нѣсколько сходна другая, именно *ья*. Она встрѣчается въ двухъ различныхъ разрядахъ именъ мужескаго рода и обусловливается ихъ двоякимъ значеніемъ.

Окончаніе *ья* принимаютъ:

Во 1-хъ, такія имена (по большей части односложныя), которыя означаютъ предметы природы или домашняго быта, либо остроконечныя (мелкія или длинныя), либо круглыя и притомъ существующія или дѣлаемыя въ большомъ количествѣ; таковы: *крюкъ—чья*, *сукъ*, *клинъ*, *листъ*, *зубъ* (напр. у пилы), *колъ*, *брусъ*, *прутъ*, *стулъ*, *струпъ*, *пукъ*, *полозъ*, *копылъ*, *колосъ*, *корень*, *лоскутъ*, *черенъ*, *волдырь*, *пузырь*, *пупырь*, *клокъ*, *хлопъ*, *комъ*, *батогъ*, *ободъ*, *камень*, *уголь*. Въ этихъ словахъ окончаніе множественнаго числа *ья* остается безъ ударенія, которое падаетъ на слогъ предшествующій. Только въ словѣ *уголь* удареніе и во множественномъ числѣ остается на первомъ слогѣ.

Такъ же оканчиваются во множественномъ числѣ нѣкоторыя имена средняго рода, представляющія тѣ же особенности значенія: *перо*, *дерево*, *звено*, *колѣно*, *полѣно*, *крыло*, *шило*, *помело*, *дно* *(до́нья)*, и даже два имени женскаго рода съ подобнымъ оттѣнкомъ заключающагося въ нихъ понятія: *дыра*, *щель* *(ды́рья*, *ще́лья)*. Удареніе во множ. ч. опять на предпослѣднемъ слогѣ.

Во 2-хъ, имена, означающія лица, которыя находятся между собою въ отношеніяхъ родственныхъ, гражданскихъ или сердечныхъ. Тутъ окончаніе *ья* иногда остается безъ ударенія: *бра́тья, холо́пья*, но чаще принимаетъ удареніе: *мужья́, зятья́, шурья́, князья́, дядья́, деверья́*. Въ послѣднемъ случаѣ передъ окончаніемъ *ья* вставляется въ нѣкоторыхъ именахъ еще слогъ *ов: сыновья́, кумовья́, зятевья́, сватовья́.*

Многія изъ именъ, принимающихъ во множественномъ числѣ окончаніе *ья*, могутъ также оканчиваться въ мужескомъ и женскомъ родѣ на *ы, и*, въ среднемъ на *а*, иногда съ перемѣною значенія, напр. *зубъ, мужъ, колѣно*, иногда съ сохраненіемъ того же значенія, напр. *листъ, волдырь, пузырь, дерево*, или съ уничтоженіемъ только оттѣнка собирательныхъ именъ большого числа предметовъ, напр. *крюкъ, пукъ, корень, камень, уголь.*

Въ склоненіи именъ муж. рода съ производственными окончаніями удареніе слѣдуетъ одному довольно общему закону. Если наставка, состоящая изъ гласной и согласной буквы (напр. *икъ, ачъ*), носитъ удареніе, то во флексіи это удареніе переходитъ на падежное окончаніе, въ противномъ случаѣ оно остается неподвижнымъ. Напримѣръ: *остря́къ,-ка́* и т. д.; *хвасту́нъ,-а́*; *мяте́жъ,-а́; кусо́къ,-ска́, знато́къ,-а́; коне́цъ,-нца́; голи́къ,-а́; ямщи́къ-а́; коро́тышъ,-а́; креме́нь,-мня́; буква́рь,-я́*. Тому же закону слѣдуютъ имена съ приставкой *ей: руче́й,-чья́, солове́й,-вья́.*

И наоборотъ:

Ко́ршунъ,-а; пре́докъ,-дка; бра́тецъ,-тца; я́щикъ,-а; перево́дчикъ,-а; мя́кишъ,-а; па́рень,-рня; у́лей,-лья. Сюда же относятся и имена на *тель*; напр. *гада́тель, строи́тель* (кромѣ множественнаго числа словъ: *учи́тель, смотри́тель, служи́тель*).

Я назвалъ этотъ законъ довольно общимъ, потому что есть только двѣ наставки, при которыхъ онъ не всегда соблюдается, именно наставки *анъ* и *инъ: стака́нъ,-а; велика́нъ,-а*, (только *каба́нъ* имѣетъ въ косвенныхъ падежахъ *кабана́*); *павли́нъ,-а*. Что

касается остальныхъ окончаній, то при нихъ отступленія отъ указаннаго закона очень рѣдки; такъ *государь,-я* и т. д. Есть случаи, которые съ перваго взгляда могутъ показаться исключеніями, но въ сущности не заслуживаютъ этого названія, потому что въ этихъ случаяхъ окончаніе не есть производственная наставка, напр. слова *оврáгъ,-а; драгýнъ,-а; чертóгъ-а; халáтъ,-а.* Эти слова не русскія[1] и перешли къ намъ съ готовымъ окончаніемъ. Правда однакожъ, что иногда, несмотря на то, такое окончаніе подвергается тому же закону ударенія, какъ производственная наставка, напр. *очáгъ,-á* (тюркское слово); *каплýнъ,-á.* Вообще подобныя иностранныя имена представляютъ нѣкоторую неопредѣленность въ переходѣ ударенія, такъ что иногда въ одномъ и томъ же словѣ косвенные падежи произносятся различно, напр. говорятъ то *этáжа*, то *этажá*, чтó замѣчается и во множ. числѣ (*этáжи* и *этажú* и т. д.).

Въ словахъ *ýголъ*, *ýзелъ*, *ýгорь* — удареніе переходитъ на окончаніе флексіи (*углá*, *узлá*, *угрá*), но надо помнить, что въ нихъ наставка не изъ тѣхъ, о которыхъ рѣчь идетъ, или даже не есть собственно производственная наставка, и гласная только вставная: въ косвенныхъ падежахъ она пропадаетъ.

Б) Имена средняго рода.

Въ большей части первообразныхъ именъ средняго рода и въ нѣкоторыхъ производныхъ (на *ло*, *мо*, *но*, *ье*) замѣчательна та особенность, что единственное число по ударенію отличается отъ множественнаго, и именно:

Въ двусложныхъ словахъ удареніе съ перваго слога переходитъ во множественномъ числѣ на второй, и наоборотъ со втораго на первый, напр. *слóво*, *словá*; *дѣло*, *дѣлá*; *мóре*, *морá*; *пóле*, *полá*; *сéрдце*, *сердцá*; *веслó*, *вёсла*; *стеклó*, *стёкла*; *селó*, *сёла*; *окнó*, *óкна*; *копьё*, *кóпья*; *кольцó*, *кóльца*; *лицó*, *лúца*. Замѣтимъ однакожъ, что первый случай встрѣчается въ языкѣ гораздо рѣже, нежели второй.

---

[1] *Овраг* — готское; *драгунъ* — французское; *чертогъ*, *халатъ* — восточныя.

Въ трехсложныхъ словахъ переходъ ударенія бываетъ обыкновенно съ перваго слога на третій, напр. *óблако*, *облакá*; *óзеро*, *озерá*; *зéркало*, *зеркалá*; *дéрево*, *деревá*, или на средній: *óзеро*, *озёра*, и съ третьяго слога на второй: *колесó*, *колёса*; *волокнó*, *волóкна*; *полотнó*, *полóтна*. Въ четырехсложномъ *веретенó* — съ 4-го на 3-й: *веретёна*.

Въ этихъ случаяхъ всего яснѣе выражается наклонность языка соединять съ удареніемъ цѣль отличенія понятій единства и множества предметовъ при одинакомъ окончаніи въ падежахъ обоихъ чиселъ.

Трехсложныя имена съ удареніемъ на среднемъ слогѣ единственнаго числа, также и четырехсложныя, всегда удерживаютъ то же удареніе и во множественномъ числѣ: *копы́то*, *коры́то*, *полѣ́но*, *болóто*, *полотéнце*.

Имена съ производственными окончаніями *анье*, *янье*, *енье*, *тье*, *ило* принадлежатъ къ разряду негибкихъ, напр. *желáніе*, *кушанье*, *гуля́нье*, *плáтье*, *прáвило*, *правúло*, и проч.

В) Имена женскаго рода.

Различіе между единственнымъ и множественнымъ числомъ по ударенію свойственно и именамъ женскаго рода, но въ гораздо меньшей степени нежели среднимъ.

Когда въ именахъ женскаго рода съ окончаніемъ *а* или *я* удареніе у двусложныхъ на первомъ слогѣ, а у трехсложныхъ на среднемъ, то оно во множественномъ числѣ никогда не переходитъ на другое мѣсто: *бúтва*, *úскра*, *жáба*, *картúна*, *забóта*, *занóза*.

Переходъ ударенія въ подобныхъ словахъ возможенъ только тогда, когда оно на послѣднемъ слогѣ, тогда оно во множественномъ числѣ можетъ перемѣщаться на первый слогъ, напр. *вдовá*, *вдóвы*; *возжá*, *вóзжи*; *горá*; *гóры*; *скалá*, *скáлы*; *доскá*, *дóски*; *бородá*, *бóроды*; *головá*, *гóловы*; *полосá*, *пóлосы*; *середá*, *сéреды*; *сковородá*, *скóвороды*.

Хотя этотъ переходъ ударенія не составляетъ общей принад-

лежности всѣхъ подобныхъ именъ, однакожъ можно сказать, что ему подлежитъ большая часть женскихъ двусложныхъ именъ, у которыхъ въ единственномъ числѣ удареніе на послѣднемъ слогѣ.

Но это явленіе у двусложныхъ именъ иногда отличаетъ только именительный падежъ множественнаго числа, напримѣръ въ словѣ *гора́*, *го́ры*, и напротивъ — *гора́мъ*, *гора́ми*, *гора́хъ*; иногда же оно принадлежитъ всѣмъ падежамъ множественнаго числа: *и́гры*, *и́грами*, *жо́ны*, *жо́намъ*. Этотъ послѣдній случай рѣже. Часто въ косвенныхъ падежахъ множественнаго числа возможны оба ударенія, наприм. *слёзамъ* и *слеза́мъ*, *ска́лами* и *скала́ми*. Разборъ частностей въ этомъ случаѣ не привелъ бы насъ ни къ какому положительному результату.

Такимъ образомъ въ именахъ женскаго окончанія нѣтъ того однообразія удареній во всѣхъ падежахъ одного числа, какое замѣчается въ именахъ средняго рода.

Переходъ ударенія со 2-го и 3-го слога на 1-й у женскихъ именъ бываетъ иногда и въ винительн. пад. един. числа, напр. *доска́*, *до́ску*; *вода́*, *во́ду*; *гора́*, *го́ру*; *голова́*, *го́лову*; но и на это нелегко отыскать опредѣлительный законъ. Другіе падежи единственнаго числа по ударенію всегда бываютъ сходны съ именительнымъ.

У трехсложныхъ, переносящихъ въ именительномъ падежѣ множественнаго числа удареніе съ 3-го слога на 1-й, и прочіе падежи этого числа принимаютъ его по однообразному закону: *борода́*, *бо́роды*, *боро́дъ*, *борода́мъ*; *голова́*, *го́ловы*, *голо́въ*, *голова́мъ* и проч. Сходны съ ними по ударенію два четырехсложныя: *сковорода́*, *ско́вороды*, *сковоро́дъ*, *сковорода́мъ* и предложное, употребительное только во множественномъ числѣ: *по́хороны*, *похоро́нъ*, *похорона́мъ*, и проч.

Имена женскаго рода съ наставками не измѣняютъ своего ударенія. Исключеніе составляютъ лишь немногія имена, кончащіяся на *ота́*, *ина́*, которыя во множ. ч. перемѣщаютъ удареніе на предпослѣдній слогъ: *красота́*, *красо́ты*, *высота́*, *высо́ты*;

сѣдина́, сѣди́ны. Отъ *сирота́* образуютъ множ. ч. двояко: *сиро́ты* и *си́роты*, но послѣднее не можетъ быть одобрено.

Г) Имена мужескаго и женскаго рода на ь.

Мужескія имена на *ь*, съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, *почти* всегда переносятъ это удареніе на падежное окончаніе, напр. *коше́ль, я́; косты́ль, я́, пузы́рь, я́; монасты́рь, я́; ломо́ть, мтя́; креме́нь, мня́; ковы́ль, я́; фона́рь, я́*. Это удареніе сохраняетъ свое мѣсто и во всѣхъ прочихъ падежахъ обоихъ чиселъ. Сюда же относятся имена, кончащіяся на шипящія буквы, не исключая и большей части односложныхъ: *ножъ, ножа́; мечъ, меча́; кули́чъ, кулича́; шала́шъ, шалаша́; клещъ, клеща́; плащъ, плаща́*. Въ словѣ *мужъ* удареніе переходитъ на придаточный слогъ только въ косвенныхъ падежахъ множ. числа. — Само собою разумѣется, что здѣсь не можетъ быть рѣчи объ именахъ съ окончаніемъ *тель*.

Въ именахъ женскаго рода на *ь* замѣчаются два общія явленія:

1) Удареніе прямой формы не измѣняется въ единственномъ числѣ и остается на томъ же мѣстѣ въ именительномъ падежѣ множественнаго числа, напр. *дань, и; по́вѣсть, и; посте́ль, и*. Только въ мѣстномъ падежѣ един. числа у многихъ именъ, послѣ предлоговъ *въ* и *на*, удареніе переносится на окончаніе *и*, наприм. *въ крови́, въ ночи́, на степи́, на мели́, на лошади́, на площади́*. Въ этомъ случаѣ женское окончаніе *и́* совершенно соотвѣтствуетъ мужескому *у́* въ томъ же падежѣ и послѣ тѣхъ же предлоговъ. Здѣсь кстати упомянуть о неправильности, которая по аналогіи съ мѣстнымъ падежемъ вкралась въ склоненіе подобныхъ именъ. Обыкновенно говорятъ не только: *въ Твери́, въ Перми́, на Руси́*, но также *изъ Твери́, изъ Перми́, съ Руси́*, что̀ совершенно неправильно; слѣдуетъ говорить: *изъ Тве́ри, изъ Пе́рми, съ Ру́си*, какъ говорятъ *изъ кро́ви, до две́ри*, а не *изъ крови́, до двери́*.

2) Въ двусложныхъ именахъ съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ это удареніе не измѣняется и въ косвенныхъ падежахъ множественнаго числа: *свирѣ́ль, ей; горта́нь, ей; печа́ль, ей; бо-*

лѣзнь, ей; мозóль ей. Когда выпадаетъ гласная съ удареніемъ, то оно переходитъ на падежное окончаніе *любóвь, любвúй.*

3) Напротивъ въ односложныхъ именахъ и особенно въ двухсложныхъ и трехсложныхъ съ удареніемъ на первомъ слогѣ, это удареніе часто переходитъ въ косвенныхъ падежахъ множественнаго числа на окончаніе: *вѣсть, ей; честь, éй; власть, éй; кость, éй; дверь, éй; печь, éй; тѣнь, éй; крѣпость, éй; лóшадь, éй; скáтерть, éй; пóвѣсть, éй; вѣдомость, éй; прóповѣдь, éй.*

Настоящее разсмотрѣніе показываетъ, что хотя и нельзя теоретически опредѣлить всѣхъ частныхъ видоизмѣненій перехода ударенія въ склоненіи именъ существительныхъ, однакожъ и это явленіе подчинено извѣстнымъ условіямъ, зависящимъ: 1) отъ числа слоговъ имени; 2) отъ производства его и образованія; 3) отъ степени его употребительности; 4) отъ мѣста ударенія въ прямой формѣ единственнаго числа, и 5) отъ логическаго стремленія языка къ опредѣлительности окончаній.

Сравнивая эти выводы съ тѣми, какіе были сдѣланы мною при разсмотрѣніи глаголовъ съ подвижнымъ удареніемъ, можно уже позволить себѣ заключеніе, что вообще къ переходу удареній наиболѣе способны у насъ слова простыя, первообразныя, выражающія понятія, близкія народу, и потому слова самыя употребительныя, не мудреныя, обиходныя.

III.

По поводу нѣмецкой брошюры о русскомъ удареніи.

Die Lehre vom russischen Accent. Mit Rücksicht auf die Accentuationssysteme verwandter Sprachen bearbeitet von *Dr. L. Kayssler*. (Ученіе о русскомъ акцентѣ, сравнительно съ системами ударенія родственныхъ языковъ обработанное *докторомъ Л. Кайслеромъ*. Берлинъ, 1866 г., мал. 8 д. л., 97 стр.).

Книжечка эта во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманія. Прежде всего мы не можемъ не порадоваться, что нашелся ученый, хотя и не единоземецъ нашъ, который, оцѣнивъ всю важность изслѣдованія мало разработанной стороны языка, рѣшился посвятить русскому ударенію особый трудъ. Въ нашемъ филологическомъ мірѣ до сихъ поръ, кажется, еще недостаточно утвердилось убѣжденіе въ многозначительности ударенія при всѣхъ проявленіяхъ законовъ языка. Въ другихъ литературахъ такое положеніе дѣла уже измѣнилось къ лучшему. «Долго», говоритъ г. Кайслеръ въ своемъ предисловіи, «на удареніе смотрѣли какъ на весьма маловажный въ языкѣ элементъ, хотя уже древній грамматикъ Діомедъ называлъ его душою рѣчи. Только въ новѣйшее время оно стало обращать на себя болѣе вниманія. Бушманъ изслѣдовалъ (1832) англійское удареніе; Гэттлингъ (1835) греческое, Гумбольдтъ — во введеніи къ труду своему о языкѣ Кави (1836) — высказалъ устроумныя замѣчанія о сущности акцента; Бэтлингъ занялся въ первый разъ (1843) удареніемъ санскрита, а Боппъ, опираясь на его приготовительныя работы, сравнилъ (1853) санскритскій языкъ съ греческимъ,

литовскимъ и отчасти русскимъ, при чемъ показалъ удивительное во многихъ случаяхъ сходство. Между тѣмъ Бенлэвъ (1847) изслѣдовалъ относительно ударенія цѣлую область индо-европейскихъ языковъ» (за изъятіемъ, къ сожалѣнію, славянскихъ нарѣчій) «и установилъ теорію, которую впослѣдствіи онъ вмѣстѣ съ Вейлемъ старался еще болѣе утвердить въ примѣненіи къ латинскому. Но вопросы, такимъ образомъ возбужденные, еще далеко не рѣшены окончательно. — Г. Кайслеръ надѣется, что трудъ его послужитъ началомъ матеріала, который необходимо собрать, прежде нежели можно будетъ вполнѣ уразумѣть сущность разнообразнаго русскаго ударенія. Но главная цѣль брошюры — практическая. Авторъ желаетъ доставить облегченіе изучающему языкъ на практикѣ, «дать ему путеводную нить въ хаосѣ русскаго ударенія и показать, что есть границы трудностямъ». Онъ имѣлъ въ виду представить особенно подвижность русскаго ударенія въ склоненіяхъ и спряженіяхъ; книжка его должна составлять дополненіе къ изданнымъ до сихъ поръ русскимъ грамматикамъ, которыя всѣ, какъ онъ замѣчаетъ, съ пренебреженіемъ относятся къ ударенію. — Какими же средствами располагалъ для этого г. Кайслеръ и въ какой мѣрѣ достигъ онъ своей цѣли?

Въ самомъ началѣ своего предисловія онъ жалуется, какъ трудно иностранцу усвоить себѣ въ русскомъ языкѣ правильное удареніе, и сожалѣетъ, что русскія книги давно уже печатаются безъ означенія выговора въ этомъ отношеніи. Мало знакомый съ живымъ русскимъ языкомъ, почтенный авторъ могъ положить въ основаніе своихъ наблюденій только словари и грамматики, да показанія немногихъ лицъ, знающихъ языкъ практически, къ которымъ онъ обращался за справками. Изъ русскихъ грамматиковъ Востоковъ болѣе другихъ останавливается на удареніи, и потому понятно, что г. Кайслеръ преимущественно пользовался его указаніями. Что касается нашихъ посильныхъ опытовъ по тому же предмету, нѣсколько лѣтъ тому назадъ напечатанныхъ въ изданіяхъ Академіи наукъ и воспроизведенныхъ выше въ

настоящемъ сборникѣ, то они остались неизвѣстны автору разбираемой брошюры[1].

Брошюра эта состоитъ изъ восьми отдѣловъ, которые озаглавлены слѣдующимъ образомъ:

1) Общія начала ученія объ акцентѣ.

2) Общая характеристика русскаго ударенія.

3) Удареніе въ склоненіи существительныхъ.

4) Удареніе прилагательныхъ.

5) Удареніе глаголовъ.

6) Удареніе въ словообразованіи.

7) Энклизисъ.

8) Списокъ подобозвучныхъ словъ, отличаемыхъ удареніемъ.

Въ первой главѣ показано, какъ смотрятъ на удареніе вообще нѣкоторые западные филологи, именно Бернгарди, Вильгельмъ Гумбольдтъ, Бенлэвъ и Боппъ. «Въ слогѣ», говоритъ Гумбольдтъ, «можно различать три фонетическія свойства: особенный его звукъ, количество и удареніе. Первыя два свойства опредѣляются самымъ существомъ слога и составляютъ какъ бы тѣлесный его видъ; удареніе же зависитъ отъ свободы говорящаго, имъ сообщается звуку и составляетъ въ немъ пришлую силу, какъ бы чужой духъ, въ него вдыхаемый. Оно носится надъ составомъ рѣчи, какъ особенное начало, болѣе одушевленное, чѣмъ языкъ въ веществѣ своемъ, и составляетъ непосредственное выраженіе того вѣса, какимъ лицо говорящее хочетъ заклеймить произносимую рѣчь и каждую часть ея. Самъ по себѣ всякій слогъ способенъ имѣть на себѣ удареніе. Когда же его получаетъ только одинъ изъ нѣсколькихъ, то прочіе, непосредственно его сопровождающіе, остаются безъ ударенія, если только говорящій не захочетъ нарочно придать силу которому-нибудь изъ нихъ. Это повышеніе голоса на одномъ слогѣ и пониженіе на другихъ первому даетъ перевѣсъ, заставляетъ примыкать къ нему выговоръ остальныхъ и тѣмъ смыкаетъ ихъ въ ритмическое

[1] На это уже было указано въ *Slavisches Centralblatt* 1866, № 50, гдѣ помѣщенъ небольшой разборъ книжки г. Кайслера.

цѣлое. Оба эти явленія—отсутствіе ударенія на однихъ слогахъ и совокупленіе ихъ силою ударенія на другомъ — необходимо условливаютъ другъ друга: за однимъ само собою непосредственно слѣдуетъ другое. Такъ съ удареніемъ происходитъ совокупленіе слова въ единицу. Самостоятельнаго слова нельзя и представить безъ ударенія, и каждое слово можетъ имѣть только одно удареніе. Удареніе больше всякаго другого свойства языка подлежитъ двоякому вліянію: со стороны значенія рѣчи и со стороны метрическаго свойства звуковъ. Первоначально и въ своемъ истинномъ видѣ оно, безспорно, зависитъ отъ перваго»[1]. Не отвергая этого взгляда, г. Кайслеръ находитъ его однакожъ идеалистическимъ и отдаетъ преимущество мнѣнію Бенлэва[2], который между прочимъ утверждаетъ, «что первоначально мѣстомъ ударенія было послѣдне-опредѣляющее (das letzt Bestimmende), то есть, та часть слова, которая сообщала значенію послѣднее видоизмѣненіе. Но противъ этого начала, уже и прежде заявленнаго Бенфеемъ, возстаетъ Боппъ, полагающій законъ санскритскаго ударенія въ томъ, что дальнѣйшее разстояніе акцента отъ конца слова считается благороднѣйшимъ и сильнѣйшимъ удареніемъ, законъ, который онъ признаетъ и въ греческомъ языкѣ, насколько это возможно при извѣстномъ свойствѣ этого языка, не позволяющемъ ставить акцентъ выше третьяго слога съ конца. Такъ какъ русскій языкъ по свободѣ ударенія подобенъ санскритскому, то, по мнѣнію автора брошюры, сказанный законъ ударенія относится и къ русскому. Въ этомъ взглядѣ г. Кайслеръ какъ нельзя болѣе ошибается, не замѣчая, что только теоріи, извлеченныя изъ самыхъ общихъ свойствъ ударенія, какъ напримѣръ теорія Гумбольдта, примѣнимы и къ нашему языку; тѣ, напротивъ, которыя основываются на частныхъ наблюденіяхъ надъ тѣмъ или другимъ языкомъ, большею частью не пригодны для русскаго.

---

[1] «О различіи организмовъ человѣческаго языка», перев. Билярскаго. Спб. 1859, стр. 151, 152.

[2] Louis Benlœw. De l'accentuation dans les langues indo-européennes. Paris 1847.

Неоспоримо общее положеніе Боппа относительно трехъ системъ ударенія. Первая — логическая, которой слѣдуютъ языки германскіе, гдѣ удареніе падаетъ преимущественно на коренной слогъ слова; вторая — ритмическая, которая постоянно ставитъ акцентъ на слогѣ, занимающемъ опредѣленное въ составѣ слова мѣсто (какъ въ языкахъ финскомъ, мадьярскомъ и чешскомъ, ударяющихъ на первый слогъ, и въ польскомъ, ударяющемъ на предпослѣдній); третья — свободная или грамматическая (не лучше ли фонетическая?) система, которою отличаются санскритъ и, съ нѣкоторыми ограниченіями, греческій языкъ. Она свойственна также русскому и родственному съ славянскими нарѣчіями литовскому языку.

Въ русскомъ языкѣ, говоритъ г. Кайслеръ въ началѣ 2-й главы своей книжки, удареніе не связано ни съ какимъ опредѣленнымъ мѣстомъ слова и не зависитъ даже отъ вліянія *долготы* (количества), потому что или эта послѣдняя въ русскомъ вовсе не принимается въ расчетъ, или чутье къ ней до такой степени пропало, что нѣтъ рѣшительно никакого протяженія въ слогахъ и всѣ они имѣютъ совершенно одинаковую долготу. Отъ этого по необходимости происходитъ, что въ русскомъ языкѣ возможенъ только одинъ родъ акцента — острый. Распространяя высказанное здѣсь замѣчаніе объ отсутствіи долготы въ русскомъ на *всѣ* славянскіе языки, авторъ брошюры опять ошибается. Извѣстно, что чешскій составляетъ въ этомъ отношеніи изъятіе. Приведемъ здѣсь слова уважаемаго чешскаго филолога Шумавскаго[1]: «Каждый языкъ представляетъ и количество и удареніе, но въ нѣкоторыхъ то и другое такъ слились, что человѣкъ, знакомый только съ однимъ такимъ языкомъ, не можетъ и представить себѣ, чтобы каждая изъ обѣихъ принадлежностей могла существовать сама по себѣ. Почти у всѣхъ Славянъ долгота (протяженіе) слилась съ удареніемъ; только у Чеховъ одно благозвучно держится рядомъ съ другимъ (не то, что одно въ другомъ). Если я говорю

[1] «Slovo o řecké mluvnici, od I. F. Šumavského», стр. 3 и 4.

zdráva, то произношу удареніе, сросшееся съ долготой; когда же говорю zdravá, то уже на первомъ слогѣ акцентъ, на второмъ— долгота. У насъ, Чеховъ, удареніе всегда на первомъ слогѣ, и потому намъ не нужно означать его; напротивъ, долгота, которая очень подвижна, должна быть означаема. У Русскихъ удареніе чрезвычайно разнообразно; долгота всегда соединена съ нимъ».

Взглядъ г. Шумавскаго относительно русскаго языка совершенно согласенъ и съ нашимъ, уже прежде выраженнымъ мнѣніемъ[1], что ударяемый слогъ почти всегда бываетъ и нѣсколько протяжнѣе прочихъ[2]. Это чувствуется особенно тогда, когда на слово падаетъ логическое удареніе. Возьмемъ для примѣра стихи Пушкина:

«Я помню *чудное* мгновенье:
Передо мной явилась *ты*,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты».

Не ясно ли, что въ первыхъ двухъ стихахъ слова́, отмѣченныя курсивомъ, должны произноситься протяжнѣе остальныхъ? Но такъ произносится не цѣлое слово *чудное*, а только тотъ слогъ его, на которомъ лежитъ удареніе. Въ остальныхъ же двухъ стихахъ, правда, нѣтъ словъ, требующихъ особенно протяжнаго выговора; тѣмъ не менѣе и тамъ слоги ударяемые произносятся нѣсколько медленнѣе прочихъ. Отъ умѣнья выбирать слово, которое должно быть отмѣчено логическимъ удареніемъ, зависитъ главнымъ образомъ самое искуство чтенія.

Но различіе протяженія слоговъ въ русскомъ языкѣ этимъ не ограничивается: хотя слогъ безъ ударенія и не можетъ быть долгимъ, однакожъ не всѣ слоги неударяемые равны между собою по степени краткости. Это сдѣлается совершенно яснымъ, если мы пріищемъ два такія слова, въ которыхъ одному и тому же слогу придется стоять то послѣ, то прежде ударяемаго.

---

[1] См. выше, стр. 388 и 389.

[2] Ломоносовъ не вполнѣ былъ неправъ, когда онъ сказалъ: «Въ Россійскомъ языкѣ тѣ только слоги долги, надъ которыми стоитъ сила, а прочіе всѣ коротки» (*Письмо о правилахъ Россійскаго стихотворства*). Въ первой половинѣ этого замѣчанія слѣдовало бы только прибавить слова́ *могутъ быть*.

Таковы, напримѣръ, слова: *мыш-ка* и *ка-мышъ;* для повѣрки, одинаково ли долгъ слогъ *ка* въ обоихъ этихъ словахъ, будемъ произносить каждое изъ нихъ нѣсколько разъ сряду:

Мыш-ка- мыш-ка- мыш-ка- мыш-ка.
Ка-мыш- ка-мыш- камыш- ка-мышъ.

Читая первую строку, мы увидимъ, что въ ней слогъ *ка* слишкомъ коротокъ для слова *камышъ;* читая же вторую строку, убѣдимся, что тутъ слогъ *ка* слишкомъ долгъ для слова *мышка.*

Тотъ же результатъ получимъ, произведя такой опытъ надъ словами *ра́но* и *пора́*, *тёлка* и *котёлъ*, *то́поль* и *пальто́*, или надъ трехсложнымъ словомъ *засло́нка* и соотвѣтствующими ему двумя словами: *коза́*, *слонъ.* Многократное повтореніе ихъ покажетъ, что слогъ *ка* или *ко* безъ ударенія имѣетъ въ обоихъ случаяхъ неравную степень краткости. Изъ всѣхъ подобныхъ примѣровъ оказывается, что когда слогъ съ неударяемымъ *а* или *о* слѣдуетъ за удареніемъ, то онъ въ произношеніи бываетъ короче, нежели когда стоитъ впереди.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что общепринятое мнѣніе о совершенномъ равенствѣ русскихъ слоговъ въ отношеніи къ долготѣ подлежитъ нѣкоторому ограниченію.

Останавливаясь на свободѣ русскаго ударенія по мѣсту его, г. Кайслеръ выбираетъ для примѣра древній, распространенный по всѣмъ почти индо-европейскимъ языкамъ корень *вѣд*, и показываетъ, что удареніе можетъ стоять на всѣхъ составныхъ частяхъ слова:

а) на *корнѣ:*

вѣ́дать, вѣ́домо, увѣ́домить, извѣ́стіе.

б) на *окончаніи*:

увѣдомля́ть, заповѣдно́й, вѣстово́й, извѣсти́ть.

в) на *предлогѣ:*

вы́вѣдать, за́повѣдь, по́вѣсть.

г) на *представкѣ*:

бла́говѣстить.

«Этотъ примѣръ», замѣчаетъ авторъ, «заимствованъ изъ словопроизведенія. Но русское удареніе такъ же свободно въ склоненіи и спряженіи... Очевидно, что эта свобода проистекла изъ того понятія, что различныя составныя части слова имѣютъ равную цѣнность (einen gleichen Werth) и что удареніе зависитъ отъ другихъ условій, а не отъ идеальной оцѣнки (von der ideellen Werthschätzung) слоговъ. Впрочемъ», прибавляетъ онъ, «надобно тотчасъ же замѣтить, что въ настоящемъ состояніи языка большинство русскихъ существительныхъ утратило подвижность ударенія».

Съ послѣднимъ взглядомъ трудно согласиться. Произношеніе, какъ составляющее самую живую и живучую сторону языка, менѣе всѣхъ прочихъ стихій его подвержено измѣненію. Конечно, у насъ нѣтъ никакихъ средствъ для сравненія нынѣшняго выговора въ отношеніи къ акценту съ тѣмъ, какой господствовалъ въ древнемъ народномъ языкѣ; но, судя по тому, ка́къ еще и въ наше время подвижно удареніе въ коренныхъ и первообразныхъ русскихъ словахъ, мы не имѣемъ основанія думать, чтобъ эта подвижность была гораздо значительнѣе въ древности. Что же касается менѣе отдаленнаго отъ насъ періода, когда на́чалъ развиваться русскій письменный языкъ, то мы не замѣчаемъ съ того времени большихъ перемѣнъ въ удареніи словъ; но и тѣ, которыя замѣчаемъ, ведутъ къ совершенно противоположному заключенію, то есть, что въ письменномъ языкѣ, по примѣру народнаго, подвижность ударенія усиливается. Нѣкоторыя невѣрныя ударенія, которыя допускались нашими старинными стихотворцами, начиная отъ Ломоносова, и которыя осмѣивались ихъ современниками, особенно Сумароковымъ, остаются невѣрными и смѣшными еще и теперь (напримѣръ *быстро́* вм. *бы́стро*)[1]. Правда, что такъ какъ языкъ въ позднѣйшую эпоху своего развитія обогащается по большей части второобразными словами (накримѣръ именами, оканчивающимися на *ніе*, *ность*, *ство*, *тель*, или предложными

[1] Соч. Сумарокова, ч. X, стр. 76 и 90, и *Москвитянинъ* 1842, № 1, стр. 148.

глаголами), то значительная часть новыхъ словъ является безъ подвижного ударенія. Но съ другой стороны, подвижное удареніе, какъ принадлежность по преимуществу народнаго языка, болѣе и болѣе вторгается въ языкъ литературный по мѣрѣ того, какъ этотъ послѣдній обогащается заимствованіями изъ перваго. Такъ, еще Ломоносовъ ввелъ *лѣтá* (множ. число) вмѣсто *лѣта*, на чтó несправедливо жаловался Сумароковъ, воображая, что это взято изъ малороссійскаго нарѣчія[1]. Подобно тому и въ наше время стали писать согласно съ произношеніемъ просторѣчія: *учителя́*, *профессорá*, вмѣсто: *учи́тели*, *профе́ссоры*, чтó прежде считалось единственно правильнымъ въ книжномъ языкѣ. Въ 18-мъ вѣкѣ всѣ писали: *вóйски*, *вѣ́ки*, а теперь пишутъ: *войскá*, *вѣкú*.

По поводу своего замѣчанія о свободѣ русскаго ударенія, г. Кайслеръ сравниваетъ русскій языкъ съ литовскимъ и приходитъ къ тому выводу, что послѣдній какъ богатствомъ формъ, такъ и разнообразіемъ акцента значительно превосходитъ первый. Предоставляя повѣрку этого мнѣнія знатокамъ литовскаго языка, къ которому авторъ и далѣе не разъ обращается для сравненія, остановимся только на томъ, чтó прямо относится къ главному предмету книжки.

Въ отношеніи къ вопросу о ходѣ развитія ударенія авторъ продолжаетъ: «Обстоятельство, что новыя слова, какъ бы искуственно образованныя посредствомъ производственныхъ окончаній и сложеній, имѣютъ неподвижное удареніе, заставляетъ предполагать, что въ самомъ отдаленномъ періодѣ языка подвижность акцента была общимъ явленіемъ; но есть многія, несомнѣнно весьма древнія слова, не имѣющія подвижного ударенія». Ясно, что послѣднимъ замѣчаніемъ опрокидывается только-что высказанное предположеніе, составляющее основную мысль всей книжки. Такъ же произвольны заключенія автора о постепенномъ ослабленіи энергіи ударенія, выводимыя изъ того, что въ нѣкоторыхъ именахъ женскаго рода оно переходитъ съ послѣдняго на средній

[1] Соч. Сумар., т. X, стр. 26.

слогъ, а не на первый, какъ въ другихъ словахъ древнѣйшаго образованія,—что напримѣръ говорятъ: *остро́ту*, *остро́ты*, не такъ какъ въ словѣ *сковорода́*, гдѣ удареніе въ извѣстныхъ падежахъ перескакиваетъ на первый слогъ, такъ что произносятъ: *ско́вороду*, *ско́вороды*. Мы уже видѣли, что г. Кайслеръ, руководствуясь сужденіемъ Боппа о санскритѣ, приписываетъ такому ударенію и въ русскомъ языкѣ значеніе особеннаго достоинства и энергіи; но при этомъ онъ не обратилъ вниманія на то, что переносъ ударенія съ третьяго или даже съ четвертаго слога на первый бываетъ у насъ только въ немногихъ именахъ женскаго рода, отличающихся особеннымъ образованіемъ, именно когда въ корнѣ буква *л* или *р* стоитъ между двухъ *о* или двухъ *е*, окончаніе же слова образуется голою гласной *а*, приложенной къ корню. Вотъ чуть ли не всѣ такія слова: *борода́*, *борона́*, *голова́*, *полоса́*, *сковорода́*, *сторона́*, *железа́*, *середа́*; они, собственно говоря, двухсложныя (*брада́*, *глава́* и проч.) и удлинены только вслѣдствіе свойственнаго русскому языку полногласія, при которомъ удареніе переходитъ нерѣдко на дополнительную гласную. Такъ произносятся въ единственномъ числѣ имена мужескаго рода: *го́лосъ*, *во́лосъ*, *го́родъ*, *бе́регъ*, *ве́редъ*; у нихъ во множественномъ числѣ происходитъ обратное явленіе: акцентъ переносится съ перваго слога на третій—*голоса́*, *волоса́*, *города́*, *берега́*, *вереда́*. Можно ли же сказать, что тутъ въ ударенiи замѣчается менѣе энергіи, чѣмъ при обратномъ его движеніи въ словахъ: *бо́роды*, *го́ловы* и проч.? Еще большее разстояніе перескакиваетъ удареніе въ словахъ: *ко́локолъ*, *о́корокъ*, *те́теревъ*, которыя во множественномъ числѣ произносятся: *колокола́*, *окорока́*, *тетерева́*[1].

Что касается до переноса ударенія съ третьяго слога на второй въ словѣ *острота́* (*остро́ту*, *остро́ты*), то г. Кайслеръ, справедливо признавая въ этомъ явленіе новѣйшаго происхожденія, ошибочно видитъ тутъ ослабленіе энергіи ударенія. Мы уже показали, что здѣсь образованіе слова не даетъ никакого повода къ переносу ударенія на первый слогъ; на второй же оно пере-

[1] Ср. еще слово *по́хороны*, *похоро́нъ*, *похорона́ми*.

носится по логическому началу, которое съ теченіемъ времени все болѣе пріобрѣтаетъ силы въ языкѣ: здѣсь ясно намѣреніе отличить именительный падежъ множественнаго числа (*остро́ты*) отъ родительнаго единственнаго (*остроты́*) по примѣру многихъ именъ женскаго рода; съ именительнымъ же множеств. сходенъ по ударенію и винительный единств. Въ доказательство новости этого ударенія г. Кайслеръ ссылается на то, что о немъ не упоминаютъ наши грамматисты; но настоящая причина этого умалчиванія заключается скорѣе въ томъ, что вообще грамматисты наши, по крайней мѣрѣ прежніе, мало обращали вниманія на живой языкъ и справлялись съ нимъ гораздо менѣе, чѣмъ съ словарями и съ трудами своихъ предшественниковъ по грамматикѣ. Замѣтимъ мимоходомъ, что при окончаніи *ота́* удареніе можетъ переходить на *о* только тогда, когда слова, такъ оканчивающіяся, означаютъ уже не отвлеченное свойство, а осязательный предметъ (получаютъ конкретное значеніе), напримѣръ *красо́ты*. По этой же причинѣ и слово *сирота́* можетъ въ извѣстныхъ падежахъ произноситься съ удареніемъ на среднемъ слогѣ.

Подтвержденіе любимой мысли своей о первобытной свободѣ ударенія г. Кайслеръ находитъ въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ. Въ нихъ, по его словамъ, вовсе не нужно, чтобы ритмическій акцентъ совпадалъ съ правильнымъ словоудареніемъ: каждая пѣсня, говоритъ онъ, представляетъ десятки случаевъ, въ которыхъ этого не бываетъ, и повидимому полагается даже особенная заманчивость въ томъ, чтобъ одно и то же слово произносить то такъ, то иначе. Въ примѣръ особенностей пѣсеннаго ударенія онъ приводитъ отрывокъ изъ одной былины, въ которой слова *бо́яре*, *богатыри́* и *де́вять*, нѣсколько разъ повторяющіяся, иногда произносятся *боя́ре*, *бога́тыри*, *девя́ть*. Намъ кажется, что такъ какъ языкъ стихотворный и особенно пѣсенный у всѣхъ народовъ пользуется своими исключительными льготами, то и нарушенія акцента, въ немъ допускаемыя, не могутъ служить въ пользу положенія автора. Всякому, кто слышалъ, какъ русскій народъ поетъ или, по его выраженію, *играетъ* свои пѣсни, извѣстно, что

часто въ одномъ и томъ же стихѣ иное слово произносится, при повтореніи напѣва, то съ однимъ, то съ другимъ удареніемъ; но такого разнообразнаго произношенія обыкновенная рѣчь не знаетъ. По нашему мнѣнію, въ пѣсенномъ языкѣ слѣдовало обратить вниманіе на другого рода отличіе ударенія, именно на то, что въ немъ нѣкоторыя слова, какъ напримѣръ *молодецъ* и *дѣвица*, постоянно выговариваются съ удареніемъ на первомъ слогѣ, а не на послѣднемъ, какъ въ обиходной рѣчи. Сюда относится и тотъ случай, когда неполныя прилагательныя (*кра́сенъ*, *я́сенъ*), будучи употребляемы въ пѣсняхъ не какъ сказуемыя, а какъ опредѣлительныя, носятъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, такъ что поющій выговариваютъ: *ясёнъ соколъ*, *добра́ мо́лодца*, *чисто́ поле*, *синя́ моря*, при чемъ существительное, когда въ немъ не болѣе двухъ слоговъ съ удареніемъ на первомъ, становится даже энклитическимъ. Но здѣсь мы встрѣчаемся съ чрезвычайно любопытнымъ явлеліемъ, которое, конечно, было общею принадлежностью древняго русскаго языка.

Высказавъ нѣсколько теоретическихъ положеній о русскомъ удареніи на основаніи изслѣдованій западныхъ филологовъ надъ другими языками, авторъ брошюры переходитъ къ разсмотрѣнію акцента во флексіяхъ, и прежде всего въ склоненіи именъ существительныхъ. Нельзя не пожалѣть, что вмѣсто того онъ не поставилъ впереди главу объ удареніи въ словообразованіи, которая у него отброшена къ концу труда. Прежде разсмотрѣнія перехода ударенія въ падежахъ естественнѣе было бы заняться произношеніемъ именъ въ прямомъ падежѣ и потомъ уже обратить вниманіе на измѣненія акцента въ другихъ падежахъ. Тогда, можетъ-быть, г. Кайслеръ пристальнѣе всмотрѣлся бы въ образовательныя окончанія именъ и избѣгъ бы многихъ промаховъ при изъясненіи словъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, вліяніе окончанія на удареніе незамѣтно. Въ списокъ этихъ словъ попало у него довольно большое число такихъ именъ, гдѣ переносъ ударенія въ косвенныхъ падежахъ зависитъ рѣшительно отъ окончанія. Вотъ эти имена:

Кор-абль, гол-авль, жур-авль,
бур-авъ, рук-авъ,
рыч-агъ,
боч-аръ, гонч-аръ, ком-аръ, мал-яръ,
кис-ель, коб-ель, кош-ель, щав-ель,
каранд-ашъ, торг-ашъ, шал-ашъ,
Паст-ухъ, пѣт-ухъ,
боб-ыль, горб-ыль, ков-ыль, кост-ыль.

Такимъ же образомъ въ помянутый списокъ именъ, переносящихъ удареніе на падежное окончаніе, вошло и нѣсколько такихъ, кои либо въ нѣкоторыхъ, либо и во всѣхъ косвенныхъ падежахъ удерживаютъ удареніе на корнѣ, напримѣръ слова: *альтъ, басъ, бантъ, лань, овощъ, часъ.* Всякій Русскій скажетъ: пѣть *бáсомъ, áльтомъ*, а не басóмъ, альтóмъ[1]. *Бантъ* во всѣхъ падежахъ обоихъ чиселъ удерживаетъ удареніе на первомъ слогѣ. *Лань*, единственное имя женскаго рода, попавшее въ этотъ списокъ, ни въ одномъ падежѣ не переноситъ ударенія на послѣдній слогъ. *Овощъ* во всѣхъ падежахъ единственнаго числа держитъ удареніе на первомъ слогѣ, а во множественномъ числѣ только въ косвенныхъ падежахъ можетъ переносить его на окончаніе. *Часъ* въ родительномъ единств. числа произносится съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ только при количественномъ или дробномъ числительномъ: *два, три, четверть часа*; въ другихъ же случаяхъ говорятъ *чáса*, напримѣръ *до второго чáса*, и—*чáсу;* въ дательномъ и творительномъ единственнаго числа удареніе ставится также на первомъ слогѣ: *къ этому чáсу, цѣлымъ чáсомъ.*

Подобные замѣченнымъ недосмотры въ разбираемой брошюрѣ показываютъ, что автору недоставало живого знакомства съ русскимъ языкомъ; когда же онъ обращался въ своемъ трудѣ къ посторонней помощи, то не всегда получалъ вѣрныя указанія. Такъ и въ спискѣ именъ жен. рода на *á*, переносящихъ въ вин. пад.

[1] Эти два слова въ нѣкоторыхъ падежахъ употребляются однакожъ и съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ. Припомнимъ стихъ Крылова: «Достали, нотъ, басá, альтá, двѣ скрыпки».

един. числа удареніе на предыдущій слогъ, помѣщены, напримѣръ, слова: *рудá*, *свинья́*, тогда какъ никто не скажетъ *ру́ду*, *сви́нью*; въ нѣкоторыхъ другихъ именахъ, тутъ же приведенныхъ безъ всякой оговорки, удареніе допускается двоякое; напримѣръ, говорятъ: *о́вцу* и *овцу́*, *ро́су* и *росу́*, *щёку* и *щеку́*. Такимъ же образомъ, исчисляя неполныя прилагательныя, которыя въ полной формѣ носятъ удареніе на послѣднемъ слогѣ (*вороно́й*, *гнѣдо́й*, *голубо́й*), онъ приводитъ между прочимъ невозможныя въ русскомъ языкѣ формы *во́ронъ*, *гнѣдъ*, *го́лубъ*. Въ другомъ спискѣ, при прилагательномъ *со́ло́нъ* не пояснено, что вмѣсто неупотребительной полной формы его служитъ причастіе *солёный*. Останавливаться на всѣхъ такого рода пропускахъ и промахахъ книжки г. Кайслера было бы слишкомъ долго и для читателей безплодно.

Представляя по большей части только списки словъ, подходящихъ относительно ударенія подъ одинъ и тотъ же случай, онъ вообще справедливо жалуется на отсутствіе общихъ примѣтъ, по которымъ можно бы опредѣлять мѣсто ударенія. «Одинъ внѣшній признакъ», говоритъ онъ, «можно указать только въ томъ, что имена отглагольныя, изъ древне-славянскаго перешедшія въ книжный языкъ, а равно имена сложныя имѣютъ большею частью неподвижное удареніе, тогда какъ многія иноязычныя слова, особенно же односложныя, имѣютъ также и подвижное удареніе. По большей части, однакожъ далеко не всегда, удареніе измѣняютъ слова, носящія его на послѣднемъ слогѣ». Здѣсь, во-первыхъ, не ясно, какія именно отглагольныя имена разумѣетъ авторъ; если это имена дѣйствія, оканчивающіяся на *ніе*, то почему онъ считаетъ ихъ вообще заимствованными изъ ц.-славянскаго языка? Во-вторыхъ, односложность иноязычныхъ словъ никакъ не служитъ признакомъ подвижности ихъ ударенія, ибо ежели и есть нѣсколько такихъ именъ, на которыхъ это наблюденіе оправдывается (напримѣръ, *руль*-я́, *балъ*-ы́-о́въ), то гораздо большее число ихъ никогда не измѣняетъ ударенія (напримѣръ, *залъ*, *бантъ*, *ботъ*, *брикъ*, *шкваль*, *штофъ*, *блокъ*, *классъ*, *рейсъ*). Что же касается до замѣчанія, что въ русскомъ языкѣ удареніе чаще пере-

ходитъ съ послѣдняго слога на предыдущіе, нежели наоборотъ. то справедливость его неоспорима.

До какой степени законы *свободнаго* ударенія трудно уловить не только въ русскомъ, но и въ другихъ языкахъ, гдѣ оно существуетъ, видно изъ слѣдующихъ словъ г. Кайслера: «Въ трудахъ Боппа и Бенлэва заключается небольшое только число можетъ-быть превосходно подобранныхъ примѣровъ, ведущихъ къ заключеніямъ, по которымъ все-таки нельзя вполнѣ удостовѣриться, подтверждаются ли они всею областью языка. Случается, что доказательствамъ на иное правило можно противопоставить такое множество исключеній, что поневолѣ приходитъ на мысль, не на сторонѣ ли послѣднихъ надо искать правила, если только давать силу численнымъ доказательствамъ, такъ какъ очень часто бываетъ и тотъ случай, что отъ древнѣйшаго состоянія языка остались лишь немногіе слѣды. Но, разсматривая богатство ударенія въ русскомъ и литовскомъ языкахъ и въ немъ тѣ крупныя общія черты, которыя встрѣчаются и въ санскритѣ, нельзя сомнѣваться, что въ первобытномъ состояніи эти языки отличались великимъ разнообразіемъ акцентуаціи, которое мало-по-малу исчезло, но которое прежде раздѣленія языковъ достигло періода полнаго органическаго развитія и господства. Если Боппъ за преобладающее начало санскритскаго акцента принимаетъ удареніе надъ началомъ слова, и если съ другой стороны мнѣніе Бенлэва о вліяніи «послѣдняго опредѣляющаго» на акцентъ подтверждается тѣмъ, что въ четырехъ языкахъ (считая и греческій) удареніе часто падаетъ на падежныя окончанія, то само собою представляется объясненіе, что ни того, ни другого начала нельзя признавать безусловно, правда же оказывается въ серединѣ, то есть, что корень и окончаніе флексій равно опредѣляли акцентъ и что все дѣло въ рѣшеніи, по какимъ законамъ то или другое брало перевѣсъ. Бенлэвъ приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ, доказывающихъ «слабость» санскритскаго акцента, и между ними выдающуюся роль играютъ тѣ случаи, въ которыхъ какая-нибудь форма или отдѣльное слово употребляется съ двоякимъ акцентомъ. Впро-

чемъ выраженіе «слабость» выбрано неудачно, потому что здѣсь надо означить конечный полюсъ, которому противоположенъ другой... Случаи, приводимые Бенлэвомъ, служатъ прямымъ доказательствомъ того мнѣнія, что удареніе опредѣляется не *однимъ* единовластнымъ, но двумя взаимно дѣйствующими началами».

Замѣчаніе это отчасти справедливо и въ отношеніи къ русскому языку: разница только въ томъ, что у насъ вовсе нѣтъ такъ называемаго Боппомъ сильнаго ударенія, то-есть, такого, которое предпочтительно падало бы на извѣстное мѣсто словъ, и есть не два, а нѣсколько разнообразныхъ началъ, отъ которыхъ оно зависитъ. При другомъ случаѣ нами была уже сдѣлана попытка опредѣлить по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ этихъ началъ; мы показали напримѣръ, что соединеніе имени съ предлогомъ въ одно слово всегда отнимаетъ у окончаніи *окъ* или *екъ* удареніе: *снимокъ*, *списокъ*, *свитокъ*, *просёлокъ*, *добавокъ*, тогда какъ при отсутствіи слитнаго предлога имена съ этимъ окончаніемъ, особливо двусложныя, почти всегда передаютъ ему удареніе: *толчокъ*, *комокъ*, *курокъ*, *конёкъ*, *порошокъ*, *кошелёкъ*, и проч. Или еще: всякій предлогъ въ началѣ первообразнаго имени, кончащагося на *ь*, будь оно муж. или жен. рода, принимаетъ удареніе (исключеній почти нѣтъ): *пристань*, *повѣсть*, *утварь*, *изгородь*, *очередь*, *перечень*. Въ именахъ первообразныхъ гласная коренного слога иногда рѣшаетъ мѣсто ударенія; такъ, буква *е* въ именахъ средняго и женскаго рода обыкновенно отбрасываетъ удареніе на окончаніе: *весло*, *стекло* *пшено*, *село*, *веретено*, *метла*, *жена*, *пчела*, *сестра*, *весна*. Въ именит. падежѣ мн. ч. эти имена, напротивъ, переносятъ удареніе на гласную *е*: *вёсла*, *стёкла*, *сёла*, *веретёна*, *мётлы*, *жёны*, *пчёлы*, *сёстры*[1]. Такъ и въ глаголахъ, особенно первообразныхъ, гласная, предшествующая окончанію, имѣетъ вліяніе на удареніе: буквы *о* и *у* въ неопредѣленномъ наклоненіи передъ окончаніемъ *ить* обыкновенно передаютъ ему удареніе, а во 2-мъ и слѣд. лицахъ наст. времени

[1] См. выше стр. 432—435.

сами принимаютъ его: *ходи́ть*, *води́ть*, *городи́ть*, *проси́ть*, *носи́ть*, *лови́ть*, *души́ть*, *сучи́ть*, *куси́ть*, *суди́ть*, *руби́ть*, *тупи́ть*, и: *хо́дишь*, *во́дишь*, *ду́шишь*, *су́чишь*, и проч. Привычка переносить въ такихъ случаяхъ удареніе на *о* такъ велика, что и въ тѣхъ глаголахъ, гдѣ слогъ передъ *ить* имѣетъ букву *а*, эта послѣдняя въ наст. времени превращается въ *о*, такъ что народъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ говоритъ: *ко́тишь*, *пло́тишь*, *со́дишь*, *до́ришь*, *во́ришь*, *во́лишь*, вм. *ка́тишь*, *пла́тишь*, *са́дишь* [1] и проч. Въ глаголахъ любопытно то обстоятельство, что 1-е лицо ед. ч. наст. времени (почти безъ изъятій) имѣетъ одно удареніе съ неопред. наклон., тогда какъ въ слѣдующихъ лицахъ это удареніе часто переходитъ на предпослѣдній слогъ. Примѣромъ тому могутъ служить приведенные сейчасъ глаголы. Такой переходъ ударенія составляетъ необходимое явленіе въ тѣхъ глаголахъ кончащихся на *ать*, у которыхъ передъ этимъ окончаніемъ стоитъ измѣняющаяся въ наст. врем. согласная, напримѣръ: *вяза́ть*, *дрема́ть*, *писа́ть*, *пляса́ть*, *трепета́ть*, *хохота́ть*, *лепета́ть*, *клевета́ть*, *щебета́ть*, *иска́ть*: *вяжу́*, *дремлю́*, *пишу́* и т. д., и *вя́жешь*, *дре́млешь*, *пи́шешь*, и проч. Между подобными глаголами есть однакожъ и такіе, которые уже и въ неопред. наклон. держатъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ; таковы: *пла́кать*, *ма́зать*, *сы́пать*. Съ другой стороны, между ними есть два, которые въ неопред. имѣютъ удареніе на окончаніи, но переносятъ его уже и въ 1-мъ лицѣ наст. врем.: *алка́ть*, *а́лчу*; *колеба́ть*, *коле́блю*. Отчего же не *алчу́ колеблю́*? Тутъ-то и видно часто неуловимое разнообразіе началъ русскаго ударенія. Хорошимъ примѣромъ этого разнообразія можетъ также служить приведенный г. Кайслеромъ, какъ показано въ началѣ нашей статьи, корень *вѣд*, который, служа къ образованію множества словъ, то самъ принимаетъ удареніе, то уступаетъ его разнымъ другимъ частямъ именъ и глаголовъ. Этотъ же самый примѣръ можетъ быть употребленъ въ доказательство того, какъ мало удареніе въ рус-

---

[1] См. выше стр. 376.

скомъ языкѣ зависитъ отъ той долготы, которая, какъ обыкновенно принимаютъ, первоначально была связана съ нѣкоторыми гласными, особенно съ *ѣ*. Соотношеніе долготы съ удареніемъ разсмотрѣно очень остроумно въ изслѣдованіи г. Каткова *Объ элементахъ и формахъ славянорусскаго языка*: для опредѣленія долгаго слога въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ прибѣгаетъ къ сравненію съ чешскимъ, гдѣ долгота лучше всего сохранилась; но и это не приводитъ его ни къ какому положительному результату, ибо если въ прямой формѣ слова русское удареніе иногда и сходится съ чешской долготой, за то во флексіяхъ это совпаденіе совершенно исчезаетъ, изъ чего ясно видно, какъ мало значенія въ русскомъ языкѣ первоначальная долгота имѣетъ для ударенія.

При разсмотрѣніи перехода ударенія въ именахъ существительныхъ и прилагательныхъ упущенъ г. Кайслеромъ изъ виду одинъ весьма замѣчательный случай, состоящій въ томъ, что имя, носящее удареніе на послѣднемъ слогѣ, переноситъ его на предыдущій при сложеніи съ предлогомъ или какимъ-либо другимъ словомъ. Возьмемъ, напримѣръ, имена сущ. *житіé*, *бытіé*, *Россія* и прилагат. *земнóй*, *головнóй*, *слѣпóй*, *морскóй*, *островскóй*. Составивъ изъ нихъ предложныя или сложныя имена, получимъ: *прожúтіе*, *сожúтіе*, *собы́тіе*, *Малорóссія*, *подзéмный*, *средизéмный*, *уголóвный*, *подслѣ́пый*, *примóрскій*, *замóрскій*, *василье-островскій*. Это одинъ изъ случаевъ, въ которыхъ удлинненіе слова дѣйствуетъ на удареніе.

Въ замѣчаніяхъ г. Кайслера о предложныхъ глаголахъ приведено 18 причастій, передающихъ удареніе предлогу: «*взóткнутъ*, *взóрванъ*[1], *вóгнанъ*, *зáзванъ*» и проч. Отъ вниманія автора ускользнуло, что списокъ такихъ причастій можетъ быть значительно удлиненъ. Дѣло въ томъ, что, вообще говоря, причастныя окончанія *анный* (*аный*) и *утый* не терпятъ на себѣ ударенія: вкóпанный, ýзнанный, разóгнанный, и́зданный, и́збранный, обóрванный, пéреданный, перéгнанный, перéсланный, смóтанный, чё-

[1] Въ этихъ двухъ словахъ, впрочемъ, удареніе падаетъ не на самый предлогъ, а на вставочную гласную.

санный, пи́санный, ма́ранный, свёрнутый, изо́гнутый, разстёгнутый, подо́ткнутый. Эти примѣры показываютъ, что несмотря на произношеніе неопред. наклоненія (вкопа́ть, узна́ть, мота́ть, писа́ть, сверну́ть, изогну́ть), удареніе въ причастіи переходитъ на предыдущій слогъ, будетъ ли онъ принадлежать глаголу, или предлогу. Въ словѣ *пе́реданный* оно перескакиваетъ черезъ одинъ слогъ. Разность этого слова, по ударенію, съ словами *пере́гнанный* и *пере́сланный* знаменательна: соединеніе двухъ согласныхъ *гн* и *сл* даетъ опору второму *е* въ предлогѣ, и этотъ слогъ получаетъ удареніе. Противорѣчатъ общему замѣчанію о выговорѣ причастій на *анный* только слова: *жела́нный*, *вѣнча́нный*, *избра́нный* и, можетъ-быть еще весьма немногія. Причину такого отступленія въ первомъ примѣрѣ составляетъ гласная *е*, на что уже выше указано, послѣднія же слова представляютъ въ своемъ произношеніи вліяніе церковно-славянскаго элемента: въ чисто-русскомъ говорѣ естественнѣе произносить *вѣнчанный* (какъ и говорятъ: увѣнчанный, развѣнчанный), *и́збранный*. Слова *неописа́нный*, *несказа́нный*, получившія искуственное удареніе, плохо принялись въ языкѣ. Въ словѣ *назва́ный* надобно видѣть скорѣе прилагательное, нежели причастіе.

Несостоятельность долготы, какъ основы русскаго ударенія, подтверждается, 1) многочисленностью случаевъ энклиза и 2) множествомъ словъ, имѣющихъ двоякое удареніе. Хотя г. Кайслеръ и обратилъ вниманіе на оба эти предмета, но каждый изъ нихъ требовалъ бы гораздо большей разработки. На предлогъ переходитъ въ извѣстныхъ случаяхъ удареніе не только съ существительныхъ и числительныхъ, непосредственно за нимъ стоящихъ, но и съ прилагательныхъ, образующихъ въ соединеніи съ нимъ нарѣчіе, напримѣръ, *за́живо*, *за́мертво*, *за́ново*, *сы́знова*, *на́скоро*, *по́пусту*, *по́часту*, *до́сыта*, *до́красна*, что́ опять возможно только тогда, когда удареніе въ самомъ прилагательномъ падаетъ на первый слогъ (*жи́во*, *мёртво*, *но́во* и проч.). Подобный же случай представляетъ мѣстоименіе *что* въ выраженіи *ни за́ что*, *ни про́ что*.

Списокъ словъ, сходныхъ по звукамъ, но отличаемыхъ по ударенію, въ брошюрѣ не только не полонъ, какъ и самъ авторъ ея сознается, но представляетъ и невѣрности или неточности. Такъ, слово *спѣшить* переведено: vom Pferde steigen; надобно было прибавить: lassen, такъ какъ *спѣшить* — глаголъ переходящій, а steigen—противоположнаго залога. При словѣ *трéтьяго* сказано: «Gen. von трéтій» и затѣмъ, какъ примѣръ иного ударенія, приведено: «*третья́го* дня, vorgestern». Но развѣ *третья́го* (произн. *третьёва*) не есть также родительный падежъ того же числительнаго, и развѣ не говорятъ равнымъ образомъ: *трéтьяго дня?* Дѣло въ томъ, что числительное *третій* имѣетъ двоякое удареніе, и не только въ род. падежѣ, но и въ именит., въ выраженіи: *самъ третéй*,—замѣчательный, едва ли не единственный случай, когда окончаніе *ій* обращается въ *ей*, точно также какъ *ый* безпрестанно обращается въ *ой* (первый — первóй).

Этотъ случай наводитъ насъ на другой разрядъ словъ съ различнымъ удареніемъ, именно на такія слова, которыя, не перемѣняя значенія, произносятся однакожъ различно. Такъ одни говорятъ: *кладби́ще*, другіе *кла́дбище*, одни: *гра́жданинъ*, другіе *граждани́нъ* и т. д. Сюда же относятся такія слова, какъ *вы́соко* и *высокó*, *далёко* и *далекó*, *серди́ться* и *сéрдиться*, *ворóта* и *воротá*, въ которыхъ перевѣсъ дается то одному, то другому началу ударенія. Даль въ своей статьѣ о нарѣчіяхъ русскаго языка [1] полагаетъ, что это различіе зависитъ первоначально отъ различія мѣстностей, гдѣ оно встрѣчается, и что въ этомъ отношеніи господствуетъ одно общее явленіе: въ сѣверовосточныхъ губерніяхъ удареніе ближе къ началу словъ, въ юго-западныхъ къ окончанію; но это наблюденіе далеко не всегда оправдывается: намъ случалось замѣчать, что въ двухъ селеніяхъ, отстоящихъ другъ отъ друга только на нѣсколько верстъ, одно и то же слово произносится различно, и наоборотъ, другое выговаривается одинаково въ двухъ губерніяхъ, находящихся на разныхъ концахъ

---

[1] См. 1-й томъ его словаря, стр. xxvi.

Россіи, тогда какъ это же слово въ центральныхъ мѣстахъ имѣетъ иное произношеніе. Иногда, когда мы на мѣстахъ спрашивали у крестьянъ о произношеніи того или другого слова, они отвѣчали нерѣшительно, и оказывалось, что слово въ одной и той же деревнѣ произносится то такъ, то иначе.

Возвращаясь къ двоякому ударенію такихъ словъ, которыя, при звуковомъ тожествѣ, имѣютъ различное знаменованіе, остановимся на одномъ замѣчаніи г. Кайслера. Не отвергая цѣли такого двоякаго ударенія, онъ однакожъ выражаетъ нѣкоторое сомнѣніе въ логическомъ назначеніи его, такъ какъ есть довольно много словъ, которыя въ нѣкоторыхъ падежахъ отличаются удареніемъ, но за то въ другихъ опять совпадаютъ. «Когда напримѣръ», говоритъ онъ, «отличаютъ именит. множ. *ви́на* отъ именит. ед. *вино*, то это конечно такъ, но родит. ед. отъ слова *вино́* (*вина́*) совершенно совпадаетъ съ именит. жен. рода *вина́*. Такихъ случаевъ множество. Съ другой стороны взглянемъ, напримѣръ, на слово *полкъ*, которое при склоненіи ударяетъ на послѣдній слогъ и потому въ дательн. пад. имѣетъ форму *полку́*. Но въ томъ же словѣ и мѣстный падежъ оканчивается на *у́*. Если бъ языкъ вообще стремился избѣгать подобныхъ двусмыслій, то здѣсь было бы очень легко достигнуть того переносомъ ударенія или употребленіемъ правильнаго мѣстнаго падежа на *ѣ*; но такое телеологическое намѣреніе совершенно чуждо языву. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ первоначально отличалъ съ большею точностью тончайшіе оттѣнки и при этомъ не гнушался даже самыхъ тяжелыхъ формъ; но въ позднѣйшее время, когда духовное разумѣніе росло въ той же мѣрѣ, какъ исчезало богатство внѣшняго строя, языкъ очень мало заботился о томъ, вполнѣ ли достаточны формы, въ томъ сознаніи, что всѣ открывающіеся въ этомъ отношеніи пробѣлы вознаграждаются съ другой стороны. Въ отдѣльныхъ случаяхъ русскій языкъ даже очень ясно обнаруживаетъ такую небрежность. Такъ, *рабъ* имѣетъ въ род. пад. *раба́*, въ дат. *рабу́*, къ именит. мн. *рабы́*. Но женское *раба́* имѣетъ въ вин. также *рабу́*, въ род. же ед. и въ им. множ. *рабы́*. Такимъ же образомъ со-

впадаютъ нѣкоторые падежи мужескаго *внукъ* и женскаго *внука*. Итакъ въ обоихъ случаяхъ произошло явленіе противоположное (вышезамѣченному): удареніе мѣшаетъ различенію».

Это видимое противорѣчіе въ явленіяхъ языка разрѣшается, какъ намъ кажется, очень просто. Двоякое удареніе въ подобозвучныхъ словахъ языкъ допускаетъ только тогда, когда это можетъ быть сдѣлано безъ насилія законамъ акцента; иначе пришлось бы принять, что акцентъ не имѣетъ никакого органическаго значенія, и ставится случайно, по произволу говорящаго. Но что удареніе служитъ однимъ изъ орудій мышленія, это также несомнѣнно. Если для отличенія разныхъ отношеній между предметами, для выраженія разныхъ видоизмѣненій мысли явились къ языкахъ флексіи, то почему же не могло быть употреблено для подобной же цѣли удареніе? Неестественно было бы, если бъ умъ человѣческій пренебрегъ такимъ удобнымъ средствомъ для достиженія въ большей степени той точности и опредѣленности, къ которымъ онъ стремится въ выраженіи. Вотъ чѣмъ объясняется логическое назначеніе акцента, и очевидно, что съ постепеннымъ развитіемъ языка подъ вліяніемъ возрастающей строгости мышленія и анализа, логическое начало усиливается и въ этой области слова.

Не считаемъ нужнымъ останавливаться на частныхъ замѣчаніяхъ г. Кайслера въ послѣднихъ главахъ его книжки. Вмѣсто того, чтобъ отмѣчать менѣе важныя ошибки его и недоразумѣнія, выразимъ ему лучше признательность за то, что онъ задумалъ разработать въ системѣ и полнотѣ предметъ, который до сихъ поръ слишкомъ мало обращалъ на себя вниманія. Правда, что г. Кайслеръ практическою стороною своихъ познаній не вполнѣ былъ приготовленъ для успѣшнаго выполненія предпринятой имъ задачи; но не забудемъ, что онъ писалъ для иностранцевъ, а они безъ сомнѣнія могутъ найти въ его трудѣ много новыхъ и полезныхъ для себѣ указаній.

ЗАМѢТКА О НѢКОТОРЫХЪ ФОРМАХЪ ИМЕННЫХЪ ФЛЕКСІЙ.

Fr. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. III-r Band. Wortbildungslehre. Wien, 1876. Стр. 286—312.

Достоинство и важность трудовъ г. Миклошича признаны всѣмъ ученымъ міромъ. Но при обширности и разнообразіи области, обнимаемой его изслѣдованіями, невозможно ожидать безошибочности во всѣхъ подробностяхъ. Поэтому полезно было бы, еслибъ спеціалисты по каждому изъ языковъ, разсматриваемыхъ въ сравнительной грамматикѣ знаменитаго филолога, отмѣчали вкравшіяся въ нее недоразумѣнія и погрѣшности. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что самъ просвѣщенный авторъ принялъ бы съ благодарностью всякое такое указаніе. Въ этой увѣренности рѣшаюсь предложить свои замѣчанія на нѣкоторыя мѣста въ главѣ объ именномъ склоненіи (Nominale declination), при чемъ, для ясности, слова́ и мнѣнія г. Миклошича буду подчеркивать.

Стр. 268. *Въ стихѣ народной пѣсни*[1]*:* «Потерять тебѣ, сыну, буйну голову», *форма сыну, по мнѣнію его, есть звательный падежъ:* tibi, fili, а не tibi, filio. — Въ русскомъ языкѣ такая форма зват. пад. невозможна и безпримѣрна: здѣсь *сыну* есть приложеніе къ мѣстоим. *тебѣ* и стоитъ, по общему закону, въ одномъ съ нимъ падежѣ, т. е. въ дательномъ.

---

[1] При курсивѣ кавычки « » ставлю только тамъ, гдѣ перевожу слова самого автора.

Стр. 287. «*Кажется, въ реченіи* смолоду, съ молоду *надо видѣть родит. пад. двойственнаго ч.*» — Для этого нѣтъ никакого основанія: здѣсь прилаг. безчленной формы[1], средн. рода, получило въ род. ед. окончаніе *у*, кажется, по аналогіи съ существит. Такъ же образовано *сдуру* по примѣру реченій: *сверху, снизу, отъ роду, съ виду* и пр.

Стр. 288. «*Несправедливо мнѣніе, будто видѣнъ имѣетъ въ жен. и ср. видна, видно*». — Это замѣчаніе вѣрно, но оно требуетъ дополненія. Прилагательному жен. и ср. *видна, видно*, множ. *видны* отвѣчаетъ муж. ед. *виденъ*; а *видѣнъ* часто пишутъ ошибочно, ибо это было бы страд. причастіе безчленное, которое требовало бы творит. падежа на вопросъ *кѣмъ*, тогда какъ при словѣ *виденъ* возможенъ только вопросъ: *кому?* Если неупотребительны формы: *видѣна, о, ы*, то ясно, что не годится и форма муж. рода *видѣнъ*. Это страд. прич. встрѣчается только въ членной формѣ. Такъ у Жуковскаго въ письмѣ къ вел. кн. Маріи Николаевнѣ: «. . . прежній огонекъ, пробужденный всѣмъ видѣннымъ мною въ этотъ день».

Стр. 289. «Konь, konja, konju, konjam, konjami, konjach». — Странно, что г. Миклошичъ, такъ правильно раздѣлившій умягченныя гласныя *я, е, ѣ, ю ю* на präjerirte и präjotirte, здѣсь употребляетъ транскрипцію, изображающую вторые, а не первые звуки, которые одни тутъ умѣстны. Впрочемъ, это конечно неизбѣжное послѣдствіе невѣрной транскрипціи именительнаго konjъ, о чемъ см. выше (стр. 344 и 345) мою статью: «Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ русскаго языка».

Между именами муж. р., принимающими въ род. ед. у вм. а, приведено: край, краю. — Надо однакожъ замѣтить, что это окончаніе въ род. слова *край* встрѣчается очень рѣдко и едва ли не единственно въ томъ случаѣ, когда имя это означаетъ конецъ, предѣлъ, напр. въ поговоркѣ: *моя изба съ краю;* никто не ска-

[1] Употребляю термины *безчленное* и *членное* прилагательныя по примѣру г. Потебни, предпочитая ихъ болѣе обыкновеннымъ, но только по внѣшнему признаку вѣрнымъ названіямъ: *краткое* и *полное*.

жетъ: *изъ краю* (вм. *изъ края*) *въ край.* Здѣсь нужно бы прибавить еще слѣдующія замѣчанія: 1) Изъ именъ, не означающихъ дѣлимые предметы или вещества (разумѣется, муж. р.), измѣряемые вѣсомъ и другими способами, но не считаемые единицами, сюда относятся особенно такія, которыя вмѣстѣ съ предлогомъ составляютъ какъ бы нарѣчіе; напр. *съ голоду, и́зъ городу, съ голосу,* и преимущественно односложныя: *бе́зъ году, безъ шуму, со страху, съ часу на часъ, изъ лѣсу, изъ дому, изъ носу, съ вѣтру, съ полу, съ глазу.* 2) Этой особенности всего легче поддаются отглагольныя имена: *съ разбѣгу, безъ удержу, съ размаху,* (*«отъ молодецкаго посвисту»*, сказ.), а тѣмъ болѣе односложныя: *ходу, счету, возу, роду, спросу, виду, крику.* 3) Изъ именъ вещественныхъ къ этому окончанію способны даже имена, принимающія въ косв. падежахъ удареніе на послѣдній слогъ, притомъ не только при твердомъ, но и при мягкомъ окончаніи: *песку, табаку, кирпичу, огню, имбирю*; этому не мѣшаетъ и суффиксъ *окъ, ёкъ: табачку, огоньку.* Любопытна между прочимъ форма: *для переду.*

Стр. 290. *Между именами, принимающими въ именит. множ. ч. двоякое окончаніе а* и *ы, упомянуто имя глазъ.* — Но *глазы* никогда не употребляется вм. *глаза́.*

Стр. 291. «*Русскія формы*: батожья, братья, кумовья; хозяева и господа *должны* (*по примѣру др.-сл.* братія) *быть понимаемы какъ собирательныя въ единств. числѣ.*» — Этому противорѣчатъ косвенные падежи, безспорно принадлежащіе къ формамъ множ. ч.: *батожьевъ, братьевъ* и проч., а также и приложеніе опредѣлительныхъ къ этимъ именамъ: *добрые* братья, господа.

Стр. 296. «*Служа названіями мѣстъ, прилагательныя притяжательныя часто принимаютъ въ творит. именное окончаніе:* Гдовомъ, Ярославлемъ, *рядомъ съ* Кашинымъ, Царицынымъ». Здѣсь слово *часто* излишне. — Правда, что нѣкоторые говорятъ и пишутъ Черниговымъ и т. п., но изъ приведенныхъ г. Миклошичемъ примѣровъ видно, что преимущественно имена мѣстъ, образо-

ванныя отъ женскихъ формъ (а—инъ), принимаютъ въ творит. мѣстоименное окончаніе, подобно личнымъ. Напр. говорятъ также: *подъ Бородинымъ*. Любопытно было бы однакожъ знать, не говорятъ ли на мѣстѣ простой народъ: *подъ Бородино́мъ*. По крайней мѣрѣ въ Рязанской губерніи я самъ слышалъ изъ устъ крестьянъ: *за Скопино́мъ* (а не Скопинымъ)[1].

Стр. 297. «*При извѣстныхъ условіяхъ можно отъ каждаго прилаг. образовать винит. ед. съ именнымъ окончаніемъ:* что ты дверь полу оставилъ; увидѣлъ убиту королевишну, нашелъ ее бодру, веселу. Вм. ласточку свою онъ видитъ на полу замерзшую (Крыл.) *можно бы сказать и* замерзшу». — При этомъ замѣчаніи, какъ и при нѣкоторыхъ другихъ, слѣдовало бы оговориться, что они относятся собственно только къ народному, и особенно старинному, языку. Между тѣмъ примѣръ, приведенный изъ писателя недавняго періода, указываетъ на недоразумѣніе. Въ наше время подобное усѣченіе или стяженіе прилагательнаго допускается развѣ только въ стихахъ, и притомъ не болѣе въ винит. ед. жен. р., чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ падежахъ, именно въ именит. ед. жен. и ср. рода и въ именит. же и винит. множ. всѣхъ трехъ родовъ. Слѣдующее за симъ замѣчаніе послужитъ еще къ бо́льшему разъясненію этого вопроса.

Стр. 299. «*Разница между* свѣтелъ, я́сенъ, кра́сенъ, си́не, бѣ́лы, и свѣтёлъ, ясёнъ, красёнъ, синё, бѣлы́ (у Востоко́ва 41, 62), *а потому и разница между* окончаніемъ спрягаемымъ *и* окончаніемъ усѣченнымъ *не есть органическая*: *первыя формы употребляются какъ предикаты безъ существит.*, *послѣднія*

[1] Послѣ приготовленія къ печати настоящей замѣтки я обратился къ уважаемому учителю 3-й Московской гимназіи В. И. Шенроку съ просьбой развѣдать въ Москвѣ, не произноситъ ли на мѣстахъ простой народъ: *подъ Бородино́мъ*. Послѣ нѣсколькихъ справокъ г. Шенрокъ увѣдомилъ меня, что моя догадка вполнѣ подтвердилась. Между тѣмъ и самъ я въ Петербургѣ встрѣтилъ благопріятный случай для рѣшенія вопроса. Именно мнѣ пришлось ѣхать съ извозчикомъ, уроженцемъ Верейскаго уѣзда. Я навелъ разговоръ на Бородино, и онъ въ своихъ разсказахъ совершенно явственно произнесъ: *подъ Бородино́мъ*. Такъ-то наша литературная рѣчь, не руководимая живымъ народнымъ чутьемъ, часто не даетъ намъ вѣрныхъ указаній на законы языка.

оже опредѣляютъ субъектъ: мѣсяцъ свѣтелъ, luna est splendida; свѣтёлъ мѣсяцъ, splendida luna; *вмѣсто послѣдняго письменный языкъ употребляетъ* свѣтлый». — Здѣсь почтенный ученый смѣшалъ то, что у Востокова разграничено очень ясно: г. Миклошичъ поставилъ въ одну категорію всѣ имена, носящія удареніе на послѣднемъ слогѣ, тогда какъ Востоковъ приводитъ *свѣтёлъ, ясёнъ* какъ примѣры опредѣлительнаго (въ народной поэзіи), а *бѣлы́, синё* какъ примѣры сказуемаго прилагательнаго.

Указанное Востоковымъ весьма существенное различіе было бы еще виднѣе, если бы онъ привелъ болѣе примѣровъ изъ современнаго или по крайней мѣрѣ близкаго къ намъ періода литературнаго языка, и между прочимъ примѣры не только прилагательныхъ, но и мѣстоименій и страд. причастій прошед. вр. Наши стихотворцы прошлаго, а отчасти и нынѣшняго столѣтія (хотя послѣдніе нъ меньшей степени) употребляютъ *усѣченныя* или *стяженныя* (по термину г. Потебни) прилагательныя и причастія въ видѣ опредѣлительныхъ, всегда съ тѣмъ же удареніемъ, какъ полныя или членныя, при чемъ однакожъ надо замѣтить, что такъ употребляются собственно только названные въ предыдущемъ замѣчаніи падежи; родительный же и дат. муж. и ср. рода ед. числа весьма рѣдко. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Изъ Ломоносова:

. . . . . въ надеждѣ,
Котора ихъ питала прежде (II, 127)[1].
Велика радость намъ родилась (129).
Мѣста *святы*, мѣста *прекрасны* (130).
Она — героями *рожденна* (132).

Изъ Державина:

Прочь, *буйна* чѐрнь, *непросвѣщенна* (II, 98)[2].

---

[1] По Смирдинскому изданію.
[2] По 2-му академическому изданію.

Изъ Крылова:

Польсти же мнѣ, надежда *мила* (II, 91)[1].
Мнѣ жизнь *дѣвическа* ничуть не тяжела (113).
Помертвѣло *чисто* поле (149).
Умильны ямочки пропали на щекахъ (114).

Изъ Пушкина:

Въ *долгу* ночь на вѣткѣ дремлетъ....
Въ теплый край, за *сине* море (III, 241)[2].
Летунья *легкокрыла* (тамъ же, 402).

Стр. 300 и 305. При указаніи отступленій отъ обычныхъ формъ склоненія слѣдуетъ прибавить народн. творит. падежъ числит. *сто—стомя́*.

300. «Зелень *имѣетъ во множ. еще діалект. форму зеленя́*».—Это справедливо (хотя неправильна транскрипція zelenьja=зеленья), но необходимо оговорить, что въ такомъ случаѣ *зеленя́* (въ значеніи озимыхъ хлѣбовъ на корню)—мужескаго рода (какъ лѣкаря, учителя) и уже неупотребительно въ единст.

Стр. 302. Между примѣрами именъ на *ёнокъ* пропущено неправильное множ. *чертенята*.

Стр. 308. *Въ склоненіи личнаго мѣстоим. приставляется н передъ гласною «послѣ односложныхъ предлоговъ»*.—Не только послѣ односложныхъ, но вообще послѣ первообразныхъ предлоговъ, какъ-то: *мимо*, *между*, *возлѣ*, *подлѣ*, *послѣ*, *противъ*: *мимо него*, *возлѣ нея*, *противъ нихъ*.

Пропуская нѣсколько другихъ менѣе важныхъ замѣтокъ г. Миклошича, которыя могли бы также быть дополнены или подать поводъ къ возраженіямъ,—повторю въ заключеніе, что все сказанное мною сообщается никакъ не въ укоръ заслуженному филологу, а единственно въ интересѣ науки.

---

[1] По Полному собранію сочиненій Крылова.
[2] По изданію Анненкова.

ДВѢ КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Опыт фонетики резьянских говоров. И. Бодуэна-де-Куртенэ. Варшава. Петербург, 1875 г.

Резьянскій катихизис, как приложеніе к «Опыту фонетики резьянских говоров» с примѣчаніями и словарем. Издал И. Бодуэн-де-Куртенэ.

Трудъ г. Бодуэна «Опыт фонетики резьянских говоров» былъ плодомъ его путешествія по славянскимъ землямъ и доставилъ ему степень доктора при Петербургскомъ университетѣ. Имя маленькаго славянскаго народа Резіянъ, составляющаго съ небольшимъ 3.000 душъ, конечно, извѣстно у насъ очень немногимъ. Живетъ онъ въ странѣ, прилегающей къ сѣверному берегу Адріатическаго моря, въ горахъ за рѣкою Сочей или Изонцо, отличается сравнительно нѣкоторою патріархальною чистотою нравовъ, и говоритъ языкомъ, сохраняющимъ многія исконныя особенности. Первый изъ Русскихъ посѣтилъ Резіянъ въ 1841 году академикъ И. И. Срезневскій, и тогда же напечатано было въ Часописи Чешскаго музея письмо его къ Ганкѣ объ этомъ народцѣ. Благодаря позднѣйшему изслѣдованію И. А. Бодуэна, Срезневскій вспомнилъ дневникъ, веденный имъ во время давнишняго путешествія, но остававшійся съ тѣхъ поръ въ рукописи, и напечаталъ его въ академическомъ изданіи съ любопытными приложеніями, между которыми находится и сейчасъ упомянутое письмо его къ чешскому ученому. Въ самомъ дневникѣ онъ живо разсказываетъ свои встрѣчи съ простодушными туземцами, описываетъ ихъ быть и нравы. Помѣщенныя имъ подъ строкою замѣтки г. Бодуэна показываютъ, что съ

того времени многое измѣнилось даже и въ этомъ тихомъ уголкѣ земли. Впрочемъ, географическое и статистическое описаніе, Резьянской долины г. Бодуэнъ обѣщаетъ сообщить въ особой статьѣ; теперь же онъ въ своей книжкѣ разсматриваетъ, съ большою подробностію, только языкъ населенія. Въ предисловіи онъ откровенно сознается, что въ началѣ своихъ наблюденій надъ мѣстными говорами онъ слѣдовалъ отчасти ошибочнымъ пріемамъ. «Находясь под вліяніем какой-то лихорадочной жадности», говоритъ онъ, «я старался прежде всего записать по возможности болѣе, не принимая в соображеніе того разумнаго правила, что для науки всего желательнѣе и полезнѣе даже небольшое количество совершенно вѣрных и несомнѣнных фактов и основанных на них выводов, нежели громадная куча наскоро замѣченных явленій и обусловленных ими предположеній иногда весьма проблематическаго свойства». За то «постоянное упражненіе, вслѣдствіе внимательнаго вслушиванія в малѣйшіе оттѣнки произношенія различных, не только славянских, но тоже романских и германских, говоров развило во мнѣ», продолжаетъ авторъ, «даже без достаточных теоретических познаній, извѣстнаго рода опытность и ловкость, благодаря которым, под конец моих изысканій, я записывал діалектическіе матеріалы, как мнѣ кажется, почти безукоризненно».

При всемъ томъ, авторъ самъ не вполнѣ доволенъ результатами своимъ изслѣдованій и полагаетъ, что для пополненія оставшихся пробѣловъ и исправленія вѣроятныхъ промаховъ ему нужно были бы еще разъ провѣритъ свои наблюденія на мѣстахъ: по его убѣжденію, такія вторичныя поѣздки вообще необходимы для діалектологовъ. Резьяне же, какъ мы узнаёмъ далѣе изъ самаго изслѣдованія, вообще говорятъ очень скоро и невнятно.

Трудъ г. Бодуэна раздѣляется на три части: первая посвящена описанію резьянскихъ звуковъ вообще, вторая—разсмотрѣнію этимологическихъ отношеній этихъ звуковъ, третья—общимъ заключеніямъ и выводамъ. Мы не послѣдуемъ за авто-

ромъ во всѣхъ подробностяхъ его наблюденій, представляющихъ совершенно спеціальный интересъ, но не можемъ не замѣтить, что между ними есть нѣкоторыя чрезвычайно-любопытныя. Отъ вниманія его не ускользнули и тѣ измѣненія, которыя отличаютъ современное резьянское нарѣчіе отъ прежняго. Такъ его поразило, между прочимъ, исчезновеніе звука h передъ гласными въ столбицкомъ говорѣ. «Характеристично в этом отношеніи», разсказываетъ онъ, «негодованіе одного семидесятилѣтняго старца из Столбицы против молодых людей его же деревни, которых он вовсе не в состояніи понять вслѣдствіе именно невыговариванія ими произносимаго им и его сверстниками согласно h. Так напримѣр, одна молодая женщина спросила его «réte nât?» и он только послѣ догадался, что это должно было означать: «hréte hnât?» (идете гнать? то есть скот). Старик, объявляя этот, по его мнѣнію, предосудительный обычай молодых «бравурой», то есть, желаніем пофрантить и порисоваться».

Что касается отношенія резьянскихъ говоровъ къ другимъ славянскимъ нарѣчіямъ, то г. Бодуэнъ находитъ всего болѣе сходства между ними и говорами южныхъ сосѣдей Резьянъ, то есть, Сербовъ и Хорватовъ смежныхъ округовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ въ языкѣ первыхъ на одну характеристическую особенность, на основаніи которой можно считать ихъ говоры совершенно особой группой въ области сербо-хорватскаго нарѣчія. «Эта исключительно резьянская принадлежность состоит в законѣ гармоніи гласных, которая основывается на противоположности, с одной стороны, темных и ясных гласных, с другой же стороны, на противоположности гласных широких и узких... Эта особенность проявляется в каждом без исключенія малосложном резьянском словѣ, если не в положительном, то по крайней мѣрѣ отрицательном смыслѣ и слѣдовательно проникает весь звуковой организм резьянских говоров».

Такъ какъ подобное построеніе словъ составляетъ главную фонетическую особенность финскихъ и вообще туранскихъ языковъ, и кромѣ того большинство Резьянъ отличается совершенно

не славянскими физіономіями, то авторъ высказываетъ предположеніе, что они представляютъ смѣсь Славянъ съ какимъ-то отпрыскомъ туранскаго племени или, точнѣе говоря, состоятъ изъ смѣси Славянъ съ ославянившимися Туранами: «Резьянскіе же говоры, сообразно племенному происхожденію их носителей, являются славянскими говорами, подвергшимися сильному туранскому вліянію». Въ подкрѣпленіе этой гипотезы, впрочемъ, никакъ не выдаваемой авторомъ за рѣшительный выводъ, онъ указываетъ и на сознаніе нѣкоторыхъ болѣе образованныхъ Резьянъ. Такъ, напримѣръ, учительница мѣстнаго женскаго училища въ Раванцѣ, говоря съ нимъ о трудностяхъ письменной передачи резьянскихъ звуковъ, высказала мнѣніе, что «ta únђarska gramátika ba bíla najbújša za nàš lańgàč», то есть: венгерское правописаніе было бы самое подходящее для нашего языка. Но вообще между Резьянами и даже внѣ ихъ земли очень распространено, хотя и ни на чемъ не основанное, преданіе, будто родоначальники нынѣшнихъ Резьянъ прибыли изъ Россіи и что поэтому Резьяне суть Русскіе и говорятъ русскимъ языкомъ. Это мнѣніе, вѣроятно, обязано своимъ происхожденіемъ какому-нибудь мѣстному ученому, который такъ истолковалъ случайное сходство названія своего племени съ именемъ Русскихъ. На это повѣрье Резьянъ указалъ уже и акад. Срезневскій въ своемъ дневникѣ.

Справедлива ли догадка г. Бодуэна объ элементахъ резьянскаго нарѣчія и вообще въ какой степени всѣ частныя замѣчанія его вѣрны, объ этомъ судить не считаю себя въ правѣ безъ спеціальнаго знакомства съ предметомъ его наблюденій. Могу говорить только о его методѣ и выказанныхъ въ его новомъ трудѣ свѣдѣніяхъ и соображеніяхъ. Съ этой стороны, нельзя не отдать полной справедливости изслѣдованію г. Бодуэна, свидѣтельствующему о совершенно правильныхъ пріемахъ его многостороннихъ наблюденій. Можно только усомниться, не слишкомъ ли пространно у него изложены всѣ мельчайшія подробности подмѣченныхъ имъ явленій, и не лучше ли бы онъ поступилъ

если бъ въ окончательномъ результатѣ своихъ изысканій ограничился болѣе рѣзкими и крупными чертами, отнеся остальное въ приложенія, какъ матеріалъ, послужившій ему основаніемъ для его выводовъ. При менѣе обширныхъ размѣрахъ, его изслѣдованіе конечно выиграло бы въ интересѣ и наглядности. Какъ ни сухи повидимому филологическіе труды, и въ нихъ не должно пренебрегать способомъ изложенія, при которомъ они могутъ становиться болѣе удобочитаемыми даже для спеціалистовъ. Въ заключеніе нельзя пройти молчаніемъ, что хотя слогъ г. Бодуэна вообще правиленъ, однакожъ изрѣдка встрѣчаются у него выраженія не совсѣмъ согласныя съ духомъ русскаго языка. Впрочемъ, можно надѣяться, что подобные частные промахи изложенія скоро исчезнутъ изъ сочиненій г. Бодуэна при его дальнѣйшей дѣятельности въ чисто-русской средѣ и его рѣдкихъ филологическихъ дарованіяхъ.

II.

Этимологія древняго церковно-славянскаго и русскаго языка, сближенная съ этимологіей языковъ греческаго и латинскаго. *Е. Бѣлявскаго*, преподавателя 5-й Московской гимназіи. Москва 1875.

Попытка г. Бѣлявскаго внести въ кругъ учебной грамматики сравненіе съ классическими языками входитъ въ область вопроса, раздѣляющаго нынче весь германскій педагогическій міръ на два противоположные лагеря. Вопросъ этотъ весьма обстоятельно разсмотрѣвъ въ изданной 1874 года въ Мюнхенѣ брошюрѣ г. Жолли (Jolly): «Schulgrammatik und Sprachwissenschaft». Затѣмъ его коснулся и критическій отдѣлъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ статьѣ г. Гельбке[1]. Пріятно было видѣть, что здѣсь вопросъ рѣшается точно такъ же, какъ и въ изслѣдованіи г. Жолли, то-есть, въ пользу введенія результатовъ сравнительнаго языкоученія въ гимназическій курсъ преподаванія древнихъ языковъ. Само собою разумѣется, что при этомъ необходимо соблюдать извѣстныя границы сообразно съ цѣлію и со степенью интереса, который можно предполагать къ такому методу въ учащихся, по возрасту ихъ и развитію. Надлежащая въ этомъ отношеніи мѣра удачно выдержана въ греческой грамматикѣ Курціуса, въ первый разъ возымѣвшаго и осуществившаго идею подобнаго примѣненія успѣховъ науки слова къ потребностямъ школы.

У насъ прочное основаніе сравнительному методу въ русской грамматикѣ положено Ѳ. И. Буслаевымъ, труды котораго со-

[1] *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, октябрь 1875: «О примѣненіи результатовъ сравнительнаго языкознанія къ преподаванію грамматики древнихъ языковъ въ гимназіяхъ».

ставили эпоху въ исторіи преподаванія отечественнаго языка. Съ его почина изученіе церковно-славянскаго языка стало итти въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ параллельно съ русской этимологіей, и благодаря «Исторической грамматикѣ» начали появляться учебники, развивающіе то же содержаніе въ меньшихъ размѣрахъ и въ болѣе доступной для учениковъ формѣ. Значеніе, какое дано въ нашихъ классическихъ гимназіяхъ древнимъ языкамъ, подало г. Бѣлявскому счастливую мысль расширить область сравнительнаго метода въ славяно-русской грамматикѣ, положивъ въ основу его формы греческія и латинскія[1]. Называю эту мысль счастливою потому, что ничто такъ не объясняетъ предметовъ ученія, какъ открываемая между ними связь; этимъ только способомъ то, что само по себѣ казалось бы случайнымъ и непонятнымъ, пріобрѣтаетъ смыслъ и законность; то, что иначе усвоивалось бы только памятью, освѣщается соображеніемъ и входитъ въ сознаніе. «Древній церковно-славянскій языкъ, объясняя формы русскаго языка, въ то же время указываетъ на близкое родство этого послѣдняго съ древними классическими языками. Родство это обнаруживается не только въ корняхъ и образованіи словъ, но и во всѣхъ оттѣнкахъ измѣненій словъ. Въ другихъ новыхъ языкахъ измѣненіе частей рѣчи такъ далеко уклонилось отъ первоначальнаго своего вида, что сближеніе въ этомъ отношеніи новыхъ языковъ съ древними классическими дѣлается, по крайней мѣрѣ въ учебникѣ, невозможнымъ. Славянскіе языки болѣе другихъ новѣйшихъ языковъ сохранили первобытныя формы и поэтому удобнѣе могутъ быть сближаемы съ древними классическими языками». Изъ этихъ словъ, которыми начинается предисловіе г. Бѣлявскаго, мы узнаемъ весьма вѣрную исходную мысль новаго руководства, назначаемаго, какъ

---

[1] Изданная Лицеемъ Цесаревича Николая превосходно составленная Латинская грамматика въ соединеніи съ русскою заключаетъ въ себѣ также сравненія по одному изъ древнихъ языковъ съ русскимъ, но она не проводитъ методически сличенія формъ того и другого, а указываетъ лишь вообще на встрѣчающіяся въ обоихъ сходныя грамматическія явленія.

онъ далѣе объясняетъ, главнымъ образомъ для IV класса гимназій, съ тѣмъ однакоже, чтобы не вполнѣ усвоенное по недостатку времени въ этомъ классѣ проходилось въ высшихъ при чтеніи памятниковъ древней русской литературы.

Новый элементъ проведенъ въ грамматикѣ г. Бѣлявскаго весьма сдержанно и, на первый случай, достаточно для цѣли уясненія состава и формъ языка. Сравненіе съ древними языками оказало здѣсь самое значительное вліяніе на способъ дѣленія существительныхъ по склоненію. Помощію своего метода авторъ убѣдился, что славяно-русское склоненіе существительныхъ почти тожественно съ такимъ же склоненіемъ въ классическихъ языкахъ: такъ какъ тамъ склоненія различаются не столько по окончаніямъ падежнымъ, сколько по основамъ, то онъ, принявъ то же начало, нашелъ всего удобнѣе раздѣлить церковно-славянскія и русскія имена сущ. также на три склоненія, и къ первому изъ нихъ отнесъ имена съ основой на *а*, какъ на самый чистый гласный звукъ. Начать съ склоненія на *а* ему казалось тѣмъ болѣе нужнымъ, что оно въ русскомъ языкѣ имѣло сильное вліяніе на прочія склоненія, которыя во многихъ падежахъ потеряли свою основную гласную и приняли основу склоненія на *а*. Нельзя не признать справедливости этихъ соображеній. Дѣленіе глаголовъ на спряженія и основанія дѣленія, по замѣчанію г. Бѣлявскаго, также весьма сходны въ греческомъ языкѣ. Особенное вниманіе обратилъ онъ на слова, имѣющія такъ называемыя неправильныя окончанія; въ нихъ всего болѣе обнаруживаются остатки древности и одинаковое съ греческими и латинскими словами образованіе, часто даже одни и тѣ же корни.

Предположивъ, что по его руководству преподаваніе должно начаться ученіемъ о буквахъ и звукахъ, послѣ чего слѣдуетъ перейти къ парадигмамъ склоненій и спряженій, г. Бѣлявскій отдѣлилъ всѣ парадигмы отъ самыхъ объясненій. Этимъ онъ достигъ весьма важной выгоды въ томъ отношеніи, что при такомъ способѣ ему легче было избѣгнуть той сухости, какою страдаетъ изложеніе въ бо́льшей части грамматикъ. Здѣсь объяс-

нительная часть, при надлежащей сжатости и стройномъ расположеніи, своею удобопонятностью способна заинтересовать достаточно-подготовленнаго ученика. Такимѣ образомъ надо отдать полную справедливость умѣнью автора обращаться съ своимъ матеріаломъ. Что касается степени знанія и разумѣнія, обнаруженныхъ имъ при самой разработкѣ его, то и съ этой стороны новый учебникъ является въ весьма благопріятномъ для него свѣтѣ. Въ книгѣ этого рода мы, конечно, не можемъ непремѣнно требовать результатовъ самостоятельныхъ изслѣдованій или новыхъ филологическихъ открытій. Хорошо уже, если авторъ, ознакомившись съ важнѣйшими учеными трудами по своему предмету, извлекаетъ изъ нихъ все то, что съ пользою можетъ быть употреблено для педагогической цѣли. Хотя для законовъ славяно-русской этимологіи главнымъ источникомъ г. Бѣлявскому, очевидно, служила Историческая грамматика г. Буслаева, однакожъ нельзя не замѣтить у него и знакомства съ новѣйшими трудами по русской филологіи. Притомъ и старый матеріалъ во многихъ частяхъ разработанъ имъ самостоятельно. Такъ, отдѣлъ о звукахъ, при всей своей краткости, представляетъ у него въ основномъ ихъ распредѣленіи болѣе вѣрное пониманіе, нежели какое мы находимъ въ большей части нашихъ грамматикъ. Это можно сказать особенно о его правильномъ дѣленіи гласныхъ на твердые и мягкіе. Жаль однакожъ, что онъ въ системѣ русскихъ звуковъ употребляетъ безъ дальнѣйшаго поясненія иностранную букву j, которую вслѣдъ за большинствомъ филологовъ считаетъ согласною (а не полугласною) и по примѣру нѣмецкихъ славистовъ сопровождаетъ въ концѣ слова *еромъ*[1]. Такъ, напримѣръ, чтобъ уяснить род. падежъ множ. ч. именъ муж. р. на ь онъ пишетъ въ скобкахъ: конь-j-ъ или коне-j-ъ (стр. 47). Подобныя непроизносимыя начертанія едва ли достигаютъ своей цѣли въ учебникѣ. При указаніи на усиленіе звука е въ о и въ jo (стр. 12) условіемъ этого перехода показано только удареніе, но забыто

[1] См. выше, стр. 335—337.

другое, столь же существенное въ большей части случаевъ условіе, то-есть, твердость послѣдующаго звука, напримѣръ, въ словѣ *плеть* такой переходъ невозможенъ, но онъ оказывается въ формѣ *плётка*. Въ фонетической терминологіи авторъ разбираемаго руководства держится общеупотребительныхъ у насъ, хотя и не выдерживающихъ критики названій, напримѣръ, *звучные* и *отзвучные*, *придыхательные* и т. п.[1], при чемъ онъ, конечно, можетъ, въ оправданіе свое, опереться на довольно сильные авторитеты. Замѣчаніе, что буква *ѣ* большею частью удерживаетъ на себѣ удареніе (стр. 8), напримѣръ *дѣти*, *сѣверъ*, *нѣмецъ*, высказывалось, правда, и другими, но оно положительно невѣрно, если, по крайней мѣрѣ, не ограничить его дополненіемъ: «въ первообразныхъ словахъ», какъ легко усмотрѣть изъ слѣдующихъ близкихъ къ приведеннымъ словъ: *дѣтúна*, *сѣверя́нинъ*, *нѣмéцкій*. Кстати, объ удареніи: по общему у насъ обычаю, г. Бѣлявскій почти вовсе оставляетъ его безъ вниманія при объясненіи законовъ языка: можетъ быть, онъ вмѣстѣ съ своими предшественниками полагаетъ, что удареніе къ ученію о формахъ не относится; я убѣжденъ, напротивъ, что грамматика наша до тѣхъ поръ не вступитъ на истинный путь, пока не внесетъ ударенія, какъ существеннаго элемента, въ теорію русскихъ флексій. Флексіею г. Бѣлявскій (стр. 25) называетъ «измѣняемую по склоненію или спряженію часть слова», но едва ли не справедливѣе назвать такъ самое это измѣненіе, какъ дѣлаетъ г. Буслаевъ (см. его Учебникъ русской грамматики. М. 1874. § 28).

Вотъ еще нѣсколько частныхъ замѣчаній. Между суффиксами существительныхъ мы находимъ въ грамматикѣ г. Бѣлявскаго, «*тл* (*о*) (= лат. tr-um, греч. τρ-ον), при чемъ звукъ *т* передъ *л* отпадаетъ», и въ примѣръ того приведены: *рало*, *вертило*, *било*, *шило*, *мыло*. Знаю, что это мнѣніе выражается не въ первый разъ (г. В. Миллеръ относитъ и слово *миръ* къ тому

[1] Что неудобно какіе бы ни было звуки называть *звучными* и находить *придыхательные* въ языкѣ, гдѣ вообще нѣтъ придыханій, объ этомъ, кажется, можетъ быть только одно мнѣніе: см. II-й томъ настоящаго изданія.

же суффиксу); но позволяю себѣ сильно сомнѣваться въ справедливости такого взгляда на составъ подобныхъ словъ. Относительно ц.-сл. сущ. *рало* трудно сказать что-нибудь положительное (Я. Гриммъ сближаетъ съ этимъ словомъ нѣм. arl), но въ *русскихъ* именахъ такого образованія нельзя не видѣть просто обращенныхъ въ сущ. причастныхъ формъ ср. рода: западнославянская вставка въ такихъ именахъ звука *д* передъ *л* не что иное, какъ фонетическое явленіе. Когда *д* или *т* есть въ корнѣ, то эти звуки и у насъ не выпадаютъ передъ именнымъ суффиксомъ *ло*, напримѣръ, *сѣдло*, *метла*.

Суффиксъ для означенія дѣтей *ищ*, замѣчаетъ г. Бѣлявскій, перешелъ въ русскомъ языкѣ въ суффиксъ именъ отечественныхъ *ич*, приставляемый обыкновенно къ суффиксамъ прилагательныхъ *ов*, *ев*. — Суффиксъ *ич* образуетъ не одни отечественныя имена въ тѣсномъ смыслѣ, но, присоединяясь и къ нарицательнымъ, означаетъ вообще происхожденіе лицъ мужескаго пола, напримѣръ, *поповичъ*, *королевичъ*, *родичъ*, *дѣдичъ*, *отчичъ*, *москвичъ*; притомъ онъ присоединяется часто, какъ видно изъ этихъ примѣровъ, не къ однимъ прилагательнымъ на *ов*, *ев*, но и прямо къ основѣ имени существ., даже иногда женскаго рода, какъ показываетъ слово *рабыничъ* въ лѣтописи. Эту форму умѣстно было бы сравнить съ гр. ιτης δης, ιδευς, съ лат., ita, icus, itius, на которыя указалъ еще Павскій (*Ф. Н.*, II, § 76).

По обозрѣніи окончаній множ. ч. всѣхъ склоненій, авторъ новой грамматики (стр. 52) обращаетъ вниманіе на сходныя въ нихъ формы и выводитъ справедливое заключеніе: «Слѣдовательно, во множ. числѣ окончанія, указывающія склоненіе и родъ, хотя тоже съ исключеніями, находятся только въ именит. сред. рода: *а*, *я* и въ род. муж. рода: *овъ*, *евъ*»: Здѣсь надобно было прибавить еще одно очень важное замѣчаніе, именно, что и именит. множ. числа въ сущности не имѣетъ окончаній, строго различаемыхъ по родамъ, ибо, какъ звуки *ы*, *и* часто придаются въ этой формѣ именамъ средняго р. (солнцы, яблоки), такъ и наоборотъ имена муж. р. чуть ли не по большей части оканчи-

ваются въ ней на *á*, *я́*. При этомъ слѣдовало бы конечно указать и на законъ, дѣйствующій въ послѣднемъ случаѣ и относящійся къ ударенію. Тутъ есть три неизмѣнныя правила: 1) именит. падежъ тѣхъ именъ муж. р., у которыхъ удареніе падаетъ на падежное окончаніе: *столъ*, *столá* и т. д., не можетъ въ имен. множ. оканчиваться иначе, какъ на *ы́*. 2) Не могутъ оканчиваться на *á*, *я́* и тѣ двух- и трехсложныя имена съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ въ именит. падежѣ ед. ч., которыя не перемѣняютъ акцента и во флексіяхъ; итакъ *стакáнъ*, *стакáны*. 3) Напротивъ, на *á*, *я́* въ именит. падежѣ множ. числа оканчиваются такія имена муж. р., которыя въ прямой формѣ ед. ч. носятъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ, а также и многія односложныя, принадлежащія къ вседневной рѣчи: *пáваръ*, *поварá*, *мáстеръ*, *мастерá*, *гóлосъ*, *голосá*, *учи́тель*, *учителя́*[1] и проч. Можетъ-быть, авторъ только въ этомъ курсѣ не хотѣлъ касаться ударенія и полагалъ отнести ученіе о немъ къ другому, высшему курсу грамматики; но въ такомъ взглядѣ и заключается существенное недоразумѣніе, потому что у насъ формы флексій тѣсно связаны съ удареніемъ или отсутствіемъ его въ окончаніяхъ.

Вслѣдъ за приведенными строками г. Бѣлявскій объясняетъ средство узнавать по род. падежу множ. ч. родъ именъ, неупотребительныхъ въ единственномъ. Есть однакожъ случаи, въ которыхъ этотъ способъ не можетъ оказать помощи, какъ, напримѣръ, относительно имени *сани*, род. множ. *саней*. Авторъ по примѣру прежнихъ грамматиковъ, причисляетъ это имя просто къ женскому роду, но есть признакъ для доказательства этого: надо образовать уменьшительную его форму, и тогда родъ ясно окажется: *санки*, *санокъ* (а не санковъ). При этомъ припоминается общее правило, о которомъ наши грамматики обыкновенно умалчиваютъ: при образованіи увелич. или уменьшительнаго родъ имени не измѣняется, несмотря на окончаніе суф-

[1] Подробнѣе объ этомъ см. выше, стр. 441.

фикса. Вотъ почему имена *домишко, домище, домина, мальчишка* — муж. р. Исключеній почти нѣтъ: къ числу немногихъ принадлежатъ: *сдѣлка, веселка, дрянцо́* (но есть и форма: *дрянцá*).

При исчисленіи суффиксовъ, служащихъ къ образованію прилагательныхъ, всѣ наши грамматики грѣшатъ тѣмъ, что не отдѣляютъ самыхъ распространенныхъ изъ нихъ отъ тѣхъ, которые имѣютъ болѣе частное примѣненіе. Отъ этого случилось, что г. Бѣлявскій (§ 120) совершенно упустилъ изъ виду самый главный изъ первыхъ, именно суффиксъ *н*, который и въ Исторической грамматикѣ г. Буслаева упоминается только мимоходомъ въ числѣ другихъ. Между тѣмъ онъ образуетъ наибольшее число качественныхъ прилагательныхъ и по способу присоединенія къ основамъ представляетъ множество любопытныхъ видоизмѣненій. Чтобы не входить здѣсь въ слишкомъ большія подробности, удовольствуюсь только примѣрами разныхъ категорій образованія посредствомъ суффикса *ный:* черный, важный, сильный, сердечный, чудесный, погребальный, хвалебный, сравнительный, огненный, чувственный. Къ образованію прилагательныхъ отъ иноязычныхъ словъ преимущественно служитъ этотъ же суффиксъ: элементарный, идеальный, деликатный, серіозный и проч. и проч. Онъ же въ нѣкоторыхъ случаяхъ и при дополнительныхъ слогахъ образуетъ прилагательныя относительныя: гостиный, лебединый, серебряный, нитяный (суффиксъ *яный* приведенъ и г. Бѣлявскимъ, но не какъ видоизмѣненіе другого болѣе общаго окончанія). Значеніе относительнаго прилагательнаго суффиксъ *н* сообщаетъ особенно подъ удареніемъ: родно́й, степно́й, временно́й. Далѣе онъ же, въ формѣ *ній*, образуетъ прилагательныя, означающія отношеніе къ пространству или времени: верхній, нижній, средній, древній и проч.

Упоминая объ окончаніяхъ прилагательныхъ, выражающихъ принадлежность лицу (§ 120, пунктъ 3), г. Бѣлявскій (опять по примѣру всѣхъ нашихъ грамматиковъ) вовсе умалчиваетъ о двойныхъ или двучленныхъ суффиксахъ *ов-скій* и *ин-скій*, служа-

щихъ къ образованію прилагат. относительныхъ, всего чаще личныхъ, напримѣръ: поповскій, петровскій, днѣпровскій, мартовскій, шемахинскій, маріинскій. Двучленный суффиксъ *овскій*, такъ же какъ и отдѣльныя части его (т. е. *овъ* и *скій*) послужилъ къ образованію множества русскихъ родовыхъ именъ, напримѣръ Соколовъ, Соколовскій; гораздо рѣже встрѣчается въ русскихъ именахъ этой категоріи суффиксъ *инскій* (Кульминскій, Ильинскій), хотя одно окончаніе *инъ* также весьма обыкновенно: *Свиньинъ*, *Пушкинъ*.

Въ статьѣ объ образованіи видовъ отъ глаголовъ первообразныхъ (§ 153) слишкомъ мало обращено вниманія на особый разрядъ глаголовъ, въ примѣръ которыхъ г. Бѣлявскій привелъ: *ползти*, *ползать* и *плыть*, *плавать*. Въ нихъ выставилъ онъ только то отличіе, что они, принимая примѣту *а*, «не заключаютъ въ себѣ понятія о давности», которое, по мнѣнію его, свойственно глаголамъ многократнаго вида: *ѣдать*, *пѣвать*, и проч. Въ первыхъ, прибавляетъ онъ, «понятіе о многократности дѣйствія переходитъ въ понятіе о дѣйствіи въ разныхъ направленіяхъ, потомъ о постоянныхъ занятіяхъ предмета, и, наконецъ, понятіе о дѣйствіи предмета переходитъ въ нихъ въ понятіе о свойствѣ: змѣя *ползетъ* (дѣйствіе), змѣя *ползаетъ* (свойство)». Здѣсь, во-первыхъ. не указанъ существенный признакъ значенія такихъ глаголовъ: всѣ они означаютъ не дѣйствіе вообще, а именно *движеніе*, движеніе разными способами: итти, ходить; бѣжать, бѣгать; плыть, плавать; ползти, ползать; катитъ, катать; летѣть, летать; валить, валять; ронить, ронять и пр. Во-вторыхъ, различіе этихъ формъ состоитъ совсѣмъ не въ различіи вида, а образуетъ совершенно особую категорію двоякихъ понятій: единство или разнообразіе направленія составляетъ, конечно, одну изъ чертъ этого различія, но что касается постоянства занятія и свойства, то это значеніе можетъ принадлежать и всѣмъ глаголамъ несовершеннаго вида. Въ выраженіи: *змѣя ползаетъ* сказуемое не болѣе означаетъ постоянство занятія или свойство, какъ въ такихъ фразахъ: «животное движется, дерево растетъ, земледѣлецъ пашетъ»

и т. п. Особенность *двоякихъ* глаголовъ *движенія* заключается въ томъ, что они въ одной формѣ означаютъ движеніе не только въ одномъ направленіи, но и въ *одинъ пріемъ*, а въ другой формѣ движеніе то въ разныхъ направленіяхъ, то безъ опредѣленной цѣли, то повторяющееся (учащательное), хотя и въ одномъ направленіи; напримѣръ, встрѣтивъ кого-нибудь на улицѣ, я спрошу его: *куда ты идешь?* а не *куда ты ходишь?* но могу спросить: «куда ты въ это время каждый день *ходишь* по этой дорогѣ?» Тутъ разумѣется одно направленіе, но имѣются въ виду разные пріемы (краты) и дѣйствіе повторяющееся. Далѣе, особенность этихъ глаголовъ состоитъ еще въ томъ, что они въ обѣихъ формахъ имѣютъ и настоящее и сложное будущее: я иду, я хожу, я буду итти, я буду ходить[1], чего не представляютъ глаголы, различающіеся по видамъ, напримѣръ: бросить и бросать, хватить и хватать. Слѣдовательно, въ первообразной формѣ своей двоякіе глаголы движенія должны быть разсматриваемы не въ главѣ о видахъ, а какъ совершенно отдѣльный разрядъ славянскаго глагола; образованіе видовъ отъ нихъ опять не подходитъ подъ общія правила, и въ этомъ отношеніи они также должны занимать свое особое мѣсто.

Говоря о дѣленіи глаголовъ на спряженія, г. Бѣлявскій, по старому обычаю нашихъ грамматиковъ, повторяетъ правило, что 1-е спряженіе отличается отъ 2-го по 2-му лицу единст. числа (§ 167, п. 2). Какъ причину принятія 2-го лица ед. ч. признакомъ отличія обоихъ спряженій (на *ешь* и *ишь*), г. Бѣлявскій приводитъ то, что этотъ признакъ *неясно виденъ* въ 1-мъ лицѣ: для

---

[1] Впрочемъ это свойство принадлежитъ и небольшому числу другихъ глаголовъ, которые означаютъ не движеніе, а нѣкоторыя дѣйствія, относящіяся къ зрѣнію и слуху, напримѣръ: видѣть и видать, слышать и слыхать, блестѣть и блистать, свистѣть и свистать. Но очевидно, что между обѣими формами этихъ глаголовъ нѣтъ того опредѣленнаго различія, какъ между глаголами движенія. Поэтому *Востоковъ* (Р. Грам. § 59) и *Павскій* (Ф. Н., Ш, § 22) напрасно соединили тѣ и другіе въ одну категорію, назвавъ ихъ: первый (т. е. Востоковъ) опредѣленными и неопредѣленными, и второй (Павскій) однообразными и разнообразными.

бóльшей ясности принято 2-е лицо ед. ч. Но чтó если это различіе еще *яснѣе* видно изъ другого лица? Не придется ли въ такомъ случаѣ отдать преимущество этому лицу? Такою формой является у насъ, какъ въ семитическихъ языкахъ, 3-е лицо, но не единств., а множ. числа. Доказать это не трудно. Возьмемъ сначала 2-е лицо ед. ч. По формамъ *можешь*, *берешь* (самимъ по себѣ) еще нé узнáешь 1-го лица ед. ч., ибо такъ же оканчиваются глаголы *мажешь*, *порешь*; но если взять формы *могутъ*, *берутъ*, *мажутъ*, *порютъ*, то 1-е лицо несомнѣнно образуется по этому: стóитъ только отбросить *тъ*. Такимъ образомъ получается форма; остается опредѣлить удареніе: указаніемъ ударенія служитъ неопредѣленное наклоненіе. На сходство ударенія въ 1-мъ лицѣ ед. ч. наст. врем. и неопр. наклоненія непремѣнно нужно обратить вниманіе въ учебникѣ, какъ на явленіе весьма характеристичное: *писáть*, *пишý*, *дремáть*, *дремлю́*, *люби́ть*, *люблю́*, тогда какъ другія лица того же времени въ исчисленныхъ здѣсь и очень многихъ другихъ глаголахъ отступаютъ отъ этого ударенія. Не сходятся въ этомъ отношеніи указанныя двѣ формы только въ такихъ глаголахъ, у которыхъ неопред. накл. односложное (напримѣръ, красть, крáду, класть, кладý), или которые оканчиваются на *чь* (беречь, берегу); но число тѣхъ и другихъ не велико, и отличіе ихъ ударенія не трудно уразумѣть[1].

Въ § 207 показаны глаголы, которые по однѣмъ формамъ относятся къ первому спряженію, по другимъ — ко второму. Здѣсь, въ пунктахъ 6-мъ и 7-мъ, приведены глаголы *дышать* и *слышать* съ такимъ замѣчаніемъ, что въ разговорномъ языкѣ первый принимаетъ иногда формы 2-го спряженія (дышишь), а второй—формы 1-го спряженія (слышешь). Если это бываетъ только иногда, то значитъ, что и наоборотъ, иногда, а можетъ быть и часто, слышится въ обоихъ случаяхъ правильная форма. Но которая же форма правильна? Конечно та, которая соотвѣт-

---

[1] Подробнѣе см. выше статью: «О спряженіи глагола и важности въ немъ ударенія».

ствуетъ общему закону спряженія, то-есть, форма на *ишь* (въ окончаніи *ать* послѣ шипящихъ, *а* замѣнию *ѣ*, а *ѣ* есть только видоизмѣненіе *и:* крич*ать*, какъ смотр*ѣть*, — *ишь*). Слѣдовательно, лучше было бы обратиться къ общему явленію, по которому въ глаголахъ окончаніе въ живой рѣчи слышится неправильно: не въ двухъ приведенныхъ глаголахъ только, но и во множествѣ другихъ произносятъ *ешь* вмѣсто *ишь*, и *утъ*, *ютъ* вмѣсто *атъ*, *ятъ*, и наоборотъ; напримѣръ, многіе говорятъ и ошибочно пишутъ: «онъ скажитъ, онъ пріѣдитъ, они хлопочатъ, надѣятся». Въ чемъ же сущность этого явленія? Въ неопредѣленности нашихъ неударяемыхъ гласныхъ: подобно тому, какъ смѣшиваются въ произношеніи *а* и *о*, — смѣшиваются равнымъ образомъ *е* и *и*, и это не въ однихъ глаголахъ: такъ же точно многіе ошибаются, когда пишутъ: цвѣточикъ, малинькій и т. п. Итакъ на это явленіе должно быть указано не въ той или другой, случайно выбранной, формѣ, а при общемъ разсмотрѣніи звуковъ, или въ отдѣлѣ правописанія.

Въ главѣ объ архаическомъ спряженіи нѣкоторыхъ глаголовъ (дамъ, ѣмъ,—вѣсть) опущенъ глаголъ *создать* съ его неправильными, но замѣчательными личными формами: *создамъ*, *создашь*. Надо было, сверхъ того, особо остановиться на глаголахъ: страдать—страждутъ, жаждать (вм. жадать) — жаждутъ, здать — зиждутъ, гнать—женутъ, зыбáть—зыблютъ, въ спряженіи которыхъ не одни ученики частехонько ошибаются, такъ что, напримѣръ, слышатся такія формы: изженить, зиждить, зыблить (послѣднія двѣ попали даже въ словарь Даля).

Въ указаніи состава и происхожденія словъ книга г. Бѣлявскаго вообще очень исправна. Вотъ, однакожъ, два не совсѣмъ вѣрныя указанія:

1) Въ предлогахъ *подлѣ* и *возлѣ* суффиксомъ означенъ слогъ *лѣ*. Древнія формы: подъль (также подоль, подолѣ, поздолѣ), подлъгъ (польск. podług), въдълѣ, въдолѣ (польск. vedle, vedług) открываютъ намъ въ основѣ этихъ предлоговъ корень *дл* (сущ. доль, длина), чѣмъ объясняется и составъ словъ *по-длинный*,

по-длинникъ, *по-длинно*. Такъ и первоначальная форма предлога *возлѣ*, какъ замѣтилъ Миклошичъ, должна быть *въздлѣ*.

2) Нарѣчія *вонъ* и *внѣ* раздѣлены такъ: *в-он-ъ*, *в-н-ѣ*, и при послѣднемъ поставлено въ скобкахъ *въ онь*. Конечно, г. Бѣлявскій не первый такимъ образомъ разлагаетъ эти частицы, но едва ли не основательнѣе Поттъ, а за нимъ и Миклошичъ, сближаютъ ихъ съ санскр. winâ, древне-прусск. winna почти того же значенія. Этимъ замѣчаніемъ я не хочу сказать, чтобы слѣдовало вводить въ учебники подобныя сравненія, но лучше вовсе не объяснять происхожденія словъ, нежели давать объясненіе невѣрное или даже сомнительное.

Указавъ на эти частности въ грамматикѣ г. Бѣлявскаго, повторю въ заключеніе то, что высказано уже въ началѣ настоящей замѣтки, то-есть, что этотъ трудъ обращаетъ на себя вниманіе какъ по новой идеѣ, положенной въ основу его, такъ и по ея исполненію.

КЪ ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНІИ ПОДЛЕЖАЩАГО ВЪ ПРЕДЛОЖЕНІИ.

Учитель Корочанской Александровской прогимназіи (Курской губерніи) А. А. Дмитревскій напечаталъ въ *Филологическихъ Запискахъ* двѣ статьи о составѣ предложенія[1], а вслѣдъ за тѣмъ началъ тамъ же помѣщать «Опытъ учебника русскаго синтаксиса». Обѣ предшествовавшія этому статьи доставлены авторомъ, въ видѣ особыхъ оттисковъ, во второе Отдѣленіе Академіи наукъ съ просьбой разсмотрѣть ихъ и дать о мысляхъ г. Дмитревскаго свой отзывъ.

Нельзя не радоваться, когда преподаватели отечественнаго языка, не довольствуясь старою рутиной, подвергаютъ серьёзной повѣркѣ установившіеся взгляды, и результаты такого пересмотра излагаютъ въ самостоятельныхъ изслѣдованіяхъ. Поэтому мы съ полнымъ сочувствіемъ встрѣтили трудъ г. Дмитревскаго и охотно приняли на себя исполненіе его желанія. Въ чемъ же заключаются новыя мысли, проводимыя г. Дмитревскимъ? Съ одной стороны, онъ присоединяется къ тѣмъ педагогамъ, которые, будучи сбиты съ толку неудачнымъ опредѣленіемъ подлежащаго («то, о чемъ говорится»), считаютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможнымъ принимать за него имя сущ. въ косвенныхъ падежахъ; съ другой, встрѣчая въ рѣчи

[1] «Практическія замѣтки о русскомъ синтаксисѣ» въ 1878 году и «Еще нѣсколько словъ о второстепенности подлежащаго» въ 1879.

множество безличныхъ предложеній, изъ которыхъ иныя даже не носятъ на себѣ никакого признака подлежащаго (напр. нельзя, пошелъ, угостили), г. Дмитревскій пришелъ къ убѣжденію, что подлежащее не можетъ считаться однимъ изъ главныхъ членовъ предложенія, а должно быть низведено въ разрядъ второстепенныхъ, и именно *дополненій*. Это, по мнѣнію автора брошюръ, — главное дополненіе сказуемаго, но не болѣе. Въ подкрѣпленіе своей мысли, желая всячески унизить роль подлежащаго, онъ старается какъ можно выше поставить безличное предложеніе, входитъ въ весьма произвольныя толкованія о постепенномъ развитіи человѣческой рѣчи и между прочимъ оспариваетъ неопровержимое замѣчаніе г. Буслаева, что такъ называемый безличный глаголъ имѣетъ грамматическое подлежащее либо въ своемъ личномъ окончаніи (темнѣ*тъ*, смеркае*тся*), либо, какъ въ другихъ языкахъ, — въ неопредѣленномъ мѣстоименіи (il pleut, man sagt). Г. Дмитревскій не признаетъ существеннымъ даже того возраженія, что каждый глаголъ въ личной формѣ уже самъ по себѣ заключаетъ или соединяетъ въ себѣ, вмѣстѣ съ сказуемымъ, и подлежащее, такъ какъ личныя окончанія первоначально были мѣстоименіями. Чтобы опрокинуть эту неоспоримую истину, онъ прибѣгаетъ къ странному предположенію, что мѣстоименные суффиксы глагола присоединились къ нему не въ прямой, а въ косвенной формѣ, т. е., что напр. въ формѣ: ѣ*мъ* или да*мъ* окончаніе *м* означаетъ не *я*, а *мнѣ* или *меня!*

Для каждаго, кто посмотритъ на дѣло безъ предубѣжденія, совершенно ясно, что не только когда въ безличномъ предложеніи сказуемое выражено своею главною формой — глаголомъ, но и тогда, когда выразителемъ его служитъ прилагательное въ среднемъ родѣ, напр. *должно*, *тепло*, *холодно*, самое окончаніе формы этого сказуемаго уже указываетъ на какой-то предполагаемый въ умѣ, хотя и не высказываемый, и даже опредѣленно не мыслимый, субъектъ. Когда мы говоримъ: *свѣтаетъ*, *морозило*, то въ сущности логическимъ субъектомъ служатъ

предметныя понятія *свѣтъ*, *морозъ*, которыя, будучи представляемы дѣятелями, получили въ языкѣ форму глаголовъ[1]; грамматическими же субъектами такихъ сказуемыхъ служитъ то нѣчто, которое выражается въ окончаніяхъ безличныхъ глаголовъ. Важныя недоразумѣнія въ наблюденіяхъ надъ языкомъ происходятъ отъ смѣшенія логическихъ началъ съ грамматическими. По логическому смыслу предложенія, понятіе, выраженное подлежащимъ, можетъ дѣйствительно гораздо менѣе значить нежели то, которое заключается наприм. въ косвенномъ дополненіи, но грамматика имѣетъ свои законы и требованія. Г. Дмитревскій самъ сознаетъ разницу обѣихъ точекъ зрѣнія[2], и однакожъ онъ между прочимъ такъ разсуждаетъ: «Скажетъ ли г. Миловидовъ, что въ предложеніяхъ: *собака лаетъ на вора*, *птица летитъ отъ охотника*, *ученики шумятъ безъ учителя*, собака, птица, ученики есть единственные виновники, творцы дѣйствія сказуемаго и что это дѣйствіе явилось благодаря единственно желанію первой полаять, второй полетать, третьихъ пошумѣть? И воръ вѣдь не меньше, если не больше собаки, виновникъ лая; охотникъ, а не одно желаніе птицы, причина ея полета; не хорошо, что шумять ученики, да и учитель не безвиненъ, если оставилъ учениковъ однихъ» и т. д. Не очевидно ли изъ этого примѣра, что авторъ смѣшиваетъ житейскія условія и логическія отношенія съ грамматическими?

Когда безличное сказуемое заключается въ словѣ, не представляющемъ никакихъ признаковъ подлежащаго, напр. *нельзя*, *пора*, то понятно, что тутъ опущенъ глаголъ *есть*, который необходимо является въ прошедшемъ и будущемъ времени (было, будетъ). Такого опущенія не допускаетъ г. Дмитревскій и вообще, когда сказуемымъ служитъ имя безъ глагола: по его мнѣ-

---

[1] Это всего яснѣе изъ сравненія такихъ безличныхъ глаголовъ, какъ il pleut, il neige, es regnet, es schneit, съ русскими выраженіями: дождь идетъ, снѣгъ идетъ.

[2] См. его статью «Еще нѣсколько словъ о второстепенности подлежащаго», стр. 6—9.

нію, имя въ такомъ случаѣ получаетъ «вербальную форму или спрягаемость и само въ себѣ заключаетъ уже признакъ настоящаго времени». Ему не приходитъ на мысль, что еслибъ имя само въ себѣ вмѣщало понятіе настоящаго, то оно не могло бы уже терпѣть при себѣ глагола ни въ прошедшемъ, ни въ будущемъ времени. Можно ли, не грѣша противъ здраваго смысла, отрицать, что когда мы говоримъ напр. *земля планета*, то мы въ умѣ своемъ соединяемъ эти два понятія не высказываемымъ утвержденіемъ *есть?* По мнѣнію г. Дмитревскаго, выраженія: *земля планета* и *земля есть планета* не однозначащи: любопытно было бы услышать, въ чемъ же собственно заключается полагаемая между ними разница? Возставая противъ рутинныхъ объясненій, авторъ не замѣчаетъ, что самъ подчиняется предубѣжденію, которое съ недавняго времени стало распространяться въ преподаваніи русскаго языка, именно взгляду, будто никакого способа выраженія нельзя объяснить подразумѣваемыми словами. Конечно, нельзя утверждать, будто для пополненія того или другого идіотизма необходимо подставить именно такое-то слово, но неоспоримо, что въ русскомъ предложеніи очень часто встрѣчается недосказанная мысль. Вслѣдствіе разныхъ особенностей языка, а также и по самому характеру русскаго ума, наша народная рѣчь особенно богата эллиптическими оборотами. Примѣровъ можно найти множество въ пословицахъ, въ басняхъ Крылова, въ комедіяхъ Островскаго и проч.

Одно изъ главныхъ основаній для признанія подлежащаго дополненіемъ г. Дмитревскій видитъ въ томъ, что именительный падежъ, наравнѣ съ другими падежами, принадлежитъ къ склоненію, слѣдовательно онъ, будто бы и въ синтаксическомъ отношеніи, однороденъ съ ними. До какого абсурда такой взглядъ доводитъ наконецъ автора, становится всего виднѣе въ его опытѣ синтаксиса, гдѣ отношеніе сказуемаго къ подлежащему оказывается вмѣстѣ и управленіемъ и согласованіемъ. Въ параграфѣ озаглавленномъ: *Управленіе словъ*, говорится, что подлежащимъ управляетъ сказуемое, а въ слѣдующемъ за тѣмъ параграфѣ о

согласованіи замѣчено: «Подлежащее, находясь подъ управленіемъ сказуемаго, часто и само оказываетъ на него вліяніе, выражающееся въ согласованіи сказуемаго съ подлежащимъ». Такимъ образомъ выходитъ, что сказуемое и управляетъ подлежащимъ, и согласуется съ нимъ: именительный падежъ причисленъ къ управляемымъ.

Къ утвержденію г. Дмитревскаго въ его взглядѣ на подлежащее способствовало наблюденіе, что когда оно выражено не словомъ, а цѣлымъ предложеніемъ, то это предложеніе безспорно (?) признается дополнительнымъ. Напр. въ стихѣ Крылова:

«Извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ»,

второе предложеніе считается дополнительнымъ; оно отвѣчаетъ на вопросъ: что извѣстно? и замѣняетъ именительный падежъ, въ которомъ могло бы стоять существительное *диковинность* или *рѣдкость* (слоновъ). Слѣдовательно и это существ. имя, или простое подлежащее не что иное, какъ дополненіе сказуемаго.

Повидимому, выводъ получился совершенно правильный, но дѣло въ томъ, что какъ скоро подлежащее замѣнено предложеніемъ, то это послѣднее не можетъ быть соединено съ другимъ (сказуемымъ) иначе, какъ посредствомъ союза, въ настоящемъ случаѣ союза *что*, и вотъ причина, почему подлежащее обратилось въ придаточное предложеніе; но это предложеніе служитъ не дополненіемъ сказуемому *извѣстно*, а опредѣленіемъ или поясненіемъ, развитіемъ подразумѣваемаго подлежащаго заключающагося въ указательномъ мѣстоименіи *то*. Здѣсь имѣется случай, очень близкій къ тому, который самъ г. Дмитревскій приводитъ въ доказательство, что сказуемое, какъ слово, не можетъ быть замѣняемо придаточнымъ сказуемымъ предложеніемъ. Именно, тутъ онъ опирается на слова г. Буслаева: «Въ предложеніи *Истинно благотворительный человѣкъ есть тотъ, который дѣлаетъ добро не изъ тщеславія*, придаточное служитъ опредѣленіемъ не цѣлому сказуемому *есть тотъ* и не глаголу *есть*, а

подразумѣваемому слову *человѣкъ* при опредѣлительномъ *тотъ*, т. е. тотъ человѣкъ, который и т. д.». Такимъ же образомъ и придаточное предложеніе, которое становится на мѣсто подлежащаго, служитъ, по крайней мѣрѣ иногда, опредѣленіемъ опущеннаго, или и прямо выраженнаго подлежащаго *то*. Мы имѣемъ тутъ дѣло съ особенной категоріей придаточнаго предложенія, на которую въ нашемъ синтаксисѣ еще не было обращаемо достаточнаго вниманія, но которая требовала бы основательнаго разъясненія. Когда мы говоримъ: «*До какой степени это важно*, видно изъ того, что оно стало извѣстно», или: «Желательно, *чтобъ онъ пришелъ*», или: «*Что онъ боленъ*, это доказывается его отсутствіемъ», неужели подчеркнутыя предложенія суть дополненія сказуемыхъ: видно, желательно, доказывается? Нѣтъ, эти предложенія служатъ опредѣлительными, а иногда, можетъ быть, и дополнительными или обстоятельственными словами подлежащаго *то* или *это*, высказаннаго, или подразумѣваемаго, точно такъ же какъ въ первомъ примѣрѣ выраженіе: «что оно стало извѣстно» составляетъ опредѣленіе слова *того*. Это опредѣленіе, присоединяемое къ опредѣляемому посредствомъ союза *что*, конечно не подходитъ подъ тѣ виды опредѣленія, которыми до сихъ поръ ограничивалось понятіе этого члена предложенія, но едва ли можно во многихъ случаяхъ подвести такое поясненіе указательнаго мѣстоименія подъ какую-либо другую категорію. Мы приходимъ къ заключенію, что когда подлежащее состоитъ изъ цѣлаго предложенія, то въ синтаксическомъ разборѣ и надобно говорить о немъ какъ о *подлежащемъ выраженномъ въ формѣ придаточнаго предложенія такого-то*.

Сказаннаго повидимому достаточно, чтобы убѣдить всякаго въ несостоятельности теоріи, которою г. Дмитревскій думаетъ вытѣснить утвержденное вѣками пониманіе подлежащаго. Очень жаль, что нѣкоторыя дѣльныя замѣчанія, разсѣянныя въ его статьяхъ, заслоняются такимъ крупнымъ парадоксомъ, который неминуемо подрываетъ довѣріе ко всему его труду.

О НАЗВАНІЯХЪ АИСТА ВЪ РОССІИ[1].

Нелегко опредѣлить происхожденіе слова *аистъ*. Подъ аистомъ, вообще говоря, разумѣютъ у нась *чернаго* аиста, который водится почти во всей Европейской Россіи, — за исключеніемъ лишь западныхъ губерній,—до крайняго сѣвера, а равно и по всей Сибири. *Бѣлый* аистъ, имѣющій свое особое названіе, *бусель*, встрѣчается только на западѣ и югѣ Европейской Россіи, да на Амурѣ, а въ Сибири его нѣтъ. (Замѣчанія Л. И. Шренка на Словарь Даля въ *Сб. Отд. р. яз. и сл.*, т. VII, № 10, стр. 71. Въ Словарѣ Даля ошибочно сказано, будто «черный аистъ у насъ не водится»). Къ означеннымъ здѣсь предѣламъ нахожденія аиста надобно причислить и низовья Дона, откуда Петръ Великій выписывалъ эту птицу, какъ видно изъ переписки его съ воронежскимъ губернаторомъ Колычевымъ[2]. Въ словарѣ Линде находимъ hajstra со ссылкою на русск. *аистъ*, съ поясненіемъ, что польское слово (впрочемъ не общеупотребительное въ языкѣ) означаетъ большую птицу сѣраго цвѣта, и съ цитатою, что этимъ именемъ неспра-

---

[1] Въ 1-мъ изданіи *Филологическихъ Разысканій* имя *аистъ* помѣщено было въ ряду другихъ словъ, извлеченныхъ изъ моего собранія этимологическихъ объясненій. Запасъ матеріаловъ, доставленныхъ мнѣ прежде для разсмотрѣнія этого слова А. А. Куникомъ и послужившихъ основаніемъ для тогдашней моей замѣтки, съ тѣхъ поръ еще значительно увеличился новыми, которые нашъ неутомимый изслѣдователь продолжалъ собирать между прочимъ въ перепискѣ съ голландскими учеными, и вслѣдствіе того статья эта получила такіе размѣры, что должна была занять особое мѣсто.

[2] Матеріалы Военно-ученаго архива Гл. Штаба. Т. I, Спб. 1871, стр. 50.

ведливо называютъ породу чернаго цвѣта. Штраленбергъ напротивъ пишетъ: «Такихъ какъ въ Европѣ птицъ этой породы (Störche) я въ Сибири совсѣмъ не видалъ; но *черныхъ* съ красными носами и ногами, называемыхъ Agyst или Cara-Tschilan, у которыхъ перья имѣютъ почти такой же блескъ, какъ у павлиновъ, тамъ водится довольно» (Das Nord- u. Ostliche Theil von Europa u. Asia. Stockh. 1730, p. 421). Большая часть нынѣшнихъ славянскихъ народовъ употребляютъ для названія этой птицы разныя формы приведеннаго выше слова *бусель* (или *бочанъ*, см. у Линде Bocian[1]). У нѣкоторыхъ привилось въ различныхъ же видоизмѣненіяхъ германское Storch, которое и въ русскомъ приняло форму *стерхъ* (словарь Даля), а въ ц.-сл. *стръкъ* (Вост.). По мнѣнію А. А. Куника, Славяне потому не имѣютъ общаго названія для этой птицы, что она всегда водилась только въ нѣкоторой части ихъ первобытныхъ жилищъ въ Россіи.

По наблюденіямъ естествоиспытателей, многія птицы у насъ отлетаютъ, для вывода птенцовъ, все далѣе на сѣверъ. Къ этому побуждаетъ ихъ недостатокъ корма, происходящій отъ истребленія лѣсовъ и осушки болотъ. Относительно аиста можно указать на любопытные факты. Въ ливонской хроникѣ Франца Нюэнстедта разсказано по поводу переговоровъ съ находившимся въ Ригѣ королемъ Стефаномъ Баторіемъ: «Когда въ 1582 году рыцарство совѣщалось въ домѣ Ганса Баумана, на крышу его, къ общему удивленію, сѣло нѣсколько аистовъ, которыхъ не видали въ Лифляндіи, какъ за много лѣтъ до того, такъ и послѣ[2]». Профессоръ Гревингъ (изъ Дерпта), помнитъ, что 50 лѣтъ тому назадъ по сю сторону Риги аистовъ не бывало, теперь же крайнюю

---

[1] Въ юго-западныхъ губерніяхъ его называютъ *чайстеръ*, *чернохвостъ*, *бусель птица*; въ Полтавской — *лелёка*, въ Малороссіи и на Терекѣ — *бочанъ*, *неклейка*, въ Астраханской—*колпикъ*. (*Вѣстникъ естественныхъ наукъ*, М. 1854. № 1, стр. 7 и 8). Можно прибавить еще люнебургско-вендское bütjan, лит. busitas. Лит. ботаникъ Iundzill приводитъ еще bodziszek для означенія geranium (Куникъ). По удостовѣренію К. Ѳ. Кесслера, въ Астрахани подъ названіемъ «аистъ» разумѣютъ особую породу бѣлорыбицы. (1). См. примѣчанія въ концѣ настоящей статьи.

[2] Monumenta Livoniae antiquae. II, 85. Riga 1839.

черту ихъ переселенія въ Лифляндіи составляетъ городъ Валькъ. Въ болотистомъ Бѣлорусскомъ краю аисты всегда находили кормъ въ изобиліи. На дворѣ монастыря св. Евфросиніи стоитъ старая, высокая липа, на которой уже по меньшей мѣрѣ лѣтъ 30 гнѣздятся аисты. И въ окрестностяхъ Полоцка бываетъ ихъ много; напротивъ, они уже болѣе не показываются около Витебска.

Что касается самаго имени *аистъ*, то уже по первой буквѣ его, столь рѣдкой въ началѣ славянскихъ словъ, можно заключить о его иноземномъ происхожденіи. Не принимая на себя рѣшенія труднаго вопроса, откуда именно оно могло взяться, обратимся къ другому названію той же птицы, которое на разстояніи нѣсколькихъ вѣковъ два раза является въ памятникахъ русской исторіи и начало котораго легче опредѣлить.

Извѣстно, что Константинъ Багрянородный, приводя древнія названія днѣпровскихъ пороговъ на двухъ языкахъ: россномъ (т. е. норманскомъ) и славянскомъ, говоритъ что четвертый изъ нихъ, главный, называется по-росски Ἀειφάρ, а по-славянски Νεασήτ, потому что въ камняхъ его гнѣздятся «πελεκάνοι». Изъ поясненія Константина Багрянороднаго слѣдовало бы заключить, что подъ ἀειφάρ надобно разумѣть не аиста, а пеликана, или какую-либо другую водяную птицу. Но пеликанъ не былъ извѣстенъ Норманнамъ, и они, естественно, назвали порогъ по имени сходной птицы (2), у которой также длинный, хотя совершенно другой клювъ и которая похожа на пеликана и по цвѣту своихъ перьевъ, подобно какъ смѣшиваютъ между собой равнымъ образомъ аистовъ и журавлей[1]. Какъ имя *аиста* могло явиться на мѣсто другого, объясняется географическимъ распространеніемъ этой птицы, которое довольно близко сходится съ областью распространенія бука. У Балтійскаго моря пеликанъ не является даже въ видѣ перелетной птицы, да и самый аистъ (т. е. ciconia alba) едва ли доходитъ на сѣверъ далѣе южной Швеціи[2]. Пора-

---

[1] Такъ растеніе geranium называется по-нѣмецки Storchschnabel.

[2] См. Ornithologia Svecica, autore Sv. Nilsson. Pars posterior. Havniae 1821. Стр. 31—33 и 47.

зительную аналогію представляетъ свидѣтельство македонскаго грека Никоклиса, который говоритъ, что нынѣшніе Греки въ Эпирѣ и Македоніи называютъ аиста не πελαργός, а πελεκάνος[1]. Подъ именемъ *неясыть* (древ.-сл. неꙗсыть), по мнѣнію А. А. Куника, должно разумѣть не иное что какъ пеликана или развѣ какой-нибудь видъ коршуна[2]; но по всей вѣроятности именно *пеликана* (котораго двѣ породы водятся у Чернаго моря), такъ какъ это слово еще осталось въ употребленіи у отдѣльныхъ славянскихъ народовъ. Это отчасти подтверждается и именемъ ἀειφάρ, потому что коршунъ могъ бы быть названъ какимъ-нибудь чисто норманскимъ словомъ.

Остановимся теперь на самомъ имени ἀειφάρ, которому нѣтъ созвучнаго слова въ древне-норвежскомъ (норренскомъ или исландскомъ) языкѣ, но которое давно уже объясняютъ голландскимъ словомъ, означающимъ аиста. Это слово, въ разныхъ видоизмѣненіяхъ своей первоначальной формы, встрѣчается у многихъ нижнегерманскихъ народовъ, живущихъ при Сѣверномъ (Нѣмецкомъ) морѣ. Соотвѣтствующее ему слышится и теперь въ нижнегерманскомъ (plattdeutsch) — âbêr (съ удар. на послѣднемъ слогѣ). Въ нынѣшнемъ голландскомъ языкѣ аистъ называется ôievâr, произн. ujefar (3). Гриммъ въ словарѣ своемъ помѣстилъ adebär, какъ слово не только принадлежащее нижнегерманскому, но встрѣчающееся и въ древне-верхненѣмецкомъ весьма древнее слово, и приводитъ разныя формы его (между прочимъ otivaro, otfer). Онъ думаетъ, что это названіе (вторая половина котораго bär, bero, по его мнѣнію, зн. *носитель*) находится въ связи съ

---

[1] De Albanensium origine et prosapia. Dissertatio inauguralis quam scripsit Nicolaus Nikokles, Graecus Kozanae Macedoniae urbe natus. Göttingae 1855. 8⁰. Стр. 57.

[2] *Неясыть* въ библіи иногда употребляется въ значеніи коршуна (γῦψ). Въ словарѣ Зизанія при словѣ *неясыть* сказано: «по грецку пелеканъ птахъ есть въ Египтѣ, подобный бусюлови». Въ другомъ же азбуковникѣ оно объяснено такъ: «птица подобна журавлю, а творитъ себѣ гнѣздо на высокихъ древѣхъ или камнѣхъ, или столбѣхъ» и проч. (Сахарова *Сказанія р. н.*, т. II, стр. 128 и 173).

повѣрьемъ, что аистъ приноситъ въ домъ счастье и дѣтей[1]. Какъ бы ни было, по этимъ даннымъ нѣтъ основанія отрицать существованіе слова aifar, ἀειφάρ (визант. $\varepsilon\iota = \iota$) въ 10-мъ столѣтіи, хотя и трудно объяснить, какъ оно тогда уже явилось у Норманновъ въ этой сокращенной формѣ.

Всего вѣроятнѣе, что прибалтійскіе Шведы или Готландцы усвоили себѣ это названіе въ нынѣшней Голландіи. Около середины 9-го столѣтія (830—850 г.) Шведы, для торговыхъ и другихъ мирныхъ цѣлей, часто отправлялись съ озера Меларa въ знаменитый тогдашній городъ Дорстадтъ (нынѣшній Wyk te Duerstede въ Голландіи[2]). Такъ какъ и у Нидерландцевъ, и у Нижнихъ Саксовъ, нерѣдко выпадаетъ *д* между двухъ гласныхъ (что свойственно и другимъ согласнымъ), то такое явленіе могло мѣстами произойти уже рано.

Къ подтвержденію достовѣрности разсматриваемаго нижнегерманскаго слова, занесеннаго къ намъ Скандинавами, служитъ и то, что въ началѣ прошлаго вѣка оно снова является въ спискѣ кораблей, построенныхъ Петромъ Великимъ въ Воронежѣ при помощи голландскихъ мастеровъ. Означая многія суда голландскими названіями животныхъ и птицъ, онъ одному далъ имя *Ойфаръ* или *Айфаръ*, совершенно отвѣчающее съ одной стороны вышеприведенному нынѣшнему голландскому слову, а съ другой — скандинавскому названію порога, упоминаемому Константиномъ Багрянороднымъ, но безъ всякаго сомнѣнія оставшемуся неизвѣстнымъ Петру Великому (4).

Лербергъ въ своихъ «Изслѣдованіяхъ» даетъ слову ἀειφάρ символическое значеніе, пріурочивая это названіе къ исландскому прилаг. aefr (fervidus), но онъ конечно не поступилъ бы такъ, если бъ ему знакомо было названіе петровскаго ко-

---

[1] Deutsches Wb., т. I, стр. 176. Sparschuh Berichtigungen zu Grimms Gesch. d. deutsch. Sprache, Mainz 1850, стр. 99 видитъ въ словѣ adebar кельтское происхожденіе.

[2] См. Vita Anskarii, Cap. 20. 27. S. 24. — Впослѣдствіи Шведы, для означенія аиста, заимствовали нѣмецкое слово stork-an.

рабля[1]. Точно такъ же и славянскаго слова *неясыть* нельзя принимать въ фигуральномъ смыслѣ, хотя по народному представленію нынѣшнее названіе того же порога (Ненасытецъ, Ненастынскій[2]) и имѣетъ такое значеніе. О названіи ἀειφάρ Струбе говоритъ: «on a droit, selon moi, de juger que les pélicans n'étant point connus dans les régions du Nord et n'ayant par cette raison point eu de nom dans les langues boréales, les Russes (т. е. Норманны) auront mis à sa place celui *d'une autre espèce d'oiseaux aquatiques*, tels que les *cicognes* que dénote le mot *aïévar ou oïevar* conservé dans les dialectes tudesques (on trouve ce mot dans tous les dictionnaires hollandais) et qui revenaient ainsi par leur genre et sous l'idée que les Russes y attachaient, aux pélicans des Esclavons»[3].

Въ недавно напечатанномъ трудѣ: «О мнимомъ призваніи Варяговъ»[4] г. Иловайскій между прочимъ утверждаетъ, что *русскія* названія пороговъ у Константина Багрянороднаго должны быть также объясняемы славянскими а не норманскими словами, т. е., иначе говоря,—что византійскій императоръ приводитъ названія днѣпровскихъ пороговъ на двухъ разныхъ нарѣчіяхъ славянскаго языка. Къ сожалѣнію, авторъ, сознавая, что «не мало эрудиціи было потрачено скандинавскою школой, чтобы *русскія*[5] названія объяснить при помощи почти всѣхъ сѣверо-германскихъ нарѣчій»,

---

[1] То же можно сказать объ авторѣ книги: «The relations between ancient Russia and Scandinavia и пр. Oxford, 1877», появившейся послѣ напечатанія настоящей статьи во 2-мъ изданіи *Филолог. Разысканій*. Г. Томсенъ, поправляя Лерберга, указываетъ на прилагательное *Aiforr*, исл. *Eyforr* всегда стремительный, semper praeceps, что слѣдовательно въ утвердительной формѣ выражало бы почти то же, что славянское слово (Ненасытецъ) означаетъ отрицательно. Въ недавно вышедшемъ шведскомъ изданіи этой книги («Ryska rikets grundläggning» и пр., Stockh. 1882), переводчикъ г. Сäдербергъ отвергаетъ это толкованіе и вмѣсто того предлагаетъ швед. Aifar всегда недостаточный (такъ какъ порогъ всегда страдаетъ недостаткомъ воды), отъ слова far — недостающій. Ясно, что оба предположенія лишены основанія.

[2] См. Шафарика *Слав. древности*, т. II, кн. 1, стр. 234.

[3] Dissertation sur les anciens Russes. St. Pétersburg, 1785.

[4] *Русск. Вѣстн.* 1871 г., ноябрь и декабрь.

[5] То-есть предполагаемыя скандинавскія.

не счелъ нужнымъ противопоставить тому соразмѣрную долю эрудиціи и употребить истинно-научные пріемы для опроверженія столь тщательно-выработанныхъ въ теченіе цѣлаго почти столѣтія доводовъ скандинавской школы. Необходимо было бы для этого, какъ водится въ наукѣ, подвергнуть основательному разбору каждое изъ толкованій, установившихъ убѣжденіе въ германскомъ составѣ такъ называемыхъ Константиномъ *россскихъ* наименованій пороговъ. Необходимо было бы имѣть въ виду, что его двоякія названія должны отвѣчать одно другому по значенію, и что если объясненіе нѣкоторыхъ изъ нихъ до сихъ поръ остаются неудовлетворительными, за то другія (какъ напр. третьяго порога Γελανδρί=Звонецъ) до очевидности несомнѣнны. Что же вмѣсто этого дѣлаетъ г. Иловайскій? Онъ «для образца этихъ объясненій приводитъ толкованіе перваго русскаго названія, то есть Ульворси или Ульборси (Οὐλβορσί)», отвергаетъ весьма удачное во всѣхъ отношеніяхъ возстановленіе этого слова (Holmfors, Островной порогъ), вполнѣ соотвѣтствующее славянскому названію Островьный прагъ (Ὀστροβουνίπραχ), и въ замѣнъ перваго толкованія предлагаетъ другое славянское же составное слово *Холмоборы* (*Холмогоры*) или, держась ближе къ тексту, Вулборы, т. е. Вулнборы, гдѣ первая половина слова будетъ то же что въ названіи Вулнипрагъ (или въ позднѣйшемъ Вулнѣгъ). Корень *ул*, продолжаетъ онъ, существуетъ въ названіи рѣки *Ула*. Итакъ, какая нужда отыскивать его непремѣнно въ Скандинавіи? А можетъ-быть Улборси совсѣмъ и не означаетъ тоже самое что Островунипрагъ. (Въ Минской губерніи есть р. *Уборть*, можетъ быть сокращеніе изъ *Ульборть*)». Ясно, что г. Иловайскій увлекается предвзятою идеей, которая здѣсь вовсе не идетъ къ дѣлу: положимъ, что новгородскіе Славяне и дѣйствительно не призывали Руси изъ Скандинавіи; но что Норманны ѣздили по Днѣпру въ Царьградъ, остается неопровержимымъ фактомъ, а въ такомъ случаѣ естественно было имъ наименовать пороги по-своему, переводя туземныя названія на родной языкъ. «Гдѣ же и когда такъ бывало?» спрашиваетъ г. Иловайскій: «географическія имена не

переводятся (если и можно найти тому примѣры, то очень немногіе, и отнюдь не въ такомъ количествѣ за разъ и не въ такомъ систематическомъ порядкѣ); вновь поселяющійся народъ обыкновенно или принимаетъ уже существующія названія, видоизмѣняя ихъ по своему выговору, или даетъ свои собственныя[1]». Здѣсь г. Иловайскій поневолѣ дѣлаетъ уступки тому, что самъ онъ въ то же время рѣзко отрицаетъ. Если фактъ перевода мѣстныхъ именъ имъ допущенъ, то трудно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ положить тому предѣлы. Выше, на стр. 265—267 нашей книги, приведено довольно много примѣровъ такого обычая, весьма часто встрѣчающагося въ предѣлахъ русскаго государства. Можно отыскать ихъ еще гораздо болѣе: такъ многія мѣстности Ижорскаго края носили двоякія, по значенію соотвѣтственныя названія на финскомъ и русскомъ языкахъ (Koivusaari, Березовый островъ), къ которымъ иногда присоединялось еще и шведское, переводное же (Björkö): крѣпость Орѣшекъ извѣстна была у Финновъ подъ именемъ Pähkinä-linna, у Шведовъ—Nöteborg (ф. pähkinä, шв. nöt = орѣхъ). Такимъ образомъ г. Иловайскій, отвергая весьма обыкновенный фактъ двоякаго названія одной и той же мѣстности однозначащими именами на различныхъ языкахъ, въ замѣнъ того предлагаетъ не встрѣчающееся въ области географіи явленіе, по которому мѣсто носило бы на двухъ нарѣчіяхъ одного и того же языка (славянскаго въ данномъ случаѣ) названія, не имѣющія между собою ничего *общаго*.

Послѣ этого отступленія, вызваннаго древнимъ названіемъ одного изъ днѣпровскихъ пороговъ, возвратимся къ нынѣшнему слову *аистъ*. Есть ли какая-нибудь этимологическая связь между нимъ и нижнегерманскимъ именемъ, случайно ли только созвучіе

---

[1] Только мимоходомъ упомяну о такомъ же взглядѣ г. Юргевича, который съ большими натяжками объясняетъ *россія* названія пороговъ заимствованіями изъ «венгерскаго» (мадьярскаго) языка, и напр. въ имени Айфаръ видитъ венгерское Héja-var = зáмокъ коршуновъ (*Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др.*, т. VI, стр. 63).

перваго слога въ томъ и въ другомъ, на этотъ вопросъ трудно отвѣчать положительно. Польская форма hajstra, южно-русская *гайстеръ* представляютъ еще и въ послѣднемъ слогѣ точку сближенія: только среднія согласныя не сходятся съ согласными b и f въ формахъ нижнегерманскихъ. Но судя по тому, что слово *аистъ* довольно распространено съ одной стороны въ югозападныхъ губерніяхъ Европейской Россіи, а съ другой въ Сибири, невольно склоняешся къ предположенію, не кроется ли въ немъ восточное начало. Такимъ образомъ происхожденіе слова *аистъ* остается покуда неизвѣстнымъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Имени *чернохвостъ* въ значеніи птицы у Даля нѣтъ, но за то мы находимъ у него равнозначащее слову аистъ *черногузъ*.

У Новогрековъ въ народномъ языкѣ λελέκι, въ литерат. ὁ λέλεκας (Kind, Handwb. d. neugr. Sprache). Hahn, Albanes. Studien, Jena 1854, стр. 246, говоритъ: «Den Storch nennen Neugriechen, Albaneser u. Pinduswlachen übereinstimmend λελέκ и λελjέκ... Leake betrachtet dies Wort als ein von den Türken vorgefundenes angenommenes — wir glauben jedoch dies Wort irgendwo auch als arabisches angetroffen zu haben». Русское *леклекъ* (Акад. словарь) есть вѣроятно искаженіе новогреческаго слова, а оттуда конечно и приведенное выше *неклейка*, какъ дальнѣйшая передѣлка того же названія.

По словарю Даля, *колпикъ*—«чубатая птица изъ породы цапель, чапура, Platalia (бѣлая, носъ ложкою, перья идутъ на казачьи султаны)». У него же *теслоносъ* въ томъ же значеніи какъ колпикъ: по Линде *теслоносъ* = боцанъ (аистъ).

2) По наблюденіямъ г. Куника въ здѣшнемъ зоологическомъ саду, пеликанъ въ сидячемъ положеніи не очень похожъ на аиста, но какъ скоро пеликанъ распуститъ крылья, вытянутая шея его становится чрезвычайно длинна, а зобъ почти совсѣмъ скрывается.

3) Лейденскій профессоръ Кернъ, въ отвѣтъ А. А. Кунику, доставилъ ему подробную замѣтку о голландскомъ словѣ, изъ котораго взято ἀειφάρ. Сообщаю изъ нея существенное: «Самая распространенная и господствующая въ письменномъ языкѣ форма слова есть *ojevaar* (по неправильнымъ начертаніямъ ooievaar, ooijevaar), произн. *ó-jĕvâar*[1], съ сильнымъ удареніемъ на первомъ слогѣ и второстепеннымъ на послѣднемъ: ĕ совершенно слабо. Областныя формы суть *eiber*, *uiver* (читай euver по верхненѣм. ороогр.), *uver* (чит. üver), ojevaard. Въ поэзіи употребительно *adebar*.

Если сравнить др. верхненѣм. *odeboro* (Haupt, Zeitsch. V, 325—360); *udebero* (у Граффа), *otivaro* и новоалеман. *ötdîfer* (Weinhold, Alem. Gr. 137), то легко замѣтить необъяснимое, но несомнѣнное колебаніе въ 3-мъ и 1-мъ слогѣ. Гласная во 2-мъ слогѣ остается безъ измѣненія; это было i, и оттого перегласовка въ 1-мъ слогѣ за исключеніемъ *ojevaar*, такъ какъ нидерланд. яз. вообще мало развилъ это явленіе.

Этимологія слова, по мнѣнію лейденскаго лингвиста, совершенно темная. Догадка Гримма объ *adebär* ничѣмъ не оправдывается.

Когда эти примѣчанія уже были набраны, А. А. Куникъ передалъ мнѣ только что полученную имъ изъ Лейдена брошюру проф. Фриса (De Vries) подъ заглавіемъ Ἀειφάρ. Авторъ этого изслѣдованія, перепечатаннаго изъ трудовъ амстерд. академіи наукъ, отвергаетъ производство разсматриваемаго названія отъ голландскаго слова и высказываетъ слѣдующія три возраженія: 1) Пеликанъ и аистъ слишкомъ несходны между собою, — пеликана представляютъ себѣ болѣе какъ *гуся*. Въ πελαργός и πελεκάνος смѣшаны только два слова, одинаково начинающіеся. — Но и дру-

---

[1] При чемъ надобно знать, что v въ голл. = почти ф. Конечно профессоръ Кернъ хочетъ означить только настоящій звукъ о. Г. Куникъ, доискиваясь діалектическихъ формъ, разспрашивалъ по крайней мѣрѣ шестерыхъ голландцевъ, и всѣ они произносили ujefar. Одинъ бельгіецъ изъ Flandre orientale (Blome) утверждалъ, что на его родинѣ говорятъ ojefar, а г. Pinot изъ французской Фландріи, знавшій голландское названіе, увѣрялъ, что тамъ выговариваютъ ugefar, а не ujefar. Онъ говорилъ «le flamand, c'est ma langue».

гіе столь же древніе народы называютъ то гуся, то аиста, то пеликана именами, происшедшими изъ одного корня. См. между прочимъ соч. Дифенбаха: Origines europaeae. Frankf. 1861, стр. 347: литов. gandras, gandrys (аистъ), ganta (гусь, у Плинія), англ. gander (гусь, самецъ) и проч. 2) Въ Скандинавіи нѣтъ слѣда нижнегерманскаго названія. — Но это ничего не доказываетъ, потому что слово то, заимствованное мореплавателями, только имъ и могло быть извѣстно. 3) Какъ могло въ словѣ adebar *b* перейти такъ рано въ *f*? — Но надо имѣть въ виду, что и происхожденіе германскаго adebar весьма сомнительно. На стр. 13 г. Фрисъ предполагаетъ древне-сканд. dŷfar отъ dîfar, ссылаясь на англосакс. duiker (пеликанъ), анг. diver (нырокъ). Авторъ позволяетъ себѣ догадку, что писецъ, встрѣтивъ въ подлинникѣ ΔΕΙΦΑΡ, прочелъ ἈΕΙΦΑΡ; но чтобы допустить это, надо бы прежде доказать, что подлинникъ былъ писанъ уставомъ.

4) Уже и Шишковъ въ *Спискѣ кораблей* (ч. I, Спб. 1799, стр. 14) между разными голландскими названіями приводитъ и *Айфаръ*. Такъ какъ голландское названіе, если не съ самаго 9-го столѣтія, то все-таки уже много вѣковъ начинается съ О, то неизлишне будетъ опредѣлить съ возможною точностью петровскую форму слова. *Ойфаръ* встрѣчается два раза. Въ *Исторіи русскаго флота*, соч. Елагина (Прилож. ч. II, Спб. 1864, стр. 173) мы находимъ подъ № 319 «Списокъ судовъ азовскаго флота». Этотъ списокъ содержитъ только имена кораблей, строившихся отъ 1698 до 1704 г.; слѣдовательно онъ составленъ вѣроятно въ 1705 г. Тамъ же (стр. 174) подъ № 320 — «Списокъ судовъ азовскаго флота съ присвоенными имъ девизами». Здѣсь не означены годы, имена перваго списка почти всѣ повторяются и здѣсь, а между ними и нѣсколько новыхъ, такъ что этотъ списокъ очевидно составленъ немного позднѣе. Въ обоихъ читаемъ *Ойфаръ*.

Айфаръ встрѣчается только подъ № 150 (стр. 51): «Статьи данныя адмиралтейцу Апраксину на Воронежѣ, 1705 года».

Это приказъ, данный Петромъ Великимъ, но подлинникъ не сохранился. По разнымъ спискамъ онъ лучше всего возстано-

вленъ у Елагина, стр. 52. Такъ какъ и князь М. Щербатовъ (Тетрати записныя. Пб. 1777, стр. 3) и Шишковъ въ своихъ спискахъ съ этого документа нашли *Аифаръ*, то надо полагать, что и Петръ по московскому выговору писалъ *Аифаръ*. Вѣроятно, ему извѣстно было изъ святцевъ имя *Айфалъ*[1], которое также могло въ этомъ случаѣ подѣйствовать на его правописаніе. Если принять въ соображеніе всѣ различныя нижнегерманскія формы слова, то придется заключить, что оно первоначально начиналось съ *а*, а не съ *о*; *д* могло очень легко выпасть и у Шведовъ, какъ оно и теперь выпадаетъ у нихъ во многихъ словахъ (А. Куникъ).

---

[1] **Айфалъ**, бояринъ новгородскій 1398 года. Ист. Карамз. V, 94, 105, прим. 171, 194. (М. Морошкина *Славянскій Именословъ*).

О СЛОВѢ „ШПИЛЬМАНЪ" ВЪ СТАРИННЫХЪ РУССКИХЪ ПАМЯТНИКАХЪ.

Въ ноябрѣ 1875 г., доцентъ Фогтъ читалъ въ Грейфсвальдскомъ ученомъ обществѣ интересное сообщеніе о нѣмецкихъ *шпильманахъ* (потѣшникахъ), которое въ слѣдующемъ году напечатано отдѣльно въ Галле (Leben und Dichten der deutschen Spielleute im Mittelalter. Vortrag von Dr. Friedrich Vogt. Halle. 1876.—8⁰, 25 стр. текста и 4 стр. примѣчаній). Предметъ этой брошюры не чуждъ и для насъ, такъ какъ *шпильманы* заходили и на Русь, и названіе ихъ не разъ встрѣчается въ нашей древней письменности. Въ Кормчей 1284 г. говорится между прочимъ «о шпильманѣхъ и о глумціхъ»—«Нѣмецкое слово *шпильманъ* дошло къ Славянамъ, можетъ быть, еще въ X или XI вѣкѣ съ приходившими отъ Нѣмцевъ скоморохами»; такъ замѣчаетъ Востоковъ въ своемъ словарѣ, приводя еще слѣдующія выраженія: изъ Прол. XV в. апр. 17: «в той дн҃ь страсть ст҃го мч҃ника Ардалеона ш'пил'мана игреца», и изъ Златостр. XVI в.: «аще бо быша шпил'мани і'нiи игреци вiдѣли свое ремество бес прибытка». Названіе *шпильманъ* для насъ тѣмъ любопытнѣе, что можетъ-быть оно оставило за собою слѣдъ въ языкѣ, въ сокращенной народной формѣ *шпынь*; слово это часто является въ нашей литературѣ прошлаго вѣка и еще въ началѣ нынѣшняго, въ смыслѣ *балагуръ*, *насмѣшникъ*; оно дало отъ себя производныя: *шпынство*, *шпынять*. Академическій словарь подъ словомъ *шпынь* приводитъ слѣдующее мѣсто изъ одного документа 1636 года о прекращеніи въ московскихъ церквахъ разнаго рода безчинствъ: «во время же святаго пѣнія ходятъ по церквамъ *шпыни*, съ безстрашіемъ, человѣкъ по десятку и болши, и отъ нихъ въ церквахъ великая смута и мятежъ» (*Акты Археогр. эксп.* III, 402); при чемъ разсматриваемое названіе объяснено словами:

шутъ, балагуръ. Такъ переводитъ славянскій словарь Алексѣева и самое слово *шпилманъ*, прибавляя изъ Кормчей еще и глаголъ *шпилманити*. Академія же, а за нею Даль, дополняютъ примѣры на слово *шпынь* пословицею: «Шутъ не шутъ, а хорошій *шпынь*». Даль сближаетъ это имя съ словомъ *шпень* (шпенекъ), *шпинь*, но едва ли справедливо, такъ какъ послѣднее, очевидно, само въ родствѣ съ латинскими spina (нѣчто острое, шип) и по своему значенію слишкомъ далеко отъ первоначальнаго понятія, связаннаго съ названіемъ *шпынь* (=шутникъ, балагуръ). Что это слово вѣрнѣе производить отъ *шпильманъ*, можно заключить изъ попадающагося въ нашей письменности древняго сокращенія нѣмецкаго термина въ *шпиль*: оно приведено Миклошичемъ въ словарѣ его, съ объясненіемъ: histrio, въ выраженіи «ласкавьци, шьпилеве праздьнословьци», гдѣ второе названіе не что иное, какъ урѣзанное *шпильманъ*. Приспособляясь къ русской фонетикѣ, *шпиль* легко могло обратиться въ *шпынь*: даже въ коренныхъ русскихъ словахъ *и* нерѣдко переходитъ въ *ы*, а *л* и *н* могутъ замѣнять другъ друга (ср. для примѣра скрыпка вм. скрипка и маненько вм. маленько)[1].

Замѣчательно, что въ русскомъ, какъ и вообще въ славянскихъ языкахъ, недостаетъ своихъ словъ для означенія людей, которыхъ ремесло — потѣшать другихъ; въ Св. Писаніи употреблено слово *смѣхотворство* (Ефес. 5, 4), составленное отъ *смѣхотворъ*; въ древней письменности встрѣчается еще: *глумецъ*, *игрецъ*, *лицедѣй*, но все это искуственно составленныя слова; гораздо болѣе распространены въ языкѣ названія иностраннаго происхожденія: *шпынь*, *скоморохъ*, *скомрахъ* (отъ гот. scamari, ср. сканд. skämta, шутить), *балагуръ* (восточное или западное? ср. точить балы), *гаеръ* (нѣм. Geiger), паяцъ (фр. paillasse), наконецъ *фокусникъ*, *штукарь*. Слово *шутъ*—повидимому наше собственное, но такъ какъ оно не встрѣчается въ другихъ славянскихъ языкахъ, то вѣроятно перешло къ намъ отъ какого ни-

---

[1] *Филолог. Разысканія*, II, 327, 328.

будь сосѣдняго народа. Рейфъ считаетъ его персидскимъ (choukt), но нельзя не имѣть въ виду и готскаго гл. suthjan забавлять.

Но что такое были собственно нѣмецкіе *шпильманы?* Это объясняетъ намъ брошюра г. Фогта. Шпильманы составляли въ средніе вѣка обширный классъ бездомныхъ людей, которые, странствуя, забавляли народъ всякими потѣшными искуствами и жили добровольными подаяніями за свои труды. Къ числу ихъ принадлежали плясуны, силачи, бойцы, вожаки медвѣдей, музыканты и наконецъ пѣвцы. Еще у древнихъ Римлянъ потѣшники всякаго рода сливались въ одно сословіе, joculatores или joculares, переродившееся у Французовъ въ jongleurs, а у Нѣмцевъ въ Spielleute (Spil первоначально означало забаву вообще). Сюда вошли мало по малу и національные пѣвцы, которые нѣкогда, до введенія христіанства, занимали почетное мѣсто въ обществѣ, а потомъ, подвергнувшись гоненію церкви, потеряли свое значеніе. Не прежде 12-го вѣка, когда вслѣдствіе крестовыхъ походовъ свѣтское направленіе сдѣлалось господствующимъ въ литературѣ, образованные между шпильманами пріобрѣли болѣе выдающееся положеніе и снова стали играть нѣкоторую роль въ домахъ знатныхъ и при дворахъ. Имъ поручали напр. обученіе дѣтей музыкѣ; къ разряду ихъ принадлежали и стихотворцы, снискивавшіе себѣ пропитаніе своимъ искусствомъ. Они въ пѣсняхъ своихъ брали сторону того, кто имъ платилъ, противъ его соперника, восхваляли заслуги или подвиги, распространяли добрую или дурную славу. Самымъ обыкновеннымъ способомъ вознагражденія ихъ служили подарки платьемъ; лучшіе принимали только новую одежду, другіе довольствовались и поношенною. Были у нихъ также пѣсни то нравоучительнаго, то эпическаго содержанія; особенно цѣнились небольшіе, часто комическіе разсказы въ стихахъ, въ родѣ французскихъ fabliaux, пущенныхъ въ ходъ жонглерами, которые значительную часть ихъ почерпали изъ неистощимаго запаса восточныхъ и греческихъ сказаній. Высшею цѣлью стремленій шпильмановъ былъ конечно почетный пріемъ въ кругу вельможъ или у владѣтельныхъ особъ,

гдѣ они играли роль въ торжественныхъ случаяхъ и украшали пиръ своимъ пѣніемъ или игрою на струнахъ. Отъ названія тѣхъ изъ нихъ, которыхъ инструментомъ была скрыпка (Geige), могло произойти существующее у насъ до сихъ поръ, хотя съ другимъ оттѣнкомъ смысла, слово *гаеръ*[1]. Наконецъ, шпильманы могли служить посредниками для любовныхъ сношеній рыцарей съ ихъ возлюбленными, нерѣдко встрѣчавшихъ неодолимыя препятствія.

Во время крестовыхъ походовъ шпильманы, въ качествѣ музыкантовъ или вообще потѣшниковъ, сопровождали армію въ святую землю, и возвратившись, разсказывали по пути чудеса, которыя тамъ видѣли или слыхали; до насъ дошли нѣкоторые изъ такихъ разсказовъ въ стихотворной формѣ, представляющихъ пеструю смѣсь христіанской легенды, народныхъ сказаній и вымысловъ самого поэта съ цвѣтистыми картинами Востока; самымъ характеристическимъ изъ этихъ произведеній фантазіи шпильмановъ является одинъ варіантъ извѣстной повѣсти о Соломонѣ и Морольтѣ. Рядомъ съ избранною категоріей шпильмановъ, которые имѣли доступъ къ знатнымъ, стояла масса менѣе счастливыхъ служителей искуства, жившихъ такъ-сказать на большой дорогѣ, принужденныхъ искать себѣ въ городахъ и селахъ публики болѣе благодарной, нежели щедрой. Завися отъ добровольной благостыни своихъ зрителей и слушателей, классъ шпильмановъ вообще не пользовался уваженіемъ: это видно между прочимъ изъ относившихся къ нимъ предписаній закона; такъ напр. за ними не признавалось право наслѣдства внѣ ихъ сословія, т. е. шпильманъ могъ наслѣдовать отцу только въ томъ случаѣ, если послѣдній уже принадлежалъ и самъ къ этому званію. Само собой разумѣется однакожъ, что тѣ изъ шпильмановъ, которые выдвигались впередъ своимъ талантомъ и были вхожи въ дома знатныхъ, стояли въ общемъ мнѣніи выше и, благодаря своимъ покровителямъ, пользовались разными преимуществами.

---

[1] Надо помнить, что слово Geiger (скрыпачъ) въ устахъ большей части коренныхъ Нѣмцевъ звучитъ какъ Gaiger.

ОБЪ ЭЛЕМЕНТАРНОМЪ ПРЕПОДАВАНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА[1].

Преподаваніе родного языка составляетъ, безъ сомнѣнія, одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ педагогики. По другимъ отраслямъ знанія преподаватель имѣетъ въ рукахъ своихъ матеріалъ готовый, очерченный опредѣленными границами; вопросъ только въ томъ, какъ лучше передать этотъ матеріалъ. Напротивъ, въ отношеніи къ родному языку надобно напередъ опредѣлить, что́ именно должно быть предметомъ преподаванія — только ли умѣніе владѣть языкомъ, или и знаніе его законовъ, сверхъ того — въ какой мѣрѣ нужно сообщить это знаніе, или наконецъ — не лучше ли употребить отечественный языкъ только какъ орудіе для развитія умственныхъ способностей, для передачи множества полезныхъ свѣдѣній разнаго рода. Оттого-то обученіе родному языку оставляетъ преподавателю болѣе произвола нежели всякая другая отрасль знаній и требуетъ отъ него соединенія весьма многихъ условій.

Неудивительно, что въ странахъ, опередившихся наше отечество на поприщѣ образованія и въ области педагогики, вопросъ объ этомъ предметѣ давно возбуждаетъ жаркіе споры. Особенно въ Германіи онъ вызвалъ цѣлую, очень обширную вѣтвь педагогической литературы. Хотя, несмотря на то, и тамъ дѣло еще до сихъ поръ не рѣшено общимъ соглашеніемъ, однакожъ все-таки въ Германіи составилось уже мнѣніе, которому слѣдуетъ большинство преподавателей.

---

[1] Эта статья, писанная въ 1855 г., печатается здѣсь съ сокращеніями.

Принятыя ими основанія проникли и къ намъ, какъ видно изъ нѣсколькихъ учебниковъ русскаго языка, изданныхъ у насъ въ послѣднее десятилѣтіе; даже и изъ старыхъ руководствъ нѣкоторыя были отчасти передѣланы по новому взгляду. Этимъ успѣхомъ мы много обязаны книгѣ г. Буслаева: «О преподаваніи отечественнаго языка», напечатанной въ 1844 году. Точка зрѣнія его видна изъ слѣдующихъ строкъ предисловія: «Въ дѣлѣ общемъ и общественномъ, каково есть обученіе юношества, оригинальнымъ быть не слѣдуетъ: потому моя цѣль единственно та, чтобы показать современное воззрѣніе на предметъ». Конечно, хорошо всякое дѣло вести самостоятельно, примѣняясь къ потребностямъ своего отечества; однакожъ для рѣшенія вопроса, равно относящагося ко всѣмъ образованнымъ народамъ, нельзя же не принять въ соображеніе того, что было передумано и высказано о немъ прежде у просвѣщеннѣйшихъ націй. Руководствуясь, вмѣстѣ съ тѣмъ собственнымъ наблюденіемъ и опытомъ, разсмотримъ: 1) можно ли дѣтей учить языку безъ грамматическихъ объясненій; 2) если нельзя, то должно ли грамматику преподавать систематически, какъ самостоятельный предметъ ученія, или только въ приложеніи къ практикѣ, и 3) въ грамматическомъ преподаваніи языка съ чего начинать: съ предложенія или съ отдѣльныхъ словъ?

Многимъ кажется, что можно и даже должно дѣтей учить языку вовсе безъ грамматики. Этотъ взглядъ имѣетъ на своей сторонѣ сильный авторитетъ Якова Гримма. Г. Буслаевъ въ своей книгѣ (ч. I, стр. 84) привелъ цѣликомъ мнѣніе знаменитаго филолога, высказанное имъ въ предисловіи къ первому изданію (1818) Deutsche Grammatik. Это мнѣніе навлекло на Гримма строгую критику, и онъ въ предисловіи ко второму изданію своей грамматики (1822) такъ оговорился: «Я выразилъ живое сожалѣніе объ искаженіи нѣмецкой грамматики въ нашихъ школахъ, о негодности книгъ, которыя полагаются въ основаніе уроковъ. Если повидимому я въ нѣкоторыхъ положеніяхъ своихъ пошелъ слишкомъ далеко (хотя я нападалъ на безсмысленное первона-

чальное преподаваніе и вовсе не осуждалъ разумнаго употребленія грамматики въ высшихъ классахъ), то надѣюсь, что меня освободятъ отъ всякой дальнѣйшей отвѣтственности, и совѣтую благомыслящимъ педагогамъ посмотрѣть, какъ поступаютъ въ преподаваніи отечественнаго языка другія родственныя намъ націи, часто превосходящія насъ практическимъ смысломъ, — Англичане, Голландцы, Датчане и Шведы». Здѣсь мимоходомъ замѣтимъ, что Англичане, почти не имѣющіе грамматики, находятся по этому предмету въ исключительномъ положеніи. Изъ остальныхъ, названныхъ Гриммомъ народовъ, мы всего ближе знакомы со Шведами: у нихъ прежде дѣйствительно не учили родному языку, но въ послѣднія десятилѣтія это признано важнымъ недостаткомъ народнаго воспитанія, и шведскій языкъ стали вводить въ кругъ обученія юношества. Вообще германскіе народы на материкѣ принимаютъ Нѣмцевъ за образецъ въ педагогикѣ и готовы заимствовать у нихъ всякое нововведеніе въ этой области.

Изъ приведенныхъ словъ Гримма видно, что онъ вооружался не столько противъ самаго преподаванія грамматики, сколько противъ превратной въ этомъ дѣлѣ методы. Это становится еще яснѣе изъ замѣчанія, которымъ кончалось его прежнее мнѣніе: «Такъ какъ нѣтъ грамматики отечественнаго языка для школъ и домашняго употребленія, нѣтъ легкаго извлеченія простѣйшихъ и потому именно удивительнѣйшихъ элементовъ, изъ коихъ каждый доходитъ до теперешняго своего вида отъ незапамятной древности: то обученіе грамматикѣ можетъ быть только строго-ученое» [1]. (1).

Разумѣется, самое первоначальное обученіе должно быть чисто-практическое: ребенку необходимо прежде всего пріобрѣсти навыкъ въ чтеніи и письмѣ, т. е. списываніи; первое руководство со стороны учителя ограничивается поименованіемъ буквъ и указаніемъ ихъ произношенія. Однакожъ — замѣтимъ — самое

[1] О препод. отеч. языка, I, 86.

разложеніе словъ на отдѣльные звуки и изображеніе этихъ звуковъ видимыми знаками есть уже первый шагъ къ анализу языка. Дитя, открывъ, что одинъ и тотъ же звукъ, напр. і, означается различными способами, захочетъ узнать причину этой странности, а какъ удовлетворите вы его, не объяснивъ различія буквъ гласныхъ и согласныхъ? Съ этимъ вы уже прямо вступите въ область грамматики. Избѣгать ея долго, при послѣдующихъ успѣхахъ учащагося, можно бы развѣ только насильственно, заглушивъ въ немъ всякое движеніе мысли. При упражненіяхъ въ письмѣ подъ диктовку, ребенокъ, ошибаясь и слыша ваши поправки, будетъ спрашивать: отчего? зачѣмъ? Тогда вамъ будетъ предстоять одно изъ двухъ: или придумывать такія объясненія, которыя, не превышая дѣтскихъ понятій, служили бы ученику руководствомъ въ дальнѣйшихъ его упражненіяхъ, или на всѣ вопросы любознательности отвѣчать диктаторски: такъ должно, такъ принято! Хотя бы ребенокъ былъ одаренъ необыкновенною памятью для нагляднаго ученія, однакожъ, при послѣднемъ способѣ, его успѣхи были бы, во-первыхъ, чисто-механическіе, безплодные для умственнаго развитія; во-вторыхъ, чрезвычайно неполные, потому что во многихъ случаяхъ онъ безъ правилъ все-таки не научился бы давать словамъ надлежащую форму. Сверхъ того вы рисковали бы пріучить его дѣйствовать безсознательно, не давать себѣ отчета въ томъ, что онъ дѣлаетъ. Трудность обойтись безъ грамматики еще увеличится, когда для учащагося придетъ пора писать что-нибудь отъ себя. При свободномъ употребленіи слова на письмѣ онъ будетъ безпрестанно нуждаться въ наставленіяхъ, въ руководствѣ, а безъ нихъ будетъ ходить ощупью.

Вотъ мысли, извлекаемыя изъ опыта; теперь взглянемъ на предметъ со стороны умозрѣнія. Если въ каждомъ дѣлѣ, даже механическомъ, для успѣшнаго производства нужны правила и указанія, то какъ обойтись безъ нихъ, въ возрастѣ пробужденія умственныхъ силъ, при употребленіи языка, орудія мысли? Положимъ, что вы хотѣли бы выучить ребенка какому-нибудь

механическому искуству, наприм. искуству клеить разные вещицы изъ картона. Вы бы конечно не удовольствовались показаніемъ ему формъ, которыя онъ долженъ производить, но познакомили бы его также съ разными пріемами и съ нѣкоторыми математическими фигурами; вы требовали бы отъ ученика своего, чтобъ онъ работалъ аккуратно, не дѣлалъ напр. острыхъ угловъ вмѣсто прямыхъ; чтобъ онъ умѣлъ вамъ сказать, зачѣмъ сдѣлалъ такъ, а не иначе. Очевидно, что безъ такой отчетности не можетъ быть ничего путнаго въ трудѣ человѣка. Короче, практика, чтобъ быть хорошею, должна быть прежде всего разумною, или другими словами, ни въ чемъ хорошая практика не возможна безъ нѣкоторой теоріи, безъ руководящей мысли.

Напрасно многихъ пугаетъ слово «теорія»: оно сдѣлалось страшнымъ отъ злоупотребленія, но въ сущности нѣтъ никакого человѣческаго дѣла безъ правилъ, которыя можно извлечь изъ него, безъ законовъ, на которыхъ оно основывается. Безъ теоріи поваръ не состряпаетъ ни одного соуса, портной не сдѣлаетъ ни одного шва. Какъ же можно въ такомъ предметѣ, который служитъ только оболочкою мысли — въ языкѣ — отвергать необходимость ея присутстія и руководства для употребленія его? Можно ли отлагать ея помощь до будущаго, отдаленнаго времени, когда эта помощь должна облегчать каждый шагъ?

Языкъ и мысль — одно; законы языка — плодъ здраваго человѣческаго смысла, а не глубокихъ ученыхъ соображеній или выдумокъ. Этимъ орудіемъ человѣкъ начинаетъ владѣть, едва только пробудятся его умственныя силы; необразованный крестьянинъ пользуется имъ наравнѣ съ утонченнымъ горожаниномъ. Дитя усвоиваетъ себѣ языкъ не механически: прислушиваясь къ рѣчи другихъ, пріобрѣтая запасъ словъ, оно ими распоряжается самостоятельно, измѣняетъ ихъ окончанія смотря по надобности, и хотя не во всѣхъ случаяхъ даетъ имъ надлежащую форму, но вообще обнаруживаетъ въ этомъ удивительное чутье и пониманіе, да и въ самыхъ ошибкахъ своихъ выказываетъ постоянное стремленіе къ правильности, къ соблюденію

неизмѣнныхъ началъ. Что же изъ этого слѣдуетъ? что логика, а съ нею и грамматика отвѣчаютъ прирожденной потребности человѣка. Начиная говорить, дитя безсознательно осуществляетъ тайные, кроющіеся въ умѣ его, но въ каждый мигъ рѣчи присущіе ему законы языка. Остается только привести эти законы въ сознаніе, назвать каждое понятіе настоящимъ его именемъ. Уровень дѣтскаго разумѣнія совсѣмъ не такъ низокъ, какъ часто полагаютъ. Ребенокъ можетъ понять весьма многое, если только оно будетъ предложено ему въ доступной формѣ и съ его точки зрѣнія. Конечно, каждый педагогъ въ своей дѣятельности встрѣчалъ случаи, когда дѣти поражали его своею понятливостью и заставляли усомниться, всякій ли взрослый на ихъ мѣстѣ показалъ бы столько разумѣнія. Какъ же ребенку лѣтъ 9 или 10 не понять основныхъ требованій ума, выражающихся въ формахъ родного слова? Такимъ образомъ грамматическія объясненія, до нѣкоторой степени, являются уже рано неразлучными спутниками практическаго обученія языку. (2).

Но въ какой именно мѣрѣ и какъ должно преподавать грамматику дѣтямъ? Если подъ нею разумѣть составленный по образцу латинской грамматики учебникъ съ мудреными опредѣленіями, съ тонкимъ дробленіемъ понятій, съ таблицами склоненій и спряженій, съ исчисленіемъ всякихъ мелочныхъ правилъ и всѣхъ исключеній изъ нихъ, то мы рѣшительно говоримъ: лучше обойтись безъ всякой грамматики при первоначальномъ обученіи языку. Мы считаемъ на первый случай достаточнымъ объяснить ученику одни самыя крупныя, въ глаза бросающіяся явленія языка. Назовите это грамматикой или приготовленіемъ къ ней, или какъ угодно иначе: намъ кажется это необходимымъ основаніемъ сознательнаго ученія родного слова. Но и такая грамматика, по нашему мнѣнію, должна быть преподаваема не сама по себѣ, т. е. не независимо отъ практики, а въ непрерывной связи съ разборомъ примѣровъ и съ упражненіями. Однакожъ — чтобы понятія вытекали одно изъ другого и чтобъ можно было переходить отъ легкаго къ болѣе трудному, нужна

же какая-нибудь послѣдовательность. Для достиженія ея пусть учитель начнетъ съ составленія небольшого курса примѣровъ, изъ которыхъ можно бъ было извлечь въ послѣдовательномъ порядкѣ самыя существенныя основанія теоріи языка: природный тактъ и опытность разумнаго преподавателя лучше всего укажутъ ему, изъ чего должны составиться эти основанія, какъ далеко надобно итти въ объясненіяхъ и какъ упростить каждое толкованіе.

Начинать ли объясненіе теоріи языка съ отдѣльныхъ словъ,— съ частей рѣчи, какъ дѣлалось прежде, или съ состава предложенія, какъ по большей части поступаютъ нынче, согласно съ любимой методой новѣйшихъ германскихъ педагоговъ? Признаемся, при всемъ желаніи слѣдовать за успѣхами времени, мы до сихъ поръ не могли убѣдиться въ преимуществѣ послѣдняго способа, который гораздо отвлеченнѣе, сложнѣе перваго и требуетъ бо́льшаго умственнаго развитія. Конечно, съ даровитымъ ученикомъ можно безъ затрудненія начать и предложеніемъ; но ребенку обыкновенному трудно растолковать даже, что́ такое предложеніе: какъ же объяснить ему, что́ значитъ опредѣленіе, дополненіе и особливо обстоятельство? Все это—философія рѣчи, самыя отвлеченныя понятія, требующія особеннаго углубленія мысли въ отношенія словъ, тогда какъ чисто-грамматическія объясненія, опираясь отчасти на форму словъ, на ихъ внѣшніе признаки и примѣты, гораздо доступнѣе уму дитяти. Ясно какъ день, что грамматика, или точнѣе, такъ называемыя этимологія, относится къ ученію о предложеніи какъ низшее къ высшему, какъ простое къ сложному. Извѣстный германскій педагогъ Дистервегъ, стараясь подкрѣпить мысль, что въ теоріи языка надобно начинать съ предложенія, доказываетъ, что оно есть не общее что-нибудь, не отвлеченное, а *конкретное*, хотя имѣющее свои части или члены и потому допускающее расложеніе[1]. Кажется, гораздо легче было бы дойти до истины, противопоставивъ не

---

[1] Wegweiser. I, 483.

конкретное отвлеченному, а простое сложному: каждое слово, отдѣльно взятое, также конкретно, но оно передъ предложеніемъ имѣетъ еще преимущество простоты (3). Начиная говорить, ребенокъ сперва произноситъ только первый слогъ каждаго слова, потомъ цѣлыя, но отдѣльныя слова — и медленно, съ большою постепенностью, переходитъ къ фразамъ; принимаясь учить его читать и писать, мы также поневолѣ знакомимъ его прежде съ отдѣльными буквами, потомъ со складами, далѣе съ цѣлыми словами и напослѣдокъ уже переходимъ къ фразамъ. Почему же не слѣдовать этому естественному порядку и въ объясненія законовъ языка? Развѣ разсмотрѣніе отдѣльныхъ словъ помѣшаетъ позднѣе занимать ученика предложеніями?

Намъ кажется, что новая метода, начинающая ученіе грамматики съ предложенія, произошла отъ превратнаго пониманія дѣтской природы. Чувствовали надобность въ измѣненіи старой методы; но вмѣсто того, чтобы упростить грамматику, дали ей обратный ходъ, и навязали уму дитяти то, что составляетъ потребность зрѣлаго мышленія. Какъ водится, Русскіе въ этомъ случаѣ увлеклись примѣромъ Нѣмцевъ. Теперь начинаютъ у насъ смотрѣть на дѣло иначе: мы знаемъ нѣсколькихъ опытныхъ педагоговъ, которые уже не считаютъ удобнымъ приступать къ грамматикѣ съ предложенія; нѣкоторые изъ нихъ откровенно сознавались намъ, что пока они слѣдовали этому порядку, ученики ихъ очень мало успѣвали. Но большею частію учебники русскаго языка, появившіеся у насъ въ послѣднія десятилѣтія, составлены на нѣмецкій образецъ—одними по убѣжденію или на вѣру, а другими потому, что они считали себя вынужденными сдѣлать уступку современности. При всемъ томъ эти учебники могутъ значительно облегчить задачу преподаванія, если только умѣть ими пользоваться. Въ нихъ то особенно хорошо, что правила извлекаются изъ предшествующихъ примѣровъ. Однимъ только грѣшатъ нѣкоторые изъ составителей: какъ бы наученные горькимъ опытомъ, они предполагаютъ въ ученикахъ баснословную тупость: распространяютъ на пяти страницахъ то, что можно бы растол-

ковать на одной, истощаются въ повтореніяхъ и до безконечности плодятъ примѣры тамъ, гдѣ для уразумѣнія дѣла довольно было бы двухъ или трехъ. Это — настоящее испытаніе для терпѣнія ученика; онъ утомляется, скучаетъ, и на грамматику употребляется гораздо болѣе времени, нежели на сколько она въ сущности должна бы имѣть право.

Главнымъ распространителемъ этой методы надобно признать Вурста, котораго «Praktische Sprachdenklehre» въ теченіе 20-ти лѣтъ была издаваема 60 разъ; по образцу ея составлены и нѣкоторые изъ нашихъ новѣйшихъ учебниковъ. Вурстъ принялъ въ основаніе идеи Беккера объ организмѣ языка, хотѣлъ ввести ихъ въ кругъ школьнаго преподаванія и построилъ систему, которую онъ назначалъ для дѣтей отъ 7-ми до 14-тилѣтняго возраста. Знаменитое въ свое время сочиненіе Беккера *Организмъ языка* составило эпоху въ исторіи языкоученія. Прежде на языкъ смотрѣли какъ на что-то намѣренно и сознательно изобрѣтенное человѣкомъ; Беккеръ (хотя и неосновательно) представлялъ себѣ языкъ какъ органическое цѣлое, необходимо проистекшее изъ самой природы мыслящаго духа человѣческаго въ силу кроющагося въ немъ закона творчества. Отсюда мысль начинать объясненіе языка съ предложенія, какъ органическаго цѣлаго, — мысль остроумная, но не вытекающая прямо изъ основного положенія Беккера и въ примѣненіи неудобная. Что касается грамматики Вурста, построенной на началахъ Беккерова ученія, то изъ предыдущаго уже видно, въ чемъ заключаются недостатки этого руководства: по своему искуственному расположенію оно слишкомъ мудрено, а по принятой авторомъ методѣ оно убійственно-скучно для живого ребенка, преслѣдуя его на каждомъ шагу ненужными объясненіями и примѣрами, принуждая по образцу безсвязныхъ и бездушныхъ предложеній сочинять другія. Оттого эта книжка была въ самой Германіи осуждаема многими, которые особенно не признавали ея годною для начинающихъ (4).

Противники грамматики безусловно отвергаютъ упражненіе

учениковъ въ склоненіи и спряженіи словъ родного языка. «Это, говорятъ они, совершенно излишне, потому что всякій Русскій съ дѣтства уже по слуху знаетъ, какія окончанія давать словамъ». Конечно, подобныя упражненія не должны производиться на счетъ другихъ болѣе существенныхъ занятій. Но за злоупотребленіе вещи слѣдуетъ ли осуждать самую вещь? Упражненія въ склоненіи и спряженіи представляютъ ту полезную сторону, что пріучаютъ ребенка къ размышленію и вниманію. Притомъ нельзя утверждать, чтобъ дитя по инстинкту давало всѣмъ словамъ правильныя окончанія, особливо когда на этихъ окончаніяхъ нѣтъ ударенія. Такія упражненія бываютъ особенно полезны, когда дѣлаются на письмѣ: во-первыхъ, они знакомятъ со всѣми формами даннаго слова въ совокупности; во-вторыхъ, они ускоряютъ успѣхи въ правописаніи (5).

Хотя мы и указали на этимологію, какъ на область, въ предѣлахъ которой должны вращаться первоначальныя объясненія, однакожъ этимъ мы не налагаемъ на учителя обязанности съ педантическою строгостью оставаться въ предназначенной рамкѣ: напротивъ, думаемъ, что онъ долженъ свободно пользоваться всякимъ случаемъ для расширенія и уясненія понятій ребенка, а для того касаться иногда и управленія словъ и другихъ сторонъ языка, собственно относящихся уже къ синтаксису, — если разумѣніе ихъ доступно возрасту учащагося. Здѣсь дѣло совсѣмъ не въ строчномъ разграниченіи разныхъ частей теоріи языка, а въ томъ, чтобы предлагаемыя ученику объясненія были дѣйствительными объясненіями и не превышали степени его развитія.

Что касается несовершенства нашей грамматической терминологіи, на которое многіе жалуются, то мы не придаемъ ему особенной важности и находимъ, что всякій терминъ хорошъ, если только съ нимъ соединяется вполнѣ опредѣленное понятіе. Когда терминъ вамъ не нравится какъ нарицательное имя, смотрите на него какъ на имя собственное, и онъ будетъ выполнять свое назначеніе. Поэтому мы не видимъ надобности изгонять, наприм., даже названія *части рѣчи*, вмѣсто котораго стали гово-

рить: *разряды словъ* (Wortarten). Старый, хотя и дурной терминъ лучше новаго, неизвѣстнаго въ наукѣ. Нѣмцы не сознали этой истины: учебники ихъ испещрены новыми терминами, хотя и очень замысловатыми, но тѣмъ неудобными, что въ преподаваніи произошла отъ нихъ путаница. Другое дѣло — самая разработка теоріи родного слова: въ этомъ отношеніи наша грамматика конечно заставляетъ желать еще очень многаго; но такой преходящій недостатокъ нисколько не можетъ служить доводомъ противъ самой грамматики. Чѣмъ менѣе будутъ пренебрегать ею, тѣмъ болѣе можно ожидать для нея успѣховъ.

Мы показали, изъ чего долженъ образоваться первоначальный остовъ всего теоретическаго ученія языка; этихъ начатковъ будетъ достаточно ребенку на долгое время. На послѣдующіе годы останется забота все далѣе развивать знаніе языка на основаніи практики. Въ начертаніи плана первоначальнаго преподаванія мы съ намѣреніемъ ограничились самыми общими указаніями: въ подробностяхъ и даже болѣе существенныхъ дополненіяхъ каждый преподаватель долженъ руководствоваться своимъ собственнымъ размышленіемъ. Жалокъ тотъ учитель, который не можетъ обойтись безъ готоваго руководства. Какъ бы хороша ни была метода, она должна видоизмѣняться какъ по способностямъ учениковъ, такъ и по личности самого преподавателя; но рѣдко ребенокъ бываетъ такъ обиженъ природою, чтобъ онъ не былъ въ состояніи понять самыхъ простыхъ законовъ рѣчи. Человѣкъ родится съ даромъ слова, и какъ скоро настанетъ пора ученія, онъ не можетъ стоять внѣ сферы понятій, ощутительно связанныхъ съ формами слова.

Изъ всего предыдущаго видно, что мы въ преподаваніи родного языка не хотѣли бы допустить никакой односторонности: мы не считаемъ достаточною одну практику, но не желаемъ и преобладанія теоріи; мы совѣтуемъ только въ основаніе сознательнаго изученія отечественнаго языка заблаговременно полагать знакомство съ существеннѣйшими началами этимологіи. Въ твердомъ знаніи родного языка мы видимъ не средство только,

но цѣль важную для всякаго образованнаго человѣка, вполнѣ понимающаго значеніе двухъ великихъ идей: отечество и слово. Заключимъ прекраснымъ замѣчаніемъ швейцарскаго мыслителя [1]: «Грамматическое преподаваніе, если оно заключается въ психологическомъ и простомъ объясненіи не *правилъ*, какъ всегда говорятъ, а *фактовъ* родного языка, составляетъ, вмѣстѣ съ преподаваніемъ закона Божія (эти двѣ отрасли ученія въ самомъ тѣсномъ родствѣ между собою), истинную основу *образованности* всякаго народа. Общество, которое не чувствуетъ своей религіи и не знаетъ своего языка, — находится внѣ условій настоящаго просвѣщенія».

ПРИМѢЧАНІЯ.

---

1) Нѣмецкій ученый Кэрнеръ въ изданной имъ Исторіи педагогики также говоритъ о господствующемъ у Нѣмцевъ разногласіи по этому предмету и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ шаткость своего собственнаго мнѣнія. «Преподаваніе нѣмецкаго языка, говоритъ онъ, составляетъ въ настоящее время крестъ нашихъ училищъ; оно закономъ введено въ ихъ учебный курсъ, а между тѣмъ никто хорошенько не знаетъ, чтó съ нимъ дѣлать. Грамматика или чтеніе — вотъ лозунгъ противоположныхъ партій. Нѣмецкой грамматикой долго занимались съ большимъ усердіемъ; потомъ возникли скромныя сомнѣнія въ ея пользѣ, а теперь хотятъ рѣшительно устранить ее. То, кажется, несомнѣнно, что собственнаго языка не изучаютъ грамматически, это противно природѣ» (противно природѣ было бы начать изученіемъ грамматики знакомство съ своимъ языкомъ, но почему, говоря на немъ, нельзя вникать въ его законы — это непонятно). «Дитя должно въ то время, какъ оно говоритъ, размышлять о своей рѣчи, безпрестанно повѣрять, наблюдать и поправлять само себя — это невоз-

---

[1] **Vinet**. Chrestomathie française pour la jeunesse et l'âge mûr. Lettre à mr. André Gindroz, p. XI.

можно» (кто же, не лишенный здраваго смысла, можетъ и требовать этого?). «Къ тому присоединяются гибельный хаосъ въ терминологіи, пошлость и пустота упражненій, незрѣлость самой грамматики, такъ какъ у насъ нѣтъ даже общепринятой ороографіи, и наконецъ тяжелыя отвлеченности опредѣленій, которыми какъ пугалами преподаваніе начинается». (Все это доказываетъ только, что нѣмецкому языку учатъ *не такъ*, какъ слѣдуетъ, а не то, что его вовсе не слѣдуетъ преподавать. Но посмотримъ, къ какому неожиданному заключенію авторъ наконецъ приходитъ:) «Съ другой стороны преподаванія родного языка нельзя будетъ устранить совершенно, *такъ-какъ* (?) *нужна же терминологія*, почему всего вѣрнѣе держаться середины, соединяя это преподаваніе съ чтеніемъ. Много читать и упражняться — вотъ единственная плодотворная метода; при этомъ необходимѣйшія объясненія и больше ничего» (Th. Körner, Geschichte der Pädagogik, Leipzig. 1857, стр. 315). Въ какой мѣрѣ мы согласны съ этимъ послѣднимъ выводомъ, видно будетъ изъ продолженія нашей статьи.

2) Гегель говоритъ: «Трудно оцѣнить достаточно всю важность ученія грамматики, ибо ею начинается логическое образованіе. Содержаніе грамматики — категоріи, собственныя произведенія и опредѣленія ума; слѣд. въ ней умъ начинаетъ изучать самъ себя. Эти духовные предметы, съ коими она первая насъ знакомитъ, въ высшей степени удобопонятны для юношества, и нѣтъ ничего духовнаго удобопонятнѣе: еще ограниченныя силы сего возраста не могутъ обнять всего духовнаго царства въ его многоразличіи; отвлеченности же грамматическія совершенно просты. Онѣ точно отдѣльныя буквы, и притомъ гласныя духовнаго бытія; ими начинаемъ мы складывать и учиться читать оное. Грамматика предлагаетъ сіи отвлеченности по силамъ юнаго возраста, отличая оныя внѣшними признаками, содержащимися въ самомъ языкѣ». (О препод. от. яз. 1, 39).

3) Дистервегъ въ своемъ Wegweiser говоритъ: «Такъ какъ естественный и легчайшій ходъ преподаванія состоитъ въ извле-

ченіи неизвѣстнаго изъ извѣстнаго и въ постепенномъ присовокупленіи неизвѣстнаго къ извѣстному: потому въ отечественномъ языкѣ надобно начать съ органическаго цѣлаго, т. е. съ предложенія». (О преп. от. яз. I, 64). Намъ кажется, что этотъ силлогизмъ не вѣренъ, потому что посылка его, хотя и справедлива, къ дѣлу непримѣнима: ребенку еще *неизвѣстно* то, изъ чего должно вытекать понятіе о значеніи опредѣленія, дополненія и обстоятельства.

4) Вурстъ, одинъ изъ самыхъ трудолюбивыхъ педагоговъ, издалъ нѣсколько сочиненій по своему предмету, въ томъ числѣ: «Die zwei ersten Lehrjahre», книгу, въ которой онъ по системѣ Бёнеке предлагаетъ общій планъ ученія для низшаго, элементарнаго класса школъ. Здѣсь онъ старается дать образцы нагляднаго преподаванія и предметомъ разговоровъ съ учениками избираетъ домъ, какъ жилище человѣка. Сущность методы заключается въ наименованіи, классификаціи и изображеніи предметовъ. Все это въ идеѣ превосходно, но при обширности, какую авторъ слишкомъ педантически даетъ каждому объясненію, — должно быть очень утомительно для дѣтей. Критику грамматики Вурста можно найти въ книгѣ г. Буслаева, ч. I, стр. 54. Тутъ выраженъ отчасти другой взглядъ на дѣло, но также неблагопріятный для Вурстовой методы.

5) Мы Русскіе можемъ о нашемъ правописаніи сказать то же, что Нѣмцы говорятъ о своемъ: «Наше письмо неправильно, а все неправильное изучается съ трудомъ. Потому-то и правописаніе требуетъ много времени и много упражненія: однихъ правилъ недостаточно. Рядомъ съ правиломъ: *Пиши что слышишь*, становится другое: *Не пиши что слышишь*. За правиломъ: *Держись словопроизводства*, слѣдуетъ другое: *Не всегда держись производства*, а соображайся съ *обычаемъ*. Отсюда объясняется трудность выучиться такъ называемому правописанію, а равно желаніе ученыхъ и преподавателей подчинить орѳографію опредѣленнымъ законамъ. Желаніе это само по себѣ похвально; однако въ школахъ мы должны учить писать только такъ, какъ всѣми

принято. Школѣ не нужно нововведеній, хотя бы они были дѣйствительными улучшеніями: она должна готовить для жизни въ ея настоящемъ видѣ. Учитель, который заставляетъ учениковъ своихъ отступать отъ общихъ обычаевъ своей націи, доказываетъ явное непониманіе своего положенія и задачи элементарнаго преподаванія. Итакъ, несмотря на ясное сознаніе несовершенства и отчасти произвола нашей ороографіи, мы остаемся при обычаѣ. Послѣдній ведетъ за собою положительныя правила, соблюденіе которыхъ ученикъ долженъ въ полномъ смыслѣ *изучить*. Это предполагаетъ много разнообразныхъ упражненій, а они не должны дѣлаться безъ размышленія, безъ многостороннихъ усилій» (Diesterweg, Wegw. I, 506).

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ РУССКАГО СЛОВАРЯ.

I.

Дополненія и замѣтки къ «Толковому словарю» Даля.

Въ продолженіе многихъ лѣтъ я, при встрѣчавшихся случаяхъ, записывалъ слова, которыхъ не находилъ въ нашихъ словаряхъ. Здѣсь собраны въ азбучномъ порядкѣ тѣ изъ нихъ, которыя пропущены и покойнымъ В. И. Далемъ. Къ нимъ присоединены также нѣкоторыя слова, хотя и занесенныя имъ въ *Толковый Словарь*, но не вполнѣ удовлетворительно или не во всѣхъ своихъ значеніяхъ тамъ объясненныя. Такія слова, какъ уже находящіяся въ словарѣ Даля, отмѣчены у меня звѣздочкою. Изъ этого списка не исключены и попадавшіяся мнѣ чисто-мѣстныя слова: они также могутъ пригодиться нашимъ будущимъ лексикографамъ. Народныя слова записаны мною или по собственнымъ моимъ наблюденіямъ (особенно въ Ряз. губ.), или по замѣткамъ, сообщеннымъ мнѣ достовѣрными людьми. Сверхъ того, сюда включены также нѣкоторыя слова, собранныя и обязательно доставленныя мнѣ А. К. Жизневскимъ изъ Твери: они отмѣчены поставленною въ скобкахъ буквою Ж. Приношу здѣсь мою признательность какъ ему, такъ и другому просвѣщенному лицу, имя котораго означено буквою Г при словахъ, въ разное время имъ сообщенныхъ въ мою коллекцію, часто съ запросомъ о ихъ значеніи или происхожденіи[1]. Удареніе ставлю вообще только тамъ, гдѣ оно

[1] Слова, въ первый разъ заносимыя въ настоящее 3-е изданіе *Фил. Раз.* отмѣчаю цифрою 1, какъ ссылкою на это примѣчаніе.

можетъ казаться сомнительнымъ. При ссылкахъ на Рейфа, я разумѣю здѣсь, какъ и вездѣ, не ручные словари покойнаго лексикографа *), а большой его этимологическій словарь, изданный въ 1835 году.

Нелишнимъ считаю прибавить, что въ X-мъ томѣ *Сборника Отд. р. яз. и сл.* напечатаны дополненія къ словарю Даля, записанныя П. В. Шейномъ, а въ XI томѣ того же изданія дополненія и замѣтки I. Ф. Наумова.

АЛЫЧА (Г.). Закавказскій плодъ, изъ котораго приготовляется варенье.

АНТОНОВЪ ОГОНЬ *. Тутъ не излишне было бы прибавить, что такъ (feu d'Antoine, Antonius-feuer) первоначально называлась воспалительная рожа, которая въ 11-мъ вѣкѣ распространилась въ западной Европѣ и отъ которой, по народному повѣрью, исцѣляли мощи св. Антонія.

БАДЕМЪ [1]. Родъ крупныхъ орѣховъ, которые водятся въ Крыму: «орѣховъ бадемъ, уродившихся въ изобиліи, на ялтинскомъ базарѣ вовсе нѣтъ, а орѣхи фундуки стóятъ 20 коп. за фунтъ» (газетная замѣтка).

БÁЛОВА [1]. Коршунъ. (Орл. губ.).

БÁТАРЬ. «Растетъ лопухъ, репья, всякій *батарь*, какъ говорятъ здѣсь» (изъ Тамб. губ.). *Спб. Вѣд.* 1868, № 177.

БЕЗТАКТНЫЙ [1]. Пропущ.

БИРЪ. Поголовная подать, платимая царанами въ Бессарабіи (*Воен. статист. обозрѣніе Бессар.*).

БЛАГОЮРОДСТВОВАТЬ (Ж.). (Моск.).

БОГОМИЛЪ *. Послѣдователь особой ереси; см. Пыпина *Ист. слав. литературъ* (статья Болгарія, стр. 59 и далѣе).

БОЁКЪ *. Та часть цѣпа, которою бьютъ хлѣбъ. (Другая часть называется *кáдочка*, а кожа, которою обѣ части соединяются— *пýтце*).

БОКОВУША [1]. *Въ Л.* **) I, 5.

БОМЪ *. Трудно проходимое ущелье; трудно проходимая тропинка между скалами въ горномъ ущельи (Сибирь).

---

*) Погибшаго такъ трагически 26 сент. 1872 г. въ Карлсруэ отъ руки домашняго убійцы (См. *Гражданинъ* этого года, № 22).

**) Т. е. *Въ Лѣсахъ*, соч. Печерскаго (П. И. Мельникова).

БОСОЙ *. *Босая лошадь* — такая, у которой плохія, слабыя копыта; противоположн. *обувистая лошадь*. (Послѣднее означено у Даля).

БОЧКА *. Небольшая сѣть, употребляемая для лова снетковъ въ Пск. губ. (*Военно-статист. обозр. Пск. г.*).

БОЯРЫНАЩЪ. Человѣкъ, не происходящій отъ дворянскаго сословія, но достигшій низшихъ молдавскихъ чиновъ, дающихъ нѣкоторыя боярскія права (Бессар.).

БРАТЁНИКЪ *. Двоюродный братъ (Смол. губ.).

БРАТЪ-ДѢТИ. Двоюродные братья. «Мы съ нимъ *братъ-дѣти*». (Смол.).

БРАШНО *. При этомъ словѣ необходимо было бы прибавить ссылку на народное *бо́рошно* (ржаная мука), которое есть и у Даля, но не сближено съ книжнымъ, болѣе извѣстнымъ *брашно*. См. *бо́рошень*, при которомъ къ объясняющимъ словамъ надо было присоединить *багажъ*: «Свита слѣдовала за нимъ съ борошнемъ (т. е. съ багажемъ) на другой яхтѣ». (Устрялова *Ист. Петра В.*, т. IV, стр. 108).

БРУСНИЦА [1]. Зачерпывалъ брусницу. *А. К.* *) II, 29.

БУБУХАЛИ-ПУШКИ. *Война и Миръ*. IV, 318.

БУСѢЕТЪ. (Волог.) плѣснѣетъ.

БѢЛИЗНА (Г.). Рыба въ Кіевской губерніи. См. отчетъ кіевскаго губернатора за 1869 годъ.

БѢЛУХА. Названіе высочайшей горы въ Алтайскомъ хребтѣ.

ВАЛОКЪ *. (Пейп.). Мѣшкообразная сѣть для лова угрей.

ВАЛУХЪ [1]. У Даля ошибочно: *валахъ*. Такой формы нѣтъ.

ВАРНАКЪ [1]. Бѣглый каторжный. *Въ Л.* I, 190.

ВЕЛИЧУРКА (Г.). Родъ гречневой крупы (изъ «Офиціальнаго торговаго прейсъ-куранта С.-Пбургской биржи при Финансовомъ обозрѣніи 1880 г., № 23.

ВЕРЕВОЧНОЕ ПРОИЗВОДСТВО (Г.). Слѣдующіе сорта́ веревокъ, приготовляемые между прочимъ въ Ржевѣ, не упомянуты въ словарѣ Даля: *канавная*, *логлинъ*, *сахарникъ*, *стекленъ*, *хриптинка*.

ВЕРЕТЕННИЦА *. «Это слово имѣетъ въ зоологіи двоякое значеніе: такъ называется: 1) мѣдяница, Anguis fragilis, животное переходное отъ ящерицъ къ змѣямъ, по-нѣм. Blindschleiche, и 2) родъ молюсковъ, Fusus, раковина котораго похожа на веретено, откуда и нѣмецкое названіе его: Spindelschnecke, или просто Spindel». (Замѣтка Л. И. Шренка)

---

*) Т. е. *Анна Каренина*, соч. гр. Л. Толстаго.

верховой *. При этомъ словѣ надобно еще прибавить реченіе: *верховыя пушки* = мортиры. (Устр. *Исторія Петра В.*, т. II, стр. 187).

вжикать. Коса вжикала. *А. К.* II, 28.

взаимодѣйствіе. (Давно введенное и всѣмъ извѣстное слово).

вздорникъ. Пропущено у Даля, хотя происходящій отъ этого имени глаголъ *вздорничать* поставленъ на своемъ мѣстѣ.

взбродъ *. Груда соломы, также стогъ сѣна.

видъ *. «Ружье, стволъ котораго къ концу толще и потому шире,— называется или называлось: *съ видомъ*». (*Восп.* Аксак., стр. 150).

вихорничать. Быть легкомысленнымъ, напр. часто мѣнять мѣсто службы. (Ряз. губ. Данк. у.).

вовкулака * (вм. волкодлакъ) есть очевидно не великорусская форма и потому не должно стоять на первомъ мѣстѣ; форму же *волкодлакъ* слѣдовало включить въ гнѣздо слова *волкъ*. Любопытно сравнить въ Сербскомъ словарѣ Караджича обширныя поясненія подъ словомъ «*вукдлак*». *Длака*, серб. = волосъ конскій или коровій; клокъ волосъ. См. также Пыпина *Ист. слав. литературъ*, стр. 74.

вода *. При этомъ словѣ надобно объяснить употребленіе его съ слѣдующими прилаг.: *Матерая* —, глубь; *сочная, жирная* —, глубина въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ межень бываютъ отмели; *сухая* —, мелкая; *живая* —, глубь, ближайшая къ обмелѣвшему мѣсту.

водовикъ. Большія сани, употребляемыя при ловлѣ снетковъ въ Пск. губ. подъ свозъ *запаса* (см. это слово). Водовица, особая ладья, употребляемая лѣтомъ при запасахъ. (*Воен.-статист. обозр. Пск. губ.*, стр. 102).

вопополица. Еще форма словъ *водополь* и *водополье*.

вюзеро, вокошко *). Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Смоленской губ. (Порѣчскомъ, Духовщинскомъ, Красненскомъ и частью Смоленскомъ) слышится призвукъ *в* передъ начальнымъ *о* во всѣхъ словахъ.

возжаться [1]. Возиться. *Въ Л.* I, 386.

волонёръ. Рослый и дюжій, но лѣнивый парень.

волосецъ. (Сиб.). Волосатикъ.

---

*) Само собою разумѣется, что эти слова помѣщаются здѣсь не для включенія въ словарь, а только ради приложеннаго къ нимъ замѣчанія, — какъ нѣкоторыя другія ради сопровождающаго ихъ поясненія или примѣра.

волчокъ (Г.). Въ объяснит. запискѣ къ смѣтѣ расходовъ Департ. неокл. сборовъ на 1879 г., на стр. 2, при исчисленіи расходовъ на починку испортившихся контрольныхъ снарядовъ по винокуренію, говорится: на замѣну мелкихъ частей, какъ-то: *волчковъ* и т. д. У Даля слово *волчокъ* въ этомъ смыслѣ не находится

волошскій [1]. Употребл. какъ нарицательное прилагат., напр. въ названіи извѣстнаго рода орѣховъ *волошскіе*, то же, что *грецкіе*. Таково же значеніе перваго слога въ германскомъ Wallnuss (valhnot), гдѣ val сокращ. изъ ср. верхненѣм. walh, дрвн. walah, нвн. welsch = иностранный, особенно франц., итал., вообще романскій. Этотъ орѣхъ, родомъ изъ Кашемира, къ Нѣмцамъ первоначально вывезенъ былъ изъ Италіи и Франціи (Weigand. D. WB.).

воодушевленіе. Пропущено у Даля, такъ же какъ и въ академич. словаряхъ.

воротъ * (Ж.). Двое дѣтей, а третій *на вороту*. (Новг.).

всесторонній, **всеуслышаніе**. } Пропущены.

всклокоченный. Пропущено; но въ живомъ языкѣ употребляется чаще нежели книжное *всклоченный*, хотя и признанное по Гречевой грамматикѣ единственно вѣрнымъ.

вспырскивать. «Жаворонки вспырскивали». (*Война и Миръ*, IV, 18). *Пырскать* у Даля означено только подъ *прыскать*.

встрепыхалась, какъ курица (*Война и Миръ*, IV, 146).

вчиниться * (Ж.). *Вчинился* не въ свое дѣло. (Пск.).

выводъ *. Плата, которую женихъ вноситъ за невѣсту роднымъ.

вырезубъ *, рыба. По Далю, Cyprinus dentex, съ прибавленіемъ въ скобкахъ Cephalus. при вопрос. знакѣ. Слышавъ иногда *верезубъ*, я по этому поводу обращался къ Л. И. Шренку, который между прочимъ отвѣчалъ мнѣ: «Cypr. cephalus, какъ Палласъ называетъ эту рыбу, водится въ Черномъ морѣ (а также и въ Каспійскомъ), и изъ него подымается далеко вверхъ по рѣкамъ южной Россіи. По Кесслеру (Путеш. къ сѣверн. берегу Чернаго моря) вырезубъ — Leuciscus Friesii, и встрѣчается во всей южной Россіи. Палласъ приводитъ народное названіе указываемой имъ рыбы изъ Малороссіи: *вырезубъ* и *вирезубъ*. Онъ объясняетъ это названіе тѣмъ, что нѣкоторые изъ зубовъ, которыхъ у этой рыбы вообще очень немного, да и то лишь въ глоткѣ, въ нижней своей части выдолблены или какъ бы съ вырѣзкою. Кесслеръ приводитъ названія *вырезубъ* и *вырѣзъ*, не объясняя ихъ».

выточки [1]. Перешивая, сдѣлала выточки не на мѣстѣ. *А. К.* II, 44.

вѣкуши (Ж.). Старыя дѣвки, раскольницы, начетчицы, учатъ дѣтей грамотѣ. (Самар.). У Даля *вѣковуха, вѣкоушка*.

вятка [1]. Есть у Даля въ значеніи толпы, кучи, ватаги. Употреблено нѣсколько иначе въ замѣткѣ, означенной ниже подъ словомъ *сламъ*.

галера *. На Днѣстрѣ паро́мъ въ 6 саж. ширины и въ 12 длины, подымающій тяжести отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ пудовъ. (*Воен. статист. обозр. Бессарабіи*).

гицель [1]. «На наемъ гицеля для отравленія собакъ 120 руб.» (*Нов. Время* 1880 г., № 1642, корреспонденція изъ Нѣжина). Что это за слово? не отъ нѣмецк. ли Hetzer—ferarum captator? (см. Словарь братьевъ Гриммовъ). Конечное *ч* могло перейти въ *л*, такъ же, какъ напр. въ словѣ дрягиль (träger).

глаголь [1]. Висѣлица въ формѣ буквы Г. Изъ актовъ, относящихся къ эпохѣ Пугачевщины.

головашка. Носокъ лаптя. См. лапоть.

голомена́ми *. Попеременно или чрезполосно (о бурѣ или дождѣ).

голомень * или **голомя** *. Плоская сторона полосы у меча, сабли и пр. (Савваит. *Описаніе царскихъ утварей* и пр., стр. 165).

голомысый *. Не только безбородый, но вообще голый, обнаженный, напр. голомысое дерево; т. е. безъ листьевъ (ср. древ. голо(м)усый).

гомозиться *. Помѣщено неправильно подъ словомъ *гомъ*. Корень его ясенъ изъ чеш. hmiz = насѣкомое.

гоне́вщикъ. Занимающійся гоньбою.

гоношить *. (Ж.). Суетиться (Твер.), грести сѣно (Новоторж. у.).

горлодранецъ. То же, что горлодеръ.

горлюна́, раст. Bunias orientalis. У Даля и въ Бот. словарѣ Анненкова *Горлупникъ*.

горянщина *. Разная посуда, глиняная и фаянсовая, коробья и всякія деревянныя издѣлія, сплавляемыя въ низовые поволжскіе города съ *горы*, т. е. съ верховьевъ Приволжья, преимущественно изъ Городца и Балахнинскаго уѣзда Нижегор. губ.

гремячъ. Народное названіе ключа, по которому такъ называется множество селеній въ разныхъ губерніяхъ.

гречи́ще. Поле, съ котораго снята греча (у Даля ошибочно: гре́чица).

гривьё, собират. имя.

грива *. Продольная отмель въ рѣкѣ (Сиб.).

грыдоровать. Вм. *гравировать*, въ 18-мъ вѣкѣ. Одно изъ многихъ

словъ первой эпохи новой русской письменности, которыя еще не вошли въ наши словари. См. выше въ этой книгѣ (стр. 292) замѣтку *о нѣкоторыхъ старинныхъ техническихъ терминахъ р. языка.*

ДАДЕНЪ. Употребительное въ народѣ страд. причастіе гл. *дать.* Такимъ же образомъ говорится: *отдаденъ, продаденъ.* (Смол. губ.).

ДАНЬ. Царь любитъ дань (народ. поговорка).

ДАЧА*. Далемъ пропущено значеніе, показанное въ акад. словарѣ: «Угодья и земли, принадлежащія помѣщику или государственнымъ крестьянамъ. *Въ моихъ дачахъ много строевого лѣсу. Лѣсная дача*». Въ этомъ смыслѣ говорятъ, напр.: *У него дурная, неудобная, безобразная дача,* т. е. дача, по своему очертанію или другимъ обстоятельствамъ невыгодная.

ДЕМЬЯНКА *. Огородный овощъ, плодъ котораго съ виду похожъ на огурецъ, весьма употреб. въ Астрахани и за Кавказомъ, гдѣ называется *бадиджаномъ,* а въ средней Россіи болѣе извѣстенъ подъ именемъ *баклажана* или *подложана* (solanum melangena, ducamara, pomme d'amour).

ДЕСЯТИНА *. Подъ этимъ словомъ пропущены у Даля названія *тридцатка, сороковая* и *сотенная,* которыя и на своихъ мѣстахъ не объяснены имъ въ отношеніи къ десятинѣ.

ДЖУТЪ*[1]. По поводу частыхъ газетныхъ толковъ о джутовыхъ мѣшкахъ собраны мною слѣдующія свѣдѣнія. Jute (слово бенгальскаго языка) означаетъ растеніе изъ рода tiliaceae Corchorus, различные виды котораго съ незапамятныхъ временъ воздѣлываются въ Восточной Индіи ради добыванія волоконъ и отчасти въ пищу. Нынѣ C. capsularis въ особенности сильно разводится въ Индіи, на Малайскихъ островахъ, въ южномъ Китаѣ и даже въ Алжиріи. Употребляется собственно для волоконъ лубъ растенія, и тамъ, гдѣ его родина, джутъ искони служилъ на изготовленіе веревокъ и тканей. Наибольшее количество его вывозится изъ Калькутты въ сыромъ видѣ. Въ Европѣ онъ вошелъ въ употребленіе съ 50-хъ годовъ, когда Крымская война лишила Англичанъ привоза русской конопли; потребность въ немъ еще усилилась во время американской междоусобицы за недостаткомъ хлопчатки. Теперь матеріи изъ джута, а также мѣшки, выдѣлываются на фабрикахъ, какъ въ Великобританіи (преимущественно въ Шотландіи), такъ и на материкѣ. Джутовые мѣшки идутъ къ намъ, вѣроятно, главнымъ образомъ изъ Англіи.

дикасится — ведетъ себя какъ дикій.

доловатый. *Рожь доловатая* — растущая въ долинѣ или лощинѣ.

домбра. Варганъ. У Даля есть *домра́* съ значеніемъ: «азіатская балалайка съ проволочными струнами».

домнешты. Бессарабскія яблоки.

дороговь *. (Ряз.). Дороговизна.

дорожка *. (Пейп.). Рыболовный крючокъ, висящій на шнуркѣ.

достаканъ, достоканъ. Другая форма словъ: *досканъ, досканецъ* и сокращ. *стаканъ* *) (вм. дстаканъ, какъ *чанъ* вм. *дщанъ*) **). «Кубки золоченые и не золоченые съ пупышами, травами и достакановымъ дѣломъ». (*Ист.* Соловьева, т. V, стр. 481). «Кувшины бочки, ендовы, достаканы» (тамъ же, т. VII, стр. 4).

достодолжный. достославный, достохвальный, достоуважаемый, досточтимый. Всѣ эти слова пропущены Далемъ.

дужка [1], часть грудинки у птицы, должно несомнѣнно стоять подъ словомъ *дуга*, а не подъ *душа*, гдѣ оно написано *душка*, съ прибавленіемъ въ скобкахъ въ видѣ вопроса: *дужка.*

душевой надѣлъ [1]. Надѣлъ на душу.

душь [1], ж. р., въ значеніи дождеобразнаго или струевого обливанія, а не душъ, м. р.

дыба *. Подробное объясненіе этого орудія пытки см. въ *Соч. Держ.*, 1-е изд. Ак. Н., Т. III, стр. 629.

дымка *. Головной женскій уборъ, по большей части изъ шелковой матеріи, часто съ цвѣтами.

дѣловитый, дѣловитость, *Спб. Вѣдом.* 1867, нояб. 10.

дядька *. Дядя (Смол. губ.).

егорій *. У Даля ошибка въ пословицѣ: «Коли къ Егорью листъ не въ полушку, не жди, чтобъ къ Ильину дню класть рожь въ кадушку». Должно быть: *въ кладушку*, т. е. въ одонушко, небольшой скирдъ.

ервоизъ. Земляной зайчикъ. Объ этомъ названіи Л. И. Шренкъ сообщаетъ: «То же, что бабукъ, или тушканчикъ, грызунъ съ длинными задними (прыгательными) ногами; водится въ степяхъ южной Россіи и Сибири. По-французски животныя этого рода, въ особенности Dipus Sagitta (тушк. быстрый), назы-

---

*) Какъ замѣчено и Далемъ подъ сл. *стаканъ*; но въ своемъ мѣстѣ слово *достаканъ* не занесено у него. Совершенно произвольно сближали *стаканъ* съ словомъ *стекло*. Тутъ сходство звуковъ случайное. Стаканы были сперва не стеклянные. Слово же *стекло* готскаго происхожденія.

**) Магницкій въ своей Ариѳметикѣ пишетъ *тчанъ*.

ваются «gerboise», по-нѣмецки и англійски «jerboa»; отсюда конечно и русское *ербоизъ*, названіе, впрочемъ, во всякомъ случаѣ лишь книжное, въ народѣ неупотребительное».*).

ИРМОЛАФІЯ (отъ ирмологія). Семинарское слово: дребедень, шумная, многословная болтовня.

ЖАЛЕЙКА. Дудка изъ камыша (у Даля есть, но ошибочно занесено въ своемъ мѣстѣ и *желейка*).

ЖÁМКИ. ЖÁМОЧКИ [1]. (Ряз. губ.). Пряники.

ЖАРОВИНА. Растеніе: vaccinium, oxycoccos; canneberge, coussinet des marais (Рейфъ).

ЖИТОКЪ. (Изъ муром. легенды, по Буслаеву. *Атеней* 1858, № 30).

ЗАБАВА *. Стар. и народ. Замедленіе, причина замедленія. *Забавиться* — замѣшкаться. *Позвольте итти: я не забавлюсь.*

ЗАБАСТОВКА. «Нелѣпое притязаніе не допускать до занятій рабочихъ въ той отрасли промышленности, гдѣ устроилась *забастовка*», т. е. стачка (*Моск. Вѣд.* 1869, № 130: «Изъ Парижа»).

ЗАВѢЖКА [1]. Малый пароходъ. *Въ Л.* I, 142.

ЗАВÁРЪ [1]. (Г.) «Еще во время крѣпостного права во всѣхъ крупныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ Пермской губерніи хозяйственные расчеты велись по «заварамъ», имѣющимъ то отличіе отъ періода гражданскаго года, что началомъ завара считается не январь мѣсяцъ, а май». По представленію мѣстнаго губ. присутствія министръ финансовъ въ 1877 г. ходатайствовалъ о сохраненіи этого срока и для взноса выкупныхъ платежей.

ЗАВѢСЫ [1]. (Ряз. губ.). Передникъ, подвязанный подъ мышки.

ЗАГОЖЕЧКА [1]. (Новг.) **), кукушка. Надо закусить хлѣба соли, чтобъ кукушка не закуковала. По понятію народному, кто въ первый разъ услышитъ голосъ кукушки на тощій желудокъ, тому будутъ предстоять бѣды и напасти. (П.). У Даля *загозка*, безъ означенія мѣстности. Нельзя при этомъ не вспомнить зегзицу Слова о полку Игоревѣ.

ЗАКОЛЯНИТЬСЯ. «Ахъ вороны, заколянились! кричали на ополченцевъ, замявшихся передъ солдатомъ съ оторванной ногой». (*Война и Миръ*, IV, 298).

---

*) Описаніе этого животнаго, сдѣланное на мѣстахъ; гдѣ оно водится, см. въ *Соч. Держ.*, Т. V, стр. 385.

**) Слова, означенныя здѣсь въ началѣ словомъ *Новг.*, а въ концѣ буквою П., доставлены въ 1878 г. во 2-е Отдѣленіе Академіи Наукъ членомъ Новгородскаго статистическаго комитета Ѳ. Ѳ. Пардолоцкимъ.

Закорузлый, или заскорузлый. (У Даля только глаголъ *заскорузнуть*.

Заличить [1]. (*Ряз.*). Вынимая кирпичи изъ печи, ихъ сортируютъ и кладутъ такъ, что бѣлые остаются сзади и не бываютъ видны за красными, помѣщаемыми впереди. Тогда говорятъ, что «кирпичи заличены».

Заносы *. *Спб. Вѣд.* 1867. № 297. Судеб. хрон.

Запасъ *. Неводъ особеннаго устройства для ловли снетковъ въ Псков. губ. Главныя составныя части запаса: матна и два крыла. (*Воен.-стат. обозр. Пск. губ.*, стр. 101).

Запись *. (Въ древнихъ рукописяхъ или на вещахъ). Обыкновенно помѣщенное въ концѣ рукописи свѣдѣніе о томъ, кто ее составлялъ или переписывалъ, и о времени ея происхожденія. *Спб. Вѣдом.* 1867, № 304. Засѣд. Археолог. Общ.

Заплечики [1]. (Типогр. терм.). Разстояніе между буквами. *Р. Вѣстн.* 1872, май, стр. 336.

Заплотъ *. «Заплотами въ Оренбургскомъ краю обыкновенно крѣпости окружаются». (Донес. кн. Щербатова отъ 1 іюня 1774 въ архивѣ Генер. штаба).

Засидки *. «Темные осенніе вечера установили между рабочимъ населеніемъ одинъ весьма своеобразный обычай — празднованіе такъ называемыхъ «засидокъ», т. е. начало работъ при вечернемъ освѣщеніи... Начало *засидокъ* совпадаетъ съ послѣдними числами августа или первыми сентября».(*Русс. Инв.* 1866, № 232). У Нѣмцевъ Lichtbraten.

Застава * (Пейп.). Сѣть, прикрѣпляемая однимъ концомъ къ отверстію ризца, которое она раздѣляетъ на двѣ половины, другимъ же къ жерди втыкаемая въ дно саженяхъ въ трехъ впереди ризца. Этимъ же именемъ (*заставой*) называется сѣть, разставляемая въ нѣкоторомъ разстояніи отъ проруби, чрезъ которую вытягиваютъ зимніе невода.

Заставка [1]. Точнѣе чѣмъ у Даля можетъ быть опредѣлено такъ: живописное украшеніе, помѣщаемое въ началѣ рукописи или книги, или передъ началомъ каждой статьи, входящей въ составъ ихъ.

Засынка [1]. *Въ Л.* I, 376.

Зашиваться хмелемъ. Запивать. *Въ Л.* I, 27).

Зеленуха (собир.). Зеленые плоды, ягоды и проч.

Зметъ (сѣверн.). Фасонъ.

Зола *. Пропущена поговорка: «Надо сѣять хоть въ золу, да въ пору» (не пропускать срока для сѣва).

ЗРАЗЫ (Г.). Извѣстное польское кушанье, весьма употребительное и въ Россіи. *Зразы* рубленые.

ИЗАРБАТЪ. У Рейфа: «brocart, étoffe de soie brochée d'or». Въ акад. словарѣ: зарбавъ, родъ парчи. Собственно *зербафъ*, персидское слово, то же что парча, золотная или серебряная, ткань съ узорами шелковыми, серебряными и золотыми (П. Савваитова *Описаніе старинныхъ царскихъ утварей* и проч., стр. 173). Изъ этой дорогой ткани дѣлались съ 1666 г. нарядныя одежды (П. Строева *Указатель къ Выходамъ Государей* и проч., стр. 30).

«Въ изарбатахъ бы ходили,
Во парчахъ и во камкахъ».
(*Соч. Держ.*, Т. IV, стр. 88 и 89).

ИЗБА *. Пропущ. поговорка: «Моя изба съ краю, я ничего не знаю».

ИЗЖИВАТЬ *. (Ж.). *Изживаю* третьяго мужа.

ИЛКА. Особенный сортъ темной глины.

ИЗГАРЬ. Употреб. и переносно, для означенія износившейся, негодной вещи, напр, одежды, или принадлежностей старой телѣги.

ИЗМОРЪ. (Ж.). Ледъ *измо́ромъ* пойдетъ. (Твер.), — то́ же, что *заморомъ*, т. е. то пойдетъ, то перестанетъ итти.

ИСАДЫ *. Владѣніе, дача.

КАЗНА БѢЛАЯ *. Полотна, скатерти (Бусл. *Ист. Грам.* II, § 219).

КАЛИБЕРЪ *. Извозчикъ съ дрожками особаго устройства. (*Моск. Вѣд.* 1864, № 112. Моск. отмѣтки).

КАЛМЫШКА. (пашни). *Война и Миръ*, IV, 319.

КАЛО. *Война и Миръ*, V, 89.

КАНЬГА́ *. Краденое желѣзо, по Камѣ (*Русск. Дневникъ* 1859, № 2). Слѣдоват., вопросительный знакъ у Даля не нуженъ.

КАПЦУКЪ * (намордникъ, наголовникъ на молодыхъ лошадей). Такъ у Даля; у Рейфа же *Капцунъ* (Kappzaum).

КА́ФТЫРЬ. *Въ Л.* I, 334.

КЕЛЕЙНИЦЫ (Ж). Дѣвки, имѣющія наклонность къ монашеской жизни, б. ч. раскольницы. (Самар. губ.).

КЕНЕ́СИТЬ. Совѣтоваться, разсуждать о чемъ (у Сиб. казаковъ на Иртыш. линіи; отъ киргиз. *кенесъ*, совѣтъ).

КИНЗА́. Bifora radians, зонтичное растеніе непріятнаго запаху, употребл.. въ пищу за Кавказомъ.

КИ́ПЕННЫЙ (отъ кипень — пѣна). Сѣдой какъ лунь.

КИ́РЗА. У Даля: «верхній слой земли, почва». Но это слово имѣетъ

еще и совершенно другое значеніе: грубое сукно кинерже, gekepertes Tuch, т. е. тканое вкось (нѣм. kirsei. англ. kersey. фр. créseau).

кѝты. Кульки, набитые камнемъ или землею, погружаемые у *подножья* учуговъ для укрѣпленія ихъ (Астр.).

кичкиры (чикчиры?). «Любуясь... красивыми формами своихъ ногъ подъ натянутыми кичкирами» (*Война и Миръ*. V, 194).

кладки * (множ.). Гранитная стѣна поперекъ Днѣстра, ниже Ямполья, не выдающаяся изъ воды и тѣмъ болѣе опасная. (Бессар.).

кладышъ. Кладеный баранъ.

клеваншый. Проворный, смѣтливый. *Въ Л.* I, 274.

клёвъ * (рыбы). «... я рѣдко удилъ рыбу, вѣроятно потому, что въ это время года клёвъ всегда бываетъ не значительный: я разумѣю клёвъ крупной рыбы». (Аксак. *Воспом.* стр. 197).

клюкá. Переплыть въ клюкахъ *Въ Л.* I, 160.

книксенъ. Пропущено.

кобура, или кабура *. Футляръ для пистолета у пояса или на сѣдлѣ.

козно (?). Въ козны играть. *Въ Л.* I, 142.

коккуй. Купало, сельская игра 23 іюля. (Бусл. *О преподав. отеч. яз.* ч. II, стр. 350). Ср. фин. Kokko.

кóлбовый пирогъ. Этого названія, какъ и вообще прилаг. колбовый, нѣтъ въ словарѣ Даля. Такъ называется довольно извѣстный въ русской кухнѣ круглый пирогъ. Корень слова вѣроятно тотъ же, что въ словѣ коло = кругъ.

колодезня. «Пчеловодъ открываетъ верхнюю колодезню и осматриваетъ голову улья». (*Война и Миръ*, V, 84).

колоколецъ * (Ж.). Предсмертное клокотаніе мокроты, поднимающейся къ горлу. (Твер.).

колча *. «... проѣхали по вновь проложенной артиллеріею по колчамъ пашни дорогѣ». *Война и Миръ*, IV, 256.

колъ. Въ поговоркѣ: «ни кола, ни двора» *колъ* имѣетъ значеніе, въ словарѣ Даля необъясненное. «Это — полоса пахотной земли, шириною въ двѣ сажени. Слѣдовательно не имѣть *кола* значитъ не имѣть пашни... Итакъ приведенная поговорка употребляется въ крестьянскомъ быту для означенія человѣка, *неимѣющаго недвижимаго имущества* и живущаго личнымъ трудомъ, а вовсе не въ смыслѣ *дурного хозяина*, какъ утверждаетъ Даль». Авторъ замѣтки, откуда взяты эти строки, г. Александръ Борзенка, объясняетъ, что въ селахъ нѣкоторыхъ мѣ-

стностей Ярославской губ. земля измѣряется кольями, что тамъ слѣдов. *колъ* имѣетъ первоначальное значеніе мѣры для распредѣленія земли и что названіе мѣры перенесено на отмѣряемое пространство. (Выписано мною изъ *Москов. Вѣдом.* конца 1870-хъ годовъ, но къ сожалѣнію, безъ точнаго обозначенія года и нумера газеты). Выше, стр. 38, уже указано на ту странность, что Даль помѣстилъ слово *колъ* не въ гнѣздѣ глагола *колоть*, какъ явно слѣдовало, а отдѣльно, и притомъ пріурочилъ къ нему глаголъ *комъть*, который относится совершенно къ другому корню.

концессія[1]. Предоставленіе правительствомъ права на какое-либо общественное, особенно желѣзно-дорожное предпріятіе.

копа (Бѣлорус.). Шестьдесятъ.

копань. *Въ Л.* I, 266.

копейщикъ. По толкованію Мертваго (см. его, «Автографич. Записки» въ *Р. Архивѣ* 1867, стр. 21), такъ назывались въ Пугачевщину конные вооруженные люди, получавшіе отъ правительства по копейкѣ въ день жалованья. Руничъ же въ своихъ Запискахъ (*Р. Старина* 1870 г., № 10, стр. 344) говоритъ, что копейщики были такъ названы по своимъ копьямъ. Они поступали въ эти отряды добровольно изъ казенныхъ крестьянъ.

корень. Не означены выраженія: десятина остается на корню, лошадь въ корню.

корешокъ[1]. У Даля не показано значеніе этого слова въ переплетномъ дѣлѣ: «книга въ корешкѣ».

коромысликъ. (*Моск. Вѣд.* 1865, № 130). Насѣкомое, иначе *коромысло.* По объясненію Л. И. Шренка: «сѣтчатокрылое насѣкомое рода Libellula, въ особенности самый большой видъ его, Lib. (или лучше Aeschna) grandis» *).

кóрточки (Г.) «Золото и серебро въ корточкахъ и зернахъ». (Отчетъ Госуд. Контроля по исполненію росписи 1875 г., стр. 620).

кособочина. Неровность на гладкомъ мѣстѣ, маленькій косогоръ.

косякъ * кобылицъ. «... уже степной жеребецъ гордо и строго пасетъ косякъ кобылицъ своихъ, не подпуская къ нему ни звѣря, ни человѣка». (Акс. *Сем. Хр.*, стр. 26).

котлубáни *. Озеровидныя расширенія рѣки Урала (Н. Данилевскій).

---

*) Насѣкомое изъ рода стрекозы. По-фински стрекоза, довольно сходно съ русскимъ словомъ нашего текста, называется: *Sudenkorento* (волчье коромысло). Ahlqvist.

котляный *. Темносиній.

коточекъ *. Баранья кость, съ одного конца заостренная, употребляемая для исканья въ головѣ.

кошакъ *. Рѣшетка изъ тонкихъ шестовъ, привязываемая къ сваямъ учуга. (На Уралѣ и въ Астрах.).

коширный. Коширное мясо (*Спб. Вѣдом.* 1856, № 277, о Бердичевѣ). У Даля *кошира* = овечій хлѣвъ.

кошоба вм. **косьва**. (Ж.). Записано въ сельцѣ Пекуновѣ. Корчевскаго уѣзда (Твер. губ.), при впаденіи Дубны въ Волгу.

красная лоза. (Г.). Кусты въ Кіевской губерніи. (См. отчетъ Кіевскаго губернатора за 1869 годъ.

краснoперка. Высшій сортъ пшеницы.

краснорядецъ. Купецъ или сидѣлецъ, торгующій въ рядахъ краснаго товара. (Никитина *Кулакъ*, стр. 127).

красны *, вм. кросны. (Муром. легенда, по Буслаеву. *Атеней* 1858, № 30).

крень. «Самый крень», т. е. развалъ ярмарки (Ниж. Нвгр.).

крутиголовка (пташка). Junx torquilla, le torcol (то же, что *вертиголовка*, *вертошейка*).

круша. Спб. Вѣд. 1865, № 155.

крѣпостникъ. Сочувствующій крѣпостному праву.

крючокъ *. «Выпивъ лишній крючокъ на тычкѣ». (*Война и Миръ*, IV, 224).

кубанъ (Рязан.). Рыболовная снасть.

кубышъ (Г.). Въ 1877 г. разсматривалось въ Госуд. Совѣтѣ представленіе объ исключеніи изъ Свода Законовъ нѣкоторыхъ статей лѣсного устава, гдѣ въ ст. 588 сказано: «Сіи же самыя предосторожности должны быть наблюдаемы... при удобреніи полей жженіемъ кубышей и суковъ». Слово *кубышъ* въ словарѣ Даля не находится.

кулакъ *. «Мелкій базарный перепродавецъ, который по нуждѣ и обвѣситъ и обмѣритъ; въ общемъ же смыслѣ всякій, кто личному интересу, матеріальной выгодѣ жертвуетъ всѣми другими соображеніями». (*Спб. Вѣд.* 1858, № 165, фельетонъ). Кулакъ самъ не имѣетъ ни капитала, ни лавки.

куролесить. Собственно, пѣть kyrie eleison = Господи помилуй, но получило значеніе: поступать странно, проказить. «Что онъ тамъ накуролесилъ!»

кутейникъ. «... она терпѣть не могла семинаристовъ, въ чемъ совершенно соглашался съ нею мой отецъ, который называлъ ихъ кутейниками». (Акс. *Восп.* стр. 127).

КУХТАТЬСЯ. Не показано значеніе, когда говорятъ про погоду: *кухтается*, т. е. хмурится, становится пасмурно передъ дождемъ.

ЛАДЫ *. Употребляется еще въ томъ же смыслѣ какъ стати: лады коровы и др. животныхъ.

ЛАПОТЬ *. Ихъ плетутъ либо съ *ушникомъ*, т. е. съ веревочной каймой, либо (какъ подъ Москвой) въ *простоплетку*, т. е. загибаютъ по краю самое лыко. Первый способъ гораздо выгоднѣе, прочнѣе, такъ что такіе лапти могутъ послужить безъ перемѣны нѣсколько сотъ верстъ, тогда какъ съ простоплеткой пройдешь только одну *пряжку*, т. е. сдѣлаешь только одинъ конецъ (до Москвы изъ южн. части Ряз. губ., гдѣ слышано это объясненіе). Плесть лапти надо въ *расть*, т. е. въ ту пору, когда листья распускаются, изъ *растоваго лыка*; зимой же приходится распаривать лыко. Носокъ лаптя называется *головашкой*

ЛАПУХА *. По Карамзину, значитъ: скарлатина, а не вѣтряная оспа (*Атеней* 1858, № 25, п. 125).

ЛЁДЕНЬ *. (Пейп.). Мѣшкообразная сѣть на обручѣ для очистки прорубей отъ мелкаго льда.

ЛЕДЯНКА *. «... летѣли съ высокой горы... на маленькихъ салазкахъ, конькахъ и лёдянкахъ: ледянки были не что иное, какъ старыя рѣшета, или круглыя лубочныя лукошки, подмороженныя снизу такъ же какъ и коньки». (Акс. *Восп.* 94).

ЛЕЛЯВА [1] (Ряз. губ.), канюка. (У Даля только: леляка).

ЛИКОВАТЬСЯ [1]. У старообр. Прикасаться взаимно лицами. *ВъЛ.* I, 160.

ЛЛЕНОЙ, АЛЛЕНОЙ [1]. Льняной. (Акс. *Сем. Хр.*, стр. 36).

ЛУЗГА * (гречневая), какъ топливо. *Моск. Вѣд.* 1857, № 34.

ЛУКАШЪ [1]. По Далю *лукасъ* и значитъ волкъ, бирюкъ; въ скобкахъ, при вопросительныхъ знакахъ, оно сближено съ лукавый и съ греч. λύκος = волкъ. Съ послѣднимъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ слово *лукáшъ* сродни, но значитъ оно: охотникъ на волковъ, иногда приманивающій ихъ подражаніемъ ихъ вою. Въ 1882 г., когда отъ множества волковъ особенно страдала Финляндія, туда, въ окрестности города Або, вызвано было десять псковскихъ и новгородскихъ лукашей, которые вполнѣ оправдали свою славу, помогая туземцамъ въ истребленіи дерзкаго звѣря. Имъ было между прочимъ поручено обучить нѣсколько финскихъ крестьянъ своимъ пріемамъ. (См. Morgonbladet 1882, №№ 6 и 7). «Недавно одному изъ этихъ охотниковъ, Якиму Иванову Изотову, за успѣшную дѣятельность, по представленію финляндскаго сената, высочайше пожалована сере-

бряная медаль съ надписью «за полезную дѣятельность», для ношенія на груди на станиславской лентѣ». (*Новое Время* 1883 г., № 2529).

лу́коть [1] (Новг.). Деревяшка у сохи. (П.).

лутошливый (?). Не по лѣтамъ смѣтливый (о ребенкѣ).

лучиться вм. *случаться* (Ряз.).

лучо́къ. «... принялся ловить птичекъ силками, крыть ихъ лучкомъ и сажать въ небольшую горницу». (Акс. *Восп.* 15).

льга *. Подъ этимъ словомъ пропущено выраженіе: не во льгу=не въ мочь (или не въ пользу?).

льгота *. У Ломоносова и у Державина=свобода, благосостояніе.

лѣчуха (у Рейфа лечуха). Растеніе: sanicula europaea; sanicle, luzerne.

малёнка * (сѣверн.). Четверикъ.

майна [1] (?) «...спасъ утопавшаго въ майнѣ большой Невы крестьянина». (*Нов. Время* 1880, № 1548).

мангалы *. Огромные коши, наполненные угольемъ (Бесс.). Жаровня, около которой грѣются зимою. (Закавк.).

мара́кулъ [1] (отъ umbraculum = абажуръ). Одно изъ весьма употребительныхъ и всѣмъ извѣстныхъ при Дворѣ словъ, которыя своимъ происхожденіемъ обязаны конечно малограмотной прислугѣ, но между тѣмъ находятся тамъ въ общемъ обращеніи.

мастовье [1] (Г.). Родъ кожи. (Изъ товарнаго прейсъ-куранта подъ рубрикою: *Кожи*).

материкъ *. «Прудъ надулся и весь посинѣлъ, ледъ поднялся, истрескался и отсталъ отъ береговъ, материкъ давно прошелъ и вода едва помѣщалась въ каузѣ».—«...вода-то пойдетъ по канавѣ чай тихо, не то что прямо изъ материка» (Акс. *Восп.* 97, 99).

медвя́никъ. Насѣком. Bombylius (asile velu, bourdon), «родъ мухъ (двукрылыхъ насѣкомыхъ съ хоботомъ, покрытыхъ густыми волосками и извѣстныхъ также подъ именемъ журчалъ». (Л. И. Шренкъ).

медо́вичъ. «Беру на себя все управленіе имѣніемъ, чтобы пугнуть твоего сахара медовича». (Акс. *С. Хр.*, 92).

межеумокъ [1]. Хрящъ самый грубый холстъ (см. также Величурка). Въ значеніи лодки извѣстныхъ размѣровъ на Волгѣ произносится и *межеимокъ*. Эта лодка сидитъ не глубоко, можетъ ходить и въ межень.

мездра *. Такъ во всѣхъ нашихъ словаряхъ; но не правильнѣе ли будетъ *мяздра* отъ *мясо*.

мелюсъ. Второстепенный сортъ сахару.

мерея *. (Павскій, *Филол. набл.* Разсужд. II, § 18). По Далю: мелкоклѣтчатый узоръ. Но отчего помѣщено имъ въ одномъ гнѣздѣ съ *мерда*, *мереда?*

метаніе. Родъ поклоновъ у раскольниковъ. (*Въ Л.* I, 160). Кажется, авторъ ошибается, считая это слово греческимъ.

метать паръ. Вспахивать паровое поле, но не весною только, какъ сказано у Даля.

метыль. По акад. словарю насѣкомое Ephemera horaria; а по Карамзину «метыль то же, что *мотыль:* гной (см. *Лексик. Кутеинскій*), желтоватая нечистая влажность. Ясно, что въ Новѣгородѣ шелъ такъ называемый сѣрный дождь, pluie de soufre (см. Бомара): явленіе довольно обыкновенное въ окрестностяхъ сосноваго лѣса». (*Ист. Гос. Р.*, т. II, прим. 256).

милліардъ (не занесено ни въ одинъ словарь).

міровоззрѣніе, міросозерцаніе. Пропущено.

молёкъ [1] (Г.), моль. Самая мелкая рыба. То же, что малёкъ.

моложёнка [1] (Новг.) нѣженка. (П.).

мониторъ. Названіе, придуманное въ Америкѣ для броненоснаго судна, котораго главная особенность состоитъ въ томъ, что края его, обитые желѣзомъ, очень мало подымаются надъ водою, въ серединѣ же его устроена круглая башня, тѣмъ же металломъ обложенная, въ отверстіяхъ которой стоятъ пушки. Названіе заимствовано отъ имени насѣкомаго, принадлежащаго къ семейству ящерицъ, имѣющаго броню и будто бы предупреждающаго человѣка о приближеніи крокодила. (См. Dict. de la langue fr. par E. Littré, t. II, Paris, 1868).

мóрушка * (Ж.). Большая смертность. На дѣтей *морушка.* (Твер.).

морцó *. Морской заливъ, устье котораго занесено пескомъ (*Списки насел. мѣстъ*, Астрах. губ.). См. *Мурчугъ.*

мотылъ. Гной. *И. Г. Р.* II, прим. 256. См. *метыль.* (Въ ак. сл. есть *мотыло*, — пометъ, калъ, навозъ). У Даля пропущено.

мурчýгъ (или, можетъ быть, правильнѣе *морчугъ* отъ *морцо*, см. это слово). Наполненныя водой ямины на берегахъ рѣки или озера, глухіе рукава рѣки и т. п. (чтó мѣстами называется *ерикъ* или *узекъ*): «Пугачевъ въ случаѣ побѣгу искать своего спасенія вознамѣрится на Иргизѣ-Узенѣ въ тамошнихъ *мурчугахъ* или у раскольниковъ». — «Открылъ явный я надъ бѣгущими изъ степи злодѣями, по раскольничьимъ монастырямъ, хуторамъ и *мýрчужнымъ* ихъ жилищамъ, поискъ». (*Соч. Держ.*, Т. V, стр. 11 и 78). Ср. у Тредьяковскаго: «плыть по Москвѣ рѣкѣ *мурчу-*

гами. Не плывите *мурчугами:* я вамъ лучше совѣтую ѣздить прямою дорогою». (*Соч. Тредьяк.*, Спб. 1849, т. III, стр. 242).

мухоброды. Смѣшанное латышское населеніе за Динабургомъ, около Крейцбурга, имѣнія барона Корфа.

мшенный [1] (мшаный?). Мшенными срубами. *Въ Л.* I, 363.

мыкать *. Собственно *мчать*. (См. сказку *Бова Королевичъ*).

мысь *. Бѣлка (Псков. губ. Опоч. у.). *От. Зап.* 1854, мартъ, стр. 9. У Даля это слово съ вопросит. знакомъ, но, кажется, напрасно.

мятусить (Ж.). Испугавшись, стали *мятуситься* на плоту. (Твер.).

набросокъ, накидокъ. Эскизъ.

наводъ. Шапка съ наводомъ. (*Ист.* Соловьева, т. VI, стр. 450).

навье [1] (одного корня съ гл. ныть, ср. чеш. unaveni).

нагонщикъ [1]. (Г.). Кто нагоняетъ шину на ободъ. (Изъ печатнаго отчета московскихъ больницъ, гдѣ больные распредѣлены по занятіямъ или ремесламъ).

надить [1] (сѣверн.). Точить соху.

наметка * (футштокъ). *Накидывать наметку*, т. е. дѣлать промѣръ.

нанзыкъ. Родъ полотна.

наплывъ [1] (Ряз. г.). Употреб. еще въ смыслѣ болѣзненнаго ожирѣнія человѣка.

нарохтиться. См. у Даля *норохтиться*. «... прошохала объ его будущемъ богатствѣ и объ его смиренствѣ, захотѣла быть старинной дворянкой и нарохтится за него замужъ». (Акс. *Сем. Хр.*, 113).

насланье. Бѣдствіе. *Первое Божіе насланье*, первая холера (Сарат.).

насосникъ [1] (Г.). Кто начакиваетъ воду. (См. нагонщикъ).

настрыкаться [1] *А. К.* II, 25.

насть. Поставлено Далемъ совершенно произвольно подъ гл. настужать.

неволя *. *За неволю:* «Я приберегла тебѣ вѣсточку на закуску, ты ей за неволю повѣришь». (*См. Хр.*, стр. 114).

недоставать. Глаголъ этотъ пропущенъ какъ въ академическомъ словарѣ, такъ и у Даля, но, кажется, долженъ стоять особо въ своей отрицательной формѣ. Не мѣшало бы присовокупить и его причастіе *недостающій*, употребляемое въ значеніи прилагательнаго имени.

нежить *. Дополнить по *Исторіи славянскихъ литературъ* г. Пыпина (ст. Болгарія, стр. 77).

непомѣстный. Тотъ, кому не сидится. (Буслаева *Историч. Очерки*, т. I, стр. 21).

НЕПРАВЫЙ — о человѣкѣ съ прирожденнымъ недостаткомъ умственнымъ или тѣлеснымъ.

НЕРАБОТЬ. (Ряз. губ.). Собир. о дворовыхъ людяхъ.

НЕРОТА. Рыболовная снасть. (Акс. *Восп.*, стр. 90).

НЕСООБРАЗНОСТЬ. Пропущено.

НЕСУДЕРЖНЫЙ. Не умѣющій смолчать.

НОВШЕСТВО. (С. М. Соловьевъ). Введеніе новизнъ.

НОРА*. (Пейп.). Извѣстное количество сѣтей, выставленныхъ въ линію.

НОСОКЛЕЙКА. (Ж.). Дать *носоклейку*, т. е. выговоръ. (Самар.).

НУДЪ, медиц. То же, что *нуда?*

НУЖЕНЬКІЙ. Худенькій, маленькій ростомъ.

НѢТИ, множ. *Быть въ нѣтяхъ.* (Устр. *Ист. Петра В.*, т. I, стр. 178, 188 и 194).

ОБНИМАТЬ [1]. NB. При этомъ глаголѣ въ словарѣ Даля поставлена невозможная по своей безобразной неправильности форма: «объемлить».

ОБОПРѢТЬ. Слова этого нѣтъ въ своемъ мѣстѣ, но оно употреблено самимъ Далемъ въ толкованіи глагола *опрѣть*. Надобно прибавить: *обопрѣлый*, *обопрѣлость*.

ОБРОДЪ [1] (Ряз. губ.). Необыкновенно обильный урожай на плоды и т. п. У Даля есть только гл. обродиться, и прил. обродный.

ОБТЁРХАТЬСЯ [1]. Обноситься. Помѣщено неправильно подъ словомъ *обтирать*. За начало слѣдуетъ принять неупотр. *тёрхать*, значеніе котораго видно изъ подобозвучнаго *дёргать*. У Даля другое удареніе: *обтерхáться*.

ОБУХЪ*. «По обѣимъ сторонамъ ихъ шли гайдуки въ богатой венгерской одеждѣ съ серебряными обухами». (Устр. *Исторія Петра В.*, т. III, стр. 30).

ОБЩЕДОСТУПНЫЙ. Пропущено.

ОБЫДЕННЫЙ. Вотъ еще случаи правильнаго употребленія: обыденный хлѣбъ, квасъ (еще не успѣвшій скиснуться), обыденная сметана.

ОВСЕНЬ. Это слово записано Далемъ подъ буквою *А*, что̀ едва ли правильно, такъ какъ ни одно чисто славянское слово съ этой буквы не начинается; къ тому же и самъ онъ, при *авсень* поставилъ въ скобкахъ, съ вопросительнымъ знакомъ, *овесень*. См. *Сказанія* Сахарова, ч. II, кн. 7, стр. 2. (Такъ же несправедливо Даль поставилъ подъ А слово *абаполъ*, хотя въ предисловіи и самъ порицаетъ за подобную орфографію Областной Словарь).

огнева *. Такъ простонародье прозвало пароходы при появленіи ихъ на Волгѣ (иначе: чертова ко́была).

одиконъ [1]. *Въ Л.* I, 47.

односельчанинъ. Пропущено. Употребляется невѣрно вм. *односелецъ*, ибо *односельчанинъ* образовано отъ *сельцо*, слѣдовательно можетъ означать только крестьянина того же сельца, а не села.

озаглавить, озаголовить. Дать заглавіе. *Озаглавленный.*

олёхъ, олешникъ. Пропущено.

омченинъ. (житель Мценска, иначе Мченянинъ).

ондрёцъ (сѣв.). Двуколесная телѣга съ пяльцами, употребляемая для уборки хлѣба и сѣна. Ср. у Даля *андрецъ* и *одръ*.

ондухъ (духъ). *Въ Л.* I, 278.

опростоволоситься. Пропущено.

опънять, опъняемый. Карамзинъ въ статьѣ: *Нѣчто о наукахъ* и проч.

оранжерея *. Должно быть опредѣлено точнѣе: строеніе, отапливаемое зимою (до 10° Реом.) для сбереженія цвѣтовъ и деревьевъ. Это названіе слѣдуетъ отличать отъ слова *теплица* = низенькое строенье, нагрѣваемое печью до высокой температуры (выше 10°) для произращенія цвѣтовъ и плодовъ на тропическихъ растеніяхъ. Оба строенія имѣютъ покатый, изъ стекольныхъ рамъ состоящій верхъ. Въ нашихъ словаряхъ это различіе не обозначено надлежащимъ образомъ.

ослопъ *. Должно быть сравнено съ словомъ *остолопъ*, изъ котораго оно произошло посредствомъ сокращенія. *Остолопъ* же есть русская народная форма слова *столпъ*.

ослядь [1]. Изъ Записокъ по р. грамматикѣ, проф. Потебни, II, 329. У Даля: оследь.

остречье. (Пейп.). Видъ сѣти для лова мелкой рыбы.

отбой [1] (Г.). У Даля не отмѣчено значенія, какое получаетъ это слово на коннозаводскомъ языкѣ. Въ Пруссіи берется плата за каждую случку; у насъ за три случки до отбою.

отверница. «Въ сихъ двухъ стихахъ заключается насмѣшливая отверница или обинякъ [équivoque]». *Соч. Держ.*, Томъ I, стр. 262. Ср. Востокова *Словарь Ц.-сл. яз.* Отвьрьница, противное.

относиться къ чему-либо такъ или иначе. (Напр. сочувственно или враждебно). Это значеніе глагола упущено Далемъ изъ виду.

отреченныя книги. См. Пыпина *Исторія слав. литературъ*, стр. 62 и д.

отъятой. Пропащій, неисправимый.

охинѣть *. Разбогатѣть. *(Оп. Обл. Словаря).* Существованіе этого слова, заподозрѣннаго у Даля вопросительнымъ знакомъ, под-

тверждается выраженіемъ Державина въ одномъ шуточномъ письмѣ: «охинѣеши бо скоро богатствомъ». (*Соч.* его, т. V, стр. 661).

Охреянъ *. «Условились также о русскихъ плѣнникахъ и невольникахъ, также объ охреянахъ или *раскольникахъ*, бѣжавшихъ въ Азовъ». (Устр. *Ист. Петра В.*, т. II, стр. 290). Ср. тамъ же стр. 236: «Азовскій паша подослалъ въ русскій лагерь одного изъ охреянъ, закоснѣлыхъ раскольниковъ». У Даля *охреянъ* = лѣнтяй; неотесаный, неуклюжій, грубый.

Падлёнокъ. Деревцо, выросшее изъ падали, т. е. изъ упавшаго съ другого дерева сѣмени.

Пазвукъ. (Nachhall). «... произносились съ носовымъ пазвукомъ». П. Лавровскій въ *Зап. Ак. Н.*, т. VIII, № 3, стр. 34.

Пазёмка (позёмка). Земляника.

Пазногть [1]. Mikl. Vergl. Gramm. II, 360: vielleicht nicht der rechte nagel.

Пазори [1]. Сѣверное сіяніе. *Въ Л.* I, 284.

Палея. Лѣтопись, извлеченная изъ Ветхаго Завѣта, содержащая иногда дословно всѣ свѣдѣнія, въ немъ заключающіяся, и раздѣленная на 10 книгъ.

Пандусъ (отъ pente douce). См. примѣчаніе къ слову маракулъ.

Пареный залогъ *: «переломали не пареный залогъ» (Акс. *С. Хр.*, стр. 20). При словѣ *залогъ* находимъ у Даля, между прочимъ, значеніе: «выпаханое и запущеное поле, брошеное на нѣсколько лѣтъ, чтобы снова задернѣло»; но ни *переломать*, ни *пареный* не показаны въ томъ смыслѣ, какой здѣсь присвоенъ этимъ словамъ.

Паска, поскимиться. Народныя формы вм. церковныхъ, греческихъ: *пасха*, *посхимиться.*

Патаренъ. *Изв. II-го Отд.*, т. VII, вып. II, стр. 112: «Очень важно мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, что глаголица есть изобрѣтеніе и собственность богомиловъ и патареновъ» и т. д.

Пéндусъ. Топкій берегъ, вообще топкое мѣсто). (Ср. у Даля *пéнусъ*).

Перлюстрація, перлюстровать (нѣм. perlustration, perlustriren — просмотръ, просматривать). Эти выраженія употреблялись въ 18-мъ столѣтіи въ отношеніи къ письмамъ, которыя по распоряженію правительства вскрывались на почтѣ, и встрѣчается часто въ *Дневникѣ* Храповицкаго. Дмитріевъ также говоритъ: «двѣ перлюстрованныя реляціи отъ нашего посла». (*Взглядъ на мою жизнь*, стр. 196).

Перéметвень. Вьюга.

Пермúнка [1]. Вм. пирамидка. См. подъ словомъ Маракулъ.

Перучетъ. Повторенный учетъ.

Пиджакъ. (Англ. Peajacket = толстая шерстяная куртка, какую носятъ матросы и проч. Словарь Вебстера).

Плеха. Презрит. Женщина дурнаго поведенія.

Поберíги. (Ж). Побирухи. (Новгр.).

Побълка. *Спб. Вѣдом.* 1867, № 304. Засѣд. Археолог. Общества.

Поварéшка. (Новг.). Родъ піявки, величиной съ вершокъ, имѣющей круглую головку и круглый хвостъ, къ концу постепенно отончяющійся и напослѣдокъ остроконечный. (П.).

Повозиться *. Не показано его значеніе въ слѣдующей фразѣ: «Крестьяне обѣщали повозиться», т. е. повозить хлѣбъ.

Погода *. Употребляется и во множ. числѣ въ слѣдующемъ присловьи: «Семь погодъ на дворѣ; сѣетъ, вѣетъ, кутить, мутить, рветъ, сверху льетъ, снизу мететъ».

Подзёмка. (Рязан.). Метель снизу.

Подзорщикъ [1]. Лазутчикъ. См. Соч. Держ. V. Переписка во время Пугачевщины.

Подкряковая утка [1].

Подкустарники. (Ж.). Легковые извозчики зимніе, у которыхъ плохая упряжь. (Моск.).

Подлинникъ *. Описаніе, какъ святой изображается на иконахъ. Слово *подлинникъ* (въ общемъ значеніи своемъ) происходитъ отъ предлога *подлѣ*, означая то, что стоитъ рядомъ съ чѣмъ-то другимъ. Предлогъ же *подлѣ* составленъ изъ *по* съ прибавленіемъ окончанія, сокращеннаго изъ црк.-слов. *длъгъ*, *дъль* (подлъгъ, подъль, см. Словарь Востокова).

Подожокъ: «слѣдовало бы ожидать толчка калиновымъ *подожкомъ* (всегда у постели его стоявшимъ)». *С. Хр.*, стр. 35.

Подорожникъ *: «напекли и нажарили разныхъ подорожниковъ». *Сем. Хр.*, стр. 228.

Подсохъ. У Даля *подсоха* значитъ м. пр. столбъ, подпора. Рязанскіе плотники говорятъ *подсохъ* въ муж. р.

Подхлюстать (напр. платье). Запачкать снизу.

Подхожій. «Между тѣмъ послы двинутся изъ подхожаго стана къ мѣсту, назначенному для ихъ пріема». (Устр. *Ист. Петра В.*, т. III, стр. 121).

Подъеферивать. Поддакивать, а при случаѣ и свое привирать.

подъѣздъ *. Особаго устройства лодка, употребляемая при запасахъ для ловли снетковъ въ Пск. губ. См. *запасъ*.

подъѣзжачій *. *Зап.* Держ. (*Русск. Бес.*), стр. 23.

подымать * (Ж.). Воспитывать. *Я подымалъ* ихъ маленькихъ и потомъ отдѣлилъ. (Нвгр.).

покладаться. Уговориться, условиться. *Мы съ нимъ покладались на такую-то цѣну.* (Смол.).

поклажное. Приданое со стороны жениха.

покосъ *. Выраженіе: «въ одномъ покосѣ» употребляется въ смыслѣ: въ одномъ положеніи.

поле [1] (Г). «Охотничья собака двухъ полей». У Даля не объяснено это выраженіе. По словамъ И. С. Тургенева, оно означаетъ что собака уже два года была на охотѣ, и имѣетъ не менѣе трехъ лѣтъ отъ роду. (Изъ частнаго письма окт. 1876 г.).

полка. сущ. отъ гл. *полóть*.

полотняная церковь [1]. *Въ Л.* I, 47.

полтина *. Состоитъ, по мнѣнію Даля, изъ двухъ словъ *полъ* и *тинъ*. (См. у него глаг. *тети* съ его производными; самое же слово *полтина*—въ концѣ слишкомъ обширнаго и сбивчиваго гнѣзда, начинающагося словомъ *пола*). На самомъ дѣлѣ *полтина* есть только видоизмѣненіе существ. *полоть* или *полть*, которое собственно значитъ *половина*.

полустáнокъ. Станція на ж. д., безъ станціоннаго дома, у которой поѣздъ останавливается на самое короткое время на пріема пассажировъ.

полъ *. Въ значеніи помоста едва ли одного корня съ *полъ* = половина. Въ противномъ случаѣ какъ объяснить слова *полокъ*, *полка*, *полати?* Скорѣе тутъ надо искать того же корня *(пл)* котораго первоначальное значеніе является въ *плоскій*, *платъ*, *платно*, *поле* (въ герм. языкахъ *fl*, flack, flur (=полъ), feld, fält. Ср. хорут. pola=плоскость: Murko).

полъ-имени. Одно крестное имя безъ отчества. Замѣчаніе извозчика о добромъ его хозяинѣ: «Никогда не назоветъ человѣка въ *полъ-имени*,—всегда повеличаетъ» (т. е. назоветъ и по отчеству).

полый *. Открытый: полая дверь, полое окно (Сѣв.). Пустой. Оттуда: *полоумный;* это прилаг. вовсе не имѣетъ соотношенія съ словомъ *пола* (половина), подъ которое оно подведено у Даля. Натяжка видна уже изъ того, что посреди множества другихъ, начинающихся съ *полу*—, это одно начинается съ *поло*—.

ПОМОШНИКЪ (отъ *мохъ*). Камень середи пашни. (Ср. у Даля *помошь, помошье*).

ПООБЛИЧИТЬСЯ [1]. *Въ Л.* I, 367.

ПОРЯДКОВЫЙ. Грамматическій терминъ для означенія извѣстнаго вида числительныхъ именъ.

ПОСАДЧИКЪ [1] (Г.). Кто сажаетъ деревья. (См. нагонщикъ) или еще: Рабочій укладывающій кирпичъ въ обжигательную печь на кирпичныхъ заводахъ.

ПОСКАЗУЛЬЩИКЪ. Значитъ въ Сибири то же, что олонец. *сказитель*, слово, вовсе не извѣстное тамъ даже олонецкимъ переселенцамъ. (Слышано отъ С. И. Гуляева).

ПРАШЕВАНЬЕ (кукурузы). Окучиванье. «По окончаніи весеннихъ посѣвовъ молдаванину остается еще много времени до прашеванія кукурузы и потомъ до сбора ея, который бываетъ только въ концѣ августа или въ началѣ сентября». (*Воен.-статист. обозрѣніе Бессар.*).

ПРЕПАРОВОЧНАЯ (отъ гл. препаровать, сущ. препаровка). Часть анатомическаго театра. (*Спб. Вѣдом.* 1871, № 307. Фельетонъ).

ПРЕСТУПНИКЪ * (мн. преступники). Такъ произносятъ въ Смол. губ.

ПРИВОДЕЦЪ. Вождь: «чтобъ кто былъ тому войску собиратель и приводецъ». (*Ядро Росс. Ист.* М. 1791, стр. 339). «Болѣе нежели одинъ приводецъ за побѣды свои обязанъ соперника своего славѣ». (Державинъ, *Читал. оды*; см. *Соч.* его, Т. III, стр. 280). Ср. польское dowódca.

ПРИГРЕЗИТЬСЯ. Пропущено.

ПРОВЕРЗА [1] (Новгор.). То же, что проверзины. Послѣднее слово есть у Даля.

ПРОИСХОДИТЬ *. Пропущено народное значеніе слова: итти впередъ, успѣвать, дѣлать карьеру. «Кальчинскаго хозяинъ не жаловалъ и за то, что онъ *происшедшій*, и за то, что онъ еретикъ и развратникъ». (*С. Хр.*, стр. 220).

ПРОСТОКВАША *. Должно, кажется, стоять не подъ прилаг. *простой*, а подъ глаг. *простоять:* простоемъ кваситься. Такъ думалъ Павскій.

ПРОСТОПЛЕТКА. Лапти плетутся въ простоплетку, когда ихъ дѣлаютъ безъ веревочной каймы (ушника) и вмѣсто того загибаютъ по краю самое лыко. Такіе лапти далеко не такъ прочны, какъ объяснялъ мнѣ крестьянинъ, занимавшійся плетеніемъ этой обуви въ южной части Рязанской губ. (Данк. у.).

ПРОСЫЛАТЬ, ПРОСЛАТЬ.

Протереть время вм. потерять время. (Смол.).

Прошохать. См. нарохтиться.

Прутки. Спицы (напр. для вязанья).

Пускъ [1]... «Поле, лежавшее восемь лѣтъ въ залежахъ подъ пусками». *А. К.* II, 166.

Пустовать. Быть пустымъ, вакантнымъ, напр. каѳедра пустуетъ.

Пущи. (множ.). Цѣлыя группы пней на днѣ Днѣстра—особенно ниже Бендеръ,—о которые по временамъ разбиваются суда. (*Воен.-стат. обозр. Бессар.*).

Пѣстунокъ. Молодой медвѣдь, который, по народному повѣрью, нянчитъ своихъ маленькихъ братьевъ.

Пѣтухъ [1]. Перья, насаженныя на палку для чистки мебели отъ пыли.

Пѣшка́ми, говоря о многихъ, вм. *пѣшкомъ*, какъ *верхами* вм. *верхомъ* (слыш. въ Раненб. у. Ряз. губ.). Замѣтимъ кстати, что народъ сохранилъ старинную форму *верхи* (твор. пад. множ.) вм. верхами въ поговоркѣ: «Верхи пошли, пѣши вернулись».

Ражо́ *. Много.

Развивной шрифтъ, т. е. шрифтъ съ разрядкой.

Разбраживаться *. Эта, хотя и неупотребительная глагольная форма, все-таки лучше совершенно неправильной *разбредаться*, которую въ послѣднее время стали употреблять писатели: «Русакъ уже до половины затерся (перелинялъ) *), лисьи выводки начали *разбредаться*». (*Война и Миръ*, III, 119). Такъ и въ *Современныхъ Извѣстіяхъ* 1868, № 160, въ передовой статьѣ, сказано: «Солдаты разбредаются между памятниками (Ваганьковскаго кладбища) для прогулки и отдохновенія».

Разврать *. Вражда, когда ее поселилъ кто-нибудь третій.

Развяза [1]. *А. К.* II, 167.

Раздобыться чѣмъ. Достать, припасти что.

Раздробь, ж. р. (не *раздробъ* м.). Напр. продажа въ раздробь.

Разрѣзъ *. Итти съ чѣмъ-нибудь въ разрѣзъ.

Разстрѣлъ (Ж.). Приговариваютъ за поджогъ къ *разстрѣлу*.

Рамень [1]. *Въ Л.* I, 138.

Рама. Во многихъ мѣстахъ своего словаря Даль утверждаетъ, что это слово есть славянское и заимствовано Германцами отъ *рамо*=плечо. См. его замѣч. подъ этимъ словомъ, также подъ *раменье*, *обраменье*, *край*. Но доказательствъ на это предпо-

---

*) Это значеніе слѣдуетъ занести въ словарь при объясненіи гл. *затереться*.

ложеніе не приведено. Ср. Diefenbach, Vergleich. Wörterbuch. стр. 589.

РАСНОВЫЧИТЬ (?) **МЯСО.** Разрѣзать на части, что въ одно кушанье, что въ другое. (Карсунскій у.).

РАСТУШКА. Извѣстное орудіе для рисованья.

РАСФУФОНИТЬСЯ. Пропущено.

РЕДУТЪ. *Стар.* Мѣсто общественныхъ собраній, гдѣ танцуютъ и пр. (по нынѣшнему домъ дворянскаго собранія, клубъ и т. п.).

РОСЕВОЙ [1] (Г.). Овесъ. Изъ объявленія о цѣнахъ на разные роды хлѣба и другіе съѣстные припасы въ Орлѣ.

РОСЛЫЙ *. Говоря о мѣхѣ, пушистый.

РОСНО *. Сыро. Ряз. губ.).

РУКА [1] (Новг.). Съ рукой стоять — обычай, издревле служившій для содержанія православнаго духовенства въ городѣ Валдаѣ, но отмѣненный самимъ духовенствомъ въ 1852 г. Въ великомъ посту, послѣ молитвъ по причащеніи, протоіерей или очередной священникъ выходилъ изъ алтаря съ крестомъ, рядомъ съ нимъ становились другіе священники и потомъ причтъ по порядку съ дѣтьми муж. пола, сторожъ церковный и даже тѣ, кто ему помогалъ въ присмотрѣ за церковью, причастникъ, прикладываясь къ кресту, надѣляли каждаго по усмотрѣнію. (П.).

РУШИТЬ *. Препятствовать. *Не рушь* = пускай: *не рушь говорить; не рушь идеть.* (Смол.).

РЫВЕШКА [1]. *Въ Л.* I, 325.

РЫНОКЪ. Прижимистое къ водѣ мѣсто на нагорной сторонѣ рѣки почти то же, что мысъ на луговой.

РЫСЬ *, какъ и во всѣхъ словаряхъ, показано женскаго рода; но народъ, по кр. мѣрѣ мѣстами, говоритъ: *рысь убѣжалъ.* Ср. это слово въ другихъ славянскихъ языкахъ, гдѣ оно муж. рода: хорут. ris, серб. рис, польс. ryś, чеш. rys, луж. rys. Въ литературномъ языкѣ нашемъ *рысь* женскаго рода; см. напр. у Держ. басню *Медвѣдь и рысь* (*Соч.* его, Т. V, стр. 558).

РѢДОЧЬ [1]. Не только полотно, но также напр. рѣдкій въ полѣ овесъ.

РѢШЕТИНА (и Рѣшети́на). Latte pièce de bois mince pour porter la tuile; crible, sas, bluteau, tamis. (Словарь Рейфа).

РЮМЪ. Пѣвчая птица изъ породы жаворонковъ (Alauda alpestris).

САЙДА [1] (Г.). Родъ рыбы въ Бѣломъ морѣ (свѣдѣніе изъ Мзени).

САКМА *. Означаетъ также часть рѣчного берега, которая заливается водою.

САЛМА. Татарское кушанье въ родѣ лапши или клецокъ. Встрѣч. не разъ у Держ., напр. въ одѣ *На рожденіе Гремиславы.* Ср. отрывокъ изъ семейныхъ записокъ Рожнова въ *Библ. для Чт.* 1862, № 1, стр. 127.

САМОУПРАВЛЕНІЕ. Пропущено.

САМОХОТКА. (Вологод., Яросл. губ.). Тайный бракъ въ деревняхъ.

САХОТА. Русскій базаръ, или торгъ, на который пріѣзжали дикіе горцы въ укрѣпленія по черноморской береговой линіи. У Даля *сатовка* съ вопросительнымъ знакомъ.

СВИТА [1] (Г.). Въ журналѣ комиссіи о тюремномъ преобразованіи (1877—1878 гг.) относительно ссылки на каторгу, при упоминаніи серебро-свинцовыхъ рудниковъ, сказано: «Возстановленіе цѣлыхъ *свитъ*, затопленныхъ» и т. д. Слово *свита* въ этомъ значеніи не объяснено Далемъ.

СЕЙЧАСЪ. Не только въ Москвѣ, какъ показано у Даля, но и во всей средней, а можетъ-быть и южной Россіи, имѣетъ кромѣ своего общаго значенія, еще другое: теперь, въ настоящее время, напр. «Онъ служитъ сейчасъ по выборамъ». — «Церковнымъ старостой сейчасъ такой-то».

СВОДИТЬСЯ — на что, къ чему.

СЕЛЯВА *. Небольшая вкусная рыбка, въ родѣ ряпушки, добываемая изъ нѣкоторыхъ озеръ Псков. губ. (*Воен.-стат. обозр. Пск. г.*, стр. 112).

СЕРЕНЬ. Снѣга на полѣ очень велики, и осеренило ихъ съ великаго мясоѣда, отъ чего съ лошадьми идти впередъ нельзя, серень не подниметъ». (*Ист.* Соловьева, т. VI, стр. 422). — «Здѣсь ясно значеніе словъ: серень и осеренить: говорится объ оттепели, которая сдѣлала снѣгъ рыхлымъ, такъ что лошади въ немъ проваливались». (То же, т. VII, стр. XIV).

СИДКА * (Ж.). *На сидкѣ, на высидкѣ* (въ тюрьмѣ).

СИЛО [1]. *А. К.* II, 137.

СКВОЗНОЙ (Ж.). *На сквозныхъ*, — на долгихъ, въ противоположность слову: на сдаточныхъ. Выраженіе вольныхъ ямщиковъ. (Твер. губ.).

СКОЛОТИТЬСЯ [1]. Сколочусь по времени съ денжонками. *Въ Л.* I, 34.

СКОРЛОЗУБЕЦЪ (царскіе кудри, Fritillaria imperialis). *С. Хр.*, стр. 19. У Даля *скалозубецъ* (лилія); въ *Бот. Словарѣ* Анненкова подъ № 803 *скалозубецъ.*

СКРЫЖАПЕЛЬ. Сортъ яблоковъ. Другіе сорты показаны у Даля.

СКРУТА (Сѣверн.). Приданое.

славнукъ (Сѣверн.). Молодецъ женихъ, который славится въ деревнѣ. Славнуха, невѣста, славящаяся богатствомъ.

славутница (Сѣверн.). Дѣвушка-щеголиха.

сламъ [1]. По Далю то же, что *слазъ* = отступное, плата, которую беретъ кто-либо, уступая права свои другому. Иначе объяснено это слово въ одной замѣткѣ о книжномъ аукціонѣ; «Маклаки торговцы покупаютъ продаваемое имущество компаніей или, по употребляемому ими выраженію, *въ сламу*»... «... Если на продажу является посторонній покупатель, то компанія маклаковъ предлагаетъ ему тотчасъ же итти съ ними въ сламъ или взять отступного и не торговаться». (*Спбург. Вѣдом.* 1870, № 36).

сланецъ *. Правильно отнесено къ одному корню съ гл. *стлать*. Но отчего же не сближены съ нимъ также слова *слой* (стлой) и *слюда* (стлюда)?

смардъ (вм. смрадъ?). Туманъ происходящій отъ гари.

смытка [1]. *А. К.* II, 48.

соблистать. «Соблещетъ молнія мечу». (*Соч.* Ломон., ода 15, строфа 8). Ср. у Держ. *Пѣснь Баярда* (*Соч.* его, т. III).

сокóльникъ. (въ Галиціи). Hieranium pilosella.

сокъ. Не показано старинное значеніе: обвинитель; по Словарю Востокова, доносчикъ. Ср. серб. сòк = сыщикъ (Ausfinder), свидѣтель; чеш. sok = противникъ, врагъ, клеветникъ; поль. sok = клеветникъ (Словари Караджича, Юнгмана, Линде). Ясно, что въ этомъ значеніи *сокъ* одного корня съ гл. *сочить* (ссочить, высочить) = отыскивать, требовать, доправлять. (Сл. церк.-слав. и русск. языка). Этотъ глаголъ сохранился у насъ и въ народномъ языкѣ: по *Дополненію* къ Областн. Словарю, онъ употребляется въ Курской губ. въ смыслѣ: слѣдить, прогонять звѣря. Ср. поль.: soczyć (osoczyć) = травить, клеветать (откуда и существ. soczenie). Въ подобномъ смыслѣ гл. *сочить* принятъ и Далемъ съ объясненіемъ: «манить, выманить... искать; слѣдить, гнаться за кѣмъ» и съ указаніемъ мѣстностей: *зап. вост. пск. прм.*, при чемъ приведены и примѣры изъ народнаго языка. «Можетъ-быть», прибавляетъ Даль, «здѣсь *сочить* знач. течь (самому) куда, а можетъ быть это и вовсе иной глаголъ», т. е. не имѣющій ничего общаго съ словомъ *сокъ*, къ гнѣзду котораго онъ отнесенъ. Вѣрнѣе, *сокъ* одного корня съ глаг. *искать*, гдѣ начальная гласная, можетъ быть, только прибавочная, какъ въ сл. *игра* (малорос. *сыкаты* = искать). Ср. англ. **seek**, шв. **söka**, герм. suchen, поль. szukać. По Шлейхеру, ср. гот. **sak**, лит. **sak**

yti (dicere), нѣм. sag (*Зап. А. Н.* VIII, прил. 2, стр. 19, 20). Тамъ же о глаг. *искати* (др.-нѣм. eis-cô-n).

солнопёкъ. Припекъ солнечный. *Спдѣть на солнопекъ.*

соровщикъ. Золотарь. (*Моск. Вѣд.* 1866, № 153, перед. ст.). Самое слово *соръ* одного корня съ извѣстнымъ глаголомъ, какъ *боръ* съ гл. *брать.*

сорокопудъ. Помѣщено подъ *сорокъ* (40), а должно бы стоять подъ *сорока*; это лат. Lanius; нѣм. Neuntödter; ср. фин. lapin harakka (lanius excubitor). Слово *пудъ* встрѣчается также въ *страхопудъ* и сродни съ гл. *пудить* (ср. чеш. pudit, разгонять, распугивать), церк.-слав. *распудити:* «волкъ расхититъ ихъ и распудитъ овцы». (Іоан. X, 12).

ставешокъ[1]. *Въ Д.* I, 73—74.

ставленый медъ. «... нѣсколько ведеръ крѣпкаго ставленаго башкирскаго меду». (*Сем. Хр.*, стр. 12).

сталый. То же, что *статочный, сталый.*

старица *. На Уралѣ такіе рукава рѣки, которые, выходя изъ нея, съ нею же послѣ опять соединяются, называются старицами, потому что нѣкогда были главными руслами Урала. Тѣ, которые имѣютъ истокъ и устье, называются полуусыми *(полоусыми?)* старицами. (Н. Данилевскій въ *Вѣстн. Географ. Общ.* 1858, № 3).

статовьё. Тканье полотенъ. (*Библіотека для Чт.* 1862, № 1, стр. 129).

степь *. *Записать на степь*, т. е. на переселеніе въ степныя губерніи.

стержёнь *. Употребл. въ значеніи *шкворень.* (Ряз. губ. Скоп. у.).

сточный (иногда не отъ *стекать*, а отъ *стокать, соткать*). Тканый: «сточный поясъ». (*Ист. Гос. Росс.*, т. IV, стр. 386).

стрекозиться — шалить, рѣзвиться, напр. о скотѣ.

стрѣлка *. Главный стволъ у луковицы и чесноку, на которомъ бываютъ сѣмена (?).

стрюцкій (иногда *стрюцкой*). Въ разныхъ концахъ Россіи простолюдье употребляетъ это слово иногда въ презрительномъ значеніи подьячаго, мелкаго чиновника или вообще дрянного человѣка. Объяснить происхожденіе этого слова не легко. У Даля *стрюкомъ* (Костром.) = ключомъ, струею. Однажды, въ Ряжскѣ, на желѣзно-дорожной станціи, мужикъ при мнѣ назвалъ *стрюцкимъ* мальчишку, который ловко и плутовски увернулся и убѣжалъ, когда тотъ ловилъ его. (Нѣм. streichen, шв. stryk?).

Стушеваться[1]. Сдѣлаться незамѣтнымъ, исчезнуть.

Стягъ свѣжины[1]. *Въ Л.* I, 380.

Сугибель[1]. Крутой поворотъ въ оврагѣ. Тург. II, 115.

Сугрыжничать (Ж.). Безъ толку ругаться. (Твер.).

Сукноважка. Сукновальня.

Сулой (и сувой)*. «Встрѣча теченій между собою, съ выступами береговъ и рифами, съ противными вѣтрами и т. п., разводитъ сильнѣйшее волненіе,. жесточайшую сумятицу; волны кипятъ, низвергаются, сшибаются, вздымаютъ даже стѣны (А. Ѳ. Миддендорфъ). Наши мореплаватели называютъ это явленіе *сулоемъ* и познакомились съ нимъ преимущественно въ проливахъ между Курильскими островами». (Л. И. Шренкъ, *Очеркъ физ. геогр. сѣверо-японскаго моря*, Спб. 1869, стр. 41).

Сумакъ или сумахъ. Rhus Cotinus. См. *Бот. Слов.* Анненкова № 1193.

Сумачéй. Разносчикъ разнаго мелкаго товара по деревнямъ для продажи.

Сусакъ, сусатокъ. Butomus umbelatus. См. Анненк. № 298.

Су́толпище. Крылова *Зритель.* Ч. I («Ночи»), стр. 149.

Сутырь[1]. *Въ Л.* I, 297.

Сходный*. ...«Сѣвскій воевода, сходный товарищъ князя Голицына въ послѣдній крымскій походъ». (Устр. *Ист. Петра В.*, т. II, стр. 81).

Сѣдловина. Углубленіе въ горной грядѣ. (*Соврем. Лѣтопись* 1869, № 23, «Изъ Екатеринбурга»).

Сьютить. Собрать воедино.

Сѣменить*, **засѣменить.** Ходить скорыми, мелкими шагами. У Даля *семенить* едва ли правильно.

Талія (Г.). Число ударовъ маятника въ одинъ часъ (*Гусевъ.* Часовое мастерство. Нижн. Новг. 1870. Стр. 7).

Тамыръ. Другъ, пріятель; такъ называются люди, сдружившіеся и обмѣнявшіеся подарками, на Сибирско-Иртышской линіи и въ Киргизской степи (П. Семеновъ).

Таракальникъ. Въ Мингрельскомъ мѣстномъ положеніи (§ 33) сказано: «лѣсные матеріалы, какъ-то: *таракальники*, сошки, жерди, колючки и проч. необходимы для виноградниковъ и другихъ садовъ». (Замѣтка М. И. Броссе).

Тараруй. Прозвище кн. Хованскаго. (*Атеней* 1858, статья С. Соловьева объ *Исторіи П. В.*, соч. Н. Г. Устрялова).

Тараты. На — пойдетъ. *Въ Л.* I, 132.

Тарелка*. «Не въ своей тарелкѣ». Эта поговорка помѣщена подъ

сл. *тарелка* безъ всякаго поясненія; не лишне было бы прибавить, что она произошла отъ ложнаго пониманія французскаго реченія, въ которомъ assiette значитъ вовсе не тарелка, а — состояніе, расположеніе духа. Первоначально французское слово именно означало положеніе, состояніе; потомъ — мѣсто, занимаемое сидящимъ за столомъ, и наконецъ блюдце, которое передъ каждымъ изъ нихъ ставится. (Dict. de la langue fr., par E. Littré, t. I).

тарынь (или нáкипень). Родъ глетчеровъ въ Сибири: снѣгъ таетъ на скатахъ горъ (напр. въ Становомъ хребтѣ) и образуетъ ледъ, изъ котораго иногда вытекаютъ рѣки (отъ П. П. Семенова). По свидѣтельству покойнаго адмирала Ѳ. Ѳ. Матюшкина, ледникъ, глетчеръ въ Сибири называется *тараномъ*.

телятня. Комната въ Воспитательномъ домѣ, гдѣ берутъ оспу отъ телятъ.

тень. Упоминается нѣсколько разъ подъ сл. *коса*, приводится также подъ гл. *тенькать*, но въ своемъ мѣстѣ его нѣтъ.

теплица. См. оранжерея.

тесть *. Въ косвенныхъ пад. ед. числа *е* выпадаетъ: *тстя*, *тстю* (Смол. губ.).

теша *. Рыбій бокъ. *Спб. Вѣдом.* 1868, № 201.

тивунъ [1]. Чт. Общ. Ист. и Древн. 1868. Кн. I. Русск. нар. пѣсни собр. Шейномъ. № 52.

тигусить [1]. Мучить.

титулъ [1]. Просьба по титулѣ, т. е. просьба, въ началѣ которой прописывается въ извѣстной формѣ обращеніе къ Государю, а затѣмъ идутъ пункты, и въ концѣ каждаго часть подписи просителя.

толокá *. Пастьба скота на лугахъ или поляхъ. *Худо родится хлѣбъ, потому что не доходитъ толока.* (Воронеж.). *Въ толокѣ будемъ ноньче пахать* (т. е. тамъ, гдѣ скотъ ходитъ). Значеніе *толокú* въ Малороссіи см. *Спб. Вѣдом.* 1864, № 207. Это же слово см. ниже въ отдѣлѣ подъ цыфрою IV.

тонконогъ, Poa bulbosa. Трава, корнемъ которой питаютъ зимою суслика. Впрочемъ, такъ называются и другія растенія; см. *Ботанич. Словарь* Н. Анненкова, №№ 604, 749, 1045 и 1046.

тонорныя барки (Г.). Судá запрещенныя, на которыя наложена двойная пошлина (*Лѣсной уставъ*, ст. 685).

тонотáть [1]. Бить землю ногами, оставаясь на мѣстѣ (?).

топчачокъ. Россійскій — вашъ. *А. К.* II, 154. У Даля *топчанъ*.

торбанъ [1] (инструментъ). *Въ Л.* I, 380.

тоурить (Казан., Симб.). Уставить, пялить: «Увидя Марсъ, тоуритъ взоры». (Держ. *На пріобр. Крыма*, *Соч.* его, Т. I, стр. 183). У Даля записано *тоуриться*, какъ слово моск. и владим. Соображая это съ нашей замѣткой, можно заключить, что это общенародное слово.

точать [1]. У Даля, тачать.

трёшникъ = 3 к. сер. Трёшница = трехрублевая бумажка.

трынка. 3 коп. мѣдью, 1 коп. сер. (Казань).

трунёрда. Неповоротливая женщина.

трынка. *Въ Л.* I, 375.

трынъ-трава. Можетъ быть отъ древняго *трънъ*-тернъ.

трещина. Мякина (около Краснаго холма).

трыкъ *. Модникъ, вѣтреникъ. *(Оп. Обл. Словаря).* Даль поставилъ при этомъ словѣ вопросительный знакъ; но у Державина (*Соч.* его, т. III, стр. 345) мы находимъ стихъ:

«И льстя сѣдаго трыка».

тузлукъ *. «И горы соляныхъ кристаловъ по *тузлукамъ* твоимъ пойдутъ». (*С. Хр.*, стр. 24). У Даля *тузлукъ* показано въ значеніи разсола для соленья рыбы и икры; да еще съ вопросит. знакомъ прибавлено: «украшенье на поясѣ».

тумбасъ. Транспортное судно. (Устр. *Ист. П. В.*, т. II, стр. 274).

тунью. Напрасно. «Чтобъ деньги не пошли тунью». Гр. Л. Н. Толстой въ статьѣ «о народномъ образованіи». *Отеч. Зап.* 1874, сент.).

турсукъ *. *Сем. Хр.*, стр. 26: «мѣшокъ изъ сырой кожи, снятой съ лошадиной ноги». По Далю, — «малый кожаный мѣхъ, обычно изъ трехъ окороковъ конскихъ».

турышка *. Буракъ, цилиндрическій сосудъ, сдѣланный изъ бересты. (У Даля при этомъ словѣ поставлено *ведерко*, съ вопросительнымъ знакомъ).

тѣльчакъ. Болѣзнь худосочія у лошадей, при которой у нихъ на шеѣ дѣлаются ранки. Лѣченіе: сжигаютъ ящерицу и даютъ пепелъ внутрь. (Слышано отъ князя В. Р. Долгорукаго).

тяга [1] (охотн.). *А. К.* II, 253.

увбщье. Лѣкарство.

удочерять, удочеренье (Г.). Терминъ, принятый, въ параллель выраженіямъ: *усыновлять*, *усыновленіе*, въ министерствѣ юстиціи и въ вѣдомствѣ Опекунскаго совѣта, но не допущенный въ законодательство Государственнымъ совѣтомъ. Съ филологиче-

ской точки зрѣнія новое слово это такъ же хорошо, какъ слово *замужство* въ отличіе отъ *женитьба*. Если бъ руководствоваться только примѣромъ другихъ языковъ, то конечно надобно бы отказаться и отъ одного изъ этихъ выраженій, ибо во франц. и нѣмецк. есть только le mariage, die Heirath. Между тѣмъ для отверженія словъ *удочерять*, *удочеренье* нѣтъ другого основанія, кромѣ того, что въ латинскомъ и новѣйшихъ западныхъ языкахъ существуютъ для этого понятія только выраженія: *adoptare*, *adoptio*. Едва ли мы будемъ правы, если станемъ отказываться отъ своихъ богатствъ потому, что другіе бѣдны.

УЗДЕНИ. Дворяне горскихъ народовъ въ Кизлярѣ (См. Указатель къ «Матеріаламъ» П. Г. Буткова).

УЗЪ *. Нижнее дно улья. (*В. и Миръ*, ч. V, стр. 84).

УМОРА *. Въ народномъ языкѣ ходитъ и съ собственнымъ значеніемъ, напр., «скотинѣ въ сухое лѣто умора». (Ряз. губ., Данк. уѣзда).

УНОСЛѢЖДАТЬ, УНОСЛѢЖИВАТЬ. Обходить, обижать; опаздывать, медлить. (См. *Соч.* Держ., т. I, стр. 256 и 257).

УРАЗА́ (тат.). То же, что *рамазанъ*, постъ, продолжающійся одинъ лунный мѣсяцъ, когда магометане не пьютъ и не ѣдятъ отъ восхода до заката солнца «Казанскіе Татары держать уразу́». (Пупаревъ).

УРАЛЪ *. Нариц. названіе горнаго хребта въ Зап. Сибири, въ Алтайскихъ и Саянскихъ горахъ.

У́РОМА * (множество плотовъ лѣса). Должно бы стоять въ одномъ гнѣздѣ съ *урема* и *урманъ*.

УРСЫ́. Кучи (напр. рыбы) на Уралѣ.

У́ТОРОКЪ. Порядокъ.

УСТАВЪ *: «Онъ мигомъ увидѣлъ всѣ недостатки въ снастяхъ или ошибки въ *уставѣ* жерноновъ». (*Сем. Хр.*, стр. 45).

УХНУТЬ [1]. «Сколько ухнуло состояній!» (Суворинъ въ Фельет. *Спб. Вѣдом.* 13 октября 1874 г.).

УЧАСТЛИВЫЙ [1]. Пропущено.

УШКОЛЪ. То же, что ушкуй. Галера. (Устр. *Ист. П. В.*, т. II, стр. 274).

ФАРИСЪ — витязь.

ФАРШЪ, ФАРШИРОВАТЬ [1].

ФОРТЕЛЬ [1] (простор.). Преимущество или барышъ.

ФУНДУКЛЪ (Татар. = corylus tuberosa). Родъ большого орѣха въ Крыму.

Хамовники [1]. Мастера, приготовляющіе для царскаго обихода, *бѣлую казну*, т. е. полотна, скатерти и т. п. (У Даля есть, но не совсѣмъ такъ объяснено).

Хартута (Г.). Закавказскій плодъ, изъ котораго дѣлаютъ варенье.

Хлупь. Мягкое мясо у птицъ и вообще животныхъ.

Хлѣбосолецъ. Тотъ кто хлѣбъ-соль водитъ. (Моск.). Латин. hospes.

Хозъ *. Та часть выдѣланной коровьей кожи, которая употребляется на подошвы.

Хромникъ [1] (Г.). (Изъ торговаго прейсъ-куранта, рядомъ съ сѣрою, шпатомъ и т. п.), подъ рубрикой: Москотильные товары. См. Величурка.

Хрусталикъ. Часть глаза. Пропущено во всѣхъ нашихъ словаряхъ.

Цвѣтокъ. Виньетка. *Кашка* = cul-de-lampe. По свидѣтельству Оленина въ его *Письмѣ о Тмутороканскомъ камнѣ*, первое употребляется такъ въ синодальныхъ типографіяхъ.

Цугундеръ [1]. «Ну, я разумѣется тотчасъ его подъ цугундеръ». (Соч. Тургенева. М. 1880. Т. V, *Дымъ*, стр. 65). Для объясненія этого слова я совѣтовался со многими. Одинъ говорилъ, что оно значитъ: «на расправу», другой — «для взысканія»; третій утверждалъ, что оно первоначально означаетъ «веревку для вздергиванья собакъ». Наконецъ, самъ Иванъ Сергѣевичъ, на мой вопросъ, сообщилъ, что онъ слышалъ это слово отъ кавалеристовъ и что подъ цугундеромъ разумѣется какой-то способъ усмиренія лошадей. Мы съ покойнымъ ак. Шифнеромъ, большимъ охотникомъ до этимологическихъ разслѣдованій, много толковали о происхожденіи этого слова, но ни до чего вѣрнаго не дознались. Между прочимъ мы предполагали, не происходитъ ли оно отъ возможнаго нѣмец. выраженія: zu hunger, которое могло употребляться въ нѣмецкой арміи, во время напр. Семилѣтней войны, при назначеніи или угрозѣ наказанія на хлѣбъ и на воду. Звукъ г очень легко могъ перейти у Русскихъ въ *д* сходно съ другими случаями этого рода (kringel = крендель и т. п.).

Цѣлóкъ. Итти цѣлкóмъ, по цѣлкý, т. е. не по проложенной дорогѣ. (*Соч.* Держ., Т. III, стр. 572).

Цѣпенѣть. Пропущено.

Чаврéный, ая. Блѣдный, исхудалый. *Какая она чавреная!* (Твер. губ.).

Чала [1]. Растеніе на Кавказѣ. Въ м. Зугдиди производились опыты употребленія въ кормъ лошадямъ рѣзанаго сѣна и чалы.

ЧЕКЪ, въ значеніи ярлыка на полученіе въ банкѣ денегъ, взято съ англ. check, сообразно съ чѣмъ и должно быть исправлено показаніе: «Чека, фран.».

ЧИМАРКА. Одежда извѣстнаго покроя у зап. славянъ. Ср. фр. Simarre.

ЧЕРВЛЯКЪ [1]. *Въ Л.* I, 5.

ЧЕРНАЯ РЫБА *. Мелкія породы рыбы, въ противоположность *красной* (Н. Я. Данилевскій).

ЧЕЧЕНЬ [1]. *Въ Л.* I, 266.

ЧИÁРИТЬ. Кое-какъ пробиваться. (Ряз. губ., Данк. у.).

ЧОХЪ [1]. Не вѣрилъ ни въ —, ни въ смерть. *А. К.* II, 145.

ЧУВЫКАНЬЕ (жаворонковъ). *Война и Миръ* IV, 18.

ЧУЙКА *. Лапоть особенно глубокій, похожій на калошу. (Ряз. губ. Скоп. у.).

ЧУХÍ. Городки (игра).

ШАКАТЬ [1]. Шакаютъ утки особой разновидности, называемыя *шакунами*; обыкновенныя же крякаютъ. Шакуны отличаются еще тѣмъ, что не ходятъ въ воду.

ШАМАТОНЪ [1]. «Пускай онъ будетъ солдать, а не шаматонъ въ гвардіи!». (Пушкинъ. *Кап. Д.*, изд. Анн. V, 319).

ШЕЛОННИКЪ. На Селигерѣ значитъ сѣв. вѣтеръ. См. у Даля Шалоникъ. Но это слово есть и въ Сибири. Точно ли оно происходитъ отъ названія р. Шелони?...

ШÉРБЕНЬ, ШЕРБÓШЬ (Твер. губ.). Ср. у Даля *шерóхъ*, къ гнѣзду котораго слѣдовало отнести и прил. *шершавый* и глаг. *шершить* (шуршить произносится неправильно).

ШЕРШЕБКА. Тоже, что шершенка.

ШÉРШЕНКА (Ряз.). Родъ рубана. См. предыдущее слово.

ШИБАЙ [1]. Мелкій торговецъ. Шибайныя лавки. (Воронежъ).

ШИБЕНЬ. (Гоголь, *Мертв. Души*). Къ сожалѣнію, въ моихъ замѣткахъ нѣтъ точной ссылки на мѣсто, гдѣ употреблено это слово.

ШИРКУНÉЦЪ. Бубенчикъ. (Арх.).

ШЛЮПИКЪ. Родились шлюпиками. *А. К.* III, 219.

ШПАРНЯ (отъ шпарить). Обвариванье.

ШПИКОВАТЬ. Пропущено.

ШПЕТИТЬ. Сильно уколоть кого словами. *(Дополн. къ Оп. Обл. Сл.)* «Онъ при всѣхъ, чтобъ дать важность своей гордости, не устыдился меня шпетить». (*Соч.* Держ., Т. V, стр. 843).

ШПУНТЪ * — столярный инструментъ.

ШТОЛЬНА [1]. Горизонтальный ходъ въ копи, выходящій отверстіемъ

на свѣтъ; если же онъ идетъ весь подъ землею, то называется штрекомъ.

ШТЫКЪ-ЮНКЕРЪ. Чинъ въ артиллеріи, между сержантомъ и поручикомъ.

ШУКА́ТЬ * — не прямо нѣмецкаго, а польскаго происхожденія; замѣчательно, что это слово чрезъ Смоленскую губ. проникло и въ Московскую. Я слышалъ его отъ крестьянъ въ одной подмосковной деревнѣ, гдѣ въ 1812 г. были Французы; въ разсказѣ о нихъ было упомянуто тутъ и сущ. *шука́ло* въ смыслѣ мародера.

ШУРА́ *. Талый, мелкій ледъ. *Шура идетъ.*

ЩИ́ПОКЪ. Бусл. *Истор. очерки* I, 80.

ЭНДИВІЙ. Родъ салата (латукъ), Cichorium Endivia.

ЭСТРАГОНЪ, Artemisia Dracunculus, растеніе, изъ котораго получается лучшій сортъ уксуса. За Кавказомъ употребляется оно въ пищу какъ закуска. (Ф. И. Рупрехтъ).

ЮТОВОЕ производство (*Москов. Вѣдом.* 1878, № 143, перед. статья). Конечно то же, что позднѣе принято называть *джутовымъ*. См. выше *джутъ*.

ЯГУНЪ. То же, что егунъ. См. у Даля.

ЯДОВИТЫЙ [1]. Съѣдобный. (Ряз. губ.).

ЯМЩА. Бревно. «По Днѣстру кромѣ галеръ сплавляютъ еще изъ австрійскихъ владѣній еловые плоты, въ 100 ямщъ или бревенъ каждый, съ досками, гонтомъ и драницами». *(Военно-стат. обозр. Бессарабіи).*

II.

Слова Областнаго Словаря, сходныя съ скандинавскими [1].

Въ Опытѣ Областнаго Великорусскаго Словаря найдено мною довольно много словъ, болѣе или менѣе явно сродныхъ съ словами языковъ скандинавскихъ. Не во всѣхъ случаяхъ можно утвердительно сказать, что русское слово заимствовано изъ иноплеменнаго языка; часто надобно ограничиться только признаніемъ общаго происхожденія словъ славянской породы съ словами скандинавскаго (или и вообще германскаго) семейства языковъ. Должно однакоже замѣтить, что тѣ изъ словъ, сходныхъ съ скандинавскими, которыя собраны въ сѣверныхъ нашихъ губерніяхъ, особенно въ Архангельской, по большей части очевидно почерпнуты изъ этихъ языковъ.

Для нѣкоторыхъ изъ такихъ словъ есть соотвѣтственныя въ двухъ или трехъ скандинавскихъ языкахъ. Въ такомъ случаѣ я избираю тотъ языкъ, въ которомъ оказывается слово самое близкое къ нашему, или отмѣчаю вообще *скандинавское* происхожденіе, если приводимое иноплеменное слово одинаково въ трехъ главныхъ языкахъ этой вѣтви, т. е. *исландскомъ* (или древне-норвежскомъ), *шведскомъ* и *датскомъ*. Исландскій, какъ древнѣйшій по своимъ формамъ, всѣхъ ближе къ первоначальному, впрочемъ не сохранившемуся общему языку скандинавскихъ народовъ, и потому въ тѣхъ случаяхъ, когда можно колебаться въ выборѣ слова

[1] Писано по вызову 2-го Отдѣленія Ак. Н. въ 1852 году.

того или другого, я предпочитаю исландскій. Четвертый отдѣлъ составляетъ народный норвежскій языкъ, содержащій въ себѣ также значительное количество словъ, которыя могутъ служить къ объясненію русскихъ.

Въ числѣ словъ, сходныхъ съ скандинавскими, есть такія, которыя представляютъ родство съ словами и другихъ германскихъ языковъ: я отмѣтилъ ихъ равнымъ образомъ, такъ какъ исключить ихъ совершенно не было достаточнаго основанія. Однакожъ, если слово находится и въ другомъ германскомъ языкѣ, но у насъ гораздо ближе подходитъ къ скандинавскому, то оно такъ и означается мною.

Слова, которыя, по моему мнѣнію, дѣйствительно происходятъ отъ *скандинавскихъ* корней, отмѣчаю я звѣздочкою. При изслѣдованіи ихъ сравнивалъ я русскій языкъ и съ другими славянскими нарѣчіями.

Изъ сдѣланныхъ мною выписокъ видно, что число скандинавскихъ реченій, вошедшихъ въ составъ мѣстныхъ говоровъ Россіи, вообще незначительно: если сосчитать въ изданномъ Словарѣ всѣ слова несомнѣнно скандинавскаго происхожденія, то ихъ окажется едва ли болѣе 40. Этимъ подтверждается высказанное уже прежде мнѣніе, что сношенія древней Руси съ Скандинавскимъ Сѣверомъ мало оставили слѣдовъ въ языкѣ ея народа. Но такое заключеніе нисколько не уменьшаетъ важности изученія скандинавскихъ нарѣчій для изслѣдованія языка русскаго: какъ ни мало онъ отъ нихъ заимствовалъ, однакожъ онъ находится съ ними въ весьма близкомъ родствѣ этимологическомъ, и для полнаго разумѣнія начала и состава множества русскихъ словъ нельзя обойтись безъ помощи языковъ скандинавскихъ. Остается опредѣлить точнѣе отношеніе, которое дѣйствительно существуетъ — впрочемъ наиболѣе съ лексической стороны — между нашимъ языкомъ и скандинавскими. При этомъ нельзя не вспомнить, что еще Добровскій считалъ языки древне-норвежскій, датскій и шведскій тѣми изъ германскихъ нарѣчій, которыя представляютъ наиболѣе сходства съ славянскимъ.

АЛАЛА (вздоръ, бредъ [1]), **АЛАЛЫКА** (непонятно говорящій), **АЛАЛЫКАТЬ**: *сканд.* lalla, говорить съ трудомъ, непонятно. Ср. *нѣм.* lallen, *греч.* λαλέιν, *латин.* lallare. Дор. ἀλαλά — воинскій крикъ, вообще крикъ, гамъ.

АНКА (галка): *шв.* anka, домашняя утка (финское ankka, имѣющее то же значеніе, безъ сомнѣнія взято изъ шведскаго языка).

АРТЬ (толкъ, смѣтливость): *шв.* art, качество, нравъ; удача, сила, талантъ; *нѣм.* Art.

БАТЪ: *исл.* bátr, лодка.

БАУЛЪ (бочка): *шв.* bål, большая чаша, тазъ и т. п.; *анг.* bowl.

БЛЕКАВО (блѣдно): *шв.* blek, блѣдный.

БОНДЫРЬ (бочаръ): *шв.* (tunn-) bindare, обручникъ; *нѣм.* (Fass-) Binder.

БОТВА: *шв.* beta, свекла; *нѣм.* Beete. Ср. *латин.* beta.

БОТНИКЪ: *шв.* båt, лодка; *нѣм.* Boot, въ разныхъ видахъ встрѣчающееся во всѣхъ германскихъ языкахъ.

БУДКА: *исл.* bud, шалашъ. Ср. *нѣм.* Bude (корень bua, строить); *пол.* budować, строить.

БУЛГА (тревога), **БУЛГАТИТЬ** (тревожить): *исл.* bilgja, волна; *дат.* bølge, волноваться (говоря о морѣ).—*Примѣч.* Скандинавское *y* произносится какъ нѣмецкое *ü*. Датское *ø* есть то же, что нѣм. и шв. *ö*.

БУЛДЫГА (безпокойный человѣкъ): *дат.* и *анг.* bold, смѣлый.

БУЛБУШКИ: *шв.* bubbla, водяной пузырь. *Нѣм.* bubbeln.

БУНТЪ (множество хлѣба въ куляхъ): *шв.* bunt, пукъ, связка. *Нѣм.* Bund.

БУРАВЛЬ: *шв.* borr, буравъ. *Нѣм.* Bohrer.

БУРАКЪ * (корзина изъ сосновой драни): *шв.* burk, банка, буракъ, коробка.

БУРЛИТЬ: *шв.* porla, кипѣть, бить ключемъ, бурлить.

ВАЖАТЬ (вѣшать): *шв.* våga, вѣсить. *Нѣм.* Wage.

ГАРВА * (сѣть для ловли семги): *сканд.* garn, сѣть.

ГРИДНЯ * (свадебная комната): *исл.* grid, домъ, хоромы.

ГУГАЛА (качели): *шв.* gunga, качель. Ср. *хорут.* gúgati, качать.

ДРОТЪ, **ДРОТЬ** (проволока): *шв.* tråd (нить; jern-tråd, проволока). *Нѣм.* Drath, котораго первоначальное значеніе тоже *нить.* (Шв. jern = желѣзо).

---

[1] Значеніе русскаго слова отмѣчаю въ скобкахъ только тогда, когда оно болѣе или менѣе отступаетъ отъ значеніи сходнаго иноязычнаго слова.

ЕЛАХА (пиво): *сканд.* öl, пиво. Ср. *анг.* ale, *нѣм.* Ael, *фр.* aile. Сюда же должно отнести областныя слова: Алання, Алаха.
ИКЛЫ (клыки, ногти у пѣтуха): *сканд.* klo, коготь. Ср. *нѣм.* Klaue.
ИКОТА: *шв.* hicka, икать. *Нѣм.* hicken.
ИНЪ (онъ, иной): *исл.* hinn, онъ, тотъ.
КАКОРКА, КАКУРА, КОКОРА (ватрушка, пышка, лепешка) и проч. *исл.* kaka, пирогъ. Ср. *анг.* kake, *нѣм.* Kuchen.
КАЛДЫКА (хромой), **КАЛДЫХАТЬ, КОЛТЫНОГІЙ, КОЛДЫХАТЬ**: *шв.* halta, хромать.
КАРГА (ворона); *дат.* krage, ворона. Ср. *анг.* crow, *нѣм.* Krähe.
КАРИТЬ,-СЯ (выговаривать, жаловаться): *исл.* kaera, жаловаться, звать въ судъ. Ср. *лат.* qveri.
КЕРБЬ * (связка льну): *шв.* kärfve, связка, снопъ; *фин.* kerpo, связка изъ листьевъ или прутьевъ.
КЛЕЙНО * (клеймо): *исл.* kleima, пятно.
КЛИПЪ (подводный рифъ): *шв.* klippa, скала, особливо въ морѣ. *Нѣм.* Klippe.
КЛИТЬ (клѣть): *исл.* klefi, кладовая.
КЛЮКА (крюка): *шв.* krycka, посохъ, костыль. *Нѣм.* Krücke.

Примѣчаніе. Слово колымага, которое, по мнѣнію нѣкоторыхъ, есть скандинавское, съ намѣреніемъ пропущено мною въ этомъ спискѣ. Я не могу согласиться съ авторомъ *Филологическихъ Наблюденій*, который говоритъ (Разсужд. II, отд. 1-е, § 30): «Имя колымага (= hvëlvagn) сложено изъ скандинавскаго hvël, колесо, и vagn, повозка, и собственно значитъ: повозка на колесахъ». Сложное hvelvagn въ скандинавскихъ языкахъ не встрѣчается, да и не можетъ встрѣчаться, потому что слово vagn само по себѣ уже означаетъ повозку *на колесахъ*. Притомъ слово коло есть чисто-славянское, и для объясненія его нѣтъ надобности прибѣгать къ посредству иноязычнаго hvel. Въ церковносл. колимогъ зн. шатеръ, куща (Вост.) въ древ.-русс. иногда зн. станъ. (Ипат. 158: «И возвратишася во колымагы свои, рекше во станы»). Шафарикъ думаетъ, что это—сложное слово, въ которомъ первая половина *серб.* кола = (возъ), а вторая *латыш.* mahja = домъ. (*Слав. древности*, т. I, кн. 2, стр. 25).

КОНДА * (смолистая внутренность сосны): *шв.* kåda, *исл.* qvoda, смола.
Примѣч. Шведское å соотвѣтствуетъ нашему *о*.
КОТУКЪ (шалашъ), **КУТЪ, КУТЬ, КУТНИКЪ, КУТОКЪ** (уголъ): *исл.* kot, хижина; — kota, чуланъ, уголъ. Фин. kota, хижина; — koti, жи-

лище. Ср. *анг.* cottage, *нѣм.* Hütte, *русс.* хата. — Сюда же можно отнести: Катухъ; сверхъ того: Закута съ его производными.

КРАМАРЪ *, *исл.* kramari, торговецъ. } Ср. *нѣм.* Kram, Krämer.
КРАМЪ *, *исл.* kram, мелкій товаръ. }

КУЛЯ: *шв.* kula, пуля.

КУМКА (чайная чашка безъ блюдечка). Въ скандинавскихъ языкахъ подобное слово встрѣчается только въ сложномъ видѣ (*шв.* spilkum, полоскательная чашка); но въ нѣмецкомъ слово Kumme означаетъ вообще глубокій сосудъ, лаханку. Ср. *греч.* κύμβη; κύββα и *русс.* кубокъ.

ЛАВА, ЛАВЫ (плотъ, мостки): *шв.* lafve, нары, полокъ; *фин.* lawa, нары, помостъ; — lawo, полокъ.

ЛАГОДИТЬ, ЛАДИТЬ,-СЯ, ЛАДКА: *исл.* laga, устраивать, приготовлять, исправлять. *Фин.* laitta, съ тѣми же значеніями.

ЛАДЬЯ, ЛОДЬЯ; *шв.* lodja, а также и *фин.* lotja заимствованы у Русскихъ.

ЛАЙКА, ЛАЙКО (собака, воркунъ): *исл.* lái, хулить, охуждать.

ЛАПИКЪ, ЛАПИТЬ: *исл.* lappa, ставить заплатки.

ЛАРЬ (сундукъ): *исл.* lar, ящикъ, шкатулка; *фин.* laari конечно заимствовано.

ЛОГЪ (ровъ, оврагъ), *исл.* lág, углубленіе въ землѣ, ложбина.

ЛЯГА (ляжка): *исл.* leggr, лядвея. *Анг.* leg.

МЕРЁДА *, **МЕРЁТА, МОРДА** (рыболовная снасть): *шв.* mjärde; *фин.* merta есть слово заимствованное [1]. Сюда же должно отнести слово: Нёрша, составленное изъ мерёжа съ перемѣною *ж* на *ш* и *м* на *н* (какъ въ словахъ: клейно, нимо и др.

МОЛВИТЬ: *исл.* maela, говорить; *шв.* mål, языкъ, рѣчь.

МУСЛЯТЬ * (мочить слюною): *исл.* musla, брать въ ротъ (вмѣсто munsla, отъ munnr, ротъ).

НЯМА (яма въ рѣкѣ): *исл.* nama, яма, рудникъ.

ОТЛОСТИТЬ (прибить): *исл.* liosta, бить, колотить. Сюда же можно отнести слова: лóскать и лощить.

ПАЛИ (сваи): *шв.* påle, шестъ, свая; *нижне-нѣм.* Paal. Ср. *лат.* palus и сходныя слова въ другихъ языкахъ.

ПАСМА (мотушка льняныхъ нитокъ): *шв.* pasma, мотокъ. Судя по

---

[1] По мнѣнію г. Альквиста это слово, первоначально финское, заимствов. Русскими и Шведами: merta — маленькая рыболовная снасть, плетеная изъ ивовыхъ вѣтвей.

тому, что это слово находится въ нѣсколькихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, тогда какъ изъ скандинавскихъ языковъ одинъ шведскій принялъ его, надобно заключить, что оно перешло не отъ Шведовъ къ намъ, а скорѣе наоборотъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ славянскихъ нарѣчіяхъ является и первообразное слово (пасъ = поясъ), которое теперь оказывается и въ русскихъ областныхъ словахъ: Опасъ, Опаска.

РАСКЕПИНА (щель): *исл.* skepia, дѣлить, раздѣлять. До сихъ поръ о корнѣ, заключающемся въ этомъ словѣ, можно было догадываться только по слову: раскепъ или правильнѣе: разскепъ. Ясно, что отъ того же корня произошелъ нашъ глаголъ щепать съ своими производными. Въ древнемъ языкѣ встрѣчается онъ иногда и въ видѣ: скепать.

РУДА́ (кровь, что-нибудь грязное), **РУДИТЬ,-СЯ, РУДНЫЙ, РУДЫЙ:** *исл.* ryda, обмазывать, пачкать; обагрять кровію.

РУДО́Й (рыжій), **РУДѢТЬ** (краснѣть), **РУДЯНОЙ** (грязный): *исл.* raudr, красный;—rod, краснота. Ср. *анг.* red, *нѣм.* roth, и *русс.* рдѣть.

РЮЖА *, **РЮЗА:** *дат.* ruse, рыболовная сѣть. Финское rysä заимствовано изъ скандин. языковъ[1]. Ср. *нѣм.* Reuse.

РЮМАТЬ *, **РЮМА** (плакать): *исл.* rymia, ревѣть, кричать.

СКЕЯ * (анбаръ, погребъ): *исл.* skiar, пристройка для сушенія чего-либо.

СКИВА *, **СКИПА:** *исл.* skifa, ломоть, пластина.

СТРЫНКА, СТРЫНЯ (горшокъ, ларчикъ): *исл.* skrin, сундучокъ, ящикъ. Ср. *лат.* scrinium.

СЛЯЧА: *шв.* slask, слякоть.

СНАЧИТЬ (взять): *нар.-норв.* snaka, схватить, утащить; — snak, жадный. Ср. *анг.* to snatch.

СНИДОВАТЬ, СНѢДОВАТЬ (закусывать, обѣдать), **СНѢДАТЬ, СНѢДАНЬЕ:** *исл.* snád пища, яство. Дифенбахъ въ своемъ Сравнительномъ Словарѣ готскаго языка признаетъ случайнымъ сходство между древне-славянскимъ снѣдь и древне-норвежск. snád. Если, однакожъ, принять въ расчетъ, что это слово съ тѣмъ же значеніемъ не встрѣчается въ другихъ германскихъ языкахъ и что они равнымъ образомъ не представляютъ корня, изъ котораго бы оно естественно проистекало, то является вопросъ: не отъ Славянъ ли заимствовано Норманнами имя snád вмѣстѣ съ глаголомъ snaeda (исл.), кушать? Правда, въ англо-

[1] Такъ и по мнѣнію г. Альквиста, который поясняетъ, что *rysä* — такая же снасть, какъ и мерта, но бóльшаго размѣра и сдѣланная изъ сѣти.

сакс. есть слова: snoed, кусокъ и snoedan, подкрѣплять пищею, но и это, кажется, не даетъ права производить древненорв. snád отъ готскаго глагола sneithan, рѣзать, — какъ сдѣлалъ Дифенбахъ, вообще слишкомъ нестрогій въ выборѣ сближаемыхъ имъ реченій. Приведенныя областныя слова совершенно сходятся съ польскими: śniadać, завтракать, и śniadanie, завтракъ. Славянское происхожденіе ихъ такъ очевидно, что мысль г. Сабинина, будто снѣдь есть слово скандинавское не требуетъ опроверженія.

Снота * (догадка, смѣта): *исл.* snotr, благоразумный, искусный; *дат.* snu, хитрый, и snedig, лукавый. Ср. *гот.* snutrs, *англо-сакс.* snoter, *нижне-нѣм.* snöe и пр. *Нар.-норв.* глаголъ snu seg, который собственно значитъ — повертываться, но также употребляется въ смыслѣ: приноравливаться, хитрить, заставляетъ предполагать, что показанныя здѣсь германскія слова находятся въ связи съ обще-скандинавскимъ глаголомъ snua (sno, snoe), вертѣть, вертѣться, быстро двигаться; а этотъ глаголъ въ самомъ тѣсномъ родствѣ съ нашимъ сновать (Акад. Сл. «ходить, летать и плавать туда и сюда») и сноваться («соваться, бродить туда и сюда»). Родство тѣмъ болѣе несомнѣнное, что какъ скандинавскій, такъ и славянскій глаголъ имѣютъ еще другое однородное значеніе; напр. *шв.* sno, крутить, сучить (нитку и т. п.). Все сказанное позволяетъ догадываться, что слово снота собственно и первоначально должно значить изворотливость, хотя по законамъ нашего языка и не можетъ оно стоять въ прямомъ соотношеніи съ гл. сновать.

Спица * (спичка), **спицыны** (деревянные гвозди): *нар.-норв.* spik или spika, узенькій отколокъ дерева, тычинка, также лучина. Ср. *шв.* spik, гвоздь; *нижне-нѣм.* spiker, гвоздь; *голл.* spyker, гвоздь, клинъ; *анг.* spike, острый конецъ, гвоздь. Замѣчательно, что хотя во всѣхъ этихъ словахъ обнаруживается одинъ и тотъ же корень, но между германскими языками собственно только народный норвежскій представляетъ слово, которое совершенно подходитъ къ нашему спица или, въ общепринятомъ языкѣ, спичка. Впрочемъ надобно принять въ соображеніе и *исл.* spita, деревянный гвоздь, щепка; нельзя также не имѣть въ виду и *нѣм.* Spitze, въ которомъ однакожъ внутренне сходство съ нашимъ словомъ ограничивается только общимъ понятіемъ острія. Отъ Spitze прямѣе произошло у насъ другое слово, именно шпицъ, остроконечный верхъ.

спретъ * (гадкій человѣкъ): *шв.* sprätt, франтъ, щеголь. *Исл.* spreyta, gestibus superbus.

стега́, стежка (проселокъ, тропинка): *исл.* stigr, тропинка. Ср. *гот.* staiga, *древне-верх.-нѣм.* stega. Изъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій едва ли не одно русское удержало въ этомъ словѣ коренную букву *г* безъ измѣненія въ *з* или въ *ж*.

стогъ: *исл.* stackr, куча. Это слово, встрѣчающееся почти во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, получило въ нихъ смыслъ, по большей части ограниченный понятіемъ сѣна, но въ нашемъ областномъ, такъ же какъ въ польскомъ и нѣкоторыхъ другихъ, оно наравнѣ съ древне-норвежскимъ stack удерживаетъ общее значеніе кучи. Въ нынѣшнихъ скандинавскихъ языкахъ оно приняло средній смыслъ, означая вообще стоящую въ полѣ кладь сѣна, соломы, ржи и т. п.

стодъ * (идолъ): *шв.* stod, статуя. Ср. *греч.* στόα.

страда́, стра́да (рабочая пора, тяжелая работа), **страдать** (трудиться), **страдовать, страдомый** и проч.: *исл.* strita, работать съ усиліемъ, *нар.-норв.* strita, таскать, носить тяжести; справлять тяжелую работу;—stritarbeid, тяжелая работа, для которой требуется одна сила, безъ всякаго искуства. Ср. *латыш.* strahdaht, работать, быть прилежнымъ.

стягъ * (колъ): *исл.* stiak, колъ; *дат.* stage. Ср. *древне-нѣм.* stekko, колъ, свая; *ново-нѣм.* Stock, палка. Какъ наши слова: колъ, тычина происходятъ отъ колоть, тыкать, такъ и германское стягъ образовалось отъ однозначащихъ глаголовъ *нѣм.* stechen и stecken. Хотя въ значеніи *знамя*, *хоругвь* это слово извѣстно и западнымъ Славянамъ («Мысли объ исторіи русскаго языка» И. И. Срезневскаго, стр. 153), однакожъ трудно не признать его иноплеменнымъ, такъ какъ оно въ славянскихъ нарѣчіяхъ стоитъ совершенно одиноко, не имѣя въ нихъ корня и не давъ отъ себя производныхъ. Понятіе о *водруженіи* знамени объясняетъ намъ связь обоихъ повидимому разнородныхъ значеній разсматриваемаго слова [1].

сусолить (пить медленно, сосать), **сусликъ, сусля** (кто пьетъ понемногу) и проч.: *нар.-норв.* susla, плескать, болтать (мѣшая жидкость);—susl, пачкотня, бурда. Хотя *сканд.* susla по смыслу

---

[1] Въ значеніи *знамя* слово *стягъ* ближе соотвѣтствуетъ германскому, отъ того же корня происходящему Stange, stenge, steng и т. п., шестъ, палка, древко, и гласная нашего слова въ этомъ случаѣ есть собственно *ѧ*.

и не совпадаетъ съ русскимъ «сусолить, суслить», однакожъ нельзя отвергать нѣкотораго между ними родства, даже и въ этомъ отношеніи. Во всякомъ случаѣ показанное здѣсь сходство и областная форма сусолить заставляютъ сомнѣваться, чтобы Рейфъ правильно производилъ глаголъ *суслить* отъ *сосать*, хотя первый, въ областномъ языкѣ, и принимаетъ иногда значеніе второго.

СЫРКА́ (виноградный уксусъ): *скавд.* sur, кислый.

ТАЛОВАТЬ (воровать): *исл.* stal, прош. врем. отъ гл. stela, воровать. Ср. *англо-сакс.* stalu, *старо-нѣм.* stala и сходныя слова во всѣхъ германскихъ нарѣчіяхъ. *Таловать* можетъ соотвѣтствовать чужеплеменному s-tal точно такъ же какъ напр. глаголы тыкать, прыгать, относятся къ однозначащимъ съ ними s-ticka, s-pringa (шв.).

ТВОРИЛКА (квашня). Смыслъ этого слова прямо истекаетъ изъ второго значенія глагола *творить*, какъ оно показано въ академическомъ словарѣ: «Разводить, размѣшивать въ водѣ. *Творить* известь. — *Творить хлѣбъ или квашню:* зн. смѣшивать муку съ водою». — Съ глаголомъ *творить* въ этомъ значеніи разительное сходство представляетъ датскій гл. tvœre, разводить, мѣшать что-либо сухое во влажномъ, напр. «tvœre Mel i Vand» (растворять муку въ водѣ) — смѣшивать муку съ водою; въ исл. языкѣ þvari означаетъ скатанное комками тѣсто. Ср. русское *растворъ*, смѣшеніе чего-либо сухого съ влажнымъ *или* одной влажности съ другою (акад. слов.). Это указаніе можетъ служить къ объясненію областныхъ словъ: тварь — мокрый и крупный снѣгъ, и творогъ — начинка. Въ послѣднемъ находимъ общеупотребительное слово съ перемѣною смысла, основанною на сходствѣ предметовъ (ср. творожная начинка) и оно съ другой стороны сближается съ нѣмецкимъ qvarg и qvark, означающимъ: 1) творогъ въ общепринятомъ смыслѣ и 2) мягкую грязь и вообще всякую влажную нечистоту (*сред.-нѣм.* twark). Родство звука dv съ tv, какъ и съ zw, въ германскихъ языкахъ подтверждается множествомъ примѣровъ. Въ приведенномъ датскомъ словѣ tvœre нельзя не признать близкой связи съ слѣдующими германскими глаголами, значащими также переворачивать, мѣшать: *сред.-нѣм.* twern (прош. twar), *древ.-верх.-нѣм.* dweran, *ново-верх.-нѣм.* zweren, откуда пошли торообразные: *англ.* twirl, *ново-нѣм.* zwirlen и qverlen и проч., а отъ нихъ составились, съ зна-

ченіемъ мѣшалки, чумички имена: *англо-сакс.* thvyril, *средне-нѣм.* twirel, *ново-нѣм.* qviril и zwirl, *дат.* tvœre, *нар.-норв.* tvara или tvare. Ср. еще *нар.-норв.* tverel, пахтальная кирка. Къ этимъ словамъ, по формѣ и по происхожденію, хотя и не совсѣмъ по значенію, но все-таки также съ главною идеею мѣшанія, подходятъ русскія: общеупотребительное творило и областное творилка[1]. Трудно рѣшить, какимъ образомъ творило въ областномъ языкѣ могло получить значеніе «поддона, на который ставятся ушаты», и потому можно предполагать, что это слово въ простонародномъ обиходѣ имѣетъ еще какой-нибудь смыслъ, служащій переходомъ къ показанному въ Обл. Словарѣ мѣстному значенію. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ творило дѣйствительно является въ другомъ значеніи: тамъ оно по большей части означаетъ форму, въ которой окончательно сгущается сыръ, а мѣстами и вообще форму, образъ (отъ гл. творить въ смыслѣ *образовать*); у Поляковъ оно сверхъ того значитъ: горшокъ для тѣста. (Ср. русс. обл. творилка[2]).

Примѣчаніе. Изъ соображенія обоихъ значеній русскаго глагола *творить* возникаетъ вопросъ: въ какомъ отношеніи они находятся между собою и которое изъ нихъ надобно признать первоначальнымъ? Вопроса этого нельзя рѣшить безъ помощи другихъ родственныхъ языковъ, въ которыхъ являются соотвѣтствующія слова того же корня. Древнѣйшимъ видомъ его надлежитъ принять *санскритское* tvar, спѣшить, скоро дѣлать[3]. Въ латышскомъ языкѣ tvert значитъ хватать, схватывать. Въ чешскомъ и польскомъ *творить* имѣетъ

---

[1] Суффиксъ l во многихъ индо-европейскихъ языкахъ служитъ къ образованію словъ, означающихъ орудіе, средство. Ср. *греч.* πτίλο ὀπτίλο, *лат.* vinculum, speculum, *нѣм.* Schlüssel, Stachel и проч.

[2] Въ повѣсти Д. В. Григоровича: *Смедовская долина.* (*Соврем.* 1852, № 1, Отд. I, стр. 106) употреблено слово *тварня.* Желательно было бы принять въ соображеніе и это слово при разсмотрѣніи производныхъ отъ гл. *творить*; но къ сожалѣнію я нигдѣ не могъ найти указанія, что значитъ тварня, котораго нѣтъ и въ Словарѣ Даля. Очень полезно было бы, если бъ авторы повѣстей, взятыхъ изъ простонароднаго и вообще изъ провинціальнаго быта, присовокупляли къ нимъ объясненіе словъ, неизвѣстныхъ въ общеупотребительномъ языкѣ.

[3] Г. Миклошичь въ Radices linguae Slovenicae v. d. ошибочно принималъ корнемъ слова творить *санскр.* tu, *facere.* Ср. у Боппа въ Glossarium Sanscritum корень त्वर् (твар), festinare... ratione habita, radicem चर् (чар) et ire facere significare.

смыслъ — давать образъ или видъ: вотъ, кажется, исходная точка обоихъ значеній русскаго глагола; и основное понятіе, въ которомъ оба они соединяются, можно выразить такъ: посредствомъ быстраго движенія рукъ производить что-либо, имѣющее образъ; а отсюда уже проистекло болѣе отвлеченное значеніе этого глагола. Такъ и въ германскихъ языкахъ глаг. schaffen, *сканд.* skapa, творить, заимствованъ отъ идеи: образъ. (Ср. *анг.* shape, *шв.* skapnad — видъ, образъ). Замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ творить значитъ также *строить* (греч. κτίζειν созидать, создавать). Такимъ образомъ въ славянскомъ глаголѣ соединились всѣ тѣ понятія, которыя въ разныхъ языкахъ отдѣльно послужили основаніемъ для выраженія идеи creare.

Трудиться (долго и тяжко хворать): *исл.* trauda, принуждать, затруднять; *нар.-норв.* traute, продолжительный и тяжкій трудъ.

Тулятьсл (прятаться): *дат.* dølge (прош. dulgte), скрывать. Ср. *исл.* dula, покрывало, duldr, скрытый.

Тынъ (плетень): *исл.* tun, селеніе, дворъ, застроенное мѣсто. Ср. *англо-сакс.* tun, ограда; *анг.* town, городъ. По мнѣнію Шафарика, тынъ — первоначально кельтское слово. (*Сл. Древн.* т. I, кн. II, стр. 206).

Утельга (тюленья самка). Это слово утверждаетъ меня въ догадкѣ, что въ имени *тюлень* буква *ю* не есть первоначальная, а замѣнила собою гласную *е* (ср. для примѣра плюсна и плесна). *Тюлень* должно быть въ родствѣ съ *теля*, *теленокъ*, что́ не покажется страннымъ, когда мы вспомнимъ, что по-латыни vitulus значитъ и теленокъ и тюлень (ученый терминъ: phoca vitulina), да и на многихъ современныхъ языкахъ *тюлень* называется *морскимъ теленкомъ*, напр. по-польски ciele morskie, *фр.* veau marin, *нѣм.* Meerkalb. Въ польскомъ языкѣ cielę и безъ прибавленія morskie употребляется въ смыслѣ: *тюлень*. Тотъ же корень встрѣчается, въ этомъ послѣднемъ значеніи, и въ скандинавскихъ языкахъ (*исл.* selr, *шв.* själ), а равно въ *анг.* (seal) и въ *англо-сакс.* (syle). По всему сказанному трудно согласиться съ Павскимъ, чтобы слово *тюлень* передѣлано было изъ *анг.* seal (*Фил. Набл.* II, А., стр. 146); такъ и въ реченіи *утельга́* нельзя признать чуждаго происхожденія.

Хватино, хватюга (хватъ), **хватско** (мастерски): *исл.* прил. hvatr (сред. р. hvatt), бойкій, смѣлый, проворный.

Хвилый: *исл.* qvilli, хилость, безсиліе.

ХРАКЪ (харканье, харкота): *исл.* hraki въ томъ же значеніи.

ХРАПЪ: *исл.* hrappr, буйный, наглый.

ХРИДА (человѣкъ, по неряшеству измокшій и проч.): *исл.* hrydia плевать, харкать; *прил.* hrydiulegr, грязный, гадкій.

ХРИЗА (высокая, худая женщина): *скр.*. krça, испитой, болѣзненный.

ХРУНИ, ХРУННИКЪ, ХРУНЫ, ХРУНЬЕ: *исл.* hrae, изорванная вещь, ветошка.

ХУТРА, ХУТРО, ХУТРОВАТЬ; того же корня въ *сканд.* языкахъ foder, но слово *хутра* ближе къ однозначущему *нѣм.* Futter, подкладка, мѣхъ, а въ архитект. внутренняя обшивка или обдѣлка. Ср. *пол.* futro, futrować.

ШКАЛИКЪ*, ШКАЛЬЧИКЪ: *исл.* skál, чаша, чарка. Ср. *нѣм.* Schale.

ШКЕВЕНЬ, вм. штевень (см. общій акад. слов.): *исл.* stafn, *дат.* stavn, носъ у корабля, также корма. Наше слово взято вѣроятно съ *голл.* steven, килевая балка.

ШКУ́РА (древесная кора). Корень ska, sku въ герман. языкахъ вообще означаетъ покрышку, верхній слой. Оттуда и *шв.* skara, снѣговая *кора* (настъ); skorpa, корка хлѣбная, земляная кора и т. п. Ср. *древне-нѣм.* schur, мѣхъ, шкура, *пол.* skórka и *рус.* скорнякъ.

ШКУРАТЬ (о птицахъ: быстро спускаться): *сканд.* skur, ливень, сильный градъ. Ср. *нижне-нѣм.* schur; вообще сильное, мгновенное движеніе.

ШКУРЯТЬ (прогонять): слово того же корня. Ср. *нѣм.* schüren, *древне-нѣм.* skurian, толкать, вышибать. Гриммъ принимаетъ готскій глаголъ skiuran, impellere, trudere. Сюда же надобно отнести междометіе: шкырь.

ШЛЕНЬКАТЬ (ѣхать слабой рысцой), **ШЛЕНЬКОМЪ, ШЛЫНДАТЬ, ШЛЯНДАТЬ:** *исл.* slen, slenta, безсиліе, лѣнь, *шв.* slentra, шляндать, шататься; ср. *нѣм.* slendern.

ШЛЯХЪ* (дорога): *исл.* slog, тропа, слѣдъ. Ср. *нѣм.* Schlich, Schleichweg, и *пол.* szlak, szlad, откуда русское вѣроятно и заимствовано.

ШЛЯЧА: см. объясненіе слова сляча — слякоть.

ШНУРИТЬ, ШНУРЪ: *исл.* snura, черта, тесемка, вѣроятно въ сродствѣ съ гл. snua, сучить, крутить. Въ смыслѣ шнурить употребляется и у Нѣмцевъ schnüren.

ШНЫРА, ШНЫРИТЬ, ШНЫРЪ,-Ь, ШНЫХАРИТЬ: *исл.* snudra, обнюхивать по-собачьи; ср. *нѣм.* schnurren, скитаться, ища пропитанія; или отъ другого корня *нар.-норв.* snurre se, кружиться, вер-

тѣться. Для слова шныхарить можно привести также *шв.* snoka, рыться, шарить, искать.

шняка * (лодка извѣстныхъ размѣровъ для рыбной ловли): *исл.* snåkr, др.-слав. смокъ, собственно змѣя, также родъ мореходнаго судна; иначе sneckia, легкое судно.

шпакъ (скворецъ): *сканд.* spak въ древности значило умный, мудрый, а нынѣ смирный, ручной; оттуда *нар.-норв.* spekt, способность говорить (въ старину мудрость). Ср. *анг.* to speak, говорить, и *древне-нѣм.* spacht, говоръ, крикъ, птичье пѣнье; *голл.* spekt, дятелъ.

шпигорь *: *дат.* spiger, большой гвоздь.

штопорить, штопырить: *шв.* stoppa, затыкать, штопать. *Нѣм.* stopfen, *лат.* stipare и проч.

шукать: *шв.* söka, искать. Ср. *нѣм.* suchen, *пол.* szukać. Глаголъ шукáть, записанный въ Курской губ., слышалъ я и въ окрестностяхъ самой Москвы (близь Угрѣшскаго монастыря), гдѣ крестьяне часто употребляли его, разсказывая мнѣ о насиліяхъ Французовъ въ 1812 году и называя мародеровъ, дѣлавшихъ по деревнямъ поиски, шукáлами (шукáло).

шхоутъ, шкоутъ: *шв.* skuta. Ср. *голл.* schuyt, извѣстнаго рода судно. Здѣсь заимствованіе произошло конечно изъ голландскаго языка.

щвель, щелина: *исл.* skilia, раздѣлять, разлучить; — skil (*нар.-норв.* skjel), отверстіе въ ткани (при тканьѣ).

щиро (искренно): *шв.* skär, чистый, неподдѣльный. Ср. *пол.* szczery.

юркій, юроватый, юрово, юровый: *шв.* yr, рѣзвый, живой.

ялая, яловка, яловый: *исл.* géld, *нѣм.* gelt; неплодный; о коровѣ: не дающая молока, нетель (шв. gall-ko). *Дат.* gold, безплодный, пустой, порожній.

яро (шибко), **яровать** (кипѣть), **яроватый, ярыга** (работникъ), **ярый** (сердитый, сильный): *исл.* errinn, бойкій, пылкій, сильный, работящій, или: aer, ярый, бѣшеный.

ящикъ (четвероугольное пространство на бахчѣ; четырехколесная телѣга). Рейфъ производитъ это слово отъ гл. *ять*, а Павскій (II, А. 71) говоритъ только, что въ нашемъ языкѣ нѣтъ имени *ящъ*, но не доискивается происхожденія слова. Оно въ первоначальномъ видѣ находится въ германскихъ нарѣчіяхъ, но всего ближе къ нашему является въ языкахъ скандинавскихъ. *Дат.* aeske, *шв.* ask, *исл.* eski, или askr значитъ именно: ящикъ, коробка и т. п. Ср. *нѣм.* asch, горшокъ, и *пол.* jaszcz, jaszczyk, посудина для масла, творогу и проч.

III.

Слова Областного Словаря, сходныя съ финскими.

Вообще словъ, заимствованныхъ изъ финскаго языка, отыскалось въ Словарѣ довольно много. Большая часть финскихъ словъ собраны въ сѣверныхъ губерніяхъ; замѣчательно однакожъ, что нѣкоторыя подслушаны и въ среднихъ великороссійскихъ. Вопросъ объ отношеніи финскаго языка не только къ русскому, но и вообще къ индоевропейскимъ еще мало разработанъ, и самое знакомство европейскихъ филологовъ съ этимъ замѣчательнымъ языкомъ началось недавно. Но при изслѣдованіи русскаго языка необходимо принимать въ соображеніе и финскій, который даже и въ грамматическомъ отношеніи можетъ представить нѣкоторыя интересныя сближенія съ первымъ. Здѣсь мѣсто упомянуть объ одномъ реченіи Областнаго Словаря, которое поражаетъ финскимъ образованіемъ своимъ, хотя по корню оно и русское, именно о нарѣчіи сравнительной степени: бережѣе. Его едва ли можно выводить изъ какого-нибудь прилагательнаго: въ сравнительную степень возведено тутъ существит. берегъ, въ чемъ удостовѣряетъ финское rannemmalla (первоначально rańtampa-lla), образованное отъ дательнаго падежа существительнаго имени ranta (берегъ = шв. strand). Въ помѣщаемомъ здѣсь спискѣ приведены какъ слова, явно взятыя у Финновъ, такъ и немногія другія, которыя представляютъ только этимологическое родство или о которыхъ трудно сказать, кто у кого заимствовалъ.

АЛАНЬ (низменное мѣсто): *фин.* alanko, (отъ частицы ala, означающей низъ и соотвѣствующей нашему предлогу *подъ*).

ВАГА (сила): *фин.* wäki, сила.

ВАРАКА (каменная гора): waara, каменная гора, скала.

ВАРАТОКЪ: wari, кипятокъ.

ВИЦА: witsa, розга. Здѣсь чуть ли не финское слово заимствовано отъ русскаго.

ГИРВАСЪ: hirwas, олень самецъ.

ЗУЙ (мальчикъ, готовящій кушанье для промышленниковъ): syödä, ѣсть (фин. у = нѣм. ü); syö — онъ ѣстъ.

КАНКА, КАНЪ (инд. пѣтухъ, курица): kana, курица.

КЕНДА (песчаный возвышенный берегъ озера): kentta, возвышенное невоздѣланное поле.

КЕРСТА (могила): kirstu, ящикъ, тюрьма, вѣроятно съ герм. kiste.

КЕХТАТЬ (желать, много ѣсть): käkeä, желать, стараться; или kéhdata, не стыдиться, не скучать что дѣлать.

КИПАКА (каменный берегъ, гладкій камень, выходящій изъ моря): можетъ быть, отъ гл. kippata, скакать: kipakka значитъ быстрый, стремительный.

КИРЗА (верхній слой земли): kirsiä, вскапывать поверхность земли; kirsi, ледяная кора, ледъ въ землѣ (подина).

КОВРА (пригоршня): kopra, ладонь, горсть.

КОНГА (сосновый рудовый лѣсъ): honka, pinus silvestris matura.

КУККУЙ (мясной пирогъ при свадьбахъ): kala-kukko, пирогъ съ рыбой (kala = рыба; для kukko ср. нѣм. Kuchen, шв. kaka, пирогъ).

КУЛЕПИЯ (деревня, Костром.): kylä, деревня.

ЛАМБА, ЛАМБИНА (небольшое озеро): lampi, небольшое озеро.

ЛАХТА: lahti, заливъ морской.

ЛЕЙМА: lehmä, корова.

ЛЕМБОЙ (чортъ): lempo, злой духъ, сынъ миѳологическаго героя Кáлевы.

ЛУЗИКЪ: lusikka, ложка. Впроч. ф. lusikka явно заимствовано отъ *ложка*[1].

---

[1] Это русское слово перешло къ Финнамъ вмѣстѣ съ самою вещью, т. е. съ деревянными ложками, которыя еще и теперь въ большомъ количествѣ ввозятся въ Финляндію и формою своею совершенно отличны отъ туземной финской ложки, которой названіе было *kuiri*. Въ сѣв. губерніяхъ Русскіе повидимому приняли финскую форму слова *ложка* (Альквистъ).

ЛЪКА (счетъ), **ЛѢЧИТЬ** (считать): luku, число, счетъ; lukea считать.

МЯНДА (верхніе слои сосны; лѣсъ): mänty, pinus silvestris.

НЕГЛА (лиственница): negla (nekla, neula), игла, хвоя.

НОРИЛО (шестъ, которымъ продѣваютъ подо льдомъ веревку): nuora, веревка.

ПАВНА (болото): pauni, лужа, небольшое озеро.

ПАЛЕНИНА, ПАЛЪ, ПАЛЫ, ПАЛЬ: palo, выжженное мѣсто. Трудно опредѣлить, происходятъ ли эти слова отъ финскаго глагола palaa, горѣть, или отъ русскаго палить. Такъ какъ они употребляются не въ однѣхъ губерніяхъ, гдѣ народонаселеніе отчасти финское, то нѣтъ достаточнаго основанія признать ихъ иноязычными.

ПАХТУСЪ (комъ масла изъ сметаны): paksu, густой, и гл. pahtaa, сгущать, давать свернуться. Отсюда видно, что нашъ глаголъ пахтать — финскаго происхожденія. Здѣсь должно замѣтить и областное слово опахтанье.

ПЕРТЬ (жилая карельская изба): pirtti, черная изба, баня.

ПЕХТИЛЬ,-ЛО, ПИТКИЛЬ (пестъ, неповоротливый человѣкъ): petkeli и pötkeli, пестъ.

ПОЙГА (малютка): poika, мальчикъ, сынъ.

ПУДАСЪ: pudas, рѣчной заливъ, рукавъ, проливъ.

ПУРГА, ПУРЬГА: pyry, мятель, вьюга, и purku, сугробъ снѣжный.

ПЯККОИ: pieksu, сапоги особаго рода.

РАВГА: rauhanen, желѣза́.

РАГА: raha, деньги.

РОВГА, РОВДА, РОВКА: routa, ледъ въ землѣ.

РОПАКА,-КЪ, РУПАКА (стоячая льдина, ледъ): ropakko, грязь по дорогамъ, колоть.

РОПАСЪ (ледяной бугоръ): rapa, грязь, вообще что-нибудь ломкое и разсыпающееся.

РЕМОКЪ,-ОХА,-ОХЪ,-ОШИНА,-УШКИ; РЯМОКЪ,-МКИ,-МОЖНИКЪ,-МУГА (лоскутъ, тряпка): rämä, вещь изодранная и негодная.

РЯМЪ, РЕМА, РЕМНИКЪ (топкое мѣсто, поросшее мохомъ и кустарникомъ): rämet, болотистое мѣсто.

РЯНДА: räntä, мокрый снѣгъ.

РЯСА́ (мокрота, слякоть, топкое мѣсто): räisy, топкая земля.

РЯСКИ (изодр. платье): rätti, лохмотье, тряпка, или räpä, изодранное платье.

САЛМА: salmi, проливъ, иногда заливъ.

САРГА: sarja, тонкая и длинная драница, употребляемая въ рыболовныхъ снастяхъ и т. п.

СЕЛЬГА (высокое пахотное мѣсто въ лѣсу): selkä, хребетъ; оттуда вообще — возвышенное, болѣе видное мѣсто.

СИКА: sika, свинья.

ХВАСТАТЬ, (говорить, лгать), **ХВАСТЛИВЫЙ, ХВАСТУНЪ**: haastaa, говорить, нагло говорить, хвастать.

ХОВАТЬ: haudata, зарывать, хоронить.

Глаголы хвастать и ховать, извѣстные и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, не могутъ быть отнесены къ числу заимствованныхъ словъ, но помѣщены здѣсь только какъ сходные съ финскими по корню.

ХОВРА (неповоротливая, непонятливая женщина): houru, глупый, полоумный.

ХОЗАТЬ: hosua, бить, колотить.

ХОНГА, ХОНОЖНИКЪ: honka, сосна. Ср. выше конга.

ХОРА (некладеный баранъ или олень): oro, жеребецъ, вепрь (кладеный). Ср. *чеш.* oř, voř, конь, жеребецъ (Н. Некрасова *Краледв. рукопись*, стр. 82 и 188), и *англ.* horse.

ХОРТЪ (борзой кобель, ловчій песъ): hurtta, охотничья собака, иногда волкъ; также рослый мущина. Профессоръ Альквистъ, приводя названное фин. слово, эст. hurt и лив. kurta, полагаетъ, что оно въ этихъ языкахъ заимствовано изъ русскаго или литов. (kurtas[1]). Дѣйствительно, слово этого корня очень распространено въ славянскихъ нарѣчіяхъ: црк.-сл. хрътъ; др.-чеш. chrt (жен. р. chrtice), польск. chart, хорут. hert, серб. хр̑т или рт и т. д., почему и Шимкевичъ внесъ это имя въ свой *Корнесловъ*. Юнгманъ сближаетъ его съ нѣм. hurtig, но едва ли справедливо: послѣднее скорѣе пріурочивается къ анг. to hurt, франц. heurter, и нѣм. глаг. hurten (stossen).

ХУХМАРИКЪ (гвоздь у лошадиной подковы): huhmari, большая ступка, родъ жернова.

ШИРА hiiri, мышь.

ШИШЪ, ШИШКО, ШИШИГА, ШИШИГАНЪ (домовой, бѣсъ). Только въ видѣ догадки можно здѣсь привести имя Hiisi, которымъ у Финновъ, по преданіямъ язычества, называется также злой духъ бѣсъ.

---

[1] Dr. August Ahlqvist. Die Kulturwörter der Westfinnischen Sprachen. Helsingfors 1875. Стр. 2.

Юнда (мережа особеннаго устройства): juoni (неопр. падежъ juonta), длинная рыболовная сѣть.

Юрко, юркій, юръ (покато, скользко, быстрина): jyrkkä, крутой. Весьма вѣроятно, что въ основѣ этого слова только видоизмѣненіе другого, болѣе распространеннаго въ русскомъ языкѣ корня — *яр* (ярый, яркій, яръ), ибо сущ. *яръ* имѣетъ значеніе крутизны, стремнины, такъ же какъ и слово *юръ* въ общеупотребительномъ выраженіи: «на самомъ юру».

Ялань, яланка (голое пространство земли между лѣсомъ, прогалина; то же что алань): alanko, низменное мѣсто. Ср. выше алань.

Если въ послѣднихъ листахъ Областного Словаря, сравнительно съ первою половиною его, оказалось не много финскихъ словъ, причиною надобно признать то, что буквы *ф ц ч ш щ* совершенно чужды финскому языку.

IV.

Сравнительно-филологическія и другія замѣтки о нѣкоторыхъ словахъ.

Акула. Еще въ первомъ изданіи Словаря Россійской Академіи это слово признано скандинавскимъ; тамъ сказано: «названіе, отъ исландскаго или норвежскаго наименованія *гакколь* нашими поморянами принятое». Дѣйствительно, исл. hákall, нар.-норвеж. haakall значитъ squalus carcharias. Различіе между русскимъ и скандинавскими реченіями состоитъ только въ томъ, что у насъ акулою называютъ вообще породу squalus, а hákall означаетъ особый видъ ея, отличающійся огромностью (squalus carcharias — акула исполинская, морской песъ, людоѣдъ, мокой). По мнѣнію Бьёрна-Гальдорсена[1], исландскому слову hákall соотвѣтствуетъ датское havkalv, морской теленокъ, но это едва ли справедливо: hâvkalv = sökalv = тюлень[2].

Безмѣнъ (тюрк. батманъ — мѣра = 7—10—25 фунтовъ: тонкую веревку для вѣшанья на небольшихъ вѣсахъ не пудами, а батманами, называютъ батманникомъ. (*Изв. 2-го Отд. А. Н.* Мат. II, 30). Швед. besman, др.-шв. bismari, bisman, дат. bismer, нѣм. besemen (по словарю бр. Гриммъ этотъ родъ вѣсовъ употребителенъ въ голштинскихъ хозяйствахъ); лит. bězměnas; поль bezmian, przeźmian, чеш. přezmen. Повидимому это — тюрк. слово, заимствованное Русскими, а отъ нихъ путемъ тор-

---

[1] Biörn Haldorsen, Lexicon islandico-latino-danicum, Havniae, 1814.

[2] По Фрицнеру, др.-норвежская форма есть hákarl (Fritzner, Ordbog over det gamle norske sprog. Kristiania 1867).

говли распространившееся далѣе на западъ. Ср. ниже замѣтку о статьяхъ шведскаго ученаго, г. Тамма.

БУЗА́. Напитокъ, дѣлаемый въ Египтѣ изъ маисоваго хлѣба, положеннаго въ воду: особенно употребителенъ у Нубійцевъ и Негровъ, но его пьютъ также кавказскіе народы. Отчизна его—едва ли не страна около Ганга. (Записано въ 1852 г. со словъ знаменитаго оріенталиста, покойнаго гельсингфорсскаго проф. Валли́на).

ЕЖЪ, ИГЛА. Два имени одного корня: въ германскихъ языкахъ eg, egg (исл.) означаетъ наоборотъ иглу, острее, а igel (нѣм.)—ежа. Ср. нѣм. Egel или Igel (Blutegel), піявица, Ecke—уголъ; исл. igull, iglda, ежъ, iglaz, щетиниться. Корень этихъ словъ, котораго первое значеніе—что-то острое, остроконечное, чрезвычайно распространенъ по всѣмъ индо-европейскимъ языкамъ: ἀκή — острее, лат. acus — игла, шв. egg — лезвее, англосакс. ecged — острый и т. д.

ЗАБОТА. Откуда это слово, неизвѣстное въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ? Не въ родствѣ ли оно съ глаголомъ *зобать?* Недавно одинъ извозчикъ, лужскій уроженецъ, жаловался мнѣ на дурной путь. Я замѣтилъ шутя, что вѣдь это дѣло лошадей. «А объ лошадяхъ-то, отвѣчалъ онъ, кто же *зо́блется?* Мы же!» Это значеніе глагола *зобаться* показано и въ академическомъ «Опытѣ областнаго словаря»; кромѣ того мы находимъ тамъ, что и глаголъ *зобать* употребляется иногда въ смыслѣ искать, и далѣе *зобачиться* вм. *заботиться*, что́ какъ будто бросаетъ свѣтъ и на происхожденіе этого послѣдняго, столь загадочнаго слова.

КАРЕТА. У однихъ Датчанъ слово karreet употребляется совершенно въ томъ же значеніи, какъ наше названіе закрытаго со всѣхъ сторонъ экипажа. У Нѣмцевъ die Carrete нынѣ болѣе не употребительно, но прежде означало небольшую коляску: по свидѣтельству Аделунга, это слово въ его время еще употреблялось въ презрительномъ смыслѣ для означенія дурной, жалкой повозки. Оно первоначально образовалось въ итал. языкѣ (carreta, carretta), какъ уменьшительное имени carro (отъ лат. currus), и означало всякую небольшую повозку. На среднелатинскомъ языкѣ carreta, carreda — двуколесная телѣжка.

КНУТЪ. По замѣчанію Шевырева (*Истор. Русс. Слов.*, т. I, стр. 90) это слово шведское; но по-шведски knut значитъ узелъ, и слѣдовательно по смыслу нѣтъ собственно прямого соотношенія

между обоими однозвучными именами. Приводимыя Шевыревымъ въ примѣчаніи 68-мъ выраженія: få knut — быть биту кнутомъ, и ge knut — бить кнутомъ, явно заимствованы Шведами изъ русскаго языка. Наше слово *кнутъ* удобнѣе было бы пріурочить къ исландскому глаголу knýta, который иногда значить — бить кнутомъ, flagellare. Ср. нѣм. Knüttel; нижне-сакс. knutten, вязать, и сходныя слова во всѣхъ германскихъ нарѣчіяхъ.

Колачъ (калачъ). Правильнѣе писать *колачъ*, какъ пишутъ Сербы и какъ писалъ Ломоносовъ. Въ словарѣ Караджича объяснено: «когда идутъ въ гости къ другу или родственнику, то всегда въ котомкѣ кромѣ деревянной фляжки надобно имѣть и колачъ (т. е. пшеничный хлѣбъ); когда же возвращаются отъ пріятеля, то опять отправляющемуся оттуда надобно приготовить такой колачъ. Потому и говорятъ: южнымъ святкамъ и пріятельскому колачу не надобно радоваться (ибо пріятель принесетъ одинъ колачъ, а съѣстъ нѣсколько, и опять ему надобно приготовить колачъ въ дорогу)». Что касается до значенія слова, то у Караджича сказано: eine Art radförmiges Brot. Нѣтъ сомнѣнія, что оно происходитъ отъ *коло*, кругъ, колесо; итакъ оно по корню совершенно однозначаще съ германскимъ *Kringel*, происходящимъ отъ древне-нѣмецкаго *kring* (кругъ), которое впослѣдствіи потеряло начальное *k* и въ этомъ видѣ сохранило значеніе кольца. Въ исландскомъ языкѣ оно удержалось съ гортанною *k* или *h* передъ *r* (kringr или hringr); kring осталось и въ другихъ скандинавскихъ нарѣчіяхъ въ смыслѣ существ. или предлога: *вокругъ*. Наше *крендель* составилось изъ нѣмецкаго провинціальнаго *krengel*: измѣненіе *г* въ *д* послѣ *н* у насъ естественно; такъ простой народъ и дѣти вмѣсто *ангелъ* часто произносятъ: *андель*.

Миръ и міръ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этимологически оба слова тожественны. Употребленіе ихъ весьма точно разграничено, но въ собственныхъ именахъ лицъ и городовъ оно еще колеблется. Чаще пишутъ въ такихъ именахъ *і*, но едва ли не правильнѣе было бы писать: *Владимиръ*, *Житомиръ*, и вотъ на какомъ основаніи. Обыкновенно здѣсь представляютъ себѣ *міръ* въ значеніи свѣта (mundus), но вѣрнѣе принять тутъ еще третье значеніе, именно значеніе, выражаемое въ другой формѣ тѣхъ же именъ окончаніемъ *славъ*. Владимиръ то же, что Владиславъ, Станимиръ — Станиславъ, Болемиръ — Болеславъ;

такихъ именъ можно насчитать до 70-и. Древнѣйшая ц.-сл. форма — *мѣръ*, гдѣ *ѣ* вѣроятно имѣлъ еще звукъ ěа. Въ германскихъ и кельтскихъ именахъ этому окончанію соотвѣтствуетъ слогъ *mar* (съ долгимъ а), сходно съ которымъ первоначально звучало, вѣроятно, и славянское *миръ*. (Изъ замѣтки, доставленной А. А. Куникомъ).

настежь. Хорут. stesaj, сущ. ж. р. — протяженіе, распространеніе, отъ гл. stesati, расширять, растягивать: duri so na stesaj odpèrte, дверь отперта настежь, т. е. во всю ширину (Murko). У насъ соотвѣтствующій глаголъ *стегать* значитъ не то, не сходное его значеніе видно изъ сложныхъ: *застегивать*, *разстегивать*.

обидѣть. Обыкновенно считаютъ это слово составленнымъ изъ глагола *видѣть* и предлога *объ* (см. Словарь Рейфа и *Корнесловъ* Шимкевича). Съ перваго взгляда это очень правдоподобно: по общему закону здѣсь губная *в* могла выпасть послѣ принадлежащей къ буквамъ того же органа *б*, какъ въ словахъ *обязывать*, *обернуть* и многихъ другихъ. Но если бъ такъ было, то отчего же страдательное причастіе получило бы форму *обиженъ*, а не *обидѣнъ*, а неопредѣленное наклоненіе несовершеннаго вида форму *обижать*, а не *обидать* — по образцу простыхъ словъ: *видѣнъ*[1], *видать*. Въ невѣрности приведеннаго мнѣнія о составѣ разсматриваемаго слова еще болѣе убѣждаютъ родственные языки. Въ народномъ норвежскомъ находимъ слово *Obyde* (или ubyde) досажденіе, оскорбленіе, порча, вредъ[2]. Въ литовскомъ *Abyda* — неправда, насиліе, и глаголъ *abydìti*, несправедливо поступать, обижать. Отсюда ясно видно, что нашъ глаголъ произошелъ отъ первообразнаго сущ. *обида* и что поэтому въ старину правильнѣе писали *обидить*. Ср. сербское *обѣдити*, *обйдити* или *обиjѐдити* — несправедливо обвинять.

скатерть. Можетъ быть, съ сред.-в.-нѣм. Scheter, Schetter = тонкая бумажная матерія (Weigand, D. WB.). Впрочемъ и у Ил-

---

[1] Мимоходомъ замѣчу, что это слово пишу я такимъ образомъ только какъ неупотребительное причастіе и отличаю его отъ прилагательнаго *виденъ*, *видна*, *видно*, въ которомъ *ѣ* не могло бы выпасть и гдѣ слѣдовательно гласная въ окончаніи мужескаго рода есть бѣглая *е*. Такъ же неосновательно пишутъ *болѣнъ* вмѣсто *боленъ*, гдѣ тоже вставлена гласная *е* (*больной*).

[2] Ordbog over det norske Folkesprog, af Ivar Aasen. Kristiania 1850, и 2-е изд. этой книги: Norsk Ordbog, Christ. 1873.

лирійцевъ skatert, у Галичанъ скатерка, скатеръ, въ Малор. скатерти́на, скатерны́ця. А. А. Шифнеръ указываетъ еще на хорв. skator = шатеръ.

Солома. Др.-сл. слама въ родствѣ съ герм. Halm, нар.-норв. helma, halma. — Ср. лат. calamus; *семь* съ греч. hepta, и предл. *со* съ латин. *сит* (санскр. сан.).

Стрекать. Ср. исл. striuka, бить, ударять, также бѣжать. (Ср. дать стречка). Въ первомъ значеніи еще употребляется глаголъ strikia, а въ послѣднемъ strika и stroka.. Швед. ge stryk, поколотить.

Строка. Ср. нар.-норв. stroka, черта, длинный рядъ; нижне-нѣм. strak, анг. straight, прямой; нѣм. strecken, простирать.

Стряпчій. Какое основное понятіе скрывается въ этомъ сущ. и въ глаголѣ *стряпать*, отъ котораго оно несомнѣнно происходитъ? По нѣкоторымъ случаямъ употребленія этого глагола въ старинномъ языкѣ видно, что онъ значилъ: дѣятельно исполнять какую-нибудь работу, справлять дѣло, должность, хлопотать. («Онъ человѣкъ добрый, и ямскую стряпню стряпать можетъ», *Акты Юрид.* 287, или: «да у доспѣха стряпаютъ дѣти князя Щетинина», *И. Г. Р.* III, прим. 98). Подтвержденіе тому находимъ въ литовскихъ словахъ: *stropus* — прилежный, усердный, проворный, и *stropti* — быть проворнымъ, усерднымъ.

Судно, судки, посуда. Др.-сл. сѫдъ, соудъ, пол. sąd, другія сл.-нар. sud, орудіе, instrumentum. Ср. исл. sud (сплоченныя доски, бокъ корабля).

Судъ (iudicium). Др.-сл. сѫдъ. Корень этого слова, повидимому, обнаруживается въ гот. sundro, нов.-верх.-нѣм. sonder, исл. sundr, анг.-сакс. sunder, зн. врозь: ибо что первоначально значитъ судить? разбирать; ср. греч. κρίνειν, нѣм. urtheilen, entscheiden, шв. skipa (lag) отъ исл. skepia, раздѣлять, щепать. Въ лѣтописи *Судъ* (въ зн. пролива Константинопольскаго [1]) есть вѣроятно германское sund = проливъ. Это sund, по весьма распространенному мнѣнію, въ родствѣ съ гл. schwimmen (J. Grimm, Gram. II, 479; ср. Weigand D. Wb., стр. 845, и Fick, Indogerm. Wb., 3-е изд. Germ. Spr., 895), но вопросъ: не справедливѣе ли

---

[1] Ольга говоритъ посламъ изъ Царяграда: «тако же постоиши у мене въ Почаинѣ, якоже азъ въ Суду» (П. Собр. Р. Лѣт. 1, 26, и Ист. Г. Р., изд. Сленина, I, 169).

пріурочивается и оно къ корню sundr, такъ какъ существенное свойство пролива — раздѣлять два берега.

ТОЛОКÁ. Слово это неизвѣстно въ нашемъ образованномъ языкѣ; оно заимствовано здѣсь изъ Областного Словаря и замѣчательно тѣмъ, что указываетъ на весьма древній обычай въ сельскомъ быту, распространенный — какъ видно изъ другихъ языковъ — въ большей части европейскаго Сѣвера — у литовско-латышскаго племени, у Поляковъ и у Финновъ. По областному Словарю вотъ объясненіе этого слова: «Общинная, такъ сказать, уборка хлѣба или сѣна, принадлежащихъ одному хозяину, чрезъ приглашенныхъ къ нему сосѣдей, родныхъ и знакомыхъ». Въ Литовскомъ словарѣ Нессельмана читаемъ слѣдующія любопытныя замѣчанія при словѣ *Talká:* «Всякій пиръ по окончаніи работы, выполненной при помощи многихъ, которыхъ нельзя вознаградить деньгами; — особенно пиръ по окончаніи жатвы, на который приглашаются всѣ, добровольно помогавшіе другъ другу въ работѣ. По окончаніи какой-нибудь постройки хозяинъ также задаетъ *Talká*. Можетъ-быть, *Talká* первоначально означаетъ не пиръ, а самую помощь взаимную и добровольную: въ этомъ я не могъ удостовѣриться». Штендеръ въ своемъ латышскомъ лексиконѣ подъ словомъ *Talks* говоритъ: «Множество созванныхъ вмѣстѣ работниковъ обоего пола, которыхъ по окончаніи работы усердно угощаютъ (die nach der Arbeit brav traktiret werden)». Мнѣ самому случилось быть въ одномъ курляндскомъ имѣніи въ день такой *толоки́* при окончаніи уборки хлѣба; за нѣсколько времени до того видѣлъ я подобный обычай, разумѣется, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, и въ Финляндіи, гдѣ онъ повсемѣстно извѣстенъ подъ именемъ *talkko:* это, по словамъ Ренвалля, пирушка для работниковъ (epulum operariorum copiose collectorum; см. Lexicon linguae finnicae). Работникамъ въ поле безпрестанно выносятъ водку и пиво, а послѣ обильнаго ужина день кончается пляскою. А. А. Шифнеръ передалъ мнѣ еще мадьяр. названіе kaláka, вѣроятно также заимствованное у Славянъ.

У Поляковъ (см. словарь Линде) tłuka означаетъ какъ самую уборку плодовъ или хлѣба, такъ и пирушку при окончаніи жатвы. Есть въ польскомъ языкѣ еще и слово tłoka, — родъ повинности, барщина, чему соотвѣтствуетъ у Хорутанъ и Хорватовъ *тлака* — въ томъ же значеніи — иначе *robota* у первыхъ и *робија* у послѣднихъ (см. словари Мурко и Карад-

жича). Въ дополненіе приведу, что и въ нашемъ академическомъ словарѣ церковно-славянскаго и общеупотребительнаго языка подъ словомъ *Толо́ка* есть между прочимъ такое объясненіе: «поголовная высылка на работу всѣхъ крестьянъ». Что же касается до указанія Областного Словаря, гдѣ это же слово помѣщено съ другимъ удареніемъ, то тамъ оно отнесено къ губерніямъ Курской, Псковской, Смоленской и Тверской. Конечно, найдутся и другія мѣстности, гдѣ соблюдается тотъ же обычай съ тѣмъ же названіемъ.

Спрашивается: у котораго же изъ трехъ племенъ—славянскаго, латышско-литовскаго, или финскаго, обычай этотъ является первобытнымъ, а съ нимъ и самое слово туземнымъ? Такъ какъ оно у Финновъ и Литовцевъ не находится въ органической связи ни съ какими другими словами, напротивъ у Славянъ составляетъ одну изъ отраслей общаго языкамъ ихъ корня, то слѣдуетъ кажется признать, что слово это, а слѣдовательно и обычай — происхожденія славянскаго. Въ языкахъ Славянъ это названіе представляется не безсмысленнымъ звукомъ, а состоитъ въ явномъ родствѣ съ глаголомъ *толочь* (къ гнѣзду котораго оно и отнесено въ словарѣ Даля) или точнѣе *толочься*, который у Поляковъ (tłuc się) и у Чеховъ (tlauc) значитъ суетиться, возиться, съ другими толкаться. Отсюда видно, что первоначальное значеніе слова *толока* не пиръ, а работа, справляемая многими вмѣстѣ. Такимъ образомъ названіе talka, talks, talkko, стоящее уединенно въ языкахъ литовскомъ, латышскомъ и финскомъ, находитъ себѣ объясненіе только въ нарѣчіяхъ славянскихъ[1].

ТРАВА, ТРАВИТЬ. Объясн. Востокова: тровати, трую, то же что травити, трявлю = кормить, кормиться въ переносн. смыслѣ. Отъ того трава, собств. кормъ, какъ въ греч. βοτάνη отъ βοτόσ, кормъ. (Вост. *Ф. Набл.*, Фрейз. рукоп. 54).

УПОВАТЬ. Павскій думаетъ, что это слово въ родствѣ съ нѣмец. hoffen, шв. hopp, анг. hope. Но въ др.-сл. есть *пвати*, *пъвати* = полагаться. Слѣд. корень, нашего глагола — *пв*, а *у* есть предлогъ. Корень *пв* образовалъ въ чеш. и поль. *певный* — вѣрный, надежный.

---

[1] Въ Дополненіи къ Обл. Словарю показано еще любопытное значеніе слова *то́лока* въ Пск. и Тверск губ.—шумъ толпы, гомонъ. Ср. также выше стр. 565.

ХОМУТЪ. Общеславянское слово, издавна заимствованное Нѣмцами въ формахъ kummet, kummt, komat и т. п., и Финнами — hamutsa — въ Кареліи. Ср. названіе чешскаго города Kommotau (т. е. Хомутово).

ШЛЯПА. На швабскомъ нарѣчіи der Schapp значитъ: родъ маленькой, обыкновенно кожаной шапки. На верхне-нѣм. die Schlappe— шапка, чепецъ (Heyse). Аделунгъ подъ словомъ Schleppe говоритъ, что въ Баваріи женскій головной уборъ особеннаго устройства называется Schleppe.

ШУБА. Польск. szuba въ томъ же значеніи, серб. шуба, родъ женскаго широкаго платья. Слово это взято съ нѣмецкаго: Schaube въ верх. Германіи означаетъ длинное верхнее платье, покрывающее все тѣло и употребляемое лицами обоего пола; Nacht-Schaube — халатъ; Regen-Schaube, дождевой плащъ; того же корня франц. jupe, итал. giubba—юбка и особое мужское платье; исп. chopa. Ср. араб. джубба. Изъ русскаго *шуба* Нѣмцы, забывъ происхожденіе этого слова, составили свое Schuppenpelz (енотовая шуба)

ПО ПОВОДУ ДВУХЪ СРАВНИТЕЛЬНО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ О СЛАВЯНСКИХЪ И СКАНДИНАВСКИХЪ СЛОВАХЪ.

Въ послѣднее десятилѣтіе филологія въ Швеціи получила необыкновенное развитіе: съ одной стороны оно обнаруживается въ изученіи мѣстныхъ нарѣчій, съ другой въ расширеніи границъ сравнительной лингвистики, въ изученіи и такихъ языковъ, которые прежде оставались совершенно въ сторонѣ. Какъ въ области исторіи Шведы въ настоящее время обратили вниманіе на Россію, такъ и въ филологіи нѣсколько молодыхъ ученыхъ пристально занялись славянщиной. Въ этомъ отношеніи особенно выдаются труды доцента Упсальскаго университета г. Тамма (Fredr. Tamm), который въ 1874 году издалъ для полученія степени доктора начало шведскаго этимологическаго словаря. Въ «Ежегодникѣ (årsskrift)» названнаго университета за 1881 и 1882 гг. онъ напечаталъ два любопытныя изслѣдованія: 1) «Шведскія слова, освѣщенныя съ помощію славянскихъ и балтійскихъ языковъ» и 2) «Славянскія слова, заимствованныя изъ скандинавскихъ языковъ». (Svenska ord belysta genom slaviska och baltiska språken. — Slaviska lånord från nordiska språk).

Сообщу нѣсколько замѣчаній объ обѣихъ статьяхъ и предварительно упомяну, что подъ балтійскими авторъ разумѣетъ языки литовскій, латышскій и древне-прусскій. Во всѣхъ своихъ сравненіяхъ онъ строго соблюдаетъ научные пріемы сравнитель-

наго языкознанія, обращаетъ особенное вниманіе на законы передвижки звуковъ и на основаніи ихъ рѣшаетъ, должно ли слово считаться родственнымъ или заимствованнымъ. Надо отдать полную справедливость осторожности г. Тамма въ его выводахъ. Мнѣ показалось только, что въ числѣ соображеній, которыми онъ руководствуется для рѣшенія вопроса о заимствованіи словъ, недостаетъ одного: именно степени вѣроятія, чтобы слово, по самому значенію своему, могло быть заимствовано. Такъ напр. едва ли на этомъ основаніи можетъ быть справедливо заключеніе (I, стр. 38), что Германцы заняли у Славянъ слово mark, шв. märg, передѣлавъ по-свбему славянское мозгъ. Въ большей части случаевъ, однакожъ, тамъ гдѣ нѣтъ полной достовѣрности, г. Таммъ воздерживается отъ положительнаго вывода о томъ, какому языку первоначально принадлежало данное слово.

Первая изъ двухъ выше названныхъ мною статей распадается на 4 отдѣла: я приведу здѣсь заглавія ихъ и при каждомъ исчислю отнесенныя къ нему шведскія слова съ означеніемъ въ скобкахъ соотвѣтствующихъ словъ, русскихъ или другихъ славян. языковъ, тамъ гдѣ это для ясности окажется нужнымъ. Сверхъ того надо имѣть въ виду, что нѣкоторыя изъ приводимыхъ словъ г. Таммъ считаетъ первоначально принадлежащими другимъ народамъ, но перешедшими на западъ чрезъ посредство Славянъ.

I. Слова, несомнѣнно или весьма вѣроятно заимствованныя изъ славянскихъ языковъ: bulvan (первон. мадьяр.), lodja (ладья), pasma, prestaf (приставъ), torg, tulubb, besman (безменъ), droska, gräns (граница), gurka (огурецъ), juft, kalesch, kantschu (канчукъ, первон. турецк.), karbas (первон. восточн.), knut, krabat (kroat, hrvat), masurka, piska (бичъ), pitschaft (печать), pråm (паромъ), riska (рыжикъ), siska (чижъ), sobel, steglitsa (щеголъ), stepp, tolk, ulan; имена собств.: Polen (съ производными), Pommern, Svante.

II. Слова, сходныя съ славянскими, но которыхъ тожество съ послѣдними не можетъ быть доказано:

Järpe (pol. jarząbek, рябчикъ), mörk (меркнуть), bister (быстръ), brits (чеш. přites), pistol, rapphöna (рябчикъ), smärta (смерть), katten (катъ = палачъ).

III. Слова сомнительнаго происхожденія, которыхъ существованіе у Германцевъ и Славянъ по законамъ согласныхъ звуковъ указываетъ на заимствованіе:

Humle (хмель), kant (кутъ = уголъ), karp, katt (котъ), trumma (труба), köpa (купить), läka (лѣчить), lök (лукъ), plog (плугъ), silke (шелкъ), skatt (скотъ), stolpe (столпъ), stork (стерхъ, др.-сл. стръкъ), särk (сорочка, др.-сл. срака), dolk (чеш. tulich), körsnär (корзно), sink (цинкъ), trapp (дрофа).

IV. Другія слова сомнительнаго происхожденія, освѣщенныя съ помощію славянскихъ и балтійскихъ языковъ:

Stuga (изба, истба), barr (боръ), gren (серб. грана), lax (лосось), märg (мозгъ), sadel (сѣдло), sik (сигъ), sill (сельдь), stack (стогъ), vax (воскъ), älg (лось), drummel (лит. drimelis), dåre (дурь), grobian, kaja (пол. kawa, рус. кавица), lindare (линь), stagg (лит. stegē, рыба).

Уже при одномъ бѣгломъ взглядѣ на эти списки трудно въ нѣкоторыхъ случаяхъ согласиться съ авторомъ насчетъ взаимнаго отношенія сопоставленныхъ словъ. Едва ли можно напр. сомнѣваться, что слова stork и dolk не германскими народами заимствованы у Славянъ, а скорѣе наоборотъ. Подобно тому, мы склонны думать, что слово грубьянъ, по своему образованію, не можетъ быть славянскимъ: какъ могъ суффиксъ анъ, янъ быть такимъ образомъ приданъ прилагательному грубый? Такъ же точно наше слово пищаль конечно составлено изъ pistol, а не наоборотъ, какъ думаетъ г. Таммъ. Впрочемъ, касательно нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ словъ самъ онъ такого же мнѣнія. Напр. о словѣ sill (сельдь) онъ, послѣ развитія многихъ звуковыхъ соображеній, которыя могли бы привести къ различнымъ выводамъ, весьма справедливо замѣчаетъ: «Здѣсь, какъ часто бываетъ, одного изслѣдованія языка недостаточно;

нужна помощь культурной исторіи, чтобы ближе подойти къ рѣшенію вопроса. Мы напомнимъ только, что большинство славянскихъ народовъ не живутъ подобно скандинавскимъ у моря и потому не могутъ заниматься рыболовствомъ. Въ этомъ заключается, конечно, сильная поддержка тому мнѣнію, что слово sill всего вѣроятнѣе наше туземное, у Славянъ же чужое».

Увлеченіе сходствомъ звуковъ у г. Тамма рѣдко, но онъ не вполнѣ избѣгъ его. Такъ подъ словомъ Polen онъ вѣрно объясняетъ происхожденіе названія народа отъ поле и сближаетъ его съ шведскимъ именемъ города и области Falun (др.-шв. fala= равнина, степь), но затѣмъ онъ идетъ далѣе и подъ тотъ же корень подводитъ не только нѣм. feld, но и сканд. fjell (скала) и южно-слав. планина, польск. płonina (безплодная земля), малор. полонина, и находитъ, что эти формы относятся къ слову поле, какъ солонина къ соль (I, 16). Намъ кажется, что поль. płonina совсѣмъ другаго корня. Płon', płonia знач. прорубь, польское, płonic'— изсушать, płonny — безплодный, тощій. Слово płonina и пр. конечно въ родствѣ съ прилаг. *полый* (открытый, пустой; ср. слова: пологрудый, полоумный). Это заставляетъ насъ отнести къ тому же корню и приведенныя польскія слова.

Въ недоразумѣніе другого рода впадаетъ г. Таммъ относительно слова безме́нъ (I, 7), распространеннаго въ разныхъ видоизмѣненіяхъ у скандинавскихъ и балтійскихъ народовъ, а отчасти и у Нѣмцевъ. Г. Таммъ, по примѣру польскаго ученаго Кольберга, увлекаясь тою самою народною этимологіей, на основаніи которой слово это получило свою славянскую форму, считаетъ его составленнымъ изъ корня мѣнъ и предлога безъ. «Названіе, говоритъ онъ, конечно происходитъ отъ того, что безменомъ вѣсятъ безъ перемѣны гирь». Давно уже мною высказано предположеніе, что слово безменъ восточнаго происхожденія и что начало его кроется въ тюркскомъ батманъ, употребительномъ въ южной и восточной Россіи и означающемъ мѣру вѣса въ нѣсколько фунтовъ, почему батманникомъ называется тонкая веревка, служащая для вѣшанья на небольшихъ

вѣсахъ батманами[1]. Важнымъ подкрѣпленіемъ этого мнѣнія служитъ то, что въ Вологодской губ. (а вѣроятно и въ другихъ мѣстахъ) и самое слово безменъ нѣкогда означало условную мѣру вѣса, которая по всей зырянской сторонѣ равнялась 12 фунтамъ. Въ Никольскомъ уѣздѣ названной губерніи это слово и до сихъ поръ еще извѣстно въ томъ же значеніи. Въ актахъ же яренскаго архива найдены между прочимъ слѣдующія выраженія: «Покралъ 30 локо́тъ холсту, да десетъ безмѣнъ масла.— Масла коровья шесть безмѣнъ да шесть безмѣнъ прядени холщевово» (1653 г.)[2].

Слово дрожки (шв. droska), употребительное по всей Германіи и въ скандинавскихъ странахъ, по мнѣнію г. Тамма, возникло у Русскихъ и отъ нихъ перешло въ западную Европу. Замѣчу однакожъ, что слово дрога́, отъ котораго оно образовано, заимствовано вѣроятно отъ польскаго drąg, зн. шестъ, рычагъ. Его уменьшительная форма обратилась въ названіе нашего легкаго экипажа. Это названіе перешло къ Полякамъ отъ насъ и получило у нихъ не свойственную ихъ языку форму doroźka, точно такъ же какъ наше слово дрога не русскаго склада: у насъ оно должно бы было получить форму другъ, если бъ образовалось самостоятельно, по законамъ нашей фонетики, соотвѣтственно ц.-сл. дрѫгъ или польск. drąg. Слово другъ, въ этомъ значеніи, само по себѣ, у насъ не существуетъ, но дало начало глаголу водрузить (ц.-сл. въдрѫзити). Употребительное въ Малороссіи, въ Галиціи и въ нѣкоторыхъ великорусскихъ губерніяхъ дрюкъ, дрючокъ и друкъ, дручокъ (колъ, шестъ, рычагъ) тоже не русскаго происхожденія. По поводу слова дрожки я переписывался съ И. С. Соломоновскимъ, какъ жителемъ Привислинскаго края, и онъ между про-

---

[1] См. выше, стр. 589, и издававшіяся при Извѣстіяхъ II Отдѣленія Ак. Наукъ Матеріалы I, 30. Даль въ словарѣ своемъ упоминаетъ о крымскомъ, закавказскомъ, саратовскомъ, казанскомъ даже тамбовскомъ и тверскомъ батманѣ и также признаетъ тожество этого слова съ нашимъ безменомъ.

[2] Матеріалы I, 120, 121.

чимъ сообщилъ мнѣ, что по-польски drążki (множ. отъ drążek) зн. оглобли. Это польское названіе необходимой принадлежности нашего экипажа могло также служить основаніемъ къ происхожденію его названія. Что касается самаго слова hołoble (по нашему оглобля), то изъ свѣдѣній г. Соломоновскаго оказывается, что оно въ Польшѣ мало извѣстно и, по показанію нѣкоторыхъ, означаетъ нашу русскую дугу; въ Малороссіи же оно ходитъ въ формѣ *гóлобля* съ тѣмъ же значеніемъ, какъ и у насъ. Это подаетъ мнѣ поводъ думать, не слѣдуетъ ли искать его начала въ нѣмецкомъ gabel, названіи такого рода упряжи? per metathesin оно могло получить употребительную въ Малороссіи форму, а оттуда перейти въ новой передѣлкѣ къ намъ. Любопытно замѣчаніе г. Соломоновскаго о словѣ dorożka. «Такъ, пишетъ онъ, называютъ здѣсь извозчиковъ-лихачей. Въ отдѣльности ни одинъ видъ экипажа не носитъ этого названія; равнымъ образомъ ни кучеръ, ни лошади не называются dorożka. Какъ въ русскихъ городахъ кричатъ: извозчикъ! или: вольный! такъ въ Варшавѣ кричатъ: dorożka! Такъ и называютъ: dorożka № 1, dorożka № 2 и т. д. Но это значитъ не экипажъ, не кучеръ, не лошадь, а все вмѣстѣ. Образованіе этого слова весьма странное. Въ польск. языкѣ, полногласія нѣтъ, а здѣсь оro упорно сохраняется, что́ заставляетъ признать здѣсь do за предлогъ. Какъ ни странно, но иначе нельзя объяснить этимологіи этого слова, какъ разложивъ его на два: do и rożka. Говорятъ, что встарину курсъ извозчиковъ въ Варшавѣ считался только по прямой линіи до перваго поворота или до угла, по-польски do rożka (rożek, rog = уголъ)».

Наше паромъ то же что pram, слово употребительное у Скандинавовъ, Нѣмцевъ и Голландцевъ: г. Таммъ полагаетъ, что Славяне первоначально передѣлали его изъ древне-нѣм. farm и что оно у обоихъ племенъ возникло изъ одного корня (fara, fahren).

Слово цинкъ объясняется остроумнымъ соображеніемъ, что означаемый имъ металлъ, котораго особенно много въ Силезіи,

этомъ искони славянскомъ краѣ, такъ названъ былъ по сходству его съ оловомъ (Zinn), къ нѣмецкому имени котораго прибавленъ суффиксъ ek (I, 34).

Любопытно указаніе, что знаменитое въ шведской исторіи имя Svante (Svante Sture) произошло отъ др.-слав. свѧтъ и заимствовано отъ Вендовъ. Образцомъ для этого заимствованія послужило вѣроятно имя Святополкъ, которое носилъ во 2-й половинѣ XIII-го столѣтія судья въ Остроготіи. Онъ былъ, какъ полагаютъ, датскаго происхожденія, внукъ короля Вольдемара II: этимъ и объясняется, почему онъ получилъ вендское имя.

Перехожу ко второй статьѣ. Въ ней три отдѣла:

I. Славянскія слова, несомнѣнно или весьма вѣроятно заимствованныя изъ скандинавскихъ языковъ. Сюда отнесены: ящикъ (шв. ask), берковецъ (Björkö), будка (исл. búd, отъ bua), хвать (исл. hvatr), гридинъ (исл. grið), ябедникъ (исл. embœtti), якорь, ершъ, карити, кербь, кипа, костеръ, крюкъ, лягаratuboga (чеш.), ретязь (малор.), сайда, сельдь, скатъ (рыба), скирдъ, спудъ, стятъ, стодъ, стрънъ (др.-слав. = clavus quo regitur gubernaculum), судъ (др.-рус. = проливъ), шкеры, шнека, тіунъ, треска, варягъ, витязь.

II. Славянскія слова, которыя могутъ быть выводимы изъ скандинавскихъ языковъ, но могутъ также быть объясняемы другими германскими формами:

блекнуть, холмъ, дамба, гомонъ, напарей, нута (др.-слав.), плотъ, пудъ, рюжа, сима, стулъ, щелокъ.

III. Славянскія слова, происхожденіе которыхъ отъ сканд. языковъ сомнительно или должно быть совершенно отвергнуто:

анка, буракъ, дротъ, гугать, ярь, кнутъ, корзина, куликать, книга, ларь, лава, луда, rząp (поль.), сигъ, скиба, судорога, штыкъ, вышь.

Слово берковецъ, по мнѣнію г. Тамма, заимствовано у Шведовъ и происходитъ отъ др. сканд. слова, входящаго въ со-

ставъ названія bjarkeyar-rettr (біаркскій законъ). Русское должно было, слѣдовательно, первоначально означать шведскую мѣру вѣса skeppund, бывшую въ употребленіи у шведскихъ купцовъ на основаніи торговаго устава (björköarätt) и равнявшуюся 400 фунтамъ (= 10 пудамъ). Приведенное же здѣсь названіе устава можетъ быть производимо отъ имени процвѣтавшаго тысячу лѣтъ тому назадъ шведскаго торговаго города, упоминаемаго Адамомъ Бременскимъ подъ именемъ Birca и находившагося на островѣ Björkö на озерѣ Меларѣ. Не невозможно, что этотъ городъ, по своей важности для торговли, сдѣлался исходнымъ пунктомъ торговаго устава, распространившагося впослѣдствіи по всему скандинавскому сѣверу, подобно тому какъ въ позднѣйшее время городъ Висьбю на о. Готландѣ далъ начало морскому уставу для нѣмецкихъ ганзейскихъ городовъ. Что же касается самаго имени острова Björkö, то оно очень просто объясняется словомъ: björk (береза), весьма обыкновенною составною частью названій мѣстъ въ Швеціи. Весьма вѣроятно, что такъ произошло латинское Birca. Русское берковецъ могло явиться еще въ то отдаленное время, когда соотвѣтствующее ему слово означало ту же мѣру вѣса въ самомъ шведскомъ городѣ Birca, который еще сохранялъ свое торговое значеніе въ эпоху основанія Русскаго государства.

Предположеніе о заимствованіи слова хватъ (сканд. hvatr) правдоподобно, такъ какъ значеніе его довольно далеко отъ понятія хватать, и притомъ имена дѣятелей рѣдко образуются отъ одного кореннаго слога глагола безъ другаго суффикса.

Вмѣсто ябедникъ, какъ второобразнаго, слѣдовало поставить ябеда.

Ершъ, ляга, карити скорѣе родственныя, чѣмъ заимствованныя слова. Это относится особенно къ слову карити, корень котораго далъ такъ много отраслей въ славянскихъ языкахъ (ср. русск. кара, покорить, покорный, укоръ, перекоръ). При этомъ словѣ г. Таммъ ссылается на меня (см. выше, стр. 574), думая, что я считаю его образованнымъ отъ сканд.

kœra жаловаться, но я только сблизилъ оба слова, какъ имѣющія общее происхожденіе, не отмѣтивъ нашего глагола звѣздочкою, условнымъ знакомъ, принятымъ мною для словъ, по моему мнѣнію заимствованныхъ.

Чеш. ratuboga приведено въ формѣ, невозможной уже потому, что у Чеховъ нѣтъ звука g. Чеш. форма слова была бы ratiboha, но и въ ней оно неизвѣстно тѣмъ Чехамъ, которыхъ я о томъ спрашивалъ. Г. Таммъ ссылается на Рица, который считаетъ это слово первоначально вестготскимъ и говоритъ, что оно, благодаря англійскимъ и нѣмецкимъ писателямъ-экономистамъ, пріобрѣло почти общеевропейскую извѣстность. Въ Fremdwörterbuch Гейзе оно дѣйствительно нашло мѣсто, но въ Россіи никто его не знаетъ.

При словѣ сельдь дополняется то, что сказано о немъ въ первой статьѣ. Г. Тамма поражаетъ русская форма (съ *ль*), тогда какъ основная славянская форма селдь; для объясненія этого онъ видитъ въ нашемъ словѣ «позднѣйшую форму, выведенную изъ уменьшительнаго селедка, которое, по его мнѣнію, составлено изъ болѣе древней, согласной съ другими славянскими формами: селедь». Отъ вниманія г. Тамма ускользнуло, что здѣсь буква *ь* послѣ *л* вставлена просто по требованію произношенія или фонетической ороографіи, такъ какъ мягкое окончаніе (дь) дѣйствуетъ и на смягченіе предыдущихъ звуковъ (см. выше, стр. 297, 302, 322). При другихъ согласныхъ, смягчающихся подъ вліяніемъ послѣдующей мягкой, *ь* обыкновенно не пишется, напр. въ словахъ смерть, вервь, твердь (хотя мы произносимъ сьмерьть, верьвь), но буква *л* находится въ исключительномъ положеніи и мягкое ея произношеніе всегда означается на письмѣ[1] (о чемъ подробно изложено мною въ своемъ мѣстѣ.

Сомнительно, чтобы слово шкеры первоначально заимствовано было отъ Нѣмцевъ, какъ заключаетъ г. Таммъ по русской

[1] Исключая случай удвоенія звука *л* (аллея, хотя произносимъ альлея).

формѣ, несходной съ шв. skär (произн. шеръ), отъ которой конечно происходитъ это названіе. Съ береговыми скалами Русскіе безъ сомнѣнія познакомились въ Финскомъ заливѣ, почему всего проще принять, что и слово заимствовано отъ финляндскихъ Шведовъ; произнесено же оно съ прибавленіемъ гортаннаго звука, который русскіе грамотные люди видѣли на письмѣ и безъ котораго считали воспроизведеніе слова неполнымъ. Надо припомнить, что въ шв. языкѣ sk передъ мягкою гласной нѣкогда произносилось не какъ ш, а какъ два отдѣльные звука (ск), что отчасти еще и нынѣ продолжается на нѣкоторыхъ островахъ Балтійскаго моря, а у Русскихъ вм. ск легко могло явиться шк, тѣмъ болѣе что названія мѣстъ и урочищъ Финляндіи издавна воспроизводятся у нихъ въ нѣмецкой передѣлкѣ, какъ болѣе для нихъ привычной, напр. Нейштадтъ, Нейшлотъ, вм. Нюстадъ, Нюслотъ. Въ послѣднемъ имени мы видимъ также смѣшеніе нѣмецкаго элемента съ шведскимъ (шлотъ, а не шлосъ). Подобно слову *шкеры* (или *шхеры*) образовались также рус. слова: шкапъ (отъ сканд. skaff, skåp, гол. schap и пр.), шкаликъ, серб. шкипъ (schiff)[1] и т. п.

Въ тожествѣ словъ: viking и *витязь* нельзя, кажется, сомнѣваться; переходъ k въ t явленіе весьма обыкновенное даже въ предѣлахъ самаго русскаго языка, напр. пау*къ* — пау*ти*на, ис*те*цъ (отъ ис*ка*ть). Ср. др.-сл. людьс*т*іи (отъ людьс*к*ый), нѣм. *k*ranich, шв. *t*rana, также франц. tabatière отъ tabac (встарину говорили tabaquière; см. Dictionnaire de Littré).

Холмъ признается заимствованнымъ изъ герм. языковъ, и г. Таммъ находитъ страннымъ мнѣніе Маценауэра, что это слово по происхожденію общее Славянамъ и Германцамъ. «Прежде, говоритъ онъ, надо доказать, что славянское х можетъ исходить прямо отъ индоевр. k». Выраженіе нѣсколько странное, такъ какъ г. Таммъ не исключаетъ же слав. языковъ изъ индоевроп. семьи. Въ примѣръ такого соотвѣтствія мы съ своей стороны

[1] Ср. мою замѣтку о географическихъ именахъ Финляндіи въ Современникѣ 1844 г. (т. XXXIII, стр. 146—149.

приведемъ хладъ, отвѣчающій германскому kalt, cold, — хлопать, klopfen, klappa, — холопъ, knapp, — хвостъ quast и т. д.

Дамба отъ Damm. Прибавленіе звука б послѣ м въ этомъ случаѣ не единственный примѣръ такого звукового обращенія съ иностранными словами: такимъ же образомъ отъ Stamm образовано штамба и глаг. штамбовать.

Объясненіе слова гóмонъ съ помощію готскаго сложнаго ga-man, состоящаго изъ слова man, человѣкъ, и предл. ga, кажется мнѣ рѣшительно неудачнымъ. Болѣе правдоподобно сближеніе гомóнъ (удареніе на послѣднемъ слогѣ) съ шведскимъ gamman (веселье).

Напарей (напарье, напалье) — техническое, мало извѣстное слово (означающее большой буравъ) приводитъ г. Тамма къ догадкамъ о происхожденіи германскаго nafar, nafvare, naber, въ разборъ которыхъ входить считаю излишнимъ.

Симá, бечевка, снурокъ, употребляемый въ рыболовствѣ, также родъ пружины исл. simi, вѣроятно перешло къ намъ изъ Норвегіи отъ sima, того же значенія.

Щелокъ. Г. Таммъ, согласно съ Маценауэромъ, считаетъ это слово въ родствѣ съ исл. skola[1], шв. skölja, полоскать, и сходнымъ по основному понятію, съ нѣм. lauge, исл. laug, означающимъ купанье, воду для мытья. На это можно возразить, что и у Нѣмцевъ основное понятіе слова lauge толкуется различно: г. Таммъ слѣдуетъ въ этомъ случаѣ Вейганду, но въ словарѣ бр. Гриммовъ находимъ совсѣмъ другое: «dem worte scheint der begriff des brennenden zu grunde zu liegen und die nächste verwandschaft mit lauch und lohe stattzufinden». Что касается нашего щелокъ, то я считаю это слово чисто-русскимъ и остаюсь при мнѣніи, выраженномъ мною выше (стр. 399 и 436), именно, что въ корнѣ его, сходно

[1] Skola, исл., зн. мыть, но рядомъ съ нимъ г. Маценауэръ ставитъ шв. skolla, исл. skalda, имѣющія совсѣмъ другое происхожденіе и значеніе: опалить, ошпарить.

съ существеннымъ признакомъ означаемаго имъ предмета, кроется понятіе разложенія (щелокъ означаетъ собственно растворъ солей, вытяжку изъ золы растеній, а затѣмъ уже отваръ золы, растворъ кипятку на золѣ). Основной корень тотъ же, что въ словѣ щель (означающемъ также раздѣленіе,— отверстіе, трещину, разсѣлину, откуда и ущелье), но этотъ же корень является еще съ придачею гортаннаго звука въ глаголѣ щелкáть (раздроблять со звукомъ) и щёлкать (производить этотъ звукъ). Это придаточное к находится и въ словѣ щелокъ, гдѣ послѣдній слогъ отнюдь не есть суффиксъ, какъ видно изъ второобразнаго слова щелочь и изъ того, что *о* не пропадаетъ въ косвенныхъ падежахъ. Слово щель, очевидно, въ родствѣ съ сканд. skilja (раздѣлять, различать), а къ тому же корню относится и skall — рѣзкій звукъ. Подъ нѣм. словомъ schallen Вейгандъ говоритъ, что для объясненія его должно предположить болѣе древній коренной глаголъ skilan, въ которомъ первоначально заключалось понятіе громкаго звука отъ раздробленія и раскалыванія (der laute ton des trennens und spaltens), чтó какъ нельзя болѣе сходится съ двоякимъ значеніемъ нашего, близкаго по звукамъ глагола щелкать. Почти то же самое Вейгандъ говоритъ подъ словомъ schall и приводитъ др.-сканд. слова skil, skël = trennung, öffnung.

Словомъ щелокъ кончается 2-й отдѣлъ статьи г. Тамма о славянскихъ заимствованныхъ словахъ. Разсмотрѣніе остальнаго повело бы насъ слишкомъ далеко.

Заключимъ замѣчаніемъ, что г. Таммъ въ большинствѣ случаевъ разрѣшилъ свою задачу успѣшно; въ другихъ, хотя ему рѣшеніе представлявшихся вопросовъ и не вполнѣ удалось, тѣмъ не менѣе онъ доставилъ значительный матеріалъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій въ той же области сравнительнаго языкознанія и заслуживаетъ благодарность за свои попытки, въ которыхъ мы желаемъ видѣть только начало болѣе обширныхъ трудовъ въ томъ же отдѣлкѣ лингвистики.

V.

Слова, взятыя съ польскаго или чрезъ посредство польскаго.

Еще Ломоносовъ замѣтилъ, что у насъ много словъ польскаго происхожденія, которыя «пришли къ намъ чрезъ сообщество и частыя войны съ Поляками» [1]. Надо прибавить, что нѣкоторыя изъ этихъ словъ мы приняли путемъ кіевскихъ школъ, развивавшихся, какъ извѣстно, подъ польскимъ вліяніемъ. Но наши заимствованія изъ польскаго до сихъ поръ мало обращали на себя вниманія. Здѣсь является чуть ли не первая попытка собрать ихъ въ алфавитномъ порядкѣ; вѣроятно, списокъ этотъ можетъ быть со временемъ еще значительно распространенъ. Возможно также, что, при дальнѣйшихъ соображеніяхъ, нѣсколько словъ придется изъ него выкинуть. Само собою разумѣется, что сюда занесены только слова общеизвѣстныя, съ исключеніемъ тѣхъ, которыя употребительны только въ западныхъ губерніяхъ или въ Малороссіи. Не помѣщены здѣсь также и тѣ слова польскаго происхожденія, которыя когда-то употреблялись Русскими, но теперь уже забыты. Нельзя не вспомнить, что еще и при Петрѣ Великомъ къ намъ входили слова изъ Польши и что самъ онъ въ письмахъ своихъ не разъ прибѣгалъ къ такимъ заимствованіямъ, каковы напр. слова: *жадный* (никакой), *мусить* (долженствовать) [2];

---

[1] Акад. рпк. Лом. № 112, стр. 12.

[2] Соловьева *Ист. Россіи* XV, 186, 250, 308.

сюда же слѣдуетъ отнести слово *фортеція* (польск. forteca), которое онъ употреблялъ не только въ собственномъ, но и въ переносномъ смыслѣ («фортеція правды»).

АРЕНДА (arenda, aręda; нв. arrende, отъ ср.-латин. arenda). Перешло къ намъ чрезъ остзейскія провинціи, бывшія нѣкогда подъ владычествомъ Польши, а потомъ Швеціи.

БЕКЕШЪ (bekiesza, мадьяр. bekes).

БЕРДЫШЪ (berdysz, отъ франц. pertuisane).

БЛЯХА (blacha, отъ нѣм. Blech).

БРИЧКА (bryczka).

БРЫЖЙ (bryże = первон. пестрое шитье, обшивка со складками на платьѣ).

БУДКА (budka, buda; budować, строить).

БУЛКА (bulka, bułka).

БУНТЪ (bunt, союзъ).

ВАХТМИСТРЪ (wachmistrz).

ВЕНЗЕЛЬ (węzel = узелъ). Замѣчательно однакожъ, что польское слово węzel не употребляется Поляками въ смыслѣ **вензель**; въ этомъ значеніи у нихъ ходитъ слово cyfra (фр. chiffre).

ВЕРША (wierza).

ВИЛЬЧУРА (wilczura = волчья шуба).

ВИНТЪ (gwint).

ВИРША (wierz = versus).

ГАЕРЪ (по Рейфу, поль. gaier [?] отъ итал. gaio, веселый; ср. франц. gaillard). Вѣрнѣе, кажется, указанное выше, на стр. 517, производство слова **гаеръ** отъ нѣм. geiger.

ГАРНЕЦЪ (garniec).

ГАРУСЪ (harus или arus, родъ матеріи).

ГВАЛТЪ (gwałt, насиліе, тревога, шумъ).

ГЕРБЪ (herb).

ГОНТЪ (gont).

ГУРТЪ (hurt = стадо); гуртомъ (hurtem).

ДОСКОНАЛЬНО (doskonalny).

ДЫМКА (dyma, турецкая бумажная матерія).

ДЫШЛО (dyszel, отъ нѣм. Deichsel).

ЗБРУЯ, или **СБРУЯ** (zbroj, zbroja).

КАНДАЛЫ (kajdan; ср. гайтанъ).

КАРПЕТКА (skarpeta, szkarpeta).

КИВЕРЪ (kiwior, по Рейфу съ венгерскаго).

клумба (kłąb drzew, съ англ. clump).
кóзлы (kozły).
козырь (kozera).
колбаса (kiełbasa).
колетъ (kolet).
коляска (kolaska). По мнѣнію иностранныхъ филологовъ (Heyse, Diez, Littré), это — славянское слово, передѣланное западными Европейцами въ calèche, и т. п.
комната (komnata; др.-верх.-нѣм. kamnate, лат. caminata).
кофта (koftyr, kofter, турецкая шелковая матерія).
коштъ (koszt).
крахмалъ (krochmal; отъ нѣм. Kraftmehl).
кубокъ (kubek).
кухарка (kucharka).
кухмистръ (kuchmistrz).
кухня (kuchnia).
лядунка (ładunek, патронъ, зарядъ, свертокъ, отъ нѣм. Ladung).
маетность (majętność, имущество, имѣніе).
метрика (metryka).
музыка (muzyka).
муштровать (mustrować, учить войско).
мѣщанинъ (mieszczanin, отъ miasto, городъ).
оглобля (hołoble, отъ нѣм. Gabel, Gabeldeichsel). См. выше, стр. 602.
огуломъ, огульный (ogól, ogólem).
панибратъ (panie bracie, pan brat).
паспортъ (paszport).
погонъ, погончикъ (pogon вм. ogon, хвостъ; ogonczyk, ogonek, хвостикъ, жгутикъ). Прежде говорили у насъ между прочимъ: «погонъ на шляпѣ» (См. письмо Екатерины II въ *Р. Арх.*, 1863, изд. 1, стр. 278).
потчивать (сущ. poczta = почесть, приношеніе).
почта (poczta).
предметъ (przedmiot).
предмѣстье (przedmeście: miasto = городъ).
ратуша (ratusz, отъ нѣм. Rathhaus).
рисовать (rysować, отъ нѣм. reiszen).
рисунокъ (rysunek).
рожа (болѣзнь: польс. róża имѣетъ оба значенія — роза и рожа).
ротмистръ (rotmistrz, отъ нѣм. Rittmeister).
рыдванъ (rydwan).

рынокъ (rynek).
рыцарь (rycerz).
сеймъ (sejm).
слесарь (slosarz, нѣм. Schlösser).
тачка (tak, taczki).
темлякъ (temblak).
тузъ (tus, нѣм. Daus).
фигляръ (figlar, figel, ударъ).
филёнка (filunk, нѣм. Füllung).
финтить (fint, хитрецъ).
фольга (folga, отъ лат. folium).
фортель (fortel, хитрость, уловка).
форточка (fortka, foteczka).
франтъ (frant).
фукать (fukać).
цехъ (cech).
цырюльникъ (cyrulik, отъ лат. chirurgus).
цыфра (cyfra).
шалберить (szalbierz, плутъ, обманщикъ).
шаровары (szarowary, отъ тюрк. szalwar).
шеренга (szeręg).
шкатулка (szatuła).
шкворень (sworzeń).
школа (szkoła).
шлея (szla, szleia).
шлыкъ (szłyk).
шляхъ (szlak).
шомполъ (stęmpel).
шоры (szory).
штыкъ (sztych, что́ въ старину значило bayonette), не отъ нѣм. ли Stichel?).
шуба (szuba). Ср. выше стр.
шулеръ (szuler).
щеголь (szczegol = особнякъ).

[1] Słownik polsko-francuzki. Berlin 1858.

УКАЗАТЕЛИ

КЪ

МАТЕРІАЛАМЪ ДЛЯ СЛОВАРЯ, ГРАММАТИКИ И ИСТОРІИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

I. Указатель именъ и предметовъ.

II. Лексическій указатель[1].

1. Русскія слова и имена.

[1] Воспроизводить здѣсь обширный указатель словъ, приложенный ко 2-му изданію этой книги, признано безполезнымъ, такъ какъ большую часть ихъ легко находить то подъ суффиксами, о которыхъ рѣчь идетъ въ статьяхъ объ удареніи, то въ отдѣльныхъ спискахъ словъ, расположенныхъ въ послѣднихъ статьяхъ тома въ азбучномъ порядкѣ. Въ настоящій указатель сочтено достаточнымъ занести только тѣ слова, о которыхъ въ разныхъ мѣстахъ книги разсѣяны отдѣльныя замѣчанія.

2. Иностранныя слова и имена.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
1	св. 7	вгляда	взгляда
123	св. 15	смылѣ	смыслѣ
153	сн. 17	*разъѣздъ*	*разъѣздъ*
261	сн. 4	Гималаай	Гималай
336	сн. 15	тѣсненіе	стѣсненіе
431	св. 5	форму *еце платьсце*	форму *ице платьице*
—	св. 6	*имьньеце*, *чтеньеце* или съ удар.	*имьньице*, *чтеньице* или *ицó* съ удар.
491	св. 13	*пáваръ*	*пóваръ*

1. *

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ РАЗЫСКАНІЯ

Я. ГРОТА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ РУССКАГО ПРАВОПИСАНІЯ ОТЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ДОНЫНѢ.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ, СЪ ДОПОЛНЕНІЯМИ И ПЕРЕМѢНАМИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1885.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, январь 1885 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Читатель, знакомый съ предшествовавшимъ изданіемъ этой книги, замѣтитъ здѣсь нѣкоторыя, впрочемъ весьма немногія, отступленія отъ прежнихъ указаній.

Въ объясненіе такой перемѣны мнѣ было бы достаточно повторить слова, сказанныя при второмъ изданіи моихъ *Спорныхъ Вопросовъ*: „оставаться въ дѣлѣ науки неподвижнымъ можетъ только тотъ, кто не мыслитъ или не трудится". Но къ этому въ настоящемъ случаѣ присоединяется еще другое обстоятельство: одновременно съ нынѣшнимъ изданіемъ *Филологическихъ Разысканій* выходитъ составленное мною, по порученію второго Отдѣленія Академіи Наукъ, краткое руководство по русскому правописанію. Обсуждая каждый вопросъ нашей орѳографіи вмѣстѣ съ моими сочленами, я долженъ былъ для пользы дѣла заботиться объ общемъ соглашеніи, а этого невозможно было достигнуть безъ нѣкоторыхъ съ моей стороны уступокъ. Затѣмъ и въ *Спорныхъ Вопросахъ* нельзя было не сдѣлать тѣхъ же измѣненій. Главное изъ нихъ, впрочемъ, заключается въ возстановленіи *ѵиты* по причинамъ, изложеннымъ въ текстѣ на стр. 178—179.

Въ терминологіи допущены также кое-какія измѣненія, и къ фонетическому отдѣлу прибавлено сокращенное изложеніе *Основаній фонетики*, капитальнаго по этой части сочиненія профессора Іенскаго университета Сиверса.

На сдѣланныя въ разныхъ мѣстахъ книги частныя дополненія не считаю нужнымъ указывать отдѣльно.

Я. Гротъ.

Декабрь 1884.

СОДЕРЖАНІЕ
СПОРНЫХЪ ВОПРОСОВЪ РУССКАГО ПРАВОПИСАНІЯ.

ЧАСТЬ I.

ЗВУКИ.

I. Физіологія звуковъ языка. Стр. 3—19.

Очеркъ исторіи физіологическаго изученія звуковъ языка. — Устройство органовъ рѣчи.

Гласные звуки 9. Формы полости рта при произношеніи ихъ. Три основные звука: *і а у*. — Измѣненія звуковъ зависятъ отъ удобства выговора. Переходные гласные звуки. — Схема гласныхъ звуковъ.

Согласные звуки 11. Двоякое ихъ образованіе посредствомъ смыканій и суженій въ полости рта. — Дѣленіе ихъ на три разряда у Грековъ.—Дѣленіе на твердые и мягкіе, на безголосные и голосовые.— Смычные, или мгновенные согласные звуки.—Проточные, или длительные согласные звуки. — Дрожательный звукъ *р*. — Носовые звуки *м н*.

II. Звуки русскаго языка. Стр. 19—88.

Особенности нашей фонетики.

Русскіе согласные звуки 20. Различіе твердыхъ и мягкихъ.— Трудность ихъ произношенія. — Наша фонетика въ трудахъ иностранцевъ.

Русскіе гласные звуки 23. Ихъ раздѣленіе. — Звукъ *і* и два его сокращенія.

Приложеніе.

ЧАСТЬ II.

ПИСЬМО И ПРАВОПИСАНІЕ.

б) У Англичанъ.—Вполнѣ историческій характеръ ихъ правописанія. — Преобразовательныя попытки. — Мнѣнія Макса Мюллера, Витнея и Эрля.

в) У Французовъ. Этимологическій характеръ ихъ правописанія.— Орѳографическія правила Поръ-Рояля и словарь Французской академіи. — Мнѣнія извѣстныхъ писателей. — Попытки преобразованій. — Отзывы о фонетической реформѣ. — Замѣчанія г. Дидо. — Авторитетъ Французской академіи въ словарѣ Литтрé.

г) У остальныхъ романскихъ народовъ. Фонетическое правописаніе Италіанцевъ и Испанцевъ.

д) У скандинавскихъ народовъ. Два литературные языка.—Развитіе шведскаго правописанія подъ вліяніемъ академіи. — Книга Раска о датской орѳографіи. — Послѣдователи его. — Орѳографическій съѣздъ въ Стокгольмѣ. — Послѣдствія его въ Даніи и въ Швеціи. — Полемика между гг. Рюдквистомъ и Гацеліусомъ.—Участіе правительствъ въ установленіи правописанія: въ Даніи, Испаніи, Германіи. — Необходимость отвращать пестроту правописанія въ школѣ. — Комиссія для установленія фламандской орѳографіи.

Общіе выводы 213. Повсемѣстныя явленія въ исторіи развитія правописанія. — Трудность осуществить идеалъ фонетическаго правописанія. — Опасность нововведеній. — Неизбѣжность разногласій въ орѳографіи. — Терпимость школы въ отношеніи къ нимъ.

Общій взглядъ на русское правописаніе 218. Излишнія жалобы на пестроту нашего письма.— Въ чемъ состоятъ разногласія?— Преобладаніе этимологическаго характера и причины того.—Законность такого письма. — Требованія русскаго правописанія, выраженныя уже Ломоносовымъ. — Противоположный взглядъ серба Новаковича. — Этимологическое правописаніе отвѣчаетъ потребности человѣческаго ума.

IV. Очеркъ исторіи русскаго правописанія. Стр. 224—285.

Тредьяковскій, Ломоносовъ и Сумароковъ 225. Противоположные взгляды двухъ первыхъ. — Споръ объ окончаніяхъ прилагательныхъ. — Мнѣніе обоихъ о буквѣ *ѣ*. — Статья Сумарокова объ орѳографіи. — Его собственное правописаніе. — Ломоносовъ о *ѳитѣ*.—Взгляды Сумарокова на фонетику и правописаніе.

Состояніе правописанія послѣ Ломоносова. 235. Появленіе учебниковъ. — Правописаніе въ русскихъ журналахъ второй половины прошлаго вѣка.

Старанія изгнать лишнія буквы, особенно ъ 238. Планъ русскаго словаря. — Взгляды Свѣтова и Подшивалова на азбуку. — Начало гоненій на букву ъ 201. — Домашневъ и Барсовъ противъ *ера*. — Барсовъ противъ *ѵ* и *ѳ*. — Другія гоненія на ъ. — Книги, изданныя безъ *ера*. — Чеботаревъ, Шлецеръ, Эминъ, Языковъ, Измайловъ, Лабзинъ. — Мнѣніе А. Гумбольдта.

Правописаніе Карамзина 245. — «Московскій Журналъ». — Нѣ-

Приложенія.

Указатели:

Языкъ проявляется двоякимъ образомъ: какъ *произносимый* (живая рѣчь) и какъ *писанный* (письмо). Каждое слово можемъ мы представлять себѣ либо такъ, какъ оно *слышится*, либо такъ, какъ *видимъ* его начертаннымъ, — иначе говоря: мы можемъ представлять себѣ каждое слово либо въ его *звукахъ*, либо въ *буквахъ*, употребляемыхъ для его изображенія на письмѣ.

А такъ какъ эти два способа представленія слова не всегда между собою согласны, такъ какъ начертаніе не всегда точно передаетъ звукъ, то разумѣется, очень важно строго различать одно отъ другого, и для правильнаго пониманія формы слова необходимо напередъ разсматривать его естественный звуковой составъ.

Между тѣмъ до послѣдняго времени не совсѣмъ ясно понимали важность такого различенія, и даже въ Германіи, которая въ успѣхахъ филологіи идетъ впереди всѣхъ другихъ странъ, одинъ изъ ученыхъ, извѣстныхъ своими трудами по теоріи звуковъ, справедливо замѣтилъ: «Взглянувъ на иную, хотя и хорошую грамматику, мы легко убѣдимся, какъ, согласно съ ея названіемъ (отъ γράφειν писать), письмо гораздо болѣе чѣмъ самый языкъ служитъ въ ней предметомъ разсмотрѣнія, и какъ изслѣдованіе звуковъ всегда до сихъ поръ заслонялось знаками ихъ, буквами. И однакожъ буква — лишь случайное изображеніе дѣйствительнаго звука, и видъ этого начертанія не имѣетъ ничего общаго съ сущностью самаго звука»[1].

[1] Thausing. Das natürliche Lautsystem der menschlichen Sprache (Leipzig 1863), стр. 116.

Такимъ образомъ, желая разъяснить отношеніе между живою рѣчью и письмомъ, надобно прежде всего разобрать, изъ какихъ звуковъ состоитъ языкъ, а потомъ уже разсмотрѣть, насколько вѣрно и точно эти звуки могутъ быть изображаемы придуманными для нихъ общеупотребительными начертаніями.

Вотъ почему и предлагаемый трудъ естественно распадается на двѣ части: фонетическую (о звукахъ) и графическую (о письмѣ). Само собою разумѣется, что обѣ части не могутъ быть совершенно отдѣлены одна отъ другой; раздѣленіе это означаетъ только, что въ первой части дѣло будетъ разсматриваемо съ точки зрѣнія звуковъ, а во второй съ точки зрѣнія буквъ.

ЧАСТЬ I.

ЗВУКИ.

I. Физіологія звуковъ языка.

Произносимый языкъ имѣетъ двѣ стороны: *матеріальную* и *духовную*, — звуки и ихъ содержаніе, какъ тѣло и душу. Поэтому онъ принадлежитъ къ двумъ разнороднымъ разрядамъ наукъ: одною стороной къ естествознанію, другою — къ историческимъ и философскимъ наукамъ.

Составляющіе языкъ членораздѣльные звуки суть произведеніе дѣйствія тѣлесныхъ органовъ, и потому ученіе о звукахъ, фонетика, необходимо соприкасается съ физіологіею. Разсмотрѣнію самыхъ звуковъ должно предшествовать ознакомленіе съ орудіями голоса и рѣчи. Безъ физіологическаго основанія невозможно научное изслѣдованіе звуковъ языка.

Этотъ правильный взглядъ на фонетику, хотя никогда не былъ достаточно распространенъ, однакожъ по происхожденію своему не такъ новъ, какъ обыкновенно думаютъ: судя по систематикѣ звуковъ и по совершенству письменныхъ знаковъ въ санскритѣ, физіологическое ученіе о звукахъ у древнихъ Индовъ было развито болѣе чѣмъ у Грековъ. Впослѣдствіи фонетика составляла предметъ особеннаго изученія у Аравитянъ. Но дальнѣйшіе ея успѣхи начались не прежде какъ въ 16-мъ столѣтіи, благодаря счастливой мысли обучать глухонѣмыхъ произношенію звуковъ

рѣчи; необходимость пользоваться при этомъ пособіемъ зрѣнія и осязанія привела къ самому полному изслѣдованію условій образованія звуковъ. Не останавливаясь на отдѣльныхъ примѣрахъ такого преподаванія въ Испаніи и трудахъ, бывшихъ результатами его, замѣтимъ, что въ 17-мъ столѣтіи, независимо отъ нихъ, физіологіи звуковъ было положено основаніе въ Англіи епископомъ Валлисомъ (Wallis), который также обучалъ глухонѣмыхъ. Во Франціи, гдѣ съ начала прошлаго вѣка при академіи наукъ усердно занимались изслѣдованіемъ голосовыхъ органовъ, явилось въ 1765 году замѣчательное по части фонетики сочиненіе президента Дебросса (Debrosses[1]), которое въ нынѣшнемъ столѣтіи обратило на себя вниманіе Россійской академіи и было переведено членомъ ея А. Никольскимъ подъ заглавіемъ: *Разсужденіе о механическомъ составѣ языковъ и физическихъ началахъ этимологіи* (Спб. 1821). Въ этой книгѣ разсѣяно много умныхъ и вѣрныхъ наблюденій, хотя съ другой стороны встрѣчаются въ ней и ошибочныя теоріи, которыми увлекся Шишковъ, снабдившій переводъ сочлена своими примѣчаніями. Въ Германіи теорія звуковъ была обязана, въ концѣ прошлаго вѣка, важнымъ успѣхомъ вѣнскому механику Кемпелену, изобрѣтателю извѣстнаго автомата, играющаго въ шахматы. Онъ же изобрѣлъ говорящую машину и издалъ превосходную книгу о механизмѣ человѣческаго языка (Mechanismus der menschlichen Sprache. Wien 1791), которая всегда будетъ служить основаніемъ всѣхъ дальнѣйшихъ по тому же предмету изслѣдованій.

Однакожъ не ранѣе какъ около середины нынѣшняго столѣтія эта отрасль физіологіи стала въ надлежащей мѣрѣ обращать на себя вниманіе языковѣдовъ. Даже такой геніальный филологъ, какъ Яковъ Гриммъ, не положилъ въ основу своихъ изслѣдованій полнаго вниманія къ отличію писаннаго языка отъ произносимаго

---

[1] Traité de la formation méchanique des langues, et des principes physiques de l'étymologie (въ двухъ частяхъ, безъ имени автора). Paris 1765. Объ авторѣ названной книги Дебpоссѣ см. статью въ Revue des deux Mondes 1875 г. за декабрь, но тамъ объ этомъ филологическомъ трудѣ ничего не сказано.

къ ихъ взаимнымъ отношеніямъ. По изученію звуковыхъ измѣненій его грамматика представляетъ конечно богатѣйшій матеріалъ и изумительное обиліе остроумнѣйшихъ соображеній, но самыхъ физіологическихъ процессовъ послѣдовательнаго превращенія звуковъ онъ еще не касался. Кромѣ того, онъ при своихъ изслѣдованіяхъ не довольно дорожилъ звуковыми особенностями народныхъ говоровъ, а между тѣмъ это «главный источникъ, которымъ надобно пользоваться, чтобы проникнуть въ тайны древнихъ звукоизмѣненій. Только этимъ способомъ можно достигнуть возможности перелагать старинные письменные памятники въ звуки живой рѣчи. Только этимъ путемъ можно стать выше одного наблюденія этимологической перемѣны буквъ и вникнуть въ самые процессы звукоизмѣненій».

Рудольфъ Раумеръ, которому принадлежитъ это замѣчаніе[1], первый изъ германскихъ филологовъ внесъ въ свои изслѣдованія полное пониманіе сущности фонетики. Изданное имъ въ 1837 г. сочиненіе «о придыханіи и перебоѣ звуковъ»[2] положило начало новому направленію въ наукѣ слова. За нимъ пошли тѣмъ же путемъ и другіе ученые, во главѣ которыхъ стоитъ незабвенный сотрудникъ нашей академіи Шлейхеръ. Мало того: трудъ Раумера далъ толчокъ и физіологической разработкѣ предмета. Въ этомъ сознается извѣстный профессоръ физіологіи и членъ академіи наукъ въ Вѣнѣ г. Брюкке, составившій въ филологической литературѣ эпоху своимъ сочиненіемъ: «Основныя черты физіологіи и систематики звуковъ языка»[3]. Авторъ, занимаясь обученіемъ глухонѣмыхъ, представилъ тутъ въ сжатомъ и ясномъ обзорѣ результаты своихъ наблюденій надъ звуками бóльшей

---

[1] Gesammelte sprachwissenschaftliche Schriften von R. v. Raumer. Frankf. am M. 1863. См. тамъ стр. 407. Почти то же, но съ большею рѣзкостью, высказываетъ о слабой сторонѣ грамматики Я. Гримма д-ръ Румпельтъ въ своей книгѣ Das natürliche System der Sprachlaute (Halle 1869), стр. 5.

[2] Die Aspiration und die Lautverschiebung. Leipzig. 1837.

[3] Grundzüge der Physiologie u. Systematik der Sprachlaute für Linguisten u. Taubstummenlehrer, bearb. von Dr. Ernst Brücke. Wien 1856. Второе изданіе 1876 г.

части европейскихъ и нѣкоторыхъ азіатскихъ языковъ. Къ сожалѣнію, онъ не былъ знакомъ съ славянскими нарѣчіями, и потому естественно, что будучи принужденъ пользоваться относительно ихъ чужими указаніями, онъ не избѣгъ нѣкоторыхъ недоразумѣній и ошибокъ. Несмотря на то, книга Брюкке сдѣлалась необходимымъ пособіемъ для всѣхъ не только германскихъ, но и иноплеменныхъ ученыхъ, разсматривающихъ звуки на основаніи физіологіи. Новѣйшій же и самый замѣчательный по этому предмету трудъ принадлежитъ профессору Іенскаго университета Сиверсу (Eduard Sievers), напечатавшему въ 1876 году сочиненіе: Grundzüge der Lautphysiologie; въ 1881 году вышло второе, значительно переработанное изданіе этой книги подъ заглавіемъ: Grundzüge der Phonetik. Есть уже и по фонетикѣ славянскихъ языковъ нѣсколько изслѣдованій, какъ напр. г. Новаковича у Сербовъ [1], а у Чеховъ г. Гебаура [2]. По-русски физіологическое ученіе о звукахъ языка, въ наше время, въ первый разъ было изложено (если исключить переводы спеціальныхъ сочиненій по физіологіи) въ переводѣ второй серіи лекцій Макса Мюллера [3]; потомъ о предметѣ этомъ читалъ въ Кіевѣ публичныя лекціи г. Туловъ, и онъ же въ исходѣ 1874 года издалъ небольшую книжку *Объ элементарныхъ звукахъ человѣческой рѣчи*, гдѣ, послѣ общихъ соображеній на основаніи иностранныхъ пособій, сдѣлана попытка примѣненія физіологическаго ученія о звукахъ къ русскому языку. Здѣсь же нельзя пропустить изслѣдованія г. Бодуэна-де-Куртенэ о древне-польскомъ языкѣ, которое затрогиваетъ многія явленія обще-славянской фонетики и при этомъ также опирается на выводы естествознанія [4]. Недавно А. С. Будиловичъ въ своемъ *Начертаніи церковно-славянской грамматики* помѣстилъ основанную на новѣйшихъ изслѣдованіяхъ главу «О природѣ звуковъ человѣческаго языка».

---

[1] Физиологија гласа и гласови срцскога језика. У Београду 1873.

[2] См. Časopis Musea Královstvi Českeho 1872, XLVI ročnik, svaz. 3 и 4.

[3] Трудъ г. Лавренко. См. *Филологическія Записки*, издан. въ Воронежѣ г. Хованскимъ, 1868.

[4] *О древне-польскомъ языкѣ до XIV столѣтія*. Лейпцигъ 1870.

Что касается настоящаго труда, то авторъ, въ этомъ отдѣлѣ его, намѣренъ при помощи физіологическихъ наблюденій разсмотрѣть звуки русскаго языка, насколько того требуютъ задачи филологіи. Въ концѣ отдѣла будетъ приложено извлеченіе изъ помянутаго выше новаго изданія книги г. Сиверса.

Вотъ какъ Брюкке понимаетъ двѣ разныя стороны разсмотрѣнія звуковъ языка: «Можно, говоритъ онъ, изслѣдовать какимъ образомъ смежные звуки дѣйствуютъ одни на другіе и вникать въ измѣненія, претерпѣваемыя звуками въ теченіе временъ или при переходѣ изъ одного языка въ другой, чтобы изъ этого выводить ихъ аттрибуты. Это путь *филолога*. Съ другой стороны можно производить прямыя наблюденія и опыты надъ способами и условіями происхожденія звуковъ и такимъ образомъ знакомиться съ ихъ натурою и свойствами. Это путь *физіолога*. Оба метода, при правильномъ ихъ употребленіи, никогда не могутъ вести къ противорѣчивымъ результатамъ, но эти результаты могутъ быть различны, могутъ дополнять другъ друга, такъ какъ филологъ своими изысканіями доходитъ эмпирически до ряда законовъ, которыхъ объясненія надо искать физіологическимъ путемъ. Только посредствомъ физіологическихъ наблюденій филологъ вполнѣ узнаётъ языкъ; пока онъ упускаетъ ихъ изъ виду, онъ знаетъ о языкѣ только то, что слышится ухомъ и пишется рукою. Дивный снарядъ, откуда истекаетъ рѣчь, остается для него сокровенною механикой автомата; а между тѣмъ законы, которые прежде выводились изъ благозвучія, гораздо менѣе зависятъ отъ этого условія нежели отъ механическаго устройства органовъ, которые производятъ отдѣльные звуки языка и только въ извѣстныхъ сочетаніяхъ могутъ производить ихъ легко и точно»[1].

Прежде всего считаю нужнымъ дать читателю понятіе объ устройствѣ органовъ рѣчи, не входя однакожъ въ излишнія подробности, которыя въ настоящемъ случаѣ только удалили бы насъ отъ цѣли.

---

[1] Grundzüge, стр. 1.

Для произведенія звука служитъ такъ называемая голосовая щель (rima glottidis, Stimmritze) въ гортани (guttur, Kehlkopf), расширяемая или суживаемая двумя голосовыми связками (chordae vocales, Stimmbänder), которыя натягиваются или ослабляются гортанными мышцами. Если щель значительно расширена, то никакого звука не можетъ быть слышно, и воздушный токъ, приражаясь къ стѣнкамъ рта, производитъ только придыханіе, въ германскихъ языкахъ означаемое буквою h. Если сузить щель, приподнявъ среднюю часть языка къ нёбу, то это придыханіе усиливается до нашего *г* въ словахъ *Господь*, *благо*, *Бога*, звука, который у насъ на письмѣ не отличается отъ твердаго *г*, слышимаго въ словахъ *городъ*, *багоръ* и проч.

Итакъ звонъ голоса есть непосредственный результатъ суженія голосовой щели[1]. Выйдя оттуда, звукъ до своего оглашенія проходитъ подвижную полость зѣва и рта, которая образуетъ какъ бы надставную трубку (Ansatzrohr), подобную искуственному духовому инструменту, при чемъ надо представить себѣ, что голосовая щель или гортань играетъ роль рта, изъ котораго въ этотъ инструментъ входятъ воздухъ и звукъ. «Вокальный механизмъ, говоритъ англійскій профессоръ Виллисъ, можетъ считаться состоящимъ изъ легкихъ, или мѣховъ, которые посредствомъ дыхательнаго горла проводятъ воздушный токъ черезъ снарядъ, находящійся въ верхнемъ концѣ дыхательнаго горла и называемый гортанью. Этотъ снарядъ способенъ производить разные музыкальные и другіе звуки, слышные по переходѣ чрезъ подвижную полость, состоящую изъ глотки (полости позади нёбной занавѣски), рта и носа»[2]. — Все это вмѣстѣ составляетъ

Легкіе или мѣхи.

Дыхательное горло.

Гортань.

[1] Для физіологическихъ терминовъ я отчасти пользуюсь изданнымъ подъ редакціей И. М. Сѣченова переводомъ сочиненія Л. Германа: *Основы физіологіи человѣка*. Одесса 1873.

[2] Robert Willis, извѣстный сочиненіемъ о гласныхъ (1828). Выписанныя строки привожу по книгѣ J. Earle, The Philology of the english tongue. Oxford 1873, стр. 126.

Подвижная полость рта.

вокальный механизмъ, но орудіемъ рѣчи слѣдуетъ считать только наружную часть его, то-есть гортань и подвижную трубку, или полость рта.

Гласные звуки.

Самые первоначальные, основные звуки человѣческой рѣчи суть гласные. Для образованія ихъ воздухъ изъ легкихъ выдыхается въ полость рта, имѣющую каждый разъ опредѣленную форму. Прежде всего долженъ быть прекращенъ доступъ воздушнаго тока къ заднимъ носовымъ отверстіямъ поднятіемъ нёбной занавѣски[1] для того, чтобы выдыхаемый воздухъ попадалъ только въ полость рта. Если же это не будетъ выполнено, то при громкой рѣчи гласные получатъ особый «носовой» оттѣнокъ. При произношеніи ихъ форма полости рта измѣняется слѣдующимъ образомъ: при *а* она должна быть совершенно свободною, языкъ ложится плошмя на дно полости, которая поэтому бываетъ всего больше для этого звука и отверстіе широко-раскрытаго рта имѣетъ форму расширенной спереди воронки. При *о у*, наоборотъ, корень языка приподнимается, полость рта суживается вытягиваніемъ губъ въ трубку и принимаетъ форму круглой бутылки съ короткой шейкой; при *э і*, отъ приближенія языка къ твердому нёбу, образуется форма круглой бутылки съ узкимъ горлышкомъ. При всѣхъ гласныхъ, за исключеніемъ *у*, гортань нѣсколько приподнимается къ верху; меньше всего подъемъ при *о*, затѣмъ слѣдуютъ *а э і*, т. е. онъ больше всего при *і*, и оттого тонъ *і* выше, нежели тонъ прочихъ гласныхъ; ниже всѣхъ тонъ *у*. Это различеніе степени высоты тона при разныхъ гласныхъ оспаривается нѣкоторыми физіологами; но ихъ возраженія не вполнѣ убѣдительны.

а составляетъ центральный звукъ. Какъ скоро обѣ стѣнки полости рта, верхняя и нижняя, сближаются между собой, то чи-

[1] Нёбо состоитъ изъ двухъ частей: передней или твердаго нёба, и задней или нёбной занавѣски (der harte Gaumen и das Gaumensegel).

стота звука *а* нарушается. Такое сближеніе очень легко происходитъ либо при нёбѣ, гдѣ образуется *і*, либо у губъ, гдѣ звонъ голосовой щели обращается въ *у*. При этомъ подвижная трубка (полость рта) то укорачивается, то удлиняется: она становится всего короче при произнесеніи *і*, такъ какъ гортань тогда приподнимается и углы рта растягиваются въ сторону; всего же длиннѣе становится трубка при произнесеніи *у*, когда гортань опускается съ одновременнымъ протягиваніемъ впередъ губъ и угловъ рта.

Эти три звука *I А У* суть основные въ системѣ гласныхъ. Въ продолженіе вѣкового существованія языка звуки постепенно измѣняются, особенно вслѣдствіе естественнаго стремленія человѣка облегчать трудъ органамъ рѣчи: «удобство выговора, сбереженіе дѣятельности мускуловъ, говоритъ Шлейхеръ,— главный въ этомъ дѣлѣ факторъ [1]». Въ отношеніи къ гласнымъ эта vis inertiae, по его же замѣчанію, ведетъ къ тому на первый взглядъ странному результату, что тогда какъ болѣе древніе языки имѣютъ лишь малое количество гласныхъ звуковъ, позднѣйшіе обладаютъ ими въ гораздо бо́льшемъ обиліи и разнообразіи. Но немногіе гласные старѣйшихъ языковъ рѣзко отличаются одинъ отъ другого, многочисленные же гласные позднѣйшихъ языковъ служатъ по большей части переходомъ отъ одного къ другому совершенно отличному въ древнемъ языкѣ звуку: являются оттѣнки, смѣшанные звуки, чтобы смягчать различія, облегчать органу рѣчи крутой поворотъ отъ одного движенія къ другому и доставить ему удобство нерѣшительныхъ гласныхъ, которыя легко производить малымъ напряженіемъ орудія рѣчи. Слѣдовательно остальные гласные суть только промежуточные, и мы разсмотримъ тѣ изъ нихъ (*э о*), которые естественно образуются между *I* и *А*, между *А* и *У*.

Изъ всѣхъ гласныхъ звуковъ наиболѣе распространеннымъ былъ искони *а*; но такъ какъ произносить его, сравнительно, не

[1] Die deutsche Sprache, стр. 49 и 50.

легко, то онъ, независимо отъ вліянія на него сосѣднихъ звуковъ, уже вслѣдствіе одного напряженія мускуловъ, потребнаго на его произношеніе, подвергается разнымъ измѣненіямъ. Если, начавъ отъ расположенія рта для *а*, какъ звука первоначальнаго, постепенно укорачивать устную полость, суживая ее въ серединѣ, то образуются промежуточные звуки, приближающіеся къ *і*, т. е. образуются гласные оттѣнка *э*[1]. Если, напротивъ, мало по малу удлинять полость рта и суживать наружное ея отверстіе въ направленіи къ *у*, то образуются гласные характера *о*. Число тѣхъ и другихъ промежуточныхъ гласныхъ неопредѣленно. Брюкке принимаетъ три *э* и два *о*, первообразы которыхъ находитъ у разныхъ западныхъ народовъ; но въ малоизвѣстныхъ ему славянскихъ языкахъ оказываются и другіе гласные звуки этого рода. Не входя еще въ болѣе спеціальное разсмотрѣніе гласныхъ съ примѣненіемъ къ русской фонетикѣ, прибавлю здѣсь только, что звуки эти вообще раздѣляются, по положенію рта при ихъ произношеніи, на твердые: *а о у* и мягкіе: *э и*. Отношеніе этихъ пяти гласныхъ между собою можетъ быть представлено слѣдующею вертикальной линіей, на которой они расположены сверху внизъ, по степени подъема гортани, съ чѣмъ связано и послѣдовательное пониженіе тона:

I
э
А
о
У

Согласные звуки.

Названіе *согласныхъ* (consonae) придумано въ той мысли, что только *гласные* звуки (vocales) совершенно самостоятельны, согласные же могутъ быть вполнѣ произносимы не иначе какъ въ соединеніи съ однимъ изъ гласныхъ. Брюкке, какъ и многіе дру-

[1] Принимаю эту букву для общаго выраженія чистаго звука, означаемаго греческимъ ε. Наше *е* изображаетъ уже звукъ сложный (= йэ).

гіе, находитъ, что такой взглядъ давно опровергнутъ наукою; этого нельзя однакожъ допустить безъ ограниченія: справедливо, что нѣкоторые согласные, какъ напримѣръ *с ш ф р*, могутъ быть выговорены и сами по себѣ, но какъ произнести ясно, безъ помощи гласной, *б г д п к т?* — Физіологическая особенность согласныхъ заключается въ томъ, что для произнесенія ихъ нужны своего рода движенія въ полости рта при участіи двухъ какихъ-нибудь частей органа рѣчи, такъ что бываетъ одно изъ двухъ: либо онѣ плотно *смыкаются* и *размыкаются* (наприм. обѣ губы одна съ другой для образованія *б*), и въ полости рта образуется *смыканіе*, *затворъ* (Verschluss), либо между тою или другою частями дѣлается только *суженіе*, *стѣсненіе* (наприм. между кончикомъ языка и нижними зубами для образованія *с*).

Орудіями затворовъ и стѣсненій для произношенія согласныхъ служатъ:

1) Нижняя губа съ верхнею и съ верхними зубами (рѣзцами): *б п* (затворъ); *в ф* (суженіе).

2) Передняя часть языка съ нёбомъ и съ зубами: *д т* (затворъ); *з с*, *ж ш* (суженіе).

3) Средняя или задняя часть языка съ нёбомъ *г к* (затворъ); *ĭ*[1] *х* (суженіе).

Но прежде разсмотрѣнія образуемыхъ этими двумя способами звуковъ необходимо показать еще одно физіологическое различіе согласныхъ. Внимательно перебирая звуковую азбуку своего языка, всякій, при самомъ поверхностномъ наблюденіи надъ собою, замѣтитъ, что нѣкоторые звуки могутъ быть сопоставлены попарно, т. е. образуются одинаково, и только произносятся различно. Вслѣдствіе того получаются два ряда звуковъ, которые въ верхнемъ и нижнемъ соотвѣтствуютъ одинъ другому:

1) *п т к ф с х ш*
2) *б д г в з ĭ ж*[1].

[1] Чтобы имѣть возможность говорить о звукѣ, для котораго у насъ нѣтъ буквы въ словѣ *благо*, я вынужденъ принять начертаніе *ĭ*.

Различіе того и другого ряда объясняется съ физіологической точки зрѣнія различно, а потому для каждаго изъ нихъ придуманы издревле и разныя названія. Всего болѣе вошло въ обыкновеніе называть звуки 1-го ряда *твердыми*, а звуки 2-го ряда *мягкими*. Извѣстно, что Греки, выдѣливъ изъ обоихъ рядовъ тѣ звуки $\frac{\text{п т к}}{\text{б д г}}$, которые не могутъ произноситься длительно[1], назвали ихъ поэтому *нѣмыми* (ἄφωνα, mutae) и прибавили къ нимъ еще 3-й рядъ особенныхъ, греческому языку свойственныхъ звуковъ, такъ что у нихъ вышли такіе три ряда:

1)	κ	τ	π
2)	γ	δ	β
3)	χ	θ	φ

Сообразно съ этимъ расположеніемъ назвали: звуки 1-го ряда *твердыми* (tenues), звуки 3-го ряда *придыхательными* (aspiratae), а звуки 2-го ряда, по внѣшнему признаку мѣста,—*средними* (mediae).

Въ большей части новѣйшихъ языковъ нѣтъ *придыхательныхъ*[2], и потому естественно, что въ нихъ приняты, для двухъ показанныхъ выше рядовъ, названія *твердыхъ* и *мягкихъ*. Нѣкоторые ученые доказываютъ, что эти термины правильны и съ физіологической точки зрѣнія, такъ какъ звуки 1-го ряда (*п т к* и проч.), при выговорѣ ихъ, требуютъ бóльшаго напряженія мускуловъ, чѣмъ звуки 2-го. Согласимся однакожъ, что эти названія сбивчивы, и не разъ уже случалось, что иной по недоразумѣнію прилагалъ, наоборотъ, къ 1-му ряду названіе *мягкихъ*, а ко 2-му *твердыхъ* звуковъ. Удачнѣе терминъ, употребляемый, начиная съ Кемпелена, многими изъ новѣйшихъ ученыхъ, въ томъ числѣ и профессоромъ Брюкке: именно, для 1-го ряда, *глухіе* (tonlose) или *шопотные* (Flüsterlaute), а для 2-го ряда, *звонкіе*

[1] Попробовавъ произносить непрерывно, въ одинъ пріемъ, ббб..., ппп..., ддд..., ттт..., всякій убѣдится, что это невозможно.

[2] Въ чемъ заключается ихъ особенность, будетъ объяснено ниже.

или *громкіе* (tönende). Но еще точнѣе будетъ терминъ: *голосовые* и *безголо́сные*, всего ближе отвѣчающій названіемъ Stimmlaute и tonlose Laute.

Физіологическая разница между тѣми и другими заключается въ томъ, что при произношеніи первыхъ голосовая щель остается раскрытою, а для вторыхъ она сжимается, вслѣдствіе чего и слышится голосъ.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію согласныхъ по двоякому, выше показанному способу ихъ образованія. Въ этомъ отношеніи звуки могутъ быть: 1, *смычные* (Verschlusslaute), образуемые плотнымъ смыканіемъ или затворомъ двухъ частей устныхъ органовъ, и 2, *прото́рные* (Reibelaute), образуемые суженіемъ или стѣсненіемъ между тѣми же частями.

1) Смычные согласные звуки.

п т к

б д г

Это тѣ самые согласные, которые у Грековъ составляли разрядъ *нѣмыхъ*; нынче называютъ ихъ *мгновенными* звуками (momentaneae) въ противоположность другимъ, *длительнымъ* (continuae, Dauerlaute, напр. *ф с*), которые можно въ произношеніи протягивать безъ перерыва, пока позволяетъ дыханіе. Шлейхеръ остроумно замѣтилъ, что первые отличаются отъ послѣднихъ какъ точка отъ линіи[1]. Первые называются также *взрывными* (explosivae) по той причинѣ, что воздухъ, задержанный при образованіи затвора, быстро вырывается, какъ скоро устранена преграда. Терминъ Verschlusslaute, въ нашемъ переводѣ *смычные*[2], въ первый разъ былъ употребленъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія извѣстнымъ въ исторіи акустики ученымъ Хладни.

---

[1] Zur vergleichenden Sprachgeschichte. Zetacismus, стр. 124.

[2] Въ переводѣ Физіологіи Германа они названы *смыкательными*, но это прилагательное можетъ относиться только къ тому, что̀ смыкаетъ (здѣсь къ органамъ), а не къ тому, что̀ отъ смыканія происходитъ.

При произношеніи этихъ звуковъ путь черезъ носъ отрѣзанъ воздуху[1] и устный проходъ также гдѣ-нибудь прегражденъ, именно они образуются, какъ выше показано, тремя способами:

1) Смыканіемъ нижней губы съ верхнею . . . . *п б.*

2) Прижатіемъ передняго конца языка къ нёбу и верхнимъ зубамъ . . . . *т д.*

3) Прикосновеніемъ средней или задней части языка къ нёбу . . . . *к г.*

Замѣтимъ, что звуки *к* и *т* различаются между собою только тѣмъ, что для образованія каждаго изъ нихъ служитъ другая часть языка, т. е. для *т* передняя, для *к* задняя: можно сказать, что артикуляція *к* начинается тамъ, гдѣ прекращается артикуляція *т*. На этомъ основывается метода, по которой глухонѣмыхъ учатъ выговаривать *к:* ихъ заставляютъ произносить *т* и при этомъ прижимаютъ у нихъ къ низу пальцемъ или лопаточкой переднюю часть языка, чтобы они поневолѣ образовали смычку заднею его частью. Различіе *т* и *к* повидимому зависитъ преимущественно отъ величины пространства подвижной полости, остающагося позади смычки, такъ что оно при *т* гораздо болѣе нежели при *к*.

Г образуется изъ *к* сжатіемъ раздвинутой голосовой щели; поэтому *г* относится къ *к* точно также, какъ *б* къ *п*, и *д* къ *т*.

2) Проторные согласные звуки.

ф	*с*	*х*	*ш*	*ц*	*ч*
в	*з*	*ї*	*ж*		

Каждому смыканію соотвѣтствуетъ близкое къ нему стѣсненіе въ полости рта. Воздуху загражденъ путь черезъ носовую полость, а устный каналъ гдѣ-нибудь такъ стѣсненъ, что выходящій воздухъ производитъ по смежнымъ частямъ *проторный* шорохъ (Reibungsgeräusch). Греки называли ихъ, въ отличіе отъ

[1] Посредствомъ подъема такъ называемаго мягкаго нёба или нёбной занавѣски, которая, бывъ опущена, даетъ воздуху проходить черезъ носъ.

нѣмыхъ, полугласными (ἡμίφωνα), но они болѣе извѣстны подъ общеупотребительнымъ латинскимъ терминомъ *спирантовъ* (spirantes). Описаннымъ способомъ образуются многіе звуки, близкіе къ тѣмъ, которые производятся соотвѣтственными смыканіями:

1, *ф в*: стѣсненіе образуется верхними зубами и нижнею губою.

в образуется, когда мы приспособимъ ротъ для *ф*, но вмѣсто того, чтобы только выпустить воздухъ, заставимъ голосъ звучать. Слѣдовательно *в* относится къ *ф*, какъ *б* къ *п*, и можно представить себѣ *в* происшедшимъ изъ *б* точно такъ же, какъ *ф* изъ *п*.

Ни въ одномъ чисто-славянскомъ словѣ звукъ *ф* не встрѣчается самъ по себѣ, но онъ легко образуется изъ звука *в* передъ безголосными согласными или въ концѣ слова, наприм.: *в*ходъ, *въ* прахъ, рука*въ*, кро*въ*.

2, *с з*: стѣсненіе образуется переднимъ концомъ языка и зубами.

Если затворъ, нужный для произнесенія *т*, образуется не вполнѣ и впереди оставляется промежутокъ, черезъ который можетъ выходить воздухъ, то происходитъ звукъ *с*, который и относится къ *т*, какъ *ф* къ *п*.

Такимъ же образомъ изъ *д* образуется звукъ *з*, относящійся къ *с* какъ *в* къ *ф*.

3, *ш ж:* стѣсненіе то же, но усиленное тѣмъ, что передній конецъ языка приподымается къ задней стѣнкѣ верхнихъ десенъ.

При открытой голосовой щели происходитъ *ш*, а при сдвинутой *ж*. Проф. Брюкке странно ошибается, стараясь съ особенною настойчивостью доказать, что *ш* есть сложный звукъ, составленный изъ *сх*, и оспаривая тѣхъ филологовъ, которые не раздѣляютъ его взгляда[1]. Но это мнѣніе убѣдительно опровергнуто Раумеромъ и Румпельтомъ[2].

---

[1] Grundzüge, стр. 63.

[2] См. R. von Raumer, Gesammelte sprachwissenschaftliche Schriften, стр. 373, и H. B. Rumpelt, Das natürliche System der Sprachlaute, стр. 82—86.

Чтобы узнать, есть ли какой-нибудь звукъ — сложный, или простой, самое вѣрное средство произносить его нѣсколько времени непрерывно, и ежели онъ не измѣняется, то это несомнѣнный признакъ его несложности. Если будемъ тянуть *сссс*... и потомъ произносить такимъ же образомъ, безъ всякой паузы, *шшшш*..., то найдемъ, что звукъ *ш* остается также неизмѣненъ, какъ звукъ *с*, отличается же отъ него только тѣмъ, что при переходѣ къ послѣднему языкъ немного отводится назадъ и вверхъ.

4, *ц ч*. Для произнесенія ихъ служитъ почти то же суженіе, что для *с* и *ш*, но ему мгновенно предшествуетъ смыканіе нужное для *т*, такъ что выходитъ *ц* = *тс*, и *ч* = *тш*. Въ этомъ случаѣ переходъ отъ одной артикуляціи къ другой такъ быстръ, что оба звука, вмѣстѣ слитые, составляетъ одинъ. Произнося непрерывно *ц*, мы убѣдимся, что этотъ звукъ слышится только въ самомъ началѣ, но затѣмъ тотчасъ же обращается въ *с* (*цссс*... т. е. *тсссс*...); при такомъ продолженномъ произношеніи, *ч* также немедленно превращается въ *ш* (*чшшш*... т. е. *тшшшш*...). Но входящіе въ составъ этихъ звуковъ согласные *с* и *ш* нѣсколько отличаются отъ произносимыхъ безъ предшествующей мгновенной артикуляціи.

5, *х* $\breve{г}$: суженіе между среднею или заднею частью языка и нёбомъ.

Если изъ *к* будемъ стараться образовать проторные звуки, такимъ же образомъ, какъ вывели *ф* изъ *п*, и *с* изъ *т*, т. е. дѣлая неполный затворъ и оставляя по средней линіи язычнаго хребта желобокъ, по которому можетъ выходить воздухъ, то получимъ звукъ, означаемый буквою *х*; ему, при сжатой голосовой щели, соотвѣтствуетъ $\breve{г}$, для котораго въ русской азбукѣ нѣтъ особой буквы, но который слышится въ словахъ: *Г*осподь, бла*г*о, Петербур*г*а, то*г*да и проч.

3) Плавные звуки Л Р.

л: проходъ между обоими краями языка и коренными зубами. Если переднимъ концомъ языка устроить затворъ для *д*, но у заднихъ коренныхъ зубовъ съ обѣихъ сторонъ оставить промежутокъ, такъ что воздушный токъ раздѣлится на языкѣ и чрезъ означенные промежутки будетъ вдоль внутренней поверхности щёкъ итти къ устью рта, то изъ *д* образуется *л*. Замѣтимъ, что для произнесенія этого звука, въ устномъ каналѣ образуются *два протока*.

р: При произношеніи обыкновеннаго *р*, соотвѣтствующаго голосовымъ звукамъ зубного разряда, кончикъ языка находится у десенъ верхнихъ зубовъ, но не образуетъ ни плотнаго смыканія, какъ для *д*, ни желобовиднаго суженія, какъ для *з*, а загнутъ нѣсколько къ верху и свободно подвиженъ, такъ что сперва напоръ воздуха изъ легкихъ пригнетаетъ переднюю часть языка къ низу; послѣ того онъ быстро возвращается къ своему первоначальному положенію, потомъ опять нажимается и т. д. У насъ извѣстенъ только одинъ этотъ *р*, но въ нѣкоторыхъ языкахъ бываютъ и другіе однородные звуки (напр. у Французовъ гортанный *r*), такъ какъ разныя части устнаго канала могутъ быть приводимы въ дрожаніе[1].

4) Носовые звуки М Н.

Когда для воздуха путь посредствомъ опущенія небной занавѣски прегражденъ черезъ ротъ, но открытъ носомъ, то образуются такъ называемые *носовые* звуки (nasales), для которыхъ Брюкке, впрочемъ не совсѣмъ удачно, придумалъ терминъ Resonanten (отзвуки), такъ какъ они сопровождаются отраженіемъ голоса въ устной и гортанной полости и не имѣютъ, какъ прочіе согласные, своего собственнаго шороха, независимаго отъ голоса. Этимъ они нѣсколько похожи на гласные.

[1] Brücke. Grundzüge, стр. 31, 35, 42, 49. Rumpelt, стр. 54. Брюкке относитъ сюда между прочимъ губной звукъ, который, по выраженію Ломоносова, «для остановленія конскаго произносятъ» (*Грамм.* § 21).

Если сжать губы какъ для *б* и при дѣйствіи голоса выпускать воздухъ черезъ носъ, то произойдетъ *м*. Точно такъ же образуется *н*, если устроить смычку для *д* и выпускать воздухъ носомъ при звучащемъ голосѣ. Поэтому *н* относится къ *д* совершенно такъ, какъ *м* къ *б*, и отличается отъ *м* только свойствомъ предшествующаго смыканія.

Носовые звуки подобно проторнымъ — длительные, но отличаются отъ послѣднихъ тѣмъ, что требуютъ полнаго смыканія частей рта.

Послѣ этихъ общихъ физіологическихъ поясненій о происхожденіи звуковъ, которые встрѣчаются и въ русскомъ языкѣ, приступимъ къ разсмотрѣнію состава и особенностей нашей звуковой системы, разумѣя общеупотребительное великорусское нарѣчіе.

II. Звуки русскаго языка.

Сравнивая нашъ русскій выговоръ съ артикуляціей западноевропейскихъ языковъ (къ которымъ въ этомъ отношеніи приближаются и другія славянскія нарѣчія), находимъ основную разницу въ томъ, что мы болѣе раскрываемъ ротъ и сильнѣе напрягаемъ мускулы органовъ рѣчи. Оттого у насъ звуки кажутся грубѣе, толще, шире. Это относится какъ къ согласнымъ, такъ и особенно къ гласнымъ. Послѣдними мы вообще бѣднѣе, чѣмъ романскіе и германскіе народы: у насъ напр. нѣтъ ни **ö**, ни **ü**, нѣтъ и того разнообразія дифтонговъ, какимъ нѣкоторые изъ нихъ могутъ похвалиться; но за то мы имѣемъ *ы*, а въ отношеніи къ согласнымъ мы гораздо богаче и соединяемъ въ своей звуковой азбукѣ почти всѣ согласные, которые тамъ разсѣяны въ разныхъ языкахъ. Намъ недостаетъ, правда, **дз** и **дж** Итальянцевъ и шепелеватаго **с** (**th**) Англичанъ, Грековъ и Испанцевъ, но за то мы, на ряду съ другими Славянами, особенно богаты вообще звуками зубного органа. Мы имѣемъ тутъ между прочимъ сложный звукъ **шч** (графически **щ**), котораго нѣтъ ни въ одномъ изъ западныхъ языковъ.

Кромѣ того наша фонетика еще отличается тѣмъ, что у насъ нѣкоторые гласные выговариваются двояко, смотря по тому, стоятъ ли они въ ударяемомъ, или неударяемомъ слогѣ; равнымъ образомъ и наши согласные почти всѣ могутъ имѣть два разные оттѣнка произношенія, которые оба отличаются отъ выговора тѣхъ же звуковъ у иноплеменныхъ народовъ, именно звуки:

п	*т*	*к*	*х*	*ф*	*с*	*ц*	*л*	*р*	*м*	*н*
б	*д*	*г*	*г̆*	*в*	*з*					

произносятся передъ твердымъ гласнымъ (*а о у ы*[1]), наприм. **да, ло,** не такъ, какъ передъ мягкимъ (*э и*), напр. **де, ли,** а вслѣдствіе того и въ концѣ слога или слова они (кромѣ гортанныхъ и *ц*) сохраняютъ то же двоякое произношеніе, которое въ послѣднемъ случаѣ, т. е. въ концѣ слова, означается на письмѣ присоединеніемъ къ нимъ *ера* (ъ) или *еря* (ь), напр. *братъ*, *брать*; *міръ*, *мірь*. Поэтому каждая изъ названныхъ согласныхъ можетъ быть или *твердою*, или *мягкою*[2]. Звуки *ш ж* могутъ принимать мягкое произношеніе только передъ *е*; *и* послѣ нихъ слышится почти какъ *ы*; звуки *ч щ* никогда не произносятся твердо; послѣ первыхъ знакъ *ь*, послѣ вторыхъ знакъ *ъ* имѣютъ только графическое значеніе.

Русскіе согласные звуки.

При *твердомъ* произношеніи согласныхъ мускулы бываютъ напряжены, удлиняется полость рта и ему дается такое положеніе, какое нужно, чтобы непосредственно за согласною выговорить одну изъ нашихъ твердыхъ гласныхъ: *а о у ы*.

При *мягкомъ* выговорѣ согласныхъ гортань приподнимается, полость рта укорачивается, а углы губъ слегка растягиваются,

---

[1] *ы* невозможно только послѣ гортанныхъ *к г*, *х г̆*.

[2] *к г х г̆* и *ц* въ концѣ слога и слова всегда произносятся твердо, и *ь* послѣ нихъ не пишется. Что голосовые согласные въ концѣ слова превращаются въ безголосные — дѣло общеизвѣстное; физіологически оно легко объясняется стремленіемъ органовъ къ облегченію процесса рѣчи.

какъ для произнесенія тонкой гласной *і* или *э*; положеніе языка также измѣняется.

Мягкое произношеніе согласныхъ не только въ концѣ слога, но и передъ мягкими гласными *е и* очень трудно для иностранцевъ: наши слоги **бе, вѣ, лі, ри,** (т. е. въ сущности **бʼэ, вʼэ, лʼі, рʼи**) и т. п. произносятся совсѣмъ не такъ, какъ одинаковые повидимому слоги (**bé, vé, li, ri**) въ западно-европейскихъ языкахъ. Сравнимъ для примѣра русскія слова: *меньше*, *мѣръ*, *вѣръ*, *сиръ*, *ли*, *нѣтъ*, *тѣ* съ близкими по составу нѣмецкими: Menschen, Meer, wer, или французскими: sire, lit, nette, tes: въ русскихъ словахъ, вслѣдствіе особеннаго умягченія согласной, слѣдующая за нею гласная произносится съ бóльшимъ усиліемъ и отверстіемъ рта, отчего и звукъ происходитъ другой.

Произношеніе умягченныхъ согласныхъ еще затруднительнѣе для иностранца, когда непосредственно за ними слѣдуетъ одна изъ твердыхъ гласныхъ (*а о у*), т. е. когда, приготовивъ положеніе рта для мягкой гласной, надобно внезапно перейти къ твердой; въ такомъ случаѣ происходитъ сочетаніе мягкой согласной съ твердой гласной и образуются звуки, которые на письмѣ могутъ быть выражены такъ: **бʼа, бʼо, бʼу,**
вмѣсто чего мы пишемъ: **бя, бё, бю,**
на какомъ основаніи, будетъ объяснено при разсмотрѣніи русской азбуки.

Что въ сочетаніяхъ **бʼа, бʼо, бʼу,** (бя, бё, бю) или напр. въ словахъ: *коня*, *синё*, *велю* умягченіе принадлежитъ собственно только согласнымъ (*б н л*), а слѣдующіе за ними гласные остаются твердыми[1], въ этомъ легко убѣдиться, если выговаривать отдѣльно тѣ и другіе, протягивая гласные, напр. *коня = конь — аааа; синё = синь — оооо*; *велю = вель — уууу*. Иностранцы въ такихъ случаяхъ обыкновенно выговариваютъ **я, ё, ю** такъ же, какъ въ началѣ слога, т. е. **йа, йо, йу,** напр. *конь-йа*, *синь-йо*, *вель-йу*, т. е. не понимая, что начертанія **я, ё, ю** имѣютъ двоякое

[1] Хотя и съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ отонченія, такъ какъ устное отверстіе сужено.

значеніе, смотря по тому находится ли они въ началѣ слога, или послѣ согласной; иностранцы низводятъ *и* только на первую степень сокращенія (*й*), а вторая степень сокращенія гласнаго *и*, изображаемая чрезъ *ь*, остается имъ чуждою (объ этомъ см. ниже, стр. 25, въ отдѣлѣ о дифтонгахъ подъ звукомъ *і*). Для объясненія иностранцамъ звука *я* послѣ согласнаго, напр. въ словѣ *меня*, нѣкоторые не безъ основанія совѣтуютъ заставлять ихъ произносить не *menja*, а *menea*, сливая двѣ послѣднія буквы въ одинъ звукъ, «т. е. слегка коснувшись **е**, остановиться на **а**»[1].

Еще труднѣе противоположный случай: произнеся согласную твердо, расположивъ слѣдовательно ротъ для произнесенія *а* о или *у*, мы можемъ непосредственно послѣ того выговорить съ этимъ отолщеніемъ звукъ *и*, при чемъ подымаемъ языкъ къ нёбу, не направляя его впередъ, и едва замѣтно укорачиваемъ подвижную полость: такимъ образомъ твердый согласный сливается съ мягкимъ гласнымъ *и* въ одинъ простой звукъ, означаемый на письмѣ сложною буквою *ы* (**ъ** + **і** = **ъі**):

бъі, въі, дъі = бы, вы, ды[2] и проч.

Трудность такихъ крутыхъ оборотовъ въ движеніи органовъ рѣчи было причиною, что отверждённый звукъ *и* (т. е. *ы*) послѣ такого же согласнаго почти совершенно исчезъ у западныхъ и юго-западныхъ Славянъ, вслѣдствіе ли только историческаго хода измѣненія звуковъ, или при участіи вліянія иноплеменной фонетики: звукъ *ы* сохранился во всей чистотѣ своей только у Русскихъ и у ближайшихъ сосѣдей ихъ, Поляковъ.

Любопытно, что особенность нашего твердаго произношенія согласныхъ (кромѣ **лъ**) совершенно ускользнула отъ вниманія Брюкке, какъ и другихъ западно-европейскихъ физіологовъ. Что же касается мягкаго произношенія (отличаемаго знакомъ *ь*), то онъ посвящаетъ ему цѣлую главу, приравнивая эти звуки романскому

[1] Катковъ, *Объ элементахъ и формахъ слав.-рус. языка*, стр. 89.
[2] О физіологическомъ образованіи *ы* см. т. I нашихъ *Разысканій*, стр. 347.

l mouillé (ail, cuiller) и произношенію *n*, стоящему у Французовъ послѣ *g* (compagne, vigne). «Сущность этихъ (романскихъ) звуковъ, говоритъ онъ, можно обозначить въ немногихъ словахъ, если сказать, что это *l* и *n* съ непосредственно слѣдующимъ за ними jot (т. е. *l* mouillé = *lj*; *ng* = *nj*, принимая вторую букву, *j*, въ ея значеніи по нѣмецкой, а не по французской азбукѣ)[1]. Это, продолжаетъ Брюкке, довольно вѣрно выразилъ уже 32 года (нынѣ читай: 66 лѣтъ) тому назадъ Хладни, сказавъ, что *l* mouillé есть сліяніе *l* съ слѣдующимъ за нимъ среднимъ звукомъ между *i* и *j*». Противъ такого взгляда на *l* mouillé нечего возразить; можно также допустить, что этотъ звукъ даетъ нѣкоторое понятіе о славянскомъ мягкомъ *л* (*ль*); тѣмъ не менѣе никакъ нельзя согласиться, чтобы эти два звука были между собою тожественны: романскіе *l* mouillé и *gn* суть звуки сложные, тогда какъ наши *ль*, *нь* и другіе подобные — простые звуки, что́ подтвердитъ всякій славянинъ, языку котораго они сродны или который изучилъ ихъ на практикѣ. Довольно странно, что пр. Брюкке, совѣтовавшійся съ гг. Піотровскимъ и Миклошичемъ (Grundzüge, стр. 73 и 74), могъ впасть въ такое недоразумѣніе, перешедшее изъ его книги и во многія другія нѣмецкія сочиненія по фонетикѣ. Столь же невѣрно его замѣчаніе, будто послѣ безголосныхъ согласныхъ (*п т* и др.), когда они такимъ образомъ смягчаются, звукъ jot совершенно пропадаетъ и переходитъ въ *x* (тамъ же, 74). Ничего подобнаго мы не находимъ въ нашихъ тонкихъ согласныхъ.

Русскіе гласные звуки.

Неточное различеніе между писаннымъ и произносимымъ языкомъ, между буквами и звуками — причиною, что до сихъ поръ система нашихъ гласныхъ, при всей своей простотѣ и правильности, обыкновенно представляется не вполнѣ удовлетвори тельно. Это происходитъ особенно отъ того, что въ русской аз-

---

[1] Grundzüge, стр. 70: Mouillierte Laute.—По-русски можно бы изобразить эти звуки, по крайней мѣрѣ передъ гласными, такъ: **льй, ньй.**

букѣ есть буквы не для однихъ простыхъ, но и для сложныхъ звуковъ; напр. буквы *е я ю* представляютъ звуки составные или двугласные. Вслѣдствіе того у насъ вообще смѣшиваютъ простыя гласныя съ дифтонгами, и въ распредѣленіи гласныхъ оказывается путаница. Для ясности я долженъ былъ предпослать разсмотрѣнію ихъ замѣчанія объ особенностяхъ нашихъ согласныхъ. Теперь легче будетъ показать значеніе и вліяніе гласныхъ въ общей системѣ нашихъ звуковъ.

Замѣтимъ, что особенность нашего произношенія, на которую указано въ началѣ предыдущаго отдѣла и которая заключается въ усиленномъ дѣйствіи мускуловъ рта съ бо́льшимъ раскрытіемъ его, начинается уже съ гласныхъ; отъ этого частью и зависитъ характеристическое произношеніе нашихъ согласныхъ.

Гласные русскаго языка, какъ звуки (безъ всякаго отношенія къ буквамъ), прежде всего раздѣляются на: 1, *ясные* или *опредѣленные* и 2, *неясные* или *неопредѣленные*. Примѣръ первыхъ: *а* въ словѣ *такъ*, *о* въ словѣ *токъ*; примѣръ вторыхъ: *а* въ словѣ *выданъ*, *о* въ словѣ *говорить*.

Чистыхъ или простыхъ (т. е. не составныхъ) гласныхъ перваго разряда у насъ шесть:

і э а о у ы.

Звуки *і э* суть *мягкіе*, остальные четыре *твердые*. Звуку *ы* дано послѣднее мѣсто по его родству съ *у*, а также и потому что съ одной стороны онъ отличается отъ прочихъ, образуясь только послѣ твердыхъ согласныхъ, а съ другой составляетъ переходъ къ тонкому *і*, которымъ начинается этотъ рядъ гласныхъ.

Вполнѣ явственно слышатся исчисленные гласные только тогда, когда на нихъ падаетъ удареніе; въ противномъ случаѣ *і* (*и*), *э а о*, отчасти также *у ы*, звучатъ неопредѣленно, и потому на письмѣ часто смѣшиваются одна мягкая съ другою мягкою и одна твердая съ другою твердою, напр. вмѣсто *тоненькій* пишутъ тониницкій, вм. *аннинскій* — анненскій, вм. *дышатъ* — дышутъ.

Звукъ I.

Разсмотрѣніе гласныхъ русскаго языка начинаю съ *і* не только по важной роли, которую этотъ звукъ играетъ въ нашей фонетикѣ, по его вліянію на другіе звуки, но и потому что онъ въ естественной скáлѣ гласныхъ составляетъ одинъ изъ двухъ крайнихъ звуковъ[1].

Этотъ звукъ изображается на письмѣ двояко: буквою *і*, когда слѣдуетъ гласная, и буквою *и* передъ согласною или въ концѣ слова.

Звукъ *і* можетъ укорачиваться на двѣ степени: первая степень его сокращенія означается буквою *й* (*и съ краткой*), которая пишется почти исключительно послѣ гласныхъ, рѣдко передъ гласною; на второй степени, когда дѣлается только приступъ къ произношенію *і* послѣ согласнаго звука, происходящее отъ того видоизмѣненіе этого послѣдняго изображается знакомъ *ь* (ерь).

Звукъ Й. Русскіе дифтонги.

Звукъ *й* близокъ къ нѣмецкому или скандинавскому jot[2], и служитъ у насъ къ образованію двугласныхъ (дифтонговъ) двоякаго рода, именно: восходящихъ: **йа, йэ, йо, йу**, и нисходящихъ: **ай, эй, ой, уй, ый, ій** и проч.

Двугласнымъ звукомъ или дифтонгомъ называется соединеніе двухъ гласныхъ, непосредственно одинъ за другимъ произносимыхъ однимъ выдыхательнымъ толчкомъ, такъ что они вмѣстѣ составляютъ одинъ только слогъ, при чемъ одинъ изъ гласныхъ есть главный, а другой, произносимый быстрѣе, — второстепенный. Смотря по мѣсту главнаго звука, дифтонги раздѣляются на *восходящіе* и *нисходящіе*. Въ однихъ языкахъ преобладаютъ первые, въ другихъ вторые. У Нѣмцевъ *j* служитъ также къ образованію

---

[1] См. Heyse. System der Sprachwissenschaft, стр. 76.

[2] Нѣмцы пишутъ jot только передъ гласною, напр. Jahr, послѣ же гласной они выражаютъ этотъ звукъ посредствомъ *i*: bei, sein; но Шведы употребляютъ jot и послѣ гласныхъ, напр. nej, bojor. Эти иностранныя слова мы по-русски могли бы написать такъ: йаръ, бей, зейнъ; ней, боййоръ.

восходящихъ дифтонговъ (**ja, ju**), но есть и много нисходящихъ разнообразнаго состава; у Французовъ всѣ дифтонги—восходящіе, напр. въ словахъ: roi (дифт. **уа** по произношенію), viande, lui, lieu; у Итальянцевъ почти всѣ: buono, fiore.. У насъ второстепеннымъ членомъ дифтонга можетъ служить только *й*, но за то въ соединеніи со всѣми другими гласными, то передъ ними, то позади. Другіе гласные могутъ у насъ также стоять другъ возлѣ друга, но не образуя одного слога и сохраняя каждый свое обыкновенное протяженіе, напр. *паутина*, *неучъ*, *выучить*, *Яуза* (въ послѣднемъ словѣ сочетаніе гласныхъ ближе всего подходитъ къ дифтонгу)[1]. Второстепенный звукъ дифтонга по своей краткости и по роли, исполняемой имъ для образованія слога, получаетъ характеръ согласной и называется полугласнымъ; такимъ образомъ *у* послѣ другого гласнаго у насъ иногда обращается въ *в*; мы говоримъ напр. *завтра* вм. *заутра*, *Августъ* вм. *Аугустъ*. На этомъ основаніи съ нашей фонетикой сообразнѣе произносить и писать напр. *Вильямъ*, *Вуличъ* нежели *Уильямъ*, *Ууличъ*, ибо незнакомый съ иностранными языками русскій не выговоритъ **уи, уу** какъ восходящій дифтонгъ, однимъ слогомъ.

Въ восходящихъ дифтонгахъ *й* не пишется, хотя и очень ясно слышится: въ древне-славянскомъ первый членъ ихъ означался приштискою передъ главнымъ гласнымъ черточки, равнявшейся греческой іотѣ (ꙗ, ѥ), но въ гражданской азбукѣ дифтонги этого рода изображаются простыми, т. е. одиночными (не двойными) буквами: *е*, *я*, и оттого-то Ломоносовъ называлъ эти дифтонги *потаенными двоегласными*, чтó конечно вѣрно въ отношеніи къ письму, но непримѣнимо къ звукамъ, въ которыхъ обѣ составныя части ясно слышатся.

Держась того же порядка, какому слѣдовали мы при исчисленіи простыхъ гласныхъ, получимъ въ произносимомъ языкѣ слѣдующіе восходящіе дифтонги:

---

[1] Въ чужеязычныхъ словахъ мы однакожъ умѣемъ произносить дифтонгъ **ау**, напр.: *гаубица*, *гауптвахта*, *цейхгаузъ*.

йи. Этотъ дифтонгъ вовсе не означается на письмѣ; для выраженія его служитъ та же буква, которая означаетъ простой звукъ *і*. Вмѣсто *йихъ*, *ручьйи* пишутъ: *ихъ*, *ручьи*. По мнѣнію нѣкоторыхъ германскихъ славистовъ, *и* въ др.-сл. послѣ гласной всегда произносилось какъ **йи**, (напр. мо-йи, тво́-йи), но въ русскомъ языкѣ мы въ такихъ случаяхъ ясно слышимъ простое *і*.

йэ — изображается двумя разными способами: *е*, *ѣ*. Обѣ буквы нынче произносятся совершенно одинаково, но пишется то одна, то другая, смотря по требованіямъ словопроизводства и грамматики.

йа. Пишется *я*.

йо. Для этого составного звука опять нѣтъ особой буквы, а употребляется также *е*, иногда съ поставленнымъ надъ нею двоеточіемъ. Встарину писали **ї̂о**, но это начертаніе оставлено по сходству его съ принятою издревле буквою для слѣдующаго дифтонга.

йу. Пишется *ю*; здѣсь мы видимъ въ первой части буквы остатокъ того способа, которымъ въ церковно-славянской азбукѣ вообще означались восходящіе двугласные (греч. іота); во второй части видимъ начало взятой съ греческаго же церковно-славянской буквы ѹ.

Наши нисходящіе дифтонги суть слѣдующіе:

ій. Однакожъ это сочетаніе мало свойственно произносимому языку, и хотя на письмѣ оно очень обыкновенно, но въ живой рѣчи слышится только въ такихъ словахъ, которыя или принадлежатъ церковно-славянскому, или составлены искуственно, по книжнымъ началамъ, напр. въ словахъ: убі*й*ца, кровопі*й*ца (ц.-сл.), стихі*й*ный, россі*й*скій, италі*й*скій (книж.). Въ окончаніяхъ этотъ дифтонгъ обращается то въ **ей**, то въ **ой**, напр. *убей* (вм. *убій*), *третей* (вм. *третій*: *самъ-третей*), *змѣй* (вм. *змій*), *соловей* (вм. *соловій*), *какой* (вм. *какій*), *сухой* (вм. *сухій*[1]), при чемъ,

[1] Свойство это проходитъ черезъ всѣ части рѣчи. Мѣстоим. *сей* также передѣлано изъ *сій*; то же видимъ въ собств. именахъ *Сергѣй*, *Алексѣй*, въ прилагательныхъ: *линейный*, *армейскій*, *библейскій*, *индѣйскій* и т. п. Сюда же

когда нѣтъ ударенія на слогѣ, первый звукъ дифтонга дѣлается неяснымъ. Въ словахъ: *синій*, *рыжій*, *легкій* гласный передъ *й* произносится неопредѣленно, въ первыхъ двухъ между *ы* и *э*, въ послѣднемъ между *а* и *о*.

Сказанное о дифтонгѣ **ій** относится и къ дифтонгу **ый**, который въ сущности тотъ же самый (= **ъій**); разность обнаруживается только въ томъ, что **ый** обращается исключительно въ **ой**: *крой* (вм. *крый*), *хромой* (вм. *хромый*), а при отсутствіи ударенія, *о* также получаетъ неясный звукъ: *доброй* (вм. *добрый*). Объ этомъ см. ниже подъ звукомъ *ы*.

эй. Послѣ согласныхъ пишется **ей, ѣй.**

ай, ой, уй.

Восходящій дифтонгъ можетъ соединяться съ нисходящимъ, и тогда образуется *трехгласный* звукъ, или трифтонгъ; таковы сочетанія:

произносится:	пишется:
йэй	**ей**
йай	**яй**
йой	**ёй** (бадьёй)
йуй	**юй** (вокой)

Впрочемъ начертанія *я е ё ю* имѣютъ значеніе дифтонговъ (**йа, йэ, йо, йу**) только тогда, когда начинаютъ слогъ; когда же ставятся послѣ согласныхъ буквъ, напр. въ слогахъ **бя, ве, дё, лю,** то этимъ замѣняется другое неупотребительное, но въ сущности болѣе правильное начертаніе, именно: **бʼа, вʼэ, дʼо, лʼу**; т. е. стоя послѣ согласныхъ, буквы *я е ё ю* показываютъ, что согласная должна произноситься мягко (**бь, вь, дь, ль**), а гласная остается чистою (*а э о у*).

должно отнести окончаніе род. падежа множ. числа на *ей*: *статей*, *свиней*, *судей*. Только въ отглагольныхъ именахъ на *іе* сохранилось въ этомъ падежѣ окончаніе *ій*: *явленій*, *знаній*. Въ глаголахъ: *лить*, *бить*, *вить*, *брить* повелит. наклоненія получаетъ форму: *лей*, *бей*, *вей*, *брей*. Звукъ *і* съ удареніемъ и передъ гласною противенъ народному говору: оттого имена *Марія*, *Софія* обратились въ *Марья*, *Софья* и *Россія* въ *Россея*. Не оттого ли и мѣстоименіе *сей* съ его формами: *сія*, *сіе*, *сіи* осталось чуждымъ народной рѣчи?

На этомъ основаніи Миклошичъ, смотря по такому двоякому употребленію буквъ *я е ё ю*, называетъ ихъ, въ первомъ случаѣ: prăjotierte (съ предшествующимъ йотомъ, когда онѣ произносятся **йа, йэ** и т. д.), а во второмъ: prăjerierte (съ предшествующимъ *еремъ*, когда произносятся послѣ согласныхъ **ъа, ъэ** и т. д.)[1].

Что касается натуры звука *й*, то большинство филологовъ причисляетъ его къ разряду согласныхъ, но, по моему убѣжденію, ошибочно: *й* есть не что иное, какъ *и*, такъ быстро произнесенный, что онъ уже не составляетъ особеннаго слога, а входитъ въ составъ того, который образуется другою гласной, будетъ ли она впереди, или послѣ *и*. Такимъ образомъ *й* есть явно—укороченный *и*, звукъ, который долженъ быть признанъ за *нёбный полугласный*, точно такъ, какъ у Англичанъ *w* есть *губной полугласный* звукъ. Древніе индійскіе грамматики справедливо называли звукъ jot полугласнымъ и отличали его особымъ начертаніемъ ч. Въ нашей грамотѣ *й* признается также гласнымъ элементомъ; это видно изъ того, что передъ нимъ, какъ передъ всѣми гласными, издавна пишется *і*, а не *и* (**ій**, не **ий**), а послѣ *й* въ концѣ слова не ставится *ъ*, что́ было бы неизбѣжно, еслибъ *й* считался согласнымъ[2]. По всему сказанному нельзя сомнѣваться, что сочетанія **йа, йо, йу** и т. п. суть дѣйствительно двугласные, какъ совершенно подходящіе подъ общее понятіе объ этой категоріи звуковъ. Напрасно Добровскій, а за нимъ и нѣкоторые другіе не хотятъ признавать этого (Institutiones, § VIII): по мнѣнію Добровскаго, *j* въ этомъ случаѣ принимаетъ натуру согласнаго. Дѣло въ томъ, что и всякій гласный, занимающій въ дифтонгѣ второстепенное мѣсто, дѣйствительно получаетъ въ слогѣ значеніе согласнаго, но по натурѣ своей онъ все-таки остается гласнымъ, становясь по степени протяженія полугласнымъ. Такъ смо-

---

[1] *Vergleichende Lautlehre der Slav. Sprachen*. Wien 1852, стр. 106.

[2] Такъ и поступаютъ германскіе слависты, но неосновательно, употребляя въ своихъ филологическихъ трудахъ начертанія: мойъ, крайъ и т. п., о чемъ см. т. I нашихъ *Разысканій*, стр. 336.

тритъ и Востоковъ на сочетанія ꙗ, ѥ, ю, ѩ, которыя онъ не разъ называетъ *двоегласными*[1]. Добровскій же принимая слоги **ай, ой, уй** и проч. за двугласныя, и отказывая въ этомъ названіи сочетанію тѣхъ же звуковъ при обратномъ порядкѣ ихъ, противорѣчитъ самому себѣ.

Брюкке, считая германскій jot согласнымъ и называя его *i* consona, говоритъ: «Если произнести *i* и потомъ еще болѣе сузить промежутокъ между языкомъ и нёбомъ тамъ, гдѣ онъ всего тѣснѣе, то произойдетъ jot. Черезъ это *не пропадаетъ* гласный звукъ *i*, но мы дѣйствительно слышимъ одновременно гласный *i* и согласный *j*. Лучшимъ примѣромъ тому, продолжаетъ онъ, кажется мнѣ англійскій *y* (тотъ же *й*), когда служитъ согласнымъ. Правда, когда за нимъ слѣдуетъ звукъ *i*, какъ напр. въ year (произн. йиръ), то *y* звучитъ какъ *i* consona у Нѣмцевъ; но когда слѣдуетъ другая гласная, то при образованномъ произношеніи передъ нимъ обыкновенно слышится легкій *i*, а это происходитъ отъ того, что производя звукъ jot, гортань приподымается, и вмѣстѣ съ тѣмъ одновременно осуществляются условія для *i*»[2]. Несмотря на странность мысли, будто можно разомъ слышать и гласный и согласный, надо признать, что въ этомъ объясненіи много правды. Точно такъ же Брюкке видитъ въ англійскомъ *w* совмѣстное произношеніе гласной *u* и согласной *v*; но очевидно, что это невозможно: *w* всегда сохраняетъ свойство гласной, хотя также укороченной, напр. въ словахъ: water, wool, were, wind, гдѣ нельзя не признать двугласныхъ.

О вліяніи звука *й* на измѣненіе предшествующей согласной (напр. *т* въ *ч*, *д* въ *ж*) не считаю умѣстнымъ здѣсь распространяться. Это дѣйствіе звука jot на согласные, остроумно отнесенное Шлейхеромъ къ общему явленію языковъ, названному имъ Zetacismus[3], не входитъ въ планъ настоящаго труда.

---

[1] См. его *Филологическія Наблюденія*, стр. 8 и 12, и его *Русскую грамматику*.

[2] Grundzüge, стр. 70.

[3] См. A. Schleicher. Zur vergleichenden Sprachengeschichte. Bonn 1848. стр. 91.

Вторая степень сокращенія *и*, означаемая знакомъ *ь*, не образуетъ не только гласной, но и полугласной: начертаніе это послѣ согласной означаетъ только нёбное направленіе или нёбный оттѣнокъ ея произношенія (палатализацію). Но родство *ь* съ *и*, выведенное изъ физіологическаго наблюденія, подтверждается и этимологически, какъ видно изъ такихъ случаевъ, въ которыхъ *ь* является сокращеніемъ *и*, напр. въ глаголахъ на *-ть* вм. *ти*, въ окончаніи 2-го лица *шь* вм. *ши*, въ существительныхъ формахъ *мать*, *здоровье* вм. *мати*, *здоровіе* и т. п.[1].

Звуки Э, ЙЭ (Е, Ѣ).

Чистый *э*, рѣдко встрѣчающійся у Русскихъ въ началѣ слога, бываетъ двоякій по произношенію[2]: 1, широкій или открытый, похожій на французское *è* (e ouvert) и нѣмецкое *ä*, слышится передъ твердымъ согласнымъ или гласнымъ, или въ концѣ слова: э̀-тотъ, по-э̀тъ, э̀-осъ, эво-э̀. 2, узкій или сжатый, похожій на французское *é* (e fermé), слышится передъ мягкимъ согласнымъ или гласнымъ звукомъ, напр. э́-ти, поэ́-зія, э́й[3].

При соединеніи съ предшествующимъ полугласнымъ *й* или какимъ-нибудь согласнымъ, звукъ *э* изображается на письмѣ буквами *е* или *ѣ*, въ произношеніи же сохраняетъ тѣ же два оттѣнка, въ чемъ всего легче убѣдиться, наблюдая выговоръ названій буквъ *ъ* и *ь*: йэ̀ръ (ср. фр. hier, ère) и йэ́рь (ср. фр. vérité). Такимъ образомъ слышится —

съ одной стороны:	съ другой:
шѐсть	ше́сть
ужѐ	уже́ли
грѣ̀тъ	грѣ́ть
умѣ̀	умѣ́й

[1] Ср. Срезневскаго *Мысли объ исторіи русскаго языка*. стр. 115.

[2] См. примѣчаніе въ т. I настоящаго изданія, стр. 301.

[3] Разницу произношенія *э* въ этихъ двоякихъ примѣрахъ позволяю себѣ означать двумя французскими акцентами grave и aigu.

Различіе обоихъ звуковъ съ особенною ясностью обнаруживается, если одно и то же слово произносить, согласно различному обычаю, двояко, напр.:

пѐрвый (перъвый) и пéр'вый (какъ встарину и писали).
вѐрба и вéр'ба.
Сѐрпуховъ и Сéр'пуховъ (какъ иногда говорятъ Москвичи).

Звукъ между Э и И.

Наличность этого средняго, неопредѣленнаго звука въ русскомъ языкѣ лучше всего доказывается шаткимъ употребленіемъ на письмѣ буквъ *и* и *е*; такъ весьма часто пишутъ: маминька, Олинька, Васинька, малинькій вм. *маменька*, *Оленька*, *Васенька*, *маленькій*, или еще пишутъ: онъ пріѣдитъ, вы скажите, вы пишите вм. *пріѣдетъ*, *скажете*, *пишете*. Наоборотъ, многіе пишутъ: «екатериненскій, анненскій» вм. *екатерининскій*, *аннинскій*. Отъ неясности и сходства неударяемыхъ звуковъ э и *и* происходило также, что у насъ нѣкогда преобладали начертанія: «синей, Василей», какъ писалъ и Ломоносовъ, вм. *синій*, *Василій*, и что одно время многіе, напр. Шевыревъ, Павскій, по этимологіи писали: «этѣ, этѣхъ» и т. д. и «двѣстѣ», отвергая общеупотребительную орѳографію *эти*, *двѣсти*. Надобно замѣтить, что разсматриваемый неопредѣленный звукъ приближается однакожъ болѣе къ *и* нежели къ *э*, чѣмъ и объясняется препочтеніе послѣдняго изъ приведенныхъ сейчасъ двоякихъ начертаній, а также ошибочное правописаніе, выше указанное. На это сходство звуковъ *э* и *и*, когда они встрѣчаются безъ ударенія, обратилъ вниманіе еще М. Н. Катковъ въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи и при этомъ остроумно замѣтилъ, что оба элемента сходятся въ посредствующемъ ь-ѣ. «Мѣстоименіе *сь*, опредѣляясь», говоритъ онъ, «становится въ церковно-славянскомъ *сій*, въ русскомъ *сей*. Въ сущности своей *ь* тутъ долженъ быть признанъ за краткое *і* или за тотъ между *і* — *е* въ серединѣ колеблющійся звукъ»[1].

[1] *Объ элементахъ и формахъ Славяно-русскаго языка*, стр. 48.

Звуки А и О.

Въ общеупотребительномъ великорусскомъ нарѣчіи эти звуки слышатся явственно только въ ударяемыхъ слогахъ, въ неударяемыхъ же произносятся неопредѣленно. Звукъ *а* измѣняетъ свою ясность въ трехъ направленіяхъ: онъ становится неопредѣленнымъ или среднимъ между *а* и *о*, между *а* и *э*, между *а* и *у*.

Звукъ между А и О.

Общепринятое правило, что *о* безъ ударенія выговаривается какъ *а*, неточно, потому что напр. словá: *господа*, *хорошо*, не произносятся «гаспада, харашо»: въ первыхъ двухъ слогахъ обоихъ словъ слышится вовсе не чистый *а*, а средній звукъ между *а* и *о*[1]; то же находимъ и въ послѣднихъ двухъ слогахъ имени *колоколъ*. Притомъ приведенное правило представляетъ дѣло только на половину, ибо и *а* безъ ударенія произносится тѣмъ же смѣшаннымъ звукомъ; слѣдовательно вѣрнѣе будетъ такое правило: гласный безъ ударенія, который, смотря по производству слова, пишется то *а*, то *о*, произносится въ обоихъ случаяхъ совершенно одинаково, какъ средній звукъ между этими двумя гласными. Доказательствомъ тожества его въ томъ и другомъ случаѣ служитъ то, что на письмѣ буква *а* нерѣдко смѣшивается съ *о*. Такъ одни пишутъ: «расти, раждать, поглащать, покланяться, тварогъ, тароватый, грамата, казакъ», а другіе: «рости, рождать, поглощать, поклоняться, творогъ, тороватый, грамота, козакъ». Въ нѣкоторыхъ словахъ, напр.: *калачъ*, *каракатица*, *а* утвердилось на письмѣ неправильно. Въ словарѣ Даля многія изъ такихъ словъ повторены въ двухъ мѣстахъ, напр. *каравай* и *коровай*, *касатка* и *косатка*.

---

[1] Эту неопредѣленность звука *а* безъ ударенія уже понималъ и Ломоносовъ: въ § 96 своей *Грамматики* онъ говоритъ, что когда надъ *о* нѣтъ ударенія, то оно выговаривается какъ *а*, *нѣсколько съ о смѣшанное*; но о произношеніи *а* безъ ударенія и онъ отдѣльно не упоминаетъ.—У Шведовъ есть буква å, которая въ ихъ письмѣ означаетъ звукъ чистаго *о*, но справедливѣе могла бы намъ служить для изображенія нашего неопредѣленнаго звука между *а* и *о*.

Звукъ между А и Э.

Неопредѣленный звукъ между *а* и *э*, склоняясь болѣе къ *э*, слышится послѣ такъ называемыхъ шипящихъ буквъ *ж ш ч щ*, напр. въ словахъ: *жаркое*, *часы*, *щавель*, *плащаница*.

Тутъ, по общему закону, долженъ бы слышаться среднiй звукъ между *а* и *о* (см. выше); но такъ какъ шипящiе обыкновенно не терпятъ послѣ себя звука *о* неударяемаго, напр. не говорятъ: «жолтá, шороховáтый, щотúна, шоколáдъ», и во всѣхъ этихъ случаяхъ слышится *е*, то естественно, что и *а* безъ ударенiя послѣ шипящихъ переходитъ въ тотъ же звукъ. Такое свойство неударяемаго *а* въ этихъ случаяхъ бываетъ виною нѣкоторыхъ ошибочныхъ начертанiй, напр. когда пишутъ: «смѣшенный, услышенъ» вм. *смѣшанный*, *услышанъ*, или когда пишутъ: «окончанъ, развѣшанъ» вм. *окончен*ъ, *развѣшенъ*.

А во всѣхъ языкахъ легко переходитъ въ *э*, какъ звукъ болѣе удобный для произношенiя; вездѣ постепенное видоизмѣненiе звуковъ много происходитъ отъ небрежнаго выговора, отъ желанiя сберечь время и трудъ. Такъ у древнихъ Грековъ *а* во многихъ случаяхъ мало по малу перешло въ *э*[1].

Замѣтимъ однакожъ, что приближенiе *а* къ *э* подъ влiянiемъ предшествующей шипящей постоянно встрѣчается только передъ ударяемымъ слогомъ, послѣ же него не всегда: въ послѣднемъ слогѣ словъ, какъ напр. *кожа*, *ваша*, *туча*, *куща*, вовсе не слышно оттѣнка *э*, а является обыкновенный среднiй звукъ между *а* и *о*; въ неударяемыхъ же окончанiяхъ 3-го лица множ. ч. глаголовъ на **шать, жать, чать, щать** произношенiе *а* приближается къ *у*, какъ сейчасъ будетъ показано.

Звукъ между А-О и У

— слышится послѣ шипящихъ буквъ въ окончанiяхъ глаголовъ. Произносятъ напр. не совсѣмъ ясное *у* въ словахъ: «держутъ, дышутъ, перечутъ, тащутъ» вм. *держатъ*, *дышатъ*, *пере-*

---

[1] Schleicher. Die Deutsche Sprache, стр. 51.

чатъ, *тащатъ*. Причиной тому замѣчаемое вообще стремленіе, при отсутствіи ударенія на окончаніи 3-го лица множ. числа въ глаголахъ, яснѣе обозначать форму отличительнымъ звукомъ *у* (или ьу = ю), безъ чего она была бы въ произношеніи слишкомъ безхарактерна и близка къ единств. числу, напр. говорятъ также: «ходютъ, вѣрютъ, строютъ, клеютъ», вм. *ходятъ* и проч.

Звукъ Я (ЙА или ЬА).

Подобно *а*, звукъ **йа** или **ьа** слышится явственно только подъ удареніемъ; въ неударяемыхъ же слогахъ онъ переходитъ въ неопредѣленный *е*; слова: *яйцо*, *ячмень*, *явить*, *пятно*, *рябой*, *принять*, *девять*, *десять*, произносятся почти какъ: «ейцо, ечмень, евить, петно, ребой, принетъ, деветь, десеть». Оттого и въ окончаніяхъ именительнаго падежа множ. числа прилагательныхъ слухъ не указываетъ, должно ли писать *е* и *я*, или же *и*, къ которому такъ близко *е*, напр.: «вѣрные, вѣрныя или вѣрныи; дорогіе, дорогія или дорогіи». Объ этомъ долго спорили, пока наконецъ для рѣшенія вопроса принято было произвольное правило, основанное на различіи родовъ прилагательнаго имени. Средній звукъ между *я* и *е* соотвѣтствуетъ такому же звуку между *а* и *о*[1].

Въ глагольныхъ окончаніяхъ 3-го лица множ. числа и въ дѣйствительныхъ причастіяхъ *я* безъ ударенія, какъ уже было упомянуто, приближается въ произношеніи къ *ю*: «*стóятъ*, *ѣздятъ*, *спорящій*, *покоящій* произносятся почти какъ: «стóютъ, ѣздютъ, спорющій, покоющій». Тутъ очевидно является смѣшеніе съ глаголами, которые правильно оканчиваются такимъ образомъ: *дремлютъ*, *сыплютъ*, *топчутъ*, *вяжутъ*. Неопредѣленность звука *ю* въ подобныхъ случаяхъ видна изъ того, что и наоборотъ вмѣ-

[1] Если неударяемое *а* произносится какъ такое же *о*, то ясно, что и неударяемое **йа** (*я*) должно произноситься какъ неударяемое **йо** (*ё*), а неударяемое *ё* есть *е*. Оттого и неударяемое *о* послѣ *й* или *і* превращается въ *е*. Вотъ почему произносятъ: *Іердáнъ* (вм. Іордáнъ), *Іевъ* (вм. Іовъ). Еще Востоковъ замѣтилъ: «Замѣна *о* гласною ѥ въ словахъ ѥрданъ и пр., кажется, принадлежитъ къ особенностямъ языка словенскаго, требовавшаго сей замѣны». (*Остромирово Евангеліе*, стр. 123).

сто: *дремлютъ*, *сѣютъ*, *колютъ*, *колеблютъ* многіе пишутъ неправильно: «дремлятъ, сѣятъ, колятъ, колеблятъ» или еще: «сыпятъ» вм. *сыплютъ*.

Звукъ Ё (ЙО или ЬО)

— всегда происходитъ въ русскомъ языкѣ изъ звука *е* (йэ или ьэ) по закону, который будетъ объясненъ ниже, и потому йо изображается не иначе какъ съ помощію буквы *е*, надъ которою для означенія такого выговора иногда ставится двоеточіе (*ё*). Общеупотребительный языкъ допускаетъ этотъ звукъ только въ *ударяемомъ слогѣ*, тогда какъ во многихъ народныхъ говорахъ слышатся и такія сочетанія, какъ напр. «йому» (ему).

Звукъ *ё* (**йо, ьо**) есть отличительная принадлежность русскаго языка, совершенно чуждая древне-славянскому, почему тамъ и не было начертанія для этого звука. Оттого и теперь слышится произношеніе *ё* только въ тѣхъ словахъ, которыя употребительны въ языкѣ народномъ, слова же книжныя, заимствованныя изъ церковнаго или искуственно составленныя, остаются безъ этого измѣненія звука *е* даже и тогда, когда они одного происхожденія съ народными. Для примѣра сравнимъ слова *подмётки* и *предметъ*, гдѣ слогъ *мет* выговаривается различно, хотя въ обоихъ онъ происходитъ отъ глагола *метать*. Нѣкоторыя слова въ этомъ отношеніи звучатъ различно въ народѣ и въ образованномъ языкѣ, напр. *крестъ*, *смертный* народъ иногда произноситъ *крёстъ* (или *хрёстъ*), *смёртный*. Явленіе перехода звука *е* въ *ё* не поддается постояннымъ правиламъ, или по крайней мѣрѣ правила эти очень сложны, какъ показываетъ попытка Востокова, который въ первый разъ старался опредѣлить ихъ[1]. Однакожъ главное дѣйствующее тутъ (сверхъ акцента) условіе удачно указано имъ: именно оно заключается въ томъ, что *е́* можетъ обращаться въ *ё*, въ началѣ, внутри и въ концѣ слога, почти исключительно передъ дебелымъ (твердымъ) звукомъ, или вообще въ

[1] См. въ книгѣ Борна: *Краткое руководство къ россійской словесности*, стр. 3—6, и ниже, въ настоящемъ изданіи, отдѣлъ о произношеніи *е* въ ударяемыхъ слогахъ.

концѣ слова. Напр. въ такихъ словахъ какъ: *ель*, *везть*, *плеть*, *е* никогда не измѣняется въ *ё*; напротивъ, слова: *елка*, *везъ*, *плетка*, требуютъ этого измѣненія; иногда оно допускается также въ случаяхъ подобныхъ слѣдующимъ: *берё-шь*, *тё-тя*, *Лё-ля*, *зарё-ю*, при чемъ однакожъ надобно сдѣлать оговорку, что первый примѣръ (берёшь), несмотря на *ь* послѣ *ш*, подходитъ подъ общее правило, ибо въ произношеніи 2-е лицо един. числа оканчивается на твердый звукъ. Что касается послѣднихъ примѣровъ, то съ другой стороны произносятъ безъ измѣненія *е* въ *ё* слова: *ше-я*, *Се-ня*, *ме-летъ* и т. п. Но на чемъ же основывается обращеніе **йэ** въ **йо** или **ʼэ** въ **ʼо**, передъ твердымъ звукомъ? или иначе: на чемъ основывается такое дѣйствіе твердаго звука на измѣненіе предыдущаго мягкаго гласнаго (э) въ соотвѣтствующій твердый (*о*)? Сущность этого явленія опредѣляется закономъ *уподобленія звуковъ;* превращеніе **е** въ **ё**, или **ʼэ** въ **ʼо**, т. е. мягкой гласной въ твердую, обусловливается послѣдующимъ твердымъ звукомъ, при чемъ кромѣ того непремѣнно требуется удареніе на гласной.

Звуки У, Ю (ЙУ, ЬУ)

— также не совсѣмъ ясны, когда на нихъ нѣтъ ударенія. Это доказывается, кромѣ появленія ихъ на мѣсто *а*, *я* въ окончаніяхъ глаголовъ, еще и тѣмъ, что малограмотные люди, въ прилагательныхъ именахъ, именно въ винит. и творит. падежахъ ед. числа женскаго рода, пишутъ *о*, *е* вм. *у*, *ю* и наоборотъ *у*, *ю* вм. *о*, *е*, напр. *доброю* вм. *добрую*, *крайнею* вм. *крайнюю*, что не могло бы конечно быть, если бъ слухъ имъ положительно указывалъ требующуюся букву.

Звукъ Ы.

Выше было уже объяснено происхожденіе звука *ы*. Изъ этого объясненія видно, что въ составѣ словъ онъ можетъ встрѣчаться только послѣ согласной; тѣмъ не менѣе однакожъ русскій способенъ произносить этотъ звукъ и въ началѣ слога или отдѣльно: привыкнувъ давать устнымъ органамъ надлежащее по-

ложеніе для произнесенія, послѣ согласныхъ, звука *ы*, мы можемъ, образовавъ такое положеніе органовъ, произносить тотъ же гласный и отдѣльно, безъ артикуляціи согласнаго.

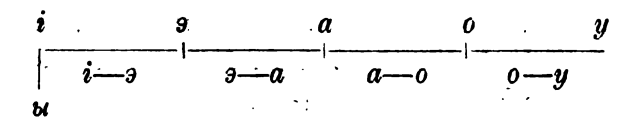
Звукъ *ы* большею частью слышится явственно не только въ ударяемомъ, но и въ неударяемомъ слогѣ; напр. въ словахъ: *силы*, *воры*, *вырывать* слухъ ясно отличаетъ *ы*, хотя надъ этимъ звукомъ и нѣтъ ударенія. Бываютъ однакожъ случаи, когда въ одномъ изъ слѣдующихъ за удареніемъ слоговъ звукъ *ы* также произносится неясно и смѣшивается съ *о* или *а*; это встрѣчается особенно въ окончаніяхъ глаголовъ на *ывать* и *овать*, почему одни пишутъ, напр., *проповѣдывать*, другіе *проповѣдовать*, и слухъ не разрѣшаетъ вопроса, чтó правильнѣе[1]; нѣкоторые по недоразумѣнію пишутъ: «выиграшъ» вм. *выигрышъ*, и т. п. Въ прилагательныхъ муж. р. ед. ч., какъ напр. *старый*, *слабый*, *ы* также произносится какъ неударяемый *о*; но здѣсь звука *ы* собственно и нѣтъ: эта буква только пишется, чтобы выставить окончаніе **ый** какъ характеристическій признакъ муж. рода; въ сущности же тутъ имѣется окончаніе **ой**, гдѣ *о* произносится какъ неопредѣленный гласный между *а* и *о*. Доказательствомъ того, что въ прилагательныхъ мужескаго рода настоящее русское окончаніе есть **ой**, а не **ый**, служатъ прилагательныя съ удареніемъ на окончаніи, какъ *сѣдой*, *крутой*, которые еще не такъ давно писались: *сѣдый*, *крутый*. (Ср. сказанное выше на стр. 28).

На основаніи предыдущаго разсмотрѣнія, всѣ имѣющіеся въ современномъ русскомъ языкѣ гласные могутъ быть представлены въ слѣдующей схемѣ, гдѣ надъ линіей означены явственные звуки, а подъ нею, въ промежуткахъ, неопредѣленные или смѣшанные изъ двухъ элементовъ. Подъ *і* поставленъ, по связи съ нимъ, звукъ *ы*[2].

---

[1] См. объ этомъ ниже во II-ой части.

[2] Т. е. *ы*: въ польскомъ языкѣ не только *и*, но и *э* также можетъ слѣдовать за твердымъ согласнымъ (łe); у Русскихъ твердый *э* не встрѣчается въ составѣ словъ, но онъ слышится при переходѣ отъ слова съ твердымъ согласнымъ окончаніемъ къ другому, начинающемуся гласнымъ *э*, напр. въ словахъ: *былъ*

Имъ соотвѣтствуютъ слѣдующіе двугласные:

Звуки:	*йи*	*йэ*	*йа*	*йо*	*йу*
Буквы:	*и*	*е, ѣ*	*я*	*ё*	*ю*

Классификація звуковъ.

Раздѣленіе звуковъ языка на разряды составляетъ одинъ изъ трудныхъ вопросовъ филологіи, чему доказательствомъ служитъ замѣчаемое въ этой классификаціи разнообразіе: почти у каждаго изслѣдователя оно является въ другомъ видѣ.

Чтобы притти въ этомъ дѣлѣ къ правильному результату, начнемъ съ нѣсколькихъ общихъ замѣчаній, въ которыхъ отчасти будемъ возвращаться къ тому, что́ уже было сказано выше.

Прежде всего, говоритъ Раумеръ[1], мы различаемъ тоны человѣческаго голоса и звуки человѣческой рѣчи. Тоны производятся колебаніями голосовыхъ связокъ въ голосовой щели; звуки — приращеніемъ выдыхаемаго изъ гортани воздушнаго тока къ органамъ, простирающимся отъ надгортанника (Kehldeckel) до губъ. Въ отношеніи къ тонамъ, производимымъ въ голосовой щели, отличаютъ громкую рѣчь отъ шопотной (vox clandestina). Громкая рѣчь бываетъ тогда, когда производимые звуки сопровождаются тонами голосовыхъ связокъ; шопотная рѣчь — когда мы говоримъ безъ этихъ тоновъ.

Звуки раздѣляются, во 1-хъ, по положенію органовъ; во 2-хъ, по тѣмъ органамъ, которыми они производятся. Первое дѣленіе называется *количественнымъ*, второе *качественнымъ*.

По количеству звуки распадаются прежде всего на: 1, *гласные*, когда ротъ болѣе или менѣе раскрытъ и воздушный токъ не

этотъ, объ этомъ, отъ этого, звукъ ъэ является при сочетаніи твердаго гласнаго съ началомъ слова *этотъ*.

[1] R. Raumer. Gesam. sprachw. Schr., стр. 369 и д.

встрѣчаетъ никакой преграды; 2, *согласные*, когда ротъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ плотнѣе или слабѣе смыкается, такъ что воздушный токъ встрѣчаетъ болѣе или менѣе значительную преграду. Въ этомъ отношеніи согласные дѣлятся на *мгновенные* (смычные), требующіе полнаго смыканія органовъ, и на *длительные*, которые образуются безъ такого полнаго смыканія. При послѣднихъ воздухъ проходитъ столь узкимъ каналомъ, что шумъ прираженія ясно слышится, чѣмъ они отличаются, съ другой стороны, отъ гласныхъ, и такимъ образомъ составляютъ середину между согласными мгновенными и гласными.

Кромѣ гласныхъ и согласныхъ, принимаютъ еще разрядъ *полугласныхъ*, терминъ, которымъ мы означаемъ слабѣйшій гласный дифтонга [1], но они отличаются отъ гласныхъ не мѣрою преграды, а только степенью протяженія голоса: они въ произношеніи короче гласныхъ. Въ русскомъ языкѣ собственно только одинъ полугласный — *й*. Нѣкоторые (Востоковъ) называютъ *ъ* и *ь* также полугласными, но въ сущности эти двѣ буквы означаютъ болѣе чѣмъ на половину укороченный гласный звукъ. Ломоносовъ назвалъ ихъ *безгласными*; нельзя однакожъ не признать, что въ выговорѣ согласной, означаемомъ буквою *ъ*, слышится приступъ къ произношенію послѣ нея твердой гласной, а въ выговорѣ, означаемомъ буквою *ь*, — такой же приступъ къ произношенію мягкой гласной; по-настоящему онѣ изображаютъ не звукъ, а только легкій пазвукъ (Nachhall).

Количественное раздѣленіе согласныхъ на *мгновенные* и *длительные* уже разсмотрѣно выше по наблюденіямъ Брюкке. Тѣ и другіе дѣлятся еще на *голосовые*, въ образованіи которыхъ участвуетъ голосъ, и *безголосные*, образуемые безъ участія голоса.

---

[1] Впрочемъ терминъ *полугласный* употребляется филологами очень различно: Боппъ разумѣетъ подъ нимъ принадлежащіе санскриту звуки *j r l w*; Гейзе — *j w s*; Шлейхеръ — *l* и *r*; Гриммъ этого названія вовсе не употребляетъ; за то онъ придумалъ другое — *gebrochener* vocal (дробный гласный) для означенія неполной краткости гласнаго въ дифтонгахъ.

Длительные звуки подраздѣляются на: *проторные* (Reibelaute, fricativae)[1], *носовые м, н*, и *дрожательный р*.

Проторные могутъ быть либо съ однимъ протокомъ: *ф х с ш* и *в г з ж*, либо съ двумя протоками: *л*, при которомъ воздушный токъ идетъ по обѣ стороны языка.

Всего болѣе разнообразія допускаетъ дѣленіе согласныхъ по органамъ. Если при этомъ вдаваться въ слишкомъ большія тонкости или искать слишкомъ симметрической правильности, какъ поступилъ напр. г. Таузингъ, то легко запутать дѣло, вмѣсто того чтобы уяснить его, и потому лучше держаться возможной простоты, измѣняя общепринятые термины только тогда, когда они противорѣчатъ вновь добытымъ результатамъ науки.

Слѣдуя этому правилу, получимъ, для обозрѣнія простыхъ звуковъ русскаго языка, такую таблицу:

Разряды звуковъ по органамъ.	Согласные.							Гласные.	
	Мгновенные.		Длительные.					Полные.	Полугласный.
			Проторные.			Носовые.	Дрожательный.		
			Съ однимъ протокомъ.		Съ двумя протоками				
	Безголосные.	Голосовые.	Безголосные.	Голосовые.					
I. Гортанные (gutturales)	*к*	*г*	*х*	*г̕*				*а*	
II. Нёбные (palatales)			*ш*	*ж*				*і*	*й*
III. Зубные (dentales)	*т*	*д*	*с*	*з*	*л*	*н*			
IV. Губные (labiales)	*п*	*б*	*ф*	*в*		*м*		*у*	
V. Язычный (lingualis)							*р*		

Гласные звуки не могутъ съ такою же опредѣленностію, какъ согласные, быть относимы къ тому или другому органу; въ пред-

[1] См. ниже въ приложеніи статью: *Основанія фонетики*.

послѣдней графѣ помѣщены только три основные гласные, болѣе для того чтобы, держась мысли Раумера[1], яснѣе представить положеніе длительныхъ согласныхъ, которые, по своему образованію, занимаютъ середину между согласными мгновенными и гласными звуками. Но означенные тутъ три гласные дѣйствительно образуются при участіи того органа, на линіи котораго каждый изъ нихъ поставленъ: при центральномъ звукѣ *а* дѣйствуетъ только *гортань*, для *і* языкъ приподымается къ переднему *нёбу*, для *у* протягиваются впередъ *губы*.

Большинство согласныхъ, собственно говоря, должно бы стоять въ таблицѣ вдвойнѣ: т. е. разъ съ твердымъ оттѣнкомъ и другой разъ съ мягкимъ. Такъ привелъ ихъ, въ своемъ обозрѣніи звуковъ польскаго языка, г. Бодуэнъ-де-Куртенэ; напр. въ разрядѣ *зубныхъ* мы у него видимъ два слѣдующіе ряда[2]:

твердые	*t*	*d*	*n*	*s*	*z*	*ł*
мягкіе	*t'*	*d'*	*ń*	*ś*	*ź*	*l*

или, перелагая это на русскій алфавитъ:

твердые	*тъ*	*дъ*	*нъ*	*съ*	*зъ*	*лъ*
мягкіе	*ть*	*дь*	*нь*	*сь*	*зь*	*ль*

При этомъ г. Бодуэнъ справедливо замѣчаетъ, что въ сущности у согласныхъ нижняго ряда мѣсто артикуляціи нѣсколько иное нежели у согласныхъ верхняго ряда. «Если, говоритъ онъ, *n t d* происходятъ отъ прижатія конца языка къ верхнимъ зубамъ, то для образованія *n' t' d'* дѣйствуетъ не конецъ, а передняя часть языка на верхнихъ деснахъ». Поэтому въ строго-физіологическомъ смыслѣ мягкіе согласные слѣдовало бы поставить въ другой разрядъ чѣмъ твердые, но неудобно раздѣлять звуки, столь сходные между собою въ другихъ отношеніяхъ. Всего удобнѣе показалось мнѣ вовсе не повторять ихъ, отчего таблица

[1] Gesam. sprachw. Schriften, стр. 372.
[2] *О древне-польскомъ языкѣ до XIV столѣтія*, стр. 26.

значительно выигрываетъ въ простотѣ и достаточно дополняется общимъ напоминаніемъ о двоякомъ произношеніи согласныхъ.

Не довольствуясь простыми названіями: гортанные, нёбные, нѣкоторые германскіе филологи стали употреблять, при распредѣленіи звуковъ, такія обозначенія: «заднее нёбо и задняя часть языка», «передняя часть нёба и языка», или выраженія: «задне-нёбные», «передне-нёбные» и т. п. Конечно эти указанія точнѣе, но за то они сбивчивы и затруднительны при часто встрѣчающейся въ нихъ надобности.

Противъ термина *язычный* для *р* можно возразить, что языкъ есть главный участникъ въ произношеніи и другихъ звуковъ; но такъ какъ для *р* онъ является особенно характеристическимъ дѣятелемъ, то едва ли справедливо было бы называть этотъ звукъ, наравнѣ съ другими, зубнымъ.

Въ нашей таблицѣ недостаетъ сложныхъ звуковъ *ц ч щ*, такъ какъ они не могутъ быть относимы ни къ одной изъ категорій простыхъ звуковъ: *ц* (*тс*) и *ч* (*тш*) представляютъ въ первомъ членѣ своего состава мгновенный *т*, а во второмъ длительные *с* и *ш*, и хотя въ обоихъ случаяхъ сліяніе звуковъ такъ полно, что они слышатся какъ простые, но тѣмъ не менѣе они по происхожденію своему остаются составными (см. выше стр. 17). Что касается до *щ*, то тутъ связь обоихъ звуковъ *шч* далеко не такъ тѣсна — оба явственно слышатся — и собственно говоря, они должны бы означаться двумя отдѣльными начертаніями: тутъ соединеніе только графическое, т. е. два звука изображаются однимъ знакомъ.

Названіе носовыхъ не принято въ нашей таблицѣ за основаніе самостоятельнаго различія по органамъ, такъ какъ звуки *м* и *н* подходятъ также подъ остальные разряды *устныхъ* органовъ (первый — губной, второй — зубной) и носъ служитъ тутъ только путемъ воздушнаго тока. Звукъ *м* требуетъ такого же смыканія губъ, какъ *п* и *б*, а *н* образуется какъ *т* и *д*, но съ опущеніемъ нёбной занавѣски для открытія воздуху носового канала.

Звуки *л р*, какъ всего ближе подходящіе къ гласнымъ, издревле носятъ названіе *плавныхъ* (liquidae), конечно метафорическое, не научное въ физіологическомъ смыслѣ, но тѣмъ не менѣе удобное по своей краткости и опредѣлительности.

Такое же удобство представляетъ названіе *шипящихъ*, присвоенное звукамъ *ш ж ч* и *щ*. Иногда встрѣчается еще названіе *свистящихъ* (sibilantēs) для *с з* и *ц*, но этотъ терминъ не вошелъ въ общее употребленіе. Звукъ *ц* отличаютъ сверхъ того названіемъ assibilata.

Не вводя подобныхъ ненаучныхъ названій въ таблицу, основанную на систематическомъ дѣленіи, считаю однакожъ позволительнымъ употреблять главные изъ нихъ на практикѣ. Еще Я. Гриммъ, въ своей нѣмецкой грамматикѣ, замѣтилъ, что давно установившаяся, хотя и не совсѣмъ удачная, терминологія имѣетъ то преимущество передъ новой, что прямо и несомнѣнно указываетъ на предметъ, хотя и не всегда соотвѣтствуетъ существенному его признаку.

Нѣкоторые филологи, напр. Миклошичъ и Шлейхеръ, исключаютъ *ф* изъ системы славянскихъ звуковъ; но что этотъ спирантъ не чуждъ названнымъ языкамъ, доказывается произношеніемъ буквы *в* передъ беззголосными и въ концѣ словъ (напр. *в*се = фсе, ро*в*ъ = рофъ): справедливо только, какъ уже и прежде замѣчено, что *ф* не встрѣчается, какъ самостоятельный элементъ, въ составѣ славянскихъ корней.

Шлейхеръ, напечатавшій въ 1852 г. свой трудъ о формахъ церковно-славянскаго языка [1], въ распредѣленіи звуковъ по разрядамъ довольно близко подошелъ къ истинѣ. Въ его таблицѣ звуки раздѣлены вообще весьма правильно, но съ нѣкоторыми частностями ея трудно согласиться. Такъ онъ къ *язычнымъ*, кромѣ *р*, причисляетъ еще *л ш ж ч шт* (*щ*) и *жд*. Въ другомъ своемъ сочиненіи Шлейхеръ [2] самъ признаётъ неудобство термина *язычные* при распредѣленіи звуковъ, и повидимому не было никакой необ-

[1] Formenlehre der kirchenslavischen Sprache: Bonn 1852.

[2] Zetacismus, стр. 134.

ходимости вводить въ этотъ разрядъ шипящіе, особенно сложные звуки, которые вообще, какъ было показано мною, несправедливо относить къ одному какому-нибудь органу. Далѣе Шлейхеръ не приводитъ, въ ряду гортанныхъ, *голосового* звука, соотвѣтствующаго *безголосному х*, и въ замѣнъ ɣ̆, которому принадлежитъ это мѣсто, ставитъ въ нёбномъ классѣ jot (*й*). Прямое соотвѣтствіе съ одной стороны *к* и *г*, съ другой *х* и ɣ̆ лучше всего видно изъ наблюденія двоякихъ существительныхъ муж. рода, оканчивающихся въ писанномъ языкѣ на *г*, напр. въ словахъ *другъ* и *богъ*. Въ первомъ слышится *к*, во второмъ *х*; въ косвенныхъ падежахъ у перваго, въ произношеніи, является *г* (друга), у второго ɣ̆ (бога). Ту же разницу представляютъ слова: *рогъ*, *кругъ* (*г* = *к*), род. п. *рога*, *круга* (*г* = *г*); — и *Петербургъ*, *Лейпцигъ* (*г* = *х*), род. п. *Петербурга*, *Лейпцига* (*г* = ɣ̆), и мн. др. Въ своей систематикѣ звуковъ Шлейхеръ сохраняетъ латинскіе термины. Называть извѣстные звуки mutae и spirantes еще можно, но названія tenues и mediae для новыхъ языковъ вовсе не пригодны; въ отношеніи къ греческому мы понимаемъ терминъ *среднихъ* (γ δ β), какъ означающій мѣсто между tenues и aspiratae, но между какими же звуками занимаютъ середину наши *г д б*?

Этой несообразности избѣгъ г. Лескинъ (Leskien) въ своемъ «руководствѣ по древне-болгарскому языку» [1], принявъ уже новую терминологію и раздѣливъ согласные на мгновенные и длительные, а послѣдніе на спиранты, носовые и звуки *р*, *л*. Но г. Лескинъ также отнесъ *ш* и *ж* къ язычнымъ звукамъ; въ соотвѣтствіе къ безголосному *х* и онъ не поставилъ голосоваго ɣ̆, а j (*й*) помѣстилъ въ число голосовыхъ согласныхъ. Звуковъ *ц ч шт* и *жд* онъ справедливо не внесъ въ таблицу простыхъ звуковъ.

Посмотримъ теперь, какъ представляется ученіе о звукахъ русскаго языка въ трудахъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ филологовъ.

---

[1] Handbuch der altbulgarischen (altkirchen-sl.) Sprache. Weimar 1871.

Грамматика Ломоносова.

Изъ грамматики Ломоносова къ предмету настоящаго изслѣдованія относятся собственно только первыя два *наставленія*, касающіяся звуковъ и буквъ, и знакомящія насъ вообще со взглядомъ автора на составъ языка; но при разсмотрѣніи этой части знаменитаго труда нельзя не затронуть и нѣкоторыхъ другихъ вызываемыхъ имъ вопросовъ. До сихъ поръ у насъ нѣтъ еще полнаго критическаго разбора его. Слѣдующія за симъ замѣчанія составятъ попытку болѣе обстоятельной въ отношеніи къ нему критики. Обратимся сперва къ тому, что́ заключаетъ въ себѣ эта грамматика, а потомъ постараемся указать, какими источниками Ломоносовъ пользовался при ея составленіи.

Въ его грамматикѣ вниманію нашему представляются двѣ стороны: во-первыхъ, расположеніе; во-вторыхъ, содержаніе.

Въ первомъ отношеніи она раздѣлена на шесть *наставленій*, изъ которыхъ каждое подраздѣляется на нѣсколько главъ (числомъ отъ пяти до семи). Содержаніе первыхъ двухъ *наставленій* мною уже обозначено; 3-е и 4-е посвящены разсмотрѣнію двухъ *главныхъ* частей рѣчи: имени и глагола; 5-е занимается *служебными* частями рѣчи; 6-е относится къ синтаксису. Надобно согласиться, что этотъ планъ чрезвычайно простъ и разуменъ.

Первое *наставленіе* озаглавлено: *О человѣческомъ словѣ вообще*. Подъ *словомъ*, какъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, разумѣется языкъ; это послѣднее названіе часто встрѣчается въ посвященіи грамматики великому князю, которое и начинается извѣстною фразою: «Повелитель многихъ *языковъ*, *языкъ* Россійскій» и т. д.

Впрочемъ и тамъ Ломоносовъ говоритъ о своемъ «долговременномъ въ Россійскомъ *словѣ* упражненіи», но за основаніе изученія *своего языка* ставитъ «общее философское понятіе *о человѣческомъ словѣ*». Вникая въ различіе, полагаемое имъ въ употребленіи этихъ двухъ терминовъ, мы находимъ, что онъ пользуется ими съ большою разборчивостью, и во всей грамматикѣ пишетъ

исключительно *слово*, когда разумѣетъ общую принадлежность человѣческаго рода, способность говорить; *языкомъ* же называетъ онъ конкретно достояніе того или другого народа. Оттого и въ заглавіяхъ отдѣльныхъ главъ I-го наставленія грамматики говорится все о *частяхъ слова*. Этотъ способъ выраженія проведенъ въ грамматикѣ съ большою послѣдовательностью, напр. «По самой натурѣ *человѣческаго слова* всѣ сіи падежи потребны... Однако нѣкоторые *языки* имѣютъ въ нихъ недостатокъ» (§ 57).

Вслѣдствіе такого пріема Ломоносовъ въ своей грамматикѣ, подобно Смотрицкому, уже никогда не употребляетъ имени *слово* въ смыслѣ звукового цѣлаго для выраженія отдѣльнаго понятія: для этого имъ обоимъ постоянно служитъ имя *реченіе*.

Въ этомъ же смыслѣ Ломоносовъ однажды въ посвященіи употребилъ названіе *рѣчь*: «Тончайшія философскія воображенія и разсужденія *и проч.* имѣютъ у насъ пристойныя и вещь выражающія рѣчи». Но въ грамматикѣ это послѣднее слово является у него равносильнымъ нынѣшнему *предложеніе:* «Сложеніе *реченій* производитъ *рѣчи*, полной разумъ въ себѣ составляющія» (§ 77).

Идея и цѣль I-го наставленія заключаются въ томъ, чтобы прежде разсмотрѣнія частностей обозрѣть всю область языка и уяснить основныя понятія науки о немъ. Оно должно было служить вступленіемъ въ русскую грамматику.

Приведу теперь заголовки отдѣльныхъ главъ, содержащихся въ этомъ наставленіи; но такъ какъ многіе термины Ломоносова впослѣдствіи замѣнены другими и потому для насъ не совсѣмъ понятны, то я рядомъ съ его заголовками поставлю въ скобкахъ, гдѣ нужно, ихъ переводъ на нынѣшніе термины:

Глава 1. О голосѣ.
» 2. О выговорѣ и нераздѣлимыхъ частяхъ человѣческаго слова (*объ элементарныхъ звукахъ языка*).
» 3. О сложеніи нераздѣлимыхъ частей слова (*о сочетаніи элементарныхъ звуковъ*, т. е. о слогахъ).

Глава 4. О знаменательныхъ частяхъ слова (*о реченіяхъ*, т. е. отдѣльныхъ словахъ).

» 5. О сложеніи знаменательныхъ частей слова (*о сочетаніи словъ* или *реченій*).

Эти пять отдѣловъ могутъ быть сведены на три, изъ которыхъ виднѣе будетъ правильное и симметрическое расположеніе предмета: 1, о голосѣ и звукахъ языка вообще; 2, объ элементарныхъ звукахъ языка и о соединеніи ихъ въ слоги, а слоговъ въ слова; 3, о словахъ и соединеніи ихъ въ предложенія.

Отступая отъ общепринятаго въ его время порядка, Ломоносовъ начинаетъ свою грамматику размышленіями о *голосѣ*, слѣдовательно уже понимаетъ необходимость итти въ изученіи языка отъ живой рѣчи. Но качества и измѣненія голоса различены имъ не довольно ясно, и главы этой нельзя считать вполнѣ удачною.

Замѣчательно, что ни въ ней, ни далѣе, въ цѣлой грамматикѣ, онъ, говоря о языкѣ, ни разу не употребляетъ слова *звукъ*, и только изрѣдка замѣняетъ его неупотребительнымъ нынѣ въ этомъ смыслѣ реченіемъ *звонъ*, напр. объясняя, что «сами гласныя *а у ы* произносятся яснымъ и неотмѣняемымъ *звономъ*» (§ 93, ср. § 94).

Вмѣсто того онъ останавливается на *выговорѣ человѣческаго слова*, который, по его мнѣнію, составляетъ одинъ изъ видовъ образованія голоса. Къ образованію же голоса относитъ онъ «тѣ отмѣны его, которыя отъ повышенія, напряженія и протяженія не зависятъ» и примѣчаются «въ сиповатомъ, звонкомъ, тупомъ и въ другихъ голосахъ разныхъ». Особенно же, какъ видно изъ послѣдующаго, Ломоносовъ подъ «выговоромъ» разумѣетъ произносимые человѣкомъ разнообразные звуки языковъ, которые у многихъ азіатскихъ, африканскихъ и американскихъ народовъ «больше на шумъ другихъ животныхъ нежели на человѣческій разговоръ походятъ». Вообще понятіе Ломоносова о голосѣ и выговорѣ оказываются нѣсколько сбивчивыми, а потому мы на нихъ и не будемъ останавливаться долѣе.

Отъ *выговора* онъ, въ началѣ 2-й главы, обращается къ *нераздѣлимымъ частямъ слова*. Такъ называетъ онъ, подобно Смотрицкому[1], то, что въ наше время разумѣютъ подъ именемъ членораздѣльныхъ элементарныхъ звуковъ и ихъ изображеній, т. е. буквъ. То и другое можетъ быть соединено подъ общимъ понятіемъ *элементовъ* языка. Вслѣдъ за симъ начинается у Ломоносова весьма обыкновенное еще и донынѣ смѣшеніе понятій о звукѣ и о буквѣ, смѣшеніе, на которое жаловался еще древній грамматикъ Присціанъ[2].

Тѣмъ не менѣе, однакожъ, здѣсь тотчасъ выказывается естествоиспытатель. «Различность ихъ» (т. е. нераздѣлимыхъ частей слова), говоритъ Ломоносовъ, «происходитъ отъ разности органовъ, отъ разнаго ихъ положенія и движенія». Органы эти тутъ же исчислены имъ вѣрно: «губы, зубы, языкъ, небо и гортань съ положенными близъ ея частями, т. е. съ язычкомъ, и со скважинами въ ноздри» (§ 14 и 15). Затѣмъ слѣдуетъ различеніе *гласныхъ* и *согласныхъ*, изъ которыхъ первые Ломоносовъ, по примѣру Смотрицкаго, называетъ иногда и *самогласными* (Selbstlaute); хотя различіе тѣхъ и другихъ объяснено не совсѣмъ удовлетворительно, однакожъ постоянно обращается вниманіе и на физіологическую сторону дѣла. Различіе гласныхъ очень остроумно обозначено характеристическими признаками разныхъ положеній рта, именно расширеніемъ (*е*), *стисненіемъ* (*и*), округленіемъ (*о*) и протяженіемъ (*у*).

Гласныя дѣлятся на два разряда, отмѣченные у Ломоносова тѣми же терминами — *дебелыя* и *тонкія*, которые употреблены Смотрицкимъ, а потомъ приняты и Востоковымъ, и Павскимъ, для обозначенія двоякаго выговора согласныхъ (при *ъ* и при *ь*). Иначе Ломоносовъ называетъ ихъ *тупыми* и *острыми*. Но са-

---

[1] «Что есть письмя?—Есть реченія часть нераздѣльная». (*Грам.* Смотрицкаго).

[2] «Abusive tamen et elementa pro literis, et literae pro elementis vocantur». (*Prisciani Caesariensis grammatici opera*. Lipsiae 1819, Vol. I, p. 11).

мое распредѣленіе гласныхъ на этомъ основаніи у него невѣрно. Именно онъ принимаетъ (§ 20):

дебелыя:	тонкія:
а	*я*
е	*ѣ*
ы	*и*
о	*їо*
у	*ю.*

Тутъ смѣшаны звуки съ буквами, простые звуки съ составными и дебелые съ тонкими: во 1-хъ, *е* и *ѣ* выражаютъ одинъ и тотъ же звукъ[1], слѣдовательно не могутъ стоять въ различныхъ категоріяхъ; во 2-хъ, *е* (хотя бы ему дать начертаніе: *э*) не можетъ относиться къ дебелымъ; въ 3-хъ, *я ѣ їô* и *ю* суть двугласные, и потому между элементарными звуками («нераздѣльными частями слова») находить мѣста не могутъ. Припомню здѣсь предлагаемое мною раздѣленіе нашихъ гласныхъ:

Гласные простые звуки.		Двугласные.
Твердые.	Мягкіе.	
ы	*и*	йи (*и*)
	э	йэ (*е*, *ѣ*)
а		йа (*я*)
о		йо (*ё*)
у		йу (*ю*)

Большею правильностью отличается у Ломоносова таблица согласныхъ по органамъ; въ этомъ отношеніи онъ принимаетъ: *губныя*, *зубныя*, *язычныя*, *поднебныя* и *гортанныя* (§ 21). Особенность

[1] Самъ Ломоносовъ (§ 100) сознаётся, что «буквы *е* и *ѣ* въ просторѣчіи едва имѣютъ чувствительную разность»; это сознаніе выражено имъ еще яснѣе въ §§ 113 и 114, гдѣ онъ говоритъ, что кромѣ «твердаго ученія грамотѣ и прилежнаго чтенія книгъ» нѣтъ никакихъ другихъ средствъ отличать въ употребленіи на письмѣ *е* и *ѣ* по причинѣ «сходнаго произношенія» словъ, гдѣ онѣ пишутся.

его таблицы заключается въ томъ, что въ ней отведена отдѣльная графа для *буквъ чужестранныхъ*, соотвѣтствующихъ тѣмъ же органамъ, при чемъ однакожъ дѣло не обошлось безъ нѣкоторыхъ ошибокъ: напр. онъ считаетъ италіанское *g* (*дж*) звукомъ тожественнымъ съ нашимъ *жд* въ словѣ *трожды*. За то Ломоносовъ понялъ различіе нашихъ двухъ звуковъ, выражаемыхъ буквою *г*; жаль только, что онъ поставилъ ее въ два разные разряда, отнеся звукъ ея въ словѣ *глазъ* къ поднебнымъ, а въ словѣ *благо* къ гортаннымъ[1]; съ первымъ звукомъ онъ правильно сопоставилъ *к*, со вторымъ *х*, а этого, какъ мною уже было замѣчено, не сознаютъ и многіе изъ нашихъ современниковъ. Впрочемъ надобно помнить, что на эти два звука слегка указалъ уже и Смотрицкій, принявъ въ своей азбукѣ два *г* (*г* для славянскаго звука въ словѣ *благо*, и греч. Г для гаммы), а позднѣе на нихъ было обращено вниманіе въ краткой грамматикѣ, приложенной къ словарю Вейсмана (1730) и въ извѣстномъ Разговорѣ Тредьяковскаго (1748). Въ особенной табличкѣ Ломоносовъ представляетъ раздѣленіе буквъ каждаго органа на *мягкія* и *твердыя* (чему, по нашей терминологіи, соотвѣтствуютъ голосовыя и безголосныя), но о физіологическомъ различіи изображаемыхъ тѣми и другими звуковъ онъ еще не имѣетъ надлежащаго понятія и объясняетъ его различною мѣрой стремленія воздуха и силы движенія (§ 24). Такъ и раздѣленіе согласныхъ на *мгновенные* и *длительные*, хотя бы и подъ древними названіями *нѣмыхъ* (mutae) и *полугласныхъ* (semivocales), вовсе еще чуждо сознанію Ломоносова, и онъ полагаетъ, что *всѣ* согласныя, въ противоположность гласнымъ, «слышны бываютъ въ *нераздѣлимое* слухомъ время» (§ 16): отъ вниманія его совершенно ускользнуло, что есть согласныя, которыя, подобно гласнымъ, также «могутъ дать голосу отмѣну на чувствительное и весьма долгое время, сколько духа человѣческаго станетъ», какъ напр. *с з ш ж ф в*. — Что

[1] Это раздѣленіе означенныхъ двухъ звуковъ по органамъ невѣрно: они оба гортанные; различіе между ними количественное, а не качественное (см. выше стр. 18, 41 и 45).

касается терминовъ: *носовыя*, *плавныя* и *шипящія*, то изъ нихъ только средній («плавкія») является у Ломоносова, и именно въ таблицѣ его.

Въ слѣдующей главѣ (3-й) *о сложеніи нераздѣлимыхъ частей слова* разсматривается образованіе *слоговъ*, которые Ломоносовъ постоянно называетъ *складами*. Послѣ того объяснено значеніе *ударенія* и *количества* съ указаніемъ на различіе языковъ въ этомъ отношеніи. Мы не разъ слышали замѣчаніе, будто Ломоносовъ, раздѣляя слоги на краткіе и долгіе, смѣшивалъ акцентъ съ протяженіемъ; но это несправедливо: называя одни слоги русскихъ стиховъ *долгими*, а другіе *короткими*, онъ употребляетъ эти термины только для удобства выраженія; самую сущность дѣла онъ очень хорошо понималъ. Это отчасти видно уже изъ его *письма о правилахъ россійскаго стихотворства*, хотя тамъ сказано: «въ Россійскомъ языкѣ тѣ только слоги долги, надъ которыми стоитъ сила, а прочіе всѣ коротки». Гораздо яснѣе Ломоносовъ высказалъ свой взглядъ на русскую просодію въ грамматикѣ, писанной годами 15-ю позже означеннаго письма[1]. Здѣсь (§ 32) онъ говоритъ уже не о *долгихъ* слогахъ, а о *повышенныхъ*, или *имѣющихъ на себѣ удареніе*, которое «составляется разностію возвышенія и униженія» (голоса). Какъ вѣрно Ломоносовъ смотрѣлъ на это свойство русской просодіи, доказывается особенно § 34-мъ грамматики: «разность складовъ чрезъ протяженіе была весьма явственна у древнихъ Грековъ и Римлянъ, такъ что и стихотворство ихъ на томъ основано, не взирая на ударенія, которыя по сему не такъ чувствительны были, какъ протяженія. Въ нынѣшнее время у Европейскихъ народовъ хотя удареніе на складахъ преимущество одержало; однако протяженіе не токмо не совсѣмъ истребилось; но и нѣкоторую разницу причиняетъ между реченіями одного выговора, напримѣръ: у Нѣмцовъ Stall краткое, значитъ конюшню, Stahl

---

[1] Письмо писано въ 1739 г.; собранные для грамматики матеріалы Ломоносовъ сталъ приводить въ порядокъ съ 1751 года. (См. его *Рапортъ о своихъ трудахъ* въ Смирд. изд. его сочиненій, т. I, стр. 729).

долгое, сталь». Приведеніе здѣсь примѣра изъ нѣмецкаго языка не оставляетъ мѣста ни малѣйшему сомнѣнію, что Ломоносовъ совершенно понималъ отсутствіе *долихъ* слоговъ въ русскомъ. Чередованіе слоговъ съ удареніемъ и безъ ударенія или свойство голоса, которымъ оно производится, онъ называлъ *выходкой* (музыкальный терминъ[1]) и прибавлялъ: «выходка въ различеніи складовъ примѣчается у всѣхъ извѣстныхъ народовъ; протяженіе у нѣкоторыхъ» (§ 31).

По плану I-го наставленія грамматики, которое имѣетъ цѣлью дать понятіе о языкѣ независимо отъ письма, глава 3-я должна была ограничиться немногими приведенными мною сокращенно замѣчаніями объ образованіи и произношеніи слоговъ; но здѣсь Ломоносовъ, потерявъ изъ виду свою идею, начинаетъ далѣе говорить о знакахъ ударенія и титлахъ, также о сложныхъ буквахъ (напр. *щ*) и такимъ образомъ преждевременно касается правописанія, составляющаго у него предметъ II-го наставленія.

Отъ слоговъ онъ переходитъ къ составленію изъ нихъ цѣлыхъ словъ или *реченій*, которыя и разсматриваетъ въ 4-й главѣ, озаглавленной: *о знаменательныхъ частяхъ слова*. Эта глава подала поводъ къ недоразумѣнію, которое долго держалось въ нашей ученой и учебной литературѣ, и произошло единственно отъ не довольно внимательнаго чтенія первыхъ страницъ грамматики Ломоносова. Сколько разъ повторялось даже въ спеціальныхъ трудахъ (не исключая академическаго изданія этой грамматики въ 1855 г.), что подъ *знаменательными* частями слова онъ разумѣетъ *имя* и *глаголъ* въ противоположность остальнымъ, которыя называетъ *служебными*. Но такъ какъ тутъ же первымъ терминомъ явно означены въ одномъ мѣстѣ всѣ части рѣчи, то находили въ этой главѣ неясность или недоконченность въ отдѣлкѣ[2]. Нельзя дѣйствительно отрицать, что въ изложеніи ея

---

[1] Ср. въ § 115 его Грамм. выраженіе, что музыканты въ протяжныхъ распѣвахъ обходятъ букву *и*, «не протягивая на ней *долихъ выходокъ*».

[2] Такъ г. Будиловичъ говоритъ: «Не можемъ не замѣтить, что Л-въ не представилъ еще ясно и твердо различія частей рѣчи знаменательныхъ и слу-

есть нѣкоторая сбивчивость, но если вникнуть въ дѣло, то оно вполнѣ выясняется.

Отъ членораздѣльныхъ звуковъ Ломоносовъ постепенно переходитъ къ болѣе и болѣе развивающимся сочетаніямъ ихъ: изъ нераздѣлимыхъ частей языка образуются *склады* (слоги), которые сами по себѣ въ отдѣльномъ видѣ еще не имѣютъ знаменованія; изъ слоговъ же «раждаются *знаменательныя части слова, т. е. реченія*» (§ 29); наконецъ «сложеніе знаменательныхъ частей слова или реченій производитъ *рѣчи*» (по нынѣшнему, предложенія), «полный разумъ въ себѣ составляющія» (§ 77). Ясно, что реченія, или *слова вообще*, названы у него *знаменательными* частями языка, какъ такія сочетанія звуковъ, которыя уже сами по себѣ, отдѣльно взятыя (не такъ, какъ слоги), имѣютъ значеніе.

Знаменательныя же части слова (терминъ, означающій у него и реченія, и то, что мы теперь называемъ частями рѣчи) дѣлитъ онъ на два разряда: *главныя* и *служебныя*. Это съ несомнѣнною опредѣлительностью выражено имъ такъ: «Слово человѣческое имѣетъ *осмь частей знаменательныхъ*», и послѣ исчисленія этихъ частей рѣчи прибавлено: «Сіи части слова, двѣ *главныя*, и шесть *вспомогательныхъ* или *служебныхъ*, должны быть по своей необходимости во всякомъ языкѣ» (§§ 46 и 47). Мѣсто, подавшее поводъ къ недоразумѣнію (§ 40), изложено такъ: «Слово дано для того человѣку, чтобы свои понятія сообщать другому. И такъ понимаетъ онъ на свѣтѣ и сообщаетъ другому идеи вещей и ихъ дѣяній. Изображенія словесныя вещей называются *имена:* напр. *небо*, *вѣтръ*, *очи;* изображенія дѣяній, *глаголы:* напр. *сіяетъ*, *вѣетъ видятъ*. И такъ понеже они всегда вещь или дѣяніе знаменуютъ; по справедливости *знаменательныя части слова* названы быть могутъ».

жебныхъ... То называетъ онъ знаменательными или главными только *имя* и *глаголъ* (§ 40 и 45), считая остальныя 6 частей рѣчи служебными (§ 45), то говоритъ: ««слово человѣческое имѣетъ осмь частей знаменательныхъ»» (§ 46). Мы склонны впрочемъ считать это обмолвкой» и проч. (*Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ*. Спб. 1869, стр. 75).

Слово человѣческ
начинаетъ: голос

Его отмѣняютъ: п
н
п
о

Родъ { муж.
жен.
средн.

Число { единствен.
множествен.

падежъ { 7 пад.
склоненіе { 5 ск.

уравненіе { 3 ст.
увеличеніе { ласк.
умаленіе { презр.

времена { врем.: 8.
числа { чис.: 2.
лица и { лиц.: 3.
роды. { род.: 3.

еправ.
ные и

Здѣсь можно отмѣтить только недомолвку или нѣкоторую неточность: вмѣсто «по справедливости» слѣдовало сказать «по преимуществу», какъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, гдѣ и остальныя принимаемыя Ломоносовымъ части рѣчи (мѣстоименіе, причастіе, нарѣчіе, предлогъ, союзъ и междометіе) положительно названы *знаменательными* же *частями слова*. Какъ понималъ Ломоносовъ этотъ терминъ, лучше всего видно изъ его *грамматической табели*, оставшейся въ рукописи и здѣсь прилагаемой[1].

Разсуждая о разрядахъ словъ, Ломоносовъ бросаетъ любопытный взглядъ и на исторію языка. «Какъ всѣ вещи отъ начала въ маломъ количествѣ начинаются, и потомъ присовокупленіями возрастаютъ; такъ и слово человѣческое, по мѣрѣ извѣстныхъ человѣку понятій, въ началѣ было тѣсно ограничено, и однѣми простыми реченіями довольствовалось. Но съ приращеніемъ понятій и само по малу умножилось, чтó происходило *произвожденіемъ и сложеніемъ*» (§ 51).

Въ остальной части 4-й главы Ломоносовъ продолжаетъ развивать понятія о языкѣ: объясняетъ значеніе рода и вида, раздѣленіе именъ на собственныя и нарицательныя, на существительныя и прилагательныя; далѣе указаны разные способы измѣненія словъ: степени сравненія (*разсудительный* степень вм. нынѣшняго термина: *сравнительная* степень); числа, падежи (новый терминъ: *предложный* вм. *сказательный*), увеличительныя и «умалительныя» имена; роды именъ; времена глаголовъ, лица, наклоненія (или «образы») и залоги. Изъ понятія о перемѣнахъ окончаній глагола по этимъ отношеніямъ выводится понятіе о его *спряженіи*; потомъ упомянуто о причастіяхъ, о мѣстоименіи и объ остальныхъ частяхъ рѣчи. Вѣрный плану своего введенія «о человѣческомъ словѣ вообще», Ломоносовъ въ I-мъ наставленіи иногда предлагаетъ философскія соображенія и при

---

[1] Табель эта, сохранившаяся въ академической рукописи Ломоносова (№ 112), въ первый разъ была напечатана г. Будиловичемъ (см. его *Ломоносовъ, какъ натуралистъ и философъ*, стр. 1).

каждомъ новомъ предметѣ касается другихъ языковъ, не только европейскихъ, древнихъ и новыхъ, но часто и еврейскаго. Его замѣчанія относительно новыхъ языковъ не всегда точны, такъ какъ онъ за исключеніемъ нѣмецкаго не зналъ ихъ практически: напр. онъ думаетъ, что французское *u* въ lutte выговаривается такъ, какъ наше *ю* въ *лютость*. Но важно то, что Ломоносовъ уже предчувствуетъ значеніе сравнительной филологіи и по мѣрѣ возможности прибѣгаетъ къ ней съ первыхъ шаговъ въ объясненіи законовъ языка. Не менѣе важно, что онъ употребляетъ синтетическій методъ, восходя отъ единичныхъ явленій къ болѣе сложнымъ и отъ частнаго къ общему, наприм. разобравъ «перемѣны», случающіяся въ частяхъ рѣчи, кончаетъ главу замѣчаніемъ: «По всему сему раздѣляются части слова на *склоняемыя* и *несклоняемыя*». Въ послѣдней (5-й) главѣ I-го наставленія: «О сложеніи знаменательныхъ частей слова» онъ излагаетъ только самыя общія понятія о предложеніи, которое, какъ я уже замѣтилъ, называетъ *рѣчью*, о способахъ распространять его, о простыхъ и сложныхъ предложеніяхъ, наконецъ о періодахъ. Заключительныя слова этой первой части грамматики Ломоносова подтверждаютъ сказанное выше о его методѣ. Кончая свое I-е наставленіе, онъ какъ бы оглядывается на все его содержаніе и говоритъ: «Здѣсь при вступленіи въ Россійскую грамматику больше общаго понятія о человѣческомъ словѣ не требуется. Довольно для краткости будетъ знать, что *общая грамматика есть философское понятіе всего человѣческаго слова; а особливая, какова Россійская, есть знаніе, какъ говорить и писать чисто Россійскимъ языкомъ по лучшему разсудительному его употребленію*». (Курсивъ у самого Ломоносова). Его I-е наставленіе есть сокращенное изложеніе общей грамматики и притомъ съ фонетикою во главѣ ея[1]. Хотя еще и не совсѣмъ сознательно и не совсѣмъ

[1] Новѣйшая филологія отвергаетъ возможность *общей* или такъ называемой философской грамматики. Въ каждомъ языкѣ выражается индивидуальный способъ мышленія говорящаго на немъ народа, и опредѣленной схемы логическихъ категорій для всѣхъ языковъ человѣческаго рода не существуетъ. См. Heyse. System der Sprachwissenschaft, стр. 162.

полно, онъ уже отличаетъ произносимый языкъ отъ писаннаго и посвящаетъ первому вступительную часть своего труда.

Со II-го наставленія Ломоносовъ приступаетъ къ изложенію собственно русской грамматики и прежде всего къ правописанію, именно къ тому, чѣмъ въ его время начиналась всякая частная грамматика. Здѣсь мы остановимся, такъ какъ предметъ II-го наставленія относится уже къ другому отдѣлу нашего изслѣдованія, и говорить теперь о правописаніи было бы преждевременно. Поэтому на первый случай представлю за симъ лишь нѣсколько общихъ замѣчаній о грамматикѣ Ломоносова и ея источникахъ. Трудъ этотъ планомъ своимъ отличается отъ всѣхъ современныхъ трудовъ того же рода. Принадлежитъ ли идея этого плана исключительно самому Ломоносову, или она хотя отчасти заимствована? Постараюсь опредѣлить отношеніе его грамматики къ состоянію тогдашней филологической литературы вообще[1].

Откуда могъ онъ почерпнуть мысль о необходимости начинать грамматику свѣдѣніями о звукахъ человѣческой рѣчи и философскими понятіями о языкѣ, составляющими принадлежность такъ называемой общей грамматики? Съ перваго взгляда можно подумать, что такое убѣжденіе было вынесено имъ изъ знакомства съ германской ученой и учебной литературой, но ни Готшедъ, издавшій свою грамматику въ 1748 году, ни другіе извѣстные въ то время авторы по этой части не представляютъ ничего подобнаго. У нихъ могъ онъ научиться между прочимъ пріему приводить сравненія съ другими языками, чтó было особенно умѣстно въ отдѣлѣ о человѣческомъ словѣ вообще. Богаче въ отношеніи къ разработкѣ теоріи звуковъ и общей грамматики въ 18-мъ и уже въ 17-мъ столѣтіяхъ были англійская, голландская и французская литературы. Въ Англіи, еще въ 1653 году,

[1] Считаю это тѣмъ болѣе нужнымъ, что вопросъ о томъ не былъ затронутъ писавшими о грамматикѣ Ломоносова Ѳ. И. Буслаевымъ и П. А. Лавровскимъ. См. *Празднованіе столѣтней годовщины Ломоносова* и пр. М. 1865, и *Памяти Ломоносова*. Харьк. 1865.

ученый епископъ Іоаннъ Валлисъ (Johannis Wallis), профессоръ геометріи при Оксфордскомъ университетѣ, издалъ по-латыни грамматику своего языка, передъ которою помѣстилъ «грамматико-физическій трактатъ о живой рѣчи или образованіи звуковъ»[1]. Это сочиненіе имѣло большой успѣхъ, перепечатывалось не въ одной Англіи[2] и въ 18-мъ вѣкѣ было очень извѣстно въ Европѣ. Вскорѣ послѣ Валлиса писалъ о томъ же врачъ Амманъ, уроженецъ Шафгаузена, поселившійся въ Голландіи; онъ, подобно Валлису, занимался обученіемъ глухонѣмыхъ и на основаніи своихъ наблюденій напечаталъ два сочиненія о звукахъ языка[3]. Судя по отсутствію въ грамматикѣ Ломоносова нѣкоторыхъ мѣткихъ указаній этихъ обоихъ ученыхъ, надобно полагать, что онъ съ ихъ изслѣдованіями знакомъ не былъ[4]. Напротивъ, въ руки его повидимому попадались нѣкоторые изъ французскихъ руководствъ общей грамматики, издававшихся во второй половинѣ 17-го и въ первой 18-го вѣка. Это предположеніе было уже выражено А. С. Будиловичемъ[5].

Очевидно однакожъ, что главнымъ источникомъ понятій о живой рѣчи и вообще о языкѣ послужили Ломоносову древніе писатели, Аристотель, Квинтиліанъ, Донатъ, Присціанъ, а можетъ-быть еще и другіе. Вѣрнѣйшій признакъ, ведущій къ этому заключенію, представляетъ терминологія Ломоносова. Самое различеніе понятій *слово* и *языкъ*, на которое мною выше указано, взято у древнихъ: они для означенія отдѣльныхъ языковъ употребляли большею частью терминъ lingua (γλῶσσα, διάλεκτος), а въ общемъ смыслѣ говорили sermo, loqvela (λόγος). По примѣру древнихъ писателей, Ломоносовъ, подобно Смотриц-

---

[1] Grammatica linguae anglicanae, ubi praefigitur de loqvela sive sonorum formatione tractatus grammatico-physicus. Oxoniae (4-е изд. 1674).

[2] Оно было вновь издано въ Лейденѣ въ 1727 г.

[3] Amman (Joh. Conr., род. 1669, ум. 1724) издалъ: въ 1692 Surdus loqvens, а въ 1700 De loqvela. Оба соч. напечатаны въ Амстердамѣ и издавались не разъ.

[4] Кромѣ ихъ, о томъ же писалъ англичанинъ Holder (Elements of speech. London 1669).

[5] *Ломоносовъ какъ натуралистъ и философъ*, стр. 75.

кому, для означенія того, чтó мы называемъ *слово* (mot), употребляетъ исключительно имя *реченіе* (λέξις; φωνή, vox, vocabulum, dictio)[1]. Изъ того же источника объясняются его двоякія *части слова*: *нераздѣлимыя* (элементарные звуки и буквы), и *знаменательныя* (реченія, части рѣчи), а наконецъ и раздѣленіе послѣднихъ на два разряда, т. е. на главныя и служебныя. Даже мыслью назвать главные отдѣлы своей грамматики *наставленіями* Ломоносовъ обязанъ древнимъ, которые ставили слово institutiones въ заглавіе своихъ грамматическихъ и реторическихъ трудовъ. Тому же примѣру послѣдовалъ въ позднѣйшее время, между многими другими, и Добровскій.

Донатъ, наставникъ св. Іеронима, жившій въ 4-мъ вѣкѣ, начинаетъ свою «Ars grammatica» замѣткою *De Voce* (о голосѣ)[2]. Правда, что у него вся эта глава ограничивается двумя строками, но важна основная идея, которою воспользовался Ломоносовъ. Другой древній грамматикъ, Присціанъ, содержавшій въ 525 г. училище въ Константинополѣ, въ 1-й книгѣ своихъ Institutiones также разсматриваетъ прежде всего голосъ и его виды, потомъ значеніе и раздѣленіе буквъ; во 2-й же книгѣ онъ говоритъ о слогахъ, о различіи между ними и реченіями, а потомъ о предложеніи и частяхъ его. Въ началѣ 1-й книги онъ между прочимъ замѣчаетъ: «Буква есть малѣйшая часть составного звука... чтó короче всего, способнаго дѣлиться, то нераздѣлимо. Можемъ и такъ опредѣлить: буква есть звукъ (въ подл. vox), который можетъ быть написанъ какъ нераздѣлимый». Фонетическія понятія древнихъ ведутъ свое начало еще отъ Платона и Аристотеля; послѣдній изложилъ ихъ преимущественно въ своихъ сочиненіяхъ: *о душѣ*, *объ исторіи животныхъ* и въ піитикѣ. По его ученію

---

[1] Такъ какъ у насъ позднѣе для этого понятія установилось употребленіе имени *слово*, то старинный терминъ *реченіе* въ томъ же смыслѣ сдѣлался, пожалуй, не нужнымъ. Лучше бы дать ему болѣе полезное значеніе того, чтó Французы называютъ locution, т. е. соединенія двухъ или нѣсколькихъ словъ, равносильныхъ предлогу или нарѣчію.

[2] См. Corpus grammaticorum latinorum veterum collegit Fr. Lindemann. Lipsiae 1831. T. I.

голосъ, φωνή, долженъ быть отличаемъ отъ звука и шума вообще, ψόφος; отъ голоса же, далѣе, отличается рѣчь, λόγος, διάλεκτος, двоякимъ образомъ: наружно, такъ какъ она есть артикулованный языкомъ голосъ; внутренно, такъ какъ она не только имѣетъ значеніе (чтó свойственно и голосу животныхъ), но служитъ символомъ понятія[1]. Элементарный звукъ, нераздѣлимый тонъ голоса, называется у Аристотеля, какъ и у Платона, στοιχεῖον (elementum); употребляемые же для изображенія его знаки суть γράμματα (literae), т. е. буквы. На этомъ основаніи и Присціанъ говоритъ: «Различіе между элементами» (нераздѣлимыми частями слова, по Ломоносову) «и буквами, въ томъ состоитъ, что элементы собственно называются *выговорами* (звуками), а знаки ихъ — буквами. Неправильно зовутъ буквы элементами, а элементы буквами[2]». Это различіе не вполнѣ сознано и Ломоносовымъ, такъ что онъ, подобно, позднѣйшимъ латинскимъ грамматикамъ, для *нераздѣлимыхъ частей слова* не знаетъ другого названія, кромѣ буквъ или «письменъ» (терминъ Смотрицкаго, иногда удерживаемый и Ломоносовымъ), и въ главахъ о голосѣ и выговорѣ разсматриваетъ только *произношеніе буквъ*; даже въ таблицѣ звуковъ по органамъ онъ употребляетъ названіе *буквъ*. Когда же ему необходимо нужно отличить понятіе звука, то онъ прибѣгаетъ къ выраженіямъ: *отмѣна голоса*, *выговоръ*, *произношеніе*, или говоритъ, что такія-то буквы произносятся такимъ-то, напр. чистымъ и открытымъ, *звономъ*.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Ломоносовъ былъ знакомъ съ піитикою Аристотеля, слѣдовательно многія понятія о языкѣ могъ почерпнуть непосредственно изъ этого источника; другія могъ заимствовать изъ латинскихъ грамматиковъ или и изъ писателей новаго времени, которые, разумѣется, сами также болѣе или менѣе пользовались древними. Такъ и представленная Ломоносо-

[1] Steinthal. Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen u. Römern. Berlin 1863, стр. 247.

[2] Prisciani Caesariensis grammatici opera recensuit Aug. Krehl. Lipsiae 1819. T. I, стр. 10, 11.

вымъ таблица гласныхъ и согласныхъ съ раздѣленіемъ ихъ по органамъ конечно была новостью только на русскомъ языкѣ: подобную (но безъ разрядовъ зубныхъ и язычныхъ) находимъ мы уже у Валлиса въ названномъ выше трактатѣ его о языкѣ. Такую же таблицу, но съ нѣкоторыми измѣненіями, составилъ вскорѣ послѣ того докторъ Амманъ[1].

Понятіе о словѣ (реченіи), какъ *знаменательной* части языка (φωνὴ σημαντικὴ), также высказано еще Аристотелемъ и потомъ не разъ повторялось грамматиками. Такъ Присціанъ говоритъ: «Реченіе (dictio) есть мéньшая часть стройной рѣчи, т. е. въ порядкѣ расположенной. Реченіе же отличается отъ слога не только тѣмъ, что слогъ есть часть реченія, но и тѣмъ, что реченіе выражаетъ, даетъ разумѣть нѣчто. Слогъ никогда самъ по себѣ не можетъ что-либо значить: это — свойственно только реченію»[2]: вотъ полное объясненіе Ломоносовскаго термина — *знаменательная часть слова*: онъ служитъ синонимомъ *реченія* и съ тѣмъ вмѣстѣ замѣняетъ терминъ *часть рѣчи* (pars orationis). Впрочемъ это послѣднее названіе уже употреблялось во время Ломоносова, чему доказательствомъ служитъ напечатанная въ 1752 г. по-русски французская грамматика Рестó (Restaut) въ переводѣ Василія Теплова, гдѣ «parties du discours» названы «частями рѣчи». Но Ломоносовъ, для единообразія своей терминологіи, предпочелъ терминъ *части слова*, употребленный Смотрицкимъ, который подъ *словомъ* разумѣетъ рѣчь или предложеніе[3]; только къ этому термину Ломоносовъ, по примѣру древнихъ, прибавилъ

[1] См. его Tractatus de Loqvela. Amsterd. 1700, стр. 57.

[2] «Dictio est pars minima orationis constructae, id est in ordine compositae. Pars autem, quantum ad totum intelligendum, id est ad totius sensui intellectum. Differt autem dictio (реченіе) a syllaba, non solum quod syllaba pars est dictionis, sed etiam quod dictio dicendum, hoc est intelligendum, aliquid habet... nunquam syllaba, per se potest aliquid significare: hoc enim proprium est dictionis». (Prisciani gram. op. T. I, стр. 65. Ср. тамъ же Т. II, 12, 80, 89).

[3] «Реченія составляютъ слово: есть же слово реченій сложеніе, разумъ совершенъ являющее, яко: уповахъ на милость Божію». (*Грамматики Славенскія правильное Сѵнтагма* 1618). Къ сожалѣнію, нельзя точнѣе указать мѣсто, потому что въ этомъ изданіи нѣтъ нумераціи страницъ.

аттрибутъ знаменательности. О недоразумѣніи, къ которому терминъ его подалъ поводъ, было уже выше говорено.

Извѣстно, что преобразователю нашей письменной рѣчи долго ставили въ особенную заслугу раздѣленіе частей рѣчи на два принятые имъ разряда: *главныхъ* (или, какъ говорили, знаменательныхъ) и *служебныхъ*, при чемъ иногда замѣчали, что онъ за сто лѣтъ до Беккера умѣлъ различить Begriffswörter и Formwörter[1]. Но исторія грамматики показываетъ, что это различеніе, хотя и не въ столь оконченной формѣ, восходитъ до отдаленной древности. Еще Платонъ признавалъ только двѣ части рѣчи: *имя* и *глаголъ*, при чемъ онъ подъ этими терминами разумѣлъ вообще подлежащее и сказуемое[2]. У Аристотеля ученіе о частяхъ рѣчи развито уже нѣсколько опредѣленнѣе: онъ принимаетъ *имя*, *глаголъ*, *членъ* и *союзъ*, и называетъ первыя двѣ *знаменательными звучностями* (σημαντικαί φωναί), а послѣднія противопоставляетъ имъ подъ именемъ *незнаменательныхъ* (ἄσημοι)[3]. Выше уже было показано, что Ломоносовъ беретъ слово *знаменательный* въ болѣе обширномъ смыслѣ, отмѣчая имъ реченіе вообще, что̀ также согласно съ Аристотелемъ[4]. Дѣленіе же знаменательныхъ частей слова, по ихъ смыслу, на два разряда встрѣчается у позднѣй-

---

[1] См. между прочимъ предисловіе И. И. Давыдова къ послѣднему изданію грамматики Ломоносова (Спб. 1855), стр. XXIII. Напрасно нѣкоторые думаютъ, что подобное замѣчаніе въ первый разъ пущено въ ходъ Ѳ. И. Буслаевымъ: въ его книгѣ *О преподаваніи отечественнаго языка* (ч. II, стр. 7) сказано только, что три части рѣчи: существительное, прилагательное и глаголъ «могутъ быть названы *знаменательными* (Begriffswörter), въ противоположность остальнымъ, кои назовемъ *служебными* (Formwörter)». Г. Буслаевъ только переложилъ термины Беккера на ломоносовскіе, давъ однакожъ одному изъ послѣднихъ («знаменательныя») иное значеніе, чѣмъ какое соединялъ съ нимъ самъ Ломоносовъ. У Гейзе находимъ терминъ: Stoffwörter и Formwörter.

[2] Платонъ говоритъ о частяхъ рѣчи въ *Софистѣ* и *Кратилѣ*. Нѣтъ сомнѣнія, что эта терминологія употреблялась еще и до него (Schoemann. Die Lehre von den Redetheilen nach den Alten. Berlin 1862, стр. 274). Ср. Egger. Apollonius Dyscole. Essai sur l'histoire des théories grammaticales dans l'antiquité. Paris 1854, стр. 62.

[3] См. Піитику Арист., гл. 20, 21. Также Steinthal, Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen u. Römern. Berlin 1863, стр. 234, 239.

[4] См. Steinthal, стр. 247.

шихъ латинскихъ грамматиковъ. Донатъ, исчисливъ 8 частей рѣчи, прямо говоритъ: «Изъ нихъ двѣ *главныя* (principales), имя и глаголъ»[1]. Присціанъ также учитъ, что по мнѣнію діалектиковъ, собственно двѣ только части рѣчи, имя и глаголъ, потому что онѣ однѣ сами по себѣ могутъ составлять полное предложеніе (plenam faciunt orationem), остальныя же называютъ *однозначущими* (consignificantia), т. е. второстепенными, не самостоятельными[2]. Вѣроятно, ту же мысль нашъ ученый нашелъ у кого-нибудь изъ ближайшихъ къ его времени западно-европейскихъ грамматиковъ. Въ тогдашнихъ нѣмецкихъ трудахъ этого рода, ни у Готшеда, ни у его предшественниковъ, мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго, но другое представляютъ Французы: въ библіотекѣ Ломоносова была грамматика французскаго языка, съ нѣмецкимъ текстомъ, подъ заглавіемъ: «Nouvelle et parfaite grammaire royale française et allemande. Neue und vollkommene Königliche Französische Grammatica», изданная въ Берлинѣ, въ 1736-мъ году[3].

Въ одномъ изъ послѣдующихъ изданій этой грамматики (1752) послѣ обыкновеннаго исчисленія частей рѣчи сказано: «Одинъ изъ новѣйшихъ грамматиковъ, отецъ Бюффье, признаётъ за

[1] Corpus grammaticorum lat. veterum, collegit Fr. Lindemannus. Lipsiae 1831. T. I, стр. 9. Въ этой же книгѣ есть сочиненіе грамматика Фоки, учившаго въ Константинополѣ послѣ Присціана, которое озаглавлено: Ars de nomine et verbo.

[2] Prisciani opera, стр. 66.

[3] Она была куплена Ломоносовымъ въ бытность его за границею, какъ видно изъ *Сборника матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ*, А. А. Куника (I, 131). Г. Будиловичъ принялъ-было эту книгу за Grammaire de Port-Royal (См. *Сборникъ Отд. р. яз. и слов.*, VIII, 271). Авторъ Grammaire Royale — академикъ des Pepliers. О ней упоминаетъ Готшедъ въ предисловіи къ своей грамматикѣ, какъ объ учебникѣ, имѣвшемъ необыкновенный успѣхъ.

Между книгами, бывшими въ рукахъ Ломоносова, показана еще «Grammaire des dames avec introduction», въ первый разъ изданная въ 1712 году и посвященная царевичу Алексѣю Петровичу. Вначалѣ она выходила подъ заглавіемъ: L. G. Steinbrechers Leichte französische Grammaire vor das Frauenzimmer (Dresden 1744). Въ ней я не могъ найти ничего любопытнаго въ отношеніи къ вопросу объ источникахъ грамматики Ломоносова, изданной притомъ за нѣсколько лѣтъ до полученія имъ этой названной у Билярскаго Grammaire des dames (*Матеріалы для біогр. Лом.*, стр. 741).

истинныя и дѣйствительныя части рѣчи только *имя* и *глаголъ*[1]. Прочія отдѣляетъ онъ подъ именемъ *дополнительныхъ* и *видоизмѣняющихъ* (suppletivi и modificativi): къ первымъ онъ причисляетъ членъ и междуметіе, къ послѣднимъ нарѣчіе, предлогъ и союзъ. Мѣстоименіе и причастіе онъ относитъ къ имени». Ломоносовъ, разсуждая о частяхъ рѣчи и отличивъ между ними двѣ *главныя*, хотя и соединяетъ всѣ остальныя подъ именемъ *вспомогательныхъ* или *служебныхъ*, но также дѣлитъ ихъ на два разряда: сперва говоритъ о предлогахъ и союзахъ, какъ показывающихъ отношенія между главными частями рѣчи, а потомъ о мѣстоименіи, нарѣчіи и междуметіи, какъ служащихъ только къ болѣе краткому выраженію мыслей. Впрочемъ онъ, слѣдуя системѣ древнихъ, которая, съ немногими отступленіями, держалась во все продолженіе среднихъ вѣковъ, принимаетъ не болѣе и не менѣе *восьми* частей рѣчи. Исключивъ членъ, какъ не существующій въ русскомъ языкѣ, онъ исчисляетъ ихъ въ томъ же точно порядкѣ, въ какомъ онѣ вообще ставились въ тогдашнихъ грамматикахъ, т. е. имя, мѣстоименіе, глаголъ, причастіе, нарѣчіе, предлогъ, союзъ и междуметіе. Совершенно то же число и тотъ же порядокъ *частей слова* находимъ и у Смотрицкаго. Хотя Ломоносовъ вслѣдъ за такимъ исчисленіемъ и утверждаетъ, что греческіе грамматики считали девять частей рѣчи (то есть, прибавляя членъ), но въ этомъ онъ ошибается: древніе греческіе писатели, даже позднѣйшей Александрійской школы, никогда не считали частью рѣчи *междуметіе*, которое Римляне ввели въ замѣнъ недостававшаго у нихъ члена (чтобы удержать завѣтное число 8); въ греческой грамматикѣ междуметіе появилось между частями рѣчи лишь незадолго передъ временемъ Ломоносова[2].

---

[1] Бюффьé, послѣ замѣчаній о разныхъ разрядахъ словъ, говоритъ: «On voit par là que le *nom* et le *verbe* sont les plus essentielles parties du langage» (*Grammaire française sur un plan nouveau*. Nouvelle édition. Paris 1714).

[2] См. K. E. A. Schmidt. Beiträge zur Geschichte der Grammatik des Griechischen und des Lateinischen. Halle 1859, стр. 219. Ср. Schoemann въ названномъ выше соч., стр. 11. Не забудемъ при этомъ и сочиненія черноризца Храбра «о осми частехъ слова». Зизаній также придалъ своей грамматикѣ названіе

Несмотря однакожъ на нѣкоторыя черты, указывающія на заимствованія въ грамматикѣ Ломоносова, сравненіе ея со множествомъ пересмотрѣнныхъ мною руководствъ этого рода, оставшихся отъ 16-го и 17-го вѣка, удостовѣряетъ, что трудъ его есть вполнѣ самостоятельный и зрѣло обдуманный плодъ внимательнаго изученія. Грамматика Ломоносова оригинальна и по своему расположенію, и по самой разработкѣ законовъ языка. Здѣсь не мѣсто входить въ болѣе подробный разборъ того и другого, но нельзя оставить безъ возраженія слѣдующихъ словъ, читаемыхъ въ предисловіи покойнаго Давыдова къ академическому изданію этой грамматики, напечатанному въ 1855 году (стр. XIX): «Способъ, употребленный имъ (Ломоносовымъ) въ изслѣдованіяхъ грамматическихъ, былъ въ его время общій у западныхъ ученыхъ: сначала излагаетъ онъ философское понятіе о словѣ человѣческомъ, потомъ переходитъ къ русской грамматикѣ. Во внесеніи въ грамматику философскаго основанія могъ служить ему образцомъ Куръ-де-Жебеле́нъ, а въ практическомъ воззрѣніи на нее, какъ на средство правильно говорить и писать — онъ послѣдовалъ школѣ Готшеда».

Тщательныя изысканія приводятъ къ противоположнымъ заключеніямъ: 1, Между грамматиками предшествовавшаго времени мнѣ не удалось найти ни одной, которая бы начиналась изложеніемъ «философскаго понятія» о языкѣ вообще. Существовали уже философскія грамматики[1], но онѣ были изданы отдѣльно, въ другомъ распорядкѣ и объемѣ. Такихъ грамматикъ новаго времени, гдѣ бы прежде всего шла рѣчь о голосѣ и звукахъ, также не оказалось, за исключеніемъ появившейся еще въ 17-мъ столѣтіи уже упомянутой мною англійской грамматики Валлиса

«съвершеннаго искуства осми частей слова». Въ предисловіи къ грамматикѣ Смотрицкаго (изд. 1648) сохранено древнѣйшее исчисленіе на славянскомъ языкѣ частей рѣчи по греческой грамматикѣ: тутъ ихъ также восемь, и впереди всѣхъ названы: 1) *имя*, 2) *рѣчь* (т. е. глаголъ); а далѣе идутъ: 3) *причастіе*, 4) *различіе* (членъ), 5) *мѣстоименіе*, 6) *предлогъ*, 7) *нарѣчіе* и 8) *союзъ*.

[1] Напр. Caspar Sciopріus (1649) Grammatica philosophica, также Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal.

на латинскомъ языкѣ, которая, какъ я уже замѣтилъ, повидимому не была извѣстна Ломоносову.

Болѣе вѣроятно, что онъ зналъ книгу Бернара Лами *De l'art de parler*[1], въ которой первая глава разсматриваетъ «органы голоса: какъ образуется слово»; но трудно сказать положительно, чтобъ онъ что-нибудь извлекъ и изъ этой книги, преимущественно посвященной реторикѣ.

2, Куръ-де-Жебеленъ никакъ не могъ служить Ломоносову образцомъ, потому что началъ издавать свои замѣчательные филологическіе труды только черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти нашего академика († 1765): по имѣющимся у насъ показаніямъ каталоговъ, первое сочиненіе названнаго французскаго ученаго, вошедшее въ его многотомный сборникъ Monde primitif, появилось не прежде 1773 года[2]. Нѣкоторыя сходныя черты въ трудахъ Ломоносова и Жебелена объясняются знакомствомъ того и другого съ существовавшею до нихъ грамматическою литературой. Такъ въ своей всеобщей грамматикѣ послѣдній, указавъ на мнѣніе древнихъ объ имени и глаголѣ, прибавляетъ: «Всѣ прочія части рѣчи считались у нихъ только второстепенными» (toutes les autres n'étaient qu'en sous-ordre)[3]. Мы уже видѣли, что этотъ взглядъ передается и въ нѣкоторыхъ другихъ французскихъ грамматикахъ 18-го вѣка. Ломоносову принадлежитъ въ этомъ случаѣ только счастливый выборъ выраженія *служебныя части слова*. Но едва ли ему было извѣстно и имя Куръ-де-Жебелена, который родился въ 1725 году и слѣдовательно былъ еще молодымъ человѣкомъ, когда нашъ академикъ уже собиралъ матеріалы для своей грамматики.

3, По опредѣленію Ломоносова, русская грамматика «есть знаніе, какъ говорить и писать чисто Россійскимъ языкомъ *по*

[1] Изданную безъ имени автора въ Парижѣ 1675 г. Въ Императорской Публичной Библіотекѣ есть экземпляръ этого сочиненія съ припискою въ заглавіи: par Bernard Lamy.

[2] Ни Брюнè, ни Кераръ не приводятъ болѣе раннихъ изданій трудовъ Court de Gébelin, который род. 1725, ум. 1784.

[3] См. Monde primitif, томъ II, Grammaire universelle, стр. 32.

лучшему, разсудительному его употребленію». Готшедъ напротивъ учитъ, что грамматика есть указаніе, какъ должно правильно и красиво говорить и писать на языкѣ извѣстнаго народа *по лучшему его нарѣчію и по соглашенію лучшихъ его писателей.*

Очевидно, что оба эти опредѣленія расходятся во взглядѣ на основанія правильнаго обращенія съ языкомъ. Самое слово *употребленіе* показываетъ, что Ломоносовъ въ пониманіи задачи грамматики болѣе приближался къ Французамъ, у которыхъ usage всегда считался однимъ изъ самыхъ сильныхъ авторитетовъ.

Названный уже выше іезуитъ Бюффье́, котораго «Grammaire française sur un plan nouveau» пользовалась въ 18-мъ вѣкѣ особеннымъ уваженіемъ, въ началѣ ея подробно разсуждаетъ о значеніи и цѣли грамматики; особенно останавливается онъ именно на употребленіи, и въ главѣ: «Ce que c'est que l'usage et d'où il se tire dans les diverses langues» (т. е. что такое употребленіе и откуда оно берется въ разныхъ языкахъ) замѣчаетъ между прочимъ: «надобно со всѣми составителями грамматикъ признать, что въ каждомъ языкѣ есть *и хорошее и дурное* употребленіе», и потомъ пространно разбираетъ, въ чемъ заключается хорошее употребленіе. Мы видимъ, что Ломоносовъ точно такъ же обособляетъ въ своемъ понятіи *разсудительное и лучшее употребленіе*, но въ выводѣ своемъ относительно употребленія грамматики онъ стоитъ гораздо выше Бюффье, который пришелъ къ такому заключенію: «Грамматика есть сборъ размышленій (un amas de réflexions), сдѣланныхъ и приведенныхъ въ порядокъ для преподаванія и изученія языка».

Мы не знаемъ, была ли въ рукахъ Ломоносова грамматика Готшеда, въ первый разъ напечатанная въ 1748 году, т. е. въ то время, когда нашъ ученый уже былъ занятъ приготовительными работами для своего труда; но во всякомъ случаѣ очевидно, что грамматика Ломоносова осталась совершенно независимою отъ вліянія Готшедовой. Окончу на этотъ разъ замѣчаніемъ, что нѣкоторые недостатки первой и та доля заимствованій, какая въ

ней оказывается, нисколько не могутъ уменьшать въ нашихъ глазахъ заслугъ Ломоносова по языку: Русскіе въ правѣ гордиться появленіемъ у себя въ срединѣ 18-го столѣтія такой грамматики, которая не только выдерживаетъ сравненіе съ однородными трудами за то же время у другихъ народовъ, давно опередившихъ Россію на поприщѣ науки, но и обнаруживаетъ въ авторѣ удивительное пониманіе началъ языковѣдѣнія.

Позднѣйшіе взгляды Русскихъ на свою фонетику.

Какъ смотрѣлъ на звуки русскаго языка знаменитый славистъ, открывшій носовое произношеніе *юсовъ* древняго письма (ѫ, ѧ), вотъ вопросъ для насъ особенно любопытный. Востоковъ написалъ три руководства: 1, *Сокращенную русскую грамматику* для низшихъ учебныхъ заведеній (1831); 2, *Русскую грамматику, полнѣе изложенную* (1831), и 3, *Грамматику церковно-славянскаго языка* (изд. 1863). Во всѣхъ трехъ — замѣчаніямъ о звукахъ посвящено лишь нѣсколько незначительныхъ строкъ, и можно подумать, что стало-быть авторъ мало обращалъ вниманія на эту сторону языка. Но для объясненія такой краткости его въ изложеніи этого предмета довольно вспомнить мѣткое сужденіе И. И. Срезневскаго о Востоковѣ: «Слабыя стороны его грамматики зависѣли почти исключительно отъ дѣйствія силъ, надъ нимъ тяготѣвшихъ: отъ привычныхъ взглядовъ и ожиданій того времени. Податливость его характера позволяла ему соглашаться съ чужими приговорами не только о томъ, что ему менѣе было знакомо, но даже и о томъ, что зналъ онъ и понималъ лучше всѣхъ въ то время, чему противное лежало въ его умѣ, какъ чистое убѣжденіе, добытое провѣренными наблюденіями и уже высказанное въ прежнихъ печатныхъ трудахъ. Изъ этого запаса самостоятельныхъ выводовъ онъ далъ мѣсто въ своей грамматикѣ только тому, что казалось ему не обижавшимъ привычекъ, не ставившимъ его въ борьбу со всѣми. Что это дѣйствительно дѣлалъ онъ, можетъ видѣть всякій, кто потру-

дится сравнить его Русскую грамматику съ его разсужденіемъ о славянскомъ языкѣ и съ другими его сочиненіями. Осторожность заставила его въ Русской грамматикѣ дать мало-видное мѣсто языку простонародному и языку древне-славянскому; *осторожность заставила его объяснять звуковую сторону языка русскаго въ границахъ привычнаго правописанія»*[1].

Дѣйствительно, не только въ названномъ разсужденіи Востокова, относящемся къ 1820 году, но и въ самомъ раннемъ грамматическомъ опытѣ его, напечатанномъ въ 1808[2], разсѣяны такія замѣчанія, изъ которыхъ видно, какъ хорошо понималъ онъ свойство звуковъ языка, или какъ по крайней мѣрѣ старался дать себѣ отчетъ въ томъ, что еще не было достаточно разъяснено. Въ отношеніи къ фонетикѣ онъ вообще держался терминологіи Ломоносова, но отступалъ отъ нея всякій разъ, когда въ самой сущности дѣла приходилъ къ другому выводу. Такъ въ первыхъ же строкахъ грамматики онъ говоритъ: «*Слова* составляются изъ *звуковъ голоса*, изображаемыхъ *буквами*». Къ этому надо прибавить, что въ его разсужденіи буквы иначе названы *стихіями* слова. При раздѣленіи буквъ по натурѣ ихъ онъ, сверхъ гласныхъ и согласныхъ, принимаетъ разрядъ *полугласныхъ*, разумѣя подъ этимъ названіемъ *ъ*, *ь* и *й*. «Буквы *ъ* и *ь*, говоритъ онъ въ 1808 г., ставятся послѣ согласныхъ, первая: когда слово или слогъ произносится *дебело*, а вторая, гдѣ они *тонко*, какъ бы въ половину гласной буквы *и*, произносятся[3]». Это самое понятіе о полугласныхъ встрѣчаемъ мы и въ Разсужденіи о славянскомъ языкѣ, гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ старается физіологически объяснить сущность выговора, означаемаго *еромъ* и *еремъ*. «Полугласныя *ъ* и *ь*, говоритъ онъ, не что

---

[1] *Филологическія Наблюденія Востокова*, изданныя И. Срезневскимъ, стр. XLIX.

[2] Въ *Краткомъ руководствѣ къ росс. словесности*, изд. И. Борномъ.

[3] Далѣе Востоковымъ почти повторено то же самое: «Дебелое и тонкое *ъ* и *ь*, свойственное только славянскому и происшедшимъ отъ него языкамъ, суть ничто иное какъ литеры *о* и *и* нѣмыя или тайногласныя, въ половину произносимыя». (*Краткое руковод.*, стр. 2—10).

иное суть какъ стремленіе воздуха изъ гортани, потребное для образованія всякой изъ пяти гласныхъ *а*, *е*, *і*, *о*, *у*,но не достигающее сего полнаго изглашенія, потому, что на половинѣ пути остановленное ударяется въ нёбо, вмѣсто того, чтобы устремиться въ отверстіе рта. — *ь* ближе подходитъ къ полнымъ гласнымъ отъ того, что гортанный воздухъ для произношенія его совершаетъ въ устахъ болѣе пути и ударяется въ переднюю часть нёба почти къ деснамъ; *ъ* напротивъ того, при самомъ исходѣ изъ гортани, въ нёбо ударяется»[1]. Впрочемъ, это замѣчаніе Востокова не совсѣмъ согласно съ физіологическими наблюденіями надъ натурою обоихъ звуковъ, и, кажется, было внушено нашему покойному сочлену слѣдующимъ размышленіемъ Ломоносова: «Въ продолженіи голоса ударяетъ воздухъ больше въ переднія части рта къ губамъ, или во внутреннія къ гортани. Отъ перваго происходятъ гласныя *тонкія* или *острыя*, отъ послѣднихъ *дебелыя* или *тупыя*»[2]. Общему размышленію Востокова нѣсколько противорѣчитъ его же частное и весьма вѣрное наблюденіе, что при произношеніи *лъ* языкъ прижимается крѣпко къ верхнимъ зубамъ[3]. Оба знаменитые наши ученые, объясняя вообще различіе дебелаго звука отъ тонкаго, не обратили вниманія на особенное при каждомъ изъ нихъ положеніе языка.

Разсматривая *ъ* и *ь*, Востоковъ еще замѣчаетъ о первомъ: «Сей во глубинѣ рта поднебный звукъ между всѣми европейскими языками одному только славянскому принадлежитъ, да и между Славянами остался, какъ кажется, у однихъ Русскихъ и Поляковъ. Но *ь* или *й* (ибо это одно и то же) находится и въ другихъ языкахъ подъ именемъ *j* согласнаго или *y*[4]» (англійскаго Wye). На это позволю себѣ возразить, что звука *еры* при согласной нельзя вполнѣ приравнивать *й* послѣ гласной: *ь* не представляетъ

[1] *Филол. Набл.* Вост., стр. 18.
[2] *Грамм. Ломоносова*, § 20.
[3] *Крат. руковод.*, стр. 9.
[4] *Филолог. Набл.*, стр. 18.

какого-нибудь отдѣльнаго элемента[1]: таковъ онъ только на письмѣ; иначе иностранцамъ ничего бы не стоило произносить наши *нь*, *ть*, *нь* и т. п. Нѣтъ, нашъ *ь* не то же, что *й*, а развѣ только половина его, и потому-то выговоръ отмѣченныхъ имъ согласныхъ такъ труденъ для иноплеменниковъ. Напротивъ, согласныя, отмѣченныя дебелымъ знакомъ (кромѣ *лъ*), произносятся почти такъ же, какъ тѣ же согласныя въ другихъ языкахъ. (То, что Востоковъ замѣтилъ объ этомъ выговорѣ, болѣе относится къ звуку *ы*). Между тѣмъ самъ онъ въ 1808 г. высказалъ совершенно противоположное, но, какъ мнѣ кажется, болѣе вѣрное мнѣніе, что въ окончаніяхъ словъ согласныя съ *еромъ* «произносятся такъ же, какъ иноязычныя таковыя же буквы: *грибъ* какъ trieb; *бра́въ*, *сомавъ*, brav, gaff и т. д. Но съ тонкою *ь* имѣютъ онѣ совсѣмъ другой звукъ: дробь, бровь, ладь, сглазь» и т. д. (Странно только высказанное Востоковымъ передъ этимъ замѣчаніе, будто *бвгфдзмрпт* не имѣютъ дебелаго, а одно только тонкое произношеніе[2]).

Гласныя буквы, въ отличіе отъ полугласныхъ, Востоковъ иногда называетъ *полными* (*Фил. Набл.*, стр. 17). Между ними онъ еще въ 1808 г. отличилъ *чистыя* или *простыя* гласныя *а э и о у* (*Кр. руков.*, 11) отъ *я е ѣ ю*, которыя въ своихъ грамматическихъ трудахъ называлъ то двоегласными, то сложными, то составными[3]. Востоковъ вполнѣ понималъ, что эти сочетанія составляютъ *двоегласные* звуки, чему доказательствомъ служитъ частое употребленіе имъ этого термина какъ въ Разсужденіи о славянскомъ языкѣ, такъ и въ грамматическихъ правилахъ, извлеченныхъ изъ Остромірова евангелія (*Фил. набл.*, стр. 8 и 31). Въ «грамматическихъ правилахъ славянскаго языка» онъ замѣчаетъ, что

---

[1] «Смягченіе, говоритъ академикъ О. Н. Бетлингъ, состоитъ не просто въ соединеніи согласной съ буквою *j*, а въ полномъ сліяніи обоихъ звуковъ, такъ что слышится простой согласный звукъ». (*Учен. Зап. по I и III отд. Ак. Н.*, т. I, стр. 59).

[2] *Кратк. руков.*, стр. 11.

[3] См. въ его *Русской грамматикѣ* Ч. III, о правописаніи, а въ *Славянской* Ч. I, стр. 2.

«буквы ꙗ, ѥ, ю суть *а*, *е*, *у облеченныя гласною і* (*собственно полугласною й или j*); почему, прибавляетъ онъ, онѣ и помѣщены мною непосредственно послѣ чистыхъ гласныхъ ⱥ, є, у». (*Фил. Набл.* стр. 30). Нѣсколько далѣе онъ подтверждаетъ то же, говоря, что надъ гласными є и ⱥ употреблялся въ древности надстрочный ерикъ «для означенія, что ихъ должно произносить *двоегласно*, какъ ѥ и ꙗ».

Одною изъ многихъ услугъ, оказанныхъ Востоковымъ русской фонетикѣ, было обстоятельное опредѣленіе въ 1808 году случаевъ, когда буква *е* произносится какъ *ё*, при чемъ онъ въ первый разъ замѣтилъ, что этотъ выговоръ сроденъ только русскому языку и потому не сообщается словамъ, принятымъ изъ славянскаго, напр. *требовать*, *цѣлебно*, *блаженство*, *семъ* и т. д. Нельзя не пожалѣть, что статья эта, при внесеніи ея въ грамматику, подверглась значительному сокращенію. Къ первоначальному же объясненію правилъ указаннаго произношенія Востоковъ прибавилъ любопытную замѣтку, въ которой отдалъ Ломоносову справедливость за то, что и онъ въ своей грамматикѣ хотя не попалъ еще на настоящую точку при разсмотрѣніи «сей грамматической мелочи», однакожъ, «не пренебрегъ войти въ нѣкоторую подробность о бездѣлицѣ, если можно назвать бездѣлицею вниманіе къ механизму языка, неизслѣдованнаго и необработаннаго,—вниманіе, которое должно вести къ отысканію многихъ важнѣйшихъ сего правилъ, донынѣ еще подъ Изидинымъ покровомъ таящихся»[1].

Раздѣленіе гласныхъ на *дебелыя* (*а о у ы*) и *тонкія* (*э и*) было также принимаемо Востоковымъ[2]; нельзя только одобрить, что онъ къ послѣднему разряду причисляетъ также двугласныя *ю я*, у которыхъ только первый элементъ — тонкій.

Что касается до согласныхъ звуковъ, то Востоковъ сначала въ точности держался дѣленія Ломоносова на: *губные*, *язычные*,

---

[1] *Краткое руководство*, стр. 3—6.
[2] *Филол. Набл.*, стр. 19 и 20. *Русск. Грамм.*, Ч. III, о правописаніи.

зубные, *поднебные* и *гортанные*, при чемъ однакожъ распредѣлялъ ихъ нѣсколько иначе. Впослѣдствіи онъ отнесъ *гортанные* къ *поднебнымъ* и такимъ образомъ ограничился только четырьмя разрядами (*Фил. Набл.* стр. VII и 17).

Буквы *ж ш ч ц щ* онъ называлъ *шепелеватыми* (*Ф. Н.* стр. 20). Различіе же произношенія бо́льшей части согласныхъ при звукахъ *ъ* и *ь* онъ, по примѣру Ломоносова, означалъ терминами *дебелый* и *тонкій* или *отонченный* (тамъ же, стр. 15).

Разсуждая о произношеніи, онъ уже не ограничивается однимъ терминомъ *буквы*, но употребляетъ и слово *звукъ*, какъ показано выше на стр. 69. Такимъ образомъ изъ всего здѣсь изложеннаго видно, что Востоковъ, если исключить нѣкоторыя обмолвки, на звуковую сторону русскаго языка смотрѣлъ замѣчательно вѣрно; можно только пожалѣть, что онъ въ этомъ отношеніи не высказывался рѣшительнѣе, прямѣе, и слишкомъ избѣгалъ столкновенія съ противоположными взглядами.

Современный Востокову составитель пособій по русской грамматикѣ и даже соперникъ его въ отношеніи къ внѣшнему успѣху, Гречъ, никогда не былъ въ сущности изслѣдователемъ языка; тѣмъ не менѣе по распространенности, которою его руководства пользовались нѣсколько десятилѣтій сряду въ нашемъ педагогическомъ мірѣ, необходимо хотя въ немногихъ словахъ сдѣлать оцѣнку подробной «Практической грамматики» Греча[1]. Здѣсь по части фонетики, какъ и въ отношеніи къ языку вообще, онъ выводитъ свои положенія чисто механическимъ образомъ, безъ всякаго углубленія въ предметъ и самостоятельныхъ наблюденій. При чтеніи первой главы его грамматики всякій хорошо знакомый съ трудомъ Ломоносова тотчасъ замѣтитъ, что Гречъ, измѣняя и подновляя форму изложенія, не только не уясняетъ дѣла, но напротивъ скорѣе затемняетъ его. Приступаетъ онъ къ этимологіи очень громко заявленіемъ намѣренія разсмотрѣть «способъ произведенія слышимыхъ звуковъ голоса» и «на-

[1] Спб. 1834, 2-е изданіе.

чать изслѣдованіе сіе обозрѣніемъ отдѣльныхъ звуковъ голоса нашего», но какъ же онъ исполняетъ это намѣреніе? Непосредственно за приведеннымъ заявленіемъ слѣдуетъ заключеніе, что «*буква* есть отдѣльный или начальный *звукъ*, служащій къ составленію словъ», и затѣмъ уже разсматриваются однѣ буквы. Слѣдовательно съ перваго же шага правильность основного взгляда нарушена, вопросъ о томъ, соотвѣтствуютъ ли начертанія звукамъ языка, устраненъ, и начинается путаница понятій; напр., по мнѣнію его, устремляющійся изъ груди черезъ ротъ воздухъ *соединяется съ звукомъ* и это движеніе воздуха называется *дыханіемъ*, aspiratio (§ 87). Принявъ совершенно правильно, по ученію Востокова, разряды *полугласныхъ* и *двугласныхъ* буквъ, Гречъ при опредѣленіи ихъ опять впадаетъ въ явныя несообразности, напр. говоритъ, что «полугласная буква есть звукъ, теряющійся до исхода изо рта». Но всего страннѣе, что онъ, слѣдуя Грамматикѣ Россійской Академіи, считаетъ звукъ *ы* двугласнымъ (§ 85 и 92), т. е. сложеніе *буквы* изъ *ъ* и *і* (*ъ* + *і* = *ы*) принимаетъ за сложность самаго *звука*, очевидно простого.

Указавъ на важныя ошибки Гречевой фонетики, мы были бы однакожъ несправедливы, если бъ не прибавили, что у него встрѣчаются отдѣльныя очень вѣрныя и остроумныя наблюденія, но значеніе ихъ много уменьшается тѣмъ, что они являются безъ органической связи съ остальными замѣчаніями и лишены общей сознательно-выработанной основы.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ явились въ первый разъ *Филологическія Наблюденія* протоіерея Г. П. Павскаго[1]. До тѣхъ поръ ученый авторъ былъ извѣстенъ только немногимъ по неизданному переводу части Ветхаго Завѣта и по напечатанной имъ въ 1818 году *Краткой еврейской грамматикѣ*. Новый трудъ доставилъ ему разомъ громкое имя въ русской наукѣ слова. Обладая рѣдкою способностью анализа, наблюдательностью и преимуществомъ простого, яснаго изложенія, Павскій внесъ много свѣта

[1] Полное заглавіе было: *Филологическія Наблюденія надъ составомъ русскаго языка*. «Первое разсужденіе» вышло въ 1841 году.

въ теорію русскаго языка. Онъ оказалъ ей большую услугу особенно по словообразованію и словопроизводству, значительно подвинулъ пониманіе состава и свойствъ русскаго глагола; но вѣрности его выводовъ много вредило недостаточное изученіе другихъ славянскихъ нарѣчій и пріемовъ сравнительнаго языкознанія; вообще его филологическія свѣдѣнія были нѣсколько односторонни; изслѣдованія его не довольно глубоки и осмотрительны: вотъ чѣмъ онъ такъ много теряетъ въ сравненіи съ Востоковымъ. Слабую сторону труда Павскаго составляютъ, между прочимъ, его сближенія русскаго съ другими языками и извлекаемыя оттуда объясненія словъ, часто основывающіяся на одномъ случайномъ сходствѣ звуковъ, каково напр. обьясненіе русскаго *дешевый* англійскимъ *dogcheap*.

Не болѣе отвѣчаютъ требованіямъ науки воззрѣнія Павскаго на фонетику: Въ его глазахъ письмо должно бы служить закономъ для произношенія. Это ясно изъ слѣдующихъ словъ его: «Выговоръ, встрѣтивъ сильную препону со стороны смысла и правописанія, идетъ однакожъ своею дорогою, и поставилъ себѣ за правило: произносить буквы по-своему, какъ бы онѣ ни были написаны. Это правило, принятое выговоромъ вопреки правописанію, я называю *самоуправствомъ* его» (подчеркнуто самимъ авторомъ *Фил. Наблюд.* I, 101). «Самоуправство выговора, продолжаетъ Павскій, у насъ до того простирается, что онъ основалъ себѣ особенную довольно обширную область и составилъ себѣ постоянные законы, и даже во многихъ случаяхъ увлекъ за собою правописаніе, подчинившееся его законамъ безъ умысла и безъ яснаго сознанія пишущихъ».—Отсюда выходитъ, что живой языкъ какъ бы незаконно завоевалъ себѣ, наперекоръ письму, «довольно обширную область»!

Удивительно ли, что при такомъ взглядѣ дѣленіе буквъ представляетъ у Павскаго странныя несообразности? Въ составленной имъ схемѣ согласныхъ по органамъ, насъ прежде всего поражаетъ, что ему кажутся *глухими* именно тѣ буквы (*б в д г з ж*), при произношеніи которыхъ дѣйствуетъ голосъ, а противопо-

ложныя имъ (*п ф т к х с ш*), т. е. безголосныя, названы у него *ясными*.

Но особенная путаница понятій скрывается за однимъ терминомъ, который имъ введенъ былъ въ нашу грамматику и сбилъ съ толку почти всѣхъ писавшихъ послѣ него о русскихъ звукахъ и буквахъ. Это — выраженіе: *придыханія* и *придыхательныя согласныя*. Чтобъ уяснить дѣло, надобно прежде опредѣлить, что́ именно слѣдуетъ разумѣть подъ *придыханіемъ* (aspiratio). Вопросъ этотъ уже достаточно выясненъ въ германской филологической литературѣ. Благодаря изслѣдованіямъ Кольбрука, Раумера, Брюкке и др., современная наука полагаетъ придыханіе санскрита и древне-греческаго языка въ томъ, что непосредственно за произнесеніемъ мгновенныхъ согласныхъ ($\binom{п\ т\ к}{б\ д\ г}$) слѣдовалъ нѣкоторый развукъ (Nachhall), по мнѣнію Раумера — не вполнѣ развитый спирантъ того же органа, къ которому принадлежалъ предыдущій звукъ, по мнѣнію же другихъ — просто spiritus asper, *h*. Придыхательными буквами у Грековъ были φ ϑ χ; въ позднѣйшее время онѣ повидимому уже не произносились такъ, какъ сейчасъ описано, но слѣдъ первоначальнаго выговора ихъ остался въ способѣ изображенія ихъ у Римлянъ сочетаніями: *ph th ch*.

Первое замѣчательное по этому предмету изслѣдованіе, напечатанное Раумеромъ въ 1837 году[1], еще не было извѣстно Павскому, и онъ, не вникнувъ въ сущность сходныхъ латинскихъ терминовъ, смѣшалъ aspiratio (придыханіе) и spiritus asper (густое дыханіе) съ названіемъ spirans (длительный звукъ: *в ф х с з ш ж*). Самою существенною ошибкой его было то, что для объясненія ъ-а и ь-я онъ счелъ нужнымъ прибѣгнуть къ греческому языку и увидѣлъ въ нихъ то же явленіе, какое представляютъ два греческіе spiritus, исходя при этомъ изъ убѣжденія, что «придыханія находятся во всѣхъ вообще языкахъ». (*Ф. Н.* I, § 18). Въ другомъ мѣстѣ (§ 32) Павскій признаетъ придыханіе за что-то среднее между гласными и согласными буквами и, стараясь

[1] *Die Aspiration und die Lautverschiebung.*

опредѣлить его, говоритъ: «Звукъ, происшедшій отъ приражения дыханія къ устамъ, естьли онъ слабъ и едва примѣтенъ, называется *придыханіемъ* (aspiratio); естьли же твердъ и совершенно ясенъ, называется *согласною буквою*». Изъ предложеннаго выше физіологическаго объясненія звуковъ, видно уже, что эти слова Павскаго никакъ не выдерживаютъ критики, хотя бы онъ здѣсь подъ придыханіями разумѣлъ *спиранты*.

Развивая далѣе свою искуственную теорію, онъ прибавляетъ: «У всякаго органа устъ есть свое придыханіе, равно какъ есть свои согласныя буквы: гортанное придыханіе изображается буквою *ъ*, гортанно-нёбное буквою *ь* (*й*), губное буквою *в*, зубное буквами *с*, *р*, язычное буквою *л*, носовое буквами *н* и *м*». Мы видимъ здѣсь странное недоразумѣніе: во 1-хъ, полугласные *ъ* и *ь* (въ нынѣшнемъ языкѣ означающіе только способъ произношенія согласныхъ) поставлены въ одинъ разрядъ съ такъ называемыми спирантами, а во 2-хъ, эти послѣдніе названы *придыханіями*. Вотъ откуда пошло у насъ часто повторяемое положеніе, что при русскомъ словообразованіи къ гласнымъ присоединяются *придыханія*, какъ напр. въ словахъ *в*острый (вм. острый), *я*блоко (вм. аблоко), с*н*имать (вм. сымать), стра*х*ъ, зѣ*в*ъ, сли*в*ать, влія*т*ь. Дѣло въ томъ, что русскій языкъ, для избѣжанія чистыхъ гласныхъ въ началѣ слога, также для избѣжанія встрѣчи двухъ чистыхъ гласныхъ и для образованія окончаній именъ, пользуется нѣкоторыми изъ длительныхъ согласныхъ, которые, приближаясь къ гласнымъ (см. выше, стр. 42), и играютъ въ такихъ случаяхъ роль придаточныхъ, вспомогательныхъ звуковъ, не принадлежащихъ къ этимологическому составу слова. Таковы: *в г й х*. Справедливѣе называть ихъ просто *призвуками*. Придыхательныхъ же, въ смыслѣ санскритскихъ и греческихъ aspiratae, въ русскомъ языкѣ нѣтъ, какъ нѣтъ ихъ и въ большей части другихъ новѣйшихъ языковъ[1]. Названіе это мо-

---

[1] Изъ словъ И. И. Срезневскаго въ *Мысляхъ объ ист. р. яз.* (стр. 120) можно заключить, что въ верхне-лужицкихъ звукахъ кх и тх слышится что-то подобное древнему придыханію.

жетъ быть придаваемо только германскому *h*, которое отвѣчаетъ греческому spiritus asper.

Далѣе, Павскій еще распространяетъ терминъ *придыхательныхъ* буквъ съ одной стороны на звукъ *с* и на шипящіе *жчшщ* (§ 37), съ другой на звукосочетанія *я е ю*, которыя называетъ придыхательными гласными (§ 25).

Считая *ъ* и *ь* придыханіями, онъ долженъ былъ находить страннымъ, что Востоковъ и Гречъ называли ихъ полугласными: «нѣкоторые, говоритъ онъ (§ 35), вздумали увѣрять насъ, будто буквы *ъ* и *ь* въ древнемъ словенскомъ языкѣ были то же, что краткія гласныя *о* и *е*». Но отвергая вокализмъ *ъ*-а и *ь*-я даже въ первоначальной письменности, онъ самъ видитъ въ нихъ какое-то непонятное, воображаемое значеніе и установляетъ такой законъ: «Естьли гдѣ грамматическое правило потребуетъ удержать твердое придыханіе *ъ* послѣ гласной (!), то въ промежутокъ между гласною и *ъ*-омъ вставить можно помогательныя буквы *в*, *к*, *х* и т. п., которыя и предохраняютъ *ъ* отъ уничтоженія. Такъ изъ корней **ду, слу, слы, сѣ, смѣ, зна,** когда къ нимъ надобно было приложить *ъ*, произошли слова: *духъ*, *слухъ*, *слыхъ*, *сѣвъ*, *смѣхъ*, *знакъ*» (*Ф. Н.* I, § 45). Выше было показано, что самые звуки *в к х*, по мнѣнію Павскаго, суть придыхательные, а здѣсь они становятся между гласною и придыханіемъ. Ясно, что онъ смѣшиваетъ понятіе звука и буквы. Это очевидно и изъ такихъ предполагаемыхъ имъ чисто буквенныхъ построеній: *корабьь*, *журавьь*, *скорбьь*, *червьь*, въ которыхъ, при встрѣчѣ будто бы двухъ *ь*-ей, первый превращается въ *л*, или принимаетъ въ помощь бѣглую гласную, т. е. образуются формы: *корабль*, *скорбей* (§ 49). Другимъ доказательствомъ такого смѣшенія понятій служитъ то, что Павскій, сознавая безразличіе буквъ *е* и *ѣ* въ выговорѣ (§ 18), въ то же время отводитъ послѣдней *среднее* мѣсто между *твердыми* и *мягкими* гласными, потому-де что съ нею могутъ сочетаться (т. е. на письмѣ) всѣ вообще согласныя, тогда какъ *е* въ русскихъ словахъ никогда *не пишется* послѣ *г к х* (§ 55).

Высказанныхъ замѣчаній достаточно для оцѣнки фонетической теоріи Павскаго. Теперь посмотримъ, откуда взялся любимый имъ терминъ *придыханіе*. Хотя этого слова не было въ нашихъ лексиконахъ до изданія, въ 1847 году, академическаго «Словаря церковно-славянскаго и русскаго языка», однакожъ оно въ практическомъ употребленіи встрѣчалось уже и прежде: это видно изъ перевода грамматики Добровскаго, въ 1-й части которой (§ VIII) Погодинъ выраженіе leni flatu передаетъ словами: *легкое придыханіе*[1]; въ другихъ грамматикахъ прежняго времени мнѣ не удалось найти этого слова, но вѣроятно оно употреблялось, если не въ книгахъ, то въ преподаваніи. Очевидно, что оно первоначально было составлено по образцу латинскаго aspiratio, какъ точный переводъ его; въ словарь же было включено вслѣдствіе роли, какую оно играетъ въ трудѣ Павскаго; но при этомъ принято въ выше показанномъ у него значеніи, какъ «звукъ, происшедшій отъ слабаго и едва примѣтнаго приложенія дыханія къ устамъ»[2]. Иначе, но совершенно произвольно, понимаетъ разсматриваемое слово Даль. Это, по его опредѣленію, «дѣйствіе противоположное вдыханію». Примѣръ: «*Гласная буква съ придыханьемъ, придыхательная*, передъ коею» (поясняетъ онъ) «произносится придышкою латынское и нѣмецкое *h*». Слѣдовательно, по толкованію Даля, въ нѣмецкихъ словахъ haben, Hut, во французскихъ hasard, héros, гласные звуки *а*, *и*, *é* суть *придыхательные*.

Вотъ до какой степени понятіе этого слова у насъ еще не установилось: изъ предыдущаго, кажется, уже довольно ясно, что оно пригодно только для передачи термина aspiratio въ томъ смыслѣ, какой придается ему въ отношеніи къ извѣстнымъ зву-

---

[1] «в въ окончаніяхъ ав, ов, оув, ев, ив, должно произносить почти также какъ передъ гласною, то есть съ легкимъ придыханіемъ (leni flatu), которое ближе подходитъ къ латинской буквѣ *f*, нежели къ гласной оу». *Грамматика языка славянскаго по древнему нарѣчію*, соч. *аббата І. Добровскаго. Ч. І. Перев. съ лат. М. Погодинъ*. С.-Петербургъ 1833. Стр. 14.

[2] *Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка*, т. III, стр. 463. Ср. то, что приведено мною выше, стр. 78, изъ Павскаго.

камъ древне-греческаго и индскихъ языковъ, но въ этомъ смыслѣ оно къ русскому вовсе не примѣнимо.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ перваго появленія замѣчательной книги Павскаго, именно въ 1845 году, вышла въ свѣтъ диссертація М. Н. Каткова *объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка*. Успѣвъ уже ознакомиться съ трудами Боппа, Гриммовъ, Вильсона, Бюрнуфа и изучивъ основныя отличія славянскихъ нарѣчій, молодой кандидатъ Московскаго университета подвергъ самостоятельному изслѣдованію звуковые законы ихъ и съ большою основательностью разсмотрѣлъ звуки русскаго языка въ ихъ историческомъ развитіи. Хотя вначалѣ авторъ и заявляетъ намѣреніе держаться подалѣе отъ физіологическихъ наблюденій, однакожъ онъ вездѣ обнаруживаетъ вниманіе къ выводамъ ихъ и вообще вѣрно смотритъ на происхожденіе и свойства звуковъ. Это видно изъ самой терминологіи его: такъ онъ уже отличаетъ *звонкіе* или *ясные* согласные (*г д б з* и проч.) отъ *глухихъ* (*к т п с*), правильно раздѣляетъ звуки по органамъ рѣчи и вполнѣ понимаетъ сущность значенія *ера* и *еря*, которые, говоритъ онъ, «въ древнѣйшій періодъ славянскаго языка заступали мѣсто гласныхъ» (стр. 21); онъ понимаетъ, какъ важна роль, какую они играютъ въ языкѣ, и замѣчаетъ, что при изученіи какого-либо славянскаго нарѣчія прежде всего долженъ быть поставленъ вопросъ: какую тамъ судьбу имѣли оба эти элемента? (стр. 108). Поэтому отъ г. Каткова не могла укрыться ошибочность воззрѣній Павскаго въ дѣлѣ русской фонетики, и, называя его *Наблюденія* остроумными и глубокомысленными, онъ въ то же время не обинуясь выставляетъ встрѣчающіеся въ нихъ недостатки. Такъ въ отношеніи къ *еру* и *ерю* г. Катковъ хорошо оцѣнилъ невѣрность примѣненія къ нимъ теоріи *придыханій*, и указавъ уже отчасти на превратныя понятія Павскаго объ этомъ родѣ звуковъ, замѣтилъ: «Добрая часть недоразумѣнія состоитъ въ словѣ придыханіе. Что за странная мысль заключать придыханіемъ каждое реченіе, которое не кончится на гласную?» Хотя же въ другихъ случаяхъ авторъ и самъ принимаетъ придыханія

въ смыслѣ Павскаго, напр. смѣшиваетъ подъ этимъ именемъ aspiritae и spirantes, считая звуки *ф с ш ж придыхательными*, но надобно помнить, что въ то время вопросъ о различіи этихъ двухъ категорій звуковъ вообще не былъ еще достаточно рязъясненъ, такъ что въ ту же ошибку впадали знаменитѣйшіе филологи: самъ Боппъ считалъ *f* и *v* придыханіями (Vergl. Gram. I[1], 114).

За то М. Н. Катковъ обнаружилъ уже тогда совершенно правильное пониманіе древне-греческой и санскритской аспираціи (стр. 7 и 80), вполнѣ согласное съ приведеннымъ выше заключеніемъ Р. Раумера, хотя и есть поводъ думать, что сочиненіе послѣдняго по этому предмету не было ему извѣстно. Вообще авторъ диссертаціи «объ элементахъ и формахъ сл.-р. языка» во всѣхъ частяхъ своего труда является на высотѣ современной науки, и это изслѣдованіе, въ бо́льшей части затронутыхъ имъ вопросовъ, до сихъ поръ не утратило цѣны. Замѣчателенъ выраженный въ немъ взглядъ на русскій языкъ, который, по мнѣнію автора, страдаетъ излишнею долготою и неуклюжестью словъ, тѣмъ болѣе неудобныхъ для произношенія, что въ нихъ слабое удареніе иногда слишкомъ далеко отъ ихъ середины, отъ чего мы легко впадаемъ въ скороговорку (стр. 76). По поводу сокращенія согласныхъ въ сербскомъ (напр. *човество* вм. *человѣчество*), высказана мысль, что «одинъ неумѣстный педантизмъ можетъ преслѣдовать подобныя уступки благозвучію... Лукавая книга, не чуя ни мало утраты элементовъ гласныхъ, болѣе тонкихъ, какъ бы болѣе духовныхъ, крѣпко держится тяжелой вещественности согласныхъ». Такой взглядъ объясняетъ намъ, почему г. Катковъ уже и въ самомъ этомъ сочиненіи иногда позволяетъ себѣ новыя формы словъ, напр. *художный*, *соотвѣтный*, вм. художественный, соотвѣтственный.

Дальнѣйшимъ важнымъ шагомъ въ наукѣ о славянской фонетикѣ было столь извѣстное въ ученомъ мірѣ изслѣдованіе нашего сочлена: *Мысли объ исторіи русскаго языка*. Чтобы объ-

[1] Rumpelt. Das natürliche System der Sprachlaute, стр. 129.

яснить особенности родной рѣчи, И. И. Срезневскій разсматриваетъ ихъ въ двоякомъ направленіи: времени и пространства, т. е. съ одной стороны постоянно переходитъ отъ настоящаго ко всѣмъ ступенямъ прошедшаго, а съ другой сравниваетъ одновременныя явленія у всѣхъ славянскихъ народовъ. Въ первый разъ онъ настойчиво заявляетъ о необходимости исторіи языка, какъ нераздѣльной съ исторіей народа, и представляетъ опытъ подобнаго изслѣдованія въ такое время, когда только что появившійся трудъ Я. Гримма по исторіи нѣмецкаго языка еще не успѣлъ дойти до насъ; по исторіи же русскаго не было еще ничего, кромѣ слабой попытки Фатера, которая только по своему названію заслуживаетъ быть упомянутою[1]. Г. Срезневскій уже строго отличаетъ народный языкъ отъ письменнаго, требуетъ отдѣльнаго разсмотрѣнія судебъ каждаго, и рѣшительно признаётъ законность «требованій народнаго выговора» въ противоположность «ученому правописанію» (124). Если и онъ, при разсмотрѣніи согласныхъ, говоритъ объ *евфоническихъ придыханіяхъ* (*в н л j г*), то употребляетъ это слово только какъ общепринятый въ то время терминъ, не касаясь его физіологическаго значенія. Это ясно изъ слѣдующихъ словъ его: «Придыханія господствуютъ издавна и въ русскомъ языкѣ, попадаясь впрочемъ въ древнихъ памятникахъ гораздо рѣже чѣмъ въ позднѣйшихъ, и теперь гораздо чаще чѣмъ прежде (*юдоль*, *союзъ*, *юха* вмѣсто *удоль*, *съузъ*=*сънусъ*, *уха*, — *Вольга*, *вонъ*, *вотчина*, *воспа*, *восемь* вмсто *Ольга*, *онъ*, *отьчина*, *осъпа*, *осьмь*, — *параскевгиа*, *гето*, *генварь* вмѣсто *параскеві-а*, *ето*, *іанварь* и пр.). Между говорами русскими есть въ этомъ отношеніи и довольно чувствительная разница (напр. *онъ* = *вонъ* = *вїнъ* = *jонъ* = *гонъ*)». (*Мысли*, стр. 117, 123, 124).

---

[1] Zur Geschichte der Russischen Sprache во 2-мъ выпускѣ книги Analecten der Sprachenkunde, von Dr. I. S. Vater. Leipzig 1821. Еще менѣе можно при этомъ принимать въ соображеніе Frisch, I. L. Historia linguae slavonicae. Berolini 1727—1736 (4 программы). Шафарикъ въ своей Geschichte der slav. Sprache u. Litteratur nach allen Mundarten преимущественно занимается политическою и литературною исторіею.

Историческая грамматика Ф. И. Буслаева занимаетъ такое почетное мѣсто въ области науки и педагогики, что возраженія противъ той или другой частности этого труда конечно не могутъ поколебать заслуженнаго имъ авторитета. Сбираясь сказать нѣсколько словъ относительно перваго отдѣла этой книги, я тѣмъ охотнѣе приступаю къ тому, что уважаемый авторъ ея не только выражалъ нѣсколько разъ желаніе слышать критическія о ней замѣчанія, но и на дѣлѣ воспользовался не однимъ изъ тѣхъ, которыя были высказаны[1].

Самое заглавіе означеннаго отдѣла: «Звуки и соотвѣтствующія имъ буквы» уже показываетъ, какъ правильно авторъ смотритъ на дѣло. «Грамматика, говоритъ онъ, полагаетъ строгое различіе между буквами и членораздѣльными звуками, которые ими выражаются». Поэтому въ основу правописанія у него совершенно справедливо положено разсмотрѣніе звуковъ. Можно только пожалѣть, что различеніе звуковъ и буквъ проведено имъ не довольно полно и отчетливо.

Это бросается въ глаза особенно при разборѣ его теоріи *согласныхъ*. Двумя главными категоріями ихъ, по примѣру Миклошича, въ *Исторической грамматикѣ* признаны *плавные* (*л м н р*) и *твердые*[2] (всѣ остальные). Затѣмъ изъ числа *твердыхъ* отдѣлены *в г* (*h*), *с* и *j*, которые и г. Буслаевъ называетъ уже разсмотрѣннымъ нами терминомъ *придыханій*. Далѣе твердые вмѣстѣ съ плавными подраздѣлены у него по органамъ произношенія на: *губные*, *гортанные*, *зубные*, *нёбные*, *язычные* и *носовые*. Мы сейчасъ видѣли, что къ разряду *согласныхъ* отнесенъ имъ между прочимъ звукъ *j* (йотъ); къ какому же органу онъ принадлежитъ? Въ распредѣленіи по органамъ мы этого звука у г. Буслаева уже не находимъ, но что такое *j*? Въ звуковомъ отношеніи съ нимъ совершенно тожественъ нашъ *й* (самое названіе буквы

[1] См. въ *Зап. Ак. Наукъ* 1865 г., т. VIII, кн. I, критическую статью П. А. Лавровскаго, гдѣ также указано на выраженное г. Буслаевымъ желаніе и откуда авторъ *Ист. грамматики* впослѣдствіи принялъ иное къ соображенію.

[2] Съ тою только разницею, что Миклошичъ всѣ остальные звуки называетъ не *твердыми*, а *нѣмыми* (stumme).

j мы можемъ написать не иначе, какъ *йотъ*, если не прибѣгнемъ къ иностранной буквѣ *j* или къ неудобному сокращенію *ётъ*, гдѣ *ё* = **йо**); а звукъ *й* въ § 25 *Исторической грамматики* признанъ за *краткій гласный* или *полугласный*. Такимъ образомъ одинъ и тотъ же звукъ причисленъ у г. Буслаева къ двумъ разнымъ категоріямъ: и къ согласнымъ, и къ гласнымъ. Выше мы уже видѣли, что этотъ звукъ, какъ сокращеніе гласной, по справедливости можетъ быть названъ *полугласнымъ*. Хотя г. Буслаевъ почему-то и избѣгаетъ изображенія *j* посредствомъ *й*, однакожъ онъ не можетъ вполнѣ воздержаться отъ этого, и въ началѣ § 32 самъ говоритъ, что *й* «смягчаетъ гласные, *передъ* которыми оказывается, напр. поко-й, род. пад. *поко-я* (вм. *поко-й-а*), дат. *поко-ю* (вм. *поко-й-у*)»; далѣе онъ пишетъ: «*мое-j-а* или *мое-й-а*, *истино-j-у* или *истино-й-у*». Не ясно ли, что г. Буслаевъ самъ признаетъ тожество *й* съ *j*? Ниже (I, стр. 63 [1]) онъ употребляетъ еще и такія начертанія: *да-і-аніе*, *одѣ-і-аніе*; здѣсь въ значеніи *й* употреблена уже буква *і*, что́ не излишне было бы оговорить.

Никто не станетъ отрицать, что *ѳ* произносится у насъ какъ *ф*; на это указано и въ *Истор. грам.* (стр. 60), а между тѣмъ эти двѣ буквы подведены г. Буслаевымъ подъ разные органы: *ф* причислена къ губнымъ, а *ѳ* къ зубнымъ; слѣдовательно здѣсь смѣшаны понятія звука и буквы, и начертанію *ѳ* дано мѣсто не по русскому его выговору, а по его иноязычному происхожденію, что́ въ теоріи русской фонетики не можетъ быть признано правильнымъ.

Вмѣсто терминовъ: *звонкіе* и *глухіе* согласные (предложенный г. Катковымъ) г. Буслаевъ употребляетъ названія: *звучные* и *отзвучные* [2], едва ли предпочтительныя, такъ какъ слово *звукъ* есть общее названіе всѣхъ членораздѣльныхъ элементовъ голоса: со-

---

[1] Всѣ ссылки на *Ист. Грамматику* дѣлаются мною по 3-му ея изданію.

[2] Ср. *Мысли объ ист. р. яз.*, стр. 118, и статью г. Лавровскаго въ *Зап. Ак. Наукъ*, т. VIII, кн. I, стр. 23.—Нельзя одобрить и термина *беззвучный*, употребляемаго г. Бодуэномъ-де-Куртенэ: звукъ никакъ не можетъ быть *беззвучнымъ*.

гласные *п т ф* и пр. составляютъ конечно явленія звука, точно такъ же, какъ и соотвѣтствующіе имъ *б д в* и пр., и трудно понять, чѣмъ можетъ оправдываться относимое къ первымъ понятіе *отзвука* (иначе отголоска или резонанса). Между *звучными* въ *Ист. грам.* помѣщенъ и *г*, но безъ оговорки, что знакъ этотъ представляетъ два разные звука (*g* и *h*). Очевидно, что наша буква принята тутъ только въ первомъ значеніи, такъ какъ между *отзвучными* (т. е. безголосными) также пропущенъ *х*, которому соотвѣтствуетъ звукъ *г* (см. выше стр. 12), близкій къ латинскому *h* (*богъ* = бохъ, *бога* = боѓа), чтó указано уже Ломоносовымъ. Въ заключеніе, при распредѣленіи согласныхъ, г. Буслаевъ замѣчаетъ: «Отъ звучныхъ и отзвучныхъ звуковъ отличаются *придыхательные ф ѳ* и *х*, означаемые въ латинскомъ алфавитѣ сочетаніемъ тонкихъ *p t c* (т. е. *к*) съ придыханіемъ *h*; а именно *ph* (*ф*), *th* (*ѳ*), *ch* (*х*)». Выше *придыханіями* были названы у г. Буслаева звуки *в г с j*: слѣдовательно и онъ не избѣгъ извѣстнаго недоразумѣнія, навязаннаго намъ греко-латинскою грамматикою.

Конечно не надо забывать, что въ *Ист. грамматикѣ* рѣчь идетъ не объ одномъ современномъ, но и о древнемъ языкѣ, въ которомъ была своя особенная фонетика. Но о произношеніи древне-славянской рѣчи мы можемъ говорить только соображаясь съ нынѣшнимъ языкомъ: отъ извѣстнаго переходятъ къ неизвѣстному. Авторъ *Ист. грам.* очень хорошо понималъ это, а потому и въ главѣ о звукахъ исходною точкою служитъ ему новый языкъ. Такъ и при разсмотрѣніи согласныхъ онъ исчисляетъ только тѣ буквы славянской азбуки, которыя сохранились въ русской.

Исчисляя труды, относящіеся къ русской фонетикѣ, нельзя не остановиться на изданной въ концѣ 1874 г. книжкѣ М. А. Тулова *Объ элементарныхъ звукахъ человѣческой рѣчи и русской азбукѣ*. Она заслуживаетъ тѣмъ болѣе вниманія, что составляетъ произведеніе нашей небогатой провинціальной литературы и напечатана въ Кіевѣ. Уже прежде мы знали изъ газетъ, что авторъ

ея читалъ тамъ публичныя лекціи о звукахъ языка[1]. Нельзя было не порадоваться такому рѣдкому у насъ проявленію умственной жизни вдали отъ столицы. Книга г. Тулова представляетъ въ главномъ составѣ своемъ результатъ добросовѣстнаго изученія изслѣдованій Гельмгольца и Таузинга[2]. Несмотря на ощутительный въ ней недостатокъ системы, она сообщаетъ весьма полезныя свѣдѣнія по теоріи звуковъ вообще, сопровождая ихъ отчасти физіологическими объясненіями. Въ концѣ ея разсматривается русская азбука по отношенію къ звукамъ языка. Здѣсь разсѣяно немало вѣрныхъ замѣчаній, хотя иногда и можно поспорить съ авторомъ. Такъ напр. онъ говоритъ (стр. 69), что между элементарными звуками русскаго языка вовсе нѣтъ мягкихъ гласныхъ. Справедливо, что такъ нельзя называть составныхъ звуковъ *я ю е*, но развѣ *э*, *и* (*і*) не *мягкія* гласныя? Вслѣдствіе отсутствія такого различенія гласныя въ букварѣ г. Тулова получили слѣдующее неправильное расположеніе:

а — о — у
э — ы — и — і.

Въ другомъ мѣстѣ книги (стр. 72) весьма справедливо замѣчено, что *ы* есть *і* гортанное, отличающееся отъ нёбнаго особымъ начертаніемъ; но затѣмъ г. Туловъ не поясняетъ, что *ы* образуется вслѣдствіе произношенія *і* послѣ *твердой* согласной. Между тѣмъ при разсмотрѣніи буквъ *я ю е* послѣ согласныхъ онъ очень правильно разлагаетъ изображаемые первыми звуки, показывая, что тутъ къ мягкой согласной присоединяется чистая или элементарная гласная (**б'а, в'у, в'э**). Точно такъ же надо было разобрать звуки **бы, вы** и показать, что здѣсь наобо-

[1] См. *Спб. Вѣдомости* 1871 окт. 8 и 22 (№№ 277 и 290).

[2] На трудъ г. Таузинга я не разъ ссылался въ предыдущемъ; что касается до классической книги пр. Гельмгольца, то она недавно появилась въ русскомъ переводѣ г. Пѣтухова подъ заглавіемъ: *Ученіе о слуховыхъ ощущеніяхъ, какъ физіологическая основа для теоріи музыки.* Спб. 1875. (Die Lehre von den Tonempfindungen als physiologische Grundlage für die Theorie der Musik. Von H. Helmholtz. Braunschweig).

ротъ къ согласной дебелой приложенъ тонкій гласный звукъ *и* (**б'и, в'и**). При такомъ анализѣ г. Туловъ конечно не помѣстилъ бы *ы* во второмъ ряду, между *э* и *и*, и дошелъ бы можетъ-быть до заключенія, что этой гласной правильнѣе стоять либо въ концѣ перваго ряда, либо особо между обоими рядами твердыхъ и мягкихъ гласныхъ.

Послѣ вполнѣ вѣрнаго объясненія авторомъ начертаній *я е ю*, когда они слѣдуютъ за согласными, очень страннымъ является его мнѣніе (стр. 70), будто «было бы гораздо основательнѣе соединеніе мягкой согласной съ гласной *о* выразить на *о*, а не на *е* и писать *лöдъ*, *мöдъ*, *нöсъ*[1]». Какъ согласить это съ объясненіемъ г. Тулова, что *о* сохраняетъ тутъ свой чистый звукъ, видоизмѣняется же только звукъ согласной (= **л'о, м'о, н'о**)? Знакъ *ö* выражаетъ германскій и романскій звукъ, совершенно чуждый русскому языку, и потому онъ намъ вовсе не пригоденъ, исключая развѣ случай, когда нужно передать этотъ самый чужеязычный звукъ въ собственныхъ именахъ (Öhman, Göthe); но иностранныхъ буквъ заимствовать въ нашу азбуку не приходится. «Переходъ *ё* въ *е*», прибавляетъ авторъ, «еще не много говоритъ въ пользу употребленія *ё*». Мы думаемъ напротивъ, что этотъ переходъ, или, правильнѣе, обратный переходъ *е* въ *ё* чрезвычайно много говоритъ въ пользу начертанія *ё*: ибо въ русскомъ языкѣ звукъ, соотвѣтствующій этому начертанію, иначе и не является какъ вслѣдствіе обращенія, по извѣстнымъ законамъ, *е* въ *ё*. Пока въ русской азбукѣ будетъ оставаться въ силѣ система, по которой мы пишемъ въ двоякомъ значеніи *я е ѣ ю* (вм. **йа, йэ, йу**, и вм. **'а, 'э, 'у**), до тѣхъ поръ и для изображенія звука **йо, 'о**, трудно придумать начертаніе лучше *ё*.

При бóльшемъ знакомствѣ автора съ изслѣдованіями по исторіи русскаго языка, съ прежними трудами въ области нашей филологіи, книга г. Тулова конечно много выиграла бы въ основательности, но и въ настоящемъ видѣ она не лишена нѣкотораго

---

[1] *Объ элемент. звукахъ*, стр. 70.

значенія, особенно какъ первый спеціальный въ русской литературѣ опытъ по физіологіи звуковъ языка. Въ какой мѣрѣ она отвѣчаетъ педагогической цѣли, о которой заявлено какъ въ заглавіи[1], такъ и въ предисловіи книжки, рѣшать не берусь, находя что разсмотрѣніе этого вопроса сюда не относится.

---

[1] Къ означенному выше заглавію прибавлены слова: «Пособіе для обучающихъ русской грамотѣ».

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ОСНОВАНІЯ ФОНЕТИКИ

по сочиненію профессора Сиверса: **Grundzüge der Phonetik** zur Einführung in das Studium der Lautlehre der indogermanischen Sprachen, von *Eduard Sievers*. Leipzig. 1881[1].

Подъ этимъ новымъ заглавіемъ и въ существенно измѣненномъ видѣ явилось въ 1881 году, вторымъ изданіемъ, сочиненіе профессора Іенскаго университета Сиверса, вышедшее въ первый разъ въ 1876 г. подъ названіемъ: Grundzüge der Lautphysiologie.

Пользуясь преимущественно наблюденіями англійскихъ изслѣдователей, въ особенности Белля, Эллиса и Свита (Sweet), г. Сиверсъ разсмотрѣлъ предметъ со всѣхъ сторонъ, сталъ во многомъ на новую точку зрѣнія, откровенно сознавая невѣрность нѣкоторыхъ изъ прежнихъ своихъ взглядовъ, и такимъ образомъ далъ книгу, которая надолго составитъ эпоху въ области фонологіи. Такъ какъ этотъ трудъ имѣетъ цѣлью служить введеніемъ къ изученію фонетики индоевропейскихъ языковъ вообще, то содержаніе его очень обширно, и потому естественно, что автору не могло одинаково удаться рѣшеніе всѣхъ относящихся сюда вопросовъ; во многихъ случаяхъ онъ самъ предупреждаетъ, что

[1] По важности сочиненія г. Сиверса для изученія началъ фонетики въ примѣненіи ко всѣмъ индо-европейскимъ языкамъ, здѣсь помѣщается обзоръ содержанія этой книги.

говоритъ только гадательно, или прямо заявляетъ о недостаточности своихъ свѣдѣній. Вообще не надо забывать, что разсуждать о звукахъ на бумагѣ и изучать ихъ не всегда съ живого говора людей той или другой національности, есть дѣло чрезвычайно трудное и представляющее свои опасности. Выйти побѣдителемъ изъ этихъ опасностей не всегда удается и такому тонкому наблюдателю, каковъ г. Сиверсъ. Одно уже отсутствіе въ немъ практическаго знакомства съ славянскими языками (онъ уроженецъ Гессена) не могло не составлять важнаго неудобства при выполненіи его задачи. Впрочемъ онъ самъ, въ своемъ предисловіи, говоритъ, что приводя примѣры большею частью изъ нѣмецкаго языка и его нарѣчій, онъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ своихъ соотечественниковъ, изъ которыхъ лишь немногіе были бы въ состояніи основательно провѣрять иноземный матеріалъ. Главною его цѣлію, какъ онъ объясняетъ, было доставить руководство для самостоятельныхъ наблюденій каждаго читателя. Онъ совѣтуетъ всякому начинать изученіе фонетики съ своего роднаго нарѣчія, отъ котораго слѣдуетъ постепенно переходить къ другимъ нарѣчіямъ того же языка; иноязычный же матеріалъ усвоивать себѣ только какъ пособіе для изученія родной рѣчи. Само собою разумѣется, что профессоръ Сиверсъ очень хорошо понимаетъ необходимость въ основаніе фонетическихъ выводовъ полагать свой собственный опытъ, и въ наибольшей части своей книги онъ, конечно, говоритъ по личнымъ своимъ наблюденіямъ надъ самыми звуками. Желая ознакомить русскихъ читателей съ его сочиненіемъ, я намѣренъ сообщить въ сокращенномъ видѣ, большею частію въ дословномъ переводѣ, главные его положенія и выводы, присоединяя къ нимъ иногда свои замѣчанія.

Руководящая точка зрѣнія нашего автора видна изъ слѣдующаго отрывка:

«Общепринятая грамматика начинаетъ обыкновенно съ буквъ или звуковъ, а отъ нихъ восходитъ къ разсмотрѣнію слоговъ, словъ и предложеній. Но само по себѣ ясно, что строго систе-

матическая фонетика должна бы прежде всего разсматривать предложеніе, ибо только оно есть нѣчто въ живомъ языкѣ дѣйствительно существующее, прямо подлежащее наблюденію: слово же, слогъ, отдѣльный звукъ часто принимаютъ въ предложеніи различный видъ, а слогъ, а отдѣльный звукъ въ той абсолютной формѣ, въ какой привыкла представлять его намъ грамматика, по большей части даже и не появляется въ языкѣ одиноко. Поэтому надлежало бы напередъ изслѣдовать предложеніе со всѣми измѣненіями, которымъ оно при устномъ выраженіи можетъ подвергаться (напримѣръ, съ тѣми, какія одно и то же предложеніе испытываетъ, когда оно употребляется какъ простое заявленіе, какъ восклицаніе или какъ вопросъ и т. д.). Не прежде какъ научившись обращать вниманіе на эти измѣняющіяся качества предложенія, должно бы приступать къ анализу самаго предложенія, то-есть, къ изслѣдованію отдѣльныхъ тактовъ рѣчи и слоговъ, какъ членовъ этихъ тактовъ; послѣ этого было бы своевременно разсматривать слоги, какъ таковые, и ихъ отдѣльные звуки. То, что́ въ заключеніе является какъ опредѣленіе отдѣльнаго звука, въ концѣ концовъ не болѣе, какъ зависящій отъ произвольныхъ точекъ зрѣнія отвлеченный выводъ изъ тѣхъ измѣняющихся формъ, въ которыхъ такъ называемый отдѣльный звукъ можетъ появляться въ предложеніи. Но по практическимъ причинамъ, и при изученіи фонетики переходятъ обыкновенно отъ самыхъ простыхъ элементовъ къ болѣе сложнымъ комплексамъ: эта общепринятая метода соблюдается и въ разсматриваемомъ сочиненіи. Но, слѣдуя ей, необходимо имѣть въ виду тотъ важный фактъ, что то немногое, что́ можно сказать объ искусственно обособленномъ отдѣльномъ звукѣ, нисколько не исчерпываетъ сущности его въ живомъ языкѣ. Во всякомъ случаѣ, установленіе системы звуковъ, какъ оно само по себѣ ни важно, составляетъ лишь одну изъ самыхъ элементарныхъ задачъ фонолога, въ кругъ дѣятельности котораго входятъ всѣ формы проявленія произносимой рѣчи. Итакъ, неуспокоиваясь надъ изученіемъ однихъ звуковъ, надо столь же вни-

мательно изслѣдовать, опять-таки руководясь всего болѣе роднымъ языкомъ, образованіе слоговъ, тактовъ и предложеній. Затѣмъ всѣ пріобрѣтенныя такимъ образомъ свѣдѣнія должны быть повѣряемы надъ разработкой живыхъ языковъ и нарѣчій, и только сознавая себя вполнѣ подготовленнымъ, можно приняться за приложеніе фонетическихъ выводовъ къ объясненію болѣе давнихъ состояній языка и постепенныхъ его измѣненій до настоящаго времени».

Въ параграфѣ, озаглавленномъ: «Общія акустическія положенія», г. Сиверсъ выясняетъ главныя основанія теоріи звуковъ. Къ сожалѣнію, русскій языкъ не имѣетъ того богатства терминовъ, какимъ обладаетъ нѣмецкій, для выраженія всѣхъ оттѣнковъ понятій о звукахъ. Такъ, у насъ нѣтъ слова для отличія Schall отъ Laut. Первое авторъ употребляетъ въ самомъ обширномъ смыслѣ, второе только въ примѣненіи къ языку.

Понятіе Schall онъ подраздѣляетъ на Geräusche (шорохи) и musikalische Klänge (музыкальные тоны), и разницу между ними опредѣляетъ тѣмъ, что ощущеніе тона вызывается быстрыми періодическими движеніями звучащихъ тѣлъ, ощущеніе же шороха — непе
ріодическими движеніями.

Всякое тѣло, способное производить музыкальные звуки, имѣетъ свой особенный тонъ, который различенъ, напримѣръ, у смычковаго инструмента, у фортепіано, наконецъ въ каждомъ замкнутомъ воздушномъ пространствѣ. Такія пространства называются резонансовыми (отзвучными) и въ разныхъ видахъ имѣются при духовыхъ инструментахъ. Въ этомъ примѣненіи ихъ называютъ надставными трубами, потому что они по большей части бываютъ непосредственно соединены съ источникомъ звуковъ. Такую же связь источника музыкальныхъ звуковъ съ надставною трубой, способною къ самымъ разнообразнымъ видоизмѣненіямъ проходящаго звука, и внутри которой могутъ быть въ то же время производимы весьма различные шорохи, представляетъ органъ человѣческой рѣчи.

Далѣе подробно описываются три существенно несходныя

между собой части этого органа: дыхательный снарядъ, гортань и расположенная впереди послѣдней надставная труба[1].

Дыхательный снарядъ производитъ необходимый для произнесенія звуковъ воздушный токъ; гортань же и надставная труба служатъ къ тому, чтобы своими артикуляціями, одновременно или независимо одна отъ другой, обработывать этотъ воздушный токъ.

Надставною трубой называется совокупность всѣхъ полостей, принадлежащихъ къ органу рѣчи и находящихся надъ голосовою щелью. Сперва идетъ полость зѣва, потомъ устная и носовая полости.

Полость рта, самая сложная часть надставной трубы, лежитъ между неподвижною верхнею челюстью и подвижною нижнею. Отъ подъема и опущенія послѣдней измѣняются въ различной степени пространство и форма устной полости. Ихъ разнообразіе еще увеличивается отъ движеній мягкихъ частей, соединенныхъ съ обѣими челюстями, именно: мягкаго нёба, языка и губъ.

Мягкое нёбо или нёбная занавѣска (velum palati) начинается за твердымъ нёбомъ, которое идетъ до окончанія верхняго ряда зубовъ. За чертою ихъ можно пальцемъ ощупать эту мягкую мускульную плоскость. Когда ротъ закрытъ, она бываетъ опущена, и дыханіе проходитъ черезъ носъ; когда же какой-нибудь звукъ произносится болѣе или менѣе открытымъ ртомъ, то мягкое нёбо подымается, чтобы преградить воздуху путь черезъ носъ.

За зубами лежитъ языкъ, участвующій въ произнесеніи почти всѣхъ звуковъ и заостренный впереди свободно-движущимся, менѣе массивнымъ кончикомъ. Къ его задней, спускающейся части примыкаетъ надгортанникъ, который имѣетъ

---

[1] Многія изъ излагаемыхъ за симъ по книгѣ г. Сиверса данныхъ далеко не новы, но онѣ являются у него въ новой группировкѣ и въ новомъ освѣщеніи, а потому и сообщаются здѣсь въ извлеченіи для связи съ послѣдующими свѣдѣніями.

форму груши, обращенной впередъ широкимъ концомъ своимъ, и закрываетъ какъ клапанъ верхнее отверстіе гортани.

Губы, участвуя въ образованіи разныхъ звуковъ, то раскрываются широко, какъ для произнесенія *а*, то образуютъ щель съ отдергиваніемъ угловъ рта, какъ для *і*, то представляютъ круглое или овальное отверстіе, какъ для *о* и *у*, при чемъ губы сверхъ того выдвигаются впередъ.

Надъ полостью рта, вдоль всего ея протяженія лежитъ носовой каналъ, окруженный твердыми стѣнками и потому неизмѣнный въ своей формѣ. Онъ отдѣляется отъ устной полости твердымъ и мягкимъ нёбомъ, о чемъ уже было говорено, и оканчивается двумя устьями — ноздрями, которыя не могутъ быть закрываемы подобно рту.

Пока органы рѣчи остаются неподвижны, невозможно произнести ни одного звука; для этого необходимо по крайней мѣрѣ одну какую-нибудь часть ихъ вывести изъ спокойнаго состоянія и противопоставить какъ преграду дыхательному току, другими словами: должна произойти артикуляція.

Однимъ дыханіемъ, даже при усиленіи его, невозможно произвести ни одного звука рѣчи. Во время обыкновеннаго молчанія мы дышимъ медленно и равномѣрно; когда же говоримъ, то быстрымъ подъемомъ грудной полости вводимъ въ легкія большее количество воздуха; выдыханіе происходитъ толчками, при различномъ давленіи, съ различною энергіей. Итакъ, хотя дыханіе служитъ также факторомъ образованія звуковъ, но выраженіе «артикуляція» можетъ быть употребляемо только въ смыслѣ преграждснія выдыхательнаго тока тѣми или другими частями органовъ рѣчи.

Первый изъ этихъ органовъ, который посредствомъ артикуляціи можетъ противопоставить преграду выдыхательному току, есть гортань. Здѣсь артикуляція заключается только въ постепенномъ суженіи голосовой щели до совершеннаго затвора. Съ различными степенями суженія голосовой щели сопряжены разныя степени силы выдыханія воздуха, и смотря по этому, въ

гортани происходятъ самые разнородные шорохи и тоны. Первые называются гортанными шорохами, послѣдніе общимъ именемъ голоса или голосового тона. Итакъ, подъ голосомъ мы разумѣемъ музыкальный тонъ, произведенный мѣрными дрожаніями голосовыхъ связокъ, какой бы то ни было силы, высоты и т. д., и притомъ независимо отъ образованія посредствомъ его разныхъ звуковъ рѣчи.

Изъ гортанныхъ шороховъ при обыкновенной громкой рѣчи появляются только два — греческіе spiritus asper (нѣмецкій h) и spiritus lenis[1]. Голосъ же служитъ къ образованію гласныхъ, носовыхъ, плавныхъ и другихъ «звонкихъ» согласныхъ, то-есть, именно тѣхъ звуковъ, на которыхъ главнымъ образомъ основывается слышимость и музыкальность языка.

При шопотѣ голосовая щель бываетъ не совсѣмъ закрыта; въ то же время выдыхательное давленіе такъ уменьшено, что воздушный токъ уже не имѣетъ силы произвести звучаніе голосовыхъ связокъ, и можетъ только своимъ треніемъ о нихъ образовать тѣ самые гортанные шорохи, о которыхъ было упомянуто. Насколько позволяетъ ихъ акустическій характеръ, они бываютъ сходны съ голосовымъ тономъ.

Есть цѣлые ряды звуковъ, при которыхъ гортань остается совершенно пассивною. Напротивъ, надставная труба всегда имѣетъ замѣтное вліяніе на характеръ отдѣльныхъ звуковъ, и ея артикуляціи постоянно производятъ только особые звуки. Каждой формѣ артикуляціи надставной трубы отвѣчаетъ только одинъ образуемый ею звукъ рѣчи, въ которомъ, конечно, могутъ быть различныя степени, смотря по силѣ выдыхательнаго давленія, или различныя качества, смотря по тому, участвуетъ, или не участвуетъ гортань въ артикуляціи. Если, напримѣръ, мы дадимъ надставной трубѣ форму артику-

[1] Звукъ легкаго придыханія (spiritus lenis), по наблюденіямъ англійскихъ фонетиковъ и г. Сиверса, предшествуетъ произношенію всѣхъ гласныхъ и слышится особенно при шопотной рѣчи: въ горлѣ какъ будто хруснетъ (ein eigenthümliches Knacken: *Сиверсъ*, стр. 110). Признаюсь, при всемъ стараніи, я не могу уловить этого звука, по крайней мѣрѣ при громкой рѣчи.

ляціи, нужную для *а*, то будемъ неизмѣнно производить *а*, пока будетъ продолжаться данное рту положеніе, станемъ ли говорить громче, или тише, или шопотомъ, выше или ниже. То же можно замѣтить при образованіи *ф*, *с*, *х*, или *б* — *п*, *д* — *т*, *г* — *к* и т. д. Однакожъ различія степени сопровождаются и небольшими измѣненіями въ формѣ артикуляціи, напримѣръ, болѣе сильнымъ сжатіемъ губъ при *п*, нежели при *б* и проч.

Наблюдая образованіе *п*, *т*, *к* или *ф*, *с*, *х*, легко замѣтить, что при этомъ гортань не принимаетъ участія въ произведеніи звука, что, напротивъ, незвонкій воздушный токъ гдѣ-то въ надставной трубѣ (напримѣръ, у губъ при *п* и *ф*) встрѣчаетъ преграду, подающую поводъ къ образованію въ этомъ мѣстѣ шороха. Съ уничтоженіемъ преграды тотчасъ же прекращается и шорохъ, хотя бы выдыханіе продолжалось. Если ее произвести въ другомъ мѣстѣ надставной трубы, то появится совершенно отличный отъ перваго шорохъ. Въ каждомъ случаѣ можно внутри надставной трубы опредѣлительно указать мѣсто, гдѣ шорохъ беретъ свое начало.

Совсѣмъ другое видимъ при образованіи гласнаго, напримѣръ *а*. Мы знаемъ, что здѣсь гортань доставляетъ голосъ, какъ субстратъ звука; но голосъ же служитъ необходимымъ матеріаломъ для *і*, *у* и т. д. Отъ *а* доходятъ до *і* или до всякаго другого гласнаго одними измѣненіями формы надставной трубы, между тѣмъ какъ гортань вполнѣ удерживаетъ прежнее артикуляціонное положеніе. Поэтому разница между *а*, *і*, *у*, точно такъ же, какъ разница *ф*, *с*, *х*, зависитъ отъ артикуляціи надставной трубы, но нигдѣ внутри ея нельзя указать пункта, при которомъ былъ бы образованъ свойственный гласному *а* въ противоположность *і* и *у* звукъ (какъ нѣчто отъ голоса независимое). Напротивъ, здѣсь надставная труба дѣйствуетъ какъ цѣлое (по закону отраженія), видоизмѣняя произведенный гортанью голосъ.

Итакъ, въ первомъ случаѣ артикуляція надставной трубы производитъ образованіе самостоятельнаго звука (*ф*, *с*, *х*), во второмъ же случаѣ только видоизмѣненіе образованнаго въ дру-

гомъ мѣстѣ звука (голоса). Поэтому артикуляцію перваго рода г. Сиверсъ называетъ *образующею звукъ* (звукообразовательною, schallbildend), артикуляцію же второго рода — *видоизмѣняющею звукъ* (schallmodificirend).

Изъ сказаннаго видно, что для образованія звука рѣчи нужны три фактора:

1) Выдыхательный токъ различной силы и продолжительности.

2) Производящее звукъ преграждение этого тока, которое можетъ быть различно, смотря по мѣсту (въ гортани, въ надставной трубѣ, или въ обѣихъ одновременно), по степени (затвору или стѣсненію), по продолжительности или энергіи; энергія преграждения соразмѣряется съ энергіей выдыханія.

3) Отражающее пространство, которое даетъ звуку его особую окраску.

Переходя къ принципіальному вопросу о дѣленіи и системѣ звуковъ рѣчи, г. Сиверсъ находитъ, что старинное различеніе гласныхъ (вокаловъ) и согласныхъ (консонантовъ), хотя и очень удобное на практикѣ, не вполнѣ удовлетворительно въ научномъ смыслѣ, потому что основано не на сущности звуковъ, а на функціи ихъ, то-есть, на роли, какую они играютъ при образованіи слоговъ. Это, по его мнѣнію, издавна мѣшало успѣшному изслѣдованію дѣйствія однихъ звуковъ на другіе и ихъ самостоятельныхъ измѣненій. Г. Сиверсу кажется, что даже и въ отношеніи къ функціи гласныхъ и согласныхъ, между ними нельзя провести точной границы, потому что нѣкоторые такъ называемые согласные, именно плавные и носовые, также могутъ служить къ образованію слоговъ, въ примѣръ чего онъ приводитъ нѣмецкія слова ritten и handel, при произношеніи которыхъ гласная *e* вовсе не артикулуется, а отъ *t* дѣлается переходъ прямо къ *n* и *l*, получающимъ въ этомъ случаѣ значеніе гласныхъ. Разница же звуковъ въ отношеніи къ функціи ихъ, по наблюденію нашего автора, заключается въ томъ, что въ каждомъ слогѣ бываетъ одинъ звукъ, который выдается надъ

другими и который поэтому можно называть вершиной слога (Silbengipfel) или носителемъ слогового акцента, а остальные служатъ только его спутниками; въ примѣръ первыхъ приводится *a* въ слогахъ *an*, *al*, *ab*, *ap*, *at* и *na*, *la*, *ba*, *pa* и т. д. Такъ точно, говоритъ г. Сиверсъ, въ словахъ: *rit-tn*, *han-dl* звуки *n*, *l* несутъ на себѣ акцентъ второго слога. Такіе звуки уже Таузингъ предлагалъ называть сонантами, а второстепенные — консонантами (Mitlauter, созвучными). Въ томъ, что послѣднее названіе будетъ, вслѣдствіе того, имѣть двоякое значеніе (то-есть, и значеніе согласныхъ по-старинному), нашъ авторъ не видитъ большого неудобства, такъ какъ роль сонантовъ будутъ по большей части играть гласные, а консонантовъ согласные, по прежнему дѣленію. Ниже мы яснѣе увидимъ, въ чемъ собственно заключается сущность вновь установляемаго различія, а покуда замѣтимъ, что несмотря на указанные г. Сиверсомъ недостатки стариннаго раздѣленія звуковъ на вокалы и консонанты, оно никогда не выведется изъ употребленія, что̀ впрочемъ признаётъ и самъ онъ.

Это раздѣленіе, по его словамъ, такъ тѣсно связано со всею относящеюся сюда терминологіей, вообще со всѣми фонетическими изслѣдованіями, что было бы невозможно вполнѣ замѣнить его чѣмъ-нибудь другимъ. По моему мнѣнію, кромѣ того, въ самомъ способѣ образованія гласныхъ и согласныхъ есть различіе, которое заставляетъ относить ихъ къ двумъ разнымъ категоріямъ звуковъ: гласные образуются болѣе или менѣе открытымъ ртомъ при нѣкоторомъ только участіи языка и губъ; согласные же требуютъ бо́льшаго или меньшаго сближенія двухъ частей органовъ рѣчи, — преграды, которая составляетъ необходимое условіе для произнесенія подобнаго звука.

Затѣмъ разсматривается вопросъ: что̀ разумѣть подъ отдѣльнымъ звукомъ? До сихъ поръ обыкновенно довольствовались означеніемъ формы артикуляціи звука въ надставной трубѣ и опредѣленіемъ: участвуетъ, или не участвуетъ гортань (то-есть, голосъ) въ артикуляціи его; но при этомъ не обращали

вниманія на многообразные оттѣнки звука, зависящіе отъ выдыханія и качественнаго вида преграждения въ гортани. Такъ напримѣръ, подъ категорію звука *a* подводили всѣ тѣ звуки, которые могутъ быть производимы при извѣстномъ положеніи рта и при звучащемъ голосѣ, не принимая въ расчетъ продолжительности, силы, высоты отдѣльныхъ звуковъ, изъ которыхъ выведена категорія *a*. Но недостаточно противопоставлять одинъ звукъ другому, напримѣръ *a* звуку *o* по одной формѣ артикуляціи ихъ: необходимо давать себѣ отчетъ и въ разновидностяхъ, отличаемыхъ слухомъ подъ каждымъ изъ этихъ общихъ типовъ.

Конечно, нѣтъ никакой возможности составить удовлетворяющую всѣмъ требованіямъ общую систему, въ которой нашли бы мѣсто всѣ возможные звуки органовъ человѣческой рѣчи: никто не въ состояніи обозрѣть всѣхъ возможныхъ видоизмѣненій отдѣльныхъ формъ артикуляціи. Всякій вновь изслѣдованный языкъ можетъ доставить новыя видоизмѣненія, которыя не подойдутъ подъ систему, извлеченную изъ прежде-извѣстныхъ намъ языковъ. Но и въ болѣе ограниченномъ кругѣ наблюденій составленіе общей системы неисполнимо, потому что условія образованія звуковъ такъ разнообразны, что для созданія системы нужно бы произвольно отдать предпочтеніе однимъ факторамъ передъ другими, а за полученною такимъ способомъ системой нельзя признать безусловнаго значенія. Поэтому г. Сиверсъ, въ противоположность новѣйшимъ стремленіямъ установить общую систематику звуковъ, держится той мысли, что дальнѣйшее развитіе звуковой систематики можетъ имѣть успѣхъ только на основаніи изслѣдованія и описанія частныхъ системъ отдѣльныхъ говоровъ, изъ чего, далѣе, могутъ происходить болѣе общія системы для цѣлыхъ группъ нарѣчій и языковъ, но всегда въ примѣненіи къ опредѣленнымъ потребностямъ. Въ разсматриваемомъ трудѣ, какъ имѣющемъ свое спеціальное назначеніе, авторъ прямо устраняетъ разсмотрѣніе всѣхъ звуковъ, которыхъ до сихъ поръ не оказывалось въ индоевропейской

звуковой системѣ, каково, напримѣръ, щёлканье (Schnalzlaute) Готтентотовъ или гортанные звуки семитскихъ языковъ. Цѣль книги, говоритъ онъ, должна служить рѣшающимъ указаніемъ и при составленіи общихъ опредѣленій извѣстныхъ звуковыхъ группъ то-есть, мы должны считать нормальными тѣ формы звука (его разновидности, принимавшіяся до сихъ поръ за звуковую единицу), которыя съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ могутъ быть угадываемы какъ нормальныя формы общаго прародителя новыхъ индоевропейскихъ языковъ или, во всякомъ случаѣ, какъ историческіе предшественники новѣйшихъ звуковъ.

Разсуждая объ основныхъ началахъ, на которыхъ можетъ быть построена такая система звуковъ, г. Сиверсъ выставляетъ трудность выбрать предпочтительно который-нибудь изъ факторовъ артикуляціи, необходимыхъ въ совокупности для образованія звука; они были выше исчислены, таковы именно: выдыханіе, преграждение и резонансъ; первое можетъ быть различно по силѣ и продолжительности; второе — по степени и мѣсту. Каждый изъ этихъ факторовъ можетъ быть взятъ теоретически за исходную точку дѣленія; но къ тому можетъ служить также и акустическое значеніе звуковъ, вытекающее изъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ факторовъ. Въ практическомъ отношеніи автору кажется всего удобнѣе начать съ послѣдняго основанія, за которымъ будутъ слѣдовать и другія.

Этимъ оканчивается введеніе, составляющее первую главу книги. Во второй главѣ разсматриваются, по обозначенной системѣ, группы звуковъ рта и отдѣльные звуки.

По своему акустическому значенію звуки раздѣляются на двѣ группы: 1) сонóры или чисто-голосовые звуки (reine Stimmlaute), исходящіе исключительно изъ гортани и имѣющіе основою голосъ, и 2) шорохи, образующіеся въ надставной трубѣ; ихъ можно назвать безголóсными (tonlos). Къ разряду соноровъ отнесены гласные, плавные (то-есть, звуки *л* и *р*) и носовые (*м* и *н*). Къ разряду безголосныхъ, напримѣръ, *к*, *т*, *ф*, *с*.

Но есть еще и такіе звуки, при произнесеніи которыхъ голосъ и шорохи сливаются, напримѣръ *в*, *з*. Такіе смѣшанные звуки составляютъ въ акустическомъ отношеніи переходъ отъ соноровъ къ шорохамъ, и потому ихъ можно причислять къ одному изъ двухъ названныхъ разрядовъ, смотря по тому, который изъ обоихъ элементовъ въ нихъ преобладаетъ и субъективно признаётся наиболѣе существеннымъ. Вмѣстѣ съ сонорами они образуютъ группу голосовыхъ звуковъ (stimmhafte Laute); съ чистыми же шорохами они сближаются по общему способу образованія шороховъ, но для отличія отъ первыхъ получаютъ названіе голосовыхъ или полусонорныхъ шороховъ. Отсюда видно, что собственно говоря, нельзя провести безусловной границы между сонорами и голосовыми шорохами. Поэтому мнѣ кажется, что едва ли не справедливѣе и не проще было бы оставаться при прежнемъ раздѣленіи звуковъ на голосовые (tönende) и безголосные (tonlose)[1].

Затѣмъ излагаются виды артикуляціи: сперва гортани, а потомъ надставной трубы. Въ послѣдней устный каналъ представляетъ три принципіально различныя положенія:

1) Устный каналъ на всемъ своемъ протяженіи такъ широко раскрытъ, что выдыхаемый воздухъ проходитъ чрезъ него, не производя устнаго шороха; тогда полость рта служитъ только резонансовою средою. Это бываетъ при всѣхъ сонорахъ.

2) Устный каналъ настолько стѣсненъ, что выдыхаемый токъ производитъ между краями тѣснины шорохъ тренія;

[1] Прежде называлъ я первые *громкими*, вторые же, по примѣру Брюкке, *шопотными*, но сознаюсь, что эти названія не довольно точны; громкость можетъ быть различной степени, да и не заключаетъ въ себѣ никакого опредѣлительнаго признака; съ шопотною же рѣчью соединяются условія, которыми не всегда сопровождается произнесеніе безголосныхъ звуковъ. Притомъ г. Сиверсъ, согласно съ нѣкоторыми другими изслѣдователями, утверждаетъ, что и при шопотѣ можно сохранять отличіе голосовыхъ шороховъ отъ безголосныхъ. Еще менѣе удачнымъ нахожу терминъ: *звучные* и *отзвучные*, придуманный, кажется, Срезневскимъ, а потомъ употреблявшійся и нѣкоторыми другими. Согласимся что называть *звуки звучными* или *отзвучными* по меньшей мѣрѣ странно.

это бываетъ, напримѣръ, при такихъ звукахъ, какъ *ф*, *с*, *х* или *в*, *з*.

3) **Устный каналъ** въ одномъ мѣстѣ **совершенно закрытъ**, напримѣръ у губъ при *б*, *п*; за зубами при *д*, *т*; у нёба при *г*, *к*, а также и при такъ-называемыхъ носовыхъ *м*, *н*.

Если назвать всѣ тѣ звуки, которые происходятъ отъ тренія воздушнаго тока о края тѣснины, **спирантами** или **протóрными звуками**[1] (Reibelaute, fricativae), звуки же, образующіеся посредствомъ полнаго затвора органа рѣчи,—**смычными** (Verschlusslaute), то изъ вышеуказанныхъ факторовъ получатся слѣдующія группы звуковъ: 1, гласные и плавные, — чистые соноры (безъ участія носового канала); 2, назалированные гласные и назалированные плавные; 3, спиранты; 4, смычные звуки (собственно говоря, — устно-смычные), и 5, носовые, которые могутъ быть названы назалированными устно-смычными звуками, такъ какъ при образованіи ихъ устный каналъ, посредствомъ опущенія нёбной занавѣски, бываетъ совершенно закрытъ, воздушный же токъ проходитъ чрезъ носовую полость.

Относительно смычныхъ звуковъ г. Сиверсъ считаетъ нужнымъ замѣтить, что одно положеніе смычки (затвора) само по себѣ еще не можетъ образовать звука; при безголосномъ выдыханіи затворъ обоихъ отверстій устной области для пропуска воздуха просто равносиленъ полному прекращенію всякаго звукообразованія, равно какъ и затворъ голосовой щели. При звучаніи голоса положеніе устнаго затвора можетъ, пожалуй, видоизмѣнять звукъ, но особенно характеристическую черту смычныхъ звуковъ составляетъ **актъ затвора и разрѣшенія** его, то-есть, тѣ два момента, которые предшествуютъ положенію смычки и слѣдуютъ за нею. Но такъ какъ эти три момента (смы-

[1] Иногда употреблявшійся у насъ терминъ *проточные* оказывается неудобнымъ, такъ какъ и другіе звуки образуются при условіи **протока** воздуха черезъ ротъ или носъ. Прил. *протóрный* образовано отъ занесеннаго въ акад. словарь слова *протóръ*, означающаго «возможность съ трудомъ проходить или протираться», чтó совершенно отвѣчаетъ понятію звуковъ, извѣстныхъ у Нѣмцевъ подъ именемъ Reibelaute.

каніе, положеніе смычки и растворъ) необходимо связаны одинъ съ другимъ, то мы на практикѣ и считаемъ ихъ фонетическій результатъ за единичный звукъ языка.

Въ одномъ изъ примѣчаній къ параграфу о видахъ артикуляціи нашъ авторъ предостерегаетъ противъ смѣшенія выраженій: spirant и aspirata, на чтó было обращено вниманіе уже и мною въ Филологическихъ Разысканіяхъ (см. выше, стр. 76). «Большая путаница», говоритъ онъ, — «которою долго страдало, напримѣръ, ученіе о развитіи медіальныхъ придыханій въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ, была въ сущности слѣдствіемъ неясныхъ представленій въ этой области... Когда спиранту предшествуетъ смычка, то получается двойной звукъ — affricata, то-есть смычной звукъ + спирантъ[1]; когда же за растворомъ смычки слѣдуетъ простое дыханіе, то происходитъ то, чтó мы называемъ aspirata (придыхательный звукъ). Къ числу смычныхъ звуковъ принадлежатъ только такъ-называемые tenues и mediae съ ихъ aspiratae по общеупотребительной терминологіи; къ спирантамъ, напротивъ, всѣ другіе звуки-шорохи, въ особенности же латино-нѣмецкіе *ф* и *х* (ch), англійскій *th* или φ, χ, ϑ по новогреческому произношенію, которые только по недоразумѣнію смѣшиваются съ греческими придыхательными.

Далѣе звуки разсматриваются по мѣстамъ артикуляціи ихъ, то-есть, по тѣмъ пунктамъ органовъ рѣчи, гдѣ образуются тѣснины или смычки; такимъ образомъ мы говоримъ, что, напримѣръ, мѣстомъ артикуляціи *п*, *б*, *м* (безъ отношенія къ вопросу о совмѣстномъ дѣйствіи голоса) служатъ обѣ губы, мѣсто артикуляціи *ф* находится между нижнею губой и верхними зубами, и т. д. Опредѣлить мѣсто артикуляціи звука бываетъ тѣмъ легче, чѣмъ явственнѣе производится стѣсненіе устнаго канала (до совершеннаго затвора); оттого звуки, образуемые сближеніемъ среднихъ частей языка съ нёбомъ, представляютъ гораздо болѣе трудностей къ точному опредѣленію мѣста артикуляціи, чѣмъ

[1] Напримѣръ: pf, gs.

другіе звуки, тѣмъ болѣе, что почти единственнымъ средствомъ къ тому можетъ служить осязаніе. Всего труднѣе опредѣлять артикуляціи гласныхъ, оттого что эти послѣдніе сопровождаются наименѣе энергическими стѣсненіями устнаго канала. Поэтому описаніе гласныхъ и отлагается въ книгѣ г. Сиверса до другой главы, гдѣ рѣчь идетъ объ отдѣльныхъ звукахъ. Для опредѣленія мѣстъ артикуляціи нёбныхъ звуковъ придумана недавно очень остроумная метода окрашиванія: Грюцнеръ густо намазываетъ карминомъ или китайскою тушью сухо обтертый языкъ, и потомъ какъ можно яснѣе и непринужденнѣе артикулуетъ звуки. Открытый при этомъ ротъ осматривается при надлежащемъ свѣтѣ съ помощью большого ларингоскопа, косвенно обращеннаго вверхъ къ нёбу, и обыкновеннаго туалетнаго зеркала. Грюцнеръ замѣчаетъ, что изображенія того же звука у различныхъ людей бываютъ не совсѣмъ одинаковы, но у одного и того же лица не мѣняются.

Сколько же мѣстъ артикуляціи слѣдуетъ принимать и какъ они взаимно расположены? Согласно съ звуковою системой Грековъ и Римлянъ, прежде принимали только три мѣста артикуляціи, продукты которыхъ означали названіями: gutturales (гортанные), dentales (зубные) и labiales (губные). Ознакомясь съ санскритомъ, прибавили еще: palatales (нёбные), cerebrales (мозговые!), которые по индійской звуковой системѣ помѣстили между гортанными и зубными. Но составившаяся такимъ образомъ система въ физіологическомъ смыслѣ не совсѣмъ правильна. Обращая вниманіе на органы, участвующіе въ образованіи отдѣльныхъ звуковъ, слѣдуетъ прежде всего принять два отдѣла: губные (labiales), образуемые только губами съ помощью, въ случаѣ надобности, зубовъ, и язычно-нёбные (linguo-palatales), производимые сближеніемъ какой-нибудь части языка съ какою-нибудь частью мягкаго или твердаго нёба, а по мѣрѣ надобности, и зубовъ (вообще, слѣдовательно, съ частью внутренней устной полости). Можно прибавить еще третью группу — velares (отъ velum palati, нёбная занавѣска), образуе-

мые сближеніемъ мягкаго нёба съ заднею стѣнкою зѣва, но не составляющіе впрочемъ отдѣльной группы, а появляющіеся только при встрѣчѣ между собою другихъ звуковъ.

Губные звуки раздѣляются на чисто-губные (иначе называемые также bilabiales, labiolabiales) и губо-зубные, въ артикуляціи которыхъ участвуютъ и зубы. При образованіи язычно-нёбныхъ собственно только языкъ составляетъ подвижное орудіе артикуляціи. Измѣненіями его формы (посредствомъ подъема и опущенія нижней челюсти) производятся надлежащія стѣсненія и затворы. Нёбо же, разумѣется твердое нёбо, играетъ при этомъ пассивную роль. Если начать съ такъ называемыхъ гортанныхъ звуковъ, то крайнимъ смычнымъ этого ряда со стороны гортани будетъ *к*, образуемое прикосновеніемъ задней спинки языка къ самому нижнему краю нёбной занавѣски. Ясно, что подвигаясь отсюда впередъ, можно по порядку каждую часть языка сближать съ соотвѣтственнымъ мѣстомъ нёба, точку прикосновенія можно постепенно и незамѣтно вести отъ корня языка къ кончику его. Каждому мѣсту прикосновенія долженъ естественно отвѣчать особый звукъ. Такимъ образомъ получается непрерывная лѣстница звуковъ, которыхъ число въ теоріи должно быть безконечно. Но на практикѣ считаютъ за единицу цѣлый рядъ такихъ звуковъ, которые отличаются сходнымъ въ сущности тономъ, такъ что для артикуляціи каждаго звука служитъ извѣстное пространство въ опредѣленныхъ границахъ. Поэтому наши выраженія: нёбные, зубные, гортанные и т. д., какъ и вообще названія звуковъ рѣчи и ихъ группъ, не указываютъ на точно опредѣленную артикуляцію или неизмѣнно установленный звукъ языка, а означаютъ лишь цѣлыя категоріи звуковъ, которые располагаются по сходству способовъ ихъ артикуляціи и число которыхъ мы опредѣляемъ противопоставляя одни изъ нихъ другимъ. Въ общемъ достаточно принять области переднюю, среднюю и заднюю, смотря по тому, артикулуются ли звуки кончикомъ языка, среднею, или заднею частью его спинки: первая обнимаетъ, слѣдовательно,

зубные древнегреческой системы (включая и санскритскіе церебральные), вторая — такъ-называемые нёбные, третья — гортанные.

Кромѣ опредѣленія мѣста артикуляціи этихъ звуковъ, должно также обращать вниманіе на форму частей рта, которыми они образуются. Въ этомъ отношеніи г. Сиверсомъ отмѣчены:

A. Серединныя артикуляціи (mediane Articulationen); мѣсто артикуляціи находится на серединной линіи рта, и именно:

1) Концовая артикуляція (coronale): она производится оконечностью языка, который приподнимается къ нёбу (зубные звуки).

2) Спиночныя артикуляціи (dorsale): для требующихся стѣсненій или смычекъ поднимается къ нёбу часть спинки языка (напримѣръ при *к*, *х*, задняя часть).

B. Боковая артикуляція (laterale): при ней характеристическія стѣсненія или смычки находятся между боковыми краями языка и коренными зубами (при *л*).

На этомъ основаніи нашъ авторъ распредѣляетъ всѣ язычно-нёбные звуки по двумъ главнымъ группамъ и въ каждой изъ нихъ принимаетъ нѣсколько подраздѣленій, исчислять которыя въ настоящемъ обзорѣ было бы излишне.

Къ разсмотрѣнію звуковъ по группамъ отнесенъ также вопросъ объ интенсивности или силѣ и продолжительности звуковъ рѣчи.

Различеніе ихъ въ отношеніи къ силѣ служитъ только цѣлямъ образованія слоговъ и словъ, такъ какъ, напримѣръ, всѣ звуки слога ударяемаго, при выдыханіи, сильнѣе звуковъ неударяемаго. Слѣдовательно, для характеристики звуковъ рѣчи это различеніе не важно. Однакожъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ встрѣчаются различныя степени силы, вовсе не зависящія отъ акцента и потому принадлежащія прямо къ характеристикѣ звуковъ. Такимъ образомъ, если посредствомъ извѣстнаго аппарата[1]

[1] Согнутая на подобіе латинскаго U, на одну треть налитая водою стеклянная трубка, къ одному концу которой прикрѣплена каучуковая кишка;

измѣрить давленіе воздуха при произношеніи безголосныхъ и голосовыхъ параллельныхъ звуковъ, какъ *п* и *б*, или *ф* и *в* (произносея съ равною по возможности интенсивностью всѣ слоги въ сочетаніяхъ: паба, бапа, фава, вафа), то окажется, что при всѣхъ безголосныхъ звукахъ давленіе воздуха сильнѣе чѣмъ при соотвѣтственныхъ голосовыхъ. Поэтому, въ разсужденіи относительной мѣры давленія воздуха при образованіи ихъ шороха, слѣдуетъ называть *п* и *ф* fortes, противоположные же имъ *б* и *в* lenes.

Конечно, въ языкахъ, которые отличаютъ такіе параллельные звуки, какъ *п* и *б* и т. п., отсутствіемъ или присутствіемъ голоса, нѣтъ надобности считать особенно важнымъ признакомъ меньшую силу *б* и проч., но надо помнить, что есть языки, противопоставляющіе между собою безголосные звуки различной силы. У Швейцарцевъ, напримѣръ, *п* и *б*, *ф* и *в* равно произносятся безъ помощи голоса, и различаются только болѣе сильнымъ давленіемъ голоса при *п* и *ф*, нежели при *б* и *в*. Итакъ здѣсь различіе силы составляетъ единственный отличительный признакъ звуковъ, и выраженія fortis и lenis становятся необходимы. Тотъ, кто привыкъ замѣчать только качественное различіе безголосныхъ и голосовыхъ звуковъ, можетъ всего легче понять разсматриваемую разницу силы съ одной стороны на взрывныхъ, съ другой на плавныхъ и носовыхъ. Въ словахъ: илла, сумма очень ясно слышится бо́льшая интенсивность *л* и *м* въ сравненіи съ вила, дума, если отрѣшиться отъ внушаемаго письмомъ обманчиваго представленія объ удвоенномъ *лл* или *мм*: дѣло въ томъ, что тутъ въ первомъ случаѣ мы слышимъ fortis, во второмъ lenis. При *к*, *т*, *п*—*г*, *д*, *б* сто́итъ только отдать себѣ отчетъ въ ощущеніи взаимно соприкасающихся частей рта; при этомъ всякій легко убѣдится, напримѣръ, въ болѣе сильномъ сжатіи губъ при *п* въ противоположность *б* и т. д.

другой конецъ этой кишки кладется въ ротъ и приставляется позади того мѣста, гдѣ происходитъ смычка или тѣснина, производящая звукъ.

Количество (Quantität, то-есть, долгота и краткость) звука само по себѣ не имѣетъ вліянія на его качество, а потому и не можетъ служить основаніемъ дѣленія. Между тѣмъ, принимая во вниманіе протяжимость или непротяжимость звуковъ рѣчи, отличаютъ длительные звуки отъ мгновенныхъ. Къ послѣдней группѣ принадлежатъ только смычные, допускающіе одно удлинненіе паузы между смычкою и растворомъ (или голоса, раздающагося въ продолженіе этого времени). Здѣсь, какъ мнѣ кажется, г. Сиверсъ впалъ въ нѣкоторое недоразумѣніе: названія длительныхъ и мгновенныхъ даны звукамъ только по отношенію къ возможности протягивать въ произношеніи одни изъ нихъ и къ неизбѣжной краткости другихъ; но это не значитъ, чтобы при обыкновенномъ произношеніи длительные звуки, напримѣръ, *в*, *с*, *ш*, были длиннѣе или протяжнѣе мгновенныхъ: *г*, *т*, *б* и т. п. Равнымъ образомъ и поставленное мною въ скобкахъ выраженіе, заимствованное у г. Сиверса, едва ли вѣрно: голосъ, сопровождающій какой-нибудь мгновенный звукъ, вырывается одновременно съ растворомъ, а не въ продолженіе паузы, и можетъ звучать болѣе или менѣе времени только въ примѣненіи къ спиранту, который дѣлается его носителемъ.

Отъ разсмотрѣнія звуковъ по группамъ авторъ переходитъ къ отдѣльнымъ звукамъ, и прежде всего говоритъ о сонорахъ вообще къ которымъ относитъ: 1, устные соноры, то-есть, гласные и плавные *р*, *л*; разница между этими обѣими группами очень незначительна и зависитъ (кромѣ различной степени стѣсненія надставной трубы) только отъ несходной формы артикуляціи языка; 2, носовые соноры или просто носовые звуки (резонанты, по неудачной терминологіи Брюкке), и 3, назалированные соноры, въ числѣ которыхъ всего чаще встрѣчаются носовые гласные: вслѣдствіе ослабленія затвора нёбной занавѣски звучащій воздушный токъ можетъ отчасти выходить черезъ носовую полость и получаетъ такимъ образомъ вторую резонансовую среду.

Гласные, какъ занимающіе главное мѣсто между сонорами,

были издавна предметомъ чисто-акустическихъ анализовъ со стороны естествоиспытателей; но такъ какъ подобныя изслѣдованія, требующія спеціальной подготовки и разныхъ искуственныхъ аппаратовъ, имѣютъ лишь второстепенное значеніе для филолога, то я и не буду на нихъ останавливаться. Не войду также, вслѣдъ за г. Сиверсомъ, въ подробное изложеніе двухъ системъ гласныхъ звуковъ, нѣмецкой и англійской, потому что онѣ основываются главнымъ образомъ на произношеніи Нѣмцевъ и Англичанъ: мы же не имѣемъ полной возможности повѣрять ихъ выводы, построенные на наблюденіяхъ, требующихъ величайшей точности. Удовольствуюсь приведеніемъ вступительныхъ замѣчаній нашего автора.

Индоевропейскій праязыкъ различалъ, какъ полагали (чтó однакожъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ индоевропейскаго вокализма отвергается), только три опредѣленные вида гласныхъ: *а і у*, да и въ болѣе сложныхъ вокальныхъ системахъ новыхъ языковъ эти три гласные особенно выдавались, какъ представители самыхъ рѣзкихъ противоположностей музыкальной окраски. Обыкновенно группировали эти «три столпа» вокализма въ видѣ равносторонняго треугольника, имѣвшаго *а* въ вершинѣ, чѣмъ давалось знать, что между каждыми двумя изъ нихъ (*і — а*, *а — у*, *у — і*) существуетъ одинаковое разстояніе. Остальные гласные заносились между тѣми звуками, между которыми они повидимому составляли середину, именно: *э* между *а* и *і*, *о* между *а* и *у*. Эта, первоначально придуманная Гельвагомъ (1780), пирамида получила наконецъ, у Брюкке, слѣдующее развитіе:

a
a^e a^o
e^a a^{oe} o^a
e e^o o^e o
i i^u u^i u (то-есть, наше у)

(a^e означаетъ здѣсь приближающійся къ *а* звукъ *ä*, e^a обыкновенное *ä* или открытое *е* и т. д.).

Эта схема, продолжаетъ г. Сиверсъ, можетъ, пожалуй, считаться вѣрною, если имѣть въ виду только субъективное акустическое впечатлѣніе. Но ошибка такого дѣленія заключается въ томъ, что оно почти вовсе не принимаетъ въ расчетъ форму артикуляціи и тѣмъ отнимаетъ возможность ясно обозрѣть чрезвычайно важныя и для исторіи языка отношенія отдѣльныхъ звуковъ между собою и къ отдѣльнымъ шорохамъ (напримѣръ, *i* къ небнымъ, *у* къ губнымъ и гортаннымъ). Поэтому Винтелеръ [1] оказалъ дѣлу несомнѣнную услугу, предложивъ размѣстить эти три звука: *у*—*а*—*i* (или, что̀ все равно, *i*—*а*—*у*) въ послѣдовательномъ порядкѣ по прямой линіи [2]: здѣсь *у*—*i* образуютъ крайніе предѣлы всей системы гласныхъ, въ которой *а* занимаетъ нейтральную середину.

При *а* весь устный каналъ раскрытъ; языкъ не много удаляется отъ своего спокойнаго положенія. При *i*, *у*, напротивъ, болѣе сильная артикуляція производитъ значительныя стѣсненія въ надставной трубѣ (слѣдовательно приближается въ артикуляціи согласныхъ [3]). А такъ какъ при усиленномъ образованіи тѣснинъ малыя различія въ артикуляціи имѣютъ болѣе замѣтное вліяніе на характеръ соотвѣтственныхъ звуковъ, чѣмъ при слабомъ образованіи, то *i*, *у* гораздо чувствительнѣе къ перемѣнамъ артикуляціи, нежели *а*, которое, несмотря на весьма различную степень раскрытія рта, все-таки произносится съ тою же музыкальною окраской. Вотъ почему Винтелеръ нашелъ справедливѣе не начинать, по господствовавшему до него обычаю, съ *а* какъ «съ самаго простого и чистаго вокала», а (согласно съ тѣмъ, что̀ указывалъ уже Буа-Реймондъ) исходить отъ обоихъ край-

---

[1] Въ книгѣ: Die Kerenzer Mundart in ihren Grundzügen dargestellt. Leipz., 1876.

[2] Это сдѣлано еще прежде мною въ «Филолог. Разысканіяхъ»: см. выше, стр. 11, 24, 39.

[3] Вѣрный своей идеѣ, г. Сиверсъ ослабляетъ здѣсь дѣйствительную черту различія въ образованіи гласныхъ и согласныхъ. Какъ незначительно стѣсненіе при *i*, *у*, лучше всего доказывается ихъ сравненіемъ съ *jot* и *в* (*w*), которые по образованію подходятъ къ этимъ двумъ гласнымъ.

нихъ пунктовъ вокальной линіи, подлежащихъ болѣе точному опредѣленію, и затѣмъ уже подвигаться къ серединѣ.

Этотъ методъ имѣлъ еще то преимущество, что онъ съ самаго начала рѣзче выставлялъ артикуляцію тѣхъ двухъ частей рта, которыя служатъ къ образованію отзвучной среды для вокаловъ, именно языка и губъ; ибо при *у*, *і* обѣ артикулуютъ гораздо энергичнѣе, чѣмъ при *а* и ближайшихъ къ нему гласныхъ, и формы ихъ артикуляціи наиболѣе между собою противуположны. Приводя этотъ взглядъ г. Сиверса, я съ своей стороны однако замѣчу, что не придаю особенной важности измѣненію порядка, въ которомъ располагаются гласные и нахожу, что несмотря на всѣ только-что высказанныя соображенія, методъ, начинающій разсмотрѣніе гласныхъ съ *а*, какъ дѣйствительно простѣйшаго звука, нагляднѣе представляетъ двѣ скáлы звуковъ въ обоихъ противоположныхъ направленіяхъ. Къ тому же, и при расположеніи звуковъ не по прямой линіи, а по сторонамъ угла или треугольника съ *а* въ вершинѣ, ничто не мѣшаетъ итти отъ *і* къ *у* или наоборотъ.

Языкъ при *у* цѣлою своею массой отдергивается назадъ и въ задней своей части поднимается къ нёбу. При *і*, напротивъ, онъ выдвигается впередъ и переднею частью приближается къ твердому нёбу.

Губы при *у* (произносимомъ съ возможною полнотою) стягиваются, оставляя лишь небольшое круглое отверстіе, и въ то же время нѣсколько выдвигаются впередъ, удлинняя надставную трубу; при *і*, возможно ясномъ, углы рта оттягиваются, и образуется широкая щель вмѣсто круглой скважины при *у*.

Итакъ, при *у* образуется въ передней части рта довольно большое шаровидное отзвучное пространство съ маленькимъ круглымъ выходомъ; при *і* объемъ этой полости до крайности уменьшается, и вмѣстѣ съ тѣмъ выходъ чрезвычайно увеличивается. Соразмѣрно съ этимъ при *у* низкіе тоны голоса усиливаются, а высокіе заглушаются; при *і* бываетъ обратное дѣйствіе.

Отъ этого происходитъ, что *у* и въ обыкновенной рѣчи звучитъ ниже чѣмъ *і*, и что *у* въ весьма высокихъ тонахъ, а *і* наоборотъ въ очень низкихъ уже звучатъ непріятно.

Кромѣ названныхъ двухъ факторовъ, принимали въ соображеніе также подъемъ гортани при *і* и опущеніе ея при *у*. Но эти движенія не бываютъ большею частью произвольны, а обусловливаются существенно протягиваніемъ или отдергиваніемъ языка, почему и можно безъ неудобства оставлять ихъ въ сторонѣ.

Показавъ способъ, какъ опредѣлять изъ множества видоизмѣненій всѣхъ трехъ гласныхъ «нейтральную средину» ихъ, то есть, такъ сказать, средній или нормальный звукъ (способъ, который, по практической трудности воспроизводить его, не рѣшаюсь передать въ переводѣ), г. Сиверсъ продолжаетъ:

Если, начиная съ *у*, проходить всѣ промежуточныя ступени до *і*, то языкъ будетъ все болѣе выдвигаться впередъ и передняя часть его постепенно подниматься вверхъ къ твердому нёбу; нижняя челюсть, нѣсколько опущенная при переходѣ отъ *у* къ *а*, также снова поднимается постепенно къ верху, и опять можетъ начаться артикуляція губъ, когда углы рта будутъ раздвигаться въ обѣ стороны.

Такимъ образомъ, начиная съ *у*, можно проходить всѣ оттѣнки гласныхъ ряда *у* — *і*, постепенно уменьшая характеристическія движенія артикуляціи *у*, пока они почти совершенно сравняются съ *о*, а затѣмъ переходя къ положенію *і* также постепенно усиленнымъ дѣйствіемъ двухъ факторовъ (языка и губъ). Итакъ, между *у* и *і* оказывается цѣлый непрерывный рядъ равномѣрно измѣняющихся и переходящихъ другъ въ друга оттѣнковъ гласныхъ. Слѣдовательно, всѣ оказывающіяся здѣсь различія должны быть отмѣчаемы на упомянутой выше линіи гласныхъ отъ *у* до *і*.

Но такъ какъ нельзя для каждой отдѣльной точки этой линіи, для каждаго возможнаго оттѣнка имѣть особенный знакъ, то остается только раздѣлить эту линію на извѣстное число частей,

то-есть, вмѣсто отдѣльныхъ оттѣнковъ гласныхъ означать категоріи звуковъ, которыя по формѣ артикуляціи и по акустическому впечатлѣнію соединяли бы въ себѣ ближайшія другъ къ другу и не являющіяся противоположными между собой видоизмѣненія. Представителемъ категоріи, нормальнымъ гласнымъ, долженъ служить тотъ оттѣнокъ, который всего опредѣлительнѣе выражаетъ музыкальный характеръ категоріи.

На основаніи этой системы Винтелеръ насчитываетъ 12 категорій гласныхъ *у*, *о*, *а*, *э*, *і*, съ ихъ оттѣнками, а присоединяя еще смѣшанные нѣмецкіе звуки ü, ö, — всего 14. Но, кончая изложеніе этой системы, г. Сиверсъ признаетъ ея несовершенство и неполноту, такъ какъ въ ней недостаетъ цѣлаго ряда звуковъ, образуемыхъ артикуляціей средней спинки языка съ нёбомъ. По его мнѣнію, всѣхъ этихъ недостатковъ избѣгаетъ англійская система Мельвиля Белля [1], еще усовершенствованная Свитомъ [2] и Стормомъ [3]. Она, говоритъ онъ, совершенно исключаетъ субъективный моментъ оцѣнки по акустическому сходству гласныхъ, который такъ преобладаетъ въ нѣмецкихъ системахъ и сдѣлался источникомъ многихъ ошибокъ: англійская система вокаловъ, такъ же какъ и система согласныхъ, построена исключительно на анализѣ положеній артикуляціи. Прежде всего надо строго различать артикуляціи языка и губъ. Есть три горизонтальныя и три вертикальныя положенія языка. Въ первомъ отношеніи гласные бываютъ: задніе (гортанные), передніе (нёбные) и смѣшанные (гортанно-нёбные). Промежуточныя степени могутъ быть внутреннія и внѣшнія. Затѣмъ, по большему или меньшему отдаленію языка отъ нёба, бываютъ высокіе, средніе и низкіе гласные, да

---

[1] *Bell, A. Melville*, The Principles of Speech and Vocal Physiology. London 1865.—Visible Speech. London 1867.

[2] *Sweet, H.* Handbook of Phonetics. Oxford 1877, и статьи въ *Transact. of the Philol. Soc.* 1873—1881.

[3] *Storm, J.* Englische Philologie. Heilbronn 1881. Первое изданіе, на датскомъ языкѣ, было напечатано въ Христіаніи, гдѣ авторъ занимаетъ каѳедру при университетѣ. Второе, нѣмецкое, сдѣлано при собственномъ его участіи.

еще промежуточные, называемыя пониженными и повышенными. Каждый изъ полученныхъ такимъ образомъ гласныхъ можетъ еще быть закрытымъ (узкимъ) или открытымъ (широкимъ). Кромѣ того, каждый изъ этихъ гласныхъ можетъ сдѣлаться округленнымъ посредствомъ суженія устнаго отверстія; округленіе же это бываетъ троякое по степени и различное по формѣ (вертикальное, горизонтальное и смѣшанное).

Для нагляднаго изображенія этой системы служитъ таблица, состоящая изъ 6-ти вертикальныхъ и 6-ти горизонтальныхъ, а всего изъ 36-ти клѣтокъ или столькихъ же гласныхъ звуковъ. Но, несмотря на высокое мнѣніе высказываемое г. Сиверсомъ объ этой системѣ, я не могъ убѣдиться въ ея превосходствѣ: она кажется мнѣ черезчуръ сложною и сбивчивою; да и не всѣ примѣры звуковъ, приводимые въ доказательство ея положеній авторомъ «Grundzüge», можно признать вѣрными. Страненъ, между прочимъ, взглядъ его на звукъ русскаго *ы*. «Всего менѣе», — говоритъ онъ, — «понятны для нѣмца артикуляціи смѣшанныхъ гласныхъ. На первомъ мѣстѣ стоитъ русское *еры* (ï[1]), изъ котораго посредствомъ опущенія языка происходитъ нѣмецкій подобный *ö* неударяемый звукъ *е* въ *Gabe*[1] и т. п., а изъ этого вторичнымъ опущеніемъ звукъ *ö́* въ анг. *bird*». Открытый звукъ, отвѣчающій русскому *еры*, часто слышится, по мнѣнію г. Свита, въ *pretty* и *just* и въ нѣкоторыхъ другихъ англійскихъ словахъ. Для насъ тутъ ясно полное недоразумѣніе на счетъ русскаго звука, и напрасно г. Сиверсъ, въ другомъ мѣстѣ своей книги (стр. 71), такъ рѣшительно отрекается отъ прежняго своего взгляда, согласнаго съ толкованіемъ Лепсіуса, что *ы* образуется соединеніемъ язычной артикуляціи *у* съ губною артикуляціей *i*[2].

---

[1] То же самое еще прежде (Grundzüge, стр. 73) замѣчено объ этомъ словѣ: такъ, по показанію г. Сиверса, Gabe произносится на нѣмецкой сценѣ.

[2] Я имѣлъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ случай сослаться на остроумный взглядъ г. Лепсіуса и привелъ въ переводѣ все относящееся сюда мѣсто его статьи: «Über die arabischen Sprachlaute und deren Umschrift». См. мои

Коснувшись затѣмъ носовыхъ и безголосныхъ вокаловъ (tonlose Vocale), изображаемыхъ на письмѣ съ помощью нѣмецкаго h, г. Сиверсъ кончаетъ этотъ отдѣлъ нѣсколькими замѣчаніями о томъ, что для изслѣдователя народные говоры должны быть равноправны съ такъ-называемымъ образованнымъ языкомъ, и что нельзя довольствоваться только немногочисленными звуками, изображаемыми въ письменной азбукѣ, а необходимо вникать также въ особенности артикуляціи всѣхъ ихъ оттѣнковъ, къ изображенію которыхъ должна служить придуманная для каждаго языка или нарѣчія система нормальныхъ знаковъ. При сравненіи языковъ между собою важно обращать вниманіе не столько на отношеніе одного отдѣльнаго звука къ другому, сколько на взаимное отношеніе цѣлыхъ системъ: нужно удостовѣряться, не зависятъ ли различія между отдѣльными гласными одной или нѣсколькихъ системъ отъ какого-нибудь общаго начала, отличающаго характеръ этихъ системъ. Такія начала заключаются въ большемъ или меньшемъ участіи губъ, въ различныхъ степеняхъ ринезма, въ особенномъ положеніи языка и т. п. Надо, такъ сказать, найти операціонный базисъ артикуляціи, который потомъ и имѣть въ виду при изслѣдованіи разныхъ звуковъ; такъ напримѣръ отличительныя черты англійскаго произношенія состоятъ въ томъ, что языкъ, отдернутый назадъ, какъ бы расплющивается и располагается къ церебральному способу артикуляціи, то-есть конецъ поднимается къ нёбу и загибается назадъ, а губы остаются пассивными и принимаютъ мало участія въ образованіи звуковъ [1].

Другая группа сноровъ, плавные и носовые, разсматриваются также весьма подробно. Въ каждомъ изъ обоихъ разрядовъ принимается по пяти подраздѣленій. Занимаясь плавными, авторъ останавливается между прочимъ на русскомъ твердомъ

«Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ русскаго языка» въ I-мъ томѣ настоящаго изданія.

[1] Въ Англіи считается правиломъ приличія при разговорѣ какъ можно менѣе приводить въ движеніе губы (Grundzüge, 14).

л (*лъ*) и говоритъ, что со времени Пуркинье фонетисты считаютъ этотъ звукъ гортаннымъ. Но, прибавляетъ онъ, въ пониманіи его, кажется, еще не пришли къ соглашенію. По Беллю и Свиту (которые называютъ его back-divided, задне-раздвоеннымъ), нужна «центральная смычка», произведенная всѣмъ корнемъ языка, при чемъ языкъ надо сильно отдергивать назадъ: воздухъ проходитъ между сторонами язычнаго корня и задними стѣнками щёкъ. Стормъ, напротивъ, утверждаетъ, что задняя часть языка поднимается и весь задній устный каналъ стѣсняется (слѣдовательно, не раздвояется), и что отъ этого происходитъ гортанный характеръ звука, чѣмъ объясняются и частые переходы его въ *у* и *ŏ*. По моему мнѣнію, замѣчаніе о формѣ устнаго канала справедливо, но относительно движенія языка слѣдуетъ сдѣлать поправку, что онъ для нашего твердаго *л* сильно прижимается къ верхнимъ зубамъ, тогда какъ для западно-европейскаго *l* онъ поднимается далѣе къ твердому нёбу и загибается.

Едва ли можно согласиться съ г. Сиверсомъ, когда онъ, вопреки своему прежнему убѣжденію, признаётъ возможность безголосныхъ *м* и *н* (tonlose nasale), будто бы существующихъ во многихъ языкахъ; первый звукъ находитъ онъ, между прочимъ, въ междометіи *гм*. Трудно понять, чѣмъ же инымъ, какъ не голосомъ, можетъ быть выражено присутствіе носового звука.

Точно такъ же трудно вмѣстѣ съ г. Сиверсомъ признать за одною категоріею смычныхъ звуковъ принятое имъ названіе tonlose mediae (безголосныхъ *b*, *d*, *g*). Сказавъ, что установленные древними грамматистами термины двухъ родовъ согласныхъ: tenues (*p*, *t*, *k*) и mediae (*b*, *d*, *g*) перешли и въ новѣйшую фонетическую терминологію нѣмцевъ, г. Сиверсъ замѣчаетъ, что первые выговариваются въ разныхъ краяхъ весьма различно, изъ послѣднихъ же звуки *b* и *g* произносятся не только какъ смычные, но и какъ голосовые и безголосные спиранты. Далѣе онъ говоритъ: «Рядомъ съ безголосными сильными (tonlose starke) смычными, выражаемыми чрезъ *p*, *t*, *k*, есть въ разныхъ

языкахъ и безголосные слабые смычные; такъ швейцарскіе нѣмцы произносятъ *b*, *d*, *g*, да и вообще въ нѣмецкомъ языкѣ эти звуки нерѣдки» (стр. 95). Это вполнѣ справедливо: кому не случалось, даже не бывавъ въ Германіи, слышать нѣмцевъ, которые произносятъ *b*, *d*, *g* почти или совершенно такъ, какъ *p*, *t*, *k*? Справедливо и слѣдующее за симъ замѣчаніе: «Основываясь на томъ, чтó изложено было выше о степеняхъ интенсивности согласныхъ, tenuis греко-римскихъ грамматиковъ должна бы называться безголосною fortis (tonlose fortis), только что упомянутый безголосный звукъ — безголосною lenis (tonlose lenis), а голосовая media — голосовою lenis (tönende lenis)». Но вотъ заключеніе, которое возбудитъ много противорѣчій: «Если означеннымъ безголоснымъ lenes (то-есть *б*, *д*, *г*, произносимымъ какъ *п*, *т*, *к*) долженъ быть усвоенъ одинъ изъ терминовъ tenuis и media, то конечно такимъ можетъ быть только послѣдній, ибо нѣтъ сомнѣнія, что во всѣхъ языкахъ, гдѣ безголосные и голосовые *б*, *д*, *г* существуютъ рядомъ, первые слышатся какъ звуки родственные голосовымъ mediae, а не какъ искаженія непридыхательныхъ tenues. Итакъ, мы старому понятію слова «media» въ такомъ же смыслѣ придаемъ болѣе широкое значеніе для всѣхъ слабыхъ смычныхъ, будутъ ли они голосовые или безголосные. Другими словами: мы признаемъ существованіе безголосной media въ такомъ же смыслѣ, какъ мы приняли существованіе безголосныхъ плавныхъ или носовыхъ вопреки первоначальнымъ опредѣленіямъ плавныхъ и носовыхъ, какъ чистыхъ сонорныхъ звуковъ», то-есть въ одномъ и томъ же звукѣ признается соединеніе глухого и звонкаго!

Глава оканчивается частными замѣчаніями о смычныхъ и спирантахъ, въ разборъ которыхъ мы входить не будемъ.

Разсмотрѣвъ звуки индоевропейскихъ языковъ въ отдѣльности, авторъ переходитъ къ изслѣдованію ихъ во взаимной между собою связи, и посвящаетъ этому обширный отдѣлъ сочиненія подъ заглавіемъ: Combinationslehre (теорія сочетаній). «Остается разсмотрѣть», говоритъ онъ, — «какъ эти отдѣльные

звуки соединяются въ болѣе сложныя группы эмпирическаго языка, то-есть въ слоги, такты, предложенія. Здѣсь мы прежде всего встрѣчаемся съ вопросомъ: какъ изолированный отъ предыдущаго или послѣдующаго звукъ возникаетъ и прекращается, то-есть въ какой послѣдовательности и какимъ образомъ нужныя для его произнесенія артикуляціонныя движенія начинаются и кончаются. Рѣшеніемъ этого вопроса занимается ученіе о звуковыхъ приступахъ и отбояхъ (Lauteinsätze und -absätze). Затѣмъ разсмотрѣнію подлежатъ переходные звуки (glides, какъ называютъ ихъ англичане), то-есть тѣ звуки, которые появляются когда выдыхательный токъ продолжается покуда какая-нибудь часть органовъ рѣчи переводится изъ опредѣленнаго положенія для одного звука въ такое же положеніе для другого. При произнесеніи, напримѣръ, слога *al* голосъ продолжаетъ звучать, пока языкъ изъ положенія для *a* переводится въ положеніе для *l*. Во время этого перехода, естественно, не можетъ существовать ни чистый звукъ *a*, ни чистый звукъ *l*: между изглашеннымъ сначала чистымъ *a* и заключительнымъ *l* вдвигается непрерывный рядъ переходныхъ звуковъ. Но такъ какъ продолжительность этого перехода въ сравненіи съ продолжительностью положеній для *a* и для *l* ничтожна, то переходные звуки, вообще говоря, отдѣльно не бываютъ замѣтны. Если же они замѣчаются, то переходный звукъ считаютъ либо окончаніемъ предыдущаго, либо началомъ послѣдующаго.

Какъ видно изъ словъ самого автора, мы находимся здѣсь въ области явленій, едва доступныхъ наблюденію. Слѣдить за этими явленіями, которыя г. Сиверсъ исчисляетъ особо подъ каждымъ разрядомъ звуковъ,—задача нелегкая. Читатель, желающій ознакомиться съ ними, долженъ обратиться къ самой книгѣ, о которой рѣчь идетъ. Но въ слѣдующемъ за тѣмъ параграфѣ о соприкосновеніи сосѣднихъ соноровъ нахожу полезнымъ остановиться на нѣкоторыхъ изъ замѣчаній нашего автора. Вотъ что онъ говоритъ о дифтонгахъ (двугласныхъ):

Подъ дифтонгомъ разумѣютъ соединеніе двухъ простыхъ

гласныхъ, производимыхъ однимъ и тѣмъ же выдыхательнымъ толчкомъ, то-есть образующихъ одинъ слогъ и изъ которыхъ первый носитъ болѣе сильное удареніе. По практическимъ соображеніямъ принимаютъ два рода дифтонговъ: собственные и несобственные (echte und unechte). Къ первой категоріи принадлежатъ формы, какъ *ай*, *эй*, *ау*, *оу*, то-есть, такія, у которыхъ второй компонентъ требуетъ болѣе сильнаго устнаго стѣсненія, чѣмъ первый; ко второй категоріи, напримѣръ, сохранившіеся еще и до сихъ поръ въ южногерманскихъ нарѣчіяхъ средненѣм. *іе*, *ио*, *йе*, представляющіе обратное отношеніе. Мнѣ кажется, что послѣдніе, по вышеприведенному опредѣленію, не могутъ называться дифтонгами, а состоятъ каждый изъ двухъ слоговъ, хотя г. Сиверсъ и утверждаетъ, что такъ можетъ думать только тотъ, кто не имѣетъ достаточной практики въ произнесеніи этихъ звуковыхъ группъ. Между тѣмъ, онъ же тотчасъ послѣ этого говоритъ, что главное условіе для образованія дифтонга заключается въ томъ, чтобы второй компонентъ въ отношеніи къ первому исполнялъ функцію или игралъ роль согласнаго звука (müsse consonantisch fungiren); но возможно ли это въ группахъ: *іе*, *ио*, *йе?*

Посмотримъ теперь, какъ онъ понимаетъ названіе «полугласный». Подъ полугласными, говоритъ онъ, мы разумѣемъ такіе гласные, которые подъ вліяніемъ неударяемости низошли на функцію согласныхъ. Изъ этого видно, что выраженіе полугласный принадлежитъ къ ученію о функціяхъ и значитъ не болѣе, какъ «не слогообразовательно (unsilbisch) употребленный гласный». «Послѣ того, чтó сейчасъ было изложено о дифтонгахъ, ясно, что вторые компоненты дифтонговъ должны быть признаваемы за полугласные. Но практика не усвоила себѣ этого взгляда, видя въ дифтонгахъ нѣчто само по себѣ существующее, не поддающееся параллелизаціи съ другими звуковыми комплексами. Поэтому выраженіе «полугласный» употребляютъ только для означенія вокала въ функціи согласнаго передъ слогообразовательнымъ звукомъ. Означая необразующіе слога гласные подстрочнымъ ‿,

мы будемъ имѣть полугласные i̯, u̯ только въ такихъ случаяхъ, какъ i͡a, u͡a, а не при a͡i, a͡u».

Къ этому г. Сиверсъ прибавляетъ однакожъ примѣчаніе: «Здѣсь мы употребляемъ слово дифтонгъ исключительно въ томъ смыслѣ, какой съ нимъ соединяется въ терминологіи старинной грамматики индовъ, грековъ и латинянъ. Но новѣйшая практика и нѣкоторые фонетики, напримѣръ Свитъ, придаютъ этому термину болѣе обширное значеніе, называя дифтонгами всѣ вообще односложныя сочетанія двухъ гласныхъ, напримѣръ i͡a. Въ такомъ случаѣ различаютъ нисходящіе дифтонги у которыхъ ударяемый гласный впереди, какъ въ *ai*, *au* (это по теоріи г. Сиверса собственные дифтонги), и восходящіе, у которыхъ сочетаніе начинается полугласнымъ, какъ въ i͡a, u͡a; послѣдніе часто встрѣчаются въ романскихъ языкахъ, напримѣръ во французскомъ: *ie*, *oi*, въ итал. *uo*, въ исп. *ue* и проч.»

Остановимся здѣсь на минуту, чтобы разсмотрѣть это замѣчаніе въ примѣненіи къ русскому языку. Оно совершенно согласно съ тѣмъ, чтó было высказано мною относительно нашихъ дифтонговъ какъ выше, стр. 27, такъ и въ статьѣ: «Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ р. яз.» (см. т. I настоящаго труда): по моему мнѣнію, наши слоги *ай*, *ой*, *ій*, *уй* и т. п. суть нисходящіе дифтонги, точно такъ же какъ *йа*, *йэ*, *йо*, *йу* (на письмѣ я, е, ё, ю) — дифтонги восходящіе. Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, *й* есть полугласный звукъ, то-есть по натурѣ гласный, имѣющій функцію согласнаго.

Этотъ й я прежде считалъ тожественнымъ съ германскимъ *йотомъ* (jot, j), но теперь вмѣстѣ съ г. Сиверсомъ признаю, что j, развившись изъ полугласнаго *i* посредствомъ бóльшаго стѣсненія въ задней части рта, есть дѣйствительно длительный согласный, и именно голосовой спирантъ, который отвѣчаетъ безголосному *x* въ *ich*, точно такъ же, какъ *в* есть спирантъ, развившійся изъ гласнаго *у*. Наблюденіе, которое приводитъ къ заключенію о натурѣ *jot*, было сдѣлано мною еще при составленіи названныхъ «Замѣтокъ», гдѣ между прочимъ сказано:

«Если станемъ произносить *и* (*i*) не переводя дыханія, такъ чтобы онъ звучалъ нѣсколько времени непрерывно, а потомъ вдругъ перейдемъ къ другой гласной, напримѣръ къ *а* или *о*, то непосредственно передъ нею *и* (i) непремѣнно обратится въ *й*, въ положеніи же органовъ рѣчи при этомъ не произойдетъ никакой перемѣны. Только въ томъ случаѣ, если непосредственно послѣ *й* (j) надо опять произнести *и* (i), какъ напримѣръ въ англійскомъ словѣ year или въ русскомъ *ихъ*, *имъ*, *ручьи*, то нельзя отрицать, что при переходѣ *и* въ *й* (которое у насъ тутъ не пишется), языкъ нѣсколько (болѣе) приближается къ нёбу, ибо иначе этотъ переходъ былъ бы невозможенъ». Совершенно сходно съ этимъ и г. Сиверсъ (стр. 124) замѣчаетъ: «Если передъ гласными *i*, *u* (русск. *и*, *у*) и т. д. долженъ быть образованъ соотвѣтствующій полугласный (то-есть, группы *ji*, *wu*), то полугласный всегда произносится болѣе сперто (geschlossener), чѣмъ гласный, такъ что здѣсь достигаются такія стѣсненія, какихъ не бываетъ обыкновенно при слогообразовательныхъ гласныхъ тѣхъ же языковъ».

Еще Добровскій въ звукахъ ꙗ ѥ ю (*я*, *е*, *ю*) не хотѣлъ признавать дифтонговъ на томъ основаніи, что въ началѣ этихъ сочетаній онъ видѣлъ согласный *jot*; но всякій, кто безъ предубѣжденія вникнетъ въ ихъ составъ, убѣдится, что первымъ компонентомъ ихъ служитъ тотъ же полугласный *й*, которымъ кончаются группы *ай*, *ой* и т. д., что слѣдовательно тѣ и другіе суть дифтонги, но съ обратнымъ расположеніемъ составныхъ частей. Эта теорія нашихъ ложныхъ монографовъ *я*, *е*, *ю* — самая простая и вмѣстѣ самая практическая.

Пропускаю крайне утонченныя наблюденія надъ движеніями устныхъ органовъ и надъ происходящими во время ихъ посторонними шорохами при соприкосновеніяхъ однихъ звуковъ съ другими, и перехожу къ статьѣ, заслуживающей особеннаго вниманія, о такъ называемыхъ Mouillirung или Palatalisirung и Labialisirung или Rundung. Дѣло идетъ о двухъ явленіяхъ, имѣющихъ преобладающее значеніе въ русскомъ языкѣ и характери-

зуемыхъ тѣмъ двоякимъ произношеніемъ согласныхъ, которое на письмѣ отмѣчается буквами *ъ* и *ъ*. Въ акустическомъ смыслѣ первое можно назвать *отонченіемъ* (палатализаціей), второе — *отолщеніемъ* (лабіализаціей) согласныхъ. Г. Сиверсъ начинаетъ слѣдующими вступительными замѣчаніями:

«Соединеніе какого бы ни было согласнаго съ послѣдующимъ гласнымъ можетъ совершаться двоякимъ образомъ, — можно либо: 1) исходя отъ спокойнаго положенія, артикуловать согласный, не заботясь о гласномъ, то-есть, такъ, что изъ спокойнаго положенія выводятся только тѣ части органа рѣчи, которыхъ участіе необходимо при образованіи специфической артикуляціи согласнаго, либо 2) заранѣе принимать во вниманіе послѣдующій гласный, давая ненужнымъ при артикуляціи согласнаго частямъ органа рѣчи такое положеніе, какого требуетъ гласный. Объяснимъ это примѣромъ.

«Слогъ *мі* по первому способу производится такъ, что губы сжимаются, нёбная занавѣска опускается и издается голосъ; продуктъ этой артикуляціи есть *м*; при этомъ языкъ остается въ своемъ спокойномъ положеніи, губы едва замѣтно выдвинуты. Переходъ къ *і* дѣлается такимъ образомъ, что по возможности одновременно нёбный клапанъ запирается, губы раскрываются и языкъ приводится въ положеніе, потребное для *і*: если надо образовать *і* съ энергическимъ движеніемъ губъ, то и онѣ должны въ тотъ же моментъ расшириться въ формѣ щели.

«При этомъ въ одинъ моментъ перехода совпадаютъ три или четыре артикуляціонныя движенія. Чтобъ избѣжать этого, можно уже во время произношенія *м*, одновременно съ его устроеніемъ, поднять языкъ въ положеніе для *і*, а также и губы могутъ вмѣстѣ со смычкой расшириться въ формѣ щели, при чемъ *м* вовсе не утратитъ качества губного носового; тогда въ моментъ перехода останется сдѣлать только два артикуляціонныя движенія.

«Такимъ же образомъ, при *ку* можно по произволу протянуть и округлить губы для *у* либо въ моментъ перехода, либо уже передъ устроеніемъ артикуляціи *к*.

«Итакъ, здѣсь специфическое положеніе органа для *i* или *у* произведено уже одновременно съ специфическимъ положеніемъ *м* или *к*, или, другими словами, заранѣе взята специфическая артикуляція. Если бы порядокъ звуковъ былъ обратный, то пришлось бы говорить объ удержаніи специфической артикуляціи.

«Ясно, что заблаговременнымъ взятіемъ артикуляціи *i*, *у* достигается болѣе тѣсное сліяніе обоихъ звуковъ (*м* — *i*, *к* — *у*), потому что при этомъ рядъ переходныхъ звуковъ по возможности сокращается. Естественно, что разница обоихъ способовъ образованія должна быть всего замѣтнѣе при гласныхъ съ энергическою дѣятельностью губъ и языка, ибо у нихъ движенія, которыя собственно должны бы происходить въ моментъ перехода, такъ сильны и продолжительны; и такъ какъ трудно ихъ произвести одновременно, то непремѣнно явились бы излишніе промежуточные звуки. Въ ряду этихъ возможно совершенныхъ гласныхъ первое мѣсто естественно занимаютъ *i*, *у*».

Предвзятіемъ устной артикуляціи *i* или *j* согласный подвергается измѣненію, извѣстному у нѣмцевъ подъ именемъ Mouillirung (отъ французскаго *l* mouillé). Это явленіе подмѣчено прежде всего надъ извѣстными звуками романскихъ языковъ, означаемыми у французовъ посредствомъ *l* или *ll* съ предшествующими гласными или посредствомъ *gn* передъ гласною; звуки эти оказываются сложными и, какъ ихъ правильно описалъ Брюкке, оканчиваются *йотомъ*; но германскіе филологи, а вслѣдъ за ними и г. Сиверсъ, сюда же относятъ русскіе и польскіе согласные передъ (первоначальнымъ) *i*, *j*, въ примѣръ чего нашъ авторъ приводитъ русскія *лить*, *никто*, польскія ń, ś. Что между разсматриваемыми здѣсь звуками романскихъ и славянскихъ языковъ есть нѣкоторое сходство, это неоспоримо; однакожъ не слѣдовало бы ихъ безразлично означать однимъ и тѣмъ же терминомъ: въ русскомъ и польскомъ слышится звукъ простой, одинокій. Отъ смѣшенія двухъ сходныхъ, но не тожественныхъ явленій происходитъ, что не всѣ замѣчанія г. Сиверса

справедливы въ отношеніи къ обоимъ. Слѣдующее, напримѣръ, относится только къ славянскимъ звукамъ:

«Если отонченные (mouillirte) звуки являются не передъ *i*, а передъ другою гласной, то естественно, переходъ отъ согласнаго въ положеніи *i* къ положенію слѣдующаго гласнаго бываетъ болѣе или менѣе замѣтенъ для слуха, и такъ какъ мы нѣмцы большею частью знаемъ только безразличныя сочетанія согласныхъ или только сочетанія ихъ съ гласными одинаковой артикуляціи, то намъ кажется, что при этомъ переходѣ вставляется *j*, и мы въ своемъ школьномъ произношеніи дѣйствительно присоединяемъ *i* къ отонченному согласному. Но это рѣшительно невѣрно; отсутствіе такого похожаго на *i* переходнаго звука въ окончаніи ясно доказываетъ, что онъ не составляетъ существенной принадлежности отонченнаго звука. Этимъ», заключаетъ г. Сиверсъ,—«конечно, не отрицается, что соединеніе отонченнаго звука съ *i* гдѣ-нибудь дѣйствительно можетъ встрѣчаться». Но дѣло въ томъ, что какъ скоро послѣ французскаго *l mouillé* или *gn* слѣдуетъ какая бы ни было гласная, то между ею и предшествующею согласною непремѣнно слышится и должно слышаться *i*, напримѣръ, въ словахъ: *gagner*, *gagna*, *gagnons*, *dépouiller*, *dépouilla*, *dépouillons*. Что же касается русскихъ отонченныхъ звуковъ, то совершенно справедливо, что иностранцы вмѣсто, напримѣръ *меня*, *вѣрю* произносятъ «менья, вѣрью»: слѣдовательно, терминъ Moullirung здѣсь прилагается неправильно.

Невѣрнымъ нахожу и слѣдующее за симъ замѣчаніе, будто *передъ* отонченною согласною слышится легкое *i* послѣ другой гласной, съ которою оно можетъ образовать дифтонгъ. Но далѣе удачно объяснено, почему собственно-гортанные звуки не способны къ отонченію: причина та, что при нихъ задняя часть языка такъ отдергивается назадъ и вверхъ, что передняя часть уже не можетъ надлежащимъ образомъ приблизиться къ положенію *i*. Поэтому, если отонченіе гортанныхъ звуковъ необходимо, то мѣсто ихъ артикуляціи должно быть подвинуто къ твердому нёбу, то-есть, собственно гортанный звукъ долженъ быть

замѣненъ нёбнымъ: этимъ объясняется переходъ *г* въ *ж*, *к* въ *ч*, *х* въ *ш*.

Любопытно, наконецъ, еще явленіе, подмѣченное западными фонетистами надъ нашими отонченными согласными. «При нихъ», говоритъ г. Сиверсъ,—«характерно образованіе тѣснины между переднимъ языкомъ и твердымъ нёбомъ. Исторически оно получаетъ еще особенное значеніе тѣмъ, что при смычныхъ звукахъ можетъ происходить новый шорохъ, и это тѣмъ легче, чѣмъ сильнѣе выдыханіе и чѣмъ болѣе выталкивается воздуха. Когда переходъ отъ смычки къ слѣдующему согласному производится не быстро и выдыханіе не размѣряется тщательно, то за взрывнымъ шорохомъ слѣдуетъ еще соотвѣтственный проторный шорохъ, который послѣ голосоваго звука естественно бываетъ голосовымъ, а послѣ безголоснаго безголоснымъ. Ср. русское *брать*, *пять* или литовское *reik'* вмѣсто *reikia* и т. д. Эти шорохи проторные похожи на нёбные *х* (безголосный противень спиранта *j*), но они съ нимъ никакъ не тожественны».

О противоположномъ явленіи, каторое мы назвали отолщеніемъ, г. Сиверсъ, назвавшій его лабіализаціей или округленіемъ, выражается такъ: «При *у* дѣятельность губъ имѣетъ большее значеніе, чѣмъ при *і*, и вліяніе *у* на предшествующіе согласные заключается существенно въ заблаговременномъ округленіи (или выставленіи) губъ». Къ сожалѣнію, г. Сиверсъ не обратилъ вниманія на связь этого явленія съ тѣмъ характернымъ произношеніемъ русскихъ согласныхъ, которое на письмѣ означается *еромъ*, и тѣмъ оправдалъ прежнее мое замѣчаніе, что до сихъ поръ фонетисты вообще мало занимаются изслѣдованіемъ образованія русскихъ согласныхъ, сопровождаемыхъ этимъ звуковымъ элементомъ. Чѣмъ, какъ не особенно сильною лабіализаціей, можно объяснить разницу произношенія, въ русскомъ и западно-европейскихъ языкахъ слоговъ, состоящихъ повидимому изъ однихъ и тѣхъ же звуковъ? Ср. напримѣръ, русскіе *котъ*, *ротъ*, *радъ* съ нѣмецкими koth, roth, rad, и французскими côte, rotte, rate. Въ замѣчаемой разницѣ выговора много участвуетъ

конечно и сила выдыханія и энергія движенія устныхъ органовъ, но особенно много значитъ тутъ, какъ мнѣ кажется, предвзятое положеніе русскаго *у*.

Въ заключеніи этой статьи наблюдательность г. Сиверса выразилась въ слѣдующихъ двухъ замѣчаніяхъ:

1) Возможность палатализаціи или лабіализаціи никакъ не ограничивается однимъ только согласнымъ: напротивъ, вообще говоря, въ нихъ участвуютъ всѣ предшествующіе въ томъ же слогѣ звукамъ *i*, *у* согласные, а иногда даже и тѣ согласные, на которые кончается предыдущій слогъ, могутъ подчиняться этому произношенію[1]).

2) Выраженія: Mouillirung и Labialisirung нельзя относить только къ измѣненіямъ, зависящимъ отъ *i*, *у*; ибо и другіе близкіе къ этимъ звукамъ согласные часто производятъ совершенно сходныя дѣйствія (ср. частую палатализацію гортанныхъ передъ *е*). Но чѣмъ ближе гласный къ крайнему *i* или *у*, тѣмъ характернѣе является его вліяніе на звукъ согласнаго, и тѣмъ скорѣе онъ можетъ вредить произношенію послѣдняго.

Изслѣдованіе о звуковыхъ сочетаніяхъ кончается параграфомъ, озаглавленнымъ: Редукція (ослабленіе). Такъ называетъ г. Сиверсъ рядъ измѣненій, которымъ подвергаются извѣстные звуки рѣчи, при чемъ они въ большей или меньшей степени теряютъ существенныя особенности, имѣвшія значеніе для ихъ опредѣленія, и оттого испытываютъ модификаціи, не предусмотрѣнныя въ самой системѣ звуковъ. Какъ на одинъ изъ видовъ редукціи, авторъ указываетъ на обращеніе нѣкоторыхъ голосовыхъ звуковъ въ безголосные, явленіе, бывающее у насъ постоянно съ согласными, оканчивающими слово.

Послѣ этого г. Сиверсъ приступаетъ къ изслѣдованію о по-

---

[1]) Здѣсь авторъ ссылается на академика Бётлинга, который въ Mélanges russes, II, 26 и д. (1852 г.) указалъ на законъ, еще ранѣе подмѣченный и описанный мною въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (1847 г.),—законъ обратнаго дѣйствія мягкихъ (отонченныхъ) звуковъ на произношеніе предшествующихъ согласныхъ и гласнаго *э*, *е*, *ѣ* (см. выше, въ разныхъ мѣстахъ).

строеніи слоговъ, словъ и предложеній. Надо умѣть различать простой рядъ звуковъ, слоговъ и словъ отъ дѣйствительнаго слога, слова и предложенія. «Комплексы послѣдняго рода возможны только при подчиненіи одного или нѣсколькихъ членовъ ряда другимъ членамъ и при вполнѣ опредѣленномъ отношеніи различныхъ степеней взаимнаго подчиненія. Такъ, сходно со сказаннымъ уже прежде, въ слогѣ консонанты подчиняются сонанту; въ каждомъ по меньшей мѣрѣ двусложномъ словѣ бываетъ одинъ сильнѣе ударяемый слогъ; наконецъ, предложеніе отличается особеннымъ ритмомъ, который оно получаетъ вслѣдствіе подчиненія менѣе важныхъ для выраженія словъ болѣе важнымъ.

«Въ теоріи слогообразованія нужно знать, при какихъ условіяхъ звуки соединяются въ слогъ: тутъ рѣшительное значеніе принадлежитъ разнымъ степенямъ естественной звонкости (Schallfülle). Затѣмъ слѣдуетъ разсмотрѣть зависящую отъ хода выдыханія относительную интенсивность отдѣльныхъ членовъ слоговъ и ихъ протяженіе (Quantität). Далѣе надо заняться различными формами выдыхательнаго движенія въ слогахъ или выдыхательнымъ акцентомъ, къ чему присоединяется изслѣдованіе надъ тоническимъ слоговымъ акцентомъ. Правила раздѣленія слоговъ составятъ переходъ къ образованію словъ и предложеній, которыя съ фонетической точки зрѣнія нераздѣлимы, да и вообще едва ли раздѣлимы. Задачу послѣдующаго отдѣла составитъ изслѣдованіе слова и предложенія и разностепенность ихъ отдѣльныхъ частей (слоговъ, тактовъ) по интенсивности протяженія и тоническимъ условіямъ». Всѣ эти отдѣльныя точки зрѣнія составляютъ результатъ новѣйшихъ изслѣдованій англійскихъ фонетиковъ, впервые указавшихъ на необходимость различать въ предложеніяхъ элементы, которые прежде подводились подъ общее понятіе акцентуаціи.

Итакъ, сначала о составѣ слога. Изъ разныхъ опредѣленій слога самымъ удобнымъ на практикѣ представляется г. Си-

версу слѣдующее: «Подъ слогомъ надо разумѣть звуковой комплексъ, который производится однимъ самостоятельнымъ, непрерывнымъ выдыхательнымъ толчкомъ». Но для того, чтобъ эти звуки дѣйствительно слышались какъ нѣчто единое (когда слогъ содержитъ болѣе одного звука), необходимо подчиненіе одному всѣхъ остальныхъ звуковъ на основаніи различія ихъ естественной звонкости и естественнаго свойства выдыхательнаго движенія. Какъ уже выше было объяснено, главный звукъ называется сонантомъ слога, прочіе же консонантами. Отсюда выводятся два самые существенные закона построенія слога: 1) способность дѣлаться сонантомъ зависитъ въ каждомъ слогѣ отъ его естественной звонкости, такъ что при стеченіи нѣсколькихъ звуковъ тотъ долженъ служить сонантомъ, который самъ по себѣ обладаетъ наибольшею звонкостью. Только слоги, стоящіе на одинаковой степени звонкости, могутъ попеременно быть и сонантами и консонантами; 2) въ такомъ же отношеніи находятся консонанты между собою: чѣмъ ближе къ сонанту, тѣмъ болѣе должна быть естественная звонкость. Оттого разряды консонантовъ, которые могутъ предшествовать сонанту, должны стоять въ обратномъ порядкѣ, когда слѣдуютъ за нимъ; но для окончанія слога, законы строже, чѣмъ для начала его.

«Звонкость бываетъ различна по степени, въ какой проявляется музыкальный элементъ языка — голосъ. Поэтому всѣ голосовые звуки берутъ верхъ надъ безголосными. Первое мѣсто вездѣ занимаютъ гласные, и между ними *а*, такъ какъ при воронкообразной формѣ надставной трубы голосъ звучитъ всего свободнѣе; звонкость становится тѣмъ слабѣе, чѣмъ болѣе ротъ закрывается, то-есть, чѣмъ тѣснѣе образуется гласный или чѣмъ сильнѣе онъ округляется.

«Вслѣдъ за гласными идутъ плавные и носовые, равные между собой по звонкости, когда одному приходится быть сонантомъ, другому консонантомъ. Когда обоимъ выпадаетъ роль консонантовъ, то повидимому плавные имѣютъ болѣе звонкости,

то-есть возможны слоги *мла́*, *мра́* и *а́лмъ*, *а́рмъ*, но не *лма́*, *рма́* и не *а́мл*, *а́мр*.

«Въ числѣ шороховъ спиранты звончѣе взрывныхъ (смычныхъ) звуковъ: *тса́*, *пса́*, такъ же какъ и *аст*, *апс* образуютъ простые слоги, если мы не будемъ принимать въ расчетъ взрыва конечнаго консонанта: ибо такъ какъ со смычкою взрывного звука выдыхательный токъ по необходимости прерывается, то взрывъ сопровождается новымъ выдыхательнымъ толчкомъ, то-есть принадлежитъ уже къ другому слогу. Итакъ, когда въ образованіи слога участвуютъ смычные звуки, то онъ можетъ продолжаться не болѣе, какъ отъ взрыва предшествующаго сонанту звука до смычки непосредственно слѣдующаго смычного.

«Еще менѣе возможны сочетанія двухъ смычныхъ звуковъ въ началѣ или въ концѣ слога, равно какъ и сочетанія спиранта + смычной звукъ въ началѣ или обратно въ концѣ слога. Если мы, несмотря на то, принимаемъ за простые слоги: ptá, ktá, ápt, ákt, spá, stá, áps, áts и даже átst, átšt, štšá (то-есть ща), áštš (ащ), то это просто оттого, что мы не замѣчаемъ (wir ignoriren) маленькихъ побочныхъ слоговъ (Nebensilben), образуемыхъ здѣсь начальными или конечными сочстаніями консонантовъ; мы оставляемъ ихъ безъ вниманія по ничтожной звонкости появляющихся тутъ безголосныхъ шороховъ, надъ которыми главный слогъ съ его звонкимъ сонантомъ рѣшительно преобладаетъ.

«Много ли мы допускаемъ такихъ побочныхъ слоговъ рядомъ съ главнымъ, зависитъ въ значительной мѣрѣ отъ привычки, отъ большей или меньшей легкости послѣдовательно производить переходныя движенія. Мы легко терпимъ, напримѣръ, сочетанія, въ которыхъ вторымъ членомъ служитъ зубной или губной звукъ: *ptá*, *ktá*, *ápt*, *ákt*, тогда какъ *tpá*, *tká*, *átp*, *átk* непріятны для слуха. Изъ конечныхъ сочетаній взрывного звука + спирантъ всѣхъ легче кажутся affricatae. Голосовые шорохи, по большей звонкости ихъ, еще менѣе удобны; ср. напр. *zbá*, *ábz* съ *spá*, *áps* и т. п.».

Этими замѣчаніями г. Сиверса не исчерпывается однако все то, чтó можно бы сказать о слогообразованіи въ славянскихъ языкахъ, особенно въ русскомъ. Такой слогъ, какъ напримѣръ второй въ род. множ. ч. *искусствъ* (или по произнош.—*кустфъ*), конечно, не входилъ въ соображеніе нашего автора. Этотъ предметъ въ примѣненіи къ названной группѣ языковъ требовалъ бы особеннаго изслѣдованія. То же можно сказать и о послѣдующихъ параграфахъ, гдѣ разсматриваются изложенныя выше условія слогообразованія. Чтобы съ интересомъ и пользою слѣдить за изложеніемъ этихъ заключительныхъ отдѣловъ сочиненія г. Сиверса, нужно такое знакомство со всѣми звуковыми тонкостями германскихъ языковъ, такая музыкальная подготовка, что я не рѣшаюсь продолжать свои выписки и замѣчанія. Скажу только, что эти свѣдѣнія, по новости и важности своей, заслуживаютъ внимательнаго изученія, и очень желательно, чтобы нашелся достаточно подготовленный изслѣдователь для примѣненія указанныхъ основаній къ славянскимъ языкамъ, которыхъ г. Сиверсъ могъ здѣсь лишь изрѣдка и бѣгло касаться.

Окончу заимствованіемъ общихъ или вступительныхъ мыслей самой послѣдней, также весьма замѣчательной главы его книги: объ измѣненіяхъ звуковъ (Lautwandel). «И теперь еще», говоритъ онъ, — «въ филологическихъ трудахъ часто можно встрѣтить предположеніе, что всякое измѣненіе звуковъ проистекаетъ изъ стремленія облегчить себѣ выговоръ, упростить артикуляцію; другими словами, что при всякомъ измѣненіи звуки ослабляются, а не усиливаются. Нѣтъ спора, что многія явленія въ исторіи языковъ подходятъ подъ этотъ выводъ, но слишкомъ обобщать его несправедливо». Приводя нѣсколько примѣровъ, подтверждающихъ его наблюденіе, авторъ очень вѣрно замѣчаетъ: «Вообще надо твердо помнить, что собственно всѣ звуки языка произносятся почти съ одинаковою легкостью и что дѣйствительныя трудности встрѣчаются только въ воспроизведеніи иноязычныхъ звуковъ. Каждый членъ человѣческаго тѣла, развитый однообразнымъ ежедневнымъ упражненіемъ, въ совер-

шенствѣ исполняетъ свое назначеніе; но для другихъ цѣлей онъ бываетъ мало пригоденъ и даже просто неспособенъ: такъ и органъ рѣчи, вслѣдствіе непрерывнаго навыка смолоду производить звуки родного языка, пріобрѣтаетъ полную власть надъ всѣми артикуляціонными движеніями, которыхъ онъ требуетъ. Но только надъ ними. Когда орудія языка посредствомъ и для своего опредѣленнаго дѣйствія получили уже одностороннее развитіе, то все, выходящее изъ рамки привычныхъ артикуляцій, представляетъ затрудненіе... Въ предѣлахъ извѣстнаго народа языкъ одного поколѣнія наслѣдуется другимъ безъ большихъ перемѣнъ въ звуковыхъ привычкахъ. Разумѣется, что и въ предѣлахъ того же поколѣнія говорящихъ перемѣны могутъ быть производимы лишь постепенно, шагъ за шагомъ, и тѣмъ не менѣе въ этихъ еще ускользающихъ отъ нашего наблюденія перемѣнахъ кроются главные зародыши развитія звуковъ. Но достаточно только одного продолжительнаго накопленія этихъ малѣйшихъ оттѣнковъ, чтобъ и для нашего слуха являлись замѣтныя различія, а наконецъ и совершенныя перемѣщенія цѣлыхъ звуковыхъ системъ, такъ что первоначальное становится уже неузнаваемымъ.

«Итакъ всякое измѣненіе звуковъ заключается въ постепенно развивающемся и безсознательно совершаемомъ перемѣщеніи ихъ; оно простирается либо на цѣлую звуковую систему, либо на опредѣленныя части ея. Въ этой обширной области надо различать два рода звуковыхъ измѣненій: одни бываютъ самородныя, другія зависимыя или совокупныя. Къ первому отдѣлу относятся всѣ тѣ измѣненія, которымъ подвергаются тѣ или другія части системы независимо отъ сосѣднихъ звуковъ; ко второму — тѣ случаи, въ которыхъ измѣненіе связано съ положеніемъ звука посреди другихъ, слѣдовательно, между прочимъ, всѣ явленія ассимиляціи, перемѣны окончаній и т. п.

«Едва ли не важнѣе этого еще другое начало дѣленія, именно основывающееся на перемѣнахъ въ факторахъ артикуляціи, которыя обусловливаютъ и перемѣны звуковъ: только такимъ образомъ можно правильно группировать отдѣльныя измѣненія

по ихъ физіологическому родству. Соображаясь съ главными факторами образованія звуковъ, надо различать измѣненіе послѣднихъ: 1, по причинѣ перемѣнъ артикуляціи надставной трубы (напримѣръ, постепенное перемѣщеніе рядовъ гласныхъ, переходъ отъ голосовыхъ смычныхъ къ голосовымъ спирантамъ и наоборотъ); 2, вслѣдствіе перемѣнъ гортанной артикуляціи (напримѣръ, переходъ голосовыхъ звуковъ въ безголосные и наоборотъ), и 3, вслѣдствіе перемѣнъ выдыханія (напримѣръ, переходъ изъ lenis въ fortis, также всѣ звукоизмѣненія, зависящія отъ выдыхательнаго акцента)».

Эти три разряда встрѣчаются, какъ въ области самородныхъ, такъ и въ области зависимыхъ измѣненій. Затѣмъ разсматриваются отдѣльные случаи въ каждомъ изъ означенныхъ видовъ. Подробности повели бы насъ слишкомъ далеко. Не могу лучше окончить своего обзора содержанія книги г. Сиверса, какъ признавъ за авторомъ великую заслугу въ томъ обиліи новыхъ свѣдѣній, точекъ зрѣнія и соображеній, которымъ онъ обогатилъ науку индоевропейской фонетики.

ЧАСТЬ II.

ПИСЬМО И ПРАВОПИСАНІЕ.

I. Значеніе и развитіе письма.

Verba volant, scripta manent.

Чтобы правильно судить о русскомъ письмѣ, необходимо напередъ уяснить себѣ значеніе и ходъ развитія письма вообще. Привыкнувъ съ дѣтства ко вседневному употребленію буквеннаго письма, мы не довольно цѣнимъ это великое изобрѣтеніе, не спрашиваемъ себя о происхожденіи столь простого повидимому механизма и не думаемъ о тѣхъ попыткахъ, чрезъ которыя долженъ былъ пройти человѣкъ прежде нежели ему удалось разложить звуки рѣчи на основныя части ихъ и научиться изображать эти членораздѣльные элементы голоса отдѣльными знаками.

Начало новѣйшимъ изслѣдованіямъ по этому вопросу положилъ Вильгельмъ Гумбольдтъ въ двухъ статьяхъ: 1) «О связи письма съ языкомъ» и 2) «О буквенномъ письмѣ и его связи съ строемъ языка»[1]. Въ обѣихъ знаменитый авторъ сообщилъ множество новыхъ свѣдѣній о живописномъ письмѣ американскихъ народовъ и объ египетскихъ іероглифахъ, главнымъ образомъ старался доказать, что какъ бо́льшее или меньшее совершенство внутренней формы языковъ зависитъ отъ различія словесныхъ

---

[1] См. въ VI томѣ собранія сочиненій Вильгельма Гумбольдта разсужденія: 1, Ueber den Zusammenhang der Schrift mit der Sprache, и 2, Ueber die Buchstabenschrift und deren Zusammenhang mit dem Sprachbau.

способностей народовъ, такъ и высшее или низшее достоинство письма находится въ прямомъ отношеніи къ совершенству языка. Г. Штейнталь, въ своей брошюрѣ: «Развитіе письма»[1], разсмотрѣвъ критически изслѣдованія Гумбольдта, дополнилъ ихъ и положительными данными и новыми философскими взглядами. Наконецъ, въ недавнее время, лейпцигскій профессоръ Вутке, извѣстный многими историческими сочиненіями, предпринялъ обширный трудъ, который долженъ обнять всю исторію письма, начиная отъ самыхъ грубыхъ попытокъ татуировки до проведенія электромагнитныхъ проволокъ. Первый томъ этого труда уже изданъ въ 1872 г. подъ заглавіемъ: «Происхожденіе письма, различныя его системы и письмо народовъ, пишущихъ не буквами»[2]. Сообщаемыя за симъ свѣдѣнія и замѣчанія извлечены мною изъ этихъ превосходныхъ, у насъ еще мало извѣстныхъ изслѣдованій.

Письмо есть изображеніе рѣчи видимыми знаками; оно переноситъ языкъ изъ области слуха въ область зрѣнія. Когда мы говоримъ, то слово, достигнувъ слуха другого, сейчасъ же исчезаетъ; когда пишемъ, то оно, сдѣлавшись видимымъ, отдѣляется отъ человѣка, пріобрѣтаетъ самостоятельное вещественное бытіе, можетъ быть сохраняемо, и пока сохраняется во внѣшнемъ образѣ, можетъ безъ посторонняго посредничества быть разбираемо другими по волѣ ихъ. Говорящій употребляетъ свой собственный тѣлесный матеріалъ, и потому живой языкъ предполагаетъ совмѣстное присутствіе говорящаго и слушающаго; письмо же, помощію руки человѣческой, употребляетъ внѣ насъ находящійся матеріалъ и предполагаетъ, какъ въ пространствѣ, такъ и во времени, отдаленіе пишущаго отъ читающаго. Отсюда слѣдуетъ,

---

[1] H. Steinthal. Die Entwicklung der Schrift. Berlin 1852.

[2] H. Wuttke. Die Entstehung der Schrift, die verschiedenen Schriftsysteme und das Schrifttum der nicht alfabetarisch schreibenden Völker. Leipzig 1872. Къ тексту приложена особая тетрадь изображеній. Содержаніе книги г. Вутке изложено на французскомъ языкѣ въ Journal des Savants 1875 года за августъ и другіе смежные мѣсяцы извѣстнымъ Alfred Maury; а вслѣдъ за тѣмъ появилась еще статья того же французскаго ученаго въ *Revue des deux Mondes* 1-го сентября 1875 года, подъ заглавіемъ: «L'invention de l'écriture, les origines et le développement des alphabets».

что языкъ неотдѣлимъ отъ говорящаго и принадлежитъ только къ настоящей его дѣятельности, тогда какъ письмо имѣетъ спокойное, прочное бытіе только отдѣльно отъ пишущаго и во времени и въ пространствѣ. Именно потому, что письмо можетъ быть сохраняемо, оно сберегаетъ мысль для воспріятія ея въ отдаленіи или въ будущемъ. Отношеніе между языкомъ и мыслью — непосредственное; между письмомъ и мыслью находится живое слово.

Безъ письма языкъ оставался бы лишь мгновеннымъ орудіемъ сообщенія. Одно письмо придаетъ прочность летучему слову, побѣждаетъ и пространство и время. Письмо — необходимое дополненіе языка, сильнѣйшій рычагъ общежитія, знанія, религіи. Безъ него немыслимы ни достовѣрная исторія, ни наука.

Дальнѣйшее развитіе самаго языка — въ прямой зависимости отъ письма. По выводамъ Гумбольдта, письмо есть только послѣдній актъ творческой силы человѣка въ языкѣ, необходимо обусловливаемый сущностью и направленіемъ нашей словесной дѣятельности. «Самое общее послѣдствіе его для языка», говоритъ Гумбольдтъ, «то, что письмо доставляетъ легкое средство сравнивать слова, сказанныя въ разное время, и мысли, облеченныя въ слова, послѣ чего собственно только и становится возможнымъ размышлять о языкѣ и разрабатывать его. При распространеніи грамотности, письмо, и въ живой рѣчи и въ мышленіи, по необходимости вступаетъ въ связь съ языкомъ, частью по законамъ сопряженія родственныхъ идей, частью вслѣдствіе множества случайныхъ поводовъ отыскивать соотношеніе между тѣмъ и другимъ. Поэтому потребности, границы, преимущества, особенности обоихъ дѣйствуютъ другъ на друга. Измѣненія въ письмѣ ведутъ къ измѣненіямъ въ языкѣ, и хотя собственно такъ пишутъ потому что такъ говорятъ, но часто бываетъ и наоборотъ, что такъ говорятъ потому что такъ пишутъ»[1]. Все это относится особенно къ азбучному письму.

[1] W. Humboldt. Gesamm. Werke. VI, 432.

Происхожденіе письма теряется во мракѣ доисторическихъ временъ; это — одно изъ первобытныхъ, необходимыхъ дѣйствій человѣческаго духа, покрытое такою же тайной, какъ происхожденіе самого человѣка, его языка, религіи, или какъ раздѣленіе народовъ. Въ строгомъ смыслѣ положительная исторія письма невозможна: по крайней мѣрѣ при нынѣшнихъ нашихъ познаніяхъ мы можемъ только угадывать ее, наблюдая извѣстные намъ способы письма у разныхъ народовъ, отчасти уже сошедшихъ съ міроваго поприща. Письмо, очевидно, должно было предшествовать успѣхамъ просвѣщенія, но и само оно не могло возникнуть безъ нѣкотораго умственнаго развитія въ народѣ. Какъ языкъ является первымъ шагомъ перехода изъ животнаго состоянія въ человѣческое, такъ и письмо должно считаться переходомъ отъ первобытной грубости къ образованію. Какъ начало слова тожественно съ пробужденіемъ ума, такъ, по мнѣнію Штейнталя, и происхожденіе цивилизаціи и культуры совпадаетъ съ образованіемъ письма[1]. Для появленія письма, говоритъ этотъ же писатель, необходимо было, чтобы что-нибудь уже совершилось въ народѣ, и чтобы совершившееся считалось достойнымъ сохраненія въ памяти. Чтобы образовать письмо, народъ долженъ былъ не только знать нѣкоторое общежитіе, не только имѣть нѣкоторыя религіозныя представленія, но и ощущать выходящія за предѣлы необходимаго въ ежедневномъ быту, самосозданныя и сознанныя потребности[2].

Поводомъ къ изобрѣтенію письма могло послужить либо желаніе сообщаться съ отсутствующими, либо стремленіе сохранить память какого-либо лица или событія. Итакъ первыми опытами выраженія мысли для зрѣнія должны были быть или

---

[1] Штейнталь избѣгаетъ выраженія: *изобрѣтеніе письма*, находя, что этотъ актъ вовсе не похожъ на изобрѣтеніе напр. огнестрѣльнаго оружія или паровой машины; тѣмъ не менѣе нельзя однакожъ не согласиться, что для «образованія письма» (терминъ, имъ предпочитаемый) надобно было напередъ придумать, слѣдовательно именно *изобрѣсти* способъ, какъ писать.

[2] Steinthal, стр. 48—51, 58.

письма, или начертанія на могильныхъ камняхъ, на памятникахъ и т. п.[1].

Самое первобытное подобіе письма составляютъ знаки, дѣлаемые для памяти на какомъ-нибудь предметѣ. Они обыкновенно могутъ отвѣчать только опредѣленному, тѣсному кругу понятій, преимущественно въ области счисленія. Таковы употребляемые еще и нынѣ простонародьемъ въ разныхъ странахъ *бирки* (Kerbstöcke); таковы же были нѣкогда у перуанцевъ и, въ самыя отдаленныя времена, у китайцевъ такъ называемые *квипосы*, разноцвѣтные шнурки съ узлами (Knotenschnüre). Значеніе ихъ, по словамъ В. Гумбольдта, заключалось въ числѣ узловъ, въ различіи цвѣтовъ ихъ и кромѣ того, вѣроятно, въ способѣ ихъ переплетенія. Но для пониманія ихъ, повидимому, нужно было знать еще разныя постороннія обстоятельства, какъ то: отъ кого исходило сообщеніе, къ чему оно относилось и т. д. Извѣстно, что посредствомъ этихъ квипосовъ, напр., судьи извѣщали о родѣ и количествѣ присужденныхъ наказаній, при чемъ цвѣта́ означали преступленія, а узлы — роды наказаній. Такимъ образомъ квипосы, какъ кажется, были только пособіями для памяти при другихъ необходимыхъ къ тому свѣдѣніяхъ или устномъ преданіи: употребленіе ихъ требовало ключа, и они въ собственномъ смыслѣ даже не заслуживаютъ названія письма.

Первою степенью его справедливѣе считать действительныя изображенія означаемаго предмета, которыя только тѣмъ отличаются отъ живописи, какъ искуства, что имѣютъ практическую цѣль сообщенія, поученія. Но такое письмо сообщаетъ еще не слова, а только мысли или понятія, такъ что можетъ быть разбираемо независимо отъ языка, на которомъ говоритъ пишущій: самъ онъ конечно имѣетъ въ виду слова, которыя желаетъ передать, но читающему трудно не подставлять другихъ словъ, часто

[1] Steinthal, стр. 62, 63. Этимъ отрицается противорѣчивое замѣчаніе того же автора (см. у него стр. 48): «Никакъ не слѣдуетъ выводить письма изъ потребностей сообщенія: оно образовано не торговцами, а священниками и царями».

въ измѣненномъ порядкѣ, а иногда съ видоизмѣненіемъ и самыхъ понятій. Отсюда ясно, какъ несовершенно это *живописное* или *ббразное* письмо. Но оно нигдѣ не остается долго исключительнымъ: по мѣрѣ распространенія понятій и познаній является потребность замѣнять полное изображеніе предмета сокращеніемъ его или вообще знакомъ, который бы только напоминалъ о предметѣ, на основаніи какой-нибудь болѣе или менѣе искуственной системы. Эту вторую степень письма, обыкновенно возникающую рядомъ съ первой, а потомъ господствующую, составляетъ *символическое письмо*[1].

Тотъ и другой способъ означенія понятій начертаніями подходитъ подъ общій разрядъ *мысленнаго* или *идеографическаго* письма.

Когда изображенія съ теченіемъ времени до того искажаются, или когда имъ дается такой отдаленный и изысканный смыслъ, что глазъ уже не узнаётъ означаемаго предмета, и до него надобно добираться памятью и размышленіемъ, то происходитъ новый родъ письма, которое Гумбольдтъ назвалъ *фигуральнымъ*, разумѣя подъ нимъ преимущественно китайское письмо и находя въ начертаніяхъ его сходство съ математическими фигурами. Хотя во всякомъ хорошемъ живописномъ письмѣ каждое изображеніе по-настоящему должно соотвѣтствовать слову, но это относится особенно къ китайскому письму: въ немъ каждое начертаніе изображаетъ отдѣльное слово, только не какъ звуковую единицу, а опять-таки какъ понятіе, безъ всякаго отношенія къ фонетическому составу слова. Поэтому китайское письмо можетъ быть названо по преимуществу *словеснымъ* или *пословнымъ* и занимаетъ какъ бы середину между бббразнымъ и звуковымъ письмомъ.

Звуковое письмо составляетъ конечно самый совершенный способъ передачи мыслей посредствомъ видимыхъ знаковъ, но и

---

[1] Авторъ новѣйшаго сочиненія по исторіи письма, г. Фаульманъ, не признаетъ систематизаціи, по которой принимаютъ три послѣдовательныя степени развитія письма, и считаетъ звуковое письмо столь же древнимъ, какъ и живописное (Faulmann. Geschichte der Schrift. Einleitung).

оно представляетъ разныя степени совершенства, изображая въ большей или меньшей полнотѣ и точности составныя части слова. Въ этомъ отношеніи оно можетъ быть или *слоговымъ*, когда каждый знакъ выражаетъ цѣлый слогъ, или *буквеннымъ* (азбучнымъ въ собственномъ смыслѣ), когда для каждаго членораздѣльнаго звука употребляется особый знакъ. Различная степень совершенства звуковаго письма зависитъ также отъ того, служатъ ли орудіемъ его все еще изображенія предметовъ, какъ у египтянъ, или особые знаки, называемые буквами, какъ у семитовъ и арійскихъ (индо-европейскихъ) народовъ.

Во всякомъ письмѣ, по замѣчанію Штейнталя, непремѣнно бываютъ три фактора: 1) рѣчь, или то, чтó нужно передать; 2) видимые знаки, или внѣшняя форма письма, и 3) внутренняя форма письма, или способъ представленія рѣчи, какъ предмета, подлежащаго внѣшнему означенію. Внутренняя форма письма, какъ уже было замѣчено согласно съ глубокомысленнымъ заключеніемъ В. Гумбольдта, находится въ тѣсной связи съ внутреннею формой самого языка, которая бываетъ очень различна, смотря по разному способу означать взаимное соотношеніе словъ и категоріи выражаемыхъ ими понятій. Такъ *китайскій* и *японскій* (обособляющіе или разъединяющіе, isolirende, иначе односложные, корневые) языки не имѣютъ, для этого обозначенія, никакихъ средствъ, кромѣ порядка въ словорасположеніи; *туранскіе* (слѣпляющіе, agglutinirende) означаютъ связь понятій лишь наружнымъ присоединеніемъ къ корню другого вспомогательнаго слова; а *семитическіе* и *арійскіе* (флективные) — совершеннымъ сращеніемъ корня съ приставками и окончаніями, выражающими форму понятія. Многіе думаютъ, что эти три класса языковъ представляютъ три послѣдовательныя ступени развитія, по которымъ проходили всѣ языки на пути своего образованія; но можно также принять, что та или другая внутренняя форма языка, хотя онѣ и дѣйствительно выражаютъ разныя степени совершенства, принадлежатъ искони различнымъ племенамъ, смотря по характеру самаго мышленія и свойствамъ ума того или другого народа. Нельзя ска-

зать, чтобы каждому разряду языковъ соотвѣтствовалъ и извѣстный способъ письма; однакожъ несомнѣнно, что болѣе совершенной внутренней формѣ языка отвѣчаетъ и высшая внутренняя форма письма. Такъ звуковой способъ, въ полномъ своемъ развитіи, могъ явиться только у арійскихъ народовъ. «Особенность языковъ въ ихъ преимуществахъ и недостаткахъ», говоритъ В. Гумбольдтъ, «зависитъ большею частью отъ различія дара слова у разныхъ народовъ и отъ благопріятныхъ или противодѣйствующихъ обстоятельствъ. Несправедливо было бы думать, что всѣ языки шли однимъ и тѣмъ же путемъ развитія, безъ вліянія національной особенности этого рода. То же относится и къ письму. Такъ какъ оно болѣе всего приближается къ совершенству, когда передаетъ слова и ихъ послѣдовательность въ томъ же порядкѣ и въ той же опредѣленности, въ какой они произносятся, то оно будетъ тѣмъ лучше, чѣмъ болѣе народъ сознаётъ потребность не только выражать мысль, но и выражать ее такъ, чтобы рядомъ съ содержаніемъ получала значеніе и форма. Итакъ дѣйствіе духа будетъ однородно на языкъ и на письмо; оно будетъ вліять на пріобрѣтеніе и выборъ письма: болѣе совершенные языки будутъ сопровождаться и совершеннѣйшимъ письмомъ». Въ другомъ мѣстѣ тотъ же ученый такъ объясняетъ сущность разныхъ родовъ письма: «Различное достоинство его опредѣляется степенью, въ какой оно (т. е. письмо) можетъ сообщать познанія помощью одного размышленія, безъ предварительныхъ усилій памяти. Различіе между разными способами письма заключается въ бóльшей или меньшей опредѣленности сообщенной ему первоначально формы мысли и въ степени вѣрности, съ какою они могутъ сохранять ее при исполненіи задачи сообщенія. Слѣдовательно письмо, собственно говоря, есть всегда *означеніе языка*, но не всегда для разбирающаго (который часто можетъ перелагать написанное на другой языкъ или на другія слова того же языка) и не всегда въ равной степени опредѣленности со стороны пишущаго[1]».

[1] W. Humboldt. *Gesam. Werke.* VI, 431 и 434.

Показавъ общія основанія письма и разные роды его, взглянемъ теперь на дѣйствительно существующіе или существовавшіе образцы его у различныхъ народовъ.

Живописное письмо американскихъ народовъ.

Живописное письмо, какъ простое изображеніе предметовъ, встрѣчается у всѣхъ племенъ, мало-мальски возвысившихся надъ состояніемъ дикости. Самые первобытные образцы его находимъ у сѣверо-американцевъ, которые, передавая напр. свои пѣсни, употребляютъ для каждаго стиха отдѣльный образъ. Человѣкъ, бьющій въ колдовской барабанъ, долженъ значить: «Я пою, слушай меня». Нарисованное сердце = «говорю твоему сердцу».

Вотъ одна изъ ихъ пѣсенъ:

Мужчина съ крыльями, вмѣсто рукъ, значитъ: «О, еслибъ я былъ быстръ какъ птица!»

Воинъ подъ голубою звѣздой = «Смотрю на утреннюю звѣзду».

Вооруженный воинъ подъ небомъ = «Посвящаю свое тѣло борьбѣ».

Орелъ въ поднебесьи = «Орелъ летаетъ въ вышинѣ».

Лежитъ воинъ, въ груди стрѣла = «Радъ положить голову съ другими».

Небесный геній = «Горніе духи славятъ меня».

Очевидно, что написанную такимъ образомъ пѣсню можетъ разобрать только тотъ, кто ее напередъ уже знаетъ. Слѣдовательно, чтобъ понимать этого рода письмо надобно, путемъ устнаго преданія, выучивать пѣсни наизусть, и такое письмо служитъ только поддержкою для памяти, независимо же отъ нея не имѣетъ почти никакого значенія.

Вотъ другой примѣръ:

На деревянномъ могильномъ столбѣ нарисованъ сѣверный олень головою внизъ, ногами вверхъ; налѣво отъ него семь поперечныхъ чертъ, подъ ними три продольныя; еще ниже голова лося; наконецъ стрѣла и дудка. Изъ этого прохожій узнаётъ, что

здѣсь погребенъ предводитель изъ семейства, котораго знакъ[1] — сѣверный олень. Положеніе животнаго вверхъ ногами означаетъ смерть. Покойный водилъ свой родъ *семь разъ* на войну, получилъ *три раны*, однажды выдержалъ опасный бой съ лосемъ и пріобрѣлъ большое значеніе на войнѣ и въ мирное время (дудка). На другихъ могильныхъ столбахъ толстыя поперечныя черты показываютъ, сколько мирныхъ договоровъ было заключено умершимъ. Самое исполненіе такихъ изображеній не лучше того, чтó производятъ у насъ пятилѣтнія дѣти. Голову представляетъ кругъ съ двумя точками и отвѣсной чертой, а на маленькомъ рисункѣ даже просто кругъ; подъ нимъ черта внизъ означаетъ шею; къ ней подведена недлинная поперечная черта, а отъ обоихъ концовъ послѣдней идутъ накрестъ двѣ пересѣкающіяся линіи, и фигура человѣка готова. Рисунки колдовскихъ пѣсенъ ярко раскрашены.

Мы видимъ, что во всѣхъ этихъ первоначальныхъ опытахъ письма встрѣчается уже и символика. Обращаться къ ней свойственно природѣ человѣка: онъ въ самомъ себѣ не можетъ не замѣчать двойственности внутренняго и внѣшняго, и послѣднее становится для него символомъ перваго. Рѣчь и письмо сами по себѣ уже составляютъ средства символики. Не только символъ вообще есть достояніе всего человѣчества, но и частныя формы его такъ сходны у разныхъ народовъ, что это можно объяснить только человѣческимъ инстинктомъ. Такъ рука служитъ и у дикихъ знакомъ дружбы; сердце и у нихъ означаетъ сѣдалище желаній, а соединеніе сердецъ — дружбу.

При всемъ томъ живописное письмо такъ несовершенно, что посредствомъ его можно узнать почти только предметъ, о которомъ идетъ дѣло, а не то, что о немъ говорится: изображаются только подлежащія, а не сказуемыя. Внутренней формы въ такомъ письмѣ, собственно говоря, совсѣмъ нѣтъ: между нимъ и языкомъ нѣтъ никакого отношенія; форма мысли вовсе не обо-

---

[1] Такой знакъ замѣнялъ родовое имя и назывался *тотемъ* или *до-демъ*, чтó на языкѣ индѣйцевъ значило: жилище семейства.

значается; передается только матеріалъ; слѣдовательно мы видимъ тутъ одно чувственное созерцаніе.

Значительно выше стоитъ письмо мексиканцевъ, какъ оно найдено было въ эпоху покоренія ихъ европейцами; но и оно еще отдѣлено отъ позднѣйшаго развитія письма цѣлою бездной: въ немъ еще тотъ же принципъ, но богаче развитый вслѣдствіе болѣе разнообразной жизни полуобразованнаго народа въ сравненіи съ совершенно необразованнымъ. Сѣверо-американецъ ведетъ подвижную охотническую жизнь, мексиканецъ живетъ въ городахъ и образуетъ государство. У него есть собственность. При этомъ являются государственныя отношенія и государственные споры. Между письменами мексиканцевъ найдено много тяжебныхъ актовъ. Адвокатовъ у нихъ не было; судящіеся лично являлись передъ судьями и для памяти отдавали имъ въ руки письменный документъ о предметѣ спора. У мексиканцевъ было уже историческое преданіе относительно государства, религіи и искуства. Ихъ письмо является уже на сложенныхъ бумажныхъ полосахъ и содержитъ государственную лѣтопись. Но для насъ важно не содержаніе, еще менѣе объемъ написаннаго: насъ интересуетъ способъ воззрѣнія на содержаніе, какъ то, что́ надлежитъ означить письмомъ. Въ этомъ отношеніи письмо мексиканцевъ не представляетъ существеннаго успѣха передъ сѣвероамериканскимъ. Однакожъ у нихъ изображенія уже гораздо лучше или по крайней мѣрѣ имѣютъ опредѣленную форму: въ сущности только здѣсь и можно говорить о рисованіи, котораго у дикихъ индѣйцевъ по-настоящему не было. Впрочемъ, чтобы не составлять себѣ преувеличеннаго понятія объ относительномъ превосходствѣ письма мексиканцевъ, надобно имѣть въ виду то, что А. Гумбольдтъ говоритъ о безобразіи начертанныхъ въ ихъ рукописяхъ человѣческихъ фигуръ и уродливой неправильности рисунка вообще [1].

---

[1] Al. Humboldt. Vues des Cordillères et Monumens des peuples indigènes de l'Amérique (I. p. 198, pl. XIII) по Штейнталю, стр. 74. Изъ этого же писателя (Die Entwicklung der Schrift) заимствованы приведенные выше примѣры сѣверо-американскаго письма и слѣдующія за ними замѣчанія.

Вутке такъ передаетъ главныя начала мексиканскаго письма[1]:

1. Группы имѣвшихъ между собою видимую связь рисунковъ изображали цѣлые ряды событій и полныя мысли, не дробя и не разъединяя ихъ содержанія. Нѣсколько сопоставленныхъ изображеній передавали представленіе или мысль, но не выражали опредѣленныхъ словъ или рѣчей. То, что было представлено, могло, хотя и въ опредѣленныхъ границахъ, читаться въ произвольно избранныхъ выраженіяхъ.

2. Къ изображенію предмета присоединялись знаки, которые служили къ его объясненію и часто отвѣчали отдѣльнымъ словамъ. По показанію испанцевъ, это письмо состояло: а) изъ изображеній предметовъ, б) изъ чиселъ, в) изъ знаковъ: вѣроятно, послѣдніе первоначально также были изображеніями, но для насъ потеряли это значеніе.

3. Образы предметовъ представлялись сокращенно, напр. вмѣсто цѣлаго человѣка рисовали одну голову; голова съ діадемой представляла царя, домъ означалъ городъ.

4. Для выраженія того, что не имѣетъ образа, прибѣгали къ символикѣ.

5. Для большей легкости въ распознаваніи предметовъ употреблялись яркія краски: мужчины окрашивались въ темнокоричневый цвѣтъ, женщины въ желтый; человѣкъ въ красной одеждѣ означалъ испанца; четыре красныя волнообразныя полосы поперекъ означали кровь.

6. Вслѣдствіе неправильности или неполноты рисунка, для нѣкоторыхъ понятій и вещей входили въ обыкновеніе не легко объяснимые знаки. Отсюда произошло, что въ случаѣ затрудненія въ выраженіи придумывались произвольные знаки съ условнымъ смысломъ. Подобныхъ знаковъ мы находимъ много; они ставились рядомъ съ изображеніями. Такимъ же образомъ произошли вѣроятно письменные знаки для чиселъ; ихъ начертанія (напр. кружокъ или точка для единицы, маленькое знамя для

[1] H. Wuttke. Die Entstehung der Schrift, стр. 206.

20-и)[1] могли быть отчасти такъ же произвольны, какъ наши цыфры, которыя и теперь, среди звукового письма, даютъ намъ понятіе о письмѣ мысленномъ[2].

7. Необходимость передавать собственныя имена послужила первымъ поводомъ къ слабому еще употребленію звуковыхъ знаковъ. Такъ какъ собственныя имена были большею частью заимствованы отъ видимыхъ предметовъ, то изображеніемъ этихъ предметовъ и означались имена или части именъ. Тласкилланъ, напр., значило въ переводѣ «хлѣбный городъ», т. е. мѣсто, гдѣ онъ былъ построенъ, рождало въ изобиліи маисъ. Итакъ названіе его легко было изобразить издавна установившимися средствами; земли и области означались какъ бы гербами, и начертанія этихъ гербовъ заимствовались отъ естественныхъ произведеній или событій. Вообще мексиканское письмо нѣсколько напоминаетъ геральдику.

8. Подвигаясь далѣе по тому же пути, ацтеки (главный мексиканскій народъ) иногда выражали одинъ предметъ изображеніемъ другого, котораго названіе напоминало первый.

9. Дальнѣйшимъ шагомъ, можетъ-быть еще въ до-испанское время или уже по ознакомленіи съ европейскимъ письмомъ, было употребленіе образа предмета для первой части имени его. Такъ напр. царь Ицкоатль изображался тремя знаками: стрѣла (ицли) означало **иц**, надъ ней горшокъ (комитль) — **ко**, а на немъ сукъ съ четырьмя широкими концами означалъ **атль**, т. е. воду. Такимъ способомъ отъ изображенія самыхъ означаемыхъ предметовъ мексиканцы стали переходить къ означенію словъ, употребляя часть имени предмета на то, чтб слѣдовало представить. Такъ фигура, служившая для воды (атль), означала не только весь этотъ звукъ, но и одинъ его элементъ **а**; изображеніе устрицы, эптли, означало слогъ эп; бобъ, этль = э; глазъ, их-

[1] На томъ основаніи, что извѣстные отряды войска состояли изъ 20-ти человѣкъ.

[2] Такъ называемыя *арабскія* цыфры происходятъ собственно изъ отдаленнаго Востока, отчасти изъ Индіи; аравитяне только перенесли ихъ въ Европу.

стли = и; домъ, калли = к, и т. д. Надобно однакожъ помнить, что этотъ пріемъ употреблялся лишь изрѣдка, служилъ только дополненіемъ, вспомогательнымъ средствомъ óбразнаго мексиканскаго письма. Такъ означались только отдѣльныя слова, далеко не цѣлая рѣчь. Это было лишь началомъ перехода къ звуковому письму, а никакъ не введеніемъ новаго принципа.

Выше было замѣчено, что Гумбольдтъ первый открылъ отношеніе между письмомъ и языкомъ того народа, у котораго оно употребительно. Какое же отношеніе можно указать между письмомъ сѣверо-американцевъ и мексиканцевъ и ихъ языками? Отличительный признакъ письма этихъ народовъ заключается въ томъ, что оно представляетъ созерцанію цѣлые, неразложенные процессы[1]; именно въ этомъ мы и можемъ видѣть отраженіе особенности языковъ названныхъ народовъ, у которыхъ предложеніе образуется не посредствомъ самостоятельныхъ отдѣльныхъ словъ, а однимъ длиннымъ сложнымъ словомъ. Если же мы вспомнимъ, что óбразное письмо господствуетъ не въ одной Америкѣ, что оно вообще не находится почти ни въ какомъ соотношеніи съ языкомъ, то мы дожны будемъ сдѣлать болѣе общій и отрицательный выводъ: какъ тѣ народы въ своихъ языкахъ пренебрегли элементомъ формы, такъ то же самое обнаружилось и въ ихъ письмѣ. Создавъ себѣ разъ безформенный языкъ, они уже не находили побужденія и къ соблюденію формы и къ разчлененію мысли въ письмѣ[2].

Китайское письмо.

Китайское письмо возникло на той степени разумѣнія языка, на которой человѣкъ каждое слово или, чтó въ этомъ случаѣ то же самое, — каждый слогъ понималъ какъ цѣлое, со-

[1] Т. е. изъ такого письма узнаёшь только предметы, о которыхъ идетъ дѣло, а не то, чтó о нихъ хотятъ сказать: видишь одни подлежащія безъ сказуемыхъ, которыя не всегда легко угадать. Не означается даже, представляетъ ли изображеніе что-нибудь существующее, прошлое или желаемое; а гдѣ не выражено ничего подобнаго, тамъ нѣтъ и формы мысли.

[2] Steinthal, стр. 80.

держащее опредѣленный смыслъ, и сообразно съ тѣмъ изображалъ его. Китаецъ, не желая дать исчезнуть своему слову, хотѣлъ закрѣпить его, но при этомъ заботился не о произношеніи его, а о заключенномъ въ немъ представленіи. Такъ какъ китайскій языкъ всегда состоялъ изъ односложныхъ словъ, то изобрѣтателю письма не было повода думать о разложеніи слова на его звуки. Ему нужно было изобразить *цѣлое* слово, и этого онъ достигъ, держась его значенія. Ему было дѣло не до звука, а до идеи, содержащейся въ словѣ. Такая точка зрѣнія требовала для каждаго слова особаго знака, и такъ какъ вначалѣ число словъ и ихъ значеній въ китайскомъ языкѣ было не велико, то это требованіе легко могло быть удовлетворено [1].

Отъ письма сѣверо-американцевъ китайское отличалось тѣмъ, что первые пытались безформенно изображать самыя представленія, китайцы же старались передавать ихъ въ принятой для нихъ язычной формѣ, и такимъ образомъ средство, дѣйствующее на слухъ, обращать въ средство, разсчитанное на зрѣніе, рѣчь обращать въ письмо, передавать хотя не звуки, но все-таки слова. При этомъ, кромѣ вещественныхъ предметовъ, можно было изображать представленія, и всѣ богатства духовной жизни сообщать въ прочныхъ óбразахъ. Но это были уже не группы óбразовъ, связанныхъ между собою своимъ видимымъ значеніемъ, какъ въ живописномъ письмѣ; эти начертанія замѣняли слова. Съ другой стороны однакожъ это было и не силлабическое письмо, ибо хотя всѣ китайскія слова, а слѣдовательно и знаки ихъ, суть отдѣльные слоги, но они не имѣли въ виду передавать звуковыхъ явленій. Въ мексиканской іероглификѣ письмо и языкъ были совершенно разрознены, независимы другъ отъ друга; въ китайской они были раздѣлены только на половину, такъ какъ письмо слѣдовало за языкомъ, но передавало не звучащее слово, а то представленіе, которому слово служитъ посредникомъ.

Поэтому китайскіе языковѣды, вѣроятно не безъ основанія,

---

[1] Wuttke, стр. 253.

утверждаютъ, что писанное въ древности произносилось иначе нежели нынѣ и что древній выговоръ совершенно исчезъ. Вѣдь письмо и не касалось выговора. Новые изслѣдователи, на основаніи сличенія рифмъ въ старинныхъ пѣсняхъ и фонетическихъ разысканій въ смежныхъ съ Китаемъ областяхъ, пришли также къ выводу, что прежнее произношеніе значительно отличалось отъ нынѣшняго.

Вначалѣ просто изображались немногими мѣткими чертами предметы, напр. солнце, луна, гора, дерево, собака, рыба; глазъ съ идущими отъ него внизъ чертами означалъ: «видѣть»; кружокъ на высокой подставкѣ значилъ: «твердо, вѣрно»; два дерева на трехъ другъ надъ другомъ поставленныхъ горахъ значили: «высоко» и т. д.

Впослѣдствіи отличія понятій болѣе и болѣе выражались на письмѣ, напр. нѣсколько рядомъ нарисованныхъ горъ означали горный хребетъ, группа деревьевъ — лѣсъ. Многое стали изображать черточками или точками. Потомъ начали выражать и то, что̀ не имѣетъ образа: такъ треугольникъ или соединеніе трехъ линій представляло связь, единство. Надобно было дойти до того, чтобы представляемые образы и штрихи, посредствомъ ловкаго ихъ примѣненія, покрывали весь матеріалъ языка и доставляли изображенія для каждаго отдѣльнаго слова. Для этого фигуры переворачивались, искажались, сокращались, слагались. Конечно требовалось большого напряженія ума, чтобы мало по малу изобразить всѣ понятія, и дѣло продолжалось цѣлыя столѣтія. Развитіе письма шло постепенно, и надъ нимъ работали многіе изобрѣтатели: для одного и того же понятія (выражаемаго однимъ словомъ) являлось нѣсколько знаковъ. Такъ напр. «вверху и внизу» выражаются разными способами. Мало по малу число знаковъ возросло свыше 100,000; но только меньшая половина, 40—50 т., получили право гражданства; остальные же появляются кое-гдѣ лишь изрѣдка, а многіе и совсѣмъ забыты.

Свойство самого языка доставляло тутъ облегченіе. Въ китайскомъ не отличается названіе предмета отъ дѣйствія и качества,

и слово, означающее извѣстное понятіе, соединяетъ въ себѣ всѣ эти разныя стороны представленія: смотря по связи, оно въ томъ или въ другомъ смыслѣ относится къ другимъ словамъ предложенія. Одинъ и тотъ же письменный образъ можетъ означать и «среди» и «середину» и «средній». Такой способъ письма вообще возможенъ только въ томъ состояніи языка, въ которомъ отдѣльныя слова остаются неподвижны и неизмѣнны въ своей формѣ и ихъ взаимное отношеніе опредѣляется ихъ расположеніемъ или мѣстомъ, въ рѣчи ими занимаемымъ. Такъ и на письмѣ порядокъ образовъ рѣшалъ ихъ взаимное отношеніе. Означеніе связи (копула), времени, опредѣленности или неопредѣленности казалось китайцу излишнимъ, разумѣлось само собой. Въ случаѣ же надобности были и на это средства. Множественное число, напр., если нужно было положительно выразить его, означалось повтореніемъ образа. Повтореніе кромѣ того усиливаетъ понятіе: такъ ши ши (время время) значитъ «всегда», чю чю (мѣсто мѣсто) зн. «вездѣ», вангъ вангъ (ходить ходить) зн. «во всѣ стороны». Соединеніе двухъ образовъ употреблялось также для выраженія понятій, которыя въ нихъ обоихъ заключались. Такъ вода и глазъ вмѣстѣ означали слезы, домъ и огонь—несчастіе, бѣдствіе.

Непримѣтно китайское письмо должно было перейти на другую степень развитія. Долго китайцы, при взглядѣ на свое письмо, конечно видѣли въ немъ только изображаемыя вещи, не обращая вниманія на звуковое ихъ выраженіе; но такъ не могло всегда оставаться. Поводомъ къ примѣси звукового начала къ ихъ письму послужила одна изъ особенностей самого языка. Въ китайскомъ всего около пятисотъ односложныхъ словъ; при этомъ почти каждое звуковое цѣлое, т. е. каждое слово, должно неминуемо имѣть нѣсколько или даже много (иногда болѣе 50-ти) совершенно различныхъ значеній; такимъ образомъ для китайскаго слуха всегда соединялось много знаменованій въ одномъ и томъ же звукѣ. Когда сходство звука двухъ словъ совпадало съ родственною связью ихъ значеній, то это могло навести на мысль видѣть въ фигурѣ изображеніе звука. Для одного и того же сло-

возвучія были часто разныя начертанія по его различному значенію, но нерѣдко и одинъ знакъ имѣлъ много значеній. Сначала каждому слову соотвѣтствовало одно или нѣсколько начертаній для изображенія его содержанія; но по мѣрѣ того какъ слова получали болѣе обширное значеніе, фигура теряла свой смыслъ, и уже ничего не говорила взору своими чертами: надобно было помнить, какому слову она соотвѣтствовала. Сходство начертаній съ предметами требовало искуства, которое конечно не могло быть общею принадлежностью; отъ неточнаго исполненія образы должны были дѣлаться все менѣе понятными и становиться какъ бы произвольными начертаніями для извѣстныхъ словъ. Требованія удобства и небрежность болѣе и болѣе измѣняли первоначальное изобразительное письмо. Кто хотѣлъ понимать множество письменныхъ изображеній, долженъ былъ уяснять себѣ ихъ произношеніе.

Такъ какъ подъ однимъ изображеніемъ можно было разумѣть много понятій, то впослѣдствіи оказалось необходимымъ къ избранному знаку, для отличія, присоединять еще другой опредѣлительный знакъ, который получалъ постоянное мѣсто, либо сбоку, обыкновенно влѣво отъ изображенія, либо сверху, но всегда въ соединеніи съ главнымъ начертаніемъ. Изображая особый предметъ, этотъ знакъ самъ по себѣ выражалъ совсѣмъ другое слово, другой звукъ, но въ такомъ сочетаніи онъ отказывался отъ своего отдѣльнаго значенія и служилъ только намекомъ, какъ слѣдуетъ понимать главное начертаніе. Такими пояснительными знаками часто служили родовыя названія животныхъ, деревьевъ, сосудовъ и т. п. Ихъ присоединеніе указывало читателю, что онъ долженъ разумѣть напр. животное, называемое звукомъ изображеннаго имени. Такъ **йо** означаетъ и птицу и флейту. Чтобы написать: *птица*, рисовали флейту и прибавляли знакъ птицы. Видя рыбу и **ли**, читатель понималъ, что дѣло идетъ о карпіи, которая по-китайски называется этимъ звукомъ, имѣющимъ и много другихъ значеній. Ложка называется **пи**: чтобы знакъ *пи* не былъ понятъ иначе, къ нему приставляется еще знакъ дерева (**му**); но

эти два знака не должны произноситься *пи-му* (въ смыслѣ *деревянной* ложки), а просто *пи*. Такія поясненія были особенно нужны для выраженія собственныхъ именъ. Есть слова, для разнаго смысла которыхъ имѣется болѣе полусотни знаковъ. Отъ пишущаго зависитъ выборъ ихъ.

Китайцы пишутъ въ направленіи сверху внизъ по прямой отвѣсной линіи, столбцами, идущими справа влѣво. Впрочемъ, иногда, при недостаткѣ мѣста, позволяется писать и горизонтальными строками, начиная справа; такъ пишутся только короткія предложенія или напр. заглавіе книги.

Египетскіе іероглифы.

Относительно египетскихъ іероглифовъ мнѣнія ученыхъ до сихъ поръ еще не совсѣмъ установились. Согласно съ изслѣдованіями Зейфарта[1], проф. Вутке считаетъ это письмо силлабическимъ, т. е. основаннымъ на звуковомъ началѣ, по которому для каждаго слога бываетъ особый знакъ. Болѣе послѣдователей имѣетъ прежній взглядъ, опирающійся на ученіе Шампольона, что въ египетскихъ іероглифахъ соединяются разные способы письма, начиная отъ простого живописнаго изображенія предметовъ до звуковыхъ начертаній. Штейнталь приписываетъ это консервативному характеру египтянъ, по которому они при каждомъ новомъ успѣхѣ письма сохраняли и старинные пріемы. На іероглифахъ, по его заключенію, можно прослѣдить весь путь, пройденный духомъ въ стремленіи закрѣпить летучее слово; всѣ степени развитія письма лежатъ рядомъ въ іероглифахъ и показываютъ исторію послѣднихъ, какъ составъ различныхъ слоевъ земли знакомитъ насъ съ исторіей ея образованія. Почти вездѣ у египтянъ дѣйствительныя изображенія сопровождаются символическимъ письмомъ, которое отъ нихъ отличается мелкостью, размѣщеніемъ и положеніемъ, какъ нѣчто совершенно особое.

---

[1] Seyffarth. Systema astronomiae aegypticae quadripartium. Leipzig 1830; также позднѣйшія его сочиненія.

Въ средѣ этого народа, искони отличавшагося глубокимъ религіознымъ духомъ, письмо возникло для прославленія боговъ, для украшенія храмовъ и восхваленія великихъ дѣлъ. Ни въ какой странѣ нѣтъ такого множества надписей, какъ въ Египтѣ; нигдѣ онѣ не представляютъ такого разнообразія въ содержаніи и не служатъ въ такой степени памятниками литературы и исторіи.

Письмо у египтянъ началось дѣйствительными изображеніями. Мы видимъ на ихъ зданіяхъ живописныя начертанія, которыя хотя и отличаются отъ настоящихъ іероглифовъ своею сущностью и отдѣлены отъ нихъ въ пространствѣ, но не могутъ быть сравниваемы ни съ греческими рельефами, ни съ нашими картинами. Въ нихъ цѣль разсказа, сообщенія посредствомъ извѣстныхъ образовъ и символовъ, проглядываетъ сильнѣе, чѣмъ цѣль простого художественнаго изображенія, полагающаго свою задачу въ красотѣ формъ, какая господствовала у грековъ. Обѣ цѣли въ этихъ египетскихъ начертаніяхъ повидимому еще соединены. Отъ нихъ письмо стало развиваться далѣе, и такимъ образомъ древнія изображенія получили болѣе прежняго характеръ настоящаго искуства.

Между мексиканскимъ и египетскимъ живописнымъ письмомъ оказывается та важная разница, что первое представляетъ самыми изображеніями цѣлый ходъ событія, тогда какъ между изображеніями египтянъ по бóльшей части нѣтъ видимой для глаза связи, и чтобъ найти эту связь, надобно переводить начертанія въ мысли. Кромѣ того, египетское письмо стало болѣе прибѣгать и къ другимъ средствамъ, особенно къ символикѣ. Такъ напр. разныя состоянія духа изображаются въ видѣ животныхъ или неодушевленныхъ предметовъ: храбрость означаетъ левъ, ненависть — рыба, справедливость — страусово перо, покорность подданнаго — пчела; слабодушіе, отдающее себя въ опеку — раковина, въ которой сидитъ ракъ, набожность — саранча, примирительное и сочувственное настроеніе — лира, и проч. Или ночь изображалась звѣздою, вкусъ — ртомъ и языкомъ,

слухъ — ухомъ быка[1]. Но и метафора, начертаніе части вмѣсто цѣлаго, орудіе вмѣсто самаго дѣла, причины вмѣсто дѣйствія оказывались недостаточными. Переходъ къ звуковому письму совершился способомъ, похожимъ на тотъ, который мы видѣли у китайцевъ: когда два разныя понятія въ языкѣ означаются однимъ и тѣмъ же звукомъ, то естественно начертаніемъ простѣйшаго предмета возбудить представленіе о другомъ; такъ напр. у египтянъ звукъ **ба** означалъ сову и душу: понятно, что для означенія души стали употреблять образъ совы. Вотъ примѣненіе къ живописному письму омонимики. Корзина, **небъ**, ставилась вмѣсто *господинъ* (понятія, означаемаго тѣмъ же звукомъ), а впослѣдствіи и вмѣсто неопредѣленнаго мѣстоименія **небъ**, каждый, все. Такъ пріучались въ образѣ видѣть не столько предметъ, сколько звукъ, и мысленное письмо въ умѣ египтянъ перерождалось въ словесное. Но оно и на этомъ не остановилось: оно стало выражать знаками сперва слоги, а потомъ и отдѣльные звуки.

Такъ образъ льва, **лабо**, означалъ букву *л*, образъ орла, **ахомъ** — букву *а*. Собственныя имена почти всегда означались такимъ способомъ, и удачная попытка Шампілліона разобрать на этомъ основаніи знаменитую надпись въ Розеттѣ, содержащую имена Птолемея и Клеопатры, доставила ключъ къ чтенію іероглифовъ. Въ новѣйшее время сдѣлано открытіе, что іероглифическія начертанія, означающія согласныя, представляютъ не одинъ отдѣльный элементъ, а цѣлый слогъ, что напр. квадратъ означаетъ не просто *п*, а **па**, ломаная линія — не просто *н*, а **на**. При всемъ томъ никакъ нельзя принимать, чтобы іероглифическое письмо съ многочисленными его знаками (болѣе 600) было вполнѣ фонетическимъ или звуковымъ; напротивъ, оно сохраняло множество изображеній для цѣлыхъ понятій или словъ. Чтобы предупредить смѣшеніе ихъ или недоразумѣнія, употреблялись, такъ же какъ и у китайцевъ, добавочные знаки, которые ставились

[1] W. Humboldt. Gesamm. Werke, VI, 457 и 462.

при изображеніяхъ съ цѣлію показать, къ какому кругу идей принадлежитъ обозначенное слово. Такъ, напр., если къ іероглифу присоединялся человѣкъ, трогающій рукою свой ротъ, то этимъ означалась какая-нибудь дѣятельность рта, двѣ шагающія ноги означали ходьбу, три цвѣтка на стеблѣ — понятіе, относящееся къ растительному царству, и т. д. Такъ мысленное и звуковое письмо явились рядомъ. Египетскій языкъ представляетъ самый разнообразный составъ слоговъ, начинающихся и кончающихся то гласной, то согласной, и это разнообразіе должно было служить сильнымъ поводомъ къ ихъ различенію. Имѣя звуковой знакъ для **мэн** и другой для **эн**, легко было замѣтить, что въ первомъ противъ второго лишнее *м*. Присутствіе *к* въ **ка**, **кам**, **кат** и **ска** (жертвовать, черный, строить, пахать) могло навести вниманіе на это **к**; одной свѣтлой мысли говоритъ Штейнталь, было повидимому достаточно воспріимчивому уму, чтобы разомъ перейти къ сознанію звуковъ и буквъ [1].

Звуковое письмо.

Между живописнымъ и азбучнымъ письмомъ было однакожъ еще посредствующее звено, именно письмо силлабическое, въ которомъ еще не отдѣльные элементарные звуки, а цѣлые слоги, напр. **ри**, **ре**, **ра**, **ро** и т. д., изображались особыми знаками.

Съ одной стороны такое письмо образовалось у японцевъ. Первоначально они заимствовали искуство письма у китайцевъ,

[1] Избѣгая подробностей, упомяну только мимоходомъ о дальнѣйшемъ развитіи іероглифовъ. Это монументальное письмо производилось собственно только на камнѣ и деревѣ, откуда и названіе его (въ переводѣ *святорѣзы*); съ изобрѣтеніемъ папируса писать сдѣлалось гораздо легче: стали сокращать знаки, и такимъ образомъ возникло, хотя и съ сохраненіемъ того же характера, бѣглое (скоропись, курсивное) письмо, которое однако еще долго оставалось достояніемъ духовныхъ и потому впослѣдствіи получило у грековъ названіе *іератическаго* (іерейскаго). Со временъ Псамметиха (въ 7-мъ вѣкѣ до Р. Х.) это письмо еще болѣе упростилось, отчасти подъ вліяніемъ азбучнаго черезъ пріѣзжавшихъ въ Египетъ семитовъ; оно употреблялось въ рукописяхъ свѣтскаго содержанія и стало извѣстно грекамъ подъ именемъ *демотическаго* (народнаго) или *энхорическаго* (туземнаго).

но значительно упростили его, благодаря особеннымъ свойствамъ своего языка, который располагаетъ только 47 слогами. Слова у нихъ большею частью односложныя, а слоги состоятъ изъ согласнаго и слѣдующаго за нимъ гласнаго звука (въ древнемъ яп. языкѣ было только 10 согласныхъ и 5 гласныхъ). Узнавъ китайское письмо, они взяли оттуда знакъ для каждаго изъ своихъ 47-ми слоговъ, но отбросили слишкомъ мудреныя начертанія и такимъ образомъ составили себѣ очень удобное письмо, такъ называемое ката-кана. Ихъ азбука извѣстна подъ именемъ и-рофа по первымъ тремъ слогамъ, ее составляющимъ, какъ греческая азбука по той же причинѣ называется алфавитомъ.

Съ другой стороны, особаго рода силлабическое письмо развилось изъ египетскихъ іероглифовъ: это — найденное на памятникахъ въ Месопотаміи и смежныхъ съ нею земляхъ клинообразное письмо. Оно такъ названо по формѣ начертаній, изъ которыхъ состоитъ: двойной ударъ зубриломъ (родъ долота) по камню образовалъ прямыя, съ одного конца острыя черты, похожія на стрѣлы; онѣ ставились то рядомъ, по двѣ, по три, по четыре, то составляли между собою углы. Вездѣ онѣ отличаются большою простотой и твердостью, безъ всякихъ кривыхъ линій или округленій. Полагаютъ, что началомъ этого письма послужили разныя прямоугольныя фигуры, которыя у халдеевъ начертывались на мягкомъ матеріалѣ, напр. на глинѣ. Впослѣдствіи клинообразное письмо перешло и къ древнимъ персамъ (арійское письмо). Группы клиньевъ представляютъ самыя разнообразныя формы: клинъ дѣлался то отвѣсно, то горизонтально, то вкось, вправо или влѣво. Система этого письма до сихъ поръ только отчасти разгадана. По мѣрѣ распространенія на востокъ, на западъ и сѣверозападъ (до Арменіи), оно подвергалось разнымъ измѣненіямъ, такъ что есть нѣсколько видовъ его. Ассирійское и вавилонское клинообразное письмо представляетъ смѣсь пословныхъ и слоговыхъ начертаній. Многія выражаютъ цѣлыя слова или какое-либо опредѣленное понятіе, означаемое словомъ,

напр. Богъ, человѣкъ, царь, отецъ, сынъ, небо, земля; но по большей части отдѣльные знаки соотвѣтствуютъ слогамъ.

Отъ слогового письма до азбучнаго (буквеннаго) или собственно-звукового одинъ только шагъ, но и этотъ шагъ совершился не вдругъ. Не вполнѣ развитую систему азбучнаго письма представляетъ семитическое, въ которомъ изображаются почти одни согласные элементы, а изъ гласныхъ только немногіе: прочіе подразумѣваются. Отъ семитовъ азбучное письмо перешло на западъ къ арійскимъ народамъ, въ пелазгійскій міръ, а оттуда распространилось впослѣдствіи по всей Европѣ.

Какъ бы ни интересна была для насъ исторія этого письма, непроницаемая тайна покрываетъ ее. О ходѣ распространенія его дошли до насъ одни темныя преданія, и всѣ изслѣдованія для повѣрки или разъясненія ихъ остаются до сихъ поръ и, вѣроятно, навсегда останутся тщетными. По одному изъ этихъ преданій, изобрѣтателемъ письма у египтянъ былъ Тотъ, а отъ египтянъ оно было заимствовано финикіянами[1]. Г. Вутке склоняется къ предположенію, что первоначально семитическое письмо изобрѣтено было въ Вавилонѣ, гдѣ, по библейскому повѣствованію, раздѣлились племена, гдѣ былъ центръ обширной торговли и другихъ сношеній между многими народами. Такому изобрѣтенію не могло помѣшать существовавшее тамъ издревле и послѣ долго сохранявшееся въ употребленіи клинообразное письмо. Алфавитное легко могло развиться изъ слогового, но на родинѣ не сдѣлаться общимъ достояніемъ.

Доказательство давняго существованія буквеннаго письма тотъ же ученый видитъ въ томъ, что евреи, во время своего долгаго пребыванія въ Египтѣ, не заимствовали тамошняго іероглифическаго письма; изъ этого онъ заключаетъ, что они еще въ Палестинѣ, до выхода оттуда, знали алфавитное письмо; а если они, будучи кочевниками, уже пользовались имъ, то тѣмъ болѣе

[1] О переходѣ отъ образнаго письма къ звуковому см. популярную брошюру норвежскаго ученаго Либлейна: Det gamla Egypten i dess skrift. Stockholm 1877.

ѳно должно было давно быть извѣстно осѣдлымъ жителямъ края. Отъ Финикіянъ буквенное письмо, если вѣрить преданію, перенесено въ Грецію Кадмомъ.

Относительно способа изобрѣтенія азбуки, мнѣнія также различны: многіе полагаютъ, что до изображенія того или другого звука на письмѣ доходили мало по малу въ теченіе долгаго времени; г. Вутке, напротивъ, находитъ эту мысль странною и старается доказать, что какъ скоро понята была система изображенія звуковъ буквами, то человѣкъ, который возымѣлъ эту счастливую идею, долженъ былъ выполнить ее разомъ, хотя и не въ окончательномъ совершенствѣ. То и другое мнѣнія опираются на уважительные доводы. Выше мы видѣли, какимъ образомъ у китайцевъ и египтянъ мысль примѣненія знаковъ къ звукамъ развивалась постепенно; возможно, что какой-нибудь мудрецъ у семитовъ, понявъ эту систему, разомъ построилъ на ней цѣлую азбуку.

Древнѣйшими до сихъ поръ извѣстными образцами буквеннаго письма служатъ двѣ надписи, открытыя не такъ давно, именно: одна найдена въ 1855 г., близь древняго Сидона, на гробницѣ царя Ашмакоцара, и писана, по изслѣдованіямъ Эвальда и др., во времена процвѣтанія Сидона, вѣроятно за 1000 лѣтъ или еще ранѣе до Р. Х. Позднѣе (около 1870 г.) въ Дибанѣ, къ востоку отъ Мертваго моря, на большомъ черномъ камнѣ открыта надпись моавитскаго царя Мешо, писанная въ — 897 г. или вскорѣ послѣ того: судя по нѣкоторымъ ея начертаніямъ, она не такъ стара какъ первая. На обѣихъ встрѣчаются уже округлыя формы буквъ, изъ чего должно заключать, что это письмо издавна, можетъ быть нѣсколько столѣтій передъ тѣмъ, употреблялось на мягкомъ матеріалѣ, допускавшемъ такія округлости. Если такъ, то азбучно писали далеко за тысячу лѣтъ до Р. Х. Не смотря на свои грубые и простые облики, буквы этихъ надписей, особенно нѣкоторыя, уже немного напоминаютъ извѣстныя намъ позднѣйшія начертанія; главный типъ этихъ буквъ составляетъ прямая крупная черта или палочка (врѣзанная

или вбитая ударомъ остраго орудія), наклоненная слѣва вправо, такъ какъ писали въ направленіи отъ правой руки къ лѣвой[1]. Къ главной чертѣ прибавленъ сбоку, большею частью съ лѣвой стороны, какой-нибудь дополнительный значокъ; только немногія буквы вовсе не имѣютъ стоячей черты; округлость господствуетъ въ *о* (кружокъ) и въ *ѳ* (кружокъ, перерѣзанный поперекъ черточкой, какъ у грековъ).

Трудная задача, долгіе вѣка остававшаяся невыполненною, была рѣшена. Понятно, какъ не легко было замѣтить, что льющаяся въ такомъ разнообразіи рѣчь можетъ быть разложена на нѣсколько основныхъ элементовъ, которые попеременно повторяются то въ одномъ, то въ другомъ словѣ, и что эти элементы могутъ быть изображаемы знаками. Конечно, образное письмо имѣетъ то преимущество, что можетъ быть разбираемо людьми всѣхъ націй, звуковое же доступно только говорящимъ на одномъ языкѣ; притомъ съ перваго взгляда оно труднѣе разбирается; но въ сущности оно легче и примѣнимо ко всѣмъ языкамъ. «Безъ тѣхъ подробныхъ сказаній о его происхожденіи, какія повѣствуются о жреческихъ письменахъ, тихо, какъ бы во мракѣ распространялся алфавитъ, вѣроятно между народами, у которыхъ еще не было неподвижной іерархіи и вполнѣ развившагося монархическаго правленія, давшихъ начало іероглификѣ и клинообразному письму. Съ передвиженіями племенъ, обладавшихъ алфавитомъ, порвались нити преданій о его изобрѣтеніи. Но эти маловажныя съ виду черты, это безродное письмо покорило весь міръ. Великолѣпные, разукрашенные храмы, нѣкогда говорившіе своими письменами, обратились въ непонятныя загадки; величавыя надписи на скалахъ прослыли чародѣйскими знаками; но

[1] По мнѣнію г. Вутке, эта форма азбуки совершенно оправдываетъ греч. названіе буквъ στοιχεῖα, т. е. *палочки*. Но Максъ Мюллеръ доказалъ, что слово στοιχεῖα можетъ означать только «составныя части цѣлаго, образующія полный рядъ, будутъ ли то часы, или буквы, или части рѣчи, или физическіе элементы, лишь бы такіе элементы расположены были въ систематическомъ порядкѣ». (M. Müller-Böttger. *Vorlesungen über die Wissensch. d. Sprache. II Serie*. Leipzig 1866. Стр. 73).

путемъ алфавита спасены отъ забвенія всѣ великія, достопамятныя мысли и дѣла людскія. Буква сдѣлалась формою мысли для всего образованнаго человѣчества, стала силою, величайшею силою въ мірѣ»[1].

Въ отношеніи къ исторіи буквеннаго письма желательно было бы разъяснить по крайней мѣрѣ слѣдующіе два вопроса:

1, Откуда произошли формы и древнія названія буквъ?

2, Отчего буквы во всѣхъ азбукахъ расположены безъ всякой системы, такъ что гласныя перемѣшаны съ согласными, звуки одного и того же органа (напр. *б* и *п*) разбросаны, мгновенные стоятъ возлѣ длительныхъ (напр. *п* возлѣ *р*) и т. п., словомъ, буквы размѣщены въ такомъ порядкѣ, который не основанъ ни на количественномъ, ни на качественномъ[2] соотношеніи между звуками?

Извѣстно, что въ древнихъ алфавитахъ буквы по большей части называются цѣлыми словами, начинающимися съ означаемой буквы. Весьма правдоподобно мнѣніе (хотя и отвергаемое очень рѣшительно г-мъ Вутке), что какъ формы, такъ и подобныя названія буквъ были остатками означенія словъ посредствомъ изображенія предметовъ. При первоначальномъ переходѣ къ звуковому письму отдѣльный звукъ означался образомъ, въ названіи котораго онъ составлялъ начало. Такъ фигура головы значила *р*, потому, что имя головы въ семитическихъ языкахъ начинается съ *р* (евр. rosch): оттого изображеніе головы, обращенной профилемъ вправо, служило сперва іероглифомъ для этого звука, а впослѣдствіи изъ іероглифа образовался знакъ *R*, родоначальникъ начертаній того же звука во многихъ алфавитахъ. Или напр. въ финикійскомъ алфавитѣ знакъ 7, остатокъ изображенія шеи верблюда, далъ начало буквѣ *г* (gimel, γάμμα), которая у евреевъ и грековъ названа по евр. имени верблюда (gamal). Позднѣе древнія названія буквъ были сокращены: гласныя стали означаться однимъ чистымъ своимъ звукомъ, а согласныя при-

[1] Wuttke. Die Entstehung der Schrift. Стр. 726.

[2] Объясненіе этихъ терминовъ см. выше на стр. 40.

няли въ помощь одну гласную, *а* или *э*, произносимую либо послѣ (**бе, ве, ка**), либо прежде согласнаго звука (**эф, эс, эн, эм**). Такая двойственность въ позднѣйшихъ названіяхъ буквъ объясняется различно: по мнѣнію однихъ, къ числу которыхъ принадлежалъ уже Присціанъ, оно отвѣчаетъ основному дѣленію согласныхъ на *нѣмыя* (mutae, по нашему—мгновенныя) и *полугласныя* (semivocales,—длительныя): названія, начинающіяся согласною, служатъ къ означенію первыхъ, а прочія — къ означенію вторыхъ. Другіе полагаютъ, что двоякія названія буквъ произошли въ слѣдствіе сокращенія древнѣйшихъ именъ; такъ напр. названія **эм** и **эн** образовались будто бы отъ семитическихъ **мем** и **нюн**, у которыхъ въ первомъ отброшена начальная согласная, а во второмъ сверхъ того измѣнена гласная[1]. Нельзя однакожъ не замѣтить, что это послѣднее мнѣніе отзывается натяжкой, и не отдать преимущества первому. Указанное Присціаномъ начало различнаго наименованія буквъ оказывается дѣйствительно въ латинскомъ алфавитѣ: оно не соблюдено только въ отношеніи къ буквамъ *h* и *z*; но *h* почти то же, что греческое густое дыханіе (spiritus asper), и не можетъ заканчивать слога послѣ гласной, а *z* есть чисто греческая буква, почему сохранила и первоначальное свое названіе (ζῆτα). Составители новѣйшихъ алфавитовъ не поняли причины двоякихъ названій буквъ, и потому въ этихъ алфавитахъ явились названія: **ве**[2], **же**, **зе**, **ха**, **ша** и др., въ которыхъ, по основному правилу древнихъ, гласная должна бы стоять впереди.

Относительно формы буквъ надобно прибавить, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ не безъ основанія видятъ отраженіе сущности образованія самаго звука. Такъ напр. фигура *м* въ большей части алфавитовъ составлена изъ іероглифа 〰, означавшаго воду: изъ него для изображенія *м* заимствована часть ло-

[1] C. B. Cayley. «On the modern names of the letters of the Alphabet» въ *Transactions of the Philological Society*. London 1870—1872. Стр. 11.

[2] Извѣстно, что въ латинскомъ алфавитѣ буквы V и J явились только въ новѣйшія времена для отличія отъ U и I.

маной линіи какъ бы для означенія полугласной натуры *плавнаго* звука и изображенія тѣхъ дрожаній, звучащихъ почти безъ помощи гласнаго, которыя при произношеніи *м* образуются нашими органами, особенно губами[1]. Такимъ же образомъ при гласной *о* невольно представляемъ себѣ округлое отверстіе рта, какимъ сопровождается произношеніе его.

Что касается порядка или, вѣрнѣе, безпорядка въ расположеніи азбукъ, то для рѣшенія этого вопроса, не имѣя никакихъ историческихъ данныхъ, мы можемъ руководствоваться только соображеніемъ и догадкой. Такой недостатокъ системы можетъ быть объясняемъ тѣмъ, что буквы ставились одна подлѣ другой по мѣрѣ того, какъ различаемы были отдѣльные звуки и какъ для нихъ придумывались особые знаки,—было ли это дѣломъ нѣсколькихъ, жившихъ послѣдовательно одинъ за другимъ людей, или одного изобрѣтателя. Разсуждая объ этомъ, мы разумѣется должны имѣть въ виду хоть одинъ изъ древнихъ алфавитовъ, и всего удобнѣе взять для примѣра греческій, какъ послужившій источникомъ всѣхъ европейскихъ. Въ немъ на самомъ первомъ мѣстѣ вполнѣ раціонально поставленъ основной и простѣйшій гласный *а*; за тѣмъ идутъ три голосовые согласные (β γ δ), совершенно разнородные по органамъ. Изъ этого Вутке заключаетъ, что контрасты въ артикуляціи звуковъ, съ первыхъ шаговъ замѣченные изобрѣтателемъ азбуки, именно и усилили его вниманіе и проло жили ему путь къ дальнѣйшему расчлененію слоговъ. Буквы эти, вѣроятно, поставлены такъ вслѣдствіе естественнаго движенія органовъ: послѣ произнесенія *а* открытымъ ртомъ сомкнувшіяся губы образовали впереди его *б*, потомъ въ задней полости рта произнеслось *г*, затѣмъ въ средней части *д* при главномъ участіи языка[2]. По мнѣнію того же автора, противоположности сопоставлялись и далѣе: «Отыскивать и группировать родственные звуки, продолжаетъ онъ, было бы только остановкою

[1] Karl Böttger. Sprache und Schrift. Das Lautdenken für Ohr u. Auge. Leipzig 1868. Стр. 114.

[2] Wuttke, стр. 714.

въ началѣ такого изслѣдованія и произвело бы путаницу». Такъ ли дѣйствительно происходило дѣло, трудно сказать положительно[1]. Во всякомъ случаѣ надобно помнить, что изобрѣтатель азбуки могъ еще и не имѣть достаточно-вѣрныхъ понятій о натурѣ звуковъ, для правильной группировки ихъ. При обсужденіи вопроса объ алфавитахъ, мы не должны также забывать, что древнѣйшій изъ нихъ, самый первоначальный, намъ неизвѣстенъ; мы даже не можемъ съ полною достовѣрностью опредѣлить, у какого народа онъ возникъ. При каждомъ заимствованіи для другого языка азбука по необходимости видоизмѣнялась; съ ходомъ развитія языка она подвергалась новымъ измѣненіямъ. Такъ о греческомъ или пелазгійскомъ алфавитѣ есть извѣстіе, что онъ сперва состоялъ только изъ 16 буквъ (изъ которыхъ одна, дигамма Ϝ, впослѣдствіи оказалась лишнею); позднѣе къ нему Паламедъ прибавилъ четыре буквы, а потомъ Симонидъ еще четыре[2]. Естественно, что при такомъ ходѣ составленія азбукъ, въ нихъ нельзя ожидать правильной послѣдовательности буквъ. Самый близкій намъ примѣръ извращенія порядка звуковъ при заимствованіи и дополненіи чужой азбуки, представляетъ *кириллица*[3], въ которой такой недостатокъ достигъ крайней степени. Къ этой-то азбукѣ мы теперь и перейдемъ по плану нашего изслѣдованія.

II. Славяно-русская азбука.

Иностранцы, начиная учиться русскому языку, обыкновенно жалуются на то, что у насъ своя особая, а не латинская азбука,

---

[1] Мысль, будто порядокъ буквъ основанъ на томъ, что названія, которыми онѣ первоначально означались, образовали въ этомъ расположеніи последовательную рѣчь, здѣсь не принимается въ соображеніе, потому что связь между названіями буквъ очевидно придумана искуственно въ позднѣйшее время.

[2] K. Böttger. Sprache und Schrift. Leipzig 1868. Стр. 111. — Wulfes. De literarum inventione. Rostochii. 1870. Стр. 11—13.

[3] Востоковъ справедливо пытался ввести древнюю форму *кирилловица* вм. неправильно образованнаго слова *кириллица*, но послѣ его неудачи можно считать дѣло окончательно рѣшеннымъ въ пользу аномаліи.

и увѣряютъ, что это очень затрудняетъ дѣло, даже отбиваетъ охоту продолжать ученіе. Нѣкоторымъ наша азбука кажется безобразною. Такъ извѣстный американскій филологъ Витней, въ своихъ лекціяхъ о языкѣ говоря объ алфавитахъ, заимствованныхъ изъ греческаго, называетъ нашъ «самымъ неуклюжимъ и несимметрическимъ»[1], а нѣмецкій переводчикъ Витнея еще усиливаетъ этотъ отзывъ, находя въ русской азбукѣ «самое неграціозное и неловкое отродіе щеголеватаго письма грековъ»[2]. При безпристрастномъ на нее взглядѣ нельзя однакожъ не согласиться, что наши буквы вовсе не такъ рѣзко отличаются отъ греческихъ и латинскихъ, съ которыми многія изъ нихъ даже совершенно сходны: своеобразное очертаніе имѣютъ по большей части только тѣ, которыя представляютъ и звуки особые. Но едва ли труднѣе удержать въ памяти фигуру, напр., нашего *ч* или *щ*, нежели при изученіи хоть польскаго языка, употребляющаго латинское письмо, запомнить значеніе соотвѣтствующихъ имъ сложныхъ начертаній *cz* или *szcz*. Главная трудность заключается совсѣмъ не въ знакахъ, а въ звукахъ, ими выражаемыхъ. Попытки ввести у насъ латинскій алфавитъ никогда не будутъ имѣть успѣха, какъ не имѣли его до сихъ поръ. Полуторавѣковое существованіе русскаго гражданскаго письма и довольно уже богатая литература, распространенная въ русской печати, навсегда обезпечиваютъ сохраненіе нашей національной азбуки.

Иностранцы, разсуждая о ней, смотрятъ только на внѣшнюю ея сторону; но для насъ гораздо важнѣе вопросъ: въ какой степени она точно и вѣрно отвѣчаетъ фонетическому составу языка или, иначе говоря, сходится съ его дѣйствительно-звуковою (слышимою) азбукой. Нашъ алфавитъ не былъ придуманъ непосредственно для звуковъ русскаго языка, а заимствованъ, съ нѣкото-

[1] «The modern Russian (*alphabet*), the most ungainly and unsymmetrical, perhaps, of all its (*т. е. греческаго*) descendants» (Whitney. *Language and the study of language*. Стр. 463).

[2] «Das russische Alphabet, das... wohl die ungraciöseste und unbeholfenste Abart der zierlichen Schrift der Griechen darstellt» (Jolly. *Die Sprachwissenschaft*. Стр. 621).

рыми передѣлками, изъ готовой азбуки другого, церковно-славянскаго языка, и не могъ не отразить на себѣ послѣдствій такого происхожденія. Чтобы правильно судить о характерѣ и степени удовлетворительности русскаго письма, мы должны, во 1-хъ, опредѣлить, въ чемъ состоитъ совершенство азбуки вообще, а во 2-хъ, припомнить исторію нашей азбуки.

Такъ какъ прямая задача звукового письма — изображать знаками, въ возможной точности, полнотѣ и правильной послѣдовательности, всѣ звуки слышимой рѣчи, то естественно, что письмо бываетъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе простыми и легкими средствами цѣль эта достигается. Отсюда, для азбуки, истекаютъ слѣдующія требованія:

1, Каждому особому членораздѣльному *звуку* языка долженъ соотвѣтствовать и особый письменный *знакъ:* сколько окажется такихъ звуковъ, столько же должно быть и знаковъ или буквъ, не болѣе и не менѣе.

2, Каждый *знакъ* (т. е. каждая буква) долженъ служить къ изображенію только одного опредѣленнаго *звука*, а никакъ не двухъ или нѣсколькихъ, ни отдѣльно взятыхъ, ни соединенныхъ[1].

Такова теорія, но лишь весьма немногіе языки приближаются къ осуществленію ея: изъ нынѣшнихъ западно-европейскихъ болѣе всѣхъ удовлетворяетъ ей италіанскій[2]; изъ славянскихъ нарѣчій — сербское. Причина несовершенства большей части азбукъ та, что только при самомъ изобрѣтеніи знаковъ для передачи звуковъ того или другого языка могутъ быть выполнены помянутыя условія; позднѣе же, по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія и измѣненія звуковъ, начертанія, неминуемо, болѣе или менѣе

---

[1] «The two greatest defects in the orthography of any language are the application of the same letter to several different sounds and of different letters to the same sound». William Jones. *Works*. London 1807. III. 261. Клопштокъ также сказалъ: «Kein Laut darf mehr als ein Zeichen, und kein Zeichen mehr als einen Laut haben». Fragmente, стр. 198. Ср. R. v. Raumer. Gesam. sprachw. Schriften, стр. 124, 125.

[2] Но не вполнѣ, потому что и въ его азбукѣ двѣ буквы *g* и *z* имѣютъ по два разные звука (*g* = то г, то *дж*; *z* = то *ц*, то *дз*); *h* пишется, но вовсе не произносится.

удаляются отъ нихъ, и азбука требуетъ исправленій, которыя часто, безъ совершенной передѣлки ея, бываютъ трудны или даже невозможны. Для большей же части нынѣшнихъ европейскихъ языковъ азбука была заимствована изъ латинскаго и не всегда удачно прилажена къ своеобразнымъ ихъ звукамъ. Вотъ какъ отзывается объ этомъ французскій ученый Вольней: «Азбучныя методы нашей Европы настоящія карикатуры: множество неправильностей, двусмыслій, двоякихъ примѣненій той же буквы оказывается даже въ италіянскомъ и въ испанскомъ алфавитахъ, но особенно въ нѣмецкомъ, въ польскомъ, въ голландскомъ. Что касается французскаго и англійскаго, то въ нихъ совершенная путаница»[1]. Какова же была бы и славянская азбука, если бъ она по той же методѣ была составлена изъ латинской?

Въ противоположность приведеннымъ выше рѣзкимъ отзывамъ о нашей азбукѣ не было недостатка и въ похвалахъ Кириллу за проницательность, обнаруженную имъ при изобрѣтеніи славянскихъ письменъ: изъ старинныхъ писателей достаточно припомнить Шлецера съ его восторженнымъ обращеніемъ къ первоучителямъ Славянъ[2], а изъ новыхъ — нашего уважаемаго сочлена О. Н. Бетлинга, который въ своей статьѣ «Beiträge zur russischen Grammatik»[3] сознаётся, что нельзя безъ удивленія смотрѣть на алфавитъ, вполнѣ достигающій своей цѣли столь малыми средствами.

Въ самомъ дѣлѣ, если принять въ соображеніе время, когда жилъ Кириллъ, то надо согласиться, что онъ при выполненіи своей задачи сдѣлалъ гораздо болѣе, чѣмъ можно было бы ожидать отъ него. Для приложенія означенныхъ выше требованій

---

[1] Volney. Alfabet européen appliqué aux langues asiatiques. Стр. 21.

[2] «Привѣтствую васъ здѣсь, безсмертные изобрѣтатели славенскія граматы! Вы первые дерзнули грубый языкъ, имѣющій множество ему только свойственныхъ звуковъ, взять, такъ сказать, изъ устъ народа и писать греческими буквами; но въ этомъ дѣлѣ поступили вы, какъ люди, отличнымъ умомъ одаренные» и проч. (*Несторъ* въ перев. Языкова. Ч. II, стр. 477).

[3] Переводъ ея напечатанъ въ *Уч. Запискахъ по I и III отдѣленіямъ Ак. Н.* т. I. См. тамъ стр. 60.

къ его азбукѣ мы, къ сожалѣнію, лишены одного необходимаго условія, — точнаго знакомства съ фонетикой древнеславянскаго языка; тѣмъ не менѣе едва ли ошибемся, сказавъ, что кириллица, обличающая большую книжную ученость, придумана была также съ строгимъ вниманіемъ къ звуковымъ явленіямъ языка. Основываясь на коренныхъ особенностяхъ, до сихъ поръ живущихъ въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, особенно русскомъ, мы можемъ составить себѣ достаточно ясное понятіе о соотвѣтствіи между кириллицей и древнеславянскою фонетикой. Но такъ какъ въ послѣдней были конечно и свои исключительныя свойства, то и въ кириллицѣ могли оказаться знаки, не совсѣмъ для насъ понятные. Послѣ важнаго открытія, сдѣланнаго Востоковымъ относительно ринезма *юсовъ*, не вполнѣ объясненною буквою остается особенно *ѣ*, которую однакожъ и мы приняли въ наслѣдство какъ знаменательный графическій знакъ. Весьма правдоподобно, что первоначально буква *ѣ* всегда принадлежала долгому слогу: недаромъ же она и теперь никогда не выпадаетъ. Темнымъ представляется также вопросъ объ удареніи и о длительности нѣкоторыхъ другихъ гласныхъ въ древнеславянскомъ; высказывалось мнѣніе, будто оѵ и ъı были дифтонгами, но на это нѣтъ положительныхъ доказательствъ. По всей вѣроятности оѵ выражало то же, что ѵ, какъ равнымъ образомъ и, і, о, ѡ, ѕ, з были двоякіе знаки для одинакихъ звуковъ. Слѣдовательно правило имѣть для каждаго звука только по одному знаку не было строго выполнено; было ли такъ съ самаго начала, мы не знаемъ, но въ Остроміровомъ евангеліи всѣ эти буквы уже встрѣчаются, хотя правда ѵ и ı только въ рѣдкихъ случаяхъ, какъ сократительные знаки вм. оѵ и и. Между согласными была только одна буква, выражавшая соединеніе двухъ звуковъ, именно *щ*, которая первоначально, какъ думаетъ Востоковъ, служила сокращеніемъ *шт*. Что касается ѯ, ѱ, то онѣ, вмѣстѣ съ ѳ и ѵ, были помѣщены въ концѣ азбуки, какъ назначенныя только для употребленія въ греческихъ и отчасти въ еврейскихъ словахъ.

Особеннаго вниманія въ кириллицѣ заслуживаютъ буквы *ъ* и *ь* и диграфы (двойные знаки) ꙑ, ѥ, ю, ꙗ, ѩ.

Благодаря успѣхамъ филологіи, никто уже теперь не сомнѣвается, что *ъ* и *ь* въ древности не означали только то двоякое произношеніе согласныхъ, которое искони составляло особенность славянскихъ нарѣчій, но служили дѣйствительными буквами (не одними знаками, какъ нынче) для выраженія двухъ гласныхъ звуковъ, твердаго и мягкаго. Эти два гласные звука тѣмъ отличались отъ всѣхъ остальныхъ, что не могли произноситься сами по себѣ, безъ опоры согласныхъ, не могли стоять ни отдѣльно, ни въ началѣ слога или слова. Они слышались только въ замкнутыхъ слогахъ, а можетъ-быть и въ концѣ словъ, какъ дополненіе согласныхъ. Поэтому буквы *ъ* и *ь* у нѣкоторыхъ филологовъ и называются *глухими*, у другихъ *слабыми*, Востоковымъ же признаны за *полугласныя*. *ъ* представлялъ ослабленіе *о* или *у*, а *ь* — глухое *е* или *и*, но собственно говоря, этимологическою основою *ера* былъ *у*, а *еря* — *и*, т. е. два крайніе звука системы гласныхъ, которые поэтому и считаются: первый полнотою *ера*, второй полнотою *еря*.

Въ позднѣйшее время *ъ* и *ь* въ серединѣ словъ были замѣнены полными гласными *о* и *е*, и только въ концѣ они сохранились для означенія двухъ различныхъ оттѣнковъ произношенія согласныхъ. Между *и* и *ь-мъ* есть еще средній по протяженію звукъ, письменнымъ представителемъ котораго служитъ *й*, равняющійся, какъ было показано въ 1-й части, германскому jot. Для выраженія этого звука передъ гласною Кириллъ ввелъ греческую *іоту* (ι); понятно, что ему не могло притти на мысль составить съ такой цѣлью особое начертаніе, такъ какъ греки не знали самаго звука jot и произносили ι передъ гласной какъ отдѣльный слогъ, напр. въ словѣ ἰατρός (врачъ); у римлянъ напротивъ звукъ былъ, но не изображался на письмѣ: *j* вмѣсто *i* стало употребляться въ латинскихъ книгахъ не ранѣе 16-го столѣтія[1].

[1] Изъ германскихъ языковъ только въ готскомъ былъ особый знакъ для звука *йотъ* (𐌾). Въ новонѣмецкій и новоскандинавскіе языки буква j пере-

Послѣ гласной, для составленія дифтонга, въ древне-славянскомъ писалось *и* безъ всякаго отличительнаго знака.

Особенно хвалятъ Кирилла за ловкое средство, которое онъ придумалъ для означенія мягкости согласныхъ передъ твердыми гласными: вмѣсто того, чтобы употребить какой-нибудь знакъ для отличія самой согласной (какъ поступили поляки), онъ воспользовался для этого двугласными ꙗ, ю и проч. Онъ принялъ за правило писать, напр., бꙗ, лѥ, рю (вм. б'а, л'э, р'у) — и весьма основательно, такъ какъ мягкая гласная, слѣдующая за согласной, дѣлаетъ ее также мягкою; нельзя не признать остроумнымъ примѣненія однихъ и тѣхъ же диграфовъ къ двоякой потребности — означать отонченіе то послѣдующей гласной, то предыдущей согласной.

Гораздо менѣе пониманія дѣла обнаружили составители или составитель *гражданской* азбуки при обращеніи этихъ диграфовъ въ простые знаки: *я*, *е*, *ю;* правда, что послѣдняя изъ этихъ трехъ буквъ удержала прежнюю церковно-славянскую форму, но такъ какъ покинута общая система изображенія приведенныхъ звуковыхъ группъ, то и начальная черта буквы *ю* совершенно потеряла свое значеніе. Такая ничего не говорящая форма буквъ, служащихъ для изображенія звуковыхъ комплексовъ, неизбѣжно затемняетъ правильное пониманіе фонетики. Это относится особенно къ буквѣ *е* (= ѥ, йэ), которой очертаніе многимъ до сихъ поръ мѣшаетъ видѣть, что она въ началѣ слога никакъ не можетъ замѣнять *э* и что послѣдняя такъ же необходима для выраженія соотвѣтственнаго ей звука: безъ нея мы имѣли бы еще одну букву (т. е. *е*) съ двоякимъ значеніемъ.

шла съ употребленіемъ латинскаго письма. Ее заимствовали и тѣ славянскіе народы, которые пишутъ латинскими буквами. Караджичъ включилъ ее и въ свой русско-сербскій алфавитъ. По этому поводу Я. Гриммъ говоритъ: «Das j scheint sogar rathsam in das Altslavische aufzunehmen». (*Kleine Serbische Gramm.* Leipzig 1824. Стр. XXII).

Начало русской гражданской азбуки и оцѣнка ея.

Составленіе гражданской азбуки при Петрѣ Великомъ было дѣломъ чрезвычайно знаменательнымъ для послѣдующихъ судебъ нашей литературы. Это былъ первый шагъ къ созданію народно-русскаго письменнаго языка. Вопросъ о взаимномъ отношеніи обоихъ издавна существовавшихъ въ Россіи, другъ возлѣ друга, языковъ еще далеко не исчерпанъ, но онъ сюда не относится. Примѣры преобразованія азбуки бывали и въ другихъ странахъ. Греческіе языковѣды въ 5-мъ столѣтіи до Р. Х. установили іоническій алфавитъ, въ которомъ устранены *коппа* и *сампи*; рядомъ съ *хи* и *фи* введены *кси* и *пси*, и для отличія долгаго и краткаго *е* приняты двѣ буквы (ε и η). Арабскіе грамматисты и іудейскіе масореты 9-го и 10-го вѣковъ также исправили и установили свое письмо. Армяне писали нѣкогда греческими буквами, а впослѣдствіи составили себѣ особую азбуку съ новыми знаками и въ новомъ порядкѣ. Древніе скандинавы употребляли сперва руническое письмо, но потомъ оставили его и вмѣстѣ съ христіанствомъ приняли болѣе удобныя латинскія буквы въ той формѣ, какую ввели монахи въ средніе вѣка и которая иногда называется готическою[1]. Всѣмъ извѣстно, какъ примѣнилъ Караджичъ дополненную имъ русскую азбуку къ сербскому языку.

Подобныя перемѣны дѣлались не только въ раннемъ возрастѣ образованія народовъ, но и тогда, когда они обладали уже литературой. Англичане и голландцы долгое время послѣ изобрѣтенія книгопечатанія употребляли ломаныя готическія буквы, но позднѣе замѣнили ихъ простѣйшими латинскими начертаніями. Почти то же произошло и въ Россіи; но нигдѣ преобразованіе этого рода не имѣло такого глубокаго значенія и такихъ важныхъ, далекихъ послѣдствій, какъ измѣненіе письма, совершившееся у насъ по указанію Петра Великаго. Хотя гражданская печать и введена была имъ въ нашу литературу разомъ, но самое соста-

[1] Hazelius. Rättstafningens grunder. Stockholm 1870. Стр. 17.

вленіе русской свѣтской азбуки произошло повидимому не вдругъ, а постепенно. Объ этомъ сохранилось, къ сожалѣнію, очень мало извѣстій. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ высказана была догадка, что въ образованіи гражданской печати важное участіе принималъ справщикъ московской духовной типографіи Поликарповъ; но ученая критика не подтвердила этого предположенія и напротивъ замѣтила, что первые начатки гражданской азбуки появляются ранѣе того времени, къ которому обыкновенно относятъ ея происхожденіе: именно указано было на напечатанное въ 1699 году амстердамское изданіе Ильи Копьевича *Поверстаніе круговъ небесныхъ*, гдѣ особенно курсивъ представляетъ поразительное сходство съ нынѣшними буквами[1]. И въ другихъ голландскихъ изданіяхъ уже замѣтна отчасти та круглота и чистота шрифта, которая позднѣе, въ московскихъ книгахъ новой печати, такъ нравилась Тредьяковскому. Вниманія заслуживаетъ, напр., напечатанная въ 1700 году книжка *Краткое собраніе Лва Миротворца показующее дѣлъ воинскихъ обученіе.* Здѣсь заглавіе набрано отчасти капителью, отчасти курсивомъ, въ которомъ многія буквы мало отличаются отъ нынѣшнихъ, а на послѣдней страницѣ книги слово *Конецъ* напечатано крупнымъ шрифтомъ, въ которомъ всѣ буквы, кромѣ латинскаго *N*, совершенно сходны съ введенною впослѣдствіи гражданскою азбукою. Такіе образчики новаго для глазъ шрифта безъ сомнѣнія поражали Петра Великаго и подали ему первую мысль преобразованія церковной печати для свѣтскихъ изданій. Однимъ изъ главныхъ участниковъ въ этомъ дѣлѣ слѣдуетъ считать Копьевича, который въ 1700 году завелъ въ Амстердамѣ свою собственную типографію, «самъ единъ труждаяся и въ строеніи книгъ, и въ друкарнѣ, обучая мастеровъ въ сицевомъ дѣлѣ». По его же указаніямъ могъ быть подготовленъ и новый шрифтъ въ Голлан-

---

[1] *Наше Время* 1860, № 10, стр. 159: «Историческая дѣятельность Московской синодальной типографіи» (покойнаго Викторова) по поводу статьи П. А. Безсонова «Типографская библіотека въ Москвѣ» (*Р. Бесѣда* 1859, V).

діи[1]. Тредьяковскій говоритъ, что Петръ, видя красивую печать европейскихъ книгъ, пожелалъ имѣть такую же и въ русскихъ изданіяхъ. Поэтому онъ кому-то поручилъ составить образецъ гражданской азбуки и отправить ее въ Амстердамъ для вылитія тамъ новаго шрифта, который въ 1708 году и былъ привезенъ въ Москву. Здѣсь она была нѣсколько измѣнена самимъ царемъ[2].

Съ 1708 г. этимъ шрифтомъ стали печататься книги въ Россіи. Показанія Тредьяковскаго о постепенныхъ измѣненіяхъ въ гражданской азбукѣ оказываются не совсѣмъ точными. Такъ онъ несправедливо утверждаетъ, будто новый *друкъ*, въ которомъ не было *и*, *з*, *г*, оставался безъ всякихъ перемѣнъ до 1716 года. Измѣненія начались уже въ 1710-мъ, но здѣсь безполезно было бы входить въ подробности ихъ[3]. Замѣтимъ только, что по словамъ Тредьяковскаго, въ 1733 году былъ вылитъ новый шрифтъ (нѣсколько продолговатѣе прежняго) для напечатанія, при Академіи Наукъ, перевода «Меморій или Записокъ» Сенъ-Реми объ артиллеріи. Тредьяковскій же говоритъ, что въ 1735 году из-

---

[1] Пекарскаго *Наука и Лит. при Петрѣ В.*, т. I, стр. 16, 18. Копьевичъ возвратился въ Россію около 1707 года; вмѣстѣ съ Тредьяковскимъ можно полагать, что отлитіе новаго шрифта произошло по меньшей мѣрѣ за годъ до привоза его въ Москву; самое же образованіе буквъ и изготовленіе матрицъ должно быть отнесено еще къ болѣе раннему времени. По преданію, сообщенному Евгеніемъ Болховитиновымъ, гражданская азбука изобрѣтена самимъ Петромъ Великимъ около 1704 года (*Словарь дух. писат.* II, 277).

[2] Пекарскаго *Наука и Литература при Петрѣ В.*, т. II, стр. 644.

[3] Въ первопечатныхъ книгахъ 1708 года мы дѣйствительно находимъ только I (палочку безъ точки) и Ѕ (зѣло), но уже въ 1710 появляются:

Ї (съ двоеточіемъ), начертаніе, которое оставалось въ нашей печати чуть ли не до начала нынѣшняго столѣтія;

и въ трехъ случаяхъ: 1) въ сочетаніи двухъ і (їи); 2) въ началѣ русскихъ словъ, и 3) въ концѣ словъ. Такъ въ заглавіи одной книжки 1710 г. мы читаемъ: «Інструкцїи и артїкулы военные надлежащїе къ россїискому флоту».

з (*земля*) во всѣхъ случаяхъ, вмѣсто отмѣненнаго Ѕ (*зѣло*).

д для означенія звука *д*.

Въ *Географіи*, напечатанной также въ 1710 году, Ѕ очень рѣдко появляется вмѣсто з; а і только передъ гласною и для означенія соединительнаго союза; во всѣхъ же другихъ случаяхъ, и даже въ иностранныхъ словахъ, стоитъ и, недостаетъ только й. Тутъ же встрѣчаемъ уже и э.

гнана буква ѕ (зѣло), а возстановлена *з* (земля), которая съ тѣхъ поръ и удержалась; отмѣнены *ѵ* (ижица) и Ξ (кси); прибавлены *й* и *э* (послѣдняя впрочемъ встрѣчается уже и ранѣе[1]; наконецъ тогда же опредѣлено: слова́, имѣющія двоякое значеніе, отмѣчать знакомъ ударенія. Благодаря разысканіямъ Пекарскаго, мы знаемъ теперь, что эти нововведенія сдѣланы были по распоряженію Академіи Наукъ, типографія которой въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій была единственною въ Россіи для печатанія книгъ гражданскимъ шрифтомъ. Новая азбука была окончательно установлена учрежденнымъ при Академіи «Россійскимъ собраніемъ» и сообщена въ руководство типографіи двумя записками Тауберта и Шумахера[2]. Въ этой азбукѣ являлись, между прочимъ, три знака (*и*, *і*, *ѵ*) для звука *і* (не считая *й*, какъ отличающагося особымъ произношеніемъ и потому не лишняго). Изъ нихъ *і* долго писалось не только передъ гласными, но и для означенія этого звука въ иностранныхъ словахъ. Различное употребленіе *иже* и второго *і*, смотря по тому, слѣдуетъ ли за ними гласная или согласная, установилось, какъ увѣряетъ Тредьяковскій, съ 1738 года[3]. По свидѣтельству Ломоносова, *і* осталось въ употребленіи только для того, «чтобы частое стеченіе подобныхъ буквъ непріятнымъ видомъ взору не казалось противно и въ чтеніи запинаться не принуждало[4]». Сверхъ

[1] См. предыдущее примѣч. *Ижица* вскорѣ опять была принята въ азбуку.

[2] *Исторія Акад. Наукъ* I, 639.

[3] *Разговоръ между чужестраннымъ человѣкомъ и россійскимъ объ ортографіи старинной и новой.* (Смирд. изд. соч. Тредьяковскаго, т. III, стр. 245).

[4] *Росс. Грам.* §85. Объ употребленіи і въ древнихъ рукописяхъ Срезневскій замѣчаетъ: «і замѣняло въ древности и только случайно или по недостатку мѣста; но потомъ стали употреблять его и нарочно и̑ между прочимъ съ двумя черточками (′ı′), означавшими и надписанное, и превратившимися еще позже въ точки (ї); иные писцы пытались писать это ї послѣдовательно передъ гласными».... Въ печатномъ *Апостолѣ* 1564 г. обѣ буквы уже употребляются по нынѣшнему (*О Русск. правописаніи. Письмо 1-е. Журн. Мин. Нар. Просв.* 1867). Востоковъ же говоритъ: «Употребленіе і передъ и и другими гласными; *сіи*, *Іюдея* и пр. началось у Русскихъ, можетъ быть, не ранѣе 15-го вѣка и заимствовано, какъ кажется, отъ Сербовъ. Первоначально эта 10-я буква греческаго алфавита служила только для означенія 10-ти, почему и была названа десятеричною»; и т. д. (Востоковъ, *Граммат. црк. слав.*, стр. 3).

того введена буква і̂о для звука, который позднѣе стали изображать посредствомъ *ё*[1].

Съ тѣхъ поръ составъ нашего алфавита уже не измѣнялся (за исключеніемъ развѣ того, что ѵ, ижица, почти совершенно вышла изъ употребленія). Попытки нѣкоторыхъ писателей усовершенствовать эту азбуку прибавленіемъ недостающихъ буквъ или исключеніемъ лишнихъ, остались безуспѣшны. Одно только нововведеніе было нѣсколько счастливѣе, именно двоеточіе надъ *е* введенное Карамзинымъ для означенія извѣстнаго произношенія этой буквы, да и имъ пользуются довольно рѣдко.

При введеніи у насъ гражданскаго письма сдѣлана была та важная ошибка, что обращено вниманіе только на форму буквъ, звуковыя же особенности языка, къ которому ихъ примѣняли, упущены вовсе изъ виду. Не такъ поступилъ Кириллъ: заимствовавъ греческія буквы для сходныхъ звуковъ славянскаго языка, онъ чутко разобралъ тѣ звуки послѣдняго, которые были исключительно ему свойственны, и составилъ для нихъ новые знаки на основаніи придуманной имъ весьма вѣрной и остроумной системы. Преобразованіе церковной азбуки для *гражданскаго* письма ограничилось почти единственно упрощеніемъ и округленіемъ начертаній, — сближеніемъ ихъ съ латинскими буквами, такъ что азбука сдѣлалась пріятнѣе для глазъ и удобнѣе для скорописи. Изъ лишнихъ буквъ церковной нѣкоторыя, какъ извѣстно, были исключены, но другія удержаны, напр. всѣ три знака для звука *і* (*и*, *і*, *ѵ*), два для звука *е* (*е*, *ѣ*), два для звука *ф* (*ф*, *ѳ*). Сначала было два же знака для *з* (з и ѕ). Съ теченіемъ

---

[1] Въ архивѣ Академіи Наукъ хранится записка Адодурова (связка 76, лит. G) объ употребленіи ъ и ь, подписанная 11-го марта 1737 г.; въ этой запискѣ къ русской азбукѣ прибавлено въ самомъ концѣ буква і̂о; тутъ же исчислены «выкинутыя» буквы, и между ними *ѳ* и *ѵ*, и замѣчено, что всѣ эти буквы «съ довольнымъ основаніемъ выкинуты и нигдѣ, ни въ письмѣ ни въ печати уже не употребляются». Форма і̂о, хотя въ сущности совершенно правильная, была тѣмъ неудобна, что возстановляла ту самую систему означенія двугласныхъ, отъ которой отступлено было для передачи двухъ остальныхъ звуковъ этого рода (*я*, *е*); кромѣ того і̂о слишкомъ было похоже на ю.

времени число лишнихъ знаковъ было еще уменьшено, но *і*, *ѣ* и *ѳ*, рядомъ съ *и*, *е* и *ф*, до сихъ поръ остаются.

Съ другой стороны, въ церковномъ алфавитѣ недоставало нѣсколькихъ знаковъ для звуковъ, которыми русскій языкъ отличается отъ славянскаго. Этого составитель гражданской азбуки не принялъ въ соображеніе и не подумалъ о пополненіи ея. Еще Я. Гриммъ замѣтилъ, что «при большемъ пониманіи сущности алфавита, Петръ конечно пошелъ бы нѣсколько далѣе»[1]. Впослѣдствіи практика указала на необходимость ввести въ письмо буквы *э* и *ё*; вторая, однакожъ, и понынѣ не включена въ азбуку, равно какъ и *й*, буква, которая, представляя особый звукъ, непремѣнно должна бы занимать и въ ней особое мѣсто. Но для нѣкоторыхъ звуковъ русскаго языка до сихъ поръ нѣтъ въ точности соотвѣтствующихъ знаковъ. Таковы:

1) Между *гласными*: а) всѣ неопредѣленные или промежуточные гласные звуки, какъ-то: между *а* и *о*, между *я* и *е*, между *и* и *е*, между $\frac{a}{o}$ и *у*, между $\frac{a}{o}$ и *ы* (см. выше стр. 33—38); б) двоякій, т. е. широкій и узкій звукъ *э*, такіе же двоякіе *е* и *ѣ* (см. выше стр. 31, 32). Изъ этого одного видно, что тѣ, которые мечтаютъ о введеніи у насъ чисто-фонетическаго письма, не знаютъ, чего хотятъ: для такого письма мы не имѣемъ первѣйшаго и существеннѣйшаго условія, т. е. строго-фонетической азбуки, которая совершенно покрывала бы собою дѣйствительный или слышимый звуковой алфавитъ.

2) Между *двугласными*: звукъ **йи** (напр. въ словахъ: имъ, ихъ, ручьи, Ильинъ), для начертанія котораго нѣтъ иного средства, кромѣ употребленія простой гласной *и*[2].

---

[1] Wuk's Stepanowitsch *Kleine Serbische Grammatik*. Стр. XXIII.

[2] Относительно буквы *и* Караджичъ, а за нимъ и Я. Гриммъ упрекаютъ составителя кириллицы въ томъ, что онъ этой гласной не облекъ знакомъ ı, чтобы означать умягченіе согласной, къ которой она прилагается. Авторъ сербской грамматики и его переводчикъ (см. Kleine Serb. Gramm., стр. 19) полагаютъ, что если писать *книга*, *учители*, не означая смягченія стоящей предъ *и* согласной (какъ по серб. књига, учитељи), то можно на такомъ же основаніи писать: земду, богину, кона и проч. вм. *землю*, *богиню*, *коня*. Но при этомъ

3) Между *согласными:* звукъ ґ (благо). Кирилловскій *глаголь* только и выражалъ этотъ звукъ, какъ усвоенный древне-славянскому, который не зналъ *гаммы*[1]; но такъ какъ въ русскомъ господствуетъ послѣдній, то у насъ буква эта получила по преимуществу значеніе *гаммы*, а за *глаголь* употребляется она только въ видѣ исключенія или въ иностранныхъ словахъ, вмѣсто латинскаго *h*. Въ этомъ случаѣ мы видимъ примѣръ воздѣйствія правописанія на выговоръ: ибо вслѣдствіе такой орѳографіи русскіе произносятъ: *Гамбургъ*, *Гомеръ*, *Горацій*, *госпиталь*, *гусаръ*, *Голландія*, *гармонія*, вовсе не думая, что эти имена должны начинаться собственно не *гаммою*, а развѣ *глаголемъ*, въ замѣнъ *h*[2].

Вотъ слѣдовательно существенныя или внутреннія несовершенства нашей азбуки:

1, Нѣсколько лишнихъ знаковъ для однихъ и тѣхъ же звуковъ; 2, недостатокъ нѣсколькихъ буквъ для существующихъ въ языкѣ звуковъ, и 3, простые знаки для составныхъ звуковъ (*я*, *е*, *ю* и *щ*).

Въ отношеніи къ наружной формѣ буквъ, менѣе другихъ удобными представляются двѣ съ надстрочными знаками, именно *й* и *ё*. Звукъ первой легче было бы изображать посредствомъ латинскаго *j*, какъ и сдѣлалъ Караджичъ, а вторая годна только для чисто-русскихъ словъ, въ которыхъ она хорошо выражаетъ

оба знаменитые филолога упустили изъ виду, что твердая гласная сама по себѣ не отончаетъ предшествующей согласной, тогда какъ дѣйствіе это именно производитъ *и*, и для произношенія стоящей передъ нимъ согласной все равно, будетъ ли къ ней приставлено ꙑ или и: звукъ *і* и *и*—одинъ и тотъ же. Кириллъ можетъ-быть не находилъ нужнымъ утроять знака і (ііі), потому что въ случаѣ надобности букву *и* и такъ можно представлять себѣ состоящею изъ двухъ *і*. Былъ ли въ древне-славянскомъ дифтонгъ йи (какъ въ русскомъ), произносилось ли напр. мо—и, или мо—йи, мы не знаемъ, а потому не можемъ обвинять Кирилла и за то, что не встрѣчаемъ у него сочетанія ꙑ.

[1] По крайней мѣрѣ, установившійся у насъ на Руси, можетъ быть, подъ вліяніемъ малороссійскаго, отличающагося этою особенностью.

[2] О преобладаніи того или другого изъ двухъ звуковъ г у разныхъ славянскихъ народовъ и сравнительной ихъ древности см. *Мысли* И. И. Срезневскаго, стр. 117. Мы уже замѣтили выше, что Смотрицкій занесъ въ азбуку оба звука, отличивъ гамму прописнымъ греческимъ начертаніемъ той же буквы г.

тотъ звукъ позднѣйшаго образованія, который при извѣстныхъ условіяхъ рождается изъ *е*. Въ словахъ же иностраннаго происхожденія крайне неловко этою буквою выражать звукъ **йо**; не много нужно соображенія, чтобъ понять, какъ странно было бы писать: *Ёркъ*, *батальёнъ*, и потому въ такихъ случаяхъ трудно избѣжать употребленія нашего *йота*, т. е. *й*, съ помощію котораго многіе и пишутъ: *Йоркъ*, *майоръ*, *батальйонъ* и т. п. Впрочемъ, согласно съ Востоковымъ, едва ли не лучше въ подобныхъ словахъ передавать нашему *і* роль *йота* и писать: *Іоркъ*, *маіоръ*, *баталіонъ*. (См. его *Русс. Грамм.*, § 160).

То обстоятельство, что для нашего письма служитъ азбука, изобрѣтенная для другой, хотя и близкой, однакожъ во многихъ отношеніяхъ своеобразной фонетики, было причиною, что наше правописаніе приняло преобладающій *историческій* или *этимологическій* характеръ. Пока не измѣнится азбука, и правописаніе по необходимости должно сохранять этотъ характеръ. Есть ли однакожъ настоятельная потребность въ пополненіи или сокращеніи нашей азбуки? Этотъ вопросъ стóитъ серіознаго разсмотрѣнія.

Изображеніе неопредѣленныхъ гласныхъ особыми начертаніями имѣло бы то неудобство, что затемняло бы и словопроизводство и грамматическія отличія; рѣдко встрѣчающійся двугласный **йи** также можетъ обойтись безъ отдѣльнаго знака. Изъ согласныхъ звуковъ только одинъ, собственно говоря, не имѣетъ соотвѣтственной буквы: это тотъ звукъ *г*, который слышится въ словѣ *благо* и др. Всякій разъ, когда рѣчь заходила о недостаткахъ русской азбуки, онъ обращалъ на себя всего болѣе вниманія и вызывалъ попытки пополненія ея. Это происходило главнымъ образомъ отъ чувствуемой всѣми несообразности русской транскрипціи иностранныхъ словъ съ буквою *h* при помощи нашего *г*, которое, по своему господствующему произношенію, отвѣчаетъ совсѣмъ другой латинской буквѣ (*g*). Но эта транскрипція уже такъ утвердилась, что, какъ замѣчено выше, она отразилась на самомъ произношеніи многихъ словъ и собственныхъ именъ; слѣ-

довательно теперь дѣло уже едва ли поправимо [1]. Притомъ тутъ является другой, болѣе общій вопросъ, вопросъ о принципѣ: слѣдуетъ ли имѣть въ азбукѣ буквы для выраженія иноязычныхъ звуковъ? Вопросъ этотъ рѣшенъ еще Ломоносовымъ: «Ежели для иностранныхъ выговоровъ», замѣчаетъ онъ, «вымышлять новыя буквы, то будетъ наша азбука съ китайскую, и таково же смѣшно по правдѣ покажется, естьли бы для подлиннаго выговору нашихъ реченій, въ которыхъ стои́тъ буква *ы*, оную въ какой нибудь чужестранный языкъ приняли, или бы вмѣсто ея новую вымыслили» [2]. Что касается собственно русскихъ словъ, гдѣ звукъ *г* произносится близко къ латинскому *h* (почему онъ у славянъ, пишущихъ латинскимъ шрифтомъ, и передается этою буквою), то конечно желательно было бы имѣть знакъ для отличія такого *г*, но здѣсь недостатокъ буквы менѣе чувствуется отъ того, что немногія слова, въ которыхъ этотъ звукъ встрѣчается, далеко не всѣми русскими одинаково произносятся: такъ въ рязанскомъ и нѣкоторыхъ другихъ говорахъ *г* въ словахъ *благо*, *Го́сподь*, *богатство*, слышится такъ же твердо, какъ въ словахъ *городъ*, *говорить* и проч. Изъ примѣровъ, приводимыхъ въ *Грамматикѣ* Ломоносова видно, что число словъ, гдѣ *г* нѣкогда произносилось какъ *глаголь*, со времени его значительно уменьшилось, ибо онъ къ нимъ между прочимъ относитъ: *государь*, *государ-*

[1] Въ предисловіи къ книгѣ *Иранъ К. Риттера* (ч. I, Спб. 1874) переводчикъ, покойный Н. В. Ханыковъ, жалуясь на помянутую транскрипцію, заявляетъ, что самъ онъ въ такихъ случаяхъ рѣшился употреблять *х* вмѣсто *г*, хотя и не надѣется найти подражателей. Жаль только, что при этомъ онъ не подумалъ о неудобствѣ передѣлывать такимъ образомъ давно утвердившіяся уже въ языкѣ общеизвѣстныя названія, напр. писать *Холландія*, *Хамбургъ* и т. п. Конечно, Ханыковъ говоритъ только о географическихъ именахъ, но тотъ, кто принялъ бы эту новую транскрипцію, долженъ бы также писать и говорить: *Хомеръ*, *Хорацій*, ибо греч. густое дыханіе то же, что лат. и нѣм. h. Ломоносовъ въ своей грамматикѣ (§ 99) говоритъ, что букву *г* «въ иностранныхъ реченіяхъ, которыя въ Россійскомъ языкѣ весьма употребительны, выговаривать пристойно какъ h, гдѣ h; какъ g, гдѣ g у иностранныхъ; однако въ томъ нѣтъ дальней нужды». Другое неудобство предложенія Ханыкова то, что пришлось бы означать одинаково греч. густое дыханіе и букву χ, такъ что напр. исчезла бы разница между horographia и chorographia.

[2] *Росс. Грамм.* § 85.

ство, *господинъ*, *разглашаю*, въ которыхъ теперь слышится чистая *гамма*. Правда, и у Павскаго (*Фил. Набл.* I, § 126) много примѣровъ, гдѣ мы не можемъ согласно съ нимъ признать присутствія *глаголя*; но надобно помнить, что онъ принадлежалъ къ духовному званію, лица котораго въ этомъ отношеніи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, держатся особеннаго выговора.

Затѣмъ, нельзя ли чего-нибудь выкинуть изъ нашей азбуки?

По правилу, сейчасъ приведенному со словъ Ломоносова и соблюдаемому во всѣхъ языкахъ, въ азбуку не должны быть вводимы буквы для чужихъ звуковъ. По близкому отношенію первоначальной славянской письменности къ духовной византійской, правило это въ кириллицѣ было нарушено, и къ ней (по мнѣнію Павскаго, уже послѣ Кирилла) прибавлены четыре буквы, нужныя только для греческихъ именъ, «которыя переносились въ богослужебныя книги безъ перемѣны»[1]: ѯ, ѱ, ѳ и ѵ.

При составленіи гражданской азбуки, онѣ были перенесены и въ нее, но первыя двѣ продержались не долго; *ижица* (замѣтимъ это куріозное названіе, составленное изъ *иже* и придуманное вм. *ѵпсилонъ*) употреблялась сначала для выраженія двухъ звуковъ *и* и *в* (*сѵмволъ*, *еѵангеліе*); потомъ она являлась только въ первомъ значеніи, и наконецъ стала совершенно исчезать; нынче она употребляется, и то не всѣми, въ трехъ словахъ церковнаго языка, именно: *мѵро*, *сѵнодъ* и *сѵмволъ*. Но стóитъ ли имѣть особую букву для трехъ словъ? Не лучше ли совсѣмъ разстаться съ *ижицей* и исключить ее изъ азбуки? Остается вопросъ о *ѳитѣ*. Замѣтимъ, что хотя Ломоносовъ и отказывалъ ей мѣсто въ русской азбукѣ, однакожъ самъ онъ употреблялъ ее на письмѣ и тѣмъ признавалъ въ ней надобность. Но для чего же она нужна? Конечно не для означенія звука, потому что мы произносимъ ее точь въ точь какъ *ф*. Кромѣ этого, противъ нея много доводовъ, которые были развиты мною подробно въ предыдущемъ изданіи *Филологическихъ Разысканій*, но всѣ эти доводы опровергаются

---

[1] Павскій I, § 21.

однимъ важнымъ соображеніемъ, которое мною же было высказано въ другомъ мѣстѣ, именно тѣмъ, что по причинѣ отличія нашей азбуки отъ общеевропейской, мы должны особенно заботиться о томъ, чтобы въ заимствованныхъ именахъ по возможности передавать ихъ подлинную форму. Мы напр. пишемъ *Кронштадтъ*, чтобы отличить въ этомъ имени слово *Stadt* отъ *Staat*, передаваемаго по-русски начертаніемъ *штатъ*; мы сѣтуемъ, что у насъ недостаетъ буквы для изображенія западноевропейскаго *h*. Поэтому, имѣя букву для отличія греко-латинскаго *th* отъ *ph* и *f*, мы не должны пренебрегать ею. Обѣ буквы, отвѣчающія звуку *ф*, нужны намъ собственно только для иностранныхъ словъ: на какомъ же основаніи мы одну изъ нихъ предпочтемъ другой? Наконецъ, согласно съ историческимъ началомъ нашей орѳографіи, важнымъ доводомъ въ пользу сохраненія *ѳиты* служитъ давность и привычка ея употребленія. Попытка употреблять только *ф* нашла очень немногихъ послѣдователей. Да, признаться, и совѣстно писать напр.: *Ф*ивы, *Ф*ракія, А*ф*ины, *Ф*емистоклъ, *Ф*еофанъ.

Главную трудность въ правилѣ объ употребленіи *ѳиты* (или *ѳе*, чтобы называть эту букву на общемъ съ другими буквами основаніи) составляетъ то, что нельзя отъ всякаго пишущаго по-русски требовать такого знанія иностранныхъ языковъ, которое во всѣхъ случаяхъ исключало бы смѣшеніе буквъ *ф* и *ѳ*. Дѣйствительно, мы не только у людей съ обыкновеннымъ образованіемъ, но даже у литераторовъ и ученыхъ нерѣдко встрѣчаемъ это смѣшеніе. Пушкинъ напр. писалъ «Ѳебъ»; это же начертаніе находимъ два раза на 25-й стр. «Исторіи русской словесности» проф. Порфирьева (2-е изд.); въ книгѣ Погодина «Карамзинъ» (II, 138) — читаемъ «кориѳей»; у Тургенева (III, 270), «Агафья»; имя *Марѳа* онъ же пишетъ то такъ, то «Марфа»; однажды покойный Срезневскій при мнѣ написалъ «Руѳь и Эсфирь», что̀ конечно подало мнѣ поводъ потрунить надъ товарищемъ; въ современныхъ журналахъ, правда не лучшихъ, мнѣ не разъ попадались такія начертанія: «Никиѳоръ, сѳера, исто-

ріограѳъ» и даже «Орѳей изъ Өракіи» (!!). Единственнымъ средствомъ для избѣжанія подобныхъ вопіющихъ ошибокъ, при сохраненіи ѳиты, было бы имѣть подъ рукой для справокъ орѳографическіе указатели, которые въ алфавитномъ порядкѣ содержали бы между прочимъ и собственныя имена, какъ личныя, такъ и географическія. Впрочемъ, такъ какъ тутъ дѣло идетъ только о точности начертанія словъ *иностраннаго* происхожденія, то почему бы не разрѣшить и письма безъ *ѳиты* людямъ, не имѣющимъ притязанія на соблюденіе ученой орѳографіи: пусть *ѳита* останется принадлежностью одного вполнѣ строгаго правописанія. Павскій, отъ котораго, по его званію, можно бы ожидать пристрастія къ этой буквѣ, говорилъ: «Теперь употребленіе *ѳ* со дня на день сокращается. Кто не знаетъ греческаго языка, тотъ легко можетъ ошибиться и вмѣсто *ѳ* написать *ф*. Ошибка простительная! Не всѣ же обязаны знать греческій языкъ»[1].

Хотя *ѣ* изображаетъ также звукъ, для котораго есть другое простѣйшее начертаніе (*е*), но буква *ѣ* совсѣмъ въ другомъ положеніи чѣмъ *ѳ*: съ первою связанъ вопросъ объ исконномъ составѣ словъ родного языка. Звукъ, первоначально соотвѣтствовавшій буква *ѣ*, нѣкогда принадлежалъ славянскому языку, и знаніе тѣхъ корней, гдѣ онъ слышался, не лишено значенія для науки русскаго слова. Эта буква въ нашихъ словахъ имѣетъ двоякое *знаменательное* назначеніе: 1, словопроизводное или корнесловное, для отличія извѣстныхъ корней, напр. *вѣдать*, *бѣлый*; 2, грамматическое или флексивное, для означенія нѣкоторыхъ грамматическихъ формъ, напр. жен*ѣ*, вс*ѣ*ми, добр*ѣе*, им*ѣть*. Въ послѣднемъ случаѣ употребленіе буквы *ѣ* опредѣляется весьма положительными правилами; въ первомъ оно, къ сожалѣнію, не вездѣ опирается на твердыя научныя основанія. Еще болѣе надобно жалѣть, что въ нѣкоторыхъ заимствованныхъ словахъ, и особенно въ именахъ собственныхъ, *ѣ* пишется безъ надобности, только по условному соглашенію, напр. *Сергѣй*, *Апрѣль*.

---

[1] *Филол. Набл.* I, § 41.

Наконецъ, двоякое изображеніе звука *і*, столь часто встрѣчающагося въ русскомъ языкѣ, имѣетъ практическое значеніе для красоты и удобства письма, такъ какъ безпрестанное повтореніе точки надъ строкою вредило бы и въ томъ и въ другомъ отношеніи. Притомъ употребленіе нашихъ *и* и *і* опредѣляется такимъ простымъ и постояннымъ правиломъ, что различеніе ихъ не представляетъ ни малѣйшаго затрудненія, и не за чѣмъ заботиться объ изгнаніи одного изъ нихъ.

Что касается *ера* и *еря*, то хотя они и потеряли значеніе *буквъ* (представителей особыхъ членораздѣльныхъ звуковъ), но служатъ и теперь весьма полезными *знаками* для отличенія двоякаго выговора согласныхъ и для раздѣленія слоговъ.

Мы разсмотрѣли русскую азбуку въ отношеніи къ ея составу, и знаемъ теперь, какія буквы въ ней излишни, и какихъ ей недостаетъ. Мы видѣли, что, по необходимости мирясь съ историческимъ ея характеромъ, надобно сознаться, что она не страдаетъ ни особеннымъ избыткомъ, ни скудостью начертаній. Многочисленность ея буквъ сравнительно съ западно-европейскими азбуками происходитъ не столько отъ двоякаго изображенія нѣкоторыхъ звуковъ (ибо и наоборотъ есть въ языкѣ звуки, въ ней не выраженные), сколько отъ того, что она, сверхъ элементарныхъ звуковъ, представляетъ звуковыя *сочетанія*, къ сожалѣнію невѣрно выраженныя *простыми* же знаками, именно дифтонги и сложную согласную *щ*. Въ этомъ она противоположна другимъ европейскимъ азбукамъ, которыя для нѣкоторыхъ простыхъ звуковъ не имѣютъ отдѣльныхъ буквъ и означаютъ эти звуки соединеніемъ нѣсколькихъ буквъ (напр. у нѣмцевъ *ch*, *sz*, *sch*): при такомъ условіи западно-европейскіе языки, имѣя и безъ того менѣе звуковъ, конечно могли извернуться и меньшимъ количествомъ буквъ, но это — только кажущееся преимущество.

Что касается неправильнаго расположенія русской азбуки, то въ интересахъ толковаго ученія грамотѣ нельзя не желать, хотя и безъ большой надежды на исполненіе такого желанія, чтобы

когда-нибудь буквы наши размѣщены были въ болѣе осмысленномъ порядкѣ. Но уже и теперь, допуская на практикѣ исконную послѣдовательность, въ которой наша азбука затверживается на всю жизнь и въ какой располагаются словари, наука имѣетъ и право и обязанность измѣнять это расположеніе для своихъ цѣлей, по своимъ законамъ и соображеніямъ. На такомъ основаніи предлагаю, для теоретическаго изученія, слѣдующій по возможности симметрическій распорядокъ нашей азбуки, при чемъ дополняю ее какъ недостающею *ї* (поставленною въ скобкахъ), такъ и тѣми двумя буквами — *й* и *ё*, — которыя всѣми употребляются, но въ обыкновенную азбуку нашу не внесены.

Хотя всякій, кто внимательно прочтетъ фонетическій отдѣлъ настоящаго тома, легко пойметъ основанія принятаго мною порядка буквъ, однакожъ, для большей ясности, считаю нелишнимъ предпослать моей таблицѣ нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній.

1. Буквы идутъ въ прямой линіи сверху внизъ, но изъ двухъ буквъ, выражающихъ тотъ же звукъ, только простѣйшая стоитъ на этой линіи, другая же — въ сторонѣ, рядомъ съ первою. Такое второстепенное мѣсто занимаютъ буквы: *и ѣ ѳ*.

2. Вся азбука раздѣлена на три большіе разряда: I. Гласныя съ полугласными и составленными изъ этихъ обѣихъ категорій звуковъ двугласными; II. Согласныя длительныя, и III. Согласныя мгновенныя и составныя.

3. Въ каждомъ разрядѣ буквы, по самому звуковому соотношенію своему, расположены попарно, т. е. каждыя двѣ буквы въ вертикальномъ направленіи образуютъ звуковую пару. Исключеніе составляютъ только: въ концѣ гласныхъ *ы*, въ концѣ согласныхъ *щ*; изъ нихъ первая есть сложный *знакъ* (ъ + і), вторая изображаетъ сложный *звукъ* (*шч*).

4. Сперва идутъ гласныя, при чемъ за каждою слѣдуетъ соотвѣтствующая ей двугласная[1]; а такъ какъ въ составъ всѣхъ

[1] Кромѣ *и*: образованный изъ него двугласный звукъ *йи* не означается особою буквой; вмѣсто этого двугласнаго поставленъ подъ *и* полугласный *й*.

двугласныхъ входитъ сокращеніе звука *і*, то азбука и начинается этою буквой, которая впрочемъ и по самой системѣ этого рода звуковъ занимаетъ у меня первое мѣсто; остальныя гласныя слѣдуютъ за ней по той же системѣ (см. выше стр. 11). Послѣ всѣхъ гласныхъ поставлены: сперва *ь*, какъ сокращеніе *і*, начинающаго таблицу, потомъ *ъ* въ соотвѣтствіе твердымъ гласнымъ, и наконецъ *ы*, которая, хотя и полная гласная, не могла, по своему происхожденію (см. стр. 23), быть помѣщена выше *ера*, но правильно слѣдуетъ непосредственно за нимъ.

5. Изъ числа двугласныхъ, буквѣ *ё*, по ея формѣ и происхожденію, удобно было бы стоять тотчасъ послѣ *е*; но по своему звуковому значенію, она не могла быть удалена отъ *о*, такъ точно какъ *я* слѣдуетъ за *а*, и *ю* за *у*; иначе было бы нарушено принятое въ руководство общее правило.

6. Ко II-му главному разряду отнесены длительныя согласныя, какъ составляющія переходъ или ступень отъ гласныхъ къ мгновеннымъ согласнымъ, и притомъ на первомъ мѣстѣ расположены плавныя, какъ ближе всего, по своей натурѣ, подходящія къ гласнымъ.

7. Отъ послѣдней плавной *м* естественный переходъ къ однородной съ нею по органу (губной) *в*. Отсюда до *к* включительно двойчатки представляютъ особенное соотношеніе, состоящее въ томъ, что въ каждой изъ нихъ первая буква произносится съ голосомъ, а вторая безъ него. Передъ *х* поставлена *г̆* (г̆а), которая, при образованіи гражданской азбуки, по недоразумѣнію не была включена въ нее (см. выше стр. 12 и 176).

8. Какъ между длительными согласными въ концѣ стоятъ *г̆ х*, такъ въ разрядѣ мгновенныхъ (III-мъ) послѣднюю же пару составляютъ гортанныя *г к*.

9. Затѣмъ слѣдуютъ *ц ч* на томъ основаніи, что и эти два въ сущности составные звука (см. выше стр. 17) равнымъ образомъ, хотя и иначе, родственны между собой: стоящее надъ ними *к* на первой степени умягченія обращается въ *ц*, а на второй

въ *ч* (гре*к*ъ, гре*ц*кій, гре*ч*ескій)[1]; оба они, по первой составной части своей *т* (*т* + *с* = *ц* и *т* + *ш* = *ч*), принадлежатъ къ мгновеннымъ, но по своей сложности могутъ занимать въ этомъ разрядѣ лишь послѣднее мѣсто.

10. Еще ниже, на самомъ концѣ азбуки, должна стоять *щ*, какъ буква составная (щ = *шт*), выражающая и сложный звукъ (*шть* = *шч*).

11. Общеупотребительныя названія буквъ оставлены въ моей таблицѣ почти безъ измѣненія, такъ какъ въ большей части ихъ послѣдовательно проведено различіе, основанное на самой разнородности звуковъ, и названія эти сходны съ тѣми, какія утвердились въ цѣломъ образованномъ мірѣ. Только относительно э и е я нахожу, что къ названію первой совершенно излишне присоединять эпитетъ *оборотное*, если вторая, сообразно съ названіями другихъ дифтонговъ, будетъ называема *йэ*, а не *э*. Кромѣ того *й*, въ противность названіямъ всѣхъ остальныхъ буквъ, несправедливо называется по внѣшнему признаку своего начертанія (*съ краткой*), и вѣрнѣе было бы называть эту букву, по ея натурѣ, просто *и краткое* или *и полугласное*. Наконецъ, возлѣ *эфъ* поставлено: *ѳе*, которымъ для аналогіи слѣдовало бы замѣнить старинное названіе: *ѳита*.

[1] Въ *ц*, какъ въ латинскомъ (Cicero, Циперо); въ ч, какъ въ италіянскомъ (cicerone, чичероне).

РУССКАЯ АЗБУКА,
систематически расположенная.

Разряды буквъ.	Порядокъ буквъ.	Названія.
I. Гласныя, полугласныя и двугласныя.	и і й	и и краткое
	э е ѣ	э йэ, ять
	а я	а я
	о ё	о йо
	у ю	у ю
	ь ъ	ерь еръ
	ы	еры
II. Согласныя длительныя.	л р	эль эръ
	н м	энъ эмъ
	в ф ѳ	ве эфъ, ѳе
	з с	зе эсъ
	ж ш	же ша
	(г̆) х	г̆а ха
III. Согласныя мгновенныя и составныя.	б п	бе пе
	д т	де те
	г к	ге ка
	ц ч	це че
	щ	ща

III. Правописаніе.

Изъ понятія о письмѣ, основанномъ на разложеніи звуковъ рѣчи, естественно вытекаетъ понятіе о *правописаніи*.

Не довольно писать: надобно писать правильно. Если рѣчь какъ слѣдуетъ разложена на членораздѣльные звуки и каждый звукъ постоянно изображается соотвѣтствующимъ ему знакомъ, такъ что по писанному рѣчь вполнѣ возстановляется въ своемъ первоначальномъ видѣ, то значитъ, и письмо правильно. Вотъ первоначальное понятіе объ орѳографіи; слѣдовательно она, при возникновеніи своемъ, по необходимости должна быть въ полномъ смыслѣ *звуковою* или *фонетическою*. Таково вначалѣ и было конечно письмо греческое и латинское, а также и древнеславянское. Но по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія языка, по мѣрѣ измѣненія его звуковъ, письмо, сохраняя прежнія формы ихъ, должно болѣе и болѣе удаляться отъ живой рѣчи. «Правописаніе всѣхъ образованныхъ народовъ запада», говоритъ г. Брюкке, «построено на одномъ основномъ началѣ, именно на томъ, чтобы поставленными одинъ возлѣ другого знаками указывать на рядъ слѣдующихъ другъ за другомъ положеній органовъ рѣчи. Такъ какъ отъ одного положенія къ другому всегда бываетъ только одинъ кратчайшій путь, то потребныя движенія рѣчи происходятъ сами собой. Буквы составляютъ какъ бы рядъ камней, положенныхъ на дорогу пишущимъ, чтобы читающій могъ глазами и языкомъ итти по его слѣдамъ. Какъ ни часто это начало было упускаемо изъ виду въ подробностяхъ, однакожъ въ цѣломъ оно всегда сохраняетъ свою силу, и нарушенія его происходятъ частью отъ того, что произношеніе измѣнилось, а письмо осталось прежнее, частью отъ неразумнаго усердія нововводителей, — рѣже, какъ кажется, отъ неумѣлости первоначальныхъ строителей. Начало это само по себѣ такъ естественно, просто и практично, что оно вѣроятно уже никогда не будетъ покинуто при сооруженіи новаго зданія»[1]». Между тѣмъ молодыя поколѣ-

[1] Brücke. Grundzüge der Physiologie и пр., стр. 123.— Самый процессъ чтенія объясняется въ этомъ сочиненіи слѣдующимъ образомъ: «Буквы нашихъ

нія, вновь выучивающіяся грамотѣ, уже не могутъ писать только согласно съ звуками, а должны соображаться съ употребительнымъ по преданію письмомъ, которое такимъ образомъ становится *историческимъ* или *этимологическимъ*.

Эти два термина часто смѣшиваются, но въ сущности они должны быть различаемы: первый предполагаетъ только соблюденіе традицій, установившихся по большей части конечно на основаніи производства словъ; при письмѣ, заслуживающемъ второго названія, грамотеи идутъ далѣе: не довольствуясь первоначальнымъ правописаніемъ, основаннымъ на прежнихъ звукахъ, они доискиваются корней или первоначальнаго состава словъ, иногда обращаясь къ другимъ, древнѣйшимъ языкамъ, и по этому видоизмѣняютъ орѳографію. Такъ нѣкогда поступали французы, исправляя свое письмо по производству словъ изъ греческихъ и латинскихъ. Но при измѣненіяхъ орѳографіи трудно бываетъ достигнуть полной послѣдовательности и единообразія: рядомъ съ наукою привычка, обычай берутъ свое, надъ этимологическимъ началомъ во многихъ случаяхъ фонетическое получаетъ перевѣсъ, установляются разныя условныя и произвольныя правила, и правописаніе не стои́тъ на твердой теоретической почвѣ. Тогда происходятъ попытки сообщить ему болѣе единообразія, послѣдовательности и простоты. Въ этомъ положеніи

условныхъ алфавитовъ указываютъ на положеніе голосового снаряда (то есть гортани, такъ какъ мы имѣемъ особые знаки для шопотныхъ и громкихъ звуковъ), а сверхъ того на форму, принимаемую каждый разъ надставной трубкой, простирающейся отъ гортани до устнаго или носового отверстія. Каждый знакъ исполняетъ это по-своему, при чемъ видъ его не обличаетъ его естественнаго родства и въ немъ символы для положенія голосового снаряда и для формы звуковой трубки другъ отъ друга не отдѣлены. Этимъ затрудняется пониманіе алфавита, и для фонетической транскрипціи требуется чрезвычайно много знаковъ». Къ означенному различенію должно бы стремиться при улучшеніи алфавитовъ. Это былъ бы, продолжаетъ авторъ, «естественный успѣхъ въ ходѣ развитія алфавитики. Отъ знаковъ, которые нѣкогда изображали цѣлыя слова, перешли къ такимъ, которые представляли слоги, а отъ этихъ къ буквамъ. Для цѣлей же науки анализъ долженъ пойти еще дальше, и то, что означаетъ отдѣльная буква, должно разлагаться на свои факторы» (Тамъ же, стр. 124).

находится нынче правописаніе бо́льшей части образованныхъ народовъ, и вездѣ повторяется почти одно и то же явленіе: въ правописаніи сознаются бо́льшія или меньшія несообразности, разногласія, противорѣчія, и многіе стараются объ устраненіи ихъ тѣми или другими способами.

Чтобъ имѣть возможность основательнѣе судить о нашемъ правописаніи, взглянемъ напередъ на развитіе и состояніе ороографіи у главныхъ европейскихъ народовъ, при чемъ, разумѣется, будемъ останавливаться только на такихъ обстоятельствахъ, которыя могутъ быть и для насъ интересны и поучительны.

Ороографическій вопросъ у культурныхъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ.

а) У нѣмцевъ.

Въ Германіи до Якова Гримма господствовало, съ незначительными разнорѣчіями, общепринятое традиціонное правописаніе, которое однакожъ постепенно упрощалось[1]. Гриммъ, вникая въ законы и исторію языка, нашелъ въ этомъ правописаніи много невѣрнаго и непослѣдовательнаго, и съ 1820-хъ годовъ сталъ вводить коренныя измѣненія. Такъ онъ на мѣсто ломанаго готическаго шрифта началъ употреблять круглый латинскій, отбросилъ большія буквы, не только въ началѣ существительныхъ именъ (кромѣ собственныхъ), но и послѣ точки, опредѣлилъ случаи употребленія разныхъ способовъ для означенія долгихъ гласныхъ (удвоеніе ихъ, вставка **e** послѣ **i** или вставка согласной **h**), постановилъ правила для начертаній **ss** и **sz** и проч. Съ теченіемъ времени Я. Гриммъ находилъ между учеными болѣе и болѣе послѣдователей, и образовалась такъ называемая *историческая* школа письма. Главное ея правило было: пиши сообразно съ историческимъ развитіемъ звуковъ языка. Но какъ трудно

---

[1] Нѣкогда, въ 16-мъ столѣтіи, писали vnndt, thuoch, jhedenn вм. нынѣшнихъ: und, Tuch, jeden и проч. И еще не такъ давно начертанія verlohren, Bluhme, wohl, Seegen, Schaaf, loos и т. д. уступили мѣсто простѣйшимъ: verloren, Blume, wol, Segen, Schaf, los.

ввести на новыхъ началахъ послѣдовательное правописаніе, доказывается тѣмъ, что самъ Гриммъ не могъ во всѣхъ случаяхъ строго выдержать своей системы и не рѣшался примѣнять ее безусловно. При всей сознательности своихъ началъ, онъ никогда не могъ усвоить себѣ въ частностяхъ вполнѣ послѣдовательное, постоянное правописаніе и до конца жизни колебался въ начертаніи множества словъ, которыя писалъ различно не только въ разныя эпохи, но въ одномъ и томъ же сочиненіи, на близкомъ разстояніи, иногда на одной и той же страницѣ. Сознаніе трудности достигнуть въ этомъ дѣлѣ строгой послѣдовательности было, кажется, причиною, почему Гриммъ избѣгалъ въ печати объясненій на счетъ своей орѳографіи и не написалъ объ ней ничего цѣльнаго, довольствуясь одними отрывочными замѣчаніями въ своей грамматикѣ и другихъ сочиненіяхъ. Болѣе отчетливо по этому предмету выразился онъ только въ предисловіи къ своему словарю. Послѣ смерти Гримма (1863) стали появляться особыя монографіи о его правописаніи. Наиболѣе подробно разсмотрѣно оно въ гэттингенской брошюрѣ г. Андресена[1], который имѣлъ терпѣніе прослѣдить въ этомъ отношеніи всѣ труды Я. Гримма, изучить всѣ основанія его орѳографіи и отмѣтить всѣ случаи, въ которыхъ онъ самъ отступалъ отъ нихъ. Въ дополненіе къ этой брошюрѣ г. Михаэлисъ въ Берлинѣ разсмотрѣлъ тотъ же предметъ въ публичномъ чтеніи, которое потомъ было напечатано[2]. Изъ этихъ двухъ брошюръ и множества другихъ, занимающихся этой стороной языка самостоятельно, видно, какъ многочисленны и многообразны спорные вопросы нѣмецкаго правописанія. Оттого въ современной нѣмецкой литературѣ трудно найти двѣ книги, которыя по правописанію были бы совершенно сходны между собою[3].

---

[1] Ueber J. Grimms orthographie, von K. G. Andresen. Gœttingen 1867.

[2] Ueber J. Grimms Rechtschreibung. Berlin 1868.

[3] «Нынче всякій, кто хочетъ прослыть нѣмецкимъ филологомъ, долженъ имѣть по крайней мѣрѣ свою собственную орѳографію, говоритъ г. Таузингъ, рѣзко осуждая нововведенія своихъ соотечественникôвъ. См. названное выше сочиненіе его, стр. 122.

Какъ часто случается, ученики Гримма (особенно гг. Вейнгольдъ и Андресенъ) пошли еще далѣе его. Опираясь на законы развитія звуковъ, они стали проводить не только такія измѣненія письма, которыя передаютъ въ другомъ видѣ тѣ же звуки, но и такія, которыя, во множествѣ словъ, влекутъ за собою новое произношеніе: слѣдовательно дѣло шло уже объ измѣненіяхъ не въ одномъ правописаніи, но и въ самомъ языкѣ. Напр. доказывали, что вмѣсто lügen, betrügen, schöpfer, erschöpfen, ereigniss, надобно писать и говорить: liegen, betriegen, schepfer, erschepfen, eräugnis. Къ числу такихъ послѣдователей Гримма принадлежалъ и покойный Шлейхеръ, который не признавалъ между прочимъ надобности означать долготу слога вставкою буквы h и писалъ напр. вм. ihm, ihn, просто im, in, не отличая этихъ мѣстоименныхъ формъ отъ предлога in съ краткимъ i.

Такія нововведенія вызвали множество споровъ, и составилась обширная литература по вопросу о правописаніи. Всего замѣчательнѣе то, чтó высказалъ эрлангенскій профессоръ Рудольфъ Раумеръ въ цѣломъ рядѣ статей, касающихся этого предмета[1]. Онъ убѣдительно развилъ, къ какимъ нелѣпымъ послѣдствіямъ привело бы правописаніе крайнихъ послѣдователей Гримма, и называетъ эту школу — *новоисторическою* въ отличіе отъ *древнеисторической*. Послѣднимъ названіемъ означаетъ онъ такое письмо, какъ напр. англійское, гдѣ, вопреки постепенному измѣненію звуковъ, начертанія остаются прежнія, такъ что происходитъ рѣзкій разладъ между письмомъ и произношеніемъ, но живая рѣчь не измѣняется вслѣдствіе письма. Что же касается до традиціоннаго нѣмецкаго правописанія, то Раумеръ ясно показалъ, что оно, несмотря на всѣ свои несовершенства, есть преимущественно фонетическое письмо, передающее, хотя далеко не во всѣхъ случаяхъ и не всегда послѣдовательно, про-

[1] См. его Gesammelte sprachwissenschaftliche Schriften, на которыя я уже часто ссылался, особенно статью: Das Princip der d. Rechtschreibung, стр. 118 и д.

изношеніе образованнаго языка[1]. Поэтому онъ стоитъ за сохраненіе въ сущности старинной орѳографіи съ нѣкоторыми только преобразованіями, къ числу которыхъ особенно относитъ большее единообразіе въ отличеніи долгихъ гласныхъ отъ краткихъ. Однакожъ доводы Раумера убѣдили далеко не всѣхъ, и въ Германіи нынче господствуютъ двѣ главныя системы правописанія, со множествомъ оттѣнковъ и различій въ каждой: въ большей части ученыхъ сочиненій, особенно филологическихъ, держатся историческихъ началъ, впервые провозглашенныхъ Гриммомъ, пишутъ латинскимъ шрифтомъ и избѣгаютъ большихъ буквъ; вообще же, въ литературѣ и въ общежитіи, слѣдуютъ принятому издавна правописанію съ тѣми или другими отступленіями въ частностяхъ. Безпрестанно издаваемыя брошюры по этому предмету свидѣтельствуютъ объ общей потребности въ улучшеніи дѣла. Въ разныхъ городахъ бываютъ учительскіе съѣзды для соглашенія относительно орѳографіи, и результаты ихъ печатаются[2]. Съ другой стороны, и правительства отдѣльныхъ государствъ (напр. Виртемберга) издаютъ иногда обязательныя для училищъ и офиціальныхъ учрежденій правила правописанія; но все это до сихъ поръ не привело еще къ общему объединенію нѣмецкаго письма. Несмотря на то, можно ожидать, что тщательное обсужденіе дѣла мало по малу приведетъ пишущій міръ къ большему

---

[1] Съ этимъ впрочемъ несогласны многіе весьма уважаемые знатоки языка: такъ Шлейхеръ находитъ, что нынѣшнее нѣмецкое письмо — ни историческое, ни фонетическое, и «носитъ отпечатокъ случайнаго произвола» (Die deutsche Sprache, Stuttgart 1860. Стр. 170).

[2] Между прочимъ такая брошюра издана въ Берлинѣ, вслѣдствіе рѣшенія вопросовъ на съѣздѣ по большинству голосовъ, подъ заглавіемъ: Regeln und Wörterverzeichniss für deutsche Orthographie. Herausgegeben («auf Grundlage des Usus») von dem Verein der Berliner Gymnasial- und Realschullehrer. Разборъ этой книги — въ Beilage zur Allgemeinen Zeitung 1871, № 342. Ср. National-Zeitung, № 576, Beiblatt: «Die deutsche Rechtschreibung, eine Nationalfrage». Также: Zeitschrift für das Gymnasialwesen 1871, Juni. — Кстати замѣтимъ, что вслѣдствіе учебной реформы, предпринятой графомъ Туномъ въ Австріи, эта страна сдѣлалась по преимуществу ареной орѳографической борьбы, и введеніемъ новыхъ руководствъ по языку споръ преждевременно занесенъ въ среднія и народныя училища (Lefmann).

согласію. Въ числѣ нѣмецкихъ брошюръ этого содержанія за послѣдніе годы особеннаго вниманія заслуживаетъ напечатанная въ Берлинѣ г. Лефманомъ[1]. По его замѣчанію, въ истекшее десятилѣтіе убѣжденіе въ необходимости реформы проникло въ обѣ противоположныя партіи, и между людьми мыслящими осталось уже не много приверженцевъ неизмѣнной старины, утверждающихъ, будто историческая грамматика вызвала еще бо́льшую противъ прежняго путаницу въ письмѣ. Въ послѣднее время уже и началось нѣкоторое примиреніе между строгою теоріей и разумною практикой: фонетика должна допускать то, чего исторія требуетъ не на счетъ живого языка; а историкъ не долженъ трогать того, что́ въ употребленіи языка твердо установилось. Г. Лефманъ ставитъ требованіе: «пиши такъ, какъ ты правильно говоришь». Правильно же говорить, по его мнѣнію, значитъ не только говорить безъ всякаго вліянія діалектовъ, но говорить исторически-правильно, т. е. такъ, какъ требуетъ законное развитіе языка не въ одномъ сочетаніи словъ и предложеній, но и въ звуковомъ отношеніи. Односторонняя фонетика не имѣетъ почвы въ письмѣ, односторонніе историки не признаютъ ограниченій, предписываемыхъ живымъ языкомъ: только взаимное проникновеніе обоихъ элементовъ, какъ соотношеніе языка и письма между собою, можетъ привести къ надежнымъ и твердымъ правиламъ. Шлейхеръ, основываясь на улучшеніяхъ, которыя въ нѣмецкомъ письмѣ можно прослѣдить чуть не по десятилѣтіямъ, находилъ неразумнымъ отказаться отъ надежды на совершенное, хотя и медленное исправленіе его въ далекомъ будущемъ[2]. Въ 1876 году въ Германіи было опять сильное движеніе по вопросу о введеніи единообразнаго правописанія. На

---

[1] Dr. S. Lefman. Ueber deutsche Rechtschreibung. Berlin 1871. — Это одинъ изъ выпусковъ изданія: Sammlung gemeinverständlicher wissenschaftlicher Vorträge. VI Serie, Heft 129.

[2] Die deutsche Sprache, стр. 172: «Какъ уже покончили съ vnndt и другими чудищами, такъ справятся и съ знакомъ протяженія h, съ удвоеніемъ гласныхъ, съ ie и другими менѣе значительными безобразіями, которыя теперь еще торжествуютъ въ нашемъ письмѣ».

этотъ разъ попытка была сдѣлана прусскимъ министромъ просвѣщенія (г. Путкаммеромъ): учреждена особая комиссія и въ нее приглашенъ Рудольфъ Раумеръ, о трудахъ котораго по орѳографіи мы недавно упоминали. Однакожъ составленный имъ проектъ оказался неудобнымъ, и комиссія выработала свои правила, которыя были утверждены министромъ и опубликованы. Но ввести эти правила въ общую практику было не во власти его. Послѣдовало соглашеніе по нѣкоторымъ пунктамъ, но, вообще говоря, результатъ всѣхъ толковъ, статей и брошюръ, вызванныхъ этою мѣрой, былъ ничтожный[1]. Въ послѣдніе годы появился журналъ Zeitschrift für Orthographie.

б) У англичанъ.

Въ Англіи мы видимъ примѣръ правописанія, въ полномъ смыслѣ историческаго. Тамъ старинные письменные знаки остаются въ ходу, какъ бы ни противорѣчило имъ измѣняющееся произношеніе, даже то, которое считается образованнымъ и правильнымъ. Начертанія большинства словъ представляютъ условное изображеніе звукового цѣлаго почти независимо отъ отдѣльныхъ элементовъ, изъ которыхъ оно состоитъ. Это— въ нѣкоторомъ смыслѣ по-словное, а не звуковое письмо. Кто пишетъ Glocester, Brougham, colonel, а произноситъ Gloster, Brum, körnel, тотъ, значитъ, вовсе не желаетъ письмомъ выражать звуки своей рѣчи, а довольствуется графическими образами словъ, которые посредствомъ глаза сообщаютъ уму соотвѣтствующее понятіе; кáкъ ихъ перелагать на живую рѣчь, это предоставляется традиціи и памяти[2]. Одинъ и тотъ же звукъ изображается самыми различными знаками; каждая гласная, а иная и согласная имѣютъ по нѣскольку звуковъ, и нѣтъ положительныхъ правилъ, которыя бы каждый разъ опредѣляли произношеніе буквъ. Такъ

[1] См. между прочимъ въ берлинской National-Zeitung 1880 г., 16-го марта, передовую статью: Die deutsche Rechtschreibung.

[2] Raumer. Gesam. sprachwiss. Schriften, 215 и д.

напр. snow, low выговариваются sno, lo, a bow, low, слышатся какъ bou, lou; bear произносится ber, a hear — hir и т. д. Оттого первоначальное обученіе грамотѣ нигдѣ не представляетъ такихъ трудностей какъ въ Англіи, и этому въ значительной мѣрѣ приписывается большое число неграмотныхъ людей между Англичанами[1]. Ученый Эллисъ горько сѣтуетъ, что его соотечественники слишкомъ дорого поплатились за пріобрѣтенное ими единообразное письмо, именно: утратили знаніе, какъ говорили ихъ предки, лишились возможности означать на письмѣ нынѣшнее свое произношеніе и создали неисчислимыя затрудненія читающему и пишущему на ихъ языкѣ[2]. Знаменитый филологъ Вильямъ Джонсъ, положившій начало изученію санскрита въ Европѣ, замѣтилъ, что несовершенство англійскаго письма доходитъ до безобразія и почти до смѣшного[3].

Въ послѣднія триста лѣтъ было въ Англіи не мало опытовъ преобразованія ороографіи (spelling-reform), и между нововводителями встрѣчаются почтенныя имена; но всѣ эти попытки до сихъ поръ оставались безуспѣшными. Самая сильная агитація въ пользу фонетическаго письма началась въ 1843 году въ Бирмингамѣ; тамъ нѣкто Гиллъ (Hill) пожертвовалъ съ этою цѣлью значительный капиталъ (phonetic fund) и учредилъ школу; въ память чего, въ названномъ городѣ ежегодно дается фонетическій праздникъ. Въ то же время въ Батѣ (Bath) основанъ былъ *Фонети-*

---

[1] «Когда у какого-нибудь народа господствуетъ историческое письмо, то и тотъ, кто растетъ въ образованномъ кругу, кто къ изученію грамоты приступаетъ съ правильнымъ выговоромъ, долженъ усвоить себѣ почти новый языкъ, — письменный. Но онъ все еще счастливъ тѣмъ, что знаетъ по крайней мѣрѣ, какъ слово звучитъ, хотя и долженъ особо выучиться, какъ писать его. Тотъ же, который первые годы провелъ въ необразованномъ кругу, долженъ выучиться двумъ языкамъ. До сихъ поръ онъ говорилъ на своемъ нарѣчіи, болѣе или менѣе отличающемся отъ образованнаго произношенія; теперь онъ долженъ разомъ запоминать, какъ слово звучитъ и какъ оно пишется». (K. Panitz. Das Wesen der Lautschrift. Weimar 1865. стр. 34, 35).

[2] A. J. Ellis. On early english pronunciation. Hertford 1869. Стр. 22.

[3] «Our english alphabet and orthography are disgracefully and almost ridiculously imperfect». W. Jones, *Works*. III, 269.

ческій Журналъ, до сихъ поръ издаваемый. Ревностными поборниками новаго письма сдѣлались вскорѣ Исаакъ Питманъ и Эллисъ, придумавшіе для этого дѣла разныя измѣненія и дополненія въ азбукѣ: по ихъ системѣ уже и напечатано множество книгъ и брошюръ; особенно религіозныхъ, для народнаго чтенія. Въ 1862 году было въ Англіи шесть журналовъ съ чисто-фонетическимъ письмомъ. Нѣкоторые нововводители довольствуются менѣе рѣзкими перемѣнами, давая только существующимъ уже буквамъ болѣе опредѣленное значеніе, чтобы такимъ образомъ сообщить англійскому письму ту же послѣдовательность, какою, по ихъ мнѣнію, отличается французская орѳографія. Таковъ характеръ «аналогической» системы Эдуарда Джонса, которая не такъ давно обсуждалась на съѣздѣ въ Ливерпулѣ. Но противъ него возсталъ Эллисъ, доказывая, что всѣ попытки частныхъ измѣненій ни къ чему не приведутъ и что если разъ предпринимать реформу, то надобно возстановить древнее фонетическое начало, господствовавшее до войнъ обѣихъ Розъ. Наконецъ еще проектъ преобразованія письма принадлежитъ Денби Фрею, который, подобно другимъ умѣреннымъ реформаторамъ, пользуется имѣющимися уже буквами почти безъ всякихъ прибавленій, но считаетъ нужнымъ во многихъ случаяхъ ввести болѣе точные способы изображенія звуковъ. Его мысль — установить послѣдовательное, отчасти фонетическое правописаніе, съ соблюденіемъ, по мѣрѣ возможности, этимологическаго элемента[1]. Послѣднее условіе, по мнѣнію Макса Мюллера, не составляетъ существенной надобности для орѳографіи. «Произношеніе языковъ, говоритъ онъ, измѣняется по опредѣленнымъ законамъ, а правописаніе передѣлываютъ самымъ произвольнымъ образомъ, такъ что если бъ наша орѳографія строго согласовалась съ выговоромъ словъ, то на дѣлѣ она оказала бы будущему изслѣдователю языка болѣе пользы, нежели нынѣшній неточный и ненаучный способъ письма»[2]. М. Мюллеръ не отчаивается, что

[1] Transactions of the Philological Society 1870—72.

[2] Max Müller-Böttger. Vorlesungen. II Serie. Leipzig 1866. Стр. 92.

13*

старанія Питмана черезъ нѣсколько поколѣній увѣнчаются успѣхомъ; однакожъ, судя по прошлому и по примѣру другихъ странъ, можно въ томъ усомниться. Совсѣмъ иначе смотритъ на эти нововведенія Витней. «Неимовѣрна, говоритъ онъ, сила сопротивленія перемѣнамъ, присущая великому народному дѣлу, связанному съ интересами цѣлаго общества и составляющему часть помысловъ и привычекъ каждаго... Какъ осмѣяны и опозорены были тѣ, которые въ послѣднее время думали произвести по нѣкоторымъ пунктамъ весьма желательныя для всѣхъ улучшенія въ англійскомъ правописаніи» [1]. При всѣхъ недостаткахъ настоящаго письма, нельзя однакожъ не признать за нимъ того великаго преимущества, что оно твердо установилось и принято всею націею: преобразованіе его не могло бы совершиться безъ долговременныхъ колебаній, розни и путаницы. Притомъ, вотъ еще важное соображеніе, высказанное г. Эрлемъ противъ введенія въ Англіи фонетическаго письма: «Какъ скоро вы рѣшаетесь въ точности изображать письмомъ звуки, вы ставите на первый планъ то, что̀ до сихъ поръ оставалось почти незамѣченнымъ,—великое разномысліе, какое существуетъ относительно правильнаго произношенія многихъ словъ» [2]. Дѣйствительно, при этомъ обстоятельствѣ задача нововводителей дѣлается почти неразрѣшимою.

в) У французовъ.

Французское правописаніе представляетъ отчасти тѣ же недостатки, какіе мы видѣли въ англійскомъ; но оно образовалось совершенно инымъ путемъ. Въ немъ также многіе звуки изображаются разными способами, и часто однѣ и тѣ же буквы произносятся различно; въ немъ также множество несообразностей, непослѣдовательностей, противорѣчій; но все это произошло не отъ того, что на письмѣ удержались начертанія, означающія прежній выговоръ, а вслѣдствіе ученыхъ соображеній: француз-

[1] W. D. Whitney. Language and the study of language. London 1867. Стр. 44.
[2] J. Earle. The philology of the english tongue. Oxford 1873. Стр. 180.

ская орѳографія развилась по большей части искуственнымъ образомъ и должна быть названа не *исторической*, а развѣ *этимологической*, хотя принципъ словопроизводства проведенъ въ ней далеко не всегда послѣдовательно и правильно. По выраженію Литтрé (въ предисловіи къ его словарю), у французовъ письмо и произношеніе — двѣ силы, которыя въ постоянной между собою борьбѣ. Французскій письменный языкъ произошелъ частью отъ латинскаго, частью же и отъ тѣхъ живыхъ народныхъ нарѣчій, которыя, съ сильною примѣсью латыни, издревле господствовали въ разныхъ мѣстностяхъ Галліи. До 16-го столѣтія, пока у французовъ школьное дѣло было еще слабо развито и еще не было грамматикъ, всякій писалъ конечно по собственному разумѣнію, руководствуясь преимущественно выговоромъ. До 13-го вѣка господствовало фонетическое правописаніе: «тогда, говоритъ Рау́, буквы служили для изображенія звуковъ, а не для хвастливаго щегольства лингвистическою ученостью»[1]. Позднѣе, со введеніемъ древнихъ алфавитовъ, нѣмыя, праздныя буквы стали вкрадываться между фонетическими. Когда же распространилось книгопечатаніе, когда размножились школы и стали появляться грамматики и словари, а въ то же время утвердился и авторитетъ греко-римскаго образованія, грамотные люди начали болѣе прежняго соображаться съ латинскими начертаніями и плодить на письмѣ лишнія буквы, напр. писать: teste, honneste, debvoir, febvrier, nuict, escripture. Тогда же обнаружилось однако и сильное противодѣйствіе этому направленію, и съ тѣхъ самыхъ поръ рядъ поборниковъ фонетическаго письма, отчасти знаменитыхъ писателей, не прекращается во Франціи до нашего времени.

Въ серединѣ 17-го столѣтія грамматика Поръ-Рояля предлагала, для соглашенія письма съ выговоромъ, слѣдующія разумныя правила:

1. Всякое начертаніе должно означать какой-нибудь особый звукъ, т. е. не надобно писать ничего такого, чтó бы не произносилось.

[1] Ed. Raoux. Orthographe rationnelle et écriture phonétique. Paris 1865.

2. Всякій звукъ долженъ быть означенъ особымъ начертаніемъ, т. е. не слѣдуетъ произносить ничего, что не написано.

3. Всякое начертаніе должно изображать одинъ звукъ, простой или двойной.

4. Одинъ и тотъ же звукъ не долженъ быть означаемъ различными начертаніями.

Эти правила никогда не могли однакожъ сдѣлаться господствующими во Франціи, и вопреки имъ этимологическое письмо рѣшительно утвердилось послѣ изданія, въ 1694 году, словаря Французской академіи, основанной лѣтъ за 60 до того (1635). Ни для какой націи авторитетъ подобнаго учрежденія не могъ имѣть такого вѣса, какъ для французовъ, трезвый и точный умъ которыхъ во всемъ ищетъ строгой опредѣлительности и мѣры.

Напрасно впрочемъ думаютъ, будто эта академія сама взяла на себя рѣшеніе a priori всѣхъ относящихся до языка вопросовъ; опасаясь той же неудачи, какая обыкновенно постигаетъ частныхъ *неографовъ* (нововводителей въ дѣлѣ правописанія), она весьма осторожно придерживалась обычая, этого могущественнаго руководителя, который во Франціи имѣетъ свое исключительное значеніе, этого usage, передъ которымъ благоговѣютъ и преклоняются какъ передъ какою-то высшею силой. Академію не разъ упрекали въ томъ, что она мало пользовалась своимъ правомъ узаконять языкъ и, довольствуясь однимъ утвержденіемъ общепринятаго или наиболѣе распространеннаго употребленія, позволяла себѣ только частныя, болѣе или менѣе маловажныя измѣненія и сокращенія въ отдѣльныхъ словахъ. Такимъ образомъ и въ словарѣ 1694-го года академія, слѣдуя господствовавшему направленію, дала перевѣсъ письму, основанному на знаніи латинскихъ и греческихъ формъ, и допустила только кое-какія упрощенія въ начертаніяхъ. Члены, желавшіе болѣе радикальныхъ измѣненій, какъ Корнель и Боссюэ, остались въ меньшинствѣ. И въ послѣдующихъ пяти изданіяхъ своего словаря академія медленно сдавалась на улучшенія орѳографіи, которыя проглядывали въ печати, какъ отступленія отъ преобладавшей рутины.

Замѣчательно между прочимъ, что Французская академія, не ранѣе какъ въ 1835 году, т. е. въ позднѣйшемъ изданіи этого словаря, наконецъ безусловно приняла вольтеровское правописаніе, т. е. **ai** вмѣсто **oi**, въ такихъ словахъ, какъ français, avait (начертаніе, которое впрочемъ не Вольтеръ первый придумалъ). Нѣкоторыя другія нововведенія этого же писателя не были приняты академіей и остались однѣми попытками. Для насъ поучительно между прочимъ его стараніе писать взятыя съ греческаго слова по выговору, безъ лишняго груза чужихъ буквъ (напр. **th**, **ph**, **y**); такъ онъ писалъ: philosofe и даже filosofe, enciclopédie, tipografe, téologie, métafisique, tèse, historiografe, bibliotèque. Введеніе подобныхъ начертаній для греческихъ словъ находило многихъ защитниковъ еще съ 16-го столѣтія. Ронсаръ соглашался сохранить *y* (ижицу) только для собственныхъ именъ греческой миѳологіи и исторіи (Téthys, Ulysse); въ словахъ же, давно получившихъ въ языкѣ право гражданства, гдѣ слышится чистый звукъ *i* (abyme, cygne, lyre и даже Nymphe), онъ не хотѣлъ означать его этимъ «ужаснымъ крючкомъ *y*»: «я того мнѣнія, говорилъ онъ (если мой умъ чего-нибудь да стóитъ), что когда такія греческія слова давно живутъ во Франціи, то надо принимать ихъ въ нашу родню и писать ихъ просто съ французскимъ **i**, чтобъ показать, что они свои, а не чужія; ибо кто не догадается тотчасъ же, что Sibille, Cibelle, Cipris, Ciclope, Nimphe, lire — по природѣ греческія или по крайней мѣрѣ пришлыя, но усыновленныя французами, хотя они не будутъ означены этимъ пиѳагоровскимъ пугаломъ». Въ томъ же духѣ и Вожля́ (Vaugelas) говорилъ: «Уважаю почтенную древность и мнѣнія ученыхъ, но не могу не согласиться съ той неоспоримой истиной, что всякій языкъ *долженъ быть у себя хозяиномъ*». Академія подтвердила вѣрность этого довода, но только въ отношеніи къ нѣкоторымъ словамъ; такъ она давно уже пишетъ: fantôme, fantaisie, frénétique (безъ **ph**), trône, trésor (безъ **th**), но она же во множествѣ другихъ случаевъ пишетъ **ph** и **th**, даже въ словахъ одного съ приведенными корня.

Нѣкоторыя поразительныя непослѣдовательности французскаго письма вызываютъ и нынѣ частыя попытки преобразованій; не проходитъ года, чтобы во Франціи не явилось одной или нѣсколькихъ книгъ объ упрощеніи письма, но большая ихъ часть грѣшатъ тѣмъ, что стремятся къ слишкомъ крутымъ нововведеніямъ, начиная съ передѣлки самой азбуки или предлагая писать безъ всякаго вниманія къ грамматикѣ или установившемуся обычаю (напр. il fo s'antr'ede mutuelleman [1]). Такія попытки никогда не могутъ имѣть успѣха, тѣмъ болѣе что онѣ противны самымъ свойствамъ французскаго языка, гдѣ вслѣдствіе давнишнихъ усѣченій столько словъ различнаго смысла произносятся совершенно одинаково (напр. слова: cinq, saint, sain, sein, ceint, seing) и многія грамматическія измѣненія означаются только на письмѣ (напр. ед. число il cherche, множ. ils cherchent ничѣмъ не различаются въ выговорѣ), а притомъ вошедшее въ обычай сліяніе конечной согласной одного слова съ начальною другого (il-z-aiment) объясняется только воздѣйствіемъ письма на живую рѣчь. Поэтому естественно, что ревнители безусловной фонетической реформы часто подвергаются обсужденію и насмѣшкамъ со стороны людей разсудительныхъ [2].

Можно впрочемъ назвать нѣсколько трудовъ, заявляющихъ болѣе разумныя требованія. Такъ г. Бернаръ Жюльенъ (Jullien) указываетъ на умѣренныя и постепенныя поправки, которыя были бы желательны въ нынѣшнемъ французскомъ письмѣ. Онъ справедливо замѣчаетъ, что если поборники безусловно фонетическаго правописанія хотятъ быть вполнѣ послѣдовательны, то они не должны отдѣлять на письмѣ одного слова отъ другого (такъ какъ въ живой рѣчи такое отдѣленіе незамѣтно), а установить развѣ только разстановку словъ по просодическимъ періодамъ рѣчи. «У насъ, говоритъ онъ, письмо есть настоящій руководитель пра-

[1] Такъ совѣтовалъ писать, въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, Marle, издатель Journal Grammatical.

[2] Напр. надъ «réforme orthographique» остроумно издѣвается Alfred Deavau въ своемъ предисловіи къ Dictionnaire de la langue verte, argots parisiens. Paris. 1867. Стр. XXII.

вильнаго произношенія въ хорошемъ обществѣ, и это одно показываетъ, какъ дурно знаютъ французскій языкъ тѣ, которые настаиваютъ на противоположномъ началѣ и думаютъ, что языки еще на той точкѣ, гдѣ они были до изобрѣтенія азбуки». Въ томъ же смыслѣ другой защитникъ умѣренной реформы пишетъ: «Конечно, если-бъ дѣло шло единственно о томъ, чтобы необразованному народу, не имѣющему литературнаго прошлаго, быстро сообщить умѣніе читать и писать по-французски, то фонетическая метода доставила бы большую пользу; но народъ, обладающій восьмивѣковою литературой, не можетъ не видѣть въ каждомъ своемъ словѣ и даже въ слогахъ его какъ бы нераздѣльную часть своей умственной исторіи: перевернуть все наше письмо вверхъ дномъ значило бы разорвать непрерывную цѣпь преданій, которыя создали духъ націи».

Авторъ этихъ строкъ, г. А. Фирменъ Дидó (A. F. Didot), типографщикъ Французской академіи, къ которому эта должность перешла наслѣдственно отъ отца и дяди, написалъ въ 1860-хъ годахъ объемистый томъ, уже имѣвшій два изданія, подъ заглавіемъ: *Observations sur l'orthographe ou ortografie française*[1], — конечно самый основательный трудъ по этому предмету, откуда и почерпнута большая часть сообщаемыхъ здѣсь свѣдѣній по исторіи французскаго правописанія. Разсмотрѣвъ всѣ недостатки его и указавъ на средства къ ихъ исправленію, г. Дидó приглашаетъ академію внести предлагаемыя имъ измѣненія въ предпринятое ею новое изданіе словаря. По его мнѣнію, она и въ прежнее время недостаточно пользовалась своимъ авторитетомъ; иначе французская ороографія давно могла бы сдѣлаться совершеннѣе. Происходившія между академиками разногласія по вопросамъ этого рода часто вынуждали ученое собраніе предоставлять рѣшеніе ихъ кому-нибудь одному, и коллективный трудъ, рѣдко приводящій къ результату вполнѣ удовлетворительному, превращался въ единоличный; окончательное же соглашеніе остававшихся въ ру-

[1] Напечатано въ Парижѣ; 2-е изданіе 1868 г.

кописяхъ разнорѣчій зависѣло отъ усмотрѣнія типографщиковъ и корректоровъ, которымъ въ дѣлѣ правописанія (говоритъ г. Дидо́) писатели иногда бываютъ болѣе обязаны, чѣмъ самимъ себѣ. Главные недостатки французской орѳографіи, выставляемые г. Дидо́, заключаются въ томъ, что въ совершенно сходныхъ случаяхъ согласная въ серединѣ словъ то удвояется, то нѣтъ, что въ окончаніяхъ именъ пишутъ, безъ правильнаго этимологическаго основанія, **s** и **x**, tion и sion, ant и ent; иногда два слова, образующія одно понятіе, пишутся слитно, а въ другомъ совершенно однородномъ случаѣ только соединяются черточкой или оставляются отдѣльно, вовсе безъ знака соединенія. Мысли, изложенныя въ книгѣ г. Дидо́, были одобрены лучшими критиками, въ томъ числѣ покойнымъ Сентъ-Бевомъ, который также возлагалъ въ этомъ дѣлѣ большія надежды на академію. Правда, иногда слышатся голоса и противъ авторитета ея; напр. г. Жюльенъ выразилъ желаніе, «чтобы современное правописаніе было подчинено правильной системѣ, а не зависѣло отъ прихоти нѣсколькихъ академиковъ или отъ произвола корректоровъ той типографіи, гдѣ словарь печатался»; тѣмъ не менѣе сила этого традиціоннаго авторитета такъ велика, что самъ Литтре́, въ своемъ образцовомъ словарѣ, при всей самостоятельности своихъ взглядовъ, нигдѣ не рѣшился отступить отъ общеупотребительной, одобряемой академіею орѳографіи, и только въ частныхъ случаяхъ позволилъ себѣ теоретически критиковать ее. Напр. подъ словомъ Dessiller онъ замѣчаетъ, что академія предпочла дурное начертаніе хорошему (déciller)[1], но самъ повторяетъ ту же ошибку. При такихъ условіяхъ и дальнѣйшая судьба французскаго правописанія останется въ рукахъ академіи. Замѣчательно, что даже во время первой французской революціи, когда упразднена была эта корпорація и словарь вновь изданъ помимо ея, въ немъ одна-

---

[1] «*Dessiller* est une mauvaise orthographe, puisque le mot vient de *cil*. L'académie l'a préférée à la bonne (*déciller*), qu'elle consigne pourtant à son rang alphabétique et qu'elle abandonne pour suivre une vicieuse tradition». Что же мѣшало Литтре́ избрать противоположный путь?

кожъ строго соблюдена академическая орѳографія. Въ постоянствѣ такого начала есть одна хорошая сторона, именно твердо установленное, для всей націи обязательное единообразіе письма. Нельзя при этомъ не вспомнить замѣчанія Раумера, что правописаніе хотя и не вполнѣ удовлетворительное, но общепринятое во всей странѣ, заслуживаетъ предпочтенія передъ болѣе совершеннымъ, если оно признается только нѣкоторою частью народа и тѣмъ вызываетъ новый, вовсе нежелательный разладъ[1].

г) У остальныхъ романскихъ народовъ.

Совсѣмъ въ другомъ положеніи орѳографія остальныхъ романскихъ народовъ. Италіянцы, испанцы и португальцы успѣли сообщить своему письму въ высокой степени звуковой характеръ. Этимъ впрочемъ языки ихъ обязаны не однимъ благопріятнымъ внѣшнимъ обстоятельствамъ, но главнымъ образомъ своему внутреннему строю. Они гораздо болѣе французскаго близки къ латинскому, и по своей вокальности не нуждаются въ этимологическихъ знакахъ для уясненія глазу состава словъ. Возьмемъ для примѣра звукъ **san**, который во французскомъ языкѣ пишется на столько разныхъ ладовъ для показанія различныхъ его значеній (cent, sang, sans, sens, sent, s'en); въ италіянскомъ соотвѣтствующія слова въ самомъ произношеніи явственно отличаются одно отъ другого и пишутся согласно съ нимъ: cento, sangue, senza, senso, sente, se ne. Такихъ примѣровъ можно бы привести множество. Точно такъ же и различіе окончаній при спряженіи глаголовъ ясно слышится уже въ живой рѣчи: французы произносятъ многіе глаголы одинаково въ един. и во множ. числѣ: il trouve, ils trouvent; итальянцы говорятъ: egli trova, eglino trovano. Вотъ почему послѣднимъ легко было отказаться отъ историческаго письма, которое и у нихъ во многихъ случаяхъ нѣкогда господствовало; напр. писали: apto, octo, decto, а произносили: atto, otto, detto. Но грамматики 16-го столѣтія, особенно же

[1] Raumer. Gesam. sprachw. Schriften, стр. 138.

даровитый Lionardo Salviati, стали соглашать письмо съ произношеніемъ и, благодаря имъ, италіянская ороографія, за немногими исключеніями, сдѣлалась вполнѣ фонетическою, почему и считается образцовой. Основное начало своего преобразованія Сальвіати такъ выразилъ: «Истинное, первое и общее основаніе правильнаго письма въ томъ состоитъ, чтобы письмо слѣдовало выговору, такъ какъ оно не имѣетъ иной цѣли, а слѣдовательно и иной задачи, какъ изображать рѣчь для тѣхъ, до кого не доходитъ звукъ ея»[1].

Относительно испанскаго правописанія достаточно привести здѣсь краткія свѣдѣнія, сообщаемыя Р. Раумеромъ (стр. 147): «Въ Испаніи уже старѣйшій грамматикъ Антоніо де Небриха (около 1492 г.) главнымъ условіемъ хорошаго правописанія призналъ совершенное согласіе письменныхъ знаковъ съ звуками языка. Къ этой цѣли съ тѣхъ поръ и стремилось испанское правописаніе. Съ 1741 г. за это дѣло взялась основанная Филиппомъ V академія. Однакожъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія письмо испанцевъ представляло много неяснаго и двусмысленнаго. Поэтому Мадридская академія въ 1815 г. установила фонетическую орфографію, которая и принялась очень легко».

д) У скандинавскихъ народовъ.

Въ скандинавскихъ земляхъ господствуютъ два очень близкіе одинъ къ другому литературные языка: шведскій въ Швеціи и датскій въ Даніи и Норвегіи. Близость между ними обнаруживается особенно въ ихъ лексическомъ составѣ и синтактическомъ строѣ; въ звуковомъ же отношеніи оба языка значительно отличаются одинъ отъ другого: шведы сохранили древнюю фонетическую основу словъ въ гораздо большей чистотѣ нежели датчане, у которыхъ звуки, частью подъ вліяніемъ нѣмецкаго языка, подверглись разнороднымъ перемѣнамъ и искаженіямъ

[1] «Che la scrittura seguiti la pronunzia, vero, primo e general fondamento dello scriver correttamente». *Autori del bel parlare*. Venetia 1643. Vol. I del Cavalier Lionardo Salviati. Стр. 155. (По Раумеру).

(напр. шв. lag = дат. lov; шв. namn = дат. navn). Оба народа издавна разошлись въ своей исторіи, и естественно, что у каждаго изъ нихъ литературный языкъ, а съ нимъ и правописаніе развивались своимъ особеннымъ путемъ. Тотъ и другой первоначально употребляли готическое или ломаное («монашеское») письмо; у датчанъ оно только въ послѣднее время начало исчезать, тогда какъ шведы уже давно отъ него отказались. Въ подражаніе нѣмцамъ первые до сихъ поръ въ началѣ всякаго существительнаго имени ставятъ большую букву. Составъ шведской и датской азбуки почти одинъ и тотъ же; однакожъ есть въ каждой и свои особенности; напр. звукъ **о** по-шведски часто выражается буквою **å**, по-датски же двойнымъ **aa**; шв. **ä** = дат. **æ**; шв. **ö** = дат. *ø*; шведы звукъ нашего *в* между гласными изображаютъ посредствомъ **fv**, датчане употребляютъ одно **v.** Для долгаго гласнаго звука послѣдніе прибѣгаютъ къ удвоенію соотвѣтствующей буквы, чего шведы никогда не дѣлаютъ.

Развитіе шведскаго правописанія со времени введенія книгопечатанія и перевода библіи продолжалось, съ частыми измѣненіями и разными колебаніями, до конца прошлаго столѣтія, когда по основаніи Шведской академіи Густавомъ III (1786 г.) оно подъ вліяніемъ этого учрежденія прочнѣе установилось. Къ тому способствовали особенно труды двухъ академиковъ, знаменитыхъ поэтовъ Леопольда и Чельгрена (Kellgren), которые приняли главное участіе въ составленіи отъ имени академіи правилъ орѳографіи. Не смотря на свое поверхностное филологическое образованіе — общій недостатокъ того времени, — они выполнили свою задачу съ большимъ смысломъ и практическимъ тактомъ; но при незнакомствѣ съ древнимъ скандинавскимъ языкомъ и его звуковою системой, они конечно не могли избѣжать нѣкоторыхъ ошибокъ. Тѣмъ не менѣе, благодаря ихъ разумнымъ указаніямъ, въ шведской литературѣ утвердилось правописаніе, которое въ большей части случаевъ очень удачно примиряло фонетическій элементъ съ этимологическимъ.

Датская орѳографія установилась еще ранѣе, именно съ по-

ловины 18-го вѣка, и съ незначительными измѣненіями держалась въ томъ же видѣ до нашего времени. Но различіе той и другой было настолько велико, что сходство обоихъ языковъ затемнялось на письмѣ, тогда какъ звуковыя отличія не мѣшаютъ шведамъ, датчанамъ и норвежцамъ весьма легко понимать другъ друга въ живой рѣчи.

Желаніе устранить трудности письменныхъ сношеній и литературнаго обмѣна объединеніемъ шведской и датской орѳографіи давно выражалось съ обѣихъ сторонъ и было причиною, что знаменитый филологъ Раскъ въ 1826 году издалъ обширное ученое сочиненіе о датскомъ правописаніи[1]. Какъ знатокъ древненорвежскаго языка, онъ могъ говорить о предметѣ съ полнымъ разумѣніемъ дѣла. Для соглашенія орфографіи обоихъ языковъ, онъ предлагалъ отчасти замѣнить, отчасти дополнить нѣкоторыя датскія начертанія (**aa**, ø), шведскимъ (**å**, **ö**). Основнымъ же, верховнымъ началомъ всякаго письма онъ провозгласилъ произношеніе, а на второмъ планѣ поставилъ: а) обычай, б) происхожденіе словъ, и в) ясность начертаній (т. е. означеніе различія въ сходствѣ, какъ напр. у насъ *миръ* и *міръ*). Точка зрѣнія Раска лучше всего видна изъ слѣдующихъ словъ его изслѣдованія: «Правда, что устраненіе изъятій или ошибокъ обычая также можетъ производить временное броженіе или разногласіе; но это — неизбѣжное послѣдствіе всякаго улучшенія, такъ какъ поправки не могутъ быть приняты всѣми тотчасъ же, когда въ первый разъ предлагаются; итакъ надо или объявить путь ко всякому преобразованію навсегда загражденнымъ, или примириться съ такимъ неудобствомъ. Но въ такомъ колебаніи нѣтъ никакой бѣды, потому что оно составляетъ только переходъ отъ общепринятаго обычая къ правильному употребленію, которое само по себѣ ясно и несомнѣнно, слѣдовательно по справедливости скоро обратится также въ обычай. Только то, что уничтожаетъ основной законъ обычая, или

---

[1] Forsøg til en videnskabelig Dansk Retskrivningslaere, af R. Rask. Это сочиненіе занимаетъ весь I-й томъ журнала Tidsskrift for Nordisk Oldkyndighed. Kjøbenhavn 1826.

идетъ прямо наперекоръ ему, только то ведетъ къ запутанности и должно быть отвергаемо. Притомъ въ нашемъ (т. е. датскомъ) письмѣ уже господствуетъ такая шаткость, что часто одинъ и тотъ же авторъ, въ той же книгѣ, пишетъ то же самое слово различно. Итакъ колебаніе, происходящее отъ исправленія и опредѣленія обычая въ правописаніи родного языка, не нарушаетъ какого-либо существующаго единства, а ведетъ напротивъ къ основательному и потому прочному единообразію, — цѣли, которой едва ли и можно достигнуть инымъ путемъ. Поэтому я надѣюсь, что не слишкомъ оскорбляю обычай, когда, собирая и разбирая множество введенныхъ имъ и часто противорѣчащихъ другъ другу правилъ, дѣлаю между ними выборъ, при чемъ пользуюсь и трудами нашихъ лучшихъ лингвистовъ, не предлагая однакожъ какого-либо коренного преобразованія, чтобы установить порядокъ или построить систему въ этой наукѣ. Только такимъ образомъ, какъ мнѣ кажется, можно согласить противныя стороны, изъ которыхъ одна признаётъ главнымъ и высшимъ началомъ обычай, а другая вовсе не хочетъ знать или мало цѣнитъ его... Неоспоримо, что безъ вниманія къ обычаю ничего нельзя сдѣлать, но столь же вѣрно, что если не подчинить его разуму, то никогда теорія правописанія не будетъ достойна названія науки»[1].

Итакъ главною задачею Раска было возвести орѳографію на степень науки. Въ трудѣ его видно много учености, остроумія и трудолюбія, но цѣли своей онъ не достигъ. Хотя его ученіе вначалѣ и нашло довольно большое число послѣдователей, особенно между молодыми филологами, уважавшими авторитетъ Раска, но мало по малу прежняя орѳографія, по старой привычкѣ, и въ ихъ средѣ стала одерживать верхъ. Впрочемъ, конечно, нѣкоторыя изъ его нововведеній все-таки являлись въ печати, и единство правописанія было нѣсколько нарушено. Дѣло еще болѣе запуталось, когда въ 1840-хъ годахъ замѣчательнѣйшій изъ учениковъ Раска, извѣстный Петерсенъ, захотѣлъ провести хотя нѣкоторыя

[1] См. тамъ стр. 96 и 97.

изъ неудавшихся предположеній своего предшественника. Между тѣмъ развивалась идея о братствѣ скандинавскихъ народовъ, а съ нею вскорѣ соединилась и мысль, что для содѣйствія литературному единенію должны собраться представители всѣхъ трехъ странъ на совѣщаніе о введеніи въ нихъ болѣе сходнаго правописанія. Главнымъ поборникомъ этой мысли сдѣлался профессоръ университета въ Христіаніи по каѳедрѣ исторіи, покойный До (Daa). По поводу предстоявшаго въ 1869 году національно-экономическаго съѣзда въ Стокгольмѣ положено было заняться на немъ и орѳографическимъ вопросомъ. Въ Копенгагенѣ, въ Упсалѣ, въ Лундѣ и въ Христіаніи образовались комитеты для избранія депутатовъ орѳографическаго конгресса. Затѣмъ въ концѣ іюля мѣсяца означеннаго года созвано было въ Стокгольмъ общее собраніе уполномоченныхъ. Совѣщанія продолжались пять дней подъ предсѣдательствомъ упсальскаго профессора исторіи Мальмстрема. Каждый изъ трехъ отдѣловъ, т. е. шведскій, датскій и норвежскій, избралъ своего секретаря, и каждый секретарь долженъ былъ издать (что̀ впослѣдствіи и исполнено) отчетъ о̀ принятыхъ собраніемъ правилахъ по его отдѣлу: такъ какъ языки датскій и норвежскій въ сущности тожественны и отличаются лишь нѣкоторыми особенностями произношенія, то и правила для письма обоихъ были установлены почти одинакія.

Въ основаніе было принято положеніе, что каждый языкъ сохраняетъ то, что̀ въ немъ оказывается безспорно правильнымъ; соглашеніе же разнорѣчій между отдѣльными языками должно стоять на второмъ планѣ. За первенствующій элементъ правописанія было признано звуковое начало, такъ какъ цѣль письма есть вѣрное изображеніе знаками слышимаго слова.

Происхожденію словъ, историческому началу и обычаю дано менѣе существенное значеніе. Далѣе, предположенныя перемѣны раздѣлены на два разряда: къ первому отнесены легкія измѣненія, которыя могутъ быть введены тотчасъ же, ко второму такія, которыя, по своей рѣзкости, должны встрѣтить бо̀льшее противодѣйствіе и потому могутъ быть сознаны только посте-

пенно, при послѣдующемъ развитіи правильныхъ требованій орѳографіи. Одни нововведенія распространялись на оба языка, другія касались только одного изъ нихъ. Датскія реформы, вообще говоря, были повтореніемъ того, что и прежде уже предлагали Раскъ и Петерсенъ.

Дѣйствіе, произведенное опредѣленіями съѣзда, было неодинаково въ Даніи и въ Швеціи. Такъ какъ шведы въ собраніи составляли большинство (9) противъ другихъ двухъ національностей (4+4), то датчанамъ показалось, что всѣ нововведенія относительно ихъ правописанія были дѣломъ шведовъ; «а сколько бы довѣрія ни заслуживали эти наши братья въ другихъ отношеніяхъ», говоритъ одинъ копенгагенскій профессоръ, «все же отъ датской скромности слишкомъ много ожидали, требуя, чтобъ мы въ чисто-національномъ вопросѣ подчинились заключеніямъ такого сомнительнаго происхожденія»[1]. Между тѣмъ однакожъ и въ Даніи нашлось не мало людей, которые стали вводить въ письмо тѣ или другія изъ предложенныхъ на съѣздѣ измѣненій, и въ орѳографіи стала оказываться все бóльшая и бóльшая путаница. Для противодѣйствія тому, въ 1870 г. нѣсколько датскихъ ученыхъ и литераторовъ издали *Мнѣніе* о наиболѣе нужныхъ и удобныхъ улучшеніяхъ письма, которыми слѣдовало бы на первый случай удовольствоваться. Этимъ воспользовалось датское министерство просвѣщенія и издало циркуляръ сперва къ ректорамъ ученыхъ школъ (классическихъ гимназій), а потомъ и къ низшимъ училищамъ о принятіи въ руководство правилъ, изложенныхъ въ помянутомъ *Мнѣніи*. Тогда же напечатанъ былъ на этомъ основаніи орѳографическій словарь[2] одобренный министерствомъ.

Въ Швеціи еще прежде нежели появился отчетъ о съѣздѣ, заключенія его встрѣтили рѣзкое противорѣчіе со стороны сильнаго авторитета, именно покойнаго академика Рюдквиста, кото-

[1] Ср. Датчанина Роусинга: Retskrivnings-Spørgsmaalet i dets Betydning for Literaturen og Folket, af Prof. K. Rovsing. Kjøbenhavn 1871. («Орѳографическій вопросъ въ его значеніи для литературы и народа»). Стр. 26.

[2] Dansk retskrivnings-ordbok, извѣстнаго Грундтвига († 1872): 2-е изданіе соглашено съ *Мнѣніемъ*.

раго изслѣдованія о законахъ шведскаго языка («Svenska Språkets lagar») составили эпоху въ разработкѣ исторіи его. Въ то время онъ трудился надъ четвертымъ томомъ ихъ. Заключенія съѣзда, поверхностно сообщенныя въ газетной статьѣ, подали этому ученому поводъ сообщить новому отдѣлу своего труда полемическій характеръ и издать эту часть особо подъ заглавіемъ «Законы звуковъ и законы письма». Не отвергая надобности нѣкоторыхъ улучшеній въ шведской орѳографіи, авторъ находитъ однакожъ, что она уже и въ настоящемъ видѣ своемъ представляетъ удовлетворительное по возможности соглашеніе противоположныхъ началъ и, будучи твердо установлена, можетъ только пострадать въ своемъ единообразіи отъ нововведеній, которыя, за исключеніемъ весьма немногихъ, кажутся ему излишними. Сверхъ того въ стараніи сблизить правописаніе двухъ языковъ, Рюдквистъ увидѣлъ стремленіе подчинить шведскій вліянію датскаго, — подобное тому, чтó представилось многимъ и въ Даніи, только въ обратномъ смыслѣ.

Книга Рюдквиста вызвала къ энергическому отпору секретаря по шведскому отдѣлу съѣзда, г. Гацеліуса, который прежде напечатанія своего обширнаго отчета издалъ особую брошюру «Объ основаніяхъ правописанія вообще съ примѣненіемъ къ шведскому языку»[1]. Въ обѣихъ книгахъ авторъ весьма рѣзко, хотя и съ полнымъ уваженіемъ къ своему ученому противнику, опровергаетъ его возраженія. Не вдаваясь въ подробности этого любопытнаго спора, замѣчу только, что г. Гацеліусъ не безъ пристрастнаго увлеченія ратуетъ за торжество фонетическаго начала, тогда какъ Рюдквистъ, также съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ, отстаиваетъ элементъ историческій и обычай. Полемика эта отозвалась и въ періодической литературѣ. Вообще говоря, орѳографическая реформа нашла въ Швеціи сочувствіе, такъ что многія изъ предположенныхъ на съѣздѣ измѣненій сплошь и рядомъ встрѣчаются въ печати. Особенно весьма распростра-

[1] A. Hazelius. Om rättstafningens grunder med särskildt afseende på svenska språket.

ненная газета Aftonblad приняла эту реформу къ сердцу и представила цѣлый рядъ статей, написанныхъ въ пользу ея. Редакторъ совѣтуетъ всѣмъ принять не обинуясь новое правописаніе и утверждаетъ, что предлагаемыя начертанія (напр. där вм. der, stjärna вм. stjerna, torsdag вм. thorsdag, fälde вм. fällde, kvinna вм. qvinna) только въ первые дни будутъ колоть глаза, а потомъ сдѣлаются до того привычными, что напротивъ, прежняя орѳографія будетъ казаться безобразной и нелѣпой. Это предсказаніе отчасти уже сбывается.

Въ дополненіе нашего обзора исторіи правописанія у другихъ европейскихъ народовъ надо упомянуть и о тѣхъ мѣрахъ, которыя правительства въ разныхъ государствахъ неоднократно считали нужнымъ принимать по этой отрасли народнаго образованія. Мы уже видѣли, въ самое недавнее время, подобное явленіе въ Даніи. Такимъ же образомъ и въ Испаніи, по утвержденіи Мадридскою академіею орѳографической системы, правительство предложило ее ко всеобщему употребленію. Позднѣе примѣры такихъ распоряженій администрацій представили между прочимъ Баварія, Виртембергъ и Ганноверъ. По поводу того, что́ было сдѣлано въ послѣдней изъ этихъ странъ, Рудольфъ Раумеръ высказалъ слѣдующія любопытныя замѣчанія, доказывающія, какъ велика въ Германіи орѳографическая рознь: «Вопросъ, въ какое отношеніе училищная администрація должна стать къ правописанію, очень труденъ». «Конечно нелѣпо было бы», продолжаетъ тотъ же ученый, «если бы какое-нибудь правительство вздумало предписывать частнымъ лицамъ, какой орѳографіи они должны держаться въ своихъ письмахъ, или и въ печатныхъ трудахъ. Но совсѣмъ не таково положеніе администраціи относительно общественныхъ учебныхъ заведеній. Правда, и здѣсь не для чего заботиться о правописаніи, пока рѣчь идетъ о немногихъ спорныхъ словахъ» (какъ у насъ въ Россіи). «Но совсѣмъ другое дѣло, когда вопросъ коснется измѣненія самыхъ началъ орѳографіи, когда задумаютъ устранить большую часть употребительныхъ начертаній

и замѣнить ихъ новыми. Тутъ администрація, какъ бы ни уважала она личную свободу каждаго, скоро убѣдится въ необходимости тѣмъ или другимъ способомъ принять въ дѣлѣ участіе,— не потому, что бы администрація обладала высшимъ научнымъ знаніемъ, а потому что въ педагогіи множество лицъ работаютъ вмѣстѣ для достиженія той же цѣли, и слѣдовательно нужна извѣстная степень гармоніи между сотрудниками для того, чтобы предположенная цѣль дѣйствительно могла быть достигнута. Что тутъ тѣмъ или другимъ путемъ непремѣнно надобно притти къ соглашенію, это оказывается теперь въ разныхъ пунктахъ Германіи. Сильнѣе всего такая потребность ощущается между учителями одного и того же заведенія. Невыносимо положеніе, когда въ училищѣ преподаватель одного класса провозглашаетъ ошибочнымъ и всячески старается изгнать письмо, которое учитель предшествующаго класса съ такимъ же усердіемъ вбилъ въ голову ученикамъ. Изъ потребности въ подобномъ соглашеніи проистекли руководства, изданныя въ разныхъ городахъ Германіи. Но соглашеній между учителями одного и того же заведенія или и нѣсколькихъ однородныхъ училищъ еще недостаточно. Тутъ-то именно и связаны между собою интересы самыхъ разнообразныхъ заведеній. Положимъ напр., что между гимназіями состоялось такое-то соглашеніе, а между элементарными училищами другое, существенно отличающееся отъ перваго: въ такомъ случаѣ ученики, поступая изъ элементарныхъ училищъ въ гимназіи, должны бы совершенно переучиться правописанію, и трудъ, употребленный ихъ прежними учителями, оказался бы вполнѣ безполезнымъ. Поэтому очень понятно, что заботливыя учебныя начальства, подобно ганноверскому въ 1855 и 1857 годахъ, стараются офиціальнымъ вмѣшательствомъ вводить порядокъ въ этотъ хаосъ»[1].

Наконецъ, въ Бельгіи, по предложенію министра внутреннихъ дѣлъ, въ 1868 году назначена была комиссія для устано-

[1] R. von Raumer. Gesamm. sprachw. Schriften. Стр. 300, 301.

вленія фламандскаго правописанія. Мы не имѣли случая узнать ни заключеній этой комиссіи, ни послѣдствій ихъ, но намъ извѣстны соображенія, высказанныя министромъ въ первоначальномъ докладѣ его: «Ходатайствуя объ этомъ, говоритъ онъ, я далекъ отъ намѣренія принудительно ввести офиціальную орѳографію, но важно, чтобъ было согласіе между системою письма, преподаваемаго въ училищахъ, и системой, принятою филологами и литераторами, которые одни въ состояніи правильно судить объ этомъ дѣлѣ. Итакъ предполагаемая мною комиссія должна изыскать средства къ достиженію желаемаго единства. Правительство, разсмотрѣвъ ея трудъ и вовсе не стѣсняя частной свободы, приметъ и предложитъ, въ предѣлахъ своей власти, правила, какія установитъ комиссія. Достаточно будетъ, я въ томъ убѣжденъ, нравственнаго ея авторитета, чтобы согласить самыя разнородныя мнѣнія и привести къ единообразной системѣ всѣхъ, имѣющихъ дѣло съ фламандскимъ письмомъ»[1].

Общіе выводы.

Соображая все, что представляютъ намъ исторія и настоящее положеніе орѳографическаго вопроса въ другихъ странахъ, мы приходимъ къ слѣдующимъ общимъ выводамъ.

Правописаніе, какъ и всякое другое проявленіе умственной жизни, не остается неподвижнымъ: оно развивается постоянно, хотя и медленно, но не по какой-либо заранѣе опредѣленной теоріи, а подъ вліяніемъ множества одновременно и послѣдовательно дѣйствующихъ обстоятельствъ, пока наконецъ надолго установится обычай, обращающійся въ законъ, такъ что вмѣсто: usus norma loquendi, можно сказать и такъ: usus norma scribendi.

Такое установленіе орѳографіи совершается особенно путемъ литературы и школы послѣ появленія словаря и грамматики. Дальнѣйшій ходъ дѣла главнымъ образомъ зависитъ отъ разви-

[1] Didot. Observations &c., стр. 378.

тія науки слова; но и ея двигатели могутъ улучшать правописаніе только тогда, когда въ общемъ его характерѣ соображаются съ обычаемъ, довольствуясь постепенными и не слишкомъ крутыми преобразованіями. Это доказывается неудачею или, по крайней мѣрѣ, неполнымъ успѣхомъ нововведеній такихъ авторитетовъ, каковы были Вольтеръ во Франціи, Гриммъ въ Германіи, Раскъ въ Даніи. У насъ также не принялись нѣкоторыя орѳографическія соображенія Ломоносова и, позднѣе, Павскаго. Напротивъ разумное правописаніе Карамзина, основанное, съ небольшими лишь измѣненіями, на общихъ началахъ прежняго письма и распространенное общепринятыми учебниками Востокова и Греча, утвердилось прочно на цѣлыя десятилѣтія. Для массы всего обязательнѣе привычка; затѣмъ новизна, по чему-либо кажущаяся удачною или отвѣчающая современному настроенію, прививается легче нежели нововведеніе, хотя и основательное, но требующее серіознаго соображенія. «Тотъ, кто возьмется исправить правописаніе какого-нибудь народа», говоритъ датчанинъ Петерсенъ «и при этомъ пойдетъ противъ теченія, можетъ на вѣчныя времена ожидать лишь неблагодарности»[1].

Такимъ-то образомъ мы почти нигдѣ не находимъ одной правильно и послѣдовательно развившейся системы правописанія. Южно-романскіе языки, составляющіе въ значительной мѣрѣ изъятіе изъ общаго явленія, обязаны тѣмъ не столько благопріятнымъ внѣшнимъ обстоятельствамъ, сколько своему строю.

Распространенная въ наше время мысль, что фонетическая орѳографія есть идеалъ, къ которому должны стремиться всѣ языки, эта мысль въ теоріи прекрасна, но, какъ часто бываетъ, она расходится съ практикой и едва ли осуществима[2]. Почти

[1] N. M. Petersen. Bidrag til den Danska Literaturen. IV, стр. 369.

[2] Нѣмецкіе лингвисты, начиная съ 17-го столѣтія и донынѣ, безуспѣшно провозглашали правило: «Пиши какъ говоришь» (разумѣя правописаніе). Это правило признавали: Шоттель, Готшедъ, Клопштокъ. Его не оспаривали и противники послѣдняго, Аделунгъ и Фоссъ (R. v. Raumer, Gesam. sprachw. Schr., 115). Таковъ же смыслъ брошюры: Das Wesen der Lautschrift, von Dr. K. Panitz. Weimar 1865, которая нашла и въ Швеціи усердныхъ послѣдователей.

вездѣ письмо не въ точности слѣдуетъ за произношеніемъ по разнымъ причинамъ: самая простая изъ нихъ та, что азбука, бывъ заимствована у другого народа, по большей части не вполнѣ отвѣчаетъ звукамъ языка. Кромѣ того слова́ въ живой рѣчи мало по малу измѣняются, а начертанія ихъ остаются прежнія, или, при быстрыхъ колебаніяхъ языка отъ внѣшнихъ обстоятельствъ (какъ было въ Англіи отъ слѣдовавшихъ одно за другимъ завоеваній), правописаніе мѣняется прежде нежели успѣетъ установиться, или наконецъ, оно усложняется отъ стремленія пишущихъ означать въ начертаніяхъ происхожденіе словъ, какъ было во Франціи. Уничтожить дѣло исторіи, изгладить слѣды ея въ правописаніи столько же трудно, какъ и во всякой другой области жизни. Фонетическая орѳографія дѣйствительно представляетъ большія преимущества для народнаго обученія, но она не можетъ быть создана наперекоръ ходу развитія письма въ данной странѣ. Приблизить письмо къ произношенію удается только въ той мѣрѣ, въ какой это согласно съ коренными условіями его прошедшаго. Для осуществленія идеала звуковой системы необходимо было бы періодически обновлять устарѣвшія начертанія [1].

Попытки измѣненій въ письмѣ должны быть предпринимаемы съ величайшею осторожностію, потому что нарушить единообразіе его очень легко, но ничего нѣтъ труднѣе какъ удачно замѣнить нововведеніями общепринятыя начертанія, да и какъ распро-

---

[1] О невозможности осуществить на дѣлѣ фонетическое письмо очень умно разсуждаетъ г. Таузингъ, на этотъ разъ противъ проф. Брюкке, увлекшагося, подобно многимъ, мечтою составить фонетическій алфавитъ для всѣхъ языковъ. «Положимъ, говоритъ его критикъ, что была бы возможность, были бы и средства: какой смыслъ имѣла бы нынче замѣна нашего національнаго письма хотя бы и самымъ лучшимъ фонетическимъ алфавитомъ? Дальнѣйшія превращенія языковъ этимъ нисколько не остановились бы...; оставалось бы только перенести измѣнчивость языка въ его образованіи на самое письмо, которое до сихъ поръ оказывало намъ столько охранительной пользы. Въ какой хаосъ противорѣчій и путаницы вовлекло бы насъ преслѣдованіе такой задачи, о томъ не станемъ и распространяться. Это было бы совершенно излишне, такъ какъ нельзя и предполагать, чтобы такой проектъ получилъ практическое значеніе для Европы». (Thausing, стр. 121).

странить поправки между тысячами людей, для которыхъ старая привычка обратилась уже во вторую природу?

Такая осторожность нужна особенно въ школѣ. Задача школы—передавать каждую отрасль вѣдѣнія въ ея настоящемъ положеніи: иначе ученикъ въ опасности вмѣсто истинныхъ знаній пріобрѣсти запасъ мудрованій и догадокъ своего учителя, которыя впослѣдствіи окажутся непригодными для жизни. Подвигать и развивать науку не есть дѣло школьнаго учителя. Прежде нежели новые результаты ея могутъ быть допущены въ школу, они должны быть одобрены зрѣлою критикой и провѣрены опытомъ. Къ сожалѣнію, въ письмѣ строгая аналогія и логическая послѣдовательность почти никогда не одерживаютъ полной побѣды надъ своеволіемъ и несообразностями обычая, и окончательно правописаніе оказывается въ значительной степени дѣломъ укоренившейся практики или рутины[1]. Тѣмъ не менѣе наука должна стремиться къ уясненію основаній, по которымъ слова пишутся такъ или иначе, направлять и исправлять обычай, бороться съ его произволомъ и вводить въ письмо законъ и единство, соглашая, насколько это возможно, противорѣчащія другъ другу начала. Это особенно нужно, когда, вслѣдствіе частныхъ нарушеній давняго обычая, мало по малу заведутся въ нѣкоторыхъ случаяхъ двоякія начертанія.

По замѣчанію Якова Гримма, письмо, это драгоцѣнное средство схватывать и распространять летучее слово, должно для всѣхъ народовъ составлять одно изъ важнѣйшихъ дѣлъ. Разнообразіе въ письмѣ потому предосудительно, что признаваемое однимъ за правильное другому кажется ошибочнымъ, и для большинства возникаетъ сомнѣніе: что же предпочтительно? кому слѣдовать? Отсюда требованіе разумно-установленнаго правописанія. Языкъ есть достояніе цѣлаго народа, одинъ для всѣхъ, кѣмъ онъ употребляется, и нѣтъ причины допускать разногласіе въ рѣшеніи вопросовъ, на которые отвѣта должно искать въ

[1] Rovsing. Retskrivnings-Spørgsmaalet. Стр. 26.

однихъ и тѣхъ же законахъ. Еще Сумароковъ очень умно сказалъ: «Правописаніе должно быть общее и по естеству дѣла, и по существу слова»[1].

Все это неоспоримо; но здѣсь только одна сторона медали: на оборотной является множество такихъ причинъ разнообразія, которыя вполнѣ устранить едва ли возможно. Когда въ правописаніи господствуютъ рядомъ одно съ другимъ два начала, то возникаетъ вопросъ: гдѣ и какъ провести рѣзкую черту законности между тѣмъ и другимъ? При преобладаніи этимологическаго элемента, какъ отвратить естественное разногласіе въ объясненіи производства нѣкоторыхъ словъ? Поэтому, какъ ни разумно требованіе единообразія въ правописаніи, это требованіе не должно быть безусловно. Надобно умѣть отличать важныя разногласія отъ неважныхъ. Несоблюденіе этого правила уже не разъ было причиною слишкомъ строгихъ оцѣнокъ и несправедливыхъ взысканій въ школѣ. Всѣмъ, и особенно экзаминаторамъ, полезно было бы помнить замѣчаніе, принятое въ руководство первыми составителями словаря Французской академіи: «Въ бóльшей части языковъ правописаніе не такъ твердо установлено, чтобы не было многихъ словъ, которыя могутъ быть написаны двумя разными, но одинаково хорошими способами, при чемъ случается, что одинъ изъ нихъ менѣе другого употребителенъ, но также не заслуживаетъ охужденія»[2]. При авторитетѣ, который впослѣдствіи пріобрѣла во Франціи принятая академическимъ словаремъ орѳографія, это замѣчаніе утратило тамъ свою силу, но у насъ, при отсутствіи такого внѣшняго критеріума, оно навсегда сохранитъ свою неоспоримую справедливость. Положительныя ошибки не должны быть терпимы, грубыя заслуживаютъ строгаго осужденія, но если ученикъ напишетъ напр. *свѣденіе* вм. *свѣдѣніе*, *жолтый* вм. *желтый*, *возрасло* вм. *возросло*, *лице* вм. *лицо*, то разсудительный учитель конечно не вмѣнитъ ему въ преступленіе такихъ начертаній. Важно только, чтобы пишущій умѣлъ отдавать от-

---

1 Соч. Сумарокова. Ч. X, стр. 32.

2 A. F. Didot. *Observations* и проч., стр. 24.

четъ въ томъ, что онъ пишетъ. Если его основаніе неправильно, то пусть ему объяснятъ это, но всякая сознательная причина имѣетъ право на вниманіе. Итакъ, требуя въ правописаніи единообразія и стремясь къ нему, будемъ однакожъ остерегаться педантизма, который во всякомъ частномъ и мелочномъ отступленіи отъ принятыхъ нами начертаній видитъ грамматическую ересь и непростительное невѣжество.

Общій взглядъ на русское правописаніе.

У насъ вошло въ обычай жаловаться на трудность, неопредѣленность и шаткость русскаго правописанія; но если безпристрастно сравнимъ его съ правописаніемъ большей части другихъ народовъ, то убѣдимся, что наше, по своей простотѣ, точности и ясности, должно быть признано однимъ изъ самыхъ удовлетворительныхъ. Главную трудность при изученіи его составляетъ буква *ѣ*, для употребленія которой нѣтъ никакого указанія въ выговорѣ, не отличающемъ ея отъ *е*; но число коренныхъ словъ съ буквою *ѣ* вовсе не велико (они исчислены въ грамматикахъ), а затѣмъ въ производныхъ и составныхъ словахъ уже не трудно знать ея мѣсто; что же касается употребленія этой буквы въ грамматическихъ окончаніяхъ, то на это есть точныя правила. Наконецъ она ставится условно въ нѣсколькихъ случаяхъ, которые запомнить не особенно трудно. Случаи употребленія *ѣ* у насъ довольно твердо опредѣлены, и въ этомъ отношеніи не замѣтно большого разногласія. Сверхъ того въ нашемъ письмѣ есть и множество другихъ правилъ, соблюдаемыхъ всѣми съ величайшею точностью. Таковы особенно тѣ, которыя основаны на условномъ соглашеніи, напр. въ имен. пад. множ. ч. прилаг. именъ всѣ безпрекословно пишутъ въ муж. р. *е*, въ жен. и средн. *я*; всѣ ставятъ *і* передъ гласной, *и* передъ согласной, всѣ пишутъ двояко, смотря по значенію, *миръ* и *міръ*. Далѣе въ весьма многихъ случаяхъ очень постоянно соблюдается общепринятое правописаніе въ предѣлахъ *этимологическаго* или *фонетическаго* начала. Такъ никто вопреки первому не напишетъ:

рапъ (вм. рабъ), *готъ* (вм. годъ) и т. п., ни одинъ образованный человѣкъ не позволитъ себѣ написать *драцца* или *дратца* вм. *драться*, или *смеёшса* вм. *смѣешься*; или *зделать*, *оддать*, *потписать*, *бутто*, *свѣцкой*, вм. *сдѣлать*, *отдать*, *подписать*, *будто*, *свѣтскій*; или *хто*, *штопъ*, *нарошно*, вм. *кто*, *чтобъ*, *нарочно*; съ другой стороны, и наперекоръ фонетическому началу никто не рѣшится писать: *изкуство*, *возкресенье*, *разходъ*, или *двадсять* (вм. двадцать); равнымъ образомъ рѣдко кто согласно съ этимологіей напишетъ: *мяккій*, *кдѣ*, *сдѣсь*, *весдѣ* (вм. *мягкій*, *гдѣ*, *здѣсь*, *вездѣ*).

Въ чемъ же собственно заключаются разногласія нашего письма? Они могутъ быть раздѣлены на два разряда. Одни происходятъ только отъ недоразумѣній и потому могутъ быть устранены надлежащимъ разъясненіемъ; причиною другихъ — неодинакій взглядъ на предметъ, и тутъ, конечно, возможно двоякое рѣшеніе вопроса. Къ числу первыхъ разногласій я отношу, напр. написаніе прилагательныхъ: *болѣнъ* и *видѣнъ* съ буквою *ѣ* вмѣсто *е*, или глаголовъ: *сыплятъ*, *дремлятъ*, *надѣятся*, *морочутъ*, съ неправильнымъ окончаніемъ, вмѣсто: *сыплютъ*, *дремлютъ*, *надѣются*, *морочатъ*. Всякаго серіозно относящагося къ дѣлу легко убѣдить, что первая орѳографія просто ошибочна.

Разногласія другого рода зависятъ: 1, отъ того, что въ сферѣ этимологическаго письма составъ или образованіе словъ толкуется различно (напр. *разсчетъ* и *разчетъ*, *четвергъ* и *четверкъ*, *смѣта* и *смета*); 2, отъ желанія приблизить начертаніе къ произношенію и тѣмъ перевести слово на почву фонетической орѳографіи, когда напр. послѣ шипящихъ буквъ, въ ударяемыхъ слогахъ, пишутъ *о* вм. *е* (*учоный*, *жжошь*, *просвѣщонъ*, *счотъ*); 3, отъ неодинаковаго пониманія условій передачи иностранныхъ словъ въ русскомъ письмѣ (*коммиссія*, *коммисія*, *комиссія*, *комисія*); 4, отъ различнаго взгляда на назначеніе прописныхъ буквъ въ началѣ словъ, напр. *Славяне* и *славяне*, *Московскій* и *московскій*, и 5, отъ разномыслія относительно надобности писать слитно или раздѣльно слова, образующія вмѣстѣ одно понятіе и потому

принимаемыя многими, въ этомъ соединеніи, за составные предлогъ или нарѣчіе, каковы напр. слова: *въ слѣдствіе*, *въ замѣнъ*, *въ старину*, *по прежнему*, *со временемъ*, которыя пишутся то врознь, то слитно.

Всѣ эти разнорѣчія письма будутъ въ своемъ мѣстѣ разсмотрѣны подробнѣе, но здѣсь мнѣ остается еще пополнить свои замѣчанія объ общемъ характерѣ нашего письма. Выше уже было показано, что въ немъ преобладаетъ элементъ *историко-этимологическій* и что самая сущность русской азбуки, вслѣдствіе ея происхожденія, не позволяетъ думать о коренномъ преобразованіи нашего письма въ фонетическомъ смыслѣ. Оно невозможно совсѣмъ не потому,—какъ обыкновенно думаютъ,—что въ Россіи множество отличающихся въ звуковомъ отношеніи нарѣчій и мѣстныхъ говоровъ (ибо письменный языкъ обязанъ согласоваться только съ образованною рѣчью), а именно потому, что у насъ и въ образованной-то рѣчи, и въ ней преимущественно, много звуковъ неопредѣленныхъ, неявственныхъ, для которыхъ недостаетъ буквъ, а создавать теперь новыя буквы было бы уже поздно и безуспѣшно.

Чтобы убѣдиться въ справедливости этихъ замѣчаній, стóитъ только попробовать прочитать хоть нѣсколько строкъ любого русскаго текста по слогамъ точно такъ, какъ онѣ написаны, а потомъ постараться написать эти же строки совершенно согласно съ произношеніемъ. При первой части опыта всякій удивился бы, до какой степени письмо наше расходится съ дѣйствительными звуками языка, а при послѣдней увидѣлъ бы, что нынѣшняя наша неполная азбука вовсе не допускаетъ строго-фонетическаго письма [1].

Къ поддержанію въ нашемъ правописаніи этимологическаго начала не могло не способствовать и то обстоятельство, что рус-

[1] Шведъ Рюдквистъ замѣчаетъ, что и никакое фонетическое письмо не можетъ выполнить всѣхъ требованій, не можетъ въ точности передать всѣхъ особенностей и тонкостей выговора въ живомъ языкѣ. (*Ljudlagar och skriflagar*, стр. 18).

скій языкъ болѣе всѣхъ другихъ славянскихъ нарѣчій сохранилъ въ цѣлости и чистотѣ звуковой составъ своихъ словъ. Звуки въ немъ часто видоизмѣняются, смягчаются, правильно подвергаются извѣстнымъ превращеніямъ, но рѣдко выпадаютъ или теряютъ слѣды своего происхожденія; законы ихъ переходовъ просты, ясны, очевидны, и потому естественно, что письмо стремится къ наглядному отраженію процесса звуковыхъ превращеній. Для сравненія достаточно указать на сербскій языкъ, который систематически такъ исказилъ множество звуковъ, что въ его словахъ трудно и узнавать первоначальную форму, вслѣдствіе чего то же искаженіе перенесено и въ правописаніе. Живучестью своихъ формъ русскій языкъ можетъ быть отчасти обязанъ и тому, что рядомъ съ нимъ, въ высшей сферѣ жизни, продолжаетъ свое существованіе церковно-славянскій; послѣдній, естественно, оставался неподвиженъ въ своихъ формахъ, а въ виду ихъ и русскій письменный языкъ долженъ былъ въ нѣкоторой степени сдерживать свое поступательное движеніе.

Такимъ образомъ перевѣсъ этимологическаго элемента въ нашемъ письмѣ находитъ себѣ оправданіе въ исторіи и пріобрѣтаетъ въ глазахъ науки несомнѣнную законность. Еще болѣе примиримся мы съ нимъ, если вникнемъ въ существенное отличіе письма отъ живой рѣчи: въ послѣдней языкъ дѣйствуетъ непосредственно на слухъ, и содержаніе рѣчи мгновенно переходитъ въ наше сознаніе, между тѣмъ какъ при письмѣ мысль путемъ зрѣнія медленнѣе передается сознанію въ знакахъ, имѣющихъ прочность и потому гораздо болѣе подлежащихъ нашему разбору.

По какой бы системѣ мы ни писали, ороографія есть *теоретическое* воспроизведеніе звуковъ рѣчи для зрѣнія: начертаніе слова не можетъ происходить безъ нѣкотораго размышленія, и естественно, что мы изображаемъ его на основаніи не того только, *что́* слышимъ, но и того, *ка́къ* понимаемъ составъ слышимаго. «Мы пишемъ для того, чтобы другой (а такимъ становимся мы *сами* черезъ минуту послѣ начертанія звука) вполнѣ понималъ и

легко сознавалъ написанное нами слово»[1]. Изъ всего, что̀ пишется, только наименьшая доля воспроизводится голосомъ для слуха; большею частью чтеніе происходитъ безмолвно. Отсюда ясно, что цѣль письма—не одно воспроизведеніе звуковъ языка, но и удовлетвореніе постигающаго языкъ ума посредствомъ органа зрѣнія. Грамота есть прежде всего орудіе изученія самаго языка. Начертаніемъ первой буквы уже начинается анализъ его: естественно при письмѣ отдавать себѣ отчетъ въ составѣ каждаго слова. Знакомясь съ образованіемъ словъ, пишущій самъ чувствуетъ потребность передавать и видѣть въ нихъ начертаніяхъ отраженіе своего пониманія. Здѣсь кстати припомнить приведенное выше дѣльное замѣчаніе г. Дидо̀ о неудобствѣ ввести фонетическое правописаніе для языка, на которомъ литература уже нѣсколько столѣтій употребляла этимологическое письмо, и исторія котораго неразрывно связана съ исторіею самого народа.

«Цѣль правописанія, говоритъ г. Раумеръ, есть ясное изображеніе образованнаго языка простѣйшими средствами»[2]. Подъ простѣйшими средствами онъ разумѣетъ такія, которыя сберегаютъ наиболѣе труда и времени. Соглашаясь съ этимъ опредѣленіемъ въ самомъ общемъ смыслѣ, нельзя однакожъ оставить его безъ нѣкотораго видоизмѣненія относительно языковъ, въ которыхъ вѣками установилось этимологическое письмо. Въ примѣненіи къ русскому придется дать приведенному опредѣленію такую форму: «Цѣль нашего правописанія, *согласно съ его историческимъ развитіемъ*, — изображать образованный языкъ ясно и *отчетливо*, пользуясь *по возможности* простѣйшими средствами, *но такъ, чтобы въ начертаніяхъ, сходно съ обычаемъ, видны были слѣды происхожденія и состава словъ*». Это будетъ совершенно согласно съ мыслью, выраженной Ломоносовымъ, когда онъ, еще не отдавая себѣ полнаго отчета въ теоріи нашего правописанія, чрезвычайно мѣтко попалъ однакожъ на истину, опре-

---

[1] Lefmann. Ueber deutsche Rechtschreibung.

[2] R. v. Raumer. Gesam. sprachw. Schriften. Стр. 170.

дѣливъ сущность орѳографіи, по преимуществу этимологической, но отчасти и фонетической, словами: «Въ правописаніи наблюдать надлежитъ: 1, чтобы оно не удалялось много отъ чистаго выговору; и 2, чтобы не закрылись совсѣмъ слѣды производденія и сложенія реченій»[1]. Иначе смотритъ на дѣло авторъ превосходнаго впрочемъ изслѣдованія о звукахъ, сербскій ученый, г. Новаковичъ. Съ точки зрѣнія счастливой орѳографіи своего языка онъ, между множествомъ остроумныхъ и вѣрныхъ замѣчаній о европейскихъ способахъ письма, произноситъ слѣдующее нѣсколько одностороннее сужденіе объ историческомъ правописаніи: «Если иногда встрѣтится затрудненіе, вопреки обновленному или хоть нѣсколько измѣненному народному говору, соблюсти историческое изображеніе слова въ древней формѣ, то на помощь является страсть къ этимологизаціи. Обыкновенно думаютъ, что въ написанныхъ словахъ не позволено означать всѣхъ звуковыхъ измѣненій, чтобы не затемнить корня и не затруднить пониманія. Отъ того напослѣдокъ происходитъ, что письмо не служитъ болѣе или менѣе транскрипціей говора, чѣмъ бы слѣдовало ему быть, а дѣлается какимъ-то полуматематическимъ означеніемъ этимологико-историческихъ формулъ»[2]. Вслѣдъ за усердными поборниками чисто-фонетическаго правописанія г. Новаковичъ повторяетъ, что при господствѣ производственнаго начала, къ простой и единственной цѣли всякаго письма — изображенію звуковъ — примѣшиваются совершенно будто бы чуждыя ему цѣли этимологіи и исторіи языка. Но развѣ можно такимъ образомъ строго раздѣлять стихіи познанія родного языка, безотчетно сливающіяся при воспроизведеніи на письмѣ словъ, пониманіе которыхъ въ отношеніи къ ихъ корню и составу доступно и любопытно всякому сколько-нибудь мыслящему лицу той же націи. Максъ Мюллеръ весьма справедливо замѣтилъ, что «человѣческому духу присуща потребность въ этимологіи,

[1] Грамм. § 108.

[2] *Физіолоіија іласа и іласови српскоіа језика*, лингвистичка студија Стојана Новаковича. У Београду 1873. Стр. 103.

сродно влеченіе прямымъ или окольными путями узнавать, почему то или другое называется именно такъ, а не иначе». По мнѣнію знаменитаго оксфордскаго филолога, потребность эта такъ сильна, что вслѣдствіе ея «слова́ подвергаются даже измѣненіямъ, чтобы сдѣлаться понятными, и если два первоначально различныя сло́ва на дѣлѣ смѣшались въ одно, то является надобность въ поясненіи, и оно охотно дается, чтобы устранить всякое недоразумѣніе»[1]. Эти замѣчанія М. Мюллера, хотя онъ прежде и высказался въ пользу фонетической орѳографіи, могутъ служить сильнымъ подкрѣпленіемъ доводовъ въ защиту этимологическаго письма.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, перехожу къ разсмотрѣнію частностей русскаго правописанія въ двухъ отношеніяхъ: 1, историческомъ, 2, теоретическомъ.

Сперва прослѣдимъ главныя явленія въ ходѣ развитія употребительной нынѣ орѳографіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разныя попытки преобразованія нашей азбуки. Затѣмъ обратимся къ вопросамъ, которыхъ обсужденіе составляетъ главный предметъ нашего изслѣдованія.

IV. Очеркъ исторіи русскаго правописанія.

Русское правописаніе въ обширномъ смыслѣ начинается съ первыхъ памятниковъ письменности, возникшихъ въ Россіи; особенности церковно-славянскаго письма, развившіяся на этой почвѣ, уже составляютъ отличительныя черты русскаго правописанія. Но въ настоящемъ случаѣ рѣчь идетъ только о томъ періодѣ его, началомъ котораго было введеніе при Петрѣ Великомъ гражданской печати.

О постепенномъ образованіи новой азбуки сообщены уже свѣдѣнія выше (см. стр. 169). Естественно, что въ первопечатныхъ книгахъ гражданскаго шрифта, при неизбѣжномъ смѣшеніи церковнаго языка съ мірскимъ, и самое правописаніе явилось въ

[1] *Die Wissenschaft der Sprache.* II Serie. (Переводъ Бётгера). Стр. 486.

хаотическомъ состояніи, изъ котораго могло выбиться только мало по малу. Попытки къ болѣе твердому установленію его могли сдѣлаться успѣшнѣе только съ оживленіемъ литературы, съ появленіемъ первыхъ мыслящихъ писателей, и при этомъ должны были обнаружиться несогласія. Дѣйствительно, такая эпоха борьбы для русскаго правописанія настала въ царствованіе Елисаветы Петровны, когда на литературной аренѣ одновременно подвизались три разнохарактерные писателя, каждый съ своимъ особымъ взглядомъ на дѣло орѳографіи —

Тредьяковскій, Ломоносовъ и Сумароковъ.

Жаркіе споры произошли особенно между двумя первыми. Сущность противоположныхъ теорій ихъ состояла въ томъ, что Тредьяковскій[1] хотѣлъ перестроить русское правописаніе на фонетическомъ основаніи, съ коренными нововведеніями; а Ломоносовъ, понявъ историческій характеръ нашего письма и держась благоразумной середины, стоялъ, какъ мы уже видѣли, за примиреніе по возможности обоихъ началъ.

Тредьяковскій написалъ объ орѳографіи цѣлую книгу, которая и была напечатана съ предлагаемыми имъ нововведеніями[2]. Они состоятъ въ слѣдующемъ: онъ вовсе не употребляетъ буквъ: *и*, *э*, *щ*, *ѳ*, *з*, и вмѣсто ихъ ставитъ: *і*, *е*, *шч*, *ф*, *s*; послѣдняя, по его мнѣнію, красивѣе *з* и болѣе отвѣчаетъ цѣли Петра Великаго сблизить русскую азбуку съ латинскою. Кромѣ того, для означенія двугласнаго звука *е*, *ѣ* въ началѣ слога или слова онъ употребляетъ форму прописной буквы ᴇ, и такимъ образомъ пишетъ, напр. ᴇ*сть* (не отличая *есть* отъ *ѣсть*), *дво*ᴇ и т. п. Въ другихъ случаяхъ онъ, однакожъ, оставляетъ неприкосновенною букву *ѣ*, — почему, объяснено будетъ ниже. Наконецъ, онъ находитъ букву *г* годною только для звука, слышимаго напр. въ

[1] Самъ онъ писалъ *Тредіаковскій*; но эта орѳографія, кажется, не принадлежала его роду, а проистекала изъ личныхъ его соображеній.

[2] «Разговоръ между Чужестраннымъ человѣкомъ і Россійскімъ объ ортографіі старінной і новой». Спб. 1748. 464 нум. стр.

словахъ: *Господь*, *благо*, *богатый*; для твердаго же гортаннаго звука въ словахъ *городъ, голодъ*, *голый* и т. п. предлагаетъ особое видоизмѣненіе этой буквы (ґ) подъ названіемъ *голь*. Впрочемъ замѣтимъ, что мысль объ этомъ нововведеніи въ первый разъ высказана была за 17 лѣтъ ранѣе въ русской грамматикѣ, напечатанной на нѣмецкомъ языкѣ при словарѣ Вейсмана и приписываемой Адодурову. «Иные», говорится здѣсь, «замѣтивъ недостатокъ буквы *g*, стали изображать ее литерою ґ, какъ можно видѣть въ нѣкоторыхъ до сего напечатанныхъ книгахъ. Итакъ было бы желательно, чтобы вошло въ обычай буквою г всегда означать *h*, а буквою ґ — звукъ *g*»[1]. Тредьяковскій въ своемъ *Разговорѣ* ничего не упоминаетъ объ этомъ болѣе раннемъ заявленіи мысли, которую онъ выдаетъ за свою; предлагаемую букву онъ иначе называетъ *гаммою* и поясняетъ, что у нея «верьхній кончікъ молоточкомъ ѕдѣланъ»[2]. Основнымъ началомъ орѳографіи Тредьяковскаго было требованіе, которое онъ горячо отстаивалъ: «писать по звонамъ» (т. е. держаться произношенія). Въ этомъ взглядѣ онъ шелъ такъ далеко, что писалъ напр. *порятку*, *свѣцкой* (вм. *свѣтскій*), *обрасцы*, *извѣсно*, *кресьяне*, *скушно*, *книшка* и т. п.

Что касается теоріи Ломоносова, то особенно любопытно, что онъ не хотѣлъ вводить въ азбуку нѣкоторыхъ буквъ, которыя самъ употреблялъ и считалъ вообще позволительными въ употребленіи. Это были: *і*, *щ*, *і̂о* (нынѣшнее *ё*). Относительно двухъ первыхъ онъ объяснялъ, что *і* произносится одинаково съ

[1] Teutsch-Lateinisch-und Russisches Lexicon. St.-Petersburg 1731. Anfangs-Gründe der Russischen Sprache. — Подтвержденія словъ автора грамматики объ употребленіи въ печати предлагаемой имъ буквы мы не встрѣчали въ книгахъ указываемаго имъ времени. Въ 1731 году Тредіаковскій, только что возвратившійся изъ за границы, жилъ у Адодурова, который въ то время былъ еще академическимъ студентомъ (Пек. *Ист. А. Н.*, I, 504; II, 18). Поэтому возможно, что одинъ изъ нихъ заимствовалъ у другого выраженную въ *Разговорѣ* мысль о двоякомъ начертаніи для различнаго произношенія буквы г.

[2] *Разговоръ*. Спб. 1748, стр. 380, 386. Въ первой части настоящаго труда мы, наоборотъ, позволяли себѣ употреблять знакъ ґ для звука, похожаго на h, какъ болѣе рѣдко встрѣчающагося въ русскомъ языкѣ.

и и употребляется только для четкости письма, а *щ* состоитъ изъ двухъ звуковъ (*шч*) и «не больше права имѣетъ быть въ азбукѣ какъ ѯ и ѱ». Сверхъ того онъ не признавалъ надобности въ буквахъ *э* и *ѳ* даже на практикѣ. Мнѣніе его объ излишествѣ *ѳиты* и особой буквы для изображенія звука, близкаго къ латинскому *h*, было уже выше изложено (см. стр. 177 и 178).

Рѣзкое разногласіе произошло между Ломоносовымъ и Тредьяковскимъ по возникшему тогда вопросу объ окончаніяхъ именъ прилагательныхъ въ именительномъ множественнаго числа, которыя до тѣхъ поръ писались въ этой формѣ какъ попало, то съ *е*, то съ *я* во всѣхъ родахъ. Тредьяковскій съ особеннымъ жаромъ доказывалъ, что въ мужескомъ родѣ они должны оканчиваться на *ыи* (*іи*), въ женскомъ на *ые* (*іе*), въ среднемъ на *ыя* (*ія*). Ломоносовъ, напротивъ, стоялъ за правописаніе, принятое академическою типографіею, по показанію Тредьяковскаго, съ 1733 года: въ муж. *е*, въ жен. и сред. *я*[1]. Споры о томъ начались между обоими писателями въ Академіи наукъ еще въ 1746 году. Тредьяковскій сочинилъ тогда и представилъ въ конференцію цѣлое разсужденіе объ этомъ предметѣ, а Ломоносовъ написалъ возраженіе[2]. Позднѣе Тредьяковскій, въ *Разговорѣ* объ орѳографіи, повторилъ съ тою же настойчивостью свои доводы въ пользу придуманныхъ имъ окончаній, которыя (хоть онъ и не упомянулъ о томъ) какъ разъ соотвѣтствовали окончаніямъ множ. числа латинскихъ прилагательныхъ: муж. *i*, жен. *ae*, сред. *a*. Напротивъ того, Ломоносовъ, въ своей *Грамматикѣ*, выразился

[1] Тредьяковскій ошибочно утверждаетъ, что эта орѳографія уже соблюдена въ книгѣ: *Меморіи или записки артиллерійскія*, соч. Сенъ-Реми, перев. съ фр. при его, Тредьяковскаго, участіи (Спб. 1732—1733): на повѣрку выходитъ, что здѣсь прилагательнымъ въ именит. множ. числа окончанія даются совершенно случайно. Вотъ примѣры: *славныя Авторы*, *станки суть разныя*, *цѣльные пушки*, *пороховые ящики*, *веревки которые*, *вещей которые*. Кстати, приведу еще нѣсколько образчиковъ правописанія этой книги: *ни одново*, *такова* (род. п. муж. рода), *о чомъ*, *щотъ*, *учоныхъ*, *щасливъ*, *очюнь*, *дватцать*, *на конецъ* (нарѣчіе), *по нынѣ*.

[2] Пекарскаго *Дополн. извѣстія для біографіи Ломоносова*, Спб. 1865, стр. 98—119.

по этому вопросу съ замѣчательною умѣренностью: «*е* и *я*, говоритъ онъ, нерѣдко за едино употребляются, особливо во множ. числѣ прилагательныхъ пишутъ *святые* и *святыя*. Сіе различіе буквъ *е* и *я* въ родахъ именъ прилагательныхъ никакова раздѣленія чувствительно не производитъ: слѣдовательно обѣихъ буквъ *е* и *я*, во всѣхъ родахъ, употребленіе позволяется; хотя мнѣ и кажется, что *е* приличнѣе въ мужескихъ, а *я* въ женскихъ и среднихъ»[1]. Построенное на этомъ основаніи правило, какъ оно ни произвольно, такъ утвердилось мало по малу, что стало соблюдаться съ величайшею строгостью. Такова сила условныхъ соглашеній въ языкѣ: имъ обыкновенно подчиняются съ гораздо большею внимательностью, нежели многимъ дѣйствительнымъ законамъ его. Замѣтимъ однакожъ, что въ первое время ломоносовскому взгляду на окончанія прилагательныхъ не всѣ безпрекословно слѣдовали: между противниками его выдается особенно Сумароковъ, который во всѣхъ трехъ родахъ продолжалъ постоянно писать *я*.

Во взглядѣ на общій характеръ русской орѳографіи Ломоносовъ совершенно расходился съ Тредьяковскимъ. Послѣдній былъ такъ убѣжденъ въ превосходствѣ своей фонетической системы, что твердо вѣрилъ въ будущее торжество ея. «Я не отчаяваюсь, говорилъ онъ, чтобъ въ нѣкоторое время не сталі всѣ у насъ (такъ) пісать, ешче и учоныі, ізъ которыхъ катоноватѣйшіі, позвольте учоное слово, наібольше хорохорятся протівъ звоновъ»[2]. Съ своей стороны Ломоносовъ, на котораго явно мѣтятъ эти слова, выразилъ противоположное мнѣніе съ крайнею осмотрительностью, требуя только: «чтобы правописаніе не удалялось много отъ чистаго выговору и чтобы не закрылись со всѣмъ слѣды произвожденія и сложенія реченій»[3].

Относительно буквы *ѣ* Тредьяковскій, отъ лица одного изъ своихъ вымышленныхъ собесѣдниковъ, спрашиваетъ: «Для чего

---

[1] *Росс. Грам.* § 112.

[2] *Разговоръ объ ортографіи*, стр. 68 и 285 (изд. Смирдина).

[3] *Росс. Грам.* § 108.

бы вмѣсто *ѣ* не писать вездѣ *е*?»[1], но рѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно, опасаясь, что въ противномъ случаѣ «воспослѣдуетъ превелікая гібель чістому нашему выговору, въ премногіхъ тысячахъ рѣчей»[2]: съ одной стороны, онъ очень хорошо понималъ, что въ произношеніи между *е* и *ѣ* нѣтъ никакой разницы (это нѣсколько разъ выражено въ *Разговорѣ*); но съ другой ему казалось, что если писать *тебе*, *победа*, *славе*, *верная*, *песнь*, *действо*, *крепко*, то всѣ будутъ произносить *е* такъ, какъ эту букву въ серединѣ слова произносятъ Малороссіяне, т. е. безъ отонченія предыдущей согласной[3]. Основываясь на этомъ, онъ считалъ необходимымъ сохранить букву *ѣ*, когда она слѣдуетъ за согласною. Мы уже видѣли, что въ началѣ слоговъ онъ замѣнялъ ее буквою *е̕*.

Ломоносовъ отстаивалъ букву *ѣ* безусловно. По господствовавшимъ тогда понятіямъ, онъ различалъ, въ отношеніи къ выговору, *просторѣчіе* отъ *чтенія* и *предложенія рѣчей изустныхъ*. Несомнѣнное въ наше время тожество произношенія буквъ *е* и *ѣ* признавалось имъ только во вседневномъ говорѣ, да и то не вполнѣ: онъ находилъ, что «буквы *е* и *ѣ* въ просторѣчіи едва имѣютъ чувствительную разность, которую въ чтеніи весьма явственно слухъ раздѣляетъ, и требуетъ въ *е* дебелости, въ *ѣ* тонкости»[4] (т. е. напр. съ каѳедры надобно произносить какъ бы *дъэбъэлый*, *бъэзъ*, въ отличіе отъ вседневнаго выговора: *дебелый*, *безъ*, который сближаетъ эти слова съ произношеніемъ *бѣлый*, *бѣсъ*). Окончательно Ломоносовъ приходилъ къ такому заключенію: «Нѣкоторые покушались истребить букву *ѣ* изъ азбуки

---

[1] *Разговоръ*, стр. 41.

[2] Тамъ же, стр. 127.

[3] Въ этомъ опасеніи Тредьяковскаго было, очевидно, недоразумѣніе. Онъ не соображалъ, что передъ тонкою гласной, будетъ ли то *и*, или *э*, согласная непремѣнно должна подвергнуться отонченію: всякая наша согласная можетъ быть только двоякая; напр. *л* можетъ произноситься не иначе какъ либо *лъ*, либо *ль*; но звука **лъэ** мы не имѣемъ, слѣд. можемъ имѣть единственно **лъэ** или **лэ = ле**.

[4] *Росс. Грам.* § 100.

Россійской[1]. Но сіе какъ не возможно, такъ и свойствамъ Россійскаго языка противно. Ибо ежели безъ буквы *ѣ* начать писать, а особливо печатать: то 1) тѣмъ, которые раздѣлять *е* отъ *ѣ* умѣютъ, не токмо покажется странно, но и въ чтеніи препятствовать станетъ. 2) Малороссіянамъ, которые и въ просторѣчіи *е* отъ *ѣ* явственно различаютъ, будетъ противъ свойства природнаго ихъ нарѣчія. 3) Уничтожится различеніе реченій разнаго знаменованія, а сходнаго произношенія, напр. *лечу*, *летѣть* отъ *лѣчу*, *лѣчить*; *пеню* имя въ винительномъ отъ *пѣню*, *пѣнишь*; *пенье*, *пеньевъ* отъ *пѣнье*, *пѣнья*; *пленъ*, родительный множественный отъ именительнаго *пленá*, отъ *плѣнъ*, то есть *полóнъ*, которыя всѣ и другія многія сими двумя буквами различаются»[2].

Между особенностями ломоносовской орѳографіи стóитъ замѣтить еще слѣдующія начертанія: *рассѣять*, *иссушить*; *ево*, *твоево*, *слѣпова*; *доброй*, *синей*, *хорошей* (въ имен. муж. рода единств. ч.), *Василей*; *дватцать*, *бутто*, *лутче*, *змей*, *съ перьва*.

Въ общемъ характерѣ нашего правописанія конечно восторжествовала система Ломоносова, но въ частностяхъ, не смотря на громкую славу этого писателя, его орѳографія ни при жизни его, ни послѣ не сдѣлалась общею. Насъ не можетъ удивлять, что и въ средѣ Академіи наукъ она не была вполнѣ принята; такъ въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» Миллера, которыя издавались во все послѣднее десятилѣтіе жизни Ломоносова, является правописаніе, не всегда согласное съ его грамматикой.

Бóльшаго распространенія правописаніе Ломоносова могло ожидать отъ школы; но многіе ли учились по его грамматикѣ, да и каково было ученіе? Съ другой стороны, распространенію ломоносовскихъ правилъ мѣшала литературная вражда. Извѣстно, какова орѳографія Сумарокова въ изданіяхъ его сочиненій; не лучше она была и въ его рукописяхъ, какъ видно напр. изъ его

---

[1] Можетъ-быть, намекъ на Тредьяковскаго, который хотѣлъ ограничить употребленіе *ѣ*.

[2] *Русс. Грам.* § 114.

писемъ къ И. И. Шувалову[1]. Но хотя онъ и плохо зналъ употребленіе буквы *ѣ*, хотя и вообще писалъ небрежно, однакожъ любилъ разсуждать о правописаніи и посвятилъ ему три статьи: одну въ видѣ наставленія «типографскимъ наборщикамъ»[2] и двѣ по поводу появленія постороннихъ трудовъ объ этомъ предметѣ[3]. Книжка, вызвавшая первую рецензію Сумарокова, намъ неизвѣстна: онъ приписываетъ ее своему пріятелю *Б* (кто былъ этотъ Б., мы также не знаемъ). Въ другой критической статьѣ своей Сумароковъ разбиралъ изданную въ 1773 г. при Академіи наукъ брошюру подъ заглавіемъ: *Опытъ новаго россійскаго правописанія*. Подписанныя подъ предисловіемъ ея буквы *В. С.* означаютъ *Василія Свѣтова*, бывшаго переводчикомъ при Академіи, издавшаго русскую грамматику и разные переводы. По показанію Евгенія Болховитинова, онъ умеръ въ 1787 году, къ которому относится также 2-е изданіе его книжки о правописаніи. Въ его трудахъ обнаруживается рѣдкое для того времени пониманіе законовъ языка, такъ что въ исторіи русскаго слова и письма нельзя забыть Свѣтова. Сумароковъ, разбирая его книжку, справедливо одобряетъ многія его мнѣнія, иногда же высказываетъ и свои собственныя. Во всѣхъ трехъ орѳографическихъ статьяхъ своихъ онъ, съ свойственнымъ ему задоромъ, безъ всякаго систематическаго порядка, повторяя по нѣскольку разъ одно и то же, предлагаетъ то правила, не выдерживающія никакой критики, то весьма разумныя замѣчанія, показывающія инстинктивную лингвистическую смѣтливость. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ опирается на потомство, и потомство оправдало его. Такъ онъ отвергаетъ ломоносовское правило писать въ муж. родѣ един. ч. *синей*, *хорошей*, *Василей*, вм. *синій*, *хорошій* и т. д., хотя это правило и было совершенно послѣдовательно при тогдашней орѳографіи муж. р. *доброй*, *знатной*, вм. *добрый*, *знат-*

[1] См. въ *Запискахъ Акад. Наукъ*, т. I, изданныя нами Письма Ломоносова и Сумарокова къ И. И. Шувалову.

[2] Полное собраніе всѣхъ соч. Сумарокова, т. VI, стр. 307.

[3] Соч. Сум., X, 6.

ный. Вмѣстѣ съ Свѣтовымъ Сумароковъ осуждаетъ употребленіе въ иностранныхъ словахъ *і* вм. *и* (напр. *історія*), форму *генварь* вм. *январь*, *всіо* вм. *все*, *щастіе* вм. *счастіе*, а относительно словъ, оканчивающихся на *ж ч ш щ*, совѣтуетъ *принять въ основаніе лёгкое правило*, что имена мужскія этихъ окончаній пишутся съ *ъ* (*ножъ*, *мечъ*), а женскія — съ *ь* (*ложь*, *вещь*).

Сумароковъ возставалъ также противъ излишества прописныхъ буквъ въ началѣ словъ, замѣчая, что мы «великостью литеръ и нѣмцевъ перещеголяли»... Въ старину, по словамъ его, «кромѣ начала статьи, нигдѣ не ставливались большія литеры ниже во имени Божіемъ. Сіе пестритъ письма наши; да и на что то введено, въ чемъ кромѣ безобразія ничего нѣтъ?.... Чтожъ до собственныхъ прилагательныхъ надлежитъ, такъ я ихъ малыми литерами начинаю: а ставятъ въ отсутствіи моемъ ихъ большими наборщики, думая, что я въ моей рукописи ошибся»[1]. Но въ то же время онъ такъ же безуспѣшно, какъ Ломоносовъ и Тредьяковскій, преслѣдовалъ букву *э*, которая всѣмъ имъ казалась лишнею: «Вошла было въ нашу азбуку», говоритъ Сумароковъ, «странная литера для изъясненія словъ чужихъ; однако сей пришлецъ выгнанъ»[2]. Такъ рѣшилъ и Свѣтовъ въ своей книжкѣ, но на практикѣ *э* удержалось. Что касается *ѳиты*, исключенной изъ азбуки Ломоносовымъ, то Сумароковъ, напротивъ, ее отстаивалъ, находя, будто она «произносится хотя и не такъ какъ у Грековъ, но гораздо нѣжняе нежели *ф*». По этому-то поводу онъ передаетъ разговоръ свой съ знаменитымъ своимъ противникомъ: «Спрашивалъ я г. Ломоносова, ради чего онъ *ф*, а не *ѳ* оставилъ; на что мнѣ онъ отвѣчалъ тако: *Ета де литера стоитъ подпершися, и слѣдовательно бодряе*: отвѣтъ издѣвоченъ, но не важенъ»[3]. Сумароковъ не понималъ мысли Ломоносова, что такъ какъ обѣ буквы произносятся, совершенно одинаково, то нужна только та, которая прямо соотвѣтствуетъ на-

[1] Соч. Сум., X, 35, 36, 45.
[2] Тамъ же, VI, 314.
[3] Тамъ же, X, 10 и 48.

личному звуку. Букву *щ* онъ терпѣлъ только по давности ея употребленія (для него главнымъ началомъ орѳографіи было писать такъ, какъ писали «наши разумные предки»[1]), но собственно онъ, на этотъ разъ согласно съ Ломоносовымъ и Тредьяковскимъ, предпочиталъ *шч*. По тому самому у него вообще не лежало сердце къ гражданскому письму: онъ признавалъ большимъ неудобствомъ существованіе у насъ двухъ азбукъ и находилъ, что мы *нечувствительно* «отошли отъ несвойственнаго намъ латинскаго начертанія» (принятаго за образецъ Петромъ Великимъ) «и пристали къ своему, данному намъ отъ грековъ, откуда и римляне свое начертаніе получили, и прилѣпилися мы къ подлиннику, отставъ отъ преображеннаго списка»[2]. Здѣсь онъ разумѣлъ преимущественно замѣну буквы *зѣло* (ѕ) *землею* (з). Такое ученіе Сумароковъ проводилъ главнымъ образомъ, конечно par esprit de contradiction, наперекоръ Тредьяковскому и особенно Ломоносову, увѣряя, что грамматика послѣдняго построена на основаніи провинціализмовъ, то холмогорскихъ, то малороссійскихъ. Замѣчательно вѣрно однакожъ смотрѣлъ Сумароковъ на законы сочетанія нашихъ согласныхъ съ слѣдующими за ними гласными и уже понималъ, что начертаніе послѣднихъ зависитъ отъ того, есть ли предыдущая — *тупая* (напр. **бъ**), или *острая* (напр. **бь**); въ послѣднемъ случаѣ онъ правильно разсуждалъ, что **бя** есть не что иное какъ **бьа**, что въ сущности намъ не нужно буквы *іо̂* (т. е. позднѣйшаго *ё*), потому что «когда она необходима, такъ мы ее легко изобразить можемъ и писати *Альона*, *Семьонъ*, а слова, какъ напр. *ежъ*, можемъ мы писати *йожъ*, *Іокаста*, *Йокаста*... но, прибавлялъ онъ, трудняе новости вводить, нежели выводить». Равнымъ образомъ онъ утверждалъ, что послѣ буквъ *і*, *е* наши чистыя гласныя *а* и *у* не могутъ оставаться безъ отонченія впереди, почему и писалъ *Діяна*, *теятръ*, какъ всѣ мы пишемъ: *матерія*, *Азія* или *іюнь*, *іюль* (не *іунь*, *іуль*); но здѣсь онъ былъ не совсѣмъ

---

[1] Тамъ же, 32.

[2] Тамъ же, 11.

правъ, какъ показываютъ слова: *тіунъ*, *діэта*, *Сіонъ* и др. Съ особенною настойчивостью онъ доказывалъ произвольность окончанія *е*, принятаго для прилагательныхъ муж. рода въ именит. падежѣ множ. числа. «Никто, говоритъ онъ по этому поводу, правила сего не устанавливалъ» (ср. выше, стр. 227, необязательное предложеніе Ломоносова); «но невѣжествомъ ввезено въ нашъ языкъ, ко трудности и ко безобразію онаго»[1]. — «Вы скажете, такъ пишутъ нынѣ. Кто такъ пишетъ нынѣ? Всѣ, вы скажете. Право не всѣ, ибо не всѣ еще симъ заражены, и никогда не заразятся, а то, что не имѣетъ ни малѣйшаго основанія, стоять не можетъ»[2]. Въ этомъ Сумароковъ жестоко ошибся, и его правило въ наставленіи наборщикамъ: «имена прилагательныя кончаются у меня во множественномъ всѣхъ родовъ въ именительномъ падежѣ на *я*», осталось одною изъ забытыхъ особенностей сумароковской орѳографіи; осуждаемое же имъ правило сдѣлалось строго-соблюдаемымъ закономъ. Браня Ломоносова, Сумароковъ однакожъ наивно жалуется на порчу языка по смерти великаго писателя. Въ своемъ обращеніи къ нему, онъ между прочимъ восклицаетъ: «Были врали и при жизни твоей; но было ихъ и мало, и были они поскромняе, а нынѣ они умножилися за грѣхи своихъ прародителей; и такъ пишутъ они, что бы имъ и стѣнъ стыдиться надлежало; а они и просвѣщенныхъ людей не стыдятся» и т. д.[3]. Любопытно замѣчаніе Сумарокова, что Ломоносовъ ужаснулся бы, если бъ увидѣлъ, какъ по смерти его печатаютъ его сочиненія, слѣдуя въ нихъ такому правописанію, котораго онъ не могъ бы одобрить (*возтокъ*, *източникъ*[4]). Для противодѣйствія искаженію языка онъ взываетъ къ Адодурову, Теплову, Полѣтикѣ, особенно же къ Козицкому и Мотонису; онъ жалѣетъ, что нѣтъ ученаго общества, которому бы

---

[1] Соч. Сум., X, 29.
[2] Тамъ же, VI, 309.
[3] Тамъ же, X, 25.
[4] Тамъ же. (Ср. *Росс. Гр.*, § 123). Извѣстно, что въ этомъ обвиняютъ Козодавлева, подъ надзоромъ котораго печатались при Академіи соч. Ломоносова.

поручено было охраненіе языка, и что въ школахъ не учатъ ни правописанію, ни грамматикѣ[1].

Состояніе правописанія послѣ Ломоносова.

Дѣйствительно, послѣднее изъ упомянутыхъ обстоятельствъ еще долго оставалось препятствіемъ къ распространенію у насъ болѣе правильнаго и однообразнаго письма. Съ 1770-хъ годовъ начали появляться краткіе учебники грамматики и правописанія, но съ одной стороны недоставало хорошихъ учителей и разумныхъ методъ преподаванія, съ другой большинство пишущихъ лишено было всякаго школьнаго образованія. «Наука», справедливо замѣчаетъ г. Буличъ, «была тогда достояніемъ немногихъ; она сосредоточивалась только въ академіи и московскомъ университетѣ и находилась въ рукахъ иностранцевъ, не умѣвшихъ писать по-русски»[2]. Свѣтовъ жалуется на множество людей, «которые по худымъ примѣрамъ и по закоренѣлой къ неправому письму привычкѣ пишутъ безразсудно, каковыми, прибавляетъ онъ, я почитаю большую часть поддьячихъ»[3]. Просматривая тогдашнія изданія и особенно рукописи, мы находимъ однакожъ, что тотъ же упрекъ падаетъ и на большую часть не только высшихъ должностныхъ лицъ, но и писателей. Вспомнимъ, напр., какъ писали Бецкой и Державинъ. Нѣкоторые писатели не могли являться въ литературѣ съ своею собственной орѳографіей и при печатаніи своихъ трудовъ обращались къ помощи другихъ. Такое положеніе дѣла продолжалось еще и въ нынѣшнемъ столѣтіи: Карамзинъ въ своей *Запискѣ о древней и новой Россіи* (стр. 2259[4]) говоритъ: «Въ цѣломъ государствѣ едва ли найдешь человѣкъ *сто*, которые совершенно знаютъ правописаніе». Періодическія изданія уже и въ прошломъ столѣтіи представляютъ большое разнообразіе орѳографіи. Особенною обдуманностью ея отлича-

---

[1] Тамъ же, 14, 37 и 56.
[2] *Сумароковъ и современная ему критика*, стр. 221.
[3] *Опытъ нов. правописанія*, 4.
[4] По изданію *Русскаго Архива*.

лась *Всякая Всячина* (1769) Козицкаго, котораго не даромъ хвалилъ Сумароковъ за знаніе языка[1]. Козицкій, по свидѣтельству ученика его, Свѣтова, называющаго его великимъ витіей, также написалъ сочиненіе о русской орѳографіи, оставшееся неизданнымъ[2]. О тогдашнемъ нашемъ правописаніи Свѣтовъ замѣчаетъ: «Оно подвержено многимъ изъятіямъ, великимъ несогласіямъ, сомнѣніямъ и трудностямъ, такъ что каждый почти писатель или переводчикъ отличенъ чемъ ни будь въ правописаніи отъ другаго»[3]. Къ этому надобно прибавить, что даже въ каждомъ отдѣльномъ періодическомъ изданіи рѣдко соблюдалось однообразное правописаніе. Хотя нѣкоторые изъ этихъ изданій и печатались подъ надзоромъ одного лица (такимъ былъ напр. Козодавлевъ при *Собесѣдникѣ* княгини Дашковой), однакожъ почти во всякой статьѣ замѣтны различія, зависящія конечно отъ особенностей письма авторовъ.

Вотъ нѣсколько образчиковъ орѳографіи *Собесѣдника*: *совсемъ, ково, отъ нее, знатной* (муж. р.), *младшей* (также), *нравственныя доводы*, и рядомъ съ тѣмъ: *какіе лѣса, предмѣтъ, присудствовать, свѣденія, если*, а въ другихъ случаяхъ: *естьли, порутчикъ, предметъ, витъ* (вм. вѣдь), *что бы, на конецъ, Эйлеръ, эй* (т. е. *э* употреблялось, хотя тутъ же встрѣчаемъ *поезія*).

Любопытно, между прочимъ, что въ то время существовало во многихъ случаяхъ двоякое правописаніе, одно для просторѣчія,

---

[1] Не разъ онъ въ этомъ смыслѣ упоминаетъ о Козицкомъ и Мотонисѣ; см. напр. его *Соч.* X, 53.

Вотъ нѣсколько примѣровъ правописанія *Всякой Всячины*: того (не тово), никакого, какій, честный, сомнѣніе (впрочемъ иногда и сумнѣніе), изчезли, если (не естьли); въ нѣкоторыхъ случаяхъ Козицкій конечно писалъ не такъ, какъ пишутъ нынче, напр. по томъ, въ прочемъ (но не протчемъ), рускій, вышшій, истинна. Буквы *э* и онъ не употреблялъ.

[2] Вѣроятно, рѣчь идетъ о Козицкомъ въ *Опытѣ нов. правопис.*, стр. 5. Витіей Свѣтовъ могъ называть его потому, что онъ былъ учителемъ краснорѣчія, т. е. греческой и латинской словесности, и писалъ рѣчи о пользѣ миѳологіи (Билярскаго *Матеріалы*). Кажется, Пекарскій въ своей статьѣ о *литературной и журнальной дѣятельности Екатерины II* напрасно выражаетъ сомнѣніе въ томъ, что Козицкій былъ издателемъ *Всякой Всячины*.

[3] *Опытъ нов. правоп.*, 7.

другое для *штиля* (т. е. высокаго слога): «Кажется, говоритъ Свѣтовъ[1], что въ высокомъ слогѣ высокія особливо слова лучше кончить на **ый**, **ій**, оставивъ окончанія **ой**, **ѳй** просторѣчію и низкому, каковъ Комической, роду сочиненія». Этого правила придерживался еще и Карамзинъ (см. его *Письма къ Дмитріеву*), употребляя то или другое окончаніе, смотря по предмету, о которомъ онъ говорилъ. По этой же причинѣ, въ «Письмахъ Русскаго Путешественника» (*Моск. Журналъ*) онъ писалъ *этова*, а другія прилагательныя въ род. пад. муж. р. ед. ч. обыкновенно оканчивалъ на *аго*. Это напоминаетъ, что еще не такъ давно подобныя правила соблюдались иногда и въ произношеніи; такъ въ высокомъ слогѣ не позволялось говорить *Пётръ* вм. *Пэтръ*. «Неопредѣленныя наклоненія, утверждалось такимъ же образомъ, кончить на **ти** можно въ высокихъ рѣчахъ, и чемъ ближе глаголъ Словенскому свойству подходитъ, тѣмъ сіе окончаніе слуху пріятнѣе становится, напр. *вѣщати*, *глаголати*»[2]. Согласно съ этимъ поступалъ даже и Козицкій во *Всякой Всячинѣ*. Надобно однакожъ замѣтить, что Ломоносовъ съ обыкновеннымъ своимъ филологическимъ тактомъ отвергъ окончаніе **ти** въ глаголахъ[3] и что въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, его послѣдователи не воспользовались его примѣромъ. Это окончаніе глаголовъ не встрѣчается и въ *Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ* Миллера, хотя названное изданіе, какъ уже было замѣчено, не во всемъ слѣдовало Ломоносову. Вотъ нѣкоторыя черты орѳографіи этого замѣчательнаго журнала: *рассужденіе* (по правилу Ломон.), *прямого*, *святаго*, *приятна*, *нужняе*, *притчина*, *протчимъ* (и въ то же время *въ прочемъ*), *въ низъ*, *въ верхъ*, *на статуахъ*, *аудіэнція*, *искусство*, *риѳма*, *эпитафія*. На всѣхъ словахъ однозвучныхъ, но имѣющихъ различное удареніе, даже только въ разныхъ падежахъ, ставились *силы*, напр. *начáло*, *стóитъ*, *потóмъ*.

---

[1] *Опытъ*, 17.

[2] *Опытъ* Свѣтова, 26.

[3] См. его *Грамматику*, § 115, гдѣ онъ говоритъ, что буква и «отъ окончанія неопредѣленныхъ глаголовъ и отъ втораго лица единст. ч. давно отставлена».

Изъ всего сказаннаго видно, что ороографія наша въ первыя десятилѣтія по смерти Ломоносова далеко не установилась. Нѣкоторыя слова писались просто неправильно; насчетъ другихъ были разныя мнѣнія. Иныя неправильности озабочивали грамматиковъ, которые однакожъ надѣялись, что онѣ со временемъ исчезнутъ. Такъ Свѣтовъ[1] жаловался, что у насъ названія мѣсяцевъ искажены (*октябрь* вм. *октоврій*, *ноябрь* вм. *ноемврій*, *февраль* вм. *феввруарій*), не замѣчая, что тутъ дѣло идетъ уже не о правописаніи, а о своеобразномъ произношеніи усвоенныхъ языкомъ, по его духу, названій. Поэтому, надежда его на будущее могла исполниться, и дѣйствительно исполнилась только въ отношеніи къ названію *января*, котораго другое написаніе *генварь* ему не нравилось. «Надобно, прибавляетъ онъ, исподоволь и по легоньку вводить въ употребленіе таковыя новости. Можетъ быть, со временемъ испорченныя простымъ и обыкновеннымъ выговоромъ слова не странно будетъ писать по настоящему ихъ произношенію». Въ самомъ дѣлѣ, во многихъ случаяхъ, гдѣ ошибки являлись только въ правописаніи, онѣ впослѣдствіи исчезли, хотя и очень медленно, такъ что напр. слово *генварь* еще и нынче нѣкоторыми, но уже весьма немногими, пишется по-старому.

Старанія изгнать лишнія буквы, и особенно Ъ.

Въ старинныхъ журналахъ нашихъ остались слѣды того, что спорные вопросы ороографіи не всегда обсуживались хладнокровно. Такъ въ *Новыхъ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ* 1787 года[2], въ «Разсужденіи о стихотворствѣ россійскомъ» читается фраза: «не напрасно проименуются педантами или сими школьными упрямцами, которые за единую ѳ объявляютъ кровавую брань своему ближнему». По временамъ эти споры вызывали въ періодической литературѣ замѣтки или предложенія перемѣнъ. Въ *Собраніи Новостей* 1775 года, журналѣ, который впрочемъ не щеголялъ ор-

---

[1] *Опытъ*, 27.
[2] Ч. X, апрѣль, 38.

ѳографіей, помѣщена довольно обширная статья безъ подписи[1], присланная, по показанію редакціи, изъ Ярославля, подъ заглавіемъ: «Опытъ о языкѣ во общѣ (sic) и о россійскомъ языкѣ». Она раздѣлена на небольшія главы, изъ которыхъ одна посвящена замѣчаніямъ «о нѣкоторыхъ буквахъ и правописаніи». Какъ вся статья, такъ и эта глава содержитъ въ себѣ большею частью неудачныя, отчасти даже нелѣпыя, но тѣмъ не менѣе любопытныя мысли. Такъ напр. авторъ предлагаетъ: вмѣсто новой буквы *э*, которую вообще преслѣдовали, писать *е* съ точкой наверху (*ė*), и такою же точкой отмѣчать букву *о*, когда она произносится какъ *а*; далѣе онъ предлагаетъ вовсе не употреблять буквъ *щ*, *ѣ*, *ѳ* и *ѵ*, какъ ненужныхъ по его мнѣнію, а вмѣсто ихъ ставить *шч*, *е*, *ф*, *и*. «Но языкъ нашъ», говоритъ онъ, «имѣетъ нужду въ буквѣ *ıô*, которую надлежитъ употреблять на письмѣ согласно съ произношеніемъ словъ». Въ концѣ статьи авторъ выразилъ весьма дѣльное желаніе, «чтобы въ Россіи, по примѣру другихъ просвѣщенныхъ народовъ, составленъ былъ Словарь, съ опредѣленіемъ точныхъ понятій на каждое слово. Желаніе это около того же времени высказывалось и другими. Незадолго передъ тѣмъ въ *Собраніи Новостей*[2] напечатанъ былъ планъ русскаго словаря, задуманный обществомъ «нѣкоторыхъ партикулярныхъ людей, любителей наукъ словесныхъ»: предполагалось составить его съ толкованіями на нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ, италіянскомъ языкахъ и въ то же время приготовить словари этихъ языковъ съ русскимъ; смѣлые предприниматели намѣревались періодически (черезъ каждые два года) напечатать въ небольшомъ числѣ экземпляровъ три изданія, съ тѣмъ чтобы напередъ вызвать замѣчанія свѣдущихъ лицъ, и надѣялись окончить все предпріятіе въ пять или шесть лѣтъ. Къ сожалѣнію это предпріятіе не осуществилось[3]. Около того же времени, въ октябрѣ

[1] Октябрь, 58—79.

[2] Сентябрь, стр. 115.

[3] Мы не знаемъ, кто были эти лица, но вотъ нѣкоторое указаніе на нихъ. Въ началѣ 1778 года Фонвизинъ писалъ изъ Монпелье къ Я. И. Булгакову:

1779 года, въ *Академическихъ Извѣстіяхъ* (стр. 77) напечатаны «Нѣкоторыя примѣчанія о языкѣ россійскомъ», подписанныя В. С. (т. е. извѣстнымъ уже намъ Вас. Свѣтовымъ). Мечтая также о русскомъ словарѣ и предлагая нѣсколько очень вѣрныхъ замѣчаній (хотя другія конечно отзываются тогдашнимъ младенчествомъ филологіи), онъ въ концѣ статьи говоритъ о Ломоносовѣ: «Онъ же и въ опредѣленіи числа россійскихъ буквъ и въ раздѣленіи ихъ кажется самъ съ собою не былъ согласенъ. Положивъ нужныхъ буквъ токмо 30, выключилъ изъ алфавита Росс. *і*, *щ* и *ѳ*, кои однако самъ вездѣ употреблялъ. Не смотря на одинакой *и* и *і* выговоръ, различается одна отъ другой тщательно въ правописаніи Россійскомъ. Букву *щ* за тѣмъ не внесъ въ число, что она сложена изъ двухъ письменъ *шч* или *сч*; но ежели по сему правилу поступать, то надлежало ему выключить также *ц* и *ч*, потому что *ц* сложена изъ *тс* или *дс*, *ч* изъ *тш*». Къ примѣчаніямъ приложена особая статейка: «Споръ у буквы *и* съ *і*». *Ѳита* рѣшаетъ этотъ споръ слѣдующими словами: «Перестаньте и подите по своимъ мѣстамъ: вы оба въ одно время въ Русь пріѣхали изъ Греціи; только *ц* и другія нѣкоторыя буквы не нашего поколѣнія». Рѣшеніе *ѳиты* получило силу закона, но только собственное ея право на существованіе весьма сомнительно.

Нельзя также оставить безъ вниманія орѳографическихъ соображеній Подшивалова, напечатанныхъ послѣ его смерти въ *Трудахъ общества любителей россійской словесности* (Ч. V, 1816), въ статьѣ: «Чтеніе и письмо» (стр. 82). И онъ полагаетъ,

---

«А propos! Я вижу, что и лексиконъ нашъ умираетъ при самомъ своемъ рожденіи. Повивальная бабушка, то есть Даниловскій, плохо его принимаетъ. Я считалъ его за половину, а онъ еще около первыхъ литеръ шатается. Увѣдомьте меня искренно, не спала ли у него охота. Я купилъ уже le Grand Vocabulaire. Въ маѣ онъ его вѣрно получитъ; но если молодецъ лѣнится, то пожалуйте, по привозѣ le Grand Vocabulaire, продайте его и деньги ко мнѣ переведите.» (*Соч. Д. И. Фонъ-Визина*, Спб. 1866, стр. 273). Какой-то Даниловскій около 1783 г. былъ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Гагѣ; въ Смирд. *Росписи* значится Іоакимъ Евфим. Даниловскій, который въ 1812 и 1814 г. напечаталъ два учебника по географіи и по французскому языку.

что со временемъ изъ русской азбуки исчезнутъ, какъ ненужныя, буквы: *ѳ*, *и*, *щ*, *ѣ*, *э*, вмѣсто которыхъ будутъ писать: *ф*, *і*, *сч*, *е*. Букву *й* предлагаетъ онъ замѣнить ї, а разные случаи употребленія *е* означать акцентами ´ ` ^. Кромѣ того, онъ считаетъ возможнымъ обойтись безъ *ъ* и *ь*, вмѣсто которыхъ можно бы ставить черточки (—) или знакъ апострофа ('), или *ерокъ*. Такимъ образомъ, по его мнѣнію, азбука наша можетъ быть сокращена до 27-ми или, много, 28-ми буквъ.

По примѣру Подшивалова и А. Е. Измайловъ считалъ безполезными *и*, *э*, *ѣ*, *ѳ*, *щ* и *ъ*, и сожалѣлъ, что эти шесть буквъ не были изгнаны изъ русской азбуки вмѣстѣ съ *кси*, *пси* и *икомъ*, т. е. *оу* (*Благонамѣр*. 1824, № 11).

Гоненія на букву *ъ* начались очень рано. Еще Тредьяковскій въ своемъ «Разговорѣ» упоминаетъ о «нѣкоторыхъ особахъ», которыя хотѣли замѣнить ее надстрочнымъ знакомъ[1]. Болѣе рѣшительныя покушенія противъ **ера** являются въ печати подъ конецъ прошлаго столѣтія. По распоряженію директора Академіи наукъ Домашнева, въ нѣсколькихъ книжкахъ *Академическихъ Извѣстій* за 1781 годъ печатался безъ этой буквы отдѣлъ: «Показанія новѣйших трудов разных Академій». Есть свѣдѣніе, что профессоръ Московскаго университета Антонъ Алексѣевичъ Барсовъ, въ своемъ латинскомъ разсужденіи De brachygraphia, предлагалъ выключить *ъ* изъ русской азбуки и употреблять на письмѣ, кромѣ того, разныя сокращенія; было ли это сочиненіе напечатано, намъ неизвѣстно; оно не отыскалось ни въ петербургской Публичной библіотекѣ, ни въ библіотекѣ Московскаго

---

[1] *Разговоръ*, стр. 222. Тутъ надо, вѣроятно, разумѣть главнымъ образомъ Адодурова, который «считается однимъ изъ первыхъ русскихъ писателей, хотѣвшихъ изгнать изъ русскаго алфавита букву ъ». (Пекар. *Истор. Ак. Наукъ*, I, 507). Къ сожалѣнію, я нигдѣ не могъ найти слѣдовъ книжки «Правила россійской орѳографіи», приписываемой Новиковымъ Адодурову. Самъ Тредьяковскій находилъ, что мы могли бы обойтись безъ *ера*, и усердно доказывалъ, что ъ и ь не буквы, а только знаки извѣстнаго произношенія, въ чемъ онъ и правъ; но дѣло не въ названіи.

университета[1]. Но что Барсовъ дѣйствительно желалъ, въ концѣ словъ, обходиться безъ **ера**, на это есть другія доказательства: въ *Краткихъ правилахъ Россійской грамматики*, учебникѣ, составленномъ имъ для гимназій и изданномъ въ первый разъ въ 1771 году, а потомъ часто перепечатывавшемся, находимъ слѣдующее замѣчаніе: «*ъ* значитъ только природное, т. е. дебелое окончаніе согласныхъ и употребляется при нихъ только въ концѣ реченій; хотя оныя буквы тутъ и безъ него не иначе бы выговорены были какъ и въ срединѣ безъ него жъ выговариваются. Напр. въ словѣ *Антонъ* послѣдній складъ *тонъ* не иначе выговаривается какъ и первой *Ан*, слѣдовательно можнобъ оное слово такъ и писать всегда *Антон*, а потому и всѣ другія согласными буквами оканчивающіяся такимъ же образомъ, какъ во всѣхъ другихъ извѣстныхъ языкахъ, изъ которыхъ ни въ одномъ сего знака нѣтъ, хотя всякой изъ нихъ безчисленное множество словъ на согласныя кончащихся имѣетъ; и такъ онъ въ семъ разсужденіи почти совсѣмъ излишній. Напротивъ того почитается надобнымъ, для отдѣленія согласной, принадлежащей къ первой части сложнаго реченія, отъ гласной, которая принадлежитъ ко второй части онаго, наприм. *объявляю*, *подъемлю*, *изъятіе* и проч., дабы не читать *обявляю*, *подемлю*, *изятіе*». Точно такъ же Барсовъ въ грамматикѣ своей признаетъ излишними двѣ греческія буквы *ѵ* и *ѳ*. О послѣдней онъ отзывается очень категорически: «какъ точное греческое оной буквы произношеніе большей части изъ Россіанъ неизвѣстно и трудно и она у насъ въ выговорѣ никакой не имѣетъ разности отъ *ф*, то можно вмѣсто ея вездѣ *ф* писать»[2]. Полнымъ образчикомъ правописанія, какого желалъ

---

[1] Евгеній въ своемъ Словарѣ, относя это разсужденіе къ 1790 году, говоритъ, что здѣсь Барсовъ совѣтовалъ также «писать многія русскія слова сокращенно, а нѣкоторыя только одною, двумя или тремя начальными буквами, а особливо имена собственныя и часто повторяемыя существительныя и даже прилагательныя». По біографическому Словарю профессоровъ Моск. университета, эта диссертація была произнесена въ 1768 году. Приношу Н. С. Тихонравову искреннюю мою признательность за его стараніе, хотя и не увѣнчавшееся успѣхомъ, отыскать, по моей просьбѣ, сочиненіе Die Brachygraphia.

[2] *Краткія правила Росс. грамм.* М. 1782, стр. 84—88.

Барсовъ, можетъ служить отрывокъ изъ оставшихся послѣ него рукописей, напечатанный Карамзинымъ, съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника, въ *Московскомъ Журналѣ* 1792 года[1], подъ заглавіемъ: «Сводъ бытій Россійскихъ». Вотъ нѣсколько строкъ оттуда: «Словар Географіческій мѣст, с проісшествіямі в ніх случівшіміся, із коіх многіе частные словарі в том же отношеніі ізвлечены быт могут, на прім. Юрідіческій, ученый, военный, Історіі Естественной і проч. всеж то с пріобщеніем разных спісков собрано імрек такім-то, і нѣкоторым новым, сокращеннѣйшим протів обыкновеннаго образом і способом напечатано»...

Мысль объ изъятіи изъ нашего письма буквы *ъ*, вполнѣ или только въ концѣ словъ, не только повторялась многими, но и осуществлялась по временамъ въ печати, какъ въ прошломъ, такъ и въ нынѣшнемъ столѣтіи. О новѣйшихъ врагахъ этой буквы упомяну ниже, а здѣсь укажу, кромѣ названныхъ уже Домашнева и Барсова, еще на Чеботарева, Шлецера, Н. Ѳ. Эмина, Лабзина, Языкова и Измайлова, не говоря о другихъ менѣе извѣстныхъ. Здѣсь же кстати привести заглавія книгъ, въ былое время напечатанныхъ безъ *ъ*: 1, Ода на заключеніе мира съ Готѳами. Н. Эмина. Спб. 1790[2]; 2, Кровопролитная война у Архипыча с'Еремѣевной. Соч. Михаила Бранкевича, М. 1810. (По словамъ Геннади, это сатирическая бесѣда, вызванная войною съ Турками); 3, Дух Эккартсгаузена, М. 1810[3]; 4, Влюбленный Шекспиръ, соч. Дювиля, пер. Д. Языкова. Спб. 1807;

---

[1] Часть VII, стр. 344—347.

[2] Къ этой-то одѣ, какъ теперь несомнѣнно, относится двустишіе Державина:

«Прекрасно написалъ ты оду безъ еровъ;
Но лучше бы еще, когда бъ совсѣмъ безъ словъ». (Соч. Держ. III, 199).

[3] Заимствую эти указанія изъ двухъ статей, за подписью *Григорія Книжника* напечатанныхъ: въ *Моск. Вѣд.* 1856, № 92, и въ *Книжномъ Вѣстникѣ* 1862, № 11. Въ числѣ противниковъ *ера* Геннади называетъ также извѣстнаго Сковороду; но по справкамъ, обязательно доставленнымъ мнѣ А. Ѳ. Бычковымъ, большая часть рукописей Сковороды оказывается съ *еромъ*; у И. И. Срезневскаго нашлось нѣсколько собственноручныхъ писемъ малороссійскаго философа (1786—1788 г.), гдѣ онъ не употреблялъ ни ъ, ни ь.

5, Сравненія, замѣчанія и мечтанія, писанныя в' 1804 году во время путешествія одним Руским. Перевод съ Нѣмецкаго (соч. Д. Языкова)[1]. Спб. 1808.

Что касается Чеботарева и Шлецера, то ихъ нерасположеніе къ буквѣ *ъ* видно изъ письма послѣдняго къ профессору Московскаго университета Гейму. Въ этомъ письмѣ (1804 г.) Шлецеръ, говоря объ учрежденіи ученаго общества для критическаго изданія русскихъ лѣтописей, замѣчаетъ, что свѣдѣніе о томъ сообщилъ ему «г. Чеботарев, который терпѣть не может *ъ*, и я также», прибавляетъ знаменитый историкъ[2].

О враждѣ мистика А. Ѳ. Лабзина къ буквѣ *ъ* намъ извѣстно по преданію, которое подтверждается слѣдующими словами изъ записокъ В. И. Панаева: «Въ бумагахъ покойнаго отца моего нашлось множество писемъ Лабзина подъ псевдонимомъ *Безъеровъ*, вѣроятно потому, что онъ нигдѣ *еровъ* не ставилъ»[3]. Мы знаемъ, что Лабзинъ напечаталъ нѣсколько переводовъ изъ Эккартсгаузена. Соображая то и другое свѣдѣніе, можно догадываться, что названное выше подъ цифрою 3 изданіе «Дух Экхарстсгаузена» находится въ связи со взглядами Лабзина, хотя переводъ этой книги и принадлежитъ М. Бранкевичу, какъ видно изъ его подписи подъ посвященіемъ И. В. Лопухину. Біографъ Лабзина, г. Безсоновъ, жалуясь на трудность перечислить всѣ его сочиненія и переводы, свидѣтельствуетъ, что есть такія изданія, которыя напечатаны безъ его имени, но составлены подъ его руководствомъ[4].

Въ исторіи нашего *ера* случайно является также одно изъ знаменитѣйшихъ именъ европейской науки, впрочемъ опять на сторонѣ противниковъ этой буквы. Находясь въ Петербургѣ въ 1830 году, Александръ Гумбольдтъ, на вечерѣ у извѣстнаго

---

[1] Ниже будутъ исчислены позднѣйшія изданія книгъ безъ *ера*.

[2] «Hr. Чеботарев (der kein ъ leiden kan, ich auch nicht)».. См. *Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Древностей*. Ч. IV, кн. 1, М. 1828.

[3] *Вѣст. Евр.* 1867, IV, стр. 248, въ *Воспоминаніяхъ* Панаева.

[4] *Р. Архивъ* 1866, стр. 825.

А. Н. Оленина[1], выразилъ свое мнѣніе о совершенномъ излишествѣ *ера* въ нашей азбукѣ. На другое утро онъ получилъ написанное изящнымъ французскимъ языкомъ письмо за подписью: «la lettre ъ», въ которомъ кто-то съ жаромъ вступился за права этой буквы, основанныя не только на древности ея, но и на ея значенія, особливо въ серединѣ словъ. Авторомъ письма, за котораго Гумбольдтъ сперва принялъ-было Д. Н. Блудова, оказался потомъ Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій, печатавшій свои сочиненія подъ псевдонимомъ Антонія Погорельскаго[2].

Правописаніе Карамзина.

Эпоху въ успѣхахъ русскаго правописанія составило появленіе въ 1791 году *Московскаго Журнала*. Всегдашнюю свою заботу о чистотѣ и правильности языка Карамзинъ распространялъ и на ороографію: отдавалъ себѣ строгій отчетъ въ употребленіи не только каждаго слова, но и каждой буквы, не устраняя изъ своего письма ни одной. Такимъ образомъ ему должно быть приписано установленіе не только литературнаго языка, но и правописанія русскаго. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ однакожъ онъ вначалѣ писалъ не такъ, какъ мы теперь пишемъ и какъ самъ онъ писалъ впослѣдствіи: такъ въ *Моск. Журн.* мы читаемъ: *растѣніе*, *щастіе*, *не чего*, *по томъ*, *поселенцовъ*, *Руской народъ*, *яицы*, *этова* (какъ слово просторѣчія), *естьли*, *сверьхъ*, *яишница*, *молошный*, *порутчикъ*, *серебреной*, *ширѣ*, *ни кто*, *лѣсница*, *ни чѣмъ*, *прилѣжность*, *почтилліонъ*. Но онъ уже тогда писалъ: *истина*, *свѣдѣніе*, *лучше* (не *лутче*), *плечо*, *искусство*, *лекарь*, *лечить*, *завтрашній*, *причина*, *письмо*, *страдальцевъ*, *эѳиръ*, *вѣдь*, *прочее*, *навѣки*, *ввечеру*, *пѣвцомъ*, *лицомъ* и проч.

---

[1] Слышано отъ покойнаго графа Ѳ. П. Литке, бывшаго также на этомъ вечерѣ.

[2] Сколько мнѣ извѣстно, это письмо и отвѣтъ Гумбольдта были напечатаны четыре раза: 1) въ *Литер. Газетѣ* барона Дельвига, 1830, № 22; 2) в *Маякѣ* 1842, кн. VIII; 3) въ сочиненіяхъ Погорельскаго, изд. 1853, т. II, и 4) въ *Русскомъ Архивѣ* 1865, стр. 1128—1138.

Постепенно Карамзинъ видоизмѣнялъ нѣкоторыя частности своего правописанія. Такъ въ *Моск. Журналѣ* онъ писалъ сперва *почтилліонъ*, позднѣе же *почтильйонъ*, способъ написанія, который въ 1840-хъ годахъ былъ принятъ *Отеч. Записками*, а въ 60-хъ *Московскими Вѣдомостями* для словъ подобнаго рода (*батальйонъ*). Букву *й* употреблялъ онъ не только въ этомъ случаѣ, но иногда и въ началѣ иностранныхъ словъ, напр. въ имени *Йокке* (*Ист. Гос. Росс.* т. IV, стр. 161). Не любя надстрочныхъ знаковъ, не отмѣчая напр. ударенія, онъ однакожъ ввелъ *двоеточіе* надъ буквою *е* въ тѣхъ случаяхъ, когда прежде писали *іо̂*. Въ одной изъ книжекъ *Аонидъ* въ первый разъ написано такъ, въ концѣ стиха, слово *слёзы* и въ выноскѣ замѣчено: «Буква *е* съ двумя точками замѣняетъ ïô»[1]. Въ сложныхъ реченіяхъ, составленныхъ изъ двухъ отдѣльныхъ словъ, онъ въ концѣ перваго (муж. рода) иногда не писалъ *ера*. Такъ въ «Похвальномъ словѣ Екатеринѣ II» написано: «*Ангальт-Цербстскаго Дома*»[2], Слово *если* писалъ онъ долго со вставкою буквъ *ть*, и только въ послѣдніе годы жизни сталъ писать его такъ, какъ оно теперь пишется и какъ иногда писалось уже въ весьма давнее время. (Такъ эта орѳографія встрѣчается уже, по крайней мѣрѣ разъ, въ *Духовномъ Регламентѣ*, напечатанномъ гражданскимъ шрифтомъ). Не оправданную временемъ черту орѳографіи Карамзина составляетъ обиліе большихъ буквъ: ими начинаются у него не только всѣ иностранныя существительныя имена (не говоря уже о собственныхъ, сущ. и прилаг.), но и многія свои, которымъ приписывалось особое значеніе. Такъ напр. онъ пишетъ всегда, не измѣняя этой привычкѣ до конца жизни: *Авторъ*, *Литтература*, *Герой*, *Поэтъ*, *Лѣтописецъ*, *Вѣра* (даже *Магометова*), *Судьба*, *Правительство*, *Природа*, *Держава*, *Члены* (о лицахъ), *Науки*, *Искусства* и проч. Это дѣлалось и другими на основаніи правила, что большою буквою означаются имена *почтенныя*[3] и что взятыя

---

[1] *Аониды*, кн. 2-я (1797), стр. 176: «Опытная Соломонова мудрость».

[2] *Соч. Карамзина*, т. VIII, стр. 6. М. 1804.

[3] Правило, принятое уже Ломоносовымъ (см. его *Грамматику*, § 129).

съ иностранныхъ языковъ слова отличаются отъ «природныхъ россійскихъ прописною начальною буквою». Свѣтовъ сознавался, что на это нѣтъ достаточныхъ причинъ; но прибавлялъ, что такъ какъ большая часть писателей такъ поступаетъ, «то должно непремѣнно въ томъ всѣмъ согласиться и принять за правило, почитая за безполезное спорить о такихъ мелочахъ»[1]. Здѣсь не мѣсто говорить объ особенностяхъ Карамзинскаго языка; упомяну однакожъ объ одной, по связи ея съ орѳографіею. Карамзинъ не признавалъ глагольной формы *рѣшать*, которой нѣтъ во всѣхъ одиннадцати томахъ его Исторіи, и употреблялъ только форму *рѣшить*, считая ее несовершеннымъ видомъ. Того же мнѣнія былъ и Пушкинъ, который, въ особенной замѣткѣ, указывая на первую форму, какъ на ошибочную, хотя и многими употребляемую, заключаетъ: «Рѣшу спрягается какъ грѣшу»[2]. Очевидно, что разсуждать такъ значитъ налагать на языкъ произвольныя грамматическія оковы.

Впрочемъ Пушкина никакъ нельзя вообще упрекать въ подобномъ направленіи. Но, въ рукахъ нѣкоторыхъ другихъ, теоретическая разработка русскаго языка въ началѣ нынѣшняго столѣтія приняла этотъ характеръ. Такою явилась она уже въ первомъ изданіи академической грамматики (1802), вызвавшемъ извѣстную статью Карамзина въ *Вѣстникѣ Европы:* «Великій мужъ русской грамматики[3]». Въ трудѣ Росс. Академіи, въ которомъ главное участіе принадлежало П. И. Соколову, первая часть посвящена правописанію; но она въ этомъ отношеніи очень неудачно поправляетъ Ломоносова, наприм. буквы *и* и *ы* причисляетъ къ *сложнымъ* гласнымъ по той причинѣ, что «онѣ состоятъ изъ двухъ письменъ», а *ъ* и *ь* называетъ *средними*[4] буквами;

---

[1] *Опытъ новаго росс. правописанія*. Спб. 1787, стр. 16.

[2] *Соч. Пушк.* (изд. Анн.), т. V, стр. 43.

[3] Подъ этимъ именемъ, какъ извѣстно, Карамзинъ разумѣлъ Барсова. См. Погодина *Карамзинъ*, II, 126.

[4] Въ названіи этихъ буквъ долго не могли согласиться грамматисты. Французъ Модрю (Maudru), 1808 г., называетъ *ъ* *слюнобезгласною!* См. его *Основательное сокращеніе Россійскія грамматики* (М. 1808).

когда *е* произносится какъ *іо̂*, она совѣтуетъ удерживать въ правописаніи лучше букву *е*, исключая: *синіо̂*, *Маіо̂ръ*, *Маіо̂рскій*; о карамзинскомъ начертаніи *ё* нѣтъ и помину. Въ главѣ объ «особенныхъ правилахъ правописанія» пропущены многіе случаи, на которые уже было обращено вниманіе Ломоносовымъ, Свѣтовымъ и Сумароковымъ, а вмѣсто того введены нѣкоторыя либо несостоятельныя, либо мелочныя правила; между прочимъ предлагается въ словахъ *щетъ*, *пещаный* и т. п. удерживать предпочтительно букву *щ*.

Востоковъ и Гречъ.

Въ 1808 году Ив. Март. Борнъ, учитель русскаго языка въ нѣмецкомъ училищѣ Св. Петра, издалъ *Краткое руководство къ россійской словесности*, книгу, для насъ любопытную особенно тѣмъ, что въ ней напечатаны первыя грамматическія замѣтки Востокова, присоединенныя мѣстами къ тексту издателя, въ видѣ особыхъ примѣчаній, съ подписью *Остенекъ-Востоковъ*. Онъ является тутъ критикомъ Россійской Академіи и послѣдователемъ Карамзина. Въ главѣ «о правописаніи и словопроизношеніи» разъяснены съ особенною внимательностью случаи, когда буква *е* произносится какъ *іо̂*, и замѣчательно, что кромѣ этого послѣдняго начертанія принята въ многочисленныхъ примѣрахъ уже и буква *ё* (*берёза*, *дешёвый*, *жёлудь* и проч.)[1]. Не менѣе любопытны, хотя и не со всѣми ими можно согласиться, тогдашнія замѣтки Востокова о буквахъ *ѣ ъ ь*; особенно справедливо то, что̀ онъ говоритъ о буквѣ *ъ*, которую считаетъ излишнею: «..пишется она только въ окончаніи словъ, а слышна бываетъ вездѣ, и въ началѣ и въ серединѣ словъ, напр. лъошадь, желъаю, полъка, нъашъ, гнъу, приманъка, съало, масъло, невѣсъта. Ежели она во всѣхъ сихъ случаяхъ не пишется, а под-

[1] Впослѣдствіи Востоковъ говорилъ: «Для изображенія звука іо̂, слышимаго въ просторѣчіи вмѣсто *е*, введено начертаніе *ё*, но употребленіе сего начертанія нѣкоторыми не одобряется, будучи признаваемо излишнимъ тамъ, гдѣ можно писать *е*» (*Русск. Грамм.*, Спб. 1839, стр. 253).

разумѣвается, то можетъ и въ окончаніи подразумѣваться тамъ, гдѣ не будетъ стоять *ъ*: но и сію букву весьма бы можно замѣнить апострофомъ или какимъ другимъ знакомъ»[1]. Кстати замѣтимъ, что послѣ буквъ *ж ч ш щ* въ концѣ именъ муж. рода Востоковъ ставилъ *ъ*, отличаясь тѣмъ отъ Карамзина, который писалъ *мечь, лучь*, но послѣ остальныхъ шипящихъ также писалъ *ъ*. Относительно прописныхъ буквъ В. держался стариннаго правила, что онѣ пишутся между прочимъ въ началѣ названій «важныхъ государственныхъ мѣстъ и чиновъ». Впослѣдствіи онъ видоизмѣнилъ это правило, сказавъ, что изъ нарицательныхъ именъ прописною буквою пишутся: «титла, чины и должности лицъ разнаго званія, выключая самыя низшія степени, какъ-то: *солдатъ, матросъ, дьячекъ, пономарь*», также: «имена Правительствъ и мѣстъ Судебныхъ, Обществъ и сословій; напр.: *Государство, Правительство, Сенатъ, Департаментъ, Дворянство, Купечество* и пр.»[2].

Въ 1811 году на грамматическое поприще выступаетъ Гречъ, и вскорѣ русское правописаніе надолго подчиняется его вліянію. Первымъ трудомъ его по теоріи языка была брошюра *Опытъ о русскихъ спряженіяхъ*[3]. Но еще важнѣе было начатое имъ въ

---

[1] *Кр. руковод. къ росс. словесн.*, стр. 11.

[2] *Русск. Грамматика*, Спб. 1839, стр. 373.

[3] «*Съ таблицею*». (Спб. 1811). Въ началѣ эпиграфъ изъ Гёте. Въ короткомъ предисловіи авторъ сознается, что основная мысль брошюры (раздѣленіе глаголовъ по значенію,—по объему дѣйствія,—на простые, однократные, учащательные и сложные) принадлежитъ Борну, его другу и предмѣстнику въ нѣмецкомъ училищѣ Св. Петра. Общество любителей словесности, наукъ и художествъ, въ которомъ этотъ опытъ былъ читанъ, поручило Востокову разсмотрѣть рукопись, и его отзывъ, вполнѣ одобрительный, напечатанъ въ концѣ книжки. Слѣдующій грамматическій трудъ Греча былъ изданъ въ 1823 г. въ числѣ 50-ти экземпляровъ подъ заглавіемъ: *Корректурные листы Русской Грамматики*, тетрадь 1, въ 4 д. л., съ большими полями для замѣчаній. Въ предисловіи объяснено, что Общество любителей словесности предложило автору «привести въ порядокъ и издать собранныя имъ въ теченіе многихъ лѣтъ правила русской грамматики». Въ концѣ предисловія сказано: «Почтенный писатель нашъ В. А. Жуковскій сообщилъ мнѣ рукописныя свои замѣчанія о Русс. Грам., изъ коихъ я заимствовалъ много новаго и полезнаго». (Жуковскій преподавалъ тогда русскій языкъ великой княгинѣ Александрѣ

слѣдующемъ году изданіе *Сына Отечества*. Здѣсь, какъ и во всѣхъ дальнѣйшихъ своихъ изданіяхъ, Гречъ, въ отношеніи къ языку вообще и къ правописанію въ особенности, является строгимъ послѣдователемъ Карамзина. Вся его грамматика была впослѣдствіи построена на сочиненіяхъ знаменитаго исторіографа. Нисколько не уменьшая услугъ, оказанныхъ Гречемъ русскому языку, особенно въ педагогической сферѣ, нельзя однакожъ не замѣтить, что онъ обращался съ нимъ такъ же, какъ Готшедъ съ языкомъ нѣмецкимъ. Господствующимъ направленіемъ Греча было не изслѣдованіе законовъ языка, для чего необходимо справляться и съ исторіею его, и съ народною, вообще съ живою рѣчью, а установленіе *правилъ* по избраннымъ литературнымъ образцамъ. Когда же образцы не давали отвѣта, или когда между ними замѣчалось разногласіе, — придумывались правила чисто-условныя, основанныя на механической правильности построенія фразы, или на внѣшнихъ соображеніяхъ. Свобода, разнообразіе, прихотливость языка, иногда видимыя отступленія отъ правилъ, не принимались въ расчетъ, или служили поводомъ къ *исключеніямъ*. Положимъ напр., что вы употребили выраженіе: «можно бы подумать» или написали: «всклокоченные волосы». Нѣтъ, восклицалъ Гречъ: надобно сказать: «можно было бы подумать» [1],— «всклоченные волосы», не обращая вниманія на то, что вся Русь говоритъ иначе. Такъ и по орѳографіи говорилось: «пишите *лекарь* (какъ писалъ Карамзинъ): это слово происходитъ отъ гла-

---

Ѳедоровнѣ). Въ 1827 г. напечатаны: *Практич. русская грамматика*, и *Пространная русс. грам.*, Греча; въ 1828 *Начальныя правила русс. грам.*, и съ тѣхъ поръ тѣ же труды являлись въ разныхъ видахъ и подъ разными заглавіями.— Грамматическіе труды Востокова напечатаны были отдѣльно въ первый разъ въ 1831 году подъ заглавіями: *Русская Грамматика* и *Сокращенная русс. грам. для употребленія въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ* (по порученію Комитета для разсмотрѣнія учебныхъ пособій). Каждая изъ нихъ, особенно послѣдняя, перепечатывалась потомъ нѣсколько разъ. Въ началѣ Востоковъ заявилъ, какъ много онъ обязанъ труду чеха А. Я. Пухмайера: «Lehrgebäude der Russischen Sprache, nach dem Lehrgebäude der Böhmischen Sprache des H. Abbe Dobrovsky. Prag. 1820».

[1] На томъ будто бы основаніи, что глаголъ *быть* можетъ подразумѣваться только въ настоящемъ времени.

гола *легчить*; пишите *наизустъ*, а не *наизусть*, потому что предлогъ *изъ* требуетъ родительнаго падежа: *устъ*. Но авторитетъ Греча, проповѣдывавшаго эти произвольныя правила въ многочисленныхъ изданіяхъ своей грамматики и проводившаго ихъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Булгаринымъ, въ журналахъ, въ *Сѣверной Пчелѣ* и въ отдѣльныхъ книгахъ, былъ такъ великъ, что правила этого рода сдѣлались господствующими и держались почти неизмѣнно лѣтъ двадцать, то есть почти до сороковыхъ годовъ. Разумѣется, впрочемъ, что въ первое время существованія *Сына Отечества* встрѣчаются въ немъ начертанія словъ, позднѣе оставленныя самимъ издателемъ. Такъ въ 1812 году онъ еще писалъ, напр.: *естьли*, *щастіе*, *порутчикъ*, *Рускіе*, *угнѣтенный*, т. е. писалъ такъ, какъ Карамзинъ до появленія *Исторіи Государства Россійскаго*.

Измѣненія ореографіи послѣ Карамзина.

Нѣкоторыя отступленія отъ карамзинской ореографіи становятся особенно замѣтными сперва въ *Вѣстникѣ Европы* Каченовскаго, а потомъ въ *Библіотекѣ для чтенія* Сенковскаго. Каченовскій (см. *В. Е.* 1830) не отдѣлялъ напр. частицы *не* отъ глаголовъ (*неслѣдуетъ*), любилъ ударенія (*ка́къ*, *та́къ*, *ни́же*, *нахо́дите*), не употреблялъ ни *э* (*ето*, *Поезія*), ни *ё* (*Гете*), писалъ *идти* (не *итти*), *искуство*, *другій*, *вразсужденіи* (хотя онъ же писалъ *не уже ли*); но особенно оригинально его правописаніе въ греческихъ словахъ, въ которыхъ онъ для звука *и* писалъ то *і*, то *ѵ*, напр. *Іліада*, *Іѳака*, *Ахіллесъ*, *Ѳерсітъ*, *Політіка*, *Улѵссъ*, *Смѵрна*, *сѵстема*. Отступленія *Библіотеки для Чтенія*, которая начала издаваться съ 1834 года, заключались главнымъ образомъ въ менѣе частомъ употребленіи прописныхъ буквъ и въ стремленіи обозначать черточками (единитными знаками, какъ называли ихъ въ старину) совокупленіе двухъ или нѣсколькихъ словъ въ нарѣчіе (locution adverbiale); такъ здѣсь пишутся слова: *можетъ-быть* (иногда безъ запятой), *по-крайней-мѣрѣ*, *по-счастію*, *во-первыхъ*, *по-видимому*, *между-тѣмъ*, *едва-ли*; *несмотря*

пишется слитно; тутъ же мы находимъ *смѣшонъ* и рядомъ съ этимъ ороографію *лице*.

Еще далѣе въ подобныхъ, для того времени новыхъ начертаніяхъ пошли *Отечественныя Записки*, основанныя въ 1839 году А. А. Краевскимъ. Здѣсь прилагательныя *собственныя имена* начинаются уже во многихъ случаяхъ маленькою буквой (*русскій*, *нѣмецкій*); однакожъ имена народовъ (*Русскіе*, *Шведы*) и учрежденій (напр. *Дворянское Уѣздное Училище*) пишутся еще по прежнему съ прописною буквой; послѣ *ж ч ш щ* иногда является *о* (*бичомъ*); въ предлогахъ **воз, из, раз** сохраняется передъ всѣми буквами *з* (*разкрыть, изтреблять*); слова *чтó*, *нéчего*, *кáкъ* въ извѣстныхъ случаяхъ отмѣчаются удареніемъ; но особенно выдаются черточки для соединенія словъ одного и того же реченія, напр.: *въ-самомъ-дѣлѣ*, *въ-слѣдствіе*, *въ-послѣдствіи*, *потому-что*, *для-того*, *въ-теченіе*, *должно-быть*, *какъ-можно-строже*. Мало по малу многія изъ такихъ словъ стали писаться даже слитно, напр. *вслѣдствіе*, чтó сначала возбуждало общее вниманіе и толки, особенно когда увидѣли написанныя такимъ же образомъ слова: *ксожалѣнію*, *ксчастію*. Съ этими двумя послѣдними начертаніями, такъ же какъ и съ прилагательною формой *петербуржскій*, которою отличались *Отеч. Записки*, публика никакъ не могла примириться, и редакція принуждена была наконецъ отказаться отъ нихъ. Менѣе противодѣйствія нашло введенное ею упущеніе *ера* въ сложныхъ словахъ, подобныхъ слѣдующимъ: *генерал-адъютантъ*, *пол-листа*; однакожъ и эта ороографія мало распространилась.

Съ этихъ поръ нарушено было то довольно общее однообразіе правописанія, которое установилось-было по образцу карамзинскаго, и началась пестрота его въ подобныхъ приведенымъ случаяхъ. Болѣе и болѣе стала обнаруживаться наклонность не употреблять прописныхъ буквъ, писать слитно слова, прежде писавшіяся отдѣльно, и сближать письмо съ говоромъ, особенно употребленіе *о* вмѣсто *е* (*ё*) послѣ *ж ч ш щ*, чтó теперь, по примѣру *Голоса*, принято и нѣсколькими другими изданіями.

Нововведенія и противодѣйствіе имъ.

Перейдемъ теперь къ нѣкоторымъ частнымъ попыткамъ измѣнить въ томъ или другомъ отношеніи наше правописаніе. Эти попытки касались то самой азбуки, то различныхъ способовъ передавать звуки существующими у насъ буквами. Такъ какъ то и другое часто соединяется въ предположеніяхъ одного и того же лица, то мы и будемъ разсматривать вмѣстѣ оба рода нововведеній.

Въ 1828 году нѣкто (по показанію Геннади, умершій 1835 П. Л. Яковлевъ[1]) издалъ въ Москвѣ книжку: *Рукопись покойнаго К. А. Хабарова*, авторъ которой выдаетъ себя за отставного корректора и разсказываетъ, что тотчасъ по окончаніи своего ученія въ школѣ, онъ опредѣлился въ типографію. «Сталъ набирать, печатать, читать корректуру — разсказываетъ онъ въ своей автобіографіи — и въ годъ выучился всему типографскому дѣлу. Работа трудная — за то здоровая. Всѣмъ, потерявшимъ аппетитъ, всѣмъ разслабленнымъ отъ удовольствій, я бы совѣтовалъ только одинъ мѣсяцъ поработать въ типографіи въ должности тередорщика[2]. Увѣренъ, что они выздоровѣютъ совершенно». По увѣренію автора, онъ цѣлые 22 года постоянно занимался при разныхъ типографіяхъ, а потомъ, наскучивъ этимъ дѣломъ, завелъ книжную торговлю. Онъ убѣдился, что русская азбука, форма литеръ требуютъ большихъ преобразованій. «Всякій разъ, набирая какую-нибудь книгу, продолжаетъ онъ, я думалъ о улучшеніи литеръ азбуки: вмѣсто отдыха, послѣ работы, чертилъ формы буквъ или задумывался надъ безтолковой азбукой нашей! Сдѣлавшись книгопродавцемъ и имѣя много свободнаго времени, я сталъ записывать свои мысли и предположенія о литерахъ и азбукѣ — вышло небольшое сочиненіе, которое и назначаю издать въ свѣтъ черезъ 25 лѣтъ послѣ моей смерти».

[1] См. *Книж. Вѣстн.* 1862 № 11: «Библіографич. справки по предполагаемому изгнанію изъ азбуки буквы ъ» Григорія Книжника.

[2] Это слово, значащее печатникъ, взято съ итальянскаго tiratore. Я. Г.

Онъ умеръ будто бы въ 1803 году, и рукопись издана кочующимъ книгопродавцемъ Евгеніемъ Третейскимъ. Сочиненіе это напечатано въ той же книжкѣ подъ особымъ заглавіемъ: «Усовершенствованная русская азбука или средства облегчить изученіе оной и способъ сократить число рускихъ буквъ, поясненные примѣрами. Бутырки, 1800 г. января 5 дня». Въ маленькомъ предисловіи мнимый Хабаровъ утверждаетъ, что мысль о возможности улучшенія русской азбуки представилась ему, когда онъ сталъ набирать съ рукописи профессора Барсова, въ которой не было буквъ *ъ* и *й* и которая была, какъ видѣли выше, напечатана въ *Московскомъ журналѣ*.

Улучшенія Хабарова состоятъ въ томъ, что онъ предлагаетъ: 1) исключить изъ русской азбуки буквы: *і щ ъ ь ѣ э ѳ ѵ*, такъ что вмѣсто 35-ти останется только 27 буквъ. По мнѣнію его, въ азбукѣ нашей недостаетъ двухъ буквъ іô и й, но ихъ не нужно вводить туда: *ё* замѣнитъ *іô*, а знакъ ˘ надъ *а е и о у ы ю я* замѣнитъ *й*. Вмѣсто *і* Хабаровъ совѣтуетъ употреблять вездѣ *и*, вм. *щ* — *сч* или *шч*, вм. *ъ* кавычку или черточку, вм. *ь* надстрочный знакъ ˄, а вм. *ѣ* ставить *е*. — «*ѣ*, говоритъ онъ, буква безполезная, но которая, какъ пронырливый лицемѣръ или хлопотливый бездѣльникъ, сдѣлалась не только нужною, но необходимою, полезною, — она одна можетъ дать вамъ патентъ на званіе граматнаго и ученаго человѣка — только узнайте напередъ гдѣ ее употреблять... а етаго-то... никто не знаетъ! *ѣ* совершенный лицемѣръ... Одни говорятъ, пишите *ѣ* во всѣхъ тѣхъ словахъ, въ которыхъ Малороссіяне произносятъ *и!* Покорнѣйше благодаримъ! слѣдовательно чтобъ писать по русски надобно ѣхать въ Малороссію или имѣть у себя ручнаго Малороссіянина для справокъ?... Другіе, Богъ знаетъ съ чего, рѣшительно вопіютъ: пишите *ѣ* въ словахъ: *гнѣздо*, *блѣдный*, *свѣтъ*, *мѣсяцъ. Но почему? зачѣмъ?* Развѣ меня не поймутъ, если я напишу: *гнездо*, *бледный* и проч. Развѣ смыслъ слова измѣнится отъ моей антипатіи къ езуитской буквѣ *ѣ*? Никакія усилія учености не могутъ доказать, что для насъ, имѣющихъ уже букву *е*,

нужно еще *ѣ*... Одно изъ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ есть: такъ писали—такъ пишутъ всѣ грамотные—но будто ето доказательство?»

Мы видимъ, что Хабаровъ противъ буквы *ѣ* выставляетъ совершенно тѣ же доводы, къ которымъ и въ наше время не разъ обращались, чтобы доказать ея излишество. Таковы же и аргументы его противъ другихъ осуждаемыхъ имъ на изгнаніе буквъ. Относительно *ѳиты* онъ замѣчаетъ: «Чему намъ учиться прежде: русской грамотѣ, или греческому, латинскому, французскому и татарскому языкамъ?». — Чтобы дать наглядное понятіе о правописаніи Хабарова, выпишемъ одинъ изъ предлагаемыхъ имъ самимъ примѣровъ новаго письма: «Глаз по своему образованию не может смотрет̂ на себя без зеркала. Мы видим себя тол̂ко в́ других предметах. Чувство бытия, личност̂, душа, все сие сусчествует тол̂ко потому, что вне нас сусчествует» и проч.

Утверждая, что письмо наше будетъ одинаково понятно, писать ли вездѣ *е*, или *ѣ*, и приводя тому примѣры, авторъ этой книжки между прочимъ говоритъ: «Скажу: веденіе—напишу веденіе, или вѣдѣніе — все равно». Неумѣстность такого примѣра портитъ всю его аргументацію: очевидно, что именно между этими двумя начертаніями величайшая разница, потому что каждое изъ нихъ отличаетъ слово, имѣющее свое самостоятельное значеніе; корень того и другого совершенно различный.

Покойный Лажечниковъ въ романѣ *Басурманъ* (1838) попытался-было сблизить правописаніе съ произношеніемъ. Главныя черты его письма состояли въ слѣдующемъ: 1) мѣстоименія и прилагательныя муж. и сред. рода въ род. пад. ед. числа оканчиваются на *ова*, *ева*: *ево*, *ничево*, *этова*, *старова*, *дальнева*; 2) буква *е* пишется съ двоеточіемъ всякій разъ, когда она извѣстнымъ образомъ произносится, а послѣ шипящихъ буквъ на мѣсто ея ставится *о*: *чорный*, *шолковый*, *въ чомъ*, *вошолъ*; 3) *ѳита* вездѣ замѣняется буквою *ф*: *Афанасій*, *Марфа*; 4) слова, составляющія вмѣстѣ какъ бы одно понятіе, пишутся слитно или соеди-

няются черточками: *какбы*, *какбудто*, *както*, *сверхтово*, *квечеру* *можетбыть*, *снебольшимъ*, *вутѣшеніе*; *въ-самомъ-дѣлѣ*, *наэтотъ-разъ*, *Успенской-Соборъ*; 5) вмѣсто *сч* пишется *щ*: *нещастный*, *ращотъ*. Въ то же время, однакожъ, Лажечниковъ слѣдуетъ иногда противоположному правилу, т. е. усиливаетъ этимологическое начало, и пишетъ: *этѣ*, *этѣмъ*. Но его нововведенія не встрѣтили ни въ обществѣ, ни въ литературѣ сочувствія; напротивъ, они возбудили только насмѣшки, и во 2-мъ изданіи *Басурмана*, напечатанномъ въ 1841 г., мы уже не встрѣчаемъ этихъ особенностей письма.

Въ 1842 году нѣкто Кадинскій, въ Петербургѣ, рѣшился выступить съ новою азбукой, составленною изъ латинскихъ буквъ, которымъ онъ въ разныхъ сочиненіяхъ давалъ совершенно условное значеніе для передачи звуковъ русскаго языка. Все это было изложено въ брошюрѣ, названной «Упрощеніе русской грамматики. Uproscenie ruskoi grammatichi» и напечатано двоякимъ шрифтомъ: русскимъ и вновь предлагаемымъ латинскимъ. Какъ поводъ къ своему изобрѣтенію, составитель выдаетъ некрасивость и неудобство русскаго шрифта, съ которымъ будто бы неизбѣжно связаны неясность при чтеніи и опечатки; далѣе ему кажется, будто наша орѳографія такъ произвольна и трудна, что требуетъ измѣненія шрифта. Входить здѣсь въ подробности орѳографической затѣи г. Кадинскаго было бы утомительно и совершенно безполезно. Довольно, что въ свое время Бѣлинскій обстоятельно разобралъ эту брошюру[1], справедливо замѣтивъ, что ее слѣдовало бы назвать не упрощеніемъ, а «затрудненіемъ» русской грамоты или новою, еще ужаснѣйшею путаницею нашей грамматики. Знаменитый критикъ съ особенной охотою занялся этимъ разборомъ, потому что русское правописаніе, какъ видно, сильно интересовало его и самъ онъ носился съ мыслями о преобразованіяхъ по этому предмету. Нашъ алфавитъ казался ему по многимъ изъ своихъ буквъ некрасивымъ и даже безо-

[1] *Соч. Бѣлинскаго*, т. IX, стр. 484—510.

бразнымъ; употребленіе *ѣ* находилъ онъ основаннымъ часто на шаткихъ правилахъ и потому нужнымъ только въ грамматическихъ окончаніяхъ; да и тутъ онъ предпочиталъ вмѣсто этой не нравившейся ему буквы писать *е* съ облегченнымъ знакомъ (*ê*); нѣкоторыя другія буквы представлялись ему также излишними; кромѣ того Бѣлинскій недоволенъ былъ слишкомъ искуственной орѳографіей нашихъ прилагательныхъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ онъ предлагалъ: 1) буквы *п ц ш щ* изъ угловатыхъ сдѣлать округленными посредствомъ верхней и нижней поперечной черты (любопытно, что эта мысль, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ буквѣ *п*, была лѣтъ черезъ 20 выполнена въ московской типографіи М. Н. Каткова[1]; 2) выкинуть изъ азбуки буквы: *и й ѣ э ѳ ѵ*; изъ нихъ *й* замѣнить длиннымъ латинскимъ *j*, а букву *е*, посредствомъ надстрочныхъ знаковъ, различать по свойству выражаемыхъ ею трехъ звуковъ; 3) для именительнаго падежа именъ прилагательныхъ муж. р. ед. ч. и всѣхъ трехъ родовъ множ. ч. принять ихъ настоящія, естественныя, какъ ему казалось, окончанія (**ой, ей—ыи, іи, еи**: ед. больн*ой*, всяк*ой*, син*ей*; мн. больныи, всякіи, синеи) вмѣсто искуственныхъ и книжныхъ; въ род. же пад. ед. ч. писать: славн*ово*, больш*ово*, верхн*ева*, нижн*ева*. Изъ этого видно, что въ предположеніяхъ Бѣлинскаго повторились мысли частью Ломоносова, также писавшаго *доброй*, *верхней* и изгонявшаго изъ азбуки *э* и *ѳ*, частью Тредьяковскаго, который писалъ во множ. *добрыи*, *верхніи*, а вмѣсто *ѣ* ставилъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ *е*. Впрочемъ Бѣлинскій, серіозно предлагая эти измѣненія, какъ осуществимыя по его убѣжденію на практикѣ,—шелъ въ теоріи гораздо далѣе и доказывалъ, какъ

---

[1] Ту же мысль выразилъ въ *Маякѣ* 1843 года (т. VII) кто-то подписавшійся *Старая Кавыка* въ статьѣ: «Совѣтъ типографщику моему» и проч. Авторъ хлопочетъ особенно о красотѣ буквъ, предлагаетъ для звука *д* одно изъ начертаній, употребительныхъ въ скорописи ([illegible] или [illegible]), находитъ, что вмѣсто *ѣ* слѣдовало бы, соотвѣтственно выговору, писать *é*, поправляетъ порядокъ нашей азбуки и т. п.

было бы хорошо дать нашей азбукѣ болѣе латинскій характеръ, измѣнивъ значеніе нѣкоторыхъ изъ ея буквъ (такъ чтобъ напр. *р* значило *п*) и введя новыя латинскія же буквы вмѣсто тѣхъ, которыя бы такимъ образомъ остались за штатомъ. Но на такомъ коренномъ преобразованіи азбуки Бѣлинскій не настаивалъ, понимая, что «подобныя реформы не зависятъ отъ воли и желанія одного лица» и прибавляя, что онъ высказалъ свое мнѣніе только какъ мечту.

Что касается до г. Кадинскаго, то мы увидимъ ниже, что онъ не удовольствовался одною только попыткою дать ходъ своей странной ороографіи.

Замѣтимъ, что мысли въ родѣ выраженныхъ Бѣлинскимъ о бо́льшемъ сближеніи нашей азбуки съ латинскою, высказывались и прежде, и послѣ него. Въ 1833 году, въ Москвѣ, появилась брошюра подъ заглавіемъ: «Новыя усовершенствованныя литеры для русскаго алфавита». Неизвѣстный авторъ заботится о томъ, чтобы облегчить и сократить *первоначальное ученіе*, и для того находитъ нужнымъ: перемѣнить въ нашей азбукѣ нѣкоторыя буквы, сообразно съ исправленіями, сдѣланными Петромъ Великимъ; къ заимствованнымъ прежде изъ латинскаго алфавита прибавить или приспособить еще нѣсколько буквъ, а излишнія вовсе исключить. Чтобы разомъ дать понятіе о предлагаемыхъ имъ измѣненіяхъ, выписываю другое заглавіе книжки, представляющее смѣсь латинскихъ буквъ съ русскими: «ОРЫТ WEDENIЯ NOVЫH RUSSKIH LITER». При такомъ нововведеніи, по мнѣнію автора, можно бы выкинуть изъ нынѣшней азбуки четверть числа буквъ и ограничиться 27-ю; «прекратились бы, говоритъ онъ, безпрестанные споры объ *е ѣ э и і г ф ѳ* и проч.; иностранцы не будутъ смотрѣть на наши буквы какъ на полуазіятскія; какое торжество для типографій! тогда прямо могутъ печатать красивыми дидотовскими литерами или получать самые красивые шрифты изъ всѣхъ столицъ Европы». Вовсе устраняются буквы *и щ ъ ь ѣ э ѳ г*; сохраняются: *а о е* (для звука *е* вообще) и *т*; вмѣсто остальныхъ буквъ предлагаются соотвѣтствующія латинскія начер-

танія (*б*=*b*, *в*=*v*, *г*=*g* и т. д.); вм. *и*, *й*=*i*, *ї*; вм. *щ*—*сч*, *шч*; вм. *г* — черточка, вм. *ъ* — надстрочный знакъ.

Рядомъ съ этими фантастическими нововведеніями авторъ выражаетъ одну мысль, въ наше время уже осуществленную, но тогда еще сравнительно новую, заиметвованную имъ у германскихъ педагоговъ во время заграничнаго путешествія: онъ горячо рекомендуетъ звуковой способъ обученія грамотѣ[1].

Совершенно съ тою же идеей, по которой неизвѣстный москвичъ сорокъ лѣтъ тому назадъ перестраивалъ нашу азбуку, выступилъ недавно г. Засядко въ книгѣ: «О русскомъ алфавитѣ» (М. 1871). Ему также наша азбука кажется не красивою и не довольно четкою; кромѣ того онъ видитъ въ нашемъ письмѣ «чрезмѣрную растянутость, послѣдствіе излишняго числа письменныхъ знаковъ, и оттого напрасную трату времени, капитала и труда, и всѣ другія затрудненія для издателей, писателей и типографій». Поэтому авторъ считаетъ необходимымъ подвергнуть русскій шрифтъ коренному измѣненію, сохранивъ въ немъ «древній греческій корень», но исправивъ его съ помощію латинскаго алфавита. Особенно осуждается то свойство нашего шрифта, что онъ имѣетъ одну только форму для литеръ, которыя здѣсь почти всѣ прописныя: при введеніи Петромъ Великимъ гражданской печати не озаботились, въ наибольшемъ числѣ случаевъ, дать строчнымъ литерамъ форму, отличную отъ прописныхъ. Въ латинской азбукѣ, замѣчаетъ г. Засядко, изъ 26 литеръ только 8 имѣютъ одинакія очертанія съ прописными; у насъ, наоборотъ, изъ 36 литеръ, составляющихъ нашъ алфавитъ, только 5 (*а*, *б*, *е*, *р*, *у*) имѣютъ въ печатномъ шрифтѣ различныя очертанія для прописной и для строчной формы; а всѣ

---

[1] Нашъ вѣкъ гордо приписываетъ себѣ введеніе этой методы; но мысль ея уже весьма стара. Звуковой способъ обученія грамотѣ рекомендуется уже въ 1620 году въ книгѣ испанца Juan Pablo Bonet «Reduction de las letras y arte para enseñar a hablar los mudos. Madrid, 1620» (Brücke, *Grundzüge*, стр. 5). Далѣе, объ этой же методѣ упоминается въ «Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal» (изд. 1810, стр. 264) и въ названномъ мною выше сочиненіи Аммана «De loqvela», Amsterd. 1700 (стр. 58).

остальныя, въ томъ и другомъ случаѣ, печатаются совершенно сходно[1]. Авторъ находитъ это весьма страннымъ, мѣшающимъ изяществу и четкости шрифта. Послѣ подробной критики нашего алфавита какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны, т. е. какъ по очертаніямъ буквъ, такъ и по отношенію ихъ къ звукамъ (критики, въ которой о многомъ можно бы поспорить съ авторомъ), онъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: буквы *ъ ь ѣ ы и й э ю я ж ц ч ш щ ѳ* должны быть изгнаны; вновь предлагаются: 1) латинскія **h** и **j** для выраженія густого дыханія (Номеръ вм. Гомеръ), и іотированія гласныхъ (јолка, мојо, појотъ); 2) *я* и *ю* замѣняются слогами **ja, ju**; 3) вмѣсто шипящихъ вводятся: **ç** (*ц*), **zh** (*ж*), **ch** (*ш*), **çh** (*ч*), **cçh** (*щ*). За этими и другими предлагаемыми авторомъ измѣненіями, вотъ его русская азбука: *a b v g d e h z i j k л m n o n p c m u ф x ç zh ch çh* (всего 26 знаковъ). *ъ* и *ь* замѣняются надстрочными черточками.

А вотъ и образчикъ письма по этой азбукѣ:

«Ia, jakop', ctojaнka, npedjavleнije, objavit', pazjacнit', liнija, nepja, ctpuçja».

Это читается такъ:

«я, якорь, стоянка, предъявленіе, объявить, разъяснить, линія, перья, стручья».

Читатель видитъ, что, расходясь въ частностяхъ, изобрѣта-

---

[1] До 1830-хъ годовъ для звука *т* была въ печати особая строчная буква, подобная рукописной (*т*), т. е. *ш* вверхъ ногами; строчное т было въ первый разъ придумано и употреблено въ печати покойнымъ академикомъ Кеппеномъ въ «Собраніи Словенскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи», Спб. 1827. Мало по малу это нововведеніе вошло въ общій обычай; но сперва оно казалось страннымъ: въ газетѣ *Сѣверная Пчела* оно является только съ начала 1833 года; слѣдовательно тогда этою новою буквой завелась типографія Греча, примѣру которой послѣдовали затѣмъ и другія. Самъ Кеппенъ упоминаетъ о своемъ нововведеніи въ Bulletin de la Classe historico-philologique 1847 г. (V, 48). Въ курсивномъ шрифтѣ до сихъ поръ остается еще въ употребленіи *т* рукописное; недавно, по желанію А. А. Куника, въ типографіи Академіи наукъ отлито строчное *т* и для этого шрифта. Отсюда видно, что не всѣ, подобно г. Засядко, считаютъ неудобствомъ одинаковость формы строчныхъ и прописныхъ буквъ.

тели двухъ новыхъ азбукъ, являющіеся на разстояніи почти 40 лѣтъ одинъ отъ другого, чрезвычайно согласны между собою и не очень далеки отъ г. Кадинскаго. Едва ли была бы какая-нибудь польза въ серіозномъ разборѣ подобныхъ попытокъ, совершенно чуждыхъ практической почвѣ. Приходится повторить то, что́ сказалъ Полевой при появленіи первой изъ этихъ двухъ книгъ: «Несовершенство русскаго алфавита заставляло многихъ думать объ исправленіи и даже о перемѣнѣ онаго. Но употребленіе, вѣчный врагъ всѣхъ нововведеній, противится преобразователямъ нашего алфавита, и уничтожаетъ ихъ попытки. Нѣтъ сомнѣнія, что и сей новый *Опытъ введенія новыхъ русскихъ литеръ* не будетъ имѣть никакихъ слѣдствій»[1].

Къ попыткамъ этого же рода можно отнести и стараніе нѣкоторыхъ, впрочемъ гораздо болѣе раціональное, видоизмѣнить или дополнить тѣ или другія русскія буквы для болѣе точной передачи звуковъ въ иностранныхъ словахъ, особливо въ именахъ собственныхъ. Тутъ сперва является Тредьяковскій, о предложеніи котораго ввести букву *голь* уже говорено выше. Позднѣе академикъ Палласъ, въ *Сравнительныхъ словаряхъ*[2], далъ буквѣ *г*, для звука h, въ отличіе подстрочный значокъ (седиль). Кэппенъ въ своихъ *Матеріалахъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи* ставилъ съ этою цѣлью надъ *г* знакъ греческаго густого придыханія (г̔). Срезневскій и Катковъ въ упомянутыхъ выше изслѣдованіяхъ также употребляли надстрочный знакъ. Академикъ Бэтлингъ предлагалъ писать ҕ. Иные совѣтовали просто перенести въ русскій алфавитъ латинскую букву h. Бывшій профессоръ Гельсингфорскаго университета С. И. Барановскій въ своихъ географическихъ пособіяхъ прибѣгалъ для этого звука къ знаку греческаго густого дыханія (̔). Покойный Ястребцевъ въ изданной имъ книжкѣ «О умственномъ воспитаніи дѣтскаго возраста»[3] слѣдовалъ примѣру Кэппена. Онъ же, для означенія англійскаго

[1] *Моск. Телеграфъ* 1833, № 14, стр. 263.

[2] Ч. I. Спб. 1787: см. Explicatio literarum Alphabeti Rossici.

[3] М. 1831; отрывки были напечатаны въ *Моск. Телеграфѣ* 1832.

звука **th**, употребляетъ, какъ въ греческихъ именахъ, *ѳиту*[1]; тонкое произношеніе буквы *л* отмѣчаетъ онъ надстрочнымъ *ери-комъ*, напр. Паллась; наконецъ, для изображенія французскаго носоваго *n* (какъ въ словѣ Cousin) онъ сначала писалъ н' (съ апострофомъ), а потомъ, по совѣту египтолога Гульянова, сталъ ставить надъ н букву г, «такъ какъ во французской носовой буквѣ *n*, кромѣ *словесной стихіи*, выражаемой русскимъ н, находится еще часть *стихіи*, выражаемой буквою г». Въ 1830-хъ и 40-хъ годахъ стали у насъ являться еще нововведенія въ правописаніи чужихъ собственныхъ именъ и другихъ заимствованныхъ словъ. Такъ въ *Библіотекѣ для Чтенія* вошло въ обычай писать ихъ иностранными буквами, а при склоненіи ставить апострофъ между именемъ и падежнымъ окончаніемъ, напр. съ Lagrange'емъ, beau monde'а; это распространилось въ нашей печати и держится до сихъ поръ, хотя не можетъ быть вполнѣ одобрено, такъ какъ апострофъ собственно означаетъ пропускъ гласной. *Отеч. Записки* начали писать: *Уальтеръ Скоттъ, Уашингтонъ, Бэкнъ;* многіе приняли эту орѳографію; другіе остались при прежней, какъ видно, напр., изъ напечатанной въ *Москвитянинѣ* 1849 года[2] статьи М. Лихонина «О правописаніи иностранныхъ собственныхъ именъ».

Названный выше профессоръ Барановскій, въ брошюрѣ «О согласованіи правописанія съ произношеніемъ»[3], представляя свои наблюденія надъ фонетикой главныхъ нарѣчій русскаго народа, совѣтуетъ писать: мужеск*ого* и средн*его* рода», «для господствующ*его* *русского* нарѣчія»; далѣе: «розличіе, розпространять» (т. е. предлогъ *раз*, по его мнѣнію, долженъ всегда писаться *роз*, потому что иногда онъ такъ произносится). Впрочемъ г. Барановскій — усердный защитникъ не только буквы *ѣ*, которая на его слухъ имѣетъ свое особое произношеніе, но также *ѳиты* и

---

[1] Чтó и въ наше время дѣлалось въ *Моск. Вѣдом.* Gatherly = Гаѳерли.

[2] Ч. IV, Отд. III. Науки и художества.

[3] Напечатанной отдѣльно безъ означенія года и помѣщенной также въ *Иллюстраціи*, когда именно, не упомнимъ.

чжицы, полезныхъ, какъ онъ находитъ, для изображенія иностранныхъ звуковъ.

Мимоходомъ упомяну здѣсь о брошюрѣ г. В. Васильева: *Грамматическія разысканія* (1845), первая часть которой посвящена разсмотрѣнію буквы *ё* какъ въ произношеніи, такъ и на письмѣ. Хотя взглядъ автора и не совсѣмъ правиленъ въ строго-научномъ смыслѣ, однакожъ во многихъ случаяхъ онъ заслуживаетъ вниманія. Между прочимъ брошюра осуждаетъ покойнаго Межевича за употребленіе начертаній: *почотный*, *счотъ*, *въ чомъ*, *чорный*, и приводитъ изъ *Сѣверной Пчелы* слова Булгарина, выражавшія его негодованіе противъ тѣхъ, которые говорили, что должно писать, какъ говорятъ. Мы не будемъ слѣдить здѣсь за предлагаемыми г. Васильевымъ, не всегда основательными доводами, и предоставляемъ себѣ изложить ниже свое собственное мнѣніе объ этомъ нелегкомъ вопросѣ русской орѳографіи.

Въ 1852 году издатель С.-Петербургскихъ полицейскихъ Вѣдомостей Фурманъ вздумалъ возбудить въ этой газетѣ вопросъ о русскомъ правописаніи[1]. «Не только каждый журналъ, говоритъ онъ, но почти каждый нѣсколько замѣчательный писатель придерживается *своего* правописанія... Съ одной стороны мы видимъ постоянное сліяніе предлоговъ съ существительными, ксожалѣнію, впродолженіи, втеченіе и т. п.; съ другой замѣненіе буквы *е* буквою *о*, учоный, чорный, душою, отцомъ и т. п.; далѣе особенную любовь къ дательному падежу,—подобнаго роду, такого разряду[2] и т. д.». Затѣмъ авторъ статьи старается доказать, что буквы *ѳ* и *э* совершенно излишни. «*ѳ*, говоритъ онъ, сдѣлалась въ нашей азбукѣ буквою *мертвою*, т. е. осталась только въ нѣкоторыхъ старыхъ греческихъ словахъ; во всѣхъ же другихъ, переходящихъ въ нашъ языкъ, начиная съ вѣка Екатерины II, является вмѣсто *ѳ* буква *т*. Слѣдственно, мерт-

[1] *Вѣд. Спб. гор. полиціи* 1852, №№ 213 и 226.

[2] Намекъ на Сенковскаго, который часто употреблялъ это польское окончаніе род. падежа.

вый членъ можно отсѣчь легко, безъ всякаго ущерба для всего тѣла, особенно если онъ можетъ быть замѣненъ другимъ, *вполнѣ ему равносильнымъ*... Русскій языкъ не имѣлъ нужды поддѣлываться подъ греческій звукъ, а прямо превратилъ его въ свой губной звукъ, для выраженія котораго назначена буква *ф*. Для чего же *ѳ?* Развѣ для того только, что славянскіе учители были Греки и произносили *ѳ* по гречески. Для ихъ уха было странно превратить зубной звукъ въ губной; а быть можетъ они даже не угадывали, въ какой звукъ славянскій говоръ превратитъ ихъ *ѳ*. Вотъ какъ явилась въ славянской азбукѣ *ѳ*; явилась она *разумно*, не какъ лишняя, но какъ буква со своимъ особеннымъ звукомъ. Славянскій языкъ, по свойству своему, не принялъ этого звука. Зачѣмъ же остался знакъ, его выражавшій? Съ какой стати буква *ф* получила вовсе не нужный дупликатъ?» Что касается буквы *э*, то Фурманъ совершенно неудачно силится доказать ея безполезность и мнимую сбивчивость ея употребленія. Все дѣло въ томъ, что она соотвѣтствуетъ дѣйствительно-существующему въ языкѣ звуку и что она необходимо принадлежитъ къ системѣ нашихъ гласныхъ, которая безъ нея не имѣла бы полнаго на письмѣ изображенія. Наши восходящіе дифтонги (по Ломоносову, потаенныя двоегласныя) произошли отъ гласныхъ: *а о у*; *я* = *йа*, *ё* = *йо*, *ю* = *йу*; очевидно, что и *е* = *йэ*, т. е. что это также дифтонгъ; безъ начертанія *э* мы не могли бы правильно изобразить состава буквы *е*.

Замѣтки Фурмана и возбужденные ими толки подали поводъ г. Стоюнину помѣстить въ полицейской же газетѣ[1] дѣльную статью «о русской азбукѣ», гдѣ онъ противъ безотчетныхъ умствованій выставляетъ знамя науки. Разсматривая постепенное развитіе нашей азбуки со времени введенія гражданской печати, онъ нѣсколько подробнѣе останавливается на мнѣніяхъ Тредьяковскаго, Ломоносова, Сумарокова и наконецъ вступается за оспариваемыя нѣкоторыми права буквы *ѣ*. «Въ грамматическомъ

[1] 1852, №№ 242 и 243.

устройствѣ языка», говоритъ г. Стоюнинъ, «обѣ буквы — *ѣ* и *е* — имѣютъ свое значеніе и свои особенные, отличные одинъ отъ другого законы. Мы можемъ уничтожить знакъ, но не уничтожимъ законовъ, которые всегда останутся въ языкѣ: вредъ будетъ состоять только въ томъ, что мы лишимся *видимыхъ* фактовъ, какъ представителей звука. Пусть *ѣ* уступитъ всѣ свои права *е*, тогда у насъ для одной буквы явится множество правилъ, различныхъ, несогласныхъ и, можетъ быть, часто противорѣчащихъ правилъ, которыя теперь распредѣляются между *двумя* буквами и составляютъ немногосложныя и простыя правила. Но намъ скажутъ: вѣдь исключена же буква *юсъ*, которая имѣетъ свои особенности, отличныя отъ коренныхъ *у* и *я*? Да, въ письмѣ она исключена, но мы безпрестанно должны къ ней обращаться при изученіи грамматическаго образованія многихъ русскихъ словъ; въ русскомъ письмѣ ея нѣтъ, но въ русской грамматикѣ она все-таки существуетъ во всей своей силѣ и не можетъ оттуда никогда исчезнуть. Въ такомъ случаѣ не можетъ ли и буква *ѣ* существовать только въ одной грамматикѣ? Какая же изъ того польза? Развѣ та, что большинство не будетъ затрудняться въ правописаніи многихъ словъ; но вѣдь и кромѣ буквы *ѣ* есть не мало случаевъ въ русскомъ правописаніи, гдѣ затрудняется большинство: неужели все это уничтожать и измѣнять по требованію большинства, которому между тѣмъ легко можетъ помочь наука? Такимъ образомъ буква *ѣ* не можетъ назваться *условною* буквой, до которой нѣтъ дѣла филологіи; нѣтъ, она имѣетъ свое свойство, свое значеніе, имѣетъ полное право стать подъ защиту разумной науки».

Особенною смѣлостью отличается орѳографическая попытка, выразившаяся изданіемъ книги: «Філоктіт, трагедія Софокла. С греческова перевел і замѣчаніямі объясніл Н. Т. Санктпетербург 1856». Въ предисловіи переводчикъ говоритъ: «. . . я держался правопісанія, которое назову правопісаніем безъяцкім — безъяцкії, безъяк, без *ѣ*; прідержіваясь этова правопісанія я выпустіл із азбукі букву *ѣ* і все ізлішнія буквы, знакі не імеющіе

ілі потерявшіе значеніе и смысл, я старался довесті русское правопісаніе до возможноӥ простоты; мне кажется, я надеюсь на то, я даже уверен в том, что это правописаніе со временем должно воӥдті в употребленіе, ібо оно раціонально, оно просто, оно унічтожает всякія устаревшія, потерявшія значеніе, безсмысленныя і затрудняющія формы азбукі. Впрочем раціональная послѣдовательность требует ввесті новыӥ знак ę для обозначенія мягкова *о*, т. е. *ё, іо*, какъ напрімер в словах: ещę, всę перевęл; такім образом все гласныя будут іметь знак для обозначенія іх смягченія, а іменно: *а* — *ја* = *я*, *э* — *је* = *е*, *і* — *јі* = *і*, *о* — *јо* = *ę*, *и* — *jy* — *ю*; о знаке *ę* не буду споріть: еслі можно прідумать лучшіӥ, более удобныӥ знак, то тем лучше».

Орѳографію того же рода находимъ въ книгѣ: «Греческая мифология, или сказание о вере и богах древних народов. Н. Причудинскова». (Спб. 1860. 12°). Авторъ находитъ, что при множествѣ предметовъ, которые русскому человѣку нужно изучать, ему нельзя «терять время на то, чтобы научиться писать букву *ѣ* и другія безполезныя буквы — нет, нет и тысячу раз нет!... Университетское изучение русскова языка и славянскихъ наречий», объясняетъ онъ, «убедило меня в возможности выпустить букву *ѣ* и другия лишния буквы (*ѳ, і, ъ* въ конце слов); вот почему я написал эту книжку безъяцким правописанием». Послѣднія слова и другія особенности этой книжки, хотя и не совсѣмъ согласныя съ тѣмъ, чтó мы видѣли въ предыдущей, заставляютъ предполагать, что обѣ одного происхожденія[1].

Въ 1857-мъ году является опять г. Кадинскій; на этотъ разъ его книжка озаглавлена: «Преобразованіе и упрощеніе русскаго правописанія». Чтобы дать понятіе о скромномъ взглядѣ самого автора на свое изобрѣтеніе, достаточно выписать нѣсколько строкъ изъ послѣдней страницы этого творенія: «.... pri Latinscoi asbucae y pri moyx pravilax ni odin rebénoc ne moget sdeelath

[1] По мнѣнію г. Геннади, это — соч. Н. Тимаева; начальными буквами его имени означено и предыдущее изданіе.

oxibchi v' pravopisaniy; potomu chto u menea caghdy zvuc imeeiet sobstvennoie nacertanie, nezameenimoie nicachim drughim nacertaniem; tac chto vseacoi proizvoll v' pravopisaniy na vsegda ustraneaietsea. Y docolae Ruscaia rech budet gith v' ustax naroda, dotolee moié pravopisanie soxranit neizmeenno svoi xaracter». При появленіи этой книжки, Сенковскій, остроумно поднявъ на смѣхъ такое письмо[1], воспользовался случаемъ, чтобы и съ своей стороны предложить нововведеніе, не менѣе странное. Считая «истиннымъ горемъ русской грамоты отсутствіе въ ней всякой методы выражать съ надлежащею вѣрностью иностранныя собственныя имена», онъ придумалъ слѣдующій оригинальный способъ поправить эту бѣду. «Есть у насъ», говоритъ *Брамбеусъ* (такъ онъ подписался подъ статейкой), «одна *оборотная* буква (э). Основаніе системы положено: нельзя ли дать ей нѣкоторое развитіе... распространить кругъ оборотности? Почему бы оборотное *г* не могло выражать у насъ латинскаго, нѣмецкаго и англійскаго h[2]? Почему оборотный ѳрикъ ɐ, поставленный послѣ *н*, не указывалъ бы на французское носовое *n*, или оборотное ⅃ на англійское th?... Французское *u* можно было бы удобно выразить посредствомъ того же мягкаго знака, поставленнаго послѣ твердаго русскаго *у* такъ: *уь*. Глухое h хорошо выражается оборотнымъ апострофомъ: фамилія Victor Hugo приняла бы въ русской печати видъ «Викторъ ʻУьго»... и т. д. Сенковскій (серіозно или шутя?) находилъ эту мысль полезною и выражалъ желаніе, чтобы она удостоилась вниманія и утвержденія главнѣйшихъ періодическихъ изданій.

Послѣ г. Кадинскаго соотечественникъ его г. Котковскій пошелъ еще далѣе, и въ изданной 1862 г. въ Кіевѣ брошюрѣ Postęp i wsteczność и проч. доказывалъ, что всѣ Славяне должны

---

[1] *Сынъ От.* 1857, № 32.

[2] Сенковскій повидимому не зналъ, что мысль объ *оборотномъ* Г уже выражена въ слѣдующемъ примѣчаніи къ *Разговору* Тредьяковскаго: «Нѣкто ізъ іскусныхъ людей, котораго я къ себѣ благосклонность почітаю, вымышляетъ сей буквѣ двѣ фігуры, а именно сію Ꞁ і сію L: но мнѣ сіе не нравітся длятого что онѣ обѣ странны, і дікі очамъ россійскімъ» (*Раз.*, Спб. 1748, стр. 382).

принять польскую азбуку и польское правописаніе (см. *Кіев. Курьер* 1862 № 35, статья К. Шейковскаго «О польском правописаніи»). Вотъ что между прочимъ говоритъ рецензентъ этой брошюры: «Г. Котковскій видит в *гражданицѣ* (так он называет теперешній русскій алфавит) много азіятскаго. Но в своей брошюрѣ он употребляет такіе филологическіе пріемы, которые и в Азіи уже не употребительны» и проч.

Орѳографическія собранія въ Петербургѣ.

Въ 1860 году начали выходить въ Воронежѣ *Филологическія Записки,* изданіе, которое и до сихъ поръ ведется съ похвальнымъ постоянствомъ и любовью къ наукѣ. Въ первомъ же выпускѣ его напечатана довольно обширная статья издателя А. А. Хованскаго: «Взглядъ на правописаніе вообще». Хотя эта статья и не представляетъ полнаго и систематическаго труда, однакожъ авторъ ея заслуживаетъ благодарность за эту первую въ своемъ родѣ попытку выяснить современное положеніе русскаго правописанія и обозрѣть его видоизмѣненія въ разныхъ органахъ нашей печати. Г. Хованскій по большей части не входитъ въ критическое разсмотрѣніе того или другого способа начертанія словъ, а довольствуется указаніемъ нѣкоторыхъ, самыхъ видныхъ разнорѣчій правописанія, и приходитъ къ такому заключенію: «Что же намъ наконецъ остается дѣлать, чтобы установить единство въ правописаніи? Остается одно — доказывать право употребленія той или другой буквы, изыскивать и выяснять то начало, на которомъ можно было бы основать неоспоримое доказательство того или другого правила, — въ остальномъ согласиться не трудно, а согласіе въ этомъ необходимо: оно святое дѣло»[1].

Кажется, эта статья не осталась безъ послѣдствій и имѣла нѣкоторое участіе въ возбужденіи тѣхъ орѳографическихъ совѣщаній, которыя въ первой половинѣ 1862 года обращали на

[1] *Фил. Зап.* 1860, вып. I, стр. 65.

себя вниманіе всего грамотнаго Петербурга. По крайней мѣрѣ г. Стоюнинъ, въ рефератѣ прочитанномъ въ первомъ засѣданіи, не забылъ упомянуть о статьѣ г. Хованскаго. Впрочемъ довольно необыкновенное появленіе этого грамматическаго конгресса было въ связи съ господствовавшими тогда въ нашемъ обществѣ стремленіями къ распространенію въ народѣ образованія и грамотности. Съ 1860 года во 2-й петербургской гимназіи происходили, по два раза въ мѣсяцъ, педагогическія собранія. На одномъ изъ нихъ, въ январѣ 1862, г. Стоюнинъ предложилъ «пригласить всѣхъ учителей русскаго языка, занимающихся въ Петербургѣ, съ тѣмъ, чтобы они согласились въ общихъ орѳографическихъ основаніяхъ и, разъяснивъ нѣкоторые спорные пункты, упростили бы самую орѳографію»[1]. Мысль эта была одобрена собраніемъ, и въ Великомъ посту начались совѣщанія, въ которыхъ, кромѣ педагоговъ, приняли участіе и нѣкоторые журналисты; было тутъ много и любопытныхъ изъ публики. Отчеты объ этихъ разсужденіяхъ печатались въ журналѣ *Учитель*, и притомъ печатались одно время съ новою, одобренной въ собраніяхъ орѳографіей. Въ первомъ собраніи, на которомъ присутствовало болѣе ста человѣкъ и въ томъ числѣ нѣсколько дамъ, г. Стоюнинъ прочелъ составленную имъ записку о предлежавшей этимъ сходкамъ задачѣ. Его программа отличалась умѣренностью, и если бъ совѣщавшіяся лица остались вѣрны главнымъ его началамъ, то вѣроятно тогдашнія собранія имѣли бы большій успѣхъ, нежели какой въ самомъ дѣлѣ выпалъ на долю ихъ. Г. Стоюнинъ очень хорошо понималъ, что невозможно предоставить въ орѳографіи исключительнаго господства ни этимологическому основанію, ни фонетическому, и что рѣчь можетъ итти только о примиреніи ихъ, объ опредѣленіи, «въ какихъ случаяхъ держаться словопроизводства, въ какихъ произношенія». Онъ очень умно замѣтилъ, что *историческое основаніе*, т. е. не одна филологическая сторона, но и давняя привычка, обратив-

---

[1] *Учитель* 1862, стр. 132.

шаяся въ законъ, «никакъ не допускаетъ крутыхъ и рѣзкихъ преобразованій и измѣненій, которыя должны были бы заставить все настоящее дѣйствующее поколѣніе переучиться писать и даже читать, и которыя могутъ угрожать будущимъ поколѣніямъ не понимать безъ особеннаго ученья того, что напечатано до настоящаго времени[1]». Къ сожалѣнію, г. Стоюнинъ, развивая далѣе частности своего плана, самъ забылъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ свое основное начало и предлагалъ между прочимъ такія нововведенія, которыя конечно принадлежатъ къ разряду коренныхъ преобразованій письма; напр. онъ предлагалъ писать по слуху: *голанецъ*, *голанскій*, *лапланецъ*, вм. *голландецъ* и проч., т. е. такъ, какъ до тѣхъ поръ никто не писалъ.

Программа г. Стоюнина была принята собраніемъ; положено считать вопросы рѣшенными только по общему согласію, и приступлено къ разсмотрѣнію русскаго алфавита, при чемъ немедленно рѣшено исключить изъ него *ѳиту*.

Собравшіеся во второй разъ, при самомъ открытіи совѣщаній, отступили уже отъ руководящей мысли первоначальнаго плана, заявивъ себя, большинствомъ голосовъ, на сторонѣ коренныхъ преобразованій, т. е. такихъ, которыя клонятся къ измѣненію правилъ, принятыхъ всѣми. По прочтеніи покойнымъ Кеневичемъ остроумной записки, направленной противъ буквъ *ѣ ъ ь ѳ* и *ѵ*, происходили долгіе споры о буквѣ *ѣ*; наконецъ почти всѣ согласились, что исключеніе ея было бы желательно, несмотря на возраженія г. Стоюнина и нѣкоторыхъ другихъ педагоговъ, указывавшихъ на практическія неудобства такого исключенія. «Есть ли возможность, спрашивалъ г. Стоюнинъ, учить орѳографіи безъ *ѣ*, пока эта буква не выйдетъ изъ печати, и можно ли надѣяться, что такое нововведеніе будетъ принято въ литературѣ и вообще грамотными людьми? Ученіе дѣтей происходитъ по книгамъ, а разлада или разрыва между ученіемъ и тѣмъ, что дѣти находятъ въ своихъ учебныхъ книгахъ, быть не должно.

---

[1] *Учитель* 1862, стр. 266.

Дѣлать же пробу въ надеждѣ, что со временемъ такая ороографія утвердится, не значитъ ли играть учениками, чего никто также позволить себѣ не можетъ»[1]. Кѣмъ-то было сдѣлано еще другое, не менѣе основательное возраженіе: «Положимъ, что правила правописанія, одобренныя настоящимъ собраніемъ, будутъ приняты и установятся въ свѣтской литературѣ; но духовная-то литература что́ скажетъ? Будетъ ли она согласна принять ихъ? А ея согласіе очень важно: мы теперь хлопочемъ о распространеніи грамотности въ народѣ, а народъ, какъ всякому изъ присутствующихъ извѣстно, всего охотнѣе берется за книги духовнаго содержанія».

Съ 3-го засѣданія увлеченіе педагоговъ желаніемъ передѣлать кириллицу, вопреки *историческому началу*, признанному въ 1-мъ собраніи, замѣтно растетъ. Пренія касались особенно предложенія не употреблять буквъ *ъ* и *ь*, замѣнивъ ихъ надстрочными знаками. Но вопросъ о знакѣ смягченія возбудилъ вопросъ о типографскомъ удобствѣ. Кеневичъ объявилъ, что онъ наводилъ справки въ типографіи Академіи наукъ и тамъ узналъ, что предлагаемый имъ знакъ ударенія надъ согласною буквою значительно долженъ увеличить типографскую буквенную кассу, такъ какъ нужно будетъ отливать особенно каждую согласную букву со знакомъ. Это заявленіе заставило собраніе отложить вопросъ о буквахъ *ъ* и *ь*. Между тѣмъ однакоже всѣ согласились принять за основаніе такое правило: каждая буква должна выражать опредѣленный звукъ; каждый существующій въ языкѣ звукъ долженъ имѣть соотвѣтствующую букву въ алфавитѣ, но только одну; знакъ, не соотвѣтствующій никакому звуку, не долженъ входить въ разрядъ буквъ, а быть знакомъ надстрочнымъ[2]. На этомъ основаніи одобрено предложеніе г. Стоюнина ввести въ азбуку букву *ё*, и большинствомъ голосовъ опредѣлено ставить ее между прочимъ послѣ *ж ц ш щ* и *ц* тамъ, гдѣ она зву-

---

[1] *Учитель*, стр. 302. Ср. выше, стр. 265, защиту буквы *ѣ* въ прежней статьѣ г. Стоюнина.

[2] *Учитель*, 345.

читъ какъ *о*. Затѣмъ, для изображенія звука *и* большинство отдало предпочтеніе буквѣ *і*, и рѣшило оставить ее въ алфавитѣ, исключивъ *и*, а вмѣсто *й* употреблять *ї* съ краткимъ знакомъ[1]. Замѣтимъ, что тутъ, вопреки первоначальному постановленію собранія, вопросы рѣшаются уже по большинству голосовъ, а не съ общаго согласія.

Въ слѣдующемъ засѣданіи г. Стоюнинъ, одобривъ принятыя совѣщавшимися заключенія, какъ согласныя съ установленнымъ предварительно основаніемъ (въ чемъ однакожъ трудно убѣдиться), напомнилъ между тѣмъ, что всѣ предложенныя исключенія буквъ могутъ быть заявлены «только какъ разумное желаніе, чтобы упростить и облегчить нашу орѳографію; ввести же эти новизны въ общее употребленіе, въ печать», замѣтилъ онъ, «не въ нашей власти; поэтому нельзя ихъ вводить и въ педагогическую практику, пока онѣ не примутся въ печати»[2]. Затѣмъ онъ совѣтовалъ заняться болѣе практическими вопросами правописанія и перейти къ третьему отдѣлу программы, т. е. *перебрать всѣ разногласія въ орѳографіи по частямъ рѣчи*. Согласно съ этимъ и были разсмотрѣны нѣкоторые частные случаи, и тутъ высказаны кое-какія дѣльныя и интересныя замѣчанія, но постановлено опять нѣсколько совершенно непрактическихъ по новизнѣ своей правилъ, напр. по предложенію г. Стоюнина опредѣлено писать: *щастіе*, *щитать*, *пищая бумага*, и далѣе: *рассказъ*, *рассужденіе*, *бесснѣжье*, *бессловесный*, или еще: *Лягарпъ*, *Ляморисьеръ*, *маёръ* (вм. маіоръ), *петербурскій*, *выборскій*, *францускій*, *персицкій*. Кеневичъ, прочитавшій особую записку о правописаніи слитныхъ предлоговъ *воз*, *из*, *низ*, *раз*, *без* и *чрез* и подавшій ею поводъ къ приведенному окончательному заключенію по этому предмету, вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ весьма основательный разборъ орѳографіи этихъ предлоговъ въ словарѣ Даля, который пишетъ: *бесбруйный*, *бесвязный*, *беславіе*, *бесловесный* и т. п.

---

[1] *Учитель*, 347.
[2] *Учитель*, 401.

Изъ помѣщенныхъ выше примѣровъ новаго правописанія, задуманнаго орѳографическими собраніями, достаточно видно, какъ они незамѣтно удалились отъ первоначально принятой ими программы и, въ прямомъ противорѣчіи съ нею, стали на путь, по которому итти далѣе было трудно. Отчетъ о 6-мъ совѣщаніи кончается заявленіемъ, «что по случаю наступающаго лѣта и каникулъ орѳографическія собранія откладываются до осени. Очередные вопросы слѣдуютъ: о флексіяхъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ». Осенью однакожъ орѳографическія совѣщанія не возобновились; въ *Учителѣ* прочли только нѣсколько замѣтокъ по этому предмету, присланныхъ заинтересованными лицами на обсужденіе бывшихъ собраній и по большей части отличавшихся смѣлостью предложеній. Такимъ образомъ орѳографическія собранія 1862 года не привели ни къ какому практическому результату и остались только любопытнымъ и поучительнымъ эпизодомъ въ исторіи попытокъ перестроить нашъ алфавитъ и наше правописаніе на новыхъ основаніяхъ. Если бъ затѣявшіе это дѣло сумѣли удержаться на практической почвѣ, если бъ они ограничили свою задачу разъясненіемъ нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ и рѣшеніемъ: которое изъ двухъ или трехъ уже употребительныхъ начертаній болѣе раціонально, то можетъ-быть результатъ былъ бы другой и публика сказала бы совѣщавшимся лицамъ спасибо. Но въ данныхъ условіяхъ орѳографическія собранія 1862 года послужили только новымъ подтвержденіемъ той истины, что никакія крутыя преобразованія въ языкѣ, предпринятыя по теоріи, не удаются, хотя бы и имѣли за себя авторитетъ извѣстныхъ спеціалистовъ.

Явленія, вызванныя орѳографическими совѣщаніями.

Органы нашей журналистики очень различно отнеслись къ орѳографическимъ совѣщаніямъ. Въ апрѣльской книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ* явилась юмористическая статья въ видѣ отрывковъ изъ несуществующаго журнала *Самодуръ*, напечатан-

ныхъ на основаніи новой орѳографіи, въ которой осуществлены не только предположенія, одобренныя собраніями, но и нѣкоторыя черты частныхъ мнѣній, не принятыхъ ими[1]. Въ мартовской книжкѣ *Библіотеки для чтенія* неизвѣстный авторъ статьи «По вопросу объ упрощеніи русской орѳографіи» нападаетъ съ ожесточеніемъ на всякую связь правописанія съ грамматикой, и потому, находя даже предположенныя преобразованія недостаточными, требуетъ чисто-фонетической орѳографіи, не касаясь однакоже вопроса о практической возможности осуществленія такой мысли[2]. Особенно-живая статья по поводу петербургскихъ совѣщаній о правописаніи явилась въ журналѣ *Время* (март. книжка) подъ заглавіемъ: «Орѳографическая распря». Извлеченіе изъ нея помѣщено въ приложеніяхъ къ настоящему труду. Съ безусловнымъ сочувствіемъ къ преобразовательнымъ планамъ конгресса отнесся *Книжный Вѣстникъ*, напечатавъ (въ № 5) статью г. Бѣлобородова, «Нѣсколько словъ объ упрощеніи правописанія»[3]. Авторъ не сомнѣвается въ благотворныхъ результатахъ совѣщаній, приходитъ къ заключенію, что «какъ народъ нельзя заставить говорить такъ, какъ пишется, то, натурально, надо писать, какъ говорится», и представляетъ образчикъ новой орѳографіи, въ которой идетъ еще далѣе совѣщавшихся и пишетъ напр.: географическаво, гражданскова, общева».

Между провинціальными газетами всѣхъ серіознѣе взглянулъ на дѣло *Кіевскій Курьеръ*. Въ статьѣ: «По поводу преобразованія нашего правописанія» разсказано о преніяхъ 2-го собранія и между прочимъ замѣчено, что тутъ были «и такіе господа, которые позволили себѣ недостойное глумленіе надъ наукою, что̀ хотя было и остроумно, но вовсе не умно. Смѣйтесь надъ педантизмомъ, надъ рутиной, сколько вамъ угодно, а науку, воли которой не перемѣнить, оставьте въ покоѣ». Всего любопытнѣе, что вмѣстѣ съ тѣмъ редакція объявила, что съ слѣдующаго (12)

---

[1] *Отеч. Зап.* т. CXLI, статья «Все и ничего», стр. 239—254.

[2] *Библ. для Чт.* т. 170, стр. 76—92.

[3] Эта же статья была напечатана и въ *С. О.* 1862, № 36.

нумера она изгоняетъ изъ своей газеты *ъ* въ концѣ словъ, и дѣйствительно во все остальное время изданія газеты, т. е. до конца іюля мѣсяца того же года, *Кіевскій Курьер* печатался безъ еровъ, начиная отъ заглавія и кончая подписью: «Редактор Петр Стрешнев».

Въ Москвѣ *Наше Время* напечатало по тому же поводу статью одного изъ тамошнихъ преподавателей, покойнаго Робера, вступившагося за честь русской орѳографіи. Въ его статьѣ особенно важно заявленіе, что онъ, «къ удивленію своему, не видитъ ни малѣйшей причины къ такому возстанію противъ нашей орѳографіи», какое произошло въ Петербургѣ. «Едва ли какой языкъ», по его мнѣнію, «представляетъ такую правильность, такое богатое развитіе въ производствѣ словъ, какъ русскій языкъ... И едва ли есть языкъ, въ которомъ бы такъ ясно производство слова выражалось въ правописаніи. Только въ очень немногихъ случаяхъ наше правописаніе отступило отъ производства... Всякое коренное измѣненіе въ нашемъ правописаніи будетъ замѣною правилъ, основанныхъ на разумныхъ началахъ, другими, основанными на простомъ условномъ соглашеніи: гдѣ же будетъ болѣе сбивчивости и шаткости?» Вслѣдъ за тѣмъ авторъ «Филологическихъ Разысканій» помѣстилъ въ *Современной Лѣтописи* свои соображенія «по поводу толковъ о правописаніи»[1]. Не могу здѣсь умолчать объ этой статьѣ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, она выражала не одно личное мое мнѣніе, а во-вторыхъ, она вызвала возраженіе со стороны одного изъ тѣхъ членовъ орѳографическихъ собраній, которые принимали въ нихъ наиболѣе дѣятельное участіе. Статья моя была главнымъ образомъ посвящена вопросу о возможности сократить или пополнить нашъ алфавитъ. Желающіе ознакомиться съ тогдашними замѣчаніями моими найдутъ ихъ въ приложеніи къ настоящему труду. Здѣсь же упомяну только, что я находилъ неумѣстною въ *русскомъ* алфавитѣ *греческую* букву (*ѳиту*) и кромѣ того

[1] *Совр. Лѣт.* 1862, № 28 (іюль).

считалъ полезнымъ прекратить употребленіе въ концѣ словъ *ера*, который тутъ можетъ всегда подразумѣваться. Съ этимъ послѣднимъ взглядомъ предварительно согласились покойные сочлены мои по Академіи наукъ: Востоковъ и Срезневскій. Только впослѣдствіи я узналъ, что Востоковъ уже въ самомъ началѣ своего филологическаго поприща былъ того же мнѣнія. Наконецъ нельзя умолчать, что и другой академикъ-филологъ, О. Н. Бётлингъ, въ извѣстныхъ замѣткахъ своихъ высказался о безполезности буквы ъ[2].

Такъ взглянула на этотъ вопросъ и редакція газеты, гдѣ появилась означенная статья моя, и въ выноскѣ было помѣщено примѣчаніе: «Намъ также кажется, что дѣло слѣдуетъ начать съ отмѣны *ера* въ концѣ словъ; но мы полагаемъ, что для этого нужно согласіе по крайней мѣрѣ нѣскольких изъ наиболѣе распространенныхъ нашихъ журналовъ. Мы заранѣе заявляемъ готовность присоединиться къ договору». Такое устраненіе буквы ъ (было замѣчено въ той статьѣ) не только сберегло бы много мѣста и времени, но уменьшило бы и издержки печатанія. При этомъ редакція газеты исчислила, что «сбереженіе составило бы приблизительно 8% на наборѣ, печати и бумагѣ. Изданіе, тратящее на эти предметы 100.000 р., платитъ за букву ъ приблизительно 8000 р.».

Относительно этого уже и въ орѳографическихъ собраніяхъ было исчислено Кеневичемъ, что ъ и ь «составляютъ болѣе чѣмъ двадцатую часть всего печатаемаго[3]. Такъ въ сочиненіи

[1] См. выше, стр. 209, Борна *Крат. руковод. къ росс. слов.*, стр. 11.

[2] *Ученыя Записки по I и III Отд.*, т. I, стр. 61.

[3] Въ прошломъ столѣтіи враги буквы ъ сдѣлали ариѳметическое вычисленіе, и нашли, что эта буква занимаетъ 1/16 долю всего типографскаго набора буквъ (Стоюнинъ, *О русской азбукѣ*). *Въ Книжномъ Вѣстникѣ* утверждали, что отказавшись отъ буквъ *и й ѣ ѳ ѵ ъ* и ь, мы «выиграемъ *шестую* часть времени и капитала, т. е. на 1/6 часть будемъ меньше тратить бумаги, чернилъ, перьевъ и пр., а слѣдовательно меньше потребуется времени и писарей». (*К. В.* 1862, № 5). Еще до того Сенковскій, по поводу книжки Кадинскаго, говорилъ: «Пагубнѣе всѣхъ и всего этотъ тунеядъ ъ, эта піявка, высасывающая лучшую кровь русскаго языка, этотъ злокачественный наростъ — родъ грамматиче-

Буслаева «Историческіе очерки народной поэзіи», въ томѣ 40 листовъ; можно полагать, что изъ нихъ слишкомъ 2 листа заняты полугласными. Въ Энциклопедическомъ лексиконѣ, который предполагается издать въ 40 томахъ, два тома будутъ заняты только полугласными; между тѣмъ изданіе тома обходится среднимъ числомъ около 15 тысячъ; слѣдовательно издатели Энциклопедическаго лексикона платятъ 30 тысячъ р. только за полугласныя».

Двадцать слишкомъ лѣтъ прошло со времени всѣхъ этихъ разсужденій; однакожъ буква ъ и до сихъ поръ не потеряла своего права гражданства на концѣ словъ въ русскомъ письмѣ, и невольно припоминается замѣчаніе русской грамматики, изданной въ 1750 г. на шведскомъ языкѣ: «Хотя этотъ знакъ въ произношеніи и начертаніи словъ не только никакой пользы не приноситъ, а напротивъ еще скорѣе затрудняетъ чтеніе, однакожъ онъ такъ вошелъ во всеобщій обычай, что почти нельзя ожидать, чтобы названный знакъ когда-нибудь былъ исключенъ изъ числа русскихъ буквъ» [1]. Послѣ 1862 года было только одно довольно крупное изданіе, которое умѣло хотя отчасти облегчить себя отъ бремени буквы ъ. Это *Настольный Словарь* покойнаго Толля, гдѣ ъ удержанъ только въ заглавныхъ словахъ; въ объясненіяхъ онъ послѣ конечной согласной исключенъ, оставаясь однакожъ какъ въ серединѣ словъ, гдѣ нужно (напр. въ словѣ «объявить»), такъ и при предлогахъ, состоящихъ изъ одной согласной (въ, къ) [2]. Такъ же точно и *ѳита* совершенно устранена изъ этого словаря.

скаго рака — на хвостѣ русскихъ словъ: онъ пожираетъ болѣе восьми процентовъ времени и бумаги, стóитъ Россіи ежегодно болѣе 4.000,000 руб., — а какую приноситъ ей выгоду или честь?» и т. д. (*Листки бар. Брамбеуса*, Спб. 1858, стр. 633).

[1] «Россійская Грамматика. Thet är Grammatica Russica eller Grundelig Handledning till Ryska Språket &c. Utgifven af Michael Groening». Stockholm 1750.

[2] Помѣщенный выше списокъ изданій безъ буквы ъ можно дополнить, за послѣднія десятилѣтія, еще слѣдующими:

О числѣ. Мысль Порфирія Гоствилло-Карниловича. С приложеніем. Кіев 1852—1853. 16 д. л.

Патологія Нимейера, изд. 2-е. Спб. 1864.

Что касается буквы *ѣ*, то въ статьѣ 1862 года я находилъ, что изгнаніе этой буквы равнялось бы уничтоженію этимологическаго характера нашей орѳографіи. В. Ѳ. Кеневичъ, оставаясь вѣрнымъ тому, что̀ онъ говорилъ въ собраніяхъ, является и въ возраженіи своемъ на мою статью непримиримымъ врагомъ этой буквы[1]. Главнымъ доводомъ служитъ ему то, что правильное употребленіе ея въ корняхъ словъ издавна не вполнѣ соблюдается, такъ что во многихъ случаяхъ мы не пишемъ ея тамъ, гдѣ она въ древности писалась; во флексіяхъ же можно-де равнымъ образомъ обойтись безъ нея, такъ какъ мѣсто, занимаемое словомъ въ предложеніи, достаточно опредѣляетъ грамматическую форму слова. Въ заключеніе авторъ спрашиваетъ: «Сто̀итъ ли учиться тому, что, требуя отъ учащагося большихъ усилій, не даетъ ему никакого положительнаго знанія, не развиваетъ его

Суп для грудных дѣтей, Юстуса Либиха, перев. Розалія Коган. Спб. 1866.

Практическое примѣненіе естественных наук к требованіям личнаго существованія, д-ра Кленке, перев. съ нѣм. М. 1866. 8 д. л.

Граф Бисмарк. Біографическій этюд. Съ англійскаго. Спб. 1870 (Межова 2-е *Прибавл. къ Каталогу* Базунова, № 672).

М. Стариченко. 13 малороссійских переводов сказок Андерсена. Кіев (Межова 5 и 6-е *Приб.*, №№ 908, 913, 916, 930, 962, 977, 1013, 1020, 1024, 1034, 1039, 1043 и 1044).

М. Троцкій. *Як теперь одбуватиметься военна служба*. Кіев 1874 (тамъ же, № 1259).

Дух Римскаго права на различных степенях его развитія. Соч. Р. Іеринга. *Часть I. Перевод с 3-го изданія. Спбург* 1875.

Историческія пѣсни малороссійскаго народа съ объясненіями В. Антоновича и М. Драгоманова. Кіевъ 1874—1875. Два тома (безъ *еровъ* собственно одинъ текстъ пѣсенъ; въ предисловіи и примѣчаніяхъ издателей ъ удержанъ). Такимъ же образомъ въ *Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности*, т. XVII, напечатанъ безъ *еровъ* текстъ пѣсенъ и сказокъ, сообщенныхъ покойнымъ Колосовымъ въ приложеніяхъ къ его отчетамъ отдѣленію.

Опыт фонетики резьянских говоров, И. Бодуэна-де-Куртенэ. Петербургъ 1875 (и въ видѣ приложенія къ этой книгѣ *Резьянскій катихизис*). Проф. Б. де К. вообще печатаетъ свои труды безъ *ера*. Равнымъ образомъ и проф. Р. Ѳ. Брантъ.

Сборник правил р. правописанія. Валькова. Спб. 1875.

Наконецъ журналъ *Филологическій Вѣстникъ*, издав. въ Варшавѣ.

Замѣтки объ изгнаніи буквы ъ см. въ *Книжн. Вѣстн.* 1860, №№ 3—6, 7—8; 1864, № 23; также въ *Русск. Инвалидѣ* 1860, № 96, и въ *Русск. Мірѣ* 1860, № 19.

[1] *Сѣв. Пч.* 1862, № 314: «Нѣсколько замѣчаній по поводу статьи г. Грота».

способностей и ни въ какомъ случаѣ не можетъ принести пользы? Сто́итъ ли терять время, замѣтьте, лучшее время жизни, на то, чтобы пріобрѣсть навыкъ совершать дѣйствіе, не имѣющее ни опредѣленной цѣли, ни разумнаго основанія». — Едва ли можно согласиться съ Кеневичемъ въ посылкахъ, на которыхъ построены его вопросы. Едва ли знаніе разнохарактернаго состава словъ языка и различнаго образованія его флексій можно считать безцѣльнымъ, неразумнымъ и безполезнымъ. Нельзя сказать, чтобы неодинаковое начертаніе такихъ словъ, какъ напр. *сведеніе* и *свѣдѣніе*, ни на чемъ не было основано. Если скажутъ, что для различенія этихъ двухъ словъ при одинаковомъ начертаніи ихъ достаточно было бы знака ударенія, то можно спросить, чѣмъ же этотъ способъ былъ бы лучше и былъ ли бы онъ достаточно знаменателенъ?

Дальнѣйшія попытки улучшенія русской ороографіи.

Въ истекшее десятилѣтіе самыя замѣтныя отступленія отъ господствующаго правописанія позволилъ себѣ покойный В. И. Даль въ своемъ словарѣ. Вотъ главныя особенности его письма:

1) Находя, будто фонетикѣ русскаго языка противно удвоеніе одной и той же буквы, онъ во многихъ случаяхъ не допускаетъ такого удвоенія и пишетъ, напримѣръ: *беславіе*, *бесмертіе*, *бесмысліе*, *конченый*, *опредѣленый*, *исполненый*, также: *вобще*, *вображеніе*, *воружать* и т. п. Однакожъ надобно замѣтить, что Даль самъ не выдерживаетъ своего правила и, по мѣрѣ удаленія отъ начала словаря, болѣе и болѣе измѣняетъ себѣ: такъ предлогъ *из* передъ *с* онъ уже пишетъ то цѣликомъ, то ставя *з* въ скобкахъ, напр. *изсасывать*, *изсиня*, *и(з)спѣсивѣть*, *и(з)страдать*, *и(з)стари*, хотя въ обоихъ случаяхъ не слышно никакой разницы въ произношеніи; а предлога *раз* онъ даже нигдѣ и не сокращаетъ передъ *с*, и пишетъ: *разсаживать*, *разсуждать* и проч. Да и трудно было бы остаться вѣрнымъ правилу, основанному на совершенно ложномъ положеніи: рус-

ская фонетика не только не чуждается удвоенія буквъ, но напротивъ часто безъ основанія сдваиваетъ согласныя, особенно букву н, какъ видно изъ произношенія страдательныхъ причастій и прилагательныхъ въ родѣ: *деревянный*, *соломенный*, *мысленный*, также глагола *итти*, словъ подобныхъ *прочій*, *причина*, *поручикъ* и проч. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ правописаніе давно уступило говору, такъ что напр. всѣ теперь пишутъ съ двойнымъ н извѣстныя причастія и прилагательныя; прежде писали на томъ же основаніи: *впротчемъ*, *притчина*.

2) Постояннѣе Даль держится своего правила въ иноязычныхъ словахъ, которыя считаетъ справедливымъ писать только по слуху, безъ соображенія съ подлинною ихъ орѳографіею; но между тѣмъ, строго слѣдуя принятому началу, онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ произношеніемъ, когда напр. пишетъ: *каса*, *маса* и т. п.

Другія особенности орѳографіи Даля касаются частныхъ случаевъ, и я не буду останавливаться на нихъ, тѣмъ болѣе что онѣ уже обозначены мною въ другомъ мѣстѣ[1]. Нѣкоторыя черты этого правописанія нашли у насъ послѣдователей: есть люди, которые: пишутъ *Росія*, *Прусія*, *комисія*, *професоръ*, *колегія*, *класъ*, и проч. Но объ этомъ ниже, въ критическомъ отдѣлѣ.

Въ послѣдніе годы одинъ изъ типографскихъ корректоровъ въ Петербургѣ, г. Студенскій, убѣдившись на опытѣ въ неудобствахъ пестроты нашего правописанія, издалъ одну за другою двѣ справочныя книжки для авторовъ и переводчиковъ. Первая изъ нихъ (1869, 52 стр.) озаглавлена: «Корректурный Списокъ 700 словъ наиболѣе требующихъ одинаковаго начертанія»; вторая (1870) названа: «Корректурно-грамматическій или корректорскій списокъ». Послѣдняя, и по объему (200 стр.) и по плану, гораздо обширнѣе первой и заключаетъ въ себѣ 4 отдѣла: I. Рукопись. — Издатель. — Списокъ словъ, требующихъ одинаковаго начертанія. — Корректура. — Наборщики. — Типогра-

[1] См. въ I-мъ томѣ разборъ *Толковаго Словаря* для присужденія автору Ломоносовской преміи.

фія. — II. Грамматика и правописаніе. — III. Лексикографія. — IV. Языкъ и философія языка.

Нельзя не признать справедливою мысль автора о потребности въ такомъ пособіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ не пожалѣть, что у него исполненіе вовсе не соотвѣтствуетъ доброму намѣренію. Ни въ цѣломъ, ни въ частяхъ нѣтъ системы; вмѣсто серіознаго отношенія къ дѣлу, вездѣ странное балагурство; положительныхъ свѣдѣній мало, лишняго пропасть и наконецъ множество невѣрныхъ указаній и просто ошибокъ, такъ что пользоваться этою книжкой невозможно. Что сказать, напр., о слѣдующихъ замѣчаніяхъ: «*Борются* матеріально, тѣлесно, напр. боксеры; *борятся* съ предразсудками и пр. *Надѣются* и *надѣятся* — разсужденія тѣ же» (стр. 28), или: *С*ѣверная Америка, а не сѣверная, *Ю*жная Америка, а не южная, и это потому, что Америка самой природой такъ перехвачена въ срединѣ, какъ талія самой отчаянной кокетки. — А грудь?... пожалуй спросите вы. — Соединенные Штаты. — А башмачокъ? — Огненная земля... Сл. у Бокля о плодородіи Бразиліи и гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ о въѣздѣ Колумба» (стр. 72). Но довольно... Иначе пришлось бы выписать почти всю книжку.

Около того же времени на нѣкоторыя трудности нашего правописанія указалъ бывшій преподаватель военно-учебнаго вѣдомства г. Новаковскій въ особой статьѣ, которую онъ представилъ въ Академію Наукъ и потомъ напечаталъ[1]; въ этой статьѣ, имѣющей цѣлію примиреніе этимологической орѳографіи съ говоромъ, Академія приглашается къ рѣшенію спорныхъ вопросовъ своимъ авторитетомъ.

Мысль, что единство орѳографіи можетъ быть установлено только рѣшеніемъ ученаго ареопага, очень естественна. Ее выражали не разъ, и тѣмъ настойчивѣе, что примѣръ тому видѣли во Франціи. Такъ и одинъ изъ бывшихъ нашихъ сочленовъ, покойный П. А. Плетневъ, при разборѣ грамматическаго сочине-

---

[1] *Филол. Записки* 1872, вып. 1 и 2.

нія, изданнаго въ 1844 г., замѣтилъ: «До тѣхъ поръ мы будемъ писать по привычкѣ или по прихоти, пока этотъ грамматическій вопросъ» (т. е. вопросъ объ орѳографіи) «не рѣшенъ будетъ, какъ во Франціи, единодушно обществомъ истинныхъ представителей Русскаго слова»[1]. Надобно однакожъ замѣтить, что примѣръ Франціи остается до сихъ поръ едва ли не единственнымъ въ этомъ отношеніи: да и тамъ давно уже рѣшенія академіи принимаются не безусловно и не безъ критики, чему новѣйшимъ доказательствомъ можетъ служить недавно оконченный превосходный словарь Литтре. Можно навѣрное сказать, что и у насъ опредѣленія Академіи, если бъ и можно было достигнуть въ средѣ ея общаго соглашенія по этому предмету, не привели бы къ полному единообразію въ правописаніи: не только въ разныхъ органахъ печати нельзя предполагать такой уступчивости, которая побудила бы ихъ отказаться отъ своихъ орѳографическихъ привычекъ, но можетъ-статься и тѣ, которые теперь взываютъ къ авторитету Академіи, первые отвергли бы ея опредѣленія, если бъ эти послѣднія не были согласны съ ихъ собственными взглядами.

Поэтому Академія, по выслушаніи письма г. Новаковскаго, передала его статью въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности, которое поручило мнѣ разсмотрѣть ее. Настоящій трудъ, въ первоначальномъ видѣ своемъ, и былъ предпринятъ по этому поводу. Въ своей запискѣ г. Новаковскій, жалуясь на пестроту и шаткость нашей орѳографіи, указывалъ на необходимость согласить два разнородныя начала ея, и для того выставлялъ нѣсколько частныхъ случаевъ, въ которыхъ, съ помощію этимологіи и логическихъ доводовъ, доказывалъ преимущество одного начертанія передъ другимъ, или предлагалъ новое. — Такъ онъ совѣтовалъ писать: 1) *ити* вмѣсто *идти* или *итти*; 2) *попрежнему*, *помоему*, *понынѣшнему*, не отдѣляя предлога; 3) *въ слѣдствіе*, т. е. отдѣляя предлогъ, вм. *вслѣдствіе*; 4) *ниодинъ* слитно

[1] *Соврем.* 1844, т. XXXIX, стр. 311.

вм. *ни одинъ*, соображаясь съ словами: *никто, ничто, никогда*, и проч.; 5) *двѣстѣ*, какъ двойств. число, вм. *двѣсти*. Особенно настаивалъ онъ на томъ, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда *е* съ удареніемъ слѣдуетъ за шипящими буквами *ж ч ш щ*, писать не *о* и не просто *е*, а *е* съ двоеточіемъ (*ё*), за исключеніемъ немногихъ словъ (*свѣжо, горячо, плечо, хорошо*), въ которыхъ окончаніе на *о* уже утвердилось.

Разбирая вопросы, затронутые г. Новаковскимъ, я счелъ нужнымъ расширить свою задачу и пересмотрѣть какъ съ исторической, такъ и съ теоретической точки зрѣнія все нынѣшнее наше правописаніе. Замѣчанія мои, по мѣрѣ ихъ составленія, читались то въ Академіи, то въ существующемъ при университетѣ Филологическомъ обществѣ, и хотя не во всѣхъ случаяхъ можно было достигнуть единогласныхъ заключеній, но по крайней мѣрѣ каждый спорный вопросъ подвергался многостороннему обсужденію. Выводы, основанные на внимательномъ соображеніи разнообразныхъ мнѣній, были тогда же напечатаны мною (*Спорные вопросы* и проч.).

Передъ самымъ изданіемъ тогдашняго труда моего, въ *Голосѣ*[1] появилась статья г. Скандовскаго о томъ, что разнорѣчія правописанія могутъ иногда, въ нашихъ гимназіяхъ, имѣть очень прискорбныя послѣдствія для экзаменующихся учениковъ. Жаль, ежели въ самомъ дѣлѣ есть преподаватели, которые на обычныя орѳографическія разнорѣчія письма смотрятъ какъ на ошибки. Выше я уже коснулся этой стороны предмета. Очень любопытны наблюденія автора (хотя мы съ нимъ и не во всемъ согласны) надъ особенностями орѳографіи современныхъ газетъ и журналовъ; не лишенъ также интереса разсказъ его «о томъ, что̀ происходило въ 1872 году во второй московской гимназіи въ комиссіи, обсуждавшей учебникъ русскаго правописанія, составленный *И. Е. Сосницкимъ*. Комиссія состояла изъ директора, инспектора и трехъ преподавателей русскаго языка и сло-

---

[1] 1872, № 162.

весности; инспекторъ (г. Гулевичъ) участвовалъ въ ней тоже въ качествѣ преподавателя словесности и русскаго языка. При обсужденіи разныхъ вопросовъ, «каждый изъ насъ», говоритъ авторъ, «не разъ и не два оказывался несостоятельнымъ, и мы провѣряли себя академическимъ и другими словарями, которые, въ свою очередь, отказывались иногда отъ рѣшенія нашихъ вопросовъ. Г. Гулевичъ представилъ болѣе сотни словъ, предлагая устранить въ нихъ двоякое правописаніе и постановить что-нибудь одно, на научныхъ, прочныхъ основаніяхъ. Но мы не пришли тогда ни къ какимъ прочнымъ результатамъ, такъ какъ поднимались вопросы о совершенномъ устраненіи нѣкоторыхъ словъ». Далѣе авторъ такъ разсуждаетъ: «Прочные результаты, безъ сомнѣнія, желательны во всякомъ дѣлѣ, но едва ли они достижимы тамъ, гдѣ идетъ рѣчь объ установленіи прочнаго въ непрочномъ, *обязательныхъ навсегда и для всѣхъ* правилъ *въ живомъ еще языкѣ*. Тутъ возможно только *временное* соглашеніе. Потрудитесь-ка сосчитать число грамматическихъ, *по нашему*, ошибокъ въ грамматикѣ *Ломоносова* и въ грамматикѣ *Востокова!* Устанете. Но кто же обвинитъ ихъ въ незнаніи грамматики?» — На эти замѣчанія, какъ надѣемся, предыдущее уже заключаетъ въ себѣ отвѣтъ. Въ каждую эпоху правописаніе, дѣйствительно, представляетъ свои особенности, свою фазу развитія. Многаго, чтó писалъ Ломоносовъ, теперь конечно никто уже не напишетъ; но нельзя же не соглáситься, что въ нынѣшнихъ начертаніяхъ виденъ успѣхъ науки, и что она должна постоянно стремиться къ большему и большему установленію послѣдовательнаго письма. А что касается Востокова, то и нынѣшнимъ грамотеямъ полезно было бы почаще справляться съ нимъ. Иное дѣло обычай, иное — наука. То, что Востоковъ предписываетъ сообразуясь только съ употребленіемъ, напр. большія буквы въ началѣ нѣкоторыхъ словъ, могло измѣниться; но его научные выводы едва ли когда-нибудь утратятъ свою цѣну.

Это перечисленіе главныхъ фактовъ въ исторіи русскаго правописанія было бы неполно, если бъ мы не упомянули объ уче-

ныхъ трудахъ, способствовавшихъ къ ближайшему разъясненію происхожденія славянской азбуки и употребленія ея, начиная съ древнѣйшихъ временъ: послѣ Востокова важныя услуги въ этомъ дѣлѣ оказали: Павскій, Срезневскій и Буслаевъ, которыхъ изслѣдованія необходимо принимать въ соображенія и при разсмотрѣніи орѳографіи позднѣйшаго времени. Собственное правописаніе покойнаго Павскаго отличалось нѣкоторыми особенностями (напр. *естьли*, *этъ*), которыя однакожъ, несмотря на его ученый авторитетъ и на успѣхъ его книги, не перешли въ общее употребленіе.—Указаніе на учебники повело бы насъ слишкомъ далеко. Но я не могу вовсе умолчать объ одной книжкѣ съ притязаніями на педагогическое значеніе, которая была вызвана на свѣтъ моимъ трудомъ и напечатана, хотя и противъ положительно выраженнаго мною желанія, съ моимъ именемъ въ заглавіи. Въ началѣ 1875 года у петербургскихъ книгопродавцевъ появилась брошюра: «Сборник правил русскаго правописанія, составленный, на основаніи Филологических разысканій академика Я. К. Грота, Иваном Вальковым» (псевдонимъ). Чтобы дать понятіе, до какой степени точно это заглавіе, довольно упомянуть, что многія изъ установляемыхъ авторомъ правилъ прямо противоположны моимъ выводамъ, при чемъ однакожъ такое разнорѣчіе съ принятыми имъ будто бы въ руководство началами, въ бо́льшей части случаевъ не оговорено: только изрѣдка оно обозначено едва замѣтною звѣздочкой. Не желая утомлять вниманія читателей безполезною полемикой, позволю себѣ только для примѣра указать, что г. Вальковъ совѣтуетъ писать: *чепорный*, *трущеба*, *плече*, и въ то же время: *шорстка*, *жордочка*, *ржот*, или: *часовова*, *святова*, *жаркова*, *мороженова*, *животнова*, *горячева* (въ сущ. именахъ), и въ то же время: *хрупкаго*, *синяго*, *меньшого* (въ прилагательныхъ). Затѣмъ отсылаю къ самой брошюрѣ тѣхъ, которые захотѣли бы убѣдиться въ основательности причинъ, заставившихъ меня вскорѣ послѣ ея выхода заявить, что я не принимаю на свою отвѣтственность излагаемыхъ въ ней правилъ правописанія (см. № 79 *Голоса* 1875 г.).

V. Критическій обзоръ современнаго правописанія.

Выше уже замѣчено, что наше правописаніе далеко не представляетъ тѣхъ многочисленныхъ и запутанныхъ затрудненій, которыя тяготѣютъ надъ письмомъ большей части другихъ европейскихъ народовъ: это подтверждается и обзоромъ постепенныхъ измѣненій и самымъ родомъ колебаній нашей орѳографіи. Мы видѣли также, что ея господствующій характеръ — историко-этимологическій, но что рядомъ съ нимъ въ значительной степени имѣетъ силу и фонетическій элементъ. Предшествующій очеркъ показываетъ, что въ нашемъ письмѣ, какъ и у другихъ народовъ, постоянно происходило движеніе впередъ въ обоихъ направленіяхъ. Съ одной стороны звуковыя или ошибочныя начертанія исправлялись по требованіямъ словопроизводства; напр. долго писали: «здѣлать, прозьба, щетъ, щастіе, мѣлкій, мѣльница, истинна, лутче, протчій, вить, тово, этова, доброй, Василей, поперегъ»; потомъ стали писать по этимологіи: *сдѣлать*, *просьба*, *счетъ*, *счастіе*, *мелкій*, *мельница*, *истина*, *лучше*, *прочій*, *вѣдь*, *того*, *этого*, *добрый*, *Василій*, *поперекъ*. — Съ другой стороны этимологическія, не согласныя съ живымъ языкомъ начертанія измѣнялись сходно съ выговоромъ; такъ нѣкогда писали: «шестый, хромый, концемъ, дружекъ, естьли»; впослѣдствіи же стали писать ближе къ произношенію: *шестой*, *хромой*, *концомъ*, *дружокъ*, *если*.

Спрашивается: можно ли допустить въ правописаніи совмѣстное присутствіе такихъ двухъ противоположныхъ началъ, и не слѣдуетъ ли стремиться къ исключительному утвержденію одного изъ нихъ, съ устраненіемъ другого? Такъ какъ по самой нашей азбукѣ русское правописаніе — преимущественно этимологическое, а чисто-фонетическое письмо, при сохраненіи этой азбуки, невозможно, то не нужно ли окончательно подчинить все наше правописаніе этимологическому началу, слѣдовательно, напр., начать писать: «возпитать, двадсять, чужій, плечё, хорошё» и т. п.?

По теоріи это было бы конечно справедливо, но практика всѣхъ языковъ убѣждаетъ насъ въ невозможности строго провести въ правописаніи одно начало, и потому приходится признать законность двойственнаго элемента не только въ прошедшемъ, но и въ будущемъ развитіи нашей орѳографіи. Это вытекаетъ изъ самой сущности дѣла. «Въ дѣйствительности, говоритъ Раумеръ, ни то, ни другое письмо не можетъ быть на долгое время установлено безъ ограниченій: *историческое* — потому, что разладъ (между письмомъ и произношеніемъ) въ теченіе вѣковъ становится невыносимымъ; *фонетическое* — потому, что живой языкъ, послѣ введенія такого письма, не перестанетъ измѣняться и разница между письмомъ и произношеніемъ снова будетъ обнаруживаться, пока она не устранится новымъ фонетическимъ исправленіемъ»[1]. Изъ этого вполнѣ вѣрнаго замѣчанія легко вывести заключеніе, что оба начала должны дѣлать другъ другу уступки всякій разъ, когда въ противномъ случаѣ одно изъ нихъ было бы слишкомъ рѣзко нарушено и когда такою уступкой достигается бо́льшее удобство либо въ пониманіи формы или состава слова, либо въ вѣрности изображенія звука. Такъ этимологическія начертанія: *добрый*, *хорошій*, *синій*[2] легко принялись вм. болѣе близкихъ къ просторѣчію: «доброй, хорошей, синей», потому что, не отступая замѣтно отъ произношенія, первыя очень уясняютъ форму, давая возможность наглядно отличать имен. падежъ ед. ч. муж. рода отъ род. и дат. жен. По аналогіи стали также писать *легкій*, *ветхій*, хотя тутъ несогласіе съ произношеніемъ уже замѣтнѣе. Напротивъ, при удареніи на послѣднемъ слогѣ мѣстоименій и прилагательныхъ (*тако́й*, *како́й*, *второ́й*, *прямо́й*), восторжествовало на письмѣ произношеніе, потому что начертанія *такій*, *вторый* и проч. были бы въ слишкомъ большомъ разладѣ съ выговоромъ. По той же

[1] R. Raumer. *Gesam. sprachw. Schriften*. Стр. 110 и 243.

[2] Въ нынѣшнемъ произношеніи такихъ прилагательныхъ грамотными людьми съ яснымъ сохраненіемъ окончаній **ый**, **ій** мы видимъ одинъ изъ примѣровъ обратнаго дѣйствія письма на живую рѣчь.

причинѣ многіе въ недавнее время справедливо начали писать: *прямого, второго*, чтобы ослабить несходство съ произношеніемъ формъ: *прямаго, втораго*. Такимъ же образомъ, наоборотъ, въ старинныхъ начертаніяхъ «дватцать, тритцать» сдѣлана поправка введеніемъ *д* вмѣсто *т*, чтобы, по правилу Ломоносова, «слѣдъ происхожденія этихъ словъ не совсѣмъ закрывался», хотя въ послѣднемъ ихъ слогѣ и допущена уступка произношенію (буква *ц* вм. *с*).

Но, сводя всѣ различные способы начертаній въ современномъ русскомъ письмѣ, мы находимъ, что оно, кромѣ этимологическаго и фонетическаго началъ въ истинномъ ихъ значеніи, представляетъ еще два другіе элемента, именно: во 1-хъ, *условное правописаніе*, когда, не находя точныхъ основаній ни въ томъ, ни въ другомъ началѣ, мы пишемъ по произвольному соглашенію, напр. *добрые, добрыя*; *они, онѣ*; *ея, ее*; *Андрей, Матвѣй, соловей, змѣй*; во 2-хъ, основанное на ложныхъ этимологическихъ или грамматическихъ толкованіяхъ, слѣдовательно просто *ошибочное*, напр. бо*лѣнъ*, ви*дѣнъ*, смета, меткій, росписка, розысканіе.

Ясно, что изъ этихъ двухъ добавочныхъ элементовъ только первый можетъ быть терпимъ; второй долженъ постепенно ослабѣвать и наконецъ исчезнуть передъ успѣхами языкознанія.

Теоретическое разсмотрѣніе нашего правописанія въ систематическомъ порядкѣ — не легкое дѣло. Всего проще было бы конечно проходить отдѣльно каждую букву и указывать всѣ случаи, когда на письмѣ означается одинъ звукъ, а слышится другой, и т. п., какъ обыкновенно и дѣлается въ руководствахъ къ правописанію. Но этотъ способъ разсмотрѣнія и дологъ, и скученъ. Оттого уже и въ первомъ изданіи настоящаго труда я старался группировать по отдѣламъ однородные случаи письма; той же идеѣ буду слѣдовать и теперь, но принявъ отчасти другія основанія для раздѣленія предмета на группы.

I. Употребленіе согласныхъ буквъ.

Удвоеніе одной и той же буквы.

Начинаю съ этого вопроса по обширному его значенію для нашего письма. Нѣкоторые до сихъ поръ думаютъ, что удвоеніе согласныхъ противно свойствамъ русскаго языка. Павскій утверждалъ, что языкъ нашъ «не терпитъ удвоенія однозвучныхъ буквъ и накопленія многихъ согласныхъ при одной гласной»[1]. Въ другомъ мѣстѣ однакожъ онъ справедливѣе называетъ эту особенность «стариннымъ закономъ словенорусскаго языка» и замѣчаетъ, что *въ старину* избѣгали разными способами встрѣчи двухъ однозвучныхъ буквъ: то опускали одну изъ нихъ, то перемѣняли на другую, напр. говорили и писали: «бесѣмене, безависти, исохну, даный, иждивеніе» вм. *безъ сѣмени*, *безъ зависти*, *изсохну*, *данный*, *изживеніе*[2].

Нѣкоторыя изъ такихъ старинныхъ формъ, какъ наприм. *иждивеніе*, *вожделѣніе* (вм. возжелѣніе, или возжеланіе) перешли и въ нынѣшній языкъ или отразились въ немъ: такъ еще и теперь произносятъ и пишутъ: *отворить*, *разѣвать*, *разинуть*, *подъячій* (вм. оттворить, раззѣвать, раззинуть — отъ зіять, — поддьячій), но, вообще говоря, мы на письмѣ легко допускаемъ, даже и безъ надобности, удвоеніе буквъ[3].

Въ физіологическомъ смыслѣ, удвоенія одного и того же согласнаго звука въ словѣ какого бы ни было языка не бываетъ, а есть только *способъ произношенія* звуковъ этого рода, который на письмѣ *такъ* означается. Въ 1-й части настоящаго изслѣдованія я съ намѣреніемъ еще не касался этого вопроса по тѣсной связи его съ письмомъ. Когда мы пишемъ: *ванна*, *труппа*, *мас-*

[1] *Филол. набл.* I, § 98.

[2] Тамъ же, § 106, примѣч. По замѣчанію Шлейхера (Formenlehre d. Kirch.-sl. Spr., стр. 147) тутъ дѣйствуетъ скрытая ассимиляція.

[3] Въ этомъ сознается и Павскій: «нынѣ встрѣча однозвучныхъ буквъ не противна... мы нынѣ допускаемъ удвоеніе одинакихъ буквъ не только въ предложныхъ словахъ, гдѣ нужда того требуетъ, но и въ простыхъ... и даже преступаемъ въ семъ случаѣ предѣлы умѣренности» (тамъ же).

са, то это не значитъ, что звукъ повторенной буквы долженъ дѣйствительно быть дважды вполнѣ образованъ и произнесенъ: это далеко не то, чтó должно бы слышаться, если бъ мы написали: «трупъ-па, ванъ-на, масъ-са». Цѣль двойного начертанія согласной—только показать, что при артикулованіи звука должно произойти его удлинненіе, или точнѣе, что раздѣленіе слога должно пасть не между гласною и согласною (тру-па), не передъ согласною, а на самую эту букву[1]. При этомъ артикуляція звука, если онъ мгновенный (*п б*, *т д*, *к г*), раздѣляется на двѣ части: сперва органамъ дается положеніе, нужное для образованія преграды, а потомъ, послѣ небольшой паузы, преграда эта разрѣшается (труп-па); длительный же звукъ (*в ф*, *з с*, *ж ш*, *м*, *н*, *р*, *л*) просто протягивается, такъ что на письмѣ можно бы, для означенія этого процесса, вмѣсто удвоенія буквы, только ставить надъ нею знакъ протяженія (черточку, которая въ скорописи издавна и употребляется съ этою цѣлью); но такъ какъ во всѣхъ европейскихъ языкахъ принято означать такое звуковое явленіе двойною буквою, то мы и въ фонетическомъ смыслѣ можемъ, для краткости, говорить объ *удвоеніи* согласныхъ.

Въ собственно-русскихъ словахъ (объ иностранныхъ рѣчь будетъ въ особомъ отдѣлѣ) удвоеніе бываетъ либо *этимологическое*, т. е. основанное на составѣ или образованіи словъ, либо *фонетическое*, т. е. требуемое только выговоромъ.

А. Этимологическое удвоеніе согласныхъ.

Оно встрѣчается:

1) Въ корнѣ словъ, отъ органическаго превращенія одного звука въ другой, напр. *жжетъ*, *жженъ*, *жженіе* (при корнѣ **жг**, въ которомъ **г** переходитъ въ **ж**); слѣдовательно принятая Далемъ ороографіи *зженъ* не можетъ быть терпима.

---

[1] Brücke, Grundzüge. Стр. 52. Ср. Thausing, стр. 113. По мнѣнію же шведскаго филолога Леффлера тутъ происходитъ дѣйствительное удвоеніе. (См. въ настоящемъ изданіи т. I, стр. 351).

2) Въ составныхъ или второобразныхъ словахъ, отъ встрѣчи одинхъ и тѣхъ же звуковъ въ первичномъ словѣ и въ представкѣ или въ суффиксѣ, напр. в-вести, под-данный, с-суда, без-заботный, из-зябнуть, воз-зрѣніе, рус-скій, один-надцать, кон-ный, казен-ный, мошен-никъ (въ двухъ послѣднихъ словахъ суффиксъ приложенъ къ слогамъ *казн*, *мошн*, принявшимъ бѣглое *е*).

Слово *женнинъ* пишется многими съ однимъ *н* въ серединѣ; но Павскій справедливо рѣшаетъ вопросъ въ пользу удвояющаго эту букву начертанія, ибо прилагательныя: *братнинъ*, *мужнинъ*, *дочернинъ*, *зятнинъ* явно доказываютъ существованіе притяжательнаго окончанія *нинъ*, котораго присутствіе въ спорномъ словѣ подтверждается и выговоромъ[1]. Впрочемъ *женинъ* не было бы неправильно по примѣру словъ: *сестринъ*, *невѣсткинъ* и т. п.

Часто въ предложныхъ словахъ этимологическое удвоеніе звуковъ означается на письмѣ различными, хотя и однородными по органу, буквами (т. е. **тд, дт, сз, зс, сш, зж**). Извѣстно, что у насъ шопотная буква передъ громкою сама произносится какъ соотвѣтствующая громкая, и наоборотъ, громкая передъ шопотною — какъ шопотная[2], но пишется почти всегда буква, изображающая коренной звукъ[3]. Оттого напр. въ словахъ: *отдать*, *сзади*, *подтянуть*, *возсѣсть*, *изстари*, *сшибить*, *изжарить* и т. п. слышится, въ принятомъ нами условномъ смыслѣ, удвоеніе звуковъ *д з т с ш ж*, но на письмѣ это скрывается этимологическимъ начертаніемъ перваго звука.

При встрѣчѣ *з* съ *ж* иногда вмѣсто этихъ двухъ звуковъ произносится **жд**, отчего и въ ороографіи утвердились двѣ приведенныя выше формы: *вожделѣніе* и *иждивеніе*. Удвоеніе не означается на письмѣ также въ случаяхъ, подобныхъ слѣдующимъ: *ѣзжу*, *пріѣзжій*, *размозжить*, *брюзжать*, *визжать*, *поз-*

[1] *Филолог. набл.* Павскаго. Разсужд. II, § 63.

[2] Изъ этого общаго закона только одно исключеніе: шопотныя передъ громкою *в* не измѣняются въ произношеніи, напр. слова: *твой*, *свой*, *шваль*, *квасъ*, *хвостъ* не произносятся какъ: «двой, звой» и т. д.

[3] Исключеніе допущено для предлоговъ *воз*, *из*, *низ*, *раз*, о которыхъ см. ниже.

же, высшій, низшій, хотя мы произносимъ: «ѣжжу, пріѣжжій, разможжить, брюжжать, вижжать, пожже, вышшій, нишшій» и т. п.

Есть у насъ два слова, являющіеся въ двоякомъ начертаніи; пишутъ: *возжи* и *вожжи*, *дрожжи* и *дрожди*[1]. Начертаніе *возжи* (отъ *возить*) какъ болѣе согласное съ общимъ характеромъ нашей ороографіи, предпочтительно; въ словѣ *дрожди* буква *д* собственно не оправдывается корнемъ (ср. исл. dregg въ томъ же значеніи), но эта форма согласна съ ц.-сл. правописаніемъ.

Случаи пропуска одной изъ буквъ удвоенія были уже показаны (напр. *отворить*); къ нимъ же относится старинное правописаніе словъ: *росада*, *росолъ* вмѣсто правильнѣе употребляемыхъ нынѣ начертаній: *разсада*, *разсолъ*. Безъ причины выговариваютъ и пишутъ *россомаха*: по-польски и по-чешски rosomak по образцу средне-латинскаго rosomacus (словарь Линде).

Въ глаголѣ *встать* между *в* и *с* пропущена для удобства выговора послѣдняя буква предлога *вз*; то же должно разумѣть и о глаголѣ *вступить*, когда по смыслу онъ требуетъ послѣ себя предлога *на* (вступить *на* поприще), а не *въ* (вступить *во* владѣніе). Въ первомъ случаѣ этимологическій составъ глагола: вз-ступить, во второмъ в-ступить; но на письмѣ это различіе не соблюдается.

Въ словѣ *искуство* этимологія требуетъ сохраненія *с* (корень кус) передъ окончаніемъ *ство*. Большею частью и пишутъ *искусство*, хотя для избѣжанія стеченія четырехъ согласныхъ позволительно было бы опускать одно *с*, котораго излишество особенно замѣтно въ род. множ. ч. *искусствъ* и при дальнѣйшемъ удлиненіи суффикса, въ словахъ *искусственный*, *искусственность*. Глаголы *ки(д)нуть*, *дви(г)нуть*, *вер(т)нуть* и т. д. показываютъ, что опущеніе послѣдней согласной въ корнѣ не противно законамъ русскаго словообразованія.

---

[1] Даль безъ всякаго основанія принимаетъ въ своемъ словарѣ еще и третью форму: *дрозжи*.

Объ ошибочномъ начертаніи «искустный» вм. *искусный* не стоило бы и говорить, если бъ оно не встрѣчалось довольно часто даже въ такихъ сочиненіяхъ, гдѣ бы никакъ нельзя было ожидать такой орѳографіи.

Начертанія: *разсориться* вм. *разссориться*; *возженный*, *возженіе*, *разженный*, *разженіе* вм. *возжженный* и т. д. допускаются для избѣжанія излишняго въ живой рѣчи скопленія шипящихъ.

Б. Фонетическое удвоеніе согласныхъ.

Русскій языкъ особенно расположенъ къ удвоенію буквы *н*, безъ этимологическаго основанія, въ прилагательныхъ именахъ и страдательныхъ причастіяхъ; напр. говорятъ и пишутъ: *косвенный*, *сказанный*. Въ прежнее время подобныя явленія обыкновенно приписывались требованіямъ *благозвучія*; но этотъ способъ объясненія отвергается наукою. «Такъ называемые законы благозвучія», говоритъ г. Брюкке въ одномъ изъ своихъ фонетическихъ изслѣдованій, «мало зависятъ отъ угожденія или неугожденія слуху, но существенно основываются на механизмѣ органовъ рѣчи; точно такъ-же перемѣны, испытываемыя языками съ теченіемъ времени, обусловливаются не слухомъ, а механическими законами, которымъ подлежатъ орудія слова»[1]. М. Мюллеръ также становится рѣшительно на сторону мнѣнія, что бóльшая часть звуковыхъ перемѣнъ происходитъ отъ стремленія органовъ рѣчи къ удобству и легкости выговора[2]. Къ этому закону должно быть конечно отнесено и безпричинное повидимому удвоеніе согласныхъ.

Замѣчательно, что этому процессу легко подвергаются носовые звуки не только въ русскомъ, но и въ нѣкоторыхъ другихъ индо-европейскихъ языкахъ. Ср. нѣмецк. Mann, Königin-

---

[1] *Phonetische Bemerkungen* въ *Zeitschrift für österreichische Gymnasien* 1857. Стр. 749.

[2] *Vorlesungen über die Wiss. d. Sprache.* II Serie. Стр. 169.

nen, Stamm; шв. mannen, furstinna, tummen; франц. donner (donare), honneur (honor), homme (homo), pomme (pomum) и проч. Наклонность къ удвоенію *н* между двумя гласными въ германскихъ языкахъ не ускользнула отъ вниманія Боппа, который видѣлъ въ немъ (употребляя обычный въ его время терминъ) чисто-эвфоническое явленіе, прибавляя, что и въ санскритѣ конечное *н* послѣ краткой гласной, когда слѣдующее слово начинается какою-либо гласною, постоянно удвояется[1]. Яковъ Гриммъ, замѣчая, что въ германскихъ языкахъ удвоеніе плавныхъ (*ll*, *mm*, *nn*, *rr*) встрѣчается только въ серединѣ словъ, находитъ, что упрощеніе конечнаго звука должно быть уподобляемо измѣненію серединныхъ *б* и *д* въ конечные *п* и *т*, изъ чего онъ выводитъ то важное заключеніе, что простая плавная (подобно безголосной мгновенной) тверже удвоенной (голосовой мгновенной). Гриммъ видитъ въ такомъ удвоеніи позднѣйшее, ослабляющее начало[2], съ чѣмъ согласны и наблюденія Рюдквиста надъ шведскимъ языкомъ[3].

У насъ удвоеніе *н* весьма обыкновенно:

1) Въ полной формѣ причастій страдательныхъ прошедшаго на *н*: *сдѣланный*, *представленный*, *снесенный*, *совершенный*.

Однакожъ многія причастія этой формы, особенно такія, которыя употребляются въ значеніи прилагательныхъ или существительныхъ (съ утратою понятія времени и дѣйствующаго лица), не удвояютъ *н*: *вареный*, *жареный*, *граненый*, *сушеный*, *пряденый*, *раненый*, *суженый*, *береженый*, *ученый*, *смышленый*, *званый*, *жданый*, *браный*, *тканый*, *вкопаный*, *названый*; *мороженое*, *приданое*.

Такія слова представляютъ конечно болѣе древнюю, первоначальную форму, не принявшую позднѣйшаго удвоенія; многія изъ нихъ принадлежатъ преимущественно народному языку и встрѣчаются въ пословицахъ и поговоркахъ, напр. *береженаго*

[1] *Vergleichende Grammatik* von Fr. Bopp, T. III[2], стр. 315 и 316.
[2] *Deutsche Grammatik* von J. Grimm. T. I[2], стр. 122, 383, 389 и д.
[3] *Ljudlagar och skriflagar* af J. E. Rydqvist. Стр. 46.

Богъ бережетъ; не*званый* гость хуже татарина; не *ждано*, не *гадано*. Это слова — *бо́льшею частью*, но не исключительно безпредложныя; по присоединеніи къ нимъ предлога, придающаго имъ значеніе причастія, они получаютъ и двойное *н*, напр. *наученный*, *израненный*, *сотканный*. Нѣкоторыя ходятъ въ двоякой формѣ (иногда съ различнымъ удареніемъ), смотря по тому, имѣютъ ли значеніе прилагательнаго, или причастія: *назва́ный* (древ.) и *на́званный*, *положо́ный* и *поло́женный*.

Слова *данный* и *желанный* неупотребительны безъ двойнаго *н*, послѣднее — не смотря на свое прилагательное значеніе и оттѣнокъ народности. Первое только въ древнемъ сложеніи: *прида́ное* удерживаетъ свое первоначальную форму съ однимъ *н*. Въ сущ. *подданный* удвоеніе *н* сохраняется. Ту же особенность представляютъ прилагательныя: *бездыханный*, *неустанный*, *окаянный*.

2) Въ прилагательныхъ относительныхъ, оканчивающихся на *ный* и *ній*, послѣ вставочной гласной *е: собственный*, *свойственный*, *мысленный*, *болѣзненный*, *внутренній*, *искренній*. Многія прилагательныя этой формы суть первоначальныя причастія: *обыкновенный* (отъ обыкнуть), *откровенный* (отъ открыть), *вдохновенный* (отъ вдохнуть).

Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ прилагательныхъ двойное *н* получило какъ бы органическое значеніе, такъ что даже при переводѣ ихъ въ краткую форму (въ новомъ языкѣ полная форма является первообразною) это удвоеніе не исчезаетъ; говорятъ: напр. *совершененъ*, *обыкновененъ*, *откровененъ*, *искрененъ* (а не совершенъ, обыкновенъ, откровенъ, искренъ); такъ и въ жен. и ср. р. ед. ч. и во всѣхъ родахъ множ.: *совершенна*, *откровенны* (а не совершена, откровены). Часто отъ той или другой формы зависитъ различіе между причастіями и прилагательными; напр. не все равно, сказать ли: *понятіе опредѣлено*, или: *понятіе опредѣленно*; въ первомъ случаѣ (причастіе) является вопросъ: *чѣмъ?* во второмъ (прилаг.) смыслъ полонъ.

3) Въ немногихъ вещественныхъ прилагательныхъ оконча-

ніе ***яный***, при удареніи на предпослѣднемъ слогѣ, превращается, согласно съ произношеніемъ, въ ***янный***: ***деревянный***, ***оловянный***.

Прежде писали также «стеклянный, серебрянный, кожанный»; но уже съ 1830-хъ годовъ двойное *н* остается чуть ли не только въ двухъ приведенныхъ словахъ; нынче пишутъ: ***стекляный***, ***серебряный***, ***кожаный***, ***конопляный***, ***глиняный***, ***нитяный***, ***жестяной*** и проч. Очевидно, что слѣдуетъ также писать ***замшаный***, а не «замшеный»[1], какъ это слово занесено въ наши словари.

Примѣчаніе. Окончаніе ***яный***, когда на *я* нѣтъ ударенія, произносится такъ близко къ окончанію ***еный*** или ***енный*** (безъ ударенія на *е*), что часто можно усомниться, которое изъ обоихъ правильнѣе, тѣмъ болѣе, что они иногда смѣшиваются и въ значеніи, т. е. для образованія вещественнаго прилаг. въ нѣкоторыхъ случаяхъ употребляется суффиксъ ***енный*** предпочтительно предъ ***яный***, напр. ***соломенный***, ***клюквенный***. Отъ именъ ***вѣтеръ*** и ***масло*** могутъ образоваться прилагательныя двояко, съ различными оттѣнками значенія: ***вѣтряный*** и ***вѣтреный***, ***масляный*** и ***масленый*** (поясненіе см. въ концѣ книги въ филологическомъ указателѣ).

Для начертанія прилагательныхъ и причастій съ однимъ или съ двумя *н* слѣдуетъ держаться вообще произношенія. Что удвоеніе этой буквы въ показанныхъ случаяхъ не оправдывается производствомъ, — несомнѣнно. Но такъ какъ здѣсь фонетическое правописаніе весьма давно уже и твердо установилось, то не зачѣмъ отступать отъ него. Даль и нѣкоторые другіе, пытаясь ввести тутъ одно *н*, противорѣчатъ самимъ себѣ, ибо они же въ другихъ случаяхъ стремятся напротивъ къ сближенію письма съ говоромъ.

По образцу такихъ прилагательныхъ и причастій пишутся и произведенныя отъ нихъ существительныя: а) съ двумя *н*: ***воспитанникъ***, ***избранникъ***, ***священникъ***, ***промышленность*** (Карамзинъ, а за нимъ и Гречъ писали: ***промышленость***); б) съ однимъ

---

[1] О произношеніи *а* за неясное *е* послѣ шипящихъ см. выше.

н: *ученикъ*, *труженикъ*, *вѣтреникъ*, *вареникъ*, *дощаникъ*; слѣдовательно и *гостиница* (отъ гостиный), а не гостинница, какъ многіе неправильно произносятъ и пишутъ.

Фонетическому удвоенію подвергается также другой звукъ зубного органа, — *т* въ глаголѣ *итти*.

Большею частью пишутъ: *идти*, *выйдти*, *дойдти*, *прійдти*, *обойдти*, *перейдти*, *пройдти*, т. е. предполагаютъ этимологическое, или органическое удвоеніе согласной, принимая, что буква *д* принадлежитъ не только настоящему времени, но и неопредѣленному наклоненію.

Объ этомъ были выражаемы разныя мнѣнія. Павскій принимаетъ за корень этого слова одинъ звукъ *и*, который образуетъ основаніе того же глагола въ санскритѣ, греческомъ и латинскомъ. Подтвержденіе тому онъ находитъ въ правописаніи древнихъ памятниковъ: *ити*[1]; но для насъ это начертаніе не можетъ имѣть силы доказательства, такъ какъ древніе русскіе писцы вообще избѣгали удвоенія буквъ. Гораздо убѣдительнѣе то, что еще и нынче при сложеніи съ предлогами разсматриваемый глаголъ сохраняетъ въ произношеніи форму: *дойти*, *пойти*, *найти* и проч. *и* не могло бы обратиться въ *й*, если бъ послѣ этой гласной стояло органическое дт. Слѣдовательно остается только принять, что безпредложная форма, по своей краткости, подала поводъ къ удвоенію согласной[2]; какъ же скоро къ ней присоединяется предлогъ, то исчезаетъ и физіологическая причина къ удвоенію. У насъ есть народное словцо, которое часто произносится съ такимъ же пріемомъ, именно указательное *этта* въ

---

[1] *Филолог. Набл.*, I, § 97. Ср. Max. Müller, *Vorlesungen* &c. II Serie, стр. 74: «Es kann wohl Wurzeln geben, welche nur aus einem Vokal bestehen, wie z. B. I, gehen, im Sanskrit». У насъ другимъ примѣромъ одной гласной въ корнѣ можетъ служить глаголъ *уть*, неупотребительный безъ предлога: *обуть*, *обувать*.

[2] Нельзя согласиться съ П. А. Лавровскимъ, который говоритъ: «При формѣ *ити* нѣтъ рѣшительно побужденія для языка усиливать *т* удвоеніемъ». *Зап. Ак. Н.* т. VIII, прил. 3: «Объ Истор. Грамм. Ѳ. И. Буслаева», стр. 31). Такое удвоеніе t очень обыкновенно издревле въ нѣмецкомъ языкѣ: см. *Deutsche Gramm.* Якова Гримма, I, стр. 167.

рѣчи простолюдиновъ. Букву *д* и въ настоящемъ времени *иду* надобно, согласно съ Миклошичемъ, считать вставкою для избѣжанія встрѣчи двухъ гласныхъ: мы находимъ ее также въ формѣ *буду* и въ нѣкоторыхъ сербскихъ глаголахъ, какъ то *зна-д-ем*, *има-д-ем*, *хте-д-ем*, *зна-д-ох*, *има-д-ох*, *хте-д-ох*[1].

Въ неопредѣленномъ наклоненіи буква *д* передъ окончаніемъ *ти* невозможна: по общему закону она, какъ и всякая другая согласная, должна бы тутъ превратиться въ *с* (вес-ти, сѣс-ть, грес-ть, цвѣс-ть вм. вед-ти, сѣд-ти и т. д.). Тѣ, которые поддерживаютъ противоположное мнѣніе, приводятъ польскую форму iść, утверждая, что здѣсь звукъ *ѕ* не могъ бы явиться безъ первоначальнаго *д*. Но русская форма могла образоваться иначе: сравнивая въ этомъ отношеніи между собой живыя славянскія нарѣчія, мы находимъ въ нихъ троякую форму неопред. накл. разсматриваемаго глагола: въ однихъ *ити* или *ить* (напр. хорв., хорут., чеш., луж.), въ другихъ *итти* (н. п. иллир.), въ третьихъ *исть* (польск., словац.)[2]; въ сербскомъ встрѣчается три формы: *ѝсти*, *ѝти* и *ѝћи*[3]. Гдѣ передъ окончаніемъ нѣтъ *с*, тамъ нельзя допускать и подразумѣваемаго *д*. Впрочемъ съ начертаніемъ *идти* можно бы еще примириться, если бъ оно не влекло за собой невозможныхъ въ фонетическомъ смыслѣ формъ: *дойдти*, *зайдти*, *перейдти* и т. п. Въ несостоятельности этихъ формъ легко убѣдиться при раздѣленіи ихъ на слоги: написать при переносѣ изъ строки въ строку: *дойд-ти*, *зайд-ти*, *перейд-ти* было бы также неудобно, какъ и *дой-дти*, *зай-дти*, *перей-дти*: слоги съ замкнутымъ нисходящимъ дифтонгомъ (какіе мы видимъ напр. въ словахъ: войскъ, войнъ, Суйскъ, Пропойскъ),

---

[1] Miklosich. Vergleich. Lautlehre der slav. Sprachen, стр. 125; тоже повторяетъ онъ въ Vergleich. Formenlehre (Wien 1856), стр. 113. Г. Буслаевъ, принявъ это объясненіе (*Ист. Грамм.* I, стр. 210), допускаетъ однакожъ и то и другое начертаніе: *идти* и *итти*; о чемъ см. Hattala *Uvaha* (Прага 1862), стр. 22.

[2] См. между прочимъ Словарь Линде и *Корнесловъ* Шимкевича.

[3] См. Словарь Караджича.

сами по себѣ очень рѣдки въ языкѣ[1], но по крайней мѣрѣ они возможны подъ удареніемъ; неударяемые же слоги *дойд*, *зайд* и проч. составляли бы безпримѣрную аномалію. Съ другой стороны, и слогъ *дти*, перенесенный изъ строки въ строку, представлялъ бы небывалое сочетаніе.

Замѣчательно, что при соединеніи этого глагола съ предлогами *вы* и *при*, коренная гласная *и* опускается, и въ народномъ языкѣ неопредѣленное наклоненіе принимаетъ форму *вытти*, *притти*, наст. вр. *выду*, *приду*, повел. накл. — *приди*, *выди* или *выдь*. Это оттого, что народная рѣчь чуждается дифтонговъ *ый*, *ій* (см. выше стр. 28); въ книжномъ языкѣ однакожъ предпочитаются формы: *выйти*, *прійти*. Въ этихъ двухъ сложеніяхъ особенно ясно, какъ неправильны начертанія неопр. наклон. съ *д*: *выйдти*, *прійдти*, черезчуръ несогласныя съ произношеніемъ.

Фонетическое употребленіе С вмѣсто З въ предлогахъ: **воз**, **низ**, **раз**, **из**.

Было уже замѣчено, что голосовыя согласныя въ концѣ слова пишутся у насъ по производству, несмотря на выговоръ ихъ за безголосныя, напр. мы пишемъ: *чтобъ*, *другъ*, *сводъ*, *груздь*, *корабль*, хотя произносимъ: «штопъ, друкъ, свотъ, грусть, корапъ». Равнымъ образомъ, и при встрѣчѣ тѣхъ и другихъ звуковъ въ началѣ или въ серединѣ слова, мы на письмѣ слѣдуемъ не выговору, а производству, и опять пишемъ: *сдать*, *втянуть*, *отзвукъ*, *низкій*, *низшій*, *родство* (хотя произносимъ: «здать, фтянуть, одзвукъ, ниской, нисшій, ротство»[2]).

[1] На это указалъ уже О. Н. Бэтлингъ въ своихъ «Грамматическихъ изслѣдованіяхъ о русскомъ языкѣ» (*Уч. Зап. по I и III Отд.*, I, стр. 70). Ученый авторъ признаетъ также форму *идти* неправильною. По его мнѣнію, форма *итти* «образовалась въ устахъ народа и ученые стали употреблять ее, слѣдуя народному выговору, а форму *идти* составили посредствомъ этимологіи». (Тамъ же).

[2] Такъ пишутъ и нѣмцы, напр. ab, und, Rad, Tag. Римляне такимъ же образомъ изображали громкіе звуки въ концѣ слова, напр. ab, sub; въ серединѣ же словъ поступали различно, напр. писали scripsi, lectum (вм. scribsi, legtum), но absque, absinthium, subferre.

Въ отношеніи къ предлогамъ наша фонетика представляетъ одно очень замѣчательное явленіе, на которое, кажется, еще не было обращено вниманія. Во всѣхъ прочихъ словахъ конечная голосовая всегда произносится безъ голоса, несмотря на свойство первой буквы слѣдующаго слова, напр. *хлѣбъ нашъ*, *разъ-два*, *ходъ мыслей*, *чтобъ вы* произносятся: «хлѣпъ нашъ, расъ-два, хотъ мыслей, чтопъ вы»; въ предлогахъ же, даже и раздѣльныхъ, выговоръ конечной голосовой зависитъ отъ начала слѣдующаго слова; такимъ образомъ произносятъ, какъ пишутъ, безъ измѣненія звуковъ: *объ немъ*, *изъ дому*, *подъ небомъ*, *передъ моремъ* (а не «опъ немъ, исъ дому, потъ небомъ, перетъ моремъ»). Въ этомъ выразилось разумное сознаніе народа, что предлоги не составляютъ самостоятельной части рѣчи, а находятся въ необходимой связи съ управляемыми ими словами[1].

Наоборотъ, конечный голосовой звукъ предлоговъ произносится безъ голоса передъ начальнымъ голосовымъ другого слова, напр. *подъ столъ*, *изъ крыши* = «потъ столъ, исъ крыши». Когда предлогъ стоитъ отдѣльно, то на письмѣ всегда соблюдается общее правило этимологическихъ начертаній. Когда предлогъ пишется слитно, то это правило опять остается въ силѣ въ отношеніи къ буквамъ *в б д*, которыя на письмѣ не измѣняются передъ безголосными согласными, напр. пишутъ: *вставить*, *обтянуть*, *подписать* (а не «фставить, оптянуть, потписать»).

Въ отношеніи же къ буквѣ *з* издревле допущено исключеніе, которое донынѣ соблюдается въ четырехъ предлогахъ: въ слитныхъ *воз*, *низ*, *раз*, и въ раздѣльномъ *изъ*, когда онъ употребляется слитно съ именами или глаголами: именно они пишутся, по

---

[1] Въ нѣмецкомъ языкѣ мы видимъ совсѣмъ другое начало: тамъ голосовая буква, сдѣлавшись въ концѣ слова безголосною, остается такою даже и при соединеніи этого слова (хотя бы и предлога) съ другими, не только передъ безголосною же, но и передъ голосовою или гласною. Такъ abnehmen, abwärts, leibeigen выговариваются: ap-nehmen, ap-wärts, leip-eigen, что по русской фонетикѣ было бы невозможно. Оттого Нѣмцы, говоря по-русски, часто произносятъ: «опнимать, опъявить» и т. п. У итальянцевъ даже s передъ v обращается въ z: Slavi произн. Zlavi (Злави = Славяне).

произношенію: *вос*, *нис*, *рас*, *ис*, передъ шопотными согласными *к х п т ф*, передъ шипящими *ч ш щ* и передъ *ц*. Это правописаніе долго колебалось; еще и по грамматикѣ Востокова (§ 170) предлоги эти не перемѣняютъ *з* на *с* передъ послѣдними четырьмя изъ приведенныхъ мною буквъ, но теперь почти всѣми уже признаётся то общее правило, что названные предлоги пишутся такъ, какъ произносятся, то съ *з*, то съ *с*. Только передъ *с*, какъ уже было показано, всегда пишутъ *з* (Ломоносовъ старался поддержать старинныя начертанія: «иссохнуть, расславить, восстановить», но не успѣлъ въ томъ).

Не слѣдуетъ ли распространить это правописаніе и на остальные два предлога того же окончанія, т. е. на *без* и *чрез?*

Казалось бы, что этого требуетъ аналогія, но съ другой стороны, если вспомнить, что начертанія *ис*, *нис*, *вос*, *рас* составляютъ противорѣчіе общему характеру нашей орѳографіи и что всѣ прочіе предлоги съ громкой согласной въ концѣ всегда сохраняютъ свои коренныя буквы (*под*, *над*, *об*, *пред*), то мы придемъ къ убѣжденію, что лучше не давать дальнѣйшаго хода неправильности и ограничить исключеніе четырьмя предлогами, хотя въ древности и писали: «беспечальство, бесплоденъ», чему слѣдовалъ и Ломоносовъ. Если бъ предвидѣлась возможность измѣнить давно укоренившійся обычай, то лучше было бы установить, чтобъ всѣ предлоги безъ изъятія всегда писались по этимологіи; конечно начертанія: *изтреблять*, *снизходить*, *возкресъ*, *вразплохъ*, когда бы глазъ успѣлъ къ нимъ привыкнуть, были бы вовсе не страннѣе чѣмъ *подслушивать*, *надпись*, *обставить* и т. п.[1].

---

[1] Для исторіи этого вопроса см. мнѣніе Лепехина въ *Исторіи Россійской Академіи*, М. И. Сухомлинова (*Сборн. Отд. р. яз. и сл.* т. XIV, стр. 283) и *Собесѣдникъ*, ч. XVI. Въ *Филологическихъ Запискахъ* (1875 вып. II) г. Козловскій предлагалъ распространить орѳографію исчисленныхъ четырехъ предлоговъ и на остальные два, но въ концѣ своей замѣтки онъ справедливо сознался, что на томъ же основаніи можно бы потребовать однороднаго начертанія и для предлоговъ *предъ*, *подъ*, *надъ* (потсохнуть, поттасовать, потфабрить, претпослать): изъ такого затрудненія авторъ могъ выйти только заявленіемъ, что это къ предмету его замѣтки не относится.

Есть нѣсколько случаевъ, въ которыхъ возникаетъ сомнѣніе, писать ли *раз* или *рас*, такъ какъ составъ слова понимается различно, именно:

Расчесть (разчесть), или *разсчесть?*

Расчетъ (разчетъ), или *разсчетъ?*

Для повѣрки, нуженъ ли тутъ, кромѣ *раз*, еще добавочный предлогъ *съ*, самымъ вѣрнымъ пріемомъ будетъ попробовать слагать глаголъ *честь* и сущ. *четъ* съ другими предлогами. Тутъ мы увидимъ глаголы: *зачесть*, *вычесть*, *причесть*, *отчесть*, *перечесть*, *сочесть;* сущ. *зачетъ*, *вычетъ*, *отчетъ*, *перечетъ*, *счетъ*. Изъ этого разбора ясно, что въ составѣ словъ *рас-честь*, *расчетъ* находится сверхъ предлога *раз* только корень *чет*, *честь*, и слѣдовательно предлогъ *съ* тутъ совершенно излишенъ.

Но какъ писать: *расчесть*, или *разчесть?*

расчетъ, или *разчетъ?*

Согласно съ общимъ правиломъ, слѣдуетъ отдать предпочтеніе первому начертанію; нѣкоторые употребляютъ второе по двумъ соображеніямъ: 1) потому что въ нѣкоторыхъ формахъ глагола *разчесть* предлогъ *раз* при встрѣчѣ съ двумя согласными *чт* принимаетъ добавочную гласную *о*, и тогда вмѣсто *с* по необходимости возстановляется *з*: *разочли*, *разочту*, *разочтенъ;* 2) съ цѣлью яснѣе изобразить составъ слова и не дать повода къ мысли, будто въ формѣ *расчетъ* сокращенъ предлогъ *раз* въ *ра* и будто съ нимъ соединены слова *счесть*, *счетъ*, буква же *з* выброшена изъ предлога.

Но противъ перваго основанія можно возразить, что въ этомъ случаѣ буквы *з* и *с* пишутся, какъ и всегда, смотря по слѣдующей буквѣ, а противъ второго, что такая заботливость объ отвращеніи этимологическаго недоразумѣнія излишня.

Расчитать (разчитать), или *разсчитать?*

Расчитывать (разчитывать), или *разсчитывать?*

Здѣсь при употребленіи того же пріема для повѣрки начертанія, результатъ выйдетъ противоположный. Это требуетъ нѣсколько подробнаго объясненія.

Глаголъ *читать* при соединеніи съ предлогами имѣетъ двоякій смыслъ, означая: 1) дѣйствіе счисленія; 2) дѣйствіе чтенія.

Только во второмъ значеніи онъ употребляется и безъ предлога; въ первомъ же только съ предлогами, и притомъ съ такой разницей, что если къ слову *читать* (о письмѣ) присоединить предлогъ, то онъ низведетъ этотъ глаголъ на степень совершеннаго: *вычитать*, *дочитать*, *почитать*, *прочитать*, *перечитать*; при другомъ же значеніи (т. е. дѣйствія счисленія) предлогъ придаетъ глаголу *читать* только длительный видъ: *вычита́ть*, *зачитать*, *почитать* (и *предпочитать*), *считать*.

Что же выходитъ изъ этого?

Это приводитъ къ заключенію, что (—) *читать* (вм. *чѣтать*, д. счисленія) есть многократный видъ глагола *честь*, неупотребляемый безъ предлога, какъ (—) *вирать* отъ *врать*, (—) *рывать* отъ *рвать*, (—) *цвѣтать* отъ *цвѣсть*, (об) *рѣтать* отъ (об) *рѣсть*. Чтобъ низвести этотъ глаголъ на степень длительнаго, нуженъ предлогъ; именно, для приданія ему полнаго значенія дѣйствія счисленія служитъ предлогъ *съ*, а къ сложному глаголу *считать* присоединяются, для развитія дальнѣйшихъ оттѣнковъ значенія, другіе предлоги: *насчитать*, *пересчитать*, *обсчитать*, *отсчитать* и даже *со-считать* (двойной предлогъ *съ*). Слѣдовательно и *раз-считать*. При этомъ глаголъ переходитъ въ совершенный видъ.

Далѣе, отъ этого вида можно уже обыкновеннымъ способомъ образовать новый длительный видъ: *обсчитывать*, *пересчитывать*, *насчитывать*, *отсчитывать* и *разсчитывать*.

Очевидно, что начертаніе «рас-читать, рас-читывать» представляетъ составъ слова неполно. Должно писать: *разсчитать*, *разсчитывать*.

При формѣ же: *расчитать* глаголъ *читать* означалъ бы дѣйствіе чтенія.

Расказать (разказать), или *разсказать?*
Расказъ (разказъ), или *разсказъ?*
Росказни (розказни), или *розсказни*?

Здѣсь мы видимъ почти то же, что и относительно глагола *читать*. Глаголъ *казать*, чтобъ получить значеніе, прямо относящееся къ рѣчи, къ человѣческому слову, долженъ напередъ соединиться съ предлогомъ *съ* и обратиться въ *сказать*, при чемъ однакожъ глаголъ этотъ тотчасъ сводится на степень совершеннаго. Къ этому уже предлогу присоединяются другіе предлоги для разныхъ оттѣнковъ значенія: *высказать*, *досказать*, *насказать*, *пересказать*, *подсказать*, слѣдовательно и *раз-сказать*, *раз-сказъ*, *роз-сказни*. Совсѣмъ другое значеніе имѣетъ глаголъ *казать* въ такихъ сочетаніяхъ: *выказать*, *доказать*, *наказать*, *отказать*, *показать*, *приказать*. Понятіе рѣчи даже въ словахъ: *доказать*, *отказать*, *приказать* не есть непосредственное и главное.

Распросить (разпросить), или *разспросить?*

Распросы (разпросы), или *разспросы?*

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что тутъ *с* послѣ предлога *раз* не нужно, такъ какъ глаголъ *просить* имѣетъ уже значеніе interrogare при предлогахъ *во* и *до* (*вопросить*, *допросить*, *вопросъ*, *допросъ*). Но, по ближайшемъ размышленіи, мы убѣждаемся, что между этими формами и выписанными въ заглавіи сомнительными словами съ предлогомъ *раз*, есть существенное различіе: то древнія формы, тогда какъ глагомъ *разспрашивать*, подобно глаголамъ, *выспрашивать*, *переспрашивать* — новаго образованія: это сочетаніе очевидно относится къ тому времени, когда слово *просить* уже получило болѣе опредѣленное значеніе petere, orare, а для значенія interrogare, образовался сложный глаголъ *спросить, спрашивать* точно такъ же, какъ *считать* и *сказать*. Итакъ — *разспрашивать*, *разспросы*.

Разысканіе, или *розысканіе?*

Расписка, или *росписка?*

Въ русскомъ языкѣ часто случается, что коренное *а*, получивъ удареніе, обращается въ *о*, и наоборотъ. Такъ народъ во многихъ мѣстностяхъ говоритъ: *посóдишь*, *покóтишь*, *подóришь*, *вóришь*, *тóщишь*, *плóтишь*, вмѣсто этихъ же словъ съ буквою

а. Форма *плотишь*, *заплочено* перешла и въ образованный языкъ[1]. На томъ же основаніи предлогъ *раз*, получивъ удареніе въ народной рѣчи[2], обращается въ *роз* или *рос*: *розвальни*, *розняли*, *розговѣнье*, *розыскъ*, *розыгрышъ*, *роздалъ*, *розобрало*, *роспись*, *розсыпь*, *розсказни*. Значитъ ли это, что и тогда, когда предлогъ *раз* въ соединеніи съ словами того же корня не носитъ ударенія, онъ долженъ писаться съ буквою *о*? Никакъ. Перенесеніе на него ударенія съ обращеніемъ *а* въ *о* есть частный случай, въ которомъ мы на письмѣ сообразуемся съ произношеніемъ. Зачѣмъ же это частное, исключительное правописаніе переносить на тѣ случаи, гдѣ основаніе для такой перемѣны, особый выговоръ, исчезаетъ? Въ большей части случаевъ никто этого и не дѣлаетъ; не пишутъ напр. *рознимать*, *розсказывать* въ слѣдствіе того, что говорятъ: *розняли*, *розсказни*; но большинство ошибочно пишетъ *розыскать*, *розысканіе* и *росписка* на томъ основаніи, что есть слова *розыскъ* и *роспись*.

Когда мы пишемъ: *расписка*, *расписаться*, *разыскать*, *разысканіе*, намъ вовсе нѣтъ надобности сообразоваться съ исключительнымъ случаемъ произношенія предлога *раз*; оно въ приведенныхъ словахъ не имѣетъ мѣста, слѣдовательно не должно имѣть мѣста и его послѣдствіе, употребленіе на письмѣ буквы *о* вм. *а*.

Отсюда правило:

Когда предлогъ *раз*, принявъ удареніе, произносится *роз*, то онъ такъ и пишется, но исключительно въ тѣхъ словахъ, гдѣ слышно это произношеніе; въ другихъ же составныхъ словахъ одинаковаго происхожденія, гдѣ онъ ударенія не носитъ, онъ пишется чрезъ *а*, напр. *разнимать*, *развалины*, *разсказъ*, *расписка*, *разысканіе*, а никакъ не: «рознимать, розвалины, росписка, розысканіе».

---

[1] Примѣромъ противоположнаго случая можетъ служить гл. *ловить*. Въ нѣкоторыхъ губ. говорятъ: «лáвишь, лáвитъ» и т. д. Этимъ объясняется и существит. *облáва*.

[2] Въ словахъ высшаго духовнаго значенія, перешедшихъ изъ церк.-слав., предлогъ *раз* и подъ удареніемъ сохраняетъ чистое *а*: *рáзумъ*, *рáспятъ*.

Другіе случаи фонетическаго письма.

Слова: *гдѣ*, *здѣсь*, *вездѣ*, *ноздри*, *свадьба*, *мяздра*, *розга*, *пѣшь* (повел.) пишутся по произношенію вм. этимологически правильныхъ, но неупотребительныхъ начертаній: *кдѣ* (ср. куда), *сдѣсь* (ср. сюда), *весдѣ* (ср. всюду), *носдри* (ср. серб.ноздрва) *мясдра*, *сватьба* (ср. женитьба), *ростга*[1], *пѣжь*. *Четвергъ* пишется такъ по произношенію косвенныхъ падежей.

Начертаніе *свадьба* находитъ себѣ оправданіе въ томъ, что звуковая форма этого слова взяла перевѣсъ надъ этимологіей и въ произведенныхъ отъ него — уменьшительномъ имени *свадебка*, и прилагательномъ *свадебный*. Превращеніе *т* въ *д* между двумя гласными встрѣчается также въ народныхъ формахъ: *эдакъ*, *эдакій* вм. *этакъ*, *этакій*[2], *околодокъ* вм. *околотокъ*. У насъ есть примѣръ противоположнаго случая, гдѣ однакожъ на письмѣ восторжествовало производство. Это сущ. *будка*, отъ котораго по произношенію же составлено другое, всегда произносимое *буточникъ*, но на письмѣ сохраняющее *д*: *будочникъ*.

Въ словахъ *мягкій*, *мягкость*, *мягчить*, буква *г* поставлена вм. кореннаго *к* (*мякоть*, *мякишъ*), на основаніи произношенія словъ: *легкій*, *облегчить*, *когти*, *ногти*, т. е. на томъ основаніи, что въ нихъ *г* въ концѣ слога = *к* (*рогъ*, *лугъ* произн. какъ рокъ, лукъ), а *к* передъ другимъ *к* или передъ *т* (о родствѣ этихъ буквъ см. выше стр. 15) произносится какъ *х*, напр. *къ кому* произн. х-кому, *кто* произн. хто. (Эта послѣдняя форма встрѣчается и на письмѣ въ древне-славянскомъ языкѣ[3]).

Слово *збруя* взято съ польскаго: zbroj, zbroja (снарядъ, доспѣхъ), въ которомъ и предлогъ остался неприкосновеннымъ въ

---

[1] Изъ црк.-сл. формы *рождіе* нельзя заключать, что корень слова — *род*: здѣсь *жд* замѣнило, по произношенію, *зж*, какъ напр. въ словѣ *иждивеніе*.

[2] Мнѣ случалось еще слышать *эракъ*, *эракій*, но было ли это слѣдствіемъ индивидуальной особенности выговора, или явленіемъ какого-нибудь мѣстнаго говора, не умѣю сказать положительно. Съ этими словами надо сблизить еще слышимую иногда въ народѣ форму: *сварьба*.

[3] Miklosich. *Vergl. Lautlehre*, стр. 208.

своей польской формѣ (*з* вм. *съ*). Сходно съ русскою формою этого предлога можно писать и *сбруя*.

Встрѣчающееся нерѣдко въ нашей печати начертаніе «*сумазбродъ*» вм. *сумасбродъ* непослѣдовательно.

Въ словахъ: *отверстый*, *отверстіе с* объясняется древними формами: *отврѣсти*, *отъврѣстіе*. Ошибочно по выговору писать: *ляшка* вм. *ляжка* (отъ ляга, лядвея), *душка* вм. *дужка* (отъ дуга), *затхлый* вм. *задхлый* (за́дохлый).

Употребленіе Ч, Т и Д при встрѣчѣ съ другими согласными.

Звукъ *ч*, происшедшій изъ *к* или *ц*, передъ суффиксомъ, начинающимся на *н*, произносится въ народномъ говорѣ какъ *ш*, но на письмѣ не измѣняется. Между тѣмъ въ этомъ случаѣ часто пишется неправильно *ш*, напр: «прачешная, башмашникъ». Для повѣрки употребленія этой буквы необходимо справляться, какъ произошелъ въ данномъ случаѣ звукъ ея, и если въ первообразномъ словѣ *к* или *ц*, то слѣдуетъ писать *ч;* если *г*, то писать *ж: пряничный*, *коричневый* (отъ пряникъ, корица); *бумажка* (отъ бумага).

Для объясненія упомянутаго здѣсь выговора надо вспомнить составъ *ч* (= *тш;* см. выше стр. 17), слѣд. *чн* = *тшн*. Такимъ образомъ *ш* тутъ очутилось между двумя звуками того же зубного органа, близкими между собой по образованію: естественно, что устные органы, въ облегченіе себя, охотно пропускаютъ первый зубной звукъ и вмѣсто *тшн* произносятъ только *шн*, напр. въ словахъ *скучно*, *нарочно*, *закадычный*, *башмачникъ*, *табачный*, *молочный*, *копеечный*. Впрочемъ въ словахъ, принадлежащихъ къ книжной рѣчи, или такихъ, которыя при показанномъ произношеніи могли бы быть смѣшаны съ другими, *ч* не измѣняется на *ш*, напр. *точно*, *вѣчный*, *тучный*, *скоротечный*, *звучный*, *неразлучный*, *безпечный*. Нѣкоторыя слова этого состава произносятся двояко, смотря по ихъ значенію или по оттѣнку языка, въ которомъ они употребляются: такъ въ народѣ

говорятъ *сердешный*, а въ образованномъ языкѣ *сердечный;* прилаг. *конечный* (въ смыслѣ: относящійся къ концу) сохраняетъ въ выговорѣ звукъ *ч*, а нарѣчіе произносится большею частью «конешно».

Въ женскихъ отчествахъ: *Ильинична*, *Лукинична*, *Фоминична*, *Кузьминична*, также не слѣдуетъ писать *ш* вмѣсто *ч*. Они образованы почти такимъ же образомъ, какъ болѣе обыкновенныя имена этого рода на *овна* и *евна*, но полнѣе (т. е. съ удержаніемъ окончанія *ичъ*); какъ въ этихъ послѣднихъ въ основаніе принято мужское отчество съ окончаніемъ *ов*, и къ нему прибавленъ слогъ *на*, такъ точно и въ тѣхъ болѣе рѣдкихъ именахъ къ мужескому полному окончанію на *ич* присоединено окончаніе *на*.

Но откуда же явилось *ин* передъ окончаніемъ *ичъ?*

Какъ отъ *Иванъ*, *Семенъ* образованы сперва лично-притяжательныя *Иван-овъ, Семен-овъ*; такъ отъ *Илья*, *Лука* образованы, въ слѣдствіе ихъ женскаго окончанія: *Иль-инъ*, *Лук-инъ*.

Въ мужескихъ отчествахъ слогъ *инъ* опущенъ (Иль-ичъ вм. Ильиничъ) подобно тому, какъ въ просторѣчіи выкидывается и слогъ *ов* (Иван-ычъ вм. Ивановичъ); въ женскихъ же онъ возстановляется и тутъ и тамъ: *Иван-ов-на, Иль-ин-ична*[1]. (Только въ имени *Никитична*, вѣроятно по долготѣ его и другому ударенію, слогъ *ин* и въ женскомъ отчествѣ остается пропущеннымъ).

Разница между именами формы *ов* и формы *ин* заключается въ томъ, что въ первыхъ слогъ *ичъ*, при образованіи женскаго отчества, оказывается излишнимъ, потому можетъ быть, что слогъ *ов*, какъ примѣта муж. рода, уже достаточно показываетъ происхожденіе; во второмъ же случаѣ, слогъ *инъ*, будучи про-

[1] Причину, почему въ именахъ: *Ильичъ*, *Козьмичъ* и т. п. слогъ *инъ*, соотвѣтствующій слогу *овъ*, никогда не является, а въ женскихъ отчествахъ напротивъ почти всегда составляетъ необходимую принадлежность формы, можно, кажется, объяснить какъ чисто фонетическое явленіе, сокращеніемъ окончанія въ первомъ случаѣ.

изведенъ отъ жен. окончанія, самъ по себѣ какъ бы не довольно выразителенъ и потому въ дополненіе къ нему прибавленъ болѣе характеристическій суффиксъ *ичъ*, который въ женскихъ отчествахъ передъ слогомъ *на* произносится какъ *иш*.

Совершенно сходное звуковое явленіе представляетъ измѣненіе выговоромъ *ч* въ *ш* передъ *т* (въ словѣ *что*), съ тою разницею, что тутъ, при сохраненіи первоначальнаго звука, пришлось бы произнести *тшт*, т. е. образовать ту же самую артикуляцію два раза — передъ и послѣ *ш*, — а это конечно еще труднѣе. Этотъ народно-русскій выговоръ соблюдается и въ образованномъ языкѣ, но означать его на письмѣ не принято.

Когда передъ суффиксомъ, начинающимся на *н*, стоятъ звуки корня *ст* или *зд*, то *т* и *д* въ прозношеніи скрадываются, но на письмѣ не опускаются, напр. въ словахъ *извѣстный*, *честный*, *крестный*, *постный*, *лѣстница* (отъ ц.-сл. лѣствица), *поздній*, *поздно*, *праздникъ*[1].

Какъ передъ *н*, такъ и передъ *л* сочетаніе *ст* трудно произносится, и при встрѣчѣ этихъ звуковъ *т* легко выпадаетъ. Такъ вм. *стлать* выговариваютъ *слать*. Но на письмѣ слово должно быть воспроизводимо вполнѣ. Между тѣмъ въ образованномъ отъ того же корня имени *сланецъ* этимологія забыта и буквы *т* писать не принято[2].

Систематически опускается она также въ союзѣ *если* вмѣсто *естьли* (см. выше стр. 245).

---

[1] Трудность произнесенія обѣихъ согласныхъ *зд* передъ *н* была причиною, что нарѣчіе *поздно* выговаривается двояко, т. е. съ опущеніемъ то *д*, то *н*: *позно* и *поздо*. Послѣдняя форма употреблялась иногда и на письмѣ. Намъ попадалось иногда замѣчаніе, что отъ словъ *надежда* и *прежде* прилагательныя *надежный* и *прежній* образуются съ опущеніемъ звука *д*. Но дѣло здѣсь въ томъ, что эти прилагательныя образованы не отъ этой церк.-слав. формы, а отъ народной: *надежа*, *преже* (Бусл. *Ист. Грам.* I, стр. 71).

[2] Можно бы предполагать, что къ этому же корню (т. е. *стл*) относится и сущ. *слой*, но соотвѣтствующія ему въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ имена не допускаютъ этого производства. Трудно впрочемъ опредѣлить происхожденіе имени *слой*. Оно есть также въ польскомъ и чешскомъ. Линде сближаетъ его съ корнемъ *лоъ*, а Юнгманъ съ глаг. *лить*; Шимкевичъ, въ недоумѣніи, поставилъ его особо какъ коренное слово.

По причинѣ стеченія четырехъ согласныхъ, буква *т* выбрасывается еще изъ слова *склянка* (вм. «стклянка»).

Напротивъ, эта же буква, по особенному свойству народной фонетики[1], часто вставляется между *с* и *р*, но на письмѣ она въ большей части такихъ случаевъ устраняется (*срамъ*, *сраженіе*) и утвердилась только въ словахъ: *встрѣтить*, *встрѣча* (отъ корня *рѣт* съ предл. *съ*: сърѣсти, сърѣтати) и *строгій*. Первоначальная форма послѣдняго въ древне-славянскомъ: *срагъ* (поль. srogi) того же значенія.

Сочетаніе коренного *т* съ буквою *с* суффикса (какъ напр. въ словахъ *свѣтскій*, *Гжатскъ*) не обращается въ *ц*. Исключеніе представляетъ общепринятая орѳографія двухъ собственныхъ именъ: *Полоцкъ* и *Шацкъ*, которыя на общемъ основаніи должны бы писаться: *Полотскъ* и *Шатскъ* по названіямъ рѣкъ Полоты и Шати. Въ Географическомъ словарѣ Щекатова мы и находимъ (впрочемъ не во всѣхъ случаяхъ) приведенныя правильныя начертанія.

Употребленіе Щ, СЧ, ЗЧ, ЖЧ.

Буква *щ*, изображающая сложный звукъ, употребляется: 1) въ первоначальныхъ, не очень многочисленныхъ корняхъ словъ, напр. *щавель*, *щи*, *щетина*, *щирый*, *щебень*, *ущербъ*, *щедрый*, *лещъ*; 2) въ звукоизмѣненіяхъ, происшедшихъ въ корнѣ отъ умягченія *т*, *ск*, *ст*: *пища* (кор. пит), *хищный* (хит), *клевещу* (клевет), *ищу* (иск), *тащу* (таск), *мощеніе* (мост), *роща* (рост); 3) въ окончаніяхъ: *щій* (причастный суффиксъ), *ище*, *щина*, *щикъ*.

Вообще говоря, народный языкъ чуждается этого сложнаго звука и охотно употребляетъ *ч* или *ш* тамъ, гдѣ въ церковно-славянскомъ произносится *щ*; оттого образованный языкъ представляетъ въ этомъ отношеніи смѣсь элементовъ народной и книжной рѣчи. Напр. съ одной стороны говорятъ и пишутъ: *ночь*, *печь*, *мочь*, *тысяча*, *печерскій*, *ворочать*, *свѣча*, *отвѣчать*; съ другой: *пещись*, *мощный*, *помощь*, *пещера*, *возвращать*, *просвѣщать*, *за-*

[1] Общеславянской, особенно свойственной чешскому языку.

вѣщать. Нѣкоторыя слова въ образованной рѣчи имѣютъ *щ*, а въ народной *ч*, напр. имя *общество* произносится въ крестьянскомъ быту *обчество*. Любопытный примѣръ замѣны *щ* буквою *ч* представляетъ общеупотребительное имя *перчатка* вм. *перщатка* (отъ перстъ; стар.: рукавица перстатая, позднѣе перщетая[1]).

Отъ замѣны *щ* звукомъ *ч* въ просторѣчіи происходитъ, что передъ суффиксомъ, начинающимся на *н*, буква *щ* иногда произносится какъ *ш*, напр. въ словахъ: *помощникъ*, *безпомощный*, *всенощная*, *овощной*, при чемъ въ основѣ надобно представлять себѣ народныя формы: «помочникъ, безпомочный, всеночная», гдѣ, по весьма обыкновенному пріему, *ч* въ произношеніи измѣняется въ *ш*. На письмѣ въ подобныхъ случаяхъ сохраняютъ *щ*; только слово *тошно* (отъ тощій) пишется по произношенію.

При обращеніи коренныхъ *ск* и *ст* въ звукъ *щ*, онъ и на письмѣ не разлагается на *сч*, отъ чего происходятъ слѣдующія начертанія: *ищу* (отъ иск), *пищать* (писк), *лощить* (лоск), *тощій* (тоск), *проще* (прост), *чаще* (част), *чище* (чист), *дощечка*, *дощатый*, *дощаникъ* (доск) и т. п.

Въ словѣ *песокъ*, *к* также принадлежитъ, вмѣстѣ со звукомъ *с*, къ корню, и потому слѣдовало бы писать «пещаный, пещаникъ»; но вмѣсто того издревле писали: пѣсъчанъ, конечно на томъ основаніи, что *с* отдѣлено отъ *ч* гласною, и окончаніе *окъ* приняло какъ бы видъ суффикса. Такъ и у насъ обычай требуетъ начертаній: *песчаный*, *песчаникъ*.

Когда *с* или *з* составляютъ послѣднюю букву корня, а суффиксъ начинается съ *ч*, то *сч* и *зч* не сливаются въ *щ*; поэтому пишутъ: *рѣз-че*, *неотвяз-чивый*, *занос-чивый*, *колес-чатый*, *пис-чій*; то же бываетъ, когда *с* или *з*, въ началѣ слова, составляютъ представку, а корень начинается на *ч*: *с-четъ*, *с-частіе*, *ис-чадіе* (въ старину писали «щетъ, щастіе, иштадие).

---

[1] Буслаева *Истор. Грамм.* II, стр. 11.
Въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ до сихъ поръ сохраняется форма *перщатка*.

На основаніи этого весьма раціональнаго правила въ суффиксахъ можно писать *щ* только тогда, когда къ составу ихъ принадлежитъ весь этотъ звукъ; таковы окончанія: причастное *щій*, далѣе *ище*, *щина* и *щикъ*. О первыхъ двухъ распространяться нечего; что касается двухъ послѣднихъ, то они, по свойству предыдущаго звука въ корнѣ слова, иногда обращаются въ *чина* и *чикъ*: поэтому, когда предшествуютъ имъ буквы *з*, *с*, или *ж*, важно умѣть опредѣлять дѣйствительный составъ суффикса.

Сомнѣніе относительно этого состава даетъ поводъ къ вопросу, которыя изъ двоякихъ начертаній правильны:

1) *мужчина*, или *мущина?*

2) *разскащикъ*, *извощикъ*, *перепищикъ* и т. п.,

или: *разсказчикъ*, *извозчикъ*, *переписчикъ?*

Оба окончанія, *щина* и *щикъ*, происходятъ изъ прилагательнаго суффикса *ск: женскій—женщина, ямской—ямщикъ*. (Прилагательное, служащее началомъ такихъ именъ, не всегда употребительно: большею частью оно должно только предполагаться, напр. для имени *вѣстовщикъ*—съ посредствующимъ слогомъ ов—надобно предполагать прилаг. *вѣстовской*).

Послѣ буквъ *д* и *т* оба суффикса—*щина* и *щикъ*—явно измѣняютъ *щ* въ *ч*: вмѣсто «склад-щина, солдат-щина», говорятъ и пишутъ: *склад-чина*, *солдат-чина*; вмѣсто «перевод-щикъ, переплет-щикъ, лазут-щикъ» — *перевод-чикъ*, *переплет-чикъ*, *лазут-чикъ* (отъ сущ. лазутка, которое, по словарю Даля, зн. лазокъ, лазъ въ плетнѣ). Подобное же бываетъ, когда съ суффиксомъ *щикъ* встрѣтится коренная буква *к*. Такъ слова: *потатчикъ*, *ясатчикъ*, *кабатчикъ*[1] замѣняютъ неудобныя для выговора формы: «потакщикъ, ясак-щикъ, кабак-щикъ». *К* имѣетъ три степени умягченія: *т*, *ц* и *ч*. О родствѣ звуковъ *к* и *т* было уже говорено въ 1-й части (см. стр. 15)[2]. Примѣры первой степени умягченія *к*

[1] Напрасно г. Николичъ въ *Филологич. Запискахъ* 1875 (вып. III) увѣряетъ, что *кабатчикъ* — несостоятельная форма.

[2] Примѣромъ этого родства можетъ служить въ нашемъ народномъ языкѣ смѣшеніе *к* и *т*, напр. простолюдины говорятъ: *кіятеръ* вм. *театръ*. Одна изъ

мы видимъ въ словахъ: *паутина* (отъ паукъ), *витязь* (отъ викингъ), *истецъ* (отъ *искать*), и въ предл. падежахъ ц.-сл. прилаг. на *скій* (напр. иоудеистѣи), *Авдотья* (отъ Евдокія) и др. Такимъ же образомъ и въ приведенныхъ именахъ дѣятелей (какъ *потатчикъ*) *к*, для избѣжанія трудной встрѣчи съ *щ*, обратилось въ *т*, а *щ* вслѣдствіе того измѣнилось въ *ч*.

На этомъ основаніи, какъ уже замѣтилъ Павскій, прежде правильно писали «порутчикъ» (вм. порук-щикъ, отъ порука)[1]. По нынѣшней орѳографіи: *поручикъ*, выходило бы, что *ч*, образовавшееся изъ *к*, принадлежитъ къ корню и что суффиксомъ служитъ тутъ только слогъ *икъ*, но эта наставка въ такихъ словообразованіяхъ не встрѣчается.

Въ разобранныхъ до сихъ поръ словахъ обращеніе *щ* въ *ч* болѣе и менѣе явно; но бываютъ случаи, когда распознаніе его труднѣе. Сюда относится особенно встрѣча коренныхъ *з*, *с* и *ж* съ суффиксами *щикъ* и *щина*.

Отъ имени *муж-ской* правильно образованная форма сущ. была бы *муж-щина*. Языкъ упрощаетъ ее и произноситъ *мущина*. Но не сохранилась ли въ корнѣ буква *ж* и не обратилось ли *щ* суффикса въ *ч*? Если такое превращеніе происходитъ послѣ *д* и *т*, то нѣтъ причины не предполагать его и послѣ *ж*.

Точно то же относится конечно и къ трудно-произносимымъ формамъ: разказ-щикъ, извоз-щикъ, разнос-щикъ, рѣз-щикъ, которыя, подобно словамъ *переводчикъ*, *переплетчикъ*, принимаютъ видъ: *разсказ-чикъ, извоз-чикъ, разнос-чикъ*, *рѣз-чикъ*. Мы по привычкѣ миримся съ начертаніями: «разскащикъ, извощикъ, разнощикъ, рѣщикъ», потому что они не даютъ повода къ недоразумѣнію; но «перепищикъ, подпищикъ» уже менѣе удовлетворяютъ насъ и

этихъ буквъ нерѣдко замѣняетъ другую въ родственныхъ языкахъ: такъ у нѣм. Kranich, шв. trana; нѣм. qvark, русск. творогъ. О смѣшеніи этихъ двухъ звуковъ ср. во 2-й серіи чтеній Макса Мюллера (нѣм. переводъ Бэтгера), стр 158, 159.

[1] *Филол. Набл.* I, стр. 75.

мы охотнѣе пишемъ: *переписчикъ*, *подписчикъ*[1], потому что сочетаніе *пищ* напоминаетъ намъ совершенно другіе корни (въ словахъ *пища*, *пищать*); а рѣдко употребляемыя слова, какъ напр. «нагрущикъ, вящикъ, подлащикъ, перебѣщикъ» покажутся намъ еще страннѣе, если не написать: *нагрузчикъ*, *вязчикъ*, *подлазчикъ*, *перебѣжчикъ*. Но для словъ одного и того же состава слѣдовать двумъ разнымъ системамъ ороографіи было бы слишкомъ непослѣдовательно, и потому лучше принять ту, которая вытекаетъ изъ этимологическаго разбора словъ и согласна съ общимъ правиломъ, что буква *ч* суффикса съ предшествующимъ ей *ж*, *з*, *с* корня не сливается въ *щ*. Тѣмъ, кому показалось бы, что буквы *зч*, *сч* не передаютъ въ точности звука *щ*, мы напомнимъ произношеніе этихъ же буквъ въ словахъ: *счастіе*, *счетъ*, *песчаный*, *привязчивый*: по закону уподобленія звуки *с* и *з* передъ *ч* въ выговорѣ не могутъ не измѣняться въ *ш*: мы ясно слышимъ это произношеніе даже въ такихъ сочетаніяхъ какъ *съ чѣмъ*, *изъ чего*, *безъ чаю*, гдѣ звуки *с* (*з*) и *ч* принадлежатъ къ двумъ разнымъ словамъ.

По мнѣнію Павскаго слѣдуетъ писать: «мущина, разскащикъ, извощикъ» на томъ основаніи, что въ корнѣ буквы *ж з с* сами передъ *щ* выпадаютъ, а *щ*, какъ отличительная буква, происшедшая отъ *ск*, не должна исчезать[2]. Очевидно, что означенная здѣсь причина несостоятельна, такъ какъ послѣ *д* и *т* (въ словахъ, какъ *кладчикъ*, *отвѣтчикъ*) буква *щ* измѣняется же въ *ч*.—Востоковъ въ своей грамматикѣ (Спб. 1839, стр. 354) пишетъ *мужчина*, и по этому-то поводу, вѣроятно, Павскій замѣ-

[1] Странно, что въ академ. словарѣ употреблены обѣ ороографіи: *подписчикъ* и *подпищикъ*, смотря по двоякому значенію слова. *Нагрузчикъ* также встрѣчается тамъ двояко написаннымъ. Въ словарѣ Даля слова этого состава вообще пишутся то однимъ, то другимъ способомъ, напр. «перепищикъ» и «нагрузчикъ».

[2] Въ первомъ изданіи настоящаго труда я былъ въ этомъ вопросѣ на сторонѣ Павскаго, потому что мнѣ казалось невозможнымъ повѣрить въ разсматриваемыхъ словахъ дѣйствительную форму окончанія; но аналогическія случаи, гдѣ суффиксы *щина* и *щикъ* несомнѣнно обращаются въ *чина* и *чикъ*, убѣдили меня, что то же происходитъ и въ этихъ словахъ.

тилъ: «преобразователи нашего правописанія несправедливо поступили съ словомъ ***мущина***, передѣлавъ его на ***мужчина***». По замѣчанію г. Буслаева (*Ист. Гр.*, I, стр. 151), послѣднее начертаніе употребительнѣе.

Подъ однородную орѳографію подходятъ также слова: *объѣздчикъ* (ужъ конечно не «объѣщикъ») и *образчикъ*. Писать *образщикъ* неудобно потому, что тутъ объ окончаніи *щикъ* не можетъ быть и рѣчи: это — уменьшительное отъ *образецъ*, какъ *кончикъ*, *рубчикъ* отъ *конецъ*, *рубецъ*, гдѣ *ц*, по общему словообразовательному закону, измѣнилось въ *ч*.

Но неужели мы будемъ также писать: «помѣстчикъ и сыскчикъ» вмѣсто общепринятыхъ формъ: *помѣщикъ* и *сыщикъ*? Нѣтъ, если внимательно разберемъ эти два слова, то увидимъ, что выведенное нами правило къ нимъ не примѣняется. На общемъ основаніи находящіяся въ корнѣ этихъ двухъ словъ буквы *ст* и *ск* должны измѣниться въ *щ* (ср. мѣщанинъ, ищу), а звукъ *щ*, разумѣется, не можетъ быть повторенъ въ окончаніи: итакъ формы помѣщ-щикъ, сыщ-щикъ должны обратиться въ *помѣщикъ*, *сыщикъ*.

Незаконно является *щ* въ прилагательномъ *косящатый*, которое, происходя отъ сущ. *косякъ*, должно бы имѣть форму *косятчатый;* но въ томъ же родѣ начертаніе *слаще* вм. «сладче», и мы его допускаемъ.

Объясненія требуетъ еще прилагательное *вящшій*, которое нѣкоторые пишутъ *вящій*. Первое начертаніе однакожъ предпочтительно, потому что выставляетъ на видъ признакъ сравнительной степени, окончаніе *шій*: ср. поль. większy (т. е. бóльшій, отъ wielki), верх.-луж. вятши (или въ просторѣчіи вячи), серб. векши. Образецъ для орѳографіи этого слова мы имѣемъ въ такомъ же прилаг. сравнит. степени: *лучшій*. Въ црк.-сл. словаряхъ Востокова и Миклошича находимъ мы вѧщии, вѧщє, вѧштии, вѧштє; въ Фрейзинген. ркп. (по транскрипціи Вост.) вєнчих или вѧщшьиихъ, вящшихъ (см. его *Филол. Набл.*, стр. 34 второй нум.). Начертаніе безъ *ш* конечно ближе къ первоначальному

письму, но мы должны помнить, что древніе писцы, согласно съ фонетикой современнаго имъ языка, избѣгали стеченія подобозвучныхъ буквъ; что́ къ нашему правописанію непримѣнимо[1].

II. Употребленіе гласныхъ.

Вопросы объ употребленіи той или другой гласной касаются не только неопредѣленныхъ, но иногда и совершенно ясно произносимыхъ съ удареніемъ звуковъ этого рода. Это относится особенно къ буквамъ *а* и *о*, которыми мы прежде всего и займемся.

А или О?

Звуки *а* и *о* въ русскомъ языкѣ такъ родственны, что одинъ изъ нихъ легко обращается въ другой, и это повидимому — весьма древнее свойство: даже въ Остромировомъ евангеліи (стр. 56 б.) *о* разъ употреблено вм. *а*: написано *неродити* вм. *нерадити*. Въ 15-мъ столѣтіи замѣна одной изъ этихъ буквъ другою является нерѣдко; вѣроятно уже и раньше южно-русскій говоръ обращалъ неударяемое *о* въ *а* (и ударяемое *а* въ *о*), сѣверно-русскій, наоборотъ, обращалъ неударяемое *а* въ *о*[2], вслѣдствіе чего, разумѣется, на письмѣ легко происходило смѣшеніе обѣихъ буквъ.

Нынче ударяемое *а* всегда пишется тамъ, гдѣ оно слышится, между прочимъ въ глагольной формѣ многократнаго вида, въ которой оно образуется изъ *о*, напр. *страивать* (отъ строить), *хаживать*, *обрабатывать*, *брасывать*, *кланяться*. Въ нѣкоторыхъ глаголахъ, напр. *успокоивать*, *озабочивать*, такое превращеніе не принято и въ живомъ употребленіи образованнаго нарѣчія.

---

[1] При этомъ сто́итъ упомянуть объ одномъ изъ куріозовъ въ словарѣ Даля, вообще несильнаго въ этимологіи. Подъ словомъ *вящій* онъ ставитъ, въ видѣ догадки, съ вопросительнымъ знакомъ: «*вязать?* вязнѣе, вязче, вяще?» и потомъ, опять въ видѣ догадки, несомнѣнно первообразную форму: «великій».

[2] Колосовъ. *Очеркъ исторіи звуковъ русскаго языка*, стр. 131 и 132.

Подобнымъ образомъ и ударяемое *о* должно писаться вездѣ сходно съ произношеніемъ. Изъ этого, въ прежнее время, строго соблюдались два исключенія: именно въ полныхъ прилагательныхъ съ удареніемъ на окончаніи вмѣсто произносимаго *о* писали: въ именит. п. ед. ч. муж. р. *ы (вторый, святый)*, а въ родит. п. того же числа муж. и сред. р. — *а (втораго, святаго)*.

Измѣненіе первоначальныхъ прилагат. формъ *ый*, *ій* въ русскомъ народномъ говорѣ на *ой*, *ей* (хромой, самъ-третей) весьма древне и происходитъ конечно отъ избѣжанія несвойственнаго ему дифтонга изъ двойного звука *и* (ый, ій)[1].

Въ письмѣ новаго времени окончанія *ый* и *ій* (послѣднее послѣ гортанныхъ), когда они должны носить удареніе, давно уже выходятъ изъ употребленія и уступаютъ мѣсто формѣ живого языка *ой*. Нынче почти всѣ уже пишутъ: *кривой*, *прямой*, *роковой*, *какой*, *сухой*, *нагой*, а не «кривый, прямый, роковый, какій, сухій, нагій», хотя эти послѣднія формы еще и вошли въ академическій словарь 1840-хъ годовъ.

Окончаніе родит. падежа *аго*, произносимаго какъ *ова*, труднѣе поддается на письмѣ измѣненію, сообразному съ выговоромъ. Здѣсь и согласная и ударяемая гласная пишутся не тѣ, что слышатся. Между тѣмъ уже въ весьма отдаленное время являлись въ письменныхъ памятникахъ попытки писать это окончаніе по слуху, именно уже въ 15-мъ вѣкѣ читаются начертанія: *великово*, *никакова* и проч.[2]. Подобныя начертанія не были рѣдкостью и въ гражданской печати, съ самаго введенія ея; но со времени Ломоносова они стали считаться позволительными только въ просторѣчіи, въ важномъ же слогѣ строго соблюдалась форма *аго*. Того же различія держался и Карамзинъ; только въ родит. падежѣ мѣстоименій *какого* и *такого*, склоняемыхъ по

---

[1] О чемъ см. выше, стр. 28. Въ *Очеркѣ исторіи звуковъ р. яз.* г. Колосовъ сперва (стр. 43) считаетъ эту особенность не фонетическою; но потомъ (стр. 45) склоняется однакожъ къ справедливому предположенію, «что здѣсь сказалось стремленіе языка къ диссимиляціи звуковъ».

[2] Колосова *Очеркъ исторіи звуковъ русскаго языка*, стр. 54, 136, 141.

образцу мѣст. *тотъ*, *того*, онъ уже постоянно писалъ *о*[1]. Но еще Павскій говорилъ: «Ежели пишемъ худой вм. худый, то почему не писать худого или худово вм. худаго?»[2]. Дѣйствительно, въ послѣднее время начертаніе *ого*, при слышимомъ на первомъ *о* удареніи, стало болѣе и болѣе употребляться вм. *аго*. Съ сохраненіемъ *г* на письмѣ вопреки произношенію мы еще можемъ мириться, потому что это коренной звукъ разсматриваемой формы во всѣхъ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, но для удержанія *а* нѣтъ основанія, такъ какъ эта гласная въ нихъ различна, напр. у поляковъ является *ego*, у сербовъ *ога*. Въ памятникахъ русской письменности окончаніе *ого* встрѣчается уже въ 11-мъ, и особенно въ 12-мъ вѣкѣ; мы находимъ его даже и въ Фрейзингенской рукописи (инога)[3]. Противъ начертанія *ого* можно только замѣтить, что если принять его, то при окончаніи имен. падежа на *ій* пришлось бы, въ случаѣ ударенія на окончаніи, писать въ род. падежѣ, для аналогіи, *его* вм. *яго*, напр. въ выраженіи *третьёго дня*. Но въ этомъ не было бы никакого неудобства, тѣмъ болѣе что приведенный примѣръ составляетъ чуть ли не единственный случай такого окончанія.

Можно еще замѣтить, что нѣтъ этимологическаго основанія отличать въ родит. падежѣ прилагательныя съ удареніемъ на окончаніи *óй* отъ прилагательныхъ, не имѣющихъ этого ударенія, и что въ случаѣ принятія начертанія *ого* слѣдовало бы и всѣмъ прилагательнымъ давать въ родит. п. это окончаніе, т. е. наприм. писать также: *доброго*, *синего*. Это отчасти справедливо, но мы опять сошлемся на мѣстоименія: *какого* и *такого*, которыя отличаются же въ этой формѣ склоненія отъ прочихъ, имѣющихъ другое удареніе (напр. *котораго*); а также и на то, что и въ именит. падежѣ мы, при удареніи на послѣднемъ слогѣ, пишемъ: *дурной*, *хромой*, а безъ этого ударенія — *холодный*, *мнимый*. Если, смотря по ударенію, допускаемъ различное правопи-

[1] См. его сочиненія, М. 1804, т. VIII, стр. 109.

[2] *Филол. Набл.* I, § 112.

[3] Востоковъ *Филол. Набл.*, стр. 44. Колосова *Очеркъ*, стр. 42.

саніе въ именит. падежѣ, то для послѣдовательности должны допускать такое же различіе и въ родительномъ. Притомъ прилагательныя, не имѣющія ударенія на окончаніи, всѣми пишутся въ род. падежѣ однообразно, слѣдов. объ нихъ нечего и говорить: твердо установившагося правописанія, если оно не противно законамъ языка, измѣнять не слѣдуетъ.

Начертаніе *ого* безспорно употребляется въ родит. падежѣ един. ч. мѣстоименій *тотъ*, *этотъ*, *самъ* и числит. имени *одинъ* (*того*, *этого*, *самого*, *одного*).

Въ глаголѣ *платить* гласная *а*, при паденіи на нее ударенія, въ живой рѣчи обыкновенно измѣняется на *о*; именно это бываетъ въ формѣ настоящаго вр., кромѣ 1 лица ед. ч. («плóтишь, плóтитъ» и т. д.) и въ страдат. причастіи («заплоченъ»). Въ народномъ говорѣ есть довольно большое число глаголовъ съ этимъ же звукоизмѣненіемъ, но изъ нихъ въ образованный языкъ перешелъ только одинъ названный; впрочемъ, при тщательномъ произношеніи слышится первоначальный звукъ *а*, который обыкновенно изображается и на письмѣ, хотя форма *плóтятъ* встрѣчается уже въ письменности 15-го вѣка[1].

Неударяемыя гласныя *а* и *о* въ произношеніи такъ тожественны (см. выше стр. 33), что строгое различеніе ихъ на письмѣ представляетъ большія трудности; поэтому въ словахъ сомнительнаго происхожденія двоякое начертаніе неизбѣжно[2]; такъ одни пишутъ: *твароіъ*, *тароватый*, *казакъ*, *калачъ*, *каравай*, *касатка*, *грамата*, другіе: *твороіъ*, *тороватый*, *козакъ*, *колачъ*, *коровай*, *косатка*, *грамота*. Такое же различное правописаніе встрѣчается во многихъ глаголахъ; одни пишутъ: *расти*, *возрастать*, *возрастить*, другіе: *рости*, *возростать*, *возростить*. Есть сущ. *ростъ* и другое *растъ* и предложныя формы: *воз-*

[1] Колосова *Очеркъ*, стр. 148.

[2] Еще въ рукописяхъ 13-го вѣка *о* часто является вм. *а*, напр.: *Ольксандръ*, *Лазоръ*, *робу*, *розіпьваешь*, *розбои*; въ 15-мъ же столѣтіи, кромѣ того попадаются такія начертанія: *знахори*, *довалъ*, *боранъ*, *ласкавъ*, *изнемагати* (Колосова *Очеркъ*, стр. 91, 131, 151).

растъ, *отрасль*, *недоросль*. Двояко пишется также глаголъ *рождать* или *раждать*. Особенно сомнительно въ этомъ отношеніи начертаніе многихъ глаголовъ въ многократной формѣ съ предлогомъ. Твердо установилось *а* въ глаголахъ: *полагать* (при корнѣ *лог* и формѣ *положить*) и *касаться* (при корнѣ *кос* и формѣ *коснуться*, *макать* (при корнѣ *мок* и формѣ *мокнуть*); затѣмъ пишутъ то *о*, то *а* въ слѣдующихъ: *поклоняться*, *загорать*, *возгораться*, *поглощать*.

Превращеніе *о* въ *а* у подобныхъ глаголовъ весьма обыкновенно въ древнихъ памятникахъ церк.-слав. письма и относится къ явленіямъ подъема, или усиленія гласныхъ[1], какъ напр. въ глаголахъ: *възгарати*, *изламати*, *раждати*, *свобаждати*, *хаждати*. Въ нынѣшнемъ языкѣ всѣ подобные глаголы, для единообразія, лучше писать съ *о*, исключая тѣ случаи, гдѣ *а* сохранилось сообразно съ древнимъ обычаемъ, именно въ глаголахъ: *полагать*, *касаться*, *макать*, также *расти*, въ существительныхъ: *растеніе*, *возрастъ*, *отрасль*, *водорасль*. Впрочемъ предпочтительное по этимологіи или болѣе согласное съ обычаемъ начертаніе всѣхъ сомнительныхъ словъ этого отдѣла будетъ означено въ справочномъ Указателѣ, въ концѣ книги.

Неопредѣленныя гласныя въ глагольныхъ окончаніяхъ.

Глагольныя окончанія опредѣляются положительными законами, отъ которыхъ нельзя отступать въ угоду неясному или неправильному произношенію.

1) Относительно настоящаго (будущаго) времени изъявительнаго наклоненія есть законъ, не допускающій ни одного исключенія: когда въ един. числѣ *ишь*, *итъ* и т. д., то во множ. *ятъ* или *атъ;* когда въ един. *ешь*, *етъ*, то во множ. *ютъ* или *утъ;* тѣ и другія окончанія всегда соотвѣтствуютъ извѣстнымъ формамъ неопред. наклоненія. Слѣдовательно, при существующей въ рус-

[1] *Vergl. Lautlehre*, стр. 137.

скомъ языкѣ неясности произношенія неударяемыхъ гласныхъ, необходимо повѣрять эти окончанія одни другими и не писать, напр., «колеблятъ, хлопочатъ, держутъ, клеютъ, строютъ, безпокоютъ, надѣятся, сѣятъ, морочутъ», вм. *колеблютъ*, *хлопочутъ*, *сѣютъ*, *надѣются; морочатъ*, *держатъ*, *клеятъ*, *строятъ*, *безпокоятъ;* «вы ска́жите, вы пи́шите» вм. *скажете*, *пишете*, потому что въ един. числѣ: *колеблешь*, *хлопочешь*, *сѣешь*, *надѣешься*, *морочишь*, *клеишь*, *строишь*, *безпокоишь*, *скажешь*, *пишешь*[1].

Въ этомъ отношеніи всего чаще смѣшиваются два разряда глаголовъ, правда, весьма сходные по звукамъ въ настоящемъ времени, но рѣзко отличающіеся одинъ отъ другого въ неопредѣленномъ наклоненіи. Сюда особенно принадлежатъ тѣ глаголы, которые въ наст. врем. имѣютъ передъ неударяемымъ окончаніемъ шипящую букву. Вотъ примѣры изъ каждаго разряда:

1) дер*жишь* — *жатъ*	2) вя*жешь* — *жутъ*
слы*шишь* — *шатъ*	пи*шешь* — *шутъ*
кор*чишь* — *чатъ*	топ*чешь* — *чутъ*
та*щишь* — *щатъ*	клеве*щешь* — *щутъ*.

У гл. 1-го столбца неопредѣл. наклоненіе кончится на *ать* съ тою же шипящею буквой, какая въ изъявительномъ; глаголы же 2-го столбца имѣютъ передъ окончаніемъ на *ать* другую согласную, которая въ наст. времени измѣняется по общему закону: *вязать* (*з* на *ж*), *писать* (*с* на *ш*), *топтать* (*т* на *ч*), *клеветать* (*т* на *щ*).

Такимъ же образомъ смѣшиваются и многіе другіе глаголы, не имѣющіе въ настоящ. вр. шипящей буквы передъ окончаніемъ:

---

[1] Само собою разумѣется, что нельзя считать исключеніями тѣ глаголы, у которыхъ единств. и множеств. относятся къ разнымъ темамъ, напр. хочешь и хотятъ, бѣжишь и бѣгутъ.

1) кле*ишь* — *ятъ*	2) с*ѣешь* — *ютъ*
мо*лишь* — *ятъ*	*мелешь* — *ютъ*
стро*ишь* — *ятъ*	ро*ешь* — *ютъ*
се*лишь* — *лятъ*	сте*лешь* — *лютъ*
лю*бишь* — *бятъ*	коле*блешь* — *блютъ*
ло*мишь* — *мятъ*.	дре*млешь* — *млютъ*.

Здѣсь неопредѣл. наклоненія всѣхъ глаголовъ 1-го столбца оканчиваются опять на *ить*, а всѣ, отвѣчающіе 2-му, имѣютъ другія окончанія, именно: *сѣять*, *молоть*, *рыть*, *стлать*, *колебать*, *дремать*. Послѣднія три относятся къ тому же разряду, какъ и приведенные выше въ 2-мъ столбцѣ глаголы, но они имѣютъ передъ окончаніемъ *ать* не шипящую, а другую, либо также измѣняющуюся (б, м), либо неизмѣняющуюся букву (л).

Изъ сказаннаго видно, что на *ишь* — *ятъ* или *атъ* въ наст. времени оканчиваются такіе глаголы, которые въ неопр. наклоненіи передъ *ть* имѣютъ также *и* (иногда и *ѣ*, напр. *смотрѣть*, *видѣть*, *обидѣть*) или *а* съ предыдущею шипящею буквою.

Иногда ошибаются въ обоихъ числахъ наст. врем.; такъ въ обычай вошло писать: *дышетъ*, *дышутъ*, тогда какъ слѣдуетъ писать: *дышитъ*, *дышатъ*, какъ *слышишь*, *слышатъ; значишь*, *значатъ*. Форма *дышешь* тоже существуетъ, но она принадлежитъ неупотребительному глаголу *дыхать* (какъ *пашешь* — *пахать*, *пышешь* — *пыхать*[1]). Это недоразумѣніе поддерживается, къ сожалѣнію, академическимъ словаремъ и Ист. Грамматикою г. Буслаева, которые при глаголѣ *дышать* показываютъ 2-е лицо ед. числа наст. вр. *дышешь*. Но Востоковъ спрягаетъ этотъ глаголъ правильно, какъ видно изъ IX-го различія его таблицы спряженій (къ § 76). И дѣйствительно, къ чему допускать стороннюю несоотвѣтственную форму, когда у глагола есть своя почти не отличающаяся и въ фонетическомъ отношеніи: мы видимъ тутъ на письмѣ то же недоразумѣніе, какое замѣчается, какъ выше показано, и во многихъ другихъ случаяхъ отъ сход-

[1] См. томъ I *Филол. Разысканій*, стр. 371.

ства произношенія неударяемыхъ гласныхъ *е* и *и*. У старинныхъ нашихъ писателей можно найти примѣры правильнаго пониманія разсматриваемой формы. Такъ даже Державинъ, вообще не строгій въ этомъ отношеніи, говоритъ однажды, хотя и съ неупотребительнымъ удареніемъ, но съ правильнымъ окончаніемъ:

«Гдѣ вѣтерокъ едва дыши́тъ».
(*Фелица*, строфа 7, стихъ 4).

Съ окончаніями изъявительнаго наклоненія необходимо сообразовать и формы причастій; поэтому неправильны начертанія: «значущій, покоющій, стоющій» вм. *значащій*, *покоющій*, *стоющій*. Форму *стоющій* позволяютъ себѣ нѣкоторые для отличія отъ *стоящій*[1]; но употреблять неправильныя начертанія, чтобы отличать одно слово отъ другого, несогласно съ общими требованіями правописанія. Для этого есть другое, законное средство, именно знакъ ударенія, которымъ, при встрѣчающейся надобности, не для чего пренебрегать: въ настоящемъ случаѣ должно писать *сто́ящій*. Собственно, и въ неопредѣленномъ наклоненіи слѣдовало бы писать: *сто́ять*, а не *стоить;* но въ этой послѣдней формѣ нѣтъ по крайней мѣрѣ вопіющей неправильности: эта форма возможна и твердо установилась.

Что въ обоихъ значеніяхъ является одно и тоже слово *стоять*, различаемое только удареніемъ, это легко доказать: во 1-хъ, въ томъ же двоякомъ смыслѣ употребляется глаголъ *стать:* «во что вамъ это *стало?*» говорятъ вмѣсто: *что сто́ило?* во 2-хъ, такъ употребляется соотвѣтствующій глаголъ и въ другихъ языкахъ: лат. *constare* (въ значеніи стоить) далъ начало германскому koſten, фр. coûter, ит. costare; такимъ же образомъ нѣмцы употребляютъ свой глаголъ ſtehen; zu ſtehen kommen значитъ: стать, обойтись во что. И у другихъ славянскихъ народовъ гл. stati, ста̀ти имѣетъ оба значенія. Въ *Отечественныхъ*

[1] См. тамъ же, стр. 357 и слѣд.

Запискахъ 1840-хъ годовъ была попытка писать въ обоихъ случаяхъ *стоять* съ знакомъ ударенія на *о* во второмъ значеніи, но это правописаніе не нашло послѣдователей.

Отъ причастныхъ формъ, въ родѣ *стóящій, покоящій*, надо отличать прилагательныя, которыя иногда могутъ и не быть согласны съ первыми. Вопреки спряженію глагола русскія прилагательныя иногда оканчиваются на *ущій* и *ющій* (чему соотвѣтствуетъ болѣе народная форма на *чій*, напр. горючій, кипучій, летучій, не смотря на причастія *горящій, кипящій, летящій*). Такъ есть прилагательныя *вѣрющій* (вѣрющее письмо), *свѣдущій, малозначущій, огнедышущій* (впрочемъ это послѣднее слово можетъ быть правильно произведено и отъ причастія гл. *дыхать, дышутъ*).

2) Въ глаголахъ на *овать* и *ывать* должно съ разборомъ употреблять эти два окончанія. Окончаніе *овать* принадлежитъ особенно двумъ разрядамъ глаголовъ: а) кореннымъ (*сѣтовать*), или образованнымъ отъ сущ.-ныхъ и прилаг.-ныхъ именъ (*вѣровать, миловать*), и б) взятымъ съ другихъ языковъ (*арестовать, командовать*). Окончаніе *ывать* свойственно многократному или, при соединеніи глагола съ предлогомъ, несовершенному виду глаголовъ разнаго образованія и обыкновенно служитъ признакомъ, что можно сокращеніемъ окончанія низвести глаголъ на степень несовершеннаго, или, при предлогѣ, совершеннаго вида: такъ изъ *дѣлывать* можно составить *дѣлать*, изъ *проповѣдывать* — *проповѣдать*, изъ *обманывать* — *обмануть*, изъ *наказывать* — *наказать*, изъ *образовывать* — *образовать*.

Послѣ этого спрашивается: правильна ли форма *обнародывать*, такъ какъ она не можетъ сокращаться? Можетъ ли она быть допускаема рядомъ съ другою, *обнародовать?* Первая обыкновенно употребляется для означенія вида несовершеннаго, позволяющаго поставить глаголъ въ настоящемъ времени: *обнародываю*. Обычай узаконилъ эту форму; но для оправданія ея необходимо предположить въ ней фонетическое опущеніе одного

слога, т. е. принять, что такъ произнесены неудобный для выговора глаголъ *обнародовыватъ*; тогда форма *обнародыватъ* можетъ быть приравнена къ глаголамъ: *образовыватъ*, *разрисовыватъ* и др.

По-настоящему форма *обнародоватъ* сама по себѣ не заключаетъ въ себѣ значенія совершеннаго вида, точно такъ же, какъ и форма *образоватъ*, потому что нѣтъ глаголовъ *народоватъ*, *разоватъ*; но первый изъ этихъ простыхъ глаголовъ можно, по крайней мѣрѣ, предположить; второй же совершенно невозможенъ, потому что предлогъ *объ* принадлежитъ уже къ составу имени, изъ котораго образованъ глаголъ. Причина неправильнаго пониманія кратности дѣйствія въ глаголѣ *образоватъ* кроется въ привычкѣ соединять понятіе совершеннаго вида съ предложными глаголами этой формы (*об — радоватъ*, *о — сноватъ*), или, иначе говоря, причиною служитъ тутъ аналогія, неправильно примѣненная къ глаголу *образоватъ*; но, какъ бы ни было, вслѣдствіе подобнаго пониманія его допущена форма *образовыватъ*, а на томъ же основаніи можно допустить и потребность въ формѣ *обнародыватъ*. Встрѣчаются также формы: *обжалыватъ*, *изслѣдыватъ* вм. *обжаловыватъ*, *изслѣдовыватъ*.

Совсѣмъ другое представляетъ часто встрѣчающійся въ нашей печати глаголъ *совѣтыватъ*, образованный отъ существительнаго *совѣтъ*. Эта форма ничѣмъ не оправдывается, такъ какъ съ другою правильною формой *совѣтоватъ* не соединяется въ употребленіи понятіе совершеннаго вида и слово *совѣтую* можетъ имѣть только значеніе настоящаго времени; для образованія же совершеннаго вида и будущаго времени, въ распоряженіи говорящаго находятся предлоги: *по*, *при*, *отъ*.

Впрочемъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ надобно помнить древнее родство окончаній *оватъ* и *ыватъ*, которыя иногда встрѣчаются въ одномъ и томъ же глаголѣ, смотря по тому, принадлежитъ ли форма церк.-славянскому, или русскому языку (*проповѣдовати*, *испытовати*, *связовати*). То же отражается и въ настоящемъ времени, которое еще и теперь иногда употребляется

двояко: *проповѣдую* и *проповѣдываю*, *испытую*, *обязую* и т. п. рядомъ съ болѣе употребительными формами на *ываю*[1].

3) Одни пишутъ: *раскаиваться*, *разсѣивать*, другіе—*раскаяваться*, *разсѣявать*, третьи—*раскаеваться*, *разсѣевать*. Что правильнѣе? Для рѣшенія этого вопроса, здѣсь важнымъ указаніемъ служитъ удареніе. Въ простыхъ глаголахъ: *каять*, *сѣять*, какъ и въ глаголахъ: *таять*, *чаять*, *смѣяться*, корень составляютъ слоги *ка́*, *сѣ*, *та*, *ча*, *смѣ:* если бъ къ корню принадлежала и гласная *я*, то для образованія многократнаго вида вставлялся бы слогъ *ва́* (съ удареніемъ), какъ въ глаголахъ *да-ва-ть*, *зна-ва-ть;* но въ настоящемъ времени буква *я* отпадаетъ, и въ неопредѣленномъ накл. многократнаго вида она должна замѣняться неударяемою вставкою *ива*, соотвѣтствующею слогамъ *ыва*, всегда остающимся безъ ударенія въ другихъ глаголахъ (*игрывать*, *дѣлывать*)[2]. Итакъ правильно только первое изъ трехъ указанныхъ начертаній: *раскаиваться*, *оттаивать*, *отчаиваться*, *осмѣивать*. Несомнѣнно эта форма многократнаго вида является въ глаг. *бояться*, *стоять: баиваться*, *стаивать*. Глаголы *таять* и *чаять* съ предлогами принимаютъ и другую церк.-сл. форму съ измѣненнымъ удареніемъ: *истаева́ть*, *отчаева́ться* (по словарю Академіи). У нѣкоторыхъ изъ подобныхъ глаголовъ предложный несовершенный видъ образуется еще иначе, т. е. вставкою слога *ва́* (съ удареніемъ): *посѣ-ва-ть*, *затѣ-ва-ть* (отъ *затѣять:* затѣивать неупотребительно), при чемъ надо имѣть въ виду, что звукъ *в* наравнѣ съ *й* служитъ для облеченія гласнаго при встрѣчѣ съ другимъ гласнымъ внутри слова: этимъ объясняется двойственность такихъ формъ, какъ напр. *вліять* и

---

[1] *Русская Грамм.* А. Востокова, Спб. 1839, стр. 141. Въ формѣ **ую** буква **у** замѣняетъ **ов**, а въ формѣ **ываю** буква **ы** равносильна древней гласной **ъ**, которая позднѣе обратилась въ наше *о*. Ср. Каткова *Элементы и формы*, стр. 38. Въ 1873 г. различное правописаніе подобныхъ словъ подало поводъ къ спору, изъ котораго возникло судебное дѣло. См. приложеніе въ концѣ нашей книги.

[2] Съ этимъ отчасти согласенъ и академическій словарь; онъ пишетъ: *раскаиваться*, но *отчаяваться; разсѣивать* въ немъ вовсе нѣтъ.

вливать, *одѣять* (откуда *одѣяло*) и *одѣвать*. Въ глаголѣ *сіять* буква *я* принадлежитъ къ корню; она не исчезаетъ въ настоящемъ времени (*сіяю*) и въ многократной формѣ, которая потому и образуется также вставкою *ва́* (*осіява́ть*).

4) Неопредѣленность неударяемыхъ гласныхъ подаетъ часто поводъ къ ошибочнымъ окончаніямъ страдательныхъ причастій. Пишутъ: «услышенъ, окончанъ, смѣшены, развѣшаны» вм. *услышанъ*, *конченъ*, *смѣшаны*, *развѣшены*. Чтобы не ошибаться въ этихъ случаяхъ, необходимо справляться съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ и помнить, что окончанію *ать* соотвѣтствуетъ въ этомъ причастіи *анъ*, а окончанію *ить* — *енъ*: отъ *разбросать* — *разбросанъ*; отъ *бросить* — *брошенъ*. *Слышанъ*, отличается отъ *слышенъ* тѣмъ, что первое — причастіе, а второе — краткое прилагательное; въ жен. родѣ *слышана* и *слышна*. *Развѣшенъ* должно писаться съ *е*, ибо образовано отъ *развѣсить*, а не отъ *развѣшать*. Ср. также формы: *застрѣленъ* (отъ застрѣлить), *разстрѣлянъ* (отъ разстрѣлять); *измѣненъ* и *размѣнянъ*.

Въ причастіяхъ: *разсмотрѣнъ*, *заподозрѣнъ* нѣкоторые пишутъ *е*, и не совсѣмъ безъ основанія, такъ какъ отличительную форму страд. прич. прош. вр. глаголовъ спряженія на *ишь* составляетъ окончаніе *енъ*, и притомъ простые глаголы *смотрѣть* и *зрѣть* имѣютъ въ разныхъ слав. нарѣчіяхъ и другую форму съ отличительной гласной *и* вмѣсто *ѣ* (ср. ц.-сл. съмотрити и народно-русск. *зрить*). Но такъ какъ образованный языкъ знаетъ только форму ихъ съ буквою *ѣ*, то въ обычай вошло ставить ее и въ причастіяхъ, подобно тому какъ пишутъ: *презрѣнъ*, *призрѣнъ*, *велѣно* и проч.

Двоякое окончаніе въ неопредѣленномъ наклоненіи имѣетъ также глаголъ *обидѣть* (обидити, ц.-сл.), но употребительна только форма съ *ѣ*; причастіе же страдательное образуется съ умягченіемъ буквы *д*: *обиженъ*. Такъ и отъ гл. *вертѣть* причастіе: *верченъ*.

Малоупотребительное причастіе *видѣнный* (отъ гл. *видѣть*) вовсе не употребляется въ краткой формѣ (*видѣнъ*). Съ этою по-

слѣдней не должно смѣшивать прилагательнаго краткаго *виденъ*, которое иные ошибочно пишутъ съ буквою *ѣ*, забывая, что въ жен. родѣ говорятъ: *видна*, сред. *видно*, мн. ч. *видны*, и что въ этихъ формахъ причастное *ѣ* не могло бы исчезнуть. Притомъ *виденъ* управляетъ дательнымъ падежомъ (кому), причастіе же страдательное сочетается всегда съ творительнымъ (кѣмъ). *Виденъ* — *видны* — такъ же, какъ *слышенъ* — *слышны*.

Здѣсь кстати упомянуть о подобной же ошибкѣ правописанія въ прилагательномъ *боленъ*, которое многіе неправильно пишутъ съ буквою *ѣ*; слѣдуетъ писать: *боленъ*, *больна*, какъ *доволенъ*, *довольна*.

Е и И въ неударяемыхъ слогахъ.

Мы уже видѣли, какъ *е* и *и* могутъ быть смѣшиваемы въ глагольныхъ формахъ (напр. «вы скáжите, вы пи́шите, пріѣдите» вм. скажете, пишете, пріѣдете»). Кромѣ того эти гласные звуки нерѣдко смѣшиваются:

1. Въ окончаніяхъ ласкательныхъ уменьшительныхъ именъ, какъ существит., такъ и прилаг., именно въ такихъ словахъ, какъ: *цвѣточекъ*, *кусочекъ*, *кулечекъ*, *мѣшечекъ;*

Оленька, *папенька*, *маменька*, *рученька*;
маленькій, *миленькій*, *синенькій*.

Въ окончаніяхъ такихъ словъ ошибочно пишется *и*, напр. «цвѣточикъ, маминька, тони963нькій».

Приведенныя въ первой строкѣ слова суть уменьшительныя 2-й степени; т. е. уменьшительныя: *цвѣтокъ*, *кусокъ* уменьшены еще разъ посредствомъ прибавленія образовательнаго слога *екъ*, при чемъ конечное *к* первоначальнаго суффикса обратилось въ *ч*. Здѣсь слогъ *икъ* совсѣмъ не примѣнимъ; онъ имѣетъ то же значеніе, но не повторяется, а ставится всего чаще послѣ существительныхъ односложныхъ, также кончащихся на *ецъ* или на шипящія буквы; такъ образуются имена: *столикъ*, *дождикъ*, *кончикъ* (отъ *конецъ*), *кузнечикъ* (отъ *кузнецъ*), *ножикъ*, *шалашикъ*.

Для повѣрки правописанія такихъ словъ стóитъ только образовать одинъ изъ косвенныхъ падежей ихъ: исчезновеніе гласной передъ *к* (напр. *мѣшеч*[е]*ка* будетъ несомнѣннымъ признакомъ, что слово оканчивается на *окъ* или *екъ*, а не на *икъ*, такъ какъ буква *и* никогда не бываетъ бѣглою: *кузнечикъ*, *кузнечика*.

Въ именахъ на *енька* необходимость *е* объясняется посредствующею формой, оканчивающеюся въ церковно-сл. языкѣ на ѧ (юсъ), т. е. на тонкій носовой звукъ (ен), откуда произошли наши имена молодыхъ животныхъ, напр. *ягненокъ* (отъ ягнѧ). По образцу такихъ именъ, какъ думаетъ Павскій, составлены и другія ласкательныя имена. Дѣйствительно, наши дѣтскія имена *Ваня*, *Коля*, *Вася*, *Надя* и проч. оканчиваются на такое же *я*, какъ и самое слово *дитя* (ѧ). Въ именахъ на **ша** *(Саша*, *Даша)* это *я* только скрыто по причинѣ предыдущей *ш* (изъ *х*; сравн. нѣмъ. chen). Имя *Лиза* не имѣетъ первой степени уменьшительной формы на *я* и прямо переходитъ на вторую, въ которой и пишется *Лизанька*[1].

Въ нарицательныхъ именахъ: *рученька*, *ноженька*, *подруженька*, *доченька*, *душенька*, окончаніе *енька* имѣетъ другое происхожденіе: здѣсь первая степень уменьшенія образуется приложеніемъ къ корню слога *ка*, съ измѣненіемъ конечной согласной, если ей удобно принять умягченіе: *ручка, ножка;* когда же нужно придать такому уменьшительному имени еще большій оттѣнокъ ласки, то передъ окончаніемъ *ка* вставляется добавочный слогъ *ень*, который по значенію противоположенъ другому, похожему, но оканчивающемуся дебелымъ звукомъ (**ѳн** или **он**) съ удареніемъ на гласной: *бабенка, сестренка*, *старушонка*.

То же значеніе слога *ень* передъ *к* видимъ мы и въ прилагательныхъ: *тоненькій*, *сѣренькій, голенькій*. Присутствіе въ нихъ *е* яснѣе всего доказывается при переходѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ краткую форму или въ нарѣчіе съ перемѣною ударенія: *худенекъ*, *толстенекъ*, *жиденекъ*; *хорошенько, бѣдненько*. Когда этому

---

[1] Павскій. *Разсужд. II*, § 121 и сл., стр. 213.

окончанію приходится стать послѣ гортанной буквы корня, то *е* обращается въ *о*, что́ особенно ясно оказывается въ нарѣчіяхъ, при удареніи на первомъ слогѣ окончанія: *тихонько*, *плохонько*, *легонько*: слѣдовательно надо писать и прилаг.: *плохонькій*, *легонькій*, *мяконькій*, хотя произносимъ мы обыкновенно по аналогіи: «тихенькій, легенькій, мякенькій».

2. Въ прилагательныхъ относительныхъ, оканчивающихся на *енскій* и *инскій*. Эти два окончанія, когда на нихъ нѣтъ ударенія, должны быть различаемы: для образованія обоихъ есть особый законъ.

Имена женскаго рода на *а* и *я* даютъ отъ себя окончаніе *инскій*: Анн-а — *Анн-инскій*, Екатерин-а — *Екатерин-инскій*, Елисавет-а — *Елисавет-инскій*, Марі-я — *Марі-инскій*, Александр-а — *Александр-инскій*.

Очевидно, что это двусложное окончаніе *ин-скій* есть только распространеніе односложнаго женск. притяжательнаго: *Анн-инъ*, *Екатерин-инъ* и проч., точно такъ же какъ *ов-скій*, *ев-скій* не что иное, какъ распространеніе мужского притяжательнаго окончанія *овъ* или *евъ*: *Петр-овскій*, *Алексѣ-евскій*.

То же самое видимъ мы часто и въ относит. прилагательныхъ, произведенныхъ отъ именъ мѣстъ или урочищъ: какъ при муж. окончаніи такого имени вставляется для удобства выговора **ов**, напр. *Днѣпр-ов-скій*, *Орл-ов-скій* (отъ Орелъ); такъ, для облегченія выговора при женскомъ окончаніи, вставляется **ин**: отъ собств. именъ: *Шемаха*, *Бугульма*, *Бухтарма*, *Таращa*, *Жиздра*, *Ломжа*, *Ялта*, *Сайма*, *Висла* должны быть образованы прилагательныя: *шемах-инскій*, *бугульм-инскій*, *бухтарм-инскій*, *таращ-инскій*, *жиздр-инскій*, *ломж-инскій*, *ялт-инскій*, *сайм-инскій*, *привисл-инскій*[1] (соотвѣт-

[1] Объ этомъ въ первый разъ было упомянуто мною въ замѣткѣ, напечатанной въ *Сборникѣ Отдѣленія русск. яз. и словесн.*, т. VIII, стр. XIII. Тамъ между прочимъ, было сказано: «Отъ собственныхъ именъ прилагательныхъ образуются: 1) лично-притяжательныя: *Петр-овъ*, *Алексѣ-евъ*, *Марі-инъ*; 2) лично-относительныя: *Петр-ов-скій*, *Алексѣ-ев-скій*, *Марі-ин-скій*; 3) мѣстно-относительныя: *Клин-скій*, *Твер-ской*, *Кам-скій*. Отсюда видно, что лично-относи-

ственную форму представляютъ существит.: *Семипалат-инскъ*, *Рыб-инскъ*)[1].

Форма *енскій* напротивъ придается именамъ, оканчивающимся не на *а* и *я*, а иначе (напр. отъ *Керчь* — *керченскій*), или и на эти гласныя, но при двухъ передъ ними согласныхъ, изъ которыхъ вторая принадлежитъ къ образовательному окончанію, такъ что онѣ могутъ быть раздѣлены при составленіи прилагательнаго; всего чаще окончаніе *енскій* происходитъ отъ вставки *е* между двумя согласными передъ конечной гласной, напр. отъ *Борз-на*, *Колом-на*, *Ков-но*, *Лив-ны*, *Ром-ны* образуются прилаг.: *борзенскій*, *коломенскій*, *ковенскій*, *роменскій*, *ливенскій*.

Большею частью и пишутъ правильно по этимъ двумъ способамъ образованія прилагательныхъ; но въ отношеніи къ нѣкоторымъ не обошлось безъ отступленій: такъ обычай ввелъ неправильныя формы: *пензенскій*, *прѣсненскій*, *привислянскій*.

Таковы же и двѣ общеупотребительныя формы: *гродненскій* и *чесменскій*. Отъ *Гродно* прилаг. должно бы собственно образоваться такъ же, какъ отъ *Ковно*, т. е. со вставкою *е* между *д* и *н;* но оно послѣдовало другому способу образованія, т. е. на мѣсто конечной гласной приняло окончаніе *енскій*.

3. Въ окончаніяхъ: а) предлож. падежа именъ ср. рода на **іе**, когда *і* сокращено въ *ь*; б) предложнаго же падежа собств.

тельныя образуются помощію двухъ приставокъ, изъ которыхъ послѣдняя *скій* присоединяется къ лично-притяжательному — при муж. окончаніи *овъ*, при женскомъ *инъ*. Такъ производятъ прилагательныя и отъ иностранныхъ именъ: *Шекспир-ов-скій*, *Гомер-ов-скій*, *Виргилі-ев-скій*. Напротивъ, мѣстно-относительныя прилагательныя образуются присоединеніемъ окончанія *скій* прямо къ имени: *Петербург-скій*, *Нев-скій*. Таковъ общій законъ образованія. Случается однакожъ, что, ради облегченія выговора, у лично-относительныхъ опускается слогъ *ов* или *инъ*, напр. *Владимір-скій*, *Гофман-скій*, *Софій-скій*, и наоборотъ, у мѣстно-относительныхъ слогъ *овъ* или *инъ* вставляется, напр. *Днѣпр-ов-скій*, *Орл-ов-скій*, *Балахн-ин-скій*, *Бугульм-ин-скій*. Въ первомъ случаѣ опущеніе посредствующаго слога, а во второмъ вставки его должны быть отнесены къ числу довольно рѣдкихъ явленій».

[1] Рѣдкое отступленіе находимъ мы въ собственныхъ именахъ: *Моршанскъ*, *Мокшанскъ*, *Цымлянскъ*, отъ именъ рѣкъ: *Мокша*, *Морша* и *Цымля*.

именъ муж. рода на ій; в) въ дат. и предлож. падежахъ женскихъ именъ на ія, когда і также сокращено въ ь.

Отсюда происходитъ недоумѣнье, писать ли:

а) на *безлюдьи*, о *здоровьи*, въ *кушаньи*, въ *счастьи*, или—*ѣ*?

Въ этомъ случаѣ оба окончанія равно законны: *и* есть остатокъ полнаго окончанія (іи) при сокращеніи *і* въ ь, а *ѣ* есть обыкновенная форма предложнаго падежа именъ средняго рода на *о* или *е*: мы говоримъ о *копьѣ*, при *ружьѣ*, въ *платьѣ*, о *житьѣ-бытьѣ́*, въ *забытьѣ́*, но говоримъ также: въ *забытьи*, на *новосельи*, въ *имѣньи*.

б) при *Василіи*, о *Григоріи*, или — *ѣ*? Здѣсь окончаніе на *и* единственно правильное при полной формѣ, въ которой предпослѣдній *і* уподобляетъ себѣ и конечную гласную; но въ случаѣ сокращенія *і* въ ь причина этого уподобленія исчезаетъ, и тогда слѣдуетъ употребить обыкновенное окончаніе именъ муж. рода въ предлож. падежѣ: при *Васильѣ*, о *Григорьѣ*.

в) то же относится и къ женскимъ именамъ, кончающимся въ имен. пад. ед. ч. на ія. При полномъ окончаніи они принимаютъ въ дат. и предл. пад. *іи*, напр., *въ молніи*, *къ Софіи*, *при Наталіи*, а при сокращеніи *і* въ *ь*, говорятъ и пишутъ: *къ Софьѣ*, *при Натальѣ*, т. е. такъ же, какъ въ нарицательныхъ, при удареніи на послѣднемъ слогѣ: *къ судьѣ́*, *въ скуфьѣ́*, *о семьѣ́*, а не *къ судьи́* и т. д.

Смѣшивая *е* съ *і*, нѣкоторые, по недоразумѣнію, пишутъ также: «по аллеи, въ идеи» вм. *по аллеѣ*, *въ идеѣ*. (Мимоходомъ можно упомянуть и о встрѣчающемся, сходно съ этимъ, невѣрномъ правописаніи: «къ обѣдни» вм. къ *обѣднѣ*, «на недѣли» вм. на *недѣлѣ*).

4. Когда имя средняго рода, кончащееся на *ье* (*платье*, *имѣнье*) является въ уменьшительной формѣ съ суффиксомъ *це*, то предшествующій послѣднему звукъ *е* безъ ударенія измѣняется въ *и*: *платьице*, *имѣньице*; ударяемый же *ё* только теряетъ акцентъ: отъ *копье* образуется уменьшительное *копьецо́*.

5. Въ окончаніяхъ указательнаго мѣстоименія: *этотъ*, пи-

сать ли *этѣ*, *этѣхъ* и т. д. по этимологіи, или *этихъ* по произношенію? Фонетическое правописаніе въ этомъ случаѣ можно считать окончательно установившимся. Напрасно нѣкоторые, напр. Шевыревъ и Павскій, старались возстановить правильное начертаніе: *этѣ*, *этѣхъ*; они не нашли послѣдователей, и Шевыревъ наконецъ уступилъ общему обычаю. Въ примѣчаніяхъ къ своей *Исторіи русской словесности* (т. I, стр. 134) онъ говоритъ, что есть три способа писать это слово: 1) принятое Карамзинымъ: *эти* во всѣхъ трехъ родахъ, основанное на произношеніи; 2) правописаніе, принятое нѣкоторыми писателями: *эти* для муж. и ср. родовъ, какъ *они*; *этѣ* для женскаго, какъ *онѣ*; 3) правописаніе, основанное на этимологіи слова *этотъ*: различіе между *тотъ* и *этотъ* состоитъ въ одномъ прибавленіи указательнаго *э*, точно такъ какъ *вотъ* и *эвотъ*. «Я слѣдовалъ сему послѣднему», прибавляетъ Шевыревъ, «о чемъ объявилъ въ примѣчаніи къ своей *Теоріи Поэзіи*, но теперь, передумавъ дѣло, охотно признаю правописаніе Карамзинское и слѣдую ему, но раціонально сознавъ его и основавшись на устномъ произношеніи». — Павскій же въ своихъ «Филологическихъ Наблюденіяхъ» постоянно пишетъ: *этѣ*, *этѣхъ*.

6. Въ числительномъ *двѣсти*, какъ всѣ пишутъ вм. *двѣстѣ*, чтó было бы конечно правильнѣе (*стѣ* двойств. число, какъ *двѣ*), но для большинства пишущихъ загадочно, а потому и неупотребительно.

Употребленіе Е въ ударяемыхъ слогахъ.

До сихъ поръ мы видѣли, что однѣ гласныя пишутся на мѣсто другихъ въ слогахъ неударяемыхъ по неясности звуковъ; въ одномъ только окончаніи прилаг. *аго* намъ встрѣтился случай произношенія ударяемаго *а* какъ *о*. Но въ буквѣ *е* намъ представляется употребленіе одного и того же знака для троякаго произношенія; именно она изображаетъ: 1) собственно ей принадлежащій звукъ *е* (йэ или ъэ); 2) *ё* (йо или ъо), и 3) простой звукъ *о* послѣ шипящихъ. Отъ различнаго произношенія буквы

е въ *ударяемомъ* слогѣ затрудняется еще болѣе чтеніе нежели письмо (особенно для иностранцевъ), и потому здѣсь надобно показать, когда именно имѣетъ мѣсто тотъ или другой выговоръ. О переходѣ *е* въ *ё* было уже говорено въ общихъ чертахъ выше, на стр. 36 и 37. Остановимся теперь съ бо́льшимъ вниманіемъ на этомъ явленіи, по его связи съ письмомъ[1]. Вотъ, прежде всего, общее правило касательно собственно-русскихъ словъ, принадлежащихъ къ народной или разговорной рѣчи: ударяемое *е* сохраняетъ свое чистое произношеніе передъ мягкимъ звукомъ, т. е. какъ передъ *и*, *й* и всякой восходящей двугласной (*я е ю*), такъ и передъ мягкою согласной, будетъ ли она въ томъ же слогѣ, или въ началѣ другого, будетъ ли это означено на письмѣ буквой *ь*, или только замѣтно въ выговорѣ, напр. *ше́-я*, *мое́-ю*, *водоле́-й*, *е́-ль*, *де́нь*, *плеть*, *се́льскій*, *тепе́рь*, *сме́рть*, *тре́петъ*, *жердь*, *жесть*, *ме́длить*, *чернь*, *есте́ственный*, *суще́ственный*[2]. Во всѣхъ словахъ этого случая *е* произносится не только чисто, но еще и сжато (см. выше стр. 31), и такое его произношеніе зависитъ именно отъ послѣдующаго тонкаго звука.

Напротивъ, ударяемое *е* произносится какъ *ё* передъ твердою согласною въ концѣ слога или тако́ю, за которой слѣдуютъ твердыя гласныя *а о у ы*, или наконецъ когда *е* кончаетъ слово, напр. *мелъ*, *остеръ*, *ел-ка*, *се-ла*, *жест-кій*, *жер-дочка*, *чер-ный*, *ще-ку*, *пе-рышко*, *сле-зы*, *мое*, *житье*, *остреё*, *все*, *еще*. (Во всѣхъ этихъ примѣрахъ читай *ё* вм. общеупотребительнаго *е*).

Это требованіе выговора такъ сильно, что ему повинуются и нѣкоторыя изъ такихъ слоговъ, въ которыхъ стоитъ не *е*, а *ѣ*, вообще отличающійся особенною негибкостью: *звѣз-ды*, *цвѣлъ* и проч.

---

[1] Мы видѣли, что на этотъ предметъ слегка было обращено вниманіе уже Ломоносовымъ; въ первый разъ оно было подробно разсмотрѣно Востоковымъ (См. *Краткое руководство Борна* и *Русск. Грам. Вост.*, § 169). Потомъ оно пересмотрѣно Павскимъ (*Фил. Набл.* Разсужд. I, § 117—122). Здѣсь постараемся еще пополнить ихъ наблюденія.

[2] Въ послѣднихъ двухъ словахъ ударяемое *е* отдѣлено отъ слѣдующей мягкой гласной тремя буквами, но вліяніе послѣдней простирается на всѣ эти три согласныя, а вслѣдствіе того и на четвертый звукъ.

Отъ общаго закона оказывается однакожъ много частныхъ отступленій, происходящихъ либо отъ перевѣса другихъ, болѣе настоятельныхъ звуковыхъ требованій, наприм. отъ сосѣдства извѣстныхъ буквъ, либо отъ того, что слово относится не къ общенародному, а къ другому элементу языка, или что нынче въ немъ неправильно пишется *е* вмѣсто прежняго *ѣ*; иногда соединяются разнородныя причины. Такимъ образомъ есть не мало случаевъ, въ которыхъ *е* не измѣняетъ своего первичнаго произношенія и передъ твердымъ звукомъ, и наоборотъ, есть другіе случаи, въ которыхъ *е* и передъ мягкими звукосочетаніями произносится какъ *ё*. Мы должны исчислить и тѣ и другіе.

I. *е* не измѣняетъ своего первичнаго произношенія и передъ твердымъ звукомъ въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Въ словахъ церковно-славянскаго, вообще книжнаго образованія или оттѣнка, напр. *небо*, *крестъ*, *предметъ*, *дебелый*, *клеветъ*, *судебъ*, *клевретъ*, *согбенный*, *ветхій*, *вселенная*, *словесный*, *древесный*, *обыкновенный*, *мгновенный*, *блаженный*, *священный*, *умершій*, *ведши*, *прошедшій* (причастіе этой формы народному языку не свойственно), *сіе* (а не сiё).

Къ той же категоріи относится большая часть словъ, гдѣ въ корнѣ непосредственно передъ *л* или *р* стоитъ другая согласная, а за ними слѣдуетъ *е* (вм. церк.-слав. *ѣ*)[1]: *бредъ*, *брежу*, *мрежа* (народ. мерёжа), *вредъ*, *среду*, *членъ*, *воскресъ*, *запретъ*, *треба*, *предъ*, *чрезъ*. Однакожъ *е* измѣняется въ словахъ и формахъ народнаго языка: *клёнъ*, *врётъ*, *прётъ*, *грёбъ*, *скрёбъ*, *блёкну*, *встрёпка*.

2) Въ словахъ иностраннаго происхожденія, когда на томъ языкѣ, откуда они заимствованы, произносится чистый звукъ *е*: *кавалеръ*, *офицеръ*, *скверъ*, *рельефъ*, *сюжетъ*, *пьеса*, *министерство*, *интересъ*, *крепъ*, *тарелка*, *газета*, *нервы*, *лента*, *гербъ*, *мизерный*, *черкесъ*, *шведъ*, *чехъ*, *сербъ*. Въ заимствованныхъ словахъ *ё* произносится только для передачи звука *ö* (франц. eu)

[1] И въ другихъ словахъ, гдѣ нѣкогда было *ѣ*, замѣнившее его *е* съ удареніемъ не измѣняетъ своего звука, напр. *векша* (др. вѣкша).

или *о* послѣ тонкаго *л*: *актёръ*, *суфлёръ*, *акушёръ*, *флёръ* (Flor). Иногда по недоразумѣнію такъ же выговариваютъ: *партнеръ*, *доктринеръ* (вопреки дѣйствительному окончанію этихъ именъ: partner, doctrinaire).

Өёдоръ произн. вм. *Өеодоръ*, *Семёнъ* вм. *Симеонъ*, *Матрёна* вм. *Матрона;* но иногда и чистое *е* измѣняется такимъ образомъ въ именахъ, издревле усвоенныхъ народомъ, напр. *Пётръ*, *Өёкла*, *Олёна* (вм. Елена).

3) Въ замкнутомъ слогѣ, передъ *р* или *л*, особливо если за этими согласными слѣдуетъ еще другая согласная и другой слогъ: *сердце*, *серна*, *меркнуть*, *верба*, *тверже*, *дверца*, *колыбелка*, *мелкій*, *дерзкій*, *мерзкій*.

Но вставочное, бѣглое *е* въ такихъ случаяхъ обращается въ *ё*: *сѣдёлка*, *ведёрко*. Чаще слова́ этого разряда произносятся по общему закону: *семёрка*, *четвёрка*, *весёлка*, *дёргать*.

Слова: *первый*, *верхъ*, *четвергъ*, *церковь*, *Сергій*, *черви* сюда не относятся, такъ какъ въ нихъ *р* произносится тонко (хотя знакъ ь и не пишется), слѣдовательно они прямо подходятъ подъ общее правило выговора, по которому *е* передъ тонкимъ звукомъ не обращается въ *ё*.

4) Въ замкнутомъ слогѣ прилагательныхъ передъ окончаніемъ *скій*: *земскій*, *женскій*, *деревенскій*, *вселенскій*, и передъ окончаніемъ *ный*, особенно когда между нимъ и буквою *е* стоитъ не *н*, а другая, или другія согласныя: *смертный*, *усердный*, *скверный*, *подземный*, *туземный*, *слезный*, *полезный*, *любезный*, *безмездный*, *прилежный*, *тщетный*, *лестный*, *смежный*, *честный*, *ежедневный*, *хвалебный*, *судебный*, *служебный*, *учебный*, *волшебный*, какъ и въ производныхъ отъ нихъ существительныхъ: *судебникъ*, *учебникъ*, *волшебникъ*.

Часто и передъ удвоеннымъ *н* въ прилагательныхъ *е* не измѣняется, что́ и составляетъ отличіе ихъ отъ страдат. причастій: *денный*, *степенный*, *здоровенный*, *совершенный* (въ отличіе отъ прич. совершонный), *несравненный* (въ отлич. отъ прич. сравнённый).

Впрочемъ, это различіе не постоянно соблюдается, такъ какъ и въ значеніи прилагательныхъ причастія нерѣдко измѣняютъ *е* на *ё*: *опредѣленный*, *просвѣщенный*. Ср. также прилагательныя народнаго языка: *черный*, *темный*, *забубенный*. Народъ произноситъ такъ и слово *смежный*.

5) Вообще очень часто послѣ шипящихъ: *шестъ*, *щепка*, *исчезъ*, *черпать*, *ужé*, *вообще*, *вотще* (впрочемъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ словъ дѣйствуетъ и славянское ихъ происхожденіе).

6) Въ предлогѣ *без* и въ частицѣ *не*: *бездна*, *безтолочь*, *недругъ*, *ненависть*, *не былъ*, *не молодъ*.

7) Въ окончаніяхъ *ецъ*, *ецкій*: *конецъ*, *молодецкій*; то же бываетъ иногда и въ окончаніи *ежъ* въ словахъ, не сдѣлавшихся народными: *мятежъ*, *падежъ* (грамм.); но *падёжъ* (скота), *платёжъ*, *грабёжъ*, *молодёжь* (хотя ь).

Востоковъ относитъ къ этому же отступленію чистый выговоръ *е* въ слогахъ *ечъ*, *еча*, *ечка*, *ечко*, *ечный*; но *ч* въ сущности всегда составляетъ мягкій звукъ, какъ видно изъ произношенія передъ этой согласной звука *е* какъ *é* (сжатаго), а не какъ *è* (широкаго), хотя послѣ *ч* и пишутся *ъ*, *а*, *у*. Поэтому произношеніе приведенныхъ Востоковымъ словъ: *плечъ*, *греча*, *печка*, *овечка*, *сердечко*, *конечный* (а не «плёчъ» и проч.) отношу я, несмотря на ихъ начертанія, не къ исключеніямъ, а къ общему правилу.

II. Вопреки общему правилу, *е* измѣняется въ *ё* передъ мягкими звукосочетаніями:

1) Въ падежныхъ или производныхъ окончаніяхъ такихъ словъ, у которыхъ въ прямой или первообразной формѣ буква *е* стоитъ передъ твердымъ звукомъ и потому произносится какъ *ё*, напр.: *берёзѣ* (отъ береза), *Серёжи* (отъ Сережа), *чёрненькій* (отъ черный), *денёчекъ* (отъ денёкъ), *намёки*, *тетёхи*, *далёкимъ*. Иногда такія второобразныя слова произносятся различно, напр. *кулечекъ* и *кулёчекъ*, *мѣшечекъ* и *мѣшочекъ*, *сплетни* и *сплётни*, *переплетчикъ* и *переплётчикъ*.

2) Въ окончаніяхъ глаголовъ ударяемая буква *е* передъ *ешь*

и *те* произносится *ё*, такъ же какъ передъ *тъ* и *мъ*: *встаешь, встаете, ревешь, ревете, бережешь, бережете*. (Ср. выше стр. 37).

3) Въ уменшительныхъ родственныхъ и собственныхъ именахъ: *те-тя* (на подобіе тёт-ка), *Лё-ля*. Но *Пе-тя, Се-ня* произносятся безъ измѣненія *е* въ *ё*.

4) Въ творительномъ падежѣ сущ. имени съ жен. окончаніемъ *я* буква *е* передъ *ю* произносится какъ *ё*, напр. *зарё-ю, ступнё-ю*. Впрочемъ это собственно не исключеніе, потому что окончаніе творит. падежа такихъ именъ есть **ою** или, при утонченіи предыдущей согласной, **ёю**. Здѣсь буква *е* пишется только за неимѣніемъ средства показать иначе отонченіе предшествующей согласной.

Востоковъ относитъ сюда также окончанія *ца, ча, ша, ща*; т. е. напр. *Тверцею, свѣчею, лѣвшею, пращею*, но здѣсь не зачѣмъ и писать *е*, такъ какъ именит. падежъ оканчивается на *а*, и начертанія: *Тверцою, свѣчою, лѣвшою, пращою* относятся къ правильнымъ формамъ склоненія.

5) Наконецъ, въ коренномъ слогѣ глаголовъ многократныхъ и предложныхъ длительныхъ передъ окончаніями *гивалъ* или *хивалъ* *е* также произносится какъ *ё*: *застёгивалъ, отпёхивалъ*.

Начертаніе звука Е, измѣненнаго въ ЙО (ʼо) или О.

Показавъ, въ какихъ случаяхъ звукъ *е* измѣняется въ *ё*, надобно разсмотрѣть, какъ онъ изображается.

1) Послѣ согласныхъ, за которыми встрѣчается это звуковое превращеніе (кромѣ *ц* и иногда шипящихъ), т. е. послѣ *б в д з л м н п р с т*, произношеніе буквы *е* какъ *ё* обыкновенно вовсе не означается на письмѣ. Двоеточіе надъ *е* ставится только въ рѣдкихъ случаяхъ, именно: а) для яснѣйшаго обозначенія выговора, особенно для различенія словъ, одинаково пишущихся, напр. *ведрó* и *вёдро, признáетъ* и *признаётъ*; и б) въ стихахъ, для болѣе нагляднаго изображенія рифмы, напр. *заботъ* и *гнётъ*.

2) Послѣ *ц* и шипящихъ (*ж ш ч щ*) звукъ *ё*, вполнѣ или отчасти обращающійся въ *о*, рѣдко означается посредствомъ двоеточія, и либо остается вовсе безъ знака, либо изображается буквою *о*. Послѣдній способъ установился въ слѣдующихъ случаяхъ: а) послѣ буквы *ц*, напр. *лицо, купцомъ, отцовъ, перцовка, цоколь;* б) въ извѣстныхъ словахъ послѣ шипящихъ, именно въ окончаніяхъ: *свѣжо, ужо, чужой вожжой дружокъ*; *хорошо, большой, душой, шорохъ, шопотъ, вершокъ*; *горячо, плечо, свѣчой, сверчокъ*; *трущоба*; иногда и въ корняхъ словъ: *обжора, чопорный*.

Но этотъ способъ изображать измѣненное произношеніе *е* послѣ шипящихъ не признанъ обычаемъ для огромнаго большинства случаевъ того же выговора; особенно неупотребителенъ онъ въ замкнутыхъ слогахъ, между крайними согласными коренного слога, т. е. въ такихъ словахъ какъ: «жолтый, жолчь, чорный, счотъ, въ чомъ, шшонный, щотка[1]», также въ глагольныхъ формахъ: «возвращонъ, учоный, течошь, бережоте». Вмѣсто того по большей части пишутъ: *желтый, желчь, черный, счетъ, въ чемъ, возвращенъ, ученый, течешь, бережете*, т. е. удерживаютъ на письмѣ *е*, или изрѣдка для ясности ставятъ надъ этой буквой двоеточіе.

Для уясненія вопроса объ этихъ различныхъ начертаніяхъ обратимся къ исторіи.

Пестрота правописанія въ отношеніи къ постановкѣ гласныхъ вообще и полугласныхъ *ъ, ь* послѣ шипящихъ замѣчается въ самихъ древнихъ памятникахъ письменности; послѣ *ж ш ч щ* правило требовало писать *ь*, но между тѣмъ и въ Остромировомъ евангеліи, и въ другихъ рукописяхъ писалось иногда *ъ*. Поэтому шипящія не должны были собственно терпѣть послѣ себя и твердыхъ гласныхъ *а о у ы* (также широкаго юса): но на дѣлѣ послѣ нихъ не ставились только *о* и *ы* (вм. *о* ставилось

---

[1] Однакожъ *о* принялось уже въ существительномъ *поджогъ* какъ бы для отличія отъ глагольной формы *поджегъ*.

е или *ь*, вм. *ы* — *и*), буквы же *а*, *у* и *ѫ* постоянно писались послѣ шипящихъ какъ въ склоненіяхъ, такъ и въ извѣстныхъ формахъ спряженія.

Устраненіе *о* при шипящихъ происходило конечно отъ того, что обращеніе звука *е* въ *ё* было совершенно чуждо др.-славянскому языку, а отсутствіе *ы* на томъ же мѣстѣ объясняется тѣмъ, что такъ какъ послѣ этихъ согласныхъ не писалось *ъ*, то не было повода писать и *ы*, которое притомъ не вполнѣ отвѣчало произношенію.

Особенность русской фонетики, обращающей *е* въ *ё*, была причиною, что уже весьма рано въ русской письменности гласная *е* начала уступать мѣсто буквѣ *о*: именно уже въ памятникахъ 12-го или по крайней мѣрѣ 13-го вѣка, мы читаемъ: *съвършюнъ*, *крьщонъ*, *жонъ*, *шолъ*, *у чомъ*, *хочомъ*. Въ то же время послѣ *ш* начинаетъ являться *ы* (*слышымъ*)[1]. Въ 15-мъ столѣтіи обращеніе *е* въ *о* является уже и не при однѣхъ шипящихъ (напр. въ словѣ *рубловъ*), а при шипящихъ — не въ однихъ ударяемыхъ слогахъ (напр. *пригожо*, *пишютъ*, *шостой*, *перевѣсищо*). Происходило ли это послѣднее правописаніе отъ мѣстныхъ особенностей выговора, или отъ стремленія къ однообразію въ письмѣ, во всякомъ случаѣ, какъ эти, такъ и другіе примѣры сочетанія шипящихъ и *ц* съ твердыми гласными (*Богородицы*, *жати*, *держы*) доказываютъ, что названные согласные въ живомъ русскомъ языкѣ весьма давно утратили способность *умягчаться*, что они, по крайней мѣрѣ уже въ 15-мъ столѣтіи, сочетались только съ твердыми гласными[2].

Обращаясь къ современному русскому говору, мы должны въ этомъ отношеніи раздѣлить шипящіе на два разряда: *ж*, *ш*, а съ ними и *ц*, сочетаются только съ твердыми гласными (т. е. мы слышимъ только **жа**, **жо**, **жу**, **жы**, **ша**, **шо**, **шу**, **шы**, **ца**, **цо**, **цу**, **цы**); напротивъ *ч* и *щ* — только съ мягкими (**чя**,

---

[1] Колосовъ, *Очеркъ*, стр. 80, 93.
[2] Колосова *Очеркъ*, стр. 135.

чё, чю, чи, щя, щё, щю, щи). Конечно и въ томъ и въ другомъ случаѣ гласныя обоихъ разрядовъ нѣсколько видоизмѣняются, т. е. однѣ теряютъ часть своей твердости, другія — часть своей мягкости, но все-таки въ общемъ характерѣ, кажется, такое различіе ихъ сочетаемости для слуха неоспоримо. Тѣмъ не менѣе они, для практическаго удобства, по неопредѣленной степени своей твердости и мягкости, могутъ быть подводимы подъ одинъ общій разрядъ, и можно согласиться съ тѣмъ, что́ Востоковъ сказалъ о нихъ еще въ 1808 году: что буквы *ж ч ш щ* «не имѣютъ ни дебелаго, ни тонкаго, а одно среднее произношеніе, и потому въ сущности не принимаютъ ни *ъ*, ни *ь*»; онъ прибавлялъ, что онѣ не слагаются ни съ дебелою гласною *ы*, ни съ тонкими *ё ю я*, и «слѣдовательно *ъ* и *ь* приписывается къ нимъ совершенно напрасно»[1].

Естественно, что при такихъ фонетическихъ условіяхъ, правила сочетанія съ этими буквами твердыхъ или мягкихъ полугласныхъ и гласныхъ могутъ быть основаны только на общемъ соглашеніи, какъ чисто-графическія. Оттого мы у нашихъ грамматиковъ и не находимъ положительныхъ по этому предмету указаній. Ломоносовъ ничего не говоритъ объ употребленіи гласныхъ послѣ шипящихъ; между тѣмъ мы, какъ у него, такъ и у Тредьяковскаго и многихъ другихъ, съ самаго введенія гражданской печати, нерѣдко встрѣчаемъ *о* послѣ этихъ буквъ[2]. (Позднѣе особенно Болтинъ придерживался такой орѳографіи). Въ грамматикѣ Греча только коротко замѣчено (§ 240), что во всѣхъ склоненіяхъ послѣ *ж ч ш щ ц* гласная *о* (на письмѣ?) превращается въ *е*. Въ Русской грамматикѣ Востокова только въ таблицѣ склоненій показано, что послѣ *ж ш ч щ* творительный падежъ ед. ч. муж. р. оканчивается на *емъ*. Г. Буслаевъ ограничивается замѣчаніемъ, что «въ сочетаніи гласныхъ съ свистящими (*з с ц*) и шипящими русскій языкъ слѣдуетъ црк.-славянскому съ нѣкото-

---

[1] *Краткое руководство къ росс. словесности*, стр. 10.

[2] Въ Грамм. своей Ломоносовъ писалъ: «*лице* или *лицо*» (§ 149), также: *плечо, горшокъ, сверчокъ, мѣшокъ* (§§ 179, 197).

рыми уклоненіями и между прочимъ употребляетъ и твердое *о* вмѣсто мягкаго *е* съ удареніемъ, напр. *хорошо, гордецовъ* вм. «хороше, гордецевъ»[1]. О предѣлахъ этого правописанія онъ вовсе не упоминаетъ; однакожъ изъ его собственной ороографіи видно, что такія начертанія лишь въ рѣдкихъ случаяхъ имъ допускаются. Подробнѣе всѣхъ по этому вопросу высказывается Павскій. «Буквы *ж ч ш щ* (говоритъ онъ), какъ передѣланныя изъ чистыхъ при встрѣчѣ съ *ь*-мъ и для *ь*-я, должны терпѣть при себѣ только *ь*. И дѣйствительно въ древнемъ правописаніи послѣ *ж ч ш щ* видны *ь* и мягкія гласныя, а *ъ*-а и твердыхъ гласныхъ не видно. Но какъ выговоръ сихъ умягченныхъ буквъ въ нашемъ языкѣ вовсе не мягокъ, то правописаніе не устояло на своемъ и во многихъ случаяхъ склонилось на сторону выговора. Гдѣ встарину писали: мечь, ножь, тощь, грѣшю, мажю, тамъ нынѣ пишемъ: мечъ, ножъ, тощъ, грѣшу, мажу»[2]. Далѣе Павскій въ таблицѣ сочетаній согласныхъ съ гласными между прочимъ помѣстилъ слѣдующія три столбца:

жъ	**жа**	**жо**
чъ	**ча**	**чо**
шъ	**ша**	**шо**
щъ	**ща**	**що.**

Въ послѣдней колонкѣ онъ противъ каждаго сочетанія съ *о* поставилъ вопросительный знакъ и внизу прибавилъ: «не охотно».

Между тѣмъ со стороны фонетики Павскій находилъ эти начертанія совершенно вѣрными; онъ въ звуковомъ отношеніи не замѣчалъ разницы между *ж*, *ш* и *ч*, *щ*; ему казалось, что послѣ всѣхъ этихъ буквъ *и* произносится какъ *ы* и что мы говоримъ «чынъ, щыпцы» точно такъ же, какъ «жыла, шыло». Но на письмѣ онъ не могъ примириться ни съ употребленіемъ *о* послѣ шипящихъ, ни съ начертаніемъ *ё̀* вообще, и потому говорилъ: «Для избѣжанія многихъ несообразностей и обоюдностей не

[1] *Ист. Грам.* I, § 37, стр. 76.
[2] *Филол. Набл.* Разсужд. I, § 53, стр. 63.

лучше ли принять за правило, чтобъ правописаніе вездѣ постоянно ставило гласную *е?* Пусть самъ выговоръ по своимъ законамъ произноситъ ее то за *е*, то за **jo**, то за *о*. Если наше правописаніе во многихъ случаяхъ не склоняется на сторону выговора, то и здѣсь нѣтъ ему нужды быть уступчивымъ. Будемъ писать: ель, елка, щеть, щетка, а произносить будемъ: ель, jолка, щеть, щотка»[1]. Замѣтимъ однакожъ, что самъ Павскій не выдерживалъ во всей строгости этого правила, и писалъ, напр. «ножонка, душонка, старушонка, денжонки»[2].

Нельзя сказать, чтобы со времени изданія его *Филологическихъ Наблюденій* начертаніе *о* послѣ шипящихъ вовсе не распространилось; замѣчаемое у насъ общее стремленіе сближать письмо съ выговоромъ обнаружилось до нѣкоторой степени и въ этомъ вопросѣ нашей орѳографіи. Но консерватизмъ въ этомъ случаѣ объясняетя, кромѣ обыкновенной силы привычки, еще и тѣмъ, что повсемѣстное введеніе *о* послѣ шипящихъ находится въ противорѣчіи: во 1-хъ, съ преобладающимъ этимологическимъ характеромъ русскаго правописанія, во 2-хъ, съ начертаніемъ *е* вмѣсто *ё* послѣ другихъ согласныхъ (напр. идетъ, ледъ, полетъ). Когда въ безчисленномъ множествѣ случаевъ этотъ обычай не мѣшаетъ правильному произношенію, то естественно, что и послѣ шипящихъ нѣтъ необходимости всякій разъ означать на письмѣ выговоръ, измѣняющій *е* въ *ё*. Но отчего же въ нѣкоторыхъ случаяхъ начертаніе **жо, шо, чо, що** окончательно утвердилось? Конечно причина заключается въ томъ же, почему иногда ставятъ двоеточіе надъ *е*, именно въ желаніи яснѣе обозначить различный выговоръ двухъ одинаково или сходно написанныхъ слоговъ, напр. въ словахъ *совершенный* и *совершонный*, *жены* и *жоны*, *чертъ* и *чортъ*, и *положенный* и *положоный*, *шестъ* и (самъ) *шостъ*, *душенька* и *душонка*. Въ концѣ слога чаще, нежели въ серединѣ, принято начертаніе *о* послѣ шипящихъ потому, что въ первомъ случаѣ (свѣже, хороше, ше-рохъ, же-

[1] Тамъ же, § 122.
[2] Тамъ же, Разс. II, § 50, стр. 91.

лобъ и т. п.) легче можетъ произойти сомнѣніе, какъ произнести *е*: въ серединѣ же слога, въ такихъ напр. словахъ какъ *счетъ*, *желтый*, *черный*, *черствый*, *щелкать*, *е* по общему закону обращается въ *ё* при падающемъ на слогъ удареніи передъ твердымъ звукомъ.

Сверхъ показанныхъ случаевъ, послѣ *жшчщ* удобно писать *о* въ такихъ окончаніяхъ, которымъ эта буква свойственна и при другихъ согласныхъ, напр. 1) въ окончаніи *окъ*: почему не писать: *дружокъ*, *сверчокъ*, *вершокъ*, когда есть слова *листокъ*, *голубокъ*, *носокъ* и проч.; 2) въ творит. падежѣ ед. ч. именъ муж. и женскаго рода: *душой*, *свѣчой*, *мечомъ*, *ножомъ* (хотя въ именахъ муж. р. это еще мало употребительно); 3) въ разныхъ падежахъ ед. числа прилагательныхъ именъ муж. и жен. р.: *большой*, *меньшой*, *чужой*.

Всего менѣе удобно писать *о:*

1) въ глаг. личныхъ формахъ, гдѣ *е* принадлежитъ къ органическому составу окончанія, именно: *ешь*, *етъ*, *емъ*, *ете* (течошь и т. д. вм. *течешь*, какъ берешь); въ прошед. вр. того же накл. на *елъ* (шолъ вм. *шелъ* по подобію велъ, брелъ); въ страд. причастіи прошедшаго на *ен:* наречонъ, рѣшонъ, прельщонъ вм. *нареченъ*, *рѣшенъ*, *прельщенъ*; 2) въ предлож. пад. мѣстоименія *что* (въ *чомъ* вм. въ *чемъ*), несогласно съ формою склоненія въ другихъ падежахъ: *чего*, *чему;* 3) въ замкнутыхъ *коренныхъ* слогахъ, какъ *жесткій*, *шелкъ*, *четки*, *щетка*.

Впрочемъ по родству звуковъ *о* и *е* нельзя придавать различію въ ихъ употребленіи послѣ шипящихъ слишкомъ большой важности: пишущіе постоянно *о* имѣютъ на своей сторонѣ то оправданіе, что послѣдовательно держатся въ этомъ случаѣ одного (фонетическаго) начала, ясно означая не только выговоръ, но и удареніе (ибо *о* послѣ шипящихъ возможно только въ ударяемыхъ слогахъ), тогда какъ тотъ, кто употребляетъ то *е*, то *о*, не можетъ избѣжать упрека въ нѣкоторой непослѣдовательности. Разъ допустивъ *о* послѣ шипящихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, русское правописаніе косвенно признало возможность пи-

сать **жо, шо, чо, що** вездѣ, гдѣ эти сочетанія слышатся. Нѣкоторые предлагаютъ употреблять въ такихъ случаяхъ начертаніе *ё*, но во 1-хъ, тогда пришлось бы и послѣ другихъ согласныхъ всякій разъ отмѣчать измѣненное *е* двоеточіемъ, что неудобно; во 2-хъ, передѣлать общепринятыя уже начертанія и начать писать: «плечё, хорошё, большёй, чужёй», на что конечно немногіе были бы согласны.

Отъ шипящихъ звукъ *ц* отличается гораздо большею способностью соединяться съ твердыми гласными: это объясняется составомъ его изъ *т* и *с*; ибо *с* не только легко допускаетъ за собою всѣ эти гласныя, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ самъ неохотно смягчается, такъ что вмѣсто *съ*, *ся*, иногда и *сю* (по крайней мѣрѣ въ мѣстоименномъ значеніи этихъ звуковъ) многіе произносятъ *сь*, *са*, *су*, напр. «держись, я примýсь, дѣлатьса, взялса, суда» (вм. *сюда*). Поэтому неудивительно, что послѣ *ц* безъ затрудненія произносится и пишется даже *ы*, а слѣдовательно для этой согласной нѣтъ причины чуждаться *о*, которое и пишется послѣ нея всякій разъ, когда, при первоначальномъ *е*, на этотъ слогъ падаетъ удареніе, напр. *лицо*, *кольцомъ*, *купцовъ*.

Въ противномъ случаѣ, т. е. при отсутствіи надъ этимъ слогомъ ударенія, пишутъ *е*, напр. *зеркальце*, *перцемъ*, *иностранцевъ*, *улицею*. Однакожъ въ словѣ *танцовать* ставится *о*, на томъ основаніи, что тутъ ясно слышится широкая гласная и что наст. время изъяв. накл. имѣетъ форму *танцую*, а не *танцюю*. Но, собственно говоря, въ неударяемыхъ окончаніяхъ *це*, *цемъ*, *цевъ*, *цею* также слышится не *е*, а средній звукъ между *а* и *о*, и потому тутъ равнымъ образомъ можно бы писать *о*, употребляя *е* только въ такомъ случаѣ, когда оно дѣйствительно замѣтно въ произношеніи, напр. въ словахъ *лицевой*, *лицемѣръ*, *вѣнценосецъ*. Такъ какъ однакоже установленное обычаемъ различіе въ употребленіи *о* и *е* послѣ *ц* имѣетъ свою полезную сторону, именно служитъ указаніемъ относительно ударенія, то лучше сохранить это двоякое правописаніе.

Не совсѣмъ удобно только писать *це* въ окончаніяхъ фамильныхъ именъ, особенно старинныхъ родовъ, напр. въ имени *Румянцевъ*, такъ какъ вслѣдствіе введенія такого начертанія нѣкоторыя изъ нихъ пишутся теперь уже не такъ, какъ писались тѣми, которые ихъ носили. По-настоящему, слѣдовало бы держаться правила писать фамильныя имена историческихъ дѣятелей безъ измѣненія способа ихъ начертанія самими лицами рода.

Когда въ словахъ, заимствованныхъ изъ другихъ языковъ, звукъ *и* слѣдуетъ послѣ *ц*, то на письмѣ соблюдается различіе между словами, сохраняющими у насъ свой первоначальный видъ, и тѣми, которыя издавна передѣланы на русскій ладъ или взяты съ польскаго: въ первыхъ пишется *ци*, въ послѣднихъ *цы*, напр.

1) Цилиндръ, цитадель, медицина, капуцинъ, цикорій.

2) Цыбикъ, цыганъ, цыфирь, цынга, цырюльникъ.

Обыкновенно пишутъ «цифра», но это несогласно ни съ произношеніемъ, ни съ общеупотребительнымъ начертаніемъ *цыфирь*, а потому лучше писать равнымъ образомъ: *цыфра*.

Употребленіе буквы Ѣ.

О двоякомъ употребленіи *ѣ*: 1) въ корняхъ словъ, и 2) въ формахъ было уже упомянуто при разсмотрѣніи азбуки.

Мы знаемъ, что у насъ *ѣ* издавна не что иное какъ графическій знакъ, буква, представляющая тотъ же звукъ, для изображенія котораго служитъ *е*[1]; но нѣтъ сомнѣнія, что при изобрѣтеніи кириллицы буква *ѣ* имѣла цѣлію выражать особый

---

[1] Нѣкоторые у насъ до сихъ поръ еще утверждаютъ, что *ѣ* произносится *мягче* чѣмъ *е*; но кромѣ того, что это отвергается авторитетомъ лучшихъ знатоковъ языка, признающихъ тожество обѣихъ буквъ въ отношеніи къ звуку, можно указать и на частое смѣшеніе ихъ: значитъ, что слухъ не доставляетъ никакого руководства для рѣшенія, гдѣ писать одну, и гдѣ другую: въ одномъ и томъ же словѣ одни пишутъ *е*, другіе *ѣ*, да и то же лицо въ разное время пишетъ различно. Миклошичъ не безъ нѣкоторой ироніи замѣтилъ, что русскимъ нужны особые списки словъ, въ которыхъ пишется *ѣ*, а не *е* (Vergl. Lautlehre, 377).

звукъ древне-славянскаго языка, — какой именно, объ этомъ высказано много разныхъ, болѣе или менѣе правдоподобныхъ и остроумныхъ мнѣній. Большинство филологовъ, на основаніи пріемовъ сравнительной филологіи, признаетъ, что первоначальнымъ звукомъ, изъ котораго произошелъ *ять*, былъ дифтонгъ **ai**[1]; затѣмъ писавшіе о звукѣ этой буквы полагали, что она произносилась:

1) Какъ французское *é* — *e* fermé (Копитаръ[2], Шлейхеръ, Лескинъ). По Шлейхеру *ѣ* произносилась въ древнѣйшій періодъ языка какъ долгое нѣмецкое *ē*[3], «сбиваясь нѣсколько на *i*», прибавляетъ ученикъ Шлейхера, Лескинъ[4].

2) Какъ **je** (Добровскій, Павскій). Добровскій говоритъ, что въ южныхъ славянскихъ земляхъ есть провинціи, въ которыхъ *чистое славянское произношеніе* сохраняется, такъ что слова *вѣра*, *свѣтъ*, *бѣлъ* выговариваются: «вьера, свьетъ, бьелъ», а нѣкоторые и пишутъ: *вијера*, *свијетъ*, *бијел*[5]. Павскій прибавляетъ: «Этотъ не слитый выговоръ буквы *е* у изобрѣтателя азбуки отмѣченъ знакомъ *ѣ*, въ которомъ буква *ь* препоясана гласною *е*»[6].

3) Какъ долгое *ь*, — нѣчто среднее между *е* и *и* (Катковъ): «Долгій элементъ въ отличіе отъ краткаго снабженъ только поперечною чертою»[7]...

4) Ближе къ *и*, чѣмъ *е*, т. е. *ѣ* соотвѣтствовала нашему Є, сложенному съ *j*, а старо-славянское Є = нашему *ä*: *ѣ* было вѣроятно долгое ѥ (Бэтлингъ)[8].

---

[1] Первый высказалъ это Шафарикъ въ своихъ *Elemente der altböhm. Grammatik*, стр. 14.

[2] Kopitar. *Glagol. Cl.* 51.

[3] Schleicher. *Compend.* § 76: «Warscheinlich war es in einer älteren Sprachperiode ē».

[4] Leskien. *Handbuch der altbulg. Sprache*, стр. 4.

[5] Dobrowsky. Institut. § X и XXIII. Это относится къ Герцеговскому нарѣчію (*Катковъ, объ элем. и формахъ сл.-р. языка*, стр. 51).

[6] Павскій. *Ф. Набл.* I, § 18.

[7] Катковъ. *Объ элем. и формахъ*, 50.

[8] Бэтлингъ *Зап. А. Н. по I и III Отд.*, I, 86.

5) Какъ *я* (Шафарикъ[1], Востоковъ, Срезневскій, Шлейхеръ). Замѣтивъ, что въ Супрасльской рукописи *ѣ* употребляется вм. ꙗ (читател*ѣ*, вьс*ѣ*ко, Константин*ѣ* града), чтó попадается и въ Остромировомъ ев., Востоковъ говоритъ: «Видно, что буквами сими изображались звуки сходные между собою, которые потому и смѣшиваемы были въ произношеніи»[2].

И. И. Срезневскій, найдя то же смѣшеніе буквъ въ другихъ (юсовыхъ) памятникахъ, заключаетъ изъ этого, что *ѣ* по крайней мѣрѣ нѣкоторою частью тѣхъ, кѣмъ и для кого писались эти рукописи, выговаривалось какъ *а*, требующее смягченія предыдущей согласной[3]. Шлейхеръ былъ прежде того же мнѣнія, но полагалъ, согласно съ Шафарикомъ, что **ja** образовалось перестановкою звука **aj**[4].

6) То какъ *я*, то какъ *е* (Миклошичъ)[5].

7) Какъ долгое *е* (Буслаевъ)[6]: *нѣтъ* = не есть.

8) Какъ *ѐй* (Шафарикъ, Шлейхеръ, Лескинъ и Бодуэнъ-де-Куртнэ)[7]. Шафарикъ первый отмѣтилъ это произношеніе, основываясь на нынѣшнемъ выговорѣ болгаръ; за нимъ то же высказалъ Шлейхеръ сначала въ Beiträge, потомъ въ Compendium.

Колосовъ, который сдѣлалъ первую попытку свести всѣ заявленныя по этому предмету мнѣнія, самъ не высказался положительно о древнемъ произношеніи буквы *ѣ*, а только призналъ его неизвѣстнымъ и замѣтилъ, что ни одно изъ этихъ мнѣній не рѣшаетъ дѣла[8].

---

[1] Шафарикъ. *Elem. der altböhm. Gramm.* l. c.

[2] Востоковъ. *Филол. Набл.*, 162.

[3] *Древніе славянскіе памятники юсоваго письма*, стр. 158 первой нумерац. При чтеніи настоящихъ замѣчаній въ Отдѣл. русск. яз. и сл. И. И. Срезневскій пояснилъ, что по позднѣйшимъ его наблюденіямъ, *ѣ* въ древне-славянскомъ, а отчасти и въ позднѣйшемъ языкѣ произносился какъ долгое *е*, впитавшее въ себя предшествующую согласную, о чемъ можетъ дать понятіе звукъ въ словѣ *нѣтъ*.

[4] Schleicher. *Formenlehre*, 78.

[5] Miklošić. *Vergleich. Lautlehre*, стр. 91.

[6] Буслаевъ. *Ист. Грамм.* § 25. 2.

[7] *Бодуэнъ-де-К.* О др.-польскомъ языкѣ, 76.

[8] *Филол. Зап.* 1872, вып. IV, и *Очеркъ ист. зв.*, 35. Недавно высказано еще

Чтобы ничего не упустить для разсмотрѣнія вопроса, остается еще обратить вниманіе на тѣ многообразные звуки, которые въ живыхъ славянскихъ языкахъ заступили мѣсто древняго ѣ. Самая буква сохранилась только въ русскомъ письмѣ, но въ немъ она издавна то замѣнялась буквой *е*, то ставилась напрасно вмѣсто *е*. Напротивъ, по замѣчанію Востокова, сербы и болгаре въ старинной письменности употребляли букву ѣ правильно[1]. Не значитъ ли это, что у нихъ она сохраняла свой отличительный звукъ? Но нынѣшніе сербы въ словахъ, гдѣ она встрѣчалась, ставятъ **иjе** (или и просто *е*, болгаре **еа.** Изъ этого, кажется, вытекаетъ заключеніе, что произношеніе ѣ составляло среднiй звукъ между **йэ** и **йа**. Какъ объяснить этотъ среднiй звукъ? При какихъ условіяхъ онъ возможенъ? Отчего не могли его усвоить себѣ другіе славянскіе народы? Тамъ, гдѣ онъ встрѣчался, малороссіяне произносятъ *і*, чехи то также *і*, то слабо йотованное *е*, поляки то **іа**, то *е*, въ большей части другихъ славянскихъ нарѣчій онъ перешелъ рѣшительно въ элементъ *е*, у словинцевъ сохранилъ форму **еj**, у полабовъ звучалъ иногда какъ двоегласное **аі**[2]. Все это позволяетъ сдѣлать по крайней мѣрѣ одинъ несомнѣнный выводъ,—что въ произношеніе ѣ входили три элемента: *і*, *а* и *э*.

Въ позднѣйшее время произношеніе разсматриваемаго звука видоизмѣнялось у славянскихъ народовъ, смотря по тому, который изъ трехъ элементовъ получалъ перевѣсъ: въ нѣкоторыхъ

новое мнѣніе о буквѣ ѣ. Г. Житецкій въ своемъ изслѣдованіи о малорусскомъ нарѣчіи пришелъ къ заключенію, «что буква ѣ не имѣла собственнаго звука, что единство она имѣла для глазъ а не для слуха, и что въ выговорѣ она звучала различно» (*Университ. Извѣстія*. Кіевъ 1875. № 8, стр. 284).

[1] *Филол. Набл.* 93. Въ своей црк.-сл. грамматикѣ Востоковъ вводитъ въ азбуку еще особый знакъ ѥ и причисляетъ эту букву къ числу составныхъ (йотованныхъ); это еще болѣе затрудняетъ вопросъ о сущности ѣ; ужели же простой ѣ означалъ, какъ думаетъ г. Колосовъ, звукъ нейотованный? Нельзя ли скорѣе принять, что начертаніе ѥ было только графическимъ видоизмѣненіемъ той же буквы?

[2] Pfuhl. *Ueber die Sprache der Lün. Polaben*. 1868, стр. 196. По статьѣ г. Кочубинскаго объ учебникѣ г. Лескина, *Филол. Зап.* 1872 г. вып. I, стр. 18.

нарѣчіяхъ остался только одинъ изъ этихъ трехъ элементовъ, въ другихъ по два (ia, iə), въ третьихъ то одинъ, то два. Одновременная встрѣча въ томъ же звукѣ элементовъ *а* и *э* возможна только при одномъ условіи — при сильномъ растворѣ рта для *э*. Произносимый при этомъ условіи звукъ йэ неминуемо сближается съ йа, о чемъ даетъ приблизительное понятіе французскій *e* ouvert съ accent grave (*è*), изображаемый также группами ais, ait, особенно послѣ полугласнаго *y*, *i*: voyais, pièce. Во франц. языкѣ этотъ звукъ часто происходитъ изъ латинскаго *a*, напр. слова: père, frère образовались изъ: pater, frater.

Извѣстно, какъ легко вообще звукъ *а* переходитъ въ *э*; слѣдовательно весьма понятно, что древній широко-открытый звукъ буквы *ѣ*, составлявшій середину между йа и йэ, съ теченіемъ времени могъ перейти у насъ въ обыкновенный звукъ йэ, ничѣмъ не отличающійся отъ изображаемаго буквой *е*. Разницу же между древнимъ и нынѣшнимъ вѣроятно составляла различная степень устнаго раствора. Объ этомъ среднемъ звукѣ можетъ дать, какъ мнѣ кажется, приблизительное понятіе одинъ звукъ финскаго языка, выражаемый буквою *ä*, но весьма похожій на наше *я*, хотя и не тожественный съ этимъ послѣднимъ, напр. въ словахъ mäki (гора), tämä (этотъ), hyvä (хорошій), — звукъ, для транскрипціи котораго одни употребляютъ русское *е*, а другіе *я*.

Но какъ бы ни произносилось *ѣ* въ древности, въ нынѣшнемъ русскомъ языкѣ оно не болѣе, какъ письменный знакъ, имѣющій цѣлію только отличать извѣстные корни языка и грамматическія окончанія. Другими словами: живой языкъ не знаетъ *ѣ*: имъ занимаются только правописаніе и грамматика; *ѣ*, достояніе частью науки, частью навыка, имѣетъ значеніе только этимологическое и практическое. Въ формахъ, въ грамматическихъ окончаніяхъ склоненія, спряженія и образованія сравнительной степени употребленіе *ѣ* опредѣлено точными правилами; но оно шатко въ корняхъ и въ нѣкоторыхъ образовательныхъ окончаніяхъ именъ существит. и прилагательныхъ; а потому

только эти два случая употребленія *ѣ* и должны быть здѣсь разсмотрѣны.

1) *ѣ* въ корняхъ.

Почти съ самаго начала црк.-слав. письменности у русскихъ, по крайней мѣрѣ уже съ конца 11-го вѣка, въ памятникахъ встрѣчается смѣшеніе буквъ *ѣ* и *е*, и мало по малу послѣдняя вытѣснила первую изъ двухъ категорій словъ:

а) послѣ *р* и *л*, слѣдующихъ за начальною согласной, въ словахъ, которыя въ русскомъ языкѣ имѣютъ соотвѣтственную полногласную форму, т. е. когда сочетанію *лѣ*, *рѣ* соотвѣтствуетъ въ русскомъ выговорѣ двусложное *ере*, *оло*, какъ напр. въ словахъ: *брѣгъ*, *брѣза*, *врѣдъ*, *прѣдъ*, *чрѣзъ*, *млѣко*, *влѣку*. Причина тому ясна: это произошло подъ вліяніемъ русскихъ формъ: *берегъ*, *береза*, *вередъ*, *передъ*, *черезъ*. Вслѣдствіе этого тому же измѣненію подверглись и такія слова сходной формы, въ которыхъ не обнаруживается полногласія, т. е. стали писать: *блескъ*, *дремать*, *преніе*, *претить*, *стрекать*, вм. *блѣскъ*, *дрѣмать* и т. д. Въ другихъ подобныхъ словахъ *ѣ* сохранилось; таковы: *грѣхъ*, *хрѣнъ*, *хлѣбъ*, *клѣть*, *плѣнъ* (при полногл. формѣ *полонъ*), *плѣсень*, *плѣшь*, *слѣдъ*, *слѣпъ*.

б) въ глаголахъ, у которыхъ въ др.-слав. языкѣ хотя коренная форма имѣетъ *е*, но которые по закону *усиленія гласной*[1] принимаютъ, при измѣненіи формы, букву *ѣ*, какъ напр. *гнести* и *гнѣтати*, *летѣти* и *лѣтати*, *лежати* и *лѣгати*, *метати* и *мѣтати*, *несу* и *нѣсъ*, *реку*, *рещи*, *реченіе* и *рѣкати*, *рѣкъ*, *рѣчь*. Всѣ эти слова, исключая послѣднее, постоянно пишутся теперь съ *е*.

Равнымъ образомъ и во многихъ другихъ случаяхъ русскіе вмѣсто др.-сл. *ѣ* употребляютъ *е;* таковы напр. слова: *векша*, *клей*, *колебать*, *мезга*, *песокъ*, *семья*, *темя* и др., которыя въ ц.-сл. писались: *вѣкша*, *клѣй*, *колѣбать* и т. д.

---

[1] См. Miklošić. *Vergl. Lautlehre* 134. Шлейхеръ называетъ это явленіе Ersatzdehnung (замѣстительное протяженіе). *Compendium*, § 79.

Наоборотъ, *ѣ* пишутъ иногда въ словахъ, гдѣ его въ древности не было и гдѣ этой буквы по этимологіи не нужно: *рѣдька*, *рѣшето*, *рѣшетка* и др.

2) *ѣ* ВЪ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХЪ ОКОНЧАНІЯХЪ.

а) Въ собственно-русскихъ словахъ. И тутъ противъ древняго письма есть отмѣны. Мы пишемъ: *добродѣтель*, *колыбель*, *кудель*, *обитель*, тогда какъ нѣкогда въ окончаніяхъ этихъ словъ ставилось *ѣ*.

Далѣе, у насъ пишутъ: *змѣй*, *брадобрѣй*, какъ и во взятомъ съ греческаго словѣ *грамотѣй*, вѣроятно потому, что звукъ *ѣ* не пропадаетъ и въ косвенныхъ падежахъ: *змѣя*, *брадобрѣя*, *грамотѣя*, тогда какъ въ словахъ: *воробей*, *соловей*, *ручей*, звукъ *е* при склоненіи измѣняется въ *ь*. Ломоносовъ писалъ *змей*, но его ороографія въ этомъ случаѣ не утвердилась (хотя въ словѣ *иней* буква *е* также не пропадаетъ при склоненіи). *Брадобрей*, отъ *брить*, должно писаться съ *е*, какъ *водолей* отъ *лить*; равнымъ образомъ: *брею*, *бреешь* (см. Указатель).

По общей формѣ сравнительной степени мы пишемъ *болѣе*, *менѣе*, тогда какъ въ древнемъ языкѣ имѣлись только формы *боле*, *мене;* но наши новѣйшія формы окончательно утверждены употребленіемъ, и въ сокращенномъ видѣ (преимущественно въ стихахъ) пишутъ: *болѣ*, *менѣ*. Вопреки древней ороографіи (кьде, сьде) мы пишемъ также: *гдѣ*, *здѣсь*.

Слово *копейка*, сомнительнаго происхожденія, обыкновенно пишется съ *ѣ*, но безъ основанія.

б) Относительно именъ нарицательныхъ и собственныхъ, заимствованныхъ изъ другихъ языковъ, есть правило, что иностранное ѳ въ такихъ словахъ и у насъ не измѣняется, а і или аі обращается въ *ѣ;* поэтому пишутъ, съ одной стороны: *Тимофей*, *Андрей;* съ другой: *Апрѣль*, *Алексѣй*, *Сергѣй*, *Еремѣй* *Матвѣй*, *Елисѣй*, *индѣецъ*, *индѣйскій* (отъ Aprilis, Alexius, Ἐλισαῖος и пр.). Переходъ *і* въ *ѣ* въ подобныхъ случаяхъ осно-

вывается повидимому на томъ, что въ малорусскомъ языкѣ является *і* тамъ, гдѣ у великоруссовъ пишется *ѣ*.

Но это правило въ точности не соблюдается, и потому рядомъ съ приведенными словами пишутъ: *Аггей*, *Амплей*, *Пелагея*, *Асмодей* (отъ Ἀγγαῖος, Ἀμπέλιος, Πελάγια, Asmodi), елей (ἔλαιον), *батарея*, *лотерея*, *армейскій*, *библейскій*, *линейка*, *линейный* (baterie, loterie, армія, библія, линія).

Изъ всего сказаннаго видно, что въ русскомъ языкѣ употребленіе буквы *ѣ* въ корняхъ словъ и въ образовательныхъ окончаніяхъ нѣкоторыхъ именъ есть дѣло преданія и обычая, въ которомъ выражается уваженіе къ историческому началу, но безъ строгаго вниманія къ правильному его примѣненію. Во многихъ случаяхъ *ѣ* остается воспоминаніемъ особеннаго древняго произношенія слоговъ, въ другихъ языкъ по прихоти или недоразумѣнію удалился отъ старины. Какъ бы ни желательно было возстановить въ этомъ отношеніи правильное письмо, трудно теперь, да едва ли и нужно, измѣнять начертаніе словъ, которыя всѣми пишутся одинаково. Попытка къ такому измѣненію могла бы только произвести еще бóльшій разладъ въ ороографіи.

Но есть и такія слова, гдѣ одни пишутъ *ѣ*, а другіе *е*. Относительно этихъ словъ замѣтимъ, что основательнѣе писать *е* въ слѣдующихъ:

боленъ (ср. больной, больна и проч.)
виденъ (ср. видный, видна и проч.)
брею, бреешь и пр., брадобрей (какъ водолей)
грамотей (греч. γραμματεύς)
греча (греческое зерно)
железа
затменіе, затмевать (отъ затмить, затменъ)
звено (отъ звенѣть; ср. польск. dzwono)
копейка
купель (какъ колыбель, обитель)
надменный, надмеваться (отъ дмить)

пенязь (сканд. peningr)
прилежный
решето
хмель
цехъ (нѣм. Zeche)

Напротивъ, въ слѣдующихъ словахъ надо писать *ѣ*:

зѣница (народ. *зѣнки*)
лѣчить, лѣкарь (отъ корня *лѣкъ*, зелье)
мѣткій (одного корня съ гл. *мѣтить*)
рѣсница (поль. rząsa, rzęsa; чеш. řasa)
свѣдѣніе (отъ *вѣдѣти*)
смѣта } одного корня съ гл. *мѣтить*
смѣтливый }
телѣга (род. множ. ч. произн. *телѣгъ*, не телёгъ).

Болѣе подробное объясненіе этихъ словъ читатель найдетъ въ нашемъ Справочномъ Указателѣ.

Общее правило при избраніи *ѣ* или *е* въ сомнительныхъ случаяхъ должно быть слѣдующее: если нѣтъ вполнѣ ясной и положительной причины для начертанія *ѣ*, то должно писать *е*.

Употребленіе Э.

Буква эта — обращенное въ другую сторону древне-славянское є — началась, какъ утверждаетъ Тредьковскій[1], еще съ поврежденія кириллицы, а намъ сдѣлалась извѣстна со времени появленія грамматики Смотрицкаго. Послѣднее замѣчаніе однакожъ не оправдывается: въ названной грамматикѣ мы находимъ только кирилловское є, правда въ особенно крупномъ и выдающемся начертаніи, но не оборотное. Между тѣмъ, и въ славянской грамматикѣ серба Крижанича, относящейся къ 17-мъ вѣку, есть такое указаніе на раннее появленіе этой буквы: «никоьи Билорусјани јесут издумали ову чертину э, да би стојала

[1] *Разговоръ*, стр 246, примѣч.

за чисту Гречску гласницу епсјлон и дабисмо њеју писали такова туджа (чужія) јмена: Элисеь, Элизарьј, Эмаус; алити то слово э јест безделно»[1]. Окончательно эта буква введена въ нашу печать вскорѣ послѣ установленія гражданской азбуки[2], и конечно совершенно основательно: она отвѣчаетъ весьма положительному и неоспоримому условію полноты всякой азбуки, — что каждый особый звукъ долженъ быть изображаемъ и особымъ знакомъ, что одному и тому же начертанію не слѣдуетъ давать двойного звукового значенія. Изъ этого правила само собой вытекаетъ, что буква *е*, выражающая звукъ **йэ**, не должна служить и для выраженія простого ɛ. Между тѣмъ этого долго не понимали, даже и тѣ, которымъ, какъ напр. Тредьяковскому, приведенное общее правило было очень хорошо извѣстно[3]. Буква *э*, какъ сравнительно новая въ кириллицѣ, болѣе столѣтія была предметомъ незаслуженной вражды. Изъ приведенныхъ словъ Крижанича видно уже, какъ самъ онъ къ ней относился. Позднѣе на нее единодушно ополчились три писателя, почти во всемъ другомъ стоявшіе на ножахъ другъ противъ друга, — Тредьяковскій, Ломоносовъ и Сумароковъ. Всѣ трое по чему-то находили ее безобразною и считали лишнею, а Сумароковъ къ этому присоединялъ еще площадную брань. Такъ онъ между прочимъ говорилъ: «Противнѣйшая и мнѣ и г. Ломоносову литера э недостойна, чтобъ о ней и говорить. Вить мы не пишемъ же *Эвропа*, *эвнухъ* и проч. Мы же знаемъ отдѣлять *г* (*g*) отъ *г* (*h*); такъ ввезли мы едакова въ нашу Азбуку урода» и т. д.[4]. Сумарокову было не вдогадъ, что мы потому только не пишемъ *Эвропа*, *эвнухъ*, что и не говоримъ такъ, а говоримъ невѣрно: *Европа*, *Египетъ* именно потому что такъ издревле писали. Въ кириллицѣ не даромъ были двѣ буквы є и ѥ, но ихъ звуковое разли-

[1] *Граматично изказанје об Руском језику*, попа Јурка Крижанища. М 1859. Стр. 128. На выписанныя въ нашемъ текстѣ изъ этой книги строки указалъ еще Калайдовичъ въ *Іоаннѣ, экзархѣ Болгарскомъ*, стр. 218.

[2] Очертаніе э почти то же, какое имѣла буква для звука *е* въ глаголицѣ.

[3] См. *Разговоръ*, стр. 69.

[4] *Соч.* Сумарокова, т. X, стр. 44.

чіе для русскихъ писцовъ затерялось. Взглядъ трехъ названныхъ писателей относительно э держался долго и послѣ нихъ: еще и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, буквы этой не употребляли многіе изъ извѣстнѣйшихъ писателей, напр. митрополитъ Евгеній, Державинъ, Крыловъ, Калайдовичъ. Наконецъ, къ удивленію нашему, даже и Павскій говорилъ: «Обратная є (э), допущенная въ нынѣшнюю азбуку, ни мало не дополняетъ ее». Ему казалось, что послѣ многихъ согласныхъ слышится чистая *е* безъ умягченія предыдущаго звука, и что слѣдовательно въ такихъ случаяхъ надобно бы писать э; но такъ какъ этого никто не дѣлаетъ, то буква э, не достигая своей цѣли, излишня. Такое мнѣніе Павскаго, вообще не всегда умѣвшаго отличать букву отъ звука, основывалось на старинномъ неправильномъ употребленіи є вм. к. «Нововведенной э, заключалъ Павскій, достались на долю (только) междометія: *э*, *эй*, *эва*, *эхъ*, *экъ* и нѣсколько чужестранныхъ словъ»[1].

Несмотря на такія продолжительныя гоненія, буква э, какъ знакъ, отвѣчающій дѣйствительной потребности, удержалась въ нашей грамотѣ. Однакожъ благодаря показанной выше давней ошибкѣ, эта буква въ началѣ иностранныхъ именъ далеко не получила подобающаго ей распространенія; по примѣру древнихъ писцовъ мы неправильно пишемъ и столько же неправильно произносимъ: *епархія*, *епископъ*, *епитимья*, *Европа*, и вообще почти всѣ взятыя съ греческаго слова и соб. имена съ приставкою εὐ: *евангеліе*, *евхаристія*, *Евлампій*, *Евдокимъ*, *Евстратъ* и проч.

Но, какъ бы въ вознагражденіе за стѣсненіе правъ буквы э въ началѣ слоговъ, въ послѣднія десятилѣтія стали болѣе и болѣе давать ей такое назначеніе, о которомъ первоначально вводившіе ее вовсе и не думали, т. е. употреблять ее послѣ согласныхъ. Многіе теперь пишутъ напр. *Бэкнъ*, *Блэръ*, *Тэнъ*, *мэръ*, *тэма*, *Жервэ*, *Богарнэ*. Правило такого употребленія нигдѣ не высказано, но изъ практики ясно, что такъ пишутъ для

[1] *Фил. Набл.* I, § 20.

изображенія иностраннаго открытаго звука (франц. *è*, нѣм. *ä*, англ. *ai*, *ay*) и для означенія, что предыдущая согласная должна произноситься безъ умягченія. Для болѣе точной передачи иноязычныхъ звуковъ можно допустить это начертаніе въ собственныхъ именахъ, но въ нарицательныхъ оно не имѣетъ основанія, потому что каждый языкъ, естественно, пользуется правомъ примѣнять къ заимствованнымъ словамъ свою фонетику. Если писать: «мэръ, тэма, проблэма», то для послѣдовательности пришлось бы также ввести, вопреки давнему обычаю, такія начертанія, какъ: «партэръ, тэрмомэтръ, камергэръ» и т. п., что́ очевидно было бы крайне странно и затруднительно.

Употребленіе ера, еря и еры.

Какое бы значеніе ни имѣли въ древности ъ и ь, о которыхъ уже такъ много писано, въ нынѣшнемъ языкѣ они служатъ только знаками, имѣющими цѣлью: 1, отмѣчать произношеніе согласной: *столъ*, *столь*; *мѣръ*, *мѣрь*; ь ставится съ этимъ назначеніемъ и въ серединѣ слова: *столько*, *горькій*, *деньги*, но ъ только въ концѣ; 2, въ серединѣ слова отдѣлять отъ согласной йотованную гласную, чтобы показать, что послѣдняя должна быть произнесена какъ двугласная, напр. *съѣсть*, *изъятъ*, *подъемъ*, *адъютантъ; пьянъ*, *сафьянъ*, *платье*, *честью*, *серьёзно*, *соловьи*.

Что ъ и ь нѣкогда служили гласными въ серединѣ слова, несомнѣнно, какъ уже и выше было замѣчено; но имѣли ли они то же значеніе въ концѣ словъ, остается еще спорнымъ вопросомъ. Есть мнѣніе, что по крайней мѣрѣ въ то время, къ которому относятся древнѣйшіе изъ извѣстныхъ намъ памятниковъ славянской письменности, эти двѣ буквы въ концѣ словъ уже не произносились[1]. Возможно, что и при изобрѣтеніи кириллицы онѣ, служа слабыми гласными въ замкнутыхъ слогахъ, въ

[1] Такъ думаетъ Лескинъ; см. недавно напечатанное въ Лейпцигѣ сочиненіе его: *Die Vocale* ъ и ь *in den sogenannten altslovenischen Denkmälern des Kirchenslavischen.* Von A. Leskien. Leipzig 1875 (Оттискъ изъ Записокъ саксонскаго ученаго общества). Стр. 36—187.

концѣ словъ выражали, какъ и нынѣ, едва замѣтный приступъ къ твердой или мягкой гласной. Въ такомъ случаѣ можно бы конечно было, съ самаго начала, отмѣчать въ концѣ словъ особымъ знакомъ только мягкое произношеніе согласныхъ, при твердыхъ же отсутствіе знака могло служить достаточнымъ указаніемъ выговора; но постоянное употребленіе обоихъ знаковъ объясняется разными причинами: во 1-хъ, оно могло основываться на подражаніи грекамъ, которые каждую начальную гласную непремѣнно отмѣчали знакомъ либо густого, либо тонкаго придыханія; во 2-хъ, въ ту отдаленную пору писали сравнительно еще и рѣдко и мало; досугу было довольно, и грамотнымъ людямъ не входило въ голову придумывать средства для сбереженія времени. Но съ 18-го вѣка, почти съ самаго введенія гражданской печати, ученымъ людямъ стало казаться, что выдѣлывать въ концѣ множества словъ непроизносимый знакъ есть совершенно напрасная, а слѣдовательно и неразумная трата времени и труда. Съ конца прошлаго столѣтія начались уже и попытки избавиться на практикѣ отъ безполезнаго расширенія письма, и замѣчательно, что первый тому примѣръ поданъ былъ Академіей Наукъ въ лицѣ ея директора. Объ этой и дальнѣйшихъ попыткахъ ограничить употребленіе *ера* было подробнѣе сообщено уже выше[1].

Нельзя отрицать, что въ настоящее время, когда вслѣдствіе великихъ изобрѣтеній уже достигнута изумительная скорость передвиженія, а телеграфами и стенографіей скорость эта еще въ усиленной степени примѣнена къ сообщенію мысли, частое употребленіе лишней буквы на письмѣ является какъ бы анахронизмомъ; но сила привычки и традиціи такъ велика, что едва ли можно ожидать когда-либо въ общеупотребительномъ письмѣ отмѣны *ера* въ концѣ словъ. Собственно говоря, онъ необходимъ только во второмъ случаѣ его употребленія, т. е. внутри словъ послѣ предлоговъ, за которыми слѣдуетъ йотованная

---

[1] Стр. 241 и 276. См. также въ приложеніи 1.

гласная, напр. въ словахъ: *объединить, съемка, объятіе, отъпьздъ.* Напротивъ, передъ твердыми гласными никогда не надобно писать *ера*. Какъ не пишутъ: «отъучить, объуза, съумашедшій, съумасбродъ», такъ не должно равнымъ образомъ писать: «съумѣть» и «съузить» (начертанія очень обыкновенныя): всякій и такъ пойметъ, что въ словахъ *сумпть* и *сузить с* не принадлежитъ къ корню слова, чего кажется добиваются ставящіе тутъ *съ*. Излишне также разлагать звукъ *ы* на *ъ* и *и* въ предложныхъ словахъ, и писать напр. «предъидущій, возъимѣть, безъименный». Этимъ разложеніемъ хотятъ какъ будто показать, что *ы* въ такихъ случаяхъ не есть коренная гласная; но понятно, что такое недоразумѣніе невозможно. Звукъ *ы*, вообще являющійся только послѣ согласныхъ, и всегда не что иное, какъ *ъ* + *и*, но для краткости придуманъ знакъ *ы*; имъ и надобно всегда пользоваться, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ сложныхъ словахъ употребленіе его уже безспорно установилось; никто не напишетъ: «взъисканіе, съищикъ, объискъ, подъимать»; но если послѣ твердаго звука можно написать *-ыскать*, *-ымать*, то почему нельзя равнымъ образомъ писать внутри слова: *-ымпть*, *-ыменный* (*возымпть*, *безыменный*)? Между предразсудками разнаго рода бываютъ и ороографическіе. Все дѣло въ пріученіи глаза къ послѣдовательнымъ начертаніямъ. Желая обойти спорный вопросъ, нѣкоторые стали писать, напр., «безименный», но и это не годится, потому что несогласно съ выговоромъ.

Объ уменьшеніи случаевъ употребленіи *еря* не можетъ быть рѣчи. Знакъ этотъ въ концѣ словъ необходимъ для означенія выговора согласныхъ. Что касается употребленія его внутри словъ, то въ этомъ отношеніи и теперь оно довольно ограниченно: тутъ *ь* имѣетъ двоякое назначеніе: 1, также означать выговоръ или грамматич. форму напр. *колокольня, меньше, боишься, знаться*; 2, служить сокращеніемъ или замѣною гласной *е* или *і*, напр. *больной, вольный, валька́* (отъ валекъ), *импньи* (вм. имѣнія).

Внутри словъ *ь* очень часто подразумѣвается, когда мягкій выговоръ гласной безъ того обусловливается сочетаніемъ звуковъ, напр. послѣ буквы *р*, при извѣстныхъ условіяхъ: *верхъ, пер-*

вый и т. п. (см. стр. 336), также послѣ согласныхъ, за которыми непосредственно слѣдуетъ конечная согласная, отмѣченная *еремъ* или отонченная мягкой гласной, напр. слова *смерть*, *естественный*, *лѣтній*, *вѣтви* произносятся такъ, какъ если бъ было написано: «смерьть, есьтесьтвенный», но ь въ серединѣ ихъ не пишется[1].

При встрѣчѣ *с* и *т* съ *м* часто бываетъ сомнѣніе, ставить ли между ними ь. Вопросъ рѣшается закономъ о вліяніи послѣдующаго звука на предыдущій. Поэтому слѣдуетъ писать: *восьмой*, *тьма* и наоборотъ: *восми*, *тмить*, *затменіе*, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ звуки *с* и *т* умягчаются на общемъ основаніи по причинѣ слѣдующаго за ними мягкаго звука *ми*, *ме*; въ словахъ же *восьмой* и *тьма* согласные *с* и *т* безъ еря остались бы, вопреки произношенію, твердыми передъ твердыми звуками *мо* и *ма*. Ломоносовъ писалъ *писмо*; а нынче установилось начертаніе: *письмо*, согласное съ указаннымъ закономъ; въ прилагательномъ же *письменный* ь въ сущности не было бы нужно, но узаконено обычаемъ. Въ окончаніяхъ *очка*, *ечка*, *ечко* ставить, какъ нѣкоторые дѣлаютъ, ь между *ч* и *к* совершенно излишне, здѣсь и такъ ч = кь, ибо эти двусложные окончанія происходятъ отъ удвоенія суффикса.

Есть также нѣсколько случаевъ, въ которыхъ возникаетъ сомнѣніе, писать ли ъ или ь.

1) Извѣстно, что въ древности послѣ шипящихъ въ концѣ слова всегда писалось ь; но смѣшеніе въ этомъ случаѣ *ера* и *еря* началось уже очень рано. Смотрицкій предписываетъ на этотъ счетъ довольно сбивчивыя правила. Въ практическомъ отношеніи очень удобно, хотя и не основано на различіи въ звукахъ, господствующее нынѣ правило, которое предлагали еще Свѣтовъ и Сумароковъ, которое отчасти соблюдалъ уже и Ломоносовъ (*Грам.*, § 191),—т. е. въ имен. падежѣ е. ч. именъ и причастій муж. рода писать ъ, а жен. рода ь, напр. *мечъ*, *Ильичъ*, *ножъ*, *плащъ*, *блестящъ* и *печь*, *рожь*, *вещь*; въ родит. же падежѣ мн. ч. именъ женскихъ на *а* также писать ъ, напр. *тысячъ*, *тучъ*, *крышъ*. Въ частицахъ *же*, *уже* и въ предлогѣ *между*, при сокращеніи ихъ, обыкновенно пишутъ равнымъ образомъ ъ: *что жъ*, *ужъ*, *межъ*.

[1] Подробнѣе объ этомъ томъ I *Филолог. Разыск.*, стр. 325 и д.

2) Въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Род. падежъ множ. числа женскихъ именъ на *нь*, при бѣглой буквѣ *е* безъ ударенія, обыкновенно образуютъ съ окончаніемъ на *ъ*, напр. *пѣсенъ*, *басенъ*, *башенъ*, *купаленъ*, *колоколенъ* (хотя *бань*, *деревень*, *барышень*). Окончаніе *енъ* въ такихъ случаяхъ признавалъ уже и Ломоносовъ, какъ видно изъ § 165 его *Грамм.*, хотя онъ, приводя тутъ примѣры этого склоненія, и не остановился на разницѣ твердаго и мягкаго окончанія. Подобно приведеннымъ словамъ, въ родит. пад. множ. числа оканчиваются на *нъ* и слово *сажень*, принадлежащее къ другому склоненію.

Предлогъ *близъ* въ древности писался двояко, теперь же для отличія отъ существительнаго *близь* пишется съ *еромъ*, *Покамѣстъ* — пишется такъ по причинѣ состава слова (вм. «по кои мѣста»; ср. др. *потамѣстъ* и *посямѣстъ*). *Наизусть*, напротивъ, пишется съ *еремъ* по выговору и по предположенію, что тутъ съ предлогомъ *на* соединилось существительное *изусть*, образованное отъ древняго глагола *изустѣвати* (Вост.).

При образованіи прилагательныхъ отъ именъ мѣсяцевъ, кончащихся на *брь* и *нь*, буква *ь* обыкновенно сохраняется на письмѣ: *іюньскій*, *сентябрьскій* и пр., хотя по закону образованія такихъ прилаг. отъ нарицательныхъ именъ *ь* тутъ излишенъ, какъ показываютъ примѣры: *царскій*, *монастырскій*, *конскій*, *денской*.

Относительно звука *ы* замѣтимъ еще, что по закону уподобленія онъ слышится иногда въ коренныхъ слогахъ вмѣсто *и*: слѣдуетъ ли тогда и писать *ы?* Таковы напр. слова: *дыра*, *скрыпѣть*, *скрыпка*, *крынка*, *грыбъ*, *охрыпъ*.

Здѣсь надобно отличать произношеніе, узаконенное образованнымъ языкомъ, и другое, не одобряемое имъ; письмо должно сообразоваться съ первымъ. Такъ какъ никто не говоритъ: «дира», то незачѣмъ такъ и писать; напротивъ *грибъ*, *охрипъ* — единственныя формы, слышимыя въ хорошей рѣчи. Что касается словъ: *скрипѣть*, *скрипка*, то хотя въ произношеніи ихъ и преобладаетъ *ы*, однакожъ писать ихъ принято съ гласною *и*. Въ старину говорили и писали «товарыщъ», начертаніе, часто встрѣ-

чающееся въ раннихъ сочиненіяхъ Крылова, но давно исчезнувшее какъ изъ живой рѣчи, такъ и изъ письма. Вниманія заслуживаетъ сущ. форма *латынь* рядомъ съ прилаг. *латинскій*.

Вообще же, по особенному фонетическому свойству русскаго языка, *р* въ корнѣ словъ соединяется съ *ы* охотнѣе нежели съ *и*. Единственныя слова, въ началѣ которыхъ у насъ встрѣчается слогъ **ри**, суть: *ринуть* и *ристаніе*, *ристалище*, но они, собственно, принадлежатъ церковно-славянскому; первоначальной формѣ второго, глаголу *ристать*, этимологически соотвѣтствуетъ наше *рыскать*. Потому же ц.-сл. *крило* у насъ приняло форму *крыло*. Въ польскомъ также нѣтъ словъ, начинающихся съ **ri**, но есть много такихъ, которыя начинаются съ **ry** (ры) и **rzy** (ржы). Слово *рынокъ* перешло къ намъ изъ польскаго (rynek), гдѣ взято съ нѣмецкаго Ring (круглая площадь, ограда). Наши *рыдванъ* и *рыцарь*—также наслѣдіе Польши (rydwan, ricerz). Польское rysunek у насъ потеряло звукъ *ы*: *рисунокъ*.

У насъ есть еще собственное имя: *Давидъ*, которое въ народной фонетикѣ передѣлывается въ *Давыдъ* и въ этой формѣ стоитъ наравнѣ съ другими измѣненными на русскій ладъ личными именами чуждаго происхожденія, напр. *Степанъ*, *Осипъ*, *Сергѣй*, *Яковъ*. Такія формы въ глазахъ многихъ принимаютъ унизительный оттѣнокъ, такъ что какъ сами носящіе эти имена, такъ и обращающіяся къ нимъ лица, возводятъ ихъ въ *Стефановъ*, *Іосифовъ*, *Сергіевъ*, *Іакововъ* и *Давидовъ*. *Кузьма*, не довольствуясь передѣлкою въ *Козьму*, переименовываетъ себя еще и *Косьмой*. Но если сообразить, что множество другихъ именъ звучатъ одинаково въ простомъ народѣ и въ образованномъ кругу, то нельзя не притти къ заключенію, что справедливѣе было бы не отвергать русскаго склада и въ такихъ передѣланныхъ именахъ, потому что народная фонетика есть общее достояніе всей націи, и законовъ ея, по которымъ измѣняются чужеязычныя слова, нельзя считать ни для кого унизительными. Мы не видимъ, чтобы другіе народы, напр. англичане или

итальянцы, передѣлывали своихъ Giuseppe или James въ Gioseffo или Iacob. Притомъ, если изъ Якова дѣлать Іакова, то почему же останавливаться на полудорогѣ и не обращать ужъ заодно и въ окончаніи *в* въ *б?* Есть однакожъ нѣсколько именъ, которыя въ своей народной формѣ дѣйствительно остаются исключительнымъ достояніемъ низшихъ сословій, напр. *Олена* (вм. Елена), *Овдокимъ* (вм. Евдокимъ). Во взглядахъ нашихъ на формы языка нельзя отрицать значенія обычая, который иногда, хотя и подъ вліяніемъ предразсудка, оказываетъ свое господство съ неотразимой силой.

Заимствованныя слова и имена собственныя.

Источники заимствованій и звуковыя формы словъ.

Заимствованныя слова въ большемъ или меньшемъ количествѣ составляютъ принадлежность и законное пріобрѣтеніе всѣхъ языковъ. Въ сочиненіяхъ Якова Гримма мы находимъ по этому предмету много прекрасныхъ мыслей. Вотъ между прочимъ замѣчательныя слова, сказанныя имъ въ *Нѣмецкой грамматикѣ* и сочувственно повторенныя Шафарикомъ въ *Славянскихъ древностяхъ*:

«Принятіе чужихъ словъ естественно и неизбѣжно; оно не оскорбляетъ народной чести, потому что между всѣми народами происходитъ обмѣнъ предметами и словами, и такое заимствованіе, если оно остается въ надлежащихъ предѣлахъ, можетъ даже способствовать къ развитію и обогащенію роднаго языка. Но я нахожу большое различіе въ томъ, какимъ образомъ мы въ нынѣшнее время допускаемъ въ свой языкъ чужія слова. Древность поступала при этомъ гораздо простодушнѣе и свободнѣе. Нынче мы стараемся сохранять и произносить чужія реченія совершенно такъ, какъ они употребительны у того народа, отъ котораго взяты; мы боимся нарушить вѣрность чужому слову, если какъ-нибудь переиначимъ его удареніе, сократимъ въ немъ одну букву или измѣнимъ его родъ, и охотнѣе нала-

гаемъ руку на самихъ себя, всячески насилуя прирожденный намъ органъ рѣчи. Древне-нѣмецкій языкъ пользовался принадлежащимъ каждому языку правомъ приноравливать чужое слово къ своимъ звукамъ и привычкамъ»[1]. Все это можетъ быть вполнѣ примѣнено и къ русскому языку.

Русскіе, по географическому положенію своей страны, обширной равнины между Европой и Азіей, издревле пользовались легкостью обогащенія своего языка заимствованіями у всѣхъ своихъ сосѣдей — народовъ тюркскихъ, чудскихъ и арійскихъ. Такъ было въ доисторическій періодъ; такъ продолжалось дѣло и впослѣдствіи, во все время гражданской жизни этого народа: поглотивъ въ свое исполинское государственное тѣло части всѣхъ этихъ разнородныхъ элементовъ, онъ со всѣхъ ихъ собиралъ словесную дань для расширенія своего духовнаго міра и уподоблялъ ихъ своему собственному языку. Въ то же время онъ со всѣхъ концовъ Европы принималъ въ свою сокровищницу годные для него матеріалы, и такимъ образомъ почти всѣ европейскіе языки сдѣлались его вкладчиками, способствовали къ пополненію умственныхъ запасовъ русскаго народа. Очень ошибочно было бы видѣть въ этомъ униженіе для богатаго языка его; напротивъ, онъ въ правѣ гордиться тѣмъ, что на пути своего государственнаго и общественнаго развитія, не предаваясь коснѣнію и надменной исключительности, не пренебрегалъ чуждыми источниками просвѣщенія, и стремясь къ усовершенствованію, обильно черпалъ изъ тѣхъ, которые находилъ у народовъ, въ умственномъ образованіи опередившихъ его.

Древнѣйшимъ періодомъ подобныхъ заимствованій русскаго народа, на памяти исторіи, было время принятія христіанства. На порогѣ историческаго бытія, русскій языкъ, чтобы сдѣлаться

[1] J. Grimms Deutsche Grammatik, III, 557. Шафар. *Славянскія древности*, т. I, кн. II, 339. — Въ предисловіи къ Сербской грамматикѣ Караджича (стр XV) Гриммъ опять замѣчаетъ: «Основательное языкоизслѣдованіе признаетъ необходимость и естественность примѣси нѣкоторыхъ чуждыхъ стихій почти во всякомъ языкѣ. Онѣ — скрѣпляющій цементъ и пополняютъ пробѣлы, служатъ даже къ окраскѣ и гибкости выраженія».

орудіемъ удовлетворенія высшихъ духовныхъ потребностей, принялъ въ себя обильную струю новыхъ словъ, формъ и понятій изъ сокровищницы другого родственнаго нарѣчія, которое само незадолго предъ тѣмъ вынесло богатую жатву изъ соприкосновенія съ образованнѣйшимъ членомъ арійской семьи языковъ. Путемъ церкви и церковной письменности русское слово получило это плодотворное двойственное наслѣдіе, эту главную стихію своего дальнѣйшаго развитія въ общеніи съ Западомъ. «Съ греческаго языка, говоритъ Ломоносовъ, имѣемъ мы великое множество словъ русскихъ и словенскихъ, которыя для перевода книгъ сперва за нужду были приняты, а послѣ въ такое пришли обыкновеніе, что бутто бы они съ перьва въ Россійскомъ языкѣ родились»[1]. Разумѣется, что это большею частью названія видимыхъ предметовъ, напр. *церковь, налой, кутья, елей, уксусъ, известь;* но есть и слова другого значенія, какъ напр. *исполать* — εἰς πολλὰ ἔτη (въ точномъ переводѣ: на многія лѣта), *наканунѣ* — отъ слова κανοῦν (корзина)[2].

То же можно сказать о множествѣ словъ иного происхожденія, сдѣлавшихся достояніемъ русскаго народа въ незапамятныя времена его младенчества. Такія слова есть у него во всѣхъ сферахъ жизни, начиная отъ высшей правительственной и нисходя до простѣйшаго сельскаго быта, напр. *князь, царь, палата, теремъ* — *кафтанъ, сапогъ, лошадь, збруя, оглобля*[3]. Подобныя слова встрѣчаются во всякомъ языкѣ: они какъ бы усыновлены народомъ, подвергшись на новой почвѣ разнымъ звуковымъ измѣненіямъ и совершенно потерявъ свой чуждый отпечатокъ, такъ что въ народѣ исчезло сознаніе или чутье ихъ происхожденія и только наука способна отыскать ихъ источникъ. Къ этимъ-то словамъ особенно примѣнимо поэтическое замѣчаніе Я. Грим-

---

[1] Рукопись Ломоносова № 112, стр. 14.

[2] См. С. Голубинскаго *Исторія р. церкви* (стр. 441).

[3] Вотъ еще примѣры заимствованныхъ словъ: 1) готскихъ: стекло, буква, оврагъ, плясать; 2) греческихъ: икона, лента, лепта, трапеза, известка, сорокъ; 3) скандинавскихъ: гридень, фата, пенязь, витязь, костеръ.

ма: «когда чуждое слово случайно западетъ въ воды какого-нибудь языка, то оно носится по нимъ, пока не приметъ его цвѣта и, на перекоръ своей натурѣ, не станетъ похоже на туземное»[1]. Впослѣдствіи, когда распространится грамотность и усилится съ одной стороны обдуманная разработка родного языка, а съ другой знакомство съ иностранными,— является напротивъ стараніе о сохраненіи въ чужеземныхъ словахъ ихъ подлинной формы съ возможною точностью. Тогда случается, что передѣланное слово, издавна получившее право гражданства, исправляется или уступаетъ мѣсто своему двойнику, позднѣе зашедшему въ менѣе измѣненной формѣ. Такъ многія греческія слова переходили къ намъ въ двоякомъ видѣ: сперва съ *ѳ* изъ Византіи, потомъ съ буквою *т* изъ западной Европы, сперва съ *в*, потомъ съ *б*, сперва съ *и* (по рейхлин. произношенію б. η), потомъ съ *э* (по эразмовскому выговору): припомнимъ напр. *ѳеатръ* и *театръ*, *вивліоѳика* и *библіотека*, *піита* и *поэтъ*, *Омиръ* и *Гомеръ;* въ словѣ *библіотека* мы находимъ всѣ три разновидности. Такимъ же образомъ нѣмецкое имя *ярмонка*, видоизмѣненное такъ по славянской фонетикѣ, не терпящей двухъ *р* въ томъ же словѣ, должно было въ недавнее время посторониться передъ *ярмаркой*.

Изъ всего изложеннаго вытекаетъ, что заимствованныя слова, по времени ихъ появленія въ языкѣ, раздѣляются на два разряда: издавна пришлыя могутъ быть названы *усвоенными* или, еще проще, *обрусѣвшими* (Lehnwörter), а другія, новѣйшія, — *иноязычными* (Fremdwörter)[2]. Но между этими двумя главными разрядами могутъ быть еще разныя степени давности заимствованія, иногда же и разныя степени обрусѣнія независимо отъ давности; поэтому не всегда можно явственно провести границу между тѣмъ и другимъ разрядомъ, а оттуда сомнительная

---

[1] См. томъ I *Филолог. Разысканій*, стр. 212.

[2] О двоякихъ словахъ этой категоріи у нѣмцевъ см. *Die fremden Wörter in der deutschen Sprache*, Vortrag von Prof. Tobler. Basel 1872. Также *Über d. Volksetymologie*, von K. G. Andresen. Heilbronn 1876.

или двойственная форма нѣкоторыхъ словъ, вслѣдствіе чего являются и затрудненія въ начертаніяхъ. Такъ напр. обрусѣвшее слово *просвира* на письмѣ часто получаетъ болѣе правильную форму: *просфора*.

Слова перваго разряда часто носятъ рѣзкіе слѣды особенностей народной фонетики. Такъ у насъ во многихъ заимствованныхъ словахъ отразились два свойства народной славянской фонетики: 1) перестановка имѣющихся въ томъ же словѣ *р* и *л*, напр. произнесеніе *крылосъ* вм. *клиросъ*, *перелинка* вм. *пелеринка*, и 2) замѣна звукомъ *л* или *н* одного изъ двухъ *р*, напр. лыцарь, колидоръ, кульеръ, лесора, фалеторъ, бланкартъ, дилехторъ, секлетарь (вм. рыцарь, коридоръ, курьеръ, ресора, форрейторъ, бланкардъ и т. д.), антилерія, некрутъ (вм. артиллерія, рекрутъ). Особенно характеристично относящееся сюда древнее слово *пономарь*, первоначально панамонарь, потомъ пономонарь[1], отъ гр. παραμονάριος. Эта звуковая особенность до того сродна русскому простонародью, что проникла даже въ чисто-русское слово *прорубь*, произносимомъ «пролубь». Нѣкоторыя изъ искаженныхъ такимъ образомъ словъ прорвались и въ общеупотребительный и письменный языкъ; таковы: *февраль* (вм. феврарь), *тарелка* (вм. талерка), *футляръ* (вм. футралъ), *фершелъ* (вм. фельдшеръ), *Фролъ* (вм. Флоръ). Довольно распространено также въ образованномъ языкѣ имя *крылосъ* вм. клиросъ. Такимъ же образомъ, какъ съ двумя *р*, поступлено въ одномъ случаѣ съ двумя *л*, и вм. «фалбола» (falbola) говорится всѣми *фалбора*. По физіологическому сходству *р* и *л* такое смѣшеніе и чередованіе этихъ двухъ звуковъ весьма естественно; мы знаемъ, какъ легко у дѣтей *л* является вмѣсто *р*, а иногда и наоборотъ.

То же замѣчается и въ словообразованіи большей части языковъ: такъ нашему *корова* (крава) въ готскомъ соотвѣтствуетъ kalbo (теленокъ), лат. prunum — нѣм. Pflaume; лат.

---

[1] См. словарь Миклошича и нашъ Указатель ниже, въ концѣ книги. Ср. малорос. *паламарь*.

peregrinus — франц. pélerin; франц. coridor — прован. colidor; извѣстно также въ латинск. родство окончаній alis и aris. Изъ другихъ славянскихъ нарѣчій можно для сравненія припомнить: польск. lubryka (отъ rubrik), cyrulik (отъ chirurgus); луж. кламарь (отъ Krämer, торговецъ), ерманкъ (отъ Jahrmarkt)[1]. Такимъ же образомъ смѣняютъ иногда другъ друга *н* и *л*, напр. *канифоль* произнесено вм. колофонь (κολοφώνιον); или простонародное *фонталка* вм. *фонтанка*. Этимъ же, вѣроятно, надобно объяснить форму прилагат. *смертельный* вм. «смертенный»: иначе она не понятна[2].

Одною изъ причинъ фонетической передѣлки заимствованныхъ словъ бываетъ наклонность народа искать въ нихъ соотношенія съ знакомыми ему своими словами и такимъ образомъ влагать въ непонятные звуки какой-нибудь смыслъ. Въ нѣмецкомъ языкѣ Яковъ Гриммъ указалъ на большое число словъ такого образованія[3]; у насъ можно также отыскать довольно много примѣровъ подобнаго явленія. Такъ въ древнемъ словѣ *рубль* обыкновенно вовсе не подозрѣваютъ чуждаго происхожденія, тогда какъ оно, вѣроятно, первоначально занесено въ Россію съ востока, подобно большей части названій, означающихъ монетныя цѣнности (деньга, копейка, алтынъ). Сближеніе имени *рубль* съ глаголомъ *рубить* еще ничего не доказываетъ. «Рубь, говорилъ Сенковскій, есть арабское слово и значитъ четверть, но оно искони принято всѣми магометанами и вошло въ ихъ языки. Индѣйская рупія Великихъ Монголовъ происходитъ отъ него же»[4]. Замѣчательный примѣръ передѣлки иностранныхъ звуковъ на русскій ладъ представляетъ морской терминъ *рынду бей* (изъ

---

[1] Объ этихъ звуковыхъ явленіяхъ у другихъ народовъ см. Thausing, стр. 54, и Max Müller-Böttger, II, стр. 160, 161.

[2] Павскій *Филологи. Набл.* Разс. II, отд. 2, § 58.

[3] См. т. I *Филологи. Разысканій*, стр. 212.

[4] *Библ. для чт.* 1854, № 1. Критика, стр. 35. Павскій въ своихъ *Филол. Набл.* (Разс. II, § 49) сначала предполагалъ и въ словѣ *полушка* греческій корень, но во второмъ изданіи (1850) названной книги отступился отъ этого мнѣнія. Рейфъ производитъ это слово отъ турецкаго названія монеты *пулъ*.

ring the bell, т. е. звони въ колоколъ). Иностраннаго же происхожденія слово *рубка*, означающее родъ будки на палубѣ судна, хотя Даль опять сближаетъ и это имя съ гл. *рубить* («каютка, *нарубленная* сверхъ судна»); оно передѣлано изъ голл. roef, англ. roof (произн. руфъ), означающихъ именно эту постройку. Есть мнѣніе, что слово *противень* передѣлано изъ нѣм. Bratpfanne[1]. Сюда же можно отнести слова: *пушка* (нѣм. Büchse, др.-верх.-нѣм. puhsa), *миноги* (Neunaugen) и др.

Изслѣдованіе происхожденія и законовъ передѣлки заимствованныхъ русскими словъ доставило бы весьма любопытный и поучительный матеріалъ для фонетики языка, но здѣсь мы должны ограничиться только тѣми немногими частностями этого предмета, которыми онъ соприкасается съ нашей спеціальной задачей. Въ этомъ отношеніи, для сознательнаго правописанія неизлишне будетъ отмѣтить нѣкоторые пріемы усвоенія языкомъ иностранныхъ словъ, преимущественно въ отдаленное время. Само собою разумѣется, что прежде всего онъ самовластно измѣнялъ не только чуждые ему звуки, но и такія сочетанія употребляемыхъ имъ самимъ звуковъ, которыя ему неизвѣстны или

[1] См. нашъ Указатель. Вотъ еще нѣсколько словъ и формъ, которыя могутъ быть отнесены къ той же категоріи: *высокосный*, *горностай*, *прахвостъ*, *куролесить*, *василёкъ*, *близорукій* (вм. близзорокій), *сорокоустъ*, *вертенаръ* (вм. ветеринаръ), *шалопай* (chenappant), *безмѣнъ*. Извѣстны возникшія въ народѣ названія: *міродеръ* (marodeur), *лежанецъ* (дилижансъ), *обнимусъ* (омнибусъ) и прозвища: *Сидоръ Ермолаичъ* (Зюдерманландскій герцогъ, Карлъ шведскій), *Брюховъ* (Блюхеръ), *Болтай да и только* (Барклай де Толли), *Голодай* (Holiday), *Сердоболь* (отъ фин. Sorttavala), *Стеколна* (въ лѣтоп. вм. Стокгольмъ). Такъ произошли и наши фамильныя имена: *Козодавлевъ* (Kos von Balen), *Палаузовъ* (изъ «Полоусовъ»). Недавно одинъ петерб. извозчикъ, говоря о предсказаніи погоды, назвалъ астронома *остроломомъ*. Такимъ же образомъ «адвокатъ» обратился въ *облокáта*. Забавно, что въ народѣ чисто русское слово *страховать* замѣнилось болѣе понятнымъ или знаменательнымъ для него *штрафовать* (откуда *штрафовка*, страхованіе). Иногда сами образованные люди примѣняютъ народную этимологію къ словамъ неяснаго для нихъ происхожденія; такъ слову *обыденный* (однодневный) дали невѣрное значеніе, производя его отъ глагола *иду*; такъ слово италіанскаго происхожденія mezzanino сблизили съ француз. maison и составили *мезонинъ*. Такъ изъ *Сарскаго села* сдѣлалось *Царское*. Наконецъ здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о простонародныхъ словахъ: *великатный* и *художество* (въ сближеніи съ прилаг. худой).

недоступны. Вникая въ подробности этого общаго закона, мы находимъ тутъ между прочимъ слѣдующія явленія:

1) Начальное неударяемое *е* иногда и *а* измѣняется въ *о*: *Олена*, *Овдотья*, *Остафій*, *Овдокимъ*, *оладья*, *олтарь*, (вм. Елена, Евдокія, Евстафій, еладья, алтарь); неударяемое краткое а такимъ же образомъ измѣняется въ *о* и внутри слова[1]: *якорь*, *грамота* (вм. якарь, изъ др.-шв. ankari, грамата изъ γράμματα).

2) Трудно произносимая или неудобная гласная замѣняется другою: сертукъ, позументъ, Кузьма, галунъ, фрунтъ, портупея, почталіонъ, департаментъ, карантинъ, трактиръ, номеръ, ноль, сыропъ (вм. сюртукъ, позаментъ, Козьма, галонъ, фронтъ, портэпея, почтиліонъ, департементъ и т. д.).

3) Отбрасываются гласныя и согласныя въ началѣ слова (aphairesis): *Лизавета*, *Настасья*, *Сидоръ*, *Дмитрій*, *Юрій*, *Мануилъ*, *Ларіонъ*, (вм. Елисавета, Анастасья, Исидоръ, Димитрій, Георгій, Эммануилъ, Иларіонъ).

4) Между гласными вставляются призвуки, неправильно называемые у насъ придыханіями (epenthesis): *Иванъ*, *Радивонъ*, *Ларивонъ*, *Левонтій*, (вм. Іоаннъ, Родіонъ и проч.).

5) Смѣшиваются звуки *п*, *ф*, *х*, напр. *Осипъ* (Есипъ), *Степанъ* (вм. Іосифъ, Стефанъ), и наоборотъ: *панафида*, *Прокофій*, *Аграфена* (вм. панихида, Прокопій, Агриппина), *ахинея*[2], или *ф* и *в*: *Матвѣй* (вм. Матѳей).

6) Изъ двухъ сходныхъ по артикуляціи согласныхъ звуковъ одинъ замѣняется другимъ: *сертукъ* (вм. сюртутъ), *Овдотья* (вм. Евдокія). По этой же причинѣ народъ произноситъ «кіатеръ».

7) При громкой буквѣ сосѣдняя шопотная обращается въ громкую же: *брезентъ* (гол. presenning), *мундиръ* (нѣм. Monti-

---

[1] Ср. Прил. А. А. Куника къ соч. Б. А. Дорна *Каспій* въ *Зап. Ак. Н.* т. XXVI.

[2] *Ахинея* — вѣроятно такое же семинарское слово, какъ напр. катавасія, ерунда, ермолафія. Кажется, можно согласиться съ мнѣніемъ Т. И. Филиппова, что слово это произошло отъ имени города *Аѳинъ*, какъ заставляетъ думать стихъ изъ акаѳиста Божіей Матери: «Радуйся, аѳинейскія сплетенія растерзающая».

rung), *ценз́ура* (вм. цӗнсура), *Козьма* (вм. Косьма), *манжеты* (вм. маншеты), *транжирить* (отъ фр. trancher), *кондакъ* (отъ гр. κοντάκιον), *трамбовать* (отъ trampen), *графинъ* (karafine), *кардонка* (carton), *дрягиль* (träger). Наоборотъ, громкая при шопотной обращается въ шопотную же: *фельдфебель*, нѣм. Feldwebel (въ концѣ слога д = т), *оршатъ*, фр. orgeat.

8) Изгоняется носовой звукъ: *кадило*, *паникадило* (вм. кандило: нов.-гр. καντήλα, πολυκάντιλο); *плита* отъ πλίνθος.

9) Послѣ *н* вставка или, въ концѣ слова, прибавленіе *д* и *т* (по примѣру русскаго слова *ндравъ*): *зонтикъ* (отъ Sonne), *крендель* (отъ Kringel: въ дѣтскомъ и простонародномъ говорѣ слышится также: «анделъ» вм. *ангелъ*), или въ крестьянск. быту «плантъ» вм. *планъ*), *Евгентій*, *Арсентій*. Такимъ же образомъ, наоборотъ, въ имени *Кодратъ* вставлено *н*, и ему въ народѣ дана форма: *Кондратій*.

10) Неударяемое *о* послѣ *і* и шипящихъ обращается въ *е*: *Іердань*, *Іевъ*, *Іевлевинъ* (вм. Іордань, Іовъ), *шеколадъ* (вм. шоколадъ). Письмо не всегда воспроизводитъ эти два измѣненія.

11) Измѣненіе или придача окончаній, ближе къ русскому или болѣе удобному словообразованію: *коленкоръ* (вм. calicot), *галстукъ*, *фартукъ*, *антикварій*, *егерь*, *фижмы* (отъ Fischbein), *авантюристъ* (aventurier), *маляръ* (maler), *филей* (отъ filet), *паска* (вм. пасха), *гувернантка*, *табакерка*; *танецъ*, *глянецъ*, *ординарецъ* (ordonnance), простонар. *дилижанецъ*, также *дамба*, *штамба* (отъ Damm, Stamm).

12) Образованіе слова въ един. числѣ отъ иноземнаго во множественномъ: *устрицы* (стар. устерса), *рельсъ*, *Зулусъ* (отъ англ. oysters, rails, les Zoulous). Отъ rails прежде у насъ образованы были слова́: *рели*, *арели*.

13) Измѣненіемъ *с* въ *ч*: *мачта*, *почта*, *паралитъ* (отъ mast, post, παράλυσις).

Впрочемъ означӗнные здѣсь способы приноровленія иноязычныхъ словъ и именъ къ народной фонетикѣ не соблюдаются постоянно. Пріобщая чужія слова къ запасу своихъ собствен-

ныхъ, языкъ поступаетъ чрезвычайно прихотливо, то слѣдуя какъ будто опредѣленнымъ правиламъ видоизмѣненія звуковъ, то прилагая различно и произвольно свои нелегко уловимыя требованія. Отсюда возникаютъ трудности и для правописанія, стремящагося къ единообразію и послѣдовательности при изображеніи по-русски иностранныхъ словъ. Мы въ другомъ положеніи нежели тѣ германскіе, романскіе и славянскіе народы, которые употребляютъ латинское письмо: они имѣютъ возможность изображать заимствованныя слова въ ихъ подлинныхъ начертаніяхъ; затѣмъ читателю предоставляется произносить ихъ, какъ кто умѣетъ. Мы напротивъ, при совершенно своеобразной азбукѣ, большею частью лишены средствъ сохранять на письмѣ точную форму такихъ словъ и принуждены изображать ихъ по произношенію, держась сколько можно ближе иностраннаго выговора. Такая приблизительная точность нужна особенно въ начертаніи собственныхъ именъ: о нихъ мы поэтому и поговоримъ напередъ.

Правописаніе собственныхъ именъ.

Раздѣленіе заимствованныхъ словъ на два разряда, по времени ихъ перехода въ русскій языкъ, распространяется и на собственныя имена, какъ личныя, такъ и географическія. Они также, при заимствованіи ихъ въ давнія времена, подвергались разнымъ фонетическимъ измѣненіямъ, которыя разумѣется далеко не въ той степени свойственны именамъ, принимавшимся въ позднѣйшія эпохи. Самымъ сильнымъ искаженіемъ отличаются тѣ греческія и еврейскія имена, которыя, послѣ введенія христіанства въ Россію, стали при крещеніи даваться русскимъ людямъ. На нихъ всего удобнѣе изучать особенности русской фонетики. Нѣкоторыя изъ именъ, испытавшихъ на себѣ наибольшую ломку, были уже приведены выше. Они пишутся такъ, какъ произносятся, при чемъ тѣ, въ которыхъ встрѣчается звукъ ф, отвѣчающій греческой *ѳитѣ*, сохраняютъ и въ русскомъ письмѣ эту букву.

Между древними именами, перешедшими къ намъ вмѣстѣ съ христіанствомъ, особенную категорію представляютъ тѣ, которыя свое первоначальное окончаніе *лъ* въ народномъ языкѣ измѣнили на *ла: Данила*, *Гаврила*, *Кирила*, *Михайла*. Ихъ часто оканчиваютъ на *ло*, но, соображаясь съ употребительными въ просторѣчіи косвенными падежами ихъ: у *Гаврилы*, къ *Кирилѣ*, съ *Михайлой*, послѣдовательнѣе давать имъ и въ именит. падежѣ окончаніе *ла*. Подтвержденіемъ того можетъ служить народная форма другого имени, правда иначе образовавшаяся, но также оканчивающаяся на *а: Никола* (ср. Нико*линъ* день). Въ исторіи звуковъ языка Колосовъ, остановившись мимоходомъ на формѣ *Михайло*, видитъ въ ея окончаніи остатокъ гласности *ера* и полагаетъ, что «дѣйствующею здѣсь причиной является обнаруживающееся нерѣдко въ языкѣ стремленіе къ удержанію, такъ сказать, *равновѣсія* въ словахъ»; въ подобіе этому случаю ставитъ онъ русское *вѣтеръ* сравнительно съ др.-сл. *вѣтръ*[1]. На это замѣчаніе можно возразить вопросомъ: отчего же такому наращенію гласнымъ окончаніемъ подверглись бы только имена на *илъ?* Скорѣе тутъ дѣйствуетъ причина совершенно другого рода, именно аналогія формъ, имѣющая такое великое значеніе въ построеніи языковъ. Окончаніе *илъ* составляетъ въ русскомъ отличительную примѣту прошедшаго времени многочисленнаго класса глаголовъ, и никогда не служитъ къ образованію сущ. имени. Напротивъ, эта же форма съ окончаніями жен. и средн. рода получаетъ нерѣдко значеніе имени; но форма средняго рода на *ло* отличаетъ названія орудій: *мыло*, *рыло*, *сушило*, *опахало*, *покрывало*, *одѣяло;* женская же нерѣдко обращается въ имя дѣятеля: *курила*, *кутила*, *запѣвала*, *надоѣдала*. Подводя чужія формы подъ свои законы, языкъ, по примѣру подобныхъ названій, и передѣлалъ на свой ладъ непривычныя ему окончанія собственныхъ именъ на *илъ*. Правда, что и нарицательныя имена, подобныя приведеннымъ на *ла*, у насъ многими пишутся съ окончаніемъ *ло*.

---

[1] *Очеркъ исторіи звуковъ*, стр. 43.

Такъ поступилъ и Павскій[1], но склоненіе ихъ (родит. — *лы*, дат. — *лѣ* и пр.) лучше всего обнаруживаетъ прямую ихъ форму. Да они и по значенію своему совершенно подходятъ подъ имена съ женскимъ окончаніемъ, которыя вообще, какъ весьма вѣрно замѣтилъ самъ Павскій[2], носятъ въ себѣ унизительный оттѣнокъ. Окончанію уменьшительныхъ именъ для неодушевленныхъ предметовъ *ишко* (дом*ишко*, крест*ишко*, чин*ишко*) соотвѣтствуютъ для одушевленныхъ *ишка*: мальч*ишка*, вор*ишка*, плут*ишка*, которыя и склоняются какъ женскія. Женское окончаніе носятъ слова: *батька*, *батюшка* и уменьшительныя имена собственныя: *Ваня*, *Ванюшка*, *Ванька*, *Саша* и т. п. Изъ кличекъ лошадей только тѣ, у которыхъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, удержали окончаніе *ко* (гнѣд*ко*, сѣр*ко*); прочія, какъ *сивка* и *бурка*, перемѣнили его на *ка* («отъ сивки, отъ бурки, отъ вѣщей коурки»). Возвращаясь къ разсматриваемымъ мужескимъ именамъ на *ла*, добавлю, что именно вслѣдствіе презрительнаго оттѣнка, свойственнаго мужескимъ именамъ съ женскимъ окончаніемъ (кутила, долбила, неряха, повѣса, рохля, пустомеля, невѣжа)[3], имена: *Михайла*, *Кирила* и т. п., составляетъ собственно только достояніе просторѣчія и мало употребительны въ письменномъ языкѣ. На этомъ же основывается и привычка простонародья давать и нѣкоторымъ другимъ мужскимъ именамъ женское окончаніе: къ Александр*ѣ* Ивановичу, у Петр*ы* Петровича.

Другой разрядъ иностранныхъ собственныхъ именъ, принороввленныхъ къ формамъ русскаго языка, составляютъ имена древнихъ историческихъ и миѳическихъ лицъ; впрочемъ передѣлка

---

[1] *Филол. Набл.* Разс. II, § 111. Впрочемъ Павскій въ примѣчаніи самъ оговаривается и прибавляетъ: «одни говорятъ *карло*, *сивко*, *бурко*, *мѣняло*... *Михайло*; другіе: *карла*, *сивка*, *бурка*, *мѣняла*... *Михайла*». Неясно только, отчего онъ считаетъ второе окончаніе, получившее перевѣсъ въ склоненіи, неправильнымъ.

[2] Тамъ же, § 109.

[3] Такія имена, какъ *предтеча*, *вельможа*, *воевода*, *владыка*, *судья*, *витія*, очень немногочисленны и вѣроятно отличаются отъ множества унизительныхъ именъ этой формы древностію своего образованія (Пав. *Филол. Набл.* Разс. II, § 109).

ихъ ограничивается только окончаніями, да особымъ произношеніемъ нѣкоторыхъ греческихъ буквъ: Ахиллъ, Одиссей, Улиссъ, Алкивіадъ, Пиѳагоръ, Периклъ; Цицеронъ, Виргилій, Теренцій, Августъ, Плавтъ, Ювеналъ; Аспазія, Лукреція, Корнелія; Сивилла, Весталка, Муза, Харита, Гарпія.

Имена лицъ болѣе близкаго къ намъ времени мы стараемся передавать съ возможною точностью какъ въ произношеніи, такъ и на письмѣ, сообразно съ выговоромъ. Такъ мы говоримъ и пишемъ: *Шекспиръ*, *Штейнъ*, *Брумъ*, а не Шакеспеаръ (какъ нѣкогда писали у насъ), Стейнъ, Бругамъ. Но такъ какъ сходныя между собой иностранныя имена иногда болѣе или менѣе отличаются другъ отъ друга въ произношеніи или на письмѣ, то мы въ такихъ случаяхъ соблюдаемъ по возможности признаки этого различія. Поэтому совершенно правы тѣ, которые пишутъ напр. съ удвоеніемъ буквъ: *Скоттъ*, *Гриммъ*, *Шиллеръ*, *Мюллеръ* (въ отличіе отъ Мюлеръ), *Штаммъ*, *Траппъ*, *Витте*, *Энгельгардтъ*, *Гумбольдтъ*, *Оомъ*, *Цеэ*. Къ сожалѣнію, мы часто не имѣемъ средствъ къ сохраненію подлинной формы имени, напр. къ отличенію h отъ g (какъ въ приведенномъ сейчасъ имени Гумбольдта), ö отъ е (Эртель-Örtel, Эманъ-Öhman) и т. п. Есть однакожъ и нѣкоторыя условныя отступленія отъ помянутаго правила; такъ нѣм. слово mann въ составѣ собственныхъ личныхъ именъ принято писать съ однимъ *н*: *Гартманъ*, *Циммерманъ*. И въ другихъ окончаніяхъ фамильныхъ именъ удвоенная буква часто сокращается, напр. *Рашетъ*, *Лафайетъ*, *Радзивилъ*, *Рейфъ* (Rachette, La Fayette, Radzivill, Reiff).

Нѣтъ причины не склонять иностранныхъ именъ собственныхъ, когда ихъ окончаніе поддается русскому склоненію. Нынче на письмѣ и въ печати безпрестанно встрѣчаются такого рода формы: *г-ну Гартманъ* (вм. — Гартману), у *г-на Бокъ* (вм. — Бока). Но въ этомъ выражается скорѣе какая-то аффектація, нежели приноровленіе къ требованіямъ языка, который напротивъ охотно подчиняетъ себѣ иностранныя формы. Слѣдуя такой практикѣ грамотеевъ нашего времени, приходилось бы равнымъ

образомъ писать: сочиненія *Шиллеръ*, Иліада *Гомеръ*, трагедіи *Шекспиръ*. Да наконецъ, тогда не слѣдовало бы склонять и такихъ именъ, какъ *Ѳедоръ*, *Александръ*, *Петръ*, потому что въ сущности они, по происхожденію, не болѣе русскія, чѣмъ *Гартманъ*, *Бокъ* и проч.[1].

Въ старину у насъ поступали совершенно противоположно, т. е. вопреки произношенію придавали иностранному имени письменное его окончаніе именно съ цѣлію сдѣлать его удобнѣе для склоненія; такъ вошли у насъ въ обычай слѣдующія формы собственныхъ именъ: *Фальконетъ*, *Ламбертъ*, *д'Аламбертъ*, *Дидеротъ*, *Вертотъ*. Удерживать въ этой формѣ можно развѣ только два первыя изъ нихъ, которыя сдѣлались въ Россіи историческими; остальныя нынче по справедливости пишутся: *д'Аламберъ*, *Дидро́*, *Верто́*.

Сюда же относится вопросъ о склоненіи малороссійскихъ фамильныхъ именъ на *ко*. Такъ какъ окончаніе *ко* въ мужескомъ родѣ звучитъ чуждо для великоруса, то онъ до сихъ поръ все еще хорошенько не знаетъ, какъ ему поступать съ такими именами. Въ обиходной рѣчи онъ давно обратилъ и это окончаніе въ знакомое ему *ка*, съ которымъ и склоняетъ ихъ какъ имена женской формы: у *Пащенки*, къ *Марченкѣ*, съ *Шевченкой*. Но на письмѣ онъ еще до нѣкоторой степени затрудняется такъ обращаться съ ними, и потому, охраняя настоящее окончаніе ихъ на *ко* въ имен. падежѣ, въ прочихъ падежахъ старается, по большей части, вовсе не склонять ихъ. Пишутъ напр.: *Ивану Ивановичу Кованько*, отъ *г. Крамаренко*. Но избѣжать тутъ склоненія трудно въ тѣхъ случаяхъ, когда передъ именемъ нѣтъ никакого опредѣлительнаго слова, и потому, сообразуясь съ произношеніемъ именительнаго падежа, обыкновенно пишутъ

[1] Иностранныя фамильныя имена на *овъ* и *инъ* склоняются у насъ по образцу такихъ же русскихъ именъ, принадлежащихъ по своей формѣ къ разряду лично-притяжательныхъ. Говорятъ: *Базедовымъ*, *Штелинымъ*, съ *Гейтлинымъ* такъ же, какъ *Ивановымъ*, *Шульгинымъ*, съ *Головинымъ*. Конечно, это не правильно (слѣдовало бы говорить: съ *Штелиномъ* и т. п.), но здѣсь надъ правильностію беретъ верхъ законъ аналогіи.

такъ же, какъ говорятъ: отъ *Крамаренки*, съ *Пащенкой*, чрезъ *Безбородку*. Такую форму склоненія этихъ именъ можно найти у многихъ изъ нашихъ писателей, начиная съ прошлаго столѣтія, какъ напр. въ Запискахъ Державина: «послать графа *Безбородку*, перешло отъ *Безбородки*»; въ Запискахъ Энгельгардта: «*Костюшкою*»; у кн. Вяземскаго въ сочиненіи «Фонъ-Визинъ»: «съ княземъ Потемкинымъ и графомъ *Безбородкою*»; у С. Т. Аксакова въ «Семейной Хроникѣ»: «стихи *Родзянки*». Однакожъ Карамзинъ, Соловьевъ, Костомаровъ и нѣк. др. пишутъ въ род. пад.: *Бунка* (именит. Бунко), *Дорошенка*, *Коновченка*. На этомъ правильномъ склоненіи настаиваютъ особенно сами малороссіяне. Въ 1869 году Г. П. Галаганъ напечаталъ замѣтку въ этомъ смыслѣ [1], доказывая, что такія имена, будучи русскими, должны по всей Россіи склоняться такъ, какъ склоняются природными малороссіянами. Онъ жалуется, что съ недавняго времени завелся обычай какъ въ книгахъ, такъ и въ офиціальныхъ бумагахъ, оставлять такія имена безъ склоненія, какъ будто бы онѣ были иностранныя: даже въ самой Малороссіи, изъ подражанія, говоритъ онъ, стали дѣлать эту грамматическую ошибку. Нельзя не признать этой жалобы справедливою и не согласиться, что правильная форма склоненія именъ на *ко* заслуживаетъ предпочтенія. Склоненіе, искаженное по великорусской народной фонетикѣ можетъ быть допускаемо развѣ только въ просторѣчіи [2]. Склоненіе по образцу именъ муж. рода неудобно лишь въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о лицахъ женскаго пола; въ примѣненіи къ этимъ послѣднимъ фамильныя имена на *ко* должны быть оставляемы безъ склоненія, подобно многимъ другимъ собствен-

---

[1] *Русск. Арх.*, стр. 1718.

[2] Замѣчательно, что съ фамильнымъ окончаніемъ *ко* поступаютъ такъ не только великоруссы, но и нѣкоторые другіе славянскіе народы, по крайней мѣрѣ чехи, которые говорятъ напр.: u Vrt'átky (отъ Vrt'átko). Такое склоненіе именъ на *ко* внесено у нихъ даже въ грамматику. См. Грамматику Зикмунда, которая приводитъ слѣдующее склоненіе: «Jan Komedko, gen. Jana Komedky, dat. Janu Komedkovi, acc. Jana Komedku, lok. o Janu Komedkovi, inst. Janem Komedkou».

нымъ именамъ, которыя, по своимъ окончаніямъ, не подходятъ подъ флексіи русскихъ именъ, какъ напр. *Гэте*, *Коцебу*, *Дюпанлу*, *Гюго*[1].

Объ изобрѣтеніи Сенковскаго писать иностранныя имена и у насъ латинскими буквами съ присоединеніемъ къ нимъ русскаго падежнаго окончанія было уже упомянуто въ предложенномъ выше историческомъ очеркѣ[2]. Странная мысль — отъ каждаго русскаго требовать умѣнія читать на всѣхъ европейскихъ языкахъ, и уклоняться отъ необходимости выражать чужія имена русскимъ письмомъ. Конечно, они часто не могутъ быть начертаны удовлетворительно; но въ такихъ случаяхъ не лучше ли къ русскому ихъ изображенію прилагать въ скобкахъ подлинное? Русскія книги пишутся не для однихъ ученыхъ или свѣтски-образованныхъ, знакомыхъ съ произношеніемъ главныхъ европейскихъ языковъ; прочіе же читатели ничего не выиграютъ, если вмѣсто: «Брума» или «Юэллю» имъ написать: «Brougham'a», «Whewell'ю». Къ тому же, какую роль играетъ тутъ апострофъ, назначеніе котораго замѣнять опущенную букву? Основательнѣе было бы замѣнять его, по крайней мѣрѣ, черточкою.

Въ числѣ именъ *географическихъ* надобно также отличать издавна усвоенныя языку отъ вновь заимствуемыхъ. Первыя представляютъ болѣе или менѣе значительныя передѣлки формы, напр. между названіями странъ: *Европа*, гдѣ мы видимъ йотованное *е* (см. выше стр. 356), *Швеція* (гдѣ латинская форма является съ нѣмецкимъ превращеніемъ *s* въ *ш*); между названіями городовъ: *Римъ* (древнее измѣненіе *о* въ *и*), *Парижъ* (итал. Parigi), *Выборгъ* (шв. Viborg). Послѣднее имя указываетъ на то, что въ самыхъ предѣлахъ Русской имперіи есть чуждыя имена, передѣланныя въ общемъ употребленіи по національной

---

[1] По мнѣнію г. Галагана, именамъ на *о* въ примѣненіи къ женскому полу слѣдуетъ давать окончаніе *ова* и говорить напр.: г-жа Крайченкова, но съ этимъ сопряжено то неудобство, что такія имена можно принимать за женскія формы великорусскихъ фамилій на *овъ*.

[2] См. стр. 262.

фонетикѣ. Такъ слово *ландія*, входящее въ составъ названій нѣкоторыхъ странъ и сохранившее эту форму въ именахъ земель, къ Россіи не принадлежащихъ (Зеландія, Голландія, Исландія, Гренландія), — превратилось въ *ляндію* при означеніи частей русскаго царства: *Курляндія*, *Лифляндія*, *Эстляндія*, *Финляндія*. Неотонченное *л* сохранила только *Ингерманландія*, конечно потому, что у нея было свое русское имя *Ижора*, и въ чужеязычномъ не было надобности, тѣмъ болѣе что этотъ край, вскорѣ по покореніи его, получилъ другое административное названіе (*С.-Петербургская* губернія съ 1710 года). Такъ какъ нѣмецкія формы многихъ словъ издревле знакомѣе русскому слуху, чѣмъ соотвѣтствующія имъ шведскія въ словахъ того же корня, притомъ Выборгскій край, прежде другихъ частей Финляндіи присоединенный къ Россіи, впослѣдствіи былъ онѣмеченъ, то имена нѣкоторыхъ финляндскихъ мѣстностей, пріобрѣтшія извѣстность въ исторіи, перешли къ намъ не въ шведской, а въ нѣмецкой, или вѣрнѣе въ смѣшанной формѣ, напр. *Нейштадтъ*, *Нейшлотъ*, *Нотебургъ*, *Фридрихсгамъ* (а не Нюслотъ, Нюстадъ, Нётеборгъ, Фредриксгамнъ). Другія имена того же происхожденія обрусѣли еще во времена новгородскія, напр. *Кюменъ*, *Сердоболь*, *Вокша* (Kymmene, Sorttavala, Wuoksen). Изъ подходящихъ къ этому же разряду нарицательныхъ именъ финско-шведскаго міра вниманія заслуживаетъ слово *шкеры* — skär — нынѣ произносимое въ шв. языкѣ *шеръ*, но вѣроятно извѣстное русскимъ еще въ то время, когда буквы sk произносились отдѣльно, что̀ еще и до сихъ поръ продолжается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Швеціи и Финляндіи, особенно на островахъ[1].

Разумѣется, что такія передѣланныя имена, какъ *Парижъ*, *Римъ*, *Аѳины*, *Ѳивы* и т. п., не могутъ и не должны быть измѣняемы въ настоящее время. Между тѣмъ однакожъ надъ нѣкоторыми изъ подобныхъ именъ дѣлались, особенно съ 40-хъ годовъ,

---

[1] См. мою замѣтку объ именахъ нѣкоторыхъ финляндскихъ городовъ и урочищъ въ *Современникѣ* 1844 г., т. XXXIII, стр. 146.

попытки измѣненій, напр. вмѣсто *Валлисъ* стали писать *Уэлсъ* или *Вельсъ*[1], вмѣсто *Мексика*—*Мехика*. Но при послѣднемъ начертаніи не было принято въ соображеніе, что вновь пущенная въ ходъ испанская форма имени также несогласна съ его подлиннымъ произношеніемъ, въ которомъ вм. *x* слышится средній звукъ между *ж* и *ш*[2]: почему основательнѣе было бы не трогать утвердившейся издавна формы *Мексика*. Впрочемъ такія искуственныя попытки исправленій этого рода рѣдко удаются, какъ доказываетъ между прочимъ не одинъ примѣръ изданія у насъ географическихъ атласовъ съ измѣненными по особенной системѣ названіями мѣстъ древняго міра. Пестрота въ способахъ усвоенія ихъ происходила не только отъ недостатка въ русской азбукѣ соотвѣтственныхъ знаковъ, но и отъ двоякаго произношенія нѣкоторыхъ буквъ греческаго алфавита по системамъ Рейхлина и Эразма, отъ чего напр. у насъ встрѣчаются, рядомъ однѣ съ другими, формы: реторъ и риторъ, хрестоматія и христоматія, рифма и ритмъ. Особенное разнообразіе господствовало въ передачѣ густого дыханія, такъ что въ началѣ словъ облеченная имъ гласная ε выражается то чистымъ звукомъ *э*, то йотованнымъ *е* (йэ). то сочетаніемъ **ге**, напр. *Эллада* (Hellas), *экзаметръ* (hexameter), *Елена* (Helenē), *еврей* (hebrāios), *герой* (hērоs).

Здѣсь мѣсто упомянуть о новѣйшей попыткѣ преобразованія у насъ передачи греческихъ и латинскихъ именъ не только на письмѣ, но и въ произношеніи. Въ 1881 году напечатана въ Кіевѣ довольно объемистая брошюра А. А. Иванова: *О раціональной передачѣ греческихъ и латинскихъ словъ въ русской рѣчи и въ письмѣ*. Авторъ съ большой энергіей и настойчивостью возстаетъ противъ употребительныхъ нынѣ формъ и начертаній

---

[1] Можно припомнить тутъ еще форму *Гольстейнъ*, которая въ настоящее время встрѣчается вмѣсто сдѣлавшихся у насъ историческими названій: *Голштинія, голштинскій*.

[2] См. В. Гумбольдта *О различіи организмовъ человѣческаго языка*. Переводъ Билярскаго. Стр. 157.

словъ древне-классическаго міра и строитъ новую систему ихъ произношенія и письма. Въ теоріи г. Ивановъ, пожалуй, правъ, но онъ не принялъ въ расчетъ, что въ языкѣ теорія должна быть извлекаема изъ практики, создавшейся вѣками, и что тотъ, кто безусловно идетъ противъ установившагося обычая, остается одинокимъ въ своихъ нововведеніяхъ. Вотъ образчики тѣхъ странныхъ измѣненій, которыхъ требуетъ г. Ивановъ. Онъ хочетъ, чтобъ мы писали: *ѲеСе́й*, *hѵмнъ*, *hѵгіэна*, *hЕ̄сіодъ*, *hОра̄цій*, *hŌры*, *hексаметръ*, *экса́миновать*, *Ѳӧбъ*, *гѵмнасье* или *гѵмнасіе*, *семинарье*, *ъресь*, *Псѵ̄ха* (вм. Психея), *ѳесъ* (вм. тезисъ), *басъ* (вм. базисъ), *фразъ* (вм. фраза), *Ювеналъ*, *ӓсѳетика*, *эксемпларъ*. О послѣднемъ словѣ онъ впрочемъ замѣчаетъ: «было бы хорошо, да трудновато провести». Удивительно, что это самое соображеніе не остановило г. Иванова и въ прочихъ его требованіяхъ, тѣмъ болѣе, что и въ немногихъ другихъ случаяхъ онъ говоритъ: «тутъ дурной обычай слишкомъ силенъ», или: «я потому не предлагаю этого, что такая орѳографія противорѣчила бы и старой и новой нашей практикѣ». Неужели же, по мнѣнію г. Иванова, *гѵмнасье* и *семинарье* не такъ рѣзко противорѣчатъ практикѣ? Несмотря на дикость предлагаемыхъ имъ новыхъ формъ, онъ надѣется, что «исправленіе однихъ словъ неизбѣжно будетъ распространяться и на другія однородныя, которыя представляются нынѣ недотрогами. Я самъ, прибавляетъ онъ, долго затруднялся писать напримѣръ «Грѣкъ»; мнѣ казалась эта форма странною, а теперь кажется страннымъ, какъ это люди могутъ писать «Грекъ»; прекрасную женскую форму *классь* (classis) вмѣсто сугубо-неправильной, и по окончанію и по роду, «классъ» я и понынѣ не рѣшался употреблять; но часто возвращаясь къ формѣ «классь», я съ нею такъ освоился, что она уже нисколько меня не смущаетъ, а потому скоро научная объективность восторжествуетъ и здѣсь надъ субъективнымъ предразсудкомъ» (т. е. теорія надъ практикой?); «менѣе сжилась мысль моя съ формою *эксемпларъ*». Этихъ немногихъ выписокъ кажется достаточно, чтобы показать всю непримѣнимость къ дѣлу новшествъ

г. Иванова. Поэтому я и не считаю нужнымъ вступать съ нимъ въ полемику по поводу нѣкоторыхъ его выходокъ противъ моихъ *Филологическихъ Разысканій*. Особенно не нравится ему, что я, не одобряя вообще глагольнаго суффикса *ировать*, все-таки примиряюсь съ иными утвердившимися въ употребленіи глаголами этого образованія. Самъ онъ предлагаетъ вмѣсто ихъ, напр., *симпаѳизовать* или еще лучше *симпаѳовать* вм. симпатизировать, *ассимиловать* вм. ассимилировать. О вкусахъ, конечно, спорить нельзя.

Въ *Географическихъ Извѣстіяхъ* 1850 г. (вып. II) покойный оріенталистъ В. В. Григорьевъ напечаталъ статью: «О правописаніи въ дѣлѣ русской номенклатуры чужеземныхъ мѣстностей и народовъ». Авторъ справедливо жалуется на усиливавшуюся болѣе и болѣе въ тогдашней печати пестроту въ географическихъ собственныхъ именахъ, приводитъ множество любопытныхъ тому примѣровъ и въ заключеніе предлагаетъ принять слѣдующее весьма основательное правило: «писать иностранныя географическія имена какъ можно ближе къ ихъ туземному произношенію, но съ уваженіемъ къ освященнымъ уже вѣковымъ употребленіемъ русскимъ формамъ ихъ и къ законамъ языка нашего, руководствуясь: въ первомъ случаѣ — историческими памятниками отечественной словесности, въ послѣднемъ — трудами нашихъ ученыхъ языкоизслѣдователей». Замѣтимъ однакожъ, что все, столь умно и живо излагаемое въ этой статьѣ В. В. Григорьевымъ, относится собственно не къ правописанію, а къ вопросу, какія предпочитать названія: издавна ли образовавшіяся, хотя и неправильныя, или измѣненныя согласно съ подлиннымъ произношеніемъ. Если разсмотрѣть дѣло не a priori только, но и съ должнымъ вниманіемъ къ практикѣ, то окажется, что на этотъ вопросъ невозможно отвѣчать однимъ общимъ правиломъ. Напримѣръ, кто рѣшится измѣнить старинныя названія *Римъ* и *Парижъ*? а между тѣмъ нелѣпо и смѣшно было бы говорить «Стекольна» вм. *Стокгольмъ*; называть *Аграмъ* «Загребомъ» вовсе не странно, но говорить «Дрождяны» вм. *Дрезденъ*

никто не отважится. Выходитъ, что здѣсь, какъ и вообще въ дѣлѣ языка, окончательное рѣшеніе по большей части принадлежитъ *обычаю*: въ однихъ случаяхъ давнее злоупотребленіе беретъ перевѣсъ надъ новой поправкой, въ другихъ удачная новизна одолѣваетъ ошибку старины, и нечего дѣлать: кто не хочетъ казаться чудакомъ, долженъ подчиниться обычаю. Надо впрочемъ сознаться, что невѣрности, не слишкомъ укоренившіяся, довольно легко уступаютъ поправкамъ. Такъ на нашей памяти принялись, напр., формы: *Скарборо*, *Шрюзбери*, *Бенъ-Нюисъ*, *Норчёпингъ* вм. употреблявшихся прежде: «Скорборугъ, Шревсбури, Бенъ-Невисъ, Норкепингъ»; но *Кадиксъ*, *Дургамъ*, *Коннаутъ* остаются частью по своей общеизвѣстности, частью потому, что замѣнить ихъ болѣе правильными формами на русскомъ языкѣ, по особенностямъ его фонетики, трудно. Вполнѣ справедливо замѣчаніе Григорьева, что для уменьшенія разногласій въ этомъ отношеніи необходимо было бы издать географическій словарь (Ср. *Филолог. Разысканій* т. I, стр. 276).

Удвоеніе согласныхъ въ иноязычныхъ словахъ.

Въ отношеніи къ заимствованнымъ въ недавнее время словамъ соблюдается вообще правило охранять съ возможною вѣрностью ихъ подлинную звуковую форму, за исключеніемъ окончанія, измѣняемаго по законамъ нашего языка. На этомъ основывается отличіе образованнаго выговора отъ искаженнаго въ устахъ малограмотныхъ людей (которые произносятъ напр. «екзаментъ, монаментъ, арендатель, булгахтеръ» или нѣкогда произносили «фармазонъ»). Въ правильномъ изображеніи словъ этого разряда главный вопросъ касается удвоенія согласныхъ. Для разсмотрѣнія его припомнимъ то, чтó выше было объяснено (стр. 289) объ истинномъ свойствѣ выговора, означаемаго такимъ начертаніемъ: объ удвоеніи звука въ точномъ смыслѣ здѣсь не можетъ быть рѣчи; дѣло идетъ только о нѣкоторой остановкѣ голоса на согласной. Въ иностранныхъ словахъ, заимствованныхъ въ болѣе или менѣе отдаленныя времена, даже еще и въ петров-

скую эпоху, удвоеніе согласныхъ бо́льшею частью пропало. Слова *грамота*, *арестъ*, *офицеръ*, *батарея*, *атака*, *карета*, *команда*, *комендантъ*, *камергеръ*, *канцелярія* всѣми безспорно пишутся такъ, вмѣсто: «граммата, аррестъ, оффицеръ» и т. д. Но съ другой стороны, иногда и въ старинныхъ заимствованіяхъ сохраняется удвоеніе, напр. пишутъ: *коллегія*, *аттестатъ*. Между тѣмъ, на основаніи первыхъ изъ приведенныхъ примѣровъ, нѣкоторые въ наше время стали, во всѣхъ безъ исключенія заимствованныхъ словахъ, и старыхъ и новыхъ, отбрасывать двойную букву и писать: «професоръ, комисія, колегія, Прусія, Одеса», не обращая вниманія даже на мѣсто ударенія и на различіе выговора такихъ словъ. Спрашивается: справедливо ли это? Правда, подобное упрощеніе правописанія давно введено у сербовъ, отчасти оно распространилось и у чеховъ, но тамъ оно согласно съ произношеніемъ, вообще отвергающимъ удвоеніе согласныхъ; у насъ же удвоеніе этого рода не противно народной фонетикѣ, допускающей иногда и въ собственно-русскихъ словахъ не только одно, но даже два удвоенія, напр. *без-закон-ный*, *под-дан-ный*. Этому свойству языка явно противорѣчатъ такія урѣзанныя начертанія, какъ напр. *комисія*, несогласныя ни съ произношеніемъ, ни съ производствомъ подлинныхъ словъ, которыя мы, по нашему знакомству съ иностранными языками, не лишены возможности воспроизводить точнѣе. При отступленіи отъ настоящей формы слова, оно становится трудно-узнаваемымъ, особливо ежели есть однозвучное другого значенія, какъ напр. *металъ* (глаг.), *колосъ*, *класъ* (колосъ), *балъ*, отъ которыхъ не безполезно отличать на письмѣ близкія къ нимъ по звукамъ: *металлъ*, *колоссъ*, *классъ*, *баллъ* (цыфровая отмѣтка). Удвоеніе звука особенно явственно слышится послѣ гласной съ удареніемъ: итакъ въ этомъ случаѣ по преимуществу оно должно быть соблюдаемо и на письмѣ, напр. въ такихъ словахъ, какъ: *ма́нна*, *су́мма*, *коло́нна*, *тру́ппа*, *телегра́мма*, *пре́сса*, *ми́ссія*, *се́ссія*, а потому и въ соединеніи съ представками какъ эти имена, такъ и составныя части подобныхъ имъ не могутъ терять своего удвое-

нія; слѣд. надо писать: *комиссія*, *комиссаръ*, *колоннада*, *грамматика* (отъ missio, colonna, γράμμα).

Писать «коммисія» (форма, въ которой это слово долго держалось въ нашемъ правописаніи, да и теперь еще держится, особенно въ канцелярскомъ письмѣ)—не вполнѣ основательно потому, что это начертаніе противно выговору. То же должно сказать и объ ороографіи *ком-мис-сія*. По примѣру множества заимствованныхъ словъ, въ которыхъ представка теряетъ свою конечную согласную при встрѣчѣ съ тою же буквой (комендантъ, командиръ, рекомендовать, афиша, офицеръ), позволительно писать: *комиссія*, чтó совершенно точно передаетъ произношеніе. Такое же сокращеніе почти всею Европою допущено въ словѣ *комитетъ*, взятомъ съ франц. *comité*, которое въ свою очередь передѣлано изъ англ. *committee* (отъ глаг. to commit, поручать, довѣрять).

Вообще два удвоенія въ заимствованномъ словѣ излишни потому, что одно изъ нихъ непремѣнно скрадывается въ выговорѣ: на письмѣ должно быть исключаемо то, которое менѣе слышится; на этомъ основаніи справедливо писать, наприм. *апеляція*. Сокращеніе двойной буквы въ сочетаніи слова съ представкою тѣмъ болѣе позволительно, что въ самыхъ языкахъ, откуда мы почерпаемъ свои заимствованія, удвоеніе не всегда бываетъ безспорно. Дидó, авторъ сочиненія о французскомъ правописаніи, на которое я уже выше ссылался, говоритъ между прочимъ: «Двойныя буквы не всегда входили въ ороографическую систему нашего языка; онѣ вообще составляютъ подражаніе грамматическимъ пріемамъ классической латыни, которой вліяніе начинаетъ развиваться съ 15-го столѣтія». По этому Дидó совѣтуетъ и во французскомъ языкѣ ограничить употребленіе двойныхъ согласныхъ, напр. писать: *corespondant* (по примѣру coreligionnaire), также *honeur*, *dictionaire*. Въ то же время однакожъ онъ полагаетъ сохранить, по произношенію, начертанія: *correcteur*, *terreur*, *horreur* и т. п.[1].

[1] A. F. Didot. *Observations sur l'orthographie*. Стр. 56. Исключеніемъ двойныхъ буквъ во Франціи отличался особенно грамматикъ Buffier: см. тамъ же стр. 259.

Изъ всего до сихъ поръ сказаннаго можно вывести заключеніе, что въ словахъ, заимствованныхъ въ позднѣйшее время, нѣтъ основанія безусловно исключать всѣ двойныя буквы, но употребленіе ихъ можетъ быть нѣсколько ограничено, когда оно не вызывается правильнымъ произношеніемъ. Гдѣ удвоеніе издавна исчезло, тамъ нѣтъ надобности возстановлять его, между прочимъ и на концѣ словъ, напр. въ именахъ: *адресъ*, *интересъ*, *протоколъ*, *партеръ*, *камергеръ*. Но когда удвоеніе слышно въ косвенныхъ падежахъ, то оно должно быть соблюдаемо и въ именительномъ: *конгрессъ*, *процессъ*; наоборотъ, когда оно въ окончаніи женскихъ именъ находится въ прямой формѣ слова, то не можетъ быть исключаемо и въ родит. множественнаго; слѣдов. должно писать: *программъ*, *суммъ*, *колоннъ*, *труппъ*, *группъ*. *Группа* во франц. языкѣ пишется, правда, groupe (муж. р.), но у насъ оно взято съ нѣмецк. die Gruppe; по итал. также: gruppo, groppo.

Не отвергая двойныхъ согласныхъ въ словахъ, гдѣ онѣ нужны, надобно однакожъ избѣгать употребленія ихъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ въ языкѣ, откуда заимствовано слово. Въ нѣкоторыхъ латинскихъ и греческихъ именахъ у насъ нерѣдко являются на письмѣ лишнія буквы, какъ и другія невѣрности; слѣдуетъ писать безъ удвоенія буквъ: *привилегія*, *Иліада*, *Иларіонъ*, *драма*, *литература*, *проблема*, *катавасія*, *карикатура*, а не *привиллегія* и т. д. Кстати замѣтимъ также ошибочное начертаніе «экзаменаторъ» вм. *экзаминаторъ*: это слово образовано не отъ имени *экзаменъ*, а отъ глагола examinare и перешло къ намъ уже готовое.

Другой общій вопросъ при русской транскрипціи иностранныхъ словъ касается способа изображенія гласныхъ звуковъ, особенно *а* и *о* послѣ *і*.

ІА или ІЯ?

Въ концѣ слова *а* послѣ *і* всегда обращается въ *я*, напр. *Азія*, *матерія;* въ серединѣ же слова у насъ пишутъ то *а*, то

я, напр. *азіатскій* и *-ятскій*, *матеріалъ* и *-ялъ*, *италіанскій* и *-янскій*. Чтобы внести нѣкоторую норму въ такія начертанія, Гречъ принялъ за правило: писать *я* въ тѣхъ случаяхъ, когда эта буква уже есть въ окончаніи заимствованнаго существительнаго имени, въ противномъ случаѣ *а*, напр. *матеріяльный* отъ *матерія*, и *специальный* (такъ какъ нѣтъ сущ. специя); но это правило потому неудобно, что такимъ образомъ приходится по случайной причинѣ писать различно одни и тѣ же суффиксы.

Гораздо проще согласиться писать *я* только въ концѣ словъ, въ серединѣ же употреблять букву *а*; это представляется тѣмъ удобнѣе, что и теперь въ рѣдкихъ только случаяхъ пишутъ *я*, именно въ словахъ: *италіянскій*, *азіятскій*, *персіянинъ*. Если и въ этихъ словахъ замѣнить *я* буквою *а*, то изъ предлагаемаго правила не будетъ исключеній, кромѣ развѣ слова: *россіянинъ*, которое однакожъ въ сущности не составляетъ исключенія, потому что рѣчь идетъ только о заимствованныхъ словахъ, а это — наше собственное, правильно оканчивающееся на *янинъ*, какъ другія имена того же образованія, напр. *дворянинъ*, *кіевлянинъ* и проч. При этомъ, относительно нашихъ прилагательныхъ иностраннаго происхожденія, обратимъ вниманіе на ту особенность, что лишь немногія изъ нихъ составлены по законамъ нашего словообразованія отъ самыхъ существительныхъ именъ, обращающихся въ русскомъ языкѣ: большею частію они передѣланы изъ соотвѣтствующихъ имъ прилагательныхъ же иностранныхъ. Такъ отъ *Англія*, *Германія*, *Испанія* мы имѣемъ прилагательныя русскаго образованія: *англійскій*, *германскій*, *испанскій*, но отъ *Европа* не европскій, а *европейскій*, отъ *Азія* — *азіатскій*, отъ *Америка*, *Италія* — *американскій*, *италіанскій*; т. е. западно-европейскія прилагательныя: europaeus, asiaticus, americanus, italiano перешли къ намъ вмѣстѣ съ своими суффиксами. То же видимъ въ прилагательныхъ: *матеріальный*, *епархіальный*. По изложенному выше правилу, слѣдуетъ писать единообразно: *матеріалъ*, *империалъ*, *матеріальный*, *епархіальный*, *специальный*, *офиціальный*, а также: *фоліантъ*, *варіантъ*, *про-*

25*

віантъ, *форте-піано*, *сіамскій*, *ліаносъ*, *діагностика*, *ліардъ*, *ересіархъ*. Замѣтимъ однакожъ, что въ нѣкоторыхъ изъ подобныхъ словъ *і* можетъ иногда, смотря по удобству или въ случаѣ надобности (наприм. для стиха), сокращаться въ ь; тогда, разумѣется, и *а* по необходимости переходитъ въ *я*. Въ словахъ, уже издавна сроднившихся съ русск. языкомъ, напр. *дьякъ*, *дьячокъ*, всегда пишутъ ь (б. ч. и въ *дьяконъ*), подобно тому какъ принято писать: *Васильевичъ*, *Григорьевичъ* вм. *Василіевичъ*, *Григоріевичъ*; *судья*, а не *судія*. При французскомъ такъ называемомъ l mouillé (см. выше стр. 23) неудобно обращать *а* въ *іа*: согласнѣе съ натурой подлиннаго звука изображать его посредствомъ *льа*: напр. billard—*бильярдъ*, brillant—*брильянтъ*. Другое дѣло слово *milliard*, въ которомъ послѣ l mouillé слѣдуетъ *і*, почему оно по-русски и должно писаться: *милліардъ;* впрочемъ и тутъ позволительно сокращеніе: *мильярдъ*.

IO, ЙО, ЬЁ, или ЬО?

Еще труднѣе вопросъ, какъ означать въ иностранныхъ словахъ звукъ **йо**, для котораго мы въ своей азбукѣ имѣемъ только букву *ё*, вовсе не удобную для изображенія въ нихъ йотованнаго *о*. Объ этомъ уже говорено выше, на стр. 176. Здѣсь прибавлю еще нѣсколько замѣчаній.

Сказанное затрудненіе всего чаще встрѣчается, когда *о* во французскихъ словахъ стоитъ послѣ l mouillé или gn. Проще всего въ такихъ случаяхъ писать по-русски *лі*, *ні*: *баталіонъ*, *медаліонъ*, *папиліотка*, *компаніонъ* (какъ *милліонъ*, million). Могутъ возразить, что въ первыхъ четырехъ словахъ одному франц. слогу соотвѣтствуютъ у насъ два, но здѣсь *і* въ произношеніи по необходимости сокращается въ *й;* притомъ то же самое допускается въ другихъ случаяхъ, напр. пишутъ *кампанія* для передачи *campagne* (равно какъ и *компанія* для передачи *compagnie*). На этомъ основаніи можно писать и *Авиніонъ*, тѣмъ болѣе что по-латыни этотъ городъ называется *Avenio*. Карамзинъ употреблялъ начертанія: *батальйонъ*, *почтальйонъ*; но та-

кая орѳографія неудобна тѣмъ, что она для сокращенія звука прибѣгаетъ къ удлинненію письма. Гораздо проще довольно употребительныя нынче начертанія: *батальонъ*, *мильонъ*, которыя можно допустить, если принять, что *о* въ подобныхъ случаяхъ произносится съ йотаціей такъ же какъ гласная *и* выговаривается иногда въ началѣ слова и послѣ *ь* (ихъ, имъ, ручьи).

Буква *ё*, означающая русское измѣненіе звука *е*, допускается только въ такихъ словахъ, какъ *курьёзный*, *серьёзный*, по той причинѣ, что въ нихъ она соотвѣтствуетъ фр. слогу eux, нѣм. *ö*; впрочемъ и тутъ правильнѣе писать *куріозный*, *серіозный*, (итал. curioso, serioso). Довольно употребительныя нынѣ начертанія *майоръ*, *Байонна* конечно точнѣе прежнихъ *маіоръ*, *Баіонна* и заслуживаютъ предпочтенія, хотя мы не во всѣхъ случаяхъ держимся этого способа изображенія звука *j* передъ гласной и пишемъ напр.: *Іена*, *Іосифъ* и т. п.[1].

ЙЕ, IЭ, IУ.

Начертаніе **йэ** въ большей части случаевъ такъ же безполезно, какъ и **йа**, потому что вполнѣ замѣняется буквою *е*, которой въ сущности и было бы достаточно въ началѣ словъ для передачи иностраннаго звука **je**, напр. въ словахъ: *іезуитъ*, *Іеменъ*. Между тѣмъ въ этихъ словахъ пишется **іе**, такъ же какъ въ слѣдующихъ, гдѣ звуку *е* дѣйствительно должно предшествовать **і** (хотя и не чистое): *іерей*, *іероглифъ*, *Іерусалимъ*, *Іеронимъ*. Въ первомъ случаѣ прибавленіе **і** произошло отъ того, что буква *е* одна въ старину часто употреблялась какъ для чистаго звука ε, такъ и для греческаго ἑ (съ густымъ дыханіемъ = he), напр. писали и до сихъ поръ пишутъ: *Елена* (Helena), *еврей* (hebraeus). На исправленіе этихъ начертаній теперь уже нельзя на-

[1] *Майоръ* началъ писать еще Карамзинъ (*Вѣст. Евр.* 1803, № 14, «Рыцарь нашего вр.»). Онъ же писалъ: *Монтескьйо*, *йонга* (*Моск. Журн.* VII, 65, 93) и *Овернъйскій*, *гильйотинада* (*В. Е.* 1802 и 1803, № 11, стр. 185). По примѣру Карамзина, и Мартыновъ писалъ: *Монтаньй* (*Сѣв. Вѣст.* II, 7). Очевидно, что употребленіе **й** въ концѣ или въ серединѣ слога безъ гласной буквы не выдерживаетъ критики.

дѣяться. Когда і составляетъ отдѣльный слогъ передъ иностраннымъ *е*, то мы пишемъ **іэ**, напр. *діэта*, *піэтистъ*, въ противномъ случаѣ **ье**: *пьеса*, *пьедесталъ*, *Пьерро*, *курьеръ*, *Кордильеры*, чтó очевидно вѣрнѣе чѣмъ *піеса* или *піэса* и проч. Диграфъ **йэ** можно употреблять развѣ только въ собственныхъ именахъ, чтобы дать слову форму болѣе близкую къ его иностранному начертанію, напр. въ шведскомъ фамильномъ имени *Йэрне* (Hjärne). Написавъ *Ерне*, мы бы рисковали, что многіе стали бы неправильно произносить «Эрне».

Что касается звука **іу**, то въ именахъ, перешедшихъ къ намъ путемъ церковной письменности, онъ не сокращается въ *ю*, а изображается обѣими буквами: *Іуда*, *Іудея*, иногда съ излишнею йотаціей второй изъ нихъ: *іюнь*, *іюль*, тогда какъ мірскія личныя имена, соотвѣтствующія этимъ названіямъ, пишутся: *Юдинъ*, *Юній*, *Юлій*. Въ серединѣ слова звукъ **іу** передается правильнымъ начертаніемъ: *тіунъ*, *Фріуль*, *Міусъ*, *радіусъ*.

Здѣсь кстати упомянуть о флексивной формѣ косвенныхъ падежей географическихъ именъ, оканчивающихся на *уа*: *Генуа*, *Капуа*. Очевидно, что въ род. падежѣ слѣдуетъ писать: *Генуи*, *Капуи*, а не Гену-ы, Капу-ы, въ дат. *Гену*-ѣ, *Капу*-ѣ; сообразно съ этимъ винит. падежъ получитъ форму: *Гену*-ю, *Капу*-ю, творит. *Гену*-ей, *Капу*-ей, изъ чего выходитъ, что согласнѣе съ русской фонетикой было бы писать и въ именит. падежѣ: *Генуя*, *Капуя* (какъ нарицат. *статуя*).

Одни изъ звуковъ, встрѣчающихся въ заимствованныхъ словахъ, принадлежатъ всѣмъ западно-европейскимъ языкамъ, другіе свойственны только тому или другому отдѣльному языку. Къ числу первыхъ относится средній, неизвѣстный въ нашей фонетикѣ *l*, который потому и передается у насъ различно, т. е. то твердымъ звукомъ (лъ), то мягкимъ (ль). Въ русской рѣчи и грамотѣ намъ попадаются, напр., то *канделябръ*, *Людвигъ*, то *канделабръ*, *Лудвигъ*: остается слѣдовать преобладающему обы-

чаю. Изъ чужихъ словъ, имѣющихъ этотъ звукъ, одни перешли къ намъ сходно съ первою, другіе — со второю формой. Напримѣръ, съ одной стороны у насъ ходятъ слова: *астролябія*, *школяръ*, *популярный*, *полярный*; *канцелярія*, *аппеляція*; *лютеранинъ*, *плюсъ*, *полюсъ*, *Люциферъ*, *салютовать*, *иллюминація*, *флюсъ*; съ другой стороны: *Николай*, *фистула*, *салатъ*, *шеколадъ*, *классъ*, *планисфера*; *луна*, *лупа*, *блуза*, *клубъ*, *Лузитанія*, *Луиза*.

О различной формѣ, въ какой къ намъ перешло германское слово *land*, было уже говорено выше (стр. 336). Въ началѣ словъ вообще гораздо употребительнѣе слогъ **ла**: *лабораторія*, *лампасы*, *латынь*, *латунь*, *лама*, *лампа*, *лакъ*, *ландшафтъ*, *лакрица*, *Лара*, *Лаго-Маджоре*; напротивъ, слогъ **лу** вм. лю въ заимствованныхъ словахъ довольно рѣдокъ. Что же касается буквы *о* послѣ *л*, то она почти никогда не передѣлывается въ *ё*, и *л* передъ нею произносится твердо, напр. *логариѳмъ*, *лозунгъ*, *лотерея*, *ломбардъ*, *локомотивъ*, *флотъ*. Рѣдкій случай въ словѣ *флёръ* (нѣм. Flor).

Такъ же точно буква *l* и въ концѣ слога или слова переходитъ къ намъ двояко, — съ звукомъ то твердымъ, то мягкимъ: *Периклъ*, *Алкивіадъ*, *Карлъ*, *перлъ*, *каналъ*, *балъ*, *стулъ*, *палтусъ*, *галстукъ*, *кристаллъ*, *металлъ* и — *сталь*, *вальсъ*, *мольбертъ*, (Malbret), *Вольтеръ*, *Вальтеръ*, *Даль*, *хрусталь*, *Бельведеръ*, *шаль*, *дуэль*. Нѣкоторыя слова употребительны въ двоякой формѣ, напр. *Белгія* и *Бельгія*; второе удобнѣе для произношенія и потому предпочтительно. Особенную аномалію въ этомъ отношеніи представляютъ сущ. *алфавитъ* и прилаг. *алфавитный*, установившіяся въ этой формѣ вопреки названію буквы *альфа*. Французское l mouillé въ концѣ слова обыкновенно переходитъ въ *ль*, напр. *эмаль*, *портфель*, *Бретель*, точно такъ же какъ окончаніе *gne* въ *нь*: *Шампань*, *Монтань*, *Бретань*, *Де-Линь* и проч.

Французскій носовой звукъ *in*, *ain*, напр. въ *Saint*, *Villemain*, принято выражать буквами *енъ*: *Сенъ*, *Вильменъ*, или *енъ*: *bulletin*, *Rollin*, *Gobelin*—*бюллетень*, *Ролленъ*, *гобеленевы* (обои); какъ ни

далеки эти начертанія отъ настоящаго выговора, они лучше другихъ (напр. *янз* или *янь*), и могутъ быть удержаны, какъ наиболѣе установившіяся.

Слоги *ant*, *ent* изображаются то ближе къ французскому выговору, то согласно съ ихъ начертаніемъ, напр. *ресторанъ*, *интриганъ*, и — *негоціантъ*, *презентъ*. Двойная форма, въ какой у насъ ходятъ многія французскія слова съ носовымъ звукомъ, происходитъ отъ того, что нѣкоторыя изъ нихъ проникли къ намъ не прямо изъ французскаго языка, а отъ другихъ народовъ, которые сами ихъ заимствовали. Въ орѳографіи *сантиментальный* непослѣдовательность: первый носовый звукъ *en* переданъ тутъ черезъ **ан**, а второй черезъ **ен**; болѣе основанія писать: *сентиментальный*. Тотъ же носовой звукъ, изображаемый по-французски буквою m передъ *b* и *p*, обыкновенно и у насъ передается съ помощію буквы *м*: *д'Аламберъ*, *амбра*, *каламбуръ*. Чужеязычный законъ сочетанія звуковъ *м* и *б* оказалъ воздѣйствіе и на русскія имена: старинныя формы *анбаръ*, *Синбирскъ*, *Танбовъ* уступили въ позднѣйшее время мѣсто измѣненнымъ: *амбаръ*, *Симбирскъ*, *Тамбовъ* (какъ и Виртембергъ).

Фр. дифтонгъ **oi** передается по произношенію посредствомъ *уа*, напр. *туалетъ*, *амплуа*, *тротуаръ*, *вуаль*, *эксплуатація*, *Пуатье*, *Блуа*, *Лувуа*, а передъ двоегласною *я* черезъ одно *о*: *рояль*. Слово *гобой* хотя и происходитъ отъ франц. *hautbois*, но перешло къ намъ чрезъ посредство итальянскаго *oboe*.

Въ словахъ, взятыхъ съ англійскаго, разногласіе правописанія замѣтно особенно въ способѣ изображенія двугласной w и неопредѣленной гласной (u) въ замкнутомъ слогѣ.

Въ старину у насъ писали не иначе какъ: *Вальтеръ*, *Виндзоръ*, *Вильямъ*, *Вордсвортъ*; около 1840-хъ годовъ многіе стали писать: *Уальтеръ*, *Уиндзоръ*, *Уильямъ*, *Уордсуортъ*. Справедливо, что звукъ *у* въ этихъ дифтонгахъ ближе чѣмъ *в* подходитъ къ англійскому двугласному w, но прежнее правописаніе все-таки предпочтительно по слѣдующимъ причинамъ: 1) обращеніе *у* въ *в* въ дифтонгахъ свойственно русскому языку, какъ видно изъ ста-

ринныхъ формъ заимствованныхъ именъ: *Аврора*, *августъ*, *евангеліе*, *Европа*, *январь* и изъ собственно-русскаго слова *завтра*; 2) начертаніе *у* не можетъ быть выдержано, напр. передъ тою же гласною *у*; такъ слóва Woolwich никто не напишетъ *Ууличъ* вм. *Вуличъ*; всѣ пишутъ также: *вагонъ*, а не *уагонъ*, *Дарвинъ*, а не *Даруинъ*; 3) имена *Виндзоръ*, *Вальтеръ Скоттъ*, *Вашингтонъ* и др. пріобрѣли уже издавна право гражданства въ русскомъ языкѣ.

Англійскій звукъ, изображаемый чрезъ th, у насъ переходитъ въ *т*: *Темза* (Thames), *Томасъ* (Thomas), *Теккерей* (Thackeray); были попытки употреблять въ этомъ случаѣ *ѳиту* (см. выше стр. 262) или *с*, напр. писать *Каскартъ* (Cathcart), но онѣ не заслуживаютъ одобренія, потому что противны исторіи.

Для передачи u, i или e въ замкнутомъ слогѣ англійскихъ словъ, напр. Burns, Butt, Murray, sir, Derby, мы не имѣемъ даже приблизительно подходящей буквы, и потому пишемъ различно: *Борнсъ*, *Бёрнсъ*, *Ботъ*, *Батъ*, *Муррей*, *серъ*, *Дерби*, *Дарби*.

Этотъ звукъ нѣсколько похожъ на краткій нѣмецкій ö (франц. eu), который также не поддается нашему письму. Какъ уже было замѣчено, для изображенія его у насъ прибѣгаютъ обыкновенно къ ё: *Шлёцеръ*, *Тёпферъ*, *Сентъ-Бёвъ*, но эта транскрипція можетъ болѣе служить указаніемъ на иностранную орѳографію, чѣмъ средствомъ къ передачѣ выговора, ибо если написать просто *е*, то едва ли оно по звуку своему не ближе къ ö и eu, чѣмъ наше *ё*, произнесенное чистымъ русскимъ способомъ, при которомъ, правда, умягчается предыдущая согласная, но гласная звучитъ совершенно какъ *о*: *Шл'оцеръ*, *Т'опферъ*. Потому ничѣмъ не хуже писать просто: *Шлецеръ*, *Тепферъ*, какъ мы и поступаемъ наприм., въ окончаніи *инженеръ*, произнося *е* обыкновеннымъ образомъ. Для большей же точности можно въ такихъ случаяхъ употреблять недавно появившуюся въ московской печати букву *ӭ*, которая означаетъ измѣненіе нейотованнаго *э* съ такимъ же правомъ, какъ *ё* — измѣненіе йотованнаго *е*. Особенно пригодна она для изображенія звука *ö* въ началѣ слова: *Ӭленшлегеръ*, *Ӭженъ*.

Но издавна установившіяся начертанія: *Эдинъ*, *экономія* должны конечно оставаться безъ измѣненія.

Означать способы транскрипціи всѣхъ многообразныхъ звуковъ западно-европейскихъ языковъ повело бы насъ слишкомъ далеко. Коснемся еще только немногихъ начертаній, часто передаваемыхъ невѣрно въ нашемъ письмѣ. Это, во-1-хъ, италіанскія *sc* и *g* передъ тонкою гласной (e, i) и во 2-хъ, скандинавскія *st* и *sk* передъ *j* (йотомъ).

Италіанское *crescendo* часто произносятъ и пишутъ у насъ «крещчендо» вм. правильнаго *крешендо*. Равнымъ образомъ названіе города *Brescia* должно читать *Брешіа*, а не «Бресчіа». Вообще же слоги *scia*, *gia* и т. п. должны произноситься не *шіа*, *джіа*, а просто *ша*, *джа*: здѣсь *i* въ италіанскомъ письмѣ вставляется только для означенія выговора c и g. Такъ *lasciare*, *Giacomo*, *Maggiore* читаются (по крайней мѣрѣ большею частію): *лашаре*, *Джакомо*, *Маджоре*.

Шведскія фамильныя имена Oxenstjerna, Nordenskiöld и т. п. читаются: *Оксеншерна*, *Норденшёльдъ*. По-датски, напротивъ, въ начертаніи skiøld буквы s и k сохраняютъ каждая свой отдѣльный звукъ. Голландское sche = *схе*, oe = *у*. Слѣдовательно не Шевенингенъ, а *Скевенинген* (Scheveningen), не Боэргавъ, а *Бурıавъ* (Boerhaave).

Окончанія заимствованныхъ словъ.

Для правильнаго начертанія чужеземныхъ словъ важно умѣть отдавать себѣ отчетъ, ка́къ я̀зыкъ, принимая ихъ, распоряжается съ ихъ окончаніями. Изъ другихъ языковъ мы заимствуемъ, за немногими исключеніями, только 3 части рѣчи: имена существительныя, прилагательныя (съ производными нарѣчіями) и глаголы.

Такъ какъ существительныя часто переходятъ къ намъ чрезъ посредство образованныхъ напередъ прилагательныхъ, то мы и начнемъ съ послѣднихъ. Прилагательныя заимствуются не иначе, какъ съ помощію русскихъ суффиксовъ. Такими для этой цѣли служатъ у насъ: *ный* (иногда *енный*), *скій*, *ическій* и *ичный*.

Первое приставляется очень разнообразно то прямо къ иностранному прилагательному, то къ заимствованному существ. или корню (въ обоихъ случаяхъ за обнаженіемъ имени отъ флексивнаго окончанія), напр.

а) къ прилаг.: *идеаль-ный*, *спиритуоз-ный*, *наив-ный*, *деликат-ный*, *гуман-ный*, *солид-ный*, *компетент-ный*.

б) къ сущ. или его основѣ: *мод-ный*, *интерес-ный*, *литер-ный*, *рельеф-ный*, *фабрич-ный*; *форм-енный*, *казарм-енный*; *докторскій*, *медицин-скій*, *коллеж-скій*.

Окончаніе *ическій* обыкновенно переводитъ къ намъ иностранныя прилагательныя на *icus* (франц. ique, нѣм. isch): *критическій*, *физическій*; иногда, для сокращенія формы и для удобства образованія краткаго прилагательнаго, употребляется въ томъ же значеніи суффиксъ *ичный*: *поэтичный*, *логичный*, т. е. къ французскому окончанію *ique* прилагается нашъ обычный суффиксъ *ный*, при чемъ предшествующій звукъ *к* (que) превращается въ *ч*. Случается впрочемъ, что мы прибѣгаемъ и къ другимъ окончаніямъ при образованіи прилагательныхъ изъ иностранныхъ сущ., напр. *фальш-ивый* (отъ нѣм. falsch), *іод-истый*, *платин-овый*, *роз-овый*.

При заимствованіи существительныхъ, составляющихъ, по весьма понятной причинѣ, самый большой процентъ иностранныхъ словъ въ языкѣ, употребляются три главные способа:

1) Если окончаніе слова въ другомъ языкѣ не противно нашей фонетикѣ и законамъ нашего словообразованія, то имя принимается къ намъ цѣликомъ, иногда съ легкою только отмѣною въ конечномъ звукѣ, необходимою для опредѣленія ему грамматическаго рода (т. е. муж., жен. или средн.), напр. *докторъ*, *генералъ*, *стулъ*, *этажъ*, *кабинетъ*, *университетъ*; *сплинъ*, *грумъ*; *грубьянъ*; *спектакль*, *вексель*; *мода*, *дама*, *актриса*, *директриса*, *логика*, *партія*, *армія*; *пальто*, *трюмо*.

При этомъ твердость или мягкость конечнаго согласнаго звука зависитъ отъ удобства произношенія или другихъ требованій нашего языка; но такъ какъ наши природныя имена на *ь* могутъ

быть либо муж., либо жен. рода, а иногда и обоихъ, то нѣкоторыя чужія имена, переходящія къ намъ съ этимъ окончаніемъ, употребляются въ двоякомъ родѣ. Лучшимъ примѣромъ такой неопредѣленности служитъ слово *псалтырь*; въ народной рѣчи оно однакожъ чаще обращается съ флексіею муж. рода (*псалтыря́*, въ *псалтырѣ́*), что́ согласно и съ его происхожденіемъ (греч. ψαλτήρ), и съ употребленіемъ въ цсл. языкѣ[1]. По примѣру нашихъ словъ: *постель*, *колыбель*, *свирѣль* и др., заимствованныя имена на *ель* у насъ обыкновенно ходятъ въ женскомъ родѣ, несмотря на свой первоначальный родъ, напр. *дуэль*, *картель*, *портфель*, *капитель*, *карусель*, *мебель*, *модель*. *Картофель* внутри Россіи также употребляется по большей части въ женск. родѣ.

Уже изъ нѣкоторыхъ здѣсь приведенныхъ примѣровъ видно, что родъ заимствованнаго имени иногда въ русскомъ языкѣ бываетъ не тотъ, какой оно имѣетъ въ природномъ языкѣ; но есть и множество другихъ очень употребительныхъ словъ, въ которыхъ обнаруживается эта разница; таковы между прочимъ имена: *классъ*, *методъ*, *періодъ*. Слѣдовательно такое различіе рода не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ къ тому, чтобы признавать заимствованное слово неправильнымъ или незаконнымъ.

Слово *зала* слышится у насъ и съ окончаніями муж. и ср. рода: *залъ*, *зало*. Въ жен. родѣ оно однакожъ употребительнѣе.

2) Если окончаніе иностраннаго слова звучитъ нѣсколько чуждо для нашего слуха или оказывается слишкомъ длиннымъ, то мы его видоизмѣняемъ или сокращаемъ; такъ образовались слова:

---

[1] Примѣрами русскихъ нарицательныхъ именъ, обращающихся то въ муж., то въ жен. родѣ, могутъ служить: *рысь* и *мышь*. Мнѣ не разъ случалось слышать въ муж. родѣ и то и другое, особенно послѣднее, когда оно употреблялось въ собирательномъ смыслѣ. Разсказывая напр. о томъ, что мыши испортили много яблонь, крестьяне говорятъ: «Такой мышь пошелъ» (Ряз. губ. Данк. уѣзда). Подобную двоякость рода представляетъ также слово *степень*, которое въ старину постоянно ходило въ муж. родѣ, а нынче почти исключительно ходитъ въ женскомъ. (Впрочемъ въ духовномъ сословіи оно еще и теперь нерѣдко слышится въ мужескомъ родѣ; такъ большею частію оно употреблено напр. въ *Словахъ и рѣчахъ Филарета*). *Сажень* въ народномъ языкѣ также обыкновенно муж. р.

монастырь[1] (μοναστήριον), *келья* (нов.-гр. κελλεῖον), *карнизъ* (нѣм. Karniesz), *сервизъ* (фр. service), *эскизъ* (фр. esquisse). При этомъ извѣстные иноязычные суффиксы у насъ передѣлываются всегда или почти всегда однимъ и тѣмъ же способомъ; такъ греч. ος, ον, латинск. us, um часто отбрасываются: *академикъ*, *типъ*, *талантъ*, *элементъ*, *фактъ*; ius у насъ измѣняется въ *ій* или сокращается въ *ь*, напр. secretarius—*секретарь*, cellarius—*келарь*, julius—*іюль*, antiquarius — *антикварій*, Virgilius — *Виргилій*. Такимъ же образомъ нѣм. окончанія ier, ierer, ör (франц. eur) у насъ превращаются то въ *еръ*, то въ *иръ*, *ира*, или передаются двояко: *офицеръ*, *банкиръ*, *кассиръ*, *квартира* (въ народѣ чаще *квартера*). Иногда вм. одного иностр. суффикса употребляемъ другой иностранный же, но удобнѣйшій; такъ изъ фр. aventurier мы сдѣлали *авантюристъ*. Иногда ед. ч. передѣлываемъ во множ.: *фортепіаны* (слышится вм. —*но*), строить *куры* (faire la cour).

Лат. о муж. р. (съ темою on) переходитъ къ намъ съ согласною своей основы: *Цицеронъ*, *Сципіонъ*.

tio, sio, франц. tion, sion обращается въ *ція*, *сія* (зія): *нація*, *функція*, *претензія*; иногда же сохраняетъ и гласную своей темы: ср. *пенсія* и *пансіонъ*.

ium въ *ія*, collegium — *коллегія*, gymnasium — *гимназія*, consistorium — *консисторія*, seminarium — *семинарія*.

aeum, eum въ *ей*: musaeum — *музей*, coliseum — *колизей*, tropaeum — *трофей* (сходно съ франц. trophée).

Нѣкоторыя греческія и латинскія имена заимствованы впрочемъ вмѣстѣ съ ихъ окончаніями, напр. *хаосъ*, *лексиконъ*, *библія* (собственно средн. родъ множ. ч. βιβλία), *альбомъ* (съ фр. album), *градусъ*, *корпусъ*, *архиваріусъ*, *нотаріусъ*[2].

---

[1] Слогъ *ырь* служитъ по большей части для перевода къ намъ иностранныхъ именъ, какъ видоизмѣненіе ихъ природнаго суффикса, напр. *монастырь*, *пластырь*, *псалтырь*, *богатырь*, *козырь*, однакожъ является и производственнымъ окончаніемъ въ собственно-русскихъ словахъ: *пустырь*, *пузырь*.

[2] Хотя окончаніе *іусъ* въ нѣкоторыхъ взятыхъ съ латинскаго словахъ и непріятно звучитъ, но едва ли можно надѣяться измѣнить ихъ на подобіе словъ: *пономарь*, *келарь*, *секретарь*, *аптекарь* или хоть *антикварій*. Сообщаю

3) Наконецъ, для дальнѣйшихъ второобразныхъ словосоставленій служатъ и при иностранныхъ именахъ употребительныя въ русскомъ языкѣ производственныя окончанія, и именно, для означенія отвлеченныхъ понятій, суффиксы *ство* и *ость*, напр. *мастерство*, *шпіон-ство*, *крейсер-ство*, *резонер-ство*, *фразер-ство*; *спеціаль*н-ость; *солидар*н-ость; *логич*н-ость; *эксцентрич*н-ость.

Помощію суффикса *ство* образовано также, съ отступленіемъ отъ общей нормы, сущ. *адмиралтейство*. (Собственно должно бы было образоваться «адмиралитетъ» по образцу *университетъ* и т. п.).

в) Для переведенія въ русскую форму многихъ иностранныхъ названій женскаго (а иногда и муж.) рода, означающихъ не слишкомъ крупные предметы, или и лица по отношенію къ ихъ званію, происхожденію или не особенно уважительнымъ свойствамъ, служитъ очень часто имѣющій въ языкѣ такое обширное приложеніе суффиксъ **ка**: *табакерка*, *этажерка*, *папильотка*, *картонка*, *шифоньерка*, *папироска*, *кушетка*, *салфетка*, *спичка*, *шпилька*; *гувернантка*, *компаніонка*, *пепиньерка*, *кокетка*, *кокотка*, *акушерка*, *модистка*, *шведка*, *блондинка*, *брюнетка*. Въ новѣйшее время вошли въ употребленіе названія: *педагогичка*, *курсистка*; изъ нихъ особенно первое не можетъ быть признано удачнымъ, тѣмъ болѣе что въ муж. родѣ нельзя образовать «педагогикъ».

здѣсь замѣтку, доставленную мнѣ по поводу этихъ словъ А. А. Куникомъ: «Сколько мнѣ извѣстно, византійское ἀσηκρῆτις никогда не переводилось, а только передавалось транскрипціей. Но слово *секретарь* я нахожу уже въ 17-мъ столѣтіи; именно оно встрѣчается въ Записи 1609 года, которою Шуйскій уступилъ городъ Корѣлу (*Акты ист. Археогр. коммиссіи*, П, № 272). Этотъ документъ отысканъ въ сборникѣ изъ разныхъ тетрадей, писанныхъ разными почерками XVI и XVII вѣка. Въ заглавіи акта отмѣчено: «Такова Государева грамота о Корѣлѣ дана на Москвѣ королевскому *секретарю* Монсу Мартынову 118 ноября въ 22 день». Понятно, почему Тредьяковскій уже въ 1734 и 1735 годахъ, называлъ себя *секретаремъ* («отъ секретаря Академіи Наукъ»). Однакожъ я помню, что въ петровскихъ бумагахъ мнѣ встрѣчалось *секретаріусъ*. *Нотарь* не разъ читается въ словарѣ Миклошича, и въ древ.-серб. та же форма, напр. нотар бнетачки (венеціанскій). Въ польск. notariusz».

Къ образованію женскихъ именъ иностраннаго происхожденія изрѣдка служитъ также суффиксъ *ица*: *царица*, *императрица*, *мастерица*, *фельдшерица* (какъ львица, пророчица).

Нѣкоторыя имена, образованныя отъ иностранныхъ на et и ette, принимаютъ двоякую форму, напр. *браслетъ* и *браслетка*.

Для означенія женъ такихъ лицъ, которыхъ должности или званія носятъ иностранныя имена, служитъ окончаніе *ша*: *профессорша*, *генеральша*, *докторша*.

Мужскіе суффиксы, безъ уменьшительнаго оттѣнка, какъ напр. въ словѣ *шнурокъ*, встрѣчаются въ заимствованныхъ иностранныхъ именахъ весьма рѣдко.

Всѣ суффиксы природнаго языка при иностранныхъ именахъ очень облегчаютъ обращеніе этихъ послѣднихъ на чуждой имъ почвѣ. Затруднительно напротивъ употребленіе именъ, которыя по окончаніямъ своимъ не прививаются къ языку; почему онъ или оставляетъ ихъ безъ склоненія, или даетъ имъ не соотвѣтствующія прямой формѣ падежныя окончанія. Сюда относятся особенно имена средняго рода на *о* и *е*, какъ то: *депо*, *бюро*, *пальто*, *трюмо*, *кофе*, *алоэ*, *канапе*, *портъ-моне*, *пресъ-папье*. У насъ, правда, не мало своихъ именъ, оканчивающихся на *о* и *е*, но мы чувствуемъ, что въ подобныхъ иноземныхъ словахъ *о* имѣетъ совсѣмъ другое значеніе и не составляетъ примѣты рода и склоненія. Поэтому самое обычное изъ этихъ именъ *кофе* не безъ основанія передѣлывается (напр. у Пушкина) въ *кофей* или *кофій* и такимъ образомъ становится гибкимъ для склоненія.

По этой же причинѣ чувствуется неловкость и происходитъ неправильность при употребленіи въ великорусскомъ языкѣ малороссійскихъ фамильныхъ именъ на *ко*, о которыхъ уже было говорено выше.

Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о глаголахъ, заимствованныхъ изъ другихъ языковъ. Они большею частью французскаго происхожденія, но переходятъ къ намъ чрезъ посредство нѣмецкой передѣлки окончанія er въ iren (или ieren), которое у насъ измѣняется въ *ировать*. Послѣдняя часть этого дву-

членнаго окончанія — *овать*, *евать* служитъ вообще къ образованію глаголовъ изъ сущ. именъ *вѣр овать*, *дн-евать*. Въ старину иностранные глаголы передѣлывались при помощи одного этого окончанія: *арестовать*, *атаковать*, *командовать*, *танцовать*, *экзаменовать*; но при позднѣйшихъ заимствованіяхъ слогъ **ир** сдѣлался обычнымъ, если не всегдашнимъ спутникомъ русскаго суффикса: *абонировать*, *гравировать*, *вальсировать*, *маршировать*, *бомбардировать*, *экипировать*. Замѣтимъ, что удареніе на послѣднемъ слогѣ двучленнаго окончанія *ировать* есть признакъ болѣе давняго образованія слова и бóльшаго его слиянія съ русскимъ языкомъ, тогда какъ удареніе на **ир** даетъ слову иностранную окраску: *игнорировать*, *контролировать*, *импровизировать*, *эксплуатировать*, *йотировать*.

Впрочемъ и въ новѣйшее время нѣкоторые иностранные глаголы переходятъ къ намъ безъ помощи слога **ир**, по крайней мѣрѣ многіе стараются ихъ вводить въ этой простѣйшей формѣ, употребляя напр. *формуловать* вм. *формулировать*, *цитовать* вм. *цитировать*. Такія попытки конечно заслуживаютъ одобренія, но не всегда бываютъ удачны.

Нѣкоторые глаголы этого рода образуются невѣрно и должны быть исправляемы, напр. *цензировать* (отъ нѣм. censiren) лучше нежели *цензуровать* (отъ цензура); *крейсеровать* (отъ сущ. крейсеръ) правильнѣе нежели *крейсировать*, форма, которая не могла произойти отъ голл. kruissen. *Классифировать* (отъ фр. classifier) лучше — потому что короче — нежели *классифицировать* (отъ нѣм. klassificiren).

Нѣкоторые иностранные глаголы перешли къ намъ съ обоими окончаніями, но въ двоякомъ значеніи: такъ глл. *командовать* и *командировáть* имѣютъ каждый свой особенный смыслъ.

Есть однакожъ глаголы, которые образованы отъ иностранныхъ именъ только прибавленіемъ къ основѣ ихъ окончанія *ить*, напр. *штукатурить*, *франтить*, *плоить* (голл. plooijen отъ франц. ployer), *каламбурить*, *французить*.

Велико число иностранныхъ словъ, обращающихся въ рус-

ской рѣчи. Мы видѣли, что они весьма различнаго свойства и достоинства, связь ихъ съ языкомъ въ различной степени крѣпка и прочна. Въ запасѣ почерпаемыхъ имъ извнѣ элементовъ происходитъ безпрерывное движеніе; одни изъ заимствованныхъ словъ навсегда вошли въ плоть и кровь языка и едва еще носятъ на себѣ слабый слѣдъ своего происхожденія; другіе, отживъ свое время, по минованіи надобности сдаются въ архивъ; третьи принимаются какъ бы на смѣну выбывшихъ. У насъ давно уже слышатся жалобы на излишнее гостепріимство наше къ иностраннымъ словамъ, какъ и къ иностраннымъ людямъ. Въ послѣднія два десятилѣтія наши усилившіяся связи съ западною Европой и новыя заимствованія оттуда въ области гражданскаго и юридическаго быта повлекли за собою новый наплывъ чужеземныхъ словъ. Русскіе, при политической самостоятельности своей страны, не ставятъ національную гордость въ чистотѣ своего языка, рѣзко отличаясь этимъ отъ своихъ, подвластныхъ инымъ народамъ, единоплеменниковъ. Но само собою разумѣется, что какъ ни позволительна терпимость въ этомъ отношеніи, однакожъ необходима извѣстная умѣренность и разборчивость въ заимствованіи чужихъ словъ. Къ сожалѣнію, у насъ ходятъ и такія, безъ которыхъ легко было бы обойтись, тѣмъ болѣе, что иныя изъ нихъ выражаютъ не какой-либо опредѣленный предметъ, а только утонченный оттѣнокъ мысли по иноземному ея складу. Таково, напримѣръ, недавно введенное слово *шансы*, значеніе котораго не многіе изъ употребляющихъ его сумѣютъ объяснить, и которое однакожъ въ большомъ ходу. Мы имѣли недавно случай, въ одной изъ внутреннихъ губерній, слышать отъ молодого помѣщика такую фразу: «Безъ рыску нѣтъ шансовъ на авантажъ». Но всего страннѣе, что во всѣхъ классахъ народа, если исключить сельскихъ жителей, распространилось по всей Россіи французское слово для выраженія благодарности. Покойный Даль мечталъ объ обогащеніи литературнаго языка неизвѣстными образованному кругу словами изъ народнаго быта. Но какъ онъ ошибался, видно изъ того, что наше прекрасное чисто-русское

спасибо (спаси Богъ!) считается годнымъ только въ разговорѣ съ простонародьемъ и прислугою. Оно недостойно чести выражать благодарность людямъ высшаго круга. Замѣчательно, что ни одинъ славянскій народъ не имѣетъ своего собственнаго слова для выраженія этого чувства. Поляки, чехи, лужичи, галичане *декуютъ* (danken) на разные лады, сербы *захваливаютъ*[1], русскіе и сербы иллирійскіе *благодарятъ*, *благодарствуютъ*—неуклюжее и непонятное народу подражаніе греческому εὐχαριστεῖν; потому это слово рѣдко и слышится въ Россіи вопреки Буасту, который въ одномъ изъ изданій своего словаря помѣстилъ слово «Bladasti» съ поясненіемъ: «Terme de remercîment usité en Russie». Теперь оказывается, что въ русскій словарь придется занести съ этимъ самымъ поясненіемъ, французское «мерси».

Употребленіе большихъ, или такъ называемыхъ прописныхъ буквъ.

Было время, когда у насъ всякое иностранное существительное имя отличали на письмѣ большою буквой. Карамзинъ писалъ: *Авторъ*, *Литтература*. Такъ же писались, еще долѣе, имена званій, должностей, учрежденій, наукъ, титулы, независимо отъ происхожденія словъ, напр. *Генералъ*, *Профессоръ*, *Предсѣдатель*, *Департаментъ*, *Землеописаніе*. Но вскорѣ послѣ Карамзина старая привычка стала измѣняться. Вотъ что говорилъ Сенковскій въ 1835 году: «Смѣшно было бы привязывать (sic) важность грамматической правильности въ употребленіи малыхъ или большихъ буквъ въ извѣстныхъ словахъ: никто, кромѣ общаго обыкновенія и ясности смысла, не имѣетъ права предписывать въ этомъ случаѣ законовъ, подъ карою взысканія за педантство.... Во всѣхъ хорошихъ типографіяхъ, французскихъ, англійскихъ, итальянскихъ, испанскихъ, голландскихъ, словомъ, гдѣ только пекутся о красивости изданій, признано коренною системою, что ничто такъ не пестритъ, не обезображиваетъ, не мараетъ печати,

[1] Захвальивати, зафальивати, захвалити — danken, gratias agere (Словарь Караджича).

какъ множество прописныхъ буквъ; что чѣмъ меньше такихъ буквъ на страницѣ, тѣмъ печать ровнѣе, чище и пріятнѣе для глазъ. Поэтому умные литераторы стали писать маленькія буквы вездѣ, кромѣ собственныхъ именъ и двухъ родовъ словъ — Богъ, Спаситель, Дѣва и проч., и Государь, Императоръ, Король и проч., разумѣя подъ первыми истиннаго христіанскаго Бога, истиннаго Спасителя, и т. д., а подъ вторыми собственнаго своего Государя, Императора, Короля, Герцога, для различія его отъ постороннихъ владѣтельныхъ лицъ, которыхъ приличнѣе писать тоже маленькими буквами — король, государь, императоръ, герцогъ, и т. д.»[1].

Мы вполнѣ согласны съ Сенковскимъ, что относительно употребленія большихъ буквъ установить совершенно точныя правила невозможно; за правилами все-таки еще многое останется рѣшать такту и здравому смыслу. Оттого въ этомъ отношеніи и господствуетъ у насъ такое разногласіе. Слишкомъ пестрить письмо большими буквами конечно не годится, но съ другой стороны и слишкомъ тщательно избѣгать ихъ нѣтъ основанія: большія буквы во многихъ случаяхъ доставляютъ ту практическую пользу, что при бѣгломъ чтеніи или при пересмотрѣ прочитаннаго даютъ глазу точки опоры, облегчаютъ ему отысканіе нужнаго. Кромѣ того онѣ помогаютъ узнавать такія собственныя имена, которыя, по своей малоизвѣстности, могутъ возбудить недоумѣніе, напр. напишите: *кокату* или *кинканупъ*, — никто не догадается, что это названія двухъ племенъ, обитающихъ въ Австраліи. Прописное *К* укажетъ по крайней мѣрѣ, что это — имена собственныя. Нельзя сказать, чтобы англійская или, еще болѣе, нѣмецкая печать, изобилующія большими буквами, много теряли отъ этого въ изяществѣ. Держась частью логическихъ основаній, частью общепризнаннаго обычая, мы принимаемъ за правило, что съ большой буквы пишутся:

---

[1] Собраніе соч. Сенковскаго, т. IX, стр. 366.

1. Первое слово строки, начинающей новый отдѣлъ текста, или первое слово послѣ точки.

2. Первое слово чужой рѣчи, приводимой послѣ двоеточія между кавычками.

3. Каждое слово, начинающее стихъ.

4. Имена трехъ Лицъ Божества и высшихъ существъ, составляющихъ предметъ религіознаго почитанія христіанъ: *Богъ*, *Господь*, *Творецъ*, *Всевышній*, *Спаситель*, *Богородица*, *Святый Духъ*, *Св. Троица* и т. п.; также слова: *Провидѣніе*, *Промыслъ*, *Небо*, *Церковь* въ духовномъ смыслѣ.

Не требуютъ большой буквы названія цѣлыхъ разрядовъ или видовъ существъ, признаваемыхъ Церковію: *ангелъ*, *херувимъ*, *серафимъ*; тѣмъ болѣе подходятъ подъ это правило языческія названія: *нимфа*, *дріада*, *наяда*, *муза*, *парка*, *гарпія*, *гора*; *альфъ*, *норна*, *валкирія*; *русалка*, *вила* и т. п.

5. Титла царствующаго въ Россіи Дома: *Государь Императоръ*, *Наслѣдникъ Цесаревичъ*, *Ихъ Императорскія Величества*.

Съ большой же буквы пишутся мѣстоименія, замѣняющія имена, означенныя въ пунктахъ 4-мъ и 5-мъ: *Ты*, *Твой*, *Онъ*, *Его*, *Себя* и проч.

6. Собственныя личныя имена, а также составляющія съ ними одно прозваніе придаточныя титла или нарицательныя имена, равно прилагательныя и числительныя: Іоаннъ *Креститель*, Юліанъ *Отступникъ*, Иванъ *Калита*, Иванъ *Грозный*, Петръ *Великій*, Екатерина *Вторая* и пр.

Всякія другія титла и наименованія званій, должностей и чиновъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ, пишутся съ малой буквы: *патріархъ*, *пророкъ*, *апостолъ*, *евангелистъ*, *митрополитъ*, *архіерей*; *консулъ*, *преторъ*, *сатрапъ*; *канцлеръ*, *министръ*, *генералъ-губернаторъ*; *князь*, *графъ*, *баронъ*; *камергеръ*, *гофмаршалъ*; *академикъ*, *профессоръ*; *генералъ*, *полковникъ*, *тайный совѣтникъ*.

Въ *письменныхъ* сношеніяхъ слова́, употребляемыя для титулованія, какъ-то: *Его Высокоблагородію*, *Ваше Превосходитель-*

ство, *Ваше Сіятельство*, также слова: *Милостивый Государь* и даже просто *Господинъ* пишутся съ большой буквы, равно какъ и мѣстоименія 2-го лица множ. ч.: *Вы*, *Вашъ*.

7. Собственныя географическія имена, означающія государства, страны, области, селенія, горы, моря, озера, рѣки, каналы, также названія улицъ, зданій, мостовъ: *Россія*, *Бессарабія*, *Нижній Новгородъ*, *Мураевня*, *Пріютино*, *Морская*, *Мойка*, гора *Благодать*, *Тихое море*, *Байкалъ*, *Волга*; *Адмиралтейство* (какъ зданіе), *Синій мостъ*.

Когда названіе состоитъ изъ прилагательнаго и существительнаго, то различаются два случая: а) если существительное означаетъ видъ, къ которому принадлежитъ предметъ, то съ большой буквы пишется только прилагательное: *Бѣлое море*, *Тверская губернія*, *Троицкій соборъ*, *Ладожское озеро*, *Черная рѣчка*, *Зимній дворецъ*, *Лѣтній садъ*, *Чернышевъ переулокъ*, *Красный мостъ*; б) если существительное не означаетъ вида, подъ который подходитъ именуемый предметъ, то и оно пишется съ большой буквы: городъ *Царское Село*, *Великія Луки*, село *Черная Грязь*.

Когда прилагательное состоитъ изъ двухъ словъ, то оба пишутся съ большой буквы: *Александро-Невская Лавра*, *Киргизъ-Кайсацкая степь*, *Кіево-Печерскій монастырь*.

Названія странъ свѣта: *сѣверъ*, *востокъ* и т. д. пишутся съ большой буквы только тогда, когда подъ ними разумѣются земли или народы, коихъ географическое положеніе означается этими именами.

Имена племенъ, народовъ, населеній, имена исповѣданій или ученій и послѣдователей ихъ, также названія орденовъ, полковъ, учебныхъ заведеній и лицъ, именуемыхъ по полкамъ или заведеніямъ, къ которымъ они принадлежатъ, пишутся въ обоихъ числахъ съ малой буквы: *славянинъ*, *славяне*, *чехи*, *поляки*, *нѣмцы*, *москвичи*, *европейцы*; *христіане*, *христіанство*, *католики*, *православные*, *лютеране*; *исламъ*, *сунниты*; *буддизмъ*; *неоплатоники*; *классическая гимназія*; *кадетскій корпусъ*; *студентъ*, *ли-*

цеистъ, правовѣдъ, кадетъ; измайловскій полкъ; преображенецъ, гусаръ, уланъ, владимірскій крестъ, аннинская лента, александровскій кавалеръ.

8. Названія высшихъ государственныхъ и ученыхъ учрежденій, также различныхъ обществъ. Если названіе состоитъ изъ двухъ или нѣсколькихъ словъ, то большою буквою можетъ быть отмѣчаемо или только первое, или же и второе слово, смотря по тому, считать ли его въ этомъ случаѣ за собственное, или за нарицательное имя: *Правительствующій Сенатъ, Святѣйшій Синодъ, Государственный Совѣтъ, Государственный Контроль, Академія Наукъ, Императорская Публичная библіотека, Московскій университетъ, Русское Историческое общество, Техническое общество, Общество для пособія нуждающимся литераторамъ, Министерство иностранныхъ дѣлъ.*

9. Нѣкоторыя названія праздниковъ, недѣль и дней, имѣющихъ особенное церковное значеніе: *Рождество Христово, Пасха, Благовѣщеніе, Великій постъ, Страстная, Свѣтлая недѣля, Великій четвергъ, Преполовеніе.*

Но имена мѣсяцевъ и дней недѣли, а также народныя названія праздниковъ и разныхъ эпохъ года, пишутся съ малой буквы: *святки, масленица, мясоѣдъ, семикъ, каникулы.*

Съ малой же буквы пишутся названія историческихъ событій и эпохъ: *реформація, бироновщина, пугачевщина.*

10. Заглавія книгъ, періодическихъ изданій, статей, стихотвореній: *Дѣянія Святыхъ Апостоловъ, Исторія Государства Россійскаго, Московскій Вѣстникъ, Новое Время.* Иногда съ большой буквы пишется только первое слово заглавія, напр.: *Капитанская дочка.*

Но названія книгъ, приводимыя не въ видѣ ихъ заглавій, а для означенія содержанія ихъ, не пишутся съ большой буквы: *календарь, святцы, священное писаніе, евангеліе, грамматика.*

11. Названія кораблей и другихъ судовъ: *Держава, Орелъ, Слава Россіи, Проворный.*

12. Прилагательныя притяжательныя, образованныя отъ лич-

ныхъ именъ посредствомъ окончаній *овъ* и *инъ*: *Петрово* время, *Гомерова* эпопея, *Екатерининъ* вѣкъ.

Прилагательныя относительныя на *скій* и *кій*, образованныя какъ отъ личныхъ именъ, такъ и отъ именъ народовъ и мѣстностей, тогда только пишутся съ большой буквы, когда входятъ въ составъ названій и могутъ почитаться собственными именами, напр. *Тульская губернія*, *Французская академія*, *Русское Историческое общество*. Во всѣхъ другихъ случаяхъ такія прилагательныя пишутся съ малой буквы: *ломоносовскій слогъ*, *шведская нація*, *португальскій языкъ*, *тамбовскій губернаторъ*, *тульскій самоваръ*, *вяземскій пряникъ*; *нѣмецкій театръ*, *донецкій уголь*.

О слитномъ письмѣ составныхъ реченій.

Одинъ изъ вопросовъ, производящихъ наиболѣе пестроты и путаницы въ нашемъ правописаніи, состоитъ въ томъ, когда писать слитно и когда врозь такія два или иногда и три слова, которыя вмѣстѣ составляютъ одно понятіе и могутъ быть разсматриваемы какъ цѣльная часть рѣчи, т. е. какъ нарѣчіе, предлогъ или союзъ, напр. пишутъ слитно слова: *впослѣдствіи*, *вслѣдствіе*, *взамѣнъ*; *оттого*.

Вопросъ этотъ особенно важенъ по своему значенію для лексикографіи, ибо слова, слитно пишущіяся, должны занимать въ словарѣ отдѣльныя мѣста въ азбучномъ порядкѣ, а обременять словарь безъ надобности множествомъ лишнихъ словъ, не только неразумно въ научномъ смыслѣ, но и неудобно на практикѣ. Другое соображеніе противъ слишкомъ усиленнаго обычая сливать два слова въ одно заключается въ томъ, что это можетъ вредить ясности рѣчи и давать поводъ къ двусмыслію, напр. начертаніе *наряду* легко можетъ быть принято за дат. падежъ сущ. *нарядъ*.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что писать слитно многія слова въ подобныхъ случаяхъ совершенно законно и правильно: мы видимъ это обыкновеніе во всѣхъ языкахъ; но съ другой стороны чрезвычайно легко переступить въ немъ надлежащія границы. Въ на-

шей орѳографіи давно уже замѣчается такая наклонность, и потому не безполезно будетъ заняться обстоятельнымъ разсмотрѣніемъ относящихся сюда явленій.

Начнемъ съ мнѣнія, которое выразилъ по этому предмету Ломоносовъ. «Нѣкоторые», говоритъ онъ въ § 125 своей Грамматики, «неправильно соединяютъ предлоги раздѣльные съ именами, которыя съ ними знаменованіемъ походятъ на нарѣчія: *Ввечеру*, *нанизу*, вмѣсто *въ вечеру*, *на низу*: ибо *вечеръ* и *низъ* суть существительныя, съ предлогами сочиненныя въ пристойныхъ падежахъ и въ надлежащемъ знаменованіи. Дѣйствительно претворяются имена съ предлогами въ нарѣчія, и съ ними слитно поставлены быть должны, 1) когда предлогъ стои́тъ не съ пристойнымъ падежемъ, напримѣръ: *Вдругъ*, ибо никакой другой предлогъ съ именительнымъ падежемъ не сочиняется. 2) Когда отъ надлежащаго знаменованія въ сложеніи отходитъ, напр. *вмѣстѣ*: ибо здѣсь разумѣется *купно*; и такъ писать должно: *Жить вмѣстѣ съ братомъ*. *Жить въ мѣстѣ многолюдномъ*. 3) Ежели предлогъ стои́тъ передъ именемъ, въ другихъ случаяхъ неупотребительнымъ: *Вдоль, вкось*».

Въ этихъ замѣчаніяхъ Ломоносова мы прежде всего должны отмѣтить одну невѣрность: въ составѣ нарѣчія *вдругъ* онъ видитъ им. падежъ сущ. *другъ*, и на этомъ ложномъ основаніи строитъ правило. Кромѣ того мы видимъ, что нѣкоторыя сліянія, которыхъ не допускалъ Ломоносовъ, послѣ него давно уже вошли во всеобщее употребленіе; нынче всѣ, или почти всѣ пишутъ: *ввечеру*, *внизу*. Конечно, предлагаемыя имъ два послѣднія правила еще и теперь оказываются справедливыми; но сверхъ того есть еще и много другихъ случаевъ, когда вошло въ обычай слитно писать слова, образующія вмѣстѣ какъ бы одну часть рѣчи. Опредѣлить такіе случаи точными правилами невозможно. Главнымъ тутъ руководителемъ долженъ служить установившійся обычай, и чѣмъ онъ давнѣе, тѣмъ болѣе имѣетъ права на то, чтобъ съ нимъ сообразовались. Нѣтъ надобности безпрестанно распространять количество такихъ словъ.

Слитно писать два слова слѣдуетъ тогда, когда соединеніе ихъ безпрекословно утверждено общимъ сознаніемъ; когда же встрѣчается сомнѣніе, писать ли ихъ слитно, или врознь, то лучше избирать послѣднее.

Слитно пишутся предлогъ и существительное большею частью тогда, когда оба слова теряютъ свое индивидуальное, самостоятельное значеніе и образуютъ вмѣстѣ одно понятіе, или, въ грамматическомъ смыслѣ, нарѣчіе, напр.: *вверхъ*, *внизъ*, *вверху*, *внизу*, *вмѣстѣ*, *вовѣкъ*, *впередъ*, *врознь*, *вслѣдъ*, *втайнѣ*, *втиши*, *вдали*, *впослѣдствіи*[1]. — *Кстати*, *издали*. — *Сначала*, *сверху*, *снизу*, *слишкомъ*. — *Наверхъ*, *наверху*, *навѣки*, *наконецъ*, *наоборотъ*, *назадъ*, *напередъ*, *напримѣръ*.

Характеръ такого соединенія виденъ изъ противоположныхъ случаевъ, когда имя сохраняетъ свое индивидуальное значеніе, будетъ ли къ нему (имени) присоединено опредѣленіе, или нѣтъ; или когда предлогъ употребленъ какъ дополненіе къ глаголу: *въ самый верхъ*, *съ какой стати*, *съ начала года*, *на конецъ* (напр. указать). Сюда идетъ также приведенный Ломоносовымъ примѣръ: *жить въ мѣстѣ многолюдномъ*.

Отъ словъ, слитыхъ въ одно нарѣчіе, надобно отличать такія слова, которыя составляютъ только метафору и потому должны писаться врознь, напр.: *въ гору*, *съ плеча*.

Мы здѣсь покуда говоримъ только о нарѣчіяхъ, составленныхъ изъ предлога и имени существительнаго, и утверждаемъ, что не для чего быть слишкомъ щедрымъ на образованіе подобныхъ нарѣчій, что напр. лучше писать отдѣльно слова: *въ виду*, *въ заключеніе*, *въ старину*, *за границу*, *за границей*, *съ размаху*, *съ разу*, *со временемъ*, *въ волю*, *въ пору* и мн. др. Но еще болѣе осмотрительности нужно въ составленіи такимъ образомъ

---

[1] На нашей еще памяти писали не иначе, какъ *въ послѣдствіи времени*. Употреблять абсолютно въ такомъ же смыслѣ одно слово *послѣдствіе* стали недавно, и такъ какъ это значеніе придается слову только въ соединеніи съ предлогомъ *въ*, то мы и считаемъ позволительнымъ видѣть тутъ нераздѣльное нарѣчіе.

новыхъ предлоговъ, ограничиваясь тѣми, которые издавна утверждены уже обычаемъ, напр. *вокругъ*, *вмѣсто*, *сверхъ*: нѣтъ надобности въ искуственномъ образованіи такихъ предлоговъ, какъ напр. *втеченіе*, *впродолженіе*.

Нѣкоторые пишутъ: «въ теченіи, въ продолженіи», но это противно общему закону, по которому въ русскомъ языкѣ протяженіе дѣйствія во времени выражается винительнымъ падежемъ съ помощію предлога *въ*, напр. *въ жизнь* не видѣлъ, *въ свой вѣкъ* испыталъ, сдѣлалъ *въ недѣлю*, *въ мѣсяцъ*, *въ годъ;* случилось *въ царствованіе*...; *въ мою болѣзнь*, *въ ея пребываніе*, *въ вашъ пріѣздъ*, *въ твою бытность*, *въ отечественную войну*. То же видно изъ присоединенія опредѣлительныхъ словъ къ двумъ разсматриваемымъ выраженіямъ; мы говоримъ: *во все продолженіе*, какъ и *во все царствованіе*, а не *во всемъ продолженіи*. Лучшимъ же подтвержденіемъ нашего указанія можетъ служить выраженіе *во время* (а не во времени), однозначущаго съ выраженіемъ *въ продолженіе*.

Правило Ломоносова писать предлогъ слитно съ именемъ, которое въ другихъ случаяхъ неупотребительно, едва ли и теперь можетъ встрѣтить противорѣчіе. Вотъ примѣры изъ нынѣшняго языка: Вдоль, вдоволь, взаймы, взапуски, внутрь, внутри, вплавь, впредь, вновь, встарь, вкось, вкривь, впрямь, врознь, врозь, вопреки, взаперти, вблизи, впотьмахъ, впопыхахъ, второпяхъ.

Набекрень, навыворотъ, навзрыдъ, навзничь, навзрячь, назади, наземь, наперекоръ, навѣрняка, напрямки, напрямикъ, наружу, снаружи, наяву; оземь, изстари, искони, поодаль, позади, поодиночкѣ, понутру, сзади, спереди, сплошь.

Подобныя сочетанія естественно изображать слитно, потому что нельзя принимать за отдѣльныя слова, и заносить особо въ словарь такія существительныя, которыя сами по себѣ въ языкѣ неизвѣстны.

Кромѣ существительныхъ, съ предлогами соединяются еще въ одно понятіе прилагательныя, числительныя, мѣстоименія и самыя нарѣчія. Разсмотримъ и тутъ каждый случай отдѣльно.

Прилагательное можетъ являться при этомъ въ трехъ различыхъ формахъ:

1) Прилагательное полное средняго рода.

Такъ какъ подобное прилагательное можетъ и само по себѣ, безъ предлога, быть употребляемо какъ существительное, напр. «кто *старое* вспомянетъ», то нѣтъ причины писать его слитно съ предлогами, напр. *по старому*, *по прежнему*, *по нынѣшнему*, *по дорожному по приказному*, *по трактирному*, *по книжному*, *по домашнему*, *по праздничному*, *по будничному*. Другое дѣло, когда при такомъ соединеніи настоящее значеніе прилагательнаго какъ будто забывается, напр. *впрочемъ*, *повидимому*.

Сюда же относятся и мѣстоименія притяжательныя, имѣющія форму прилагательныхъ: *по мо́ему*, *по вашему*, которыя также нѣтъ надобности писать слитно съ предлогомъ, но можно соединять съ нимъ черточкою.

2) Прилагательное краткое средняго рода.

Такое прилаг., когда оно не играетъ роли сказуемаго, только и употребляется для образованія съ предлогами нарѣчій, которыя потому пишутся нераздѣльно: *вдалекѣ*, *вполнѣ*, *вскорѣ*, *вкратцѣ* (ц.-сл.), *вчернѣ*; *вправо*[1], *влѣво*; *вообще*, *вотще*; *докрасна*, *досыта*; *навѣрно*, *надолго*, *налѣво*, *направо*, *набѣло*, *начерно*; *налегкѣ*, *навеселѣ*, *наготовѣ*, *заново*, *запросто*; *слегка*, *слѣва*, *справа*, *смолоду*, *снова*, *сполна*, *сгоряча*, *свысока*, *изрѣдка*, *издалека*, *изсиня*.

3) Прилагательное полное женскаго рода.

Такъ какъ прилагательныя въ этой формѣ неупотребительны отдѣльно, безъ существительнаго и безъ предлога, то они пишутся слитно съ послѣднимъ: *вразсыпную*, *вкрутую*, *всплошную*; *зачастую*, *напропалую*.

4) Числительныя: *вдвое*, *вдвоемъ*, *втроемъ*, *заодно*; *вдвойнѣ*, *впервые*. Но въ словахъ: *во-первыхъ*, *во-вторыхъ* соединеніе предлога съ числительнымъ лучше означать черточкою, такъ

---

[1] *Въ правѣ* (сущ. имя) нѣтъ причины писать слитно.

какъ при сліяніи ихъ въ одно слово пришлось бы занести въ словарь всѣ порядковыя числительныя до самыхъ высокихъ цыфръ вторично съ предлогомъ *въ*.

5) Мѣстоименія съ предлогами образуютъ, между прочимъ, слѣдующія реченія: *потому*, *посему*, *поэтому*, *почему; потомъ; притомъ*; *затѣмъ*, *зачѣмъ*, *оттого*, *отчего*; *вовсе*.

Слитно пишутся эти слова, когда они служатъ союзами; но когда предлогъ сохраняетъ свое самостоятельное значеніе и дополняетъ глаголъ, то онъ долженъ становиться отдѣльно, напр.: смотря *по тому*, присутствовать *при томъ*, дойти *до того*, платить *за то*, слѣдовать *за тѣмъ*, зависѣть *отъ того*. Слова *при этомъ* не составляютъ союза и не должны писаться слитно, какъ это въ послѣднее время иногда стало встрѣчаться въ печати: тутъ предлогъ *при* сохраняетъ свое самостоятельное значеніе, а въ этомъ случаѣ и слова́ *при томъ* пишутся отдѣльно. По той же причинѣ и реченіе *при чемъ* должно оставаться въ видѣ двухъ отдѣльныхъ словъ.

6) Нарѣчіе, какъ часть рѣчи неизмѣняемая, не можетъ подлежать управленію предлога и потому пишется съ нимъ слитно: *докуда*, *дотуда*, *доколѣ*, *доселѣ*, *дотолѣ*, *донынѣ*, *понынѣ*, *покуда*; *насколько*, *настолько*, *поскольку*, *поелику*, *послѣзавтра*.

Сюда же можно отнести нарѣчія: *свыше*, *втуне*.

Нарѣчія въ родѣ слѣдующихъ: *попеременно*, *поочередно*, *дословно*, *поголовно*, *повзводно* сюда не относятся: они образованы отъ соотвѣтствующихъ имъ прилагательныхъ: *попеременный* и проч., и не могутъ считаться составными въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы разсматриваемъ слова этой категоріи.

Но здѣсь слѣдуетъ упомянуть о другомъ разрядѣ нарѣчій, которыя образуются съ помощію предлога *по*, правильно отдѣляемаго отъ нихъ черточкою: *по-дружески*, *по-молодецки*, *по-стариковски*, *по-дѣтски*, *по-свойски*, *по-каковски*; *по-русски*; *по-французски*. Нѣкоторые пишутъ эти слова и слитно, но безъ надобности и къ напрасному обремененію словаря.

Есть и предлогъ, соединяющійся съ другимъ предлогомъ въ нарѣчіе: *напротивъ*.

Для образованія составныхъ реченій соединяются еще:

1) Числительныя то между собою, то съ существительными: *полтора* (т. е. полвтора), *двѣсти*, *триста*, *пятьсотъ*; почему и въ косвенныхъ падежахъ слѣдуетъ писать слитно: *двухсотъ*, *тремстамъ*. Слово *полъ* (половина) должно быть отдѣляемо черточкою отъ существительнаго начинающагося гласною, *полъ-оборота*, кромѣ того слѣдуетъ писать *полъ-листа:* если бъ написать *поллиста*, то пришлось бы читать «польлиста», такъ какъ при встрѣчѣ двухъ согласныхъ, изъ коихъ вторая тонкая, первая всегда уподобляется ей *(милліонъ*, *ранній)*. Что *полъ* собственно не соединяется тутъ въ одно слово съ существительнымъ, видно изъ косвенныхъ падежей въ реченіяхъ: *полу́листа́*, *полу́пути́*, хотя принято писать слитно: *полгода*, *полчаса* и проч.

2) Мѣстоименіе съ существительнымъ: *сейчасъ*, *сегодня*, *тотчасъ*.

3) Мѣстоименіе или нарѣчіе съ союзомъ: *тоже* (нарѣч.), *однакоже*, *ужели*, *также* (но раздѣльно, когда выражается сравненіе, напр. *такъ же скоро;* *такъ же*, *какъ*).

Въ другихъ случаяхъ частица *же*, *жъ* пишется отдѣльно: *кого же*, *что жъ*, *тотъ же*, *та же*, *то же* (мѣстоим.); отдѣльно же пишутся частицы *ли*, *ль*, *бы*, *бъ*: *та ли*, *если бы*, *если бъ*, *ежели бы*, за исключеніемъ словъ *ужели*, *чтобы* (союзъ). Но когда *что* остается мѣстоименіемъ, то оно отдѣляется отъ *бы: что бы* предпринять? *что бы ни* говорили. Соединеніе частицъ *либо*, *нибудь*, *таки* съ предыдущимъ словомъ означается черточкою: *кто-либо*, *что-нибудь*, *все-таки*. Заключительный союзъ *итакъ* (фр. donc, par conséquent) для отличія отъ случая, когда *и* сохраняетъ значеніе отдѣльнаго союза, пишется слитно; напр.: «вы согласны; *итакъ* дѣло кончено»; или: «онъ говорилъ такъ умно *и такъ* краснорѣчиво», или: «такъ я понимаю жизнь, *и такъ* рѣшился жить».

4) Два нарѣчія, составляющія по смыслу одно, обыкновенно соединяются между собой черточкою: *мало-мальски*, *давнымъ-давно*, *ранымъ-рано*, *просто-напросто*.

Такимъ же образомъ обозначается соотношеніе двухъ предлоговъ, изъ которыхъ управленіе остается за первымъ: *изъ-за* границы, *изъ-подъ* стола.

Иногда составное нарѣчіе заключаетъ въ себѣ три слова, которыя и пишутся слитно: *сызнова*, *сыздѣтства*, *снаружи*, *наизусть*, *наискось*, *насупротивъ*, *наврядъ*, *вполсыта*, *впомути*, *спологоря*, *исподволь*, *исподлобья*. Впрочемъ, собственно говоря, тутъ соединеніе образуютъ только два члена, изъ которыхъ одинъ сложный; такимъ бываетъ большею частью второй членъ.

5. Два существительныя иностраннаго происхожденія, означающія извѣстныя должности, званія и чины: *камергеръ*, *камерюнкеръ*, *гофмейстеръ*, *егермейстеръ*, *фельдмаршалъ*, *фельдъегеръ*.

Иногда же оба имени пишутся врознь и соединяются черточкою: *камеръ-лакей*, *штабъ-лѣкарь*, *штабъ-офицеръ*, *гофъ-интендантъ*, *унтеръ-офицеръ*, *оберъ-гофмаршалъ*, *генералъ-майоръ*, *генералъ-губернаторъ*, *генералъ-штабъ-докторъ*. Во всѣхъ такихъ соединеніяхъ склоняется только послѣднее слово.

Въ заключеніе нужнымъ считаю разсмотрѣть, когда частица *не* должна писаться отдѣльно и когда слитно.

Отрицаніе *не* пишется у насъ, по большей части, безъ всякой послѣдовательности, то слитно, то раздѣльно. Для избѣжанія этой неопредѣленности нѣкоторые приняли за правило никогда не отдѣлять *не* отъ слѣдующаго за нимъ слова, забывая, что вслѣдствіе того каждое такое слово пришлось бы вносить въ словарь два раза, въ положительной и въ отрицательной формѣ.

Съ прилагательными и нарѣчіями частица *не* вообще пишется слитно, напр. *неловкій*, *недавній*, *невозможный*, *невѣрно*, *невольно*. Но если отрицается не самое прилагательное или нарѣчіе, а подразумѣваемый въ сказуемомъ глаголъ, то частица

не должна писаться раздѣльно, напр. въ предложеніи: «я вамъ за это *не* благодаренъ». Совсѣмъ иную мысль выразитъ начертаніе: «я *неблагодаренъ*»[1]. Для повѣрки правописанія въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ употребить вмѣсто настоящаго прошедшее или будущее время и посмотрѣть, поставимъ ли мы тогда отрицаніе передъ глаголомъ *быть*, или передъ прилагательнымъ.

Когда отрицанію соотвѣтствуетъ въ другомъ предложеніи противоположное утвержденіе, то частица *не* должна отдѣляться, напр. онъ былъ *не* боленъ, а разстроенъ духомъ; *не* богатъ, но честенъ; они слабы, а *не* добры. Поэтому и реченіе *не только*, которому соотвѣтствуетъ *но и*, должно писаться раздѣльно. Бываютъ и другіе случаи, въ которыхъ, смотря по смыслу, слѣдуетъ писать *не* то слитно, то раздѣльно, напр.: онъ *немного* (т. е. немножко) работаетъ — не одно и то же, что: онъ *не много* работаетъ.

Передъ глаголомъ частица *не* составляетъ, вообще говоря, отдѣльное отрицаніе: *не знать*, *не хожу*, *не видитъ*. Слѣдовательно, то же относится и къ причастію: человѣкъ, *не любящій* ссоръ; ничего *не видящій*, *не любимый* товарищами. Причастіе сохраняетъ свой характеръ всякій разъ, когда съ словомъ соединяется понятіе времени, или когда при глаголѣ есть дополненіе положительное или отрицательное. Но когда причастіе обращается въ прилагательное, и означаемое имъ качество безусловно отрицается, то *не* пишется слитно: человѣкъ *нелюбящій*, *нелюбимый*, *независимый*, *несвѣдущій*, *неумолимый*.

Съ глаголомъ отрицаніе *не* можетъ составлять одно слово только тогда, когда онъ образованъ съ помощью этой частицы и безъ нея неупотребителенъ: *ненавидѣть*, *негодовать*. Слитно пишутся также: *нельзя*, *недостаетъ*, *несмотря*.

Не входитъ въ составъ многихъ существительныхъ: *нена-*

---

[1] Эту разницу нагляднѣе представляютъ тѣ языки, гдѣ слитное отрицаніе получаетъ особенную форму, напр. въ нѣм. un, miss, во франц. in, dé, dés. Такъ, очень легко понять различіе между фразами: il m'est désagréable и — il ne m'est pas agréable.

висть, *негодованіе*, *невѣрность*, *непокорность*, *невѣжда*, *неряха*, *нетель*, *недругъ*, *несчастіе*, *немилость;* случаи, въ которыхъ отрицаніе пишется отдѣльно отъ имени, не требуютъ особаго поясненія.

Что касается, частицы *ни*, то она пишется слитно въ словахъ: *никто*, *ничто*, *никакой*, *нигдѣ*, *никуда*, *никогда*, *нисколько*, какъ составляющихъ отдѣльныя понятія, въ нѣкоторыхъ языкахъ выражаемыя даже особыми словами, но остается не соединенною въ другихъ случаяхъ, напр. *ни одинъ*, *ни который*, *ни мало*, *ни откуда*.

Знаки препинанія (пунктуація).

Въ живой рѣчи логическое отношеніе между словами обозначается интонаціею и пріостановками голоса (паузами). На письмѣ къ означенію такихъ паузъ служатъ *знаки препинанія*.

Такъ какъ паузы, смотря по бóльшей или меньшей связи между словами, бываютъ неодинаковой продолжительности, то имъ соотвѣтствуютъ и различные знаки.

Основныхъ знаковъ препинанія два: *точка* (.) и *запятая* (,), означающія двѣ крайнія степени роздыха: точка — пріостановку послѣ законченной мысли или цѣлаго ряда мыслей; запятая — послѣ предложенія или слова, которое нужно только въ слабой степени отдѣлить отъ слѣдующихъ за нимъ.

Изъ этихъ двухъ знаковъ составляются два другіе, для означенія пріостановки средней продолжительности: *точка съ запятою* (;) и *двоеточіе* (:).

Къ точкѣ примыкаютъ еще два знака, служащіе для указанія не одной паузы, но и особыхъ оттѣнковъ интонаціи, именно: знакъ *восклицательный* (!) и знакъ *вопросительный* (?).

Употребленіе знаковъ препинанія находится въ тѣсной связи съ синтаксисомъ или ученіемъ о предложеніяхъ, основанія котораго здѣсь предполагаются извѣстными.

При изложеніи мыслей на письмѣ нынче принято за общее

правило не писать слишкомъ сложными или распространенными предложеніями, т. е. выражаться болѣе отрывистою, нежели періодическою рѣчью. Отрывистая же рѣчь состоитъ въ томъ, чтобы для бóльшей простоты и ясности изложенія выражаться по возможности краткими предложеніями и тѣмъ давать читателю чаще пріостанавливаться. Въ отношеніи къ употребленію знаковъ препинанія это значитъ: между двумя точками не накоплять слишкомъ много предложеній, находящихся во взаимной зависимости или тѣсной между собою связи, и притомъ располагать ихъ такъ, чтобы они одно отъ другого могли отдѣляться по крайней мѣрѣ точкою съ запятой или двоеточіемъ.

Неумѣренный наборъ придаточныхъ предложеній между главными запутываетъ и затемняетъ рѣчь.

Это понималъ уже и Карамзинъ, однако у него еще встрѣчаются иногда очень длинныя предложенія, напримѣръ: «*Хотя новѣйшіе лѣтописцы говорятъ, что Славяне скоро вознегодовали на рабство, и какой-то Вадимъ, именуемый Храбрымъ, палъ отъ руки сильнаго Рюрика вмѣстѣ со многими изъ своихъ единомышленниковъ въ Новѣгородѣ — случай вѣроятный: люди, привыкшіе къ вольности, отъ ужасовъ безначалія могли пожелать властителей, но могли и раскаяться, ежели Варяги, единоземцы и друзья Рюриковы, утѣсняли ихъ — однакожъ сіе извѣстіе, не будучи основано на древнихъ сказаніяхъ Нестора, кажется одною догадкою и вымысломъ*» (*И. Г. Р.*, изд. 2-е, I, 115—116).

Предпочтеніемъ къ отрывистой рѣчи отличается особенно проза Пушкина. Вотъ какъ, напр., онъ выражается въ «Исторіи Пугачевскаго бунта»:

Но яицкіе заговорщики слишкомъ привязаны были къ своимъ богатымъ, роднымъ берегамъ. Они, вмѣсто побѣга, положили быть новому мятежу. Самозванство показалось имъ надежною пружиною. Для сего нуженъ былъ только пришлецъ дерзкій и рѣшительный, еще неизвѣстный народу. Выборъ ихъ палъ на Пугачева. Имъ не трудно было его уговорить. Они немедленно начали собирать себѣ сообщниковъ. (*Соч. Пушк.*, изд. Анн. VI, 125).

Точкою съ запятой отдѣляются одно отъ другого не слишкомъ короткія предложенія, относящіяся къ одной главной мысли и между которыми нѣтъ никакого союза:

Въ черной бородѣ его показывалась просѣдь; живые, большіе глаза такъ и бѣгали... Волоса были обстрижены въ кружокъ; на немъ былъ оборванный армякъ и татарскіе шаровары. (*Ист. П. б.*).

Служи вѣрно кому присягнешь; слушайся начальниковъ; за ихъ лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; отъ службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье съ нову, а честь съ молоду. (*Кап. дочка*).

Точка съ запятою между главными предложеніями бываетъ нужна особенно тогда, когда при этихъ предложеніяхъ находятся придаточныя или вводныя, которыя уже раздѣлены запятыми:

Осаждающіе слабѣли духомъ и тѣломъ, терпя ненастье, иногда и голодъ; роптали; не смѣя винить короля, винили главнаго воеводу Замойскаго; говорили, что онъ въ академіяхъ италіанскихъ выучился всему, кромѣ искусства побѣждать Россіянъ; безъ сомнѣнія уѣдетъ съ королемъ въ Варшаву и т. д. (*И. Г. Р.*).

Точка съ запятой ставится и тогда, когда такія предложенія отдѣлены одно отъ другого союзами: *но*, *а*, *же*, *однакожъ*, передъ которыми впрочемъ, при краткихъ (особенно слитныхъ) предложеніяхъ, достаточно бываетъ и одной запятой. Иногда съ этими союзами можетъ появляться и новое предложеніе послѣ точки.

Вотъ примѣры всѣхъ трехъ случаевъ:

1. *Нѣкоторые изъ послушныхъ* (казаковъ) *хотѣли его поймать и представить, какъ возмутителя, въ комендантскую канцелярію; но онъ скрылся вмѣстѣ съ Денисомъ Пьяновымъ.* (*Ист. Пуг. б.*).

2. *Онъ былъ добрый малый, но вѣтренъ и безпутенъ до крайности.* (*Кап. дочка*).

Я вчера напроказилъ, а тебя напрасно обидѣлъ. (*Кап. д.*).

3. *Брантъ послалъ въ Москву къ генералъ-аншефу князю Волконскому, требуя отъ него войска. Но московскій гарнизонъ былъ весь отряженъ для отвода рекрутъ.* (*Ист. Пуг. б.*).

Точкою съ запятой могутъ быть раздѣляемы не только главныя предложенія, но и придаточныя, относящіяся къ одному главному, если они не очень кратки:

Сигизмундовъ посланникъ объявилъ Іоанну, что во многихъ нѣмецкихъ городахъ ходятъ письма бранныя; что царь долженъ торжественно отказаться отъ сихъ клеветъ; что герцогъ Магнусъ съ помощію Россіянъ воевалъ королевскія мызы; что мы въ противность договору заняли Тарвастъ; что Сигизмундъ и т. д. (*И. Г. Р.*).

Двоеточіе ставится:

1. Передъ предложеніемъ, содержащимъ причину, слѣдствіе, доказательство или объясненіе предыдущаго:

Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья:
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменья. (Лерм.).

—

Исторія есть безпрестанное оправданіе Божія Промысла: неправда сама себя губитъ, и никогда, напротивъ, правда не имѣла послѣдствій губительныхъ (Жук.).

2. Передъ приводимыми пишущимъ чужими словами или мыслями, передъ цитатами, изреченіями, заглавіями и т. п.

Мнѣ скажутъ: «А мужокъ, а темная дуброва?» (Крыл.).

—

Самъ думаетъ: «Молчи жъ, ужъ я тебя, вострухи!» (Крыл.).

—

Вмѣсто отвѣта она показала свое кольцо съ надписью: «Ничто, кромѣ смерти» (*И. Г. Р.*).

Передъ началомъ и при концѣ приводимыхъ авторомъ чужихъ словъ, заглавій и т. п., обыкновенно ставятся кавычки « ». При цитатахъ нужны кавычки только тогда, когда выписка дѣлается слово въ слово.

3. Передъ словами, составляющими исчисленіе нѣсколькихъ предметовъ, лицъ или дѣйствій, иногда съ прибавленіемъ частицъ: *какъ-то*, *именно*:

Насъ было двое: братъ и я (Пушк.).

—

Друзья! не все ль одно и то же:
Забыться праздною душой
Въ блестящей залѣ, въ модной ложѣ
Или въ кибиткѣ кочевой? (*Евг. Он.*).

Между предложеніями, представляющими параллелизмъ мыслей или выраженій:

Капитолій граничилъ въ Римѣ съ Тирпійскою скалою: въ Новгородѣ престолъ съ темницею. (*И. Г. Р.*).

Въ періодической рѣчи Карамзинъ раздѣлялъ двоеточіемъ два предложенія, взаимная связь которыхъ выражена союзами: *какъ — такъ*, *когда — тогда*, *если — то*, или мѣстоименіями: *кто — тотъ:*

Если бы всѣ матеріалы были у насъ собраны, изданы, очищены критикою: то мнѣ оставалось бы единственно... (*И. Г. Р.*).

Но послѣдующіе писатели обыкновенно замѣняли въ такихъ предложеніяхъ двоеточіе либо точкою съ запятою, либо, еще чаще, одною запятою.

Многоточіемъ, т. е. тремя и болѣе точками сряду (...), отмѣчается либо неконченная мысль, либо многозначительное размышленіе или сильное чувство:

А я... отъ горькихъ, горькихъ слезъ
И свѣтъ въ очахъ затмился... (Жук.).

—

Вошелъ... Ахъ, новость, да какая! (Пушк.).

—

Желанья!... что пользы напрасно и вѣчно желать?...
А годы проходятъ — всѣ лучшіе годы!
Любить... но кого же?... на время — не стóитъ труда,
А вѣчно любить невозможно. (Лерм.).

—

Боюсь сказать... душа дрожитъ... (Лерм.).

Запятая ставится между краткими однородными предложеніями, т. е. между двумя главными или двумя придаточными, когда они непосредственно слѣдуютъ одно за другимъ, или раздѣлены союзами: *а*, *же*, *но*, *да* (въ значеніи *но*), *или:*

Проходитъ годъ,
Никто нейдетъ,
Еще минулъ годокъ, еще уплылъ годъ цѣлый. (Крыл.).

—

...Что онъ не вѣдаетъ святыни,
Что онъ не помнитъ благостыни,
Что онъ не любитъ ничего,
Что кровь готовъ онъ лить какъ воду,
Что презираетъ онъ свободу,
Что нѣтъ отчизны для него. (Пушк.).

—

Ужъ мы ль на все не мастерицы,
А этого у насъ искусства не видать. (Крыл.).

—

Кто знатенъ и силенъ,
Да не уменъ. (Крыл.).

—

Когда два сказуемыя при одномъ и томъ же подлежащемъ соединены союзомъ *и*, то обыкновенно запятой не ставится:

Я сѣлъ въ кибитку съ Савельичемъ и отправился въ дорогу (*Кап. д.*).

—

Отнесъ полчерепа медвѣдю топоромъ
И брюхо прокололь ему желѣзной вилой. (Крыл.).

—

Но когда изъ двухъ сказуемыхъ, соединенныхъ союзомъ *и*, второе означаетъ либо позднѣйшее дѣйствіе, либо слѣдствіе того, что выражено первымъ, то и передъ союзомъ *и* ставится запятая:

Не знаю скуки съ зѣвотою, и благодарю Бога. (Вяз.).

Когда два предложенія, соединенныя союзомъ *и*, имѣютъ не одно и то же подлежащее, то они раздѣляются запятою:

Бурное объясненіе облегчило ея душу, и она спокойнѣе могла разсуждать. (Вяз.).

—

Клубами черный дымъ несется къ облакамъ,
И пламя лютое всю рощу вдругъ объемлетъ. (Крыл.).

—

Когда союзы: *и*, *да* (въ значеніи *и*) соединяютъ однородныя *части* предложенія (два подлежащія, два опредѣленія и т. п.), то передъ ними запятой не ставится, напр.

Однажды лебедь, ракъ да щука (Крыл.).

—

Но при повтореніи этихъ союзовъ запятая ставится:

И лаять, и визжать, и рваться. (Крыл.).

—

Нѣтъ, пускай послужитъ онъ въ арміи, да потянетъ лямку, да понюхаетъ пороху, да будетъ солдатъ, а не шаматонъ въ гвардіи. (*Кап. д.*).

Впрочемъ, когда *и* повторяется только разъ, то запятая обыкновенно опускается: *и тотъ и другой; и тамъ и сямъ; и жалко и смѣшно.*

И день и ночь до новой встрѣчи. (Пушк.).

—

И радость и печаль, все было пополамъ. (Крыл.).

Запятая ставится и при повтореніи другихъ союзовъ или нарѣчій въ одномъ и томъ же простомъ или слитномъ предложеніи:

Казакъ не хочетъ отдохнуть
Ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ,
Ни при опасной переправѣ. (Пушк.).

—

Долго ль мнѣ гулять на свѣтѣ,
То въ коляскѣ, то верхомъ,

То въ кибиткѣ, то въ каретѣ,
То въ телѣгѣ, то пѣшкомъ? (Пушк.).

—

Иль явно, иль исподтишка. (Пушк.).

—

Здоровъ ли, сытъ ли онъ, укрытъ ли отъ ненастья! (Крыл.).

—

То же соблюдается, когда *или* чередуется съ союзомъ *ли:*

Паду ли я, стрѣлой пронзенный,
Иль мимо пролетитъ она. (Пушк.).

—

Все разскажу: дѣла ль, обычай ли какой,
Иль гдѣ какое видѣлъ диво. (Крыл.).

—

Боялся ли народъ остаться безъ власти, или, упоенный дерзостью, хотѣлъ явить разительный примѣръ. (*И. Г. Р.*).

Вообще между повторяемыми въ предложеніи словами, къ какой бы части рѣчи ни принадлежали они, ставится запятая:

Придутъ, придутъ часы тѣ скучны. (Держ.).

—

Дверь тихо, тихо уступаетъ. (Пушк.).

Когда союзъ *или* стоитъ между *частями* предложенія, то надобно различать, служитъ ли онъ для раздѣленія двухъ разныхъ понятій, или для поясненія одного слова другимъ. Только во второмъ случаѣ нужна передъ союзомъ *или* запятая. Примѣры:

1) *Ему иль мнѣ погибнуть надо.* (Пушк.).

2) *Скорбь, или печаль, есть состояніе души, томимой* и проч. (Жук.).

—

Когда союзъ *или* раздѣляетъ два предложенія, то передъ нимъ ставится запятая:

Надежды сердца оживи,
Иль сонъ тяжелый перерви. (Пушк.).

—

Когда случалось гдѣ-нибудь
Ей встрѣтить чернаго монаха,
Иль быстрый заяцъ межъ полей
Перебѣгалъ дорогу ей. (Пушк.).

Стоящія передъ предложеніемъ нарѣчія: *да*, *нѣтъ*, и междометія: *ну*, *увы*, *ахъ*, если не произносятся съ особенною силой, отдѣляются отъ него запятою (и только въ противномъ случаѣ знакомъ восклицательнымъ):

Да, Гэте не дошелъ до положительнаго примиренія. (Тург.).

—

Нѣтъ, рано чувства въ немъ остыли. (Пушк.).

—

Ну, намъ вѣдь весело съ тобой. (Крыл.).

Но иногда частица *ну* бываетъ въ такой тѣсной связи со слѣдующими за нею словами, что не должна быть отдѣляема отъ нихъ запятою:

Ну то-то жъ, говоритъ имъ слонъ: смотрите. (Крыл.).

—

И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться. (Крыл.).

Слова, стоящія въ звательномъ падежѣ, какъ означающія лицо или предметъ, къ которому говорящій обращается, также отдѣляются отъ предложенія запятыми (иногда же знакомъ восклицанія, о чемъ ниже):

Такъ видишь ли, мой другъ, чего-то нѣтъ на свѣтѣ? (Крыл.).

—

Куда такъ, кумушка, бѣжишь ты безъ оглядки? (Крыл.).

—

Запятыми же обыкновенно отдѣляются нарѣчія и другія подобныя реченія, когда они не входятъ въ составъ предложенія, а служатъ къ обозначенію либо степени увѣренности говорящаго, либо отношенія его къ предмету рѣчи, либо основанія мысли его и т. п., именно слова: *конечно*, *вѣроятно*, *можетъ-быть*, *право*, *кажется*, *помнится*, *разумѣется*, *знать*, *безъ сомнѣнія*, *словомъ*, *короче*, *признаться*, *къ счастью*, *къ сожалѣнью*, *впрочемъ*, *по-*

смотришь, пожалуй, нѣтъ спору, напримѣръ, повидимому, напротивъ, наоборотъ, по моему мнѣнію, во-первыхъ, во-вторыхъ, и т. д., *съ одной стороны*, и др.

Посмотришь, въ Тришкиномъ кафтанѣ щеголяютъ. (Крыл.).

—

Это показалось ему, повидимому, страннымъ. (Пушк.).

—

Деньги, по моему обѣщанію, находились въ полномъ его распоряженіи. (Пушк.).

—

Можетъ-быть, Жуковскій и даже самъ Карамзинъ были бы не вполнѣ хорошими министрами. (Вяз.).

—

Гора хоть не гора, но, право, будетъ съ домъ. (Крыл.).

—

Ступай по немъ, пожалуй, хоть въ каретѣ. (Крыл.).

—

На большой мнѣ, знать, дорогѣ
Умереть Господь судилъ. (Пушк.).

—

Жизнь наша есть, такъ сказать, ночь подъ звѣзднымъ небомъ. (Жук.).

Часто однакожъ, для избѣжанія излишества знаковъ, нѣкоторыя изъ этихъ словъ вставляются въ предложеніе и безъ запятыхъ.

Когда въ предложеніи слѣдуетъ одно за другимъ, безъ союзовъ, нѣсколько подлежащихъ, сказуемыхъ, опредѣленій или дополненій, то каждое отдѣляется отъ стоящаго рядомъ запятою:

Еще амуры, черти, змѣи
На сценѣ скачутъ и шумятъ. (Пушк.).

—

Еще не перестали топать,
Сморкаться, кашлять, шикать, хлопать. (Пушк.).

—

Мы малодушны, мы коварны,
Безстыдны, злы, неблагодарны. (Пушк.).

—

Достали нотъ, баса, альта, двѣ скрипки. (Крыл.).

—

Умный, добрый, просвѣщенный начальникъ. (Пушк.).

—

Онъ былъ лѣтъ сорока, росту средняго, худощавъ и широкоплечъ. (Пушк.).

Но два сряду стоящія опредѣленія (прилагательныя имена) не раздѣляются запятою, когда значеніе одного входитъ въ понятіе другого, или, говоря иначе, когда одно прилагательное служитъ опредѣленіемъ не существительнаго только, но вмѣстѣ съ нимъ и другого прилагательнаго, напр. *толстое красное сукно*; *морозный зимній день*; *шумная городская жизнь.*

Изяславъ велъ за собою многочисленное стройное войско. (*И. Г. Р.*).

—

Лѣтописцы славятъ взаимную искреннюю дружбу сихъ государей. (*И. Г. Р.*).

—

Она была въ бѣломъ утреннемъ платьѣ. (Пушк.).

—

Клопитокъ былъ одаренъ замѣчательнымъ полемическимъ талантомъ. (Тург.).

Опредѣлительное прилагательное или причастіе, стоящее передъ опредѣляемымъ словомъ не отдѣляется отъ него запятою даже и тогда, когда сопровождается дополненіемъ:

Упоенные виномъ союзники лежали какъ мертвые. (*И. Г. Р.*).

—

Запущенный подъ облака
Бумажный змѣй. (Крыл.).

—

Прилагательное или причастіе, стоящее и послѣ существительнаго въ качествѣ его опредѣленія, также не отдѣляется отъ него запятою:

Лицо его имѣло выраженіе довольно пріятное, но плутовское. (Пушк.).

—

Въ лавкахъ отворенныхъ лежали товары, деньги. (Карамз.).

—

Человѣкъ пьющій ни на что не годенъ. (Пушк.).

Но когда прилагательное или причастіе, съ дополненіемъ или и безъ онаго, употреблено не какъ опредѣленіе, а какъ обстоятельственное слово или какъ сокращенное придаточное предложеніе (см. ниже), то оно отъ своего существительнаго отдѣляется запятою, будетъ ли стоять передъ нимъ или послѣ него.

Неужасаемый ничѣмъ,
Мазепа козни продолжаетъ. (Пушк.).

—

Мазепа, въ думу погруженный,
Взиралъ на битву, окруженный
Толпой мятежныхъ казаковъ. (Пушк.).

—

Мужественный, твердый, (т. е. будучи мужественъ и твердъ) *Александръ былъ неподвижнымъ столпомъ, на который оперлась уязвленная Россія.* (Ѳ. Глинка).

—

Іоаннъ имѣлъ легкость въ нравѣ, несогласную (которая была несогласна) *съ глубокими впечатлѣніями горести* (*И. Г. Р.*).

—

Я погрузился въ размышленія, большею частію печальныя (Пушк.) — которыя были большею частью печальны.

—

Лицо его, полное и румяное, (которое было полно и румяно) *выражало важность и спокойствіе.* (Пушк.).

—

Въ разговорѣ, и самомъ правильномъ, (т. е. хотя бы онъ былъ и самый правильный) *не скажешь*... (Вяз.).

Приложеніе, т. е. опредѣленіе, выраженное существительнымъ, употребленнымъ въ одномъ падежѣ съ опредѣляемымъ, не отдѣляется отъ послѣдняго запятою, если стоитъ передъ нимъ. Приложеніе же, слѣдующее за опредѣляемымъ именемъ, отдѣляется отъ него запятыми:

Прачка Палашка, толстая и рябая дѣвка, и кривая коровница Акулька. (Пушк.).

—

Хозяинъ, родомъ яицкій казакъ, казался мужикъ лѣтъ 68, еще свѣжій и бодрый. (Пушк.).

—

Если стоящее передъ опредѣляемымъ приложеніе само имѣетъ при себѣ опредѣленіе или дополненіе, то иногда, для ясности смысла, оно также отдѣляется запятою.

Отецъ мой, Андрей Петровичъ Гриневъ въ молодости своей служилъ при графѣ Минихѣ. (Пушк.).

Впрочемъ, въ этомъ примѣрѣ имена отца могутъ, наоборотъ, считаться приложеніемъ, и тогда они должны быть поставлены между запятыми.

—

Запятая ставится равнымъ образомъ и передъ приложеніемъ, поясняющимъ мѣстоименіе:

Вокругъ одра, гдѣ онъ лежитъ,
Могучій мститель злыхъ обидъ. (Пушк.).

Запятою отдѣляется придаточное предложеніе отъ главнаго, стоятъ ли они рядомъ, или придаточное поставлено между частями главнаго:

А. Опредѣлительныя предложенія.

1. Полныя, образуемыя мѣстоименіями: *который* (въ косв. падежахъ и *кой*), *какой*, *кто*, *что*.

Примѣры опредѣлительныхъ предложеній съ мѣстоименіемъ *который*:

а) *Я встрѣтилъ генерала Бурцова, который звалъ меня на лѣвый флангъ.* (Пушк.).

—

Марья Ивановна подала бумажку незнакомой своей покровительницѣ, которая стала читать ее про себя. (Пушк.).

—

Я расплатился съ хозяиномъ, который взялъ съ насъ умѣренную плату. (Пушк.).

—

б) *Мнѣ приснился сонъ, котораго никогда не могъ я позабыть.* (Пушк.).

—

Если смотрѣть на чинъ и почести, до коихъ дослужился Фонвизинъ, то нельзя назвать блестящимъ служебное поприще его. (Вяз.).

Есть разница между фразами, помѣщенными подъ литерою *а*, и тѣми, которыя приведены подъ лит. *б*. Въ первомъ случаѣ опредѣлительное предложеніе составляетъ только добавочную подробность при главномъ; во второмъ оно необходимо для полноты мысли. Поэтому въ нѣкоторыхъ языкахъ предложенія послѣдняго рода не отдѣляются запятою отъ главныхъ.

Примѣры опредѣлительныхъ предложеній съ другими мѣстоименіями:

Каждый, кто только одаренъ чувствомъ любви къ нравственно-прекрасному. (Вяз.).

—

Тотъ самый, что былъ комендантомъ въ одной изъ оренбургскихъ крѣпостей. (Пушк.).

—

Онъ для одной меня подвергался всему, что постигло его. (Пушк.).

—

Каковъ я прежде былъ,
Таковъ и нынѣ я. (Пушк.).

2. Сокращенныя придаточныя предложенія, образуемыя причастіями дѣйствительнаго или страдательнаго залога, а также

прилагательными, когда тѣ и другія стоятъ при опредѣляемомъ ими существительномъ и притомъ съ принадлежащими къ нимъ дополненіями и обстоятельственными словами:

Я увидѣлъ генерала Муравьева, разставляющаго пушки. (Пушк.).

—

Все потянулось къ новой каменной церкви, построенной Кирилломъ Петровичемъ и ежегодно украшаемой его приношеніями. (Пушк.).

—

Двери кабинета, недоступнаго для постороннихъ, были настежъ растворены для семейства. (Вяз.).

Сюда относятся также примѣры, приведенные выше на стр. .

Б. Дополнительныя и обстоятельственныя предложенія, какъ полныя, образуемыя при помощи союзовъ: *что*, *когда*, *гдѣ*, *куда*, *откуда*, *какъ*, *ибо*, *потому что*, *если*, *хотя*, *чтобы*, *дабы* и т. п., такъ и сокращенныя, выраженныя посредствомъ дѣепричастій, отдѣляются запятыми отъ главныхъ.

а) Съ союзами:

Смотря на то, что происходитъ между нами, мы уже можемъ сказать, что свобода Англіи начинаетъ гибнуть. (Жук.).

—

Вотъ что Жанъ-Поль Рихтеръ написалъ въ то время, когда королева Луиза покинула землю. (Жук.).

Чтобы не быть темнымъ или смѣшнымъ, я долженъ сдѣлать отступленіе. (Жук.).

—

Если Англія хочетъ занять въ христіанскомъ мірѣ мѣсто языческаго Рима, то она должна ожидать и судьбы его. (Жук.).

—

Все же мнѣ васъ жаль немножко,
Потому что здѣсь порой... (Пушк.).

—

Отъ натяжки выраженіе затемняетъ самую мысль, ибо не можетъ вполнѣ ей соотвѣтствовать. (Жук.).

Когда, при употребленіи сложнаго союза *потому что*, съ особеннымъ удареніемъ произносится первая часть его, то запятая ставится передъ *что:*

Онъ не знаетъ, гдѣ и какъ проснется, не знаетъ потому, что смотритъ на жизнь сквозь черное стекло скептицизма. (Жук.).

б) При дѣепричастіяхъ:

Я выѣхалъ изъ Симбирска, не простясь съ моимъ учителемъ. (Пушк.).

—

Неправда! возразила дама, вся вспыхнувъ. (Пушк.).

—

Вставъ изъ-за стола, я чуть держался на ногахъ. (Пушк.).

Когда стоящее безъ дополненія дѣепричастіе имѣетъ значеніе нарѣчія (напр. *молча, шутя, стоя, лежа*), то при немъ запятыя не употребительны:

Что за вздоръ! отвѣчалъ батюшка нахмурясь. (Пушк.).

Вообще обстоятельственныя слова отдѣляются запятыми только тогда, когда ихъ нѣсколько, или когда они вставляются, для поясненія мысли, между частями предложенія.

Вмѣстѣ прошли они, рука въ руку, душа въ душу, честное поприще дѣятельной жизни. (Вяз.).

—

Эта книга, во всѣхъ отношеніяхъ, представляетъ цѣлое самое гармоническое. (Плетн.).

—

Книги, сдѣлавшіяся, по оригинальности своей или по вѣрному изображенію человѣка, необходимымъ пріобрѣтеніемъ литературы. (Плетн).

—

Всѣ жаждутъ власти, явно или тайно, и каждый украшаетъ свою жажду заимствованнымъ именемъ. (Жук.).

Такъ какъ придаточныя предложенія всякаго рода отдѣляются отъ главнаго запятою, то и передъ всѣми словами, кото-

рыми можетъ начинаться придаточное предложеніе, вставленное въ середину рѣчи, употребляется запятая:

1. Передъ мѣстоименіями относительными: *кто*, *что*, *который*, когда они слѣдуютъ за указательными: *тотъ*, *то*, или за существит. именами.

2. Передъ союзами: *что*, *будто*, *какъ*, *если*, *хотя*, *нежели*, *чѣмъ*; также передъ предлогомъ *кромѣ* и послѣ управляемыхъ имъ словъ.

3. Между отвѣчающими другъ другу союзами: *тогда*, *когда*; *тамъ*, *гдѣ*; *такъ*, *какъ*; *столько*, *сколько*:

Въ письмахъ своихъ Карамзинъ, какъ въ чистомъ и вѣрномъ зеркалѣ, изображается во всей своей ясности. (Вяз.).

—

Вся Германія занялась преимущественно, если не исключительно, одними литературными вопросами. (Тург.).

—

Вижу въ немъ человѣка болѣе, нежели царя. (Карамз.).

—

Кромѣ исчисленныхъ главныхъ знаковъ препинанія, одинаковое съ ними назначеніе имѣетъ черта, или тире (—).

Она употребляется:

1. Между подлежащимъ и сказуемымъ при опущеніи связки въ настоящемъ времени (*есть*, *суть*), когда безъ черты отношеніе между обѣими частями предложенія не было бы ясно:

Между откупщиковъ,
Съ которыми теперь и графы и князья —
Друзья. (Крыл.).

—

Велико дѣло — милліонъ! (Крыл.).

—

А философъ —
Безъ огурцовъ. (Крыл.).

2. Вообще, когда при ускоренной рѣчи опускаются слова, употребительныя при спокойномъ выраженіи мыслей, или когда нарушается обыкновенный порядокъ изложенія, а также для означенія быстроты дѣйствія или передъ неожиданною мыслью, передъ разительнымъ заключеніемъ предложенія:

Кому нѣтъ мѣста и причины, и проч.
Кого мы называемъ — Богъ! (Держ.).

—

Лѣвѣй, лѣвѣй, и съ возомъ — бухъ въ канаву. (Крыл.).

—

Вспорхнулъ — и полетѣлъ за тридевять земель. (Крыл.).

—

Шагнулъ — и царство покорилъ. (Держ.).

—

Сегодня льститъ надежда лестна,
А завтра — гдѣ ты человѣкъ? (Держ.).

—

Надежду и пловца — все море поглотило. (Крыл.).

—

И щуку бросили — въ рѣку. (Крыл.).

—

Сказалъ — и бросилъ повода. (Лерм.).

3. Для означенія рѣзкой противоположности:

Я царь — я рабъ — я червь — я Богъ. (Держ.).

4. Въ періодической рѣчи, передъ вторымъ членомъ періода, особенно когда пропускаются союзы: *то, такъ, тогда*:

Въ журналахъ новость онъ найдетъ —
Все перероетъ, пересадитъ. (Крыл.).

5. Иногда черта замѣняетъ запятую, и отдѣляетъ:

а) Не принадлежащія къ предложенію (вводныя) слова:

Какъ вдругъ, — о чудо, о позоръ! —
Заговорилъ оракулъ вздоръ. (Крыл.).

—

Я слышалъ — правда ль — будто встарь
Судей такихъ видали. (Крыл.).

—

Тутъ — дѣлать нечего — друзья поцѣловались. (Крыл.).

б) Приложеніе, когда оно довольно длинно:

И тебя не стало, нашъ Государь 12-го и 14-го годовъ — эпохъ сожженія Москвы и пощады Парижа. (Ѳ. Глинка).

в) Слова повторяемыя:

Встряхнулся и лежитъ, — лежитъ и видитъ онъ. (Крыл.).

6. Черта можетъ ставиться и вмѣстѣ съ другими знаками препинанія, какъ показываетъ уже и послѣдній изъ приведенныхъ здѣсь примѣровъ. Когда приводятся чужія рѣчи, то слова одного лица отдѣляются отъ словъ другого чертою при точкѣ, при восклицательномъ или вопросительномъ знакѣ:

Но вѣдать я желаю:
Вы сколько пользы принесли? —
Да наши предки Римъ спасли! —
Все такъ, да вы что сдѣлали такое? —
Мы? ничего! — Такъ чтожъ и добраго въ васъ есть? (Крыл.).

Отъ черты должно отличать черточку - (или, какъ въ старину говорили, единитный знакъ). Она ставится:

1. Между двумя существительными, соединяемыми въ одно названіе:

Царь-птица, жаръ-птица, баба-яга, кума-лиса, адъюнктъ-профессоръ, генералъ-майоръ, чудо-богатырь.

2. Вообще между словами, составляющими вмѣстѣ одно понятіе, но которыя не принято писать слитно:

Что-то, какой-то, кто-нибудь, что-либо, то-есть, все-таки, изъ-подъ, изъ-за, по-нашему, по-русски, по-молодецки, самъ-третей, можетъ-быть.

3. Иногда нарѣчіе соединяется черточкою съ слѣдующимъ за нимъ прилагательнымъ, напр.: *истинно-патріотическій, западно-европейскій, греко-латинскій, древне-классическій.*

Сводъ небесъ зелено-блѣдный (Пушк.).

Чтобы явственнѣе отдѣлять отъ предложенія вводныя слова, къ нему не относящіяся, или вообще слова, служащія къ поясненію предыдущихъ, употребляются скобки ( ): иногда между скобками ставится цѣлое предложеніе, напр.:

Ну что, братъ, каково дѣлишки, Климъ, идутъ?
(Въ комъ нужда, ужъ того мы знаемъ, какъ зовутъ). (Крыл.).

—

И съ обществами та жъ судьба (сказать межъ нами),
Что съ деревянными домами. (Крыл.).

Непосредственно передъ скобками большею частью не ставится знаковъ препинанія; если скобками прерывается предложеніе, или отдѣляется главное отъ придаточнаго, то требующійся знакъ ставится послѣ второй скобки. См. предыдущій примѣръ.

Отъ всѣхъ другихъ знаковъ препинанія отличаются своимъ назначеніемъ знаки: восклицательный (!) и вопросительный (?), служащіе для указанія тона рѣчи.

Знакъ восклицательный ставится:

1) Послѣ слова, употребленнаго въ звательномъ падежѣ, когда зову придается особенная сила, преимущественно въ началѣ рѣчи:

Глаголъ временъ! металла звонъ!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ. (Держ.).

2) Послѣ предложенія, содержащаго восклицаніе, а также и послѣ междометія:

Вязать! Топить! Да здравствуетъ Димитрій! (Пушк.).

—

Ага! увидѣлъ ты! (Пушк.).

—

О! да исполнятъ безсмертные боги твои всѣ желанья! (Жук.).

Впрочемъ послѣ междометія, служащаго только для усиленія восклицанія, часто достаточно бываетъ запятой:

О, если бъ могъ отъ взоровъ недостойныхъ
Я скрыть подвалъ! (Пушк.).

Когда междометіе *о* поставлено передъ словомъ, которое само по себѣ употреблено въ видѣ восклицанія, то первое отъ послѣдняго вовсе не отдѣляется знакомъ:

О горе! (Жук.).

—

О страшное, невиданное горе! (Пушк.)

Знакъ вопросительный ставится послѣ главнаго предложенія, содержащаго прямой вопросъ:

Сей монахъ молчаливый и мрачный — кто онъ?
Та монахиня — кто же она? (Жук.).

—

Что видѣли мы въ послѣднее время? Съ кѣмъ изъ возмутителей не-дружилась Англія? Въ какой землѣ Европы, гдѣ кипѣлъ мятежъ, не были англійскими деньгами разъярены и награждены уличные, обрызганные кровію герои? (Жук.).

Вопросительный знакъ ставится также послѣ придаточнаго предложенія, относящагося къ прямому вопросу, выраженному главнымъ:

Не Англія ли бросила Швейцарію во власть грабителей радикаловъ, дабы основать въ ней постыдную рабочую мятежа и разврата, которые не даютъ свободно вздохнуть Европѣ? (Жук.).

Передъ косвеннымъ вопросомъ, выраженнымъ въ придаточномъ предложеніи, ставится по общему правилу запятая, вопросительнаго же знака въ концѣ вопроса не нужно.

Никто не можетъ сказать, когда началась вѣра въ Бога. (Жук.).

—

Можетъ ли русскій языкъ пріобрѣсти это свойство, не знаю. (Жук.).

Иногда, когда предложеніе заключаетъ въ себѣ вопросъ и восклицаніе вмѣстѣ, ставятся одинъ за другимъ оба знака, или, если въ вопросительномъ предложеніи преобладаетъ восклицаніе, то ставится одинъ восклицательный знакъ:

Лишь объ одномъ я буду плакать:
Зачѣмъ они не дѣти! (Лерм.).

Для болѣе явственнаго означенія выговора употребляются два надстрочные знака: 1, знакъ ударенія (´) и 2, двоеточіе (¨) надъ буквами *е* и *э*.

Для отличія ударяемаго слога намъ совершенно достаточно одного знака (остраго ´), такъ какъ наше удареніе всегда одинаково, и вовсе не нужно, какъ обыкновенно дѣлается, ставить въ концѣ слова на гласной другое (тяжелое `) удареніе; напр. пишутъ: *сло́ва* и *слова̀*. Въ этой практикѣ нельзя не видѣть остатка рабскаго подчиненія нашей грамматики правиламъ древнихъ языковъ: въ греческомъ знакъ тяжелаго акцента ставится только на послѣднемъ слогѣ.

Знакъ ударенія употребляется либо для показанія различія въ произношеніи двухъ словъ, которыя пишутся одинаково, напр. въ словѣ *за́мокъ* для отличія отъ *замо́къ*, либо для означенія выговора малоизвѣстнаго слова, областного или иноязычнаго, или же наконецъ собственнаго имени.

Для тѣхъ же цѣлей служитъ начертаніе *ё*, напр. въ словѣ *нёбо* для отличія отъ *небо*. Кромѣ того, къ двоеточію надъ *е* прибѣгаютъ иногда въ стихахъ, чтобы яснѣе показать созвучіе одного слова съ другимъ, иначе написаннымъ; напр. пишутъ *слёзъ* для болѣе нагляднаго означенія риѳмы къ слову *грозъ*.

Употребленіе буквы *ӭ* исключительно въ собственныхъ именахъ объяснено выше на стр. 393.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I (къ стр. 275).

По поводу толковъ о правописаніи[1].

Было время, когда у насъ не существовало гражданской азбуки: ее ввелъ и отчасти самъ составилъ Петръ Великій. Составленіе ея было слѣдствіемъ новой потребности и первымъ шагомъ къ созданію новаго, то-есть *русскаго* письменнаго языка, который долженъ былъ мало по малу вытѣснить изъ литературы языкъ церковно-славянскій; вмѣстѣ съ тѣмъ это было первымъ отступленіемъ отъ преданій кирилловскаго письма.

Гражданская наша грамота установилась не вдругъ. Нѣкоторыя буквы славянской азбуки, не тронутыя Петромъ I, были исключены изъ нея впослѣдствіи. Нѣсколько разъ составъ гражданской азбуки измѣнялся: однѣ буквы были изгоняемы, другія прибавлялись. Такимъ образомъ теперешняя наша азбука составлялась постепенно, и кое-что вошло въ нее послѣ первоначальнаго преобразованія, по мѣрѣ потребности и успѣховъ времени. Теперь вопросъ въ томъ: считать ли сдѣланное доселѣ совершенно законченнымъ, вполнѣ удовлетворительнымъ, или требующимъ нѣкоторыхъ усовершенствованій,—измѣненій, а можетъ-быть и дополненій?

Попытки нововведеній въ нашемъ правописаніи, повторяю-

---

[1] *Совр. Лѣт.* 1862, № 28. Для избѣжанія повтореній, печатается здѣсь съ нѣкоторыми сокращеніями. Какъ читатели могли видѣть изъ текста настоящаго (8-го) изданія *Филологическихъ Разысканій*, я отказался отъ предположеній объ отмѣнѣ употребленія *ижицы*, и, въ концѣ словъ, *ера*. Сила привычки такъ велика, что въ двадцатилѣтіе, протекшее съ того времени какъ многіе вмѣстѣ со мною высказывали противоположный взглядъ, старинная практика осталась господствующею, и вопросъ о сохраненіи этихъ двухъ буквъ можно считать окончательно рѣшеннымъ.

щіяся отъ времени до времени, доказываютъ, что есть дѣйствительная потребность въ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ.

Но затѣмъ спрашивается: должны ли эти измѣненія коснуться цѣлой системы нашего правописанія, или ограничиться нѣкоторыми частностями?

Господствующій характеръ системы русскаго правописанія состоитъ въ соблюденіи словопроизводства: въ этомъ отношеніи наше правописаніе отличается большою правильностію и послѣдовательностію, такъ что можно указать только на частныя отступленія отъ этого начала (напримѣръ: *здѣсь* вмѣсто *сдесь*, *гдѣ* вмѣсто *кде*). Въ самомъ дѣлѣ, съ этой стороны языки образованнѣйшихъ націй Европы далеко уступаютъ нашему, и нѣтъ ни основанія, ни надобности измѣнять коренныя начала нашего правописанія. Притомъ, опытъ другихъ литературъ уже показалъ, что крутыя преобразованія орѳографіи никогда не удаются, даже и тогда, когда предлагаются людьми, пользующимися большимъ авторитетомъ. Поэтому Яковъ Гриммъ въ своемъ словарѣ не рѣшился осуществить всѣхъ нужныхъ по его мнѣнію орѳографическихъ нововведеній, чтобы не отбить читателей. Такъ и профессоръ Лео, который долго печаталъ свою очень извѣстную Исторію съ особеннымъ правописаніемъ, долженъ былъ (какъ самъ онъ говорилъ намъ) напослѣдокъ отказаться отъ него по просьбѣ книгопродавцевъ, находившихъ, что эти особенности вредять сбыту книги.

Совсѣмъ другое — немногія частныя измѣненія въ письмѣ, польза которыхъ можетъ быть всѣми понята и почувствована.

Тѣ, которые въ этомъ дѣлѣ придаютъ безусловный вѣсъ историческому началу, ссылаясь на происхожденіе кириллицы, забываютъ, что мы уже болѣе полутора вѣка тому назадъ измѣнили ей, и что теперь дѣло идетъ только о довершеніи реформы, начавшейся еще въ 1704 году.

Дѣйствительно, если уже въ первое время гражданскаго письма исключены были изъ азбуки нѣкоторыя лишнія буквы, почему то же самое не можетъ быть сдѣлано и теперь, ежели

окажется, что первые преобразователи исключили еще не всѣ лишнія буквы кириллицы?

Лишними *могутъ* казаться слѣдующія буквы: *ѣ*, *э*, *и*, *ѳ*, *ѵ*: которыя же изъ нихъ въ самомъ дѣлѣ лишнія?

Буква *ѣ* въ нынѣшнемъ великорусскомъ языкѣ ничѣмъ не отличается отъ *е*. Если бъ было иначе, то всякій русскій по слуху узнавалъ бы безошибочно, гдѣ дожно писаться *ѣ*. Нѣкоторые думаютъ, что разница есть, но только самая утонченная, неуловимая. Если бъ и было такъ, то разница этого рода, при безчисленныхъ видоизмѣненіяхъ въ говорѣ людей одной и той же націи, равнялась бы совершенному безразличію. Сравните, для примѣра, слова: *лѣнь* и *олень*, *ѣли* и *ели*, *ѣсть* и *есть*. Слѣдовательно неоспоримо, что у насъ для одного и того же звука употребляются двѣ разныя буквы. Но здѣсь является вопросъ: какая же тому причина? Если случайная, основанная на произволѣ, то такая двойственность не должна быть терпима; но если причина разумная, то и явленіе, вслѣдствіе ея происшедшее, должно быть уважено, особенно если оно и теперь имѣетъ свой смыслъ и свою пользу. Нѣкогда буква *ѣ* конечно отличалась особеннымъ произношеніемъ; какъ именно она выговаривалась, объ этомъ мнѣнія различны; но у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ нашей буквѣ *ѣ* въ большей части словъ, гдѣ она встрѣчается, соотвѣтствуетъ особенный звукъ, напримѣръ въ польскомъ языкѣ **ia** (biały, wiara, бѣлый, вѣра[1]), въ чешскомъ долгое *í* или *ě* (почти

[1] Кеневичъ въ своемъ возраженіи приводитъ множество польскихъ словъ, въ которыхъ нашей буквѣ *ѣ* соотвѣтствуетъ не **ia**, а другіе звуки; показываетъ, что иногда и русское *е* переходитъ въ **ia** (dziarzki, ziarno, wiadro), что наконецъ и польскій звукъ **ie** не соотвѣтствуетъ русскому *ѣ*. «Изъ приведенныхъ фактовъ, заключаетъ онъ, видно, что въ настоящее время одинъ и тотъ же польскій звукъ передается въ русскомъ языкѣ двумя начертаніями одного и того же звука, и наоборотъ русской буквѣ *ѣ* соотвѣтствуетъ въ польскомъ не одинъ, а нѣсколько различныхъ звуковъ». Такимъ образомъ Кеневичъ не признаетъ, чтобы б. *ѣ* служила постояннымъ отличіемъ извѣстныхъ корней. Далѣе онъ выражаетъ мысль, что какъ скоро первоначальное произношеніе буквы *ѣ* было забыто, то писцы стали сбиваться въ употребленіи ея и впали въ непослѣдовательность. Совершившееся давно уничтоженіе *юсовъ* даетъ ему новое оружіе противъ *ѣ* и служитъ поводомъ утверждать,

наше йэ), а въ малорусскомъ нарѣчіи — *и* (напримѣръ вм. *снѣгъ* — *снигъ*, вм. *бѣсъ* — *бисъ*). Такимъ образомъ *ѣ* составляетъ исконную принадлежность многихъ корней языка и служитъ отличіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ подобозвучныхъ съ буквою *е*, напримѣръ *вѣд (вѣдать)* отъ *вед (веду)*, *мѣт (мѣтить)* отъ *мет (метать)*. Такъ же точно *ѣ* помогаетъ болѣе ясному различенію производныхъ словъ и формъ, каковы напримѣръ слова: *свѣдѣніе* и *сведеніе*, *вѣсть* и *весть*. Но, возражаютъ многіе, цѣль уяснять правописаніемъ значеніе словъ не оправдываетъ существованія двухъ буквъ для одного и того же звука; значеніе слова каждый разъ видно изъ связи всей рѣчи. Нельзя однакожъ не согласиться, что чѣмъ менѣе будетъ случаевъ возможнаго смѣшенія понятій въ письменномъ изображеніи словъ, тѣмъ письмо будетъ совершеннѣе. Для избѣжанія такого смѣшенія служитъ часто и употребленіе буквы *ѣ* въ окончаніяхъ словъ. Такъ отличаются напримѣръ формы: *искреннее* и *искреннѣе*, *свѣжее* и *свѣжѣе*, *синее* и *синѣе*, въ *поле* и въ *полѣ*. Словомъ, каждая изъ обѣихъ буквъ имѣетъ свое назначеніе и свои законы. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное разсмотрѣніе ихъ. Припомню только, что *ѣ* рѣдко подвергается измѣненію при переходахъ слова изъ одной формы въ другую[1], тогда какъ *е* есть по большей части вста-

---

что желающіе сохраненія этой буквы должны стараться и о возстановленіи *юсовъ*. Объ этомъ было говорено и въ ороографическихъ собраніяхъ; но дѣло въ томъ, что *юсы* были оставлены прежде нежели грамматика могла вступиться за нихъ, и что возстановить потерянное гораздо труднѣе, чѣмъ сберечь то, что еще имѣется. Авторъ, какъ и многіе другіе, отвергаетъ надобность отличать на письмѣ слова разныхъ значеній, утверждая, что для различенія ихъ достаточно положенія въ фразѣ. Однакожъ понятно, что чѣмъ чаще будетъ встрѣчаться такое смѣшеніе словъ на письмѣ, тѣмъ грамота будетъ менѣе ясна и удовлетворительна. Что было бы напримѣръ съ французскимъ письмомъ, если бъ, при изобиліи въ языкѣ омонимовъ, они писались одинаково, если бъ напр. *san* означало и *сто*, и *чувство* и *кровь*, и предлогъ *безъ*?

[1] Есть нѣсколько случаевъ перехода буквы *ѣ* въ *и*, съ которою она въ явномъ родствѣ, и наоборотъ: *дитя*, *дѣти*; *лѣпить*, *липнуть*; *тѣснить*, *тискать*; *вѣсить*, *висѣть*; *сѣверъ*, *сиверко*. Такимъ же образомъ *ѣ* въ родствѣ и съ *я* (*ѣсть*-*яство*, *сѣсть*-*сяду*).

вочная, бѣглая, легко выпадающая или измѣняющаяся буква. Въ окончаніяхъ именъ *е* служитъ для прямой формы единств. числа (*море*, *здоровье*, *доброе*) именъ ср. рода; *ѣ* для косвенныхъ падежей един. числа (*водѣ*, *въ морѣ*) и для прямой формы множественнаго въ мѣстоименіяхъ (*тѣ*, *всѣ*). Для нашей цѣли достаточно вывода, что *ѣ* имѣетъ въ языкѣ не только историческое значеніе, но и свой смыслъ, свою разумную цѣль. Эта буква всякій разъ обозначаетъ, такъ сказать, особенную натуру слога. Хотѣть изгнать ее значитъ посягать вообще на начало словопроизводства въ русской орѳографіи и вводить систему правописанія, основывающуюся на одномъ выговорѣ. Но эта система вовсе не примѣнима къ русскому языку по причинамъ, которыхъ объясненіе здѣсь повело бы насъ слишкомъ далеко; введеніе ея у насъ никогда не могло бы имѣть успѣха. Главный доводъ противъ буквы *ѣ* заключается въ томъ, что она затрудняетъ изученіе письма, тѣмъ болѣе что въ нѣкоторыя слова она вошла неправильно, и наоборотъ, иногда мы ея не пишемъ тамъ, гдѣ бы ей слѣдовало быть. Но подобныя затрудненія и частныя непослѣдовательности правописанія встрѣчаются во всѣхъ языкахъ. Первыя побѣждаются навыкомъ, а изъ-за послѣднихъ нѣтъ причины касаться несравненно бóльшаго числа случаевъ, гдѣ особенность правописанія раціональна.

Буква *э* (къ названію которой вовсе не нужно прибавлять эпитета *оборотное*, если другую называть какъ слѣдуетъ, то-есть **йе**), буква *э* не можетъ считаться излишнею, ибо выражаетъ отдѣльный звукъ, дѣйствительно существующій въ языкѣ. Нужды нѣтъ, что число собственныхъ нашихъ словъ, гдѣ она встрѣчается, не велико: надобность буквы не можетъ измѣряться количествомъ случаевъ, въ которыхъ звукъ ея слышится. Та же буква *э* находится въ множествѣ перешедшихъ къ намъ иностранныхъ словъ, совершенно уже слившихся съ нашимъ языкомъ (напр. *эпоха*, *эхо*, *элементъ* и проч.). У насъ есть другая буква, которая не попадается ни въ одномъ чисто-русскомъ словѣ: это *ф*; ужели же мы за то изгонимъ ее?

Для звука *i* мы опять находимъ у себя двѣ буквы. Различное употребленіе ихъ совершенно условно, и безъ одной изъ нихъ можно бы очень хорошо обойтись. Разумѣется, мы предпочтительно сохранили бы ту, которая принадлежитъ намъ обще съ другими европейскими народами. Такъ въ началѣ поступилъ и Петръ Великій. По какимъ соображеніямъ онъ опять ввелъ *и* рядомъ съ *i*; мы не знаемъ положительно; вѣроятно, однакожъ, онъ при этомъ руководствовался мыслію, что такъ какъ звукъ *i* безпрестанно встрѣчается въ нашемъ языкѣ, то слишкомъ часто повторяющаяся надстрочная точка придавала бы печати не совсѣмъ пріятную пестроту, а въ скорописи задерживала бы письмо. Особенно два *i* сряду въ окончаніи словъ должны были казаться неудобными. Красота письма очень принималась въ расчетъ преобразователями нашей азбуки. Не даромъ и Тредьяковскій, восхищаясь круглыми, четкими буквами первопечатныхъ русскихъ книгъ, отказывался отъ *э* и *з* потому только, что находилъ ихъ некрасивыми. Но вкусы различны, и онъ же, вопреки Петру Великому, опять исключилъ *и*, удерживая только *й*. Такъ мнѣніе нашихъ стариковъ колебалось относительно *и*, да и теперь нельзя не согласиться, что ежели есть причины выбросить эту лишнюю букву, то есть съ другой стороны и доводы къ сохраненію ея. Скоропись тѣмъ удобнѣе, чѣмъ менѣе въ ней надстрочныхъ знаковъ: едва ли не легче и не скорѣе можно начертить двѣ палочки, чѣмъ одну съ точкою надъ ней[1]. Да и печать, кажется, выиграетъ въ ясности и благообразіи (послѣдняго начала и теперь нельзя же вполнѣ выпускать изъ виду), если по крайней мѣрѣ подъ *краткой* сохранить старинное *и*. Другихъ основаній для удержанія его нѣтъ. Могутъ замѣтить, что во многихъ словахъ, взятыхъ съ греческаго, оно играетъ роль буквы *эты* (η), изъ которой и составлено, и въ такихъ словахъ должно быть сохранено. Однакожъ, какая въ томъ бѣда, что мы будемъ изображать

[1] Можно бы писать і безъ точки, какъ дѣлали древніе греки; но въ скорописи такое ı слишкомъ мало выдавалось бы между другими буквами, въ составъ которыхъ входитъ одинаковое начертаніе.

звукъ другою соотвѣтствующею ему буквой въ словахъ, не принадлежащихъ нашему языку? Тутъ нѣтъ разницы въ выговорѣ, и нѣтъ надобности отмѣчать происхожденіе чуждаго намъ слова. Это не то, что буква *ѣ*, которая важна именно потому, что отличаетъ наши собственные корни и окончанія. Вѣдь ужъ мы замѣнили *ижицу* буквой *и*, напримѣръ въ именахъ: лира, типъ, ритмъ; такъ точно и вмѣсто *и* можно бы ввести *і* даже и въ такихъ греческихъ словахъ, какъ риторъ, скипетръ и проч.

Еще менѣе можно стоять за *ѳиту*, которая служитъ только для передачи греческой ϑ. Добро бы еще, если бъ этотъ чуждый звукъ всегда переходилъ къ намъ одинакимъ образомъ. Мы говоримъ и пишемъ: *театръ*, *математика*, вмѣсто *ѳеатръ*, *маѳематика*, и ничѣмъ не отличаемъ первое фальшивое *т* отъ втораго настоящаго. За что же фальшивый звукъ *ф* будетъ въ одинаковыхъ случаяхъ пользоваться привилегіей особаго знака? Пора изгнать этого монополиста русской азбуки и начать писать: *Мефодій*, точно такъ, какъ давно уже пишемъ: *Кириллъ* вмѣсто Кѵриллъ; *Ф*едоръ, *Ф*едотъ и Ага*ф*ья ничѣмъ не хуже К*и*пріана, Ак*и*ндина и Ол*и*мпіады. Греческую υ мы изображаемъ то какъ *и* (напримѣръ въ приведенныхъ сейчасъ словахъ), то какъ *в* (напримѣръ въ словѣ *евангеліе*), смотря по произношенію; почему же не можемъ изображать и греческую ϑ то какъ *т*, то какъ *ф*, по требованію выговора?

Остается разсмотрѣть букву *ъ*. Говорятъ, что она не буква, потому что сама по себѣ не выражаетъ никакого звука. Положимъ, что *ъ* и *ь* не буквы, а только знаки, принятые въ азбуку, но и знаки законны, если они нужны.

Нужны ли *ъ* и *ь*?

Въ древнемъ языкѣ, который перешелъ въ нашу церковную литературу, согласныя буквы не могли сами собою заканчивать слова и требовали поддержки гласной, которая могла быть твердою или мягкою и выражалась начертаніемъ *ера* или *еря*. Это видно изъ древнѣйшихъ крюковыхъ нотъ, гдѣ *ъ* и *ь* въ концѣ слова всегда составляютъ особый слогъ. Эти гласныя не совсѣмъ

опредѣленнаго для насъ звука и очень краткаго протяженія (почему онѣ и названы были полугласными) долго употреблялись и въ срединѣ многихъ словъ тамъ, гдѣ мы теперь ставимъ *о* и *е*, напримѣръ въ словахъ *плъть* (плоть), *вьртъпъ* (вертепъ). Между тѣмъ онѣ и въ концѣ словъ давно утратили свое первоначальное значеніе, и начертанія ихъ остались только знаками дебелаго или тонкаго произношенія согласныхъ. При такомъ положеніи дѣла нельзя ли обойтись безъ того изъ нихъ, который и въ срединѣ словъ безпрестанно опускается? Такъ мы пишемъ: *полка*, *долго* безъ *ъ* послѣ *л*, и только умягченіе этой согласной отмѣчаемъ особеннымъ знакомъ, напримѣръ въ словахъ *польза*, *только*. Очень легко было бы согласиться принять за правило, что когда и на концѣ слова нѣтъ знака послѣ согласной, то она произносится твердо. При сліяніи двухъ словъ въ одно, и теперь уже *ъ* выпускается послѣ перваго, не только передъ согласными, но и передъ гласными, когда правильность выговора отъ этого не страдаетъ, всѣ пишутъ: *радуемся*, а не радуемъся, *разумъ*, а не разъумъ. Напротивъ *ь*, при соединеніи словъ, почти всегда сохраняется; напримѣръ въ словахъ: *радоваться*, ты *гордишься*. Въ этомъ различіи уже выразилось сознаніе въ необходимости ограничивать употребленіе обоихъ знаковъ дѣйствительною потребностью. Лѣтъ 25 тому назадъ сдѣланъ новый шагъ къ сокращенію *ера* въ предлогахъ, составляющихъ съ существительнымъ или мѣстоименіемъ какъ бы нарѣчіе. *Отечественныя Записки* стали писать, напримѣръ, *оттого*, *вслѣдствіе*, *впослѣдствіи*; тотъ же журналъ принялъ орѳографію: *пол-листа*, *генерал-маіоръ* и т. п. Эти нововведенія, сначала казавшіяся странными, скоро нашли однакожъ множество послѣдователей. Да уже и прежде писали: *кстати*, *вверху*, *слишкомъ* и т. п. Точно такъ не было бы и теперь невозможнымъ пойти еще далѣе и исключить *ъ* въ концѣ словъ. Этимъ мы сберегли бы много времени, мѣста, а при печатаніи — и денегъ, безъ всякаго ущерба полнотѣ и ясности изображенія словъ на письмѣ. Отсюда однакожъ не слѣдуетъ, чтобы должно было совсѣмъ исключить *ъ* изъ азбуки.

Онъ удержалъ бы свое мѣсто въ предложныхъ словахъ передъ буквами *е*, *ѣ*, *я*, *ю*, напримѣръ: *съемка*, *отъѣздъ*, *объятіе*. Вмѣсто пріисканія другого раздѣлительнаго знака для подобныхъ случаевъ, не лучше ли удержать старый, который переданъ намъ исторіей и будетъ жить въ тысячахъ уже напечатанныхъ книгъ? Во всѣхъ прочихъ случаяхъ сложенія предлоговъ съ другими словами *ъ* совершенно излишенъ, и непонятно, почему многіе считаютъ нужнымъ писать: *съумѣть*, *съузить*, *отъучить*, когда они же пишутъ: *сумасшедшій* (не съумасшедшій), *обучать* и т. д. Когда въ такомъ случаѣ *ъ* встрѣчается съ *и*, то слѣдуетъ писать просто *ы*, такъ какъ самое названіе этой буквы показываетъ ея составъ изъ *ъ* и *и*. Зачѣмъ же употреблять два знака, когда есть замѣняющій ихъ одинъ? Всѣ уже пишутъ *взыскать*, *обыскъ*: почему же не писать такимъ же образомъ *сыграть*, *безыменный*, *предыдущій?* Встрѣча *ъ* съ *и* наводитъ меня на другой случай, который въ глазахъ многихъ можетъ помѣшать безусловному опущенію *ера* и въ концѣ словъ. Случай этотъ представляется намъ въ одномъ изъ слѣдующихъ стиховъ басни Крылова «Стрекоза и Муравей»:

Какъ подъ каждымъ ей листкомъ
Былъ готовъ и столъ и домъ?

Не потерпитъ ли правильность произношенія послѣдняго стиха отъ опущенія *еровъ* передъ *и?* Отсутствіе *ъ* послѣ согласной позволяетъ сливать ее съ послѣдующимъ *и* въ мягкій звукъ: *готов-и стол-и домъ*. То же можетъ случиться и при отдѣльно-стоящихъ предлогахъ, напримѣръ, когда *въ* и *съ* находятся передъ именемъ, начинающимся съ *и* (*въ иномъ*, *съ иломъ*). Итакъ можно ли писать: *в иномъ*, *с иломъ*, или при подобныхъ встрѣчахъ можно удерживать *ъ* въ предлогахъ и въ концѣ словъ? Кажется, приведенный случай не долженъ служить препятствіемъ къ опущенію *ъ* въ концѣ словъ и въ предлогахъ, если принять за правило, что каждое слово составляетъ отдѣльное цѣлое и тѣмъ самымъ уже ограждено отъ сліянія съ послѣдующимъ.

Съ исключеніемъ *ѳиты* не полезно ли было бы дополнить нашу азбуку какою-нибудь другою буквой? Много разъ, и еще недавно[1], было говорено о недостаткѣ у насъ особаго знака для одного изъ звуковъ нынѣшней буквы *г*, именно для звука, слышимаго въ словахъ: *благо*, *Господь*, *Богу*, *богатый*. Такой знакъ, говорятъ, былъ бы намъ особенно нуженъ для передачи h въ иностранныхъ именахъ, напримѣръ въ Halle, Heine, Hegel. При нынѣшнемъ употребленіи въ такихъ случаяхъ буквы *г*, никогда нельзя узнать настоящаго имени, если оно уже напередъ не извѣстно, или если не стоитъ въ скобкахъ подлинное иностранное начертаніе его. Писать въ такихъ именахъ, какъ недавно предлагалось, *Хамбургъ*, *Хорацій*, *Бетховенъ*, было бы также не совсѣмъ вѣрно, потому что *х* соотвѣтствуетъ германскому ch, совершенно отличному отъ придыханія h. Тредьяковскій предлагалъ, для означенія этого звука, нѣсколько измѣнить очертаніе *г*. Палласъ, при изданіи «Сравнительныхъ словарей» Екатерины II, ввелъ для той же цѣли *г* съ подстрочнымъ хвостиковъ (cédille испанцевъ и французовъ). Но на введеніи этого или подобнаго знака все-таки нельзя слишкомъ настаивать[2], потому что есть и другіе чужеязычные звуки, для передачи которыхъ мы не имѣемъ способовъ. Таково напримѣръ германское *ö* или французское Eu, особливо въ началѣ словъ (Öhmann, Eugène). Конечно, мы не можемъ не соболѣзновать, что такимъ образомъ напримѣръ присваиваемъ жителямъ острова *Эзеля* (Ösel) имя, которое носить никому не лестно (Esel, оселъ), но подобное неудобство въ передачѣ именъ другихъ націй раздѣляютъ съ нами многіе и даже вѣроятно всѣ языки. Такъ нѣмцы превращаютъ наше *ж* въ *ш* (Schukoffski), а французы *щ* въ *ш* или въ *ч* (Cherbatoff, Tcherbatoff) и т. п.

---

[1] См. *Спб. Вѣд.* 1862, № 89.

[2] Кажется, дѣло звука h невозвратно проиграно въ русскомъ языкѣ: ибо съ давнихъ поръ уже онъ въ однихъ словахъ отвердѣлъ въ наше обыкновенное г (Голландія, госпиталь, гусаръ); въ другихъ совсѣмъ выпалъ (исторія, Ираклъ), въ третьихъ составилъ съ послѣдующею гласною звукъ е (Елена).

Для образца здѣсь помѣщаются первыя строки *Капитанской дочки*, напечатанныя безъ ъ въ концѣ словъ. «Отец мой Андрей Петрович Гринев в молодости своей служил при графѣ Минихѣ и вышел в отставку премьермаіоромъ в 17** году, с тѣх пор жил он в свой симбирской деревнѣ, гдѣ и женился на дѣвицѣ Авдотьѣ Васильевнѣ Ю., дочери бѣднаго тамошняго дворянина».

Такое письмо на первыхъ порахъ конечно показалось бы дикимъ. Но сознаемся, что противъ него можно замѣтить только одно: мы не видимъ въ немъ того, къ чему нашъ глазъ привыкъ, но что мы сами находимъ лишнимъ. Отбросивъ ъ въ концѣ словъ, мы бы освободили и себя отъ лишняго труда, и самое письмо отъ обремененія безполезными знаками.

Кто не допускаетъ въ письмѣ сокращеній для скорости? Какъ же не хотѣть допустить такого, которое не только не затемняетъ смысла но и вообще не влечетъ за собою ни малѣйшаго неудобства, потому что рѣчь идетъ не о представителѣ звука, а о мертвой буквѣ, лишенной звукового значенія. Сербы, усвоивъ себѣ нашу гражданскую азбуку, не приняли однакожъ *еровъ* и читаютъ напримѣръ *под владом турском* безъ всякаго затрудненія. Прибавлю, что А. Х. Востоковъ и И. И. Срезневскій, которымъ я сообщалъ эти замѣчанія, вполнѣ согласны со мною во взглядѣ на излишество буквы ъ въ концѣ словъ.

II (къ стр. 274).

Изъ статьи: «Орѳографическая распря»[1].

. . . .

Президентъ. Мы уклонились бы отъ порядка, въ какомъ должны происходить наши совѣщанія, если бъ прямо начали съ алфавита. Въ прошлое засѣданіе вопросъ объ общихъ основаніяхъ нашего правописанія остался нерѣшонымъ, и потому неугодно ли будетъ собранію приступить теперь къ обсужденію вопроса: слѣдуетъ ли произвесть *коренное* преобразованіе въ нашей ортографіи, или ограничиться только *второстепенными* вопросами?

Г. К-въ положительно объявляетъ, что коренное преобразованіе въ нашей ортографіи уже потому невозможно, что языкъ нашъ еще не установился (Странно!)

Г. С-ій. Прежде всего слѣдовало бы кажется обсудить: что надобно разумѣть подъ кореннымъ преобразованіемъ и что подъ второстепеннымъ?

Кто-то. Очень просто: коренная реформа будетъ та, которая заставитъ насъ учиться писать сызнова. Напримѣръ когда правописаніе будетъ сближено съ выговоромъ.

Другой кто-то. Мнѣ кажется напротивъ, грамматика должна установлять выговоръ.

Г. М-нъ, которому тоже ужасно нехочется коренной реформы, принимается доказывать, что во всемъ на свѣтѣ, то-есть рѣшительно во всемъ, даже въ установленіи правописанія, *должна быть постепенность.* Онъ начинаетъ издалека, рѣчь его тянется, тянется... Присутствующіе переглядываются, являются улыбки; споръ, начатый шопотомъ, становится громче, громче. Звонокъ.

---

[1] *Время* 1862, № 3 (т. VIII). Чтобы отнять у этого отрывка всякій оттѣнокъ личнаго характера, считаемъ нужнымъ означать имена участвовавшихъ въ преніяхъ сокращенно. Сохраняемъ правописаніе и пунктуацію автора статьи, который подписался: К. Су—въ.

Г. С-въ. Ужь если дѣлать въ нашей ортографіи измѣненія, такъ ужъ лучше бы всего по-моему преобразовать ее вполнѣ: полумѣры ни къ чему не поведутъ.

Кто-то замѣтилъ, что выраженіе «полумѣры» употребляется говоря только о важныхъ реформахъ, а не о такихъ пустякахъ, какъ наше правописаніе.

Г. К-гй. Мы живемъ въ эпоху коренныхъ преобразованій; крестьянскій вопросъ напримѣръ совершенно долженъ преобразовать наше общество. Поэтому мнѣ кажется и реформа въ правописаніи должна быть коренная.

— Но ежели эта реформа не дастъ никакихъ результатовъ, всѣми принята не будетъ?

— Поддержку мы всегда найдемъ, поддержка будетъ!

Кто-то. Кчему ломать все? Всего ломать ненужно. Кчему непремѣнно *коренная* реформа? Лучше начать со второстепенныхъ вопросовъ, а потомъ отъ мелочей мы доберемся и до главнаго, до полной реформы.

Г. М-нъ. Да, да, совершенно справедливо, во всемъ нужна постепенность. Ныньче будутъ сдѣланы одни измѣненія, черезъ десять лѣтъ другія, а ужъ тамъ и пойдетъ.

Кто-то (кажется г. Кл.). Ежели предпринято будетъ коренное преобразованіе нашей ортографіи, то оно необходимо коснется или историческаго хода нашего правописанія, или же будетъ направлено къ полному сближенію съ выговоромъ, то-есть будетъ имѣть дѣло съ мѣстными говорами. Стало-быть для того чтобы рѣшить, какую именно реформу намъ слѣдуетъ предпринять, коренную или только второстепенную, мы предварительно должны отвѣтить на вопросъ: что̀ для насъ важнѣе — исторія ли языка, или сближеніе ортографіи съ произношеніемъ? Если мы примемъ второе, то для того чтобы выразить на письмѣ всѣ звуки, существующіе въ русскомъ народномъ говорѣ, во всѣхъ нашихъ мѣстныхъ нарѣчіяхъ, намъ придется *покрайней-мпрть утроить* нашъ алфавитъ. А ежели мы примемъ историческое начало, въ такомъ случаѣ путаница въ правилахъ правописанія

у насъ останется попрежнему, хоть бы напримѣръ относительно употребленія буквы *ѣ*, про которую Миклошичъ совершенно справедливо говоритъ, что русскіе до тѣхъ поръ будутъ биться съ буквой *ѣ*, пока совсѣмъ не изгонятъ ея изъ своего алфавита.

Президентъ установляетъ поднятые вопросы въ такомъ порядкѣ: мы должны опредѣлить 1) что̀ должны разумѣть подъ кореннымъ преобразованіемъ нашей ортографіи и что̀ подъ второстепеннымъ; 2) какъ слѣдуетъ смотрѣть на историческую основу нашего правописанія и 3) что́ принять за норму, когда дѣло коснется сближенія нашей ортографіи съ произношеніемъ?

Г. К. Всѣ прежнія реформы нашего правописанія касались однихъ только мелочей и потому не имѣли успѣха; стало-быть и теперь намъ незачѣмъ гоняться за мелочами, и толковать о томъ, какое преобразованіе лучше — коренное или второстепенное, значитъ вступать въ совершенно безполезные споры. Кчему все давнымъ-давно уже пережованное пережовывать снова? По-моему ужь если дѣлать преобразованіе, такъ дѣлать радикальное. Будетъ ли оно всѣми принято, нѣтъ ли — какая намъ нужда толковать объ этомъ? На нашей сторонѣ *истина* — чегожъ еще больше? Ручательство за успѣхъ самое вѣрное.

Г. С-ій. Но чтоже такое мы должны разумѣть подъ именемъ мелочей? Писать напримѣръ *лекарь* черезъ *е* или черезъ *ѣ*, *матерьялизмъ* или *матерьялисмъ*.

Г. К. Всего лучше будетъ начать съ крупнаго, а тамъ дойдемъ и до мелочей.

Г. С-ій. Но всѣ главнымъ образомъ существующія разногласія въ нашемъ правописаніи заключаются именно въ мелочахъ: такъ нелучше ли поэтому начать съ мелочей?

Г. К. Позвольте мнѣ отклониться отъ этого вопроса. Я хотѣлъ только заявить собранію, что что̀ бы ни называли кореннымъ преобразованіемъ, во всякомъ случаѣ я объявляю себя въ пользу такого преобразованія.

Г. М-въ. Мы приглашены сюда затѣмъ, чтобы условиться

въ установленіи правилъ нашего правописанія и чрезъ то облегчить самое преподаваніе этой части граматики. Но кажется намъ нечего бояться, что всякій будетъ писать по-своему...

Г. С-нъ. Съ этимъ нельзя согласиться: установленіе однообразія въ правописаніи намъ необходимо для установленія самаго говора. Но опять если мы будемъ сближать письмо съ говоромъ, мы вдадимся въ крайность; чрезъ это мы просто уничтожимъ всякое правописаніе.

Г. К-ій. Лѣтъ двадцать тому назадъ я издалъ «Упрощеніе русской грамматики». Въ этомъ сочиненіи... вѣроятно кто-нибудь изъ общества читалъ его?

Слышатся смѣшанные голоса: «Какже, читали, читали!... Чтó это, К — скаго? еще бы!... всѣ читали!».

Г. К-ій. Въ этомъ сочиненіи я предлагалъ сдѣлать коренное преобразованіе въ нашей граматикѣ, и принявъ предложенную мной реформу, всѣ бы легко и скоро научились писать по-русски безъ ошибки; средство самое простое: принять вмѣсто нынѣшняго русскаго шрифта латинскій. Я нахожу, что нашъ алфавитъ неудовлетворителенъ. Возьмемъ напримѣръ такую фразу: «онъ ее еще и гонитъ». Кàкъ прочтетъ ее тотъ, кто только-что еще учится читать? А вотъ какъ: «онъ ээ эщэ и гонитъ». Все это греки. Самаго звука этого (то-есть э) нѣтъ въ русскомъ языкѣ, онъ изобрѣтенъ у насъ греками. А у меня бы этого небыло.

Подымается крикъ со всѣхъ сторонъ:

— Въ такомъ случаѣ надо завести школы для всѣхъ насъ! мы должны будемъ учиться грамотѣ снова!

— Русскій шрифтъ не умретъ! Онъ будетъ жить пока Россія не умретъ!

— Вы обрекаете всю нашу литературу на сожженіе!

Г. К-ій. Но какъ же вы различите въ письмѣ выговоръ буквы *г* напримѣръ въ словахъ «господину Головину»? Или напримѣръ *вещь* и *плащъ* — какая тутъ разница въ выговорѣ буквы *щ?* Да вотъ вамъ, чегожъ еще лучше: неудобство русскаго шрифта доказывается тѣмъ уже, что въ прошедшее совѣ-

щаніе кто-то изъ господъ читавшихъ прочелъ *умѣли* вмѣсто *успѣли*.

Шумъ. Звонокъ.

Кто-то изъ сидящихъ за столомъ. Вотъ я сейчасъ написалъ по вашей граматикѣ слово *еще:* кажется чуть ли не десять буквъ выходитъ. Позвольте сейчасъ сосчитаю. Разъ, двѣ, три...

Г. К-ій (горько). Ну вотъ, сейчасъ и видно, что вы совсѣмъ и не читали моей граматики.

Смѣхъ и опять звонокъ.

Президентъ. Намъ кажется пора покончить съ вопросомъ о шрифтѣ, тѣмъ болѣе что съ мнѣніемъ г. К—скаго никто изъ общества не согласенъ. Г. С—ій, кажется вамъ угодно было что-то возразить г. К—скому.

Г. С-ій распространяется о богатствѣ русскаго языка, о прелести нашего алфавита, вполнѣ удовлетворяющаго всѣмъ русскимъ звукамъ, о недостаточности латинской азбуки для передачи нѣкоторыхъ русскихъ звуковъ и проч.

Г. К-ій. А у меня всѣ граматическія правила умѣщаются на одномъ листѣ.

Легкій смѣхъ.

Г. Кл. Преобразованіе, предлагаемое г. К—скимъ, есть больше чѣмъ коренное преобразованіе. Кромѣ того мы видимъ, что всѣ славянскіе народы, принявшіе латинскій шрифтъ, должны были придумать множество новыхъ знаковъ для передачи тѣхъ звуковъ, которыхъ латинскій алфавитъ не выражаетъ. Это...

Г. К-ій. Да они писать неумѣютъ. (Смѣхъ).

Г. Кл. Это крайнее неудобство. А между тѣмъ Кирилъ придумалъ начертанія, именно вызванныя нашими звуками. Для выраженія напримѣръ звуковъ *щ*, *ѣ* и другихъ, вамъ придется употреблять или какіе нибудь надстрочные знаки, или хвостикъ внизу какъ напримѣръ въ польскомъ носовые звуки ą и ę.

Г. К-ій (съ увлеченіемъ). Я буду безъ хвостиковъ писать.

Страшный хохотъ укрощается смирительнымъ колокольчи-

комъ. Когда шумъ стихъ, г. К—скій беретъ лежащую передъ нимъ афишу и говоритъ:

— Въ русскомъ языкѣ чрезвычайно много иностранныхъ словъ. Вотъ напримѣръ я вамъ прочту начало этой афиши: «Концертъ въ пользу бѣдныхъ студентовъ императорской медико-хирургической академіи». Много ли въ этой фразѣ русскихъ словъ? Прочесть ее, такъ всякій иностранецъ пойметъ, о чемъ тутъ говорится...

Улыбки, легкій смѣхъ, шумъ, звонокъ.

Кто-то. А неугодно ли вамъ выразить латинскимъ алфавитомъ звукъ *ѣ*, неприбѣгая къ комбинаціи буквъ?

Г. К-ій. Да я совсѣмъ не о томъ говорю. Я говорю, что если мы перемѣнимъ нашъ шрифтъ на латинскій, то хоть намъ и не легче будетъ послѣ этого учиться грамотѣ, зато иностранцамъ будетъ легче. Вотъ я объ чемъ говорю. Ктому же наборщикамъ при вставкѣ иностранныхъ фразъ въ русскій текстъ не придется лазить изъ одной кассы въ другую...

Шумъ и смѣхъ. «Это будетъ измѣненіе, а не преобразованіе!» слышится съ одной стороны. «Да мы о себѣ хлопочемъ, а не объ иностранцахъ! Чтó намъ до нихъ за дѣло!» раздается съ другой. Звонокъ, разумѣется. Президентъ предлагаетъ обществу разсмотрѣть вопросъ: чтó должно разумѣть подъ *кореннымъ преобразованіемъ* нашего правописанія?

Г. Р-въ. Въ числѣ нашихъ ортографическихъ правилъ есть такія, которыя принимаются всѣми пишущими и печатающими безусловно, на которыя всѣ согласны; но съ другой стороны встрѣчаются и случаи разногласія въ способѣ писанья — одни пишутъ такъ, другіе иначе, — случаи, которые легко устранить. Отсюда кажется можно прямо заключить, что подъ коренными преобразованіями надобно понимать такія измѣненія въ правописаніи, которыя касаются общепринятыхъ правилъ; соглашеніе же разностей въ правописаніи я считаю второстепенной реформой. Но теперь вопросъ: какихъ основаній держаться при коренномъ преобразованіи? Мнѣ кажется всего справедливѣе—тѣхъ,

на которыя въ прошлый разъ указалъ г. С., именно этимологическаго начала и фонетическаго.

Г. Н-ій Такъ какъ дѣло идетъ о томъ, какое преобразованіе совершить будетъ лучше, то позвольте мнѣ сдѣлать одно замѣчаніе въ пользу радикальнаго преобразованія. Кругъ читающей Россіи въ настоящее время можно-сказать довольно еще ограниченъ; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что по мѣрѣ успѣховъ распространенія грамотности будетъ возрастать и число читающихъ. Если теперь читающихъ у насъ найдется положимъ три мильона, то лѣтъ черезъ десять ихъ будетъ можетъ-быть десять мильоновъ. Имѣя это въ виду, мы кажется недолжны допускать иного преобразованія въ нашей ортографіи, какъ только радикальное. Чѣмъ дальше мы будемъ откладывать реформу, тѣмъ больше она будетъ становиться невозможною. Если нами будетъ произведена коренная реформа (иной мы не допускаемъ), то послѣдующее за нами поколѣніе будетъ избавлено отъ всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ затрудненій въ правописаніи, которыя теперь поминутно сбиваютъ насъ съ толку. Настоящій моментъ какъ нельзя больше удобенъ для радикальной реформы. Если наше предпріятіе — произвесть въ нашемъ правописаніи коренную реформу — имѣетъ въ себѣ внутреннюю силу и за него говоритъ сама истина, то оно примется; непремѣнно примется. Итакъ вотъ въ чемъ заключается мое предложеніе: *въ виду распространенія грамотности необходимо произвесть радикальное преобразованіе въ нашемъ правописаніи.*

— Но въ такомъ случаѣ вы затронете и общепринятыя правила...

— Чтожъ такое, если они и будутъ затронуты?

— Тогда намъ всѣмъ придется переучиваться.

— Переучиваться легче, чѣмъ учиться.

Сильный говоръ. Сквозь шумъ слышится вопросъ г. К—скаго: «А какъ вы напишете напримѣръ *что-жъ?*» и чей-то отвѣтъ: «Вотъ это-то мы и рѣшимъ тогда, какъ будетъ предпринято коренное преобразованіе». Звонокъ.

Президентъ. Сдѣлаемъ же теперь résumé изо всего сказаннаго. Въ виду распространенія грамотности, въ настоящій благопріятный моментъ всего лучше будетъ совершить въ нашемъ правописаніи радикальное преобразованіе, хотя бы оно касалось и общепринятыхъ правилъ, — принимая при этомъ то опредѣленіе радикальнаго преобразованія, какое сдѣлалъ г. Р—въ. Итакъ большинство стоитъ за коренное преобразованіе. Послѣ этого мнѣ кажется лучше будетъ перейти прямо къ разсмотрѣнію нашей рѣчи, оставя алфавитъ всторонѣ.

Новый шумъ. Между прочимъ слышатся голоса:

— Да, да! А то мы никогда не кончимъ.

— Помилуйте, какже это можно! надо же вѣдь чѣмъ-нибудь кончить съ алфавитомъ.

— Непремѣнно. Покрайней-мѣрѣ при дальнѣйшихъ обсужденіяхъ у насъ небудетъ вопросовъ, отклоняющихъ отъ дѣла. (Звонокъ).

Президентъ предлагаетъ обществу рѣшить большинствомъ голосовъ вопросъ: съ чего начать обсужденіе — съ алфавита ли, или съ частей рѣчи? Кто за части рѣчи, тотъ пусть встанетъ. Большинство оказалось на сторонѣ сидящихъ, и потому опять потянулся споръ о буквахъ...

III (къ стр. 326).

Грамматическій споръ на судѣ [1].

«Кавказъ» передаетъ слѣдующія свѣдѣнія о процессѣ, производившемся у одного изъ мѣстныхъ мировыхъ судей. 4-го апрѣля, въ ордубатскомъ мировомъ участкѣ разбиралось дѣло по жалобѣ г. Х. на П. о взысканіи съ послѣдняго въ пользу перваго 10 руб. за проигранное пари, или, говоря юридически, о взысканіи 10 руб. по договору. Разборъ дѣла происходилъ слѣдующимъ образомъ:

Судья (обращаясь къ П.). «Г. Х. 25-го октября прошлаго 1872 г. подалъ мнѣ заявленіе о томъ, что 23-го октября, въ селѣ Верх. Акулисахъ, вы между собою держали пари, т. е. *заключили договоръ о томъ, что если отъ слова завѣдывать причастіе будетъ «завѣдывающій»*, то вы платите ему (указывая на г. Х.) 10 руб., а если отъ него, т. е. отъ слова завѣдывать, причастіе будетъ «завѣдующій», то онъ платитъ вамъ 10 р. Въ заключеніе г. Х. говоритъ — продолжаетъ судья — что на всѣ доводы, приведенные имъ въ пользу своего мнѣнія, вы отклонялись весьма неосновательными данными, вѣроятно, съ цѣлью не заплатить ему условленныхъ договоромъ 10 руб.; при этомъ г. Х. представилъ русскую грамматику Н. Греча, изд. 1860 г., и указываетъ, въ пользу своего мнѣнія, на § 83, гласящій: «Надлежитъ отличать глаголы, кончащіеся на *овать* и *евать*, отъ глаголовъ, кончающихся на *ывать* и *ивать*. Первые имѣютъ въ настоящемъ времени окончаніе на *ую* (рисую, врачую), а послѣдніе *ываю* и *иваю*: *зазываю*, *покрикиваю*; *подчивать* имѣетъ *подчиваю*, а не *подчую*» [2] — и пр., и пр., а потому проситъ взыскать съ васъ эти деньги и таковыми удовлетворить его. Чтó вы на это скажете?»

---

[1] С.-Петерб. Вѣдом. 1873 г. мая 6, № 123.

[2] Объ этомъ послѣднемъ словѣ см. приложенный въ концѣ настоящаго тома Справочный Указатель.

Отвѣтчикъ П. «Да, дѣйствительно я имѣлъ договоръ съ г. X., т. е. держалъ пари объ этомъ; но дѣло въ томъ, что г. X. не такъ понимаетъ этотъ параграфъ, на который онъ ссылается, и что у него нѣтъ своихъ собственныхъ убѣжденій, а онъ все ссылается на чужіе авторитеты.... Кромѣ того, чтобъ опровергнуть его доводы, я могу указать и въ литературѣ, и въ печати въ нѣсколькихъ мѣстахъ, что это слово пишутъ: и *«завѣдующій»*, и *«завѣдывающій»*, но, конечно, правильнѣе писать: *«завѣдующій»*... такъ обыкновенно пишутъ писаря... я получилъ академическое воспитаніе, самъ коренной русскій и на основаніи этого утверждаю, что это слово слѣдуетъ писать такъ, а не иначе; притомъ же разборъ и разрѣшеніе этого вопроса зависитъ, во-первыхъ, отъ собранія педагогическаго совѣта, а во-вторыхъ, не подлежитъ разсмотрѣнію мироваго судьи, потому что пари есть договоръ, исполненіе котораго зависитъ отъ совѣсти, чести и взаимнаго довѣрія нашего другъ къ другу».

Судья (къ истцу). «Чтó вы скажете на возраженіе г. П.?»

Истецъ. «Удивляюсь, право, что г. П. можетъ хвалиться академическимъ воспитаніемъ. Академія, какъ видно, принесла г. П. мало пользы; это доказывается, во-первыхъ, тѣмъ, что въ академіяхъ не проходятъ грамматики, а во-вторыхъ, тѣмъ, что если г. П. слушалъ лекціи въ филологическомъ факультетѣ, то плохо слушалъ, потому что въ русскомъ языкѣ нѣтъ глагола *завѣдать*, отъ котораго могло бы произойти причастіе *завѣдующій*. Въ доказательство настоящаго своего мнѣнія и въ дополненіе перваго моего заявленія, поданнаго вамъ 25-го октября 1872 года, я имѣю честь представить при семъ удостовѣреніе высшаго на Кавказѣ современнаго учебнаго начальства — директора тифлисской классической гимназіи отъ 10-го ноября 1872 г. за № 465, изъ котораго видно, что такъ могутъ разсуждать только люди, незнакомые съ русскою грамматикою»...

Отвѣтчикъ П. «Директоръ гимназіи такой же воспитанникъ высшаго учебнаго заведенія, какъ и я, и авторитетъ его въ настоящемъ дѣлѣ не имѣетъ смысла»...

Судья (къ г. П.). «Позвольте остановить васъ и просить выслушать». Судья беретъ бумагу, поданную истцомъ, и читаетъ вслухъ: вотъ содержаніе: «Имѣю честь увѣдомить васъ (титулъ г. Х. былъ прописанъ весь), что авторитетъ Н. И. Греча слишкомъ уважаемъ въ русской наукѣ, чтобъ сомнѣваться въ его грамматикѣ; что же касается до собранія педагогическаго совѣта по возбужденному вами и врачемъ П. вопросу, то это я считаю совершенно излишнимъ, въ виду вами самими указаннаго авторитета; для незнакомыхъ съ русскою грамматикою присовокупляю, что причастіе производится отъ третьяго лица множественнаго числа изъявительнаго наклоненія, перемѣною окончанія на *щій* слѣдующимъ образомъ: *гуляютъ* — *гуляющій*, *исповѣдаютъ* — *исповѣдающій*, *исповѣдываютъ*—*исповидывающій*, *завѣдываютъ*—*завѣдывающій*; глагола *завѣдать* нѣтъ, а потому нѣтъ и причастія *завѣдующій*». Послѣ защитительной рѣчи истца судья черезъ пять минутъ объявилъ слѣдующую резолюцію: «Г. Х. въ искѣ съ г. П. 10 руб. за пари отказать; представленные же г. Х. русскую грамматику Греча и отзывъ директора тифлисской гимназіи за № 465 возвратить ему». Настоящимъ рѣшеніемъ мирового судьи истецъ остался недоволенъ и потому хочетъ принесть аппеляціонную жалобу подлежащей судебной власти.

Черезъ нѣсколько дней послѣ напечатанія въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ этого разсказа, въ той же газетѣ явилась слѣдующая замѣтка[1]:

«Изъ № 123 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» читателямъ извѣстно, что въ одномъ изъ закавказскихъ судовъ разбиралось курьёзное дѣло по грамматическому спору о томъ, какъ слѣдуетъ говорить: *завѣдывающій* или *завѣдующій*. Защитникъ первой изъ этихъ формъ, г. Х., сослался на грамматику Греча, въ которой сказано: «Надлежитъ отличать глаголы, кончающіеся на *овать* и *евать*, отъ глаголовъ, кончающихся на *ывать* и *ивать*. Первые имѣютъ въ настоящемъ времени окончаніе *ую* (рисую, вра-

---

[1] 1873 мая 12, № 129.

чую), а послѣдніе *ываю* и *иваю*». Но потомъ, забывъ это правило, г. Х. отвергаетъ форму *завѣдующій* уже на томъ основаніи, что нѣтъ глагола *завѣдать* (онъ вѣрно хотѣлъ сказать: *завѣдовать*). Правда, что этотъ глаголъ въ неопредѣленномъ наклоненіи не употребителенъ; но вѣдь не болѣе употребительны формы: *сказовать*, *обязовать*, *наказовать*, а между тѣмъ встрѣчаются слова: *сказуемое*, *обязуюсь*, *наказую*. Чтó же это значитъ? Востоковъ, имѣвшій болѣе глубокое филологическое образованіе нежели Гречъ, обратилъ въ своей грамматикѣ вниманіе на древнее родство глагольныхъ окончаній *овать* и *ывать*, которыя иногда попеременно являются въ одномъ и томъ же глаголѣ, смотря по тому, принадлежитъ ли форма церковно-славянскому, или русскому языку: въ первомъ довольно обычны глаголы: *проповѣдовати*, *испытовати*, *сказовати*, *связовати*, а сообразно съ тѣмъ и въ настоящемъ времени изъявительнаго наклоненія возможна двоякая форма: *исповѣдываю* и *исповѣдую*, *проповѣдываю* и *проповѣдую*, *испытываю* и *испытую*, *указываю* и *указую*, *связываю* и *связую* и проч. Желающіе подробнѣе ознакомиться съ этимъ вопросомъ найдутъ нѣсколько замѣтокъ о немъ въ недавно изданныхъ «Филологическихъ разысканіяхъ»[1] и т. д. Такимъ образомъ, ясно, что и глаголъ *завѣдывать* можетъ имѣть въ настоящемъ двоякое окончаніе (завѣдываю и завѣдую), а слѣдовательно и обѣ причастныя формы, каждому изъ нихъ соотвѣтствующія, вполнѣ законны».

---

[1] См. выше стр. 325.

УКАЗАТЕЛИ

къ

„СПОРНЫМЪ ВОПРОСАМЪ РУССКАГО ПРАВОПИСАНІЯ“.

I. Указатель личныхъ именъ.

II. Предметный Указатель.

III. Справочный филологическій указатель.

Въ этотъ указатель включены не только слова, разсматриваемыя или приводимыя въ книгѣ, но и многія другія, въ начертаніи которыхъ можетъ встрѣтиться какое бы ни было сомнѣніе, между прочимъ относительно употребленія буквы *ѣ*, удвоенія согласныхъ и т. п. Поставленныя при словѣ цыфры означаютъ страницы, гдѣ или встрѣчается самое слово съ надлежащимъ разъясненіемъ, или по крайней мѣрѣ излагаются относящіяся къ нему соображенія. Слова́, при которыхъ нѣтъ цыфры, помѣщены въ указателѣ для справокъ касательно правописанія, состава или происхожденія въ болѣе любопытныхъ или трудныхъ случаяхъ. Знакъ ударенія на гласныхъ и двоеточіе надъ *е* поставлены только для показанія выговора, а не для употребленія на письмѣ, исключая когда они нужны для различенія двухъ сходно пишущихся словъ. Когда помѣщенное въ алфавитномъ порядкѣ слово стоитъ между скобками, то значитъ, что другое начертаніе его предпочтительно. При ссылкахъ на Рейфа всегда разумѣется его большой *Этимологическій Лексиконъ*, изд. въ 1835 году.

А.

Б.

свекла), національное кушанье въ Литвѣ и Малороссіи.

Босфо́ръ (Bosphorus).

Ботви́нья (ботва и ботовь — свекла; вообще стебель и листы корнеплодныхъ растеній; лат. beta). Менѣе употребительно *ботвинье*, средняго рода.

Брадобре́й; род. п. брадобрея 352. См. брить.

Бра́ный. Бра́ная ткань, брани́на (отъ гл. брать, работать узорную ткань), «узорочная, которая точется не просто черезъ нитку, а основа перебирается по узору» (*Толк. Сл.* Даля). Жуковскій по недоразумѣнію сказалъ въ Одиссеѣ (I, стих. 140): «Кубки златые на *браномъ* столѣ передъ нимъ поставилъ».

Брасле́тъ, брасле́тка.

Брезе́нтъ (голл. presenning, морск. терминъ = насмоленая парусина для завѣшиванія) 370.

Бре́зжиться. Скр. б'радж., зенд. берез., литов. brėkszta, норв. braga (свѣтиться, пылать). Можетъ-быть, того же корня *блескъ* (Катк. *Объ элем. и формахъ сл.-русск. яз.* 105).

Бренча́ть (ц.-сл. брѧцать).

Брилья́нтъ (brillant) 388.

Брита́нніи. — Бри́ты.

Брить, бре́ютъ. (В.-луж. brídky; хор. britke; хорв. bridek, britki; далм. bridak и проч. Кор. значеніе — острый). Гл. *брить* принадлежитъ къ тому же разряду глаголовъ, какъ: *бить, вить, лить, пить, шить*; но, имѣя передъ окончаніемъ двѣ согласныя (*бр*) не можетъ образовать настоящаго времени такъ, какъ они: не сокращаетъ буквы *і* (какъ въ бію, вію, лію) въ *ь*, а обращаетъ ее въ *е*, т. е. поступаетъ точно такъ, какъ эти самые глаголы въ повелительн.: *бей, вей, лей, пей, шей.* Ясно, что сходно съ этимъ слѣдуетъ писать: *брею, бреешь* (форма, принятая и Павскимъ) и сущ. имя *брадобрей*, такъ же какъ *водолей, швея.* Къ бо́льшему еще подтвержденію правильности этого правописанія могутъ быть приведены принадлежащіе къ той же категоріи глаголы: *выть, крыть, мыть, ныть*, въ которыхъ *ы*, при спряженіи, измѣняется въ *о*; буквѣ же *о* соотвѣтствуетъ *е*, такъ какъ гласной *ы* отвѣчаетъ *и* (крыть—брить, крою—брею).

Бровь. (Скр. b'rû, множ. b'rouv-as, перс. a-brou, греч. ὀφρύς, нѣм. Braue, англ. brow, исл. bra, bryn).

Брошю́ра (фр. brochure), но **брошировать** (отъ brocher).

Брыжи́ (пол. bryż, съ итал. fregio).

Бры́згать (ср. прыскать).

Брюзжа́ть 291.

Брю́ки, ж. (голл. broek, нѣм. Bruch, исл. brók, braekur, латин. bracca).

Бу́бны, ж. (исл. bumba—барабанъ; хорут. bobnéti—глухо звучать). — Карточ. масть: переводъ нѣмец. Schellen, польск. звонки.

Бу́день. Отъ др.-слав. бѫдѣти (ср. серб. прилаг. будан или бу̏дни̏, будна, будно = бодрствующій).

Болѣе употребительно множ. ч. *будни, будней*; въ акад. словарѣ и у Даля есть однакожъ и *будень*. Также и въ малорос. Прилагат. *будничный* (акад. сл.) правильнѣе нежели «будничный», какъ у Даля и въ нѣкоторыхъ другихъ словаряхъ.

Къ соображенію о формѣ можетъ служить стихъ Держ.:

«Преображая въ праздникъ будни»

(Фелица, строфа 5, стихъ 3).

Совершенно неправильно употребляется нѣкоторыми прилаг. «будній».

Бу́дка (польск.). Исл. Bud=постройка для торга, нѣм. Bude. Отъ польск., малорос. гл. будовать=строить. Въ др.-русск. буда = гробъ (Карамз. И. Г. Р. III, прим. 23), напр. Ипат. 115: «въ буди, либо си въ гробъ».

Бу́днишній. См. **Бу́день.**

Бу́дочникъ 306.

Бу́ква.

Бума́жка 307.

Бу́рка (вм. «бурко», бурая лошадь) 374.

Бухга́лтеръ.

Вы, бъ. Пишется слитно только въ союзѣ *чтобъ*.

Бѣ́гать. — Бѣжа́ть, бѣжи́шь, бѣгу́тъ. (Серб. бјѐгати, пол. bjegać, чеш. běhati).

Бѣда́. Серб. биjѐда (незаслуж. о винеѣ); польск. biada, чеш. bída.

(Бѣлена́). См. **Белена́.**

Бѣ́лый. Серб. биjел, пол. biały, чеш. bílý.

Бѣсъ. Серб. биjес, пол. biés, bis; чеш. běs.

Бѣ́шеный 294.

Бюллете́нь. (ит. bullettina, отъ bulletta, записка, грамота) 391.

Бюро́. Фр. bureau, ниж.-лат. burellum, первоначально означаетъ столъ, покрытый темною шерстяной матеріей того же названія (отъ лат. burrus — бурый, коричневый).

В.

[1] У насъ слово вокзалъ едва ли не въ первый разъ встрѣчается въ слѣдующемъ объявленіи, напечатанномъ въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1777 г., № 53: «Сего іюля 9-го откроется на Каменномъ острову въ новой галлереѣ *фоксаль*».

правдоподобно: такой перестановки звуковъ въ словахъ одного корня у насъ не встрѣчается, да и развѣ русскому легче выговорить первое чѣмъ второе? Рейфъ, для объясненія имени *вотрушка*, приводитъ ново-греч. βουτυρικόν (отъ βούτυρον, масло), но болѣе вниманія заслуживаетъ указаніе Даля на слово *вотра* или *вотря*, зн. опилки, стружки, остатки соломы, мякина и т. п., съ чѣмъ онъ сближаетъ мелкую изъ творога начинку вотрушекъ.
Вóтчимъ (призвукъ *в*).
Вотщé (др.-сл. вътьщте).
Впервóй, впервы́е.
Впереди́. — Впереди 409.
Впечатлѣніе.
Вплавь. — Вплотну́ю. — Вплоть. — Вполнѣ. — Вполпути́. — Вполсыта́. — Впопыха́хъ. — Впослѣдствіи 409.
Впотьма́хъ 410. См. ниже слово *тма.*
Впра́во 411.
Впра́вѣ (въ правой сторонѣ). Но когда *право* сущ. имя, то слѣдуетъ отдѣлять предлогъ *въ*.
Впредь } 408 и д.
Впроса́къ } 408 и д.
Впрóчемъ 411.
Впрямь. — Впу́стѣ. — Вразсыпну́ю. — Врасплóхъ 408 и д.
Вредъ (др.-сл. врѣдъ).
Врéменный (или временнóй).
Врéмя (др.-сл. врѣмѧ).
Врóвень.
Врозь, врозь. И то и другое правильно: 1-е отъ прил. *розный*, 2-е отъ самаго корня *роз*. — «Въ народномъ языкѣ употребительнѣе *розь*, *врозь*, напр. въ пословицѣ: дѣло дѣлу розь, а иное хоть брось; — пошло врозь да вкось, хоть брось». (Буслаевъ, *И. Г.* I, § 72) 409.
Врядъ, врядъ ли, навря́дъ.
Всё. — Всё-таки. — Всегда́.
Всегó на́ все.
Вселéнная (первон. въ смыслѣ всей населенной земли: ἡ οἰκουμένη, terra habitata).
Всéнощная 311.
Всеча́сно.
Вскачь. — Вскользь 408 и д.
Вскóрѣ. — Вслухъ. — Вслѣдъ 409.
Вслѣдствіе.
Всмя́тку.
Вспло́шну́ю.
Вспять.
Встарь. — Вотарину́.
Встать, вста́нутъ (собст. взстать вм. возстать, слѣдов. подняться: не должно быть смѣшиваемо съ простымъ глаголомъ *стать*).
Встрѣтить, встрѣчу, встрѣтятъ 310.
Встрѣча 310.
Вступи́ть, вступлю́, всту́пятъ 292.
Всу́е.
Всѣ, всѣмъ, всѣми.
Всю́ду. — Вся́кій.
Вта́йнѣ. — Втишѝ. Втихомóлку 409.
Вторóй, р. п. **вторóго.**
Второпя́хъ.
Втрое. — Втрóёмъ. — Втройнѣ.
Вту́не (др.-сл. тоунѥ).
Втупи́къ (тупи́къ = глухой закоулокъ).
Ву́личъ (англ. Woolwich).
Вчернѣ.
Вчéтверо. — Вчетверóмъ.
Вчу́жѣ.
Въ продолженіе, въ теченіе 410.
Въявь (отъ неупотреб. сущ. *явь*).
Въявѣ (отъ неупотр. сущ. *явь*, какъ наяву́).
Вы́боргъ.
Вы́глядѣть. Взятое съ нѣмецкаго: er sieht aus выраженіе: «онъ выглядитъ» нелѣпо, потому что *выглядѣть* глаголъ совершеннаго вида дѣйствит. и слѣд. *выглядитъ* есть будущее время, какъ и однозначащее *высмотритъ*. Не многимъ лучше употребляемая нѣкоторыми съ недавняго времени форма: *выглядываетъ*. Такъ въ одной изъ нашихъ газетъ было напечатано: «Это единственная часть видѣнной мною австрійской арміи, которая *выглядываетъ* молодцами». Въ другой газетѣ было сказано правильно: «*выглядѣть* мыслью черту мужества въ образѣ какого-либо героя древняго эпоса или драмы». Вм. «выглядитъ» лучше говорить просто: *смóтритъ* или *имѣетъ видъ* и т. п.
Вывора́чивать. — Вывора́живать.
Выгорать.
Вы́жать, вы́жмутъ.
Вы́жить, вы́живутъ.
Выздора́вливать. — Вы́здоровѣть.
Выздоровлéніе.
Вы́играть. — Вы́игрышъ.
Вы́йти (вытти), **вы́йдутъ; выдь** 297.
Вы́местить, вымеща́ть (отъ мстить).
Вы́мпелъ (нѣм. Wimpel).
Вы́мыс(е)лъ.
Выраба́тывать.
Выраста́ть. Вы́расти. Прош. **вы́росъ, вы́росла. — Вы́растить. Выраща́ть.**
Вырезу́бъ.
Вы́родиться, вы́родятся.

Выроза́ться; вырожда́ться.
Вы́скочка.
(Высоко́сный). См. **Високо́сный.**
Выспренній (отъ нар. выспрь; ср. др.-сл. въсперіе, восперіе = полетъ, также: испрь въиспрь=вверхъ). Одного корня съ глаг. *парить*.
Вы́шій.
Вы́шній. См. примѣч. подъ словомъ *дальній*.
Вью́га (отъ гл. вить, віять).
Вьюкъ (польск. iuk, отъ тур. yuk).
Вьюнъ.
Вьюро́къ.
Вью́шка (отъ гл. вить, віять).
Вѣдать. — Вѣдѣніе. Отъ црк.-сл. *вѣдѣти*.
Вѣдь. Отглаг. частица, подобная словамъ: *чуть*, *пусть*, *почти*.
Вѣдьма.
Вѣеръ. Ошибочно показано въ словарѣ Рейфа происшедшимъ отъ нѣм. Fächer. Ср. чеш. vějiř (1, вѣяло; 2, вѣеръ); ниж.-луж. wějer (вѣяло).
Вѣжа 56.
Вѣжда (отъ корня вѣд = вид. По Добровскому, отъ небывалаго гл. «вѣжду вм. вѣю» Institut. 279).
Вѣко (польск. wieko, чеш. wiko). Зн. вообще крышка: обл. крышка на дежѣ, ср. шв. ögonlock (глазная покрышка).
Вѣкъ. (Серб. вujek, польск. wiek; чеш. wěk).
(Вѣкша). См. **Векша,** хотя первое согласнѣе съ древнимъ правописаніемъ.
Вѣна (чеш. Viden).
Вѣнéцъ. — Вѣнóкъ. — Вѣнчикъ.
Вѣникъ. Литов. wanoti, хлестать вѣникомъ. Отсюда wanta или anta, вѣникъ (*Изв*. I, л. 8, 113).
Вѣно (ц.-сл. вѣнити = продавать).
Вѣиценóсецъ 345.
Вѣра. — Вѣрющее письмó 324.
Вѣсить, вѣшу, вѣсять.—Вѣскій.
Вѣсть, вѣстовщи́къ 312.
Вѣтвь (отъ вить?). Др.-сл. вѣи.
Вѣтеръ, вѣтръ.
Вѣтреникъ 297.
Вѣтреность. См. **Вѣтреный.**
Вѣтреный (причастіе прилаг. отъ малоупотр. гл. *вѣтрить*). Подверженный дѣйствію вѣтра, имѣющій къ нему отношеніе. На дворѣ вѣтрено. Вѣтреная рыба, вѣтреное мясо. Вѣтреный человѣкъ. (Можетъ употребляться и въ краткой формѣ: Здѣсь вѣтрено; онъ очень вѣтренъ) 296.
Вѣтряный. Состоящій изъ вѣтра, дѣйствующій посредствомъ вѣтра. Вѣтряная мельница, труба. Вѣтряный мѣхъ. Прил. *вѣтряный*, какъ вещественное, не можетъ употребляться въ краткой формѣ. Нельзя сказать: мѣхъ вѣтрянъ (такъ же какъ и серебрянъ, золотъ). Примѣры на *вѣтреный* и *вѣтряный* въ Толк. словарѣ Даля приведены невѣрно.
Вѣха́, множ. **вѣхи** (польск. wiecha, чеш. wicha. Ср. нѣм. Bake, англ. beacon).
Вѣче (отъ корня *вѣт*).
Вѣчный.
Вѣшать, вѣшаютъ.
Вѣщáть (кор. *вѣт*).—**Вѣщій.**
Вѣять, вѣютъ.
Вядчина́. Присутствіе тутъ корня *вяд* доказывается соотвѣтствующими словами въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, и особенно въ польскомъ, гдѣ мы находимъ глаголъ wędzić, который именно значитъ «коптить мясо, сушить, вѣшать въ дыму», и существительныя: wędzina, копченое мясо; wędziarz, коптильщикъ; wędziarnia, коптильня. Другой корень więd, еще болѣе соотвѣтствующій нашему *вяд*, далъ въ польскомъ языкѣ, между прочимъ, слѣдующія реченія: więdle mięso, więdzyna (вяленое, копченое мясо). Встрѣчающаяся въ *Домострои* форма «ветшина» наводила на мысль, не происходитъ ли разсматриваемое слово отъ прилаг. *ветхій* и нельзя ли предположить, что названіе «ветшина» образовалось въ противоположность *свѣжинѣ*? Но во 1-хъ, понятіе ветхости не имѣетъ ничего общаго съ понятіемъ о копченомъ или вяленомъ мясѣ, а во 2-хъ, *свѣжина* означаетъ просто несоленое мясо и понятіе свѣжести въ смыслѣ недавности чуждо этому названію.
Вязáть, вя́жешь, вя́жутъ 321.
Вязи́га.
Вя́зчикъ 314.
Вя́щшій 315.

Г.

Гавріилъ. Народн. **Гаври́ла** 373.
Га́даный 296.
Галлерéя (фр. galerie; ит. galleria, нѣм. Gallerie. Происхожденіе сомнительно).
(Гало́ша). См. **Кало́ша.**
Га́лстукъ (нѣм. Halstuch). **Га́лстучекъ.** Буква ч въ уменьш. формѣ слова указываетъ на невѣрность начертанія «галстухъ».

Галу́нъ (фр. galon, ит. gallone, отъ роман. gala, gale, пышность, убранство).

Га́мбургъ.

Гдѣ (др.-сл. къде, кде, кьдѣ) 306. 352.

Гее́нна (евр., адъ).

Гекза́метръ (правильнѣе, нежели «экзаметръ»): греч. ἑξάμετρον.

Гельсингфо́рсъ (шв. Helsing и fors = водопадъ). **Гельсингфо́рсскій.**

(Генва́рь). См. **Янва́рь.**

Генера́лъ-майоръ.

Геніа́льный 387.

Ге́нуя (городъ) 390.

Геро́й.

Гигіе́на 390.

Гиліоти́на, гильоти́на. (Фр. guillotine, по имени изобрѣтателя).

Гимна́зія (γυμνάσιον отъ γυμνός, нагой).

Гіе́на (звѣрь, ὕαινα).

Глафи́ра. — Глѣбъ.

Глухонѣмо́й.

Гля́нецъ (нѣм. Glanz).

Гнать. Въ ц.-сл. наст. вр. *жену́*, *жене́шь*. Оттуда въ современномъ языкѣ часто встрѣчающееся недоразумѣніе: «изженить, отженить», вм. *изгнать*, *отогнать*. Эта ошибка попадается даже у писателей, напр. у Мельникова: «Кто отженитъ отъ нихъ омраченіе помысловъ?» (*Въ Лѣсахъ* II, 220).

Гнести́ (-сть), **гнету́тъ. — Гнётъ.**

Гнѣвъ. — Гнѣви́ть. — Гнѣ́ваться.

Гнѣдо́й. — Гнѣдко́.

Гнѣздо́. Мн. **гнѣ́зда** (произн. «гнёзда»).

Гнѣти́ть 57 (ср. швед. gnista, исл. gneista, искра). Зажигать, разводить огонь.

Гобеле́новы обо́и.

Гобо́й.

Голшти́нія (стар.). — **Гольште́йнъ-Готто́рпъ.**

Голла́ндія. Голла́ндецъ.

Гомози́ться (Корень виденъ изъ чеш. сущ. hmyz, насѣкомое. Ср. серб. гмизати, гимизати; чеш. hemžiti, ползать. Добров. Грам. 232).

Гора́. Въ го́ру.

Гора́цій.

Го́рдій (народн. *Гордей*).

Го́рничная.

Горшо́къ. Уменьш. отъ *горнъ*, какъ *гребешокъ*, *корешокъ* и проч. отъ *гребень*, *корень*.

Го́рькій; ср. ст. **Го́рше.**

Горѣ (нарѣч.): верхъ, вверху.

Госпита́ль. Народн. «го́шпиталь».

Гости́ница (произн. и часто пишутъ: гостинница) 297.

Госуда́рь, су́дарь. «Въ каждомъ языкѣ есть слова, которыя разрушаются особенно быстро. Такъ, въ теченіе немногихъ столѣтій изъ слова *господарь* постепенно выходило *государь*, *осударь*, *сударь*, *су* и осталось наконецъ одно *с* (да-съ, нѣтъ-съ)». Потебня. *Два изслѣд. о зв. р. яз.* Воронежъ. 1866. Стр. 20 и 21.

Гофме́йстеръ.

Гофъ-интенда́нтъ.

Гравирова́ть. Гравю́ра.

Грамма́тика.

Гра́мота (издавна обрусѣвшее слово, почему и нѣтъ основанія писать «грамата» или «граммата» совершенно согласно съ греч. γράμματα = буквы) 319. 384.

Грамоте́й (гр. γραμματεύς) 352.

Гранёный.

Грани́ца. За границу, за границей. Нѣтъ причины писать эти реченія слитно. Но употребляемое нѣкоторыми существит. «заграница» невозможно: къ предлогу, требующему винит. или творительнаго падежа, нельзя же приставить именительный.

Грёза. — Гре́зиться, гре́зятся.

Гренóкъ (отъ корня *гр* въ глаг. *грѣть*, *горѣть*).

Грести́, гребу́тъ. Старинная и народная форма «гребсти» менѣе правильна, ибо *с* передъ *т* могло явиться только взамѣнъ *б*.

Гре́ча, греча́ха (т. е. греческое зерно. И на другихъ языкахъ это зерно называютъ по имени народовъ или страны, гдѣ его родина: у французовъ sarrazin — сарачинское, что́ у насъ названіе риса. У поляковъ и чеховъ поганка, poganka, pohanka, по имени поганыхъ, т. е. восточныхъ язычниковъ; у поляковъ, кромѣ того: tatarka, hreczka) 353.

Гре́чневый (произн. гре́шневый).

Грибъ. У чеховъ такъ называется только шампиніонъ; нашъ грибъ у нихъ — houba. Такъ по большей части и у малороссіянъ: губа 361.

Гри́день. (сканд. hird, hird-madr, тѣлохранитель. (Ср. *Зап. Акад. Наукъ*, т. II, кн. II, 238).

Гро́дненскій 331.

Грома́дный (не «огромадный»).

Грумъ (анг. groom).

Гру́ппа. — Группирова́ть 386.

Грызть, грызу́тъ.

Грѣхъ. Грѣ́шный.

Гуверна́нтка.

Гужъ (ц.-сл. жже, веревка, цѣпь; начальное *г* въ русск. словѣ есть призвукъ).

Гульли́вый.
Гуса́ръ.
Гу́сеница (ц.-сл. жсѣница).

Д.

Да́веча, **Да́вешній**, **Да́вній, давни́шній.** — Отъ малоупотреб. *давя*. Ср. хорут. dave, davi въ томъ же значеніи; ц.-сл. *давѣ*, нѣкогда, и *давѣнъ*, древній.
Давны́мъ-давно́.
Дави́дъ. Нар. **Давы́дъ** 362.
Да́льній (не «дальный», какъ встарину писали). Одно изъ не очень многочисленныхъ прилаг. на *ній*, которыя почти всегда означаютъ отношеніе ко времени, мѣсту или мѣрѣ: утренній, вечерній, ранній, поздній; зимній, весенній (вешній), лѣтній, осенній; нынѣшній, теперешній, прежній, прошлогодній; давній, древній, всегдашній, завтрашній; передній, средній, крайній, задній, послѣдній; тамошній, здѣшній; верхній, нижній; вышній, горній, исподній, сосѣдній, ближній, домашній; лишній; также: сыновній, дочерній, замужняя. Сюда же относится *искренній* отъ ц.-сл. *искрь* (близъ). Встарину неправильно писали: «искренный». Эта неправильность до сихъ поръ остается въ нарѣчіи: *искренно*.
Дальнови́дный. Дальнозо́ркій.
Даніи́лъ. Народ. **Дани́ла** 373.
Да́нный.
Да́тчанинъ (по Павскому, вм. Данчанинъ, гдѣ пропускъ *н* вознагражденъ въ выговорѣ удвоеніемъ слѣдующей буквы *ч* (*Фил. Набл.* I, § 95); а по мнѣнію г. Буслаева, произошло отъ древнѣйшаго *дак-* съ смягченіемъ *к* въ *т*, откуда и *датскій* (*Ист. Гр.* I, § 67).
Два́дцать. Два́дцать-оди́нъ. Два́дцать-пе́рвый.
Дво́е-, дву-, двух-: всѣ три формы употребляются въ разныхъ случаяхъ при сложеніяхъ.
Дворня́жка (отъ дворняга).
Двухсо́тый. — Двухты́сячный.
Двухъэта́жный. (Вставка ъ здѣсь нужна, потому что при отсутствіи этого знака буква *х* передъ *э* сдѣлалась бы мягкою).
Двѣна́дцать. (*Двѣ* есть двойственное число, какъ и въ слѣдующемъ за симъ *двѣсти*).
Двѣсти, двухсо́тъ, двумста́мъ 333.
Де. Частица для означенія, что говорящій или пишущій приводитъ слова́ другого. Корень тотъ же, что въ глаг. *дѣять*, какъ видно изъ чешскаго и др. языковъ, гдѣ *сказалъ* и *сдѣлалъ* означаются тѣмъ же словомъ (чеш. děl, фр. fit).
Дебе́лый (толстый, густой). Въ фонетикѣ звукъ противоположный тонкому.
Де́верь.
Девяно́сто.
Дека́брьскій 361.
Демосѳе́нъ.
Денни́къ (а не деньникъ, какъ въ акад. словарѣ).
Денщи́къ.
День. Денско́й 361.
Де́ньга. Считается восточнымъ словомъ, но въ хорут. нар. также dengi= dnarji, penesi.
Деньжо́нки.
Депо́ (фр. dépôt).
Деревенщина.
Деревя́нный. — Деревя́жка (отъ деревяга).
Держа́ть, де́ржишь, де́ржатъ 321.
Де́рзкій (не «дерзскій»): кратк. форма *дёрзокъ, дерзка́*.
Деса́нтъ (фр. descente).
Десе́ртъ (фр. dessert).
Де́сказать. Сокр. плеоназмъ вм. де-сказать (см. **Де**).
Десна́я, десни́ца. Ср. серб. десни — правый, десно — справедливо.
Десть. Ср. серб. гл. дјести, дједен — класть въ стогъ (напр. сѣно), полагать, дѣлать.
Де́сять. Десятери́чный.
Дешёвый, дешевле. Отъ гл. корня *дес*: ц.-сл. гл. десити—найти, встрѣтить; серб. *удесити*, направить, исправить, попасть, встрѣтить; *удешавати* — исправлять, приспособлять. Первоначально *дешевый* могло значить удобный, приспособленный. Неудачно производство Павскаго отъ англ. dogcheap.
Диле́мма (гр. δίλημμα отъ δί = двойной, и λαμβάνειν = брать).
Дилетта́нтъ.
Дира́. Впрочемъ употребительно и согласное съ выговоромъ начертаніе **дыра** 361.
Диссиде́нтъ. — Диссона́нсъ.
Дитя́ (въ твор. падежѣ одни пишутъ: *дитею*, другіе: *дитятемъ*, третьи: *дитятею;* послѣднее всего болѣе согласно съ употребленіемъ). Наращеніе именъ сред. рода, какъ чуждое

русскому языку, всего болѣе колеблется въ косвенныхъ падежахъ (см. Срезн. *Мысли*, стр. 128).
Диѳирамбъ.
Діаволъ } Въ простор. *дьяволъ*, *дья-*
Діаконъ } *конъ* 388.
Діэта.
Дмитрій (народн. вм. *Димитрій*) 370.
Днѣпръ, — Днѣстръ.
Добродѣтель 352.
Довлѣетъ. Собственное значеніе видно изъ сравненія съ словомъ *довольно*.
Дойти, дойдутъ 297.
Доколѣ.
Доконать (кор. *конъ*).
Докрасна.
Докторъ, докторша.
Доктринёръ, а не «доктринёръ» (фр. doctrinaire).
Докуда.
Домёкъ.
Домишко 374.
Доносчикъ 312.
Донынѣ.
Дорастать. — Дорасти.
Дороѳей.
Доселѣ.
Досиѳей.
Досконально (ср. *доконать*).
Дословно.
Доспѣхъ.
Достоинъ (не «достоенъ», вопреки общему правилу). Причастіе: *удостоенъ*.
Досугъ (ср. *досягать*, словац. dostih. Шимкевичъ II, 79).
Досужій — умѣлый, искусный.
Досужный — свободный отъ дѣлъ.
Досыта.
Дотолѣ; дотуда.
Дочка.
Дощаникъ 311.
Дощатый. — Дощечка 311.
Драма (греч. δρᾶν — дѣлать, дѣйствовать) 386.
Драхва (иначе драфа; нѣм. Trappe; серб. дропља; чеш. drop, drof). Степная птица (otis tarda). Въ родит. множ. народъ неправильно говоритъ: «драфовъ» (какъ мѣстовъ и т. п.).
Дребезжать, дребезжать.
Древле. — Древній. Црк.-сл. древе; чеш. dříve (прежде).
Дрова. Собственно особая форма множ. ч. сущ. *дерево*. Ср. серб. *дрво*, множ. ч. *дрва* (дрова) и *дрвета* (деревья).
Дремать, дремлю, дремлешь, дремлютъ.
Дрожди, род. **дрождей** 292.
Дрожки (отъ дрогá).
Дружокъ.
Дрягиль (нѣм. Träger) 330.
Дубрава, дуброва.
Дужка (отъ *дуга*) 307.
Душеприкащикъ.
Дуэль, ж. р. 396.
(Дыра). См. **Дира.**
Дышать, дышишь, дышатъ. Формы: *дышешь, дышутъ* принадлежатъ глаголу *дыхать* 322.
(Дьяволъ). См. **Діаволъ.**
(Дьяконъ). См. **Діаконъ.**
Дьякъ, род. **дьяка. — Дьячокъ** 388.
Дѣва. — Дѣвка. — Дѣвица. — Дѣвчонка.
Дѣдъ.
Дѣлать. Дѣять. — Дѣвать. Дѣть, дѣнутъ.
Дѣлить. — Дѣлёжъ.
Дѣти. — Дѣтёнышъ. — Дѣтина.

Е.

Евангеліе (εὐάγγελιον).
Ева (евр. зн. жизнь, гр. Εὔα).
Евдокимъ. Народн. *Овдокимъ* 363.
Евдокія. Народн. *Овдотья.*
Евлампій.
Еврей 380.
Европа. — Европеецъ. — Европейскій 378.
Евсигней. Народн. *Евстигней.*
Евстаѳій. Народн. *Остаѳій.*
Евстратій. Народн. *Евстратъ.*
Евфимій (Εὔφημιος). Народн. *Ефимъ.*
Евфросинія. Народн. *Офросинья.*
Евхаристія.
Евѳимій (Εὐθύμιος). **Евѳимія.**
Егерь. Множ. **егеря. — Егерскій.**
Египетъ.
Ежиться (произн. *ёжиться*).
Екатерина (греч. Αἰκατερίνη, гдѣ Αἰ сокр. изъ ἅγια = святая). Зап. европейцы знаютъ только Katharine, отъ греч. καθαρός=чистый, непорочный).
Еле (ц.-сл. лѣ = полу-).
Елей (ἔλαιον) 353. 365.
Елена (Ἑλένη, Ἑλένα) 380. Народн. *Олёна.*
Елизавета (*з* вмѣсто *с*), на томъ основаніи, что пишутъ *Элиза* и *Лиза.* Но по календарю и ц.-сл. Елисаветъ (греч. съ евр. Ἐλισάβετ).
Елисѣй 352.
Елпидифоръ.
Ель; ёлка.
Епанча.
Епархія. — Епархіальный 387.
Епископъ.

Епитимья́ (гр. отъ ἐπί и τιμή = возмездіе).
Ерда́нь (или Іерда́нь), по общему звуковому закону, а не Іордань 295.
Еремѣ́й 352.
Е́ресь (гр. αἵρεσις, отъ αἱρεῖν — брать, избирать).
Е́сли. (Карамзинъ и Гречъ сперва писали *естьли*).
Е́сли бы, бъ. Многіе пишутъ эти два слова слитно, но на это нѣтъ достаточнаго основанія, такъ какъ во всѣхъ случаяхъ, кромѣ союза *чтобы*, частица *бы* пишется отдѣльно. Поставивъ *ежели* вм. *если*, мы увидимъ, что неудобно писать слитно *ежелибы*.
(Есеирь). См. **Эсеирь.**
Ефе́съ (нѣм. Gefäss, отъ fassen — хватать).
Ефи́мокъ (Ефимъ вм. Іоакимъ). Польск. Ioachimik съ нѣм. Ioachimsthaler, по имени городка въ долинѣ Рудныхъ горъ въ Богеміи, гдѣ чеканились первые талеры.
Ефре́мъ (евр. **Ефра́имъ**).
Ефре́йторъ (нѣм. Gefreiter).
Ея́ (произн. *её*), род. пад. для отличія отъ вин. **её**.

Ж.

Жале́йка.
Жа́лованіе (дѣйствіе, выражаемое глаголомъ *жаловать*).
Жа́лованье (содержаніе, присвоенное должности или занятію).
Жа́льче, сравн. ст. прил. *жа́лкій*.
Жа́реный.—**Жаро́вня** 294.
Жда́ный.
Же, жъ.—**Жела́нный.**
Железа́; мн. ч. **же́лезы** (ц.-сл. жлѣза; серб. жлезда, жлjезда, чеш. žlaza) 353.
Жёлобъ[1] (одного корня съ гл. долбить?) — Ц.-сл. жлаб; серб. жлеб, жлjеб, польск. żłob.
Жёлтый 339. (Лат. flavus; нѣм. gelb; англ. yellow).
Жёлудь[1]. **Желудко́вый.**
Жёлчь (отъ желтый) 339.
Желѣ́зо (серб. жељезо, чеш. železo, польск. żelazo, лит. geležis).
Жена́. — **Же́нинъ** и **Же́ннинъ.**
Жени́тьба.
Жену́, женёшь, жену́тъ, ц.-сл. отъ *гнать*. См. это сл.
Же́нщина.
Жёрновъ. Гот. qvairnus (мельница); лит. girna(жерновъ ручной мельницы).
Жердь. — **Жёрдочка.**
Жёсткій.
Жже́ніе (кор. *жг*), **жжёный** 290.
Жите́йскій.
Жито́миръ.
Жужжа́ть, жужжа́ть.
Жупа́нъ. Сред.-лат. jupan, jopan (Добр. Etymologikon, 79). Як. Гриммъ сближаетъ съ гот. sipôneis (W. Stefan. Kl. Serb. Gramm. стр. II).

З.

Забія́ка (отъ забить).
Заблагоразсу́дить.
Заболѣва́ть.
Зави́сѣть, зави́шу, зави́сишь, зави́сятъ. Любопытное измѣненіе ударенія гл. *висѣ́ть* вслѣдствіе прибавившагося впереди слога.
За́втра (за-утра; за, предлогъ, въ значеніи: во время, съ род. пад.).
За́втракъ. — **За́втрашній.**
Завѣ́дывать, завѣ́дываютъ и **завѣ́дуютъ.** — **Завѣ́дывающій** и **Завѣ́дующій** 325.
Завѣ́тъ. Завѣща́ть.
Загора́ть 320.
За грани́цей; за грани́цу. См. **Граница.** — **Заграни́чный.**
Задо́лго.
За́дхлый 307.
Заёмъ, займа́.
За́живо.
Зайти́, зайду́тъ 297.
Закады́чный (отъ сущ. кадыкъ—гортань) 307.
Закоренѣ́лый.
Закору́злый.(также: заскорузлый).
Закоснѣ́лый.
Закоу́локъ.
Закули́сный.
За́ла, залъ, за́ло. *Зала* означаетъ вообще комнату довольно большихъ размѣровъ съ извѣстнымъ назначеніемъ; *залъ* принадлежитъ какому-нибудь учрежденію съ спеціальною цѣлью и обыкновенно предполагаетъ еще значительнѣйшіе размѣры. Что касается слова *зало*, которое часто красуется на парикмахерскихъ вывѣскахъ, то едва ли можно и нужно признавать за нимъ право гражданства 396.
Залпъ (фр. *salve*, выстрѣлъ изъ нѣсколькихъ орудій разомъ).
Заматерѣ́лый. Отъ прил. матерой. Ср. сущ. материкъ. Употребительна и ф.

[1] Вм. «желобъ» и «желудь» можно, на основ. стр. 343, писать: *жолобъ* и *жолудь*.

заматорѣть, *заматорѣлый*, образовавшаяся по удобству произношенія.
Замора́живать.
За́мужемъ; за́мужъ. Замужъ, остатокъ древней формы винит. падежа, какъ въ выраженіи *на конь*.
Заму́жняя. — Заму́жство.
За́мша (нѣм. sämish Leder, отъ фр. chamois, олень).
За́мшаный (-шевый).
Занавѣсъ, м. р., и **Занавѣсь,** ж. р.
Зане́ (вм. **за-е**; *н* призвукъ), т. е. за тѣмъ что, собств. за то что, ибо.
За́ново.
Зано́счивый 311.
Заодно́.
Запечатлѣнъ (произн. запечатлёнъ).
Заплаченъ (произн. заплоченъ).
Заповѣдь.
Заподо́зрѣть; заподо́зрѣнъ.
Запретить. Запретъ.
За́просто.
Запря́чь (произн. «запре́чь»), прош. **запрягъ** (произн. «запрегъ»).
Запѣвала, р. п. — **лы.**
Зараба́тывать.
Зарасти́.— Зараста́ть. — Зарасти́ть. Заращ́ать.
Зарожда́ться.
За́росль.
За́стить, за́щу, за́стятъ.
Застрѣленъ (прич. гл. *застрѣлить*).
Застѣнчивый.
Затмева́ть. Соверш. видъ *затмить*. Обыкновенно пишутъ «затмѣвать, затмѣніе», но это можетъ основываться развѣ только на аналогіи съ словами *сомнѣваться*, *сомнѣніе*. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ нормою служитъ ц.-сл. *мнѣти*, тогда какъ отъ *затмить* страдат. прич. будетъ *затменъ* и сущ. *затменіе*. Формы же «затмѣть» предполагать нельзя. Ср. *дмить*, *надмевать*, *надменный*, (воз)*намѣриться*, *намѣреваться*, *намѣреніе*.
Затме́ніе 353.
Зато́, за то.
Затѣва́ть. Затѣять, затѣютъ.
Затѣмъ, за тѣмъ.
Затѣя. Затѣйникъ.
Заурядный. Собственно значитъ почти то же, что исправляющій должность (урядъ—польское слово=чинъ, должность), но въ настоящее время, по недоразумѣнію, употребляется въ значеніи: обыкновенный, дюжинный).
Зау́треня.
Зача́стую.
Зачѣмъ, за чѣмъ.
За́яцъ (скр. çaça, отъ çaç, прыгать, итти). Произн. заецъ, уменьш. *зайка*, *заенька*. Род. зайца.
За́ячій, за́ячья, — чье.
(Збру́я). См. **Сбру́я.**
Зва́ный.
Звено́. Польск. dzvono. Ср. *позвоно́къ* (въ спинномъ хребтѣ) 353.
Звенѣть, звеню́, звеня́тъ.
Звѣзда́. Серб. звијезда; чеш. hvězda, поль. gwiazda). Основное понятіе корня *зв* — яркій свѣтъ; онъ же далъ слова: *звиздать* (чеш. hvihzdati, поль. gwizdać) и *свистать*: извѣстно, что первоначально впечатлѣнія сильнаго свѣта и звука выражались одинаково. Ср. нѣм. hell, нынѣ свѣтлый, а въ древн. зн. звонкій (гл. hallen).
Звѣрёкъ и Звѣро́къ. — Звѣрскій.
Звѣрь. Серб. звијер; чеш. zwěř, поль. zwierz; лит. źweris. Ср. гр. ϑήρ, лат. fera, нѣм. Thier.
Зги Бо́жьей не вида́ть. Зга — не то ли же слово, что чеш. zaha — утреннее небо?
Здать, зи́ждутъ. Употребляемое по недоразумѣнію неопр. наклоненіе «зиждить» (напр. въ словарѣ Даля) неправильно. Серб. *зидати*; чеш. zditi.
Здоро́ваться, здоро́ваются.
Здоро́вье. О здоровьи или —ѣ.
Здра́вый (собств. сдравый; ц.-сл. съдравъ).
Здѣсь (ц.-сл. сьде) 306. 352.—**Здѣшній.**
Зеленно́й (прилаг. отъ *зелень*): зеленная лавка.
Зеленщи́къ. Зелёный. (Ср. *зелье*).
Землетрясеніе.
Земляно́й. Земляни́ка.
Зеркальце.
Зиждитель. Отъ гл. *здать*, *зиждутъ*.
Зи́жду, зи́ждешь, зи́ждутъ. Зи́ждется, а никакъ не «зиждится», форма, которую намъ случалось встрѣчать даже у лучшихъ писателей. См. **Здать.**
Зипу́нъ. Гот. sipôneis. Ср. **Жупа́нъ.**
Зія́ть; — зи́нуть. Первой, ц.-сл. формѣ соотвѣтствуетъ русск. *зѣвать*. Вторая неупотребительна безъ предлога *раз*. См. **Рази́нуть.**
Злодѣй.
Змѣй, змій. Змѣя́ 352.
Зна́меніе.
Зна́чить, зна́чишь, зна́чатъ. Прич. **Зна́чащій.** Прилаг. **зна́чущій.**
Зоба́ть, зо́блешь, зо́блютъ.
Зо́дчій (отъ *здать*). **Зо́дчество.**
Зо́нтикъ.
Зрѣлый. Зрѣть, зрѣютъ (созрѣвать).
Зрѣніе. Зрѣть, зрятъ (видѣть).

Зубри́ло (оруд.). **Зубри́ла** (лицо) 373.

Зыбáть, зы́блю, зы́блешь, зы́блють. (Соверш. ошибочна форма неопред. наклоненія: «зыбить» или «зыблить, зыблиться», которая иногда встрѣчается даже у хорошихъ писателей, напр. въ стихахъ графа А. Толстого: «Уже одежда зыблилась». «Вкругъ устъ какъ будто зыблилась улыбка». Это то же, что сказать: «сыпилось, дремилось», вм. сыпалось, дремалось).

Зѣвáть. См. **Зіять.**

Зѣвъ.

Зѣло́ (названіе буквы и нарѣчіе).

Зѣни́ца. Обыкновенно думають, что первоначальная форма — «зрѣница»; но если бъ было такъ, то въ какомъ-нибудь славян. нарѣчіи эта форма сохранилась бы; между тѣмъ мы вездѣ находимъ то же самое: чеш. zenica (Юнгманъ со ссылкою на иллир. zènica). Серб. зјѐница. Въ словарѣ Стулли кромѣ того sjènica. Шимкевичъ вовсе пропустилъ это слово. Миклошичъ (V. Gr. I, 243) производитъ его отъ корня *зѣ*: рус. *позѣть*—посмотрѣть. У Даля, кромѣ того, *зетить*. Ср. у Держ. *озѣтить* 354.

И.

Ива́нъ.

Иди́ллія. Гр. εἰδύλλιον (= картинка).

(Идти́). См. **Итти́.**

Иждиве́ніе (вм. иждивеніе) 289. 291.

Ижо́ра 379.

Изба́. (Собств. истба; ср. нѣм. Stube).

Известь, извёстка (ἄσβεστος, отъ σβεννύναι — гасить) 365.

Извнѣ.

Изво́зчикъ 312.

Извѣстіе.—Извѣстный.

Иза́вна.

Издалека́. — Йздали 409.

Издре́вле.

Издѣва́ться.

Издѣтства.

Изжа́рить.

Изжену́, изженёшь, изжену́тъ (церк.-слав. отъ *изгнати*). Нѣкоторые отъ формы *изжену* неправильно образуютъ неопр. накл. «изженить» вм. *изгнать*, и 3-е лицо наст. «изженится» вм. изженется. См. **Гнать.**

Изжо́га.

Иззя́бнуть.

Изли́шній; изли́шне.

Излома́ть (др.-сл. изламати).

Измождённый (вм. измозжённый).

Изна́нка. Вм. *изнанка* (или просто наника, наничка) отъ *наникъ, наничь* — т. е. лицомъ внизъ, то же, что ничкомъ. Оттуда *наничникъ* — выворочевная одежда (Толк. словарь Даля).

Изнутри́ (не «извнутри»).

Изойти́, изойду́тъ.

Изра́ненный.

Изрека́ть. — Изре́чь. — Изрече́ніе.

Изрѣдка.

Изсиня.

Изслѣдовать. — Изслѣдывать 325.

Изстари.

Изъ-за. — Изъ-подъ.

Изыска́ть.—Изыска́ніе.

Изъянъ (а не «изъянъ»: перс. ziian). Здѣсь *изъ* не есть предлогъ.

Изю́мъ (тур. izoum).

Изя́щный (древн.-сл. изащьнъ; по Миклошичу, отъ корня изы и суфф. шта = щ).

Ико́на (греч. εἰκών, нов.-гр. εἰκόνα).

Иларіо́нъ 386 (гр. Ἱλαρίων или позднѣйшая форма Ἱλάριος).

Илли́рія.

Иліа́да (Ἴλιας) 386.

Иллюмина́ція.

Иллюстра́ція.

Ильи́нична 308.

Имени́ны. Нѣтъ причины писать по старинному *имянины*. Есть только 2—3 случая, когда древній *юсъ* въ серединѣ слова переходитъ въ *ян*, а не въ *ен*, именно въ словахъ: *племянникъ, стремянный, кляну*.

Имперiа́лъ 387.

Импровизова́ть 400.

Имѣньице 332.

Индивѣть (отъ *иней* со вставкою *д*).

Индифференти́змъ.

Индѣ. Нарѣч.

Индѣецъ; индѣйскій 352. Эти формы употребительны только когда рѣчь идетъ о туземцахъ Америки; о первобытныхъ жителяхъ Остъ-Индіи говорятъ: *Индусы, Инды, Индійцы*.

Иней, род. пад. инея.

Инжене́ръ (фр. ingénieur, отъ слова génie. Др.-русс. переводъ: *Размыслъ*) 393.

Иннокентій.

Интере́съ 386.

Ипполи́тъ.

Иска́ть, и́щутъ. Исте́цъ.

Искони́.

И́скренній, и́скрененъ, и́скренно. См. подъ словомъ **Дальній.**

Иску́сный.

Иску́сство. Иску́ственный 292.

Коля́ска (поль. kolaska, отъ общеслав. коло).
Кома́нда (фр. commande) 384.
Командирова́ть. — Кома́ндовать 400.
Коме́дія (гр. отъ κώμη, деревня, и ἀείδειν = пѣть).
Коменда́нтъ 384.
Комисса́ръ. — Комиссіоне́ръ 384. 385.
Коми́ссія. — Комите́тъ 384.
Коммента́рій.—Коммента́торъ.
Комме́рція.
Коммуника́ція.
Комо́дъ.
Компаніо́нъ, компаньо́нъ, -ка 388.
Компа́нія (фр. compagnie = общество) 388.
Ко́мпасъ (сред.-лат. compassus).
Компре́ссъ.— Компроми́ссъ.
Конве́ртъ. (Передѣл. изъ кувертъ, фр. couvert).
Конвоева́ть, конвои́ровать.
Конгре́ссъ.
Конди́теръ (отъ лат. condire = приправлять).
Кондра́тій (собств. *Кодратъ,* отъ греч. Κοδρᾶτος). Такимъ же образомъ передъ *д* вставляется *н,* напр. въ имени *Андреянъ* вм. *Адріанъ.* Еще чаще, наоборотъ, послѣ *н* прибавляется *д*: Павскій приводитъ *Индрихъ* вм. *Генрихъ* (Филол. Набл. I, § 65, прим. Ср. Max Müller-Böttger, 2-я серія лекцій, стр. 168).
Коне́чно; коне́чный.
Конкуре́нція. — Конкури́ровать.
Ко́нный
Конопа́тить.—Конопля́ный.
Конто́ра (фр. comptoir, отъ compter= считать).
Контраба́нда (итал. contrabbando, т. е. противно запрещенію).
Контрабанди́стъ (а не «контрабандиръ», ибо и нѣмцы свое Contrabandier произносятъ какъ французы).
Контра́ктъ (лат. con-tractus, соглашеніе). Раздѣлять слѣдуетъ *кон-трактъ,* а никакъ не «контр-актъ, равно какъ и *кон-трагентъ* (con-trahent), а не «контр-агентъ».
Контроле́ръ (фр. contrôleur).
Кону́ра (изъ комора?).
Конфе́тчикъ.
Конфе́ты (итал. confetti). Нѣтъ надобности соображаться съ латино-нѣм. confect: иначе какъ бы пришлось писать второобразныя слова: *конфетка* и *конфетчикъ?*
Конфо́рка, собств. комфорка (голл. komfoor, снарядъ для разведенія огня).
Ко́нченъ (прич. гл. *кончить*) — **Ко́нчикъ.**
Копе́йка. — Копе́ечный 307. 352. Производить ли это слово отъ *копье* или, по Сенковскому, отъ монголь. «копека» (мелкая монета хановъ Золотой орды)[1], нѣтъ причины писать *ѣ.*
Копе́йщики (ратники, помѣщенные между гусарами и рейторами. *П. Собр. Зак.* III, 1554).
Копьё. Копьецо́ 332.
Кора́ллъ.—Кора́лловый.
Коридо́ръ (отъ ит. correre; въ роман. яз. часто испорченная форма: colidor) 367. 368.
Кориѳе́й.—Корифе́й (κορυφαῖος отъ κορυφή, голова, вершина).
Кори́чневый (отъ *корица*) 307.
Корна́ть (серб. крњити = разсѣкать; чеш. krnéti).
Коро́ва.
Корова́й, правильнѣе чѣмъ **Карава́й,** на основаніи ц.-сл. и болг. кравай, серб. краваљ 319.
Корока́тица (sepia) отъ *корокъ* (кракъ), нога, чрезъ возможное прилагательное *корокатый* — многоногій: это животное принадлежитъ къ породѣ такъ называемыхъ главоногихъ моллюсковъ (cephalopoda). Того же происхожденія слова́: *корячить, окорокъ.* Болг. крака, нога; серб. крак, длинная нога.
Коромы́сло (составъ необъясненъ).
Коросте́ль.
Корочу́нъ.
Корпѣ́ть (ср. лат. torpor=косность).
Корре́кторъ. — Корреспонде́нтъ.
Ко́рчить, ко́рчать (ср. лат. torquere) 321.
Ко́рячиться. См. **Корока́тица.**
(Коса́тка). См. **Каса́тка.**
Косну́ться (хотя *касаться*).
Косо́й.
Косте́лъ (поль. kosciol).
Костёръ (исл. köstr).
Косы́нка.
Косьба́.
Кося́щатый 315.
Кото́мка.
Коу́рый, коу́рка.

---

[1] *Библ. для Чт.* 1854, № 1.

Ко́фе, ко́фей 399. Г. Буслаевъ справедливо замѣтилъ, что даже тѣ, кто не склоняетъ формы *кофе*, употребляютъ ее въ муж. р.: *горячій кофе* (*Ист. гр.* I, § 97). Тургеневъ: «Ему принесли кофею» (*Наканунѣ*, 343).

Коча́нъ. — Ко́чень (лат. cos, cotis = камень).

Кочеры́га, кочеры́жка (ср. гл. *кочен*ѣ*ть* и сущ. *кочера́*, сучковатое дерево, откуда народн. *кочериться*, упрямиться).

Кошель. — Кошелёкъ.

Кощéй (отъ *кость?*).

Кра́вчій (иначе крайчій, отъ *край*, *кроить*. Ср. чеш. krejčí = портной).

Красоу́ля (-вуля).

Крахма́лъ (нѣм. Kraftmehl).

Крейсерова́ть (франц. être en croisière), глаг. отъ сущ. *крейсеръ* 400.

Кре́йсеръ. (Голл. kruisser, отъ глаг. kruissen, нѣм. kreuzen, — крестообразно двигатьтя). Военный корабль, который ходитъ то въ одномъ, то въ другомъ направленіи по морю съ цѣлію наблюдать за движеніями непріятельскаго флота. (Франц. croiseur).

(Крапи́ва). См. **Кропи́ва.**

Кре́ндель. Такимъ же образомъ въ лѣтоп. *Дюрій* вм. *Гюрій*, въ бѣлор. *аньдель* и наоборотъ въ сѣв.-великор. *гля* вм. *для* (См. Буслаевъ *Ист. Гр.* I, § 87).

Кре́сло (поль. krzesło).

Крести́шко 374.

Кре́стный 309.

Крехтѣ́ть. Ср. поговорку: «Все охъ да крёхъ».

Креще́ндо, не «крещчендо» (ит. crescendo) 394.

(Кри́нка). См. **Кры́нка** 361.

Кри́сталлъ (гр. χρύσταλλος).

Кровообраще́ніе.

Кровяно́й.

Кро́мѣ (собств. мѣстн. падежъ сущ. *крома*). Народн. *окро́мѣ*.

Кромѣшній (= внѣшній).

Кропи́ва (ср. полск. kopr = укро́пъ; pokrzywa = кропива).

Крупи́нка.

Крыжо́вникъ (ср. поль. krzew, чеш. křowi, кустарникъ).

Крыло́ (ц.-сл. *крило*) 362.

Кры́лосъ (народн. вм. *клиросъ*).

Кры́нка.

Крѣпкій. — Крѣпость.

(Кряхтѣ́ть). См. **Крехтѣ́ть.**

Ксаноі́й.

Ксенофо́нтъ.

Кота́ти 409 Окончаніе не *я*, а *и*, отъ сущ. *стать*: «А мнѣ-то что за стать?» (Крыловъ): — едва ли не единственный случай, когда предлогъ *къ* пишется слитно. (Начертанія: «кверху», «книзу», не освящены обычаемъ).

Кто, кѣмъ. — Кто́-либо. Кто-нибу́дь.

Кувыркну́ть (и кувырну́ть).

Куде́ль 352.

Ку́дерь, муж. р., род. п. ку́дря, мн. ку́дри, -ей. Многіе ошибочно думаютъ, что это имя женскаго рода.

Кузне́чикъ, р. п. **кузне́чика** 328.

Кузьма́. См. **Козьма́.**

Кулебя́ка (фин. kala = рыба).

Кули́са.

Кули́чъ, род. п. **кулича́** (гр. κολλιξ).

Куми́ръ (фин. kumartaa = кланяться, поклоняться).

Купе́ль (въ др.-сл. кѫпѣль; но нынче, по аналогіи съ другими словами того же окончанія — колыбель, обитель, коростель — пишутъ *е*).

Кури́ла, сущ., р. п. — **лы** 373.

Куріо́зный, курьёзный 389.

Куроле́сить (отъ греч. Κύριε ἐλέησον, Господи помилуй). См. Буслаева *О препод. отеч. яз.* 1-е изд., ч. II.

Ку́ры (фр. la cour): строить куры.

Курье́ръ.

Кусо́чекъ, — чка.

Кути́ла, сущ., р. п. — **лы** 373.

Кутья́ 365 (греч. κηδεία = похороны по Рейфу; но не вѣрнѣе ли принять для сближенія: τὰ κοιταῖα ἐπισπένδειν — напиться передъ сномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ совершить возліяніе).

Кухня, р. п. мн. *ку́хонь*.

Ку́хонный.

Ку́черъ (нѣм. Kutscher).

Кюме́нь (рѣка въ Финляндіи).

Кѣмъ (тв. пад. мѣстоим. *кто*).

Л.

Лаба́зъ.

Лавирова́ть (голл. laveeren).

Ла́герь.

Ла́данъ (гр. λάδανον).

Ладо́нь (вм. долонь = длань).

Ла́зать, ла́заютъ. Ла́зить, ла́зятъ.

Лазе́йка.

Лазу́тчикъ 312.

Лапша́.

Ла́сочка (отъ ласка, ласица, mustela nivalis, изъ рода хорьковъ, иначе *норокъ*, по Далю, у котораго «ласточка» въ этомъ зн. невѣрно).

Ла́сточка, ла́стка (hirundo).

письмѣ. Такъ даже въ статьѣ графа Л. Н. Толстого *О народномъ образованіи*: «Казалось бы, способъ этотъ никакъ не можетъ привиться въ Россіи, а *между прочимъ* онъ прилагается, хотя и въ малыхъ размѣрахъ, но прилагается»... или далѣе: А *между прочимъ* вопросъ этотъ совсѣмъ не такъ труденъ» (*Отеч. Записки* 1874, № 9, стр. 171 и 179). То же встрѣчается въ этой статьѣ еще разъ (стр. 177); только въ одномъ мѣстѣ авторъ умѣлъ же сказать: «Повтореніе это не будетъ скучно для педагоговъ новой школы, а *между тѣмъ* я продолжаю думать» и проч. Слѣдовало и въ предыдущихъ фразахъ сказать: *между тѣмъ*. Такихъ небрежностей надобно избѣгать не только въ литературномъ, но и вообще въ образованномъ языкѣ.

Междомéтіе. — Междоусóбіе.

Междуцáрствіе.

Мезанúнъ (не «мезонинъ», ибо происходитъ не отъ фр. maison, а отъ ит. mezzanino = половинный этажъ).

Мезгá (ср. мозгъ) 351.

(Мездрá). См **Мяздрá.**

Мéксика 380. «Передавать звукъ *x* въ этомъ имени буквами *кс* конечно неправильно; но мы еще болѣе удалились бы отъ настоящаго туземнаго выговора, если бы, слѣдуя еще болѣе испорченному испанскому выговору, навсегда утвержденному новѣйшимъ правописаніемъ Mejico, замѣнили *кс* гортанною *x* (ch). Въ имени бога войны Mexitli и въ происшедшемъ отъ него имени города Mexico 3-я буква, по туземному выговору, есть сильный шипящій звукъ, хотя въ точности нельзя опредѣлить, въ какой степени онъ близокъ къ нашему *ш* (sch) ... Чтобы не удалиться отъ туземнаго выговора, слѣдовало бы произносить имя столицы Новой Испаніи такъ, чтобы выговоръ приходился между правописаніемъ Messico и Meschiko». (В. Гумбольдтъ въ перев. Билярскаго: *О различіи организмовъ челов. языка*, стр. 157).

Мелúть, мелю́, мелятъ.

Мéлкій.— Мéлочь.

Мелю́, мéлешь, мéлютъ (гл. *молóть*).

Мелюзгá. — Мель, мелѣть.

Мелькáть.— Мéлькомъ.

Мéльникъ.— Мéльничиха.

Мéльница.

Мéмель (городъ).

Мéньше.— Мéньшій; меньшóй.

Меньшинствó.

Мéнѣе, мéнѣ. Въ др.-сл. *мене* 352.

Мерёжа, мрéжа.

Мертвéцъ. — Мертвечúна.

Месть.

Металлъ 384.

Метáть, мечешь, мечутъ и мещешь, мéщутъ; также метáю.

Метéль (отъ *мести*) и **Мятéль** (отъ *мясти*).

Метлá, род. п. множ. **мётелъ и мётлъ.**

Метропóлія.

Метóда. — Мéтодъ.

Меѳóдій.

Мзда (ср. *мстить* и гр. μισθός = возмездіе).

Мизéрный.

Мизúнецъ (въ цсл. = младшій сынъ; стар. *мизинный*, меньшой).

Миллiáрдъ.

Миллióнъ[1] 388.

Милосéрдый и Милосéрдный.

Мúлостыня.

Миніатю́ра.

Минéя чéтія. См. **Чéтія.**

Минóга 369.

Мирвóлить.

Мúро (прежде мѵро). — **Миропомáзаніе. Мирото́чивый.**

Мировóй.

Миръ. Этимологически, конечно, *миръ* и *міръ* одно и то же слово; установленное между ними на письмѣ различіе, хотя и не оправдываемое филологіею, имѣетъ практическое значеніе. Такія двоякія начертанія, съ цѣлію отличить употребленіе слова въ томъ или другомъ смыслѣ, приняты во всѣхъ языкахъ. Противъ этого обычая приводятъ живую рѣчь, гдѣ словá различнаго знаменованія произносятся одинаково. Надо однакожъ замѣтить, что когда можно, то и въ живой рѣчи отмѣчаются такія различія, напр. говорятъ: *сѣмянъ* вм. *сѣменъ*, или *хлѣбá*, *цвѣтá* рядомъ съ *хлѣбы*, *цвѣты*.

Мúссія.—Миссіонéръ 384.

Мúстика (μυστική).

Миткáль (перс. mitakâli).

---

[1] На стр. 389 настоящаго тома ошибочно вкралось начертаніе «мильонъ», которое невѣрно, потому что въ немъ нѣтъ l mouillé: оно по-фр. пишется million.

Н.

Одéжда (народн. **Одёжа**).
Одинáкій. — Одинáковый.
Одúннадцать 21.
Одинóкій. — Одинóчка (въ одиночку).
Однáко; **однáкоже, однáкожъ.**
Одноле̂тки.
Одúшка.
Оде̂вáть; оде̂ть, оде̂нуть. *Одѣваютъ* человѣка, *надѣваютъ* платье; но *одѣть* вм. *надѣть* употребляется не однѣми петербургскими нянюшками; недавно въ одной газетѣ мы прочли: «Одѣвъ (!) бѣлое кисейное платье», а въ другой: «На немъ былъ одѣтъ кафтанъ».
Оде̂яло 373.
Ожерéлье (отъ *жерлó* = горло).
Ожóгъ.
Озабóчивать 316.
Óземь.
Озлатúть; озлащáть.
Озорнúкъ. — Озорнúчать.
Окáзія.
Окаянный.
Околóтокъ. — Околóточный. (О произношеніи здѣсь *т* какъ *д* ср. 306).
Окóнченъ (прич. гл. *окончить*).
Окрáина.
Окрéстный. — Окрéстность.
Окрéстъ (ср. польск. kres=край, предѣлъ).
(Окрóмѣ). См. **Крóмѣ.**
Октя́брьскій 361.
Окунáться. Утвердилось по всей Россіи отъ однократной формы *окунуть* (вм. окупнуть), но такъ же неправильно, какъ если бъ стали говорить «подвинáть» (отъ *двинуть*) вм. *подвигать*. Такую же неправильность представляетъ, неупотребительная впрочемъ въ образованномъ языкѣ, форма: *нагинáть* (отъ *нагнýть*) вм. *нагибáть*.
Олáдья (стар. *олей* вм. елей) 370.
Олёна (народн. вм. *Елена*) 363. 370.
Óленька (уменьшит. отъ *Ольга*).
(Олтáрь). См. **Алтáрь.**
Оловянный.
Оля́поватый.
Омерзе̂ніе.
Онú, онѣ. Въ народномъ языкѣ *они* употребляется безразлично для всѣхъ трехъ родовъ, но по грамматикѣ, начиная съ Ломоносовской, *они* можетъ относится только къ муж. и сред. роду, а для женскаго обязательно *онѣ*.
Онúсимъ.
Ономéдни. См. **Намéдни.**
Онýфрій.
Онýча (по Микл. отъ **уть**: Lautlehre, 125).
Оне̂га.
Опáла.
Óпашень.
Оперéться, обопрýсь, обопрýтся.
Оплеýха.
Опознáться (оріентироваться).
Оппозúція.
Опрúчь (отъ *прочь* съ измѣнен. *о* на *и*).
Óпрометью. — Опромéтчивый.
Опре̂снóки.
Опе̂шить.
Орфéй (Ὀρφεύς).
Оре̂хъ.
Ореогрáфія.
Освобождáть (др. свобаждати) 320.
Осве̂домиться.
Осве̂тúть; осве̂щáть.
Освятúть; освящáть.
Óсипъ (Народн. вм. *Іосифъ*) 362.
Осироте̂лый.
Осіявáть; осія́ть.
Ослáбить. — Ослабля́ть (гл. дѣйств.).
Ослабе̂вáть, ослабе̂ть (гл. средн.).
Осмёрка
Осмерúчный
Осмúна
Осмъ
(Здѣсь *е* послѣ *с* наличие, такъ какъ эта согласная отъ мягкаго за нею звука и безъ того умягчается.)
Осме̂ивать; осмея́ть, осмѣю́тъ 326.
Оспáривать.
Останáвливать.
Остафій (народн. вм. *Евстафій*. См. *Өедотья*).
Остзéйскій.
Óстовъ.
Остреё и **Остріё.**
Остромúръ.
Осьмóй. См. **Восьмóй.**
Осьмýха и **Восьмýха.**
Осе̂длый.
Отвéзть, отвезýтъ.
Отвéрстіе. — Отвéрстый 307.
Отворя́ть (вм. *оттворять*) 284.
Отвратúть; отвращáть.
Отвсю́ду; отовсю́ду.
Отве̂тить; отвѣчáть. Отве̂тчикъ 314.
Отдáть, отдадýтъ.
Отде̂лúть. — Отде̂лъ.
Отерéть. Правильная форма для прич. прош. была бы «отерши», но употребляется *отеревъ*. Такъ даже въ *Ист. Гос. Рос.*, т. IV, гл. VIII, стр. 121 (изд. Эйнерлинга).
Въ *Россіадѣ* Хераскова:
Слезъ капли отеревъ, взглянулъ на мечъ, на войско (въ концѣ 2-й пѣсни).
Откóлѣ. Откýда.
Откровéнный.

П.

Подво́вчикъ.
Подвѣне́чный.
Подгнѣта́. См. **Гнѣти́ть,** которое не должно быть смѣшиваемо съ производными отъ корня *гнет.*
По́дданный.
Поддёвка (ср. одёжа).
Поддо́нокъ.
Поддья́конъ.
Подёнщикъ.
Подешевѣ́ть.
Подже́чь, подожгу́тъ.—Поджо́гъ.
Подземе́лье.
Подкола́чивать.
По́длинный. — По́длѣ (по-длѣ). Ср. древнія формы: *подлъгъ, подолгъ, подълѣ* и даже *подолѣ*(Вост. и Миклош.). Отсюда *по-длинный.*
Подмасте́рье.
Подного́тная. Выраженіе взято, какъ думаютъ, изъ практики пытокъ. Производство отъ *нагоmы* не выдерживаетъ критики.
Подозрѣва́ть. — Подозрѣніе.
Подойти́, подойду́тъ.
Подо́нки, м. р. род. п. **подо́нковъ.**
Подпи́счикъ 314.
Подо́шва.
Подотрека́ть. — Подотрекну́ть.
Подтяну́ть.
Подча́съ.
(По́дчивать). См. **По́тчевать.**
Подъёмъ.
Подъ ря́дъ.
Подыма́ть. — Подня́ть, подни́мутъ, поды́мутъ.
Подья́чій 289.
Поели́ку.
Пожа́луйста. По мнѣнію нѣкоторыхъ, здѣсь *ста* вм. *еста* остатокъ двойственнаго числа (Срезнев. *Мысли*, 145, и Потебня. *Изъ записокъ р. гр.* II, 128); но вѣрнѣе, что *ста*—суффиксъ сомнительнаго происхожденія.
Поздно́.
Позво́лить (вм. позволить).
Позвоно́къ.
По́здній. — По́здно. — По́зже (отъ *позд*о) 292. 309.
Поздоро́ваться. — Поздоро́вится (употребл. только отрицательно).
Позлаща́ть. — Позолоти́ть, позоло́тятъ.
Позуме́нтъ. — Позуме́нтщикъ.
Пойстинѣ.
(Пока́лъ). См. **Вокалъ.**
Пока́мѣстъ 361.
Поклони́ться, покло́нятся. Поклоня́ться.
Покля́сться, поклянутся. См. *клясть.*
Поко́ить, поко́ишь, поко́ятъ. Прич. **Поко́ящій** 323.
Поколѣніе. — Поколѣнно.
Покоря́ть.
Поку́да.
Полага́ть. — Положи́ть, поло́жатъ 31.
Пола́ти.
По́лгода. — По́лдень. — Полде́сти.
Полети́, ползу́тъ.
Полицейме́йстеръ (правильнѣе нежели «полиціймейстеръ» или «полицме́йстеръ»).
Поло́гій. — По́логъ.
Поло́женный. — Положо́ный 343.
Положи́ть.
По́лозъ; мн. ч. **поло́зья.**
Поло́къ.
По́ломя (правильнѣе чѣмъ «полымя»).
Полоса́.
По́лость.
Полоумный. Первая часть этого слова заимствована отъ прилаг. *полый* — пустой, открытый. Отсюда же прилаг. *пологрудый.* Отъ прилаг. *полый* происходятъ сущ.: *полость* (грудная полость, т. е. пустота), *полынья,* также *половодье* (открытая, сплошная вода). Многіе по недоразумѣнію пишутъ «полуумный».
По́лоцкъ 310.
По́лпиво.
По́лсть.
Полтора́ (полвтора́).
Полтора́ста.
Полтретья́.
Полулёжа. *Полу* есть род. падежъ числительнаго *пол* и собственно не могло бы служить нарѣчіемъ, но выраженіе *полулежа* съ 40-хъ годовъ вошло въ литературный языкъ.
Полу́шка.
Полъ (въ значеніи половины). **Полъ-листа; полъ-имѣнія; полъ-оборота.** Но *полгода, полпути, полчаса* и нѣкот. др. имена принято писать слитно.
(По́лымя). См. **По́ломя.**
Полѣно, мн. полѣнья.
Поля́рный.
Пома́да (фр. pommade).
Поми́мо. Это — одно изъ излюбленныхъ словъ нашего времени, часто употребляемое очень неловко вм. *кромѣ.*
По́мнить (по-мнить).
По-мо́ему. Когда *моему* служитъ опредѣленіемъ существительному, то должно произноситься: *моему́* (по моему́ мнѣнію).

Помóщникъ.
Пóмыслъ.
Помѣстье. — Помѣщикъ 315.
Помѣха.
Понедѣльникъ (отъ недѣля=воскресенье).
Пономáрь 367. См. въ словарѣ Дюканжа παραμονάριος, подкрѣпленное многими примѣрами. По-латыни этому названію соотвѣтствуетъ mansionarius (фр. mansionnaire у Литтрé), откуда произошло нѣм. Mesner, Mesmer и Mensner (ср. Schmeller, Bayer. Wb. Нов. изд. I, 1669). — Въ русск. есть еще форма «подомарь» (Гильфердинга *Онеж. былины*, стр. 1333).
Поневóлѣ, какъ нарѣчіе.
Понемнóгу.
Поутрý.
Поны́нѣ.
Поóдаль.
Поодиночкѣ.
Поочерёдно.
Поощря́ть.
Попáрно.
Поперёкъ (отъ корня *прек*, и потому прежняя ореографія «поперегъ» должна быть оставлена).
Попеременно.
Поперéчникъ.
Поплавóкъ.
Пополáмъ.
Попрежнему [1].
Попугáй.
Пóпусту. — Попустóму.
Порождáть.
Порóгъ.
Порóжній. По Павскому (Разс. I, § 128), вм. *порозный*, или *пороздный*, т. е *праздный*. На это же намекаетъ форма *упражняться*, или *упорожняться* вм. *упраздняться*.
Пóрознь.
Порóкъ. — Порóчный.
Порасти́; порастáть. — Пóросль.
Порóть, пóрешь, пóрютъ.
Портфéль; род. портфели (жен. р.) 396.
По-рýсски.
Порýчикъ 313.
Порфи́рій.
Посажёный.
По-своéски.
Посвяти́ть; посвящáть.
Посвѣти́ть.
Посемý.
Посидѣлка.
Поскóльку.
Послáнникъ.
Пóслѣ (по-слѣ отъ *слѣдъ*).
Послѣдній. — Послѣдствіе.
Послѣзáвтра.
Пособенно.
Поспѣшный.
Посреди́. — Посрéдствомъ.
Постéль, -ля. — Постилá (отъ *стлать*).
Постлáть, постéлютъ («постелить» форма совершенно ошибочная).
Пóстничать. — Пóстный 309.
Пострѣлъ.
Посѣвáть 326.
Посѣти́ть; посѣщáть.
(Потапъ). См. **Патапій.**
Потáтчикъ 312.
Потёмки, р. п. —мокъ. Для бóльшаго удостовѣренія, что это слово ж. р., служитъ образованное отъ него фамильное имя Потемкинъ (отъ потемка, — не Потемковъ, какъ было бы отъ потемокъ).
Потолóкъ (ср. хорут. tlak = полъ).
Потомý, потóмъ.
Потомý что; потомý, что.
Пóтчевать, потчую. Павскій, первый, далъ это начертаніе глаголу, который прежде писали то «подчивать», то «потчивать», и объяснилъ, что правильная его форма была бы *почтевать* (предложный глаголъ), но она испорчена перестановкою буквъ. И. И. Срезневскій, на основаніи множества сравненій изъ другихъ славянскихъ нарѣчій, признаетъ въ этомъ словѣ тотъ же корень, однакожъ пишетъ «потчивать» и сближаетъ вторую часть глагола съ прилагательнымъ *чтивый* [2]. Находя указаніе обоихъ филологовъ на корень *чт* въ глаголѣ *потчевать* несомнѣнно вѣрнымъ, я обращу вниманіе на странныя аномаліи, представляемыя этимъ глаголомъ: 1) При господствующей ореографіи «потчивать» для неопредѣленнаго наклоненія, настоящее время имѣетъ однакожъ форму *потчую* [3]; 2) этотъ предложный гла-

---

[1] На стр. 411 въ числѣ примѣровъ отдѣльнаго начертанія предлога при полныхъ прилагательныхъ помѣщено и *по прежнему*, но слитное письмо въ этомъ случаѣ сдѣлалось преобладающимъ.
[2] *Извѣстія Отд. русск. яз. и слов.* т. VII, вып. 3.
[3] *Въ Словарѣ Росс. Академіи* (изд. 1) показана двоякая форма настоящаго

голъ, заключа́я въ себѣ значеніе несовершеннаго вида, заставляетъ предполагать другую форму вида совершеннаго, но ея нѣтъ; 3) удареніе въ неопредѣленномъ наклоненіи падаетъ на предлогъ, чего никогда не бываетъ (если исключить предлогъ *вы* при совершенномъ видѣ). Наконецъ 4) и самое главное: это — глаголъ предложный, а между тѣмъ, для приведенія его въ совершенный видъ, къ нему присоединяются еще предлоги: *попотчевать, запотчевать, отпотчевать, употчевать*, — опять явленіе ненормальное.

Такія неправильности можно, кажется, объяснить только совершеннымъ отсутствіемъ народнаго сознанія относительно состава и натуры глагола, а это могло произойти единственно съ *заимствованнымъ* словомъ. По свидѣтельству И. И. Срезневскаго, народъ и Великой и Малой Россіи, во многихъ краяхъ, вмѣсто *потчевать* употребляетъ другой глаголъ *почтовать* = *поштовать*, и существительное *почтованье* = *поштованье*. Что жъ это значитъ? Извѣстно, что глаголы съ окончаніемъ *овать* или *евать* всего чаще составляются изъ существительныхъ, и между прочимъ изъ иностранныхъ (проба — пробовать, танецъ — танцовать проч.). Въ польскомъ языкѣ есть сущ. poczta [1] (произн. по́чта) съ значеніемъ: почитаніе, почетный даръ, гостинецъ (Linde: Verehrung, ein Ehrengeschenk). Удивительно ли, что изъ этого слова, въ эпоху перехода къ намъ полонизмовъ, образовался русскій глаголъ *по́чтовать* (чествовать, угощать), который, по свойству языка, могъ подвергнуться въ устахъ народа двоякому измѣненію, именно: превращенію *ч* въ *ш* (*што* вм. *что*) или перестановкѣ *ч* и *т*. Случилось, смотря по различію мѣстностей, и то и другое; но *по́тчовать* должно было, по народной фонетикѣ, непремѣнно обратиться въ *потчевать* (такъ какъ ей противно *о* безъ ударенія послѣ шипящихъ [2]). А при этой формѣ правильно должно было выработаться настоящее время *по́тчую*. Такимъ образомъ трудность въ объясненіи этого на первый взглядъ страннаго глагола исчезнетъ, какъ скоро мы перестанемъ видѣть въ немъ чисто-русскій глаголъ и признаемъ чуждое его происхожденіе.

-времени: *«подчиваю*, сокращенно же *потчую»*. Гречъ и за нимъ Рейфъ были того же мнѣнія; на самомъ же дѣлѣ употребительна лишь послѣдняя форма, которая одна только и означена въ 2-мъ изданіи словаря *Росс. Ак.*, также въ словарѣ Отд. русск. яз. и сл., и въ *Толк. Слов.* Даля.

[1] Ср. сущ. uczta, пиръ, угощеніе, и глаголъ ucztować, пировать, угощать.

[2] По той же причинѣ русскіе, вм. *шоколадъ*, произносятъ и пишутъ *шеколадъ*. См. выше стр.

Пройдóха.
Произрастáть.—Произрасти́; произрасти́ть.
Происходи́ть. — Происшéствіе.
Пройти́, пройду́ть 298.
(Прохлажáться). Хотя эта форма и употребительна, почему занесена въ словарь и Академіей и Далемъ, но кажется звукъ *к* въ ней неправильно явился вм. *х*.
Прокóпій (народ. *Прокофій*) 370.
(Пролубь). См. **Прóрубь.**
Промежу́токъ.
Промокáть.
Прóмыселъ. — Промы́слить. Промышля́ть.
Прóмыслъ (Провидѣніе).
Промы́шленникъ. — Промы́шленность 296.
Пронзáть.
Проповѣдать. — Проповѣ́дывать 324. 325.
Прóповѣдь, ж. р. (род. мн. *проповѣдéй*).
Прорастáть. — Прорасти́.
Прóрубь 367.
Прорѣха. Въ этомъ словѣ повидимому обнажается корень глагола *рѣшить*.
Просвирá (собств. просфорá).
Просвѣти́ть; просвѣщáть.
Просіявáть.
Проскочи́ть.
Проскоми́дія (гр. изъ πρός=впередъ, и κομίζειν=приносить).
Простерéть, простру́тъ.
Прóсто-нáпросто.
Просторѣчіе.
Простóй, р. п. **простóго.**
Простофи́ля.
Простыня́.
Просфорá (простон. *просвира*) 367.
Прóсьба.
Прóсѣдь, ж. р.
Прóтивень, прóтивня (м. р.) 319. Рейфъ первый указалъ на соотношеніе между этимъ словомъ и нѣм. Bratpfanne, но при посредствѣ польск. brytfana. Павскій, Буслаевъ и Даль ссылались прямо на нѣмец. названіе. Въ словарѣ Линде при словѣ brytfana поставлены между прочимъ русскія: сковорода и противень (безъ фонетич. сближенія). Но съ именемъ brytfana не соединяется понятіе четвероугольной формы, какъ съ словомъ *противень*. Послѣднее извѣстно во всей Россіи, даже и въ сѣверн. губерніяхъ, такъ что возникаетъ вопросъ: дѣйствительно ли оно чуждаго происхожденія, или мы должны признать въ немъ русское слово съ значеніемъ дружки другого предмета (т. е. круглой сковороды). Въ Костром. губ. *прóтушкъ* (област. словарь).
Противоположный.
Противорѣчіе.
Протоіерéй.
Протокóлъ (сред.-лат. protocollum). 386.
Профессія; профéссоръ, профéссорша.
Прохлаждáться, прохлáждаться.
Прохолáживать.
Процéссъ.
Прóчій. — Прóчь.
Прóщé.
Прощелы́га.
Проя́сниться (о погодѣ).
Пруссáкъ (о народѣ) 384.
Прусáкъ (о насѣкомомъ).
Прѣсненскій.
Прѣсный (некислый: др.-сл. прѣсьнъ, словин. prêsen, сырой; серб. пріjесан, свѣжій; польск. przasny, др.-верх.-нѣм. frisc, свѣжій).
Прѣть, прѣлый, прѣніе.
Пря́деный.
Пря́ничный 307.
Пря́ный (польск. porny и pierny).
Псалты́рь, р. п. **псалтыря́** (м. р.).
Пузы́рь.
Пустомéля 374.
Пустопорóжній.
Пу́шка 369.
Пу́ще (отъ неупотр. прилаг. пускій?).
Пшенó. — Пшóнный.
Пьедестáлъ.
Пьéса. Всего ошибочнѣе начертаніе «пьэса» (= песа).
Пья́ный.
Пѣвéцъ. Пѣвчій. Пѣніе.
Пѣгій. — Пѣна.
Пѣсельникъ (поющій въ хорѣ).—**Пѣсенникъ** (сборникъ пѣсенъ).
Пѣсня (пѣсню, пѣсенъ), **пѣснь** (вин. п. пѣснь, род. м. пѣсней) 361.
Пѣстовать.— Пѣстунъ.
Пѣть, пою́тъ,—Пѣту́хъ.
Пѣхóта.— Пѣшій.
Пятиугóльный.
Пятнáдцать. — Пятьдеся́тъ.
Пятьсóтъ, пятисóтъ, пятистáмъ.

Р.

Равенду́къ (голл. ruwendoek, отъ ruw =грубый, суровый).
Равни́на.— Рáвный. — Равня́ть.

Рѣчь. Въ двоякомъ правописаніи словъ: *реку*, *наречь*, *нареченъ*, *нареканіе*, и *рѣчь* мы видимъ единственный слѣдъ различія, которое въ древнемъ языкѣ встрѣчалось нерѣдко: многіе глаголы, при переходѣ въ многократный видъ, измѣняли *е* на *ѣ*, напр. *летѣти* и *лѣтати* 351.
Рѣша́ть. — Рѣши́ть, рѣша́ть.
Рѣшето́. Рѣшётка 352. 354.
Рѣять, рѣютъ.
Ряжскъ, городъ.
Ряхну́ться.

С.

Са́вва.
Савра́сый.
Саддуке́й.
Са́жалка.
Саже́нь (и *са́жень*) 361.
Салама́та.
Салютова́ть.
Самоё. Винит. пад. жен. р. мѣстоименія *сама*: правильность окончанія *оё* доказывается формою *ее* въ вин. падежѣ мѣстоим. *она*. Напротивъ, форма «саму́», встрѣчаемая въ печати, чужда живому языку.
Сампсонъ.
Самъ-дру́гъ, самъ-третéй (т. е. третій), самъ-четвёртъ, самъ-пя́тъ, самъ-шёстъ, самъ-седьмо́й (-сёмъ), самъ-восьмо́й, самъ-девя́тъ, самъ-деся́тъ (не «дéсять»). О *самъ-третей* 317.
Сапо́гъ.
Сарафанъ.
Сарда́мъ (городъ).
Са́рра.
Саха́ра.
Сбру́я (польс. zbroj) 306.
Сва́дьба.— Сва́дебка.— Сва́дебный 306.
Сведе́ніе (отъ гл. *свести*).
Сверстникъ.
Све́рху, сверхъ.
Сверхъестéственный.
Сверчо́къ.
Свиристе́ль.
Свирѣ́ль.
Свирѣ́пый.
Сводъ. Встрѣчающіяся иногда выраженія въ родѣ слѣдующихъ: *сводъ о недоимкахъ, сводъ о движеніи суммъ* не могутъ быть допущены; слово *сводъ* требуетъ другого опредѣлительнаго имени на вопросъ *чего?* Сводъ свѣдѣній, правилъ и т. п. То же должно разумѣть и о словѣ *Матеріалы*.
Сво́йственный.
Своя́чиница (отъ свояченá, женнина сестра).
Свысока́. — Свыше.
Свѣ́дущій (отъ вѣмъ, вѣсть) 324.
Свѣдѣніе (отъ ц.-сл. гл. вѣдѣти) 354. Начертаніе «свѣденіе» ничѣмъ не оправдывается, потому что эта форма никакъ не могла бы произойти отъ глагола *свѣдать*, которая дала бы причастіе *свѣданъ*, а никакъ не *свѣденъ*. *Свѣдѣніе* образовано отъ церковнославянской формы *свѣдѣти*, такъ же какъ *мнѣніе* отъ *мнѣти* (отъ *мнить* было бы *мненіе*),
Свѣжій. — Свѣжѣть.
Свѣтопреставле́нье (а никакъ не «свѣтопредставленіе»; ср. преставиться, перестать).
Свѣтскій.
Свѣтъ. Корень тотъ же, что въ герм. словахъ hvit и hvete, санскр. śveta, бѣлый, а по-русск. свѣтъ и цвѣтъ. См. M. Müller-Böttger. 2 серія лекцій, стр. 60).
Свѣча́.
Сгоряча́.
Сдо́бный.—Сдо́брить (сдáбривать).
Сду́ру.
Сдѣ́лать. Сдѣ́ланный.
Севери́нъ.
Сего́дня.
Сего́дняшній (не сегоднешній и не сегоднишній), потому что прилаг. образовано не отъ существ *день*, а прямо отъ нарѣчія *сегодня*,-какъ *вчерашній* отъ *вчера*, *завтрашній* отъ *завтра*).
Седми́ца.
Седьмо́й (самъ-седьмой; см. **Самъ**).
Сейча́съ.
Секрета́рь.
Сели́ть, селя́тъ 322. — **Село́.**
Сельдь, ж. р. Род. мн. **сельде́й.**
Сельча́нинъ. Стало невѣрно употребляться вм. поселянинъ, ибо образовано отъ уменьшит. *сельцо́* и не можетъ означать жителя *села*.
Семна́дцать.— Се́мьдесятъ.
Семъ, союзъ (у Кирши Данилова: «семъ побратуемся съ тобой», 185, или въ одной пѣснѣ: «Семъ-ка дѣвки на лужокъ»). По мнѣнію г. Буслаева, отъ корня сѧ, встрѣчающагося въ древнихъ рл. формахъ: сѧтъ, сѧти — говоритъ, говорятъ (*Ист. Гр.* I, § 86).
Семья́. Семе́йный. Семе́йство 351.
Сентимента́льный.
Сентя́брьскій 361.
Серафи́мъ.
Серви́зъ.

шится неправил. форма прош. вр. *стелился* и неопр. накл. *постелить* постель. Съ удивленіемъ прочли мы недавно въ «Декабристахъ» гр. Л. Н. Толстого выраженія: «къ дѣвушкамъ, стелившимъ постель», «стелила ему постель». Такого глагола нѣтъ; эта форма неправильно образована отъ настоящ. вр. *стелю,* но употребляющіе ее забываютъ, что во 2-мъ лицѣ *стелешь*, а не «стелишь». (Берешь — брать, стелешь — стлать).

Сто́ить, сто́ишь, сто́ятъ. Прич. **сто́ящій** (а не «стоющій») 323.

Столбъ (русск.).— **Столпъ** (древне-сл. стлъпъ).

Сто́ликъ, — лика.

Стоя́ть, стоя́тъ.

Стрека́ть.

Стремгла́въ.

Стре́мя.— Стремя́нный (стар.).

Стро́гій (ц.-сл. срагъ) 310.

Стро́ить, стро́ишь, стро́ятъ 321.

Стрѣла́.

Стрѣха (кровля).

Студе́нтскій и **Студе́нческій.**

Суббо́та (Остром. сѫбота, первонач. форма, гдѣ носовымъ звукомъ уже замѣнено одно β греч. σάββατον).

Су́дорога.

Сужде́ніе.

Су́женый 294.

Су́зить.— Суже́ніе 359.

Сума́; су́мка.

Сумасбро́дъ 307.

Сумасше́дшій.

Сумато́ха.

Су́мерки, род. су́мерокъ.

Су́мма 384.

Сумѣть 359.

Супоста́тъ (др.-сл. сѫпостатъ).

Супру́жескій. — Супру́жній.

Сургу́чъ (неизвѣстн. происхожденія).

Суфлёръ (фр. souffleur).

Суффиксъ (отъ лат. suffigere, прикрѣплять снизу или сзади): наставка.

Сухо́й, р. п. **сухо́го.**

Сушёный.

Сфе́ра.

Сча́стіе 311.

Счесть, сочту́тъ.— Счётъ 311.

Счита́ть.

Сшиби́ть, прич. *сшибенъ* (а не «сшибленъ»). См. **Шиби́ть.**

Сшить, сошью́тъ.

Съёжиться.

Съѣзжая.

Съѣсть, съѣшь, съѣда́тъ.

Сы́воротка (перестановкой вм. сыровотка; ср. чеш. syrovátka, польское serwatka).

Сыгра́ть.

Сыздѣтства.

Сы́знова.

Сы́пать, сы́плешь, сы́плютъ (не «сыпятъ»).

Сыроѣжка (отъ *сырой*). Есть и форма *сыроягка*. Можно усомниться, нѣтъ ли тутъ перестановки звуковъ: ср. чеш. svaroška.

Сыскно́й.

Сычъ (вм. *совичъ*, совиной породы).

Сы́щикъ 315.

Сѣверъ.

Сѣвъ (отъ *сѣять*).

Сѣдо́й. Сѣдина́.

Сѣда́лище.— Сѣдло́.

Сѣки́ра.

Сѣмя. Въ род. падежѣ мн. ч. *сѣмянъ* не только пишется, но и говорится для отличія отъ им. *Семенъ*, изъ чего видно, что и въ живой рѣчи замѣтно стараніе отмѣчать различіе одно-звучныхъ словъ: народъ мѣстами говоритъ: «сѣмено́въ».

Сѣно.

Сѣнь (ц.-сл. = *тѣнь*, *стѣнь*).

Сѣра (чеш. síra, польск. siarka).

(Сѣрмяга). См. **Сермяга.**

Сѣрый.

Сѣсть, ся́дутъ.

Сѣть (сскр. si, вязать).

Сѣтовать, сѣтуютъ 324.

Сѣчь, сѣку́тъ.— Сѣчка.

Сѣять, сѣешь, сѣютъ 321.

Сюда́.

Т.

Табаке́рка (ит. tabacchiera, фр. tabatière, но прежде также tabaquière).

Таба́чный.

Табуре́тъ. Табуре́тка.

Тавле́и (ново-гр. ταβλί), шашечница.

Та́кже, такъ же.

Тала́нъ (народн.). Счастіе, удача.

Тала́нтъ (гр. τάλαντον = вѣсы, вѣсъ).

Та́лья (фр. taille).

Та́нецъ.

Танцова́ть, танцу́ютъ.

Тара́барская гра́мота (иначе *простая литорея*). Особый видъ тайнописанія, состоящій въ томъ, что «поставивъ согласныя буквы въ два ряда слѣдующимъ порядкомъ:

б в г д ж з к л м н
щ ш ч ц х ф т с р п,

употребляютъ въ письмѣ верхнія

буквы вмѣсто нижнихъ, а нижнія вмѣсто верхнихъ; гласныя же оставляютъ безъ перемѣны» (Вост. *Фил. Набл.*, 129).
Тарácій (народн. *Тарáсъ*).
Тарéлка 367.
Татáринъ. Мн. ч. *Татары*.
Тачáть, тачáютъ. (Даль: «шить строчкою на оба лица»).
Тащи́ть, тáщатъ (не «тащутъ») 321.
Тáять, тáешь, тáютъ 326.
Творóгъ 319. (Ср. нѣм. Qvark, qvarg и средне-нѣм. tvark).
Теáтръ (θέατρον).
Тёзка. — Тезоимени́тство отъ ц.-сл. тьзъ (ср. тъжде), соименный.
Телегрáмма 384 (греч. τῆλε, далеко, и γράμμα, письмо). Это слово въ первый разъ употреблено въ Америкѣ 6 апрѣля 1852 г., въ газетѣ Albany Evening Journal, въ которой нѣкто г. Смитъ отъ имени неизвѣстнаго предлагаетъ замѣнить этимъ словомъ слишкомъ длинное реченіе *телеграфическая депеша*. Въ защиту своего предложенія онъ приводитъ слова: *монограмма, логограмма* и проч. Въ Европѣ газета Times прежде всѣхъ стала употреблять слово *телеграмма* (Webster's Dictionary).
Телѣга 354. По мнѣнію Добровскаго (*Грамм. яз. Слов.*, I, стр. 154), это имя иностраннаго происхожденія; однакожъ изъ словарей Линде, Шимкевича и Миклошича видно, что оно очень распрóстранено у славянскихъ нáродовъ и что во второмъ слогѣ его большею частію слышится гласная *і* (напр. хорут. taliga); у литовцевъ оно имѣетъ формы talenga, tolenga и зн. коляска. Кромѣ того оно употребительно въ Валахіи и въ Венгріи.
Темля́къ (польск. temblak).
Тéмя; р. п. темени 351.
Тенёта (серб. тонота, сѣть охотничья).
Тепéрь (вм. топерво).
Терéть, трёшь, трутъ.
Тéремъ.
Терпѣли́вый. — Терпѣніе.
Террáса. — Террито́рія.
Тесьмá (гр. δεσμά, δεσμόι).
Тетивá.
Тимоѳéй.
Типъ (τύπος).
Ти́скать; ти́снуть.
Ти́тло. — Титу́лъ.
Ти́хонькій.
Ткáный. Ткáцкій (отъ сущ. *ткачъ*).
Тлѣніе. — Тлѣнъ. Тлѣнный.
(Тма). См. **Тьма.**
Тмить (здѣсь ь послѣ *м* передъ мягкою согласной излишенъ).
Товáрищъ.
Тогдá; тогдáшній.
Тóже, то же.
Тóждество. — Тóжество (послѣднее согласнѣе съ народной фонетикой).
Тóлотенькій } 328. 329.
Тóненькій }
Тонкій; ср. ст. **Тóньше. Тончáйшій.**
Топтáть, тóпчешь, тóпчутъ.
Тóрмазъ; тормази́ть (гр. τόρμος=ступица у колеса, гвоздь).
Торовáтый 319. Въ родствѣ съ гл. *тереть* и *торить*. Ср. народное *тóрово*, щедро.
Тóтчасъ.
Тотъ, тѣмъ; тѣ, тѣхъ и т. д.
Точи́ть, тóчатъ.
Тóчно.
Тóшно.—Тóщій.
Тощáкъ. См. **Натощáкъ.**
Трактиръ (нѣм. Tractierer отъ фр. traiteur).
Трáпеза (греч. [τε]τράπεξα, т. е. четвероногъ).
Трáуръ (нѣм. Trauer).
Трепáть, трепля́, трéплютъ. Невѣрная форма: *трепя* вм. *трепля*, у гр. Толстого въ «Декабристахъ».
Трéтьяго дня.
Треугóльный.
Три́дцать. — Тринáдцать.
Триста, трёхсóтъ, трёмстáмъ.
Три́фонъ.
Тротуáръ (фр. trottoir). Карамз. въ *Письмахъ Р. Пут.* употреблялъ въ этомъ значеніи слово *намостъ*.
Трофéй (фр. trophée, отъ лат. tropaeum, съ греч.) 397.
Трофи́мъ.
Трýженикъ 296.
Трýппа 386.
Трюмó (фр. trumeau).
Трясти́, прош. **трясъ** (произн. *трёсъ*).
Туалéтъ.
Тýне (ц.-сл.; русск. *тýнью*).
Тщáтельный. — Тщи́ться.
Тщеду́шный. По Павскому (I, § 128), тутъ произвольная этимологія: онъ принимаетъ форму *щадушный*, отъ потеряннаго корня *щад* или *щед*, означавшаго то же, что *скуд* и *худ*. Произведенное отъ этого корня сущ. имя *щадость, щадоща* дало отъ себя будто бы прил. *щадощный* = *щадушный*. (Такимъ же образомъ Павскій производитъ *радушный* отъ *радощный*). Не проще ли принять произ-

водство первой части слова отъ прил. *тощій?*
Тщеслáвіе.
Тысяча.
Тьма (въ обоихъ знач.: мракъ и миріада). **Тмить.**
Тѣло. — Тѣлесный.
Тѣмъ, тѣ, тѣми. См. **Тотъ.**
Тѣнь.
Тѣснить.
Тѣсто.
Тѣшить, тѣшишь, тѣшатъ.
Тюильри (а не «тюльери»: франц. tuilerie отъ tuile, черепица).
Тюрьмá. — Тюрéмный.
Тяжёлый. Ср. ст. **тяжелѣе** и **тяжéлѣ.**

У.

Убóгій. — Убóжество.
Увѣнчáть. Прич. страд. *увѣнчанъ.*
Увѣчье.
Угнетáть.
Ýголъ, род. п. *углá,* мн. *углы́.*
Ýголь, род. п. *ýгля.* Множ. ч. двоякое: *ýгли* и *ýголья,* какъ *кáмни* и *камéнья.* Вторая форма имѣетъ болѣе собирательное значеніе; въ этомъ смыслѣ употребляется и ед. число *ýголье.*
Угóльный, прил. отъ *ýголь*; **Ýгольный,** прил. отъ *ýголь.* — Эти два прилаг. не должны быть смѣшиваемы.
Угорáть; угорѣть.
Удалóй, или **Удáлый.**
Удáться (а никакъ не «удастся», какъ многіе пишутъ). **Удавáться.**
Удлинéніе.
Удлинять (отъ корня, а не отъ прилаг. съ удвоеннымъ *н;* ср. *укоротúть, расширить, возвы́сить* и т. п.).
Ужé, ужъ 360. — **Ужéли.**
Уздцы. Вести лошадь подъ уздцы.
Уйти, уйдутъ 298.
Укáзчикъ.
Укрáина.
Укротить. — Укрощáть.
Ýксусъ (гр. ὄξος) 365.
Улеáборгъ (собств. *Улеоборгъ,* швед. Uleåborg).
Ýлей, род. п. ýлья.
Уменьшáть.
Умерéть, умрутъ. Прошед. **ýмеръ, умерлá.**
Умертвить, умерщвлять.
Умолчáть, умолчáть. Прич. стр. **умóлчанъ.**
Ýмыселъ, род. п. **ýмысла.**
Уніáтъ.
Унтеръ-офицéръ (народн. *ундеръ*).
Упáсть, упадутъ. Прич. прош. *упавшій.* См. **Пасть.**
Уплáченъ (произн. «уплóченъ»).
Уповáть, уповáютъ (отъ пъвати, полагаться; ср. чеш. и польск. прил. pewny, твердый, надежный).
Упоминáніе. Направильна форма «упоминовеніе», предполагающая глаг. «упоминуть», котораго въ языкѣ нѣтъ; «упомяновеніе» же было бы возможно, но неупотребительно.
Упряжка.—Ýпряжь.
Урасти. — Урастáть.
Ýровень, род. п. **ýровня.**
Урожéнецъ; урожéнка.
Усáдьба.
Ускорить.
Услышанъ, прич. глаг. *услышать.*
Усомниться.
Успéніе (отъ усъпнути).
Ýсталь: безъ устáли.
Успокóивать 316.
Устарѣлый.
Ýстрица (гр. ὄστρεον, древ.-нѣм. ûster, голл. oester).
Устрáивать.
(Устцы). См. **Уздцы.**
Усыновлéніе.
Усыплéніе.
Усѣсться, усядешься, усядутся.
Ýтренній; ýтрешній.
Учáствовать. — Учáстіе.
Ученикъ.
Учёный.
Ушибить, ушибу; прич. стр. *ушибенъ* (не «ушибленъ», какъ нынче часто пишутъ). См. **Шибить.**
Ущéрбъ.
Уѣзжáть.—Уѣхать,уѣдешь,уѣдутъ.

Ф.

Фактъ.
Фалборá 367.
Фальшивый.
Фальшь (ж. р.) род. п. *фальши.*
Фамилія.—Фамильярно.
Фанабéрія (изъ жаргона польскихъ евреевъ: fana = испорч. нѣм. feine; берья = тварь). Собственно важный, значительный, а иногда и высокомѣрный человѣкъ; но у насъ употребляется въ смыслѣ: фантазія, сумасбродство.
Фарисéй.
Фармазóнъ (стар., отъ franc-maçon).
Фáртукъ (нѣм. Vortuch).
Фатá (санскр. pata, исл. fat; гот. faida).

Х.

Ц.

Цѣвница (цѣвь; чеш. cew=тростникъ).
Цѣдить, цѣдятъ.
Цѣлебный.
Цѣлить, цѣлятъ (отъ *цѣлъ*).
Цѣловать (не «цаловать», какъ нѣкоторые пишутъ). Отъ прилаг. *цѣлый, здоровый*. Собств. привѣтствовать. Въ этомъ смыслѣ гл. «цѣловати» часто употребляется въ ц.-сл. переводѣ евангелія, напр. Матѳ. 23, 4: цѣлова Елисавеѳь... цѣлованіе Маріино.
Цѣлый (санскр. kaljas = здоровый, гр. χαλός = прекрасный; лат. salvus; гот. hail = цѣлый, швед. hel).
Цѣль (герм. til, Ziel). Въ послѣднее время въ печати стало часто встрѣчаться выраженіе: «выполнить цѣль». Выражающіеся такъ забываютъ, что метафора только тогда годится, когда она выдержана: цѣли достигаютъ.
Цѣна (чеш. польск. cena; ср. гр. τιμή).
Цѣпенѣть.
Цѣплять.
Цѣпъ (гр. σχήπων, шв. käpp = палка).
Цѣпь (ц.-сл. чепь; въ другихъ славянскихъ языкахъ нѣтъ соотвѣтствующаго по корню).

Ч.

Чапракъ (турец.).
Чародѣй.
(Чахолъ). См. **Чехолъ.**
Чахотка.
Чаще.
Чаять, чаешь, чаютъ 326.
(Чеботы) См. **Чоботы.**
Чеканъ.
Человѣкъ (отъ санскр. *кула*, родъ, племя; окончаніе есть суффиксъ ѣкъ = икъ, или санскр. *êка* (unus). Пав. *Фил. Набл.* II, § 41. Катк. *Объ элем. и форм.*, 74.
Челядь (корень тотъ же, что въ словѣ человѣкъ; окончаніе — собирательн. суффиксъ; ср. *стадо*).
Червь.
Чердакъ (турецк.).
Черезчуръ (*чуръ*, граница).
Черёмуха (или черемха).
Черенокъ.
Чёрмный.
Чернильница (отъ прил. *чернильный*).
Чёрствый 344.
Чертить, чертятъ и **чёртятъ.**
Чёсменскій 331.
Чёстный.
Четвергъ 306. Нѣкоторые пишутъ *четверкъ*, предполагая въ концѣ сокращеніе слога *токъ*; но это начертаніе несогласно съ произношеніемъ другихъ падежей: *четверга, четвергu*. Притомъ такое правописаніе основано на сомнительномъ толкованіи.
Четверéньки (уменьш. отъ *четверня*): на четверéнькахъ.
Четвёрка (отъ *четверо*).
Четвёртка (отъ *четверть*).
Четвертóкъ. См. **Четвéргъ.**
Чéтій. Четьи Минéи, четьихъ миней (ново-гр. μηναῖον, отъ μην, мѣсяцъ). Для чтенія назначенный.
Чёткій.
Четырнадцать.
Чехардá (ср. гр. σκαπέρδα).
Чехóлъ (польск. czechel, чеш. čechel нѣм. Ziehe).
Чибисъ.
Чикчиры.
Чирей, род. п. **чирья.**
Чихáть.
Чóботы (персид.).
Чóпорный (польск. czupurny).
Чортъ.
Чрезъ. — Чрезполосный.
Что (чѣмъ) 309.
Чтобъ, чтобы, что бы.
Чтó-либо, — что-нибýдь.
Чужóй.
Чýчела и **Чýчело.**
Чушка. — Чушь.
Чѣмъ.

Ш.

Шаблóнъ (нѣм. Schablone отъ франц. échantillon) — образецъ, образчикъ, форма.
Шалáшъ (у нѣкоторыхъ Славянъ *салаш*: Добров. *Слав. Грам.*, стр. 197); др.-сканд. skâle = хижина).
Шальливый.
Шалнéръ (вм. шарнеръ; франц. charnière, отъ лат. cardo).
Шалфéй (нѣм. Salbei, отъ лат. salvia).
Шампиніóнъ, шампиньóнъ.
Шандáлъ (фр. chandelier).
Шáнсы. Франц. *chance* въ лучшихъ словаряхъ (напр. Littré) такъ объяснено: 1) случай, случайность, 2) счастливый случай, счастье; 3) вѣроятіе, что что-нибудь случится или нѣтъ («la probabilité qu'il y a qu'une chose arrive ou non»). Происходитъ же слово chance или древ. cheance отъ choir, лат. cadere, падать, и взято оно отъ называвшейся этимъ именемъ

Щ.

Ѣ.

Э.

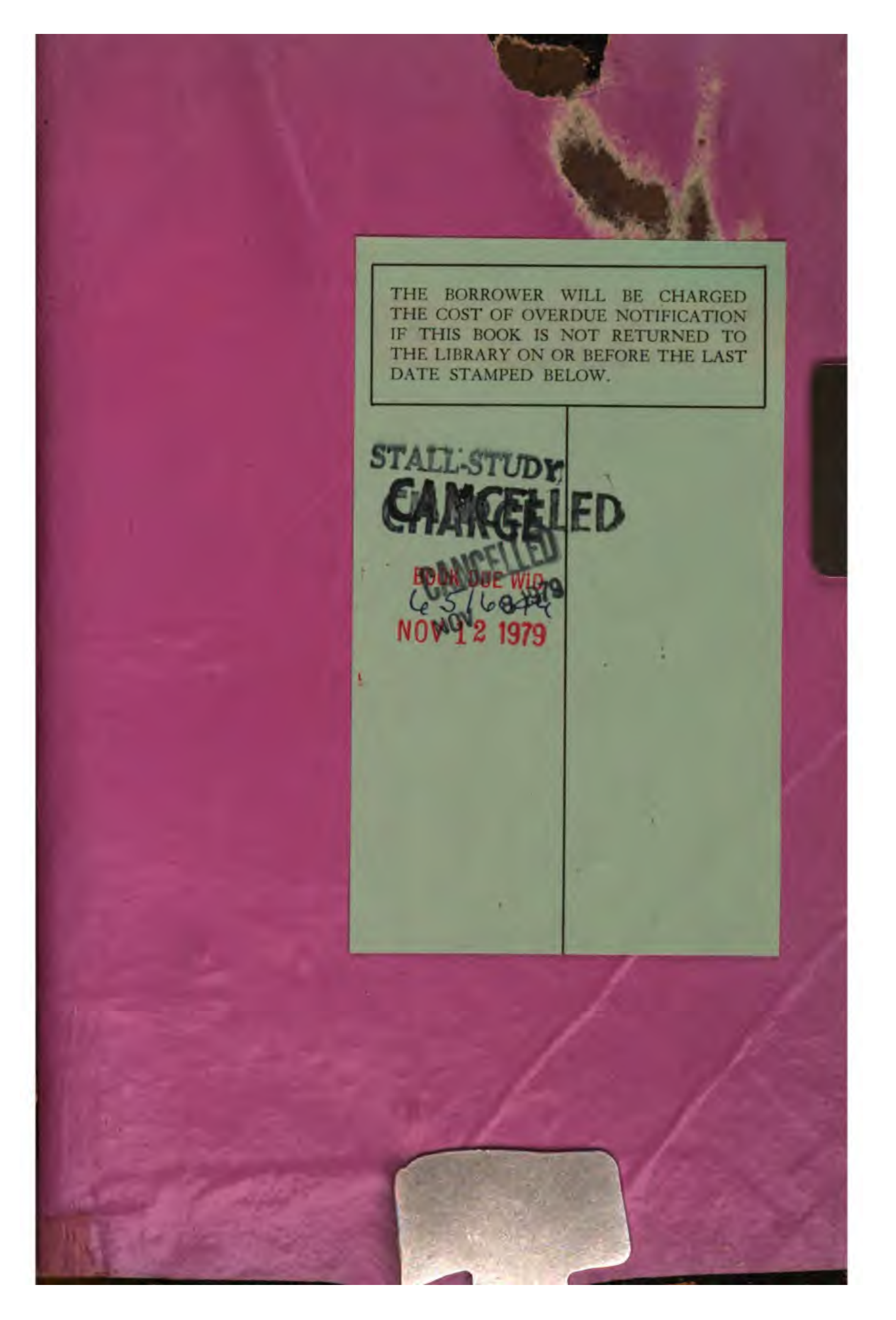
Ю.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
280	сн. 13	Въ послѣдніе годы	Въ 1870-хъ годахъ
365	» 4	С. Голубинскаго	Е. Голубинскаго
—	» —	стр. 441	томъ I, 1 пол., стр. 441.
385	» 17	*аппеляція*	*апелляція*
389	» 3	*мильонъ*	*почтальонъ*

Сверхъ того въ нумераціи страницъ вм. 289 напечатано: 298.

THE BORROWER WILL BE CHARGED THE COST OF OVERDUE NOTIFICATION IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.
STALL-STUDY
CANCELLED
CHARGE
CANCELLED
BOOK DUE WID
NOV 12 1979